Дэн

СИММОНС

ТРОЯ

ДИЛОГИЯ

Троя
Дэн Симмонс

Аннотация
Дэн Симмонс. Троя
Илион
  Благодарности
  От автора
  1. Долины Илиона
  2. Холмы Ардис. Ардис-холл
  3. Долины Илиона
  4. Близ Хаоса Конамара
  5. Ардис-холл
  6. Олимп
  7. Централ Хаоса Конамара
  8. Ардис-холл
  9. Илион и Олимп
  10. Парижский Кратер
  11. Долины Илиона
  12. Над Поясом астероидов
  13. Суходол
  14. На орбите Марса
  15. Долины Илиона
  16. Море южного полюса
  17. Марс

18. Илион
19. Золотые Ворота Мачу-Пикчу
20. Море Фетиды на Марсе
21. Илион
22. Берег Долины Хриза
23. Техас, лес мамонтовых деревьев
24. Илион. Индиана. Олимп
25. Техас, лес мамонтовых деревьев
26. Между ущельем Эос и ущельем Копратес, в восточной части Долины Маринера
27. Долины Илиона
28. Средиземный Бассейн
29. Ущелье Кандор
30. Лагерь ахейцев. Побережье Илиона
31. Иерусалим
32. Ставка Ахилла
33. Иерусалим и Средиземный Бассейн
34. Побережье у Илиона. Индиана
35. 12 000 метров над плато Фарсида
36. Средиземный Бассейн
37. Илион и Олимп
38. Атлантида и орбита Земли
39. Олимп, Илион и снова Олимп
40. Экваториальное Кольцо
41. Гора Олимп
42. Олимп и Илион

43. Экваториальное Кольцо
44. Гора Олимп
45. Долины Илиона. Илион
46. Экваториальное Кольцо
47. Ардис-холл
48. Илион и Олимп
49. Экваториальное Кольцо
50. Илион
51. Экваториальное Кольцо
52. Илион и Олимп
53. Экваториальное Кольцо
54. Долина Илиона и Олимп
55. Экваториальное Кольцо
56. Долина Илиона
57. Олимп
58. Экваториальное Кольцо
59. Долины Илиона
60. Экваториальное Кольцо
61. Долины Илиона
62. Ардис-холл
63. Олимп
64. Ардис-холл
65. Индиана, 1200 г. до н. э
Олимп
Часть 1
1

2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
Часть 2
22
23
24
25
26

27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
Часть 3
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51

78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
Часть 4
88
89
90
91
92
93
94
95

Аннотация

Цикл Троя в одном томе.

Дэн Симмонс
Троя

Илион

Этот роман посвящается колледжу Уобаш — его студентам, профессорам и преподавателям, его наследию

А между тем воображенье
Мне шлёт иное наслажденье:
Воображенье — океан,
Где каждой вещи образ дан;
Оно творит в своей стихии
Пространства и моря другие;
Но радость пятится назад
К зелёным снам в зелёный сад.

Эндрю Марвелл, «Сад» [1]

Можно, что хочешь, добыть, — и коров,
и овец густорунных,
Можно купить золотые треноги, коней
златогривых, —
Жизнь же назад получить невозможно;
её не добудешь

---

[1] notes: 1
Перев. Г. Кружкова.

И не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела.

Гомер, «Илиада», песнь девятая, 406–409[2]

В горечи сердце — ждёт и кусает.

Роберт Браунинг, «Калибан о Сетебосе»

---

[2] notes: 2
Перев. В. Вересаева.

Благодарности

Так как при подготовке к созданию этой книги были использованы различные переводы «Илиады», хотелось бы особенно отметить труд следующих переводчиков: Роберта Фэглса, Ричарда Латтимора, Александра Поупа, Джорджа Чапмена, Роберта Фицжеральда и Аллена Мандельбаума. Красота их творений бесконечно многообразна, а талант превосходит понимание автора.

За поэзию и богатейшую образами прозу, имеющие отношение к «Илиаде», которые помогли придать произведению законченный вид, писатель глубоко признателен У.Х. Одену, Роберту Браунингу, Роберту Грейвзу, Кристоферу Логу, Роберту Лоуэллу, а также Альфреду Теннисону.

За исследования и комментарии к творчеству Гомера огромное спасибо Бернарду Кноксу, Ричарду Латтимору, Малкольму М. Уилкоку, Э.Дж. Б. Вейсу, Ф.Х. Стаббингзу, С. Керений и другим членам *схолии*, список имён которых оказался бы слишком длинен.

За проницательные пояснения по поводу «Калибанов» (Шекспира («Буря») и Браунинга

(«Калибан о Сетебосе») автор благодарит Гарольда Блума, У.Х. Одена, а также издателей антологии «Norton Anthology of English Literature». Читателей, желающих глубже разобраться в оденовской интерпретации «Калибана о Сетебосе» и прочих аспектах личности Калибана, писатель отсылает к труду Эдварда Мендельсона «Поздний Оден».

Размышления Манмута о сонетах Шекспира в основном направлялись великолепным произведением Хелен Вендлер «Искусство шекспировских сонетов».

А большинство замечаний Орфу с Ио, относящихся к Марселю Прусту, вдохновлены сочинением Роберта Шаттука «Дорога Пруста: Путеводитель по книге „В поисках утраченного времени“.

Тем, кто пожелает посостязаться с Манмутом в его страстном увлечении Шекспиром, могу посоветовать обратиться к замечательным трудам: «Шекспир: Изобретение человека» Гарольда Блума, а также «Я и Шекспир: Приключения с Бардом» Германа Голлоба.

За предоставление подробных карт поверхности Марса (до терраформирования) писатель в большом долгу перед НАСА и Лабораторией по разработке ракетных и реактивных двигателей.

Очень помогла при создании книги научная работа «Постигая тайны Красной планеты», опубликованная Национальным географическим обществом и отредактированная Полом Рэбурном, с предисловием и комментариями Мэтта Голомбека. Богатым источником необходимых подробностей стал для меня журнал «Сайэнтефик Американ». Особая признательность за следующие статьи: «Затерянный океан Европы» Роберта Т. Паппалардо, Джеймса У. Хеда и Рональда Грили (октябрь 1999 г.), «Квантовая телепортация» Антона Цейлингера (апрель 2000 г.) и «Как построить машину времени» Пола Девиса (сентябрь 2002 г.).

От автора

В детстве, когда мы с братом доставали солдатиков из коробки, то ни капли не смущались, выставляя рядом с голубыми и серыми героями Гражданской войны зелёных парней из Второй мировой. Мне нравится видеть в этом некий пример загодя развившейся «негативной способности», как называл её Джон Китс. (Ещё у нас были викинг, индеец, ковбой и римский центурион, размахивающий гранатой, но они воевали за Патруль времени; знаете, некоторые исторические несоответствия требуют того, что голливудские деятели упорно кличут «экскурсами в прошлое».)

Однако в нашем случае, как мне кажется, определённая согласованность всё же не помешает. Те из читателей, кто уже вкусил великолепный перевод «Илиады» Ричарда Латтимора (1951), не могли не заметить: Hektor, Achilleus и Aias превратились у него в Гектора (Hector), Ахиллеса (Achilles) и Аякса (Ajax). И тут я целиком согласен с Робертом Фэглсом, переложившим Гомера на английский в 1990 году: более латинизированные варианты написания, конечно, далековато

ушли от греческого оригинала (Hektor, Akhilleus, Akhaians и Argeioi), но почему-то самые правдоподобные версии звучат для теперешнего слуха точно кашель кошки, подавившейся собственной шерстью. Тот же Роберт Фэглс доказывает, что ни один из переводчиков не может притязать на стопроцентную верность подлиннику. А потому ради более плавного прочтения имеет смысл вернуться к обычной практике наших поэтов и перейти на латинское — или даже современное английское — написание имён богов и героев.

Исключения, опять же по Фэглсу, составляют лишь те случаи, когда вместо Одиссея вдруг возникает Улисс или, скажем, вместо Афины — Минерва. И хотя Александр Поуп, потрясающе красиво переложивший «Илиаду» в виде героических рифмованных двустиший, не гнушался подобными метаморфозами, мою личную «негативную способность» здесь зашкаливает. Похоже, иногда лучше играть в солдатиков *одного* цвета.

Примечание: тем, кто, подобно автору, с трудом запоминает имена богов, богинь, героев и прочих эпических персонажей и нуждается в неком пособии, рекомендую обратить внимание на список основных действующих лиц, находящийся в конце книги.

1
Долины Илиона

Гнев.

Пой, о Муза, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, мужеубийцы, на смерть обречённого, гнев, который ахеянам тысячи бедствий содеял и многие души могучие славных героев низринул в мрачный Дом Смерти. И раз уж открыла ты рот, о Муза, пой и про гнев богов, столь раздражённых и сильных на этом их новом Олимпе; а ещё про гнев постлюдей, пусть и ушедших от нас, и, конечно, про гнев горстки людей настоящих, пусть и давно поглощённых собой и уже ни к чему не пригодных. Пока ты распелась, о Муза, воспой также гнев тех суровых созданий, глубокозадумчивых и ощущающих мир, но не-слишком-похожих-на-нас, забывшихся сном подо льдами Европы, умирающих в серном пепле на Ио, рождённых на Ганимеде, в холодных каньонах.

Чуть не забыл я, о Муза, воспой и меня, злополучного, что возрождён-сам-того-не-желая, несчастный и мёртвый, Том Хокенберри, филологии доктор, для близких друзей Хокенбеби — для

друзей, давно обратившихся в прах, из безумного мира, того, что остался в далёком-далёком прошедшем.

Пой же и мой гнев, пусть ничтожен и слаб он рядом с яростью тех, кто бессмертен, или того же Ахиллеса-мужеубийцы.

Впрочем, я передумал, о Муза, не пой мне. Я тебя знаю. Я был твоим пленным, слугой, о несравненная стерва. Больше тебе я не верю. Ни слову. Ни жесту.

И раз уж я невольно стал Хором этой истории, то начну её, где сам пожелаю. А пожелал я начать её здесь.

День как день, один из многих за те девять лет, что миновали после моего второго рождения. Просыпаюсь в казармах *схолии*— там, где красный песок, лазурное небо и огромные каменные лица, — получаю вызов от Музы, кровожадные кербериды обнюхивают меня и пропускают, хрустальный высокоскоростной эскалатор возносит к зелёным вершинам Олимпа — это семнадцать миль в высоту по восточному склону, — после доклада вхожу на пустую виллу хозяйки, выслушиваю отчёт предыдущей смены, получаю видоизменяющий браслет, непробиваемые доспехи и с тазером за поясом квитируюсь на

вечерние долины Илиона.

Вы когда-нибудь пытались представить себе осаду Трои? Если да, то я, как профессионал, только этим и занимавшийся целых двадцать лет, должен уверить: воображение вас подвело. Меня тоже. Правда жизни во много раз чудесней и ужасней того, что показал нам вещий слепец.

Прежде всего поражает сам город — Илион, или Троя, огромный укреплённый *полис* древнего мира. Отсюда, с побережья, где я нахожусь, до него две с лишним мили — и всё же мне отчётливо видны гордые стены на возвышении, озарённые сиянием тысяч факелов и костров, длинные закруглённые башни, не настолько уходящие в небеса, как убеждает нас Марло, и тем не менее — внушительные, изумительные, ошеломляющие.

Боевой лагерь ахейцев, данайцев и прочих завоевателей — строго говоря, никакие они не «греки», появления этого народа ждать ещё века и века, но мне привычнее величать их именно так — растянулся у моря на многие мили. Рассказывая студентам о Троянской войне, я всегда отмечал, при всём почтении к поэтическому гению Гомера, что в действительности сюжетом «Илиады» могла оказаться и незначительная стычка, каких-нибудь несколько тысяч воинов с

обеих сторон. Исходя из содержания поэмы, даже самые начитанные знатоки, члены *схолии*, оценивали численность ахейцев и остальных греков, что приплыли к этим берегам в своих чёрных кораблях, в полсотни тысяч голов, не больше.

Так вот, они заблуждались. По моим подсчётам, осаждающих более четверти миллиона. Осаждённых, вместе с их союзниками, почти вполовину меньше. Похоже, каждый уважающий себя герой с греческих островов поспешил явиться на битву — точнее, на грабёж, — захватив с собой воинов, союзников, слуг, рабов и наложниц.

Потрясающее зрелище: мили и мили палаток, стен из отточенных кольев, долгих рвов, прорытых в здешней твёрдой почве, — никто не собирается отсиживаться в окопах, это лишь преграда для вражеской конницы, — и на всём их протяжении полыхают, бросая отблески на лица, вспыхивая бликами на полированных клинках и ярких щитах, костры для освещения, для приготовления пищи и для сожжения трупов.

Да, и для трупов тоже.

Вот уже несколько недель, как в греческий стан запустила щупальца смертоносная зараза; сперва погибали одни лишь мулы и собаки, но затем мор перекинулся на людей: тут сляжет боец, там

слуга, и наконец недуг разбушевался в полную силу. Десять дней хвори унесли больше храбрых ахейцев и данайцев, чем долгие месяцы войны. Я подозреваю, что это тиф. Греки не сомневаются, что причина бед — ярость Аполлона.

Видел я его — и здесь, и на Олимпе. Правда, приблизиться не рискнул. На редкость злобная рожа. «Сребролукий» Аполлон — бог лучников и целителей, а заодно и всяческих болезней. Мало того, главный божественный покровитель Трои. Будь его воля, ахейцы давно бы уже повымирали. Так что не важно, откуда пришла угроза: от рек ли, полных разлагающейся плоти, или от крылатых стрел «дальноразящего» — в одном греки правы: Аполлон не желает им доброго здравия.

Прямо сейчас ахейские вожди и владыки — а кто из этих доблестных героев не вождь и не владыка в своей земле и в собственных глазах? — идут на общий совет у ставки Агамемнона, чтобы обсудить, как избавиться от гибельной напасти. Я тоже шагаю туда — медленно, с неохотой, как будто нынче не самый великий день за всю мою вторую жизнь, стоивший девяти с лишним лет ожидания. Ведь именно сегодня по-настоящему начинается гомеровская «Илиада».

Нет, мне, конечно, уже удавалось видеть от-

дельные происшествия, смещённые волей поэта во времени. К примеру, так называемый «Список кораблей»: собрание и исчисление греческих военных сил, описанное в песни второй. На самом деле сбор имел место девять лет назад, во время вооружённой вылазки через Аулис — пролив между Эвбеей и материковой Грецией. А *Эпиполесис*, обход войск Агамемноном, упомянутый в песни четвёртой? Я лично наблюдал это событие вскоре после высадки ахейцев у стен Трои, а затем и *Тейхоскопию*, как назывался в моих лекциях знаменитый «Смотр со стены». У Гомера Елена указывает Приаму и прочим троянским военачальникам различных ахейских героев аж в третьей песни, однако в действительности…

Впрочем, какая тут может быть *действительность*.

Во всяком случае, вожди собираются этим вечером в ставке Агамемнона, чья ссора с Ахиллесом положит начало «Илиаде», и увлечённому схолиасту надлежало бы стремиться туда всей душой. Да только мне плевать. Пусть хорохорятся и распускают перья друг пред другом. Ну вытащит мужеубийца свой меч… Хотя нет, на такое даже я бы взглянул. Интересно, вправду ли Афина явится остановить спорщика, или это лишь образное

выражение для описания нежданно-негаданно проснувшегося здравого смысла? Прежде я отдал бы жизнь за ответ, и вот теперь, когда ждать остаётся считанные минуты… Мне решительно и бесповоротно на-пле-вать.

Девять долгих лет мучительно возвращающихся воспоминаний, беспрестанной войны и наблюдений за доблестным выпендрёжем, не говоря уже о рабстве у бессмертных богов и Музы, сделали своё дело. Знаете, я заплясал бы от счастья, прилети сюда Б-52 и сбрось атомную бомбу прямо на головы ахейцев и троянцев, вместе взятых. Пошли они на хрен, эти герои с их деревянными колесницами.

И тем не менее я плетусь в ставку Агамемнона. Это моя работа — следить за всем и отчитываться перед Музой. Иначе… Что ж, зарплату за простой не урежут. Скорее боги сократят меня самого — до горстки костяных обломков и праха, содержащего ДНК, из которой и был возрождён учёный схолиаст. И тогда уж, как говорится, поминай как звали.

2
Холмы Ардис. Ардис-холл

Реализовавшись из факса неподалёку от дома Ады, Даэман недоумённо заморгал при виде багрового солнца над горизонтом. Ясное небо горело закатом меж исполинских деревьев по краю цепочки холмов. Отблески зарева полыхали в кобальтовой выси, отражаясь на каждом из величаво вращающихся колец — экваториальном и полярном. Гость был сбит с толку: в Уланбате, откуда Даэман явился, отгуляв на Второй Двадцатке Тоби, стояло раннее утро, а здесь… Аду он не навещал уже много лет. И вообще, отправляясь куда-либо, никогда не знал, на какой материк или в какой временной пояс планеты угодит. Лишь смутно помнил: Седман живёт в Париже, Ризир — в собственном доме на скалах Чом, Оно — в Беллинбаде… Вот и всё. Впрочем, когда не имеешь понятия ни о расположении материков, ни об их названиях, и даже не догадываешься о существовании временных поясов, любые вопросы отпадают сами собой, верно?

И всё-таки. С этим факсом он потерял целый

день. Или выиграл? Во всяком случае, местный воздух пах иначе: терпко, влажно, более *дико*, что ли.

Даэман огляделся. Обычный факс-узел: под ногами — круг, выложенный из пермокрита, по сторонам — железные столбы, украшенные орнаментом из жёлтого кристалла, и, разумеется, на одном висит неизбежная табличка с надписью, которую невозможно прочесть. Больше ничего — только мокрый зелёный луг в окружении покатых холмов, тёплый вечер, мягкая трава, деревья и тихий плеск далёкого ручья… Да ещё пересекающиеся кольца в небесах, похожие на ржавую арматуру громадного, медленного гироскопа.

В тридцати шагах гостя ожидала старинная двухместная одноколка, над облучком которой парил столь же древний сервитор, а между деревянными дышлами стоял одинокий войникс. М-да, за декаду можно было и подзабыть варварские неудобства здешней жизни. Что за глупая фантазия: поселиться вдали от факс-узла.

— Даэман Ухр? — осведомился сервитор, хотя и сам знал, кто перед ним.

Мужчина промычал в ответ и указал на видавший виды саквояж. Маленький слуга подлетел ближе и, подцепив багаж затупившимися бив-

нями, легко поставил его в грузовое отделение одноколки, покуда гость забирался на сиденье.

— Ждём ещё кого-нибудь?

— Нет, вы последний, — отозвался сервитор.

После чего зажужжал, занял полукруглую нишу возницы и звонким щелчком отдал команду. Войникс тут же впрягся и потрусил на закат, поднимая слабые облачка пыли над усыпанной гравием дорожкой. Даэман откинулся на удобную спинку из зелёной кожи, обхватил ладонями щегольскую трость и приготовился наслаждаться поездкой.

К чёрту разговоры о дружеских визитах: он прибыл сюда не навестить Аду, а соблазнить её. Собственно, в этом и заключалось его занятие — прельщать юных женщин. И ещё коллекционировать бабочек. Разница в возрасте (Даэман приближался ко Второй Двадцатке) совершенно не смущала его. Как и близкое родство с девушкой. Понятие «кровосмешения» давным-давно вымерло за ненадобностью, а если бы гость и заподозрил себя в «нездоровом» влечении, то отправился бы в лазарет и подлечился. В лазарете исправляют всё.

Даэман посетил Ардис-холл десять лет назад, с целью обольстить кузину Виржинию — из чистой

скуки, ведь эта кикимора выглядела страшнее войникса. Тогда-то он и увидел Аду обнажённой. Блуждая по нескончаемым коридорам в поисках Оранжереи для завтраков, собиратель бабочек нечаянно оказался рядом с комнатой молоденьких дам. За приоткрытой дверью стояло высокое, слегка рябое зеркало. Мутная поверхность отражала девушку, что обтирала себя губкой в тазике для омовения. На юной купальщице не было ровным счётом ничего, кроме скучающего выражения лица: очевидно, излишняя чистоплотность не относилась к длинному списку её достоинств. И вот это зрелище — прелестная молодая женщина, проглядывающая из кокона девической невинности, — необычайно врезалось в сердце праздного гостя. Теперь Аде почти столько же, сколько было ему в ту пору.

Округлый полудетский рот, созревающие бёдра и маленькие, но тяжёлые бутоны будущей груди — даже ради них стоило замереть на месте и залюбоваться. Восхититься бледностью кожи (не важно, как долго эта девушка оставалась на солнце — её лицо всегда сохраняло мягкую молочную белизну), блестящими серыми глазами, сочным малиновым цветом губ и чёрными как смоль волосами. Воплощение эротической мечты, да

и только. Культура тех лет предписывала женщинам брить подмышки, однако Ада, видимо, не принимала всерьёз её мимолётных требований. Похоже, она вообще чихать хотела на культуру. В огромном зеркале — и в памяти гостя — будто бы застыло точёное изваяние из слоновой кости, оттенённое четырьмя чёрными мазками — вопросительным знаком небрежно перекинутых через плечо локонов, парой запятых под мышками и восхитительным, ещё не оформившимся в дельту восклицательным знаком, уходящим в сумрак между бёдрами.

Одноколка несла седока прямо к цели. Мужчина блаженно улыбался. Не важно, с чего это Аде вздумалось пригласить его после стольких лет и даже чью Двадцатку здесь отмечают. Главное — занести пленительную дикарку в коллекцию своих побед до возвращения к *настоящей жизни*: к весёлым гулянкам, долгим визитам и случайным интрижкам с более светскими дамами.

Войникс легко трусил вперёд, под ногами шуршал гравий и ненавязчиво гудели старые гироскопы повозки. В долину тихо заползали вечерние тени, однако узкая дорожка вывела на гребень холма, и гость успел разглядеть половинку заходящего солнца до того, как опять съехал в

полумрак, на просторные поля, засеянные каким-то невысоким злаком. Заботливые сервиторы порхали над колосьями, почему-то напоминая Даэману летающие мячики для крокета.

Одноколка свернула влево, к югу, пересекла безымянную речушку по бревенчатому мосту, запрыгала по крутому каменистому склону и наконец очутилась в древнем лесу. Гостю смутно припомнилась охота за бабочками в этих самых местах. Вечером того дня, когда он увидел обнажённую Аду, двадцатисемилетний мужчина поймал у водопада редчайший вид «мёртвой головы», и восторг удачливого коллекционера смешался с пьянящими мыслями о сливочной коже и смоляных волосах красавицы. Даэман до сих пор не мог забыть бледного лица, что посмотрело на него из зеркала после омовения. Холодный взор, в котором не было ни гнева, ни польщённой радости, ни скромности, ни бесстыдства, безучастный и немного циничный, пригвоздил дрожащего от похоти обожателя, словно пленённого мотылька. Точно так же сам собиратель разглядывал свои новые приобретения.

А повозка всё приближалась к Ардис-холлу. В густой тени древних вязов, рябин и дубов горели жёлтые фонари, где-то впереди мигали разно-

цветные гирлянды, возможно, обозначая другие тропинки. Но вот деревья расступились, и в сумерках взгляду гостя открылся широкий вид на Ардис-холл. На вершине пригорка белел особняк, от него по склонам вились во все стороны светлые, усыпанные гравием дорожки, и на целую квадратную милю вниз расстилалась мягкая лужайка; вдалеке поблёскивали волны реки, ловя догорающие огни заката. За цепочкой холмов на юго-западе темнели другие, поросшие чёрным, непроглядным лесом, а за ними — третьи, и так далее, пока угольные хребты не сливались с агатовыми тучами на горизонте.

Даэман поёжился. Он и позабыл: где-то в окрестностях водятся динозавры. В душе тяжёлой мутью всколыхнулись прежние страхи. Правда, Виржиния, Ванесса и прочие хором уверяли, что стада опасных чудищ бродят за пятьсот миль от Ардис-холла. (Все, кроме пятнадцатилетней Ады: та попросту буравила гостя изучающим, чуть насмешливым взглядом, как потом выяснилось, вполне обычным для этой странной девушки.) Но и тогда мужчину могли выманить наружу только пёстрые, редкие бабочки. Сейчас и они бы не помогли. Благодарим покорно. Конечно, если рядом сервиторы и войниксы, бояться в

принципе нечего… И всё же откровенно не хотелось угодить в зубастую пасть доисторической твари, чтобы затем, лёжа в лазарете, вспоминать о подобном унижении.

Исполинский вяз у подножия холма украшали десятки лампочек. Яркие факелы полыхали вдоль окружной подъездной аллеи, тянулись по краям дорожек, ведущих из дома во двор. Войниксы-охранники недвижно стояли у живых изгородей вплоть до самого леса. Под старым вязом был накрыт длинный стол, на праздничной посуде трепетали отблески факельных огней, плясавших на тёплом вечернем ветру. Некоторые из гостей уже начинали сходиться к ужину. Даэман с удовольствием сноба отметил, что большинство мужчин по старинке облачены в грязновато-белые одеяния, бурнусы и «торжественные» костюмы землистого цвета: в более значимых кругах, к которым он причислял и себя, такая мода устарела аж несколько месяцев назад.

Одноколка мягко подкатила к парадному входу Ардис-холла и остановилась в луче жёлтого света, льющегося из дверей. Войникс распрягся и опустил дышла наземь, да так бережно, что седок не ощутил ни малейшего толчка. Лёгкий сервитор подлетел забрать багаж. Даэман радостно ступил

на твёрдую почву: честно говоря, у него до сих пор кружилась голова после потерянного — или обретённого? — при факсе дня.

Распахнув двери настежь, Ада бросилась по лестнице навстречу новому гостю. Мужчина застыл на месте, растерянно улыбаясь. Девушка оказалась не просто красивее, чем он помнил. Она была прекраснее, чем он мог себе вообразить.

3
Долины Илиона

Греческие предводители сошлись у ставки царя; вокруг полно заинтересованных зрителей, и Агамемнон с Ахиллесом уже затевают грызню.

Нужно сказать, что сейчас я принял вид Биаса[3] — не пилосского военачальника из дружин Нестора, а того, который служит Менесфею. Бедный афинянин жестоко страдает от тифа и редко покидает свою ставку, расположенную дальше на побережье. (Но он ещё оправится, чтобы сражаться в песни тринадцатой.) Копьеборцы и праздные наблюдатели почтительно расступаются, пропуская полководца в середину. Однако, по счастью, никто не ожидает, что он примет участие в предстоящих дебатах.

Я уже пропустил большую часть разыгрывающейся здесь драмы — ту, где «безупречный гадатель» Калхас объявляет ахейцам истинную причину ярости Аполлона. Один из военачальников шепчет мне на ухо, что прежде чем

---

[3] notes: 3

В русском переводе «Илиады» этого военачальника зовут Биант. — Здесь и далее примеч. пер.

заговорить, Фесторид потребовал неприкосновенности — на случай, если народу или владыкам его речь покажется неугодной. Ахиллес обещал защиту, и тогда Калхас возвестил то, о чём все и так подозревали. На днях верный жрец Аполлона Хрис умолял царя возвратить захваченную в плен милую дочь; отказ Агамемнона прогневил «дальноразящего», и вот результат.

Стоит ли упоминать, как рассердило владыку подобное выступление. «Развонялся, только держись», — беззвучно хохочет мой собеседник, от которого сильно разит винным перегаром. Если не ошибаюсь, это Орус. Несколько недель спустя он падёт от руки Гектора, когда герой-троянец начнёт валить врагов направо и налево.

Пару минут назад, доверительно сообщает военачальник, Агамемнон согласился отдать Хрисеиду, хотя девица ему и «милее собственной жены Клитемнестры», по выражению распалившегося Атрида, но тут же потребовал взамен иную, не менее прекрасную наложницу. По словам упившегося в стельку Оруса, Ахиллес тут же обозвал царя «корыстнейшим среди мужей» и закричал, что аргивянам, то бишь ахейцам, или данайцам — как только не кличут этих окаянных греков! — нечем возместить потерю вождя. Но

если ход битвы изменится в их пользу, пострадавший получит свою тёлку назад. А пока пусть отдаст её безутешному отцу и заткнётся.

— Тут сын Атрея поднял такую вонищу, что прямо сил нет! — Орус смеётся во всё горло, и несколько военачальников строго оборачиваются на нас.

Я киваю и внимательно смотрю вперёд. Агамемнон, как обычно, в центре событий. Вот уж поистине прирождённый лидер — рослый, статный, борода завивается классическими колечками, полубожественные брови строго сведены над пронзительными глазами, умащённый маслом мускулистый торс облачён в изысканнейшие одеяния. Точно напротив него, посерёдке круга, стоит, подбоченясь, Ахиллес. Превосходя царя и молодостью, и силой, и даже красотой, он почти не поддаётся описанию. Ещё когда я впервые увидел его на смотре кораблей, сразу проникся сознанием: передо мной самый богоподобный смертный среди множества богоподобных смертных, настолько впечатляет физическая мощь и властность доблестного сына Пелея. Тогда же я понял, что при всей своей силе и смазливости он всё-таки достаточно глуп. Ни дать ни взять безумно похорошевший Арнольд Шварценеггер.

Ахиллеса и Агамемнона окружают герои, лекции о которых я читал в течение десятилетий. Встреча с этими парнями во плоти ничуть не разочаровывает. Подле владыки — но душою в закипающей ссоре явно не с ним — хмурится Одиссей. Он на целую голову ниже царя, зато шире в груди и плечах и потому среди прочих греческих вождей кажется буйволом в овечьем стаде. Лик Лаэртова сына суров и обветрен, глаза сияют живым умом и хитростью. Я ещё не разговаривал с ним, хотя непременно воспользуюсь первой же возможностью пообщаться, пока война не закончилась и Одиссей не отправился в долгое плавание.

По правую руку от Агамемнона — младший брат Менелай, супруг Елены. Жаль, что мне не дают доллар всякий раз, когда кто-нибудь из ахейцев вякает, что, мол, будь Менелай искуснее в постели — «был бы у него побольше», — прославленная красавица не улизнула бы с Парисом в неприступный Илион, а греческие герои не мучились бы девять лет понапрасну, осаждая треклятый город. Слева от царя вытянулся по струнке Орест — нет, конечно же не избалованный наследник, тот оставлен дома, хотя в своё время отомстит за гибель отца и заслужит отдель-

ной трагедии, — а его тёзка, верный копьеносец властелина. Падёт от руки Гектора в следующем крупном наступлении.

Рядом с Орестом я вижу Еврибата — царского вестника, не путать с Еврибатом — глашатаем Одиссея. Бок о бок с ним стоит Птолемеев сын Эвримедон, симпатичный малый и возница Агамемнона. Кстати, возницу Нестора зовут так же, но он гораздо уродливее. (Сказать по чести, я с радостью заменил бы всё эти пышные патронимы на обычные, человеческие фамилии.)

К великодержавному Атриду присоединились нынче вечером предводители локров и саламитов — Большой и Малый Аяксы. Эти двое только именами и схожи: если первого, хоть он и белый, взяли бы нападающим в сборную НФЛ,[4] то второй скорее смахивает на вора-карманника. Ещё один вождь аргивян Эвриал ни на шаг не отходит от своего босса Сфенела — благородного воителя, который так ужасно заикается, что и представиться не может без запинки. Друг царя и главный военачальник аргивян, прямодушный Диомед тоже здесь, однако явно не в своей тарелке, судя по скрещённым на груди рукам и

---

[4] notes: 4
Национальная футбольная лига.

потупленному сердитому взгляду. Старец Нестор — «сладкоречивый пилосский вития» — занял место почти посередине между спорщиками. Думается, его более всех тревожит разгорающаяся вражда.

Если Гомер прав, через несколько минут Нестор произнесёт знаменитый монолог, в котором безуспешно попытается пристыдить и примирить обе стороны, пока их распря не сыграла на руку троянцам. И надо признаться, мне хочется его послушать. Хотя бы ради упоминания о древней битве с кентаврами.[5] В поэме старец говорит об этих загадочных существах и сражении с ними как о чём-то само собой разумеющемся, а ведь полукони — единственные мифические существа во всей книге, не считая Химеры. Пока же, в ожидании речи, надо бы держаться подальше от глаз будущего оратора. Не хватало ещё, чтобы он втянул в беседу своего подчинённого Биаса, чьё тело я позаимствовал.[6] Сейчас-то опасности никакой: не только сам Нестор, но и остальные

---

[5] notes: 5

В русских переводах «Илиады» фигурируют «горные чудища» или «лютые чада гор».

[6] notes: 6

Очень странное заявление автора, так как в начале главы он утверждает, что Хокенберри перевоплотился в воина Биаса, который служит не Нестору, а Менесфею.

зрители ловят каждое грубое слово, что срывается с брызжущих слюной уст Агамемнона и Ахиллеса.

Возле старца, явно не решаясь примкнуть ни к одной группировке, переминаются Менесфей (согласно Гомеру, Парис убьёт его спустя пару недель), Евмел (вождь фессалийцев из Феры), Поликсен (сопредводитель рати эпеян) с приятелем Фалпием, Фоас (военачальник этолийцев), Леонтей и Полипет в одеяниях, типичных для их родной Аргиссы, а также Махаон и его брат Подалирий (за чьей спиной выстроились фессалийские командиры пониже рангом), дражайший друг Одиссея Левк (обречённый на гибель от пики Антифа), ну и прочие герои, каждого из которых я научился узнавать не только в лицо, но даже по манере сражаться, бахвалиться и приносить жертвы божествам. Как я уже, наверное, говорил, древние греки, собравшиеся здесь, ничего не делают вполсилы — о чём ни заикнись, выкладываются на всю катушку. Один из учёных двадцатого столетия называл подобную стратегию «стопроцентным риском».

Кто же в открытую противостоит Агамемнону? Справа от Ахиллеса сверкает очами его ближайший друг Патрокл (чья смерть от руки Гектора

разожжёт истинный гнев «быстроногого» и развяжет величайшую в истории Троянской войны резню), а также Тлиполем, сын легендарного Геракла, безрассудно убивший дядю своего отца и скрывшийся из дома (молодому красавцу суждено пасть от копья Сарпедона). Между Патроклом и Тлиполемом старик Феникс — милый сердцу Ахиллеса учитель — шепчется с Диоклесовым отпрыском Орсилохом, которого на днях поразит мощный удар Энея. По левую сторону от кипящего яростью мужеубийцы я с удивлением замечаю Идоменея: оказывается, их связывает более тесная дружба, чем говорит поэма.

Само собой, ахейцев во внутреннем круге гораздо больше. Я уже молчу о бесчисленной толпе за своей спиной, но ведь картина и так ясна, правда? Как в эпосе Гомера, так и в повседневной жизни, в долинах Илиона безымянных героев нет. Образно выражаясь, каждый из них неотвязно таскает за собой собственную историю, родину, отца, жён, детишек и движимое имущество, прибегая к их помощи в риторических и военных стычках. Одного этого достаточно, чтобы доконать простого схолиаста.

— Хорошо тебе говорить, богоравный Ахиллес, вечно плутующий в кости, на поле сраженья и с

бабами! — вопит Агамемнон. — Только меня не проведёшь! Не выйдет! Сам-то отхватил награду не хуже царской — красотку Брисеиду, и рад, а мне, значит, прикажешь сидеть с пустыми руками? Не на такого напал! Да я лучше передам бразды правления… вон хоть Аяксу, или Идоменею, или мудрому Одиссею… или тебе… да, *тебе* … чем позволю так себя надуть!

— Валяй, передавай! — скалится Ахиллес. — Давно у нас не было достойного предводителя!

Державный сын Атрея багровеет.

— Отлично. Спускайте на море чёрный корабль с гребцами, возьмите Хрисеиду, если посмеете… Жертвы, о мужеубийца, ты вознесёшь сам. Но помни, без добычи я не останусь. Твоя прелестная Брисеида возместит мне потерю.

Красивое лицо Пелида перекошено от ненависти.

— Наглец, одетый в бесстыдство и погрязший в алчности! Трусливая собачья образина!

Царь выступает вперёд и хватается за рукоять меча.

Ахиллес делает то же самое.

— Троянцы нам ничем не вредили, Агамемнон, в отличие от тебя. Не они, а лишь твоя корысть привела нас к этому берегу. За что мы бьёмся,

с какой стати притащились сюда? Воевать за потерянную честь царя и его братца, который и жену не мог удержать за порогом почивальни?

Теперь уже Менелай делает шаг вперёд и берётся за оружие.

Каждый из владык окончательно определился с выбором, и круг распадается на три части: на тех, кто готов драться за Атрида, тех, кто желает биться за Ахиллеса, и людей вроде Одиссея и Нестора, взбешённых настолько, что с радостью прикончили бы обоих крикунов.

— Сейчас же беру своих людей и уплываю! — рокочет сын Пелея. — Лучше вернуться назад во Фтию на пустом корабле и без ратной славы, чем унижаться, наполняя царский кубок и набивая добычей твои сундуки!

— Скатертью дорога! — орёт Агамемнон. — Дезертируй на здоровье! Кто тебя упрашивал плыть сюда за мой счёт? Ты отменный солдат, да что с того? Ведь это дар богов, а не твоя заслуга. Только сражения, кровь, резня тебе и приятны! Так забирай своих раболепных мирмидонцев и катись! — Он презрительно сплёвывает.

Ахиллес буквально трясётся от негодования, разрываясь между страстным искушением показать царю спину, навсегда покинув Илион со

своими людьми, и неодолимым желанием прирезать врага, точно жертвенную овцу.

— Уедешь или нет, однако знай, — Агамемнон внезапно понижает голос, и тем не менее его жуткий шёпот отчётливо слышат сотни собравшихся, — Хрисеиду я отдам, раз уж *бог* требует этого, но твоя красавица рабыня займёт её место. Пусть каждый увидит ясно, что не тебе, вздорному мальчишке, тягаться с великим из мужей!

Оскорблённый сын Пелея совершенно выходит из себя и всерьёз обнажает клинок. Вот тут бы «Илиаде» и закончиться: один из спорщиков, а то и оба непременно пали бы, ахейцы с миром отплыли бы домой, Гектор дожил бы до безбедной глубокой старости, а Троя простояла бы тысячу лет, возможно, затмив славу Рима. Как нарочно, в этот миг за спиной Ахиллеса возникает Афина.

Я вижу её. Мужеубийца поворачивается с перекошенным лицом: он тоже видит. А вот прочие — нет. Никогда не понимал эту шпионскую технологию избирательной невидимости, хотя боги часто пользуются ею. Да и я тоже.

Эй, погодите-ка, дело не только в этом… Бессмертные опять остановили время. Это их излюбленный способ общения с избранными людьми-питомцами без лишних свидетелей.

(Правда, я лишь пару раз наблюдал это потрясающее зрелище.) Рот Агамемнона разинут, слюна застыла в воздухе на полпути, а ни звука не слышно; челюсть замерла, не дрогнет ни единый мускул, тёмные глаза распахнуты и не моргают. И так всякий из увлечённых, ошеломлённых, окаменевших зрителей. Высоко над головами зависла белая чайка. С берега не доносится шум прибоя: горбатые волны остановились. Воздух сгустился, будто сироп, а мы в нём — точно мухи в янтарной смоле. Единственные, кто движется в остолбеневшем мире, — это Афина Паллада, Ахиллес да ваш покорный слуга, который еле заметно качнулся вперёд, ловя каждое слово.

Рука мужеубийцы по-прежнему на рукояти меча, наполовину вынутого из мастерски сработанных ножен. Богиня хватает Ахиллеса за длинные волосы и разворачивает на себя. Теперь он, конечно, не посмеет извлечь клинок, ведь это означало бы бросить вызов самим бессмертным.

И всё же глаза «быстроногого» пылают полубезумным огнём.

— Ты что задумала?! — кричит сын Пелея в этой густой, тягучей тишине замороженного времени. — Явилась посмеяться над моим унижением, о дочь Громовержца?

— Поддайся ему! — повелевает Афина.

Если вы ещё не встречали богинь, что я могу вам сказать? Только то, что они выше смертных (в буквальном смысле: в дочери Зевса футов семь роста, не меньше), а также намного прекраснее видом. Предполагаю, тут не обошлось без нанотехнологий и лабораторий по модификации ДНК. Женственная миловидность «совоокой девы» сочетается с божественной властностью и абсолютной силой, о существовании которой я и не подозревал до того, как возвратился к жизни под сенью Олимпа.

Афина дёргает Пелида за голову назад, подальше от окаменевшего царя с приспешниками.

— И не подумаю! — Даже в вязком воздухе, где гаснет любой звук, голос мужеубийцы по-прежнему гулок и грозен. — Эта свинья, возомнившая себя царём, заплатит жизнью за свою наглость!

— Смирись, — настаивает богиня. — Белорукая Гера послала меня укротить твой гнев. *Поддайся*.

В шальных очах Ахиллеса я читаю замешательство. Среди олимпийских союзников ахейцев Гера, супруга Зевса Кронида, — самая могущественная и к тому же покровительствовала герою ещё в его полном странностей детстве.

— Окончи ссору теперь же, — приказывает

Афина. — Убери клинок, Пелеев сын. Хочешь, брани Агамемнона, крой его на чём свет стоит, но руки не поднимай. Покорись нашей воле. Воистину обещаю — а мне известна твоя судьба и будущее любого из смертных, — что наступит день, когда за это оскорбление тебе воздастся втрое. Попробуй не подчиниться, и ты умрёшь. Лучше повинуйся мне и Гере — и обретёшь блистательную награду.

Мужеубийца корчит сердитую гримасу и вырывает волосы из божественного кулака, однако прячет меч в ножны. Со стороны Ахиллес и дочь Громовержца кажутся посетителями в музее восковых фигур под открытым небом.

— Не мне бороться с вами обеими, богиня, — отвечает прославленный ахеец. — Кратковечный обязан исполнять волю бессмертных, пусть даже сердце разрывается от гнева. Но и боги должны впредь внимать его молитвам.

Афина неуловимо улыбается, исчезает из виду — квитируется обратно на Олимп, — и время возобновляет ход.

Агамемнон заканчивает речь. С клинком в ножнах Пелеев сын выступает на середину опустевшего круга.

— Жалкий пьяница с глазами собаки и сердцем

оленя! — вопит мужеубийца. — Что ты за вождь, коль ни разу не вёл народ на битву! Даже в засаде с лучшими из нас не бывал! Недостаёт мужества разорить Илион, так лучше грабить своих, отбирая добычу у каждого, кто скажет слово поперёк! Лишь над презренными ты и «владыка»! Но говорю тебе и клянусь великой клятвой…

Сотни людей вокруг меня дружно ахают. Лучше бы Ахиллес взял и порешил противника, словно бешеного пса, чем бросаться ужасными проклятиями.

— Время придёт, и сыны Ахеи возжелают Пелида, все до последнего! — продолжает герой, и раскаты его голоса над лагерем заставляют встрепенуться даже игроков в кости за сотню ярдов отсюда. — Гектор покосит вас, точно пшеницу! И тогда, Атрид, как ни дрожи ты за свою душонку, спасенья не будет! В тот день ты вырвешь сердце из груди и изгложешь в отчаянии, что предпочёл так обесчестить храбрейшего из ахейцев!

С этими словами Ахиллес поворачивается на прославленной пятке и удаляется во тьму, громко хрустя морской галькой. Красиво ушёл, шут меня дери!

Агамемнон складывает руки на груди и качает головой. Прочие возбуждённо перешёптываются.

Нестор делает шаг вперёд, готовясь произнести свою речь под девизом «во-дни-кентавров-мы-держались-вместе». Странно: у Гомера старец увещевает обоих, а на самом деле Пелид только что покинул наш круг. Разумеется, я, будучи опытным схолиастом, замечаю явное отклонение, но мои мысли уже далеко-далеко.

Понимаете, я припомнил зверский взгляд Ахиллеса за миг до того, как богиня дёрнула героя за волосы и вынудила смириться с поражением… И тут в моей голове родился один замысел. Дерзкий, самоубийственный, без сомнения, обречённый на провал и всё же такой прекрасный, что с минуту я почти не мог дышать, словно получил удар в живот.

— Ты в порядке, Биас? — спрашивает Орус, мой сосед.

Я тупо гляжу на него. Кто это? И кто такой Биас? Ах да, ясно. Отрицательно машу головой и выбираюсь из плотной толпы великих убийц.

Галька хрустит и под моими ногами, хоть и не столь героически, как при уходе Ахиллеса. Шагаю к воде и, оказавшись вдали от любопытных глаз, тут же сбрасываю с себя чужую личину. Всякий, кто взглянул бы на меня сейчас, увидел бы средних лет доктора наук, очкарика и так

далее, обременённого нелепым одеянием ахейского копьеборца; под шерстью и кусками меха скрываются противоударные доспехи и прочее снаряжение схолиаста.

Передо мной расстилается море чёрного цвета. *Винно-чёрного*, поправляю я себя, но почему-то даже не улыбаюсь.

Меня не впервые захлёстывает страстное желание употребить свои способности на то, чтобы невидимкой взвиться в последний раз над Илионом с его пылающими факелами и обречёнными жителями, окинуть город прощальным взором и улететь на юго-запад, через Эгейское море цвета чёрного вина, к тем покуда-не-греческим островам и материковой земле. Прописаться бы там под именем Клитемнестры, Пенелопы, Телемаха или Ореста… Профессор Томас Хокенберри с юных лет ладил с детьми и женщинами лучше, чем с сильным полом.

Правда, здешние дамы, да и ребятня тоже, не в пример беспощаднее и кровожаднее любого из взрослых мужей, знакомых мне по прошлой, мирной жизни.

Стало быть, улечу как-нибудь в другой раз. Или нет. Оставим эту затею.

Волны катятся к берегу, одна за одной. Их при-

вычный шум немного утешает.

Внезапно приходит решимость. Я сделаю это. Как будто летишь… Даже не так, не летишь, но срываешься с вершины, устремляешься вниз и на какой-то волшебный миг теряешь чувство гравитации и знаешь, что возврата не будет. Была не была. Либо в стремя ногой, либо в пень головой. Либо шерсти клок, либо вилы в бок.

Я сделаю это.

4
Близ Хаоса Конамара

Подводная лодка европейского моравека Манмута опередила кракена на целых три мили и продолжала отрываться, что, по идее, должно было успокоить миниатюрного полуорганического робота. Однако мысль о щупальцах твари, достигающих длины в пять километров, мало способствовала успокоению.

Тяжеловато придётся. Хуже того, нападение отвлекло моравека. Манмут почти закончил новый разбор сонета 116 и не мог дождаться, чтобы послать плоды исследований Орфу на Ио. Поэтому последнее, чего бы он желал, — это позволить огромной и голодной медузообразной массе поглотить судёнышко. Убедившись, что тварь всё ещё преследует его, моравек связался с реактором и увеличил скорость подлодки на три узла.

Кракен, покинувший привычные глубины, изо всех сил старался нагнать добычу на открытых разводьях близ Хаоса Конамары. Моравек знал, что пока они оба перемещаются с той же быстротой, тварь не сможет вытянуть щупальца

в полную величину, и значит, ему ничего не грозит. Но если подлодка встретит какое-либо препятствие, скажем, огромный клубок бурых водорослей, и снизит ход или, чего доброго, запутается в мерцающих лентах ламинарий, неприятель слопает кораблик, словно… Подходящее сравнение как-то не шло на ум.

— А, ладно, чёрт с ним! — изрёк Манмут в гудящую тишину тесной кабины.

Сенсоры капитана были подключены к системам подлодки, и сейчас виртуальное зрение показывало гигантские клубки мёртвых бурых водорослей. Мерцающие колонии колыхались вдоль изотермических потоков, подпитываясь красноватыми прожилками магниевого купороса. Они тянулись вверх, к плавучим глыбам прибрежного льда, подобно многочисленным кровавым корням.

«Нырнуть», — подумал моравек, и судно опустилось двадцатью кликами (так на военном жаргоне называют километры) ниже. Кракен метнулся следом. Если бы эти твари умели ухмыляться, чудовище непременно оскалилось бы: ведь жертва сама устремилась на гибельную глубину.

Нехотя стерев из визуального поля сто шест-

надцатый сонет, Манмут прикинул, как быть дальше. Дать кракену проглотить себя менее чем в сотне километров от Централа Хаоса Конамары не очень-то приятно. Проклятые бюрократы: как будто нельзя сперва очистить местные подлёдные моря от чудищ, а уж потом вызывать одного из своих исследователей на совещание!

Можно, конечно, убить мерзкую тварь. Однако тут за тысячи кликов ни единой уборочной машины, а бросать многорукого красавца на съедение паразитам, населяющим колонии водорослей, морским акулам, трубчатым червям и его собратьям-кракенам было бы слишком расточительно.

Моравек на время отключил виртуальное зрение и огляделся, словно ожидая, что стиснутая до размеров кабины окружающая действительность подскажет верное решение. Так и получилось.

На рабочем пульте, рядом с шекспировскими томами в кожаных переплётах и распечаткой Хелен Вендлер, стоял светильник в виде прозрачного цилиндра, где в подкрашенной жидкости клубились и медленно поднимались вверх комки светлого расплавленного вещества, — шутливый подарок на память от прежнего партнёра по имени Уртцвайль, полученный двадцать земных

лет назад.

Манмут улыбнулся и в полном объёме возобновил связь с системами корабля. В такой близи от Централа не могут не плавать диапиры, а кракены их на дух не переносят…

И точно: в пятнадцати кликах к юго-востоку целое извержение диапиров лениво всплывало со дна подобно белым пузырькам в лампе. Моравек устремился к ближайшему из них и заодно прибавил ещё пять узлов, просто для надёжности. (Если только можно говорить о таких вещах, как надёжность, в тот миг, когда взрослый кракен пытается ухватить вас грозными щупальцами.)

Диапир — просто шар тёплого льда, который нагревается на большой глубине, в горячих гравитационных очагах, всплывает на поверхность моря из горькой соли и присоединяется к ледниковому покрову, некогда сковывавшему планету целиком. (Да и теперь, спустя тысячу четыреста электронных лет после прибытия на Европу криобот-арбайтеров, лёд занимает более девяноста восьми процентов её площади.)

Известно, как сильно отпугивают кракенов электролитические свойства подобных «пузырей»: твари не решаются опутать их даже щупальцами, не то чтобы коснуться гибельной

лапой или брюхом.

Подлодка достигла шара, оторвавшись от преследователя на десять километров, замедлила ход, усилила прочность внешнего корпуса, втянула вовнутрь сенсоры и зонды и стремительно ввернулась в подтаявший лёд. С помощью гидролокаторов и поисковой системы Манмут тщательно изучил поверхность, до которой оставалось почти восемь тысяч метров. Минут через пять диапир вклинится в толстый прибрежный покров, просочится по трещинам, разводьям и лентикулам, а затем вырвется наружу стометровым фонтаном. На какие-то мгновения Хаос Конамара уподобится Йеллоустонскому парку Потерянной Эпохи с его красно-серными гейзерами и кипящими ключами. Струя быстро рассеется (ведь здешнее притяжение в целых семь раз ниже земного, а искусственная атмосфера очень неплотная, около ста миллибар), застынет и медленно осядет, изменяя причудливый рельеф уже многократно потревоженного ледяного поля.

Гибель моравеку не грозила, — являясь лишь частично организмом, он скорее «существовал», чем «жил», — всего лишь не хотелось украшать собой абстрактную скульптуру изо льда в течение ближайшего земного тысячелетия. Манмут

на время позабыл и кракена, и сто шестнадцатый сонет, углубившись в вычисления. Итоги расчётов были срочно отправлены в машинное отделение и балластные отсеки. Если всё пойдёт как надо, подлодка покинет шар с южной стороны за полклика до удара о прибрежные льды и помчится вперёд со скоростью сто кликов в час из-за приливной волны, которую вызовут остатки фонтана, опадающие в разводье. Примерно полпути к Централу Хаоса Конамара моравек пролетит на судне, будто на доске для сёрфинга, однако последние двадцать с чем-то кликов придётся проделать над уровнем моря. Что поделать, иного выбора нет.

Главное, чтобы разводье не оказалось перекрыто чем-нибудь, например, другой подлодкой. Досадно будет подвергнуться разрушению за считанные секунды до цели.

Ладно, по крайней мере кракен перестанет беспокоить: ближе чем на пять кликов эти твари к поверхности не подплывают.

Убедившись, что он сделал всё возможное, дабы выжить самому, сохранить «Смуглую леди» и прибыть на базу вовремя, Манмут вернулся к разбору сонета.

* * *

Последние два десятка километров, оставшихся до Централа Хаоса Конамары, подлодка, много лет назад окрещённая «Смуглой леди», прочертила по просторному разводью между чёрной морской гладью и таким же чёрным небом. Над ледяным горизонтом восходил видный на три четверти гигантский Юпитер в окружении ярких облаков и клубящегося дыма; на фоне встающего великана легко и быстро пронёсся его крохотный спутник Ио. Отвесные скалы высотой в сотни метров, испещрённые бороздами приглушённых серых и алых тонов, чётко вырисовывались на тёмном космическом небосклоне.

Манмут в волнении раскрыл томик Шекспира на нужной странице.

Сонет 116

Не признаю препятствий я для брака
Двух честных душ. Ведь нет любви в любви,
Что в «переменах» выглядит «инако»

И внемлет зову, только позови.[7]

Любовь — над бурей поднятый маяк,
Не меркнущий во мраке и тумане.
Любовь — звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь — не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжёт мой стих,
То нет любви — и нет стихов моих![8]

---

[7] notes: 7
Перев. С. Степанова.

[8] notes: 8
Перев. С.Я. Маршака.

За долгие десятки лет моравек успел возненавидеть это слащавое творение. Чересчур прилизано. Должно быть, люди Потерянной Эпохи обожали цитировать подобную чепуху на свадебных церемониях. Халтура. Совсем не в духе Шекспира.

Но вот однажды Манмуту попались микрокассеты с критическими трудами Хелен Вендлер, женщины из девятнадцатого, двадцатого, а может, двадцать первого Потерянного Века (даты плохо сохранились), и ему пришлось поменять свои взгляды. Что, если сонет не содержит липучего, непоколебимого утверждения, как верили столетиями, а, напротив, — одно лишь жестокое отрицание?

Моравек ещё раз перечитал «ключевые слова». Вот они, почти в каждой строчке: «не, не, не, не, не, не, нет, нет». Почти эхо речи короля Лира, его знаменитого «никогда, никогда, никогда, никогда, никогда».

Несомненно, это поэма отрицания. Только против чего же столь яростно восстаёт автор?

Манмут прекрасно знал: сонет относится к циклу, который посвящён «прекрасному юноше»; не сомневался и в том, что само слово «юноша» — всего лишь фиговый листок, добавленный в более осторожные годы. Любовные послания

предназначались отнюдь не «юноше», скорее мальчику не старше тринадцати лет. Моравек читал литературных критиков второй половины двадцатого века: эти «знатоки» на полном серьёзе воспринимали сонеты дословно, записывая прославленного драматурга в гомосексуалисты. Однако более ранние, как и более поздние, толкования времён Потерянной Эпохи убеждали европейца в наивности прямой трактовки, выросшей на почве политических соображений.

Манмут не сомневался: в сонетах Шекспир воссоздаёт единую, цельную драму, где и «юноша», и «смуглая леди» — всего лишь персонажи. Это вам не порождение сиюминутной страсти, а плод многолетней работы зрелого мастера в расцвете творческих сил. Что же стало предметом его исследований? Любовь. Только вот что думал о ней автор на самом деле?

Этого никто и никогда не узнает. Разве Бард с его умом, цинизмом, с его скрытностью выставит напоказ свои истинные чувства? Ведь каждая его пьеса, одна за другой, являет читателю, как чувства превращают людей в игрушки. Подобно королю Лиру, Шекспир обожал своих шутов. Ромео — кукла в руках Фортуны, Гамлет — шут Рока, Макбет — игрушка собственных амбиций, Фаль-

стаф… ну, если только Фальстаф… Хотя страсть к принцу Хэлу одурачила даже этого героя и в конце концов разбила брошенное сердце.

Вопреки уверениям непроницательных знатоков двадцатого столетия, моравек ни в коем случае не считал упоминающегося в цикле сонетов «поэта», иногда нарекаемого «Уиллом», исторической личностью. Он видел в нём очередной драматический образ, призванный раскрыть все грани влечения. А что, если «поэт», как и злополучный граф Орсино, был Паяцем Любви? Человеком, помешанным на самой Страсти?

Данный подход нравился Манмуту больше. «Соединенье двух сердец» подразумевало, конечно же, не гомосексуальную связь, но подлинное посвящение восприимчивых душ. А эта сторона любви никого не смущала, напротив, пользовалась почётом и уважением задолго до Шекспира. На первый взгляд сонет 116 кажется избитой пропагандой описанного чувства и провозглашением его нерушимости. Однако зачем же столько отрицаний?..

И вдруг все части головоломки встали на места. Подобно большинству гениев, Бард начинал свои произведения ранее или позже их настоящего «начала». Так *что же* сказал «юноша» старшему

по возрасту, одурманенному любовью поэту, *что* потребовало столь яростного отпора?..

Моравек протянул пальцы первичного манипулятора, взялся за пишущую иглу и принялся выводить на планшете:

> *Дорогой Уилл. Да, нас обоих радовал брак двух честных душ — ибо тела мужчин не способны разделять столь священные узы. Поверь, мне тоже хотелось бы продлить его, словно истинное супружество, до скончания дней. Но это невозможно. Люди меняются, Уилл. Обстоятельства тоже. Если человек или какое-либо его качество уходят навсегда, гаснет и чувство. Когда-то я любил тебя, Уилл, святая правда. Только ты стал иным, ты уже не тот, и потому переродился я и моя привязанность.*
>
> ***Искренне твой, юноша.***

При взгляде на готовое письмо Манмут довольно расхохотался, хотя смех тут же замер, когда стало ясно, как резко и бесповоротно изменилось понимание всего сонета. Вместо приторных и несбыточных клятв в нетленной преданности — отчаянное сопротивление обману, эгоистич-

ному бегству возлюбленного. Знакомые строки потребовали совершенно нового прочтения:

Не признаю (так называемых) «препятствий» я для брака

Двух честных душ. Ведь нет любви в любви,

Что в «переменах» выглядит «инако»

И внемлет зову, только позови,

О нет!..

Моравека разжигало страшное волнение. Наконец-то всё встало на свои места: и каждое слово в стихотворении, да и само оно — в цикле. «Брак честных душ» исчез, не оставив после себя ничего, кроме гнева, упрёков, подозрений, лжи и дальнейшей измены — всего, что воплотится с полной силой в сонете 126. К тому времени «юноша» и мысли об идеальной любви канут в прошлое ради грубых наслаждений «смуглой леди». Манмут подключился к виртуальному разуму, готовясь отправить электронное послание своему верному собеседнику, Орфу с планеты Ио. (С ним моравек поддерживал переписку в течение последних двенадцати лет.)

Завыли сирены. Перед виртуальными глазами исследователя замигали огни. «Кракен!» — поду-

малось ему, однако твари никогда не заплывали так высоко, тем более в открытое разводье.

Сохранив в памяти сонет и собственные заметки, моравек стёр неотправленное электронное послание и раскрыл внешние сенсоры. «Смуглая леди» оказалась в зоне дистанционного управления укрытиями для подлодок.

Снаружи Хаос Конамара ничем не отличался от окружающего пейзажа — россыпи горных кряжей с острыми сверкающими зубцами на высоте двух-трёх сотен метров, путаницы открытых разводий и чёрных лентикул, задавленных массами льда. Но вскоре стали заметны следы жизни: чёрные утробы распахнутых доков, эскалаторы, ползущие по скалам, навигационные огни, пульсирующие по поверхности внешних модулей, жилых отсеков и антенн, а кроме того — в невообразимой дали над пиками, уходящими в непроглядное небо, межлунные шаттлы стремительно снижались над посадочной полосой.

Космические корабли здесь, у Централа Хаоса? Очень странно.

Причалив судно, Манмут перевёл функции «Смуглой леди» в режим ожидания и принялся отключаться от систем подлодки. Всё это время его не оставляла одна и та же мысль: «Какого

чёрта меня вызвали?»

Каждый раз он испытывал настоящую травму, втискивая собственные чувства в тесные границы более-менее гуманоидного тела. Но ничего не поделаешь. Моравек направился к высокоскоростному эскалатору, который возносился по мерцающему голубоватым светом льду к жилым отсекам на вершине.

5
Ардис-холл

Лампочки, мерцающие в кроне вяза, бросали таинственные отсветы на празднично накрытый стол. В кубках сияли красные и белые вина из ардисских виноградников, плескалась содовая с лимоном; на широких блюдах красовалось жаркое из оленины и дикого кабана (зверья в здешних лесах водилось предостаточно), форель из ближайшей речки, отбивные из мяса овец, пасущихся на местных лугах, листья салата, свежая кукуруза и зрелые сливы из собственного сада и ещё красная икра, доставленная по факсу… откуда-то издалека.

— Кстати, кто нынче именинник и какую Двадцатку мы отмечаем? — поинтересовался Даэман, дождавшись, когда сервиторы поставили еду перед каждым из двенадцати гостей.

— День рождения у меня, только это не Двадцатка, — отозвался миловидный мужчина с вьющимися волосами.

— Прошу прощения? — Гость вежливо, но недоумённо улыбнулся, передавая чашу с лимонадом

соседке по столу.

— Харман справляет свою годовщину, — пояснила Ада, занявшая место во главе стола.

Она была безумно хороша в платье из бордово-чёрного шёлка, и собиратель бабочек весь трепетал от предвкушения, глядя на девушку.

И всё-таки он не понял. Годовщина? Их вообще не замечают, не то чтобы закатывать пирушку.

— А, так вы не празднуете по-настоящему, — протянул он и кивнул сервитору на пустую винную чашу.

— Почему же, у меня и впрямь день рождения, — повторил Харман с улыбкой. — Девяносто девятый по счёту.

Даэман оцепенел. Потом изумлённо заозирался по сторонам. Это какой-то провинциальный розыгрыш, причём весьма низкого пошиба. В приличном обществе подобными вещами не шутят. Мужчина приподнял уголки губ, ожидая подвоха.

— Да нет же, серьёзно, — беззаботно обронила Ада.

Остальные гости хранили молчание. В лесу кричали ночные птицы.

— Э-э-э… извините, — выдавил из себя коллекционер.

Харман задумчиво покачал головой:

— У меня такие планы на этот год. Столько нужно успеть.

— В прошлом году он прошёл пешком сотню миль по Атлантической Бреши, — вставила Ханна, подруга Ады — смуглая брюнетка с короткой стрижкой.

Теперь Даэман не сомневался: ну разумеется, над ним подтрунивают.

— Бросьте, там же нельзя ходить.

— Но я это сделал, — возразил именинник, вгрызаясь зубами в кукурузный початок. — Как и упомянула Ханна, это была обычная прогулка: сто миль туда и сразу обратно, к побережью Северной Америки. Ничего особенного.

— И как же вас занесло в те края, Харман Ухр? — съязвил собиратель, дабы не отстать от шутников. — Кажется, рядом нет ни единого факс-узла.

В действительности гость ни сном ни духом не ведал, где обретается пресловутая Брешь, и весьма приблизительно догадывался о местоположении Северной Америки. Зато он лично побывал во всех трёхстах семнадцати узлах. И не единожды.

Именинник положил кукурузу на стол.

— А я *дошёл*, Даэман Ухр. Начиная от восточного побережья Северной Америки, Брешь тянется вдоль сороковой параллели, если не ошибаюсь, до Испании — была такая страна в Потерянную Эпоху. Развалины старинного города Филадельфии (вам они известны как Узел 124, жилище Ломана Ухр) находятся всего лишь в нескольких часах ходьбы от Бреши. Будь я посмелее и захвати тогда побольше еды, устроил бы пикник в самой Испании.

Соблазнитель девушек слушал, кивал и учтиво улыбался этим бредням. Что он несёт? Начал непристойным бахвальством по поводу девяносто девятого дня рождения, теперь вот порет чушь про какую-то ходьбу, города Потерянной Эпохи, параллели… Что за странная прихоть? Люди не передвигаются пешком далее нескольких ярдов. Да и зачем? Всё нужное и интересное установлено возле факсов, и лишь некоторые чудаки, вроде хозяев Ардис-холла, обитают чуть поодаль — так ведь и до них всегда легко добраться на одноколке или дрожках. Коллекционер, конечно же, знал Ломана: третью Двадцатку Оно отмечали как раз в его обширном поместье. А вот всё прочее звучало пустой тарабарщиной. Спятил мужик на старости лет. Случается и такое. Окончательный

факс в лазарет и Восхождение это исправят.

Даэман бросил взгляд на хозяйку стола в надежде, что она вмешается и уведёт разговор в нормальное русло, но та лишь улыбалась, как будто бы соглашаясь с речами сумасшедшего. Собиратель бабочек огляделся: неужели никто его не поддержит? Гости внимательно — даже с видимым интересом — слушали Хармана. Можно подумать, подобный трёп давно стал привычной частью их провинциальных ужинов.

— Форель сегодня отменная, не правда ли? — обратился коллекционер к соседке слева. — У вас тоже?

Сидящая напротив крупная рыжеволосая дама, чей возраст явно перевалил за третью Двадцатку, пристроила выдающийся подбородок на маленьком кулачке и спросила:

— Ну и как там, в Атлантической Бреши? Расскажите!

Кудрявый, прожаренный на солнце мужчина принялся отнекиваться, однако все за столом — в том числе и юная блондинка, грубо пропустившая мимо ушей учтивую реплику Даэмана, — взмолились о том же. Наконец Харман грациозно поднял руку, показывая, что уступает:

— Хорошо-хорошо. Если вы никогда не видели

Брешь, она потрясает, ошеломляет, завораживает ещё с берега. Расщелина в восемьдесят ярдов шириной убегает на восток, сужаясь к горизонту, и там, где волны сходятся с небом, кажется: это просто яркая прожилка в океане.

Когда заходите внутрь, вас охватывает странное чувство. Песок на дне абсолютно сух. Вы не слышите плеска прибоя. Сперва взгляд скользит по краям пролома, затем вы шагаете дальше, и постепенно с обеих сторон воздвигаются стены воды, словно стекло, что отделяет человека от бурлящего прилива. Нельзя устоять перед искушением потрогать загадочный барьер — прозрачный, пористый, почти не поддающийся давлению, излучающий прохладу пучины и при этом совершенно непроницаемый. Под ногами скрипит песок и ссохшийся за столетия ил, повсюду видны окаменевшие останки растений и разных подводных жителей: в этих местах морское дно веками не ведало иной влаги, кроме нескольких капель дождя.

Уже через дюжину ярдов отвесные стены вздымаются высоко над головой. За ними движутся какие-то тени. Вот вы замечаете маленькую рыбку, а вот мелькает грозный силуэт акулы, потом глаз ловит бледное мерцание чего-то бесформен-

ного, полупрозрачного, непонятного… Иногда морские создания подплывают слишком близко к преграде между морем и воздухом, утыкаются в неё холодными носами — и в ужасе кидаются прочь. Ещё миля-другая, и вы оказываетесь на такой глубине, что безоблачная синева над вами наливается тьмой. Спустя ещё двенадцать миль, когда высота удивительных стен достигает тысячи футов, на узкой полоске небосвода высыпают первые звёзды. И это посреди белого дня.

— Не может быть! — воскликнул стройный мужчина с волосами песочного цвета, сидящий на другом конце стола. — Вы шутите!

Даэман напрягся и припомнил его имя: Лоэс.

— Ничуть, — улыбнулся Харман. — Так я и шёл четыре дня. По ночам спал. Кончилась еда — повернул обратно.

— А как же вы ориентировались в темноте? — вмешалась молоденькая, атлетически сложенная подруга хозяйки Ханна.

— Светился сам океан, — пояснил именинник. — Далеко вверху — ярко-голубым, и только ближе ко дну мрак поглощал все краски.

— Наверное, видели что-нибудь экзотическое? — произнесла Ада.

— Несколько затонувших кораблей. Настоящая

древность. Потерянная Эпоха и даже старше. Хотя один из них выглядел… посвежее прочих. Огромный заржавевший нос посудины торчал из северной стены, так что я не удержался — нашёл дыру в обшивке, забрался по лестнице и прогулялся по наклонным палубам, освещая путь карманным фонариком. И вдруг в одном из огромных помещений — *трюмов*, по-моему, — натыкаюсь на водный барьер от пола до потолка. Прижимаю лицо к холодной невидимой стене: по ту сторону — стаи рыб, рачки, моллюски, змеи, кораллы, все живут и пожирают друг друга, а там, где я, — лишь пыль, осыпающаяся ржавчина да белый сухопутный крабик под ногами — тоже, очевидно, забрёл с берега.

В этот миг из леса подул ветерок, и листья старого дерева зашелестели. Лампочки закачались, сочные блики заплясали на мягких складках шёлка и хлопка, на причёсках, ладонях и восторженных лицах. Гости слушали как заворожённые. Даже Даэмана захватил этот дикий, нелепый рассказ. Вдоль дороги трепетали и потрескивали растревоженные факелы.

— А как насчёт войниксов? — промолвила соседка Лоэса. Собиратель бабочек попытался вспомнить и её имя. Эмма, что ли?.. — Там их

больше, чем на суше? Или меньше? Подвижные или стражники?

— Войниксов там нет.

У гостей перехватило дыхание. Даэман ощутил внезапное головокружение. Должно быть, вино ударило.

— Никаких войниксов, — повторила Ада скорее задумчиво, чем изумлённо. Затем подняла бокал и провозгласила: — Тост!

Сервиторы залетали вокруг, наполняя пустые чаши. Коллекционер помотал головой, дабы стряхнуть наваждение. И нацепил на лицо дежурную ослепительную улыбку.

Объявленного тоста не последовало, однако все — Даэман чуть позже остальных — выпили залпом.

К окончанию торжественного ужина ветер разгулялся не на шутку. Тёмные тучи затмили полярное и экваториальное кольца, в воздухе запахло озоном и дождём, плотные завесы которого надвигались по чёрным холмам со стороны заката, и хозяева пригласили гостей в особняк. Вскоре гуляющие разбились на маленькие группы, ища развлечений на свой вкус. В южной оранжерее сервиторы услаждали слух камерной музыкой, некоторых людей привлёк остеклённый бассейн

за домом, изогнутая открытая веранда на втором этаже предлагала стол с изысканными закусками, отдельные парочки уединились в частных комнатах и занялись любовью, прочие, отыскав тихий уголок и нацепив туринские пелены, отправились в древнюю Трою.

Ада повела Ханну и мужчину по имени Харман в домашнюю библиотеку на третий этаж. Даэмана звать не пришлось, он и так следовал за девушкой по пятам. Обольщение, к тому же стремительное (успеть бы до конца уик-энда), — это не только искусство, но и целая наука. Сплав умения, дисциплины, упорства и удачи. Причём основное здесь — упорство.

Не отходя ни на шаг от намеченной добычи, мужчина буквально впитывал в себя тепло, которое излучала кожа Ады сквозь чёрный с бордовыми разводами шёлк. Нижняя губа девушки, как и десять лет назад, опьяняла своей полнотой и ярко-алым цветом, дразнила, будто напрашивалась на укус… Вот Ада обвела рукой огромный зал, указывая гостям на верхние полки, — Даэман разглядел, как мягко, почти незаметно шевельнулась её правая грудь под нежным шёлковым покровом.

Кстати, хотя собиратель и прежде наведывался

в подобные места, библиотека и впрямь оказалась ужасно большой. Целых три стофутовых стены высотою в пятьдесят футов занимали антресоли, вдоль которых легко скользили двухэтажные стремянки, позволявшие быстро достать самый труднодоступный экземпляр. Повсюду, особенно у широченного окна, располагались удобные ниши, кресла, столы с раскрытыми на них фолиантами и даже настоящие книжные шкафы. Собиратель, конечно, знал, что бесполезные артефакты, созданные неведомо с какой целью из кожи, чернил и бумаги, тысячу лет назад были обработаны для сохранения специальными антиразлагающими нанохимикалиями. И тем не менее в этой обитой махагоновыми панелями комнате с её старомодной кожаной мебелью, лужицами электрического света и наводящими тоску полками чувствительный нос Даэмана улавливал явственный запах тления и ветхости. С чего это вдруг семье Ады вздумалось хранить подобный мавзолей, а главное — каким ветром занесло сюда Ханну и Хармана?

Мужчина с вьющимися волосами, якобы доживающий свой последний год и якобы бродивший по дну Атлантической Бреши, остановился на пороге в полном изумлении:

— Ада, это же великолепно!

Проворно взобравшись на стремянку, он проехал вдоль книжных рядов, протянул руку и осторожно коснулся толстого потрёпанного переплёта.

Даэман рассмеялся:

— Вы что же, вообразили, будто бы функция чтения вернулась к людям, Харман Ухр?

Именинник тоже улыбнулся, да так уверенно, что на мгновение коллекционер почти поверил: вот сейчас по его руке побежит поток золотых символов, раскрывая таинственное содержание тома. Само собой, об утраченной функции Даэман знал только понаслышке — когда-то в детстве бабушка рассказывала ему, как развлекались её собственные прапрапрародители.

Однако ничего не произошло. Запечатанные слова не брызнули щедрым дождём. Харман убрал руку за спину.

— А ты, Даэман Ухр, никогда не сожалел о том, что человечество разучилось читать?

Ну и вечерок! Мужчина вновь покатился со смеху, но вдруг поймал на себе взгляды обеих девушек, полные любопытства и необъяснимой неловкости.

— Ясное дело, нет, — выдавил он наконец. — С

какой радости? Разве вся эта древняя мура хоть одним боком касается нашей сегодняшней жизни?

Упрямый «старик» залез повыше.

— И тебе совсем не любопытно, куда исчезли постлюди, отчего их больше не встречают на Земле?

— Что здесь непонятного? Убрались в небесные города на кольцах. Это каждому известно.

— А почему? — настаивал Харман. — Тысячи лет они вмешивались в наши дела, следили чуть ли не за каждым шагом и вдруг улетели?

— Ерунда! — Молодой гость и сам не ожидал от себя столь резкого тона. — ПЛ до сих пор наблюдают за нами. Сверху.

Собеседник закивал с таким видом, словно ему только что открыли глаза, и проехал ещё пару ярдов на латунной стремянке.

— Ну а как насчёт войниксов?

— А что с ними?

— Столько веков лежали недвижно, никак не проявляли себя и вот теперь зашевелились.

Собиратель разинул рот, однако не сразу нашёлся с ответом.

— Полная чепуха. Войниксы, спавшие вплоть до Финального факса, — это же миф. Сказки.

Ада шагнула к нему.

— И ты ни разу не задумывался, откуда они взялись?

— Кто, милая?

— Войниксы.

Даэман расхохотался во всё горло:

— Что ж тут голову ломать, красавица? Эти твари были всегда. Они вечны, постоянны, неизменны, хоть и перемещаются, на время пропадая из виду. Но не исчезают. Как солнце или звёзды.

— Или кольца? — негромко прибавила Ханна.

— Точно, — обрадовался он.

Харман взял с полки тяжёлую книгу:

— Даэман Ухр, Ада упоминала, что ты у нас опытный лепидоптерист.

— Пардон?

— Эксперт по бабочкам.

Молодой мужчина ощутил, как запылали щёки. Приятно, когда твои способности оценивают по заслугам. Даже чужаки. Даже полоумные.

— Не такой уж эксперт, Харман Ухр. Скорее любитель, набравшийся кое-каких знаний от своего дяди.

Именинник спустился с лестницы и разложил фолиант на столе:

— Тогда, я думаю, тебя заинтересует вот это.

Он принялся перелистывать жёлтые страницы, на которых пестрели изображения бабочек. Коллекционер задохнулся. Десятка два названий он выучил со слов дяди, ещё несколько разузнал от собратьев по увлечению. А тут… Соблазнитель протянул руку и бережно коснулся картинки.

— Западный светлый парусник, — изрёк Харман. — *Pterourus rutulus*.

Даже не разобрав последних слов, Даэман восхищённо уставился на старика:

— Ты тоже!..

— Ничуть. — Собеседник указал на другую, золотую с чёрным красавицу: — Монарх, верно?

— Да, — смутился молодой гость.

— Красный адмирал, афродита перламутровка, голубянка Икар, чертополоховка, парусник Феб, — без запинки перечислил Харман.

Коллекционеру оказались известны лишь три названия.

— Вижу, ты настоящий специалист!

— Ничего подобного, — покачал головой его собеседник. — До сей поры я и не подозревал, что у бабочек бывают такие сложные прозвища.

— Неужели… — Даэман уставился на пустую ладонь «шутника». — Ты сохранил функцию чтения. Да?

Именинник опять покачал головой:

— Сейчас на это уже никто не способен. Наши руки утратили множество функций: геопозиционирование, доступ к данным или самоотправление в любую точку от факс-узла.

— Тогда… — Мужчина вконец растерялся.

Да что эти люди задумали? Он-то явился, можно сказать, с добрыми намерениями — соблазнение Ады, конечно, не в счёт, — а они… попросту издеваются. Как же так?

Почуяв надвигающуюся бурю, хозяйка потянула гостя за рукав тонкими пальцами:

— Забудь о функциях, Даэман Ухр. Дело в том, что Харман совсем недавно *выучился читать*.

Даэман опешил. Тарабарщина какая-то. То же самое, что праздновать последний год или молоть чепуху об Атлантической Бреши.

— Это всего лишь навык, — тихо сказал загорелый мужчина. — Ты ведь сумел запомнить названия бабочек… Ну и… с дамами, например…

Последняя фраза совершенно доконала гостя. «Я что, и здесь прогремел?»

Первой заговорила Ханна:

— Харман обещал научить нас этому трюку… с книгами. А что, когда-нибудь пригодится. Я вот хочу больше узнать о литье, пока не заигралась

и не спалила себя заживо.

«*Рытьё?* От слова рыть?» Даэман дружил с одним рыбаком, который умел нарыть червей, но от этого никто не сгорал заживо. И при чём тут чтение…

Молодой гость облизнул пересохшие губы:

— Не люблю я такие игры. Что вам вообще от меня нужно?

— Мы ищем космический корабль, — ответила за всех Ада. — И верим, что именно ты сможешь нас выручить.

6
Олимп

Смена подходит к концу. Я квант-телепортируюсь обратно в комплекс, выстроенный для схолиастов на Олимпе, записываю наблюдения, анализирую их и «загоняю» в запоминающий кристалл, который и отношу в маленький белый зал Музы. К моему удивлению, хозяйка на месте, беседует с моим коллегой.

Его зовут Найтенгельзер. Добродушный такой мужчина, огромный, как медведь. Жил, преподавал и скончался на Среднем Западе Америки где-то в начале двадцатого столетия. Вот и всё, что я узнал за те четыре года, пока он здесь обитает. Стоит мне показаться на пороге, Муза обрывает разговор и отсылает Найтенгельзера прочь. Тот выходит через бронзовую дверь к эскалатору, который змеёй вьётся по Олимпу вниз, к нашим казармам и странному красному миру.

Муза жестом подзывает меня. Ставлю кристалл на мраморный стол перед ней и отступаю обратно. Сейчас она, как обычно, молча отпустит слугу. Однако не тут-то было: хозяйка в моём

присутствии берёт камень, сжимает в ладони и даже прикрывает веки, чтобы сосредоточиться. Я стою напротив и жду. Нервничаю, конечно. Сердце громко бьётся, а руки, сомкнутые за спиной, — видели когда-нибудь профессора, который пытается изобразить солдата в позе «вольно»? — покрываются липким потом.

Боги не умеют читать мысли. К такому заключению я пришёл несколько лет назад. Их сверхъестественное понимание того, что творится в мозгах смертных, равно учёных и героев, основано скорее на отточенном умении подмечать игру лицевых мускулов, малейшие движения глаз и тому подобное. Да, но ведь я могу и ошибаться. Вдруг они все телепаты? Если так и если одному из олимпийцев взбрело на ум заглянуть в мой рассудок именно в тот миг прозрения на берегу, сразу после бурной сцены, которую закатили Ахиллес и Агамемнон… Тогда я покойник. Опять.

Мне доводилось видеть схолиастов, не угодивших Музе. На пятом году осады с нами работал один азиат из двадцать шестого века. Звали его необычно — Брастер Лин. Круглолицый весельчак, самый умный и проницательный из нас. Только и это его не спасло. Парня сгубила — в буквальном смысле — непочтительность к хозяйке.

Помню, Парис и Менелай устроили поединок типа «победитель-получает-всё». Исход единоборства должен был решить судьбу Илиона. Под ободрительные возгласы двух армий на поле сошлись троянский любовник Елены — настоящий красавец в золотых доспехах — и её ахейский супруг, ужасный в своём стремлении быстрее покончить с этим делом. Но битву так и не засчитали. Едва Афродита заметила, что Париса хотят изрубить на корм червям, как спикировала вниз и унесла фаворита с поля сражения, прямиком в спальню Елены. Подобно каждому изнеженному либералу из любого века, в постели этот парень оказался удачливее, чем на войне. В общем, Брастер Лин позволил себе парочку вольностей при описании данного эпизода. Муза юмора не оценила: щёлкнула пальцами — и миллиарды (или триллионы) послушных наноцитов разом вырвались из тела злосчастного схолиаста, будто громадная стая чокнутых нанолеммингов-самоубийц сиганула в пропасть. На наших глазах товарища разорвало на тысячу кровавых кусочков. Его голова покатилась под ноги остальным схолиастам, вытянувшимся по стойке «смирно»; на губах Брастера застыла кривая улыбка.

Это был серьёзный урок, принятый всеми близ-

ко к сердцу. Никакого тенденциозного изложения материала, никаких шуточек над играми богов. Плата за иронию — смерть.

Муза наконец открывает глаза и смотрит на меня.

— Хокенберри, — произносит она тоном завзятого бюрократа, намеревающегося вышвырнуть на улицу конторского служащего средней руки, — как давно вы с нами?

Я понимаю, что вопрос риторический, но пообщайтесь с божеством, пусть даже такого мелкого пошиба, и вы тоже начнёте отвечать на *все* вопросы.

— Девять лет, два месяца и восемнадцать дней, богиня.

Она кивает. Я самый старый из выживших схолиастов. Продержался дольше всех. И хозяйке это известно. Тогда к чему такое официальное признание моей долговечности? Может, это лирический пролог перед тем, как взбесятся наноциты?

Я всегда учил студентов, что муз было девять: Клио, Евтерпа, Талия, Эрато, Полигимния, Урания и Каллиопа. Каждая из дочерей Мнемозины, согласно поздней греческой традиции, получила в дар власть над каким-нибудь способом

художественного выражения: игрой на флейте, к примеру, танцем, искусством рассказчика, героической песни… Однако за девять лет, два месяца и восемнадцать дней службы соглядатаем в долинах Илиона лично я видел и был представлен только одной музе — той, что сейчас возвышается за мраморным столом. Полагаю, это Каллиопа. Не сказать, чтобы мне очень нравился её голос, противный и резкий, точно клаксон (а ведь *calliope* означает «сладкоголосая»). Зато на подчинённых он действует безотказно. Муза скажет: «лягушка» — и мы прыгаем.

— За мной, — бросает хозяйка, стремительно поднимаясь с места, и выходит из беломраморной залы через особую боковую дверь.

Я подскакиваю от неожиданности и бегу следом.

Рост у Музы божественный, более семи футов, а формы по человеческим меркам совершенные (хоть и не такие роскошные, как у той же Афродиты). Напоминают фигуру женщины-легкоатлетки из двадцатого столетия. Даже при слабой гравитации Олимпа я с трудом поспеваю за хозяйкой, ступающей по коротко стриженным лужайкам между белоснежных строений. И вот она останавливается у стоянки колесниц. Мы

здесь именуем их так, пусть сходство и невелико. Низенькие транспортные средства, изогнутые в виде простой подковы. Ни возничих, ни поводьев, ни коней. Уже внутри колесницы Муза хватается за перила и зовёт меня за собой.

Медленно, с бешено колотящимся сердцем шагаю следом и тут же отодвигаюсь в сторону. Хозяйка стучит длинными пальцами по золотому клину — это что-то вроде панели управления. Мигают огоньки. Раздаётся гудение, громкие щелчки, внезапно колесницу опоясывает силовая решётка, и мы поднимаемся над травой, быстро вращаясь. Перед глазами возникает пара голографических «коней», которые галопом «возносят» нас в небо. Знаю, изображения лошадок нужны, чтобы не сбивать с толку греков и троянцев, но иллюзия настолько безупречна, что и я готов поверить в скакунов. Вцепившись в край борта, пытаюсь собраться с духом, хотя никакого ощущения взлёта не появляется. Даже когда транспортный диск выплясывает пьяную джигу, а колесница ныряет вниз и, промчавшись в сотне футов над скромным храмом Музы, разгоняется по направлению к глубокой впадине озера кальдеры.

«Ух ты! Я в колеснице богов!»

Стыдитесь, Томас Хокенберри. Впрочем, это объяснимо: утомление, прилив адреналина…

Разумеется, я и раньше видел, как бессмертные разъезжают у Олимпа или над долинами Илиона по своим небесным делам, однако смотреть снизу — это совсем, совсем не то. С земли кони и колесница кажутся более настоящими, весомыми, что ли. А вот когда вы легко и бесшумно проноситесь в тысяче футов над вершиной горы — точнее, вулкана, — который и сам имеет высоту восемьдесят тысяч футов…

По идее, макушка Олимпа должна находиться в безвоздушном пространстве и сиять вечными льдами. Но я спокойно дышу здесь, как и в казармах схолиастов семнадцатью милями ниже, у подножия вулканических скал, а вместо льда тут мягкая трава, деревья и громадные белые здания, рядом с которыми Акрополь показался бы надворной постройкой.

На сверхзвуковой скорости мы со свистом пролетаем над восьмёркой озера шестидесяти миль в поперечнике. Силовое поле, а может, божественная магия заглушает вой ветра и не даёт ему оторвать наши дерзкие головы. По берегу кальдеры расположились сотни домов, окружённые акрами вылизанных лужаек, а синие

воды рассекают гигантские самоходные триеры. Брастер Лин сказал как-то раз, что, по его прикидкам, гора богов достигает размеров Аризоны, а площадь вершины приблизительно совпадает с общей поверхностью Род-Айленда. Как странно сравнивать местные достопримечательности со штатами из иного мира, иного времени, иной жизни.

Не отрывая обеих рук от узеньких перил, вытягиваюсь и заглядываю за Олимп. Потрясающее зрелище захватывает дух.

Мы так высоко, что я вижу, как на северо-западе синий горизонт изгибается перевёрнутым полумесяцем. Поразительно: даже с этого расстояния мой глаз различает колоссальные каменные головы, обозначающие границу моря и суши на северо-востоке. К северу тянется безымянный архипелаг, едва заметный с побережья, что лежит в нескольких милях от наших казарм, а дальше — сплошная лазурь до самого полюса. На юго-востоке вырисовываются ещё три горы; они явно пониже Олимпа, однако в отличие от вулкана с его управляемым климатом укрыты седым снегом. Вроде бы одна из них должна называться Геликон и там обитает Муза со своими сёстрами, если они вправду существуют. Сотни миль к югу

и юго-западу занимают возделанные поля, затем тянутся дикие леса, за ними расстилается красная пустыня, потом… наверное, снова лес, хоть я и не уверен: даль теряется в туманной дымке, сколько ни моргай и ни три кулаком слезящиеся глаза.

Колесница выписывает крутой вираж и снижается к западному побережью озера кальдеры. Белые точки, замеченные мною с немыслимой высоты, оказываются мраморными домами, каждый из которых украшают парадные лестницы, грандиозные фронтоны, изваяния и колонны. Спорю на что угодно: в этой части Олимпа не бывал ни один из схолиастов… А если и бывал, то не дожил до того, чтобы поделиться впечатлениями.

Мы приземляемся у огромнейшего из огромных зданий, и голографические лошади тотчас испаряются. Вокруг в беспорядке припаркованы сотни небесных колесниц.

Хозяйка достаёт из складок одеяния нечто вроде медальона.

— Хокенберри, я получила приказ доставить тебя туда, где ты не можешь находиться. Мне также велено вручить предметы, без которых тебя здесь прихлопнут словно муху, как только обнаружат. Надень это.

Она протягивает мне какой-то капюшон из тиснёной кожи и медальон на цепочке — маленький, но увесистый, точно из золота. Муза наклоняется и поворачивает часть диска по часовой стрелке.

— Это персональный квант-телепортатор, такими пользуются все боги, — негромко произносит хозяйка. — Он переносит в любое место, которое ты сможешь отчётливо представить. Этот квит-диск помогает отслеживать квантовый след каждого бессмертного в пространстве Планка. Однако ни один из нас — кроме того, кто дал мне медальон — не сможет выследить *тебя*. Понятно?

— Да, — лепечу я в ответ.

Ну, всё. Пришла моя погибель.

Следующий «дар» ещё ужаснее.

— Это Шлем Смерти, изготовленный самим Аидом. — Муза напяливает на меня затейливый капюшон, свободно ниспадающий за спину, точно монашеский клобук. — Единственное во вселенной средство укрыться от глаз бессмертных.

Я моргаю с преглупым видом. Смутно припоминаю, что греческое «Аидес» (с умлаутом над «и» и кареткой над «е»), согласно чьему-то подстрочнику, могло означать «невидимый». Если не

ошибаюсь, Шлем Смерти появляется всего лишь в одном эпизоде «Илиады» — Афина покрывается им, прячась от бога войны Ареса.

Какого, прошу прощения, артишока бессмертные передают подобную вещь в мои руки? При одной лишь попытке представить, что же они потребуют взамен, у меня подгибаются колени.

— Надень Шлем, — распоряжается Муза.

Неуклюже расправляю и запахиваю на лице складки толстой дублёной кожи со вшитыми в неё цепочками микросхем и наноаппаратами. В капюшон встроены гибкие окуляры чёткого видения, а также тонкая сеточка на уровне рта. Воздух вокруг начинает странно колыхаться, но других изменений я не замечаю.

— Невероятно, — говорит хозяйка. И глядит сквозь меня.

Ну и дела. Понятия не имею, как работает эта штуковина, только, судя по всему, я осуществил мечту любого подростка — превратился в настоящего невидимку. Меня сжигает желание броситься отсюда очертя голову, забиться хоть в кроличью нору, лишь бы подальше от бессмертных. Однако я удерживаюсь от неразумного шага. Тут какой-то подвох. Ни бог, ни богиня, ни тем более моя Муза не стали бы наделять простого

схолиаста столь изумительной силой, не приняв определённых предосторожностей.

— Устройство защищает от любого взгляда, — вполголоса молвит хозяйка, уставившись куда-то вправо от моей головы. — Но та, что поручила мне эту миссию, разыщет тебя где угодно, Хокенберри. Медальон заглушает звуки, запахи и даже биение сердца. И тем не менее запомни хорошенько: наше восприятие неизмеримо обостреннее вашего. Не вздумай отойти хотя бы на шаг в ближайшие минуты. Ступай как можно легче, дыши как можно слабее и молчи. Если тебя раскроют, от ярости Зевса не спасёт и самое высокое покровительство.

Хм, интересно. Сначала запугает, а потом: «Ступай тише, дыши легче…»

Послушно киваю. Божественные глаза Музы продолжают напряжённо всматриваться в пустоту. Ах да, она же не видит.

— Да, богиня, — сипло отзываюсь я.

— Возьми меня за руку, — отрывисто бросает хозяйка. — Держись рядом и не отрывайся. Ослушаешься — будешь уничтожен.

Я хватаю её за локоть, словно робкая курсистка, впервые попавшая на вечеринку. Кожа у Музы холодная.

Однажды я посетил сборочный комплекс в космическом центре имени Джона Кеннеди, на мысе Канаверал. Экскурсовод упомянул, что временами под крышей здания, в сотне футов над бетонным полом, собираются настоящие тучи. Возьмите это сорокаэтажное строение, поставьте где-нибудь в углу того помещения, в котором я очутился, — и огромный комплекс вертикальной сборки затеряется здесь, как детская игрушка из конструктора «Лего», забытая в соборе Святого Петра.

Услышав слово «бог», вы, конечно, представляете себе самых популярных бессмертных — Зевса, Геру, Аполлона и пару-тройку других. Но тут их сотни, а комната полупуста. В милях над нами распростёрся золотой купол, заметно контрастирующий с прочими классическими зданиями на Олимпе (ибо греки ещё не открыли принцип сложения куполов), и звуки разговора гулко разносятся в каждом уголке этих изумительных просторов.

Полы кажутся выполненными из чеканного золота. Божества глядят вниз с округлых лож, опираясь на мраморные перила. Стены испещрены сотнями и сотнями арочных ниш, каждая из которых являет взору скульптуру какого-нибудь

бога. Причём из тех, что присутствуют.

То тут, то там мерцают голографические изображения ахейцев и троянцев — в основном полноцветные, трёхмерные, в нормальный рост; люди спорят, едят, занимаются любовью или спят.

Ближе к середине сияющий пол опускается и образует впадину, в которой преспокойно уместились бы все олимпийские бассейны мира, вместе взятые. Здесь плавают, вспыхивая, картины Илиона, более совпадающие с реальным временем: обширные виды с высоты птичьего полёта, крупные планы, панорамная съёмка, полиэкран. Все диалоги раздаются будто бы у вас над ухом. Вокруг видеопруда, сидя на тронах из самоцветов, развалясь на роскошных ложах, стоя в белоснежных тогах со складочками, словно скопированных из комиксов, разместились боги. На сей раз *важные* боги — те самые, разрекламированные, известные каждому младшему школьнику.

Те, что попроще, сторонятся, пропуская Музу в центр, и я со всех ног бегу рядом. Дрожащая ладонь нервно стискивает золотой локоть хозяйки; теперь главное — не шаркнуть сандалией, не споткнуться, не чихнуть, не дышать. Похоже,

бессмертные и в самом деле не замечают моего присутствия. Есть подозрение, что они довольно быстро дали бы мне понять обратное.

Муза останавливается в нескольких ярдах от Афины Паллады. Я чувствую себя трёхлетним малышом, вцепившимся в мамочкины юбки.

Одна из младших богинь, Геба, снуёт в толпе, наполняя блистающие кубки бессмертных неким золотым нектаром; несмотря на это, божества ожесточённо спорят. С первого взгляда ясно, кто здесь владыка, кто движет по небу чёрные тучи. Огромный, бородатый, умащённый благовониями Зевс, бог богов, восседающий на высоком престоле, — это вам не комикс, а страшная реальность. Его властное присутствие настолько осязаемо, что кровь в моих жилах застывает сгустками холодной слизи.

— Ну и как же нам повлиять на ход войны? — вопрошает Громовержец, а сам так и мечет негодующие взгляды в сторону своей супруги. — Или хотя бы на судьбу Елены? До каких пор богини вроде Геры аргивской или Афины, заступницы воинов, не прекратят вмешиваться в события по любому поводу? Зачем, спрашивается, было удерживать Ахиллеса от пролития крови Атрида?

Он устремляет штормовой взор на ту, что раз-

леглась на пурпурном ложе:

— Ты тоже хороша, улыбколюбивая Афродита: носишься с этим смазливым Парисом, отклоняешь от него острые копья, только пылинки не сдуваешь! Нет чтобы ясно выказать людям волю богов, а ещё важнее — волю Зевса! Вместо этого вы суете нос не в свои дела, защищая любимчиков даже вопреки судьбе! Менелай увезёт Елену домой, Гера, так что забудь свои интриги… Впрочем, кто знает, Илион может ещё одержать победу. И это решать не вам, горстке бессмертных женщин.

Гера поднимает к груди тонкие сцепленные пальцы. В поэме богиню столько раз величают «белорукой», что я почти поверил, будто её руки самые белые на Олимпе. Кожа у бессмертной и вправду молочная, но ничуть не молочнее с виду, чем у любой из богинь, собравшихся здесь, — не считая, конечно, Афины с её необычным загаром. Ну да, эти описательные пассажи — всего лишь дань гомеровскому типу эпической поэзии. Ахиллес, например, вечно зовётся «быстроногим», Аполлон — «дальноразящим», а имени Агамемнона предшествуют определения «пространнодержавный» и «повелитель мужей»; ахейцы в «Илиаде» почти всегда «пышнопонож-

ные», корабли у них «чёрные» или «полые», и так далее и тому подобное.

Повторяемые эпитеты отвечали скорее суровым требованиям дактилического гекзаметра, чем выполняли описательные функции; с их помощью певец укладывал предложения в стандартный ритм. Я вообще подозреваю, что многие из ритуальных оборотов, таких как «встала из мрака с перстами пурпурными Эос» и прочая словесная мишура, лишь позволяли певцу выиграть лишнее время, дабы припомнить — если не выдумать заново — дальнейшую линию повествования.

И тем не менее, когда Гера в ярости ответствует супругу, я не могу удержаться и смотрю на её руки.

— Помилуй, что за речи, жестокосердый сын Крона! Значит, плакали мои тяжкие труды? Да я тут потом исхожу, точно какая-нибудь смертная рабыня, бросаю целые армии в наступление, задабриваю мужское эго каждого из героев, только бы парни не перерезали друг друга раньше, чем разрушат Трою… Это же сколько сил — моих сил, о Зевс! — потрачено, чтобы навлечь великие несчастья на царя Приама, и Приамовых сынов, и Приамов город!

Громовержец хмурит брови, чуть наклоняется вперёд из своего неудобного на вид трона, складывает и снова расцепляет огромные руки.

Гера раздражённо всплёскивает ладонями:

— Поступай как знаешь — а ты всегда так и делал, — только не жди от нас похвалы.

Зевс поднимается с места, распрямляясь во все свои двадцать футов роста. Среди прочих, восьми— или девятифутовых богов он выглядит настоящим исполином. Лоб громовержца скорее сморщен в недоумении, чем нахмурен. Голос Кронида гремит небесным громом (и это не поэтическая метафора):

— Гера, Гера! Моя любимая, дражайшая, ненасытная половина! Ну тебе-то какое дело до Приама и Приамовых сынов? Чем они заслужили такую немилость? Ведь ты готова стереть Илион с лица земли!

Супруга молчит, опустив руки, и это лишь подхлёстывает царственный гнев Зевса.

— Слушай, богиня, да это даже не злость — аппетит! Чтобы его утолить, тебе пришлось бы высадить ворота Трои, разнести её крепкие стены и поглотить несчастных живьём!

Судя по выражению лица Геры, она и не собирается опровергать это обвинение.

— Ну… э-э-э… — Громовержец заикается, подобно… впрочем, мужья, живущие в любом тысячелетии, уже поняли, о чём я. — Будь потвоему. Но запомни, и запомни хорошенько, дорогая: наступит день, и я решу ради каприза погубить город, который мил тебе не меньше, чем мне, — прекрасный Илион. И когда кровь польётся ручьями, даже не мечтай остановить мою руку.

Белорукая богиня делает три стремительных шага вперёд; в этот миг она похожа на атакующего хищника или на гроссмейстера, прорвавшего ослабленную оборону противника.

— Да! В мире есть три города, которыми я дорожу: великий Аргос, Спарта, Микены, чьи улицы столь же широки и державны, как в твоей злосчастной Трое. Пожалуйста, можешь истреблять их в своё удовольствие, словно последний вандал. Я не скажу ни слова… Да и что толку? Сила на твоей стороне, господин мой. Однако не забывай, о Зевс: я тоже дочь хитроумного Крона и потому заслуживаю хоть немного почтения!

— Я и не спорю, — отвечает Кронид, опускаясь на место.

— Так давай уступим друг другу, — отзывается супруга медоточивым голоском. — Я послушаю

тебя, ты меня; подадим добрый пример для меньших бессмертных! Поспеши, муж мой! На поле брани теперь затишье из-за идиотского перемирия. Постарайся, чтобы троянцы нарушили клятву и нанесли урон достославным ахейцам.

Щёки Зевса пылают. Поёрзав на престоле и прочистив горло, он отдаёт приказ Афине, разинувшей рот от нетерпения:

— Ступай сейчас же на затихшее поле брани меж Троей и лагерем ахейцев. Проследи, чтобы троянцы нарушили клятву и нанесли урон достославным ахейцам.

— И в пылу победы бросились на аргивян, — добавляет Гера.

— И в пылу победы бросились на аргивян, — устало повторяет Громовержец.

Полыхает квантовая вспышка, и Афина улетучивается. Царственный Кронид с супругой покидают ассамблею, и прочие боги тоже начинают расходиться, негромко переговариваясь между собой.

Муза еле заметным движением пальца манит меня за собой и уводит прочь.

— Итак, Хокенберри, — произносит богиня любви, откинувшись на устланном подушками ложе.

Ослабленная гравитация подчёркивает прелесть её роскошного, молочного, гладкого, точно шёлк, тела.

Из Великого Зала Собраний Муза привела меня в полутёмный чертог, освещённый лишь догорающим канделябром и неким загадочным предметом, подозрительно смахивающим на экран компьютера.

— Сними Шлем, — шепнула хозяйка.

Я с облегчением повиновался, хоть меня и трясло при мысли о том, чтобы снова стать видимым.

Тут вошла Афродита и возлегла на ложе.

— Ступай, Мелета, я тебя позову, — кивнула она, и Муза скрылась за потайной дверью.

Вот оно что! Мелета. Не одна из девяти, а одна из *трёх* сестёр, в которых верили прежде. Мелета отвечала за «упражнение», Мнема — за «запоминание», Аоиде же досталось…

— Я *видела* тебя в Зале Богов, Хокенберри. — Голос Афродиты мгновенно пробуждает меня от учёной задумчивости. — Стоило мне подмигнуть владыке Зевсу, и от тебя не осталось бы даже приличной горстки пепла. Квит-медальон, как ты знаешь, спасает от чьих угодно глаз, но только не от моих. Знаешь, почему ты здесь?

Афродита — моя покровительница?! Так это она велела хозяйке… Ну и ну. Я-то думал, что девять лет, два месяца и восемнадцать дней ни единое божество, кроме Музы, и не догадывалось о моём существовании. Как себя повести? Преклонить колени? Пасть ниц?

Я ограничиваюсь учтивым поклоном, стараясь не слишком пялиться на её небесную красоту. На эти розовые груди, просвечивающие сквозь тонкий шёлк, и мягкий изгиб живота, бросающий загадочные тени туда, где сходятся бёдра. Вот зараза, вопрос уже вылетел из головы.

— Нет, богиня, — выдавливаю из себя в конце концов.

— Известно ли тебе, зачем профессор Хокенберри был избран для реинтеграции среди многих других? С какой целью все его рукописи сохранены в симплексе?

— Нет, богиня.

— Ты хоть имеешь представление о том, что такое симплекс, о жалкая тень смертного?

«М-м-м, что-нибудь вроде герпеса?»

— Нет, богиня.

— Симплекс есть простой геометрический математический объект, упражнение логистики, обособленно свёрнутый треугольник или тра-

пецоид, — поясняет она. — Только в сочетании с многочисленными измерениями и алгоритмами, определяющими новые воображаемые пространства, творя и отбрасывая вероятные области n-пространства, плоскости вытеснения становятся обязательными кривыми. Теперь-то понимаешь, Хокенберри? Ясно, как этот факт применим к квантовому пространству, времени, к войне там, внизу, или к твоей собственной участи?

— Нет, богиня. — Мой голос дрожит. А что поделать?

Тихо шелестят шелка; на миг поднимаю взгляд и замечаю изящное движение гладких бёдер и нежных рук; самая обворожительная женщина в мире меняет позу, устраиваясь поудобнее.

— Не важно. Несколько тысяч лет назад ты, а вернее, твой смертный прототип написал книгу. Помнишь, о чём?

— Нет, богиня.

— Повторишь ещё раз, и я разорву тебя от промежности до макушки, а из кишок сошью новые подвязки. И это не поэтический образ. Теперь дошло?!

Попробуйте поговорить, когда во рту не осталось слюны.

— Да, богиня.

И как мне удалось просипеть ответ?

— Твой труд занял девятьсот тридцать пять страниц, посвящённых одному-единственному слову — *Menin*. Сейчас-то вспомнил?

— Нет, бо… боюсь, что я всё забыл, госпожа Афродита, но уверен, что вы абсолютно правы.

Я снова украдкой вскидываю глаза. Успеваю заметить: богиня улыбается. её подбородок покоится на левой руке, и кончики длинных пальцев касаются безупречно изогнутой тёмной брови. Какие у неё очи! Цвета лучшего коньяка.

— Гнев, — вполголоса изрекает Афродита. — *Menin aeide thea*…[9] Тебе ведомо, кому достанется победа, Хокенберри?

Ну и спросила. Хорош бы я был, если бы не знал исхода поэмы. Хотя, конечно, «Илиада» заканчивается ритуалом погребения Ахиллесова друга Патрокла,[10] а не падением Трои, в песнях не содержится и намёка на гигантского коня, мимоходом упомянутого в «Одиссее», да ещё в другом эпосе… Но если я заявлю, будто знаю, куда кло-

---

[9] notes: 9

«Гнев, богиня, воспой…» (греч.)

[10] notes: 10

В действительности поэма завершается погребением Гектора; Патрокл захоронен в конце предпоследней песни.

нится *настоящая* война, а подслушанный нынче спор дал мне чётко понять нерушимость Зевсова указа о том, чтобы не сообщать богам будущее, предсказанное вещим слепцом… То есть раз уж бессмертные сами не подозревают, чем огорошит их завтрашний день, а я возьму и скажу им, не сочтут ли это прямым вызовом Олимпу и самой Судьбе? Спесь — не совсем то слово, к которому тут питают нежные чувства. И ещё: только Громовержец читал поэму от корки до корки, после чего *лично* запретил богам обсуждать любые события, кроме уже случившихся. И не говорите мне, что послать Кронида подальше — хорошая политика для выживания в здешних местах. С другой стороны, я целиком и полностью поверил, когда эта леди так мило пошутила насчёт подвязок из человечьих кишок.

— Э-э… Простите, богиня, я забыл вопрос.

— Тебе знакомо содержание «Илиады», однако я нарушу приказ Владыки, если пожелаю услышать хоть пару строчек. — Афродита больше не улыбается, она даже слегка надувает губки. — И всё же я могу спросить, вправду ли Гомер описывает *нашу* реальность, или нет? По-твоему, Хокенберри, кто правит миром — Зевс? А может быть, Судьба?

Вот ведь чёрт! Как ни поверни, быть мне без кишок, а некой красавице — богине — уже сегодня щеголять в скользких подвязках. Собираюсь с духом.

— Полагаю, госпожа, что хотя вселенная покорна воле Громовержца и не в силах противиться капризам божественной силы, которую прозвали Судьбой, есть ещё Хаос, и он по-прежнему любит вмешиваться в жизни людей и бессмертных.

Собеседница тихонько присвистывает от изумления. Что со мной? Она вся такая мягкая, чувственная, соблазнительная…

— На сей раз мы не уступим поле сражения Хаосу, — изрекает она без тени приятного удивления в голосе. — Ты видел, как Ахиллес удалился нынче с общего совета?

— Да, богиня.

— Тебе известно, что мужеубийца умолял Фетиду отомстить своим товарищам-ахейцам за злую обиду, причинённую ему Агамемноном?

— Я сам не наблюдал за молитвой, богиня, однако этот факт не противоречит… содержанию поэмы.

Кажется, выкрутился. Событие-то в прошлом. К тому же Фетида — мать Ахиллеса и весь Олимп в курсе: «быстроногий» побежал поплакать у неё

на плече.

— О да, — молвит Афродита, — эта коварная мерзавка с мокрыми грудями побывала здесь, обнимала колени Зевса, а наш бородатый хрыч только что вернулся с эфиопской оргии… в общем, расклеился весь. Обещал, старый педик, даровать сынам Илиона победу за победой, и ведь не подумал, каково это — перечить супруге, верховной защитнице аргивян. Вот и нарвался.

Я стою перед ней, выпрямив спину, руки вытянуты по швам ладонями вперёд, голова чуть склонена, глаза неотрывно следят за богиней. Точно за коброй. Хотя если эта дама решит напасть — куда там стремительной кобре с её смертельным ядом!

— А знаешь, по какой причине ты продержался дольше всех, схолиаст? — вдруг рявкает Афродита.

Это конец. Любое слово станет моим приговором. Молча, почти неприметно, мотаю головой.

— Ты жив, потому что избран. И должен сослужить мне одну службу.

Струйки пота, стекающие по лбу, начинают щипать глаза. Солёные ручьи бегут по щекам за пазуху. Девять лет, два месяца и восемнадцать дней моя обязанность заключалась лишь в од-

ном — наблюдать и не вмешиваться. Ни в коем случае. Никоим образом не влиять на поведение персонажей или тем паче на ход войны.

— Слышал, что я сказала, Хокенберри?

— Да, богиня.

Афродита встаёт с ложа, и моё лицо склоняется ещё ниже. Снова этот тихий шелест шёлкового платья. Я внимаю даже тому, как её белые, гладкие бёдра нежно трутся друг о друга при каждом шаге. Богиня любви приближается ко мне вплотную. Чистый аромат этой женщины нещадно кружит голову. Дочь Зевса возвышается надо мною, словно мраморная статуя. А я и забыл, как сильно мы разнимся в росте. её упругие груди почти касаются моего пылающего лба. Меня одолевает нестерпимое желание уткнуться носом в благоухающую ложбину между этих холмов, и пропади всё пропадом. И плевать я хотел на мучительные пытки, на чёрную смерть…

Афродита опускает ладонь на сведённое судорогой плечо, гладит грубую тиснёную кожу Аидова Шлема, проводит пальцами по щеке. Закипающий ужас не в силах побороть мощную эрекцию: мой дружок вздымается и твёрдо застывает в таком положении.

Шёпот богини щекочет ухо — ласковый, зазыв-

ный, чуть игривый. Она не может не понимать, что со мной творится. Чего и ждать при такой красоте? Наши лица сближаются; я чувствую кожей её лучистое тепло, а затем слышу всего две команды.

— Отныне ты станешь следить для меня за другими бессмертными, — спокойно произносит Афродита. И тихо, так тихо, что биение моего сердца почти заглушает её слова, добавляет: — Ну а потом, когда придёт время, ты убьёшь Афину.

7
Централ Хаоса Конамара

Пять моравеков, включая Манмута, собрались в общем отсеке с искусственной атмосферой. Европеец Астиг-Че — первичный интегратор, обитатель ударного кратера Пвилл — был немного знаком провинциалу Манмуту, но трое других казались более чужеродными, чем кракены. Тот, что прибыл с Ганимеда, сверлил всех неподвижным взором мушиных глаз с высоты элегантного, по-старомодному гуманоидного тела, затянутого в чёрный углепласт. Каллистянин метрового роста, весящий тридцать — сорок килограммов, дизайном и величиной чуть сильнее напоминал Манмута и имел менее человекообразный вид, хотя под прозрачным полимидным покрытием виднелась синтетическая кожа и местами даже настоящая плоть. Пришелец с Ио… Ну, он-то производил самое глубокое впечатление. Тяжеловооружённый ионийский конструкт древнего дизайна для интенсивного использования, способный выдержать воздействие плазменного тора и серные извержения, смахивал на земного

краба трёхметровой высоты и пятиметровой длины, на котором в беспорядке висели несметные подвижные объективы, поворотные движители, гибкие антенны, сенсоры широкого применения, адаптеры… Существо могло обитать даже в полном вакууме; его побитая, начищенная песком, отполированная и вновь исцарапанная поверхность выглядела такой же рябой, как и сама Ио. Здесь, в конференц-зале с накачанным воздухом, этот моравек втянул реактивные сопла, чтобы ненароком не повредить пол. Манмут невольно переместился к противоположной стене, подальше от громадного чужака.

Никто из вошедших не представился ни по инфракрасной, ни по личной связи, и капитан «Смуглой леди» не стал нарушать здешних правил. Он молча подключился к шаровым питательным шлангам в своей нише, сделал пару глотков и принялся ждать.

Как ни радовала гостя редкая возможность подышать, его всё же удивила необычная плотность атмосферы — целых 700 миллибар, — особенно если учесть присутствие коллег с Ио и Ганимеда, которые вообще не нуждались в воздухе. Однако потом Астиг-Че произнёс первые слова — вслух, на английском языке Потерянной Эпохи, исполь-

зуя микроколебания атмосферы, — и Манмут понял, для чего это потребовалось. Конечно же, не для удобства прибывших, но из соображений секретности. Здесь, в почти безвоздушной системе Галилея, озвученная речь являлась наиболее защищённой формой коммуникации.

— Хочу поблагодарить каждого из вас, кто прервал дела ради того, чтобы собраться здесь, — начал первичный интегратор, — в особенности путешественников, добравшихся издалека. Моё имя Астиг-Че. Добро пожаловать, Корос III с Ганимеда, Ри По с Каллисто, Манмут с южного полюса, а также Орфу с Ио.

Хозяин «Смуглой леди» изумлённо развернулся и тотчас включил персональную связь.

— Орфу с Ио? Мой давний собеседник, знаток Шекспира?

— Да, это я, мой друг. Очень рад познакомиться с тобой лично.

— Поразительно! Встретиться столь случайным образом…

— Не таким уж случайным, Манмут. Узнав, что тебя позовут в эту самоубийственную экспедицию, я сам напросился на приглашение.

— Самоубийственную?

— За пятьдесят с лишним юпитерианских лет, а

это примерно шесть земных веков, — продолжал Астиг-Че, — мы не вступали в контакт с постлюдьми и ничего не знали об их намерениях. И нам это не нравится. Пора выслать экспедицию и разузнать, сильно ли изменилось положение этих существ в системе, не несут ли они прямой и непосредственной угрозы обитателям Галилеи… — Говорящий помолчал и веско прибавил: — Как мы подозреваем.

Стена за спиной европейского интегратора сделалась прозрачной, показывая громадный Юпитер, нависший над залитыми звёздным сиянием ледяными полями, потом затуманилась и явила взглядам величавый танец различных миров и спутников вокруг далёкого Солнца. Картинка резко увеличилась и сосредоточилась на системе Земли с её кольцами и Луной.

— Пятьсот земных лет наши приборы улавливают всё меньшие всплески активности в модулированном радио, нейтрино и гравитоническом спектрах. Я имею в виду полярное и экваториальное кольца планеты, то есть места поселения постлюдей, — произнёс Астиг-Че. — За последний век показатели упали до нуля. На самой Земле зафиксированы лишь остаточные следы — возможно, признаки деятельности ро-

ботов.

— А как насчёт горстки настоящих людей? Они выжили? — поинтересовался Ри По с Каллисто.

— Этого мы не знаем. — Европеец провёл ладонью по экрану, и всё окно заполнило изображение Земли.

Манмут затаил дыхание. Две трети планеты заливал солнечный свет. Сквозь подвижные массы белых облаков были видны голубые моря и остатки бурых материков. Европейский моравек никогда прежде не видел Землю, и ярчайшие, насыщенные краски потрясли его воображение.

— Картинка дана в реальном времени? — спросил Корос III.

— Да. Консорциум Пяти Лун соорудил небольшой оптический телескоп дальней космической связи сразу же за головной ударной волной. Ри По принимал участие в проекте.

— Извините за слабое разрешение, — вмешался каллистанец. — Но мы обратились к астрономии видимого света не далее как юпитерианский век тому назад, а с этой работой пришлось поспешить.

— Найдены какие-либо следы настоящих? — подал голос Орфу, прибавив по личной связи, специально для Манмута: — *Потомков твоего*

любимого Шекспира…

— Пока ничего не известно, — ответил Астиг-Че. — Самое большое разрешение, доступное нам, — два километра. Ни признаков человеческой жизни, ни новых артефактов до сих пор не обнаружено. Только древние, давно нанесённые на карту развалины. Приборы улавливают слабую активность нейтрино-факсов, однако она может являться остаточной или чисто автоматической. Честно говоря, на данный момент люди нас не беспокоят. Чего нельзя сказать о постлюдях.

— *Постой-ка.* **Моего** *Шекспира?* — передал Манмут огромному ионийцу. — *Ты имел в виду* **нашего**?

— *Прости, дружище. Как бы ни привлекали меня сонеты и даже пьесы твоего Барда, должен признаться, моя истинная страсть — творчество Пруста.*

— *Пруст? Этот эстет? Ты шутишь?*

— *Ни в коей мере.* — В дозвуковом спектре личного луча связи раздались грохочущие раскаты: европеец расценил их как смех Орфу.

Между тем облачённый в ярко-жёлтые доспехи интегратор вывел на экран миллионы орбитальных поселений, торжественно описывающих

круги неподалёку от земной поверхности. Переливаясь на солнце ослепительными бело-серебристыми огнями, они выглядели необыкновенно холодными. И пустыми.

— Никаких челноков. Ни единого случая факсирования между планетой и кольцами. И кстати, мост от колец до Марса, обнаруженный нами всего лишь двадцать юпитерианских или же двести сорок с чем-то земных лет назад, бесследно исчез.

— Полагаете, постлюди вымерли? — заговорил Корос III. — Или мигрировали?

— Мы засекли хронокластические, энергетические, квантовые и гравитационные приливы, — промолвил высокий, более человекообразный по сравнению с Манмутом, интегратор мягким, негромким, хорошо поставленным голосом. — Теперь наше внимание приковано к Марсу.

На экране возникла четвёртая планета.

Если Марс когда-нибудь и притягивал к себе внимание хозяина «Смуглой леди», то в лучшем случае весьма рассеянное. Где-то на задворках его памяти хранились голограммы и фотографии времён Потерянной Эпохи: красно-рыжий, словно изъеденный ржавчиной мир, ничего особенного.

И вдруг недоверчивому взору моравека предстало синее море — оно заливало почти всё северное полушарие — и лазурная лента реки шириною в километры, что бежала к океану через Долину Маринера. Южное полушарие по большей части оставалось красновато-бурым, но теперь его покрывали крупные зелёные оазисы. Вулканы Фарсиды, над одним из которых курился дымок, всё так же тянулись тёмной цепью с юго-запада на северо-восток. Однако гора Олимп высилась уже в двадцати километрах от просторной бухты северного океана. В небесах клубились блестящие на солнце облака; где-то в районе плато Эллады, за тёмной кромкой границы дня и ночи мерцали яркие вспышки. К северу от побережья Долины Хриза Манмут разглядел мощные завихрения циклона.

— Планету терраформировали, — заметил он вслух. — Постлюди терраформировали Марс.

— И как давно? — произнёс Орфу.

Дело в том, что обитателей Галилеи совершенно не трогала судьба Внутренних миров. (Интерес вызывала одна лишь их литература.) Поэтому подобное событие могло произойти незамеченным в течение двадцати пяти земных столетий после окончательного разрыва между человечеством

и моравеками.

— Примерно двести лет назад, — откликнулся Астиг-Че. — В крайнем случае сто пятьдесят.

— Невозможно, — отрубил Корос III. — Слишком короткий промежуток времени.

— Согласен, — кивнул интегратор. — Но как видите…

— Выходит, постлюди переселились на Марс, — проговорил Орфу.

— Не думаем, — ответил маленький Ри По. — Разрешение здесь лучше, чем на Земле; давайте посмотрим на линии побережья…

В окне появился изогнутый полуостров немного севернее того места, где реки Долины Маринера (настолько широкие, что впору назвать их длинными внутренними морями) впадали в залив и через тонкий перешеек несли свои воды в океан. Изображение увеличилось. Там, где земля подходила к морю, оборачиваясь то безжизненными багровыми холмами, то зелёными, лесистыми долинами, тянулся чёткий ряд из крохотных тёмных пятен.

— Это что… скульптуры? — изумился Манмут после второго «наезда».

— Скорее каменные головы, — пояснил каллистянин.

Картинка немного сдвинулась, и размытые тени позволили различить высокий лоб, нос и дерзкий подбородок.

— Очень странно, — пожал плечами Корос III. — Чтобы опоясать весь океан, потребуются миллионы подобных сооружений с острова Пасхи…

— Мы насчитали четыре миллиона двести три тысячи пятьсот девять, — уточнил Астиг-Че. — Однако строительство не закончено. Обратите внимание на следующее фото, сделанное несколько месяцев назад, когда Марс максимально приблизился к нашей планете.

Мириады расплывчатых миниатюрных существ тянули за собой нечто, напоминающее ту же каменную голову, только поставленную на ролики. Лицо смотрело в небо, уставившись впадинами глаз прямо в объектив телескопа. Оказалось, фигурки тащили немыслимую тяжесть при помощи бесчисленных канатов. Манмуту припомнились египетские рабы, возводившие пирамиды.

— Это люди или роботы? — спросил Орфу.

— Похоже, ни те ни другие, — покачал головой Ри По. — Размеры неподходящие. И ещё, если вы потрудитесь включить спектральный анализ и

разглядеть их цвет…

— Зелёные? — первым поразился хозяин «Смуглой леди». Реальные, не книжные загадки выводили его из равновесия. — Зелёные роботы?

— Или неизвестная прежде раса мелких гуманоидов, — с серьёзным видом предположил Астиг-Че.

Орфу разразился дозвуковым хохотом, а потом таинственно сказал:

— МЗЧ.

— (?) — передал Манмут.

— Маленькие зелёные человечки, — откликнулся его товарищ по обычной связи. И снова довольно загромыхал.

— Хорошо, но зачем нас вызывали? — Капитан подлодки посмотрел в глаза интегратору. — При чём здесь терраформирование и…

Астиг-Че вернул окну первоначальную прозрачность. Кольца Юпитера и ледяные поля Европы имели довольно блёклый вид по сравнению с только что увиденными картинами трепещущих бело-голубых Внутренних миров.

— На Марс будет послана экспедиция, — проговорил первичный интегратор. — Задача — исследовать планету и выслать подробный отчёт. Для этой миссии избраны вы. Если не желаете, то

можете отказаться прямо сейчас.

Четвёрка затихла во всех спектрах общения.

— «Выслать отчёт» не обязательно значит «вернуться самим», — продолжал Астиг-Че. — Хотя бы потому, что у нас нет надёжного способа возвратить вас в систему Юпитера. Пожалуйста, дайте знать, если хотите, чтобы вас заменили кем-нибудь другим.

Все четверо хранили молчание.

— Отлично, — промолвил европеец. — Подробности получите через несколько минут. Но сперва позвольте оговорить главное. Подлодка потребуется для перемещения по планете и непосредственных исследований. Орфу и Ри По останутся на орбите, в то время как Манмут и Корос III опустятся на поверхность. Наибольший интерес вызывает у нас Олимп, самый крупный из вулканов. На эту область приходится очаг сильнейшей и логически необъяснимой квант-телепортационной активности. Манмут доставит Короса III к побережью, и наш товарищ с Ганимеда проведёт тщательную разведку…

Собираясь прервать собеседника, человек Потерянной Эпохи вежливо прокашливался: об этом любитель Шекспира узнал из книг и многочисленных записей. Сейчас он изобразил схожий

звук.

— Прошу прощения за мою тупость, только каким образом «Смуглая леди» — так зовут моё судно — попадёт отсюда на Марс?

— Отнюдь не глупый вопрос, — возразил интегратор. — Орфу?

Гигантский вооружённый краб развернулся так, чтобы несметные чёрные окуляры смотрели на давнего друга.

— Вот уже сотни лет мы ничего не посылали ко Внутренним мирам. Обычная, старомодная доставка заняла бы половину юпитерианского года. Поэтому решено было прибегнуть к «ножницам».

Ри По беспокойно поёрзал в своей нише:

— Я думал, их используют только для межзвёздных исследований.

— Консорциум Пяти Лун взял на себя смелость создать прецедент, — ответил иониец.

— Полагаю, речь идёт о каком-нибудь космическом корабле, — вмешался Корос III. — Не станут же нас перебрасывать поодиночке и голышом, как цыплят из требуше?

Беззвучный хохот Орфу сотряс весь отсек; шутка явно пришлась по вкусу.

Манмуту пришлось срочно подключиться к

общей связи. Выяснилось, что требуше — это созданная человеческим разумом Потерянной Эпохи, ещё до паровой цивилизации второго уровня, осадная машина. Механическое, но более мощное, чем простая катапульта, устройство способно было перебрасывать огромные валуны на целую милю.

— Корабль и в самом деле существует, — отозвался Астиг-Че. — Его конструкция позволяет достичь Марса в течение нескольких дней, а форма нарочно продумана, чтобы уместить внутри подлодку… «Смуглую леди».

— За несколько дней, — повторил Ри По. — Какова величина дельта-V факторов при выходе из трубы потока Ио?

— Чуть менее трёх тысяч значений гравитации Земли, — произнёс интегратор.

Манмут ни разу не испытывал силы тяжести более чем одна седьмая земной. Он попытался вообразить двадцать одну тысячу подобных величин. И не смог.

— При разгоне, — пояснил исполинский краб, — корабль и, конечно же, «Смуглая леди» будут наполнены особым гелем. Полетим с удобствами.

Маленькому европейцу стало ясно: Орфу

принимал участие в создании космической посудины. Ри По активно наблюдал за двумя мирами. Короса III наверняка предупредили о той руководящей роли, которую ему придётся играть. И лишь Манмута всё это время держали в полном неведении. Наверное, потому, что его собственная работа столь незначительна: вести «Смуглую леди» по волнам марсианских морей. Может, и впрямь стоит отказаться?

— *Так, значит, Пруст?* — вопросил он громадного ионийца по личному лучу.

— *Эх, жаль, что мы не летим на Землю, дружище. Заскочили бы в Стратфорд-на-Эйвоне, купили бы по сувенирной кружечке…*

Старая, изъезженная шутка в новых условиях неожиданно обрела прежний вкус. Манмут неловко попытался повторить смех товарища; в ответ Орфу загромыхал так, что его услышали в плотной атмосфере конференц-зала.

Ри По не улыбался. Ум каллистянина занимали подсчёты.

— Размах «ножниц» даст нам первоначальный разгон в две десятых скорости света, и даже после резкого торможения при влёте в магнитное поле планеты мы всё ещё будем мчаться с быстротой в одну тысячную световой скорости, что составляет

более трёхсот километров в секунду. Чересчур быстро, даже при теперешнем далёком положении Марса. Хоть кто-нибудь задумывался о том, как нам сбавить ход по прибытии?

— Да, — откликнулся краб, оборвав смех. — Мы работали над этим.

* * *

После тридцати юпитерианских лет, проведённых на Европе, Манмуту оказалось не с кем попрощаться в этих краях. Уртцвайль, его прежний партнёр по исследованиям, встретил свой последний час в сомкнувшемся разводье у кратера Пвилл пятнадцать лет назад; с тех пор моравек не сближался ни с единым мыслящим существом.

Спустя шестнадцать часов после конференции по приказанию Централа Хаоса Конамара «Смуглую леди» извлекли из-подо льдов и запустили на орбиту, где моравеки интенсивного использования, возглавляемые Орфу, запрятали подлодку в недра корабля. При помощи древних межспутниковых тяговых устройств всё вместе переправили на Ио. Участники полёта некоторое время посовещались, как им окрестить космическую посудину, однако фантазия оставила их,

задор быстро остыл, и с той минуты новое место обитания звали просто «корабль».

Подобно большинству своих «собратьев» (а история космического кораблестроения моравеков насчитывала тысячу лет), стопятидесятиметровое судно не отличалось особенной элегантностью, хотя и несколько выделялось среди прочих — прежде всего блестящим сердечником магнитного диполя и щегольскими выдвижными отражателями. В шишковатом носу размещались четыре термоядерных двигателя и пять антенн уловителя Матолофф-Феннелли. Ни уловитель, ни парус не потребуются до самого конца путешествия, да и термоядерные двигатели не имели ничего общего с фазой взлёта.

Манмут остался внутри «Смуглой леди», заполненной гелем; Корос III и Ри По заняли головной модуль управления, немедленно прозванный «капитанским мостиком». Предполагалось, что на время полёта каллистянин возьмёт на себя вопросы навигации, а моравек с Ганимеда сохранит номинальную должность руководителя. Последний собирался переместиться в подлодку (очищенную от геля) сразу перед тем, как упасть в марсианский океан. А уж там хозяин «Смуглой леди» сыграет роль таксиста и доставит Короса

III к месту высадки, которое тот выберет для наземного наблюдения. Руководитель получил отдельные указания, не касающиеся простого «шофёра».

Орфу самоинсталлировался в собственную «колыбель» на внешнем корпусе корабля, между торами соленоидов и распорками для парусных канатов. С мостиком и подлодкой ионийца соединяли всевозможные лучи коммуникации. Разговоры, не касающиеся технических подробностей полёта, гигантский краб вёл со своим давним собеседником.

— Между прочим, дружище, меня по-прежнему интересует твоя теория о драматическом построении цикла сонетов. Надеюсь, мы продержимся достаточно долго и ты успеешь разобрать как можно больше.

— Но Пруст! — застонал Манмут. — *Зачем? Разве нельзя было без остатка посвятить своё существование творчеству Шекспира?*

— Пожалуй, Пруст — главный и лучший исследователь времени, памяти и восприятия.

Европеец ответил неопределённым звуком, смахивающим на статические помехи.

Задетый за живое Орфу снова разразился громыханием.

— Жду не дождусь, друг мой Манмут, когда смогу убедить тебя: получать наслаждение и учиться можно у обоих.

По общей связи пришло послание Короса III:

— Просьба всем подключиться к визуальной линии. Приближается плазменный тор.

Манмут подчинился. Обычно он предпочитал наблюдать за внешними событиями через объективы товарища, однако на сей раз носовые камеры корабля давали более интересную картину, к тому же не обязательно в видимой части спектра.

Космическое судно приближалось к огромному, испещрённому жёлтыми и алыми пятнами лику Ио, намереваясь миновать северный полюс и угодить в трубу потока Ио — Юпитер. После взлёта Орфу и Ри По снабдили товарищей уместной информацией о данном участке космоса. Созданный на Европе Манмут привык сосредоточиваться в первую очередь на показаниях сонаров и кое-каких визуальных датчиков, ориентируясь в непроглядной пучине. Однако теперь он воспринимал магнитосферу планеты во всём её многообразном грохоте. Настроив зрение на дециметровые радиошироты, моравек рассмотрел впереди плазменный тор и под пря-

мым углом к нему — широкие рога трубы потока, протянувшиеся к северному и южному полюсам Юпитера. Далеко за спутниками планеты и её магнитопаузой турбулентность головной ударной волны грохотала, будто громадные белые валы, налетающие на подводный риф, а ещё дальше, в кромешной магнитной тьме, ленгмюровские волны пели свою вечную песню. В наушниках пощёлкивали акустические волны ионов, проделавших долгий путь от Солнца; само же оно казалось не более чем очень яркой звездой над Юпитером.

Когда корабль взметнулся над Ио и попал в трубу потока, Манмута оглушили мощный свист и шипение, которые издавала планета, пробиваясь сквозь плазматор или, если на то пошло, пожирая собственный хвост. Экватор опоясывали широкие ленты рассеявшихся электронов; хозяину «Смуглой леди» пришлось заглушить деци— и километровый радиогром, который издавала труба потока. Пространство Галилеи походило на гигантскую домну электромагнитной активности и проникающего излучения. В глубинах океана виртуальные уши маленького европейца улавливали этот фоновой шум изо дня в день, однако совсем другое дело перенестись из тора в

трубу потока в непосредственной близи от планеты! Мощные каскады истерзанных электронов пронзительно визжали вокруг обшивки, словно духи мёртвых, умоляющие впустить их в осаждённый дом. Манмут нашёл новые ощущения не слишком приятными.

Но вот корабль оказался внутри трубы потока, и Корос III прокричал: ***«Держись!!!»*** — прежде чем все звуковые сигналы не потонули в грохочущем урагане.

Плазматор Ио — это колоссальный бублик из заряженных частиц, густо перемешанных в шлейфе из серного диоксида, сульфида водорода, а также прочих газов, оставленных свирепым спутником — родиной Орфу — далеко позади и затем вновь скопившихся вместе. Стремительно пролетая орбиту за 1,77 дня, рассекая магнитное поле газового гиганта и постоянно врезаясь в собственный плазматор, Ио создаёт между собой и планетой сильнейший электрический поток в виде двурогого цилиндра невероятно сконцентрированных магнитных волн, получившего название трубы потока. «Трубка» соединяет полюса Юпитера, вызывая там необычайно красивые полярные сияния, в то время как её ответвления постоянно производят более двух триллионов ватт энергии.

Десятки лет назад Консорциум Пяти Лун решил, что это неслыханная и неоправданная растрата.

Манмут проводил взглядом блистающий северный полюс Ио.

Несметные вулканы — особенно выделялся среди них экваториальный Прометей — выбрасывали стосорокаметровые фонтаны серы; чудилось, что рябой и свирепый спутник стреляет по беглецам, предупреждая их вернуться, пока не…

Поздно. Космическая посудина уже достигла точки невозвращения.

Общая видеолиния показала, как управляемые Ри По навигационные скобы аккуратно вошли в трубу потока и выровнялись по «ножницам». Юпитер мчался к судну, заполняя собой все экраны, точно испещрённая полосками стена.

Физические лезвия «ножниц» — этого раздвоенного, вращающегося ускорителя магнитных волн, встроенного в естественный ускоритель частиц в трубе потока Ио, — имели длину восемь тысяч километров, то есть занимали небольшой отрезок миллионокилометровой дуги, соединяющей северный полюс Ио с северным полюсом Юпитера.

При этом «лезвия» могли двигаться.

— И угловой момент бывает величественным зрелищем, мой маленький друг, — пошутил Орфу.

Судно, укрывшее в своих недрах любимую подлодку Манмута, достигло трубы потока на скорости каких-то двадцати четырёх километров в секунду, что составило менее восьмидесяти шести тысяч километров в час. Подобными темпами корабль добрался бы до Марса многие световые годы спустя; к счастью, путешественники не собирались сохранять «черепаший шаг».

Грохот, судороги, пощёлкивание — посудина влетела в поле трубы потока, очутилась на острие «ножниц», выровнялась по верхнему «лезвию» и понеслась сквозь кольца пятикилометрового диаметра — сферу действия сверхпроводящего диполярного ускорителя. Как только корабль оказался в первом витке — ни дать ни взять корявый крокетный мячик, минующий первые воротца из тысячи, — «лезвия» начали распахиваться с дифференциальной угловой скоростью, которая приближалась к световой, а теоретически даже превышала её. Путешественники совершили мгновенный прыжок с одного острия на другое, задействовав столько энергии, сколько успели захватить «ножницы».

Судно — и всё, что в нём находилось, — перескочило с нулевой гравитации до трёх тысяч g за две и шесть десятых секунды.

В один миг планета рванулась навстречу, осталась позади и ухнула далеко вниз. Манмут замедлил изображение на своих мониторах, дабы серьёзнее осознать расставание.

— *Йуу-хууу!* — проорал Орфу, закреплённый на внешнем корпусе.

Подлодка и корабль заскрипели, застонали, захныкали от безумного напряжения, которое обрушилось на них, но прочные материалы и конструкция аппаратов, а тем более самих моравеков, выдержали испытание с честью. «Смуглая леди», например, плавая подо льдами Европы, спокойно переносила давление в миллионы килограммов на кубический сантиметр.

— Вот дерьмо! — Манмут по привычке обращался к давнему другу, однако нечаянно передал ругательство по общему лучу.

— Это точно, — поддакнул Ри По.

Бурлящие полярные огни Юпитера — ослепительный овал сияния на севере планеты — в последний раз ярко полыхнули внизу и пропали за кормой.

Ганимед, ещё секунды назад находившийся за

миллион километров от корабля, промелькнул и тоже затерялся вдали.

— Урук Сулкус, — произнёс на общей линии Корос III, и Манмуту почудилось, будто он сглотнул или выругался. Потом европеец уловил необычайно тёплую нотку в бесстрастном голосе товарища и понял: капитан попрощался с неким клочком земли на грязном, исцарапанном снежке родной планеты, пронёсшейся мимо.

Крохотный спутник по имени Гималия — ни один из путешественников ни разу не побывал там и вряд ли жалел об этом — просвистел ошпаренным светлячком.

— Покидаем фронт головной ударной волны, — промолвил Ри По с каллистянским акцентом. — Вот и высунули носы за край своей тарелки. Некоторые из нас — даже впервые.

Манмут обратил внимание на экраны. По данным Ри По, судно удалилось от Юпитера на расстояние пятидесяти трёх диаметров планеты и продолжало набирать быстроту. Европеец заглянул в разделы памяти, которыми никогда прежде не пользовался. Выяснив, что радиус этого крупнейшего в Солнечной системе небесного тела имеет длину семьдесят одну тысячу километров, хозяин «Смуглой леди» наконец получил

представление о скорости полёта. Маленький моравек смутно припоминал: солнечное тяготение должно подцепить их и перекинуть на противоположную сторону светила, к цели поездки; впрочем, вопросы навигации не волновали Манмута. Его работа начнётся позже, в марсианском океане, и не составит ни малейших трудностей. Яркое солнце, тёплый климат, небольшие глубины, о давлении не стоит и говорить, ночью можно ориентироваться по звёздам, днём — по геопозиционирующим сателлитам, которые будут специально выпущены на орбиту, почти никакой радиации по сравнению с поверхностью Европы… Кракенов нет. Льда нет. Даже льда! Как-то слишком всё просто.

Разумеется, если постлюди проявят враждебность… или корабль не перенесёт вторжения в атмосферу… или не отыщется способ вернуться на Юпитер… Хотя уж это никак не зависело от скромного капитана подлодки. Мыслями европейца начал завладевать сонет 127.

— Друзья, вы в порядке? — спросил Корос III.

— В полном! — отозвался каждый.

Чтобы выбить эту команду из седла, потребовалось бы нечто большее, чем жалкая парочка тысяч гравитаций, принятая на грудь. Дух космо-

летчиков был бодр, как никогда.

Ри По принялся разъяснять товарищам разные подробности предстоящего путешествия, однако Манмут не особенно прислушивался. Его уже притянуло мощное гравитационное поле сонета 127, первого из тех, что посвящены «смуглой леди».

8
Ардис-холл

Даэман крепко спал и видел во сне женщин.

Честно говоря, он и сам находил это немного забавным, даже странным: дамы снились ему, только если не спали рядом. Можно подумать, его тело непременно требовало мягкой, тёплой близости каждую ночь, и подсознание услужливо поставляло нужные ощущения, утешая за бесплодно прошедший день. Довольно позднее пробуждение в уютной комнате Ардис-холла разбило ночные грёзы на тысячу осколков. Впрочем, и этого, вкупе с утренней эрекцией, хватило, чтобы вернуть расплывчатое воспоминание об Аде или о ком-то очень похожем на неё: ароматная белая кожа, струящая тепло, полные ягодицы, округлые груди, крепкие бёдра… Этим чудесным утром гость почти не сомневался в успехе: он обязательно покорит девушку до конца уик-энда.

Приняв душ, побрившись, одевшись в безупречно «деревенском» стиле, к которому Даэман относил хлопчатобумажные брюки в бело-голубую полоску, саржевый жилет, рубашку белого

шёлка, галстук с рубиновой запонкой и ботинки-лодочки из чёрной кожи (самую малость потвёрже привычных комнатных туфель), щеголяя любимой деревянной тростью, коллекционер отправился завтракать в залитую солнцем оранжерею, где, к вящей радости, услышал, что Ханна вместе с этим несносным Харманом покинули особняк на рассвете. «Готовятся к вечерней плавке», — туманно пояснила Ада, но мужчина и не собирался вытягивать из неё подробности. Он был счастлив избавиться от неприятного «именинника».

Хозяйка больше не заводила нелепых разговоров о книгах или космических кораблях — зато она провела с Даэманом целое утро, гостеприимно показывая Ардис-холл — многочисленные флигели, разветвляющиеся коридоры, подвалы с изысканными винами, потайные ходы и старинные мансарды. Собиратель припомнил прошлый раз, когда юная девчушка Ада вот так же водила его по особняку. На крыше располагалась платформа джинкеров, и, забираясь туда по шаткой лесенке вслед за быстроногой малышкой, любитель бабочек, никогда не терявший бдительности в подобных ситуациях, на долю мгновения заметил мелькнувшее из-под взметнувшейся юбки

«седьмое небо» горячих парней. Молочные бёдра и тени между ними навсегда запечатлелись в его памяти.

Вот и сегодня Ада позвала гостя на крышу. Однако теперь она жестом указала Даэману лезть первым, лукаво улыбнувшись на джентльменский лепет о том, что дам нужно пропускать вперёд. Эта улыбка рассеяла все иллюзии, будто бы тот далёкий случай остался таким уж незамеченным.

Махагоновые доски платформы, всё ещё блестящие, выдавались со ската крыши в шестидесяти футах над усыпанной гравием дорожкой, вдоль которой выстроились войниксы, похожие на ржавых скарабеев, застывших на задних лапах. Даэман шатнулся от неогороженного края; Ада же, напротив, подошла прямо к опасной грани, устремив тоскливый взор на газон и далёкую линию леса.

— Ну разве ты не отдал бы всё на свете, лишь бы заполучить работающий джинкер? Хотя бы на пару дней?

— Нет. А зачем?

Девушка пошевелила тонкими пальцами.

— Да ведь даже в детском джинкере ты мог бы улететь за лес, за реку, унестись за те холмы на

западе… Мчаться и мчаться не останавливаясь, прочь от любого факс-узла…

— Кому же этого захочется? — искренне поразился гость.

Спутница молча смотрела на него несколько мгновений.

— Тебе что, совсем не любопытно? Как там, вдали?

Даэман обмахнул жилет, стряхивая несуществующие крошки.

— Не будь глупышкой, дорогая. Нашла о чём ломать голову… Ну что там хорошего? Сплошные дебри. Ни единой души. Все, кого я знаю, живут не дальше пары миль от факс-узлов. И потом, мне совсем не нравятся тираннозавры.

— Тираннозавры? — сказала Ада. — В нашем лесу? Ерунда. Мы здесь отродясь их не видели. Кто тебе мог такое наболтать, кузен?

— Ты, милая. В прошлый раз, когда я гостил у вас. Примерно с пол-Двадцатки назад.

Девушка затрясла головой:

— Так я тебя, наверное, дразнила.

Собиратель обдумал её слова, вспомнил, как тревожился все эти годы, скольких ночных кошмаров стоило ему решение вернуться в Ардис-холл, и насупился.

Словно прочитав мысли мужчины, Ада беспечно улыбнулась:

— А тебя никогда не удивляло, кузен, с чего бы постлюдям ограничивать нашу расу ровно до миллиона человек? Почему не миллион один, не девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять? А?

Даэман совсем растерялся. Трудно угнаться за ходом мыслей этой девушки: то у неё на уме детский джинкер из Потерянной Эпохи, то динозавры, то население Земли, которое… собственно… никогда и не менялось. К тому же гостя нисколько не радовали назойливые напоминания о близком родстве с хозяйкой. Ведь как ни крути, древние предрассудки порой становились препятствием для интимных отношений между кузенами.

— Лично я полагаю, что подобные праздные размышления — прямая дорога к несварению желудка, особенно в такой чудесный день, милая. Не поговорить ли нам о чём-нибудь более приятном?

— Хорошо. — Красавица осияла собеседника самой радужной улыбкой. — Почему бы нам не спуститься к другим гостям перед ленчем и отъездом на литейную площадку?

На сей раз девушка первой ступила на лестницу.

Летучие сервиторы подали завтрак на северном внутреннем дворике. Даэман любезно поболтал с молодыми гостями — оказалось, ещё несколько человек прибыли нарочно ради вечернего «литья», что бы ни подразумевалось под этим дурацким словом. После еды многие расположились на кушетках в доме или же отыскали удобные шезлонги в тенистой долине и прилегли, надев на глаза туринские пелены. Ну, эта волынка продлится не меньше часа, смекнул коллекционер и решил прогуляться вдоль деревьев, лениво глядя по сторонам в поисках интересных бабочек.

У подножия холма к нему присоединилась Ада:

— А ты что же, не смотришь турины, кузен Даэман?

— Нет, — ответил он чуть более нервно, чем собирался. — Конечно, почти за декаду привыкнешь и не к такому, хотя, по-моему, это излишество. Ты ведь тоже не увлекаешься, милая?

— Когда как, — отозвалась девушка, игриво покручивая персикового цвета зонтик от солнца. Мягкие отсветы ложились на её белое лицо и

придавали коже соблазнительной живости. — Время от времени слежу за событиями… Наверно, я просто слишком занята, чтобы сходить с ума, как остальные.

— Это точно — сходить с ума, — поддакнул собеседник.

Остановившись в тени огромного раскидистого вяза, Ада опустила и закрыла зонт.

— Но ты пробовал хоть раз?

— Да, пожалуй. В середине моей второй Двадцатки это был последний крик моды. Вот я и… хватил удовольствия через край. — Мужчина так и не сумел скрыть отвращения в голосе. — С тех пор — никогда.

— Не переносишь жестоких сцен, братец?

Даэман пожал плечами:

— Скорее не люблю подменять настоящую жизнь вымыслом.

Хозяйка тихонько рассмеялась:

— Ты говоришь совсем как Харман. У вас двоих много общего.

Гостя замечание настолько выбило из колеи, что он лишь сердито разворошил концом трости упавшую листву.

Ада взглянула на солнце, вместо того чтобы активировать функцию времени на запястье.

— Им уже пора подниматься. Один час под повязкой равняется восьми часам обыкновенных переживаний.

— Ага, — откликнулся Даэман, гадая, случайно ли в устах этой девушки даже избитая фраза прозвучала двусмысленной насмешкой. Впрочем, всегдашнее выражение лица хозяйки — учтивое, однако с озорными искорками в глазах — не давало разгадки.

— Скажи, а это самое «литьё», оно… надолго затянется?

— По плану — почти до утра.

Гость изумлённо моргнул.

— Мы что же, разобьём палатки на берегу реки или где там ещё? Да?

Интересно, возрастут ли его шансы провести ночь с Адой под покровом звёздного неба и колец.

— Еды хватит всем, кто пожелает остаться на площадке до рассвета, — успокоила девушка. — По словам Ханны, зрелище обещает быть очень живописным. Но большинство из нас вернётся в особняк после полуночи.

— А вина и другие напитки там собираются подавать?

— Обязательно.

Теперь уже улыбнулся Даэман. Пусть себе прочие гости тешатся живописными зрелищами, а у него другие планы. Для начала — незаметно подливать хмеля в чашу красавицы, поддерживая «необыкновенную» беседу и со всем соглашаясь, потом проводить девушку домой (если повезёт и если он подсуетится, то они поедут наедине в маленькой двуколке), поразить её неслабыми мужскими чарами… В общем, ещё чуть-чуть удачи — и дело в шляпе. Нынешней ночью ему не придётся грезить о женщинах.

Ближе к вечеру сервиторы ненавязчиво собрали десятка два с лишним гостей, которые, находясь под впечатлением от увиденной туринской драмы, без умолку болтали о каком-то Менелае, получившем отравленную стрелу в бок. Постепенно кавалькада одноколок и дрожек потянулась на «литейную площадку». Бесстрастные войниксы-охранники потрусили вслед. Правда, коллекционер, хоть убейте, не мог понять, к чему подобная осторожность, если в лесу нет ни единого тираннозавра.

Не без помощи небольшой военной хитрости Даэман оказался в той же одноколке, что и хозяйка. Всю дорогу Ада показывала ему необычные деревья, узкие долины и ручьи, пока повозка с

мерным гудением и постукиванием катилась по двухмильной пыльной дороге вниз к реке. Собиратель бабочек занял на красной кожаной скамеечке немного больше места, чем требовала его приятная полнота, — и в награду ежеминутно чувствовал по пути крепкое бедро девушки.

Когда повозка перевалила за гребень известнякового холма, оказалось, что местом назначения была не сама река, но её приток, тихая заводь шириной в сотню ярдов с широкой отмелью, — чем-то вроде пляжа. Высокое, ненадёжное сооружение из брёвен, ветвей, обыкновенных и винтовых лесенок, желобов и рамп (Даэману нелепая конструкция напомнила недоделанную виселицу, хотя настоящих виселиц ему не приходилось видеть) громоздилось наполовину под водой, наполовину на жёлтом песке невдалеке от острова, заросшего папоротником и саговниками. Их густые заросли то и дело взрывали шумные стайки летучих рептилий или мелких пташек, голосивших на всю округу. Молодой гость лениво подумал, водятся ли на острове бабочки.

Зелёное возвышение над пляжем заполнили цветастые шёлковые палатки, шезлонги и длинные накрытые столы. Хлопотливые сервиторы летали туда-сюда, иногда зависая над головами

прибывших гостей.

Даэман узнал некоторых из работников, суетящихся на чудных подмостках: на верхней площадке Ханна, с красной банданой на голове, связывала части конструкции. Двадцатью футами ниже сумасшедший Харман, чей потный полунагой торс поражал великолепным загаром, поддерживал огонь в топке. Вверх и вниз по лестницам сновала молодёжь, перетаскивая песок, ветки и круглые камни. В глинобитных внутренностях сооружения бушевало пламя, выбрасывая снопы ярких искр в синеву вечереющего неба. Действия добровольных рабочих — наверняка друзей и подруг юной хозяйки — казались вполне осмысленными, хотя собиратель бабочек не мог представить, зачем вообще нужна гора из палок, песка, огня и глины.

Подлетевший сервитор предложил гостю выпивку. Тот принял бокал и отправился на поиски свободного шезлонга.

— Вот это — купол, — объясняла Ханна чуть позже тем же вечером. — Мы трудились над ним целую неделю: сплавляли материалы вниз по реке на каноэ, резали и связывали ветки.

С чудесным обедом было уже покончено. Солнечный свет ещё догорал на вершинах прибреж-

ных холмов, но долина погружалась в сумерки. Жаркие искры метались и улетали в темнеющий небосвод, к ярко пылающим кольцам. Шумно дышали кузнечные мехи, и печь оглушала гостей своим рёвом. Даэман принял у сервитора напиток — не то восьмой, не то десятый за вечер — и предложил Аде следующий бокал. Та лишь покачала головой, прежде чем снова обратить всё внимание на подругу.

— Итак, связав некое подобие корзины, мы намешали из песка, бентонита и воды огнеупорную глину и покрыли ею центр печи. Как? Вначале скатали из вязкой массы шарики, потом завернули их в листья, дабы не пересохли раньше времени, и аккуратно выложили необходимую поверхность. Вот почему деревянный купол не загорается.

Чушь какая-то, подумал собиратель. Сперва громоздят большую кучу дров, а после разводят огонь, да ещё боятся, чтобы не вспыхнуло. Что они тут, с ума посходили?

— В эти несколько дней, — продолжала Ханна, — мы только поддерживали пламя и заделывали прорехи в печи — там, где занималось. Потому-то и строили возле реки.

— Потрясающе, — буркнул Даэман и пошёл

искать новые напитки, пока девушка в красной бандане и её дружки, особенно несносный Харман, продолжали гудеть о своём, отпуская бессмысленные словечки вроде: «коксовый слой», «воздуходувка», «фурма» (небольшая такая дырка для вентиляции, возле которой молоденькая женщина по имени Эмма раздувала кузнечные мехи), «зона плавки», «формовочная смесь», «лётка», «окалина». Речи этих дикарей почти оскорбляли слух коллекционера.

— Настала пора проверить наше детище в действии! — провозгласила Ханна одновременно измученным и восторженным голосом.

Гости заахали, отступая от реки. Молодые люди вместе с ненавистным «именинником» засуетились как шальные. К небу взметнулись новые столпы искр. Ханна бросилась на верхушку купола, а Харман следил за огненной печью и покрикивал на остальных. Эмма надрывалась на мехах, пока не лишилась последних сил и худой парень Лоэс не подменил её. Даэман вполуха слушал объяснения Ады, которая, задыхаясь от восторга, плела что-то про «закалённый шлак», в то время как языки пламени ревели сильнее прежнего. Коллекционер подумал — и отошёл ещё футов на пятьдесят.

— Температура — две тысячи триста градусов! — проорал Харман.

Стройная девушка в красной повязке утёрла пот со лба, поработала над куполом и молча кивнула. Собиратель бабочек размешал свой напиток. Интересно, надолго эта волынка? Скоро ли одноколка повезёт их вдвоём с Адой в Ардис-холл?

Внезапно раздался непонятный шум. Даэман поднял глаза, ожидая увидеть несуразное сооружение в страшном зареве, а Ханну и Хармана — полыхающими, будто соломенные куклы. Он немного ошибся, хотя девушка и впрямь сбивала одеялом язычки огня, охватившего лестницу. Сумасбродка отгоняла сервиторов и даже войникса, поспешивших на помощь, а её друзья как ни в чём не бывало пробили «лётку» и выпустили наружу поток жёлтой лавы, которая устремилась по деревянным желобам на пляж.

Кто-то из гостей ринулся посмотреть, однако громкие окрики Ханны и сильный жар отбросили любопытных назад.

Грубо сколоченные желоба задымились, но всё-таки не вспыхнули. Красновато-жёлтый металл потёк из купола в деревянную мульду в виде креста, врытую в песок.

Подружка Ады кубарем скатилась по лестнице — помогать имениннику открывать «лётку». Чокнутая парочка заглянула в смотровую щель, поковыряла другое отверстие, потом, взявшись за руки, спрыгнула на песок и побежала проведать литейную форму.

За ними потянулись ещё смельчаки. Даэман побрёл следом, поставив пустой бокал на поднос подлетевшего сервитора.

У реки было довольно прохладно, и всё же в лица гостей ударил жар от мерцающей красным лавы, которая застывала в крестообразной мульде.

— И что это значит? — громко спросил собиратель. — Какой-то религиозный обряд или вроде того?

— Нет, — отозвалась Ханна, вытирая банданой запотевшее, покрытое сажей лицо и улыбаясь точно полоумная. — Это первая бронза, выплавленная за… сколько, Харман? За тысячу лет?

— Возможно, за три тысячи, — тихо ответил тот.

Толпа зашушукалась и разразилась аплодисментами.

— А какой в этом прок? — расхохотался коллекционер.

Полуголый загорелый старик, доживающий свой последний год, посмотрел молодому человеку в глаза:

— Проку здесь не больше, чем в новорождённом младенце.

— Вот и я говорю, — подхватил Даэман. — Столько же гама, проблем и вони.

Никто не обратил внимания на его слова. Ада бросилась обнимать Хармана, Ханну и других рабочих, как если бы они в самом деле совершили нечто стоящее. Вскоре именинник с девушкой вновь полезли на купол, принялись заглядывать в отверстия и постукивать по глине железками. Ого, приуныл коллекционер, похоже, действо только начинается.

Внезапно ему приспичило. Пойти, что ли, в уборную в крытом тенте? А впрочем… Заразившись варварским духом, царящим вокруг, Даэман решил справить нужду прямо на свежем воздухе. Он пошагал к границе тёмного леса, якобы вслед за ярким порхающим монархом. Собиратель, конечно, и прежде встречал бабочек этого вида, но чтобы в такое время года и суток? Вот коллекционер беззаботно миновал последнего войникса и вошёл под сень вязов и саговников.

Позади кто-то, кажется сама Ада, окликнул его

с берега, однако Даэман уже расстегнул штаны и не желал, чтобы его приняли за невоспитанного хама. Поэтому он не стал отвечать, а углубился во мрак леса. Через минутку можно будет вернуться.

— А-а-а-аххх, — выдохнул Даэман, глядя на оранжевые крылья в десяти футах над собой, пока струя дымящейся урины барабанила по тёмному стволу.

Гигантский аллозавр, тридцати футов от носа до кончика хвоста, с грохотом явился из чащи, пригибаясь под ветками.

У Даэмана ещё было время, чтобы развернуться и удариться в бегство, как есть. Вместо этого он вскрикнул, застегнул брюки на все пуговицы (разврат развратом, но надо же и приличия соблюдать) и замахнулся на врага тяжёлой деревянной тростью.

Аллозавр сожрал палку вместе с рукой, вырванной из плеча. Собиратель бабочек завизжал и завертелся в фонтане собственной крови.

Чудовище повалило человека ниц, оторвало другую руку, подбросило её в воздух и проглотило, точно лакомый кусочек. Огромная когтистая лапа прижала несчастного к земле. Хищник наклонил ужасную голову и небрежно, почти

играючи, перекусил Даэмана пополам. Послышался хруст рёбер и позвоночника. Верхнюю часть динозавр жадно заглотил целиком, после чего взялся за нижнюю. Во все стороны полетели кровавые куски плоти: можно было подумать, исполинский пёс поедает крысу-великана.

Пара войниксов подоспела и прикончила дикую тварь, но гости уже заторопились к факсам.

— Боже мой! — воскликнула Ада, замершая у толстого дерева.

— Ну и дела, — хмуро промолвил Харман, делая знак прочим гостям, чтобы не приближались. — Разве ты не велела ему держаться поближе к войниксам? Не говорила о динозаврах?

Хозяйка прижала руку ко рту.

— Он спрашивал про тираннозавров… Ну, я и сказала, что они здесь не водятся.

— По крайней мере честно, — произнёс именинник.

Глиняная печь за их спинами ревела и плевалась искрами в тёмное небо.

9
Илион и Олимп

Афродита превратила меня в лазутчика. Известно, как поступают со шпионами смертные. А что сделают боги с жалким схолиастом? Можно лишь догадываться. Хотя нет, лучше не надо. И ведь ничего не поделаешь. Вчера я стал секретным агентом её величества богини любви.

Утро нового дня. Квант-телепортировавшись с высот Олимпа, Афина перевоплощается в троянского копьеборца Лаодока и отправляется на поиски Пандара, Ликаонова сына. С помощью даров Музы квитируюсь следом. Вибрас превращает меня в Эхепола, который тайно продолжает следить за светлоокой дщерью Зевса.

Кстати, с чего это вдруг я выбрал этого младшего капитана? Часы воина уже сочтены. Если Афина и в самом деле убедит Лаодока нарушить перемирие, то, согласно Гомеру, несчастный троянец первым получит аргивскую пику в череп. Ну да ладно, к тому времени я с превеликим удовольствием верну мистеру Эхеполу позаимствованное тело и личность.

В поэме передышка наступает сразу после того, как Афродита помешала Парису и Менелаю закончить поединок, но в *нашей* войне соперники пытались сразиться годы тому назад. Здесь всё намного проще: какой-то посол царя Приама повстречался с ахейским вестником. Стороны выработали взаимное соглашение о перерыве на время пира, жертвоприношений или обычного десятидневного погребения, что-то в этом духе. У этих греков и троянцев религиозные торжества случаются чаще, чем у индусов двадцать первого столетия, да и светских поводов для отдыха больше, чем у американских почтальонов. И когда они вообще успевают мочить друг друга?

С той поры как я дал обет восстать против воли богов (а сам ещё сильнее заплясал на ниточках, рыночная марионетка!), вот что меня занимает: насколько быстро и ощутимо ход событий способен сменить наезженную колею истории, рассказанной Гомером? Мелкие несоответствия в прошлом без труда объясняются желанием поэта втиснуть важнейшие эпизоды многолетней войны в короткий отрезок десятого года. Но речь не о них. Что, если всё и впрямь пойдёт по-иному? Если я заявлюсь в ставку… скажем, Агамемнона и проткну вот этим копьём сердце владыки? (Ведь

даже в руках обречённого бедняги оружие остаётся оружием, не правда ли?) Олимпийцы могут многое, однако им не под силу вернуть к жизни погибшего человека (или даже бессмертного, простите за каламбур).

«Да кто ты такой, чтобы перечить самой Судьбе?» — вякает внутри писклявый такой, благоразумненький голосок, которому доктор философии следовал большую часть своей настоящей жизни.

«Томас Хокенберри, вот кто! — заявляет ему в ответ новое, пусть и не столь цельное *Я*. — И мне опротивели пустоголовые качки-кровопийцы, назвавшие себя богами».

Пробираюсь поближе к Пандару. Беседа этого надутого болвана — хотя и отменного лучника — с Афиной/Лаодоком интересует уже не просто схолиаста Хокенберри, а наёмного лазутчика. Обращаясь как воинственный троянец к такому же троянцу, дочь Зевса распаляет его тщеславие, уподобляет первому из лучников Аполлону, сулит несказанную милость Париса, дождь бесценных подарков — и всё за один удачный выстрел.

Пандар заглатывает наживку с крючком и грузилом. «Так говоря, безрассудного воспламенила», — описал этот миг один из моих любимых

переводчиков. Укрывшись за щитами друзей, заказной убийца ладит длинный лук.

Исследователи античности, особенно «Илиады», веками спорили о том, использовались ли в Троянской войне отравленные стрелы. Большинство схолиастов, включая меня, с пеной у рта доказывали обратное: как же, благородные герои, кодекс чести… Чушь. Древние греки не ангелы. А вы думаете, почему даже пустяковые раны в поэме сплошь и рядом приводят к быстрой мучительной смерти?

Зазвенела тетива. Отличный выстрел, лучше и желать нельзя. Провожаю стрелу взглядом: описывая широкую дугу в сотни ярдов, она летит точнёхонько в рыжеволосого царского брата. Менелай стоит на самом виду, вместе со своими воинами наблюдая за переговорами вестников на «ничьей» земле. Вот-вот острый наконечник вопьётся прямо в грудь… Если, конечно, какое-нибудь греколюбивое божество не вмешается.

Да, так и есть.

Особым, изменённым зрением я замечаю, как Афина, вырвавшись из тела Лаодока, квитируется к жертве и — кто бы сомневался, ведь Олимпийцы обожают вести двойные игры! — спасает красавчика от гибели, на которую сама же обрек-

ла, пытаясь развязать новое сражение. С ног до головы окутанная магией, невидимая ничьему взгляду богиня взмахом руки отклоняет стрелу. Словно заботливая мать, отгоняющая муху от спящего сына. (Кажется, это сравнение придумано не мной. Впрочем, не знаю: я уже столько лет не *читал* «Илиаду»…)

И всё же выстрел попадает в цель. Менелай кричит от боли и падает на землю. Стрела торчит у него из живота, чуть повыше паха. Неужели Афина оплошала?

В рядах смятение. Послы Приама торопливо скрываются за спинами троянских лучников, ахейские же переговорщики стремглав бросаются под защиту греческих щитов. Агамемнон прерывает объезд войск (полагаю, не случайно приуроченный к следующему утру после Ахиллесова мятежа) и является на место трагедии, чтобы застать брата корчащимся на земле, в окружении подчинённых и младших военачальников.

Нацеливаю в их гущу короткий жезл, напоминающий по виду щегольскую трость троянского капитана, однако не принадлежащий ему. На самом деле это обычное снаряжение схолиаста, остронаправленный микрофон. Очень удобная штука, усиливает звук на расстоянии до двух

миль и передаёт его в мизерные наушники, которыми я привык пользоваться в долинах Илиона.

А между тем царь толкает чертовски трогательную прощальную речь. Обнимая плечи и голову Менелая, сын Приама распространяется в том духе, что, мол, обрушит ужасную, жестокую месть на троянцев, сгубивших доблестного героя, и тут же начинает сокрушаться о том, как, несмотря на его, Агамемнона, кровавое возмездие, ахейцы падут духом, прекратят осаду и уплывут себе в чёрных кораблях по домам. И правда, чего сражаться-то, спасая чужую жену, когда её муж-рогоносец мёртв? Менелай громко стонет, а царственный владыка продолжает играть в предсказателя: дескать, скончаешься ты, милый брат, на вспаханных полях невзятого Илиона, истлеешь в чужой земле, на радость троянским червям, так и не выполнив миссии. М-да, весёлый мужик. Знает, чем утешить умирающего.

— Э-э, погоди! — мычит несчастный сквозь стиснутые зубы. — Не спеши меня хоронить, старший брат. Рана не опасна, видишь? Стрела прошла через бронзовый пояс и угодила в рукоять любви; хорошо хоть не в яйца или в живот.

— А, ну да.

Агамемнон хмуро глядит на место, задетое

стрелой. Он почти разочарован, однако держит себя в руках. Ещё бы, такая речь коту под хвост. Судя по выражению лица, Приамид готовил её заранее и не один день.

— Да, но стрела отравлена, — хрипит Менелай, будто утешая брата.

Взмокшие, спутанные волосы раненого вываляны в траве: золотой шлем укатился при падении. Агамемнон вскакивает, роняет беднягу на землю — не подхвати парня верные капитаны, тот бы здорово ударился, — кличет своего вестника Талфибия и велит ему позвать Махаона, сына Асклепия. Это личный доктор Приамида, причём отлично знающий своё дело: говорят, он перенял мастерство у дружелюбного кентавра Хирона.

Поля битвы мало чем отличаются друг от друга. Очнувшись от первого шока, павший герой начинает визжать, ругаться и плакать от боли, разбегающейся по членам. Друзья беспомощно, без пользы толпятся рядом. Появляется врач с помощниками, отдаёт приказы, извлекает из рваной раны отравленный бронзовый наконечник, отсасывает яд, накладывает чистую повязку, и всё это время Менелай вопит как свинья под ножом мясника.

Поручив несчастного заботам лекаря, Агамем-

нон отправляется воодушевлять войска на битву. Не сказать, чтобы злые, угрюмые, грозные ахейцы нуждались сейчас в каких-либо призывах. Даже отсутствие Ахиллеса не охладило их пыл.

Спустя двадцать минут после злонамеренного выстрела Пандара перемирие уже забыто. Греки наступают на троянские фаланги, растянувшиеся на две мили вдоль берега. Две мили грязи и крови.

Кстати, пора бы вернуть Эхеполу его тело, пока сукин сын не получил медной пикой в лоб.

Я очень смутно помню свою настоящую жизнь на Земле. Не знаю, была ли у меня жена, дети, в каком городе я жил… Так, всплывают в голове какие-то размытые картинки: уставленный книгами кабинет, где я читал и готовился к лекциям, маленький колледж на западе центрального Нью-Йорка — кирпичные и каменные здания на холме, откуда открывался чудесный вид на восток. Иногда я задумываюсь: может, потому-то бессмертные и не позволяют нам, схолиастам, существовать слишком долго, из-за этих «лишних» воспоминаний, возвращающихся с годами? По крайней мере я тут — самое старое исключение.

Порой перед глазами встают знакомые аудитории, лица студентов, споры за овальным столом…

«А почему Троянская война тянулась так долго?» — спрашивает одна из новеньких слушательниц. Меня так и подмывает ответить ей, выросшей в мире быстрой пищи и молниеносных боёв — то есть «Макдоналдса», войны в Заливе и международных террористов, — что древние греки не видели смысла в спешке ни на поле битвы, ни за хорошим обедом. Но класс внимательно ждёт, и я пускаюсь в объяснения. Рассказываю, сколько значило сражение для героев той эпохи, его так и называли — *charme*, представляете? От глагола *charo* — «ликую». Потом я зачитываю отрывок из поэмы, где Гомер описывает противников словами *charmei gethosunoi*, «торжествующие в сече». И ещё знакомлю студентов с понятием *aristeia*, что означает поединок или сражение небольших групп, в котором каждый мог показать, чего стоит. Древние очень ценили подобные стычки; самые большие битвы частенько прекращались, когда подворачивалась возможность поболеть за прославленных героев. «Значит, типа, вы хотите, типа, сказать, — запинается девица, демонстрируя образец той ужасной неопрятной речи, которая, будто вирус, поголовно поразила американскую молодёжь в конце двадцатого столетия, — что война, типа, была бы короче,

если бы они, типа, не останавливались ради, типа, ареста-как-его-там?» — «Совершенно верно», — вздыхаю я, бросая тоскливый взгляд на настенные часы Гамильтоновского колледжа.

И знаете, пронаблюдав целых девять лет за этим-как-его-там в действии, я могу лишь повторить свои слова. Да, шут возьми, не будь *aristeia* столь приятна троянцам и аргивянам, этой долгой, безнадёжно долгой осаде давно пришёл бы логический конец. Беда в том, что даже самый искушённый американец после длительного путешествия, например, по Франции, всей душой рвётся назад, к гамбургерам и попкорну, в мир быстрой еды или, в моём случае, быстрых войн. Парочка бомбовых ударов, воздушный налёт, вой сирен, трах-тарарах и — «аста ла виста, беби», живо домой, к Пенелопе.

Но сегодня я думаю иначе.

Эхепол — первый из троянских воинов, павший в этом сражении.

Получив обратно своё тело, герой пошатывается на ногах и несколько мгновений туго соображает. Может, поэтому, когда враждебные рати сходятся, он так медленно и неуверенно поднимает копьё? Приятель Ахиллеса, Несторов сын Антилох оказывается проворнее и бьёт пер-

вым. Бронзовый наконечник ударяет в гребень косматого шлема и пронзает череп Эхепола. Правый глаз лопается, мозги вытекают сквозь зубы серой кашей. Троянец валится в пыль, будто могучий срубленный тополь, как любил говаривать Гомер.

Тут же разгорается обычное «жаркое дело», которое до сих пор не перестаёт изумлять меня. Как бы вам объяснить? Троянцы и греки дерутся прежде всего ради славы, это верно. Однако не только ради неё, родимой. Кровопролитие — их профессия, а боевые трофеи — зарплата. Львиную долю чести и добычи в битве доставляют воину доспехи убитых. Завладеть искусно выполненным, пышно украшенным оружием врага (а также его щитом, поножами, поясом и нагрудными латами) для античного героя — всё равно что индейцу из племени сиу завладеть сотней вражеских скальпов. И даже гораздо круче. Доспехи многих сработаны из дорогой бронзы, а самые важные чины вообще носят чеканное золото, роскошно убранное самоцветами.

Короче говоря, закипает бой за латы Эхепола.

Елефенор, сын Халкодонта, пробивается вперёд, хватает павшего за лодыжки и тащит окровавленный труп за собой, не обращая внимания на

мелькающие копья, звон мечей и грохот щитов. Я наблюдал за доблестным ахейцем годами, в лагере и небольших стычках. Должен заметить, динозавроподобное имя ему вполне подходит. Видели бы вы этого великана: широченные плечи, могучие руки, сильные бёдра. Среди бойцов Агамемнона он, конечно, не самый заметный, однако задира ещё тот. Елефенор, тридцативосьмилетний — с прошлого июня — начальник абантов и владыка Эвбеи, отходит за спины воюющих товарищей и принимается раздевать холодное тело.

Троянский герой Агенор, сын Антенора и отец Эхеклеса — и того и другого я встречал на улицах Илиона, — прорывает линию вражеской обороны, видит громилу, склонившегося над убитым Эхеполом, делает выпад и вонзает медную пику в неосторожно открытый бок великана. Слышится треск рёбер и звучное хлюпанье. Прежде чем рухнуть, Елефенор изрыгает поток крови. Троянцы кидаются в бой как волки и отбивают ахейскую атаку. Тут уже сам Агенор начинает срывать со своей жертвы пояс, поножи и нагрудную пластину, пока его товарищи оттаскивают полуобнажённого Эхепола из-под стрел и копий.

Вокруг погибших разворачивается настоящее

сражение. Вот ахеец по имени Аякс, прозванный Большим Аяксом, или Теламонидом, — не путайте с Малым Аяксом, начальником локров, — прорубается вперёд и, спрятав меч в ножны, вонзает пику в грудь юного Симоесия, который храбро выступил, чтобы прикрыть отступающего Агенора.

Всего лишь неделю назад, в тихом парке крепкостенного Илиона, я в образе троянца Сфенела выпивал с Симоесием и травил непристойные байки. Шестнадцатилетний парнишка, который и женат-то не был, да что там, не знал ни единой женщины, рассказывал об отце Анфемионе, о том, как получил своё имя по названию речки Симоент, протекающей вблизи его скромного дома в миле от стен города. Симоесию не исполнилось и шести лет, когда на горизонте впервые показались чёрные корабли ахейцев. Отец ни в какую не хотел пускать чувствительного мальчика на войну и лишь несколько недель назад уступил желанию сына. Молодой человек признался мне, что боится не самой смерти; его страшила мысль о том, что он умрёт, так и не коснувшись женской груди, не изведав первой любви.

Большой Аякс издаёт воинственный вопль и бросает копьё. Выбив щит из рук юного троянца,

наконечник вонзается чуть повыше правого соска. Оружие раздробляет лопатку, и целый фут бронзы выходит из покалеченной спины наружу. Колени парнишки подгибаются; он изумлённо смотрит на убийцу, а затем на древко, торчащее из груди. Тяжёлая сандалия Теламонида опускается на лицо Симоесия. Большой Аякс небрежно вырывает копьё; мальчик беспомощно валится ниц на обагрённую кровью землю. Предводитель локров колотит по нагрудной пластине и громким рёвом призывает своих людей в наступление.

Троянец Антиф бросает в Аякса пику с расстояния в каких-то двадцать пять футов, но промахивается и попадает в ахейца Лёвка — тот как раз помогает Одиссею вынести из-под обстрела погибшего товарища. Копьё вонзается Лёвку в пах и выходит через анальное отверстие, выбросив наружу длинные завитки красно-серых кишок. Бедняга валится на мёртвого Эхепола; к несчастью, сам он ещё жив и какое-то время мучительно извивается, пытаясь вытащить бронзовый наконечник. Однако вместо этого вываливает себе на колени последние внутренности. Левк не переставая кричит и судорожно хватает свободной рукой ладонь Одиссея, вы-

пачканную в крови. Наконец несчастный ахеец испускает дух, глаза его стекленеют. Правый кулак застывает, сжимая злополучное копьё, а левая длань накрепко стискивает запястье друга. Одиссей высвобождается из мёртвой хватки и оборачивается на вражеские ряды. Его глаза бешено сверкают из-под бронзового шлема, выискивая цель. Какую угодно цель. Сын Лаэрта почти наугад швыряет пику и сам кидается следом. В троянских рядах возникает брешь, в которую немедленно устремляются ахейцы.

Удар Одиссея поражает Демокоона, приходящегося побочным сыном илионскому царю Приаму. Девять лет назад я участвовал во встрече этого молодого человека, по своей воле прибывшего защищать стены Трои. Все, естественно, уже знали: царь нарочно отправил юношу на южный берег Геллеспонта править знаменитыми конюшнями в Абидосе, чтобы удержать подальше от глаз ревнивой супруги и законных детей. Абидосские жеребцы слыли самыми быстроногими и выносливыми на свете, поэтому парень с гордостью носил имя конеборца, заслуженное в столь раннем возрасте. Демокоон оборачивается на грозный клич Одиссея, но в этот миг острая пика сбивает юного защитника Илиона с ног,

пробивает левый висок, проходит насквозь и пригвождает размозжённый череп к опрокинутой колеснице. Короче говоря, Приамов сын так и не понял, *что* ему ударило в голову.

Теперь уже троянцы отступают по всей линии, отброшенные назад яростью Одиссея и Большого Аякса; если удаётся, забирают убитых с собой, если нет — бросают так.

Величайший герой Илиона, честнейший из мужей Гектор спрыгивает с командирской колесницы, потрясая пикой и мечом, и призывает товарищей непреклонно держаться. Однако даже он подаётся назад под неистовым натиском противника. Всё, что остаётся доблестному воину, — это требовать порядка при отступлении. Троянцы отчаянно дерутся, рубятся и мечут копья, но отходят.

Я активизирую вибрас и, превратившись в илионского копьеборца, пячусь быстрее остальных. Пусть лучше окрестят трусом, главное — не попасть под удар. Где-то впереди, за спинами ахейцев, замечаю невидимую для прочих людей Афину; вскоре к ней присоединяется Гера. Раньше я бы и сам «отвёл глаза» воюющим и пробился бы поближе к богиням. Просто бой разгорелся так внезапно и с такой свирепостью… Я и опомнить-

ся не успел, как очутился в рядах отступающих. Теперь остаётся уповать на усиленное технологиями бессмертных зрение и остронаправленный микрофон.

Неожиданно воздух густеет, и все вокруг замирает. Кровь в человеческих жилах прекращает бег, бронзовые пики зависают, не завершив полёта. Те, кому жить ещё считанные секунды, получают отсрочку приговора, о которой, к сожалению, никогда не узнают. Гаснет любой звук, обрывается любое движение.

Боги снова решили поиграть в игрушки со временем.

На поле битвы недалеко от Гектора квитируется сам «сребролукий» в пышной колеснице. Следом появляется Арес; с минуту поспорив с Афиной и Герой, он перелетает через головы окаменевших воинов и приземляет колесницу рядом с Аполлоновой. Тут же ниоткуда возникает Афродита, бросает молниеносный взгляд в мою сторону, — а я, разумеется, прикидываюсь таким же замёрзшим, что и прочие, — улыбается и начинает совещаться со своими троянолюбивыми союзниками, Аресом и Аполлоном. Краешком глаза вижу, как богиня любви оживлённо жестикулирует и указывает на поле сражения; в

этот миг она напоминает мне Джорджа Паттона, только с большой грудью.

Бессмертные явились, чтобы драться.

Аполлон красиво взмахивает рукой — тишину разбивает грохот, и время возвращается в пыльном вихре сумасшедшего движения. Кровопролитие продолжается уже всерьёз.

10
Парижский Кратер

Выждав пару дней — самое меньшее, что полагалось после визита в лазарет, — Ада, Харман и Ханна отправились навестить Даэмана. В Парижском Кратере было поздно, темно, промозгло и к тому же, как выяснили гости, выступив из-под крыши факс-узла, накрапывал дождь. Мужчина отыскал крытое ландо, и войникс покатил друзей на северо-запад, мимо разрушенных домов, вдоль высохшего русла реки, усеянного белыми черепами.

— Никогда здесь не бывала. — Ханна поёжилась.

Молоденькая женщина, которой оставалось два месяца до первой Двадцатки, терпеть не могла большие города, а ПК с его двадцатью пятью тысячами полупостоянных жителей относился к самым населённым узлам на Земле.

— Вот почему я и выбрала этот порт, — откликнулась Ада. — Он достаточно далёк от места, где обитает Даэман. Думаю, стоит потратить время, чтобы насладиться здешней древностью.

Подруга с сомнением кивнула. Ряды унылых зданий из камня и стали, одетые в вездесущий пластик, поблёскивали под дождём, уставясь на мир пустыми окнами. По тёмным улицам деловито летали сервиторы и светопузыри, по углам недвижно стояли безмолвные войниксы, и только люди почти не встречались. Хотя, конечно, как заметил Харман, в десять вечера даже в мегаполисе вроде Парижского Кратера ложатся спать.

— Ого! А вот это уже интересно! — воскликнула Ханна, указывая на грандиозное сооружение, вздымающееся к небесам.

Мужчина кивнул:

— Начало Потерянной Эпохи. Символ тех лет и того человечества. Некоторые считают эту штуку ровесницей ПК, а то и самого города, что находился здесь раньше.

— Интересно, — повторила девушка.

Чрезвычайно упрощённая статуя обнажённой женщины высотой в тысячу футов казалась выполненной из прозрачного полимера. Голова изваяния то пропадала в облаках, то вновь мелькала в очередном просвете. Строго говоря, на гладком шаре не было даже лица, одна лишь красная зияющая усмешка. Пятидесятифутовые пружины ниспадали на плечи чёрными локона-

ми. Женщина стояла, широко расставив могучие ноги, ступни которых терялись где-то во мраке между домами, а внутри одной ляжки спокойно разместился бы весь Ардис-холл. В исполинских, арбузоподобных, карикатурных грудях бурлила багряная фотолюминесцентная жидкость. Временами она уходила в низ живота, временами с плеском поднималась к улыбающемуся лицу и воздетым рукам, заливая рубиновым сиянием верхушки построек вокруг Парижского Кратера.

— Как её называют? — спросила Ханна.

— La putain enorme,[11] — откликнулась Ада.

— И что это значит?

— Никому не известно, — промолвил Харман и велел войниксу повернуть налево.

Плавно покачиваясь на ходу, повозка въехала по шаткому мостику на возвышение, бывшее некогда островом посреди реки. Между заросших плющом развалин огромного здания, точно яйцо в каменном гнезде, вырисовывался прозрачный купол в ярких пурпурных бликах.

— Жди тут, — бросил мужчина войниксу и повёл девушек прямо под купол.

В самом центре они увидели плиту из белого

---

[11] notes: 11
Великая блудница.

камня, а за ней — примитивное изваяние нагого мужчины, целящегося из лука. Пол изрезали желоба и сточные канавки.

— Мрамор, — определила Ханна, проведя рукой по гладкой поверхности. — А куда мы попали?

— Святилище Аполлона, — сказал Харман.

— Я слышала об этих новых храмах, — заметила Ада, — но представляла себе какие-нибудь редкие алтари, поставленные в лесу шутки ради.

— Подобных зданий полно и в ПК, и в других крупных городах, — пояснил спутник девушек. — Храмы Афины, Зевса, Ареса — в общем, всех богов из туринской истории.

— А желоба и канавки… — начала Ханна.

— Это для стекающей крови жертвенных овец и прочего скота.

Девушка сделала шаг назад и сцепила руки на груди.

— И что же, люди… убивают животных?

— Нет, — произнёс мужчина. — За них это делают войниксы. По крайней мере пока.

Ада застыла на пороге; разбушевавшийся ливень за её спиной превратил дверной портал в мерцающий пурпуром водопад.

— Любопытно, что здесь было прежде? В Потерянную Эпоху?

— Тоже какой-нибудь собор, — уверенно изрёк Харман.

— В честь Аполлона? — Ханна вся напряглась и сжала руки ещё сильнее.

— Вряд ли. Среди обломков попадаются куски статуй, однако это не боги, не люди, не войниксы и вроде бы даже не… демоны. Есть такое старинное слово — «горгулья». Знать бы ещё, что оно означает…

— Давайте выбираться отсюда, — вмешалась Ада. — Поехали лучше к Даэману.

За рекой сухих черепов, к западу от кратера, здания Потерянной Эпохи увенчивались чёрными кружевными надстройками из бакикарбона и блестящего под дождём бамбука. Ханна вызвала функцию поиска, и светлый квадратик над левым запястьем девушки повёл троицу в нужном направлении: вспыхивал янтарным, красным или зелёным, пока друзья с помощью винтовых лестниц и лифтов поднимались от уровня дороги на уровень мезонинов, оттуда на висячую эспланаду пятью десятками этажей выше городских крыш, и потом уже к жилым отсекам. У перил эспланады Ханна, подобно всем новичкам, остолбенела в изумлении, зачарованно глядя в немигающий алый глаз посреди бездонного чёрного кратера;

Аде пришлось оттаскивать подругу за локоть.

Как ни странно, дверь в обиталище открыл не сервитор, а человек. Женщина, которой на вид было чуть за сорок, представилась Мариной, матерью Даэмана. Назвав себя, гости пошли вслед за ней по коридорам, расписанным в тёплых тонах, и вверх по спиральным ступеням, сквозь общие помещения к частным комнатам на стороне кратера. Хозяйка нерешительно замерла у резной махагоновой двери с красивым орнаментом.

— Разумеется, сервитор сообщил о вас. Но сына я пока не предупредила. Он всё ещё… взволнован после несчастного случая.

— Однако ничего не помнит? — осведомился Харман.

— О, конечно же, нет, — отозвалась Марина. Ада начинала замечать в этой привлекательной женщине с её рыжей шевелюрой и ладным коренастым телосложением некое сходство с Даэманом. — Хотя вы же знаете, как говорят… клеточная память.

«Правда, клетки уже не те», — подумала Ада. И промолчала.

— Думаете, наш визит обеспокоит его? — осведомилась Ханна, скорее любопытным, чем озабоченным тоном.

Марина грациозно развела руками, словно говоря: «Там посмотрим». Затем постучала в дверь и, услышав приглушённый голос сына, отворила.

Просторную комнату украшали цветастые драпировки, тканые шёлковые гобелены и кружевные занавески вокруг спального отсека. Дальняя стена, целиком из стекла, открывалась на личный балкон. Лампы едва горели, зато сразу же за балконом полыхали огни вечернего города и в полумиле, за тёмным кратером, сияли целые созвездия фонарей, светопузырей и тусклых электрических вспышек. Даэман сидел в кресле у залитого дождём окна, якобы рассеянно любуясь пейзажем. При виде неожиданных гостей он вскинул голову. Потом указал на мягкую мебель, расставленную по кругу. Марина извинилась и вышла. Троица расселась по местам. Через приоткрытые стеклянные двери тянуло свежестью, дождём и влажным бамбуком.

— Мы хотели убедиться, что с тобой всё в порядке, — сказала Ада. — И ещё я должна попросить прощения за тот случай… Скверная из меня хозяйка.

Даэман слабо улыбнулся, пожал плечами, взглянул на дрожащие ладони и положил их на

колени, обтянутые шёлком.

— Я мало что помню. Какой-то шум в чаще, запах падали, — да, это тоже, — и сразу же резервуар в лазарете. Сервиторы всё рассказали. Забавная история. Только слишком… омерзительная.

Кузина кивнула, склонилась вперёд и взяла его за руку:

— Прости меня, Даэман Ухр. Мы уже несколько десятилетий не видели аллозавров, да и войниксы всегда рядом, на страже…

Молодой мужчина нахмурил брови, но не отнял ладонь.

— Мне это не очень помогло.

— Да уж, загадка. — Харман постучал ногтями по рифлёным подлокотникам и скрестил ноги. — Просто удивительно. Впервые слышу, чтобы охранники не подоспели на помощь в такой ситуации.

Хозяин поднял на него глаза:

— А что, при вас мутанты частенько нападали на людей?

— Я не об этом.

— Ещё раз прости, — произнесла Ада. — Войниксы вели себя необъяснимо, хотя их ошибка не снимает вины с меня. Я сожалею о твоём испорченном вечере. Полагаю, ты сильно расстроен.

— Если можно так выразиться о человеке, съеденном двадцатитонной тварью, — вяло усмехнулся собеседник, однако еле заметно кивнул, принимая извинения.

Харман пересел на край кресла, сцепил руки и принялся покачивать ими, подчёркивая значимость своих слов.

— Мы не успели кое-что обсудить, Даэман Ухр…

— Космическую посудину? — издевательски хмыкнул тот, оставив вежливую иронию.

Но «старика» оказалось трудно сбить с толку. Крепко сжатые пальцы взлетали и опускались с каждым слогом.

— Именно. Хотя не только… Это наша конечная цель, а для начала… Что угодно, лишь бы летало. Джинкер. Соньер. Ультрасвет. Главное — перемещаться между факс-портами.

Хозяин подался назад под его напором и тоже скрестил руки.

— Почему ты так настаиваешь? И чего вы ко мне-то пристали?

Ада снова коснулась его ладони.

— Даэман, мы с Ханной слышали от разных людей, будто бы месяц назад, на прошлой пирушке в Уланбате, ты упомянул некоего знакомого, ко-

торый нашёл космическое судно и даже летал…

Пару мгновений мужчина смотрел на неё одновременно пустым и поражённым взором. Потом рассмеялся и покачал головой:

— А, ведьма.

— Ведьма? — вскинулся Харман.

Хозяин красиво развёл руками, повторяя жест матери.

— Так мы её окрестили. Забыл настоящее имя. Сумасшедшая. Такое случается… на последней Двадцатке.

Девяностодевятилетний гость пропустил намёк мимо ушей.

— А где ты её повстречал? — спросила Ада.

— Да на прошлом Горящем Человеке. Года полтора назад. Это происходило… в каких-то холодных краях. Я просто перенёсся из Чома вместе с друзьями. Признаться, меня никогда не увлекали церемонии Потерянной Эпохи, однако на праздник собралось множество прелестных девушек.

— А ведь и я там была! — воскликнула Ханна с горящими глазами. — Явилось, наверное, десять тысяч посетителей.

Харман извлёк из кармана изрядно помятый, пожелтевший лист бумаги и принялся расправ-

лять его на тахте.

— А название узла?

Девушка помотала головой:

— Это один из полузабытых, пустых. Организаторы выслали код за день до пирушки. Похоже, там никто не живёт. Помню каменистую долину, а вокруг — снега. И ещё все пять суток светило солнце. Беспрерывно. И царил жуткий холод. Сервиторам пришлось раскинуть огромное поле Планка, расставить повсюду обогреватели, и всё равно за пределы долины никого не пускали.

Харман посмотрел на лист, испещрённый кривыми линиями, точками, чем-то вроде колдовских рун из древних книг, и ткнул пальцем в самый низ рисунка:

— Вот. Обычно Горящего Человека справляют в Антарктике, в Суходоле.

Даэман непонимающе похлопал ресницами.

— Это карта, над которой я работал пятьдесят лет, — пояснил гость. — Двухмерное изображение Земли с обозначением факс-сети. Я побывал во всех семи узлах Антарктики, но лишь один из них очищен от снега и льда.

Молодому хозяину от этих слов явно не полегчало. Даже Ада и Ханна выглядели сконфуженно.

— Не важно, — отмахнулся Харман. — Суходол

действительно подходит под описание. К тому же полярным летом солнце там не заходит круглые сутки.

— Оно и в Чоме не садится, когда на улице июнь, — вставил Даэман, изнывая от скуки. — Может, эти узлы находятся рядом?

— Нет. — Мужчина в летах указал на верх карты. — Я почти уверен, Чом расположен тут, на большом полуострове. Северный, а не южный полюс.

— Полюс? — вымолвила Ада.

— У-у-у, — протянул Даэман, оглядывая троицу. — А я-то принял ту ведьму за сумасшедшую. Оказывается, бывает и хуже.

— А что-нибудь ещё она говорила? — не сдавался Харман, слишком увлечённый, чтобы обижаться.

Хозяин устало тряхнул волосами:

— Так, болтовня. Мы все немного перебрали. И не спали пятеро суток, до самой ночи Сожжения. Вздремнёшь пару часиков в большой оранжевой палатке — и вперёд. Вы знаете, последний вечер всегда завершается оргией…

— Ты услышал разговоры о космическом корабле? — Гость изо всех сил старался проявлять терпение.

Даэман поджал губы.

— Да, какой-то парень, по виду не старше Ханны, то и дело ныл о соньерах, сгинувших после Финального факса. Мол, здорово бы покататься на таком… И тут наша ведьма, которая вообще-то сидела очень тихо, хотя тоже порядком наклюкалась, возьми да и брякни: дескать, остались на Земле и джинкеры, и соньеры, надо лишь места знать. Будто бы сама она разъезжает, сколько захочет…

— Ну а корабль? — подсказал Харман.

— Сказала, что видела, вот и всё. — Молодой человек поморщился и потёр виски. — Около музея. Я ещё поинтересовался, что такое музей, только она не ответила.

— Почему вы прозвали пожилую даму ведьмой? — не уступал загорелый мужчина.

— Ну, это не я начал, — немного виновато произнёс Даэман. — Все так говорили, потому что старуха якобы «пришла на праздник пешком». Представляете? А там ни единого узла вокруг долины, и вдобавок поле Планка…

— Точно, — подтвердила Ханна. — По-моему, я ещё ни разу не забиралась так далеко. Жаль, что мы не побеседовали с той женщиной.

— Кстати, и я-то видел её два раза: в первый

день и в последний. Да и то по большей части ведьма не раскрывала рта, если не считать той нелепой болтовни.

— А как ты догадался, что она старая? — мягко спросила Ада.

— Ты имеешь в виду, не беря в расчёт её явный сдвиг по фазе?

— Да.

Собиратель бабочек испустил глубокий вздох.

— Ведьма *выглядела* старой. Как если бы слишком часто наведывалась в лазарет. — Тут он помрачнел, припомнив собственный визит. — Никогда не встречал более потрёпанного человека, чем она. Кажется, у неё даже были эти… борозды на лице.

— Морщины? — ахнула Ханна чуть ли не с завистью.

— Но имя ты не запомнил? — уточнил гость.

— Ага. У костра кто-то из наших называл его, да разве теперь… Понимаете, я столько выпил и так долго не спал…

Харман переглянулся с Адой, набрал в грудь воздуха и выпалил:

— Может, Сейви?

— Да-да, очень похоже, — обрадовался Даэман. — Сейви. Чудно, не как у всех…

Девушки обменялись многозначительными взглядами.

— А что? Это важно? Вы её знаете?

— Вечная Жидовка, — промолвила Ада.

— Ах, вы про ту легенду! — утомлённо улыбнулся хозяин. — Женщина, которая умудрилась прогулять Финальный факс тысячу лет назад и с тех пор в наказание скитается по Земле? Слыхал, слыхал. Хотя разве у неё было имя?

— Сейви, — кивнул Харман. — её звали Сейви.

Марина вошла в комнату вместе с парой сервиторов, несущих кувшины с подогретым приправленным вином и бутерброды с сыром на подносе. Неловкую тишину сменила обычная светская беседа за ужином.

— Факсуем прямо с утра, — объявил загорелый мужчина своим спутницам. — В Суходоле мог остаться какой-нибудь след.

— И как мы его отыщем? — Ханна взяла дымящийся бокал обеими руками. — Даэман прав, Горящего Человека отмечали восемнадцать месяцев назад.

— А когда следующий? — полюбопытствовала её подруга, всю жизнь игнорировавшая ритуалы безумной эпохи.

— Это не известно никому, — откликнулся

Харман. — Особый Совет устанавливает нужную дату и уведомляет гостей за несколько дней до начала. Иногда между праздниками проходит два-три месяца. Иногда двенадцать лет. Сам-то я в прошлый раз изучал Средиземный Бассейн, потому и не смог явиться.

— Я хочу с вами, — выдохнул Даэман.

Остальные, в том числе и мать, уставились на него с изумлением.

— Думаешь, ты в состоянии? — усомнилась Ада.

Хозяин оставил вопрос без внимания.

— Без меня вы не признаете ведьму… Сейви, даже если отыщете.

— Отлично, — решил Харман. — Мы ценим твою помощь.

— Но факсуем не раньше утра, — поставил условие коллекционер. — Сейчас я слишком разбит.

— Разумеется, — поддакнула кузина и повернулась к своим спутникам: — Ну что, возвращаемся в Ардис-холл?

— Ещё чего, — запротестовала Марина. — Переночуете у нас. Наверху есть уютные комнаты для гостей. Мой сын пока не оправился после того… случая и может проспать довольно долго. Вот когда он встанет, тогда и отправляйтесь. Правда,

только после завтрака.

— Разумеется, — повторила Ада.

Разница во времени между Ардис-холлом и Парижским Кратером составляла семь часов: там, откуда прибыли гости, ещё даже не подавали ужин — однако любой факс-путешественник первым делом учился перестраиваться под местные условия.

— Мы вас проводим. — Марина пошла вперёд, указывая путь, и сервиторы-двойники послушно поплыли рядом.

Широкая винтовая лестница вывела друзей наверх, в их комнаты, которые на самом деле оказались точной копией хозяйских покоев. Ханне приглянулось новое место, однако после осмотра она убежала поглазеть на город в одиночку. Харман заперся у себя, пожелав всем спокойной ночи. Ада закрыла за собой дверь, подивилась на занятные гобелены, насладилась с балкона видом кратера — дождь как раз прекратился, и в небесах меж рассеянных облаков ярко сияли кольца, звёзды и луна, — и велела сервиторам подать лёгкий ужин. А потом долго-долго нежилась в горячей благоухающей ванне, чувствуя, как напряжение тяжёлого дня покидает мускулы.

Девушка размышляла о Хармане. Неужели и

вправду они познакомились каких-то двенадцать дней назад? Ей казалось, что с тех пор прошла уйма времени. Необыкновенный мужчина просто околдовал Аду. Произошло это в особняке у развалин Сингапура, на празднике летнего солнцестояния. Хозяйка Ардис-холла при всякой возможности избегала факсов и шумных сборищ, предпочитая вечерники в тесном приятельском кругу, и всё же в этот раз юная Ханна проявила редкую настойчивость, чтобы затащить подругу с собой. Пирушка по-своему удалась: одна из женщин отмечала четвёртую Двадцатку и пригласила кучу занимательных людей (Аду всегда влекло в общество людей старшего возраста). Но потом девушка увидела *его* в библиотеке особняка — и забыла обо всём на свете. Копающийся в книгах мужчина держался очень тихо, чуть ли не скрытно, однако юной гостье удалось завязать с ним разговор. Для этого она припомнила те уловки, к которым прибегали её собственные друзья, дабы расшевелить «Аду-молчунью».

Ада до сих пор не знала, что и думать о волшебной способности Хармана читать без помощи напульсной функции. (Кстати, он и сознался-то в этом лишь через шесть дней, уже на другой гулянке.) Но чем больше хозяйка Ардис-холла

размышляла о таинственном умении, тем сильнее очаровывалась. Девушка всегда гордилась собственным образованием: и в самом деле, мало кто в её годы сподобился выучить все народные песни и предания, имена членов Одиннадцати семей, или сумел бы перечислить факс-узлы наизусть. Однако широта кругозора и, главное, беспредельная пытливость удивительного мужчины буквально кружили ей голову.

А эта самая «карта»? Даже Ханна, любопытная искательница приключений, не оценила клочок бумаги по достоинству, владелицу же Ардис-холла проделанный труд потряс до глубины души. Прежде ей и в голову не приходило, что можно создать нечто подобное.

И ещё: Земля имеет форму шара. Именно Харман объяснил это девушке. Многие ли из её друзей догадывались — да нет, вообще задумывались, как выглядит их мир со стороны? Любой растолковал бы вам на пальцах: «мир» — это собственный дом и сеть факсов, необходимая, чтобы навещать приятелей. Но что скрывается внутри привычной системы, что прячется за нею? Ой, ну кого волнуют такие подробности?..

Уже в первую встречу Ада заметила усиленный интерес Хармана к постлюдям, граничащий с

одержимостью. «Не-ет, — поправила себя девушка, тонкими бледными пальчиками подгоняя островки радужной пены от груди к шее, — он и впрямь одержимый. Только и гадает, где сейчас ПЛ да почему они нас оставили. Как будто других тем не существует. Зачем ему это?»

Впрочем, даже не понимая загадочной страсти к далёкому прошлому, девушка заразилась ею, приняла, как дети принимают захватывающее приключение. А мужчина продолжал задавать вопросы, над которыми расхохотался бы каждый нормальный человек: «Почему нас только миллион? Ни больше ни меньше? С какой стати постлюди выбрали это число? И почему отпустили на жизнь ровно век? И зачем оберегают от всякой опасности, помогая дотянуть до вожделенной сотни?»

Ох уж эти вопросы, приводящие в замешательство своей наивностью и глубиной! Как если бы взрослый вдруг потребовал у вас ответа, зачем ему пупок.

Однако Ада охотно включилась в игру. Искать летучие машины? Пожалуйста! И космический корабль? С удовольствием! Отправиться на кольца, лично встретиться с постлюдьми? Потрясающе! Теперь вот эта Вечная Жидовка

из легенды. Каждый прожитый день приносил новые, сногсшибательные сюрпризы.

«Например, Даэман…»

Девушка увидела, как её бледная кожа заливается краской до самой линии воды и пены. Нет, но ведь это правда: ни хозяйке Ардис-холла, ни её гостям не доводилось видеть, чтобы динозавры пожирали человека. И почему вдруг растерялись охранники?

«А что они вообще такое? — говорил Харман двенадцать дней назад, на вечеринке в Сингапуре. — Откуда взялись войниксы? Кто их создал: человечество Потерянной Эпохи, постлюди, а может, они — порождение безумной агонии Рубикона? Что, если эти твари — чужаки в нашем мире и времени, явившиеся сюда с какой-то собственной целью?»

Ада прекрасно помнила, как беспокойно рассмеялась и чуть не пролила шампанское из бокала, впервые услышав нелепые слова, произнесённые столь серьёзным тоном. Да и прочие гости в увитой виноградом беседке хохотали до слёз. А вот ответить не смогли. Ни один из них. И ныне девушка, привыкшая к войниксам с рождения, взирала на них с тревожным любопытством. Кстати, Ханна вела себя так же.

«Кто ты?» — изумлялась юная хозяйка Ардисхолла, выступая из крытого ландо в Парижском Кратере и взирая на молчаливое существо, якобы не имеющее глаз, на его ржавый панцирь и мокрый от дождя капюшон из кожи; убийственные лезвия, способные искромсать динозавра, таинственная тварь запрятала подальше, выпущенные вместо них манипуляторы с мягкими подушечками учтиво придерживали дышла повозки.

Выбравшись из ванны, Ада обтёрлась полотенцем, накинула на себя тонкий халат и приказала сервиторам исчезнуть. Когда те покорно удалились через полупроницаемую мембрану в стене, девушка вышла на балкон.

Харман поселился справа от неё, их веранды разделяла плотная перегородка из бамбукового волокна, выдающаяся на три фута наружу. Ада приблизилась к самому краю, кинула взгляд в бездну красноокого кратера, возвела глаза к прояснившемуся звёздному небу и кольцам — а потом перебросила ногу через перила. Гладкий, влажный бамбук на секунду прижался ко внутренней поверхности бёдра, словно ласкаясь, и вот уже девушка очутилась по ту сторону перил, на узеньком внешнем выступе. Босая ступня

осторожно потянулась вперёд, ища новой опоры. Следом взметнулась рука.

На миг Ада зависла в воздухе, держась только за счёт цепких ладоней и пальцев на ногах; земное притяжение неумолимо тащило её вниз. *Интересно, каково это — упасть с такой высоты в бурлящую магму, сознавая, что жить осталось несколько ужасных мгновений абсолютно свободного полёта?* Беда в том, что она никогда этого не узнает. Даже если отпустит перила, даже если похолодевшие пальцы не вытерпят и соскользнут. В подобной роскоши людям было отказано: очнувшись в лазарете, никто не помнил собственной смерти.

Прижавшись грудью к перегородке и силясь удержать равновесие, девушка не смела поднять глаза, чтобы убедиться: а пуст ли балкон Хармана? Лишь бы не сорваться в пропасть!..

Но вот незваная гостья достигла цели и замерла на месте, вцепившись трясущимися руками в скользкие перила. Всплеск адреналина резко пошёл на убыль, и силы начали покидать её. Девушка быстро перелезла через ограждение и облегчённо выдохнула. На внутренней стороне бедра заныла царапина от грубой плетёной перегородки.

Харман сидел в шезлонге, скрестив ноги, и наблюдал за ней при свете одинокой, упрятанной под стекло свечи. На мужчине тоже ничего не осталось, кроме небрежно завязанного шёлкового халата.

— Мог бы и помочь, — зашипела девушка, сама не ведая, зачем говорит это и почему понизила голос.

Её друг улыбнулся и покачал головой:

— Ты и так справилась. А что, в дверь нельзя было постучать?

Ада жадно глотнула воздуха и как бы в ответ распустила узел на поясе. Тонкие полы халата распахнул ветер. Прохладные струи смешались с другими, тёплыми, восходящими от её разгорячённого живота.

Харман поднялся, подошёл к девушке и посмотрел ей в глаза.

— Это большая честь для меня, — зашептал теперь и он. — Но не сейчас, Ада. Не сейчас.

Мужчина бережно запахнул её халатик, стараясь не касаться тела, взял гостью за руку и повёл к шезлонгу. Когда они уселись рядом, бок о бок, девушка до кончиков ушей покраснела от изумления и некоего запоздалого смущения — не то из-за полученного отказа, не то из-за

собственного бесстыдства, она и сама ещё не разобралась. Потянувшись за кресло, Харман извлёк пару туринских повязок, окрашенных в нежно-сливочный цвет, и разложил их таким образом, чтобы вшитые микросхемы оказались в нужном положении.

— Я не… — начала гостья.

— Знаю. Только сегодня, один раз. Кажется, нас ожидает нечто важное. И я хочу разделить это с тобой.

Она послушно откинулась на мягких подушках, а мужчина пристроил туринскую пелену у неё на глазах. Ада ощутила, как он прилёг рядом и покойно взял её за правую руку.

Изображения, звуки, чувства хлынули мощным потоком.

11
Долины Илиона

Бессмертные спустились с Олимпа поиграть. Другими словами, они собрались заняться убийствами.

Битва в разгаре; Аполлон подстёгивает троянцев, Афина пришпоривает аргивян, а прочие боги, удобно расположившись в тени раскидистого дерева на ближайшем холме, попивают вино и веселятся. Только что на моих глазах предводитель фракийцев Пейрос, доблестный союзник троянцев, в пылу сражения запустил камнем в сероглазого Диора — полководца, что командовал эпейским личным составом греческой армии. Удар всего лишь повредил лодыжку, но когда раненый повалился наземь, его товарищи бросились наутёк; горстка героев осталась защищать командира, однако Пейрос раскидал их. Несчастный Диор лежал в пыли и беспомощно смотрел на приближающегося врага. Фракиец погрузил длинную пику в живот жертвы, подцепил внутренности острым наконечником, вытащил его и несколько раз повернул. Всё это время Диор

ужасно кричал.

Это слишком даже для нынешнего дня, и я с облегчением вздыхаю, когда Афина Паллада, получив молчаливое согласие других бессмертных, вздымает руку и на ходу останавливает время.

Контактные линзы, данные мне богами, позволяют наблюдать сквозь лес ощетинившихся копий за тем, как Афина превращает Диомеда, сына Тидея, в машину смерти. Я говорю в буквальном смысле. Ну, почти в буквальном. Подобно олимпийцам или мне, например, Диомед всё более походит на продвинутого робота: его глаза, кожа и особенно кровь напичканы нанотехникой, изобретённой намного позже моей кратковечной жизни.

Заморозив время, дочь Зевса надевает на зрачки Тидида такие же линзы, что и у меня. Теперь ахеец способен видеть бессмертных. В какой-то мере он сможет немного замедлять окружающие события, если как следует сосредоточится. А невооружённому глазу простого человека в самом пекле битвы померещится, будто реакция ахейца повысилась раза в три. «Пламень… зажгла вкруг главы и рамен Диомеда», — вот как пел об этом Гомер, и лишь сейчас я прочувствовал метафору до конца. При помощи нанотехники,

встроенной в ладонь и предплечье, Афина обращает пренебрежимо малое потенциальное электромагнитное излучение человеческого тела в серьёзное силовое поле. В инфракрасных лучах даже щит и шлем Диомеда полыхают неугасимым огнём, что «блеском подобен звезде той осенней, которая в небе всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана». Глядя на героя, чей облик мерцает алым сиянием в тягучей янтарной смоле оцепеневшего времени, я сразу понимаю, о какой звезде речь: без сомнения, это Сириус из Большого Пса, ярчайшая искорка на греческом (да и троянском) небосклоне поздним летом.

Продолжаю внимательно следить. С помощью шприца-пистолета богиня вводит в бедро героя миллиарды молекулярных нанотехнических машинок. Организм привычно воспринимает подобное нанонашествие как инфекцию, и температура Диомеда тут же подскакивает градусов на пять, не меньше. Я так и вижу эти проклятые наноклетки, устремляющиеся по жилам к сердцу, из сердца к лёгким, а оттуда снова к ногам и рукам. От жара тело ахейца светится в инфракрасном спектре ещё сильнее.

Поле брани напоминает выразительную скульптурную композицию. В десятке ярдов от

меня замерла колесница в застывшем облаке пыли, людского пота и конской белой пены. Возничий — невозмутимый приземистый Фегес, сын троянского жреца и брат упрямца Идея, с которым я дюжину раз преломлял хлеб и выпивал в своё время, — перегнулся через край колесницы, сжимая длинную пику. Рядом Идей замахнулся на коня бичом, ухватив другой рукой окаменевшие вожжи. Братья мчались прямо на Диомеда в тот миг, когда богиня остановила время, чтобы приодеть избранного вояку в силовые поля, линзы особого видения и прочие навороты; словно девчонка, наряжающая Барби, честное слово. (Однажды в моей памяти всплыла подобная картинка. Должно быть, сестра из дошкольного детства. Ну не дочка же? её бы я не забыл. Хотя не уверен. Ведь что такое воспоминания схолиаста? Не более чем мутные отражения в бутылочных осколках.)

Загорелое лицо Фегеса восторженно сияет, однако в немигающих глазах отражается ужас. Если только Гомер не ошибся при описании битвы, жить парню осталось меньше минуты.

Всё больше бессмертных слетается к месту сражения подобно голодным стервятникам. Бог войны Арес материализуется в двух шагах от

замороженной во времени колесницы, неудержимо влекущей Идея с братом навстречу смерти, и раскрывает за ней собственное защитное поле.

С какой стати ему заботиться об этих двоих? Я знаю, что Арес всегда недолюбливал греков и расправлялся с ними при первой возможности, но при чём здесь отважный Фегес или его братец? Не понимаю. Может, это всего лишь ответный ход: дескать, Афина совершенствует Диомеда, дай-ка и я выручу своих? Так, что ли? Осточертела мне эта игра, где живые пешки на доске валятся, кричат и гибнут сотнями, хотя, признаюсь как на духу, постичь таинственные правила всё же хочется. До сих пор.

Ну, конечно, что же я сразу не сообразил: Арес — сводный брат Гефеста, рождённого Зевсовой женой Герой, а Дарес, отец Фегеса и Идея, долгие годы верно служил богу огня за крепкими стенами Трои.

Тьфу, как всё запутано на этой идиотской войне. Тут ещё меньше смысла, чем во вьетнамских сражениях, тускло мерцающих в памяти о моей юности.

Предводительница схолиастов-лазутчиков Афродита тоже квитируется в гущу событий, чтобы помочь троянцам. Странно… Очень странно…

На исходе последних затянутых мгновений до меня вдруг доходит: если песнь пятая соответствует истине, не пройдёт и часа, как богиню любви ранит дерзкая рука кратковечного Диомеда, Тидеева сына.

Ответ очевиден. Он постоянно находился перед глазами, но лишь теперь суровое осознание поразило меня точно молния. *Бессмертным неизвестно будущее*. Никому из них — кроме Зевса, пожалуй, — не дозволено заглядывать за плечо Фортуны.

Схолиасты давно подозревают об этом. Иначе с чего бы Громовержцу запрещать нам обсуждать с богами содержание следующих песней «Илиады»? Наше дело маленькое — следи, записывай и отчитывайся, совпадают ли произошедшие события с гомеровской поэмой или нет.

Как часто мы с Найтенгельзером, лениво наблюдая на закате, как маленькие зелёные человечки в упряжках везут по берегу гигантские каменные лица, рассуждали об удивительном пробеле в познаниях Олимпийцев.

Итак, я уже читал, что покровительницу ранят. А она — нет. Вот бы обернуть это в свою пользу. Сказать Афродите прямо? Нет, её царственный папаша непременно проведает — шут его знает

как, только проведает непременно. Лично мне ослушание грозит полным расщеплением на атомы; богиню любви, наверное, тоже оставят без сладкого…

Думай, Хокенберри! Дочь Зевса дала тебе шпионские орудия. Сегодня её ранят. Что можно из этого извлечь?!

Но размышлять некогда. Закончив возиться с Диомедом, Афина разжимает железную хватку и выпускает время на волю.

Полыхают вспышки, уши глохнут от грохота, «статуи» приходят в шальное движение. Тидеев сын выступает вперёд. Его лицо, тело и доспехи излучают неземной свет. Смертные друзья и враги щурятся от сияния.

Идей со свистом опускает бич на конский круп; грохоча по камням, колесница врезается в греческие фаланги, устремляясь прямо на Диомеда. Фегес метит в героя пикой — и промахивается. Сверкающий наконечник пролетает в дюйме над левым плечом бесстрашного грека. Кожа доблестного Тидида полыхает жаром, на лбу блестят крупные капли горячечного пота. Диомед поднимает копьё и наносит ответный удар. Медное жало бьёт точно в цель, «в грудь меж сосцов» — вроде бы так воспел это убийство слепец.

Фегес вылетает из колесницы спиной вперёд, падает наземь и несколько раз подряд переворачивается, глотая пыль, поднятую колесницей, в которой он мчался пять кратких мгновений назад. Наконец тело останавливается и замирает. Торчащее в груди древко изломано в щепки. Что ж, в долинах Илиона смерть если приходит, то приходит быстро.

Идей на ходу спрыгивает с колесницы и, перекатившись через спину, с трудом поднимается, готовый защищать труп брата с мечом в руках.

Диомед выхватывает другое копьё и бросается на храбреца, очевидно собираясь прикончить второго сына Дареса, как и первого. Юный троянец не выдерживает и обращается в бегство, в ужасе оставив Фегеса на произвол судьбы. Но глаз Тидида меток, и рука тверда, словно медь: острый наконечник описывает блестящую дугу, метя промеж лопаток беглеца.

В этот самый миг Арес летит вперёд, — *летит взаправду*, без шуток, ибо и мы, и бессмертные пользуемся левитационной упряжью — и вновь приостанавливает время. Сверкающее копьё замирает менее чем в десятке футов от цели. Бог войны простирает вокруг Идея силовое поле, «запускает» парочку замедленных секунд, чтобы

отклонить бронзовое жало в сторону, после чего квант-телепортирует перепуганного молодого человека с поля боя куда-нибудь потише. Потрясённым и устрашённым троянцам чудится, будто чёрная ночь молниеносно спустилась и унесла их товарища прочь.

«Не захотел, стало быть, лишаться в будущем обоих жрецов сразу», — думаю я про Ареса. Заметив во вражеских рядах брешь, пробитую Диомедом, греки с воплями кидаются вперёд. Жестокая сеча возобновляется с новой силой, и я вынужден стремительно ретироваться от греха подальше. Бесхозная колесница громыхает по камням долины навстречу ахейцам, которые с радостью устремляются на богатую добычу.

Арес вернулся. Полупроявившись в обычном измерении в виде нечеловечески огромного силуэта, бог побоищ зычно призывает жителей Илиона храбро сплотить ряды и отразить натиск. Войско в смятении. Некоторые кидаются наутёк, едва приметив сияющего Диомеда, другие покоряются громовому голосу божества. Внезапно Афина перелетает через головы сражающихся, берёт разбушевавшегося олимпийца за руку и что-то быстро шепчет ему на ухо.

Бессмертные переглядываются и квитируются.

Оборачиваюсь через левое плечо: скрытая от тех, что отчаянно бьются, вопят, разражаются проклятиями и умирают вокруг неё, Афродита небрежным взмахом кисти повелевает мне проследить за исчезнувшими.

Надеваю Шлем Смерти. Теперь боги не видят меня. Только *она*. Активирую медальон и отправляюсь сквозь пространство Планка на поиски Ареса с Афиной. Это просто: всё равно что ступать по отпечаткам на мокром песке.

Хм… а богом быть совсем нетрудно. С подходящим-то снаряжением.

Бессмертные ушли недалеко: остановились миль за десять от поля битвы, в тенистом местечке на берегу Скамандра. (Олимпийцы нарекли этот поток, текущий через долины Илиона, Ксанфом.) Материализуюсь шагах в пятидесяти от них. Арес мигом поворачивает голову и хищно смотрит в мою сторону. Всё. Шлем не работает. Я погиб.

— Что такое? — спрашивает Афина.

— Вроде бы я… что-то почувствовал. Какое-то движение. Квантовая активность или…

Серые глаза Афины глядят прямо на меня.

— Там ничего нет. Я могу видеть в любом спектре фазовых сдвигов.

— Не ты одна, — рявкает бог войны и отворачивается.

Я наконец-то судорожно перевожу дух, стараясь дышать как можно тише. Шлем Аида в полном порядке. Арес принимается расхаживать по берегу взад и вперёд.

— В последние дни мне кажется, что Зевс повсюду.

— Да, отец очень зол на нас, — кивает дочь Громовержца, шагая рядом.

— Тогда зачем ты дразнишь его ещё больше?

— Я? Дразню? — Плутовка даже останавливается. — И как же, позволь узнать? Спасая моих ахейцев от гибели?

— Накачивая Диомеда для резни, — хмурится рослый, идеально сложённый Арес. Интересно: я впервые замечаю, что его волосы отливают на солнце рыжим. — Это небезопасно, Афина Паллада.

Собеседница беззаботно смеётся.

— Девять лет мы только и делаем, что вмешиваемся в события. Ради бога, это же просто игра. Чем ещё заниматься? Как будто мне неизвестны твои намерения уже сегодня выручить ненаглядных илионцев, а моих аргивян предать закланию, словно жертвенных овец! Значит, и ты рискуешь,

о бог войны?

— Может, и так, однако я не вооружаю ни одну из сторон нанотехнологиями. Не прикрываю обречённых сдвинутыми по фазе полями. О чём ты думаешь, Афина? Решила превратить этих смертных в… в нас?

Богиня снова заливается смехом, но вовремя останавливается, заметив и без того мрачное выражение лика Ареса.

— Брат мой, ты же знаешь, сыну Тидея недолго упиваться сверхсилой. Я только хочу, чтобы он пережил эту битву. Наша дорогая сестрица Афродита уже подначила троянского лучника Пандара напасть на моего фаворита Менелая. Вот и сейчас, пока мы говорим, — я прямо слышу, как она шипит в ухо негодяю: «Убей Диомеда! Убей!»

Бог войны пожимает плечами. Афродита — его главная сообщница и подстрекательница. Страшно похожий на обиженного мальчугана (если возможно представить себе обиженного мальчугана десяти футов ростом, вокруг которого пульсирует мощное силовое поле), Арес подбирает гладкий камешек и с силой пускает его по воде.

— Не всё ли равно, когда погибнет твой Диомед — нынче или через год? Он человек. И он

смертен.

Теперь Афина хохочет ему в лицо без всякого стеснения:

— Разумеется, братец, разумеется! Жизнь какого-то кратковечного нас… меня и не волнует, но я же сказала: это игра. Я не дам сучке Афродите изменить волю Провидения.

— Кто может знать волю Провидения? — сердито обрывает её бог войны, скрестив руки на широкой груди.

— Отец, например.

— Это *он* так утверждает, — скалит зубы Арес.

— Ты что же, сомневаешься в словах нашего господина и повелителя? — В голосе Афины слышится лёгкая насмешка.

Бог войны резко оборачивается; должно быть, я чем-нибудь выдал себя. О небо! Хорошо хоть встал на большом камне — только отпечатков ног мне сейчас и не хватало. Однако взгляд Ареса скользит дальше.

— Я и не думал проявлять неуважение к верховному владыке, — изрекает он тоном президента Никсона, прознавшего о «жучках» в Овальном кабинете. Лгущего в расчёте на скрытый микрофон. — Вся моя верность, и преданность, и любовь принадлежат Зевсу без остатка, сестра.

— Не сомневаюсь, что отец оценит их и вознаградит по достоинству, — эхом отзывается богиня, не скрывая злорадства.

— Провалиться на месте! — вскидывается вдруг Арес. — Ты нарочно затащила меня сюда, чтобы твои треклятые ахейцы преспокойно закололи побольше моих…

— Именно, — презрительно выплёвывает Зевсова дочь.

В её устах эти три слога звучат настоящим ругательством. Ого, кажется, бессмертные готовы подраться. Такого я ещё не видел.

Раздосадованный олимпиец всего лишь пинает ногой песок и молниеносно квитируется обратно на поле брани. Афина довольно хохочет и, преклонив колени у волн Скамандра, омывает водой лицо.

— Вот дурень, — шепчет она скорее всего для самой себя, но на какой-то миг я верю: слова адресованы обезумевшему схолиасту, который топчется на камне, укрытый от её гнева идиотским капюшоном из кожи.

А что, очень точное слово.

Богиня квитируется в гущу сражения. Я ещё с минуту содрогаюсь, размышляя над собственной глупостью, а затем следую примеру бессмерт-

ных.

Греки и троянцы по-прежнему «мочат» друг друга. Тоже мне, новость.

Выискиваю взглядом своего коллегу. Он где-то здесь. Даже в чужой шкуре мы легко узнаем друг друга по зеленоватому свечению, которым Олимпийцы наградили каждого схолиаста. Да, вот и Найтенгельзер в образе троянского увальня-пехотинца, что забрался на край низкого утёса понаблюдать за бойней со стороны. Избавившись от Шлема Аида, преображаюсь в троянца Фалка (парня вскоре настигнет пика Антилоха) и отправляюсь поздороваться.

— Доброе утро, схолиаст Хокенберри, — произносит он при моём приближении.

Мы общаемся на чистом английском: никто не расслышит неведомую речь за лязгом боевой бронзы, грохотом колесниц и воинственными криками. А если вдруг и расслышит, невелика беда — в этой разношёрстной команде привыкли ко всяческим чудным диалектам.

— Доброе утро, схолиаст Найтенгельзер.

— Где ты пропадал целый час или около того?

— Устроил передышку, — вру я.

Такое случается. Бывает, одного из нас с души воротит от этой мясорубки, тогда лучше квитиро-

ваться в Трою, провести часок-другой в тишине, а ещё приятнее — пропустить большую глиняную бутыль вина.

— Неужели я что-то пропустил?

Товарищ по ремеслу пожимает плечами.

— Диомед наконец довыделывался и получил стрелу в плечо. Точно по расписанию.

— От Пандара, — киваю я в ответ.

Пандар — тот самый лучник, что ранил Менелая.

— Я видел, как Афродита вдохновила его выстрелить, — говорит Найтенгельзер, не вынимая рук из карманов плаща.

Вообще-то в греческих плащах нет карманов. Поэтому он вшил их сам…

Погодите-ка, а вот *это* уже новость. Гомер ни словом не обмолвился о том, чтобы улыбколюбивая дщерь Зевса подтолкнула Ликаонова сына к подобному шагу — разве только убедила пустить стрелу в Менелая, дабы нарушить перемирие. Бедолага Пандар, сегодня ты действительно игрушка в руках богов… А ведь это твой последний день.

— И что, сильно Диомед ранен? — интересуюсь я.

— Сфенел оказался поблизости, вытащил нако-

нечник. Видимо, тот был неотравленным. Только что Афина квитировалась на поле, отвела в сторонку Диомеда и «…силу влила во члены героя, в ноги и руки».

Странный перевод, мне такой не попадался.

— Опять нанотех, — вздыхаю я. — Так Диомед уже нашёл дерзкого Лиаконида и прикончил его?

— Да, минут пять назад.

— И как, успел Пандар произнести свою коронную речь перед смертью?

В моём любимом переводе парень оплакивает собственную участь аж целых сорок строчек, заводит бесконечный диалог с Энеем — да-да, с тем самым! — и на пару с ним гоняет на колеснице, швыряя копьями в раненого ахейца.

— Нет, — отзывается Найтенгельзер. — Промазав в первый раз, он только и крикнул: «Мать моя женщина!» Потом запрыгнул на колесницу к Энею, бросил в Диомеда копьё, пробил щит и доспехи, но плоть не задел. А когда получил от грека пикой промеж глаз, сказал ещё: «Вот дерьмо!» — и помер. Что поделать, и Гомера подчас заносило: монополия на прямую речь чревата соблазнами.

— А Эней?

Какая жалость. Пропустить столь важную для «Илиады» и всей истории сцену! Поверить не могу.

— Афродита его спасла, — подтверждает мою мысль товарищ.

Эней — кратковечный сын богини и добродушного Анхиза. Ясно, мать не спускает глаз с любимого отпрыска.

— Диомед громадным камнем раздробил Анхизиду тазовую кость на мелкие кусочки, однако Афродита покрыла раненого мощным полем и вынесла из побоища. Тидид чуть не лопнул от злости.

Солнце слепит глаза. Прикрываюсь ладонью:

— И где Диомед сейчас?

Впрочем, я и сам уже заметил бесстрашного грека: вон он, в сотне футов от нас, в самой гуще вражеского войска. Окутанный блестящим туманом из кровавых капель, «подкованный» Афиной ахеец рубит, режет, колет, нагромождая по обе стороны горы трупов. Словно одержимый, прорубается он сквозь накатывающие волны человеческой плоти, видя перед собою одну лишь медленно отступающую богиню любви.

— О господи, — вырывается у меня.

— Да уж, — невесело соглашается Найтен-

гельзер. — За несколько минут от его руки пали Астиной и Гипенор, Абас и Полиид, Ксанф и Фоон, Эхемон и Хромий…

— А чего парами-то? — не подумав, отзываюсь я.

Коллега смотрит на меня, будто на своего тупого студента, вернувшегося из последнего десятилетия девятнадцатого века.

— Хокенберри, они же на *колесницах*. Один правит, второй сражается. Диомед уложил всех. Заодно урвал солидную добычу.

— Ага, — отмахиваюсь я.

При чём тут мёртвые военачальники? Моё внимание приковано к Афродите. Богиня любви прекратила отступать, сняла покров невидимости и теперь с окровавленным телом Энея на руках расхаживает по полю туда-сюда, подбадривая разбегающихся в панике троянцев электрическими уколами и увесистыми пинками сияющего излучения.

Увидев такое, Тидид окончательно «слетает с катушек», сминает последнюю линию неприятельской обороны и молча устремляется к дочери Зевса, на бегу замахиваясь копьём. Афродита небрежно прикрывается силовым полем: подумаешь, какой-то смертный.

Она забыла, что имеет дело с усовершенствованной версией человека.

Диомед кидается вперёд. В воздухе что-то сухо щёлкает. Блестящее жало копья пробивает защитное излучение, разрывает шёлковый хитон и наконец божественную плоть. Острый как бритва наконечник отсекает кисть от руки, обнажив розовые мускулы и белую кость. Золотой ихор — это вам не алая кровь кратковечных! — брызжет фонтаном.

Какое-то мгновение богиня изумлённо смотрит на рану. А потом поднимает визг — ужасный, нечеловеческий, словно рёв, издаваемый блоком мощнейших усилителей на женском рок-концерте в преисподней.

Афродита пошатывается и роняет наземь потерявшего сознание Энея. Диомед, которому раз в жизни воистину улыбнулась удача, вместо того, чтобы прикончить стерву, вытаскивает меч и кидается обезглавить полутруп троянца.

Но между психопатом и жертвой возникает «сребролукий» Феб-Аполлон. Теперь даже Тидиду не пробиться сквозь жёлтую пульсирующую полусферу плазменного щита. Ослеплённый жаждой крови, герой отчаянно продолжает битву, высекая из сфероида красные искры. Афро-

дита всё ещё глядит на свою искалеченную руку; того и смотри, грохнется в обморок на глазах у бушующего яростью Диомеда. От боли она не способна даже сосредоточиться, чтобы раскинуть нормальное защитное поле.

И тут по небу прилетает в сияющей колеснице брат богини Арес. Плазменный выброс разбрасывает людей во все стороны, расчищая место для посадки, и бог войны приземляется в паре шагов от сестры. Сквозь стоны и причитания Афродита пытается объяснить, что смертный сын Тидея обезумел.

— Он и на Зевса готов напасть! — восклицает она.

— Сможешь править небесной колесницей? — спрашивает Арес.

— Нет!

Теперь Афродита действительно лишается сознания и падает без сил на руки брата, всё ещё осторожно сжимая кисть, истекающую кровью… тьфу, ихором. Неприятное какое-то зрелище. Обычно боги не проливают золотую влагу — по крайней мере на моём веку подобного не случалось.

Аполлон по-прежнему защищает Энея. Троянцы пятятся, округлив глаза от ужаса, однако

упрямый Тидид продолжает неистовствовать. Силы небесные, в инфракрасных лучах его фигура кажется отлитой из кипящей лавы!

На поле возникает Ирида, «ветроногая вестница Зевса».

— Отвези её на Олимп, — велит Арес, бережно укладывая сестру в колесницу.

Богиня коротко кивает, устремляет удивительную повозку, лишённую коней, прямо в небеса и скрывается из виду.

— Потрясающе, — благоговейно выдыхает Найтенгельзер.

— Какая-то, мать её, фантастика, — соглашаюсь я. Впервые человек напал при мне на бессмертного. Да ещё и удачно!

У коллеги отвисает челюсть. Кажется, он шокирован моими грубыми словами. Всё время забываю, что мы из разных столетий.

— А что, не так разве? — оправдываюсь я.

Вот бы проследить за Афродитой. У Гомера подробно описана её встреча с отцом, но поэма и реальность стали что-то частенько расходиться… Любопытство прямо-таки сжигает меня. Начинаю незаметно отступать в сторону. Хотя схолиаст настолько поглощён битвой, что и без того не помнит о моём существовании. Остаётся

лишь надеть Шлем Аида и…

Тут кое-что задерживает меня. Диомед испускает оглушительный клич — ничуть не тише вопля самой Афродиты, эхо которого до сих пор гудит над долиной — и вновь кидается на Энея и его заступника Аполлона. На этот раз наноулучшенное тело и фазотрансформированный меч проламывают внешний слой защитного поля насквозь.

Застыв на месте, бог лучников наблюдает за тем, как Тидид прорубает себе клинком дорогу в мерцающем сиянии. (Ахеец похож на дворника, разгребающего невидимый снег.)

Внезапно грозный рёв Аполлона разносится по окрестностям, наверное, мили на три:

— Опомнись, Диомед! Отступи! Полно тягаться с богами, гордый безумец! Племя бессмертных и вы, жалкие, что влачитесь во прахе, от века не были равны между собою! Да и не будут!

«Сребролукий» и так-то был нехилого сложения; теперь же он вырастает в два раза, превращаясь в двадцатифутового великана. Тидид немедленно прекращает сражение, хотя и трудно сказать почему: то ли действительно испугался, то ли просто устал.

Покровитель лучников раскрывает над собой и Энеем купол непроглядного мрака. Спустя ми-

нуту тьма исчезает; Аполлона под ней уже нет, зато Анхизид по-прежнему распластан на земле, раненный, истекающий кровью, с раздробленным бедром. Троянцы тут же сбегаются, чтобы окружить своего военачальника и любой ценой спасти его от Диомеда.

Но это — не Эней. «Сребролукий» оставил на поле осязаемую голограмму, а настоящего героя унёс в илионскую цитадель Пергам. Там его ждут богини Лета и Артемида, сестра Ареса, которые мигом залатают изувеченное тело и вернут полководца к жизни при помощи наномедицины.

Владыка сражений продолжает призывать троянцев к воссоединению, окружив их войско защитным покровом. Как только я решаю, что пора бы посетить Олимп, Аполлон квитируется обратно.

— Арес, мужегубец кровавый, стен разрушитель! Ты что же, и дальше позволишь этому куску пёсьего дерьма себя оскорблять?! — Скрытый от человеческих глаз, «сребролукий» грозно указывает перстом на Диомеда, который уже понемногу приходит в чувство.

— Оскорблять? Так он посмел задеть меня?!

— Конечно, безмозглая твоя башка! — грохочет Аполлон, пользуясь ультразвуковыми частотами,

доступными лишь слуху Олимпийцев, схолиастов, да ещё троянских собак, которые тут же поднимают неистовый брёх и жуткий вой. — Вот этот… этот кратковечный… дерзнул напасть на твою сестру, богиню любви, и перерезал божественные сухожилия белой руки! Он и мне бросил вызов, мне, одному их самых могущественных постлюдей! Думаешь, для чего Афина превратила Тидида в сверхгероя? Дабы без жалости высмеять *тебя*, кровожадный охотник до сечи!

Арес аж выворачивается в сторону Диомеда; тот всё ещё тяжело пыхтит, не обращая на бога ни малейшего внимания.

— Шутить со мной?! — Надрывный визг любителя сражений заставляет присутствующих Олимпийцев зажать уши; как я и подозревал годами, для бессмертного он слишком недальновиден. — Издеваться надо *мной?!*

— Прикончи его! — восклицает Аполлон в ультразвуковом диапазоне. — Вырежи и съешь его сердце!

Закончив напутственное слово, «сребролукий» квитируется прочь.

Бог войны теряет самообладание. Меня так и подмывает посмотреть, как там Афродита, сильно ли ранена, но разве можно упустить такое

зрелище? И я решаю остаться.

Для начала Арес превращается в Акамаса, предводителя фракийцев, и носится по рядам, громогласно призывая сынов Приама сплотиться, отбросить греков, которые сильно вклинились в троянское войско, последовав за Диомедом. Потом замечает Гектора — тот сегодня на удивление сдержан в битве — и, приняв обличье ликийского предводителя Сарпедона, осыпает прославленного героя градом колкостей. Пристыженный упрёками «союзника», благородный Гектор вновь собирает войско и ведёт в наступление. Бог становится самим собой. Теперь он лишь помогает бойцам охранять голографическое изображение павшего Энея.

Должен признаться, это самая свирепая сеча за все девять лет. Если уж старина Гомер и учит нас чему-то, так только одному: человек — всего лишь хрупкий сосуд, кожаный бурдюк с кровью и кишками, которые готовы при любом удобном случае вывалиться наружу.

Вот они и вываливаются.

Не дожидаясь понапрасну, пока Арес обретёт второе дыхание, ахейцы вслед за пылким Диомедом и бесстрашным Одиссеем бросаются в сражение. Повсюду свистят копья, бешено ржут

кони, сталкиваются и трещат колесницы. Возничие бичами гонят породистых жеребцов прямо на стены колючих пик и блистающих щитов. Тидид полыхает словно факел, где-то впереди, отчаянно призывая друзей на помощь, хотя и сам прекрасно справляется со всяким несчастным, что подвернётся под руку.

В вихре пурпурного тумана на поле является Аполлон и выпускает невредимого Энея — на сей раз подлинного и к тому же струящего вокруг себя огонь, каким Афина наградила Диомеда. Троянское войско во главе с Гектором разражается воплями ликования и — вперёд, в атаку!

На самом деле мне кажется, что сражаются меж собой лишь двое: Анхизид и сын Тидея. Вражеские предводители пачками валятся под их ударами. В это время бессмертные Аполлон и Арес криками сгоняют жителей Илиона на кровавую бойню.

На моих глазах Эней убивает могучих, беспечных близнецов Орсилоха и Крефона. И вот Менелай, опомнившийся от собственной раны, яростно устремляется навстречу Энею. Я слышу, как хохочет бог войны. Ещё бы тому не радоваться, если нынче найдёт свою смерть виновник всех бедствий, оставшийся без супруги рогоносец!

Стоит героям сойтись на расстояние вытянутой руки, как прочие воины почтительно сторонятся, уступая место для благородной *aristeia*.

Острые копья грозно вздымаются над головами, но тут решает вмешаться брат Нестора Антилох, закадычный друг позабытого всеми Ахиллеса. Рассудив, что грекам не след терять причину для битвы, герой становится рядом с Менелаем, плечом к плечу.

Увидев перед собой сразу двоих легендарных командиров, Эней поспешно отступает.

Двумястами ярдами восточнее этой сцены распалённый Гектор врубается во вражеские ряды с такой свирепостью, что отбрасывает вспять самого Диомеда. Божественные линзы позволяют Тидиду разглядеть неразличимого для прочих Ареса, который бьётся с героем бок о бок, и благоразумие нежданно торжествует.

Я всё ещё помню, что хотел навестить Афродиту, однако разве можно оторваться от подобного зрелища? Найтенгельзер строчит как сумасшедший в своём блокноте. Курам на смех: заниматься писаниной в этом обществе, имеющем не больше понятия о книгах, чем двухлетние карапузы в яслях. Царапай он хоть на древнегреческом, каракули схолиаста ничего не значат для этих рубак.

Ого! Похоже, все обитатели Олимпа вознамерились поучаствовать в битве. Невдалеке от меня возникают Гера с Афиной. Супруга Зевса понуждает светлоокую Палладу вступиться за ахейцев. Та вовсе не против. Покровительница юности Геба, прислужница верховных Олимпийцев, молнией слетает на поле в крылатой колеснице и передаёт поводья Гере. Афина резво запрыгивает следом, на ходу пристёгивая нагрудную броню; хитон богини отлетает, подхваченный ветром. Зато кольчуга жарко вспыхивает под солнцем. Подняв пульсирующий жёлто-алый щит, бессмертная склоняет меч и посылает на землю яркие зигзаги молний.

— Смотри! — кричит Найтенгельзер, перекрывая шум битвы.

На севере блещет настоящая молния. На раскалённом послеполуденном небосводе вздымается гигантская чёрная туча, которая постепенно принимает грозные очертания Зевсова лика.

— ЧТО, СЪЕЛИ, МИЛАЯ СУПРУГА С ДОЧКОЙ? — ревёт небесный гром. — СЛАБО ТЯГАТЬСЯ С БОГОМ ВОЙНЫ, А? СБЕЙТЕ-КА С НЕГО СПЕСЬ, ИЛИ КИШКА ТОНКА?

Клубы мрака закипают над полем брани; струи дождя и грозовые вспышки обрушиваются на

головы троянцев и аргивян без разбора.

Гера спускается на колеснице как можно ниже; перепуганные сыны Пергама бросаются врассыпную, словно раскатившиеся по ковру булавки из кожи и бронзы.

Афина перескакивает в обычную колесницу, управляемую верным Сфенелом, к изможднному Диомеду, на латах и руках которого затвердела корка высохшей крови.

— *Уже выдохся, кратковечный?* — вопит дщерь Зевса, вложив в последнее слово всю издёвку, на какую только способна. — *Это ли сын Тидея, великого в бранях? Неужели ты уступишь вот ему?* — Она презрительно тычет пальцем в сторону остервенело сражающегося Гектора, за чьей спиной возвышается свирепый Арес.

— Так как же, богиня, — задыхается Диомед, — он под защитой Олимпийца и…

— А Я ТЕБЯ ЧТО, НЕ ЗАЩИЩАЮ?! — рокочет пятнадцатифутовая Афина, вырастая на глазах героя, всё ещё испускающего бледное свечение.

— Д-да, богиня, но ведь…

— Довольно! Диомед, радость моего сердца, прикончи этого наглеца вместе с его заступником!

Обомлевший Тидид лишается дара речи.

— Кратковечным нельзя убивать бессмерт-

ных…

— *Кто тебе это сказал?* — грохочет Афина, после чего склоняется над воителем и впрыскивает ему под кожу что-то новенькое. Видимо, делится своей божественной энергией.

Затем отшвыривает бедолагу Сфенела футов на тридцать прочь и, завладев поводьями, хлещет коней. Колесница дребезжит по камням навстречу Гектору, Аресу и всему троянскому воинству.

Диомед заносит копьё — как будто и впрямь задумал убить могущественного Олимпийца.

При этом Афродита мечтает избавиться с моей помощью от самой Афины. Ну и дела. Сердце моё бешено колотится в груди от ужаса и восторга. Скоро всё пойдёт по-другому. Не поминай лихом, старина Гомер!

12
Над Поясом астероидов

Почти сразу же за юпитерианской магнитосферой корабль сбавил ход, так что полёт по огромной дуге над плоскостью эклиптики до Марса занял бы теперь стандартные дни, а не считанные часы. Манмута и Орфу с Ио это вполне устраивало: им было о чём побеседовать.

Вскоре после старта Ри По и Корос III решили поставить парус из борволокна и объявили об этом во всеуслышание. Сенсоры судна позволили маленькому европейцу наблюдать за куском ткани, который был выброшен назад на семикилометровых бикарбон-тросах и резко развернулся в полную ширину — десять километров в поперечнике. Для Манмута, подключившегося к объективам на корме, он выглядел большим чёрным кругом, который аккуратно вырезали в звёздном небе.

Орфу с Ио выбрался из своего кокона, проворно спустился по главному тросу вдоль соленоидного торуса, затем проехал по опорному канату. Подобно какому-нибудь крабу, исполняющему роль

Квазимодо-звонаря, он всё тщательно опробовал, подёргал, пробежал по реактивным двигателям в поисках трещин, неплотных швов или иных изъянов, ничего не обнаружил и вернулся на корабль с удивительной и гордой грацией существа, привыкшего к невесомости.

Корос III отдал приказ выстрелить модифицированный магнитный уловитель Матолофф-Феннелли, и Манмут ощутил энергетический скачок в системах посудины, когда прибор на носу корабля создал уловитель с полем в тысячу четыреста километров, дабы захватывать свободные электроны и собирать солнечный ветер.

— Сколько ещё нам придётся тормозить, чтобы остановиться у Марса? — спросил хозяин «Смуглой леди» по общей связи, ожидая отклика от своего друга Орфу.

Ответ пришёл от властного Короса:

— Когда корабль замедлит ход и эффективная площадь действия уловителя возрастёт, для понижения нашей текущей скорости от 0,1992 до 0,001 скорости света — точка жёсткого столкновения — понадобится двадцать три и шесть десятых стандартного года.

— Двадцать три и шесть десятых! — повторил европеец по общей линии. Он, конечно, мечтал

о долгой дискуссии с приятелем. Но всё хорошо в меру!

— И даже тогда мы получили бы весьма приличный разгон — триста километров в секунду, — продолжал обитатель Ганимеда. — Одна тысячная световой скорости при вторжении в атмосферу — на это не чихнёшь с высокой колокольни.

— В общем, о мягкой посадке пора забыть, — отозвался маленький моравек.

Орфу с Ио издал рокочущий звук, напоминающий чихание.

В разговор включился каллистянин:

— К счастью, наша скорость зависит не только от паруса из борволокна, Манмут. Реальное путешествие займёт примерно одиннадцать стандартных дней, и у орбиты Марса мы будем давать чуть менее шести километров в секунду.

— Так-то лучше, — усмехнулся европеец в тихом и тёмном чуланчике «Смуглой леди»; странно было получать информацию не через собственную систему жизнеобеспечения, но посредством датчиков огромного космического корабля. — А почему?

— Солнечный ветер, — пояснил Орфу. — Здесь он достигает тоже трёхсот километров в секунду.

При отправке на борту имелось полцистерны юпитерианского водорода и четверть резервуара дейтерия: всё остальное топливо мы рассчитываем извлечь из ветра при помощи уловителя Матолофф-Феннелли. Термоядерные двигатели придут в действие уже за Солнцем, и вот где начнётся истинное торможение.

— Жду с нетерпением.

— Я тоже. — Гигантский краб снова загрохотал, и хозяин «Смуглой леди» задался вопросом: либо ирония вовсе недоступна его другу, либо приняла чересчур язвительные формы.

Дорога над Поясом астероидов протянулась на сто сорок миллионов километров. По пути Манмут читал «A la recherchй du temps perdu» — «В поисках утраченного времени» Пруста.

Вместе с романом Орфу загрузил в память приятеля биографию автора и французский язык во всей его классической сложности, однако дело закончилось тем, что европеец прочёл пять разных английских переводов. Проще оценить произведение на том языке, который изучал полтора земных столетия, заявил он. Краб только хихикнул и предостерёг Манмута от сравнений Пруста с Шекспиром, ибо творчество их так же отличается по сути, как терраформированный

мир, куда направлялся корабль, от ледяных долин родных юпитерианских спутников. В ответ крохотный моравек упрямо взялся за следующую английскую версию.

Едва завершив чтение — капитан подлодки, разумеется, осознавал, что произведение требовало более напряжённой работы мысли, но его разжигало желание пообщаться, — европеец вышел на связь. Орфу как раз покинул свою «колыбель», чтобы проверить на прочность парусные канаты, почти совсем истрепавшиеся из-за нарастающего торможения.

— *Не знаю,* — произнёс Манмут. — *Я ничего такого не заметил. Обычные разглагольствования усталого эстета.*

— *Эстета?* — Товарищ подкрутил одну из ручек, настраиваясь на личную связь, в то время как его манипуляторы и бактериальные жгутики занимались точечной сваркой соединителя тросов. Сквозь объективы, расположенные на корме, белая сварочная дуга казалась яркой звездой на фоне чёрного паруса и громоздкого крабьего панциря. — *Ты имеешь в виду самого автора или рассказчика Марселя?*

— *А что, есть разница?* — саркастически хмыкнул собеседник и тут же устыдился. Не он ли

забрасывал друга сотнями, а то и тысячами посланий, доказывая разницу между героем сонетов — поэтом по имени Уилл — и реальной исторической фигурой, драматургом Шекспиром? Так почему бы Прусту, пусть даже столь тяжеловесному и неудобоваримому для понимания, не проявить подобную сложность творческой натуры, отделив себя от главного героя?

Орфу из вежливости проигнорировал вопрос.

— *Признайся, ты ведь оценил его насмешливый взгляд на мир? Ибо книга далеко не в последнюю очередь пронизана великолепной иронией.*

— *Да что ты! Мне это не бросилось в глаза,* — совершенно серьёзно изумился европеец.

Человеческий юмор не был чужд моравекам; даже самые примитивные из них, созданные и спешно уничтоженные людской расой ещё до эпидемии Рубикона, — саморазвивающиеся, почти бесчувственные космолетчики — уже воспринимали шутки. Без этого полноценное, двустороннее общение невозможно. Смех столь же неотделим от человеческого мышления, как гнев, логика, ревность или гордость — качества, заметно присущие бесконечному творению Пруста и оценённые Манмутом по достоинству. Но не заметить иронического взгляда автора?

Это было бы крупным упущением. Десятки лет капитан «Смуглой леди» исследовал игру слов, юмор и сатиру в произведениях Великого Барда, выискивал тончайшие оттенки смешных фраз или комических положений…

— *Вот послушай.* — Орфу ловко перебежал по исправно натянутому канату обратно к пульсирующим термоядерным двигателям. — *Перечитай-ка ещё раз отрывок из «Любви Свана». Помнишь, герой отчаянно хочет убедить ветреницу Одетту остаться дома и не ходить в театр без него, пуская в ход все свои уловки отпетого эмоционального шантажиста?*

И он переслал нужный текст.

— Клянусь, — говорил он ей за несколько минут до её отъезда в театр, — что всякий эгоист на моём месте был бы счастлив, если б ты отказалась исполнить его просьбу, — ведь у меня вечером масса дел. Я бы не знал, как мне быть, не знал, как мне выпутаться, если бы, паче чаяния, ты мне сказала, что не поедешь в театр. Но мои дела, мои развлечения — это не всё, я должен подумать и о тебе. Если мы расстанемся с тобой навсегда, ты вправе будешь упрекнуть меня, что в решительную минуту, когда я чувствовал, что теряю уважение к тебе и скоро разлюблю, я тебя не

предостерёг. Видишь ли, не в «Ночи Клеопатры» (ну и название!) тут дело. Мне важно убедиться, что ты действительно стоишь на самой низкой ступени умственного развития, что в тебе нет ничего хорошего, что ты презренное существо, неспособное даже отказать себе в удовольствии. Если ты правда такая, то как же я могу тебя любить, раз ты не личность, не цельная натура, пусть несовершенная, но подающая надежды? Ты бесформенна, как вода, которая стекает с любого склона, ты — рыба, не обладающая ни памятью, ни способностью мыслить: рыба сто раз на дню бьётся о стекло аквариума, которое она принимает за воду. Разумеется, твой ответ не сразу изгонит из моего сердца любовь, но неужели ты не понимаешь, что ты станешь для меня менее привлекательна, как только я увижу, что ты — не личность, что я не знаю никого ниже тебя? Конечно, я предпочёл бы обратиться к тебе с просьбой не ходить на «Одну ночь Клеопатры» (меня тошнит от одного названия) так, как будто это для меня несущественно, и притом в тайной надежде, что ты всё-таки пойдёшь в театр. Но именно потому, что я придаю твоему решению большое значение, раз твой ответ будет иметь важные последствия, я считаю необходимым

честно тебя предупредить.

Одетта обнаруживала все признаки волнения и беспокойства. Смысл того, что говорил Сван, был ей недоступен, но она понимала, что это целая «громовая речь», что это настоящая сцена, что тут и мольбы и упрёки, а так как Одетта хорошо изучила мужчин, то, не вдумываясь в отдельные слова, она соображала, что мужчина никогда бы их не произнёс, если б не был влюблён, а раз он влюблён, значит, подчиниться ему невыгодно, что от неповиновения его влюблённость только усилится. Вот почему она выслушала бы Свана с полнейшим спокойствием, если б не видела, что время идёт и что если Сван сию минуту не замолчит, то она (это было сказано ею с улыбкой, выражавшей нежность, смущение и упорство) «непременно опоздает на увертюру!»[12]

В тесном отсеке управления «Смуглой леди» Манмут громко расхохотался. Он понял. Потрясающий юмор! Читая отрывок впервые, капитан подлодки уделял всё внимание человеческим эмоциям — ревности и очевидному желанию Свана управлять поведением женщины по имени

[12] notes: 12

Марсель Пруст. «В поисках утраченного времени: По направлению к Свану». Часть вторая. «Любовь Свана». Перевод с французского Н.М. Любимова.

Одетта. И вдруг… словно чистое окно прояснилось во льдах.

— *Благодарю*, — промолвил моравек, обращаясь к пятнадцатиметровому крабу, который успел снова устроиться в коконе. — *Думаю, до меня начинает доходить. И я ценю это. Вроде бы ничего общего с Шекспиром — отличаются язык, тон, построение. И всё-таки нечто… совпадает.*

— *Оба одержимы загадкой человека,* — предположил моравек с Ио. — *Твой Шекспир рассматривает грани человечности сквозь реакцию на события, ищет сокровенное под маской характеров, очерченных внешними поступками. А герои Пруста погружаются в пучины памяти, чтобы воочию разглядеть все те же грани. Другими словами, твой Бард похож на Короса III — он возглавляет экспедицию, стоя на капитанском мостике, тогда как мой дражайший Марсель скорее сродни тебе самому, заключённому в кокон «Смуглой леди», ныряющему в глубину, дабы изведать подводные рифы, познать тайны морского дна, иных живых существ и даже целого мира при помощи эхолокатора.*

Европеец задумался на пару-тройку наносекунд.

— *Да, но я не вижу, каким образом его герои*

приблизились к разгадке, плавая по волнам памяти… И пытались ли вообще?

— Не только памяти, друг мой. Ты забываешь о времени.

Внезапно Манмуту почудилось, будто Орфу легко дотянулся до него сквозь почти неуязвимую, непробиваемую оболочку двух кораблей и коснулся некой заветной, очень личной струны.

— Время существует отдельно от памяти, — пробормотал он скорее для себя. *— Но может ли память существовать отдельно от времени?*

— Именно! — громогласно подтвердил иониец. *— И только так. Главные герои Пруста — прежде всего авторское «я» или рассказчик «Марсель», а с ним и бедняга Сван — предпринимают ровно три попытки отыскать и сложить вместе части этой запутанной головоломки под названием «жизнь». Каждый из подходов обречён на неудачу, однако сама история каким-то образом создаёт ощущение победы, несмотря на все промахи рассказчика и даже автора!*

Хозяин «Смуглой леди» погрузился в молчание. Затем принялся переключаться с одной камеры внешнего наблюдения на другую.

«Внизу», над Поясом, парил устрашающий круглый парус. Моравек увеличил изображение

до предела и отчётливо увидел, как черноту космоса прорезает одинокий астероид. Столкновения можно было не опасаться. Мало того, что корабль пролетал над плоскостью эклиптики на высоте ста пятидесяти миллионов километров — небесное тело мчалось в противоположном направлении. Сверившись с банком данных Ри По, Манмут узнал его название — Гаспра — и размеры: 20х16х11 километров. Астероид, похожий на бесформенную картофелину, наугад изрезанную кратерами глазков, оказался крохотным, но всё же настоящим миром. Подумать только, при мощном увеличении он являл признаки заселённости и даже цивилизации: скалы избороздили ровные линии, в глубинах кратеров мерцали огни, на сплющенном «носу» Гаспры сиял чёткий рисунок, сложенный из искусственных источников света.

— *Роквеки,* — вполголоса промолвил Орфу, который, видимо, глядел в ту же сторону. — *Их тут несколько миллиардов по всему Поясу.*

— *И что, эта раса действительно так враждебна, как говорят?* — поинтересовался европеец. Впрочем, он сразу пожалел о своих словах: ещё сочтут за паникёра.

— *Не знаю. Похоже на то. Роквеки избрали более*

воинственный путь развития, чем мы. По слухам, они боятся и открыто ненавидят постлюдей, а нас, моравеков, просто не выносят. Корос III мог бы порассказать, насколько правдивы легенды об их жестокости.

— Корос? А он-то откуда?..

— Это известно немногим, но шестьдесят земных лет назад он возглавлял экспедицию, отправленную в эти края Консорциумом Пяти Лун и Астигом-Че. В полёте принимали участие десять моравеков. Вернулось только четверо.

Капитан «Смуглой леди» задумался. Он впервые пожалел, что не изучал разные виды оружия. Если этим существам придёт на ум уничтожить чужой корабль, хватит ли у них мощи? Нет, навряд ли. Даже реактивной ракете не под силу достать мишень, которая движется со скоростью 0,193 световых.

— Так что за три безуспешных способа разрешить загадку жизни предлагает Пруст? — спросил он товарища.

Краб-исполин прочистил виртуальное горло.

— Во-первых, носы героев почуяли увлекательный аромат благородства, дворянства, знатных титулов и наследных привилегий. Рассказчик Марсель следует по этой дороге две тысячи с

лишним страниц. Во всяком случае, он искренне верит, что высшая форма аристократии — это аристократия духа. Однако чистый и ровный путь заводит его в тупик.

— *Обыкновенный снобизм*, — хмыкнул Манмут.

— *Обыкновенный?!* — Раскатистый голос Орфу всё сильнее оживлялся на личном луче. — *Если хочешь знать, Пруст усматривал в снобизме силу, скрепляющую общество — любое общество, в какие угодно времена — воедино. И вот он изучает в книге всевозможные уровни и проявления этого феномена, какие только можно вообразить. Автор не устаёт открывать новые и новые лики снобизма…*

— *Зато я устал*, — буркнул собеседник, надеясь, что его искренность не слишком обидит товарища.

Рокочущий дозвуковой хохот, сотрясший линию, успокоил его.

— *Каков же второй способ познать тайну жизни?* — спросил европеец.

— *Любовь.*

— *Как?* — Манмут растерялся. Более трёх тысяч страниц книги затрагивали и эту тему, но всегда с горьковатым привкусом… безысходности,

что ли?

— *Любовь,* — прогрохотал моравек с Ио. — *Сентиментальная влюблённость и плотская похоть.*

— *Ты имеешь в виду… нежное чувство Марселя и — теперь-то я понимаю — Свана к семье, к бабушке?*

— *Нет, дружище. Тёплую привязанность к знакомым вещам. К самой памяти. И к людям, вовлечённым в царство знакомых вещей.*

Хозяин «Смуглой леди» покосился на кувыркающийся в космосе астероид по имени Гаспра. Согласно данным Ри По, это небесное тело совершало оборот вокруг своей оси за семь стандартных часов. Интересно, могло бы подобное место сделаться для него, для любого, кто способен на чувства, источником сентиментального притяжения?

— *Вот тёмные моря Европы — это да…*

— *Прошу прощения?*

Маленький европеец ощутил, как сжались и похолодели органические слои в его теле. Надо же было сболтнуть свои мысли по линии! Хорошо хоть, не по общей!

— *Так, ничего. Почему бы и в самом деле не влюбиться в разводье? Чем не ответ на главную*

загадку?

— Потому что, — начал Орфу, и другу впервые послышались скорбные нотки в голосе огромного краба, *— Пруст понимал, а его герои выяснили несколько позже… Ни любовь, ни её благородная кузина дружба не способны уцелеть под губительными лезвиями ревности, скуки, привычки, эгоизма.*

— Никогда?

— Никогда. — Иониец испустил тяжкий вздох. *— Перечитай последние строки «Любви Свана». Помнишь? «Как же так: я убил несколько лет жизни, я хотел умереть только из-за того, что всей душой любил женщину, которая мне не нравилась, женщину не в моём вкусе!»*

— Ну да, я заметил, — отозвался Манмут. *— Только не знал в ту пору, как это следует воспринимать: как искромётный юмор, ядовитую желчь или знак невыразимой печали?*

— Всё вместе, друг мой. Всё вместе.

Капитан подлодки накачал в каюту побольше кислорода, желая избавиться от серой паутины грусти, что грозила беспросветно оплести его сердце.

— А как называется третья дорога?

— Давай отложим до следующего раза, —

произнёс Орфу, очевидно уловив настроение товарища. — *Корос III собирается расширить радиус действия уловителя Матолофф-Феннелли. Ну разве не занятно посмотреть на фейерверки в рентгеновских лучах?*

На орбите Марса путешественники, разумеется, ничего интересного не встретили: ведь сама планета, как и положено, находилась в то время позади Солнца. Днём позже корабль пересёк земную орбиту, и вновь ничего особенного: Земля крутилась где-то внизу. Меркурий мог бы стать единственным небесным телом, чётко заметным на смотровых экранах, да только яростное солнечное сияние вскоре заполнило их до отказа.

За девяносто семь миллионов километров от светила, когда нити накала радиатора дышали немыслимым жаром, парус из борволокна был спущен, смотан и убран под купол на корме. Орфу принял в этой работе самое активное участие, деловито суетясь на корпусе космической посудины; обратившись к внешним камерам, Манмут впервые разглядел его шрамы, царапины и выбоины в свете пламенных языков Солнца.

За два часа до запуска термоядерных двигателей Корос III удивил европейца неожиданным приказом: всем собраться в модуле управления,

подле приёмников магнитного уловителя.

Внутренних коридоров на корабле не было, и хозяина «Смуглой леди» одолевали сомнения в необходимости совершать путешествие по внешней обшивке корпуса ради обычной беседы.

— *Зачем идти туда лично?* — спросил он у друга. — *Тем более ты всё равно не поместишься в модуле управления.*

— *Ничего, подожду снаружи. Я буду видеть вас через открытые двери, кабельная связь обеспечит надёжное сообщение.*

— *Не лучше ли просто обсудить все вопросы по общей связи?* — Вакуум и проникающее излучение не пугали европейского моравека, но мысль о необходимости покинуть свою подлодку заставляла его нервничать.

— *Не знаю,* — откликнулся иониец, — *однако до запуска двигателей осталось сто четырнадцать минут, так почему бы мне не заскочить за тобой по дороге?*

Так и поступили.

Они встретились у грузового отделения. Манипуляторы Орфу усадили Манмута в укрытую нишу на панцире, подключили к линиям коммуникации. Товарищи направились из тёмного чрева корабля, между его изогнутых и решётча-

тых рёбер, наружу и вверх по внешнему корпусу. Капитан «Смуглой леди» посмотрел на сферические термоядерные двигатели, которые, если судить по их виду, были прилеплены к носу в последний момент, будто конструкторы не могли додуматься до этого раньше, и сверил часы. Час и четыре минуты до возгорания.

По пути европеец искренне удивлялся ультрашпионскому покрытию судна — сплошной пористой чёрной упаковке, которая теоретически делала его незаметным для простого взгляда, космических радаров, а также для инфракрасных, ультрафиолетовых и нейтринных зондов. Какой в этом толк, если путешественники ворвутся в атмосферу Марса на четырёх столпах реактивного пламени и оно будет бушевать целых два дня?

Отсек управления имел шлюзовые двери для поддержания воздушного давления. Манмут помог товарищу подключиться к защищённым кабельным соединениям; сам же прошёл внутрь, предвкушая удовольствие подышать старомодным способом.

— На корабле находится оружие, — без обиняков начал Корос III.

Говорил он, естественно, вслух. Многогранные глаза и чёрный гуманоидный панцирь вспыхи-

вали алыми галогеновыми бликами.

В каюте собрались три моравека; миниатюрный Ри По завершал равносторонний треугольник.

— *Ты слышал?* — обратился европеец к Орфу по личной связи.

— *Ещё как,* — откликнулся иониец, маяча за окном.

— А почему ты говоришь об этом теперь? — спросил капитан «Смуглой леди» у Короса.

— Решил, что раз уж ваше с ионийцем существование тоже поставлено на карту, значит, вы имеете право знать.

Манмут перевёл взор на каллистянина:

— Так тебе всё было известно?

— До сей минуты я не слышал, чтобы экспедиция собиралась доставить военную технику на поверхность Марса, — отозвался Ри По. — Хотя, располагая сведениями о защитном оснащении на самом корабле, нетрудно было догадаться.

— На поверхность Марса, — задумчиво повторил европеец. — То, о чём вы говорите, находится внутри «Смуглой леди»… — Он даже не потрудился придать своим словам вопросительный оттенок.

Корос III кивнул, подтверждая его мысль уста-

ревшим человеческим способом.

— И какого рода оружие? — требовательно вопросил капитан подлодки.

— Я не уполномочен отвечать, — напрягся ганимедянин.

— А может, я тоже не уполномочен перевозить неизвестно что на борту своего судна! — рявкнул собеседник.

— У тебя нет выбора, — скорее печально, чем властно промолвил Корос.

Манмута охватила ярость.

— *А ведь он прав,* — вмешался Орфу по частной линии. — *Выбора у нас не осталось. Только вперёд.*

— Тогда зачем вообще извещать нас? — сердито повторил европеец.

Ответил ему Ри По:

— Обогнув Солнце, мы понаблюдали за Марсом и выяснили, что здешняя квантовая активность на много порядков превышает наши прежние оценки. Эта планета представляет прямую угрозу всей Солнечной системе.

— С какой стати? — удивился иониец. — Постлюди веками тешились с квантовой телепортацией, ещё когда заселяли города на земной орбите.

Руководитель полёта по старинному обычаю покачал головой. Хотя, конечно, мысль о какой-либо «старине» едва ли приходила на ум при взгляде на это долговязое, иссиня-чёрное, с проблеском, существо и в особенности — на его мушиные глазки.

— Не в таких объёмах, — возразил он. — На сегодняшний день фазотрансформации на Марсе способны прорвать огромную дыру в ткани космического времени. Это выходит за всякие рамки. Безумным экспериментам пора положить конец.

— Войниксы как-то замешаны в этом деле? — поинтересовался Орфу.

Именно с появлением войниксов на Земле — с первым упоминанием о них в перехваченных беседах постлюдей, то есть более двух тысяч местных лет назад, — планета принялась демонстрировать следы неслыханной квант-телепортационной активности.

— Замешаны ли войниксы и обитают ли они на Земле по-прежнему, нам неизвестно, — ответил Корос III по общей связи. — Повторяю, нравственные соображения повелели мне объявить вам об оружии, которое имеется на борту. Когда и как его использовать, решать исключительно нам. Защита главного судна — ответственность Ри По.

Применение боевых сил подлодки — забота моя, и только моя.

— Выходит, с корабля нельзя стрелять по целям на Марсе? — вслух рассудил Манмут.

— Совершенно верно, — произнёс Ри По.

— Зато на борту «Смуглой леди» находится оружие массового поражения? — уточнил Орфу.

Моравек с Ганимеда помолчал, взвешивая каждое слово, и наконец неохотно выдавил:

— Да.

Европеец попытался прикинуть, что бы это могло быть. Термоядерные бомбы? Реактивные снаряды? Нейтронные излучатели? Устройства на основе антиматерии? Катализаторы чёрных дыр? Единственное, с чем он имел дело до сих пор, — это безобидные сети, штыки и гальванайзеры для отпугивания кракенов и ловли редких образцов европейской морской фауны.

— Корос, — негромко проговорил он, — к роквекам ты тоже летал с оружием?

— Нет. Тогда в нём не было необходимости. Моравеки астероидного Пояса сделались воинственной и свирепой расой, однако не представляют угрозы для всего живого в Солнечной системе… — Ганимедянин сверился с хронометром: через тридцать одну минуту сработают термоядерные

двигатели. — Ещё вопросы?

— Зачем кораблю суперневидимая оболочка, — подал голос Орфу, — если огонь из наших сопл заполыхает на небе не хуже сверхновой звезды, которую даже среди белого дня не заметит лишь слепой? Постойте-ка… Вы специально рассчитывали на ответные действия со стороны местных обитателей? Хотите, чтобы они сами проявили себя?

— Вот именно, — подтвердил Корос III. — Так легче всего выяснить их намерения. Термоядерные двигатели загорятся в восемнадцати миллионах километров от Марса. Если за время снижения судно не попытаются перехватить, то мы отбросим двигатели, соленоиды и прочие внешние конструкции, а значит, вторгнемся на орбиту полностью скрытыми от любого наблюдения. К сожалению, нам до сих пор неизвестно, какая здесь цивилизация — технологическая или посттехнологическая.

Манмут серьёзно призадумался. Фактически они «отбросят» последнюю возможность вернуться назад на Юпитер.

— Я бы сказал, что колоссальная квантовая активность очень даже указывает на развитые технологии, — заметил иониец, — разве нет?

— Возможно, — хмыкнул Ри По, — но ведь во Вселенной столько учёных-психов!

На этой загадочной фразе собрание закончилось. Из отсека управления откачали воздух, и Орфу доставил товарища обратно, на борт «Смуглой леди».

Термоядерные двигатели сработали точно по сценарию. В течение последующих двух дней Манмут был прикован к высокогравитационному сиденью, не в силах пошевелиться под тяжестью четырёхсот g. Отсек, где содержалась подлодка, снова наполнял особый гель, однако сама «Смуглая леди» оставалась пустой. Непривычное бремя и неподвижность начинали утомлять маленького европейца. Он не хотел и думать о том, каково приходится Орфу в его колыбели на внешнем корпусе. Марс и все другие изображения на носовых экранах затмевались ревущим пламенем двигателей, равных четырём солнцам, поэтому капитан подводной лодки проводил время, разглядывая по видео звёзды за кормой и перечитывая отрывки из Пруста. Теперь исследователь Шекспира выискивал различные связи и несоответствия между «A la recherche du temps perdu» и своими любимыми сонетами.

Пылкая одержимость Манмута и Орфу языками

и литературой Потерянной Эпохи не являлись чем-то из ряда вон выходящим. Уже первые моравеки, более сорока земных столетий назад посланные в систему Юпитера изучать существа, населяющие его спутники, были запрограммированы первыми постлюдьми таким образом, чтобы неограниченно пользоваться достоверными записями о земной истории, культуре и особенно искусстве. Это произошло после вспышки Рубикона, когда в умах ещё теплилась надежда сохранить память и записи о человечестве, даже на тот случай, если последние уцелевшие девять тысяч сто четырнадцать «старомодных» людей не переживут Финального факса. Прошли века, контакт с Землёй оборвался, но с тех пор история, литература и искусство человечества превратились в страстное увлечение многих тысяч моравеков, работающих как в жёстком вакууме, так и на спутниках. Любимым коньком Уртцвайля, погибшего под ледовым обвалом в глубинах европейского кратера Тире Макула восемнадцать лет назад, была американская Гражданская война. Исследования товарища, посвящённые пешим операциям солдат Конфедерации, аккуратно лежали в ящике рабочего стола Манмута возле упакованного в гель памятного

подарка — прозрачной лампы с пузырьками расплавленного вещества.

Уставившись на приглушённое фильтрами свечение двигателей, Манмут пытался совместить сведения об исторической личности Пруста — человека, три последних года жизни прикованного к постели в комнате с пробковыми стенами, в окружении старых рукописей, периодически приходящих гранок романов и бутылочек с наркотическими зельями, вдобавок не принимавшего иных гостей, кроме мужчин, промышляющих древнейшим ремеслом, и мастера по обслуживанию одного из первых парижских телефонов, передающего оперу прямо на дом, — с рассказчиком Марселем, авторским «я» в исчерпывающем исследовании восприятия, названного «В поисках утраченного времени». Память маленького европейца хранила чудовищные объёмы информации: при желании он мог бы вызвать подробные карты Парижа 1921 года, любой из портретов Пруста — фотографических, выполненных маслом или пером, мог сравнить каждого из героев с каждым из реальных людей, которых когда-либо знал автор… И ничто из этого даже на шаг не приблизило европейца к пониманию книги. Моравек давно проникся од-

ной мыслью: творения человеческого искусства необъяснимым образом превосходили самих творцов.

Орфу упоминал три потайные тропки к разгадке жизни. Первая — одержимость благородством, правами «голубой крови», «сливок общества» — явно заводила в тупик. Манмуту не потребовалось одолевать все три тысячи страниц, дабы осознать это.

Второй ключ — поиски истины в любви — поистине завораживал маленького европейца. Ну разумеется, Пруст, как и Шекспир, только по-иному, пытался изучить все грани человеческой привязанности: однополую, разнополую, семейную, между коллегами, межличностную, а также страсть к определённому месту на Земле или просто к вещам. И здесь капитан «Смуглой леди» не мог не согласиться с ионийцем: в конце концов писатель отвергает любовь на дороге к более глубокому познанию.

Каков же третий путь? И если он тоже ведёт в никуда, то в чём же подлинный ответ, сокрытый между страниц и незнакомый героям, но возможно блеснувший перед глазами сочинителя подобно свету в конце тоннеля?

Чтобы выяснить это, достаточно было вый-

ти на связь и поговорить с товарищем. Однако друзья почти не общались во время тяжёлого и неприятного снижения. Каждый погрузился в собственные думы и молчал. «Ничего, он расскажет мне после, — утешал себя хозяин подлодки. — Или я сам распутаю этот узел… Ведь и Шекспир докапывался, какая сила стоит за человеческой любовью. Интересно, совпадут ли их выводы?» Нельзя не заметить, что и Барда по мере развития цикла разочаровывает сентиментальное, романтическое и физическое влечение как разгадка смысла бытия.

И вот термоядерные двигатели отключились. Наступила почти пугающая тишина, а мощная гравитация резко покинула обитателей судна.

В тот же миг корабль избавился от сферических топливных двигателей; они стремительно унеслись в космос, отправленные в небольших ракетах.

— *Отбрасываем парус и соленоиды*, — предупредил Орфу.

Манмут проследил по видео, как названные компоненты отделились и уплыли в атмосферу, а затем вернулся к носовым камерам. До Марса оставалось каких-то восемнадцать миллионов километров, и теперь ничто не мешало путеше-

ственникам рассмотреть его. Ри По наложил на изображение планеты рисунок их траектории. Та выглядела просто безукоризненно. Внутренние ионные отражатели продолжали замедлять полёт, готовя судно к выходу на полярную орбиту.

— За время снижения не зафиксировано никаких радаров или прочих сенсоров, — сообщил Корос III. — Никаких попыток перехвата.

Чувство собственного достоинства — вещь, конечно, важная, подумалось маленькому европейцу, но зачем обязательно говорить другим общеизвестные факты?

— На пассивные датчики поступила информация, — изрёк Ри По.

Хозяин «Смуглой леди» прочёл новые данные. Если бы корабль приближался к Европе, например, дисплеи пестрили бы от радио-, гравитонических и микроволн, от множества прочих излучений технологического происхождения. Марс не испускал ничего. И всё же терраформированный мир проявлял очевидные признаки жизни. Телескоп на носу космического судна уже различал белые здания на вулкане Олимп, изогнутые и прямые прорези дорог, каменные головы вдоль северного побережья и даже кое-какие индивидуальные перемещения на

поверхности… Однако ни единой приметы технологической цивилизации. Как там выразился Ри По: «учёные-психопаты»?..

— Через шестнадцать часов выходим на орбиту, — объявил Корос. — Приготовьтесь, ближайшие сутки мы будем только наблюдать. Манмут, твоя подлодка покидает корабль через тридцать часов.

— Есть, — отозвался европеец — и чуть не добавил: «сэр».

* * *

Казалось, планета затихла, выжидая. Правда, телескопы обнаружили на Фобосе предметы искусственного происхождения: горнорудное оборудование, остатки магнитного ускорителя, роботов-вездеходов и расколотые купола подземных жилищ. Только всё это выглядело запылённым, побитым и остывшим целых три тысячелетия назад. Кто бы ни терраформировал Марс в течение прошлого века, эти существа явно не имели ничего общего с обветшалыми артефактами на поверхности внутреннего спутника.

Планета более не напоминала красно-оранжевый мир, изображённый на всех фотографиях из прошлого. Шапку полярного льда сменил

небольшой полурастаявший белый остров посреди лазурного океана, волны которого омывали большую часть северного полушария. В небесах закручивались причудливые спирали облаков. Плоскогорья и огромные массивы ещё сохраняли буроватый оттенок, но яркая зелень лесов и полей поражала даже невооружённый глаз.

Судно по-прежнему не засекало чужих радаров, не получало ни единого вызова: ни по радиочастотам, ни по лазеру, ни по личной связи. Напряжённые минуты ожидания растянулись в долгие часы. Четыре моравека любовались живописными видами и готовились к высадке «Смуглой леди».

Марс кишел жизнью — человеческой или постчеловеческой, а кроме того, здесь обитал как минимум ещё один неизвестный вид — малорослые зелёные работники, что старательно возводили каменные головы. На просторах водных каньонов Долины Маринера и вдоль северного побережья белели одинокие паруса; по морю, образовавшемуся у плато Эллада, плавали крохотные флотилии. На Олимпе виднелся по крайней мере один высокоскоростной эскалатор, камеры сфотографировали с полдюжины летающих машин вокруг кальдеры, а также десятки

других белых домов и ухоженных садов, спускающихся широкими уступами по склонам вулканов Фарсиды. По оценкам ганимедянина, все четыре горы населяли не более трёх тысяч бледных на вид человекоподобных существ, а в палаточных городках у моря обитало примерно двадцать тысяч зелёных работников.

При этом огромные терраформированные земли пустовали.

— Ну и какая тут опасность для разумной жизни в Солнечной системе? — поинтересовался Орфу.

— А вы посмотрите в квантовых лучах, — посоветовал Ри По.

— О боже, — вырвалось у Манмута в пустоте каюты.

Марс буквально ослеплял зловещим багровым сиянием телепортационной активности. Алые линии стекались в единый узел — к Олимпу.

— Странно, — заметил иониец. — Могут ли несколько машин вызвать подобные квантовые беспорядки? Я не вижу их в электромагнитном спектре. И химические реакции отталкивания здесь тоже ни при чём.

— Нет, — отвечал ему Корос. — Летающие автоматы ныряют в квантовый поток и снова появляются, значит, он порождён не ими. Во всяком

случае, перед нами не первичный источник.

С минуту европеец разглядывал поразительную карту, прежде чем решился задать вопрос, который мучил его несколько дней:

— Может, стоит связаться с ними по радио или как-то ещё? Приземлиться в открытую, сыграть роль друзей, а не шпионов?

— Мы прорабатывали этот вариант, — изрёк руководитель миссии. — Но местная квантовая активность до такой степени выходит за обычные рамки, что мы сочли целесообразным собрать как можно больше сведений, прежде чем обнаружить своё прибытие.

«Ну да, собрать сведения — и доставить оружие массового поражения как можно ближе к вулкану», — с горечью подумал Манмут. Он никогда не собирался быть солдатом. Моравеки не созданы, чтобы сражаться; мысль об убийстве разумного существа глубоко противоречит их программе, столь же древней, как и сам род.

И всё же капитан принялся готовить «Смуглую леди» к спуску: перевёл её на автономные источники питания, отключил внешние линии жизнеобеспечения, оставив только общие коммуникации; последние связи оборвутся, когда подлодка, заключённая в ультраневидимую

шпионскую оболочку, нырнёт в океанские глубины. Судёнышко поддерживали реактивные опоры; Корос III лично разведёт и отбросит их, а также сам откроет парашюты, которые замедлят падение. И лишь на морском дне Манмут снова станет распоряжаться собственной подлодкой.

— Приготовиться к поднятию на борт, — произнёс ганимедянин.

— Доступ на борт разрешён, — откликнулся капитан «Смуглой леди», хотя руководитель полёта и не думал спрашивать позволения: откуда неевропейцу знать протоколы?

Замигали предупредительные огоньки; двери отсека разъехались в стороны, ожидая Короса III. Манмут бросил взгляд на изображение «колыбели» Орфу, и тот почувствовал внимание к своей особе.

— *Пока, дружище,* — сказал он. — *Увидимся.*

— *Надеюсь.*

Капитан «Смуглой леди» открыл нижние шлюзовые двери и собрался отсечь кабели коммуникации.

— Погодите, — вмешался каллистянин. — Там, на горизонте.

Камеры в отсеке управления показывали, как руководитель полёта захлопнул уже рас-

пахнутую задвижку шлюза и вернулся к своим инструментам. Маленький европеец убрал палец с кнопки уничтожения последних линий связи.

Из-за края планеты появилось нечто; пока это была лишь точка на экране радара. Носовой телескоп отказывался сообщать подробности.

— Должно быть, они запустили аппарат, пока мы находились по ту сторону планеты, — предположил Орфу.

— Поздороваемся с хозяевами, — промолвил Ри По.

Судно послало несколько запросов на разных частотах. Загадочная точка не отзывалась.

— Видите? — спросил ганимедянин.

Манмут видел отлично. Объект не длиннее двух метров смахивал на конную колесницу, окружённую мерцающим силовым полем. Внутри находились двое, мужчина и женщина. Она правила, а он не сводил взора с космической посудины в восьми тысячах километров над собой, словно та и не обладала искусственной невидимостью. Дама оказалась рослой царственной блондинкой, а её кавалер — приземистым седобородым старцем.

Орфу расхохотался:

— *Не думал, что у богов бывают такие симпа-*

тичные подружки!

Будто услышав оскорбление, мужчина поднял правую руку.

Видеовход полыхнул и отключился; маленького европейца швырнуло обратно на высокогравитационное сиденье. Корабль поразили жуткие судороги. И ещё раз. Потом его так часто и мощно затрясло, что Манмута отбросило к противоположной стене и вжало в потолок.

— Эй, ребята, у вас всё в порядке? — прокричал он по общей линии. — Меня кто-нибудь слышит?

Несколько мгновений ответом ему было молчание и шум помех. Затем через нарастающий рёв пробился тихий и спокойный голос Орфу:

— *Я тебя слышу, дружище.*

— *Как ты? Как судно? Мы их подбили?*

— *Я повреждён и ослеп от вспышки,* — ответил иониец сквозь шипение и потрескивание. — *Но прежде, чем это произошло, я успел кое-что увидеть. Мы не стреляли. А корабль… его уже нет. Наполовину.*

— *Наполовину?* — бессмысленно повторил Манмут. — *А что…*

— *Своего рода энергетическое копьё. Отсек управления пропал — вместе с Коросом и Ри По.*

Испарился. Носа не осталось. Верхний корпус оплавлен. Судно вращается вокруг своей оси, делая по два оборота в секунду, и вроде бы начинает разваливаться. Мой собственный панцирь проломлен, манипуляторы почти целиком уничтожены. Я теряю силы и чувствительность покрова. Выбирайся отсюда вместе со «Смуглой леди». Торопись!

— *Да я не знаю как!* — выкрикнул европеец. — *Всем управлял Корос! Я даже не знаю…*

Внезапно корабль снова тряхнуло, и последняя связь, а также видеолинии полностью оборвались. Вокруг обшивки раздавалось оглушительное шипение. Посудина испаряется, сообразил Манмут. Он переключился на внутренние камеры подлодки. Экраны отобразили клубы горящей плазмы.

«Смуглая леди» завертелась и задрожала ещё отчаяннее — то ли вместе с погибающим кораблём, то ли сама по себе. Капитан активировал прочие объективы, систему контроля повреждений и подводные зонды. Половина приборов не работала или же реагировала недостаточно быстро.

— *Орфу?*

Молчание.

Европеец включил вездесущие мазеры, пытаясь восстановить личный луч.

— *Орфу?*

Молчание. Тряска усилилась. Отсек для «Смуглой леди», куда в ожидании Короса III предварительно накачали воздух, неожиданно лишился атмосферы, и подлодка закрутилась с бешеной скоростью.

— *Я иду к тебе, Орфу!* — воскликнул Манмут.

Он распахнул двери шлюза и порвал сдерживающие ремни. Где-то позади, не то на корабле, распадавшемся на части, не то в каюте, прогремел взрыв. Европейца ударило о панель управления. Наступила кромешная тьма.

13
Суходол

Поутру, вкусив отменных блюд, приготовленных сервиторами Марины, четверо друзей покинули Парижский Кратер и факсовали на площадку, где праздновался последний Горящий Человек.

Внутри самого павильона, как и положено, горел свет, зато вокруг царила кромешная ночь, и завывания ветра доносились даже сквозь полупроницаемое силовое поле.

Харман посмотрел на Даэмана:

— У меня записан вот этот код: двадцать один — восемьдесят шесть. Ничего не всплывает в памяти?

— Да мы же в павильоне! — простонал тот. — Они все на одно лицо. А снаружи темно, хоть глаз выколи. Как тут признаешь место, которое посещал белым днём и в шумной компании?

— А мне кажется, код верный, — встряла Ханна. — Помню, числа были крупные и номер незнакомый, раньше я по нему не факсовала.

— В смысле, до шестнадцати лет? — осклабился

собиратель бабочек.

— Нет, я была чуть постарше. — Мускулистая загорелая девушка наградила бледного и дряблого собеседника ледяным взглядом, и тот попятился, хотя ни разу, кроме как в туринской драме, не видел, чтобы человеческие существа бились друг с другом.

Не обращая внимания на перепалку, Ада шагнула к силовому полю и прижала к нему тонкие пальцы. Преграда подёрнулась рябью и чуть подалась, но не более того.

— Эй, а оно твёрдое. Мы не выберемся.

— Бред какой-то, — произнёс Харман.

Они вдвоём принялись толкать барьер и тыкать в него локтями, пинать и налегать всей тяжестью; эластичное поле оказалось не таким уж полупроницаемым — по крайней мере для людей.

— Что-то новенькое. — Подруга Ады тоже попыталась толкнуть невидимый барьер плечом. — В павильоне факса — и вдруг заграждения?

— Мы в ловушке! — Даэман страшно завращал глазами. — Попались, точно крысы.

— Не болтай, — отмахнулась Ханна; нельзя сказать, чтобы эти двое отлично ладили с самого утра. — Всегда можно вернуться. Портал прямо за

твоей спиной, и он-то исправен.

Не успела она договорить, как из упомянутого мерцающего портала явилась и подлетела к путешественникам пара сферических сервиторов общего пользования.

— Поле нас не выпускает, — пожаловалась им хозяйка Ардис-холла.

— Знаем, Ада Ухр, — отвечала одна из машин. — Приносим извинения, мы торопились на помощь. Здешний узел… м-м-м… редко используется.

— Ну и что? — Смуглый мужчина нахмурился и скрестил руки на груди. — С каких это пор вы запечатываете факс-узлы?

— Ещё раз просим прощения, Харман Ухр, — откликнулся сервитор очень близким к мужскому голосом, обычным для машин этого сорта. — Климатические условия снаружи чрезвычайно опасны для жизни. Вам просто необходима термокожа.

Его напарник вручил каждому из людей молекулярный костюм тоньше простой бумаги.

— Они издеваются? — озадаченно промолвил коллекционер.

— Нет, — покачал головой опытный спутник. — Я уже носил такое.

— И я, — поддакнула Ханна.

Молодой мужчина развернул невесомую термокожу — всё равно что дым в руках держать.

— На мой наряд это не налезет.

— И не должно, — пояснил Харман. — Чтобы эффективно действовать, оно обязано прилегать к самой коже. Есть ещё капюшон, но ты сможешь отлично видеть и слышать сквозь него.

— А как же наша собственная одежда? — озабоченно спросила хозяйка Ардис-холла, которую после ночных похождений как-то не тянуло на подвиги. Во всяком случае — в вопросах добровольного раздевания.

— Не считая обуви, — отозвался первый сервитор, — не рекомендуется налагать лишние слои, Ада Ухр, они только снижают эффективность.

— Шутите? — возмутился Даэман.

— Всегда можно вернуться домой и надеть самые тёплые куртки, пальто и шапки, — ответил его спутник. — Правда, я не уверен, что здесь это поможет.

Он обернулся на чёрную стену силового поля, за которой грозно ревел ветер.

— Нет, — вставил второй сервитор. — Стандартные одеяния неадекватны обстановке Суходола. Однако, если предпочитаете, мы способны изготовить более благопристойные костюмы и

доставить их через тридцать минут.

— К чёрту, — рявкнула Ада. — Я хочу взглянуть, что там.

Она вышла на середину павильона и принялась разоблачаться у всех на виду. Подруга шагнула к ней и тоже начала стягивать блузку вместе с шёлковыми шароварами.

Молодой мужчина вытаращил глаза. Харман взял его за локоть и отвёл в сторонку. Избавляясь от одежды, коллекционер исхитрился несколько раз обернуться через плечо на спутниц. Галогеновые светильники заливали кожу Ады ослепительным, сочным сиянием, а стройное и крепкое тело Ханны мерцало, словно начищенная бронза. Натягивая термокостюм на ноги, вторая девушка бросила взгляд на Даэмана и нахмурилась. Тот поспешил отвернуться.

Когда вся четвёрка опять собралась в центре павильона, облачась в тончайшую кожу и ботинки, юная хозяйка Ардис-холла рассмеялась:

— Эти вещи смотрятся ещё откровеннее, чем если б мы ходили голыми.

Собиратель бабочек смущённо шаркнул ногой, но бывалый путешественник лишь улыбнулся под маской.

— А почему мы все разных цветов? — полюбо-

пытствовал коллекционер.

Ада сияла жёлтым, Ханна — оранжевым, Харману и Даэману достались соответственно блистающий синий и зелёный термокостюмы.

— Чтобы вы могли различать друг друга, — ответил сервитор, как будто вопрос обращался к нему.

Хозяйка Ардис-холла опять залилась своим беспечным, самозабвенным смехом, и оба мужчины уставились на неё.

— Извините, ребята. Просто… и так ведь ясно, кто есть кто. Даже издали.

Харман подошёл к силовому полю и приложил к нему синюю руку.

— А теперь-то можно? — осведомился он.

Машины промолчали, зато барьер мягко заколыхался, пропуская ладонь, а после и всё тело прошло наружу, точно сквозь серебристый водопад.

Сервиторы тронулись за четвёркой путешественников навстречу мраку и ветру.

— Нам не нужно сопровождение, — сказал девяностодевятилетний мужчина.

Даэман заметил, что ревущий вихрь унёс эти слова куда-то вдаль, и всё же они отчётливо раздавались в ушах: в капюшоне явно имелись

аудиопередатчики и пара крохотных наушников.

— Извините, Харман Ухр, вы ошибаетесь, — возразила машина. — Освещение вам не помешает.

И оба сервитора озарили каменистую землю множеством ярких лучей.

Синяя фигура покачала головой:

— Я уже пользовался термокостюмами, высоко в горах и далеко на севере. Линзы капюшона настраиваются на ночное видение. Вот… — Харман прикоснулся к виску, что-то нащупывая. — И я всё различаю. Какие яркие звёзды!

— Ух ты, — восхитилась Ада, последовав его примеру.

Взамен жалких кругов света, предложенных назойливыми машинами, перед ней раскинулся Суходол во всём великолепии. Каждый камень переливался собственным пламенем, а звёзды… У девушки перехватило дыхание. Она повернула голову. Павильон полыхал, будто гигантская раскалённая домна.

— Это так… красиво, — промолвила Ханна и отошла от группы на два десятка шагов, перепрыгивая с одного валуна на другой.

Путешественники находились в самом низу просторной каменистой долины, окружённой

крутыми скалами. Земля была чиста от снега, но вершины утёсов блистали под звёздами бело-голубой россыпью искр. Облака плыли по небу, напоминая стада серебряных овец.

Ветер зловеще завывал в ушах и бил в лицо, даже когда друзья просто стояли на месте.

— Я замёрз, — пожаловался Даэман, переступая с ноги на ногу.

Ещё бы не окоченеть, если на теле нет ничего, кроме ботинок.

— Возвращайтесь и оставьте нас в покое, — велел девяностодевятилетний мужчина сервиторам.

— При всём уважении, Харман Ухр, наша программа не позволяет покидать людей одних. Вы рискуете получить увечье или заблудиться в Суходоле. Впрочем, мы можем держаться на расстоянии ста шагов, если угодно.

— Угодно. И потушите фары, чтоб вам! Глаза режет.

Машины повиновались и убрались назад к павильону. Ханна первой двинулась в путь. Не считая четырёх человек в ярких одеяниях, долина была совершенно безжизненна. Ни деревьев, ни травы, никакого движения.

— А что мы ищем? — спросила подруга Ады,

переступив через маленький ручей.

— Это та самая площадка? — повторил Харман.

Даэман и Ханна заозирались.

— Похоже, — нерешительно сказал собиратель бабочек. — Хотя вы понимаете, когда кругом палатки, уборные, купола, и сверху силовое поле, и полно громадных обогревателей, и ещё этот Горящий Человек, и постоянно светло как днём… В общем, тогда всё выглядело иначе. И я так не мёрз! — Он запрыгал оживлённее. — Что скажешь, Ханна?

— Я тоже не уверена… Не знаю.

Ада взяла инициативу в свои руки.

— Давайте-ка разделимся и поищем какие-нибудь следы прошлого праздника. Кострища, каменные пирамиды, что-нибудь в этом роде. Правда, я не думаю, что мы отыщем твою Вечную Жидовку прямо сейчас, Харман.

— Ш-ш-ш! — предостерёг тот, оборачиваясь на сервиторов. Механизмы находились в отдалении и тем не менее наверняка прослушивали все разговоры. — Ну, ладно, — вздохнул Харман. — Расходимся на две сотни футов, не дальше…

Мужчина в синем осёкся. Со стороны каньона появилась знакомая, смутно напоминающая человека фигура и неуклюже зашагала по камням.

Когда существо приблизилось на тридцать футов, Харман окликнул его:

— Уходи. Нам не нужен войникс.

В ушах путешественников зазвучал голос еле заметного вдали сервитора:

— Мы настаиваем, леди и джентльмены. Это самый удалённый и опасный изо всех известных факс-узлов. Нельзя допустить ни малейшей возможности вреда.

— Тут что, водятся динозавры? — Голос Даэмана дрогнул.

Ада рассмеялась и раскинула руки навстречу холодной воющей тьме:

— Сомневаюсь, братец. Если только не появилась новая, морозоустойчивая порода, о которой мы никогда не слышали.

— Почему же, всё возможно, — поддразнила Ханна. — Видите вон тот гигантский валун? А вдруг это аллозавр, облизываясь, поджидает добычу?

Коллекционер попятился и чуть не споткнулся о камень.

— Да нет их здесь, — вмешался Харман. — Что вообще может завестись при такой холодрыге? Ничего. Не верите — снимите на секунду капюшоны.

Спутники послушались. И тут же радионаушники наполнились резкими воплями.

— Держись подальше, — обратился мужчина в синем костюме к войниксу. — В случае чего мы тебя позовём.

Друзья тронулись в дорогу — на северо-запад, как показала напульсная функция ориентирования. Под бешеным напором ветра качались даже колючие звёзды, и путешественникам постоянно приходилось укрываться за каменными глыбами, дабы не повалиться наземь. Когда вихрь утихал, четвёрка осторожно двигалась дальше.

— Я что-то нашла, — раздался голос Ады.

Товарищи поспешили к ярко-жёлтой фигуре, удалившейся на юг. На первый взгляд под ногами девушки лежал обычный камень, однако вблизи становилась заметна щетинистая шерсть, диковинные конечности-плавники и пара чёрных дыр вместо глаз.

— Это тюлень, — сказал Харман.

— Тюлень? — непонимающе переспросила Ханна, присаживаясь на корточки, чтобы потрогать недвижное существо.

— Морское млекопитающее. Мне попадались такие на побережьях… далеко от факс-узлов. — Мужчина тоже коснулся холодного тела. —

Бедняга окаменел. Мумифицировался. Он мог пролежать здесь сотни, тысячи лет.

— Так мы на побережье? — полюбопытствовала Ада.

— Не обязательно. — Харман поднялся и огляделся вокруг.

— Эй! — обрадовался Даэман. — А вон тот утёс я помню. Под ним ещё стоял пивной павильон.

И он потрусил к большому валуну у скалы.

— Ты уверен? — наморщила нос Ада, когда товарищи догнали коллекционера.

Одинокая глыба вздымалась к ледяным мерцающим звёздам и быстрым облакам, сбивающимся в стаи, но ни единая примета не указывала на то, что когда-либо тут проводился праздник. Друзья осмотрели почву у подножия, ища следы от шатровых колышков, кострища или оттиски машинных колёс, однако ничего не нашли.

— Да ведь прошло полтора года, — рассудил Харман. — А сервиторы — отличные уборщики, значит…

— О господи! — воскликнула Ханна, задрав голову вверх.

Спутники последовали её примеру, хотя уже за мгновение до того успели заметить удивительную игру красочных бликов на камнях и скалах.

Ночной небосклон ожил, превратился в сияющий занавес из танцующих лучей лазурного, лимонного, алого цветов.

— Что это? — шепнула Ада.

— Не знаю. — Мужчина в синем тоже понизил голос.

А чудесный свет продолжал переливаться между облаками. Харман откинул капюшон:

— Вот это да! Оно так же полыхает и без ночного видения. Кажется, две-три декады назад я видел подобное, когда…

— Сервиторы! — вмешался Даэман. — Что это за огоньки?

— Атмосферное явление, вызванное влиянием заряженных солнечных частиц на электромагнитное поле Земли, — донёсся голос невидимой машины. — Таково научное определение. Феномен имеет несколько названий, например…

— Спасибо, достаточно, — вмешался самый опытный из путешественников, застёгивая капюшон. — Глядите-ка! — вдруг изумился он.

На утёсе проявились таинственные царапины; ветер или другие природные причины таких не оставляли.

Ада озадаченно нахмурилась:

— Непохоже на символы из книг.

— Да уж, — согласился тот-кто-умел-читать.

— Следы прошлой гулянки? — спросила Ханна.

— Возле пивной палатки? — усомнился Даэман. — Что-то не припомню. Если только сервиторы не исцарапали скалу, убираясь после праздника.

— Возможно, — промолвил Харман.

— Ну как, продолжим искать? — заторопилась Ада.

— Нет, — изрёк девяностодевятилетний мужчина. — Ничего мы здесь не найдём. Пора факсовать куда-нибудь потеплее и как следует перекусить.

Девушка изумлённо посмотрела на спутника, но промолчала. Сервиторы плавно подлетели ближе, и позади замаячил войникс.

— Мы уходим, — объявил Харман. — Осветите нам дорогу назад, к павильону.

В Уланбате едва перевалило за полдень, и привычная сотня с лишним гостей, собравшихся отметить Вторую Двадцатку Тоби, развлекалась на семьдесят девятом уровне «Небесных колец». Висячие сады шелестели и вздыхали на ветру, что налетал из красной пустыни. Несколько молодых людей и девушек, заметивших отсутствие Даэмана в последние дни, бурно приветствовали его возвращение; мужчина кивнул им и

последовал за своими новыми товарищами. Четвёрка набрала еды на длинном банкетном столе и, отойдя подальше от шумной толпы, села за каменный столик у низенькой стены на краю кольца. Сервиторы налили в бокалы холодного вина. Восемью сотнями футов ниже войниксы с помощью умных машин вели несметные караваны верблюдов по шоссе Гоби.

— Что произошло? — спросила Ада, когда друзья немного подкрепились в тени висячего сада. — Я же чувствую, что-то пошло не так.

Харман открыл было рот, но тут же умолк, выжидая, пока машины-прислужники пролетят мимо.

— Эти сервиторы абсолютно одинаковы с виду, — сказал он. — А никому не приходило в голову, что тот, кто сейчас рядом, уже мог наблюдать за вами где-то ещё?

— Глупости, — отрезал собиратель бабочек. Откусывая жирные куски от жареной курицы, он жадно облизывал пальцы и прихлёбывал охлаждённое вино.

— Возможно, — повторил Харман.

— Так что ты разглядел там, в темноте? — встряла Хана. — Простые наскальные царапины?

— Это были цифры.

Даэман расхохотался:

— Ну уж нет. Цифры-то мне известны. Все их знают. Никакие это не цифры.

— Их изобразили словами.

— Погоди, в книге слова другие… — изумилась Ада.

— Думаю, мы столкнулись с тем типом слов, которые написаны от руки. Символы, соединённые петельками и накренившиеся вбок, будто бы от ветра. Подозреваю, что их нанесли на камень сразу после Горящего Человека. Впрочем, я сумел разгадать их значение.

— Теперь уже слова! — усмехнулся Даэман. — Минуту назад мы говорили о цифрах.

— И что же ты прочёл? — полюбопытствовала Ханна.

Девяностодевятилетний мужчина оглядел спутников и негромко произнёс:

— Восемь-восемь-четыре-девять.

Ада покачала головой:

— Смахивает на код факс-узла. Только я не слышала, чтобы хоть один из них начинался с двух восьмёрок.

— Таких и не бывает, — вставил коллекционер.

Харман пожал плечами:

— Наверное. Только когда мы доедим, я собираюсь испробовать этот номер.

Хозяйка Ардис-холла посмотрела на далёкий горизонт. Кольца пересекались в бледно-голубых небесах узкими полосками молочного цвета.

— Вот почему ты не выбросил термокожи в урну, как советовали сервиторы?

— Не знал, что ты заметила. — Мужчина ухмыльнулся и отхлебнул вина. — А я-то надеялся провернуть всё втайне. Видимо, шпиона из меня не выйдет. Хорошо хоть, проклятые машинки факсовали раньше нас.

Тут, как по заказу, явился очередной сервитор, чтобы наполнить опустевшие бокалы. Сферическая машина зависла по ту сторону стены на высоте восьмисот футов над красно-жёлтой пустыней, пока изящные манипуляторы бережно наливали вино из кувшина.

Не убеди Харман своих друзей ещё до факса надеть цветные термокожи под обычную одежду, все четверо могли бы проститься с жизнью.

— Мамочки! — воскликнул Даэман. — Где мы? Что происходит?

Никакого павильона здесь не было и в помине. Код 8849 выбросил путешественников прямо во мрак и хаос. Вокруг ревела настоящая буря. Ноги

скользили по льду. Куда бы ни пытались шагнуть люди, всюду торчали какие-то шипы.

— Ада! — позвал девяностодевятилетний мужчина. — Свет!

Товарищи не успели накинуть капюшоны, да разве в этой кромешной тьме нашлось бы достаточно отражённого сияния, чтобы линзам ночного видения было что усиливать?

— Сейчас, сейчас, ребята… Готово!

Крохотный фонарик, одолженный у Тоби, пролил тонкий луч в непроглядную темноту. Засверкала инеем распахнутая дверь, заблестели трехфутовые сосульки, а пол оказался вздыблен волнами застывшего льда. Лампа качнулась вправо — и Ада увидела глаза друзей, округлившиеся от изумления.

— Это не павильон, — громко сказал Харман.

— В каждом узле есть павильон, — возразил собиратель бабочек. — Иначе не будет и портала. Верно?

— Почему же? Когда-то давно на Земле имелись тысячи частных узлов.

— О чём это он? — закричал Даэман. — Выбираться надо!

Юная хозяйка Ардис-холла обратила свет назад: портал отсутствовал. Путешественники расте-

рянно стояли в комнате с многочисленными настенными полками, целиком закованной в лёд. Да, но где же центральный пьедестал? Как же так? Без него не вернуться обратно! В луче фонаря танцевал миллион снежинок. За стенами ревел ветер.

— Даэман, сегодня ты сказал очень умную вещь, — произнёс Харман.

— Что? Что я такого сказал?

— Мы попались. Точно крысы.

Молодой мужчина выпучил глаза, а между тем луч двинулся дальше, к замороженным стенам. Вьюга рыдала всё громче.

— Вот и в Суходоле так же ревело, — заметила Ханна. — Хотя никаких построек там не было. Или всё же?..

— Навряд ли, — промолвил Харман. — Однако я согласен, мы явно попали в Антарктику.

— Куда? — переспросил Даэман, стуча зубами. — В какую ещё ант… антаттику?

— В то холодное место, где мы побывали утром, — бросила Ада и шагнула в проём.

Оставшись в полной темноте, друзья сбились вместе и поспешили следом, будто выводок гусят.

— Эй, тут коридор, — послышалось впереди. —

Шагайте осторожнее. Здесь повсюду неровный лёд и снег.

Обледеневшая прихожая вывела четвёрку в замороженную кухню, а оттуда — в такую же гостиную. Ада провела лучом по ряду окон, покрытых тройной глазурью инея.

— Я, кажется, догадался, где мы, — прошептал опытный путешественник.

— Да это ерунда, — отмахнулась Ханна. — Главное, как отсюда вырваться?

— Погодите. — её подруга опустила фонарь, и яркие вспышки, отразившись от пола, озарили снизу лица товарищей. — Пусть скажет, мне интересно.

— По легенде, которую я слышал, наша Вечная Жидовка обитала в собственном жилище на вершине горы Эребус, на одном из антарктических вулканов.

— В Суходоле? — Коллекционер оглянулся в кромешный мрак. — Господи, ну и мороз!

Ханна дёрнулась к нему так резко, что молодой мужчина отшатнулся и чуть не упал.

— Дурачок, надень это. — Она бесцеремонно вытащила зелёный капюшон у него из-за воротника, напялила на голову и застегнула. — Всем нам не помешает защита, не то ещё минута — и

тут станет на четыре сосульки больше. Тело выделяет слишком много тепла через скальп.

Спутники последовали её совету.

— И правда, так лучше, — обрадовался Харман. — Виднее, да и слышнее, шум ветра заглушается.

— А это жилище из легенды, оно рядом с факспавильоном Суходола? Мы в состоянии дойти пешком?

Недавний именинник беспомощно развёл руками:

— Кто знает. Полагаю, женщина именно так и добралась до Горящего Человека. Однако я ещё слабо разбираюсь. Может статься, ей пришлось одолеть тысячу миль.

Даэман покосился на чёрные заледеневшие окна, за которыми ревела буря.

— Я отсюда не выйду, — безо всякого выражения изрёк он. — Ни за что в мире.

— Впервые согласна с тобой, — кивнула Ханна.

— Ничего не понимаю. — Ада свела брови. — Говоришь, эта женщина жила здесь… несколько веков назад? Как же это…

— Понятия не имею, — признался опытный странник и, одолжив фонарик, побрёл по следующему коридору.

Внезапно путь преградили мерцающие белые колонны. Пока друзья глазели на препятствие, Харман вернулся в занесённую снегом гостиную, с треском отодрал от пола тяжёлый стол и сокрушил с его помощью ледяные наросты, прокладывая себе путь.

— Куда ты? — окликнул Даэман. — Что прокуто? Миллион лет там не было ни души. Мы же окочуримся, если…

Девяностодевятилетний мужчина добрался до двери и выбил её ногой. Коридор залило яркое сияние. И потоки жары. Спотыкаясь и скользя на коварном полу, троица со всех ног бросилась к товарищу.

Комната, в которой они очутились, отсутствием окон и размерами напоминала ту, самую первую, но в отличие от неё была освещена, прогрета и свободна от снега. И вдобавок её почти целиком заполнял металлический диск более двенадцати футов в поперечнике, беззвучно парящий в воздухе. Силовое поле поблёскивало стеклянным куполом над серебристой поверхностью, в которой чернело шесть углублений с мягкой обивкой, имеющих форму человеческого тела с парой коротких рукояток возле ладоней.

— Кажется, кто-то ожидал на пару гостей боль-

ше, — прошептала Ханна.

— Да что это за дрянь? — взорвался Даэман.

— Полагаю, мы нашли соньер. Тарелку, — приглушённо отозвался Харман.

— *Что?* И как это понимать?

— Не знаю. Только люди Потерянной Эпохи летали в таких машинах.

Под пальцем опытного путешественника силовое поле подёрнулось рябью, точно ртуть, сомкнулось вокруг руки и целиком поглотило кисть.

— Осторожнее! — предупредила Ада.

Однако мужчина уже встал на колени, а потом и прилёг на живот, устроившись в мягком чёрном углублении. Голова и спина слегка возвышались над поверхностью диска.

— Всё в порядке, — подал он голос. — Здесь удобно. И тепло.

Друзей его слова успокоили. Хозяйка Ардис-холла первой забралась на летающий аппарат, вытянулась ниц и ухватила рукояти:

— Они для управления, да?

— Трудно сказать.

Ханна и Даэман заняли места на диске; ещё два так и остались свободными.

— А ты знаешь, как управлять этой штукой? —

спросила Ада чуть резче обычного. — Читал, наверное? В книгах?

Харман просто покачал головой.

— Тогда что мы здесь делаем, а? — воскликнула девушка.

— Экспериментируем.

Девяностодевятилетний путешественник свернул крышку с правого рычага. Под ней обнаружилась единственная красная кнопка. Мужчина, не раздумывая, нажал.

Передняя стена растаяла в воздухе, словно её унесло ветром прямо в антарктическую ночь. Ослепительный снежный вихрь вторгся в комнату и завертелся вокруг друзей.

Харман разинул рот, собираясь крикнуть: «Берегись!» — но не успел издать ни звука — диск сорвался с места на немыслимой скорости; четвёрка испуганно вцепилась в рукояти, чувствуя, как подошвы ботинок прилипли к металлу.

Пузырь защитного поля сохранил жизни любознательным друзьям, когда тарелка вырвалась из белого вулкана, к склонам которого лепились обветшалые, покрытые ледяной коркой постройки. Линзы ночного видения явили взорам путешественников еловый лес, побережье, ржавеющие и заметённые снегом остатки неких машин у

залива и застывшее, сверкающее море.

Над этим-то морем и разгонялся металлический диск, с ходу набрав аж тысячу футов высоты.

Харман активировал напульсную функцию поиска и сообщил:

— Движемся на северо-восток.

Никто не ответил. Все пытались совладать с жестокой тряской, цепляясь за рычаги, и потому не заинтересовались курсом своего предсмертного полёта.

Кое о чём недавний именинник умолчал. Согласно древним картам, как раз в этом направлении друзей ничего не ожидало. Совершенная пустота на тысячи миль вперёд.

Через десять минут, когда сплошные льды остались позади, а внизу расстилались чёрные воды с гигантскими кусками айсбергов, аппарат начал терять высоту.

— В чём дело? — Аду раздосадовала явная дрожь в собственном голосе. — Скажите, у нас кончается энергия… в смысле, топливо… или что там?

— Я не знаю, — произнёс Харман.

Диск пролетал уже чуть ли не в сотне футов над волнами.

— Глядите! — Ханна оторвала руку от рычага и указала пальцем перед собой.

В холодном море появилась крепкая, сморщенная спина огромного существа, заросшего от древности ракушками, но, без сомнения, живого: линзы уловили алые трепещущие волны тепла, которые разбегались вокруг него. Внезапно к небесам взметнулась мощная струя воды, и путешественники почуяли запах рыбы в свежем воздухе, беспрепятственно проникавшем сквозь силовое поле.

— А?.. — заикнулся Даэман.

— По-моему, это кит, — пояснил Харман. — Я читал о таких. Правда, они должны были вымереть тысячи лет назад, ещё до Финального факса.

— А может, во время факса постлюди затащили их обратно? — предположила Ада.

— Может, и так.

Диск уносил друзей всё дальше на северо-восток, не меняя высоты, и пассажиры слегка расслабились: ведь человек издревле приспосабливался к самым необычным условиям. Харман перевернулся на спину, желая полюбоваться на яркие звёзды среди туманных клочьев облаков. Внезапный возглас Ады вывел его из задумчивости:

— Там, впереди!

Над тёмным горизонтом показался гигантский

айсберг. Соньер мчался прямо на него. Друзья уже успели благополучно миновать несколько сверкающих глыб, но это ледяное чудище простиралось в обе стороны на многие и многие мили, а его зубчатые гребни вздымались на высоту, недостижимую для летучей машины.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросила юная хозяйка Ардис-холла.

Опытный спутник лишь отрицательно промычал в ответ. Он понятия не имел, с какой скоростью движется диск, однако её хватило бы на то, чтобы разбить машину с пассажирами вдребезги.

— А ты шевелил рукоятками? — чересчур спокойно поинтересовалась Ханна.

— Бесполезно, — вздохнул Харман.

— Пора прыгать! — Диск слегка покачнулся: это Даэман встал на четвереньки, почти уперевшись головой в защитное поле.

— Нет, — властно остановил его девяностодевятилетний мужчина. — В ледяной воде ты не протянешь и трёх секунд — это если переживёшь падение. Хотя вряд ли. Ложись на место.

Собиратель бабочек повалился на живот.

Между тем соньер не снижал скорости и не отклонялся от опасного направления. Бело-го-

лубая стена угрожающе выросла до трёх сотен футов; летучий аппарат не набрал и двух третей подобной высоты.

— И что, ничего нельзя изменить? — полуутвердительно сказала Ада.

Харман снял капюшон (под покровом силового поля холод уже не так пугал) и обернулся на неё.

— Кажется, нет. Прости. — Он потянулся и взял девушку за левое запястье. Та обнажила лицо. Их взгляды встретились, а пальцы переплелись на несколько мгновений.

Когда до жуткого столкновения оставались считанные ярды, диск плавно снизил скорость и пошёл на взлёт. Соньер обогнул вершину айсберга с запасом в десяток футов, сделал вираж вправо, завис над южным склоном, а потом опустился на шипящий снег.

С минуту четвёрка молча лежала на своих местах, не выпуская рукояток.

Внезапно силовое поле исчезло, и страшный ледяной ветер обжёг лицо Хармана. Мужчина торопливо застегнул капюшон, бросая взгляды на Аду, которая сделала то же самое.

— Надо выбираться, — подала голос Ханна, — пока эта штука не унесла нас куда-нибудь ещё.

Друзья осторожно слезли. Налетевший вихрь

едва не сбил путешественников с ног, тут же утих и снова ударил. Вьюга громко трепала края их верхней одежды и капюшонов.

— Что теперь? — Юная хозяйка Ардис-холла поёжилась.

Словно в ответ на её слова перед четвёркой замерцали два ряда инфракрасных маяков, очертив тропинку шириной десять футов и длиной сто с чем-нибудь ярдов, уводящую… в никуда.

Исследователи двинулись вперёд, стараясь держаться вертикально. Если бы не маячки, столь ярко сияющие в линзах ночного видения, товарищи наверняка повернулись бы спинами к ветру и вскоре, заблудившись, полетели бы во мрак через ближний край айсберга.

Дорожка привела к небольшой норе, прорубленной во льдах. Высеченные ступеньки уходили вниз, где их опять освещало инфракрасное излучение.

— Рискнём? — сказала Ханна.

— А что нам остаётся? — проворчал Даэман.

Уличные ботинки скользили на коварной лестнице, и только плетёная верёвка, пришпиленная к правой стене металлическими крючьями, помогала друзьям спускаться, не падая поминутно. Харман насчитал сорок ступеней, когда путь пре-

градила стена изо льда и тропа резко свернула вправо, а ещё через пятьдесят шагов лестница так же круто забрала влево. Инфракрасные маячки в стенах позволяли хорошо видеть дорогу.

Лестница окончилась коридором, который продолжал уводить внутрь айсберга. Временами путешественникам попадались развилки, но одна дорога неизменно оставалась в тени, тогда как вторую освещали алые, зелёные и голубые огни. Товарищи то шагали вверх, то вновь брели куда-то вниз. Наконец бесчисленные повороты, развилки и тупики заставили друзей потерять чувство направления.

— Нас явно ждут, — шепнула Ханна.

И Ада ответила:

— На это я и рассчитываю.

Четвёрка вышла в просторный зал, наверное, в шестьдесят футов шириной. Ледяные стены были изрезаны несметным количеством других дверей, а пол тоже имел несколько уровней. Обогреватели на подставках мерцали оранжевым; на стенах, полу и потолке сияли многочисленные лампочки. На невысокой платформе, устланной мохнатыми звериными шкурами, лежали подушки, а рядом находился маленький столик. Друзья встали вокруг него, с подозрением глядя

на круглые чаши с едой и плодами, кувшины и наполненные кубки, не решаясь присесть на мягкие шкуры.

— Всё в порядке, — послышалось у них за спинами. — Это не отравлено.

Женщина появилась в высоком ледяном проёме и стремительно сошла по кривому зигзагу лестницы. Харман успел заметить меловую седину волос хозяйки — почти невообразимый оттенок, который в его дни выбирали только самые отъявленные сумасброды, — и лицо, изборождённое, как и говорил Даэман, древними морщинами. Боже, ну и стара она была. Никто, кроме коллекционера бабочек, прежде не видел более ветхого человека. Даже девяностодевятилетнего мужчину покоробило при взгляде на неё.

И всё же, несмотря на возраст, дама сохранила некую привлекательность, и её походка дышала силой. Хозяйка носила банальный синий жакет, брюки из рубчатого плиса и жёсткие ботинки. Накидка из алой шерсти поражала взгляд живописной окраской и непонятным дизайном. Очутившись на платформе, женщина подняла и нацелила на гостей тёмный металлический предмет, который с самого начала находился у

неё в руке, и спросила:

— Кто-нибудь знает, что это?

— Нет, — негромким хором откликнулись трое из них.

— Да, — сказал Харман. — Это какое-то оружие Потерянной Эпохи.

Товарищи обернулись на него. Они видели оружие в туринских драмах, но мечи, копья, щиты и луки со стрелами нимало не походили на эту чёрную машинообразную вещь.

— Верно, — изрекла женщина. — Оно называется пистолетом и умеет только одно — лишать жизни.

Ада выступила вперёд:

— Вы хотите убить нас? Вы что же, позволили нам проделать такой путь ради этого?

Старуха улыбнулась и опустила оружие на столик, подле чаши с апельсинами.

— Здравствуйте, Даэман. Приятно снова увидеться, впрочем, не уверена, что вы запомнили нашу прошлую встречу. Мужчина в подобной степени опьянения…

— Я не забыл тебя, Сейви, — холодно ответил коллекционер.

— И всем вам, — продолжала старуха, — Ада, Ханна, Харман… добро пожаловать. Вы очень

настойчиво читали мои следы.

Она опустилась на шкуры и жестом пригласила гостей присоединиться. Один за другим товарищи присели вокруг столика. Сейви взяла апельсин, предложила другим и, когда те отказались, принялась чистить его длинным ногтем.

— Мы не встречались, — промолвил недавний именинник. — Откуда вам известно моё имя? И остальных?

— Вы подняли достаточную шумиху… э-э-э… как там сейчас почтительно величают людей?.. Харман Ухр.

— Шумиху?

— Удаляясь от узлов так, что войниксам приходилось следовать за вами. Научившись читать. Разыскав немногие уцелевшие библиотеки мира… в том числе и принадлежащую Аде Ухр. — Сейви указала глазами на девушку, и та кивнула в ответ.

— Как вы узнали о войниксах? — насупился мужчина в синем термокостюме.

— Они наблюдают за вами. — Разломив плод на дольки, хозяйка раздала их четвёрке на льняных салфетках. На сей раз товарищи приняли угощение. — *Я* тоже наблюдаю, — заметила она.

— Но зачем? — Харман взглянул на дольки и

опустил салфетку на стол. — С чего за мной шпионить? И каким образом?

— Два разных вопроса, мой юный друг.

Тот, кого назвали «юным», не мог сдержать улыбки.

— Тогда ответьте на первый. Для чего?

Сейви расправилась со второй долькой и облизала пальцы. Опытный путешественник заметил, как заворожённо рассматривает Ада сморщенные пальцы и иссохшую кожу старухи. Впрочем, та или не замечала пристального внимания, или делала такой вид.

— Харман… можно без Ухр? — Хозяйка не стала ждать ответа. — Так вот, Харман, на сегодняшний день ты единственный человек на Земле, не считая меня, единственный среди трёхсот с лишним тысяч, кто способен читать письменную речь. Или хотя бы пытается.

— А… — начал странник.

— Три сотни тысяч? — вмешалась Ханна. — Да ведь нас миллион. Так всегда было…

Сейви улыбнулась и покачала головой:

— Милая, кто вам сказал, что на планете живёт миллион человек?

— Ну-у, никто… В смысле, это и так известно…

— Именно. — Старуха подняла палец. — Всем

известно. Но разве в последнее время кто-нибудь пересчитывал население?

— А как же: если кто-нибудь восходит на кольца… — Девушка совсем растерялась.

— …на Земле рождается новое дитя, — закончила за неё Сейви. — Это точно. Я проверяла целую тысячу лет. Вот только вас не миллион. Гораздо меньше.

— С какой радости ПЛ будут нас обманывать? — встрял собиратель бабочек.

— ПЛ? — Хозяйка подняла одну бровь. — Ах да, ПЛ… Когда вы вообще беседовали с постлюдьми, Даэман Ухр?

Коллекционер счёл вопрос риторическим и не ответил.

— А я говорила с ними, — тихо сказала старуха.

Её слова повергли друзей в ступор. Четвёрка ждала затаив дыхание. Особенно Харман и Ада.

— Только это было давно. — Сейви так понизила голос, что слушателям пришлось наклониться поближе. — Очень, очень давно. Ещё до Финального факса.

Её глаза, секунду назад блиставшие небесной синевой, задумчиво затуманились.

Опытный путешественник покачал головой:

— Я, конечно, знаком с историей о вас, о Вечной Жидовке, последней из Потерянной Эпохи… Только всё равно не понимаю. Как вам удалось пережить Пятую Двадцатку?

Ада округлила глаза, услышав подобную грубость. Однако сама хозяйка, видимо, не возражала.

— Прежде всего, милые мои, пресловутый столетний рубеж назначен для человечества относительно недавно. Уже когда они угробили Землю и наше будущее в том ужасном факсе. Лишь века спустя после того, как девять тысяч сто тридцать моих собратьев, переживших Рубикон, превратились в поток нейтрино, чтобы больше не вернуться. Хотя постлюди клятвенно сулили им возвращение… Только вслед за тем… геноцидом ваши драгоценные ПЛ изобрели мифический миллион и додумались установить для ваших предков вековой предел…

Распалённая собственной речью, Сейви остановилась, чтобы набрать в грудь воздуха. Она глубоко вздохнула ещё раз и указала на кувшины:

— Если кто хочет, у меня есть чай. И очень крепкое вино. Я выпью, а вы?

И она трясущимися руками наполнила кубок.

Даэман тряхнул головой. Девушки выбрали чай. Девяностодевятилетний гость налил себе красного вина.

— Харман, — уже сдержаннее заговорила старуха, — до того, как мне вздумалось отвлечься, вы задали два вопроса. Почему вы привлекли моё внимание? И как я дотянула до нынешних дней? Во-первых, мне интересно всё, что волнует войниксов. А ваше поведение беспокоит их вот уже несколько декад…

— Постойте, но…

— Во-вторых. — Хозяйка предостерегающе подняла палец. — Сказать по чести, в течение последних столетий я только и делала, что спала или пряталась. Когда нужно, перемещалась либо на соньерах, один из которых вы сами нынче могли оценить, либо при помощи потайных факсов, то есть между стенами современных узлов, используя старинные матрицы.

— Непонятно, — подняла брови Ада. — Какие ещё потайные факсы?

Сейви встала из-за стола. Гости последовали её примеру.

— Полагаю, прошедший день достаточно утомил вас, мои юные друзья. Однако поверьте, впереди ждёт гораздо больше. Это если вы ре-

шите отправиться за мной. Если же нет, соньер вернёт вас в ближайший факс-павильон… Вроде бы он расположен в бывшей Южной Африке. Выбирайте сами, — она бросила взгляд на Даэмана, — каждый за себя.

Ханна допила остатки чая и поставила кубок.

— Отправиться за вами? А что вы можете нам показать, Сейви Ухр?

— О, многое, дитя моё. В первую очередь я научу вас летать и факсовать в те края, о которых вы никогда не слышали… И даже не мечтали.

Четвёрка переглянулась. Харман с Адой кивнули друг другу: они были готовы на всё. Ханна произнесла:

— Можете на меня рассчитывать.

Один Даэман, казалось, серьёзно обдумывал свой выбор.

— Ладно, я с вами, — вымолвил он наконец. — Правда, сначала дайте попробовать ваше вино.

Сейви до краёв наполнила его кубок.

14
На орбите Марса

Манмут перезагрузил свои системы и наскоро проверил полученные повреждения. Ничего серьёзного, по крайней мере ни один из органических или кибернетических компонентов не отказал. Что же взорвалось? Очевидно, резко разгерметизировались три резервуара с балластом; к счастью, остальные двенадцать в полном порядке. Европеец сверился с внутренними часами: сколько он пролежал без сознания? Как выяснилось, менее полминуты. После перезагрузки Манмут сохранил виртуальное подключение ко всем системам лодки, и те докладывали: «Смуглая леди» стремительно вращается, на корпусе некрупная трещина, устройства наблюдения перегружены, температура обшивки превышает точку кипения… Имелась ещё дюжина жалоб, однако ни одна из них не требовала срочного внимания. Капитан восстановил видеосвязь. Смотреть оказалось не на что, кроме раскалённых докрасна пылающих внутренностей отсека, распахнутых дверей и кувыркающегося звёздно-

го неба за ними.

— *Орфу?*

Общая линия молчала. Личный луч тоже. И мазерные каналы. Не слышалось даже статических помех.

Манмут подхватил реактивный ранец, моток нервущейся бечёвки из микроволокон и выбрался наружу, держась за поручни, знакомые ему по десяткам лет подводной работы. Затем открыл настежь грузовое отделение подлодки, прикинул, достаточно ли там места, и безжалостно вышвырнул аккуратно уложенное Коросом оборудование — то, что подвернулось под руку. Возможно, оружие массового поражения, которое ганимедянин собирался провезти на Марс. («Это на *моём* — *то* судне!» — Манмута снова обуяла ярость.) А может, и полезное снаряжение, необходимое для выживания на планете, — кто знает? Маленького европейца не волновали подробности. Главное, чтобы хватило пространства. Удаляясь от рассыпающегося на части корабля, отброшенные приборы завертелись среди пузырей расплавленного металла и горящей плазмы.

Капитан закрепил верёвку на поручне «Смуглой леди» и вылетел в космос, едва избежав столкновения с разбитыми дверями отсека.

За сотню метров от посудины любитель сонетов осторожно развернулся посмотреть на полученные повреждения.

Всё оказалось ещё хуже, чем он ожидал. Как и говорил Орфу, нос корабля бесследно сгинул. На месте бывшего отсека управления — там, где находились Корос III и Ри По, — рассеивались клубы мерцающей плазмы.

Остатки фюзеляжа оплавились и покрылись трещинами. Не хотелось и гадать, к каким разрушительным последствиям привело бы нежданное нападение, не будь реактивные моторы, водородные резервуары и часть двигателей уничтожены задолго до атаки. Взрывы топлива наверняка погубили бы ионийца и его маленького друга заодно с прочими.

— *Орфу?*

Манмут воспользовался радио и личной связью, однако внешние отражательные антенны для передачи мазерных сигналов полностью сгорели. Ответа не последовало.

Уворачиваясь от летающих осколков, раскалённого металла и расползающегося облака плазмы, рискуя каждый миг удариться о погибшее судно, европеец стал подтягиваться к корпусу. Звёзды — Марс — звёзды — Марс… От стремительного

мельтешения перед глазами хозяину «Смуглой леди» сделалось плохо. Он зажмурился и принялся искать друга с помощью радара в ранце.

Орфу оставался в своей «колыбели». На какое-то мгновение Манмут возрадовался: товарищ цел и на месте! — но потом раскрыл глаза. И увидел.

Закопчённый тяжёлый панцирь ионийца потрескался на добрую треть. Передних манипуляторов как не бывало. Антенны коммуникации пропали. Зрительные окуляры выжжены до основания.

— *Орфу!* — позвал капитан подлодки по личному лучу.

Тишина.

Маленький европеец напряг все способности к точным вычислениям, рассчитал траекторию и подлетел к кораблю, ловко управляя десятью реактивными струями, которые вырывались из ранца. Затем приварил крюк к обшивке, завязал верёвку особой петлёй — такую легко распутать при желании.

Бечева натянулась до отказа. Раскачавшись, будто маятник, моравек описал дугу и перелетел к чёрной оплавленной вмятине, оставшейся от «колыбели» друга.

Манмут уцепился за неровности крабьего пан-

циря и, пока его ноги невесомо болтались над головой, размашисто прилепил передатчик кабельной связи чуть выше испепелённых глаз.

— *Эй, Орфу?*

— *Приятель?* — произнёс иониец скрипучим, но сильным, а главное — воистину изумлённым голосом. — *Ты где? Почему я тебя слышу? Все мои коммуникаторы давно накрылись.*

Хозяина «Смуглой леди» окатила волна изумительного счастья, какое навряд ли испытывали герои Шекспира.

— *Мы в прямом контакте. Кабельная связь. И скоро я вытащу тебя отсюда.*

— *Что за бред?* — пророкотал Орфу. — *Теперь я бесполезен. Не могу даже…*

— *Заткнись, а?* — попросил Манмут. — *У меня есть верёвка. Тебя надо привязать. Не подскажешь, где…*

— *Кронштейн для привязи торчит в полутора метрах от связки датчиков,* — отозвался гигантский краб.

— *Там ничего нет.*

Европейца коробило при мысли о том, чтобы наваривать крюк на панцирь товарища. Но если потребуется…

— *Ну…* — Орфу помолчал несколько жутких

секунд, видимо, пытаясь переварить идею собственной увечности, — *тогда сзади. Там, куда не достала вспышка. Сразу над пучком зондов и отражателей.*

Сказать ему, что зондов тоже нет? А, ладно…

Манмут пару раз перекувырнулся, нашёл нужное кольцо и крепко-накрепко завязал микроволоконную бечёвку. Уж если что и объединяло исследователя глубин с его давними предшественниками — земными мореплавателями, — так это умение делать по-настоящему хорошие узлы.

— *Держись,* — провещал он. — *Сейчас выберемся. Потеряешь связь — не беспокойся. Тут действует столько разных сил…*

— *Не пори чушь!* — запротестовал иониец изменившимся, скрипучим голосом. — *На «Смуглой леди» не хватит места, к тому же от меня там никакой пользы, так что…*

— *Говорят тебе, заткнись,* — невозмутимо прервал его европеец и, подумав, прибавил: — *Дружище.*

Капитан подлодки избавился от петли на бечёвке и запустил реактивные двигатели.

В то же мгновение друзья вылетели наружу и очутились в сотне метров от вращающегося

корабля. Верёвка предельно растянулась под огромной тяжестью ионийца, однако порвать её было невозможно, как и сломить волю Манмута в этот миг. Его поле зрения застилали формулы сложных вычислений, Марс и звёзды по-прежнему менялись местами каждые полсекунды, но маленькому европейцу всё же удалось снова врубить двигатели на полную мощность и… вернуться к отсеку, где ожидала подлодка.

Корабль разваливался на глазах. Две тонны металла пролетели над головой Манмута в каких-то пяти метрах. Моравек поднатужился, продолжая запихивать друга в открытые двери, пока пузыри жидкого железа немилосердно бомбили помятый панцирь бедняги.

Для чего всё это?

Обшивка трещала по швам: судно рассыплется прежде, чем они доберутся до «Смуглой леди»…

— *Вот и отлично,* — пробормотал любитель Шекспира. — *Гора пришла к Магомету.*

— *Что?* — воскликнул Орфу на сей раз действительно перепуганным голосом.

Ах да, спохватился европеец. Кабельная связь.

— *Ничего. Держись, ладно?*

— *Интересно чем? Лично у меня не осталось ни рук, ни ног. Лучше уж сам держись за мой*

панцирь.

— *Хорошо,* — отозвался Манмут и запустил резервные двигатели. Он толкал, пинал и пихал друга.

Это помогло. В конце концов иониец занял полупустое грузовое отделение.

«Смуглая леди» покинула расползающееся чрево судна.

— *Прошу прощения,* — шепнул маленький европеец, отталкиваясь при помощи реактивного двигателя от умирающего корабля.

— *За что?* — поинтересовался Орфу.

— *Да так,* — вздохнул капитан. — *После расскажу.*

Непроглядный мрак грузового отделения успокаивал: по крайней мере Марс и звёзды больше не кружили голову до тошноты. Пристроив товарища в главной нише, Манмут активировал гибкие зажимы. Теперь иониец в относительной безопасности.

Ясно, что все трое, «Смуглая леди» и моравеки, в любом случае обречены закончить жизнь вместе — далеко не худший исход. Европеец подсоединил коммуникации подлодки к кабельной линии.

— *Ты вне опасности, старина,* — выдохнул он,

чувствуя, как ноют органические внутренности, и начал ощупью пробираться к дверям шлюза. Тот ещё действовал.

Собрав последние силы, капитан преодолел вакуумный коридор и захлопнул за собой люк. Линия связи потрескивала от помех. Системы корабля сообщали об ощутимых, но не роковых повреждениях.

— *Ты на месте?* — спросил маленький моравек.

— *А ты-то где?*

— *В своей каюте.*

— *Как наши дела, Манмут?*

— *В сущности, посудина разлетелась на куски. «Смуглая леди» более-менее цела, включая невидимую оболочку, датчики и манипуляторы по всему корпусу. Правда, я понятия не имею, как ими управлять.*

— *В смысле «управлять»?* — растерянно повторил Орфу. И тут до него дошло. — *Так ты по-прежнему намерен вторгнуться в атмосферу?*

— *А что, есть выбор?*

Исполинский краб задумался на целую секунду или на две.

— *Ну да, согласен,* — промолвил он наконец. —

Полагаешь, у тебя получится?

— *Даже не мечтаю,* — откликнулся Манмут почти жизнерадостно. — *Вот загружу всё программное обеспечение, оставленное Коросом III, и ты поведёшь дальше.*

Линия содрогнулась от уже знакомого грохота; любитель сонетов не сразу поверил, что его друг и в самом деле смеётся в такую минуту.

— *Ты, конечно же, шутишь. Я слепец. Выгорели не только глаза и камеры, но вся система оптики. Я полная развалина. Горстка мозга в разломанной корзинке для пикника. Скажи, что ты шутишь.*

Европеец выискал информацию по работе внешних дополнительных устройств — всего этого таинственного хлама. Затем включил камеры наблюдения и тут же отвернулся. Судёнышко по-прежнему нещадно кувыркалось, разве что Марс приблизился и заполнил экраны. Полярные льды — синее небо — льды — небо — кусок чёрного космоса — снова льды… У Манмута началось головокружение.

— *Ну вот,* — сказал он, завершив загрузку. — *Отныне я буду твоими глазами. Запрашивай любые данные по навигации, какие потребуются и какие я только смогу откопать. Твоё дело — стабилизировать «Смуглую леди» и довести*

полёт до конца.

На этот раз сомнений быть не могло: иониец и впрямь расхохотался.

— *Разумеется, дружище, почему бы и нет. Всё равно расшибёмся.*

Внешние двигатели перешли под управление Орфу.

15
Долины Илиона

Диомеда буквально несёт нелёгкая — точнее, огромная, вооружённая до зубов, сокрытая в облаке богиня лично везёт его на битву, управляя колесницей.

Я до сих пор не верю своим глазам. Сначала «подправленный» бессмертной рукой Тидид ранит Афродиту. Теперь же сам «возжигатель сражений» вынужден ответить на его вызов. *Aristeia* с божеством. Круто.

Ещё сегодня утром Арес дал Громовержцу и Афине слово пособлять грекам, однако, по своему обычаю, без предупреждения нарушил клятву, переметнувшись на сторону осаждённых под влиянием речей Аполлона и собственной вероломной натуры. Пару минут назад его тяжёлая длань оборвала жизнь Перифаса, сына Охезия. Убитый был самым лучшим воином в этолийских частях доблестной греческой армии. Бог войны с жадностью срывает с окровавленного тела богатые доспехи, но некое предчувствие заставляет мародёра поднять глаза. Афина оку-

тана маскировочным облаком тьмы. И хотя Арес должен понимать, что за туманом скрывается бессмертный, ему уже всё равно: главное, впереди ненавистный Диомед.

Бог войны бьёт первым. Разумеется, с нечеловеческой точностью. Копьё легко перелетает через головы коней, метя прямо в сердце жертвы. Рука Афины, показавшись из мрака, с той же лёгкостью отбивает удар. Арес изумлённо разевает рот. Наконечник из вольфрамового сплава без толку врезается в каменистый грунт.

Колесница проносится мимо; наступает очередь Тидида. Он перегибается через край и с размаху бросает бронзовое копьё, облечённое для мощности тончайшим слоем поля Планка. Полученная от Афины Паллады энергия позволяет оружию пронзить сперва силовой щит бога войны, затем узорно-медный пояс бога войны и, наконец, олимпийские внутренности всё того же бога.

Арес принимается кричать. Недавний вой Афродиты, потрясший землю, сейчас уже кажется шёпотом. «Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву», — пел об этом рёве Гомер. Теперь-то я понимаю, что слепец не

сгущал краски. Во второй раз за этот проклятый день обе армии забывают своё кровавое дело, повергнутые божественным шумом в простой человечий трепет. Даже благородный Гектор, по горло занятый жутко благородным делом — прорубиться клинком сквозь аргивскую плоть и умертвить медленно отступающего Одиссея, — прекратив натиск, оборачивается в сторону залитого ихором клочка земли, где вопит раненый Олимпиец.

Диомед соскакивает с колесницы, полный решимости добить поверженного. В этот миг, корчась от нестерпимой боли, бог сражений начинает расти, расплываться, преображаться, совершенно теряя человекоподобный вид. Воздух вокруг Диомеда, прочих греков и троянцев, боровшихся за труп несчастного Перифаса (тот распластался у их ног, всеми забытый), внезапно заполняется ошмётками грязи, обрывками ткани, кожи и тому подобной дрянью. Арес напоминает уже не огромного смертного, а… нечто иное. Чёрный вихрь плазменной энергии неистово дышит, извивается, беспорядочные всполохи статического электричества беспощадно лупят то по троянцам, то по аргивянам.

Диомед шарахается назад; ярость чёрного

циклона временно притупила даже его жажду крови.

Бог войны исчезает, квитируется на Олимп, придерживая рукой собственные кишки, чтобы не выпали. Поле брани замирает. Словно бессмертные вновь остановили время. Да только птицы по-прежнему летают, ветер дует, пыль оседает наземь. Нет, эта неподвижность порождена благоговением — ни больше ни меньше.

— Ты хоть раз в жизни видел что-нибудь подобное, Хокенберри? — раздаётся над ухом.

Вздрагиваю от неожиданности. Откуда здесь Найтенгельзер? Ах да…

— Нет, не видел.

С минуту мы молча смотрим, как окаменевшие фигуры «оттаивают» и с новой злостью возобновляют сражение. Заметив, что укутанная облаками Афина куда-то пропала из колесницы Диомеда, начинаю удаляться от своего товарища.

— Надо бы сменить облик и проследить, как там королевская семья на стенах Трои, — объясняю я прежде, чем исчезнуть.

И действительно видоизменяюсь, но лишь для того, чтобы не вызвать лишних подозрений. Затерявшись в клубах пыли и полной неразберихе сражения, быстро натягиваю Шлем Аида, акти-

вирую медальон и устремляюсь по квантовому следу за раненым Аресом. Сквозь искажённое пространство — на блистательный Олимп.

* * *

Однако телепортация выносит меня вовсе не на зелёные вершины божественной горы и даже не в Зал Собраний. Таинственное просторное помещение смахивает скорее на приёмный покой медицинской клиники двадцатого столетия, чем на интерьер любого из здешних зданий, где я побывал до сих пор.

Стерильную с виду комнату наполняют боги и ещё какие-то существа. От страха оказаться замеченным я не дышу почти минуту.

Вроде бы пронесло.

Арес корчится на столе типа операционного. Вокруг него снуют и хлопочут некие гуманоиды, а может, и роботы. Более странных, скользких, живых по наружности, но всё же *чужеродных* созданий мне не доводилось видеть даже в фильмах Спилберга. Одно из них подсоединяет капельницу, второе водит ультрафиолетовым лучом над изувеченным телом бога.

Брат Афродиты по-прежнему держит выпавшие внутренности обеими окровавленными

руками. Он страдает, он перепуган и унижен до предела. В общем, вылитый *человек*.

Вдоль белой стены тянется ряд высоченных (от двадцати футов) стеклянных баков; в каждом из них бурлит лиловая жидкость, плавают толстые нити и шланги, а также… бессмертные. Рослые, загорелые, безукоризненные тела в различной степени разложения — или восстановления, это как посмотреть. Я вижу растерзанные органы, белеющие кости, куски красного мяса, у кого-то из-под скальпа сверкает голый череп, от вида которого меня чуть не выворачивает наизнанку. Богов трудно признать, но в ближайшем баке плавает сама Афродита. Волосы медленно колышутся в лиловой жидкости, веки плотно сомкнуты. Обнажённая фигура — воплощённое совершенство, если бы не идеальная кисть, отсечённая от безупречной длани. Вокруг разорванных связок, сухожилий и кости вьётся клубок зелёных червей, не то пожирающих больную плоть, не то зашивающих рану, а может, и всё сразу. Я отвожу взгляд.

В помещение врывается Зевс. Громовержец стремительно проходит между медицинских мониторов без шкал и циферблатов, полуроботов, покрытых синтетической плотью, и младших

богов, которые почтительно склоняют перед ним головы, уступая дорогу. На миг владыка оборачивается и пронзительно смотрит на меня, сдвинув седые брови. Финита ля комедия.

Что будет сначала: оглушительный гром или испепеляющая вспышка?

Зевс отводит взгляд, по-моему, даже усмехается в усы, и тут же снова хмурится. Арес всё ещё дёргается на столе среди загадочных приспособлений и роботов, штопающих его раны.

Громовержец застывает напротив, скрестив руки на груди. Длинная тога ниспадает торжественными складками, голова склонена вперёд, борода тщательно расчёсана, брови, наоборот, косматы и угрюмы, открытая бронзовая грудь дышит божественной силой. Выражением лица Олимпиец напоминает скорее взбешённого директора школы, чем озабоченного папашу.

Арес нарушает молчание первым.

— Отец мой! — стенает он. — Или без гнева взираешь ты на такие злодейства? Мы — вечные боги и не ведаем смерти, но, разрази нас гром, терпим жесточайшие обиды, как только сотворим добро любому из паршивых людишек. А все наши собственные божественные разногласия. И что же? Как будто мало этих нанопридурков,

Олимпийцы должны сражаться ещё и с тобой, о владыка Зевс!

Покровитель сражений судорожно переводит дух и, передёрнувшись от боли, ждёт ответа. Молниевержец мрачно взирает исподлобья, словно обдумывает услышанное.

— А твоя Афина! — возмущается раненый. — Ты слишком многое позволяешь этой девчонке, о сын великого Крона. Лишь её, это зловредное чадо хаоса и разрушения, что вышло у тебя из головы, ты никогда не смиряешь ни словом, ни делом. И вот уж дошло до того: своенравная девица превратила троянца Диомеда в оружие против нас, богов!

Распалённый собственной речью, Арес яростно брызжет слюной. Мне по-прежнему видны голубовато-серые кольца кишок, плавающие в золотой крови.

— Сперва этот… *кратковечный* поразил Афродиту в запястье, пролив светозарный ихор. Помощники Целителя объявили, что на выздоровление потребуется целый день. Теперь же ненасытная натравила человека напасть на меня! На бога сражений! Представь, наноулучшенный наглец явил такую прыть, что, не будь я столь быстроног, неделю или две пускал бы

пузыри в лиловом баке! Но сначала долго извивался бы там, внизу, между страшными грудами трупов, мучился бы ещё свирепее, чем теперь, силясь подняться и падая вновь под медными ударами смертных — слабая, бездыханная тень, как в те наши старые дни на Земле…

— УМОЛКНИ! — рычит Зевс, и каждый бог и робот в ужасе леденеют на месте. — Хватит выть, ты, лживый, криводушный недоумок! Ты, жалкая пародия на смертного, не говоря уж об Олимпийце!

Арес моргает, открывает рот, однако не издаёт ни звука. Поумнел-таки, значит.

— Послушайте, как он плачет и ноет от пустяковой царапины! — Царственный Кронид разводит мощные руки и вздымает длань ввысь, будто готов одним усилием воли истребить бога войны без следа. — Ты… ничтожный лицемер, ненавистнейший из тех недостойных личинок, избранных сделаться богами в день Великой Перемены! Трусливый пёс, которому по сердцу одна лишь чёрная гибель да кровавая мясорубка жестоких сражений! Весь в мать твою, Геру, — такой же строптивый, необузданный злопыхатель! Та тоже, если уж что вобьёт в голову, то и мне, владыке, бывает тошно! Вздумала вон извести

ахейцев до последней живой души, и попробуй скажи ей слово поперёк!

Арес перегибается пополам, точно уязвлённый речами Громовержца в самое сердце. В действительности, я думаю, дело в неосторожном уколе шарообразного робота, который парит в воздухе прямо над раненым и штопает распоротое брюхо устройством, напоминающим карманную швейную машинку промышленной мощности.

Не обращая внимания на врачей, Кронид расхаживает по палате взад и вперёд, замирает в двух ярдах от меня и шагает обратно к столу, на котором страдает Арес.

— Надеюсь, ты и сейчас мучишься из-за того, что наслушался материнских внушений, *о бог войны!* — В голосе владыки звучит неприкрытая издёвка. — Эх, надо было бросить тебя, дурака, помирать.

Арес ошарашенно вскидывается.

— А ты как думал? — довольно хохочет Зевс, глядя на его глупое лицо. — Полагал, что мы не можем загнуться, если окажемся вдали от целебных баков? Можем, сынок, мы всё можем.

Бог сражений не знает, куда девать глаза. Машинка зашила внутренности и взялась аккуратно пристрачивать края мускулов и плоти.

— Доктора сюда! — грохочет Кронид.

Из-за булькающих баков тотчас является, шевеля сотней юрких многочленных лап, огромное существо-механизм, похожее на стоячую сороконожку. Пятнадцатифутовое сегментированное тело увенчано рубиновыми глазами навроде мушиных и затянуто ремнями, к которым в беспорядке пристёгнуты лоскуты пластыря, всевозможные устройства и живые органы.

— Но ты всё же моё дитя, — говорит Громовержец заметно потеплевшим голосом, глядя на болезненные гримасы Ареса. — Так же, как и я, — сын Крона. От меня порождён ты матерью на свет.

«Дитя» слабо поднимает руку, словно хочет нежно пожать ладонь отца. Зевс притворяется, что не заметил жеста.

— Поверь мне, Арес, — проникновенно продолжает владыка, — скажу тебе как на духу: если бы такая никчёмная дрянь — да выросла из чужого семени, корчиться бы ей в чёрных бездонных глубинах, куда я упёк ненавистных титанов.

Зевс властно указывает врачу на пострадавшего, поворачивается и выходит из приёмной палаты.

Я опасливо отступаю (младшие боги тоже), ко-

гда гигантский врач-насекомое поднимает Ареса будто пушинку и на пяти руках относит покровителя войны к незанятому баку. Как только лицо раненого погружается в бурлящую лиловую жидкость, бог обессиленно смыкает веки. Зелёные черви кидаются к нему из крохотных нор в стекле и с жадностью набрасываются на повреждённые божественные потроха.

Всё, пора уходить.

Квант-телепортации учишься быстро. Главное — отчётливо представить себе место, куда ты намерен отправиться. Я со всей ясностью воображаю университетский городок в Индиане конца двадцатого столетия, и… ничего не происходит. Испустив единственный, еле слышный вздох, мысленно рисую казармы схолиастов у подножия Олимпа.

Это — всегда пожалуйста. Медальон вмиг переносит меня к зелёной двери здания, выстроенного из красного камня.

Ужасно длинный был день. Всё, чего я хочу, — отыскать свою койку, скинуть боевое снаряжение и хоть немного прикорнуть. Пускай сегодня перед Музой отчитывается Найтенгельзер.

Словно прочитав мои мысли, хозяйка возникает в какой-то паре ярдов от алой лестницы.

К счастью, я ещё не снял Шлем Смерти. Муза прямо-таки взлетает по ступеням и врывается в казармы. Интересно, что это с ней? Мелета — или как её там — никогда не спускалась к нам, схолиастам. Наоборот, это мы возносились к ней на хрустальном эскалаторе. Таинственное изобретение Аида по-прежнему действует, так что я без страха следую за Музой в общее помещение.

— Хокенберри! — оглушительно визжит богиня.

На пороге одной из комнат появляется Бликс — молодой схолиаст из двадцать второго столетия, отпахавший ночную смену в долинах Илиона. Парень с довольно глупым видом протирает заспанные глаза.

— Где Хокенберри? — вопрошает хозяйка. — Я не слышала его доклада!

Бликс лишь разевает рот и беспомощно трясёт головой. Он вышел в чём спал — в широких боксёрских трусах и несвежей майке.

— Где Хокенберри? — нетерпеливо повторяет Муза. — Найтенгельзер сказал, будто бы за стенами Илиона, но там пусто. Кто-нибудь из дневной смены возвращался в казармы?

— Нет, богиня, — отвечает бедняга и низко склоняет голову в тщетной попытке соблюсти

приличия.

— Иди спать, — презрительно бросает хозяйка.

Затем выбегает наружу, зорко оглядывает склон и побережье, где сотни зелёных человечков тянут из карьера каменные головы, и квитируется прочь. Слышится тихий хлопок: это воздух устремился в пустоту.

Я мог бы проследить, куда отправилась Муза. Хотя, с другой стороны, зачем? Она, разумеется, хочет вернуть Шлем и медальон. Спохватилась, что без Афродиты меня теперь не изловишь, вот и паникует. Готов поспорить, никто, кроме этих двоих, понятия не имеет, какими игрушкам завладел шпион-схолиаст Хокенберри по воле богини.

А может, и самой хозяйке невдомёк, для чего я был нанят?

«Следи за Афиной… Убей Афину».

Непонятно. Пусть даже Зевс не погорячился, а высказал истинную правду и боги способны изведать Настоящую Смерть, по силам ли простому человеку совершить такое? Сегодня Диомед из кожи вон лез — и что? Отправил двоих Олимпийцев на больничный, к зелёным червям. Бр-р-р!

Сконфуженно качаю головой. Внезапно наваливается страшная усталость. А ведь прошли

всего лишь сутки с тех пор, как я поклялся противостать бессмертным. Какая чушь. Завтра, в это же время, Афродита сотрёт меня в порошок.

Куда теперь?

От богов надолго не спрячешься; при одном подозрении в подобной дерзости покровительница влюблённых, не задумываясь, выкроит себе новые подвязки из моих…

Можно квитироваться на поле битвы и позволить Музе отыскать себя. Это лучший выход. Снаряжение она, конечно, отберёт, зато есть надежда прожить до завтра, пока Афродита не вылезет из лилового бака.

Так чего мне терять?

Один день. Богиня любви плавает с червями; кроме неё, ни единая душа не обнаружит схолиаста Хокенберри. *Один день*.

Как ни крути, больше не выйдет.

Я знаю, куда отправиться.

16
Море южного полюса

В конце концов четвёрка всё-таки решила поесть.

Сейви скрылась в освещённом тоннеле на несколько минут и вернулась, держа на подносе горячие блюда с курятиной, подогретым рисом, перцем, приправленным карри, и тонкими полосками поджаренного на рашпере мяса молодого барашка. Путешественники, каких-то пару часов назад плотно подкрепившиеся в Уланбате, с восторгом накинулись на угощение.

— Никто не желает отдохнуть? — спросила хозяйка. — Можем переночевать здесь, у меня найдутся удобные спальни.

Друзья отказались, ведь в Парижском Кратере в это время едва перевалило за полдень. Даэман посмотрел вокруг, дожевал кусочек баранины, проглотил его и поинтересовался:

— А почему вы поселились в… Как ты его называл, Харман?

— Айсберг, — отозвался тот.

— Вот-вот. Зачем вы живёте в айсберге?

Женщина улыбнулась:

— Именно этот дом появился благодаря… назовём это старческой ностальгией. — Заметив напряжённый взгляд Хармана, она прибавила: — Я предавалась отдыху на одной горе, очень похожей на эту, когда Финальный факс ушёл без меня более десяти отмеренных вам жизней назад.

— А я думала, тогда сохранили всех до единого. — Ада вытерла пальцы о красивую рыжевато-коричневую салфетку. — Миллионы и миллионы человек старого образца.

— Не так много, дитя моё, — покачала головой хозяйка. — Нас оставалось чуть больше девяти тысяч. И насколько мне известно, никто из *тех* моих друзей не появился вновь после Пробела. Знаете, ведь вирус Рубикона перенесли только мы, евреи, у нас обнаружился иммунитет.

— Кто такие евреи? — полюбопытствовала Ханна. — Вернее, кем они были?

— Раса, которая существовала скорее в мышлении людей. Полуобособленная генетическая группа, появившаяся в результате нескольких тысяч лет культурной и религиозной изоляции. — Старуха умолкла и посмотрела на гостей. Лишь лицо Хармана отражало зачатки отда-

лённого понимания. — А, это не важно. Вечная Жидовка давно стала преданием, легендой. Значение забыто, слово сохранилось.

И она попыталась улыбнуться, но безо всякого веселья.

— Как же вы пропустили Финальный факс? — спросил загорелый мужчина. — И почему постлюди оставили вам жизнь?

— Я и сама веками задаю себе эти вопросы. Возможно, им потребовался… свидетель.

— Свидетель? — повторила Ада. — Чего именно?

— До и после факса на земле и в небесах столько всего изменилось, дитя моё. Вероятно, даже «посты» почувствовали, что кто-нибудь, пусть даже человек старого образца, должен оценить эти великие перемены.

Ханна изогнула бровь:

— О чём вы?

— Тебе это трудно понять, милая. И ты, и твои родители, и родители родителей твоих родителей живёте в мире, который на редкость постоянен, разве что за одними поколениями приходят другие. А те вещи, что я имею в виду, нелегко заметить за жалкую сотню лет, к тому же сидя на месте. Однако поверьте, Земля уже не та, ка-

кой её знали настоящие люди старого образца и даже ПЛ.

— Да? И в чём разница? — осведомился Даэман, не скрывая того, насколько мало его интересует ответ.

Ясные серые глаза старухи пристально уставились на собирателя бабочек.

— Например — мелочь, пожалуй, в сравнении с прочими фактами, однако для меня очень важная, — на свете больше нет евреев.

Хозяйка убедила товарищей избавиться от термокож.

— Они что, больше не понадобятся? — недоверчиво спросил Даэман.

— По дороге помёрзнуть, конечно, придётся, но мы выдержим. А потом холод закончится.

Когда друзья снова собрались в гостиной с ледяными стенами, Сейви явилась из соседних покоев в необычайно живописном виде. На ней были ещё более плотные штаны, крепкие и высокие ботинки, плащ с капюшоном на подкладке и низко надвинутая шапка. За спиной висел тяжёлый линялый мешок цвета хаки, а седые волосы старуха забрала в конский хвост. Ада никогда прежде не видела, чтобы женщины так одевались, и зрелище её просто околдовало. Девушка осознала, что

попадает под обаяние Вечной Жидовки.

Оказалось, Харман тоже впечатлён, правда, его больше привлекло странное оружие, по-прежнему прикреплённое к поясу хозяйки.

— Всё ещё думаете подстрелить кого-нибудь из нас?

— Нет, — откликнулась Сейви. — По крайней мере не сейчас. Видите ли, время от времени подворачиваются и другие мишени.

И спутники отправились к летучей машине. Да уж, помёрзнуть действительно пришлось, и ещё как! Зато внутри, под колпаком силового поля, товарищи быстро пришли в себя. Между Даэманом и Ханной зияла пустая вмятина. Заняв бывшее место Хармана, старуха провела по воздуху рукой, и подле рукоятки возникла голографическая панель управления.

— Эй, а это откуда? — возмутился недавний именинник.

— Я нарочно скрыла её, — пояснила хозяйка, — чтобы вы не пытались самостоятельно управлять аппаратом во время полёта. Ни к чему хорошему это не привело бы.

Она сжала рычаг. Диск низко загудел, подскочил сразу на семьсот — восемьсот футов, сделал полный переворот (сквозь невидимое

поле несчастным пассажирам показалось, что они падают в смертельные объятия чёрных вод и голубых коварных льдов), завернул влево и круто взмыл к звёздам.

Позже, когда соньер набрал приличную высоту и продолжал стремительно мчаться на северо-запад, девяностодевятилетний путешественник проговорил:

— А может он полететь туда? — Мужчина вытянул правую руку, ткнув пальцем в эластичное поле над собой.

— Куда? — рассеянно переспросила Сейви, потом оторвалась от голографических экранов и подняла взгляд. — К полярному кольцу?

Харман лежал на спине и не сводил глаз с кольца, ярко пылающего в чистом, разрежённом воздухе.

— Да.

Старуха покачала головой:

— Это же соньер, а не космическое судно. Так высоко ему не забраться. Кстати, что вам там делать?

Пожилой спутник пропустил последнюю фразу мимо ушей.

— А вы знаете, где можно раздобыть корабль?

Женщина снова улыбнулась. Внимательная

Ада подметила, насколько разные у неё улыбки: душевные, невозмутимые и другого рода — такие, как сейчас, полные колючего льда.

— Возможно, — промолвила Сейви тоном, предостерегающим от любых дальнейших расспросов.

— А вы правда встречали «постов»? — полюбопытствовала Ханна.

— Правда. — Старуха заговорила громче, дабы перекрыть гудение машины. — Встречала. Некоторых. Тех, что спускались на Землю.

— Ну и какие они? — Голос девушки дрогнул.

— Во-первых, все они были женщинами.

Харман поперхнулся:

— Серьёзно?

— Подозреваю, что мужчин среди них попросту нет. Трудно сказать почему: контролируемая эволюция…

— А их как-то звали? — справился Даэман.

Сейви кивнула:

— Та, которую я знала лучше всех… точнее, видела чаще других, носила имя Мойра.

— Какие они? — наседала Ханна. — Как выглядят и вообще?

— Парят, а не ходят, — загадочно поведала Вечная Жидовка. — Любят… любили закатывать

вечеринки для нас, людей старого образца. Изъясняться предпочитали туманными намёками, словно дельфийские оракулы.

С минуту путешественники молчали, лишь ветер злобно выл вокруг поликарбоновой обшивки и защитного поля. Наконец Ада нарушила тишину:

— И часто они сходили на Землю с колец?

Старуха вновь мотнула головой:

— Вовсе нет. Несколько чаще в последние годы перед Финальным факсом. Но я слышала, что в Средиземном Бассейне они оставили какие-то сооружения.

— В Средиземном Бассейне? — вмешался Даэман.

Сейви подняла уголки губ, и Ада распознала одну из её слегка ироничных улыбок.

— За тысячу лет до Финального факса «посты» осушили довольно крупное море на юге Европы — перегородили его между скалой под названием Гибралтар и краем Северной Африки, — а затем превратили в запретную территорию для нас, старомодных. Большая часть земель ушла под пахоту — так они заявляли, но мой друг успел-таки наведаться туда. Его, конечно, поймали и выдворили. То, что он увидел, проще всего окрестить

«городами». Если только…

— Что?

— Ничего, Ханна.

Харман полуприсел, опираясь на локти.

— Впервые слышу о подобных местах, — подумал он вслух. — Средиземный Бассейн.[13] Гибралтар. Или эта, как её… Северная Африка.

— Я знаю, вы обнаружили древние карты и некоторым образом научились читать по ним. Вам подсунули дешёвку. Старьё. «Посты» не доверили человечеству ни одной стоящей книги, лишь безобидную муру.

Загорелый мужчина опять нахмурился. Друзья продолжали полёт в молчании.

Соньер одним махом вынес их из объятий полярной ночи в послеполуденный свет; и теперь вместо сумрачного океана далеко-далеко внизу расстилалась суша. Небеса поголубели, полярное кольцо начало таять, а на севере появилось экваториальное. Высокие молочные облака иногда расступались, открывая вид на длинные, укутанные снегами горные пики, а то и заледеневшие долины. Сейви направила машину ближе к земле, на восток от острых вершин; диск со скоростью

---

[13] notes: 13

Очень странно: в главе 10 Харман говорит, что сам изучал это место.

молнии полетел в тысяче футов над дикими джунглями и зеленью саванн — так быстро, что маленькие точки, возникающие на горизонте, в мгновение ока вырастали в огромные горы.

— Это Южная Африка? — осведомился Харман.

— Когда-то была ею, — кивнула старуха.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что континенты порядком изменились с тех незапамятных времён, когда создавались ваши карты. И названия теперь тоже другие. К примеру, по вашим сведениям, Африка — единый материк, не так ли?

— Да.

— Уже нет.

Она коснулась голографического символа, повернула рукоять, и соньер полетел ещё ниже. Ада приподнялась на локтях и огляделась. Почти беззвучно, не считая свиста ветра над защитным пузырём, машина помчалась прямо над верхушками деревьев — саговников, исполинских папоротников и древних безлиственных пород. У рек и озёр подвижными расплывчатыми пятнами бродили гигантские животные с невообразимыми мордами и неторопливо жевали траву. Юная хозяйка Ардис-холла разглядела на их шкурах белые, бурые, красноватые и рыжие

полосы, но даже не пыталась определить, что же перед нею за существа.

Внезапно одно из стад в панике бросилось врассыпную: за ними погналось полдюжины тварей, отдалённо напоминающих птиц не менее восьми футов ростом, с пышными хохолками на уродливых головах и огромнейшими клювами. Перепуганные звери развили умопомрачительную скорость — где-то тридцать — сорок миль в час, — однако хищники давали все шестьдесят. Это же раза в четыре быстрее любой одноколки или дрожек, успела изумлённо прикинуть Ада, прежде чем диск улетел прочь.

— Кто… — начала Ханна.

— Кошмар-птицы, — пояснила Сейви. — *Фороракосы.* После Рубикона эрэнкашники несколько столетий измывались над дикой природой. «Посты» обещали убрать всю эту нечисть во время Великого Пробела, но, как водится, не сдержали слова.

— Эрэнкашники? — переспросила Ада.

Красноклювые «птички» и их жертвы остались позади. На западе паслись более многочисленные стада из более крупных животных, на которых охотились звери, похожие на тигров. Соньер взвился выше и повернул в сторону предгорья.

Старуха испустила усталый вздох.

— Художники по РНК. Подёнщики возрождения. Бунтовщики и шутники-оригиналы с подпольными синтезаторами, восстанавливающими резервуарами, а также… — Она посмотрела на хозяйку Ардис-холла, на её подругу, потом на мужчин. — Ладно, детки, забудьте.

Ещё пятнадцать минут машина летела над влажными джунглями, затем свернула на запад, к горной гряде, между острыми пиками которой плавали облака. Белая вьюга свистела вокруг соньера, однако защитный пузырь как-то ухитрялся держать стихию под контролем.

Сейви дотронулась до мерцающей картинки; машина замедлила ход, покружила и устремилась к опускающемуся солнцу, не меняя головокружительной высоты полёта.

— Ого! — вырвалось у Хармана.

Впереди, по обе стороны узкой седловины, где среди зелёных террас прятались древние развалины каменных стен без крыш, вздымались две острые зубчатые вершины, а между ними протянулся мост — тоже старинный, но, очевидно, моложе руин. Опоры его уходили глубоко в утёс, а оба конца, не заканчиваясь дорогами, упирались в голые скалы.

Соньер принялся выписывать над ним круги.

— Подвесной мост, — шепнул Харман. — Я читал о таких.

Юная хозяйка Ардис-холла, которой неплохо удавалось определять размеры на глаз, прикинула длину полотна: почти целая миля, только в нескольких местах обвалилось, и ржавые прутья арматуры ловили ветер в пустоте. Башни-двойники на вершинах гор (каждая футов под семьсот, по оценке Ады), хотя и сохранили пятна ярко-оранжевой краски, в основном были зелёными. Издали казалось, что их покрывает плющ, но потом друзья разглядели искусственную «растительность»: бутылочного цвета пузыри, винтовые лестницы и потоки некоего эластичного, блестящего, точно стекло, материала обволакивали башни и мощные подвесные тросы, колыхались на ветру над пропастью там, где обрушилось полотно. Белые облака срывались с острого пика и смешивались с туманными клубами, восстающими из глубоких каньонов, извиваясь и затягивая молочной дымкой южную крепость, а с нею — часть моста и тяжёлые канаты.

— Это место как-нибудь называется? — подала голос Ада.

Старуха коснулась нужного символа, и соньер

подлетел ещё ближе.

— Да. Золотые Ворота Мачу-Пикчу.

— И что сие значит? — полюбопытствовал Даэман.

— А я откуда знаю.

Машина описала круг и беззвучно приземлилась на край шершавого, ржавого остова твердыни, алеющего в ярком солнечном свете здесь, под пеленой облаков.

Силовое поле исчезло. Сейви кивнула, и друзья выбрались наружу, потягиваясь затёкшими телами, заозирались. Воздух был разрежённый и холодный. Даэман сразу же подошёл к металлическому краю и перегнулся вниз. Никакого страха перед высотой он, родившийся и выросший над Парижским Кратером, не испытывал.

— Я бы на твоём месте поостереглась, — заметила старуха. — Спасательные службы сюда не заглядывают. Если погибнешь вдали от факс-узла, останешься мёртвым навсегда.

Молодой мужчина отшатнулся, едва не свалившись на спину:

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказала. — Сейви перебросила дорожный мешок через правое плечо. — Лазареты здесь не попадаются. Постарайтесь прожить

до тех пор, пока мы не вернёмся.

Ада подняла взор к высоким голубым небесам, где медленно вращались кольца:

— А я-то думала, «посты» могут факсовать нас откуда угодно, если мы… попадём в беду.

— На кольца, — бесцветным голосом произнесла Вечная Жидовка. — В исцеляющий лазарет.

— Да, — почему-то смутилась девушка.

Сейви помотала головой:

— На кольцах нет лазарета. И отнюдь не ПЛ забирают вас на лечение, когда что-то случается. Всё это миф. Пропаганда. Проще говоря, дерьмо свинячье.

Харман разинул рот, однако Даэман опередил его.

— Я только что оттуда, — возмутился он.

— О да, из лазарета, — кивнула старуха. — Но не с колец. К тому же исцелили тебя не «посты». Им уже давно плевать на вас. Кстати, я не уверена, что они вообще там, наверху.

Четвёрка задумчиво стояла на самой вершине проржавевшей башни, в пяти сотнях футов над разбитым полотном подвесного моста и почти восьми сотнях — над зелёной седловиной и каменными развалинами. Ветер, налетающий с высоких пиков, нещадно дул в лица и трепал

волосы путешественников.

— Когда мы справляем Последнюю Двадцатку, то отправляемся к постлюдям… — слабым голосом промолвила Ханна.

Сейви расхохоталась. А затем тронулась вперёд, к стеклянному шару неправильной формы на западной стороне башни.

Они миновали крупные чертоги, комнаты поменьше, прихожие и коридоры, спускались по лестницам, и Ада всё удивлялась, почему это небеса, апельсиновые башни, подвесные тросы и мост начисто лишены зелёного оттенка: полупрозрачный материал умудрялся пропускать солнечный свет без искажений.

Сейви повела своих спутников куда-то вниз, из одного жилого отсека в другой, из одной части раздвоенной башни в другую, причём тонкие трубы между ними ни разу не качнулись под напором сильного ветра. Некоторые из комнат пустовали, прочие же являли взорам необычные артефакты: то внушительный ряд звериных скелетов на фоне гор, уходящих в небо, то модели каких-то машин, то плексигласовые кубы с окаменелостями неведомых существ, жутковато смахивающих на гуманоидов, то выцветшие голограммы звёзд и колец, которые налетали на

незваных гостей и беспрепятственно перемещались сквозь их тела.

— Куда это мы попали? — осведомился Харман.

— Что-то вроде музея, — ответила старуха. — Полагаю, львиной доли важных экспонатов недостаёт.

— А кто его создал? — вмешалась Ханна.

Вечная Жидовка пожала плечами:

— Уж точно не «посты». Хотя не знаю. Зато я уверена, что этот висячий мост — или его оригинал, потому что перед нами скорее всего модель, — когда-то находился в городе Потерянной Эпохи, на бывшем западном побережье северного материка. Ты когда-нибудь слышал об этом, Харман?

— Нет.

— Значит, мне пригрезилось, — уныло усмехнулась она. — Память иногда выкидывает подобные шутки, особенно после нескольких веков, проведённых во сне.

— Разве такое бывает? — спросил Даэман, как показалось Аде, излишне грубо.

Женщина вывела друзей в комнату, полную загадочных предметов, напоминающих гробы из хрусталя.

— Бывает. А вот здесь погружали в нечто по-

хожее на криоспячку, только без применения холода. Глупо звучит, конечно, ведь «крио» с самого начала переводилось как «лёд». Часть этих коконов до сих пор действует, останавливает перемещение молекул. Им не нужен холод, действует какая-то микротехнология, питающаяся от моста.

— От моста? — удивилась Ада.

— Так ведь вся эта система работает на солнечной энергии. По крайней мере её зелёная оболочка.

Юная хозяйка Ардис-холла посмотрела на пыльные хрустальные ящики, попыталась представить, каково в них спать, ожидая пробуждения… Сколько? Годы? Декады? Столетия?.. Она поёжилась. В тот же миг поймала на себе проницательный взгляд Сейви — и вспыхнула от смущения. Но старуха одарила её улыбкой. Искренней и весёлой.

Войдя в новое помещение, путешественники остолбенели в испуге. Им померещилось, что они угодили в гостиную, битком набитую людьми. Мужчины и дамы в причудливых нарядах стояли по углам, сидели за столами, следили за контрольными панелями. Никто из них и глазом не моргнул при виде новоприбывших.

Собиратель бабочек подошёл к ближайшему человеку, облачённому в пыльный синий костюм с непонятным куском ткани на шее, и осторожно дотронулся до его лица.

— Они не настоящие.

Пятёрка принялась ходить между фигурами, дивясь на затейливые причёски, замысловатые татуировки, необычайные украшения, крашеные пряди волос и разрисованную кожу.

— Я читал, что когда-то сервиторы имели вид людей… — начал девяностодевятилетний путешественник.

— Это не роботы, — возразила Сейви. — Всего лишь манекены.

— Что? — не понял Даэман.

Старуха объяснила странное слово.

— А тебе известно, кого они изображают? — поинтересовался Харман. — И зачем собраны здесь?

— Нет.

Вечная Жидовка отошла в сторону, давая спутникам возможность вдоволь насмотреться.

В дальнем конце чертогов, в стеклянном алькове, на кресле из резного дерева, обитом кожей, исследователи обнаружили сидячую статую мужчины. С первого взгляда было заметно, что

если бы он встал, то оказался бы ниже любого манекена в комнате. Его рыжевато-коричневое одеяние напоминало короткое, перехваченное поясом платье из грубого хлопка или шерсти, а на ногах красовались примитивные сандалии. Фигура могла бы вызвать улыбку, однако её черты — коротко остриженные седые кудри, ястребиный нос и пронзительные серые глаза под тяжёлыми бровями — внушали невольное почтение. Изумительно выполненные мускулистые руки покрывало такое количество шрамов, короткие пальцы с такой властностью сжимали подлокотники, да и всё изваяние излучало столько сокрытой мощи — причём не одного лишь тела, но и внутренней воли, — что хозяйка Ардис-холла замерла на месте за шесть футов до скульптуры. Мужчина выглядел старше, чем обычно выбирали люди в его летах — солиднее Хармана, однако всё-таки моложе Сейви. Низкий вырез туники открывал широкую, бронзовую от загара грудь, заросшую седеющими волосами.

Даэман вышел вперёд.

— А я знаю этого парня. — Он ткнул пальцем. — Видел его прежде.

— В туринской драме, — поддакнула Ханна.

— Точно, точно. — Коллекционер защёлкал

пальцами, напрягая память. — И звали его…

— Одиссей, — представился мужчина. Потом поднялся из кресла и шагнул навстречу ошарашенному Даэману. — Одиссей, сын Лаэрта.

17
Марс

— *Она уже успокаивается,* — промолвил Манмут. — *Примерно один оборот за три секунды. Тряска и отклонения от курса снизились до нуля.*

— *Попробуем выровнять полёт,* — отозвался его товарищ. — *Скажи, когда полярная шапка появится на перекрестие радара.*

— *Ладно… Нет, оно движется… Тьфу ты. Что за фигня?*

Он попытался установить положение размытого белого пятна в голубом океане, но снежный буран летающих обломков и шаров плазмы сбивал его с толку.

— *Это точно,* — согласился Орфу. — *Я настоящая фигня.*

— *Да я не про тебя.*

— *Знаю. Зато я про себя. Веришь ли, половину библиотеки не пожалел бы, лишь бы вернуть хоть один из шести глаз.*

— *Мы подключим тебя к какой-нибудь камере,* — успокоил его европеец. — *Дьявольщина, опять кувыркаемся.*

— Пусть так и будет, пока не войдём в атмосферу. Побережём горючее и энергию. И кстати, по поводу моего зрения — тут уж ничем не поможешь. Пойми, я смотрел прямо на вспышку. Каналы сожжены вплоть до органики. От оптических нервов осталась горсть пепла.

— Мне очень жаль, — сказал Манмут.

Он чувствовал себя прескверно, и не только из-за безумной тряски. Спустя минуту хозяин «Смуглой леди» заговорил снова:

— Вода, воздух и реактивное горючее истощаются слишком быстро. Думаешь, нам обязательно падать вместе с этой кучей обломков?

— Так больше шансов, — отвечал иониец. *— Ни один радар не отличит нас от прочего мусора.*

— Радар? Да ты видел, кто нас атаковал? Колесница, чтоб ей! Полагаешь, на колесницах бывают радары?

Орфу откликнулся рокочущим смехом.

— Видел ли я? Не сомневайся, Манмут! Это было последнее зрелище в моей жизни. Люди-переростки посылают молнию, способную стереть в порошок одну треть космического корабля, включая Короса и Ри По. Не уверяй меня, что простые колесницы каждый день разъезжают в открытом вакууме. Не-а. Здесь пахнет какой-то

каверзой. И мне это не нравится.

Капитан не нашёлся что ответить. Бесконечная тряска и перевороты страшно действовали ему на нервы, однако все вокруг подлодки крутилось вместе с ней и стучало в борта. Значит, выхода нет, верно?

— *Потолкуем о сонетах?* — предложил Орфу.

— *Измываешься, гад?* — Моравеки питали слабость к древней нелитературной речи: чем нелитературнее, тем лучше.

— *Ага,* — подтвердил иониец. — *Я гад, и я именно измываюсь. Как ты догадался, дружище?*

— *Э-э, постой-ка. Мусор начинает раскаляться. Как и мы. Ионизация ускоряется.*

Ровное звучание собственного голоса порадовало европейца.

Крупные куски распавшегося корабля разогрелись докрасна, и нос подлодки тоже подрумянивался. Внешние датчики наперебой сообщали о стремительном скачке температуры. «Смуглая леди» входила в атмосферу.

— *Пора выровнять нашу траекторию.* — Гигантский краб обработал данные, полученные от систем лодки, взялся перенастраивать гироскопы и поджигать двигатели, извлекая всё, что можно, из информации, оставленной Коросом. — *Ну как,*

уже легче?

— Не совсем.

— Нельзя ждать. Я собираюсь развернуть эту жестянку, прежде чем мы поджаримся.

— Эту жестянку зовут «Смуглая леди», и она ещё может спасти наши шкуры, — холодно проронил Манмут.

— Ладно, ладно. Скажи мне, когда край планетарного диска над полюсом окажется в центре монитора на корме. Тогда и выправим полёт. Боже, чего бы я только не отдал за глаз! Прости, в последний раз вырвалось.

Капитан бросил взгляд на экраны. С неба сыпались сияющие осколки того, что некогда являлось космической посудиной и двумя её пассажирами. Единственным, что маячило сквозь эту густую тучу, где безнадёжно затерялись даже маленькие спутники, был сам Марс — оранжево-красно-буро-зелёная тыква, заполнившая собой все мониторы. Перекрестие радара, за которым следил европеец, резко подпрыгнуло вверх, потом ещё раз, пересекло затянутое облаками побережье, лазурные волны, попало на белый участок…

— Готово, — доложил хозяин подлодки. *— Полярная шапка в середине.*

— Отлично.

Двигатели яростно загудели.

Корма раскалялась всё ярче.

— *Корос III рассчитывал с помощью носовых реактивных двигателей затормозить судно и отбросить их до столкновения с атмосферой,* — сообщил Манмут.

— *А я намерен сохранить те, что помощнее.*

— *Зачем?*

— *Увидишь.*

— *Но они же могут взорваться от перегрева?*

— *Да, могут,* — хмыкнул Орфу.

— *А есть шанс, что мы развалимся, когда они заполыхают?*

— *Ещё какой,* — отозвался краб. И запустил реактивные двигатели.

Подлодку заколотило как в ознобе. Шум моторов нарастал. Маленького европейца вдавило в сиденье. Спустя полминуты всё прекратилось. Кольцо контроля высоты с глухим ударом отделилось от «Смуглой леди».

Мимо носовой камеры пронёсся огненный шар; теперь она показывала задний вид, ибо путешественники влетели в атмосферу кормой вперёд.

— *Ударимся, непременно ударимся…* — На сей раз любитель Шекспира уловил тревожные нотки в своём голосе. Впервые в жизни его ждал

плотный воздух. При мысли о тесно подогнанных друг к другу молекулах кислорода маленького европейца затошнило ещё сильнее. — *Итак, отброшенные ступени белеют и вспыхивают. Наша корма начинает раскаляться. Реактивные двигатели на носу — тоже, но пока не так серьёзно… Ух ты. Мы с тобой словно угодили в метеоритную бурю.*

— *Хорошо, дружище. Теперь держись.*

Всего лишь пару тысячелетий назад Марс не мог похвастать солидной атмосферой: что значат какие-то восемь миллибар диоксида углерода по сравнению с тысячью четырнадцатью миллибар на уровне земного моря? И вот буквально за одно столетие таинственный, недоступный пониманию моравеков процесс преобразил планету до неузнаваемости, в том числе уплотнив здешний кислород до вполне пригодных для дыхания восьмисот сорока миллибар.

Падение космического судна происходило точно так, как описывал Манмут. Останки, самые крупные из которых весили несколько метрических тонн, осыпались на Марс метеоритным ливнем. Пламенные шары прочерчивали в бледно-голубых небесах ослепительные дуги, а грохот мощных звуковых ударов сотрясал мирную ти-

шину северного полушария. Полярные льды озарило сияние сотен «жар-птиц», умчавшихся на юг через море Фетиды, оставляя за собой длинные хвосты распылённой плазмы. Именно это ощущение осмысленного полёта, а не простого падения, придавало необыкновенному зрелищу подлинно жуткий вид.

Осколки поменьше — достаточно большие, чтобы не сгореть при вторжении в атмосферу, однако отклонившиеся от курса под влиянием плотного воздуха, — с плеском обрушивались в океан в восьмистах километрах южнее полюса. Если бы в этот миг кто-нибудь посмотрел на планету из космоса, ему почудилось бы, что невидимое божество зачем-то расстреливает Марс непомерно огромными трассирующими снарядами.

Одним из таких снарядов была «Смуглая леди». её трясло и вращало, позади стелился внушительный хвост из плазмы, супершпионское покрытие испарилось без следа. Внешние антенны и датчики испепелились. Потом корпус начал обугливаться, покрываться трещинами и расслаиваться.

— *Э-э… я тут подумал о парашютах…* — заикнулся Манмут, прикованный к сиденью.

При высадке на планету Корос III намеревался

задействовать их на высоте пятнадцати километров и мягко опуститься на поверхность моря; об этом знал даже маленький европеец. Кстати, последний взгляд сквозь наружные камеры — перед тем, как они тоже сгорели — убедил его, что волны океана *гораздо* ближе и надвигаются *очень* быстро.

— *Не сейчас,* — просипел Орфу. В отличие от приятеля, иониец находился не в капитанском кресле, приспособленном для подобных перегрузок, и ему явно было не по себе. — *Лучше скажи, какая там на радаре высота?*

— *Радар накрылся.*

— *А сонар?*

— *Сейчас попробую включить.*

Поразительно, однако прибор действовал. До приземления (в смысле — до приводнения) оставалось восемь тысяч двести — нет, уже восемь тысяч — точнее, семь тысяч восемьсот метров. Хозяин «Смуглой леди» передал информацию другу и вежливо прибавил:

— *Может, пора открыть парашюты?*

— *Сомневаюсь, что прочие обломки оснащены такими же.*

— *Нет. А при чём тут?..*

— *Ты ведь не мечтаешь засветиться на всех*

датчиках?

— *На каких ещё датчиках?* — рявкнул Манмут. Он, конечно же, сразу понял, о чём речь. И всё же… — *Высота — пять тысяч метров. Скорость — три тысячи двести кликов в час. Мы и впрямь желаем поднять столько брызг?*

— *Не совсем,* — отозвался краб. — *Если б мы и пережили столкновение, то зарылись бы кормой в ил по самое… Вроде бы ты упоминал, что здешние глубины не превышают сотен метров?*

— *Я.*

— *Значит, придётся развернуть судно.*

— *Что-о?!*

В тот же миг европеец услышал. Сработали тяжёлые двигатели, зажужжали — или, скорее, заскрежетали — гироскопы.

«Смуглую леди» заколотила безумная лихорадка, нос и корма снова поменялись местами, лютый встречный ветер сорвал с обшивки последние уцелевшие датчики, а мощные толчки искалечили дюжину внутренних отделений. Системы тревоги дружно завыли, так что любителю Шекспира пришлось просто вырубить их.

Теперь, когда нос оказался впереди, передние камеры неожиданно проснулись и явили глазам капитана поднятый обломками фонтан. (Если это

слово подходит для описания двухкилометровых столбов пара и плазмы.) Манмут понял: спустя мгновения подводную лодку постигнет та же участь. Поделившись с другом впечатлениями, он смиренно попросил:

— *Может, парашюты? Пожалуйста?*

— *Нет,* — отрезал Орфу. И запустил главные ступени — те, что должны были отделиться и погибнуть ещё при вторжении в атмосферу.

Ремни, удерживавшие капитана в кресле, натянулись до отказа. Эх! Где тот упаковочный гель, которым так предусмотрительно заполнили подлодку на взлёте? Вокруг дрожащего судёнышка молниеносно взметались чудовищные коринфские колонны пара. Голубой океан заполнил все экраны. Ступени с рёвом вращались, замедляя сумасшедший полёт «Смуглой леди». Но вот огонь прекратился, и они, отделившись, умчались в атмосферу. Водная гладь угрожающе мерцала километром ниже: на взгляд маленького европейца, она мало чем отличалась от жёстких льдов его родной планеты.

— *Парашю…* — Он уже визжал от страха. И не стыдился этого.

Вверху раскрылись два огромных купола. В глазах у Манмута покраснело, затем потемнело.

Судно ударилось о поверхность моря Фетиды.

— *Орфу? Эй, Орфу?* — позвал моравек в жуткой тиши неосвещённой каюты, одновременно пытаясь восстановить связь с системами жизнеобеспечения.

Каюта была цела и невредима. Даже кислород исправно поступал по вентиляции. Невероятно. Внутренние часы сообщили: после столкновения прошло три минуты. Скорость корабля — ноль метров в час.

— *Орфу!*

— *Гррр-ааа-уххх!* — пророкотала линия. — *Что, уже и вздремнуть нельзя?*

— *Как ты?*

— *Спроси лучше, где я. Из ниши меня выбросило, и ежели вокруг всё ещё «Смуглая леди» — хотя не убеждён, — значит, корпус проломлен. Здесь вода. Солёная. Погоди-ка, может, я просто описался?*

— *Но я же тебя слышу,* — возразил Манмут, решив не обращать внимания на заключительные слова. — *Стало быть, ты на месте. О, сонар начал выдавать информацию. Мы зарылись в ил, неглубоко, на метр. До поверхности — метров восемьдесят.*

— *А вот интересно, на сколько кусков меня разломало?* — прикинул иониец.

— Оставайся там, — велел капитан. *— Я сейчас отключу связь и спущусь за тобой. Не двигайся.*

Орфу разразился трескучим смехом:

— Это ты мне, старина? А как бы я пошевелился? Когда манипуляторы и двигатели благополучно отправились в те края, куда все мы уходим после смерти… Я краб, потерявший свои клешни. И даже не уверен по поводу панциря. Манмут… Постой!

— Что ещё? — Европеец выпутался из защитных ремней и уже отсоединял шланги с кабелями виртуального управления.

— Если… ну, каким-то чудом… ты до меня доберёшься… Представим, что коридор внутреннего сообщения не расплющился при ударе и двери отсека не спаяло намертво, не покорёжило и не заклинило… что дальше-то?

— Сперва посмотрю, как ты. — Хозяин лодки пожал печами, отрывая от себя видеовходы, тем более что мониторы всё равно покрыла тьма.

— Нет, ты подумай, старина. Допустим, ты меня вытащил и я не распался у тебя на руках. А потом? Коридоры «Смуглой леди» не рассчитаны на такую громадину, как я. Каюта капитана — тоже. Цепляться за обшивку нечем, будь она неладна! Ты ведь не потащишь гигантского кра-

ба на себе, топая по морскому дну ближайшую тысячу кликов, а?

Товарищ замешкался с ответом.

— *Я ещё функционирую,* — продолжал иониец. — *По крайней мере общаюсь. Представь себе, кислород ещё течёт по жилам и в запасе есть кое-какая электроэнергия. Мы уже сообразили, что я по-прежнему в грузовом отделении, хоть оно и затоплено. Так почему бы тебе не запустить лодку и не отвезти нас в более удобное место для личной встречи?*

Манмут переключился на внешний воздух и сделал несколько глубоких вздохов.

— *Ты прав,* — промолвил он наконец. — *Давай поглядим, что к чему.*

«Смуглая леди» умирала. Маленький европеец прослужил на подлодке сотню с лишним земных лет, наблюдал за всеми её трансформациями, усовершенствованиями, и давно убедился: это не судно, а настоящая крепость. Ей ничего не стоило выдержать давление в метрические тонны на квадратный сантиметр или, к примеру, тяготение в три тысячи g. Однако и самая крепкая система не бывает сильнее своего слабейшего звена. Злополучная энергетическая атака марсиан превзошла допустимые перегрузки, и вот вам,

пожалуйста.

Корпус покрыли опасные разломы и непоправимые ожоги. Нос зарылся в ил и упёрся в жёсткое дно, наружу из грязи торчала лишь часть кормы. Обшивка покоробилась до неузнаваемости, двери наглухо заклинило, десять из восемнадцати резервуаров с балластом получили повреждения. Коридор между капитанской каютой и грузовым отсеком частично обрушился и был залит водой. Две трети шпионской невидимой оболочки обгорели, захватив с собой в небытие все наружные датчики. Три сонара вышли из строя, а четвёртый работал только в одном направлении. Маршевые двигатели, а также пульсаторы маневрирования вообще не стоили доброго слова.

Но ещё большее беспокойство вызывало у Манмута состояние энергетических систем. Таинственное оружие повредило реактор, и тот сохранил всего лишь восемь процентов обычной мощности. Аккумуляторные ячейки перешли на использование резервного тока. В принципе его хватило бы, дабы поддержать необходимый минимум обеспечения; беда в том, что питательный конвертор приказал долго жить, да и пресной воды оставалось на пару дней.

Однако самое ужасное — отказал конвертер

кислорода. Топливные батареи прекратили производить воздух. На «Смуглой леди» имелись и внутренние запасы, правда, без пополнения они истощатся за день-два. Капитан искренне надеялся, что раз уж иониец месяцами трудился в условиях полного вакуума, то такая мелочь, как отсутствие кислорода, не слишком ему повредит. И всё же… не стоит спрашивать об этом прямо сейчас.

Тревожно пищали датчики систем искусственного интеллекта. Единственное, что ещё спасло бы подлодку, — это целый месяц, проведённый в ледяных доках на Хаосе Конамары в обществе дюжин старательных мастеров-моравеков. В противном случае дни «Смуглой леди» — любые дни, хоть земные, хоть марсианские, хоть европейские — были сочтены.

Не теряя контакта с молчаливым другом (больше из страха, что тот вздумает отдать концы без предупреждения), Манмут запустил на поверхность буй перископа, после чего поделился с ионийцем самой оптимистичной информацией, какую сумел собрать. Он мог бы просто «скинуть» все невизуальные сведения, однако предпочёл пересказать собственный вариант, а заодно разговорить приятеля.

Поплавок имел крохотные размеры и уложился бы в ладони европейца, но зато внутри размещалась целая уйма видео— и прочих датчиков.

— *Хорошие новости,* — бодро промолвил капитан.

— *Консорциум Пяти Лун выслал спасательную экспедицию,* — ухмыльнулся товарищ.

— *Ну… не настолько хорошие. Буёк в порядке. Мало того, позиционирующие и коммуникационные сателлиты, запущенные Коросом и Ри По, до сих пор целы. Странно, почему те… люди, что нас атаковали… не уничтожили их на месте.*

— *Ветхозаветный божок и его подружка?* — уточнил Орфу. — *По-твоему, они должны разбираться в комсатах?*

— *Я бы сказал, тут попахивает античностью, а не Ветхим Заветом,* — отшутился Манмут. — *Хочешь дослушать?*

— *А как же.*

— *Сателлиты докладывают, что мы в южных пределах области Долины Хриза, это в северном океане, за триста сорок километров от побережья Ксанте Терра. Большая удача. В этих краях Асидалия и Море Хриза образуют нечто вроде гигантского залива. Сверни мы чуть западнее, на пару сотен кликов, — угодили бы в холмы Тэмпе*

Терра. То же самое на восток — Арабия Терра. Задержись мы в воздухе ещё на несколько секунд…

— …и стали бы частичками, распылёнными в верхних слоях атмосферы, — подытожил иониец.

— Точно. Зато теперь, если вытащить «Смуглую леди» из тины, можем направиться, куда пожелаем. Хоть в дельту Долины Маринера.

— Вы с Коросом III должны были приземлиться в другом полушарии. Ваша миссия заключалась в том, чтобы провести разведку и доставить прибор к Олимпу. Скажешь, подлодка в состоянии обогнуть полуостров Тэмпе Терра?..

— Нет, — признал капитан.

Честно говоря, он почёл бы за истинное чудо, если бы «Смуглая леди» подержалась и не рассыпалась до ближайшего берега, но сию минуту ему как-то не хотелось распространяться об этом.

— Есть ещё добрые вести? — полюбопытствовал Орфу.

— Ну… ещё здесь отличная погода. Вся вода в пределах видимости буйка — жидкая. Волны слабые, не выше метра. Голубое небо. Температура воздуха — за двадцать…

— Нас разыскивают?

— Прошу прощения?

— Эти самые… люди… что напали на корабль? Они нас ищут?

— А, да. Пассивные радары засекли несколько летающих машин…

— Колесниц.

— …несколько машин, которые носятся над морем, обследуя тысячи квадратных километров в районе падения обломков.

— Ищут, — мрачно проронил краб.

— До сих пор ни единого радара не обнаружено. Во всех спектрах — полный штиль…

— Они обнаружат нас, Манмут? — бесцветным голосом изрёк иониец.

К чему обманывать верного друга?

Капитан помедлил и неохотно выдавил:

— Возможно. Особенно если у них имеется похожее на наше оборудование. Только это вряд ли. Как я понимаю, они просто… смотрят. Глазами. В крайнем случае прощупывают окрестности магнитометрами.

— И всё же на орбите нас выследили с лёгкостью. Почуяли.

— Да.

Никто не сомневался: пассажиры колесницы обладали некой системой слежения, позволявшей видеть противника аж за восемь тысяч

кликов.

— *Ты втянул буй обратно?*

— *Разумеется,* — отозвался Манмут.

Друзья помолчали. В наступившей тишине стало слышно, как потрескивает повреждённый корпус, негромко шипит вентиляция да глухо стучат и гудят насосы, тщетно пытаясь откачать воду из затопленных отделений.

— *Знаешь, у нас несколько преимуществ,* — начал маленький европеец. — *Во-первых, по волнам сейчас плавают тонны и тонны космического мусора и радиус пятна довольно широк.*

Во-вторых, «Смуглая леди» зарылась носом в ил, а на корме по-прежнему болтаются лохмотья шпионской оболочки. В-третьих, наши запасы энергии смехотворны и радарам их не засечь. В-четвёртых…

— *Ну-у?* — подбодрил его товарищ.

Капитан как раз задумался об истекающих запасах энергии, а заодно воды и воздуха, плюс ко всему его одолевали сомнения насчёт реактивной системы.

— *В-четвёртых, им неизвестно, зачем мы здесь.*

— *Нам бы самим это узнать, старина,* — хмыкнул Орфу.

С минуту они не общались. В конце концов иониец изрёк:

— Ты прав, дружище. Если в течение ближайших часов нас не обнаружат, надежда есть. Но… ты ничего не скрываешь?

Манмут замялся.

— Тут… небольшая проблема с воздухом.

— А что такое?

— Мы его больше не производим.

— Что ж. Это серьёзно. И сколько у нас в запасе?

— Около восьмидесяти часов. Я имею в виду, для обоих. В два с лишним раза больше, если брать в расчёт только меня.

— Только тебя? — Линия невнятно загромыхала. *— Уж не собираешься ли ты наступить на мой кислородный шланг, старина? Знаешь, моя органика тоже должна дышать.*

На мгновение маленький европеец лишился дара речи.

— Э-э… Я думал… Ты ведь вкалывал в вакууме, и мне казалось…

— Верно. Я могу проводить месяцы на заданиях, не прибегая к посторонней помощи. Весьма удобно, когда твои топливные ячейки сами производят воздух, срабатывая от фотоэлек-

трической дуги.

У капитана отлегло от сердца. Теперь они точно протянут.

— Вот только мне больше нечем производить фотоэлектрическую дугу, — мягко прибавил Орфу. *— И кислорода я не выделяю с той самой минуты, как наш корабль полетел в тартарары. Сжигаю ресурсы подлодки. Ты уж извини, Манмут.*

— Послушай, — стремительно и властно вмешался тот, *— я и не думал дышать в одиночку. Это всё ерунда. По моим расчётам, если так пойдёт и дальше, мы продержимся восемьдесят часов. А ведь можно и сократить потребление. Моя каюта заполнена воздухом, а зачем? Я прикажу откачать его обратно и законсервировать. Кончатся запасы — всплывём на поверхность. Надеюсь, нас уже перестанут искать к тому времени.*

— А ты уверен, что сможешь вытянуть свою красавицу из ила? — усомнился иониец.

— На все сто, — не моргнув, солгал собеседник.

— Тогда лично я предложил бы залечь на дно… скажем, на три марсианских дня, часа на семьдесят три. Затем проверить, отозвали они поисковую группу или нет. Можно также засечь

их последнее появление на нашем радаре и подождать двенадцать часов. Смотря что случится раньше. Хватит нам ресурсов до тех пор?

Европеец посмотрел на виртуальную панель управления: половина лампочек не горела, другая тревожно мигала красным светом.

— Семьдесят три часа — срок немалый. С другой стороны, если они уберутся раньше, сразу поднимаемся и рвём к берегу. При нынешней мощности реактора «Смуглая леди» способна разогнаться до двадцати узлов. Дня за полтора по — любому доберёмся до суши. Это если не привередничать по поводу того, куда плыть.

— Да уж, не до жиру, — согласился краб. *— Итак, судя по всему, главная опасность, которая грозит нам в ближайшие дни, — это загнуться со скуки. Может, в картишки перекинемся? Виртуальная колода с собой?*

— Спрашиваешь! — просиял Манмут.

— Ты ведь не облапошишь бедного слепого моравека? — вкрадчиво поинтересовался Орфу.

Капитан, который уже начал загружать изображение карточного столика, обтянутого зелёным сукном, замер от неожиданности.

— Господи! Пошутить нельзя, — простонал товарищ. *— С памятью-то у меня порядок, да и*

мозги частично целы. Так что давай-ка лучше в шахматы.

Хозяин «Смуглой леди» отнюдь не собирался торчать под водой семьдесят три и восемь десятых часа, то есть три полных марсианских дня. Реактор терял силы гораздо быстрее, чем предвиделось: насосы требовали всё больше топлива, и жизнеобеспечение подлодки игриво намекало на скорый крах.

А пока пришло время для отдыха. Моравеки тоже спят, хотя бы ради снов. Манмут переключился на внутренние силы, взял фонарики, резаки и спустился по узким коридорам к грузовому отделению. В каютах плескалась вода. Свет не горел, повсюду царила кромешная тьма. Маленький европеец активировал наплечные лампы и поплыл вниз. Здесь было гораздо теплее, чем подо льдами его родины. Перекладины и балки обрушились, загородив последние десять метров перед входом. Капитан взялся разрезать их при помощи горелки. Он жаждал узнать, как там Орфу.

За два метра до цели Манмут остановился. При столкновении кормовая перемычка прогнулась и намертво вклинилась в другую. И без того тесный коридор съёжился до жалких десяти сантимет-

ров. Желанная люковая дверь — захлопнутая, закрытая на все задвижки и вдобавок покосившаяся в проёме — маячила перед глазами моравека, оставаясь по-прежнему недоступной. Дабы убрать с пути гнутые балки, а потом избавиться от окаянного люка, потребуется шесть-семь часов, прикинул европеец. Главная загвоздка заключалась в том, что горелка нуждалась в кислороде не менее самих путешественников. Как ни крути, запасы воздуха подойдут к концу раньше, чем Манмут чего-либо добьётся.

Несколько минут хозяин «Смуглой леди» висел во мраке вниз головой, глядя на спутанные водоросли, которые колыхались перед его лицом в лучах наплечных фонариков.

Итак, решение необходимо принять сейчас же. Как только Орфу пробудится, то попытается отговорить товарища от нелепой затеи. Да и собственный здравый смысл повелевал сдаться. Пусть даже Манмут не пожалеет часов каторжного труда и вытащит ионийца из отсека — что дальше? Система первой помощи, предусмотренная для капитана, может и не подействовать на огромного высоковакуумного моравека. Вот если бы выбраться из ила и всплыть на поверхность… По крайней мере кислорода там — сколько вле-

зет. Можно раскромсать балки, да хоть и сам корпус, извлечь приятеля и как-нибудь привязать к верхней обшивке. А что, тоже выход: на свежем воздухе и под солнечными лучами ионие-ец оклемается гораздо быстрее.

Капитан неохотно повернул назад и поплыл по искривлённым, полуобвалившимся коридорам. Оказавшись в каюте, он убрал режущие инструменты на место — до поры до времени. *Успеется*.

Не успел Манмут занять своё кресло, в динамиках раздался голос Орфу:

— *Проснулся, дружище?*

— *Ага.*

— *Где ты?*

— *У себя, где же мне быть?*

— *Ну да, ну да.* — Теперь Орфу казался усталым и потерянным. Почти старым. — *Понимаешь, мне снился сон… И потом какая-то вибрация… И вдруг показалось, что ты… В общем, сам не знаю.*

— *Спи,* — посоветовал маленький европе-ец. — *Часа через два запускать поплавок, тогда и встанем.*

* * *

Манмут выпускал перископ на поверхность каждые двенадцать часов, быстренько изучал

обстановку — небеса и спокойное море — и втягивал прибор обратно. Летающие машины по-прежнему хищно кружили под облаками, но, к счастью, намного севернее, у полюса.

Любителю сонетов было не на что жаловаться. При желании он мог перемещаться. Его капитанская каюта и жилой отсек совершенно не пострадали, хранили тепло и даже не слишком накренились при падении на дно. Другие отделения — в том числе научная лаборатория и бывший кабинет Уртцвайля — оставались затопленными, однако насосы исправно трудились, откачивая воду. Зная, что вскоре помещения заполнит вакуум, Манмут не собирался тратить на них воздух. Первое, что он сделал после того памятного разговора с ионийцем, — нацепил дыхательный шланг и осушил комнаты от кислорода. Хозяин «Смуглой леди» убеждал себя, будто заботится о драгоценных молекулах, а в глубине его сердца таилась иная причина. Там зрело острое чувство вины: мол, тебе-то хорошо в уютной каюте, а Орфу? Один, без помощи, под водой, в непроглядной мгле… Пусть и экзистенциальные, но всё же муки.

Хотя на данный момент капитан не мог с этим ничего поделать — в особенности пока его судно

само утопало в тине, — он заранее наведался в лабораторию и покидал в рюкзак всё, что может понадобиться для спасения друга.

«И собственного освобождения», — подумалось маленькому европейцу. Если только слово «освобождение» годится для вечной разлуки со «Смуглой леди», в чём Манмут сильно сомневался. Все глубоководные криоботы изначально побаивались открытых пространств, и новые, усовершенствованные поколения унаследовали подобную болезнь.

На вторые сутки, после восьмой партии в шахматы, Орфу спросил:

— *А ведь на «Смуглой леди» должно иметься что-нибудь вроде спасательной шлюпки?*

— *Угу,* — пробурчал Манмут. Он-то надеялся, что приятель не знает.

— *И какого рода?*

— *По виду — небольшой пузырь, чуть покрупнее меня.* — Капитан раздражался всё больше. — *Способен вынести мощное давление и подняться на поверхность.*

— *И там есть маяк, система жизнеобеспечения, примитивные устройства реактивного передвижения и навигации, вода, пища?*

— *Ну,* — хмуро подтвердил товарищ. — *И что?*

(«Тебе туда не влезть, и пузырь не выдержит двоих».)

— *Ничего.*

— *Мне претит любая мысль о расставании с подлодкой,* — искренне признался европеец. — *Сейчас ведь не обязательно думать об этом. Не сегодня и не завтра.*

— *Ладно,* — откликнулся собеседник.

— *Без шуток.*

— *Хорошо, хорошо. Я же так, из любопытства.*

Если бы в этот миг иониец позволил себе усмехнуться, Манмут, не раздумывая, забрался бы в спасательную шлюпку и отчалил — настолько взбесил его разговор.

— *Ещё партию?* — предложил он, смягчаясь.

— *Покорно благодарю. Не в этой жизни.*

Спустя шестьдесят один час после падения над северным океаном разъезжала последняя колесница — зато она снизилась до восьми кликов и кружила в десяти километрах от упавшей подлодки. Манмут поспешно втянул перископ обратно.

Маленький европеец наслаждался музыкой Брамса, и, судя по всему, Орфу в затопленном отсеке занимался тем же.

Внезапно иониец нарушил молчание:

— А тебе никогда не приходило на ум, почему это мы с тобой такие гуманисты?

— Ты о чём?

— Ну как же. Почти все моравеки похожи на нас — проявляют необъяснимый интерес к устаревшей человеческой расе. Встречаются, правда, и такие интерактивные типы, как наш Корос III. Те, кто возглавляет общество… Там, разные партии, Консорциум Пяти Лун и прочее.

— А я и не замечал, — растерялся капитан.

— Да брось ты.

Шекспировед погрузился в размышления. До него начинало доходить, что за полтора века существования можно было бы узнать и побольше об окружающем мире. Неужели он упустил из виду всё самое важное? Ледяные моря Европы — в них Манмуту уже не плавать; любимая подлодка — несколько дней, и она прекратит существовать; да ещё сонеты и пьесы Потерянной Эпохи.

Негусто.

Капитан едва не расхохотался от горькой досады.

Словно прочитав его думы, Орфу произнёс:

— А что сказал бы твой Бард о наших затруднениях?

Хозяин «Смуглой леди» сканировал данные от

энергетических и прочих систем судна. Нет, не протянуть им три марсианских дня. Выбираться надо в течение шести часов, не позже. Главное, чтобы реактор перенёс нагрузку, а то ведь…

— *Эй, старина?*

— *А? Прости, задремал. Что там насчёт Барда?*

— *По-моему, он как-то писал о кораблекрушении. Я смутно припоминаю…*

— *Да, и не единожды. «Двенадцатая ночь», «Буря» — сплошные кораблекрушения. Вот только вряд ли нам помогут старые пьесы.*

— *А ты всё-таки поделись. Хоть один пример.*

Манмут покачал головой в безвоздушной пустоте каюты. Он прекрасно понимал: Орфу просто желает отвлечь товарища от текущих забот.

— *Вспомни лучше своего Пруста. Рассказчик Марсель рассуждал когда-нибудь о путешественниках, затерявшихся на другой планете?*

— *Вообще-то да,* — отозвался собеседник с лёгким намёком на усмешку.

— *Шутишь?*

— *Я никогда не шучу по поводу «A la recherche du temps perdu»,* — промолвил иониец таким тоном, что чуть было — *чуть было* — не убедил европейца в своей полной серьёзности.

— Ладно, и что же он писал о выживании в космосе? — подзадорил капитан.

Пять минут до запуска перископа. Если горизонт окажется чист, подлодка начнёт всплытие. В противном случае — тоже начнёт.

— В третьем томе французского издания (в английском варианте это пятый том) рассказчик утверждает: окажись мы вдруг на Марсе, отрасти пару крылышек и жабры, это всё равно не избавило бы нас от самих себя. Чувства остались бы прежними. Рамки сознания — теми же.

— Смеёшься?

— Я никогда не смеюсь над мыслями героев «A la recherche du temps perdu», — повторил Орфу, давая понять своей интонацией, что да, конечно же, смеётся, но не над этим конкретным отрывком.
— Да прочёл ли ты книги, которые я послал в самом начале полёта?

— О да, разумеется, прочёл. Разве что… слегка перескочил через последние… пару тысяч страниц.

— Ничего удивительного. Слушай, вот строки, которые следуют сразу за тем кусочком о Марсе… Как тебе удобней: на языке оригинала или?..

— Английский, — расторопно вставил Манмут.

Не хватало ещё в предсмертный час мучиться

от звуков французской речи!

— *«Единственно подлинное путешествие, этот уникальный источник юности,* — процитировал гигантский краб, — *вовсе не в том, чтобы навестить дальние края, а в том, чтобы получить иные глаза. Увидеть ту же вселенную с точки зрения другого человека, сотни других людей, и воспринять сотню различных вселенных, которые видят они и которыми сами являются».*

Заслушавшись, хозяин «Смуглой леди» забыл даже о жестокой асфиксии, что неизбежно грозила им обоим.

— *Так вот она, четвёртая и последняя разгадка жизни, предложенная Марселем? Я угадал, Орфу?*

Тот не ответил.

— *Я имею в виду,* — развил свою мысль капитан, — *ты упоминал три ключа, каждый из которых подвёл рассказчика. Сначала Марсель свято верил в снобизм. Потом — в любовь и дружбу. Наконец — в искусство. И всякий раз его настигали удары обыденности. Но то, о чём ты сказал, — совсем новый, неизведанный путь. Это… как бы точнее выразиться…*

— *Сознание, выходящее за рамки сознания,* — тихо подсказал иониец. — *Воображение, разрыва-*

ющее путы воображения.

— *Верно,* — выдохнул Манмут. — *Теперь я вижу.*

— *Ты и должен видеть,* — изрёк товарищ. — *Теперь я гляжу на вселенную твоими глазами.*

С минуту на линии слышалось лишь тяжёлое дыхание европейца. Затем он словно пробудился.

— *Ладно, давай попробуем вытащить мою старушку из трясины.*

— *А как же перископ?*

— *К чёрту перископ и колесницы. Лучше погибнуть, сражаясь, чем задохнуться в грязном болоте.*

— *Правильно,* — одобрил краб. — *Но почему ты говоришь «попробуем»? Что, возникли сомнения?*

— *Провалиться мне пропадом, если я представляю, как выбираться из этой мерзкой слизи,* — бросил хозяин «Смуглой леди», раздавая виртуальные приказы системам подлодки. Когда на панели загорелись алые буквы «Реактор включён», моравек привёл в боевую готовность реактивные двигатели и пироскопы. — *Однако попытка — не пытка. Ещё восемнадцать секунд — и держись, дружище.*

— *Тебе ведь известно,* — немного свысока

отозвался Орфу, — *мои хватательные манипуляторы канули в Лету. Поэтому я склонен воспринимать твои последние слова как чистую риторику.*

— *Зубами держись,* — прошипел Манмут. — *Шесть секунд.*

— *Я моравек,* — негодующе начал тот. — *Что за намёки? Нет у меня никаких зубов…*

Остальное потонуло в шуме заработавших двигателей. Оглушительно заскрежетали перекошенные кормовые перемычки. «Смуглая леди» издала протяжный стон и принялась пробиваться к свободе из склизких объятий Марса.

18
Илион

Илион, Троя, град Приама, Пергам… Как ни назови это место, оно безумно красиво ночью.

Внушительные стены в тридцать футов высотой залиты пламенем факелов, да ещё и подсвечены снаружи кострами, что разложило троянское воинство в долине. Высокобашенный Илион почти не спит. В окнах высоких башен теплятся огни, дворики тонут в сиянии, на балконах и террасах мерцают канделябры и факелы… Из открытых дверей свет струится на широкие, вымощенные с великим искусством улицы. (Как-то раз я попытался воткнуть нож между камнями, острое лезвие погнулось, но не прошло.) Добавьте к этому тысячи и тысячи бивачных костров, на которых готовят пищу союзники, переселившиеся в Трою, и вы получите примерное представление об окружающей картине.

Здесь даже тени живут своей жизнью. Молодые простолюдины и простолюдинки занимаются любовью прямо в тёмных аллеях или на сумеречных террасах. Откормленные псы и мудрые

кошки, перебегая из тьмы во тьму, крадутся по дворикам и переулкам, шныряют на поворотах оживлённых улиц, где за целый день нападали с гружёных телег кучи сладких плодов и мяса, хватают добычу и снова растворяются в полумраке закоулков или под виадуками.

Уж что-что, а смерть от голода или жажды местным жителям не грозит. При первом же намёке на приближение опасности, который поступил за недели до того, как на горизонте появились чёрные корабли ахейцев, в город были согнаны неисчислимые стада крупного и мелкого скота, так что поля фермеров на четыреста квадратных миль окрест опустели подчистую. Набеги за говядиной продолжаются и по сей день, кстати, всегда с большим успехом, несмотря на вялые попытки противодействия со стороны осаждающих. Фрукты и овощи стекаются за эти стены рекой — их поставляют те же смекалистые фермеры, что снабжают продовольствием греков.

Сотни лет назад, выбирая место для строительства новой крепости, предшественники троянцев главным образом рассчитывали на неистощимый водоносный слой, обнаруженный под землёй. В Илионе и теперь четыре гигантских прохладных колодца, которые ни разу ещё

не пересыхали. Мало этого, Приам надёжности ради велел развернуть и провести через город северный приток реки Симоис, для чего были проложены легко охраняемые каналы и подземные виадуки. Пожалуй, у ахейцев даже больше проблем с пресной водой, чем у номинально осаждённых сынов Приама.

Население Илиона (а это самый огромный по нынешним временам город на Земле, что совсем неудивительно) увеличилось с начала войны почти вдвое. Сперва под защиту неприступных стен собрались мирные земледельцы, козопасы, рыбаки и прочие обитатели здешних долин. За ними потянулись дружественные армии, причём не только доблестные герои, но и супруги, дети, седовласые старцы, собаки и скот.

Союзников можно условно разделить на несколько групп. Прежде всего это некоренные «троянцы», то есть дарданы и жители небольших городков, достаточно удалённых от Илиона, включая ратников, населяющих подножие горы Ида и даже саму Ликию. Далее следуют войска из Адрастеи и других мест, расположенных на многие лиги к востоку, а также пеласги из Южной Ларисcы.

Европа прислала на выручку фракийцев, пео-

нов и киконов. С южных берегов Чёрного моря явились на помощь гализоны. Расхаживая вечером по городу, можно услышать у костров, как поют и ругаются пафлагонцы и енетои — пришельцы с далёкого севера, вероятные прапрапрародители венецианцев. Из центра Малой Азии прискакали оборванные мизы. В этом племени мне знакомы лишь двое — Энном и Настес.[14] Если верить поэме, Ахиллес заколет обоих в беспощадной битве у берегов Скамандра, после которой волны реки побагровеют от крови на многие месяцы, а русло запрудят груды мертвецов, отправленных в Аид рукой прославленного мужеубийцы. И в их числе позабытые всеми Настес и Энном.

По растрёпанным космам, чудному оружию из бронзы и, конечно, по особому запаху вы всегда отличите в толпе фригийцев, меонов, каров и ликийцев.

Шумная жизнь кипит в Илионе по меньшей мере двадцать два часа в сутки. Это самый лучший, самый великий и прекрасный город современности, грядущей эры и вообще любой другой эпохи

---

[14] notes: 14

Согласно Гомеру, предводителей мизов звали Энном и Хромий; Настес — военачальник племени «варварских» каров, и его товарищ носил имя Амфимах.

человеческой истории.

Надо же, какие мысли приходят в голову, когда лежишь обнажённым на постели рядом с Еленой Троянской, простыни сладко пахнут сексом и нами, а прохладный бриз надувает паруса лёгких занавесок. Вдалеке ворчит, просыпаясь, гроза. Елена поворачивается и шепчет во сне моё имя: «Хок-эн-беа-уиии…»

Я прибыл в город поздним вечером, насмотревшись на больницу богов, твёрдо зная, что Муза уже разыскивает меня и что если не она, то Афродита умертвит беглеца без сомнений, едва лишь выберется из целебного бака.

Поначалу я собирался смешаться с толпой солдат, наблюдающих со стены за вечерним сражением (где-то там, в клубах пыли, освещённой предзакатными лучами солнца, Диомед по-прежнему яростно рубил троянцев), но вдруг заметил Гектора, который устало шагал обратно в Илион с немногочисленной свитой. Превратившись в одного из сопровождающих — копьеборца Долона, доверенного соглядатая, которого ждёт скорая страшная гибель от рук Одиссея и Диомеда, — я присоединился к процессии. Благородный воин миновал главные врата, прозываемые Скейскими и выстроенные из крепчайших дубовых

брусьев высотой в десяток человеческих ростов (если иметь в виду *мужей* вроде Аякса). Героя тут же обступили жёны и дочери Трои, наперебой спрашивая о судьбе дорогих супругов, отцов, сыновей, братьев, любовников.

Широкие плечи и сверкающий шлем Гектора, украшенный по здешнему обычаю гривой из рыжего конского волоса, возвышались над головами, словно утёс посреди моря, только вместо волн его окружали умоляющие лица. Наконец Приамид остановился, жестом приказав растущей толпе утихнуть.

— Молитесь богам, жёны Трои. — Вот и всё, что он сказал.

Затем повернулся и тронулся в путь. Солдаты скрестили длинные копья, сдерживая натиск рыдающих дев и старух. Я предпочёл вместе с остальными безмолвно сопровождать Гектора далее, к пышным палатам царя Приама, которые так восхитили Гомера блистательными портиками и колоннадами из полированного мрамора.

Вечерние сумерки уже исподволь заползали во дворы и спальные покои дворца. Мы остались у стены на страже, ожидая, пока герой переговорит с матерью.

— Не нужно, — отмахнулся он от чаши, кото-

рую приказала подать Гекуба. — Не сейчас. Я слишком устал. Вино истомит последние силы и храбрость, а мне сегодня ещё убивать. Да и как возливать Громовержцу сладкий сок лозы вот этой рукой, запачканной в грязи и крови?

И тогда я услышал, как женщина, от которой троянцы годами видели одно лишь тепло и ласку, спросила:

— Сын мой, для чего же ты покинул поле боя, если не ради того, чтоб воздеть руки к Зевсу?

— Молиться будешь ты, мама, — ответил Гектор, присев на ложе и положив шлем рядом с собой.

Воин и в самом деле был грязен: лицо покрывала рыжеватая смесь из пота, пыли и вражеской крови — и сидел он так, как сидят лишь очень утомлённые люди: руки на коленях, голова бессильно склонилась вниз…

— Иди в храм Афины, — глухо прохрипел Приамид, — собери достойнейших женщин Илиона, возьми самый большой и узорный пеплос, который только отыщешь. Простри его на золотых коленях статуи Афины, обещай заколоть в её честь дюжину годовалых телят, пусть проявит жалость к нашим жёнам и невинным детям, защитит их от ужасного Диомеда.

— Так вот до чего дошло? — прошептала Гекуба, склонилась и взяла запачканные руки сына в свои. — Неужели правда?

— Да, — промолвил герой, с трудом поднялся на ноги, забрал шлем и покинул чертоги матери.

Мы проводили измождённого Гектора к резиденции Париса и Елены. При виде солидного особняка с множеством элегантных террас, внушительных башен и огороженных двориков Приамид словно обрёл второе дыхание: промчался мимо стражи и слуг, прогрохотал по ступеням и настежь распахнул дверь в личные покои брата. Я почти ожидал, что он застанет парочку в постели. (Гомер пел о том, как они предались утехам сразу же после похищения троянца богиней прямо с горячего шоу «Парис/Менелай: кто кого?») Однако любимец Афродиты, изумлённо поднявший голову, всего лишь перебирал блестящее оружие и боевые доспехи. Сидевшая рядом Елена заботливо раздавала женщинам задания по рукоделью.

— Какого лешего ты тут делаешь? — накинулся герой на более хлипкого брата. — Расселся, точно баба, играется в бирюльки, пока сотни настоящих мужиков головы в бою сложили! Враг подступает к нашим стенам, наполняя слух троянцев замор-

скими воинственными воплями… Вставай, сукин сын! Хочешь, чтобы город испепелили прямо вокруг твоей трусливой задницы?

Вместо того чтобы вскочить в негодовании, царственный Парис лишь криво улыбнулся:

— А, это ты, Гектор. Всё верно, я заслужил твои упрёки.

— Тогда отрывай седалище от койки и марш на поле брани! — рявкнул гость; впрочем, ярость из его голоса почти испарилась, не то от усталости, не то из-за кроткого ответа противника.

— Сейчас, — отозвался любовник Елены. — Но сперва послушай, что я тебе скажу.

Гектор промолчал, тяжело пошатываясь на ногах. Под мышкой у него находился увесистый шлем с рыжим гребнем, а в левой руке покачивалась длиннющая пика локтей в одиннадцать, позаимствованная у моего товарища по отряду; на неё-то герой и опёрся.

— Вовсе не ярость на троянцев или желание мести удерживают меня в этих покоях, поверь, — покачал головой Парис, небрежно указывая на Елену и прочих женщин, будто на бессловесную мебель, — но одна лишь скорбь.

— Скорбь? — Старший брат не поверил своим ушам.

— Да, скорбь. Печаль из-за собственной низости (хоть и не по своей воле я удалился из битвы, а был унесён бессмертной богиней) и кручина по нашей священной обречённой Трое.

— Ну, насчёт Трои — это ещё бабушка надвое сказала! — взорвался Гектор. — Мы в силах остановить Диомеда и его опьянённых кровью друзей. Надень доспехи, иди за мной. До захода солнца целый час. В багряных лучах заката мы положим горы греков, а под сенью прохладных сумерек — и того больше.

Парень улыбнулся и встал:

— Ты прав. Теперь даже меня, не столь везучего в бою, сколько в любовных утехах, потянуло на сечу. Знаешь, ведь удача неустойчива нравом, шарахается из стороны в сторону, словно безоружный под градом вражеских стрел.

Гектор ничего не ответил. Надев шлем, он продолжал стоять в дверях и с подозрением глядел на брата.

— Ты иди, — махнул рукой Парис. — Я должен облачиться в доспехи. Иди вперёд, я догоню.

Герой и на это не ответил. Он упрямо не двигался с места, явно не желая уходить без Париса. Тогда Елена прекрасная — и ещё какая прекрасная! — поднялась из кресла, приблизилась к

суровому гостю, мягко шурша сандалиями по прохладному мраморному полу, и коснулась руки Гектора, покрытой тёмными полосами присохшей крови.

— Друг мой, — её голос дрожал от избытка нахлынувших чувств, — любезный брат, милый моему сердцу, пусть я и бесстыдная, отвратительная, гнусная сука! Ах, если бы мать, породившая меня, швырнула злополучный плод в чёрные волны Ионийского моря! Лучше так, чем быть виновницей всех этих бед!

Елена осеклась, выпустила руку героя и разрыдалась.

Честный Гектор беспомощно моргнул, попытался погладить волосы несчастной, но тут же отдёрнул ладонь и смущённо кашлянул. Подобно большинству храбрецов, он пуглив и неловок со всеми женщинами, кроме собственной супруги. Пока герой раздумывал, что сказать, Елена заговорила сама, икая и содрогаясь от слёз:

— О благородный Гектор, раз уж боги сами наслали на землю эти жуткие годы резни в мою славу, то хоть бы даровали мне супруга с чистым сердцем — воина, а не любовника, мужа, который мог бы свершить для родного города больше, чем затащить жену в постель в долгий вечер, роковой

для Илиона!..

Парис шагнул к ней с таким видом, точно собирался ударить, однако удержался, посмотрев на брата. Мы, четыре стражника у стены, изо всех сил притворялись глухими и слепыми, пялясь в пустоту перед собой.

Елена взглянула на любовника покрасневшими, полными слёз глазами — и продолжала говорить с Гектором, как если бы её похитителя и мнимого супруга вообще не было в комнате.

— Этот вот… заслужил укоры достойных мужей, малодушный пустозвон! И теперь стыда не знает, да и назавтра не переменится.

Парис на миг зажмурился и пошёл алыми пятнами, словно получил пощёчину.

— Однако он ещё пожнёт плоды своей слабости. — Красавица буквально выплюнула последние слова вместе с блестящей слюной, упавшей на мраморный пол. — Даю зарок, Гектор, ему не уйти от расплаты. Клянусь богами Олимпа.

Любовник Елены, пошатываясь, вышел из комнаты.

— Но ты, — женщина снова обратилась к усталому, грязному герою, застывшему в дверях, — присядь на ложе, отдохни со мной, милый брат. В этом сражении тебе досталось больше

всех, и всё из-за меня, распутной собаки. — Опустившись на мягкие подушки, она указала ему на место рядом с собою. — Мы оба избраны злым роком, Гектор. Кронид-Молниевержец посеял семя чёрной гибели тысяч и тысяч людей равно в твою и мою грудь, когда обрёк нас сделаться проклятием целой эпохи. Дражайший Гектор, мы смертны. Мы оба покинем этот свет. Пройдут столетия, но ты и я навеки останемся в песнях потомков…

Словно боясь услышать больше, Приамид повернулся и бросился вон. Легендарный шлем ослепительно засверкал в косых лучах заката.

Последний взгляд на Елену, на её склонённую голову, точёные бледные руки и нежные груди, очертания которых легко читались под тонким шёлком платья, — и я подхватил копьё Долона и кинулся вслед за героем с его верными копьеборцами.

Это важно, это надо рассказывать именно так. Елена поворачивается, шепчет моё имя и опять предаётся сну. *Моё* имя. «Хок-эн-беа-уиии», — произносит она — и сражает меня наповал. В самое сердце.

Именно теперь, лёжа близ самой восхитительной женщины античного мира — хотя чего уж

там, во всей истории, — я внезапно вспоминаю свою жизнь. То есть предыдущую жизнь. В смысле — *настоящую*.

Я был женат. её звали Сюзанна. Мы познакомились в Бостонском колледже и сыграли свадьбу вскоре после выпуска. Сюзанна работала в совете института, а в семьдесят втором уволилась: мы переехали в Индиану, где я получил место преподавателя классики в университете. Детей не было, но не по нашей вине. Настал день, и я слёг в больницу с раком печени.

Почему, с какой стати вспоминать об этом сейчас? Боже, девять лет безличного прозябания — и вдруг… Сюзанна? Острые осколки прошлого занозами вонзаются в душу, заставляя обливаться кровью.

Не верю я в олимпийских богов с их ма-аленькими «б». Несмотря на свою мнимую реальность, это не они правят миром. Для меня существует лишь одна богиня — стерва по имени Ирония. Вот кому принадлежит вселенная. Вот кто в конечном счёте вершит судьбы людей и богов, поголовно.

И у неё нечеловеческое чувство юмора.

Подобно Ромео в его единственное утро с Джульеттой, я слышу, как на юго-западе просыпается

и набирает силу гром, отдаваясь эхом в стенах двориков. Морской бриз колышет занавески на террасах по обе стороны просторной спальни. Елена снова шевелится, но не пробуждается. Слишком рано.

Я закрываю глаза, прикидываясь спящим ещё на несколько минут. Под усталые веки будто бы кто песку насыпал. Старею, наверное: не могу бодрствовать так долго, в особенности после троекратных занятий любовью с самой чувственной и обворожительной женщиной на свете.

Покинув Париса и Елену, мы двинулись за Гектором к нему домой. Отважный герой, ни разу — ну, или почти ни разу — не показавший врагам спину, без оглядки бежал от прекрасной искусительницы. Куда? Конечно же, к супруге и годовалому сынишке.

Девять лет посещая Трою и ведя наблюдения для Музы, я так ни разу и не пообщался с Андромахой. Зато отлично знаю историю этой женщины. Да и кто в Илионе не знает?

Жена Гектора красива на свой лад — не сравнить, конечно, с Еленой или богинями, но всё же красива некоей *человечной* привлекательностью; к тому же она происходит из благородного рода. её отец Этион властвовал в троянской стране

Киликии, в высоковратных Фивах. Многие восхищались им, и все уважали. Небольшой дворец, в котором жила семья Андромахи, располагался на нижних склонах горы Плак, в лесу, где добывали самую лучшую древесину. Великие Скейские врата Илиона слажены именно из этого дерева. (Не говоря уже об осадных машинах греков.)

Ахиллес умертвил Этиона в сражении вскоре после высадки, когда ахейцы «брали» и грабили прилежащие к Трое земли. У дочери царя было семеро братьев, из них ни одного воина — все пастыри белорунных овец и козопасы. Быстроногий Пелид поубивал их за день. Выловил по одному в дубравах и на пастбищах, затравил, словно диких зверей, на каменистых склонах Плака. Настала ночь, и прославленный герой сжёг тело правителя с подобающими почестями, в искусно сработанных бронзовых доспехах, велев насыпать над прахом покойного высокий погребальный холм. Трупы наследников так и остались лежать в полях, на корм голодным хищникам.

Разграбив дюжину городов, Ахиллес беззастенчиво потребовал за мать Андромахи прямо-таки царский выкуп. И тут же получил свою долю: Илион обладал по тем временам достаточными

богатствами, чтобы торговаться с захватчиком.

Правительница возвратилась в опустевший киликийский дворец, где, по печальным рассказам самой Андромахи, «градом серебряных стрел умертвила её Артемида богиня».

Ну да, в некотором роде.

Артемида, дщерь Зевса и Лето, является богиней охоты, по совместительству отвечая за деторождение. Помнится, разъярённый Аполлон однажды прикрикнул на сестру в присутствии верховного отца: «Он позволяет тебе губить матерей в муках»,[15] намекая на то, что Артемида не только прислуживает смертным женщинам в качестве небесной акушерки, но и *убивает* при родах.

Заложница Ахиллеса скончалась спустя девять месяцев после гибели Этиона. Выходит, мать Андромахи умерла, пытаясь произвести на свет потомка убийцы собственного мужа.

И не говорите мне, что стерва Ирония не правит миром.

Андромахи и младенца не оказалось дома.

---

[15] notes: 15

В «Илиаде» нет подобной сцены. В песни двадцать первой супруга Зевса Гера обвиняет Артемиду: «Гордая луком! Тебя лишь над смертными жёнами львицей Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю».

Гектор заметался из комнаты в комнату; мы, четверо копьеборцев из свиты, застыли у входа, не вмешиваясь. На поле брани я ни разу не видел героя таким взволнованным. Но вот он кинулся обратно к дверям и натолкнулся на двух рабынь.

— Где Андромаха? Пошла к невестке? Навещает золовок? Удалилась в храм Афины с благородными ахеянками?

— Госпожа отправилась к городской стене, хозяин, — отвечала проворная ключница. — Все женщины Илиона прослышали о нынешней ужасной битве, о том, как троянцы отступают из-за чёрной ярости Диомеда; вот ваша супруга и устремилась к большой башне узнать, живы ли вы ещё. Побежала без оглядки, точно рассудка лишилась, о господин. Кормилица с Астианаксом, конечно, припустила следом.

Гектора будто ветром сдуло; мы едва поспевали за ним, пробиваясь сквозь плотную толпу. В квартале от Скейских ворот я вдруг понял, что не должен здесь находиться. Встреча легендарных супругов — событие огромной важности. Там наверняка будет множество богов. И разумеется, Муза, которой не терпится выследить меня.

За сотни ярдов до цели я незаметно отстал от своих товарищей и нырнул в узкий проулок.

Вечерние тени сгущались, в воздухе разливалась прохлада, но высокие башни Илиона ещё пылали в алых лучах солнца, что медленно садилось на востоке. Выбрав одно из укреплений, я взбежал по внутренней винтовой лестнице на самый верх. Сменить, что ли, тело? Впрочем, какая разница: копьеносец-то безымянный, а значит, важной роли в сражении не сыграет.

Башня имела форму минарета, что странно, ведь ислам появится через тысячи лет. Я выступил на узкий закруглённый балкон, как привилегированный зритель грядущего действа. Солнце било прямо в глаза; пришлось подправить поляризацию визуальных фильтров и настроить фокус богоданных контактных линз, и я получил отличный вид на городскую стену.

Андромаха опрометью сбежала вниз по выступу, кинулась на шею мужа, болтая ногами; Гектор крепко обнял её в ответ и прижал к себе. Его полированный бронзовый шлем ярко сиял в закатных лучах. Прочие воины и сокрушённые заботой женщины расступились, чтобы дать вождю побыть вдвоём с любимой. Одна лишь нянька с малышом на руках не решалась покинуть пару.

Можно было бы легко подслушать разговор

при помощи остронаправленного микрофона, однако я решил просто смотреть на супругов, на выражения их лиц, следить за движением губ. Оправившись от первого восторга, Андромаха нахмурилась и начала быстро-быстро, настойчиво говорить.

Со слов Гомера я примерно помнил, о чём речь. Дщерь Этиона перечисляла свои скорби, сетовала на одиночество, постигшее горемычную после гибели старого отца и милых братьев.

— Теперь *ты* мне отец, — прочёл я на алых губах Андромахи, — и почтенная матерь — тоже ты, Гектор. Единый мой брат, моя любовь, мой муж — молодой, горячий, доблестный, живой! Ты всё для меня! Сжалься, супруг! Не уходи. Зачем тебе возвращаться в долины и пасть в бою? Чтобы кони ахейцев таскали твоё сильное тело по камням, пока плоть не отделится от костей? Останься! Сражайся *тут*. Городу нужна твоя защита. Борись у стен!

Гектор медленно покачал головой, слепя окружающих яркими бликами от шлема:

— Не могу.

— Можешь! — Лицо Андромахи исказила гримаса любви и страха. — Должен. Подтяни войско к смоковнице… Вон туда, видишь? Там легче

всего проникнуть в священный Илион, и аргивяне знают об этом. Возможно, какой-то пророк открыл им наше слабое место. В надежде взять город враги уже трижды бросали туда лучших бойцов — обоих Аяксов, Идоменея и ужасного Диомеда. Защити нас, любимый, но только *здесь*!

— Не могу.

— Можешь! — прокричала она, вырываясь из объятий. — Но не станешь!

— Да, — кивнул герой, — не стану.

— А знаешь ли ты, что будет со мной, о благородный Гектор, когда ты найдёшь свою благородную смерть и сделаешься пищей ахейских псов?

Мужчина поморщился, однако смолчал.

— Какой-нибудь потный греческий командир утащит твою вдову, словно простую наложницу! — проорала Андромаха, так что даже до меня долетел её голос. — Меня увезут в Аргос, обратят в рабыню, которую трахают по первой прихоти Аякса, Большого или Малого, или грозного Диомеда, или начальничка попроще!

— Верно, — твёрдо, хотя и через силу, произнёс Приамид. — Только мои глаза уже закроются и земля надо мной заглушит твои крики.

— Ну да, конечно! — Супруга разразилась хохотом и рыданиями одновременно. — Честнейший

герой ничего не услышит, он будет мёртв! А его сын, которого жители Илиона единодушно величают Астианаксом — Владыкой города, — станет прислуживать ахейским свиньям, разлучённый с матерью-рабыней. Вот цена твоего благородства, великодушный Гектор!

Андромаха, подозвав кормилицу, схватила дитя и выставила его перед собой, точно щит.

Теперь я действительно увидел страдание на лице героя. Однако тот наклонился и протянул могучие руки к нежной крохе:

— Иди ко мне, Скамандрий.

Гектор всегда звал сына именем, которое сам дал малышу при рождении, не обращая внимания на любезное прозвище, придуманное троянцами.

Мальчик отвернулся и заревел во весь голос. И хотя нас разделяло полдюжины крыш, я прекрасно услышал его.

Всё из-за шлема. Боевая бронза нестерпимо сияла в багровом свете заката, запятнанная грязью и кровью, отражая заходящее солнце, искажённый парапет и самого Скамандрия. Пламенеющий гребень из рыжего конского волоса грозно развевался на ветру, а грубые пластины из металла, изгибаясь вокруг глаз, прикрывали нос отца и

тоже ярко блестели.

Малыш с визгом припал к няне и в ужасе спрятал лицо у неё на груди.

Любой на месте героя пришёл бы в отчаяние: как же так, любимый сын не хочет попрощаться перед боем? Но Приамид лишь рассмеялся, запрокинув голову, надолго и от души. Через минуту Андромаха присоединилась к его хохоту.

Гектор сорвал с себя пугающую железку, положил шлем на каменную стену и оставил полыхать на вечерней заре. Затем подхватил своего мальчугана, обнял его, принялся подбрасывать вверх, пока тот не запищал от восторга, забыв прежний страх. Тогда герой одной рукою бережно прижал к себе ребёнка, а другой милую жену. Так они и стояли обнявшись.

Всё ещё ухмыляясь, Приамид обернул лицо к небесам:

— Слушай меня, Зевс! И все вы, бессмертные, слышите?

Стража и женщины на стене безмолвно застыли. Над улицей повисла жуткая, неестественная тишина. Зычный голос Гектора разнёсся эхом по кварталам Илиона.

— Пусть этот мальчик, мой сын, которым я так горжусь, станет великим, подобно отцу! Первым

среди славных троянских мужей! Могучим и доблестным, как я, Гектор! Позвольте, о боги Олимпа, чтобы Скамандрий правил священным Илионом в крепости и во славе и чтобы каждый мог сказать: «Да, этот герой превзошёл своего отца!» Вот вам моя молитва, бессмертные, и большего Гектору не нужно!

С этими словами он передал младенца Андромахе, поцеловал обоих и ушёл со стены на поле брани.

Понимаете, несколько часов после знаменитой сцены прощания я был жутко подавлен. Настроение омрачалось ещё и мыслями о будущем, о том, как Андромаху и в самом деле увезут из горящей Трои в чужие земли, превратят в дешёвую рабыню, или о том, как её завоеватель — ахеец Пирр вырвет малыша Скамандрия (прозванного в народе Владыкой города) из рук кормилицы и без жалости бросит с высоких стен на острые камни.

Тот же самый Пирр умертвит отца Париса и Гектора, славного царя Приама, в его же собственном храме, у алтаря Зевса. Тяжко думать, что дом великого владыки падёт в одну ночь.

Нет, я не пытаюсь оправдать свой дальнейший проступок, но… в этом заложено хоть какое-то объяснение.

На город спустилась ночь, а я всё так же бродил по широким улицам, испытывая самое глубокое одиночество и тоску за все эти девять лет. Схолиаст Хокенберри по-прежнему выглядел как рядовой троянский солдат, разве что за плечами покачивался Шлем Аида, в любую секунду готовый к действию, а рука постоянно сжимала квит-медальон. И вот я в который раз очутился подле чертогов Елены. Признаюсь, я нередко наведывался сюда — улучив минутку среди кровавых сражений, тайком пробирался в Илион и стоял, стоял у этого многоэтажного особняка, задрав голову, точно заболевший любовью мальчишка, и ждал… В окнах и террасах загорались огни, и я безнадёжно, отчаянно грезил хоть на мгновение увидеть *её* — самую прекрасную и соблазнительную женщину в мире.

Внезапно моё мечтательное, залитое лунными лучами уединение грубо нарушил шум небесной колесницы. Усиленное бессмертными богами зрение без труда различило хозяйку, что перегнулась через край, окидывая город хищным взором. На моём веку Муза никогда не летала над Троей или даже над долинами Илиона. Я сразу понял, кого она ищет.

Миг — и Шлем Смерти сомкнулся на голове

схолиаста, сокрыв беглеца от человеческих и божественных взглядов. По крайней мере я очень надеялся на это. Колесница промчалась менее чем в сотне футов от моей головы, однако не замедлила хода и не снизилась.

Дождавшись, пока богиня улетит к рыночной площади и станет выписывать круги дальше над городом, я нажал кнопки на левитационной упряжи, которой владеет любой схолиаст — правда, мы ею почти не пользуемся. Разве что совсем затошнит от кровавой резни; тогда профессор вроде меня взмывал в небо над полем брани, якобы для лучшего обзора, и потихоньку удирал в Трою — в моём случае к пышным палатам Елены, безмолвно постоять с замирающим сердцем под окном и квитироваться обратно.

Правда, сейчас не тот случай. Только не сегодня. Плавно взлетев над дорогой, я незаметно миновал стражников у главного входа, обогнул высокую стену и опустился на балкон во внутреннем дворике. Вот они, частные апартаменты царственной пары. В груди заколотилось, в висках застучала кровь. Сквозь развевающиеся занавески я незримо прошёл в открытую дверь. Сандалии мягко и бесшумно ступали по каменному полу. Псы непременно учуяли бы чужака

— запах-то Шлем не маскирует, — но все они охраняли внешний двор, а не бродили вокруг хозяйских покоев.

Елена принимала ванну. Три пышноволосых прислужницы таскали тёплую воду, оставляя мокрые следы на мраморных ступенях. Ванну окружали тончайшие драпировки, да только медные треногие жаровни и висячие светильники тоже стояли внутри, поэтому прозрачная ткань совершенно не мешала смотреть. По-прежнему оставаясь невидимым, я замер на месте, не в силах отвести взора от купальщицы.

«Так вот они, буфера, завлёкшие тысячу кораблей!» — мысленно ахнул я и тут же обругал себя толстокожей, циничной скотиной.

Живописать вам эту красоту? Объяснить, почему сладостный жар её нагого тела способен отнять разум у любого мужчины, обжигая сердца даже через три тысячи хладных лет?

Не буду. Не сочтите за излишнюю стыдливость, просто… такое невозможно изобразить словами. Разве её полная, мягкая грудь чем-то особенно отличается от множества других? Или манящий треугольник тёмных волос между ног выглядит более совершенным? Или эти упругие белоснежные бёдра восхищают сильнее всех прочих? А

может, молочные ягодицы, сильная спина или узкие плечи Елены скрывают некую более неизъяснимую тайну?

Разумеется. Однако не спрашивайте: я не тот мужчина, который мог бы поведать, в чём разница. Я всего лишь профессор философии, мечтавший о лаврах писателя в своей прошлой, утраченной жизни. Чтобы судить о совершенстве Елены, потребовался бы гений неизмеримо возвышеннее Гомера, выше Данте, выше самого Шекспира.

Шагнув из прогретой ванной комнаты в прохладу пустой внешней террасы, я в задумчивости коснулся тонкого видоизменяющего браслета. Панель вибраса светилась лишь тогда, когда это было нужно, зато легко сообщалась с большим пальцем руки при помощи символов и картинок. Прибор сохранял данные обо всех людях, с которыми я встречался за девять лет. Теоретически я мог бы превратиться и в женщину, только повода не подворачивалось, тем более в *эту* ночь.

Попробую объяснить вам кое-что о видоизменении. Если вы думаете, что при этом молекулы плоти, костей и бронзы механически перегруппируются, подстраиваясь под новую форму, то заблуждаетесь. На самом деле я не имею ни ма-

лейшего представления, как оно работает, хотя один недолго продержавшийся среди нас схолиаст по имени Хаякава, из двадцать второго века, пытался изложить мне основные принципы превращения лет пять или шесть назад. Рассуждал о материи, энергии — что бы под ними ни подразумевалось, — однако я слушал его вполуха.

В общем, браслет воздействует на квантовом уровне… как и все, к чему прикасаются эти боги. Хаякава просил меня вообразить каждого человека, обитающего на долинах Илиона, в том числе и нас с ним, в виде постоянных волн, волн вероятности. С точки зрения квантовой теории, заявлял он, не только люди, но и любой объект нашей физической вселенной существует от одного мгновения до другого наподобие сжимаемого волнового фронта: молекулы, мысли, старые шрамы, бакенбарды, пивной запах изо рта — всё на свете. Олимпийцы одарили нас устройствами, которые позволяют на короткое время сливать собственные волны с уже записанными в памяти, переносить свой разум и волю в новое тело. Не знаю, как это согласуется с излюбленными рассуждениями Хаякавы про энергию и материю… Он заверял меня, что согласуется великолепно.

Вот почему мы, схолиасты, почти всегда пере-

воплощались в безымянных пешек: что толку выглядеть античным героем, если твоё поведение остаётся прежним? Приняв облик Одиссея, Ахиллеса, Агамемнона или, скажем, Гектора, мы бы с каждой минутой неизбежно отклоняли ход событий от канвы сюжета «Илиады», столь близкого к здешней реальности.

Даже не представляю, куда девается человек, в которого я временно переселяюсь. Скорее всего «бездомная» волна вероятности колышется где-то поблизости, на квантовом уровне, не вмешиваясь в то, что мы привыкли величать «действительностью», пока оболочка снова не освободится; впрочем, она может обретаться прямо в занятом теле или храниться в какой-нибудь бутыли в погребах Олимпа. Кто его знает. Мне наплевать. Однажды, незадолго до того, как Хаякава разозлил Музу и навеки сгинул, я спросил его, позволяет ли вибрас превращаться в богов. Коллега рассмеялся. «Бессмертные наверняка охраняют свои волны вероятности, Хокенберри. Я бы даже не стал с ними связываться».

Включив браслет, я стремительно пролистал перечень сотен личностей, хранящихся в его памяти, покуда не нашёл нужную. *Парис*. Если бы Муза только заподозрила, что схолиаст дерзнул

записать данные царского сына для видоизменения, наглец не протянул бы и двух секунд. Но хозяйка ни о чём не догадывалась.

Я занёс большой палец над иконкой активирования. Кстати, где этот герой сейчас? События нынешнего вечера — разборка Гектора с Парисом и Еленой, прощание с женой и маленьким сыном у городской стены — завершают песнь шестую, так?..

Думалось с трудом. Сердце разрывалось от одиночества. В голове всё плыло, словно после бурной ночи, проведённой в кабаке.

Точно, это песнь шестая, самый конец. Гектор покидает Андромаху, и брат нагоняет его у Скейских врат. Или чуть раньше. Что там, в моём любимом переводе? «Не задержался Парис боговидный в высоких палатах». Нацепил тяжёлые доспехи, как обещал, и бросился вдогонку, пылая желанием сражаться. Помню, я готовил для научной конференции доклад, в котором анализировал метафору Гомера, называющую нового супруга Елены гордым жеребцом, что сорвался с крепкой привязи и мчится по вольному полю, за плечами треплется роскошная грива, душа рвётся в бой, ля-ля-ля.

Но теперь-то он где? Солнце давно зашло. Что

же я пропустил, пока разгуливал по улицам Илиона и пялился на окна Елены… на титьки Елены?

Всегда думал, что следующая, седьмая песнь — кое-как слепленный, полный неразберихи отрывок. Она заканчивает описание долгого дня, начатого ещё в песни второй. Довольно супружеских ласк и отцовских объятий: Парис поражает ахейца по имени Менесфий, Гектор пронзает горло вождя Эионея, борьба разгорается, великий сын Приама вызывает Большого Аякса на поединок и…

Что там дальше? А всё. Теламонид обязательно одержал бы победу (он всегда сражался лучше), однако боги вновь заспорили об исходе битвы, поэтому что греки, что троянцы долго-долго болтали меж собой, поливая друг друга отборной бранью, а в итоге прославленные противники обменялись ценными подарками и войска согласились на ничью. То бишь заключили перемирие, чтобы собрать и сжечь своих убитых…

Так где же Парис, чума его возьми? Остался с Гектором, покомандовать во время передышки и произнести проникновенную речь над телами погребённых товарищей? Или, что больше похоже на правду, направился прямиком в спальню Елены?

— Какая, на фиг, разница? — сказал я вслух и нажал иконку активации.

И тотчас превратился в Париса, только невидимого.

Шлем Аида, левитационную упряжь и прочее снаряжение схолиаста, за исключением незаметного вибраса и маленького квит-медальона на шее, пришлось схоронить на балконе за медным треногом. Теперь героический облик не вызывал ни тени сомнения. Оружие и доспехи я бросил там же; мнимый Парис остался в одном лишь мягком на ощупь хитоне. Если бы в этот миг Муза ринулась на меня с небес, я бы уже не сумел защититься. Разве что квитировался бы подальше.

Я снова прошёл в ванную комнату. Елена изумлённо подняла глаза, когда моя рука отвела в сторону прозрачную занавеску.

— Мой господин?

В её глазах сверкнул вызов, но красавица тут же потупила взор, как бы покорно извинясь за грубые слова, сказанные днём.

— Оставьте нас! — прошипела она рабыням, и те удалились, шлёпая по полу мокрыми ногами.

Елена Троянская медленно поднялась мне навстречу из огромной купальни. её волосы были сухими, не считая влажных прядей над плечами

и грудью.

— Что угодно моему супругу? — спросила она, по-прежнему не поднимая головы, однако пристально разглядывая меня из-под тёмных ресниц.

Я прочистил горло. И ещё раз. Слова никак не срывались с губ.

— Идём в постель, — промолвил я наконец голосом Париса.

19
Золотые Ворота Мачу-Пикчу

Друзья прогулялись ещё по зелёным шарам Золотых Ворот, по недвижным эскалаторам и по трубам, соединяющим гигантские тросы толщиной в рост Хармана, на которых далеко внизу держалось полотно моста. Новый знакомец шёл вместе с ними.

— Ты и вправду тот самый, из туринской драмы? — полюбопытствовала Ханна.

— Не смотрел я никаких туринских драм, — откликнулся Одиссей.

Ловко он увернулся от ответа, заметила про себя Ада.

— А как ты сюда попал? — поинтересовался Харман. — И главное, *откуда* взялся?

— Очень сложный вопрос, — нахмурился мужчина. — Я странствую уже некоторое время, ищу дорогу домой. Вот сделаю здесь привал на парочку недель и отправлюсь дальше. Если не возражаете, я бы предпочёл поведать свою историю позже. Например, сегодня за ужином. Надеюсь, Сейви Ухр поможет мне собрать куски

рассказа воедино.

Юной хозяйке Ардис-холла резануло ухо странное произношение Одиссея, как будто бы всеобщий английский для него неродной. Девушка прежде никогда не слышала акцента: в её мире, охваченном сетью факсов, не было места даже областным диалектам. Все жили везде — и нигде.

И вот шестеро путешественников выбрались на вершину башни, где их ожидал соньер. Солнце как раз тронуло маковки острых пиков, меж которыми висел огромный мост. С запада дул сильный холодный ветер. Друзья подобрались к железным перилам на краю платформы и поглядели на покатую зелёную седловину с руинами, что спускались в виде террас восемью сотнями футов ниже.

— В прошлый раз, три недели назад, — начала Вечная Жидовка, — я обнаружила Одиссея в одном из криотемпоральных саркофагов. Собственно, потому-то и вышла с вами на связь, оставив те знаки на скале в Суходоле.

Четвёрка недоумённо уставилась на старуху, ожидая объяснений, но та не прибавила ни слова. Тогда её спутники повернулись к Одиссею.

— Что у нас на обед? — спросил бородатый мужчина.

— Всё то же, — ответила Сейви.

— Ну уж нет. — Одиссей покачал головой и ткнул коротким неряшливым пальцем по очереди в Хармана и в Даэмана. — Вы двое. До заката ещё час. Отменное время для охоты. Идёте со мной?

— Да, — кивнул первый.

— Нет! — отшатнулся второй.

— Я тоже хочу, — вмешалась Ада, сама удивляясь настойчивости, прозвучавшей в этих словах. — Пожалуйста.

Коренастый бородач смерил её долгим взглядом.

— Хорошо, — бросил он наконец.

— Мне бы надо сопровождать вас, — неуверенно промолвила старуха.

— Да ладно, я знаю, как управлять твоей машиной. — Одиссей кивнул в сторону соньера.

— А как насчёт… — Вечная Жидовка дотронулась до чёрного оружия на поясе.

— В этом нет нужды. Я ищу пропитания, а не войны. Войниксы там не водятся.

Сейви промолчала.

— Подождите здесь, — обратился бородач к Аде и Харману. — Я только достану свой щит и копьё.

Девяностодевятилетний путешественник рассмеялся; он хохотал до тех пор, пока не осознал, что это была не шутка.

* * *

Одиссей и в самом деле умел управлять летучей машиной. Твёрдой рукой он заставил её взмыть в воздух, покружить над высокой седловиной, развалины которой отбрасывали таинственные тени в вечернем сумраке, и резко устремил в долину.

— Мне казалось, ты собирался охотиться под мостом, — сказал Харман, перекрывая свист ветра.

Герой из драмы лишь покачал головой. Серебристые кудри ниспадали на его шею подобно конской гриве.

— Там ничего особенного, только ягуары, бурундуки и привидения. Стоящая дичь внизу. И потом, я уже знаю, чего хочу.

На зелёной равнине кое-где высились древние саговники или могучие папоротники. Заходящее солнце ещё не скрылось за горной грядой, и долину прорезали густые долгие тени. Внизу появилось крупное стадо незнакомых Аде животных с бурыми шкурами и белыми полосками

на головах; существа напоминали обычных антилоп, но превосходили их размерами — как минимум раза в четыре — и отличались непонятным строением чудно изогнутых стройных ног. Когда соньер бесшумно пронёсся над стадом и приземлился в тридцати футах от него, с подветренной стороны зарослей папоротника, ни одно из животных даже не подняло головы.

— А кто это? — спросил Харман.

— Пища, — бросил Одиссей.

Кроме пары нелепо длинных копий, каждое из которых торчало при полёте сквозь пузырь силового поля, бородач захватил с собою круглый щит, искусно сработанный из бронзы и покрытый слоями бычьих шкур, а также короткий меч и нож за поясом. Аде, гораздо чаще имевшей дело с туринскими пеленами, чем она признавалась, становилось всё больше не по себе из-за этого нежданного вторжения участника фантастической истории о Трое в привычный, хотя и одичавший в последнее время, мир. Выбравшись из диска, девушка зашагала следом за мужчинами.

— Нет! — рявкнул Одиссей. — Ты останешься с летучей повозкой.

— Раскатал губы! — огрызнулась Ада.

Герой драмы испустил вздох и зашептал, обращаясь к обоим спутникам:

— Ждите здесь, за кустами. Ведите себя тихо. Если кто приблизится, дуйте в машину и активируйте силовое поле.

— Я не умею, — запротестовал Харман.

— Да я оставил невыключенной систему искусственного интеллекта, — туманно пояснил сын Лаэрта. — Просто скажете: «Поле, активируйся».

С этими словами он медленно и бесшумно двинулся по равнине, зажав копья в обеих руках. Стадо паслось так близко, что до хозяйки Ардис-холла доносилось мерное чавканье и похрюкивание, она даже слышала, как острые зубы рвут клочья травы, и ощущала крепкий запах, исходящий от звериных шкур. Животные вели себя доверчиво и не обращали внимания на человека, пока тот не подобрался почти вплотную.

Одиссей положил наземь щит и лишнее копьё. Существа прекратили жевать и чутко, но без опаски глядели на странное двуногое.

Могучее тело охотника спружинило, выгнулось и резко расправилось. Пика полетела ровно и прямо, медный наконечник поразил ближайшего зверя в грудь и пробил его длинную, выносливую шею. Животное завертелось, издало приглушён-

ный хрип и тяжко рухнуло.

Прочие травоядные всхрапнули, жалобно заблеяли и с громким топотом кинулись наутёк. (Ада никогда не видела, чтобы живое существо передвигалось столь необычными зигзагами, молниеносно меняя направление.) Долина быстро опустела.

Преклонив колено возле добычи, Одиссей достал из-за пояса короткий искривлённый нож. Несколькими точными быстрыми ударами он распорол тёплое чрево, извлёк внутренности, отшвырнул их прочь (одна лишь печень зачем-то отправилась в пластиковый пакет), располосовал кожу от бёдра и, отрезав приличный кусок мяса, запрятал его в другой свёрток. После этого перерезал мёртвому созданию горло, слил кровь на землю и осторожно, стараясь не сломать, извлёк наружу копьё. Потом насухо вытер блестящее древко и наконечник о траву.

Ада ощутила подкатывающую волну тошноты; дабы не грохнуться в обморок перед товарищами, девушка присела и нагнула голову к самым коленям, выжидая, пока чёрные точки не перестанут плясать перед глазами. Впервые в жизни юной хозяйке Ардис-холла довелось увидеть, как человек убил животное и к тому же проворно

выпотрошил его, почти сняв шкуру. Боже, это выглядело так… *целесообразно*. Она устыдилась своей реакции, но ничего не могла поделать.

Харман заботливо тронул Аду за плечо; та отмахнулась, и он побрёл посмотреть на окровавленную тушу.

— Оставайся на месте, — окликнул его Одиссей.

Недавний именинник смущённо кашлянул.

— Так они же ускакали. Разве тебе не нужна помощь с…

Бородатый охотник поднял широкую ладонь, повелевая спутнику держаться подальше.

— Это лишь приманка. На самом деле… Замрите.

Ада и Харман обратили взоры на запад. Пара чёрно-бело-красных двуногих существ приближались на ужасающей скорости, ещё стремительнее, чем удирали травоядные. У владелицы Ардис-холла перехватило дыхание. Девяностодевятилетний мужчина остолбенел.

Сначала твари мчались к истекающей кровью туше и коленопреклонённому Одиссею, покрывая шестьдесят миль в час, потом внезапно затормозили, подняв густое облако пыли. Ада узнала тех самых кошмар-птиц, которые с борта

соньера казались столь забавными. (Подумаешь, страусы, неуклюжие бройлеры-переростки, и бегать-то толком не умеют.) Зато вблизи они повергали в трепет.

Мерзкие существа застыли в пяти шагах от желанной добычи и уставились на Одиссея. Мускулистые девятифутовые тела «птичек» покрывало белоснежное оперение, чернели только рудиментарные крылья и дюжие ноги, каждая толщиной с торс Ады. Уродливо загнутые клювы в три с лишним фута длиной были обведены красным, как будто вымочены в свежей крови; могучие мышцы, управляющие ими, заметно раздувались под кожей, как раз под ярко-алым длинным хохолком из шести перьев, торчащим позади. Злорадные жёлтые зрачки, окружённые синей радужкой, напоминали глаза возрождённых ящеров. Словно в дополнение к сильным кривым клювам, хищники скребли землю страшными когтями длиною в человеческое предплечье и рассекали воздух ещё более жуткими острыми наростами на сгибах крыльев.

Чутьё мгновенно подсказало хозяйке Ардис-холла: перед нею не простые падальщики, но беспощадные убийцы.

Одиссей выпрямился, держа в обеих руках по

копью. Кошмар-птицы разом вскинули головы, перемигнулись жёлтыми глазами и тут же разделились, точно прекрасно обученные танцоры, готовясь напасть на жертву с обеих сторон. На Аду повеяло зловонием хищников. Она ни секунды не сомневалась: длинные чешуйчатые ноги тварей, весящих не менее тонны, в один прыжок достигнут цели, а ещё раньше когти вытянутся вперёд, чтобы удобнее растерзать Одиссея. Существа действовали как единая слаженная команда смерти.

Бородатый мужчина не стал дожидаться, пока враги займут нужное им положение и нападут. С убийственной грацией он ровно, прямо и мощно метнул копьё в мускулистую грудь левой птицы и тут же развернулся лицом к той, что зашла справа. Поверженная тварь разразилась диким визгом, от которого в жилах девушки похолодела кровь и к которому вскоре присоединился торжествующий вопль Лаэртова сына. Охотник вскочил на окровавленное тело убитого животного, перебросил пику из левой ладони в правую и прицелился в глаз второму хищнику.

Первая птица качнулась назад, обхватила когтями копьё, торчащее из груди, и как соломинку переломила толстое дубовое древко. Другая же

принялась уворачиваться от выпадов, изгибая шею подобно ядовитой кобре, и всякий раз пытаясь сцапать оружие, которым так неожиданно вздумал уязвить её какой-то мелкий и беспёрый двуногий.

Одиссей стремительно отдёргивал копьё после каждого неудачного удара. Затем, не прекращая орать, отступил и вроде бы споткнулся о тушу, повалившись набок.

Незадетая птица решила воспользоваться отличной возможностью, прянула на шесть футов и свалилась на человека с небес, растопырив перед собой кровожадные когти.

Уже в падении сын Лаэрта молниеносно встал на колено и погрузил тупой конец древка в землю за миг до того, как противник навалился на копьё всей своей тяжестью. Бронзовый наконечник пронзил грудь и угодил прямо в сердце. Охотнику пришлось ещё раз откатиться, и громадный хищник безжизненно рухнул туда, где только что находился человек.

— Берегись! — воскликнул Харман и устремился в сражение.

Первая из кошмар-птиц — кровь по-прежнему сочилась из её раны, и острый обломок всё ещё торчал из груди — набросилась на Одиссея со

спины. Шестифутовая шея, похожая на змею в перьях, сделала выпад, и громадный клюв щёлкнул там, где оказалась бы голова мужчины, если бы он отступил. Но вместо этого герой из драмы метнулся вперёд и снова перекатился, на сей раз с пустыми руками. Хищник промчался мимо, однако живо развернулся, проявив почти столь же невероятную ловкость, как у скрывшихся «антилоп» с их причудливо изогнутыми ногами.

— Эй! — крикнул Харман и швырнул в птицу камнем.

Тварь снова вскинула голову, жёлтые глаза моргнули от неслыханной наглости, чудовище устремилось на дерзкого противника. Тот затормозил в грязи, визгливо ругнулся и рванул было наутёк, однако быстро смекнул, что не успеет. Тогда Харман решил встретить опасность лицом к лицу, широко расставил ступни и поднял кулаки, готовясь защищаться голыми руками.

Хозяйка Ардис-холла огляделась, ища камень или палку, — в общем, любое оружие. Ничего подходящего не подворачивалось, и она бесхитростно выпрямилась во весь рост.

Одиссей подпрыгнул на туше, будто на матраце, и вскочил на спину кошмар-птицы, одновременно выхватывая из ножен короткий меч. Тварь

продолжала нестись на Хармана и Аду, только теперь её шея изгибалась обратно, а гигантский красный клюв защёлкал о круглый щит охотника. Всякий раз, когда массивные челюсти смыкались, сына Лаэрта отбрасывало назад. Впрочем, он ловко прикрывался и плотнее сжимал ноги, как умелые наездники в туринской истории, потому и не падал. Но вот животное, вспомнив о Хармане, качнулось в противоположную сторону. Одиссей, не раздумывая, метнулся к змеиной шее. Блеснувший клинок чётко перерезал яремную вену.

Мужчина спрыгнул вниз и, удачно приземлившись на ноги, подбежал к своим спутникам. Кошмар-птица рухнула и недвижно замерла в десяти шагах от людей. Горячий алый фонтан взметнулся на целых пять футов к небесам, успокоился и затих: исполинское сердце перестало биться.

Шумно и часто дыша, всё ещё не расставаясь с обагрённым кровью и перепачканным оружием, сын Лаэрта усмехнулся в бороду:

— Я-то собирался укокошить одного, но второй тоже не помешает, верно?

Ада подошла к Харману и тронула его за плечо. Мужчина не обернулся. Взгляд его остекленел.

Одиссей деловито обезглавил ближайшую пти-

цу и, вскрыв при помощи ножа грудь, принялся отделять мясо от шкуры и перьев, да так спокойно и расторопно, как если бы помогал кому-нибудь избавиться от тёплого пальто.

— Понадобятся ещё пакеты, — обратился он к товарищам. — Они лежат в багажнике на корме нашего соньера. Прикажите машине открыть багажник, и она всё сделает. Только поспешите.

Недавний именинник замер на полпути:

— Спешить? Это почему?

Одиссей утёр перемазанную бороду тыльной стороной ладони, после чего сверкнул белыми зубами:

— Кошмар-птицы чуют кровь за десять лиг. Сами подумайте, в сумерках по долине бродят сотни вот таких парочек…

Харман побежал за пакетами со всех ног.

От внимания Ады не ускользнуло, что Сейви с Даэманом напились ещё до обеда.

Перед этим старуха сама, собственными руками приготовила пищу в зелёной стеклянной комнатке наверху башни. Пусть Вечная Жидовка всего лишь разогрела еду в обычной микроволновой печи, девушки, словно заворожённые, наблюдали за волшебным таинством. Они впервые по-настоящему оценили отсутствие сервиторов в

этом заброшенном краю.

Снаружи, на широкой опоре моста, Одиссей построил нелепое сооружение из камней и железа, внутри которого вскоре разгорелось пламя: бородач нарочно доставил из долины приличную кучу дров. Внезапный дождик не остановил его, но вынудил развести костёр ещё жарче. Оранжевая краска на башне покоробилась от огня и вздулась чёрными волдырями.

Задумчиво созерцая эту картину сквозь полупрозрачные стены, Харман отхлебнул вина из бокала и поинтересовался:

— Похоже, наш новый друг возвёл алтарь своим идолам?

— Нет, — усмехнулась Сейви, расставляя на круглом столе горячие тарелки и миски. — Это он так еду готовит. Позови его, будь любезен, а то наши блюда остынут раньше, чем Одиссей испепелит свои. К тому же приближается гроза, и торчать в такое время снаружи — не самое мудрое решение.

Наконец друзья расселись по местам, и старуха пустила по кругу кувшин с вином. Когда она принялась наливать себе, Ада расслышала тихий шёпот: «Baruch atah adonai, eloheno melech

ha olam, borai pri hafagen».[16] Все остальные хохотали над каким-то замечанием Даэмана и не обратили внимания на странное бормотание.

— Что это значит? — вполголоса спросила девушка.

В жизни она не сталкивалась с иными языками — разве что в туринской драме. Однако там перевод почти заглушал варварскую речь, поэтому не приходилось даже напрягаться, чтобы понять, что происходит.

Вечная Жидовка покачала головой: то ли сама не знала, то ли не желала объяснять.

— Я прошлась по всем уровням нашего моста и побывала в каждом из пузырей, — оживлённо щебетала Ханна. — Представляете, в нижних комнатах мне попались поразительные фигуры, сделанные из железа. Они стояли просто так, не выполняя никаких функций. И некоторые напоминали людей!

Старуха разразилась лающим смехом. В этот миг она снова наполняла бокал, на сей раз без таинственного бормотания.

— Это же статуи, — удивился Одиссей. — Вы что, никогда их не видели?

---

[16] notes: 16

«Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший плод виноградной лозы». Цитата из Торы, еврейская молитва.

Ханна медленно повела головой из стороны в сторону. Мысль о том, чтобы придавать вещам форму живых созданий, ошеломила даже её — девушку, которая провела много лет, учась отливать металлы.

— Они не знают искусства, — презрительно бросила Сейви, обращаясь к сыну Лаэрта. — У них нет ни скульптуры, ни живописи, ни ремёсел, ни фотографии, ни голографии, ни даже простейших генетических манипуляций. Ни музыки, ни танца, ни балета, ни спорта, ни песен. Ни архитектуры, ни театра Кабуки, ни пьес Но. Вообще ничего нет. В них не больше позывов к творчеству, чем у… неоперившихся птенцов. Хотя, погоди, беру свои слова назад. Ведь даже птицы умеют петь и строить гнёзда. Эти поздние *элои* — просто безголосые кукушки, что занимают чужие дома, не удосуживаясь и почирикать из благодарности!.. — Язык старухи начинал заплетаться.

Одиссей воззрился на троицу совершенно необъяснимым взглядом. А гости уставились на Сейви, тщетно пытаясь понять, что же её так рассердило.

— С другой стороны, — старуха пристально поглядела в глаза сыну Лаэрта, — литературы у

них тоже нет. Как и у вас.

Бородач улыбнулся. Юная хозяйка Ардис-холла признала эту ухмылку: точно с такой же он вырезал кусок мяса из бока убитого зверя. Перед ужином Одиссей как следует выкупался и до блеска промыл серебристые кудри, но Аде казалось, она по-прежнему видела на его руках спёкшуюся кровь. Всё-таки неразумно ведёт себя Вечная Жидовка, бросая вызов такому мужчине.

— Что же, человек дописьменной эры, познакомься с людьми послеписьменного поколения. — Сейви сделала ехидный жест, словно представляя их друг другу, после чего подняла указательный палец. — О, я забыла нашего уважаемого Хармана! Вот истинный Бальзак и Шекспир своего времени, ведь он читает на уровне шестилетнего ребёнка Потерянной Эпохи. Не так ли, Харман Ухр? Небось до сих пор шевелишь губами, складывая буквы в слова?

— Ну да, — чуть виновато улыбнулся мужчина. — Я и не догадывался, что можно по-другому. Четыре с лишним Двадцатки я потратил, дабы научиться хоть этому.

Ада чутьём уловила, что девяностодевятилетнему путешественнику нанесли глубокую обиду, но тот проглотил её, со смирением ожидая даль-

нейших событий.

Хозяйка Ардис-холла учтиво кашлянула.

— А как называлось то животное, которое ты… ну, прикончил сегодня? — весело и безмятежно заговорила она с Одиссеем. — То первое, перед кошмар-птицами?

— Для меня он просто — травоядный носошлеп, — сказал охотник и потянулся за деревянной тарелкой, на которой дымилось обугленное с виду мясо: он с намерением оставил собственную стряпню на отдельной стойке, чтобы не смущать не привыкших к подобной еде товарищей. — Хочешь попробовать?

Ада из уважения отделила крохотный кусочек и осторожно, при помощи вилки с ножом, переложила его к себе на блюдо.

— Я тоже не откажусь, — заметил Харман, и тарелка пошла по кругу.

Даэман и Ханна мрачно покосились на мясо, понюхали его и вежливо растянули губы, однако есть отказались. Сейви молча отодвинула жаркое от себя.

Ада медленно прожевала самый маленький ломтик, какой только сумела отрезать. Мясо имело потрясающий вкус, чем-то похожий на вкус бифштекса, только сочнее. Дым от костра

пропитал его ароматом, который невозможно получить ни в одной микроволновке. Девушка осмелела и взяла кусок побольше.

Герой из туринской драмы ел прямо с ножа, насаживая на лезвие тонкие полоски жаркого. Ада изо всех сил старалась не пялиться на это зрелище.

— Макраухения, — промолвила вдруг Сейви, подкладывая себе салатика и риса.

Кузина Даэмана вскинула голову: может быть, старуха снова шепчет свои заклинания?

— Прошу прощения? — произнёс коллекционер бабочек.

— Макраухения. Так звали животное, которое убил наш греческий друг и которого теперь уписывают эти двое, как если бы я не приготовила второго блюда. Пару миллионов лет назад несчастные твари водились тут, на равнинах Южной Америки, но вымерли задолго до появления людей. Эрэнкашники успели возродить их в шальные годы после Рубикона, пока «посты» не наложили запрет на беспорядочные опыты по восстановлению исчезнувших видов. Впрочем, кто-то посчитал, что раз уж макраухения тут, можно вернуть и фороракосов.

— Форо — кого? — не понял Даэман.

— Фороракосов. Кошмар-птиц. Эти доморощенные гении как-то не учли одного: твари были главными хищниками континента, по крайней мере до прихода саблезубых тигров из Северной Америки, когда спал уровень моря и стало возможно пешком перемещаться между материками. Вы-то, поди, и не знали, что Панамский перешеек снова ушёл под воду? Что земли опять разделились? — Она грозно повела вокруг пьяными глазами, хотя и явно отдавала себе отчёт, с какими невежами имеет дело.

Харман отпил ещё вина.

— Я вот думаю, стоит ли спрашивать, кто такие саблезубые тигры?

Венчая Жидовка пожала плечами:

— Здоровые, мать их, кошки с громадными, мать их, саблезубыми челюстями. Полакомятся кошмар-птичкой — и скажи спасибо, если кости выплюнут. Придурки учёные решили возродить этих хищников тоже. Только догадайтесь где? В Индии! Кто-нибудь здесь имеет представление, где она находится… в смысле, находилась… то бишь должна находиться? Нет? Когда постлюди отделили её от Азии, получился большой, провалиться бы ему, архипелаг.

Пятёрка молча смотрела на старуху.

— Благодарю за напоминание, — нарушил тишину Одиссей, подошёл к стойке и поставил на стол огромную тарелку. — Следующее блюдо у нас — кошмар-птица. Давно мечтаю попробовать, да всё руки не доходили. Кто ещё хочет?

Все, кроме Даэмана и Сейви, изъявили согласие. Разлили по бокалам ещё один кувшин вина. Снаружи яростно бушевала гроза, ослепительные зигзаги прочерчивали тьму вокруг моста, озаряя седловину и каменные развалины далеко внизу, а также тучи, клубящиеся вокруг зубчатых пиков.

Угостившись бледным птичьим мясом, Ада, Харман и Ханна обильно запили его водой и вином. Одиссей продолжал поглощать куски с короткого, кривого ножа.

— Это смахивает на… курятину, — произнесла наконец хозяйка Ардис-холла.

— Ага, — подтвердила её юная подруга. — Точно, на курятину.

— Только с необычным вкусом, — вмешался недавний именинник. — Насыщенным и горьковатым.

— А по мне, так скорее на грифа. — Сын Лаэрта проглотил ещё один ломоть и обнажил белые зубы. — В следующий раз надо будет взять побольше подливки.

В отличие от своих товарищей, Одиссей так и не притронулся к рису, удовольствовавшись мясом и вином. Разговоры сами собой затихли. За стенами неистовствовала ужасная гроза, молнии сверкали почти беспрерывно, заливая пузырь обеденной комнаты белоснежным сиянием. Ревущий ветер поминутно слабо раскачивал его, и во взглядах незваных гостей читалась плохо скрываемая тревога.

— Да ничего с нами не случится, — проворчала Сейви уже без прежней злости, как если бы недавняя вспышка помогла ей успокоиться. — Париглас не проводит электричество. И потом, пузырь намертво закреплён. Пока стоит мост — мы в полной безопасности. Хотя… — она отхлебнула вина и невесело усмехнулась, — строили-то его в незапамятные времена, так что ручаться не стану.

Когда худшая пора грозы миновала, Вечная Жидовка принялась разливать из древних стеклянных сосудов кофе и чай, а Ханна промолвила:

— Одиссей Ухр, ты обещал рассказать, как очутился здесь.

— Ты что же, хочешь выслушать все мои похождения с тех пор, когда мы с товарищами грабили священные холмы Пергама? — мягко

осведомился тот.

— Угу.

— Хорошо. Но прежде, полагаю, Сейви Ухр должна обсудить с вами одно дело.

Друзья вопрошающе посмотрели на старуху.

— Да, мне нужна ваша помощь, — начала она. — Веками я не показывалась в вашем мире, там, где войниксы и прочие недоброжелатели только и выжидают… Однако наш друг Одиссей явился сюда не без причины. И наши цели совпадают. Поэтому прошу вас, возьмите его к себе и дайте возможность побеседовать с вашими друзьями.

Четвёрка переглянулась.

— А почему он просто не факсует, куда сам пожелает? — подал голос Даэман.

Вечная Жидовка мотнула головой:

— Сын Лаэрта, как и я, не может пользоваться факсами.

— Ерунда. Любой может…

Сейви вздохнула и вылила в бокал последние капли вина.

— Мальчик мой, знаешь ли ты, что такое факс?

Собиратель бабочек расхохотался:

— Ещё бы! Это штука, которая помогает попасть туда, куда захочешь.

— Но тебе известно, *как она работает?* — не сдавалась старуха.

— Что значит «как»? — Молодой мужчина поразился её назойливости. — Работает, и всё тут. Вроде речки или сервиторов. Заходишь в один факс-портал, выходишь из другого.

Харман поднял широкую ладонь:

— Я, кажется, понял. Сейви Ухр имеет в виду принцип действия, почему так вообще получается?

— Я тоже иногда задумывалась, — вмешалась Ханна. — Правда. Можно построить печку и плавить в ней металл, это понятно. А вот как соорудить портал, который пересылает человека отсюда туда, и при этом даже не требуется… ходить?

Старуха рассмеялась:

— Этого и не происходит, милые мои. Ваши порталы никуда вас не отправляют. Они уничтожают вас. Разрывают атом за атомом. И даже те не путешествуют, а остаются на месте, ожидая другого «странника». Пользуясь факсами, люди не перемещаются. Вы умираете, а некая сила воссоздаёт вас где-нибудь ещё.

Между тем Одиссей попивал вино, лениво глядя на убывающую грозу. Он явно скучал. Зато

четвёрка уставилась на Сейви во все глаза.

— Но как же… — заикнулась Ада. — Это… Это…

— Безумие, — закончил за неё Даэман.

— Именно, — ухмыльнулась еврейка.

Харман прочистил горло и опустил на стол чашку с кофе.

— Погодите, если нас разрушают при каждом факсе, как получается, что, попадая на место, мы всё помним? — Он показал свою правую руку. — Или вот этот шрам. Я получил его семь лет назад. Обычно такие мелочи легко исправляют в лазарете, где мы бываем каждую Двадцатку…

Он умолк, словно и сам догадался.

— Правильно, — кивнула Сейви. — Машины сохраняют ваши маленькие недостатки, ваши воспоминания и клеточное строение. Между узлами пересылается информация, а не вы. Каждые двадцать лет *они* освежают ваши стареющие тела, люди называют это «посетить лазарет». Однако задумайтесь, почему однажды обновление прекращается? Куда вы отправитесь на следующий день рождения, Харман Ухр?

Тот, к кому она обращалась, не ответил. Вместо него заговорил Даэман:

— На кольца, глупая старуха. Все туда возносятся на Пятой Двадцатке.

— Чтобы превратиться в постлюдей. — Вечная Жидовка с трудом сдержала ехидную ухмылку. — Взойти на небеса и сесть по правую руку от… неизвестно кого.

— Д-да, — неуверенно пролепетала Ханна.

— Нет, — отрезала Сейви. — Понятия не имею, куда после сотни деваются ваши данные, хранящиеся в логосфере. Одно знаю точно: не на кольца. У меня сильное подозрение, что их преспокойно стирают. Выбрасывают на свалку.

Уже во второй раз за день Ада была близка к обмороку. И всё же именно она опомнилась прежде других:

— А всё-таки почему вы не можете пользоваться факс-узлами? Или вы сами выбираете…

«…не превращаться в горсть атомов, не дать себя на растерзание, словно бессмысленную звериную тушу, которой мы сегодня угощались…»

Девушка обмочила пальцы в бокале и провела ими по щекам.

— Логосфера не имеет данных Одиссея, — тихо промолвила старуха. — Первая же его попытка станет последней.

— Логосфера? — повторил Харман.

Сейви ещё раз уныло покачала головой:

— Это сложно объяснить. Чересчур сложно для

глупой старухи, перебравшей вина.

— Но ты растолкуешь нам попозже? — настаивал девяностодевятилетний мужчина.

— Я *покажу* вам завтра, — откликнулась старуха. — Прежде чем наши пути разойдутся.

Ада поймала взгляд Хармана: тот едва скрывал возбуждение.

— Подожди… Ведь эта самая сфера, чем бы она ни была, — Ханна сморщила лобик, — хранит записи о тебе? То есть при желании ты сможешь…

— О да, — печально усмехнулась еврейка. — *Меня* — то им не забыть. Тысячу с лишним лет назад я подобно прочим факсовала ежедневно. Теперь логосфера поджидает меня, словно невидимая кошмар-птица… И мгновенно вычислит. Стоит допустить оплошность, и вашей покорной слуге придёт конец.

— Да о чём ты? — изумилась Ханна.

— Давайте отложим технические подробности, — отмахнулась старуха. — Просто знайте, что ваши ненаглядные факсы не для нас с Одиссеем. И что мне к вам лучше не соваться.

— Почему? — Недавний именинник изогнул бровь. — В нашем мире нет насилия. Разве только в туринской драме. Так ведь это всё выдумки… — Он многозначительно покосился на сына Лаэрта,

однако тот не проронил ни слова.

Сейви допила последние капли.

— Просто поверьте, явиться в открытую для меня — смерть. А главное, поймите, ваши люди непременно должны увидеть Одиссея, поговорить с ним, выслушать его. Ну так что, примет его кто-нибудь у себя дома? Недельки на три? В крайнем случае на месяц…

— Только на три недели! — невежливо перебил её мужчина: похоже, ему не нравилось слышать о себе в третьем лице, как об отсутствующем. — И ни днём дольше.

— Ладно, пусть не дольше. Друзья мои, вы готовы проявить гостеприимство к этому пришельцу, чужаку в ваших краях?

— Разве его не подстерегает та же опасность, что и тебя? — усомнился Даэман.

— Одиссей Ухр в силах о себе позаботиться.

Наступило неловкое молчание. Четвёрка пыталась осознать неожиданную просьбу и последствия, которые повлечёт за собой её исполнение. Первым заговорил недавний именинник:

— Я бы с удовольствием. Но мне не терпится попасть туда, где, по твоим словам, может быть спрятан космический корабль. Кольца — вот моя цель, Сейви Ухр. К тому же ты же сама заметила,

мне осталось не так уж и много. Конец последней Двадцатки не за горами. Поэтому я лучше потрачу время на поиски судна. Если бы ты показала, как управлять соньером…

Старуха потёрла виски, словно у неё разболелась голова.

— Ты говоришь о Средиземном Бассейне? Туда не долететь, Харман Ухр.

— Это запрещено?

— Нет. Просто не долететь. И соньер, и прочие воздушные машины отключаются на той территории… — Вечная Жидовка сделала паузу и огляделась. — Однако мы можем дойти или доехать. Кстати, я так и не побывала там за долгие столетия. Хотя проводить сумею… *Если* один из вас исполнит мою просьбу.

— Я хочу с вами, — решительно заявила Ада.

— И я, — встрял Даэман. — С удовольствием посмотрю на этот-как-его-Бассейн. А чего уставились? Я вам не трус какой-нибудь. Спорим, я здесь единственный, кого сожрал аллозавр.

— За это надо выпить, — изрёк Одиссей и опустошил бокал.

Сейви перевела взгляд на Ханну:

— Остаёшься ты, моя милая.

— Вообще-то буду очень рада, — замялась де-

вушка, — но мы с матерью живём уединённо и редко собираем гостей.

— Боюсь, так не пойдёт, — помрачнела Сейви. — Три недели — короткий срок, и для начала потребуется место, которое знали бы многие. Вот Ардис-холл пришёлся бы как нельзя кстати. — Она бросила выразительный взгляд на Аду.

Та недоверчиво сощурилась:

— Откуда ты знаешь об Ардис-холле? Да и про всё прочее тоже: что Харман читает, как устроена Земля?.. Факсы не для тебя, свободно расхаживать между нами — опасно…

— А я наблюдаю. Наблюдаю и жду. Иногда выбираюсь в свет.

— Горящий Человек, — понимающе кивнула Ханна.

— И не только. — Старуха поднялась. — У вас усталый вид. Не пора ли по комнатам и баиньки? Завтра договорим. Тарелки можете оставить, я вымою.

Тарелки? Вымыть? Путешественники округлили глаза. Ах да, ведь поблизости ни единого сервитора.

Ада хотела взбунтоваться, мол, рано ещё спать, да и Одиссей не поведал свою историю. Потом посмотрела на своих спутников: у Ханны слипа-

лись веки, Даэмана так развезло, что он клевал носом, Харман вдруг по-настоящему состарился… Только тут девушка ощутила собственную усталость. В самом деле, денёк выдался не из лёгких. Пора и на покой.

Сын Лаэрта не спешил покидать столовую, но Сейви отвела друзей вниз по коридору, озаряемому лишь редкими грозовыми вспышками, потом по застеклённому эскалатору, что вился вокруг Золотых Ворот, и наконец на самый верх северной башни, где прямо к прозрачному тоннелю виноградной гроздью лепились пузырьки спальных комнат.

Первую дверь еврейка распахнула перед Ханной. Девушка замерла на пороге: она ожидала увидеть прозрачные изогнутые стены и потолок, но чтобы пол? Гостья сделала шаг вперёд — и тут же отпрыгнула обратно.

— Это совершенно безопасно, — заверила старуха.

— Ну, ладно, — вздохнула Ханна и попыталась ещё раз.

Кровать находилась у дальней стены; как и крохотный туалет с ванной, она была защищена от посторонних глаз. Зато стоило девушке опустить взгляд — восемью сотнями футов ниже ослепи-

тельные молнии чётко обрисовывали каменные развалины на склоне холма.

Осторожно переступая по невидимому стеклу, Ханна добралась до постели и благодарно рухнула на неё. Друзья рассмеялись и захлопали в ладоши.

— Интересно, как я ночью выйду кое-куда, если приспичит, — проворчала девушка.

— Ничего, Ханна Ухр, ты быстро обвыкнешься, — утешила её Сейви. — И запомни, дверь подчиняется только твоему голосу.

— Дверь, закройся, — кротко сказала девушка, и та затворилась.

Каждому из гостей отвели отдельные апартаменты. Даэман доковылял до кровати, не изъявляя ни малейшего страха перед зияющей под ногами бездной; Харман пожелал товарищам спокойной ночи; следующей поселилась Ада.

— Отоспись хорошенько, милая, — сказала Сейви. — Надеюсь, ты поднимешься рано: здесь бывают чудесные рассветы.

На постели лежало свежее атласное бельё. Девушка торопливо приняла горячий душ, просушила волосы, бросила одежду на стульчике возле раковины и в шёлковой сорочке забралась в кровать. Повернувшись к прозрачной стене,

юная хозяйка Ардис-холла устремила взгляд на горные, затянутые тучами пики. Гроза понемногу отходила на восток, молнии всё реже полыхали где-то вдали, а ближние вершины уже заливало бледное сияние луны. Ада свесила голову и посмотрела вниз, на мост и руины. Как там говорил Одиссей? Ягуары, бурундуки и привидения? Серые камни в зловещем ореоле и впрямь наводили на думы о призраках.

В дверь негромко постучали.

Девушка соскочила на прохладный пол, прошла через всю комнату и приложила пальцы к металлической створке.

— Кто здесь?

— Харман.

Сердце Ады подпрыгнуло. В глубине души она, конечно же, надеялась, мечтала, что мужчина присоединится к ней этой ночью.

— Дверь, откройся, — шепнула девушка и отступила назад, мимоходом полюбовавшись на свои стройные руки и белоснежную сорочку, озарённую молочным мерцанием.

Харман, тоже в одной пижаме синего шёлка, шагнул внутрь и подождал, пока хозяйка прикажет створке захлопнуться. Ада ждала. Вот сейчас он подхватит её на руки, пройдёт по невидимому

полу, бережно положит на мягкую постель… Каково это — заниматься любовью над бездной, среди туч и горных вершин?

— Нам нужно поговорить, — вполголоса промолвил мужчина.

Девушка молча кивнула.

— Я чувствую, что наш Одиссей должен провести эти недели в правильном месте, — выдохнул гость. — И что жилище Ханны ему не подходит.

Ада скрестила руки на груди. Надо же быть такой… На миг ей почудилось, будто холодный горный ветер подул сквозь стекло.

— Да ты же в первый раз его видишь, — шёпотом возмутилась девушка. — Что у него на уме?

— Согласен. Однако если сын Лаэрта — тот, за кого себя выдаёт, это может оказаться очень важно.

В сердце Ады закипела злоба. Кто он, собственно, такой, чтобы ей приказывать?

— Ну и приглашай его к себе домой, на здоровье!

— У меня нет дома, — произнёс ночной гость.

От неожиданности хозяйка заморгала. Непонятно. У *всех* есть дом.

— Я много лет провёл в странствиях. Пожитки возил с собой. Правда, в Парижском Кратере оста-

лось пустое, нежилое обиталище, там собраны мои книги.

Девушка открыла рот, но не нашлась что ответить. Харман подошёл к ней вплотную. Ада уловила чистое благоухание мужского тела. Так он тоже принял душ, прежде чем прийти? *«Значит, после этого разговора мы…»* её гнев бесследно улетучился. А гость не отступал:

— Мне просто необходимо попасть в Средиземный Бассейн вместе с Сейви. Шестьдесят с лишним лет разыскивать космический корабль, грезить о полёте на кольца, и вот, когда мечта почти уже в руках… Понимаешь, я не могу отказаться.

Девушка снова рассердилась:

— А как же я? Я тоже хочу с вами. Потому и помогала тебе всё это время.

— Знаю. — Он ласково коснулся её руки. — Это было бы замечательно. И всё же дело Одиссея сейчас важнее.

— Да, но…

— Мать Ханны ведёт слишком уединённую жизнь. И дом у них маленький.

— Да, но…

— И твой Ардис-холл подошёл бы *идеально*. — Выпустив её ладонь, мужчина продолжал

испепелять хозяйку настойчивым взглядом.

Небеса прояснились, и над округлым прозрачным потолком высыпали крупные звёзды.

— Верю, подошёл бы. — Девушка закусила губу, буквально разрываясь на части. — Знать бы только, что задумал этот сын Лаэрта… И кто он вообще такой.

— Конечно, нам известно очень мало. Вот и выяснишь всё, что нужно, пока мы будем обшаривать Средиземный Бассейн. А когда отыщем корабль, обещаю взять тебя в полёт.

Ада помедлила. Затем подняла глаза на Харман. Их лица почти соприкасались. *«Если бы мы не беседовали, он поцеловал бы меня…»* За стеной полыхнула запоздалая молния, и прозрачно-зелёные стены содрогнулись от грохота.

— Ладно, — зашептала девушка. — Пусть живёт у нас. Только мне потребуется помощь Ханны. И дай слово, что заберёшь меня туда, на кольца.

— Непременно, — заверил гость.

Потом склонился и действительно чмокнул её — увы, всего лишь в щёку. Словно добрый папочка, разочарованно подумала Ада, хотя девушка, как и все на Земле, никогда не видела своего отца.

Харман сделал вид, что собирается уходить. Од-

нако не успела его собеседница отворить дверь, как мужчина стремительно повернулся:

— Что ты думаешь об Одиссее?

— В каком смысле? — смутилась Ада. — То есть верю ли я в него?

— Нет. Я имел в виду, *что* ты о нём думаешь? Он интересует тебя?

— Э-э-э… Его история? Да уж, дух захватывает. Впрочем, пусть сначала выскажется. Тогда и решу, доверять ему или нет.

— Да я не об этом. — Мужчина запнулся и потёр подбородок. — Он-то сам тебе интересен? Нравится? Привлекает?

Девушке оставалось лишь рассмеяться. На востоке прогрохотало эхо дальнего грома.

— Ну и глупец! — промолвила она, утирая слёзы.

Потом, не в силах более сдерживаться, сама подошла к Харману, обвила его шею руками и поцеловала в губы.

Пару мгновений гость покорно принимал её ласки, затем крепко обнял и ответил на поцелуй. Сквозь тонкий шёлк, разделявший их, Ада ощутила растущее волнение Хармана. Лунный свет расплескался по лицам и рукам обоих подобно тёплому молоку. Внезапно ужасный вихрь нале-

тел на спальню, и пол закачался под ногами.

Гость подхватил Аду на руки и понёс на постель.

20
Море Фетиды на Марсе

— Думаю, именно Фальстаф заставил меня разлюбить Барда.

— А? — переспросил Манмут.

Его занимали иные проблемы: как довести погибающую лодку, дающую жалкие восемь узлов, до берега, что по-прежнему прятался за горизонтом; как удержать под контролем уцелевшие функции корабля, одновременно разглядывая небо сквозь перископ в поисках вражеских колесниц и мрачно размышляя о будущем, которое ждёт их на суше.

Орфу промолчал в тёмном затопленном трюме два с лишним часа. И вот вам, здравствуйте.

— Что там насчёт Фальстафа?

— Я просто говорю, что он заставил меня отвернуться от Шекспира и увлечься Прустом.

— А мне казалось, ты полюбишь этого героя, — удивился капитан. *— Он такой забавный.*

— Я и любил, — признался иониец. *— Даже воображал себя им. Хотел быть им. Да провались всё, я даже какое-то время выглядел, как он!*

Хозяин «Смуглой леди» попытался представить подобную картину. И не смог. Вместо этого ему пришлось вернуться к функциям судна и перископу.

— *И почему же твои взгляды изменились?*

— *Помнишь ту часть из «Генриха IV», где Фальстаф находит на поле брани тело Готспера Горячей Шпоры?*

— *Помню.*

Перископ и радар подтверждали: небо чисто от колесниц. Ночью Манмуту пришлось отбросить потухший реактор, и теперь лодка едва набирала шесть узлов, причём запасные аккумуляторы сели уже до четырёх процентов мощности. Капитан понимал, что повторного всплытия не избежать. На поверхности он заполнял свою каюту чистым воздухом до отказа, а весь кислород, произведённый кораблём, пересылал Орфу. К сожалению, оказалось невозможно просто перекачать часть марсианской атмосферы внутрь судна: системы безопасности не позволяли сделать этого.

— *Фальстаф пронзает лодыжку трупа «для верности»,* — подал голос иониец, — *а затем тащит его на спине, надеясь поживиться за счёт прославленного покойника.*

— *Ну да,* — отозвался хозяин «Смуглой леди».

Комсаты подтверждали близость берега, до которого оставалось километров тридцать, однако перископ до сих пор не обнаруживал признаков суши, а рисковать, направляя радар прямо перед собой, европейцу не хотелось. Он приготовился всплыть, одновременно принимая все меры, дабы в случае опасности стремительно погрузиться на дно.

— *«Главное достоинство храбрости — благоразумие, и именно оно спасло мне жизнь»,* — продекламировал Манмут. — *Все комментаторы шекспировского творчества: Блум, Годдард, Бредли, Морганн, Хазлитт и даже Эмерсон — единогласно причисляют Фальстафа к величайшим детищам гения.*

— *И пусть.* — Орфу замолчал, ожидая, пока балластные резервуары перестанут грохотать и трястись. Когда кругом воцарилась тишина и только волны плескались у корпуса, моравек спокойно закончил: — *Лично я нахожу его достойным презрения.*

— *Презрения?*

Лодка вырвалась на поверхность. Рассвет едва наступил, и здешнее солнце — во сто крат огромнее той блестящей точки, под светом которой прошло всё существование европейца, — толь-

ко-только начинало отрываться от горизонта. Хозяин корабля включил вентиляцию и жадно задышал солёным морским воздухом.

— *«Чем он одарён, кроме уменья пробовать херес? Чему научился, кроме разрезывания и пожирания каплунов? Чем он проявил себя, кроме обмана и подлости? Какие у него достоинства? — Никаких. Какие недостатки? — Все решительно»,* — процитировал краб.

— *Да, но ведь принц Гарри шутил, когда говорил это.*

Манмут решился плыть у самой водной глади. Так, разумеется, опаснее, недаром радар засекал новую колесницу каждый час или два. Зато наверху подводная лодка делала целых восемь узлов, да и ресурсы жизнеобеспечения частично растягивались.

— *Разве?* — переспросил Орфу. — *Во второй половине пьесы он отрёкся от беспутного обжоры.*

— *Чем заживо убил Фальстафа. «Король разбил ему сердце», как выразилась миссис Куикли,* — откликнулся маленький европеец, наслаждаясь кислородом и непрестанно думая о своём товарище, плавающем в одинокой темноте трюма. Уже первое всплытие показало, что ионийца не вытащить наружу посреди океана. Значит, следовало

дожидаться суши.

— *Негодяй получил по заслугам, я уверен,* — возразил Орфу. — *Как он исполнял приказ набрать рекрутов для битвы? За взятки отпустил на волю стоящих парней и набрал одних неудачников. Тех, что сам окрестил «пушечным мясом».*

«Смуглая леди» набирала обороты, рассекая невысокие волны. Капитан неотрывно следил за показаниями радара, сонара и перископа.

— *Но всем известно, Фальстаф интереснее того же принца Гарри,* — слегка растерялся Манмут. — *Он уморителен, исполнен жизненной правды, отказывается воевать, остроумен… По словам Хазлитта, «счастье свободы, обретённой в юморе, и есть сущность Фальстафа».*

— *Допустим,* — согласился иониец. — *Однако что это за свобода? Высмеивать всё и вся? Присваивать чужое и прятаться в кустах?*

— *Сэр Джон был рыцарем…* — вскинулся собеседник и вдруг серьёзно задумался над словами друга — этого шутливого, порою циничного комментатора причудливого бытия самих моравеков. — *Ты говоришь словно Корос III.*

Гигантский краб хохотнул:

— *Мне никогда не стать воином.*

— *А ганимедянин?.. Полагаешь, он убивал себе*

подобных во время той миссии к Поясу астероидов? — полюбопытствовал европеец.

— Что там произошло, нам уже не узнать. К тому же, по-моему, Корос был не менее щепетилен, чем каждый из нас. И не очень-то рвался в бой. Хотя по крайней мере он воспитал в себе качества истинного вождя и ответственность. А ведь именно за это Фальстаф издевался даже над своим любимцем Гарри!

— То есть сюда нас привело чувство долга? — уточнил хозяин судна.

Небо затянула рассветная дымка.

— Что-то в этом роде.

— Выходит, здесь ты предпочёл бы оказаться Готспером, нежели Фальстафом?

На линии послышался грохот.

— Поздновато для таких мыслей. «Я долгое время проводил без пользы, зато и время провело меня».

— Эй, это не оттуда.

— «Ричард Третий», — пояснил иониец.

— И теперь ты мнишь себя слишком старым для будущего?

М-да, знать бы самому, что принесёт это будущее.

— Как ни странно, да: без глаз, без ног, без рук,

без зубов и вроде бы даже без панциря я кажусь себе несколько староватым.

— Зубов у тебя отродясь не было.

Манмут задумался. Миссия Короса заключалась в том, чтобы провести разведку в районе вулкана Олимп и по возможности доставить Прибор на вершину. И вот «Смуглая леди» дышит на ладан, товарищ медленно умирает в затопленном отсеке… Хорошо, пусть даже он выживет и судно благополучно причалит к берегу. Орфу не способен ни видеть, ни передвигаться, ни укрыться от опасности. До цели — три тысячи километров пересечённой местности, над которой беспрестанно кружат летучие колесницы. Как же быть?

Хотя зачем ломать голову сейчас? Для начала надо попасть на сушу и освободить друга. Не больше одной задачи за раз, верно?

Лазурные небеса сияли обманчивой безмятежностью, усугубляя тревогу Манмута; лодка продолжала неуклюже шлёпать по открытой водной глади, заметная издали, будто на ладони.

— Погоди-ка, — заметил европеец. И через минуту повторил*: — Погоди-ка.*

— В чём дело?

— Земля. Я вижу землю.

— А что-нибудь ещё? Какие-то подробности?

— Сейчас настрою увеличение.

На пару мгновений краб затих, потом не выдержал:

— Ну?

— Каменные лица, — промолвил Манмут. *— В основном на вершинах утёсов. Тянутся от меня на восток, уходя за горизонт.*

— Лишь на восток? А на запад?

— Туда — нет. Головы кончаются как раз передо мной. Впереди сотни человечков — или как их там. Суетятся на скале и внизу, на пляже.

— Давай затаимся, — предложил краб. *— Ляжем на дно, а когда стемнеет, отыщем подходящую пещеру…*

— Поздно. «Смуглая леди» продержится ещё сорок минут. Кроме того, зелёные создания побросали работу (прежде они тянули на запад новые головы) и сбегаются на берег. Сотнями. Короче, нас заметили.

21
Илион

Я мог бы порассказать вам, что значит заниматься любовью с Еленой Троянской. Но не буду. Во-первых, это не по-джентльменски. Кроме того, личные подробности к делу не относятся. Хотя скажу, не кривя душой: когда завершился наш первый нежный поединок, и мы откинулись на взмокшие простыни, чтобы отдышаться и слегка остыть под прохладным дуновением бриза, предвещавшего шторм, так вот, если бы в тот самый миг мстительная Муза или обезумевшая Афродита вломились в чертог и прикончили меня на месте — Томас Хокенберри умер бы абсолютно счастливым, без единой жалобы на вторую быстротечную жизнь.

Примерно с минуту я упивался неземным покоем. И тут живот ощутил холод стали.

— Кто ты такой? — потребовала ответа Елена, сжимая в руке кинжал.

— Как? Твой…

Я посмотрел в глаза этой женщины — и ложь застряла в горле.

— Попробуй заявить, что ты мой муж, и клинок пронзит твои внутренности, — невозмутимо изрекла она. — Бессмертному подобная шутка не повредит. Если, конечно, ты бессмертный.

— Нет, — выдавил я.

Острый кончик ножа опасно щекотал кожу, готовый пустить мне кровь. *Откуда здесь кинжал?* Он что, скрывался под подушкой всё это время, пока мы?..

— Нет? Тогда как же ты принял вид Париса?

Ах да, передо мной сама Елена Троянская. Кратковечная дщерь Зевса. В её мире боги то и дело спят с кратковечными, оборотни разных мастей постоянно втираются в доверие к людям, а причинно-следственные связи не имеют ничего общего с привычными для нас понятиями.

— Бессмертные даровали мне способность… м-м-м… менять свой облик.

— Кто ты? — настаивала она. — Что ты такое?

В ровном голосе красавицы не слышалось ни злости, ни особого возмущения. Страх или ненависть не исказили её идеальные черты. Однако лезвие продолжало давить на мой живот. Женщина ждала ответа.

— Меня зовут Томас Хокенберри. Я схолиаст.

Пустая затея. Она всё равно ничего не поймёт.

Надо же, как неуклюже и коряво вклинилось моё имя в нежную мелодию античной речи.

— Тоу-мас Хок-эн-беа-уиии, — повторила супруга Париса. — Звучит по-персидски.

— Вообще-то нет, это смесь датского, немецкого и ирландского, — возразил я, осознавая, что на сей раз не просто порю чушь, но и смахиваю на сущего психа.

— Одевайся, — бросила она. — Потолкуем на террасе.

Просторная спальня Елены имела целых две террасы: одна выходила во дворик, другая наружу, на юго-восточную часть города. И разумеется, дочь Зевса повела меня на внешнюю половину, а не туда, где лежало спрятанное снаряжение. Красавица ни на миг не выпускала из рук короткий, остро заточенный клинок. Мы безмолвно постояли у перил. Огни города и случайные вспышки грозы бросали яркие блики на наши лица. Ветер легко развевал тонкую, полупрозрачную ткань хитонов.

— Ты божество? — спросила Елена.

Я чуть было не ответил «да». Но в эту минуту меня внезапно, горячо и неудержимо потянуло сказать правду. Хотя бы для разнообразия.

— Нет, — покачал я головой, — не божество.

— Так и знала, — кивнула красавица. — Если бы ты сейчас соврал, я бы точно выпотрошила тебя, как рыбу… — Тут она мрачно усмехнулась. — Олимпийцы иначе ведут себя в постели.

«Ну вот, нарвался», — кисло подумал я, хотя ничего не сказал.

— Как получается, что ты можешь принимать чужой облик? — не отставала Елена.

— Боги позволили…

— Зачем?

Кинжал блеснул в паре дюймов от моей груди, прикрытой одним лишь хитоном.

— Такова была их воля. — Я хотел пожать плечами, но припомнил, что этот жест ещё не вошёл в обиход. — Они хозяева. Моя работа — наблюдать за войной и обо всём им докладывать. Это проще делать, когда находишься в шкуре… другого человека.

Казалось, Елену вовсе не удивили мои слова.

— А мой троянский любовник? Что ты сделал с настоящим Парисом?

— С ним всё в порядке. Как только я покину оболочку Приамида, он вернётся к тому занятию, которое прервал.

— И где же он окажется?

Ну и вопросики. На засыпку.

— Э-э-э… там же, где и находился, когда я занял его оболочку. Наверное, покинет город, чтобы присоединиться к битве.

По правде говоря, получив своё тело, герой окажется в том месте, где очутился бы, если б не моё вмешательство — будет дрыхнуть или обхаживать рабыню в ставке Гектора, а может, даже сражаться. Но не объяснять же такие вещи Елене! Не думаю, что её увлечёт лекция о функционировании волн вероятности и квантово-темпоральном синхронизме. Я бы сразу запутался, рассказывая, почему ни Парис, ни окружающие не заметят его отсутствия, напротив, сохранят *воспоминания* о том, что он якобы сделал или сказал за это время. Квантовая последовательность сомкнётся в месте разрыва без малейшего шва, как только я выйду из чужой оболочки.

М-да, тут самому бы разобраться.

— Покинь его тело, — приказала дочь Зевса. — Покажи, каков ты на самом деле.

— Госпожа, если…

Она молниеносно взмахнула рукой, лезвие распороло шёлк и кожу, и по моему животу потекла тёплая кровь.

Медленно, очень медленно я поднял правую

ладонь, раскрыл меню функций и коснулся иконки на вибрасе.

И снова стал Томасом Хокенберри: ниже ростом, худощавее, неповоротливей, со слегка близоруким взглядом и редеющей шевелюрой.

Елена сощурилась и стремительно — настолько стремительно, что я не поверил своим глазам, — взметнула кинжал в воздух. Раздался треск разрезаемой… Нет, к счастью, не плоти, а всего лишь завязки хитона из бледного шёлка.

— Не двигайся, — прошептала красавица и свободной рукой сорвала одежды с моих плеч.

Побелев как смерть, я остался стоять обнажённым перед этой грозной женщиной. В этот миг моё фото послужило бы идеальной иллюстрацией для энциклопедии — если бы его поместили под словом «жалкий».

— Можешь одеваться, — изрекла Елена Троянская через минуту.

Я попытался нацепить хитон обратно. Пояса больше не было, половинки одеяния пришлось держать обеими руками. Супруга Париса казалась погружённой в раздумья. Несколько минут мы молча глядели на город. Даже в столь поздний час высокие башни Илиона сияли в мерцающем свете факелов. Крепостные валы у внешних стен

опоясывала цепочка смотровых костров. Далее на юге, за Скейскими воротами, полыхали горы трупов. Юго-западное небо клокотало чёрными тучами, из которых поминутно вырывались ослепительные вспышки. Звёзды померкли; в воздухе пахло дождём, неумолимо наползающим со стороны горы Ида.

— Как ты узнала, что я не Парис? — вымолвил я наконец.

Елена слегка встрепенулась и удостоила меня слабой улыбки.

— Женщина способна забыть, какого цвета глаза её любимого, как он говорит или смеётся, может даже не вспомнить его фигуру… Но перепутать мужа в постели?..

Настала моя очередь вздрогнуть от неожиданности. И не только из-за резкой прямоты её слов. Гомер буквально воспевал царственную наружность Приамида, сравнивал парня с жеребцом, «раскормленным в стойле». «Гордый собой. Высоко голова. По плечам его грива играет… Полон сознаньем своей красоты он. Мчат его лёгкие ноги…» Выражаясь убогим языком тинейджеров из моей прошлой жизни, «ещё тот шкаф». Так вот, в постели с Еленой у меня был тот же могучий, умащённый маслом бронзовый торс, те же буйные

волосы лились по моим плечам, и плоский живот напоминал твёрдостью стиральную доску…

— У тебя пенис больше, — вдруг сказала красавица.

Я даже заморгал от изумления. Правда, она употребила другое слово — не «пенис», ибо латынь ещё не возникла как самостоятельный язык, а нечто более сленговое, вроде нашего «хрена». Только это не важно. Когда мы занимались любовью, я обладал пенисом Париса…

— Да нет, я вовсе не поэтому отличила тебя, — пояснила Елена, словно прочитав мои мысли. — Это просто наблюдение.

— Тогда как же…

— Вот именно. *Как*. Ты завладел мной иначе, Хок-эн-беа-уиии.

Я не знал, что на это ответить. А если бы и знал, не смог бы ясно произнести ни звука.

Дочь Зевса опять улыбнулась:

— В первый раз мы были с Парисом не в Спарте, где он захватил меня, и не в Илионе, куда потом отвёз, а на маленьком островке Крона, по дороге сюда.

Я никогда не слышал об этом острове. Но поскольку в переводе с античного его название означает «скалистый», получается, сын Приама

прервал обратное плавание ради того, чтобы пристать к безымянному, покрытому камнями берегу, лишь бы остаться с пленницей наедине, подальше от любопытных глаз команды. Из чего можно заключить, что герой достаточно… нетерпелив. «Как и ты сам, Хокенберри», — отчётливо проговорил внутренний голос, удивительно смахивающий на пробудившуюся совесть. Слишком поздно пробудившуюся.

— С тех пор мы имели друг друга сотни раз, — мягко продолжала красавица. — Однако ничего подобного этой ночи между нами не случалось. Никогда.

Мамочки. Что это… похвала? Я так хорош или… Стоп! Ерунда. В поэме Гомер на каждом шагу превозносит богоподобный облик и чары Париса, величайшего любовника, перед которым не устоять ни кратковечной женщине, ни богине, а это значит лишь одно…

— Ты, — прервала мои смущённые думы Елена, — ты был… *серьёзен*.

Вот как. Серьёзен. Я потуже запахнул рваный хитон и в замешательстве уставился на грозовое небо. Серьёзен!..

— Искренен, — продолжала она. — Очень искренен.

Если ты не заткнёшься, подумалось мне, если не прекратишь подбирать синонимы к слову «ничтожный», я выкручу твоё белое запястье, отберу кинжал и сам полосну себе по горлу.

— Это боги направили тебя? — спросила красавица.

Может, всё-таки приврать? Даже у этой женщины с сердцем воительницы не поднялась бы рука распотрошить посланника с Олимпа. Но я снова выбрал правду. Елена читала меня, будто раскрытую книгу. И потом, ложь приедается…

— Нет, меня никто не направлял.

— Ты явился в этот дом, только чтобы побыть со мной?

Что ж, хотя бы на сей раз обошлось без непристойностей.

— Да. То есть не совсем.

Избранница Париса молча смотрела на меня. Где-то на улице громко захохотал мужчина. К нему присоединился звучный женский смех. Я же говорил, Илион никогда не спит.

— Как тебе объяснить? Всю войну, с самого первого дня мне было так одиноко… Безумно не хватало человеческого тепла, беседы, прикосновений…

— Теперь-то, надеюсь, хватило? — перебила

она, не то насмехаясь, не то обвиняя.

— Да, — отозвался я.

— У тебя есть супруга, Хок-эн-беа-уиии?

— Да. Нет. — Я замотал головой, чувствуя себя последним идиотом. — Наверное, когда-то я был женат… Только теперь моя жена мертва.

— *Наверное?*

— Видишь ли, бессмертные перенесли меня на Олимп сквозь пространство и время… — Всё равно не поймёт; ну и ладно. — Кажется, я умер в той жизни, а они каким-то образом восстановили мой прах. Но не память. По крайней мере не целиком. Иногда в голове возникают картинки из прошлого, зыбкие, как мечта или сон.

— Я знаю, о чём ты, — откликнулась Елена.

И схолиаст из двадцатого столетия поверил: действительно знает. Неясно откуда и всё же — знает.

— Кому именно ты служишь, Хок-эн-беа-уиии?

— Отчёты выслушивает одна из Муз. Однако лишь вчера стало известно, что моей жизнью управляет сама Афродита.

— Странно, — вскинулась красавица. — Моей тоже. Как раз вчера, когда она вытащила Париса из горячей схватки с Менелаем и перенесла в

нашу постель…[17] Сначала я отказывалась, но богиня угрожала предать меня губительной, испепеляющей ярости (это её слова) троянцев и ахейцев…

— А ещё покровительница любви… — негромко сказал я.

— Покровительница похоти. Вожделений, о которых мне столько известно, Хок-эн-беа-уиии.

И снова я не нашёл что ответить.

— Мою мать звали Леда, дщерь Ночи, — будничным тоном поведала Елена. — Однажды Громовержец спустился к ней и обольстил, приняв вид лебедя. Огромного такого самца… В нашем доме была фреска, изображающая моих старших братьев у алтаря Зевса. И меня — в виде большого белого яйца.

Тут я не сдержался и громко прыснул. Живот непроизвольно сжался, ожидая удара холодной стали.

Красавица лишь обнажила белые зубы.

— Так что не рассказывай мне про похищения или про то, каково быть пешкой в руках богов, Хок-эн-беа-уиии.

— Ну да. Когда Парис появился в Спарте…

---

[17] notes: 17

Тут Хокенберри противоречит сам себе: в шестой и девятой главах он утверждает, что поединок имел место несколько лет назад.

— Нет. Когда мне исполнилось одиннадцать, я была насильно увезена Тезеем из храма Артемиды Орфийской и вскоре понесла. Дочка, Ифигения, не вызывала в сердце нежных чувств, пришлось отдать её на воспитание Клитемнестре и Агамемнону. Братья избавили меня от ненавистного брака, забрали из Афин обратно в Спарту. Тезей же отправился с Геркулесом воевать против амазонок, потом женился на одной из них, вторгся в царство Аида, ну и заодно прогулялся по лабиринту Минотавра на Крите.

У меня начала кружиться голова. Троянцы, греки, божества — за плечами каждого из них долгим шлейфом тянулась какая-нибудь запутанная история, только и поджидающая удобного случая, чтобы обрушиться на несчастного слушателя. При чём это здесь?..

— Мне всё известно о вожделениях, Хок-эн-беауиии, — речитативом повторила Елена. — Великий царь Менелай назвал опозоренную девушку своей невестой, хотя такие мужчины предпочитают девственниц. Чистота породы для них важнее жизни. А потом явился Парис, наученный Афродитой, и снова похитил меня, увёз на чёрном корабле в Трою, точно… добычу.

Она остановилась. её глаза внимательно изу-

чали меня. Что здесь ответишь? Холодный, даже ироничный тон красавицы разверз передо мной непроглядную чёрную бездну горечи… Хотя нет, не горечи, спохватился я, заглянув в эти огромные очи. Их наполняла жуткая тоска. И смертельная усталость.

— Хок-эн-беа-уиии, — промолвила Елена, — ты тоже считаешь меня самой прекрасной женщиной в мире? Ты пришёл похитить меня?

— Нет, не за этим. Мне и самому некуда идти. Дни схолиаста Хокенберри сочтены. Я обманул Музу и её госпожу Афродиту. Богиня любви ранена Диомедом и проходит курс лечения, но когда она выйдет… Или мне конец, или мы не стоим сейчас на этой террасе.

— Даже так?

— Да.

— Идём в постель, Хок-эн-беа-уиии.

В серую предрассветную пору, спустя пару часов после нашей новой близости, я пробуждаюсь, чувствуя необыкновенный прилив сил. Лежу спиной к Елене, однако почему-то уверен: она тоже не спит на своей просторной кровати с затейливыми ножками.

— Хок-эн-беа-уиии?

— Что?

— Как же ты служишь Афродите и прочим богам?

С минуту я размышляю над вопросом. Затем поворачиваюсь. Прелестнейшая во вселенной женщина, освещённая тусклыми отблесками из окон, облокотилась на белый локоть; её долгие тёмные локоны, немного спутавшиеся за время нашей близости, ливнем стекают на обнажённые плечи и руку. Широко распахнутые глаза пристально смотрят на меня.

— О чём ты? — спрашиваю я, хотя и сам догадался.

— Зачем бессмертным переносить кого угодно «через время и пространство»? Тебе что-то известно?

Я на миг смыкаю веки. Как ей растолковать? Сказать правду будет чистым сумасшествием. Но, как я уже признавался, обман способен до того опостылеть…

— Эта война. Мне ведомы некоторые события, которые произойдут… могут произойти.

— Так ты оракул?

— Н-нет.

— Значит, пророк? Избранный жрец, одарённый божественным видением?

— Тоже нет.

— Тогда не понимаю, — хмурится Елена.

Я присаживаюсь на постели и устраиваюсь на подушках поудобнее. За окнами ещё не рассвело, хотя мы слышим несмелый голос первой утренней птицы.

— В моём мире есть песня, — шёпотом говорю я, — поэма об осаде Трои. До сих пор её сюжет удивительно повторял то, что творится вокруг нас.

— Ты странный. Говоришь, как будто бы осада и война давно закончились, стали пыльной историей в твоих краях.

Не признавайся, глупец!

— Вообще-то так оно и сесть.

— Ты — слуга Рока.

— Да нет же. Просто человек. Мужчина…

— О, это я *знаю*, Хок-эн-беа-уиии. — Она с лукавой улыбкой касается ложбинки между грудей, на которых я лежал в изнеможении этой ночью.

Покраснев словно рак, провожу ладонью по лицу. Щетина уже колется. И не побреешься, в казармы теперь нельзя… *Нашёл о чём беспокоиться. Тебе и жить-то осталось…*

— Если я спрошу о будущем, ты ответишь?

Её ласковый тон пугает сильнее крика.

Только этого не хватало. Начинаю хитрить.

— Ну, на самом деле я ведь не провидец. Это

всего лишь песня, так, некоторые подробности, да и те не всегда…

Елена кладёт мне руку на грудь:

— Ответишь?

— Да.

— Троя обречена? — её голос по-прежнему ровен, тих и безмятежен.

— Да.

— Город погубит сила или хитрость?

О боже, я не могу сказать.

— Хитрость.

Бывшая супруга Менелая улыбается. По-настоящему.

— Одиссей, — шепчет она.

Я не отзываюсь. Может, если не выдавать всех тонкостей, мои откровения не слишком повлияют на ход событий?

— Парис переживёт падение Трои? — вопрошает она.

— Нет.

— Кто его убьёт? Ахиллес?

Никаких подробностей! — орёт совесть.

— Н-нет.

Пропади всё пропадом.

— А благородный Гектор?

— Смерть, — откликаюсь я. Точно какой-нибудь

судья-фанатик виселицы, чума меня побери.

— От руки Ахиллеса?

— Да.

— А сам Ахиллес? Вернётся с войны невредимым?

— Нет.

Заколов Гектора, он подпишет свой приговор. И герою это отлично известно. Из пророчества, которое преследует его многие годы, словно раковая опухоль. Долгая благополучная жизнь или слава. Третьего Ахиллу не дано. Умри в глубокой старости простым человеком. Или полубогом, но теперь. Однако Гомер говорил, что парень сам выбрал… э-э-э… выбирает… тьфу, выберет. Судьба не предрешена!

— А царь Приам?

— Смерть, — сипло отзываюсь я.

Правителя зарежут в собственном дворце, прямо у Зевсова алтаря; изрубят на кровавые куски, точно жертвенного тельца.

— А сынишка Гектора Скамандрий, прозванный в народе Астианаксом?

— Смерть.

Пирр швыряет кричащего младенца с городской стены.

Я закрываю глаза.

— А что ждёт Андромаху? — шепчет Елена.

— Рабство.

Если она сейчас же не прекратит свой допрос, я непременно сойду с ума. Для безразличного схолиаста из далёкого будущего подобные разговоры в порядке вещей, но сейчас речь о тех, кого я знаю, с кем встречался… спал… Да! Почему её не интересует *собственное* завтра? Надеюсь, красавица не станет…

— А я? Погибну вместе с Илионом? — всё так же спокойно молвит любовница Париса.

Набираю в грудь воздуха:

— Нет.

— Менелай повстречает меня?

— Да.

Зачем-то вспоминается «Безумная восьмёрка» — чёрный шарик предсказаний, популярный в дни моего детства. Почему я не ответил, как та игрушка: «Будущее туманно» или «Спросите попозже»?! Сошёл бы за Дельфийского оракула. С какой стати распускать перья перед этой женщиной?

Поздно, доктор. Больной скончался.

— Супруг найдёт меня и оставит в живых? Я перенесу его гнев?

— Да.

Главный герой «Одиссеи» поведал о том, как Менелай отыскал беглянку в стенах царского дворца, в чертогах Деифоба неподалёку от хранилища палладия; о том, как обманутый муж бросился на неё с клинком, а та обнажила грудь, словно приветствуя убийцу; как острый клинок зазвенел о камни пола и разлучённые супруги слились в жарком поцелуе. Неясно, когда Менелай сразит Деифоба — до этой сцены или после…

— И мы вместе вернёмся в Спарту? — Голос Елены чуть слышен. — Парис падёт, Гектор падёт, все великие воины Илиона падут, прославленные троянки умрут или иссохнут от горя в рабстве, город сгорит, его стены рухнут, высокие башни будут разрушены, земля засыпана солью, чтобы на ней уже ничего не выросло… А я останусь жить? Уеду с Менелаем домой?

— Что-то в этом роде.

Болван!

Дочь Зевса перекатывается на постели, встаёт и нагишом выходит на террасу. На мгновение забыв свою роль гадалки, я благоговейно любуюсь тёмными волосами, струящимися по спине, безупречными ягодицами, сильными ногами. Красавица облокачивается на перила и, глядя на небо, произносит:

— Как насчёт тебя, Хок-эн-беа-уиии? Провидение раскрыло и твою судьбу в той песне?

— Нет, — честно признаюсь я перед ней. — Я не столь важная фигура для поэмы. И кроме того, не сомневаюсь, что умру сегодня.

Елена оборачивается. После всего, что было сказано, я ожидаю увидеть слёзы в прелестных глазах (если, конечно, красавица поверила хоть одному слову). Ничего подобного: на её губах играет лёгкая улыбка.

— Всего лишь «не сомневаешься»?

— Да.

— Тебя убьёт ярость Афродиты?

— Верно.

— Я видела, как она гневается, Хок-эн-беа-уиии. Одного её каприза достаточно, чтобы наслать чёрную гибель.

Спасибо на добром слове. Мы умолкаем. Через распахнутые двери внешней террасы доносится гул.

— Что там? — спрашиваю я.

— Троянки по-прежнему молят Афину о пощаде и божественном покровительстве, как велел Гектор. — Любовница Париса вновь устремляет взгляд во дворик, словно пытается отыскать ту единственную певчую птицу.

От этой богини им уже не дождаться милости.

Внезапно и безотчётно с моих уст срывается:

— Афродита хочет, чтобы я убил Афину. Она дала мне Шлем Аида и… другие средства для исполнения.

Елена стремительно поворачивается; даже в сумерках я вижу, как побледнело точёное, искажённое от ужаса лицо. Такое чувство, словно до неё наконец дошли мои мрачные предсказания. Всё ещё не одетая, она возвращается и опускается на край постели, где я лежу опершись на локоть.

— Ты сказал, *убить* Афину? — Красавица до предела понижает голос.

Я безмолвно киваю.

— Значит, *они* смертны? — Даже вблизи мне почти не слышен тихий шелест её слов.

— Думаю, да. Только вчера Громовержец бросил это в лицо Аресу.

Тут я рассказываю о раненых божествах и загадочной лечебнице и что Афродита, возможно, с минуты на минуту покинет целебный бак, ибо «завтра» уже настало.

— Погоди. Ты способен появляться на Олимпе? — шепчет избранница Париса, погрузившись в раздумья. Мало-помалу её потрясение превра-

щается во что-то… во что же? — И уходить, когда *сам пожелаешь?*

Осторожнее, Хокенберри. Ты и так наболтал лишнего. Вдруг это вовсе не Елена, а Муза, изменившая обличье? Не-ет, уверен: передо мной именно она. Не спрашивайте почему. А если даже я и не прав, плевать.

— Да, способен. — Я тоже понижаю голос, хотя слуги в доме ещё не пробудились. — Не только бывать там, но и оставаться невидимым для богов.

Дворец и весь город потонули в какой-то жуткой, напряжённой тишине. Лишь одинокая птица, обманутая мнимым рассветом, продолжает петь. Знаю, у главного входа должна вышагивать стража, однако я не слышу ни шороха сандалий, ни скрежета копий о камни. Вечно оживлённые улицы Илиона как будто притаились в ожидании. Странно: даже мольбы несчастных троянок больше не долетают до нас.

— Афродита вручила тебе… средство убить Афину? Божественное оружие?

— Нет.

Что толку показывать ей Шлем Аида или квитмедальон. Этим богиню не умертвишь.

В тонкой ладони снова мелькает знакомый кинжал. Откуда он взялся-то? Где она его прячет?

Похоже, каждый из нас хранит свои маленькие тайны.

Лезвие приближается.

— Если я зарежу тебя сейчас, — жарко дышит Елена, — это изменит вашу песню о судьбе Илиона? Скажется на *здешнем* будущем?

Томми, мальчик, не время откровенничать. Молчи!..

— Трудно сказать. Навряд ли. Если мне… суждено… погибнуть нынче утром, то какая разница, от чьей руки? Я не актёр этой драмы, а всего лишь зритель.

Дочь Зевса кивает с отсутствующим видом, словно вопрос о моей смерти — в любом случае дело второстепенное. Затем поднимает клинок, так что его остриё почти упирается в белую шею у самого подбородка.

— А если уйду я, проклятую песню перепишут?

— Не представляю, как это поможет Илиону или повлияет на исход войны.

Тут я, конечно, покривил душой. Елена — ключевой персонаж гомеровской поэмы. Кто знает, задержатся ли греки у берегов Трои, прослышав о самоубийстве бывшей супруги Менелая. Ради чего им сражаться дальше? Хотя… *Слава, честь, добыча*. С другой стороны, Агамемнон и Менелай

утратят главную награду, Ахиллес продолжает дуться в своей ставке… За что же воевать сонмам прочих ахейцев? После стольких лет грабежа на островах и прибрежных троянских землях трофеев у них предостаточно. Возможно, захватчики насытились и сами ищут повода вернуться домой. Это вполне объясняет поединок Париса и Менелая, призванный расставить точки… Тогда уход Елены ещё как способен остановить сечу.

Красавица медленно опускает клинок.

— Десять лет я думала совершить поступок, Хокэн-беа-уиии. Да только не решалась. Я слишком дорожу своей постылой жизнью — и слишком ненавижу смерть. Хотя и заслужила её.

— Нет, не заслужила, — возражаю я.

Опять эта улыбка.

— А Гектор заслужил? Или его сын? Или царственный Приам, великодушнейший из отцов? Слышишь шум на улицах? Горожане просыпаются — может, они заслужили? Богоподобный Ахиллес и те, чьи души улетят в холодный Аид, — кто из них должен платить за обманщицу, для которой похоть, суета и близость насильника стоят выше верности? А как насчёт тысяч благородных троянок, преданно угождавших мужьям и божествам? Вдали от родного дома, от малых

детей, не проклянут ли они виновницу своего рабства? Они что, достойны горькой участи только из-за моего нежелания вонзить нож в сердце, Хок-эн-беа-уиии?

— Ты не заслуживаешь смерти, — упрямо повторяю я.

Её пьянящий аромат пропитал мою кожу, волосы и кончики пальцев.

— Хорошо, — говорит красавица и прячет кинжал под простыню. — А ты поможешь мне уцелеть и сохранить волю? Прекратить эту войну? Или хотя бы свернуть историю с наезженной дороги?

— О чём ты?

Я будто бы очнулся ото сна. Принести победу троянцам, этого ещё не хватало! Даже если рискнуть, ничего не выйдет. В игру втянуто слишком много сил, причём не только человеческих…

— Елена, я ведь не шутил: у меня действительно больше нет времени. Афродита выздоравливает сегодня. Ей ничего не стоит выследить и прикончить беглого схолиаста на месте.

Дочь Зевса стягивает простыни с моего тела. Свет утренней зари проникает в спальню, и я наконец-то вижу Елену во всём великолепии — лучше, чем тогда, в купальне. Виновница

Троянской войны изящно усаживается на меня, кладёт одну тёплую ладонь на грудь, а другую опускает всё ниже, нащупывая, лаская, воодушевляя.

— Послушай, — произносит она, глядя на меня поверх соблазнительных сосков, — если собираешься изменить наши судьбы, найди чувствительную точку.

Приняв её слова за приглашение, я порываюсь…

— Не торопись, Хок-эн-беа-уиии. Я серьёзно. Намерен победить Рок — найди поворотную точку. И речь вовсе не о том, чем ты занят сейчас.

Это безумно тяжело, но я останавливаюсь, чтобы дослушать.

Спустя полтора часа город пробуждается, и я брожу по его дорогам в виде фракийского копьеносца, не расставаясь с полным снаряжением схолиаста. Солнце уже взошло, и улицы переполнены людьми: кто-то открывает пораньше лавку, другие гонят скотину на торг, солдаты в доспехах бахвалятся и спешат подкрепиться перед новой резнёй, загорелые дети шумят и носятся по лужам.

Неподалёку от рыночной площади встречаю Найтенгельзера. Он позаимствовал наружность

дарданского стражника, но мои линзы позволяют определить товарища с первого взгляда. Коллега завтракает за столиком нашей излюбленной уличной забегаловки. Найтенгельзер поднимает глаза и узнаёт меня.

Бежать, надеть Шлем Аида? Пожалуй, нет необходимости. Вместо этого я спокойно присоединяюсь к нему в тени невысокого дерева, заказываю фрукты и сушёную рыбу с хлебом.

— Перед рассветом наша Муза искала тебя в казармах, — сообщает розовощёкий схолиаст. — А потом ещё у стены. Она называла твоё имя. И кажется, была не в духе.

— Боишься, что нас заметят вместе? Хочешь, я отойду?

Найтенгельзер пожимает плечами:

— А толку-то? Все мы здесь временные гости. *Tempus edax rerum*.

Я столько лет общался и думал на древнегреческом, что целую секунду не могу сообразить, о чём разговор. Ах да, это же латынь: *Время — пожиратель вещей*. Наверное, он прав, однако мне позарез пригодилась бы ещё хоть парочка лишних часов. Разламываю свежий, горячий хлеб и наслаждаюсь его восхитительным вкусом, прихлёбывая сладкое вино. Корочка нынче хру-

стит как-то по-особому, мир вокруг благоухает, звучит и смотрится иначе — новее, что ли, удивительнее. Может, из-за ночной грозы? А может, и не только…

— Ты сегодня странно надушён, — замечает коллега.

Я по уши заливаюсь краской, хотя тут же понимаю, в чём дело. Елена настояла, чтобы перед уходом мы вдвоём приняли ванну. Кстати, старую рабыню, которая возглавляла девушек, носивших горячую воду, звали Эфра — и это оказалась та самая Эфра, дочь Питфея и мать знаменитого Тезея, способного насильно увезти одиннадцатилетнюю девочку. Имя этой служанки знакомо мне ещё со старших классов — правда, мой наставник, тонкий знаток «Илиады» доктор Фертиг утверждал, будто бы оно угодило на страницы поэмы совершенно случайно. Дескать, звучало подходяще: «Эфра, Питфеева дочь». Вот Гомер или его литературный предшественник и записал мать благородного афинского царя в простые рабыни, что, конечно же, не может соответствовать действительности… Ошибочка вышла, доктор Фертиг. Полчаса назад, когда наши обнажённые тела блаженствовали в тёплой купальне, Елена поведала мне историю старухи, похищенной

братьями красавицы Кастором и Полидевком в отместку за надругательство над любимой сестрой; в Трою Эфра переехала вместе с Парисом и новой хозяйкой.

— О чём-то задумался, Хокенберри? — говорит Найтенгельзер и снова вгоняет меня в краску.

Как раз в этот миг я представлял себе нежные груди Зевсовой дочери, окружённые радужной пеной. Доев кусок рыбы, спрашиваю, словно невзначай:

— Я тут ничего интересного не пропустил прошлым вечером?

— Вроде нет. Если не считать великую дуэль Гектора с Аяксом, которой мы ждали с первого дня, лишь только ахейские корабли коснулись носами здешних берегов… ну и *всю* седьмую песнь.

— А, ясно.

В песни седьмой ахейский исполин принимает вызов Гектора, но ничего не происходит. Ни один из противников даже не получил увечья, хотя у Теламонида был явный перевес. Когда вечерние сумерки вынудили бойцов прекратить поединок, те провозгласили перемирие, обменявшись в знак взаимной приязни оружием и доспехами, и обе стороны разошлись жечь своих мертвецов.

В общем, ничего серьёзного. Одно мгновение с Еленой стоит дороже этих дешёвых шоу.

— Да, вчера меня кое-что смутило, — начинает Найтенгельзер.

Я ем хлеб и жду продолжения.

— Помнишь, у Гомера Гектор покидает город вместе с братом и они поднимают войско в наступление? Парис ещё убивает Менесфия на первой минуте сражения?

— Ну?

— А потом советник Приама Антенор вразумляет сограждан возвратить Елену и все сокровища, награбленные на Аргосе, подобру-поздорову и отпустить ахейцев с миром?

— Это уже после того, как Гектор скорешился с Аяксом, потому что не смог его прикончить?

— Да-да.

— И что же?

Схолиаст опускает кубок на стол.

— А то. Парис лично отверг предложение Антенора насчёт своей женщины, хотя и согласился дать выкуп. Так ведь?

— И?..

Я уже понял, куда он клонит. В животе резко холодеет.

— Наш герой-любовник вообще не явился. Не

вышел из Скейских ворот, не проткнул Менесфия, даже не выступил на совете.

Я киваю, дожёвывая хлеб.

— И в чём дело?

— Ну как же! На нашем веку это самое заметное отклонение от поэмы, не находишь?

Притворно пожимаю плечами:

— Да ладно тебе. В седьмой песни ахейцы возводят стену из острых кольев и копают заградительные рвы вдоль побережья. Но мы-то знаем, что укрепления возникли в первые же месяцы осады. Автор иногда смещает эпизоды во времени.

Найтенгельзер внимательно смотрит на меня:

— Возможно. И всё-таки отсутствие Париса на собрании настораживает. В конце концов Приаму пришлось выступить от имени сына: тот, мол, никогда не отдал бы супругу, а вот на сокровища не поскупился бы. И, не выслушав самого похитителя, многие троянцы недовольно заворчали: вернуть бабу, и дело с концом. Понимаешь, чем тут пахнет, Хокенберри? Сегодня мы были на волоске от заключения мира!

Моя кожа покрывается мурашками. Так значит, наши невинные шалости с Еленой всё же изменили нечто важное. Если бы Музе были из-

вестны подробности поэмы — а это, слава Зевсу, не так, — она вмиг просекла бы, куда подевался царский сын.

— Ты уже доложил хозяйке? — тихо спрашиваю я.

Разумеется, это его прямая обязанность. Смена закончилась с наступлением темноты; по моей вине товарищ отчитывался на Олимпе в одиночку.

Схолиаст медленно откусывает и съедает кусок горбушки. Наконец поднимает глаза:

— Нет.

— Спасибо, — выдыхаю я.

— Идём отсюда. — Найтенгельзер поднимается с места.

И в самом деле: ресторан заполняют голодные троянцы и троянки, каждый нетерпеливо ждёт своей очереди. Я кидаю монетки на стол. Коллега с видом заговорщика хватает мой локоть.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Хокенберри.

Я гляжу ему в лицо. И твёрдо отчеканиваю:

— Понятия не имею.

На улице мы расходимся в разные стороны. Отыскав пустой переулок, надеваю Шлем Аида и трогаю квит-медальон.

Вершину Олимпа с её белыми домами и подстриженными лужайками золотит рассвет. Отчего-то здесь его лучи кажутся бледнее, да и само солнце будто бы съёживается, не то что в знойных небесах над Илионом.

Медальон перенёс меня, куда и следовало: к жилищу Музы. Из-под облаков, описывая широкие круги, стремительно слетает колесница Аполлона. «Сребролукий» приземляется и выходит наружу в каких-то двадцати футах от меня, затаившего дыхание от ужаса. Но Шлем Смерти по-прежнему действует, и покровитель стрелков спокойно удаляется.

Рядом стоит брошенная повозка богов; её-то мне и надо. Вчера я внимательно следил за Музой во время полёта. Ступаю в боковую нишу, осторожно прикасаюсь к пластине из бронзы — парой дюймов выше загорается прозрачная клавиатура. Я нажимаю иконки в том же порядке, что и хозяйка.

Колесница трясётся, поднимается футов на пятьдесят над зелёной вершиной, снова трясётся. Выворачиваю влево, трогаю стрелку «вперёд» и, резко дёрнувшись с места, огибаю с юга лазурное озеро. Если кто-нибудь заметит мою повозку, ему почудится, будто она летит сама собой, без седока.

Впрочем, бессмертных пока не видно.

За озером я плавно набираю высоту, высматривая нужное здание. А, вот оно — сразу за Великим Залом Собраний.

Внезапно какая-то богиня — я не успел разглядеть, кто именно — выходит на огромную лестницу и поднимает крик; прочие бессмертные сбегаются узнать, в чём дело. Слишком поздно: я уже наметил цель — грандиозную белоснежную постройку с открытой дверью.

Выжимаю рычаги до упора, пикирую к земле и устремляю колесницу в темнеющий проём. Только искусственная гравитация самой машины не даёт мне вылететь вон, когда повозка со скоростью сорок — пятьдесят миль в час проносится между громадных колонн у входа.

Внутри всё по-прежнему: в колоссальных ёмкостях булькает лиловая жидкость, и зелёные черви деловито копошатся вокруг уснувших раненых олимпийцев. Многолапый великан-целитель суетится возле бака Афродиты, явно собираясь извлечь её наружу. Его мушиные красные глазки смотрят в моём направлении, и железные конечности начинают бессмысленно дёргаться. К счастью, бедняга находится по ту сторону резервуара. Никто и ничто не стоит у меня на пути.

Колесница разгоняется.

И лишь в самый последний миг я решаю спрыгнуть. Должно быть, это из-за Елены, из-за нашей ночи и тех утраченных удовольствий жизни, что она пробудила в моей душе.

На полном ходу отрываюсь от повозки, больно приземляюсь и, кувыркнувшись через какую-то штуковину, замираю на полу. Чтоб вам! Плечо вывихнул. А то и сломал… Карета врезается в лечебный бак, по приёмному покою с грохотом разлетаются осколки стекла и пластика, лиловая дрянь хлещет к потолку стофутовым фонтаном. Не то бронзовый обломок колесницы, не то здоровенный кусок стекла перерезает доктора пополам.

Тело Афродиты выкатывается на пол с волной фиолетовой жидкости, облепленное умирающими зелёными червяками. Остальные резервуары сотрясаются от удара, однако не переворачиваются.

Тут же врубаются оглушительные сирены, клаксоны и прочая сигнализация. У меня намертво закладывает уши.

Пытаюсь подняться, но это невозможно: дикая боль пронзает голову, левую ногу и правое предплечье. Я бессильно падаю. Придётся ползти к

стене, подальше от липкой лиловой лужи. Не думаю, что химикалии повредят здоровью, просто в грязи лишь слепой не разглядит отпечаток моего тела. Перед глазами пляшут чёрные точки. Ещё немного — и отключусь. В просторную палату стремительно вбегают боги, откуда-то появляются таинственные летающие машинки.

За миг до того, как потерять сознание, я вижу Зевса в развевающейся мантии; его ужасные брови грозно сведены.

Всё, ребята, дальше играйте без меня. Изможденно упираюсь лбом в холодный пол. Веки смыкаются, и тьма покрывает мне очи.

22
Берег Долины Хриза

— Я убил своего друга, Орфу с Ио, — сообщил Манмут Вильяму Шекспиру.

Оба прогуливались по берегу Темзы в окрестностях Лондона. Стоял конец лета тысяча пятьсот девяносто второго года, хотя моравек и не мог бы сказать, откуда ему это известно. На реке суетились ялики, баржи и мелкие суда с низенькими мачтами. За домами в стиле Тюдора и высокими полуобрушенными зданиями на северном берегу высились бесчисленные шпили колоколен и несколько незаконченных башен. Жаркая мгла повисла над берегами и трущобами по обе стороны Темзы.

— Я должен был спасти его, но не сумел, — пояснил крошечный европеец, ускоряя шаг, дабы поспеть за драматургом.

В серых глазах поэта плясали зелёные искры. Шекспир оказался коренастым мужчиной намного старше двадцати, сладкоречивым и одетым гораздо приличнее, чем ожидал Манмут от простого театрального актёра. Заострённый овал

лица окаймляла уже отступающая назад линия каштановых волос, бакенбарды, еле заметная бородка и тонкие усики — создавалось такое ощущение, словно Бард осторожно борется с надоевшим обликом. В левом ухе красовалось маленькое золотое кольцо, на плечах чёрного камзола лежал широкий мягкий воротник белой блузы с длинными шнурками.

В голове моравека теснилась тысяча вопросов типа: «Что вы сейчас пишете?», «Каково это — жить в городе, который вскоре охватит чума?» и «Существует ли тайная структура в цикле сонетов?» — однако всё, на что он был способен, — это вспоминать Орфу.

— Я ведь пытался ему помочь, — изливал душу европеец. — А потом реактор «Смуглой леди» заглох, и батареи разрядились в пяти километрах от земли. Я как раз искал вход в одну из прибрежных пещер — подходящее место, чтобы укрыть подлодку.

— «Смуглая леди»? — прервал его Шекспир. — Так зовётся ваше судно?

— Да.

— Умоляю, продолжайте.

— Мы с другом говорили о каменных лицах. Стояла ночь, мы причалили к берегу под покро-

вом темноты, но я воспользовался прибором ночного видения и всё подробно рассказывал. Орфу был ещё жив. Подлодка производила достаточно О-два…

— О-два?

— Воздух. Так вот, я описывал товарищу гигантские каменные головы…

— Гигантские каменные головы? Статуи, верно?

— Мощные монолиты высотой под двадцать метров.

— Вы разглядели изваяния? — заинтересовался Бард. — Они изображали кого-то из вашего круга? А может, великого короля или завоевателя?

— Сказать по правде, они находились чересчур далеко, и я не разобрал черты.

Собеседники приблизились к широкому многоарочному мосту, застроенному трёхэтажными зданиями. На улочке четырёх метров в ширину, скорее смахивающей на туннель, толпы прохожих отчаянно старались разминуться со стадом овец, которое гнали в город с южных пастбищ. И вдоль всей дороги на острых кольях торчало множество человеческих голов — кое-где они уже высохли и мумифицировались, некоторые стали почти черепами, если не считать редкие

клочья волос и клочки красноватой плоти, иные же поражали румянцем на щеках и ещё не поблёкших губах.

— Что это? — выдавил из себя Манмут, чувствуя, как холодеют органические внутренности.

— Лондонский мост. — Шекспир пожал плечами. — Поведайте же мне о вашем друге.

Устав глазеть на прославленного драматурга снизу вверх, моравек забрался на каменную стену, что служила перилами. На востоке громоздилась неприступная башня грозного вида — *та самая* башня из «Ричарда III», предположил капитан подлодки. «Я сплю или умираю от недостатка воздуха, — решил он про себя. — Однако не позволю этому сну прекратиться, не задав хотя бы одного главного вопроса».

— Вы уже взялись за свои сонеты, мастер Шекспир?

Драматург с улыбкой посмотрел на зловонную Темзу и обернулся на смердящий город. Повсюду лежали нечистоты, в лужах разлагались конские трупы, окровавленные части куриных тушек плавали в сточных канавах и плавно кружились в затхлых заводях. Маленький европеец давно уже вырубил все обонятельные датчики. Для него оставалось загадкой, как люди со здоровыми но-

сами, не подлежащими отключению, способны выдерживать подобное издевательство.

— Откуда вам известно о моих первых опытах сонетов? — промолвил Бард.

Манмут по-человечьи пожал плечами:

— Обычная догадка. Так вы их начали?

— Я подумывал развлечься с этой поэтической формой, — признал драматург.

— А кто тот юноша, которому посвящены стихи? — спросил моравек, еле дыша от восторга. Неужели на его долю выпадет счастье разгадать тайну многих веков? — Уж не граф ли Саутгемптон, Генрих Ризли?

Актёр Королевского театра заморгал от изумления и внимательно вгляделся в собеседника.

— Похоже, вы следуете за мной по пятам, крохотный Калибан.

Хозяин «Смуглой леди» кивнул:

— Стало быть, это он? Ризли?

— Его светлость встретит в октябре свою девятнадцатую осень, и говорят, нежный пушок над его губой уже превращается в жёсткую щетину. Не очень-то годится для «юноши».

— Тогда Уильям Герберт, — высказался европеец. — Ему только двенадцать, и третьим графом Пембрук он станет через девять лет.

— О, вы умеете предвидеть будущие взлёты и падения? — с тонкой иронией изрёк Шекспир. — Мастеру Калибану подвластен Океан Времени, а не одни лишь марсианские моря, которые мы здесь упоминали?

Манмут был слишком возбуждён, чтобы отвечать.

— Знаменитое издание 1623 года вы посвятите Уильяму Герберту и его брату, а когда сонеты напечатают, на титульном листе будет стоять «г-ну У.Г.».

Драматург уставился на собеседника, как на порождение горячечного бреда.

«О нет, мастер Шекспир, в действительности это вы — предсмертный бред задыхающегося мозга», — подумал моравек. А вслух произнёс:

— Мне просто любопытно, как можно иметь любовником юношу или мальчика.

К изумлению капитана «Смуглой леди», Бард выхватил из-за пояса кинжал и подвёл остриё прямо к шее существа.

— Есть ли у вас глаз, маленький Калибан, чтобы мне пронзить его?

Осторожно, боясь оцарапать долговременную плоть ещё глубже, Манмут промолвил:

— Тысяча извинений. Я здесь чужой и незнаком

с вашими обычаями.

— Видишь ли те три ближайших головы, насаженные на колья?

Моравек опасливо покосился:

— Вижу…

— Ещё неделю назад их обладатели тоже были незнакомы с нашими манерами, — прошептал поэт.

— О да, понимаю. Я не желал оскорбить вас, сэр.

Грозный клинок скользнул обратно в кожаные ножны. Маленький европеец припомнил, что актёры всегда питали слабость к выразительным позам и цветастым выражениям. Хотя, конечно, заточенный кинжал не имел ничего общего со сценическим реквизитом. Как, впрочем, и ответ Шекспира не был отрицанием — в подлинном смысле слова.

Собеседники одновременно повернулись к Темзе. Чудовищно огромное рыжее солнце нависло над рекой в закатной дымке. Шекспир заговорил, негромко и мягко:

— Если я когда-нибудь и напишу сонеты, о Калибан, то лишь исследую в них заново свои ошибки, слабости, сделки с совестью, тщеславие и мучительные неясности жизненного пути

— подобно тому, как мы щупаем языком окровавленную дырку в десне после стычки в таверне. Поведайте же мне о гибели своего друга, этого Орфу с Ио.

Манмут не сразу уловил суть вопроса. Ах да…

— Я не смог завести «Смуглую леди» в одну из прибрежных пещер. Пытался, но не смог. Реактор внезапно вырубился, и мы остались без тока. Подлодка проплыла ещё чуть-чуть, менее четырёх морских миль, я опустошил ёмкости с балластом, и всё-таки мы затонули в трёх километрах от берега.

Он бросил взгляд на поэта. Казалось, тот слушает очень внимательно. Стены домов за его спиной окрасились неповторимым алым цветом заката на Темзе.

— Я выбрался наружу, переключился на автономное дыхание и нырял несколько часов подряд, — продолжал Манмут. — Инструментов почти не осталось: нагрудный фонарь, немного ацетилена да пальцы манипуляторов. Я не сумел ни вскрыть двери отсека, ни расчистить завалы в затопленном коридоре. Какое-то время Орфу поддерживал со мною связь — пока внутренние системы подлодки не отказали окончательно. Знаете, в его голосе не слышалось ни беспокой-

ства, ни страха, только усталость… страшная усталость. До последней минуты. Там, внизу, было очень темно. Вроде бы я потерял сознание. Наверное, так и лежу теперь на дне марсианского океана, скончавшись вместе с Орфу. Или же медленно умираю, и клетки органического мозга в предсмертном всплеске активности рождают видение о нашем разговоре.

— В твоей груди сердца живые бьются всех тех, кого давно ты схоронил, — монотонно изрёк Шекспир, — возлюбленных, что больше не вернутся, друзей твоих, что спят во тьме могил.[18]

Моравек очнулся на суше. В косых лучах марсианского утра он увидел над собой дюжины маленьких человечков с полупрозрачными зелёными лицами. Их чёрные глазки пристально смотрели на робота. Когда тот поднялся со слабым жужжанием сервоприводов и сел, существа отступили на пару шагов.

О небо, ну и *малыши*. Ещё ниже Манмута. Бесполые обнажённые существа отдалённо смахивали на гуманоидов: две руки, две ноги — однако, приглядевшись, моравек не заметил ни ушей, ни ртов. Трёхпалые конечности придавали им

[18] notes: 18
Сонет 31. Изм. перевод Сергея Степанова.

особое сходство с мультперсонажами из медиаархивов Потерянной Эпохи. Плоть этих странных созданий напоминала мягкий прозрачный пластик, внутри которого булькали и перекатывались пузыри, зелёные комки, частички и крупные капли непонятного происхождения, точно в лампе, подаренной Уртцвайлем и погребённой теперь на дне океана. Никаких вен или полноценных органов.

По тропинке, прорубленной в скале, спускались посмотреть на Манмута новые и новые человечки. На краю утёса лежала привязанная к деревянным роликам громадная каменная голова. Ещё одна возвышалась на берегу километром восточнее. Черты лица было не разобрать. А, к чёрту дурацкую башку!

Моравек обернулся на море. Тёплые волны накатывались на песок с точностью ударов метронома. *Где же «Смуглая леди»?*

Вот и она — за две сотни метров от пляжа. Часть верхнего корпуса с командной надстройкой покачивалась над водой. Эхолот и сонар умерли ещё раньше подлодки. Манмуту пришлось испытать самую горькую обиду капитанов: он пережил собственное судно. Европеец вспомнил, как бешено тряс двери грузового отсека, стоя в клубах

поднятого ила и донной мути. Верно, он лишился сознания и каким-то образом выплыл на берег.

«Орфу! Сколько же времени я провёл в грёзах о Шекспире?» Чуть менее четырёх часов, подсказал внутренний хронометр.

«Он ещё может быть жив».

Моравек зашагал к воде, намереваясь брести по дну столько, сколько потребуется.

Десяток маленьких зелёных человечков преградил ему путь. Затем их стало двадцать. Потом пятьдесят. И вот добрая сотня существ окружила незваного гостя.

Манмут никогда не поднимал руки в гневе, но сейчас он ощутил готовность драться, растерзать, разбросать ненавистную орду, если придётся. Хорошо, вначале он попробует убедить их словами.

— Уйдите с дороги, — провещал европеец на полной громкости и сам поразился звучанию собственного голоса в атмосфере Марса. — Пожалуйста.

Чёрные глазки зеленоликих созданий буквально сверлили пришельца. Однако где уши, чтобы услышать его, или уста, чтобы ответить?

Моравек печально рассмеялся и двинулся на толпу, зная, что ничего не добьётся в одиночку. Твари просто навалятся на него и порвут в кло-

чья. О нет. Мысль о подобной жестокости привела органику Манмута в смятение.

Одно из существ подняло руку, словно прося чужака остановиться. Европеец притормозил. Зелёные головы дружно повернулись направо, толпа разделилась, и к любителю сонетов приблизилось создание, ничем не отличающееся от других. Остановившись перед пришельцем, оно протянуло руки вперёд, сложив их будто бы для молитвы.

Манмут не понял. Да он и не собирался копаться в тонкостях здешнего языка жестов в то время, когда Орфу…

Моравек попытался обойти человечка, однако дюжина других тут же сомкнула ряды вокруг посла, преградив путь к морю. Так-то, либо сражайся сейчас же, либо удели внимание назойливому немому.

Европеец испустил вздох, очень похожий на стон, встал как вкопанный и повторил жест зелёной фигурки.

Посол покачал головой, взял пришельца за левую руку (датчики моравека, органические и не только, отметили, что перед ним холоднокровное существо), затем отпустил её, схватил правую и приложил к своей прохладной груди. Человечек

надавил сильнее, пальцы упёрлись и… проникли вовнутрь.

Манмут содрогнулся в отвращении, но странная тварь не разжала железной хватки, и ему пришлось наблюдать за собственной тёмной ладонью, которая погрузилась в жидкую грудь; светопроницаемая плоть сомкнулась у локтя вакуумным швом.

Каждый из человечков поднял свои ладошки к груди.

Растопыренные пальцы моравека нащупали нечто твёрдое, неправильной сферической формы. Зелёный шарик размером с человеческое сердце тихо трепетал.

Существо надавило снова, и европеец осознал, что от него требуется. Он аккуратно взял таинственный орган в руку.

ЧТО

ТЕБЕ

НУЖНО?

Потрясённый, перепуганный Манмут едва не вырвал руку, однако пересилил себя и продолжал обнимать зелёный шарик-сердце. Моравек *почувствовал*, а не услышал вопрос — каким-то образом тот перетёк в мозг посредством толчков

и пульсаций. Слова не понадобились: ни английские, ни французские, ни русские, ни китайские, ни Первичные… В общем, любой известный язык не имел отношения к подобному способу общения. Манмут не знал, как следует отвечать, поэтому просто сказал:

— Я должен спасти своего друга. Он заперт внутри лодки.

Сто пятьдесят зелёных голов одновременно повернулись в направлении «Смуглой леди». Три сотни чёрных очей внимательно посмотрели на судно и вновь уставились на пришельца.

СКАЖИ

ПРИ

ПОМОЩИ

МЫСЛЕЙ,

ГДЕ

ОН.

Прикрыв глаза, моравек себе представил Орфу в затопленном грузовом отсеке, а также наружные двери и коридор. По руке пробежал трепет.

ПОДОЖДИ.

Хватка вокруг запястья ослабла, и европеец

вырвал ладонь со звучным хлюпаньем. Маленький зелёный человечек повалился на песок, скорчился на боку и замер. Пузырьки и комки в его теле перестали перемещаться, глаза подёрнулись белой пеленой и слепо уставились в никуда, пальцы сомкнулись в кулак и больше не разжимались. Сто сорок с лишним созданий развернулись и отправились прочь с явным намерением спасти Орфу.

Манмут рухнул на берег подле недвижного и очевидно безжизненного тела. «Святые угодники! Общение убивает их».

По крутой дорожке с горного кряжа сошли ещё сто человечков. Двести. Триста. Шестьсот… Моравек устал считать, встал и, несмотря на последнюю волю погибшего переговорщика, побрёл, а затем поплыл сквозь лёгкий прибой к затонувшей подлодке. Спустившись в сухую каюту, капитан проверил, не ожил ли хотя бы один аккумулятор. Чуда не произошло. Манмут открыл шлюз и поплыл по коридору к нижнему грузовому отсеку. Нет, здесь к ионийцу точно не пробиться, решил он, поднялся к себе и ещё раз испробовал кабельную связь. Тишина. На столе в водонепроницаемой упаковке лежало издание Шекспира в твёрдой обложке. Европеец запихнул

его в рюкзак, приготовленный на случай, если вдруг удастся вытащить Орфу, — там уже находились «чёрный ящик» судна, распечатки карт, ракетница и аккумуляторы.

Маленькие зелёные человечки доставили громадные мотки канатов и несколько роликов, с помощью которых перетаскивали громадные каменные головы. Таинственные создания проявили невообразимую работоспособность. Одни сразу же направились к берегу и закрепили концы верёвок у края прибоя, другие погрузили стержни роликов глубоко в песок, третьи забили их же в скалу, устроив тянущие шкивы для подлодки.

«Смуглая леди» весила довольно много, в особенности с повреждённым реактором, залитыми водой отделениями и коридорами. Манмут не мог вообразить, чтобы крохотные человечки в самом деле сдвинули её с места.

Но им это удалось.

В течение двадцати минут лодку опутала паутина из сотен чёрных канатов, каждый из которых тянуло маленькое зелёное существо. Марсиане понимали, что выполняют спасательную миссию; первым делом они подтолкнули судно слева, чтобы перевернуть его на правый бок.

Повинуясь невольному порыву, моравек едва не кинулся помогать, однако вовремя осознал, насколько это бессмысленно. Поэтому он продолжал ждать, сидя на корпусе плывущей подводной лодки. Как только обнажились двери грузового отделения, он соскочил на мелководье и включил нагрудные лампы на полную мощность.

Двери отсека перекосило и частично расплавило при вторжении в атмосферу; капитан раздвинул их на пару сантиметров, после чего отсек совершенно заклинило. Едва не разрыдавшись от разочарования, Манмут с бессильной злобой ударил по корпусу, но вдруг вспомнил, что не один, и яростно развернулся.

С полдюжины зелёных человечков стояли рядом на дне и глядели на пришельца. Похоже, они вовсе не нуждались в кислороде для дыхания.

Не желая платить ужасную цену за «переговоры», европеец осветил секцию дверей, молча указал на поверхность, изобразил жестами, будто бы закрепляет кабели вокруг выступающего фланца и дёргает.

Шестеро существ разом кивнули и устремились вверх.

Вскоре они приплыли обратно; на сей раз их оказалось шестьдесят. Как и прежде, работа спо-

рилась на диво, человечки трудились словно единый разумный организм. Несколько минут спустя, когда множество крепких тросов обвили нужный отсек лодки, марсиане жестами позвали Манмута за собой. И опять он пристроился на корпусе «Смуглой леди», дыша чистым воздухом, грея свою полимерную кожу в лучах солнца, пока сотни МЗЧ тянули судно к берегу. Тянули. Тянули. И тянули.

Обшивка затрещала, подлодка крякнула, покачнулась и, наконец, перевернулась брюхом вверх. Заветные двери погнулись, однако не поддались.

Моравек набросился на них с ацетиленовой горелкой, а когда в ней иссякли запасы энергии, принялся свирепо корёжить и уродовать металл небольшим ломом… Всё без толку.

Немые создания бережно отвели капитана подлодки в сторону; тот вырвался и побрёл, спотыкаясь, назад, но пятеро человечков догнали его и оттолкнули в воду, чтобы не мешал. Оказалось, их работа была ещё не закончена.

Марсиане соединили пятьдесят канатов в один и пропустили его по скале, проведя через множество исполинских блоков, каким-то образом вмонтированных прямо в породу. Канат дюжину

раз обернули вокруг шеи скульптуры, прежде чем туго завязать.

Манмут смотрел — и не верил. Он-то решил, что исполинские головы имели для МЗЧ некое сакральное значение, что возводить их требовала религия расы или же особые законы психологии. Воображал, будто существа тратят на священнодействие всё своё время, силы и разум, не задумываясь более ни о чём. Очевидно, моравек заблуждался.

Сотни зелёных фигурок развернули глыбу, сгрудились позади неё, налегли — и столкнули с обрыва. Голова прокувыркалась в воздухе шестьдесят метров, прежде чем резко натянуть трос. Канат загудел на шкивах, выдирая металлические стержни из кряжа, и вот наконец двери трюма вырвало с петлями, подбросило на пятьдесят метров в высоту и утащило к берегу.

Маленькие создания бросились вплавь к подлодке, однако европеец их опередил. Осветив грузовое отделение поисковыми фонарями, он обнаружил три крупных предмета, в том числе злополучный Прибор, из-за которого и была отправлена экспедиция. В боковой нише затих помятый, искалеченный Орфу.

Остаток энергии в горелке Манмут израсходо-

вал на то, чтобы распилить крепления. Огромный краб медленно всплыл, покачиваясь в мутной морской воде. Да, но как же теперь извлечь его, ведь лодка лежит на «спине»?

Два десятка МЗЧ попрыгали в отсек вместе с пришельцем, отыскали поручни или удобные трещины на панцире, поднатужились и осторожно вытащили пострадавшего на зелёных ручках. Не произнося ни звука, ни разу не уронив и не накренив ионийца, они погрузили его на плот из деревянных роликов, обвязали тросами, а затем плавно отбуксировали к берегу.

Почти тысячная толпа расступилась, пропуская европейца к товарищу. Краб недвижно лежал на красном песке подобно исполинскому, потрёпанному бурей трилобиту, которого вынесло на земной пляж в смутную, доисторическую эпоху.

Настороженно косясь на голубые небеса, Манмут опустошил рюкзак и водонепроницаемые сумки, захваченные на подлодке. Первым делом он выложил пять небольших, однако увесистых аккумуляторных батарей. Последовательно соединил их и подключил кабель к питающему вводу друга. Великан никак не отреагировал, хотя, согласно виртуальному датчику, энергия потекла… куда-то. Тогда моравек вскарабкался

на панцирь (где впервые рассмотрел физические повреждения друга под яркими лучами солнца) и установил радиопередатчик в гнездо кабельной линии. Проверил связь и, услышав характерное жужжание, активировал собственный микрофон.

— *Орфу?*

Тишина.

— *Орфу?*

Никакого ответа. Маленькие зелёные человечки бесстрастно глядели на пришельцев.

— *Орфу?*

В последующие пять минут европеец вызывал приятеля каждые десять секунд, используя все доступные частоты и перепроверяя соединение передатчика. Линия работала исправно. Вот только друг безмолвствовал.

— *Орфу?*

Не сказать, чтобы вокруг царила полная тишь. Через внешние наушники до моравека долетало больше шума, чем за всю историю его существования. Волны мягко накатывали на берег, ветер шелестел среди скал, время от времени один из человечков тихонько переступал с ноги на ногу, плотную атмосферу переполняли тысячи различных вибраций. И лишь краб по-прежнему

безмолвствовал.

— *Орфу?*

Манмут бросил взгляд на хронометр. Прошло полчаса с лишним. Всё бесполезно. Медлительно, с огромной неохотой, он спустился с помятого панциря, побрёл туда, где море лизало пляж, и сел на мокрый песок. Немые существа пропустили пришельца, после чего столпились на почтительном расстоянии, образовав стену из тщедушных зелёных тел. Бывший капитан «Смуглой леди» посмотрел в их невозмутимые лица, немигающие чёрные глаза:

— У вас что, других дел нет?

Сдерживая слёзы, он с трудом узнал собственный голос. Может, акустика здесь такая?

МЗЧ не шелохнулись. Осколки каменного изваяния валялись у подножия скалы, никому не нужные. Дюжина тросов всё ещё уходила к подлодке, которая недвижно покоилась на мелководье.

Любителя сонетов захлестнула внезапная волна горькой утраты и одиночества. За целых три юпитерианских декады, то есть более чем за три марсианских века, он успел обрести всего три настоящих привязанности. Первая из них, верная «Смуглая леди», была просто полуразумной

машиной, но именно для неё моравека и создавали: капитан и судно безупречно дополняли друг друга. Теперь она погибла. Следующим стал напарник по исследованиям Уртцвайль. Убит пятнадцать юпитерианских лет назад. И вот — Орфу.

Манмут оказался за сотни миллионов километров от родной планеты, без единого друга, без особых знаний, нетренированным, совершенно не подготовленным к миссии, возложенной теперь на его плечи. И как же он преодолеет пять тысяч кликов, заберётся на Олимп, запустит непонятный Прибор? А если и выйдет — что дальше? Умный, начальственный Корос располагал сведениями о необходимой последовательности действий, но простой «водитель» подлодки?

«А, чтоб тебя, прекрати распускать слюни!» — мысленно прикрикнул на себя моравек. И снова покосился на марсиан. Ему почудилось, что создания выглядят подавленными, даже печальными. Ерунда. Они нимало не огорчились при виде гибели сородича. Так могут ли такие существа посочувствовать утрате думающей машины, с которой даже незнакомы?

Европеец понимал: рано или поздно придётся снова вступить с ними в контакт: просовывать

руку, хватать чужое сердце… убить… Нет, с этим можно и подождать. Чем позже, тем лучше.

Моравек поднялся, вернулся к исполинскому крабу и принялся отсоединять батареи.

— *Эй!* — возмутился Орфу. — *Повар, я требую добавки.*

От неожиданности Манмут отпрянул и сел на песок.

— *Святые небеса! Ты жив?*

— *«Жив», как любой из нашего рода.*

— *Разрази тебя гром!* — Моравеку хотелось рыдать и смеяться, но более всего — заколотить руками по измочаленному панцирю. — *А что же не отзывался-то? Я тут зову, зову, зову…*

— *С ума сошёл? Я же был в спячке. С тех самых пор, как на «Леди» кончились воздух и энергия. Как можно говорить, когда ты в спячке?*

— *Что за бред? Ни разу не слышал об этой дурацкой… спячке!*

— *А у вас на Европе в неё не впадают?*

— *Как видишь.*

— *Ну, что тебе сказать? Тяжеловато нам, высоковакуумным, приходится в космосе. Особенно если тебя некому отремонтировать и перезарядить. Вот и отключаешься до лучших времён. Так бывает. Нечасто, но всё же.*

— *И надолго вы обычно впадаете в… это самое состояние?* — Гнев Манмута постепенно уступал место облегчению.

— *Да не очень надолго. Часиков на пятьсот.*

Знаток Шекспира нащупал камень, сжал его в ладони — и швырнул в краба. Раздался грохот.

— *Ты что-нибудь слышал?* — спросил ониец.

Европеец тяжело вздохнул, уселся подле друга и начал описывать для него происходящее.

Орфу наконец удалось убедить приятеля в необходимости потолковать с человечками. Хотя идея о бессердечном убийстве одного из крохотных созданий претила обоим — ионийцу, чью жизнь они спасли, даже больше, — однако миссия напрямую зависела от того, как скоро они наладят общение. Манмут рискнул поговорить вслух, чертил на песке линию побережья и вулкан Олимп, затем использовал язык жестов и напоследок прибегнул к той крайней мере, которая остаётся всем необразованным иностранцам, — принялся кричать в надежде на понимание. Существа молча глазели на него и не отвечали. Наконец одно из них само вышло вперёд, взяло моравека за руку и приложило к своей груди.

— *Это обязательно?* — спросил европеец товарища.

— *Ты должен*, — отозвался Орфу.

Манмут поморщился, ощутив, как ладонь проникает в податливую плоть. Затем его пальцы нащупали тёплый пульсирующий шарик в жидком сиропе зелёного тельца.

ЧЕМ

МЫ

МОЖЕМ

ПОМОЧЬ?

Моравека одолевала тысяча вопросов. Хорошо хоть, Орфу помог расставить приоритеты.

— *Перво-наперво подлодка. её нужно убрать из виду, пока не пролетела вражеская колесница.*

Перемежая слова мысленными картинками, европеец передал собеседнику основную идею — переместить затонувшее судно примерно километром западнее и затолкать в скальную пещеру на мысе.

ДА.

Несколько дюжин МЗЧ отправились выполнять просьбу, не дожидаясь, пока пришелец извлечёт руку из груди их собрата. Для начала они глубоко вкопали в песок металлические

стержни, установили блоки и вновь натянули канаты до судна. Переводчик спокойно ждал.

— *Я бы хотел узнать о каменных головах,* — обратился Манмут к ионийцу. — *И кто они такие, и зачем им эти статуи?*

— *Узнаешь, но не раньше, чем разберёмся, как попасть на Олимп.*

Моравек опять вздохнул и чётко представил себе орбитальные изображения Олимпа. Помогут ли человечки двум инопланетянам перебраться через плоскогорья Тэмпе Терра или проехать четыре тысячи километров на восток вдоль побережья Фетиды, а потом к югу вдоль берега Альба Патера?

ЭТО

НЕВОЗМОЖНО.

— *В каком смысле?* — поинтересовался Орфу, получив ответ. — *Невозможно одолеть маршрут или они не имеют права нам помогать?*

Манмуту, который только что с облегчением перевёл дух, пришлось запросить пояснений.

ВЫ

НЕ

СУМЕЕТЕ

ПРОНИКНУТЬ

НА

ВОСТОК

ТАЙНО,

ИБО

ЖИТЕЛИ

ОЛИМПА

ЗАМЕТЯТ

ВАС

И

УБЬЮТ.

— *Может, есть другой путь?* — осведомился иониец. — *Например, через Долину Казея.*

НЕТ.

ВЫ

ОТПРАВИТЕСЬ

К

ЛАБИРИНТУ

НОЧИ

НА

ФЕЛЮГЕ.

— *А что это?* — удивился краб. — *На слух похоже на итальянский десерт.*

— *Двухмачтовое судно с треугольными латинскими парусами,* — уточнил европеец, чьё образование включало все известные сведения о покорителях земных вод. — *Бороздило просторы Средиземного моря тысячелетия назад.*

— *Спроси, когда отплываем.*

— *Когда отплываем?* — послушно переслал Манмут, чувствуя свои слова как тонкие вибрации, что пощипывают пальцы и покалывают мозг.

КАМЕННАЯ

БАРКА

ПРИБЫВАЕТ

УТРОМ

ВМЕСТЕ

С

ФЕЛЮГОЙ.

МОЖЕТЕ

ПЛЫТЬ

НА

НЕЙ.

— *Нам потребуется забрать ещё кое-что с лодки*, — произнёс моравек и прибавил изображения Прибора, а также двух других устройств, уцелевших в трюме, потом представил их в скальной пещере. Подумав, вообразил, как МЗЧ перекатывают Орфу в ту же пещеру.

В ответ существа начали сновать между «Смуглой леди» и берегом, прочие приблизились к ионийцу и принялись мастерить подходящее устройство для его перемещения.

— *Так я долго не протяну*, — посетовал европеец, обращаясь к другу. — *Всё равно что держать в руке оголённый электрический провод.*

— *Тогда отпускай.*

— *Но ведь…*

— *Отпускай.*

Капитан погибшего судна поблагодарил переводчика — поблагодарил всех — и разжал хватку. Как и в первый раз, зелёное существо повалилось на песок, содрогнулось, зашипело и лишилось жизни.

— Господи, — прошептал моравек и откинулся

на панцирь товарища.

Человечки уже поднимали громадного краба на импровизированный помост.

— *Ну, как дела?* — поинтересовался Орфу.

Манмут описал для него тело мёртвого переводчика и труды зелёных созданий. МЗЧ доставили с корабля Прибор и другие устройства, закрепили канаты на корпусе лодки и повлекли подводную лодку на закат, к потайной пещере, подальше от неприятельских глаз.

— *Я пойду за тобой,* — промолвил европеец безо всякого выражения.

Труп лежал у его ног бурой высохшей оболочкой. Внутренности вытекли вместе с жидкостью и образовали грязно-алую лужицу, напоминающую кровь. Не обращая внимания на погибшего товарища, малыши покатили краба на запад.

— *Нет,* — возразил иониец. — *Ты знаешь, что надо делать.*

— *Но мы уже говорили о каменных лицах.*

— *То было ночью, ты глядел через плавучий перископ. А сейчас белый день.*

— *Голова разбилась на кусочки.* — Манмут почувствовал, что готов заскулить. — *А до ближайшей топать километр на восток. И всё по скалам.*

— *Отправляйся вперёд,* — изрёк Орфу. — *Заодно проследишь сверху, как они перевозят «Леди». А я буду общаться с тобой по личному лучу.*

Любитель Шекспира поворчал, однако повиновался и зашагал на восток, прочь от зелёной толпы, от погибшей подлодки, от своего приятеля и прохладной тенистой пещеры.

Упавшая голова разлетелась на столько кусков, что нельзя было различить никаких очертаний. Манмут с трудом вскарабкался по тропке, которую МЗЧ одолевали с такой видимой лёгкостью. Дорожка оказалась узкой, угрожающе крутой и скользкой от мокрого песка.

На вершине моравек помедлил, дабы подзарядиться и оглядеть окрестности. Море Фетиды расстилалось к северу до самого горизонта. На юге красную каменистую пустыню сменяли покатые алые холмы, а семью кликами далее моравек различил изумрудные леса и кустарники. На тропинке вдоль обрыва тоже кое-где попадались клочки дикой зелени.

Европеец полюбовался ровным, хитро продуманным отверстием для каменного изваяния, которым пожертвовали ради освобождения ионийца: оказывается, выступ на шее входил в особый паз и заклинивал голову намертво. «А эти

человечки — действительно отменные мастера!» — одобрительно подумал космический путешественник и продолжал идти на восход, туда, где на горизонте высилась новая статуя. Ходьба быстро утомила моравека, созданного, чтобы безвылазно сидеть в кающе да разве что иногда плавать. Когда становилось совсем уж невмоготу, Манмут подкручивал нужные суставы, опускался на четвереньки и какое-то время передвигался по-собачьи.

И вот наконец он остановился у широкого основания головы, скреплённого чем-то вроде цемента.

— *Уже на месте?* — справился Орфу, точно мог наблюдать за другом.

— *Ага. Подошёл вплотную.*

— *И что с нашим лицом?*

— *Снизу не разглядеть,* — ответил Манмут. — *Главным образом подбородок, губы и ноздри.*

— *Тогда иди обратно на пляж. Видимо, по некоему замыслу на изваяния следует смотреть с моря.*

— *Да, но…* — Маленький европеец окинул взором крутой спуск в сотню метров. Склизкая, еле заметная тропка вела с утёса вниз, как и на прошлой стройке. — *Знаешь, дружище, если я*

сломаю шею, вини только себя.

— *Замётано,* — без лишних споров согласился иониец.

— *Ладно, спущусь как-нибудь. Скажи, ты вправду хочешь, чтобы я проверил и следующую голову тоже? Это за километр отсюда, к тому же с орбиты они все казались на одно лицо.*

— *Думаю, лучше лишний раз убедиться,* — отозвался Орфу.

— *Тебе-то хорошо, ты безногий…* — проворчал любитель Шекспира, начиная долгий и полный опасностей спуск.

Манмут пятился до тех пор, пока невысокие волны не принялись лизать ему ноги. Узнать обладателя лица так и не удалось. Не говоря ни слова, европеец пошагал далее на восход, погружённый в собственные мысли. Ещё один километр — и вот она, новая статуя. Абсолютно те же гордые и надменные черты: скуластый, морщинистый лик сурового старца, под насупленными бровями — маленькие глаза с глубокими складками в уголках, свирепый взор устремлён в голубые дали океана, плотно сжатые губы неодобрительно изогнуты, некрупный, но твёрдый подбородок придаёт выражению жёсткости, надо лбом зияет огромная лысина, зато по

бокам струятся потоки длинных волос.

— *Старикан какой-то,* — отчитался бывший капитан подлодки. — *Мужчина почтенного возраста, человек, хотя в моих исторических архивах не нашлось ни единого подобного портрета.*

Несколько мгновений на линии потрескивали помехи. Орфу раздумывал. Потом он заговорил:

— *Поразительно. Простой земной дедушка — и вдруг заслужил такую честь: тысячи статуй по всему марсианскому побережью? Интересно, за что?*

— *Сдаюсь,* — заявил Манмут.

— *Или это местный колесничник? Похож он хоть чуть-чуть на бога?*

— *На античного — нет. Больше всего напоминает умудрённую годами царственную персону, страдающую несварением желудка. А теперь можно я всё-таки вернусь? Раз уж мы вспомнили о летающих машинах: не хотелось бы попасться на глаза врагам, стоя тут и пялясь на загадочные достопримечательности, словно раззява турист.*

— *Да. Полагаю, тебе пора возвращаться.*

23
Техас, лес мамонтовых деревьев

Одиссей так и не поведал свою историю за завтраком, в изумрудном пузыре столовой на вершине Золотых Ворот Мачу-Пикчу. Впрочем, его никто и не спрашивал. Каждый думал о своём, и Ада вскоре догадалась почему.

Сама она почти не отдохнула, зато провела лучшую ночь в своей жизни. Как и большинство её ровесниц, девушка и раньше «пробовала секс». Однако лишь теперь она поняла, что значит «заниматься любовью».

Харман был бесконечно нежен — и вместе с тем страстен и настойчив. Будучи сильным, как лев, он сердцем улавливал её желания и настроения, всё же не позволяя им взять над собою власть. Любовники мало спали на узенькой кровати у кривого окна — их тела то и дело пробуждались и начинали предаваться ласкам прежде, чем просыпался разум. Когда солнце озарило восточный пик Мачу-Пикчу, Ада почувствовала себя другим человеком. Хотя нет, решила девушка, личность осталась прежней. Просто она словно *выросла*,

раскрылась, наполнилась…

Аде бросилось в глаза странное поведение подруги: возбуждённый взгляд, румянец на щеках, избыточное внимание к любому слову мужчины, который называл себя сыном Лаэрта… Время от времени Ханна косилась на юную хозяйку Ардис-холла и тут же отводила глаза, будто ошпаренная.

«Господи, — дошло вдруг до Ады, — она же переспала с Одиссеем!»

Нет, не может быть. За все годы их знакомства Ханна даже вскользь не упоминала об интимных отношениях с каким-либо мужчиной. Но как она смотрит на этого бородача! И как напряжено её тело, склонившееся к сыну Лаэрта, как беспокойно переплетаются пальцы… Похоже, прошедшую ночь на Мачу-Пикчу не назовёшь спокойной.

Даэман и Сейви выделялись из общей картины. Собиратель бабочек отрывисто расспрашивал о Средиземном Бассейне, явно тревожась из-за предстоящего приключения и всё же не собираясь от него отказываться. Старуха была неразговорчива, даже угрюма, и торопилась с отъездом.

Харман ел и участвовал в беседе с самым невозмутимым видом, не показывая остальным того, что (как надеялась и втайне чувствовала Ада)

поглощён мыслями о прошедшей ночи. Несколько раз девушка ловила на себе его улыбчивый взгляд, и в груди поднималась тёплая волна нежности. Однажды мужчина незаметно опустил руку под стол и погладил ногу возлюбленной.

— Ну и какие у нас планы? — спросил молодой коллекционер, когда друзья заканчивали завтрак, состоявший из горячих рогаликов (Ада с восторгом наблюдала, как искусно старуха выпекала их утром), масла, ягод, свежевыжатого сока и крепкого кофе.

— Сперва отвозим Одиссея и девушек в Ардисхолл, — пояснила Сейви, — а потом отправляемся на поиски корабля. Всё ещё рвёшься в бой, Даэман Ухр?

— Ага.

Непохоже, чтобы ты рвался, мысленно ухмыльнулась Ада. По её мнению, кузен выглядел утомлённым или слегка испуганным.

— Тогда шмотки в сумки, оторвали зады от кресел и двигаем, — распорядилась Вечная Жидовка. — Надо бы управиться засветло.

* * *

В соньере оказалось на изумление много места для личных вещей путешественников, даже для

щита и бронзовых пик Одиссея. Старуха заняла центральное углубление, у виртуальной панели управления. Сын Лаэрта и Ханна устроились рядышком — оглядываясь на них, Ада заметила, как те держатся за руки.

Сначала внизу проплывали остроконечные горы, потом протянулась широкая бурая река (Сейви окрестила её Амазонкой) и раскинулись бескрайние зелёные джунгли, на просторах которых время от времени мелькали тысячефутовые пирамиды из голубого хрусталя, чьи неприступные вершины раздвигали стайки дождевых облаков. Еврейка не стала объяснять, кто и для чего их возвёл, а её спутникам не пришло на ум спросить.

Спустя полчаса после того, как вдали скрылась последняя пирамида, диск вывернул влево и вновь полетел над горами. Кислород здесь был столь разрежён, что его пришлось накачивать под силовое поле искусственным путём.

— Мы, случаем, не отклонились? — нарушил молчание Харман.

— Угадал, — кивнула старуха. — Я сделала приличный крюк, решив показать вам Зоринские Монолиты вдоль побережья бывших Перу, Эквадора и Колумбии. Между прочим, некоторые до

сих пор вооружены и автоматизированы.

— О чём речь? — поинтересовалась Ханна.

— А, не обращай внимания, — отмахнулась Сейви.

— Мы быстро летим? — спросила Ада.

— Медленно. — Старуха взглянула на контрольную панель. — Триста миль в час, не больше.

Девушка попыталась прикинуть, во сколько раз это превышает скорость обычных дрожек. И не смогла. Во всяком случае, прежде окружающий пейзаж никогда не мелькал перед глазами так стремительно.

Пролетел ещё час.

Ханна подумала вслух:

— Я себе всю шею свернула, выглядывая через край этого диска. Вот если бы…

Тут она осеклась и завизжала. Даэман, Ада и Харман поддержали её своими воплями.

Сейви провела рукой над пультом управления, и соньер просто-напросто испарился. Прежде чем зажмуриться от ужаса, друзья успели-таки разглядеть, что мчатся по воздуху безо всякой поддержки вместе с багажом и копьями.

— Предупреждать надо, — дрожащим голосом упрекнул старуху девяностодевятилетний путешественник.

Еврейка пробормотала что-то неразборчивое.

Ада целую минуту ощупывала металл вокруг себя и мягкую кожу сиденья, пока не осмелилась приоткрыть глаза.

«Я не падаю, не падаю, не падаю…» — мысленно твердила она. «ЕЩЁ КАК ПАДАЕШЬ!» — кричали в ответ чувства. Девушка снова сомкнула веки и разлепила их гораздо позже, когда летучий диск покинул горы, а внизу показался полуостров, уходящий в океанские воды на северо-запад от материка.

— Я хотела бы кое-что показать, — произнесла старуха, обращаясь к Харману, как если бы рядом не было других.

Впереди синие волны поглощали огромную — не меньше ста миль — часть перешейка. Соньер взмыл к небесам и устремился на север, в открытое море.

Харман недоумённо хмыкнул:

— А на моих древних картах Южная и Северная Америка соединяются…

— Твои древние карты безнадёжно устарели, — проронила еврейка и, пошевелив пальцами, увеличила скорость диска.

Уже за полдень впереди показалась линия побережья. Старуха повела соньер на снижение.

Внизу потянулись болота, вскоре уступившие место бескрайним, вечно влажным лесам из секвой и мамонтовых деревьев (как нарекла их Сейви). Самые высокие из деревьев достигали двух и даже трёх сотен футов.

— Не желаете размять ноги на твёрдой земле? — осведомилась Вечная Жидовка. — Или, скажем, посидеть в кустиках, ответить на зов природы?

Одиссей слабо улыбнулся сквозь полудрёму. Остальные дружно проголосовали за остановку.

Шестёрка отобедала на маленькой опушке, в окружении вековых исполинов. На видимом клочке синего неба над головами медленно двигались бледные кольца.

— А динозавры тут не водятся? — спросил Даэман, вглядываясь в густые тени между деревьями.

— Ну что ты, — откликнулась старуха. — Они предпочитают север и середину материка.

Собиратель бабочек успокоенно привалился к трухлявой колоде и приготовился наслаждаться плодами и ломтиками говядины со свежим хлебом, но ленивое замечание Одиссея заставило его поперхнуться и подскочить на месте:

— Сейви Ухр имеет в виду, их отпугивает кое-

кто пострашнее.

Вечная Жидовка нахмурилась и покачала головой, мол, что за неразумные выходки. Даэман снова посмотрел во влажный сумрак леса — и передвинулся поближе к соньеру.

Ханна, до сих пор не сводившая глаз с Одиссея, вытащила из кармана туринскую пелену. Несколько минут девушка молча полулежала, прислонившись к дереву, пока товарищи заканчивали трапезу среди тенистой жары и безмолвия. Затем она выпрямилась, убрала расшитую микросхемами тряпочку и поинтересовалась:

— Одиссей, не хочешь узнать, что происходит с тобой и твоими товарищами?

— Не-а.

Бородач оторвал крепкими зубами кусок холодного мяса кошмар-птицы, разжевал его и запил вином из своего бурдюка.

— Зевс прогневался. Он склонил весы смерти на благо троянцев, которыми командует Гектор, — продолжала Ханна как ни в чём не бывало. — Греки отброшены за укрепления — ров и частокол — и бьются у кораблей. Судя по всему, ваша сторона проигрывает. Все великие владыки, даже ты, повернули спины и спасаются бегством. Устоял только Нестор.

Одиссей фыркнул:

— Этот словоохотливый старикан? Куда ж ему было деваться, когда подстрелили коня?

Девушка переглянулась с подругой и победоносно улыбнулась: кажется, ей всё же удалось разговорить Одиссея.

Аде по-прежнему не верилось, что вот этот даже-чересчур-настоящий мужчина, чья кожа покрыта морщинками, шрамами и бронзовым загаром, слишком не похожий на её знакомых, пользовавшихся услугами лазарета, и есть герой туринской истории. Да ведь это просто сказки Потерянной Эпохи, разве нет? Все интеллигентные люди её круга полагали именно так.

— Помнишь ту битву у чёрных судов? — продолжала наступление Ханна.

Сын Лаэрта опять фыркнул:

— Ага, и ещё грандиозную попойку накануне. Целых тридцать кораблей приплыли от острова Лемнос, доверху гружённые вином. Да мы могли бы утопить в нём все троянские рати — если бы не знали более достойного применения драгоценной влаге. Тысяча мер, подумать только! Роскошный дар Язонида Эвнея нашим державным Атридам — Агамемнону с Менелаем… — Мужчина подмигнул девушкам. — Не-е,

вот путешествие Язона — это я понимаю, дух захватывает.

Все, кроме Сейви, бессмысленно заморгали, уставившись на коренастого грека в подпоясанной тунике.

— Ну как же, Язон и его аргонавты. — Одиссей обвёл товарищей недоверчивым взглядом. — Про них-то вы слышали?

Старуха решила нарушить неловкое молчание:

— Ничего они не слышали, сын Лаэрта. Наши так называемые люди старого образца начисто утратили прошлое. Историю, мифологию… Осталась одна лишь туринская драма. Они такие же безграмотные, как и ваше племя.

Бородач насупил брови:

— А мы не нуждались в царапинах на коре, пергаменте или грязной глине. Наши деяния и без того прогремели в веках. И прежде нас люди выдумывали письменность — только потом забросили. За ненадобностью.

— Ну да, — сухо проронила Сейви. — «У того, кто не знает букв, стоит не хуже». По-моему, это из Горация.

Одиссей полыхнул очами.

— Расскажешь нам про Язона и его… как их

там? — начала Ханна и покраснела до ушей, чем окончательно убедила подругу в невероятной утренней догадке.

— Во-первых, ар-го-нав-тов, — изрёк сын Лаэрта, подчёркивая каждый слог, будто бы общался с несмышлёным ребёнком. — А во-вторых, нет, не расскажу.

Ада поймала себя на том, что неотрывно глазеет на мужчину, с которым провела безумно долгую ночь. Девушку страстно потянуло уединиться с Харманом, поговорить об их общей тайне или хотя бы сомкнуть глаза и задремать на этой влажной, жаркой опушке среди танцующих солнечных бликов. Предаться грёзам, полным горячей ласки…

«Или ещё лучше, — размышляла она, разглядывая Хармана из-под ресниц, — скрыться вдвоём в густой чаще и уже не мечтать о любви, а…»

Однако недавний именинник упорно не замечал её нежных взоров, словно без жалости отключил телепатический приёмник, настроенный на волну Ады. Судя по его виду, мужчина ловил каждое слово героя-самозванца.

— Тогда поведай нам о своей туринской войне, — учтиво попросил он Одиссея.

— *Троянской*, чтоб вам, — нехотя отозвался тот.

Но, сделав ещё пару глотков из бурдюка, смягчился: — Ладно, поделюсь одной историей, которую не знают даже ваши бесценные пелёнки.

— Да, пожалуйста, — поддержала его Ханна, придвигаясь ближе.

— Упаси боже от рассказчиков, — проворчала старуха, поднимаясь. Затем Сейви запрятала пакет с остатками обеда в багажный отсек соньера и побрела в лес.

Даэман тревожно посмотрел ей вслед.

— Интересно, здесь и вправду встречаются твари опаснее динозавров? — промолвил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Сейви не даст себя в обиду, — ответил Харман. — У неё и оружие имеется.

— Да, но если её всё-таки съедят, — собиратель бабочек продолжал коситься на тёмные заросли, — как мы отсюда улетим?

— Тише ты, — зашипела Ханна и коснулась руки Одиссея тонкими загорелыми пальцами. — Мы с удовольствием послушаем историю, которой нет в туринской драме. Прошу тебя.

Ада и Харман согласно закивали, и нахмурившийся было сын Лаэрта наконец сдался. Смахнув крошки с бороды, он неторопливо начал:

— Этих событий не показывали на ваших тря-

почках. Да и не покажут. События, о которых пойдёт речь, свершились уже после смерти Гектора и Париса, но раньше деревянного коня.

— А что, Гектор умрёт? — вмешался Даэман.

— Как, Парис погибнет? — спросила Ханна.

— *Какого коня?* — воскликнула Ада.

Сын Лаэрта закрыл глаза, провёл рукой по седым кудрям и поинтересовался:

— Можно не перебивать?

Все, кроме удалившейся старухи, послушно кивнули.

— Итак, события, о которых пойдёт речь, свершились уже после смерти Гектора и Париса, однако раньше деревянного коня. Как известно, в те дни главным сокровищем Илиона, помимо прочих несметных богатств, являлся божественный железный камень, упавший с небес в день основания города. То, что вы непременно нарекли бы «метеоритом», на самом деле был образ, высеченный самим Зевсом и посланный на землю в знак благоволения к зарождавшейся священной Трое. Видом напоминал он Палладу… Сразу оговорюсь, не Афину-Палладу, как мы зовём нашу богиню, а её подругу юности. Эта самая вторая Паллада (само слово, в зависимости от ударения, может иметь в нашем языке либо женский, либо

мужской род, но тут оно ближе всего латинскому *virago*, что значит *могучая дева*) нашла погибель в показательной битве с любимицей Зевса. И как раз Ил, отец Лаомедона, который, в свою очередь, стал прародителем Приама, Тифона, Лампа, Клития и Гикетаона, именно он однажды утром обнаружил камень-звезду перед шатром и сразу понял знак свыше.

Палладий, издревле являвшийся источником процветания и мощи города, был трёх локтей в высоту. В правой руке статуя держала копьё, а в левой — веретено и прялку, поэтому многие связывали её с богиней фортуны и смерти. Ил и прочие предки будущих защитников Трои велели изготовить множество поддельных палладиев разной величины, а хранить их столь же надёжно, что и настоящего, ибо все знали, в чём секрет непобедимости Трои. Сами боги явили мне сию тайну во сне, в последние недели осады. Пробудившись, я поделился с Диомедом своей задумкой — наведаться в Трою и вычислить настоящий палладий, чтобы потом, вернувшись, выкрасть небесное сокровище и раз навсегда решить судьбу Трои.

Первым делом я облачился в рубище и приказал слуге обезобразить моё лицо ударами бича.

Видите ли, эти илионцы прославились своей мягкотелостью к отребью, дисциплины в домах никакой, распускают прислугу почём зря. В общем, ни в одной почтенной семье не увидишь раба с битой рожей или в лохмотьях. Вот я и надумал: никто и не взглянет на вонючего, замызганного, и главное — окровавленного прохожего, а кто взглянет — отвернётся и гадливо плюнет. Согласитесь, хорош лазутчик, комар носа не подточит!

Я ведь почему сам вызвался? Ну, во-первых, не найдёшь ахейца хитроумнее, и потом, я-то уже проникал за городские стены ещё прежде, чем наши грозные суда встали у берегов седого моря. Дело в том, что перед войной мы пытались вести переговоры: дескать, отдавайте Елену, и разойдёмся мирно, полюбовно. Ничего, конечно, не вышло, да наши горячие парни-аргивяне только того и ждали — уж больно руки чесались подраться и добычи награбить. Зато мои острые глаза все высмотрели, наизусть запомнили, где там и что.

Была, правда, одна загвоздка: неведомые боги — а скорее всего Афина, благоволившая к нам сильнее прочих, — хоть и открыли мне, что искать бесчисленных палладиев следует где-то во

дворце Приама, однако точного места не выдали. И вдобавок умолчали, как отличить среди них подлинник.

Дождался я глубокой ночи, когда дозорные огни почти не горят на крепостном валу, а сонная стража клюёт носом, закинул верёвку с крюком на высокую стену, забрался… Караульного, как водится, прикончил, а тело зарыл у врат в куче фуража, приготовленного для фракийской конницы. Велик был город Илион — по тем временам величайший град на земле, — так что пришлось поплутать по тёмным улицам и аллеям, пока добрался я до Приамовых чертогов. Дважды натыкался на стражу, но чтобы премудрый Одиссей не обвёл вокруг пальца блюстителей порядка? Начинаю хрюкать и бестолково махать иссечёнными кнутом руками, наивные дурни, естественно, принимают меня за раба-идиота, которого справедливо выпороли за безмозглость, и что вы думаете? Спокойно пропускают!

Царский дворец насчитывал пять десятков одних только спален для сыновей владыки. Охраняли его лучшие из лучших, сливки троянского воинства, причём вооружённые до зубов. У каждой двери, у любого окна, выходящего на улицу, не говоря уж о внутренних двориках, бдительные

караульные не смыкали глаз. Мимо этих парней так просто не проберёшься, смекнул я, какую тупую рожу ни делай, хоть весь обхрюкайся и обмашись залитыми кровью руками. Пришлось идти в обход, к обители Елены Прекрасной. Дом её стоял неподалёку и, разумеется, тоже находился под неусыпной стражей, но это я быстро исправил. Достал нож, да и заколол второго за ночь троянца. Незаметно спрятать труп — дело техники…

Забыл сказать: после гибели Париса Елену отдали в жёны его брату Деифобу (илионцы ещё нарекли его Истребителем Врага, но мы, ахейцы, предпочитали прозвище Воловья Задница), однако в ту ночь супруг отлучился из дому, и красавица почивала одна.

Вряд ли моя рука поднялась бы убить Елену, даже если б та позвала на помощь. Всё-таки я не раз гостил у благородного Менелая, а ещё раньше — сам сватался к юной дочке Зевса, пусть даже ради чистой формальности. И ведь не кто иной, как ваш покорный слуга присоветовал Тиндарию взять со всех поклонников клятву почтительно принять свободный выбор Елены и тем самым помог избежать кровавых стычек между невоспитанными неудачниками. Полагаю, красавица

по достоинству оценила мою мудрую поддержку.

Впрочем, Елена не стала поднимать шум, когда я нарушил её неспокойный сон. Напротив, она тут же узнала меня и, заключив в объятия, начала расспрашивать о здоровье своего настоящего мужа и дочери, оставленной в далёкой Спарте. Я ответил, что, мол, оба живы и здоровы. (Умолчав о паре серьёзных и полудюжине слабых ран, полученных Менелаем на поле битвы, а в особенности о стреле, торчащей у него из седалища, и скверном расположении духа.) Говорю, скучают по тебе, желают здоровья, с нетерпением ждут обратно.

Выслушала меня красавица — и расхохоталась. «Мой супруг и повелитель желает мне чёрной смерти, и тебе, Одиссей, это известно, — изрекла она. — Да любезный Менелай своими руками прикончит меня, как только падут крепкие стены Трои вместе со Скейскими вратами. И роковой день близится, как предсказал Хок-эн-беа-уиии».

Я никогда прежде не слышал о подобном провидце, я вообще доверяю лишь Дельфийскому оракулу и великой Афине-Палладе, но возражать даме не стал. Наоборот, посулил замолвить словечко перед мужем, которого, само собой, распирала ярость за долгие годы, проведённые

изменщицей в тёплых постелях его врагов… В обмен на её спасённую жизнь я просил немного — не выдавать меня троянцам этой ночью и показать безопасный путь во дворец.

«Я и так не предала бы тебя, о хитрый и разумный сын Лаэрта», — отвечала Елена. После чего растолковала, как обойти дворцовую охрану и даже как распознать истинный палладий.

К сожалению, до рассвета оставалось недостаточно времени, чтобы исполнить великую миссию. Что делать, выбрался я на улицу, заколов по дороге нескольких стражников, добежал до стены, перемахнул через неё и был таков. Долго же я отсыпался в тот день! Потом выкупался, выпил и плотно закусил, а меж тем искуснейший целитель нашего войска Махаон, сын Асклепия, перевязал мои раны и наложил на них чудодейственный бальзам.

Настал вечер, и я, понимая, что сражаться и одновременно тащить на себе статую несподручно, что без сообщника в таком деле не обойтись, посвятил в свой замысел Диомеда. Вдвоём дождались глубокой ночи, меткой стрелой поразили зазевавшегося караульного — и вот уже мы бесшумно, словно тени, крадёмся по узким переулкам Илиона. Больше никакого маскарада

и размахивания драными рукавами — на сей раз мы просто убивали всякого, кто осмеливался подать голос во мраке. И вот наконец впереди показалась наша цель — потайная сточная труба из отхожих мест Приамова дворца, о которой и говорила Елена.

Сын Тидея, типичный твердолобый герой Аргоса, тут же развонялся. И нудел, и пенял, и скулил — не хочется ему, видите ли, марать ножки в троянском дерьме, а уж когда пришлось лезть наверх через очко в уборную подвала…

Сокровищница Приама располагалась в самой гуще военных казарм. Мы вели себя очень тихо, но запашок-то в карман не засунешь. Вот и прирезали десятка два стражников. Двадцать первый — тот растолковал нам, как избежать ловушек и открыть заветные двери. Мы проверили: оказалось, не соврал. Короче, клинком предателю по горлу — и входим.

Под сводами подвала тонны чистого золота, груды самоцветов, глубокие чаши, полные жемчуга, шкатулки с изумрудами, громадные тюки роскошных материй и прочие богатства сказочного Востока. А в нишах красовалось не меньше сорока изваяний — похожих, как родные, только разного роста.

Припомнив наставления Елены, отыскиваю самого маленького, заворачиваю в красную накидку одного из убитых стражей. Остаётся лишь незаметно исчезнуть. Рок Илиона в наших руках.

И тут-то моему спутнику приходит на ум дикая блажь: он желает начать грабёж немедля, безотлагательно, сразу же! Не смог устоять перед блеском сокровищ, похотливый дурень. Десятью годами, политыми кровью и потом товарищей, готов был пожертвовать ради жалких пригоршней злата.

Однако я… разубедил его. Поставил палладий на пол, вытащил меч и… Не стану описывать, как именно мне удалось помешать его алчности завалить нашу миссию. Битва была краткой. Ладно, расскажу, если вы настаиваете. Сказать по чести, благородным поединком там и не пахло. Никакой *aristeia*, одна военная хитрость. Предлагаю владыке Аргоса избавиться от зловонных одеяний, а пока сын Тидея путается в складках своего наряда, беру золотую глыбу поувесистей… Удар по голове — и простак вырубается.

Поверьте, мало приятного — удирать по смрадной трубе со статуей под мышкой и здоровенным обнажённым телом, болтающимся на плече.

Впрочем, через городскую стену я бы вряд ли его перекинул. Каюсь, меня так и разбирало бросить парня в луже дерьма у выхода из трубы, но герой вовремя очнулся. Он достаточно быстро согласился покинуть город вместе со мной. Удирали мы тихо. Очень тихо. А Диомед не разговаривал со мной до вечера. И всю неделю. Даже после нашей победы и разорения Трои ни слова не проронил.

Да и я с ним не беседовал.

После той вылазки мы тщательно запрятали палладия в аргивском стане и, зная, что дни Илиона теперь сочтены, принялись делать огромного деревянного коня. Фигура была нужна сразу для трёх целей. Прежде всего я придумал спрятаться в ней вместе с отборными воинами, дабы таким остроумным способом проникнуть в город. Кроме того, чтобы затащить нашу жертву Афине к себе за стену, троянцам потребовалось разобрать верх Скейских ворот, а древние предсказания сулили Илиону погибель лишь тогда, когда палладий покинет Трою, а перемычка главных врат будет сломана. В-третьих, как я уже упомянул, мы хотели замолить перед Палладой грех похищения статуи. Конь подходил идеально: богиня обожала лошадей. Она даже лично взнуздала и усмирила крылатого Пегаса для Беллерофонта и вообще

не упускала возможности насладиться лесными скачками.

Вот, друзья мои, вы и услышали коротенький рассказ о том, как был похищен палладий и пала священная Троя. Надеюсь, я доставил вам хоть немного удовольствия. Вопросы есть?

Переглянувшись с Харманом, Ада прочла в его глазах отражение собственной мысли: «И это называется *коротенький* рассказ?!»

— Да, у меня вопрос, — подал голос Даэман.

— Пожалуйста, — кивнул сын Лаэрта.

— Почему ты называешь город то Троей, то Илионом?

Одиссей закатил глаза, поднялся, взял из багажника соньера свой меч и скрылся в чаще.

24
Илион. Индиана. Олимп

Зевс разгневан. Громовержец и раньше бывал не в духе, однако на сей раз он очень, очень, очень, просто ужасно зол.

Верховный отец Олимпийцев буквально влетает в разгромленную палату, дико озирается и, заметив на мокром полу бледное тело дочери, на котором извивается клубок червей, молниеносно разворачивается ко мне. О нет. Шлем Смерти подвёл, как пить дать. Уверен, что Зевс *видит* сквозь любые магические изобретения Аида — *видит меня*. Его серый взгляд, леденящий в жилах кровь, задумчиво задерживается на несколько секунд — а затем решительно отворачивается. И Томас Хокенберри, профессор Индианского университета, пару часов как выбравшийся из тёплой постели Елены, остаётся в живых.

Предплечье и нога покрыты жуткими синяками, но главное — кости целы. Затянув потуже спасительный капюшон, осторожно пробираюсь через толпу богов к выходу. Есть лишь одно место, не считая спальни в покоях Париса, куда

мне сейчас хочется. И я квитируюсь к подножию Олимпа, в казармы схолиастов.

Привычно шагаю в свою спальню и прямо в действующем Шлеме валюсь на голую кровать. Боже, какой долгий день остался позади. Не говоря уже о ночи. И разумеется, утре. Человек-невидимка забывается мертвецким сном.

Пробуждаюсь от страшных воплей и ударов грома на нижнем этаже. Пулей выскакиваю в коридор. Схолиаст по имени Бликс проносится мимо, едва не сшибает меня, прозрачного, с ног, на ходу объясняя коллеге Кэмпбеллу:

— Это хозяйка! Явилась сюда и всех убивает!

Казармы охвачены огнём. Стоит мне укрыться под лестницей, как рядом пролетает Муза — та самая, наша, Мелета — и мечет в немногих уцелевших зигзаги чистой энергии. Да-да, окаянные молнии, вошедшие в поговорку, но оттого не менее губительные для беззащитной человечьей плоти. Бликсу не спастись. Я ничем не могу помочь ни ему, ни остальным…

Найтенгельзер. Флегматичный схолиаст был мне все эти годы единственным другом. Тяжело задыхаясь, бегу в его комнату. Мрамор исцарапан и покрыт сетью трещин. Деревянные перекрытия обуглились, стекло в окне оплавлено, однако

обгоревшего тела нигде нет. Ни в холле, ни в коридорах я не заметил среди гор опалённых трупов никого, кто бы напоминал дородного Найтенгельзера. С третьего этажа доносятся последние вскрики — и всё смолкает, кроме бушующего пламени. Через окно мне видно, как голографические кони галопом уносят Музу вдаль. Благодарение судьбе, ибо я так сильно кашляю от едкого дыма, что хозяйка непременно услыхала бы. Сгибаясь пополам, утирая слёзы, с трудом преодолеваю безумный ужас: нужно чётко вообразить ту самую улочку, где мы с коллегой подкрепились утром. Хватаю квит-медальон, поворачиваю диск и переношусь в Илион.

Схолиаста в забегаловке нет. Нет его и на поле битвы, по крайней мере на излюбленном уступе, откуда открывается отменный вид на троянские рати. Гектор и Парис во главе троянцев успешно преследуют отступающих аргивян. Где же ты, друг? Поразмыслив, квитируюсь в тенистое местечко за греческим тылом — пару раз мы сталкивались там, подле глубоких рвов и частокола.

Так и есть: я обнаруживаю коллегу в обличье Долопа, сына Клития, — через несколько дней, если верить Гомеру, парня ждёт гибель от меча Гектора. Даже не думая менять собственную неле-

пую наружность, срываю Шлем Аида и предстаю перед товарищем.

— Хокенберри! Ты что…

Бедняга шокирован моей профессиональной небрежностью, а также потрясённым видом окружающих ахейцев. Привлечь к себе внимание — последнее, чего может желать схолиаст… ну разве что быть испепелённым до чёрных головешек. Неизвестно, какая муха укусила нашу мстительную хозяйку, но внутренний голос подсказывает, что моя выходка в лечебнице неким образом причастна к этой Варфоломеевской ночи.

— Уходим отсюда! — ору я сквозь грохот металла, ржание лошадей и оглушительный шум колесниц.

Вокруг клубится пыль, однако мы видим, как греческие ряды подаются под вражеским напором.

— О чём ты? Нынче такой важный день! Парис и Гектор…

— Начхать на твоего Париса! — выкрикиваю на чистом английском.

На том утёсе, откуда мы обычно наблюдали за перипетиями сражений, появляется хозяйка. Она мчит в колеснице, предоставив управление

такой же музе, и обшаривает поле брани зорким взглядом усовершенствованной хищницы. Видоизменение — не то чудо, которое спасёт кратковечных схолиастов от гнева богини.

Словно в подтверждение этой мысли, Мелета резким взмахом ладони выпускает на землю ярчайший силовой луч. Троянский пехотинец Дий, согласно поэме преспокойно доживший до песни двадцать четвёртой, чтобы получить жестокий разнос от царственного Приама, умирает сегодня — исчезает в жарком всполохе и мощном вихре дыма. Троянцы в панике разбегаются; им непонятен столь чёрный знак небесного гнева в день, предназначенный Зевсом для великой победы. Только Гектор и Парис бьются где-то в четверти мили далее страшного места и даже не оборачиваются на грозный рёв Музы.

— Это был не Дий, — побелевшими губами шепчет Найтенгельзер, — это был Хьюстон.

— Знаю.

Перестраиваю фокус линз на нормальную длину. Самый молодой из схолиастов оказался в наших казармах позже всех; мы почти не общались. Откуда он взялся на поле? Ах да, верно: заменял пропавшего Хокенберри.

Летучая колесница выписывает крутой вираж

и устремляется прямо к нам. Ещё неясно, видит ли мерзавка своих служителей в гуще сражающихся или нет, но в любом случае искать ей осталось недолго.

Что же мне делать? Нацепить Шлем Аида и бежать, словно последний трус? Бросить товарища, как бросил Бликса и прочих? Капюшон не натянется на две головы. Бежать! К чёрным ахейским кораблям. Ага, это же в двадцати ярдах отсюда!

Повозка снижается и окутывается маскирующим облаком. Теперь только мы двое различаем её.

— В чём дело, чёрт побери? — восклицает Найтенгельзер и роняет от изумления пишущий жезл.

В полном отчаянии я заключаю друга в объятия, обвиваю ногами, будто какой-нибудь костлявый пехотинец, внезапно воспылавший страстью к медведю, прижимаю к себе его шею и поворачиваю диск квант-телепортации.

Лишь бы сработало! Хотя, по идее, не должно. Медальон явно рассчитан только на одну персону. С другой стороны, если одежда, оружие и другие вещички пересекают пространство Планка вместе со мной, то вполне возможно, квантовое поле способно перемещать все предметы, с которыми

я тесно соприкасаюсь в нужный момент?

В конце концов, чего ломать голову? Попытка не пытка.

Провалившись в темноту, мы кубарем летим по склону и раскатываемся в разных направлениях. Вскакиваю на ноги, бешено озираюсь. У меня даже не было времени точно вообразить место назначения. Просто пожелал перенестись куда подальше, вот и перенёсся… не разберёшь куда.

Где мы?

В серебристом сиянии луны Найтенгельзер пугливо косится на меня, словно в любую минуту ожидает второго нападения. Ну и наплевать. Поднимаю глаза к небесам: звёзды, месяц, Млечный Путь. Опускаю вниз: высокие деревья, покрытый травой склон холма, невдалеке бежит речка.

Мы на Земле — по крайней мере на древней Земле времён Илиона. Однако точно не на Пелопоннесе и не в Малой Азии.

— Что это за место? — Найтенгельзер поднимается, раздражённо отряхивая одежду. — Что происходит? Почему темно, как ночью?

И тут я понимаю. *Мы на обратной стороне античного мира.*

— По-моему, это Индиана.

— Ка-ак? — Товарищ в панике отступает назад.

— Индиана, тысяча двухсотый год до Рождества Христова, — говорю я. — Плюс-минус одно столетие.

Вот незадача: после неудачного падения предплечье и рука заныли ещё сильнее.

— Ладно, как мы сюда попали? — Он никогда не умел сердиться. Беззлобно ворчать по любому поводу — сколько угодно. Но чтобы наш большой медведь вышел из себя?.. И вот вам, пожалуйста, Найтенгельзер в бешенстве.

— Это я нас квитировал.

— Что ты несёшь? Да здесь и за мили не найдёшь ни единого квит-портала.

Ничего, когда-нибудь он успокоится. Присаживаюсь на камень, потирая больную руку. Я помню: в Индиане с возвышенностями негусто. И лишь в Блумингтоне, где жили мы с Сюзанной, встречались такие холмистые, лесистые, скалистые области. Может ли быть, чтобы я с перепугу одолел не только пространство, но и время вездесущего Планка, угодив прямо… домой? В Индиану конца двадцатого века? Да нет. Небеса здесь какие-то слишком чёрные, девственно-чёрные, а воздух так первобытно чист, что я сразу отбрасываю напрасные мечты.

Кстати, кто заселял эти земли в тысяча двухсо-

том году до нашей эры? Индейцы. Снова Ирония? Скрыться от разъярённой Музы — и отдать свой скальп дикарям? «Большинство племён не имело обычая скальпировать жертв до тех пор, пока не пришли белые люди, — назидательно бубнит внутри педант-учёный. — Прежде они, кажется, отрезали уши…»

Ну, это другое дело. Не могу передать, насколько я утешен. Как говорится, от убийцы всегда жди красивых слов, а от профессора — чего-нибудь мрачного, когда и без него тошно.

— Эй, Хокенберри? — подаёт голос коллега. Он тоже уселся на камне размером со стул (подальше от меня) и массирует собственные ушибы.

— Дай-ка подумать, — откликаюсь я, подражая, как могу, Джеку Бенни.[19]

— Хорошо. Когда закончишь, может, соизволишь объяснить, за какую провинность Муза только что умертвила юного Хьюстона?

Отрезвляющие слова, но я всё равно не готов к ответу.

— Видишь ли, боги способны на всякое, — про-

---

[19] notes: 19

Комедиант Джек Бенни прославился своей лаконичностью. Самая известная его реприза: преступник наставляет на Бенни пистолет и говорит: «Кошелёк или жизнь!» Бенни, замявшись, отвечает: «Сейчас, дайте подумать».

изношу наконец. — Козни. Интриги. Заговоры.

— Ты ещё *мне* расскажи, — полушутя-полусерьёзно усмехается схолиаст.

— Сдаюсь! — Я вскидываю вверх обе руки. — Афродита пыталась нанять меня, чтобы убить Афину.

Глаза товарища изумлённо распахиваются. Ещё чуть-чуть — и его челюсть отвисла бы до колен.

— Знаю, о чём ты думаешь, Найтенгельзер. Почему именно меня? За что такой вот, как я, мог получить от богов личный квит-медальон и вдобавок Шлем Аида? Согласен: всё это полная чушь.

— Вообще-то меня занимало другое, — словно во сне, отзывается коллега. Усеянное звёздами небо прорезает яркий метеорит. Где-то в лесу за холмом странно, не по-птичьему, вопит сова. — Я тут как раз подумал, как же тебя зовут?

Теперь моя очередь захлопать глазами.

— С чего это вдруг?

— Боги заставляли нас обращаться друг к другу по фамилиям. Да мы и сами не желали привязываться к людям, которые то и дело… исчезают, уступая место новичкам, — глухо говорит профессор. Даже в этой непроглядной тьме он кажется

прежним медведем-великаном. — Так вот теперь я желаю знать твоё имя.

— Томас, — отвечаю я, помолчав. — А твоё?

— Кейт, — представляется мужчина, знакомый со мною почти год. Затем поднимается и смотрит на чёрный лес. — И что дальше, Том?

В чаще надрываются криками лягушки, насекомые и прочая ночная живность. Или перекликаются индейцы, подбираясь к подозрительным чужакам?

— Э-э-э… — запинаюсь я, — ты умеешь, то есть ты когда-нибудь раньше… путешествовал… в смысле…

— Хочешь спросить, не подохну ли я тут в одиночку? — перебивает Найтенгельзер… Кейт.

— Д-да.

— Понятия не имею. Может, и так. Хотя, чтоб мне провалиться, надежда всё-таки есть. Здесь тебе не долины Илиона, где музы выходят на тропу войны…

Вот и проболтался: индейцы тревожат его не меньше, чем меня.

— Полагаю, одному из нас пора возвращаться и завершить, что бы он там ни задумал, — изрекает схолиаст. — С этим снаряжением и техно-забавами богов несложно развести костёр, когда надо,

полетать на левитационной упряжи, преобразиться в Чингачгука, если придётся. Посвятишь позже в подробности? Если настанет это «позже»...

Я киваю. И поднимаюсь. Неправильно, даже дико бросать друга в подобном месте одного. Однако другого выбора нет.

— Ты отыщешь обратную дорогу? — спохватывается Кейт. — Назад, сюда? Чтобы забрать меня?

— Ну, наверное.

— Что-о? *Наверное?* — Найтенгельзер проводит рукой по копне непослушных волос. — Надеюсь, вы не работали деканом, схолиаст Хокенберри.

Как я полагаю, эра обращения по именам благополучно закончена.

И вот я на Олимпе — в последнем из мест вселенной, где хотел бы оказаться. Обитатели прославленной горной вершины созваны в Великий Зал Собраний. Лишний раз проверяю, в порядке ли Шлем Смерти, не тянется ли за мной тень, и проскальзываю в громадное, выстроенное в стиле Парфенона здание.

За все девять лет я не видел столько богов сразу. Чертоги пересекает длинная голографическая имитация глубокого рва с водой. По ту сторону от меня вздымается одинокий золотой трон Зевса.

Громовержец нынче огромен, как никогда. Я уже упоминал, что бессмертные предпочитают иметь рост восемь-девять футов, пока не притворяются людьми, и обычно Кронид возвышается в их толпе фута на три-четыре — этакий божественный папаша посреди космических деток. Но сегодня Повелитель Молний вымахал аж до двадцати пяти футов, если не выше: одно его мускулистое предплечье больше всего моего тела. Мимолётом задаюсь вопросом, как разъяснил бы подобный феномен тот схолиаст, что любил беседы о материи и энергии… А, плевать. Вжаться в стену и не двигаться, не дышать, не кашлять, дабы ни один из этой сверхъестественной стаи супергероев не учуял незваного гостя — *вот что важно*.

Раньше я верил, будто знаю каждого бога и богиню в лицо. Однако здесь дюжинами толпятся незнакомцы. Те, что принимают активное участие в троянской войне, держатся особняком, словно приглашённые телезвёзды на вечеринке не слишком популярных политиков. Но должен заметить, даже самый незначительный представитель или представительница этой кучки смотрится выше, стройнее, прелестнее, да попросту совершеннее любой прославленной кинознаменитости из моего прошлого. Афина-

Паллада подошла к краю рва, а значит, и к Зевсу, ближе всех. Рядом с ней — Арес, покровитель войны (видимо, уже подлечился — благо его собственный резервуар я не успел зацепить), младшие братья Громовержца — Посейдон (владыка морей и редкий гость на Олимпе) и Аид, повелитель мёртвых, а также Гермес, не уступающий в великолепии собственным статуям, которые мне приходилось видеть. (Проводник мёртвых и убийца многоглазого великана Аргуса доводится Крониду родным сыном.) Брат Гермеса Дионис беседует с Герой; вопреки принятым представлениям, в руках у него нет ни кубка, ни тяжёлой виноградной грозди. Да и вообще, для бога исступлённого разгула он какой-то бледный, хиловатый и угрюмый — вылитый член клуба анонимных алкоголиков, причём принятый недели три назад. За его спиной хмурит седые косматые брови Нерей — ветхий, как само время, истинный властелин океанов, Старик из Моря. Между пальцами на руках и ногах у него прозрачные перепонки, а под мышками виднеются жабры.

Парки и фурии в изобилии снуют среди Олимпийцев; в каком-то смысле они тоже боги, иногда получающие временную власть над иными

бессмертными. Наружность у них не столь человекообразная, как у прочих. Следует признаться, мне ничего не известно об этих существах, кроме того, что живут они неподалёку отсюда, на одном из трёх вулканов к юго-востоку от Олимпа, подле резиденции моей хозяйки.

К слову: Мелета заодно с сестрицами Мнемой и Аоиде тоже явилась. Более «современные» музы — настоящая Каллиопа, Полигимния, Урания, Эрато, Клио, Евтерпа, Мельпомена, Терпсихора и Талия — оживлённо болтают между собой. А прямо за ними начинаются богини высшего разряда. Афродиты, правда, нет — это я разглядел прежде всего, — хотя её мать Диона прийти не замедлила. Вон она, разговаривает с Герой и Гермесом, озабоченно супя брови. Рядом Деметра, покровительница земледелия, с дочкой Персефоной, супругой Аида, и Пазифея, одна из харит. Далее всех, согласно своему низкому положению, с каверзным видом перешёптываются соблазнительные нереиды, обнажённые по пояс.

Метабогиня по имени Ночь стоит отдельно, сама по себе. Прочие боги почтительно сторонятся этой могущественной дамы в иссиня-чёрном платье и вуали. Я никогда не видел её на Олимпе и ровным счётом ничего о ней не знаю. Кроме

разве что невразумительных слухов, будто бы сам Зевс побаивается тёмной гордячки.

Пытаясь различить в толчее знакомые «звёздные» лица, я чувствую себя робким фанатом, угодившим на вручение наград Киноакадемии. Вот, например, Геба — пристроилась к небольшой группе бессмертных мужского пола; она и сама богиня юности, дитя Громовержца и Геры, однако приучена прислуживать остальным. Величайшего ремесленника Гефеста в любой сутолоке выдают пламенно-рыжие волосы; хромоногий прибыл не один, а с молодой супругой Харитой. (Правда, вроде бы этих самых харит на свете много…) Впрочем, я давненько обнаружил, какое неблагодарное занятие — разбираться в иерархии Олимпа.

Неожиданно посланница Зевса Ирида вылетает — да, именно вылетает — на середину и возвещает чистым, звучным, как песня флейты, голосом:

— Отец будет говорить!

Приглушённые беседы немедленно смолкают, и бескрайний зал, своды которого теряются в вышине, погружается в тишину.

Громовержец поднимается. Величественный престол и лестница, выполненные из чистого золота, омывают его тело жарким, неземным

сиянием.

— Слушайте, что я скажу, о боги и богини. — Голос владыки спокоен и негромок, но от его мощи гудят мраморные стены. — Один из нас нанёс тяжкие раны Афродите, лежащей на исцелении в лечебнице. Теперь моей дочери ждать возвращения ещё несколько долгих дней. *Злодей (или злодейка) хотел погубить божество, не созданное, чтобы умирать!*

Потрясённые слушатели принимаются бурно обсуждать невероятную новость.

— МОЛЧАТЬ!!! — кричит Зевс.

Его рёв сшибает меня с ног и отшвыривает в сторону, словно листок, поднятый вихрем. Хорошо ещё, что я не задел никого из присутствующих, а звук падения заглушили раскаты эха.

— Так вот моё слово, о боги и вы, прекрасные богини, — Молниелюбец грохочет подобно громкоговорящей системе оповещения распоследней модели, — и пусть никто из вас даже не помышляет преступить его. Покоритесь моей воле. СЕЙЧАС ЖЕ!

В этот раз я оказался подготовлен к яростному смерчу и со всей силой вцепился в колонну, чтобы не улететь.

— Внимайте все. — Зевс понижает голос до

шёпота, ещё более ужасного в своей силе. — Любой, кто поможет ахейцам или троянцам, как я наблюдал в этом месяце, окажись это бог или богиня, не избежит суровой кары: возвратится с долин Илиона под ударами громов и молний и с вечным позором будет изгнан с Олимпа. Дерзнёте не повиноваться — и познаете, как глубока и прожорлива чёрная бездна Тартара, разверстая в пространстве и времени на половину Вселенной.

В течение этой речи голографический омут начинает кипеть, бурлить, чернеет как смоль и наконец превращается в нечто совсем иное. Четвероугольный ров размером с десяток олимпийских бассейнов, только составленных встык и наполненных клокочущей нефтью, со страшным шумом исчезает. В полу зияет отверстие, точнее, ход в какое-то мрачное, безумно глубокое, полыхающее зловещим пламенем место. Из пропасти вырываются волны удушливого запаха серы, и боги с богинями отшатываются подальше от края.

— Вот он, Тартар! — вопит владыка. — Глубочайшая пропасть в Доме Аида, настолько же далёкая от ада, как светлое небо от земли! Вспомните, вы, старейшие из бессмертных,

как последовали за мной на битву с титанами, правившими до нас! Забыли, что Крон и Рея, породившие меня, низвергнуты за те железные врата и медный порог?! И где теперь Тифон с его чудовищною силой?

В Зале повисает гробовая тишина, нарушаемая лишь сдавленным воем и стенаниями, доносящимися из бездны Тартара. Я ни на миг не сомневаюсь: это не голограмма, а истинный адский прогал чернеет и плюётся серой в тридцати футах от моего укрытия.

— ЧТО Ж, ЕСЛИ Я РОДИТЕЛЕЙ — И ТЕХ БЕЗ ЖАЛОСТИ ПОВЕРГ ТУДА НАВЕКИ, — громыхает Зевс, — ДУМАЕТЕ, ХОТЬ НА МИГ ПОЩАЖУ ВАШИ ВОПЯЩИЕ ДУШОНКИ?!

Боги и богини не отвечают, лишь пятятся ещё на пару шагов.

Губы Тучегонителя кривит опасная улыбка.

— Давайте, бессмертные, испытайте меня, авось хоть чему-нибудь научитесь!

С крыши в тот же миг падает исполинская верёвка, растянутая прямо над зловонными глубинами. Олимпийцы кидаются врассыпную, уворачиваясь от увесистого конца, и тот ударяется о мрамор с оглушительным громом. Трос, который должен, судя по виду, весить многие и

многие тонны, скручен из дюймовых канатов из чистого золота.

Сойдя по сияющим ступеням, Зевс без усилия поднимает верёвку со своей стороны.

— Хватайтесь за конец, — говорит он почти дружелюбно.

Боги и богини переглядываются; никто не двигается с места.

— ХВАТАЙТЕСЬ ЗА КОНЕЦ!

Сотни бессмертных и их бессмертных слуг бросаются выполнять приказ, цепляясь за канат, словно малыши на «Весёлых стартах». С минуту Громовержец поигрывает золотой верёвкой, преспокойно посматривая на бесчисленную ораву, столпившуюся на другом краю пропасти.

— Стащите меня вниз, — ровно произносит Кронид. — С небес на землю, в Аид, и даже глубже, в вонючий Тартар. Я сказал, тащите.

Ни единое божество не шевелит бронзовым мускулом.

— ТАЩИТЕ, Я ПРИКАЗАЛ!

Владыка принимается тянуть за блестящий конец. Сандалии Олимпийцев с визгом скользят, упираясь в гладкий пол. Противники друг за другом сползают к роковому обрыву; кто-то спотыкается, кто-то валится на колени.

— ТАЩИТЕ, СУКИНЫ ДЕТИ! — орёт Зевс. — ИЛИ САМИ ПОЛЕТИТЕ В СМРАДНУЮ ЯМУ ДО СКОНЧАНИЯ ДНЕЙ, ПОКУДА ВРЕМЯ НЕ СГНИЁТ НА КОСТЯХ ВСЕЛЕННОЙ!

Зевс дёргает сияющий трос, и двадцатифутовый конец извивается в его кулаке коварной змеёй. Очередь из богов, богинь, харит, фурий, нереид, нимф и как-их-там-ещё (не держит верёвку одна лишь иссиня-чёрная Ночь), громко скрипя подошвами, неудержимо влечётся к Тартару. Афина должна пасть первой; когда до пугающей пучины остаётся каких-то три десятка футов, дочь Громовержца возвышает голос:

— Ну что же вы, бессмертные? Завалим старого козла!

Арес, Аполлон и Гермес с Посейдоном напрягают дюжие спины, ещё некоторые следуют их примеру, и скольжение прекращается. Натянутый трос скрипит от напряжения. Богини громко считают до трёх и тянут в унисон, причём Гера — жена Зевса — старается больше всех. Золотая верёвка даже стонет от натуги.

Кронид хохочет. До сих пор он ловко удерживал канат в одной руке; теперь же кладёт на него другую и дёргает снова.

Олимпийцы поднимают громкий визг, точ-

но детишки на американских горках. Афина и те, кто рядом с ней, съезжают по мрамору, как по гладкому льду, всё ближе и ближе к жуткой бездне. Дюжины бессмертных попроще не выдерживают и бросают верёвку, но Афина и не думает разжимать хватку. Светлоокую немилосердно несёт к дымящейся западне вечных страданий. Божества тужатся, истекая потом и громогласно извергая проклятия, однако страшного движения не остановить.

Владыка вновь усмехается — и выпускает сверкающий трос. Олимпийцы пачками отлетают назад и беспорядочно валятся на свои сверхчеловеческие зады.

— О вы, боги и богини, братья, сёстры, сыновья, дочери, кузены и слуги, все до единого; вам не стащить меня вниз, — вещает Молниевержец. Он ступает обратно к золотому трону и удобно усаживается. — Хоть руки себе поотрывайте. Надрывайтесь хоть до скончания века, а я не сдвинусь с места, если сам того не пожелаю. Потому что я — Зевс и стою выше всех бессмертных.

Тут он грозно поднимает огромный палец.

— Но если бы *я* … всерьёз пожелал совлечь вашу шайку с Олимпа, качаться бы вам над непроглядной хлябью Аида вместе с морем, небесами и

самою землёй и стенать во мраке, пока Солнце не остынет, покрывшись коркой льда!

Ещё полчаса назад я заподозрил бы, что Кронид малость блефует. Теперь блаженное время неведения ушло безвозвратно.

Афина встаёт на ноги в каком-то ярде от бурлящего Тартара.

— Отец наш, верховный сын Крона, чей царственный трон выше любого во Вселенной, — начинает она. — Всем доподлинно известно, как необорна твоя сила. И кто же может ей противиться? Только не мы…

Боги в ужасе; они почти не дышат. О бесцеремонном норове этой девицы и так уже ходят легенды. Если и сейчас она брякнет что-нибудь не то…

— Но нам по-прежнему жаль этих смертных — мне, например, несчастных аргивских бойцов, тех, что исправно играют свои маленькие роли на крохотной сцене судьбы и в конце своих коротеньких жизней встречают мучительную гибель, захлёбываясь собственной кровью.

Светлоокая делает два шага вперёд. Кончики её сандалий повисают над чёрными глубинами; в тысячах футов под ногами гордячки яростные молнии прорезают кромешную тьму, и нечто

невообразимо громадное кричит от боли и страха.

— О да, Зевс, — возглашает она, — мы воздержимся от брани, как ты велишь. Позволь хотя бы одно: не запрещай внушать любимцам добрые советы, чтобы не все они пали под твоим сокрушительным гневом.

Громовержец долго и пристально смотрит на богиню. Трудно понять, чем полны его глаза: злостью? насмешкой? нетерпением?

— Афина Тритогенея, третье дитя, дражайшая дочь, — улыбается он. — Вечно моя голова трещит из-за твоей неустрашимости. Что же, дерзай, ибо урок, преподанный мною сегодня, вызван вовсе не гневом. Он должен был лишь показать цену непокорности.

Окончив речь, Кронид сходит с ослепительного престола, и в тот же миг в Зал Собраний влетает его личная колесница. Пара абсолютно реальных коней с волнующимися золотыми гривами, промелькнув между огромных колонн, плавно приземляется у подножия трона и бьёт белоснежный пол бронзовыми копытами. Облекшись в доспехи из злата, Громовержец забирается в боевую машину. Звонко щёлкает блистающий бич. Колесница катится по мрамору, взмывает в

воздух и описывает круг в доброй сотне футов над головами бессмертных, прежде чем пролететь между теми же колоннами и эффектно исчезнуть из виду в квантовой вспышке, сопровождаемой раскатистым громом.

Боги и богини, а также разные олимпийские «шестёрки» медленно расходятся маленькими группами, возмущённо перешёптываясь между собой. Даю голову на отсечение, они уже замышляют новые козни, сплетают новые интриги. Похоже, ни один не принял ужасную сцену близко к сердцу.

А я… Я ещё какое-то время сижу на полу с отвисшей челюстью, тяжело дыша, словно побитая в жаркий день собака, чувствуя, как по подбородку тянется тонкая струйка слюны.

Иногда в этих краях перестаёшь верить в науку, по крайней мере в закон причины и следствия.

25
Техас, лес мамонтовых деревьев

Даэман сидел на опушке в полном одиночестве, если не считать бессловесной летучей машины, и ему было не по себе.

После ухода Сейви Одиссей затянул свою дурацкую, нескончаемую историю, а потом убрался в лес. Выждав ровно минуту, Ханна отправилась следом. Собиратель бабочек ещё поутру смекнул, что эти двое провели ночь вместе: его секс-радар редко давал сбои.

Немного погодя старик Харман и Ада дружно поднялись и ушли в противоположную сторону, якобы «на прогулку». Коллекционер уже понял: эта пара тоже не скучала. Что же получается, только ему и старой карге Сейви ничего не обломилось?

И вот Даэман остался один. Прислонившись к металлическому корпусу диска, мужчина вслушивался в шуршание листвы и хруст ломающихся веток. И ему подобное не нравилось. Ни капли. Если вдруг из-за деревьев покажется аллозавр, можно запрыгнуть в соньер, но как быть

дальше? Не умея даже вызвать голографический пульт или защитный пузырь, напрасно мечтать о том, чтобы взмыть в небеса. Скорее всего несчастный собиратель бабочек станет закуской для чудовищ. На блюдечке с голубой каёмочкой.

Покричать, что ли, может, кто вернётся? Или нет, не стоит. Интересно, привлекает шум динозавров или других кровожадных тварей? Даэману не хотелось ставить эксперимент на собственной шкуре. Страдания усугублялись ещё и острой потребностью справить нужду. И пусть все прочие спокойно уединялись в зарослях, попросив у старухи пару бумажек! А он слишком хорошо воспитан и цивилизован, чтобы ходить в туалет в отсутствие… этого самого туалета. Не начинать же теперь!

На беду, коллекционер не знал даже примерно, сколько часов займёт полёт к Ардис-холлу, а ведь судя по некоторым фразам Вечной Жидовки, она якобы не собиралась там задерживаться: просто высадить Ханну, Аду и подозрительного жулика, что именовал себя Одиссеем, у особняка и незамедлительно отбыть в направлении Средиземного Бассейна… Да, пожалуй, *так долго* бедному кишечнику не выдержать.

…А всё-таки здорово Даэман удивил вчера дру-

зей, вызвавшись в эту опасную экспедицию! И ведь ни единая душа не догадалась об истинных мотивах его внезапной смелости. Первым делом нужно признаться, что собирателя бабочек по вполне ясным причинам повергала в ужас мысль о динозаврах Ардис-холла. Возвращаться туда? Бр-р-р. Нет уж, увольте. Но факсовать в Парижский Кратер после леденящих душу рассказов старухи? Только не это! И хотя прежде соблазнитель прелестных девушек проделывал подобные штуки ежедневно, теперь его и палкой не загонишь в портал. Да и кто согласится, чтобы его мышцы, кости, мозг, память бесследно уничтожили, а где-то ещё собрали копию? Вот гадость-то! Не то чтобы Даэман до конца поверил Сейви, однако…

В общем, из трёх зол путешествие в несколько лишних дней показалось ему наименьшим. Можно ведь попросить Вечную Жидовку, чтобы высадила его у Парижского Кратера. Наверняка это рядом с жилищем Ады. Впрочем, для современного человека, даже удосужившегося взглянуть на так называемую карту Хармана, любая географическая точка находилась в шаге от другой.

Старуха вышла на опушку, увидела одинокого

Даэмана и спросила:

— Где все?

— Вот и я думаю где. Сперва ушёл этот варвар. За ним улизнула Ханна. Потом Ада с Харманом отправились… куда-то туда. — Мужчина неопределённо махнул рукой в сторону высоких деревьев.

— А запястье тебе на что? — усмехнулась еврейка.

— Да я уже пробовал, — вздохнул мужчина. — И на твоей ледяшке, и на мосту, и здесь. Не работает.

Он поднял руку, вызвал функцию поиска и показал собеседнице пустой белый квадрат, зависший в воздухе.

— Подумаешь, локатор ближайших целей, — фыркнула Сейви, веселясь неизвестно почему. — Им только нужную книжку в библиотеке искать. Есть же дальняя сеть или общая, наконец…

Глаза Даэмана округлились. Нет, она точно спятила.

— Ах да, — насмешливо протянула старуха. — Вы же растеряли всё, что могли. Поколение за поколением.

— Это ты о чём? — помрачнел коллекционер. — Старые функции больше не действуют.

Они пропали, когда нас покинули «посты». — Он указал пальцем на голубой клочок неба.

— Чушь, — отрезала Вечная Жидовка. Затем подошла к соньеру, взяла мужчину за левую руку и развернула ладонью к себе. — Давай, вообрази три алых круга с голубым квадратом посередине каждого.

— Чего-чего?

— Что слышал. — Она продолжала сжимать его запястье.

«Дурдом», — вздохнул про себя Даэман, однако повиновался.

На месте пустого желтовато-белого квадрата возник большой овал ярко-синего света.

Мужчина завизжал, вырвал руку и отчаянно затряс ею, будто заметил гадкое насекомое. Дурацкая фигура залетала вслед за запястьем.

— Расслабься, — бросила старуха. — Представь себе кого-нибудь.

— Кого? — Собиратель бабочек содрогнулся: с какой стати его тело вытворяет новые, неизвестные прежде фокусы?

— Да кого хочешь.

Даэман зажмурился и припомнил лицо матери. Затем приоткрыл глаза. Синий овал заполнили диаграммы. Упрощённая карта улиц, река,

неразборчивые слова, изображение огромной чёрной дыры — явно центра Парижского Кратера. Картинка увеличилась и превратилась в стилизованное изображение комнаты на пятом этаже.

— Это не мой дом… — начал собиратель бабочек.

На постели шевелились две карикатурные фигурки с настоящими человеческими лицами: мужская снизу, женская сверху.

Коллекционер сжал пальцы в кулак, и овал почернел.

— Прости, — спохватилась Сейви. — Я и забыла, что в ваши дни люди не пользуются антиобнаружителями. Подружка?

— Мать, — процедил сквозь зубы Даэман.

Он узнал квартиру, в которой часто играл ребёнком, пока мама ублажала за стенкой высокого темнокожего соседа с вечно пьяным голосом. Она не говорила, что до сих пор встречается с этим мерзким Гоманом.

— Давай лучше поищем наших друзей. — Еврейка захихикала. — Надеюсь, им-то не потребуется антиобнаружитель. Хотя кто знает…

Молодой мужчина по-прежнему стискивал пальцы, боясь увидеть неприятную сцену.

— Да убери ты её, — посоветовала Сейви.

— Как это?

— А как ты избавляешься от стрелки-искателя?

— Просто думаю «отменить»… — *«Тёмная ты старуха»*, — мысленно добавил он.

— Вот и сделай так.

Собиратель бабочек послушался, и синий овал сгинул.

— Чтобы включить дальнюю сеть, вообрази жёлтый круг с зелёным треугольником внутри, — сказала Вечная Жидовка.

Коллекционер попытался.

— А теперь подумай о Ханне.

Ярко-жёлтый квадрат, возникший над запястьем, явил взглядам обоих вид североамериканского материка, потом совершил «наезд» на юго-западную его часть, потом на северное побережье, показал несколько топографических карт и непонятных слов и наконец заглянул под стилизованные кроны деревьев, чтобы обнаружить грубо изображённую фигурку с лицом Ханны; девушка брела в одиночестве, если не считать загадочной закорючки, плывущей рядом.

Сейви опять усмехнулась:

— Забавно, Одиссей не знаком даже общей сети.

— Что-то я его не вижу.

— А вопросительный знак? — Старуха протянула руку прямо в голографический куб и коснулась непонятной загогулины. — Кстати, вон те красные силуэты на краю облака — мы с тобой.

— А девушка? Может, это и не она вовсе? — заупрямился мужчина.

— Подумай: «Ближе».

Даэман ахнул: какие чистые краски! Теперь он мог рассмотреть даже тени от листьев на лице Ханны, которая оживлённо беседовала с «вопросительным знаком». Хорошо хоть, её не застали врасплох, успокоился коллекционер.

Между тем напульсная функция Сейви отыскала Хармана, бредущего подле Ады посреди чудных топографических символов.

— Ну вот, все живы, никто не проглочен динозаврами, — заключила Вечная Жидовка. — Только, шут возьми, когда же мы полетим? Зря они не торопятся. В старые добрые денёчки я бы просто вызвала голубков по напульсной функции, но…

— Разве такое возможно? — Обитатель Парижского Кратера с сомнением уставился на пустую ладонь.

— Естественно.

— Почему же я не подозревал об этом? — сердито вопросил он.

Старуха пожала плечами:

— Вы вообще мало о чём подозреваете, мнимые людишки старого образца.

— Как тебя понимать? — окончательно возмутился собеседник.

— Ты что, и в самом деле полагаешь, будто бы в Потерянную Эпоху тела и клетки человечества были нашпигованы вашей генетической нано-мурой?

— Ага, — произнёс Даэман и вдруг осознал, что ничегошеньки не смыслит в этом вопросе, ибо тот попросту не приходил ему на ум.

С минуту Сейви молчала; внезапно её вид показался собирателю бабочек очень усталым, хотя для женщины, ни разу не бывавшей в лазарете, она ещё прилично смотрелась.

— Пошли, заберём их, — встрепенулась старуха. — Я иду за Ханной и Одиссеем, а ты приведи Аду и Хармана. Когда включишь общую сеть, активируй стрелку-искатель, дальше всё элементарно. Скажи им, поезд уходит по расписанию.

«Что ещё за „поезд“? — промелькнуло в голове коллекционера. — Впрочем, какая разница».

— Скажи, а другие забытые функции у нас есть? — полюбопытствовал он прежде, чем отправиться в лес.

— Сотни, — отозвалась Вечная Жидовка.

— Тогда покажи мне хоть одну.

Ну, сотни — это она загибает. Молодому соблазнителю хватило бы и двух-трёх, чтобы пользоваться ещё большим успехом у светских леди.

Старуха вздохнула и прислонилась к соньеру. Почти под облаками сорвавшийся ветер зашумел в кронах секвой.

— Я могу показать тебе функцию, которая в конце концов отвадила постлюдей от нашей планеты, — мягко промолвила Сейви. — Хочешь увидеть сплошную сеть?

Мужчина испуганно сжал пальцы, отдёргивая руку:

— Если это опасно…

— Нет. По крайней мере не для нас. Ну же, решайся.

По спине Даэмана пробежали мурашки, когда она взяла его за левое запястье, осторожно разжала кулак и плотно приложила свою ладонь к его.

— Сейчас вообрази четыре синих квадрата, под ними — три алых круга, а ниже — четыре зелёных треугольника.

Ничего себе заданьице, нахмурился собиратель бабочек. Картинки непривычно дёргались,

прыгали, издевательски растворялись перед его мысленным взором. Пришлось напрячь волю, зажмуриться — и вот непослушное изображение успокоилось.

— Открой глаза, — посоветовала еврейка.

Мужчина разлепил веки — и тут же вцепился в край соньера, чтобы не упасть.

Никаких овалов, квадратиков, неразборчивых надписей или примитивных фигурок не было в помине.

Зато преобразилось буквально всё вокруг.

Деревья, на которые Даэман прежде и внимания-то не обращал, разве что прятался под их сенью в жаркий день, превратились в огромные, сложнейшие структуры, источники беспрестанного движения красных и зелёных соков жизни, обмена воды, сахара, солнечного света и тепла, прозрачные пласты пульсирующей ткани, омертвевшей коры, вен и пузырьков, пронизанные стрелами силовых векторов, испещрённые колонками постоянно меняющихся данных, — если бы мужчина мог прочесть их, его разуму стало бы доступно гидрологическое устройство истинного природного чуда, каким на самом деле являлась простая секвойя. Он уразумел бы, какое давление требуется, чтобы заставить воду, начиная от кор-

ней (боже, Даэман опустил голову и *увидел* эти самые корни глубоко под землёй и как они вбирают из почвы энергию), совершить путешествие в сотни футов. И всё это без наклона, совершенно отвесно, как будто великан потягивает лимонад через гигантскую соломинку! А дальше — боковое движение, не менее ошеломляющее, по трубочкам толщиной в одну-единственную молекулу, по ветвям в пятьдесят, шестьдесят и семьдесят футов, и при этом нескончаемое всасывание питательных веществ…

Собиратель бабочек отвернулся: солнечное сияние, льющееся с неба, на глазах обратилось в дискретный дождь мощной энергии; вот его впитывают зелёные иглы, а вот он падает на перегной под ногами человека и согревает колонии бактерий — при желании коллекционер мог бы *сосчитать* их! Окружающий мир захлёстывал его мозг потоком информации, волнами данных, где миллионы микроэкологий разом воздействовали друг на друга, обмениваясь жизненной силой, где даже смерть стала частью изумительного танца рождений, преобразований, воспроизведения, роста, голода и его утоления.

На противоположной стороне опушки истлевала полузарытая в перегной мышь. От полёвки

остались буквально кожа да кости, но и её тельце мерцало алым маячком жизни — в нём пировали бактерии, созревали мушиные личинки, прогретые послеполуденным светом, и сложные протеиновые белки медленно растворялись, продолжая существование на молекулярном уровне, и кроме того…

Ловя воздух ртом, почти задыхаясь, несчастный Даэман устремил глаза в другую сторону, тщетно пытаясь избавиться от видения, хотя везде было всё то же: энергия свершала свои приливы и отливы, клетки поглощали пищу, неуёмно двигались молекулы в прозрачных деревьях, земля жарко дышала, небо низвергало пылающие потоки солнечных лучей и радиопосланий от далёких звёзд.

Мужчина вскрикнул и закрыл лицо руками. Только слишком поздно: он уже успел разглядеть Сейви. Непостижимая галактика жизни таилась в этом старческом теле — полыхала в нейронах мозга под покровом ухмыляющегося черепа, молниями пронзала нервы глазной сетчатки, копошилась в кишечнике миллиардами бесстрастных, занятых самими собою форм…

В испуге отводя взор, Даэман допустил ещё более чудовищную ошибку. Он невольно посмотрел

вниз, на себя, *сквозь себя*, увидел собственную связь с воздухом, землёй и небесами.

— Отменить! — рявкнула Вечная Жидовка.

Разум её спутника покорно повторил команду.

Внезапно блистающий полдень с его светом, изливающимся на кроны деревьев и усыпанную иглами почву, показался мужчине кромешной полуночью. Трясущиеся ноги подкосились. Собиратель бабочек сполз по краю соньера, повалился на живот, раскинул руки, вжавшись лицом и ладонями в землю.

Сейви присела рядом на корточки и похлопала его по плечу.

— Мне надо идти, — мягко сказала она. — Ты отдохни пока. А я приведу остальных.

Ада не сразу осмелилась отправиться с Харманом на прогулку: девушку беспокоило, не рассердится ли Сейви, что все разбежались. С другой стороны, Ханна без зазрения совести последовала за Одиссеем, оставаться у летучего диска наедине с кузеном совершенно не хотелось, и к тому же когда ещё выпадет удобная минутка побеседовать с новым возлюбленным наедине?

Пара перебралась через холм и двинулась вдоль небольшого ручья. Лес наполняли птичьи трели, однако животных крупнее белки на

пути не встречалось. Харман шёл молча, погружённый в собственные мысли; лишь раз он и прикоснулся к своей спутнице — протянул руку, помогая пересечь ручей. «Неужели наша ночь на двоих была ошибкой, обидным просчётом?» — начала мучиться Ада. Но когда путники остановились у подножия десятифутового водопада и блуждающий взгляд мужчины сосредоточился на девушке, та ощутила такой прилив нежности, что сразу поняла: нет, не зря, а к счастью, сделались они любовниками.

— Ада, — заговорил Харман, — ты знаешь своего отца?

Девушка ждала чего угодно, только не этого. Не то чтобы вопрос нарушал какое-либо табу, теоретически многие люди «знали» своих отцов, и всё же… о подобном редко спрашивали.

— Ты имеешь в виду, известно ли мне, кем он был? — уточнила она.

Девяностодевятилетний путешественник покачал головой:

— Да нет же. Вы когда-нибудь виделись?

— Нет. Мама однажды упоминала его имя, хотя, по-моему, несколько лет назад он… достиг Пятой Двадцатки.

«Вознёсся на кольца», — чуть не вырвалось у

неё по привычке.

Сердце девушки тревожно забилось. Почему он спрашивает? Может ли получиться, что… Ну да, порой случалось и такое. Молоденькие девушки занимались любовью со взрослыми партнёрами, которые оказывались их анонимными «сперм-отцами». Интимные связи между родственниками более не запрещались: дети от подобных связей никогда не рождались, а вступить в отношения с братом было бы просто невозможно, ибо каждая женщина воспроизводила только одного ребёнка. Но как неприятно даже думать об этом!

— Я вот ни разу не встречал отца, — продолжал Харман. — Сейви утверждает, будто бы раньше, в Потерянную Эпоху и даже чуть позднее, они играли в жизни детей почти столь же важную роль, как и матери.

— С трудом верится, — по-прежнему смущённо откликнулась Ада.

К чему он клонит? Уж не хочет ли сказать, что слишком стар для неё? Это же глупости!

Недавний именинник тронулся дальше в лес; хозяйка Ардис-холла побрела следом. Тень освежала прохладой, хотя сосновый запах сильнее дурманил голову. Позади негромко журчал водопад. Неожиданно девушка подскочила и

смятенно заозиралась. Спутник шагнул к ней:

— Услышала что-нибудь?

— Н-нет. Просто… Как-то всё неправильно.

— Здесь нет сервиторов. И войниксов тоже.

Вот оно что, догадалась Ада. Они остались одни. Совершенно одни. Было нечто пугающее в этом незнакомом чувстве. Безо всякой причины девушку передёрнуло.

— А ты найдёшь дорогу обратно?

— Не сомневайся, — кивнул спутник. — Я делал пометки на земле и внимательно следил за солнцем. Вон там, — он указал концом палки, которую использовал как посох, — за холмом наша опушка.

Ада улыбнулась, хотя и не очень убеждённо. Затем снова попробовала включить напульсную функцию поиска. Та не работала. Девушка и прежде гуляла в лесах, неподалёку от собственного особняка, однако ни разу — без вездесущего сервитора, что показал бы дорогу домой, или без охранника-войникса. Впрочем, сейчас Аду беспокоило иное.

— Почему ты завёл речь об отцах?

Пара спустилась по холму и углубилась в чащу секвой, в благоговейный, словно с соборе, полумрак, пронизываемый острыми лучами.

Мужчина не сводил взгляда с юной спутницы.

— Сейви кое-что сказала мне утром, — признался он. — Я ведь и впрямь гожусь тебе в деды. И этот отчаянный поиск лазарета, и наша связь может означать всего лишь… отрицание моего возраста. Нежелание признать Пятую Двадцатку.

Девушку немедля охватил гнев («*да как смеет эта старуха… ей-то какое дело!*»), тут же сменившийся досадным уколом ревности: стало быть, утром он торопился покинуть их тёплую постель вовсе не из обыкновения вставать рано.

И что же такого важного могла сообщить Вечная Жидовка в подобную рань? Разве нельзя наговориться по пути к Средиземному Бассейну… Между прочим, даже в этом путешествии Сейви беззастенчиво заняла её, Ады, место!

Хозяйка Ардис-холла всмотрелась в лицо Хармана, столь моложавого в сравнении с Одиссеем, с его жуткими «куриными лапами» у глаз и сединой, и поняла: собеседник не заметил ни злости, ни ревности. А ведь он был таким чутким, таким отзывчивым! Неужели его прежняя сердечность — лишь часть заученной игры, прелюдия к постельным утехам, не более? Девушке не хотелось этому верить, но когда же влюблённые безумцы не совершали ошибок?

— Тебе известно, как женщины решают забеременеть? — невпопад ляпнул спутник, рассеянно водя концом палки по земле.

Ада замерла на месте. Вот беспардонность!

Харман тоже остановился и поглядел на неё, будто ни в чём не бывало.

— Я имею в виду, *как* это происходит? — повторил он, словно мужчины каждый день обсуждали подобные вещи с дамами.

— Если ты собрался просветить меня насчёт пчёлок и птичек, — сухо проронила девушка, — то немного запоздал.

Недавний именинник от души рассмеялся. Час назад этот звучный смех околдовал бы собеседницу, теперь же вывел из себя.

— Я говорю не о сексе, дорогая. — Разозлившись, хозяйка Ардис-холла пропустила мимо ушей это первое в их близости ласковое слово. Харман продолжал: — Речь о том, как ты получаешь разрешение зачать, возможно даже, через десятки лет, и выбираешь донора спермы.

Ада залилась краской и разгневалась ещё сильнее:

— Не понимаю, что ты несёшь.

Конечно же, она понимала. Это мужчинам не полагалось знать всего, а уж обсуждать вообще не

следовало! Большинство женщин, приближаясь к Третьей Двадцатке, собирались завести ребёнка. Обычно спустя несколько лет после запроса «посты» передавали разрешение посредством сервиторов. С того момента будущая мать прекращала всякие сношения с мужчинами, принимала особые таблетки, высвобождающие силу зачатия, и решала, кто же из её партнёров достоин стать отцом малыша. Беременность продолжалась несколько дней, ну а дальше… история, древняя, как само человечество.

— Я про устройство, которое позволяет «назначить» отца из числа тех, с кем… ну, ты понимаешь, — настаивал Харман. — Люди старого образца не имели подобного выбора.

— Ерунда! — оборвала его девушка. — Мы и есть люди старого образца. И так было всегда.

Спутник медленно, чуть ли не печально, покачал головой:

— Ничего подобного. Даже в годы Сейви, каких-то тысячу лет назад, дамы беременели от кого попало. ПЛ вживили в нас… в наших женщин… специальное устройство по хранению спермопакетов и её сознательному отбору. Сейви говорит, они позаимствовали его у моли.

— У моли?! — взорвалась Ада. К чёрту смуще-

ние! Что за бред! — Соображайте, что вы городите, Харман Ухр.

Мужчина вскинул голову, словно получил пощёчину. Казалось, он впервые обратил внимание на чувства собеседницы.

— Это правда. Прости, если я расстроил тебя, но Сейви…

— Хватит! — воскликнула девушка; впервые в жизни она была готова броситься на человека с кулаками. — Сейви то, Сейви сё! Довольно с меня этой старой кретинки! Не верю ни единому слову! Никакая она не старая и не мудрая. Просто полоумная. Всё, я возвращаюсь.

И она побежала прочь.

— Ада! — крикнул вдогонку Харман.

Девушка не ответила.

— Ада!

26
Между ущельем Эос и ущельем Копратес, в восточной части Долины Маринера

За три недели плавания вверх по реке — точнее, внутреннему морю — Долины, Манмут едва не лишился рассудка. Фелюга с командой в сорок МЗЧ оказалась далеко не единственным судном, рассекающим волны затопленного ущелья. Кроме десятков похожих корабликов, путешественники миновали в день самое меньшее по три стометровых баржи, гружённых неотёсанными глыбами из каменоломен Лабиринта Ночи, до которого оставалось целых две тысячи восемьсот километров.

Орфу с Ио человечки закатили на борт и укрыли от летучих неприятелей куском парусины вместе с прочим грузом и предметами, извлечёнными из трюма «Смуглой леди». Впрочем, любое воспоминание о подлодке, покинутой в пещерке на мелководье, приводило бывшего капитана в подавленное расположение духа. До сих пор он и не подозревал в себе столь сильной склонности

к мрачным чувствам, к такому отчаянному одиночеству, которое отнимало бы всякую волю к дальнейшей борьбе. Лишь немилосердная утрата собственного судна явила истинную глубину скорби, на какую был способен моравек. Его товарищ — слепой калека, занявший место среди бесполезного балласта — и тот казался более жизнерадостным; хотя Манмут уже начинал понимать, как редко и осторожно иониец раскрывает перед кем-либо свою душу.

Фелюга причалила к берегу, точно по обещанию, на следующее марсианское утро после прибытия путешественников, и пока зелёные создания погружали гигантского краба на борт, маленький европеец успел несколько раз наведаться на «Смуглую леди», дабы забрать всё, что только возможно: переносные аккумуляторы, сонар, навигационную оснастку, оборудование для коммуникаций…

— *Не иначе, ты сплавал на разбитую посудину нагишом и набил карманы сухарями?* — усмехнулся Орфу в ответ на его рассказ об утренних похождениях.

— *Как?* — Манмут испугался, а не свихнулся ли его друг окончательно.

— *Авторская ошибочка, непоследователь-*

ность сюжета в «Робинзоне Крузо», — громыхнул краб. — *Обожаю подобные неточности.*

— *Не знаю, не читал*, — нахмурился европеец. Он был не в том настроении, чтобы выслушивать шуточки. Прощание с кораблём разрывало его душу на части.

Последующие три недели друзья обсуждали состояние Манмута — иных занятий на судне просто не было. К счастью, радиопередатчик ближнего действия, вмонтированный в панцирь ионийца, работал исправно.

— *А ведь ты страдаешь не только из-за разлуки*, — заметил однажды Орфу. — *У тебя наверняка развивается агорафобия, боязнь открытого пространства.*

— *Почему это?*

— *Ты же создан, запрограммирован быть частью подлодки, которая прячется под вечными льдами на океанском дне, среди кромешной тьмы, под невыносимым давлением мощных слоёв жидкости. Такому существу по-настоящему удобно лишь в тесной каюте. И недолгие набеги на поверхность Европы вряд ли подготовили тебя, старина, к марсианским просторам, далёкому горизонту, ясным голубым небесам…*

— *Не такие уж они сейчас и голубые*, — только

и вымолвил в ответ знаток Шекспира.

Стояло раннее утро, ничем не отличавшееся от прочих, а это значит, Долину Маринера окутывала пелена тяжёлых облаков и густого тумана. Зелёные человечки убрали ветрила и взялись за вёсла. Три десятка неутомимых гребцов уселись на скамеечках по пятнадцать с каждого борта, ибо ветер опять раздумал нести к цели двухмачтовый кораблик с треугольными «латинскими» парусами. На данном участке ширина реки достигала ста двадцати километров, а вскоре должна была увеличиться до двухсот, так что даже и в ясную погоду прибрежные скалы безнадёжно затерялись бы за окоёмом. Однако, учитывая оживлённое судоходство, из предосторожности фелюга едва перемещалась в серой мгле, мерцая сигнальными фонарями на носу, мачтах и корме.

Со временем европеец осознал правоту друга. Агорафобия в самом деле доставляла ощутимые муки, ведь наиболее острая тоска подкатывала к горлу именно в солнечные, безоблачные дни. И всё-таки его главная беда заключалась не в том, чтобы свыкнуться с потерей привычной скорлупки да нескольких внешних датчиков. Нет ничего ужасней для капитана, чем пережить своё

судно, — так уверяли моравека исторические программы и прочитанная позже литература. Хуже того, на него была возложена ответственная миссия — доставить Короса III к подводному подножию Олимпа; теперь она бессовестно провалена. Ганимедянин мёртв, как и Ри По — тот самый, кому следовало принять от главного разведчика Короса наиважнейшую информацию, зашифровать её и передать…

Кому? Куда? Каким образом? Оставалось теряться в догадках.

Друзья беседовали и об этом долгими, тихими неделями путешествия. Ночью становилось ещё тише, ибо с заходом солнца немые матросы впадали в спячку, закрепив корабль при помощи причудливого морского якоря. (Манмут как-то проверил здешние глубины эхолотом и присвистнул: более шести километров.) МЗЧ не шевелились, пока первые лучи рассвета не касались их полупрозрачной кожи. Становилось ясно, что молчаливые создания извлекают энергию прямо из солнечного света, пусть даже поглощённого клочьями тумана. Маленький европеец ни разу не видел, чтобы существа принимали пищу или что-либо выделяли. Он мог бы спросить их самих, но, несмотря на правдоподобные

предположения Орфу о коллективной природе МЗЧ, означающей невозможность «убить» отдельную личность в принципе, знаток сонетов не настолько доверился гипотезе товарища, дабы без колебаний сунуть руку в чужую грудь и хватать чужое сердце ради праздных вопросов, не требующих безотлагательного решения.

Зато покалеченного ионийца он тормошил безо всякого стеснения.

— *Зачем нас вообще послали?* — изумился Маммут на десятый день. — *Поручение — загадка, выполнять его мы совершенно не готовы. Просто безумие — отправлять на Марс подобных невежд.*

— *Моравеки-управляющие склонны чётко разделять обязанности между специалистами,* — пояснил краб. — *Ты — лучший среди водителей-подводников, я идеально подходил для обслуживания космического корабля. Никому и в голову не приходило, что нам с тобой придётся действовать за четверых.*

— *А почему нет? Они же понимали серьёзную опасность миссии.*

Орфу слабо усмехнулся:

— *Похоже, начальство рассудило так: в случае чего, смертью храбрых падём все сразу.*

— *А ты погоди радоваться,* — буркнул европеец. — *Ещё не вечер.*

— *Опиши-ка лучше погоду. Скажи, мгла уже рассеялась?*

Дневные и ночные декорации поражали моравека своей красотой. Все его прежние сведения о мирах с атмосферой, пригодной для дыхания, сводились исключительно к земным архивам, и терраформированный Марс вызывал живейший интерес.

Небеса постоянно меняли краски: от сочной полуденной лазури до розоватого закатного багрянца и чистого золота, что заливало окрестный пейзаж, наделяя все предметы собственным сокровенным сиянием. Здешнее солнце, конечно, выглядело гораздо мельче земного, отображённого на старинных видеозаписях, зато неимоверно превосходило величиной и жаром крохотное светило, сиявшее галилейским моравекам последние полторы тысячи земных лет. Ласковый бриз благоухал солёной морской водой и время от времени — как ни странно — растениями.

— *Никогда не задумывался, для чего нам дано это чувство?* — сказал Орфу, услышав от друга об аромате свежей зелени.

— *Какое?*

— Ну, обоняние.

Маленькому европейцу пришлось глубоко задуматься. Он-то всегда принимал свой нюх как должное, хотя под водой или на ледяной планете от него не было ни малейшего проку, а в капитанской каюте и подавно. Манмут с изумлением обнаружил, что перечислил *все* места собственного обитания.

— Э-э-э… Можно учуять ядовитые испарения внутри «Смуглой леди». Или в переговорном отсеке на Хаосе Конамара… — Он запнулся. Нет, глупо. Для таких случаев моравеки обладали более совершенными системами оповещения.

Орфу тихо рассмеялся:

— А я мог бы унюхать серу на поверхности Ио, да кому ж это надо?

— Ты? — озадачился собеседник. *— Высоковакуумный трудяга?*

— Согласен, бессмыслица. Как и то, что я провожу… проводил… большую часть жизни, рассматривая мир в части спектра, доступной человеческому глазу. Однако это правда.

Вот и новая причина для размышлений. А ведь верно: знаток сонетов поступал точно так же. При желании он легко переключался на восприятие инфракрасных или ультрафиолетовых волн, а

зрение Орфу улавливало радиочастоты и линии магнитных полей — незаменимая способность для того, кто работает в условиях проникающего космического излучения. Тогда зачем, зачем ионийцу выбирать «видимые» волны?

— *Мне кажется, наши дизайнеры, как и последующие поколения расы моравеков, втайне мечтали стать людьми,* — ответил краб на невысказанный вопрос приятеля без своей обычной усмешки. — *Эффект Пиноккио, так сказать.*

Манмута идея не убедила, но он был слишком удручён, чтобы спорить.

— *А теперь чем-нибудь пахнет?* — продолжал иониец.

— *Да, гниющей растительностью. Почти как на Темзе в час отлива.*

Дабы не спятить от полного безделья, маленький европеец принялся сортировать и тщательно изучать вещи, захваченные со «Смуглой леди».

Самый мелкий артефакт — гладкий яйцеобразный объект чуть крупнее Манмута — оказался тем самым Прибором, важнейшим элементом для миссии Короса III. Друзья-путешественники ровным счётом ничего не знали о предназначении загадочной штуки: ганимедянин намеревался лично установить её на Олимпе и при соблюде-

нии неких таинственных условий произвести запуск.

Любитель Шекспира испробовал на Приборе сонар и отколупнул крохотную частичку блестящего покрытия, однако не понял назначения устройства. И по крайней мере энергия, содержащаяся в Приборе, имела невероятные объёмы.

— *Вполне может оказаться бомбой,* — пробормотал Манмут, приставляя частичку на место.

— *Не то слово,* — поддержал его иониец. — *Жахнет — и нет планеты. Ищи клочки по закоулочкам.*

Европеец поборол искушение вышвырнуть последнего друга за борт и, притворившись, будто не расслышал, переключил внимание на могучие стены каньона, грозно вздымающиеся в трёх километрах к югу. Гордые красные скалы, испещрённые тёмными бороздами, возносились к небесам крутыми уступами. Неужели всё это великолепие обречено сгинуть навеки? Мангровые деревья, растущие на болотистых землях нижней дельты, дикие виноградники на самых неприступных вершинах и даже хрупкое голубое небо с растрёпанными перистыми облаками… Манмут попытался представить, как эта мирная картина исчезает в огромной квантовой вспышке. Нет,

что-то здесь не так.

— Подумай, старина. Может, это всё же не бомба?

— Прямо с разбегу другую версию и не сочинишь, — посетовал иониец. *— В моём воображении вообще не укладывается такой размах, тут же сумасшедшие силы запрятаны. Технологии — запредельные. Я бы посоветовал обращаться с окаянной штуковиной поласковей, да раз она пережила нападение тех, в колеснице, плюс вторжение в атмосферу, погубившее твою подлодку, значит, не такая уж и неженка. Дай-ка ей лучше доброго пинка, и поговорим о следующем предмете. Что там у нас на очереди?*

На очереди была вещь солиднее размерами, зато более доступная для понимания.

— Похоже на лучевой коммуникатор, — произнёс европеец. *— Сейчас он компактно сложен, хотя нетрудно догадаться, что при активации развернётся высокий треножник, широкая тарелка направится в космос и пошлёт мощный луч… неведомо чего.*

— С какой стати Коросу тащить с собой коммуникатор? — усомнился Орфу. *— Комсаты до сих пор носятся по орбите, да и сам корабль отлично справлялся с любыми пересылками. Даже*

твоя собственная лодка — и то имела связь с системой Юпитера.

— А вдруг адресат вовсе не там? — предположил Манмут.

— А где же?

— Без понятия.

— Кстати, как наш ганимедянин собирался закодировать сообщение? — осведомился краб.

Зрячий моравек удалил нанокарбоновое покрытие и аккуратно исследовал тонкий механизм.

— Тут есть виртуальные гнёзда соединения, — заявил он после осмотра. *— Очень удобно: можно загрузить всю визуальную и невизуальную информацию, зашифровать и активировать на месте. Если только начальство не защитило активацию каким-нибудь секретным кодом. Хочешь, подключимся и проверим?*

— Нет. Не время.

— Ладно, тогда я закрываю…

— Ещё одно. Какого сорта энергией питается устройство?

Незнакомый с чуждыми технологиями европеец рассказал в общих чертах.

— Ну и ну! — присвистнул иониец. *— Искусственная антиматерия. Консорциум Пяти Лун*

использовал подобное топливо при первых межзвёздных перелётах. Подключись мы с тобой к этой кормушке, силёнок хватило бы на многие земные столетия.

— *Выходит…* — Сердце Манмута учащённо заколотилось. — *Если заменить ею сгоревший термоядерный двигатель «Смуглой леди»…*

Иониец погрузился в молчание и, наконец, с неохотой выдавил:

— *Не-е, вряд ли получится. Когда чудовищная сила вырывается на волю с чудовищной скоростью, она неуправляема. Мы-то с тобой ещё нашли бы способ подпитаться от энергетического поля, но заправить лодку? Тем более что сперва нужно починить судно. А ты, если я правильно понял, не сумеешь сделать этого в одиночку?*

— *Тут потребуются доки Хаоса Конамара…* — Манмут ощутил странную смесь сожаления и облегчения, осознав, что для его бедной подводной лодки не осталось надежды. Как ни скорбел он о непоправимой утрате, мысль о том, чтобы повернуть и проплыть обратно две тысячи с лишним километров, портила и без того угрюмое настроение.

Последним под руку попался самый большой, увесистый и самый непостижимый для пони-

мания европейца объект: бамбуковая корзина полутораметровой высоты с основанием два на два метра, упакованная в прозрачный трансполимер. Внутри знаток Шекспира обнаружил сотни квадратных метров микротонкого «шпионского» полиэтилена со вшитыми в него полосками высокопроизводительных солнечных батарей, четыре газовых баллона (датчики засекли гелий, азото-кислородную смесь и метанол), восемь атмосферных реактивных двигателей со встроенными контроллерами и, наконец, двенадцать аккуратно сложенных пятнадцатиметровых углепластовых тросов, присоединённых ко всем четырём сторонам корзины.

Манмут долго шуршал полиэтиленом, постукивал по днищу, напрягал сенсоры и раздумывал.

— *Сдаюсь. Что это за ерунда такая?*

— *Воздушный шар,* — откликнулся ониец.

Любитель сонетов недоумённо покачал головой. Допотопное средство перемещения — на Марсе? С какой радости тащить сюда…

Орфу ответил прежде, чем он сформулировал вопрос:

— *Цель нашей миссии — миссии Короса III — находится на Олимпе, в центре квантовых волнений. Не собирался же ганимедянин штур-*

мовать гору пешком! Кстати, какие размеры у этой штуки?

Манмут описал.

— *Видишь? Всё сходится. Если надуть шарик гелием, гондола спокойно поднимет и тебя, и Прибор, и лучевое радио, а затем унесёт хоть на край земли… или на вершину знаменитого вулкана.*

— *Гондола?* — переспросил маленький европеец, пытаясь вникнуть в незнакомую идею.

— *Ну да, корзина, куда всё упаковано.*

— *Но ведь на Олимпе есть эскалатор…* — брякнул, не подумав, бывший капитан подлодки.

— *А разве тем, кто планировал экспедицию, это было известно?* — возразил ему товарищ.

Манмут не ответил и в задумчивости отвернулся от воздушного шара. Южные скалы Долины Маринера превратились в тонкую красную линию на лазурном горизонте; фелюга всё дальше уходила от берега, устремляясь к срединным течениям.

— *Тебе не влезть в эту гондолу*, — промолвил европеец.

— *Естественно…* — начал краб.

— *Придётся смастерить что-нибудь покрупнее*, — перебил его Манмут.

— Ты и вправду веришь, что мы с тобой выполним миссию? — мягко произнёс иониец.

— Не знаю. Я уверен лишь в одном: когда… если… достигнем побережья, до вулкана останется две тысячи километров. И у меня нет ни малейшего понятия, как нам их одолеть. А эта безумная затея с шаром… глядишь, и сработает.

— Тогда можно лететь хоть сейчас! Всё быстрее, чем ползти по волнам на этой… Как ты её кличешь?

— *Фелюга,* — повторил Манмут и запрокинул голову к розоватым облакам, на фоне которых качалась оснастка и два остроконечных паруса. МЗЧ бесстрашно и ловко суетились на реях. — *Нет, вот что я тебе скажу: воздушным шаром воспользуемся не раньше, чем это потребуется. Пусть у него даже гондола обтянута хамелеоновской тканью — откуда нам знать, может, люди на летающих колесницах видят и сквозь неё? Перелёт над Лабиринтом Ночи и тремя высочайшими вулканами планеты сам по себе достаточно длинен, труден и опасен.*

Орфу негромко хохотнул:

— «Вокруг света за восемьдесят дней» — так, что ли?

— Почему вокруг света? Считая вместе с этим

плаванием, мы обогнём только четверть Марса.

Дабы скоротать время и отвлечься от сумеречных мыслей, Манмут перечитывал книгу сонетов, спасённую с погибшей «Смуглой леди». Однако привычное снадобье ото всех бед на сей раз не помогало. Там, где прежде моравек погружался в дотошный анализ, выкапывал потайные связи между фразами, умопостроениями, а также глубинами драматического содержания, осталась одна лишь горькая печаль. Печаль и безысходность.

Сказать по чести, маленького европейца не очень волновало, что именно делал с «юношей» «Уилл» или «поэт» и чего ожидал взамен, — сам-то он никогда не имел пениса или анального отверстия, да и не грустил по этому поводу. Однако теперь медоточивые дифирамбы вперемешку с позорным клеймением одного и того же туповатого, зато физически здорового парня со стороны седеющего автора почему-то вдруг начали угнетать дух читателя. Он «перескочил» на сонеты, посвящённые «смуглой леди», — те оказались ещё более циничными и полными извращений. Манмут не мог не согласиться с критиками, утверждающими, будто интерес Барда целиком сосредоточен на сексуальной неразборчивости

этой темноглазой, темноволосой, темногрудой женщины, которая, по словам поэта, если и не зарабатывала продажей собственного тела, то по крайней мере была ещё та стерва.

Когда-то давно капитан подлодки скачал в свои архивы эссе Зигмунда Фрейда — этого колдуна и знахаря Потерянной Эпохи — и прочёл о типе мужчин, что нарочно выбирают целью чересчур доступных «леди». Так вот, насмешливо играя словами, Шекспир не гнушается называть женскую вагину «проезжим двором», «общинным выгоном», «заливом, переполненным судами». Воистину: «Правдивый свет мне заменила тьма, и ложь меня объяла, как чума»!

Глядя на солнце, которое клонилось к закату над безбрежными просторами внутреннего моря, на пламенеющие вдали зубчатые стены скал, Манмут не мог понять, как он умудрялся долгие годы выискивать глубочайшие тайны и сокровенные идеи, копаясь в грязном белье, в этих граничащих с неприличием откровениях извращенца.

— *Зачитался любимыми сонетами?* — проговорил Орфу.

Европеец захлопнул книгу.

— *Как ты догадался? Уж не получил ли мой*

друг дар телепатии взамен утраченных глаз?

— *Ещё нет,* — беззаботно загрохотал краб, накрепко привязанный к палубе в десяти метрах от носа фелюги, где и сидел сейчас Манмут. — *Просто иногда ты молчишь литературнее обычного.*

Товарищ поднялся и устремил взор на закат. Маленькие зелёные человечки деловито хлопотали, возясь с оснасткой судёнышка и готовясь ко сну.

— *А если серьёзно,* — задумался маленький европеец, — *зачем нам, моравекам, заложена в программу нелепая страсть к творениям расы людей, которые, наверно, уже повымерли?*

— *Я и сам удивлялся,* — откликнулся иониец. — *Короса III и Ри По наша общая болезнь благополучно миновала, но ведь тебе известны и другие случаи этой одержимости…*

— *Мой бывший напарник Уртцвайль зачитывался Библией в переводе короля Якова. Мог изучать её десятки лет подряд.*

— *Прямо как я и мой Пруст.* — Промычав несколько тактов из песенки «Я и моя тень», Орфу продолжал: — *А знаешь, чем похожи все эти творения, к которым нас неудержимо влечёт?*

Манмут пораскинул мозгами:

— Нет.

— Они неисследимы, — таинственно изрёк иониец.

— Как это?

— Их невозможно постичь до конца. Они словно дома, где вечно натыкаешься на новую дверь, не замеченную ранее мансарду, потайную лестницу или чердак… что-то в этом роде.

— Боюсь, я не до конца врубился, — буркнул знаток Шекспира.

— А ты не слишком-то весел, старина. И Бард уже не радует?

— Кажется, его неисчерпаемость исчерпала меня самого, — признал собеседник.

— Ладно, что там, на палубе? У наших маленьких друзей, поди, работы по горло?

Капитан погибшей лодки огляделся. Зелёная команда торопилась убрать паруса и опустить тяжёлую якорную цепь, пока лучи заходящего солнца ещё дарили последние крупицы необходимой энергии. Совсем немного — и немые создания улягутся, свернутся калачиками, впадут в глубокую спячку вплоть до рассвета.

— А ты, наверное, уловил колебания палубы? — полюбопытствовал Манмут.

— Да нет: время вроде бы подходящее. Почему

ты им не поможешь?

— Прошу прощения?

— Ну, ты же у нас морской волк. Во всяком случае, отличаешь перлинь от перины и линя. Протяни малышам руку помощи… или хотя бы манипулятор.

— Я бы только путался под ногами. — Европеец с сомнением посмотрел на МЗЧ, шустрых и безупречно ловких, как обезьянки на старинных видеозаписях. *— По-моему, они вообще телепаты, не то что мы с тобой. Моя помощь им явно не нужна.*

— Чушь. Давай, старина, отыщи себе достойное занятие. Лично я намерен почитать о месье Сване и его ветреной подружке.

Манмут замешкался, потом засунул томик сонетов обратно в ранец и отправился на среднюю палубу. Там он присоединился к человечкам, которые привязывали к рее остроконечный парус. Поначалу существа, работавшие в унисон, замерли, уставившись на пришельца чёрными пуговицами глаз на гладких, одинаковых лицах, затем посторонились, и поклонник сэра Уильяма с радостью принялся за работу, изредка бросая восхищённые взоры на закатное небо и вдыхая чистый марсианский воздух полной грудью.

В течение следующих недель настроение маленького европейца совершило скачок от уныния к покойному удовлетворению и даже к некоему варианту радости, доступной обычному моравеку. Морские труды захватили его почти целиком, и даже непрерывные беседы с другом не мешали одновременно штопать паруса, сращивать концы канатов, драить палубу, вытягивать из глубин якорную цепь и стоять на вахте у руля. Фелюга покрывала около сорока километров в день — на первый взгляд смехотворно мало, но это если не учитывать капризные ветра, из-за которых судно в основном шло на вёслах, да ещё и против течения, к тому же исключительно при свете солнца. Долина Маринера протянулась на целых четыре тысячи километров (приблизительная ширина Соединённых Штатов — земной страны времён Потерянной Эпохи, как любил напоминать Орфу), и вскоре Манмут распрощался с надеждой достичь цели за сотню марсианских дней. А ведь за границей моря путешественников ожидали тысяча восемьсот километров плато Фарсида.

Впрочем, бывший капитан «Смуглой леди» не очень-то и спешил, наслаждаясь незамысловатыми, однако подлинными радостями плавания под парусом. Морские ароматы кружили голову,

дневное солнце прогревало до самого сердца, ночная прохлада давала приятный отдых, а безотлагательность отчаянной миссии исподволь растворялась в утешительном круге привычных забот.

В конце шестой недели, когда Манмут преспокойно работал на передней мачте фелюги (насколько он ведал, судно не имело названия, хотя, чтобы узнать наверняка, пришлось бы убить очередную жертву), менее чем в километре от корабля вдруг появилась колесница. МЗЧ занимались своими делами внизу; моравек был совсем один, открыт и беззащитен, у него даже не оставалось времени спуститься на палубу и спрятаться.

Летучая машина стремительно промчалась прямо над фелюгой — так низко, что европеец успел заметить: кони поддельные, голографические. Виртуальные поводья держал в руках высокий, царственного вида мужчина в тёмной тунике. Его гладкая кожа источала золотистое сияние, длинные белые локоны струились по плечам, вся фигура дышала необыкновенной красотой. Орлиные глаза смотрели только вперёд, не снисходя до того, что творится на земле или на море.

Манмут не упустил возможности поближе «познакомиться» с колесницей и её седоком — разумеется, не напрямую, а при помощи разных визуальных фильтров и чувствительных датчиков; полученные сведения он тут же переправлял другу-ионийцу, на случай, если неприятель всё-таки опустит взгляд и надумает покарать дерзкого моравека ослепительной молнией. Скакуны, вожжи и колёса оказались чистой воды голограммами, зато сама повозка была ещё как реальна. Выполненная из драгоценного сплава золота с титаном, она излучала энергию по всему электромагнитному спектру. А самое страшное — оставляла позади широкий «хвост» четырёхмерных квантовых потоков. Маленький исследователь отчётливо увидел в инфракрасных лучах мощный силовой щит, прикрывающий колесницу от встречного ветра, и огромный защитный пузырь вокруг неё. По расчётам Орфу, такое поле легко спасло бы седока от чего угодно, кроме, пожалуй, хорошенького ядерного взрыва. Европеец тут же порадовался, что не догадался бросить в небесную машину камнем, которого очень кстати не оказалось под рукой.

— *Как оно летает?* — спросил краб, когда колесница растаяла на горизонте. — *На всей*

планете не найти столько электромагнитной энергии, чтобы поднять такую штуку в воздух.

— Может, квантовые потоки? — отозвался Манмут, качаясь на сильном ветру вместе с мачтой; фелюгу носило из стороны в сторону, за бортом кипели белые барашки.

Иониец издал неприличный звук.

— Управляемое квантовое искривление разрывает время и пространство, а также людей и целые планеты — это я понимаю. При чём здесь колесницы?

Капитан в отставке пожал плечами, забыв, что укрытый под брезентом приятель всё равно не способен его увидеть.

— Пропеллеров я не заметил. Сейчас ты получишь остальные данные. Однако, ей-богу, драндулет выглядел так, будто его несла самая настоящая волна квантового искривления.

— Вот чудно, — хмыкнул Орфу. *— И потом, даже тысяча заоблачных повозок не объясняет нам всей активности, зафиксированной в отчётах Ри По.*

— Это точно. Ладно, будем рады и тому, что божок нас не вычислил.

Собеседники помолчали. Встречные волны с шумом били о нос фелюги, громко хлопали на

ветру паруса, гудели натянутые канаты. Манмут упивался этими звуками, ему нравилось резко раскачиваться и подпрыгивать вместе с лёгким судёнышком, вцепившись руками в мачту и снасти.

— *Или же вызвал подкрепление с Олимпа,* — предположил краб.

Зрячий моравек ответил радиостатическим подобием тяжкого вздоха.

— *А ты у нас, как всегда, полон веры в лучшее.*

— *Точнее, в жизненную правду,* — насмешливо парировал иониец, но тут же посерьёзнел: — *А ведь знаешь, дружище, скоро нам опять придётся говорить с маленькими зелёными человечками. Слишком уж много вопросов накопилось.*

— *Знаю.*

Европейцу сделалось так дурно, как бывает при самой ужасной морской болезни.

— *И ещё,* — продолжал товарищ. — *Возможно, обстоятельства потребуют надуть и запустить шар немного раньше, чем намечалось.*

Перед этим отставной капитан потратил несколько дней на то, чтобы сколотить более просторную гондолу из остатков прежней корзины и обшивных досок, оторванных от не самой необходимой переборки судна. МЗЧ не проявили

ни малейшего беспокойства по этому поводу.

— *Думаю, лучше пока не спешить,* — возразил Манмут. — *Если бы знать заранее, какие вскоре задуют ветра! А попадёшь в мощный поток — не поможет и реактивная тяга. Не стоит рисковать шаром, особенно в такой дали от Олимпа.*

— *Согласен,* — проговорил гигантский краб после паузы. — *А вот потолковать с командой уже пора. У меня появилась новая теория. Кажется, они вовсе и не пользуются телепатией для общения.*

— *Разве?* — озадачился европеец. — *А чем ещё? Ушей и ртов у них нет, а мои датчики не чувствуют никаких волн, которые несли бы информацию.*

— *Что, если она содержится прямо в их телах? В виде маленьких частичек, этаких нанопакетов с закодированными данными? Вот почему МЗЧ настаивают, чтобы ты сжимал некий орган — пункт центрального телеграфа — живой рукой, а не общим манипулятором. При взаимопроникновении молекулярные машинки проникают непосредственно в твою кровь и направляются в органический мозг, где такие же нанобайты помогают расшифровать полученные сведения.*

— *А как они говорят между собой*? — с сомне-

нием спросил Манмут. Теория о чтении мыслей привлекала его больше.

— *Точно так же,* — пояснил Орфу. — *Прикосновения. Видимо, у них полупроницаемая кожа и обмен информацией происходит при каждом физическом контакте.*

— *Даже не знаю,* — усомнился бывший капитан. — *Помнишь, когда эти матросы причалили к берегу, им уже было известно, кто мы и куда едем? Сухопутные МЗЧ умудрились передать новости по морю?*

— *Мне тоже так померещилось. Однако раз уж наука людей и моравеков до сих пор не докопалась до основ телепатии, согласно бритве Оккама я бы допустил, что морячки «услышали» о пришельцах опять же благодаря прикосновениям — или к нам, или к собратьям, обитающим на берегу.*

— *Значит, нанопакеты закодированных данных?* — Маленький европеец не потрудился скрыть от приятеля скептицизм. — *Вот только если я захочу побеседовать, одно из этих созданий в любом случае умрёт.*

— *К несчастью,* — подтвердил иониец, уже не вспоминая своих прежних доводов, будто бы МЗЧ — не более личности, чем клетки человеческой кожи.

Безъязыкие существа с проворством акробатов суетились на палубе; пробегая мимо, человечки дружелюбно кивали Манмуту зелёными головками.

— *Спросить, конечно же, надо,* — произнёс он, — *но давай отложим хотя бы до завтра. Южный горизонт заволокла громадная красно-бурая туча, и все готовятся к буре. Лишних рук сейчас нет.*

27
Долины Илиона

А троянцы по-прежнему истребляют греков. Студенты из моей прошлой жизни непременно сказали бы, что они «производят зачистку». В самом конце двадцатого — начале двадцать первого столетия бытовал такой расхожий оборот, пущенный в обиход безграмотными журналистами и на деле означавший полное уничтожение врага. Однако «зачистить» можно пятно на рукаве, и этот процесс никак не приводит к разрушительным последствиям, верно?

Так вот, троянцы *истребляют* греков.

Объявив бессмертным ультиматум, Зевс на золотой колеснице квитируется с Олимпа на вершину Иды — высочайшей горы, откуда божественному зрению открывается отличный вид на Илион — и, заняв место на блистающем престоле чудовищных размеров, устремляет взор далеко вниз, на крепкие стены города, на сотни ахейских кораблей, что качаются на якоре у берега. Прочие боги слишком запуганы, чтобы вмешиваться, и Громовержец в гордом одиночестве извлекает

наружу золотые весы Смерти. На правой чаше лежит гирька, отлитая в форме троянского конника, на левой — фигурка аргивского лучника в бронзовых латах.

Кронид поднимает священные весы, перехватив коромысло посередине, и наблюдает. Роковая чаша ахейцев предательски склоняется, в то время как судьба Трои резко взмывает кверху. Владыка ухмыляется. Я подобрался достаточно близко, чтобы без труда заметить: старый хрыч прижал левую гирьку могучим пальцем.

Троянцы вырываются из городских врат и налетают на врага, точно стая потревоженных шершней. Тяжёлые, сизые тучи, неистово клокочущие тёмной силой, то и дело разражаются молниями небесного гнева. Причём лупят они исключительно по ратям аргивян и длинноволосых ахейцев. Ясно видя знаки божественного неудовольствия, греки всё же бросаются на поле битвы, — а что ещё им остаётся? Долину наполняет грохот сшибающихся щитов, скрежет пик, шум колесниц, конское ржание, победные крики и предсмертные стоны.

Ахейцам не везёт с самого начала. Молнии поджаривают воинов, точно закованных в броню цыплят. Гектор устремляется вперёд подобно

урагану; где тот великодушный человек, восхитивший меня в трогательной сцене прощания с женой и сыном? Его место занял помешанный убийца, который косит живых людей, словно траву на лугу, жуткими воплями призывая товарищей проливать всё больше, и больше, и больше крови. Те и не думают отставать. Троянцы и их союзники все, как один, с громким кличем обрушиваются на неприятеля, будто неистовый цунами из бронзы и кожи.

Парис, которого я ещё вчера не воспринял всерьёз и которому без колебаний наставил рога прошлой ночью, скачет рядом с братом, напоминая одержимую демонами машину для бойни. Его специальность — искусный лучник, и нынче ни одна из длинных стрел не пролетает мимо цели. Каждый выстрел — прямо в яблочко. Острые наконечники со свистом впиваются в глотки, сердца, глаза и гениталии; ахейцы с аргивянами валятся на поле будто подкошенные.

Гектор следит за врагом и стремительно подавляет любой очаг греческого сопротивления; упиваясь битвой, он перерубает шеи, точно стебли ромашек, не ведая милости и не слыша мольбы о пощаде. Как только ахейцам удаётся сплотить ряды, голубоватая вспышка молнии

низвергается с неба, разрываясь как космическая граната, и крики умирающих тонут в раскатах грома.

Великий царь Агамемнон с отважным Идоменеем прорубают себе путь к отступлению. Оба Аякса, прошедшие тысячу сражений, теряют присутствие духа и бегут с поля. Одиссей, прозванный «многотерпеливым», не может более терпеть и опрометью бросается к своим полым кораблям — видимо, надеется обрести там былое мужество. Удирает он даже слишком быстро для такого коротконожки. Единственный, кто не поворачивает обратно, — почтенный Нестор, да и тот задержался не по доброй воле: супруг Елены вонзил крылатую стрелу в череп его скакуна. Бедное животное бешено закружилось, вгоняя в панику остальных. Пилосец кидается к поверженному коню, очевидно собираясь отсечь упряжь и покинуть битву вслед за остальными. Но Гектор гонит колесницу вперёд, и герои вокруг падают наземь, сражённые стрелами Париса, кто в грудь, кто в открытую шею. Лошади Нестора сами находят дорогу назад, умчавшись проворнее самих людей. Седовласый муж остаётся один среди врагов в ожидании свирепого Приамида.

Мимо, не удостоив старого друга даже взглядом,

быстрее ветра проносится Одиссей.

— Куда спешишь ты, о сын Лаэрта, разумный тактик?.. — взывает сладкоголосый вития, но колкая насмешка пропадает даром.

Многоумный Лаэртид скрывается в клубах пыли, даже не замедлив хода.

В этот миг Диомед (а я всегда подозревал, что этот парень сильнее боли, сильнее смерти, сильнее самого страха боится получить прозвище труса) разворачивает повозку, устремляется к беспомощному старцу и подхватывает его, словно груду мятой одежды. Приняв у героя вожжи, Нестор направляет колесницу уже не *прочь*, а *на* воинствующего Гектора. Диомед бросает тяжёлое копьё. Правда, вместо седока поражает возницу — отважного Эниопея, сына почтенного Фебея. Тело убитого отлетает назад, к ногам изумлённых товарищей, испуганные кони взвиваются на дыбы. Что дальше?

Я где-то читал, что во многих битвах бывают такие мгновения, когда всё висит на тонком волоске. Пока Гектор пытается унять норовистых скакунов, греки, почуяв перемену в настроении фортуны, с громкими воплями кидаются на замерших в нерешительности троянцев и уверенно сминают первые ряды. На какое-то время им

удаётся перехватить инициативу, однако Зевс не дремлет. Сверхмощная молния с грохотом вонзается в землю, из образовавшейся трещины вырывается столб огня и серного дыма, несколько ахейских колесниц взрывается, расшвыривая вокруг обожжённые куски конской и человеческой плоти, палёные кожаные лоскуты и плевки расплавленной бронзы. Теперь даже твердолобый Диомед соображает, что его поведение не совсем угодно владыке Олимпа.

Нестор в панике пытается остановить лошадей, но те закусывают удила и выходят из подчинения. Злополучная повозка на всём ходу продолжает трястись по камням — теперь уже в полном одиночестве, так как прочие греки снова бежали поджав хвосты — и летит навстречу тысячам разгневанных троянцев.

— Скорее, Диомед, бери поводья и разворачивай этих буйных скакунов! — надрывается пилосец. — Сражаться дальше — верная смерть!

Тидид перехватывает вожжи, даже и не собираясь отступать.

— Пойми, старец, — хрипит он, — если скроюсь, Гектор меня засмеёт! Начнёт бахвалиться перед своими: я, мол, обратил вспять самого Диомеда!

Услышав такое, Нестор обеими руками сдавли-

вает мускулистую шею героя:

— Тебе что, шесть лет от роду, молокосос? А ну гони обратно к кораблям, или Приамид подпоясшется нашими кишками к ленчу!

Ну или что-то в этом роде. Не могу ручаться за подлинность последних слов: мой остронаправленный микрофон немного барахлит, а сам я нахожусь в сотне ярдов от колесницы — удираю вместе с ахейскими пехотинцами, то и дело оборачиваясь на героев через плечо, в то время как пернатые стрелы Париса осыпают нас гибельным градом.

Тидид борется с собой секунды две или три, потом всё же усмиряет скакунов и направляет их к берегу, под защиту чёрных кораблей.

— Ха-ха! — восклицает Гектор, перекрывая гул побоища. Он уже нашёл себе нового возницу — миловидного Архептолема, Ифитова сына, и, обретя второе дыхание, нагоняет неприятеля с видом человека, упивающегося работой. — Спасайся, Диомед, уноси ноги, пока цел! Трусливый пёс, презренная дева, воробьиное дерьмо!

Оскорблённый герой в гневе бросает взгляд назад, однако Нестор больше не выпускает вожжей, да и кони, смекнув, где безопаснее, скачут диким галопом. Колесница неудержимо катится прочь,

и сыну Тидея остаётся единственная возможность ответить на вызов Гектора — спрыгнуть на землю и противостать вражеской армии в одиночку. Подумав, он отказывается от этой затеи.

«Если хочешь изменить наши судьбы, найди чувствительную точку», — сказала Елена.

В то утро она снова и снова выпытывала у меня содержание «Илиады» (хотя и по-прежнему называла это моим даром предвидения), заставляя искать пресловутый поворотный момент. Так сказать, ось в колесе фортуны. Я, как умел, юлил и выкручивался. Потом мы занялись любовью в третий раз и вовсе отвлеклись от темы. Но в эти долгие, безумные часы её вопрос не выходил у меня из головы.

«Если хочешь изменить наши судьбы, найди слабое место».

Готов поспорить на собственную учёную степень, я знаю, где это. Близится поворотная точка десятилетней войны — посольство к Ахиллесу.

До сих пор события худо-бедно разворачивались по сценарию Гомера, и даже Афродиту с Аресом вовремя удалили по состоянию здоровья на скамью запасных. Зевс, преступив собственный закон, активно вмешивается в побоище, подыгрывает троянцам. Мне совершенно не хо-

чется квитироваться на Олимп, хотя уверен, что и там всё происходит, как в поэме: царица Гера, испугавшись за своих побитых аргивян, умоляет Посейдона прийти им на выручку, а божество, «колеблющее землю», в ужасе перед яростью владыки отказывается её слушать… Позже, когда греков разобьют в пух и прах, Афина не вытерпит и, «скинувши тонкий, пышноузорный покров, облачится в броню громоносного Зевса» (ладно, согласен: ради этого зрелища, пожалуй, стоило бы квитироваться на Олимп), и только посланница Молниелюбца златокрылая Ирида удержит её от побоища, передав лаконичное обращение Кронида светлоокой дочери: мол, «попробуйте, приблизьтесь вместе с Герой к полю битвы на выстрел, и я переломаю ноги лихим скакунам, скину во прах вас, богинь, сокрушу колесницу и так искалечу громом обеих, что и в десять круговратных лет синим червям не заштопать глубокие язвы!».

Афина предпочтёт остаться. А греки спустя пару часов после удачного контрнаступления понесут ещё большие потери и будут отброшены за собственные укрепления. Даже за рвом, прорытым годы назад, и острым частоколом ахейцев обуяет страх, и они проголосуют за скорейшее

отплытие домой.

Чтобы утихомирить народ, Агамемнон устроит для командного состава грандиозную попойку. (Самое время, если учесть, что троянцы готовятся нанести последний удар, то бишь покончить с осадой, спалив крутобокие суда противника.) На этой пирушке Нестор и провозгласит, что последнее упование данайцев — смягчить сердце быстроногого Ахиллеса.

Агамемнон согласится выплатить обиженному несметный, более чем царский выкуп: семь новых треножников, десять талантов золота, двадцать блестящих котлов, дюжину победоносных коней, «стяжавших награды на гонках», семь красавиц с острова Лесбос, «знающих дело своё безупречно», и не помню, что ещё, — кажется, уютное гнёздышко на ветвях своего родословного древа. Но главная часть добычи — безусловно, сама Брисеида, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор. Словно желая перевязать щедрый дар ещё и розовой ленточкой, Атрид побожится, будто бы даже не всходил с девушкою на ложе. В конце концов царь поклянётся бросить к ногам Пелида семь греческих городов: Кардамилу, Энопу, Гиру, Анфею, Феру, Эпею и Педас. Само собой разумеется, процветающие цитадели принадлежат не

Агамемнону, а его ближайшим соседям — по-моему, на это державный хитрец и рассчитывает.

Единственное, чего «повелитель мужей» не предложит никогда, — это слов извинения. Сын Атрея всё ещё слишком горд, чтобы склонить перед кем-либо царственную выю.

— Должен он мне уступить! — заорёт Агамемнон, брызжа слюной на Нестора, Одиссея, Диомеда и прочих героев. — Я и властью, и годов старшинством перед ним справедливо горжусь! И вообще заявляю, что стою много выше его!

Лаэртид с товарищами сразу же воспрянут духом. Царская спесь их мало тронет: это ничего, можно ведь передать Ахиллесу лестные дары и весточку о Брисеиде, «позабыв» упомянуть ту часть, где Атрид загибает про власть, старшинство и высокую стоимость. Хотя бы лучик надежды в бездне отчаяния.

И вот тут начинаются сложности. Это я насчёт «слабого звена» в цепи событий.

Видите ли, как схолиаст с многолетним стажем, я не сомневаюсь, что посольство к Ахиллесу и есть тот самый стержень «Илиады». Ведь именно ответ Пелида определит дальнейший ход трагедии: убийство Патрокла, неминуемую гибель самого прославленного ахейца, наконец, падение

Трои.

Здесь-то и закавыка. Вещий слепец (а он очень точен при выборе слов; возможно, это самый дотошный рассказчик в истории) уверяет нас, будто бы Нестор назовёт пять имён, предложив отправить Феникса, Большого Аякса, Одиссея, Одия и Эврибата. С последней парой всё ясно: они просто глашатаи, которые нужны лишь для протокола и не примут в уговорах ни малейшего участия.

Исследователей веками смущало другое: при чём тут Феникс? Седой мирмидонец был Ахиллесу наставником и вассалом Пелея, но никак не военачальником, достойным приглашения на совет и тем более способным убеждать собственного хозяина. И потом: когда послы бредут «по песку неумолчно шумящего моря» в ставку Эакида (ещё одно из имён Ахилла — внука Эака), Гомер почему-то говорит о них в двойственном числе, которое употреблялось в греческом языке только по отношению к *двум* лицам или предметам — видимо, речь об Аяксе и Одиссее. Значит, к Пелиду отправляется *пара*?

А где же, позвольте спросить, обретается Феникс? Уже поджидает товарищей в ставке? Маловероятно.

Десятки схолиастов, живших в одно время со

мной и задолго до того, в один голос утверждали, что старик был искусственно, причём довольно грубо, «вставлен» в поэму столетия спустя. Их теория, конечно, объясняет, откуда взялась двойственная форма, но совершенно упускает из виду то, что из всей троицы Ахиллов наставник «выдал» наиболее длинную и сложную по построению речь, буквально пропитанную гением самого Гомера.

Такое впечатление, будто слепец и сам колебался, сколько же послов ходило к пресветлому Пелиду и какую роль уговоры Феникса сыграли в беседе, оказавшей безмерное влияние на участь каждого из героев.

У меня всего пара часов на раздумья.

«Хочешь изменить наши судьбы — найди точку отсчёта».

Но это ещё впереди, а пока что солнце едва перевалило за полуденный зенит. Троянцы остановились подле ахейских укреплений; греки суетятся за каменным валом и частоколом, как обеспокоенные муравьи. Не выходя из образа потного греческого лучника, я подбираюсь поближе к Агамемнону, послушать, как он будет костерить верных воинов и взывать к Зевсу о помощи в самый чёрный час.

— Позор на ваши головы! — ревёт повелитель. Из огромной толпы грязных, измученных воинов его слышит самое большее одна сотая часть: античная акустика оставляет желать лучшего. Всё же царь полагается на свою лужёную глотку и на то, что передние ряды слово в слово передадут брань дальше.

— Срам, аргивяне! Разоделись, как лучшие воины, а сами? Забыли своё бахвальство спалить Илион дотла — там, на пирах, поедая, понимаешь, несчётных рогатых волов и упиваясь вином из кубков, налитых через край! А кто всё это оплатил и привёз сюда, я вас спрашиваю? Посмотрите на себя, ощипанные вороны! Мы, говорили, готовы идти каждый против сотни, против двух сотен! И вот не справитесь с *одним* смертным! Да Гектор в любую минуту явится в лагерь с ордами поджигателей — и плакали наши корабли, купленные за мой счёт! Удирайте домой, к милым жёнам и детишкам, о хвастливая армия… *героев!*

Атрид плюётся и возносит руки к небесам, обращаясь на юго-восток, в направлении горы Ида, откуда во время побоища являлись ужасные громы и молнии:

— Владыка Зевс, и ты можешь вот так постыдно отбирать мою славу? Чем я тебя прогневал? Ни

разу — ни единого раза, клянусь! — не миновал я с пустыми руками твоего алтаря, который даже в плавании сопровождал нас на быстром судне! Нет, я всегда останавливался, чтобы сжечь телячий тук и бёдра в твою честь, Олимпиец! И ведь как проста была наша молитва: сровнять Илион с землёю, поубивать всех героев, обесчестить их жён, набрать рабов… Что тут сложного, а?.. Исполни же теперь мою молитву, отец бессмертных: позволь нам самим уплыть живыми и невредимыми — хоть это-то можно?! Не дай сынам Приама побить ахейскую рать, будто мула, взятого взаймы у соседа!

М-да, сегодня Агамемнон не блещет красноречием. Слыхали мы речи и покруче. Если честно, по сравнению с последней любая его прошлая речь кажется шедевром ораторского искусства. Неудивительно, что Гомер решил слегка подправить этот дикий образчик… Впрочем, чудо всё-таки свершается — по крайней мере в глазах ахейцев.

Невесть откуда прилетает преогромный орёл и тащит в когтях молодого оленя.

Пятидесятитысячная толпа греков, которая только что в беспорядке ломилась под защиту чёрных кораблей и затормозила всего на пару

минут, чтобы выслушать державного Атрида, теперь буквально примерзает к берегу, изумлённо тыча пальцами на юг.

Хищная птица взмывает под облака, описывает круг, плавно снижается — и вдруг роняет ещё тёплую, бьющуюся в конвульсиях жертву точнёхонько на песчаный холм, к подножию алтаря, посвящённого Громовержцу, который захватчики воздвигли сразу после высадки.

Знамение срабатывает. Секунд пятнадцать потрясённые ратники безмолвствуют, после чего оглашают берег торжествующим воплем. Некогда перепуганные до смерти, а теперь бесстрашные воины, вдохновлённые очевидным знаком небесного благоволения, очертя голову кидаются строиться в боевом порядке; коней опять впрягают в колесницы, а те выкатывают наружу по земляным перешейкам через глубокий ров. Сражение возобновляется.

И наступает звёздный час лучника.

Разумеется, контратаку возглавляет отважный Диомед, не отстают от героя и братья Атриды, Агамемнон с Менелаем, а также Большой и Малый Аяксы. И хотя каждый из храбрецов внесёт собственный вклад в кровопролитие, вдоволь побросает копья и побряцает коротким мечом,

основная битва сосредоточится вокруг ахейского стрелка по имени Тевкр.

Побочный сын Теламона всегда слыл искусным лучником, за прошедшие годы он поразил на моих глазах дюжины троянцев, но нынче парень действительно добивается всеобщего внимания. Вдвоём со сводным братом, Большим Аяксом, они исполняют некое подобие ритуального танца. Тевкр укрывается за щитом товарища — исполинским, четвероугольным (военные историки внушали нам, что ко времени Троянской осады подобные ещё не вошли в употребление), и когда законный потомок Теламона отводит щит в сторону, воин выпрямляется и пускает пернатую стрелу; похоже, сегодня он в ударе.

Первым падает Орсилох, бронзовый наконечник вонзается ему в сердце. Следом отправляется в мрачный дом Аида Офелест: у него пробит правый глаз. Ещё два метких, молниеносных выстрела — и на залитую кровью землю почти одновременно валятся Детор и Хромий. Всякий раз, когда Тевкр появляется из безопасного укрытия, троянцы поднимают отчаянную стрельбу, однако Большой Аякс успевает спрятать товарища за своим верным щитом, способным отбить любую пику.

Напор илионцев затихает. Лучник снова показывается, свистит тетива, и стрела избирает Ликофонта. Солдаты бросаются на помощь раненому военачальнику, и всё же Тевкр всаживает в него ещё одну стрелу — прямо в печень.

Гамопаон, Полиемонов сын, становится следующей жертвой. Из горла бедняги хлещет багровый фонтан пять футов высотой. Воин пытается встать — и понимает, что накрепко пригвождён к земле. Тело героя содрогается всё слабее и менее чем за минуту истекает кровью. Ахейцы ликуют. Я знаю… точнее, знал Гамопаона. Частенько встречал его в нашей с Найтенгельзером излюбленной забегаловке, нередко мы болтали о том о сём. Однажды троянец поведал мне о своём отце, который в мирное время водил дружбу с самим Одиссеем. Как-то раз, охотясь с приятелем-греком на Итаке, Полиемон прикончил дикого кабана, разъярённого неудачным выстрелом Лаэртида и бросившегося на обидчика; дикий зверь непременно умертвил бы бедолагу, если бы друг-троянец не подоспел вовремя. Говорят, Одиссей до сих пор носит памятный шрам…

Аякс опускается на корточки, прикрывая себя и сводного брата щитом, по которому, словно по крыше, барабанит ливень отравленной бронзы.

Аякс поднимается, отодвигает щит — и на расстоянии восьмидесяти ярдов пернатая стрела Тевкра втыкается в пах могучему Меланиппу; когда воин падает ниц, острый наконечник выходит наружу через анус. Ахейцы победно кричат.

Агамемнон стремительно подлетает к удалому лучнику на колеснице и начинает сулить герою вторые после царских дары, дорогие треножники, табуны чистокровных коней и прекрасных женщин, чуть ли не саму Андромаху — если, конечно, Афина и Зевс даруют возможность разорить пышную Трою, прибавляет он.

Тевкра возмущают подобные речи.

— Ты что же, сын Атрея, думаешь, твоя болтовня про награды заставит меня сражаться ещё лучше? Да я и так бью без промаха: восемь стрел — восемь трупов.

— Прикончи Гектора! — взывает владыка.

— А я в кого целюсь?! — Лицо Теламонида багровеет. — Только в него и мечу с самого начала. Всё бесполезно!

Агамемнон умолкает.

Будто в ответ на вражеский вызов, Гектор гонит колесницу навстречу аргивянам, пытаясь ободрить своих людей, потерявших присутствие духа из-за бойни, учинённой Тевкром.

Теперь Аякс даже не утруждает себя, убирая щит: напарник внезапно выпрямляется в полный рост и снова спускает тетиву. Стрела на какие-то сантиметры промахивается мимо Приамида, но зато поражает великана Горгифиона, случайно оказавшегося за повозкой брата. Ратник смотрит на оперение, торчащее из груди, с таким недоверием, точно заподозрил злую шутку товарищей. Затем его голова начинает клониться, словно под бременем вдруг потяжелевшего шлема, обессиленно валится на плечо, и Горгифион падает замертво на залитый кровью песок.

— А, чтоб тебе! — восклицает Тевкр, пуская новую стрелу. Гектор находится к нему ближе всех, как если бы сам подставлялся под удар.

И на сей раз блестящий наконечник минует цель, вонзившись прямиком в сердце Архептолема, что правит колесницей Приамида. Кровь возничего горячей струёй хлещет на спины скакунов. Молодой парень вылетает из повозки и зарывается спиною в прах, разметав длинные волосы. Тут даже привыкшие к жестоким сечам кони взвиваются на дыбы и бешено несут вперёд.

— Кебрион! — ревёт Гектор, перехватив поводья.

Очередной побочный сын гуляки-Приама с готовностью запрыгивает на повозку, в то время как Гектор, наоборот, соскакивает наземь. Вне себя от ярости и скорби по верному Архептолему, герой выбегает на нейтральную полосу — отличная мишень для греческих луков — и хватает самый острый, самый увесистый камень, какой только способен удержать.

И куда подевалось военное благородство, которым он славился все эти годы? Позабыв всё, чему его учили с пелёнок, военачальник превращается в первобытного дикаря. Приамид заносит левый кулак за спину — в этот миг он похож, хоть режьте, на Сэнди Кауфакса перед подачей. Кстати, я и не замечал до сих пор: а ведь Гектор одинаково свободно владеет обеими руками.

На радостях Тевкр вытягивает из колчана новую стрелу в твёрдой уверенности, что не единожды успеет поразить Приамова сына прямо в сердце, пока тот замахнётся.

Только он ошибается. Гектор кидает мощно, быстро, ровно и без промаха.

Камень поражает лучника в ключицу возле глотки как раз в то мгновение, когда герой хочет выстрелить. Заострённый конец рассекает жилы, дробит кость, и рука Тевкра виснет в онемении.

Печально звенит тетива; стрела вонзается в землю между сандалиями Теламонида.

Гектор устремляется вперёд, расшвыривая греков словно котят. Троянцы отчаянно палят по распластавшемуся телу, но верный Аякс не покидает друга, бережно прикрывая Тевкра стеной огромного щита, пока остальные ахейцы отбивают натиск вражеской пехоты. На его зычный зов — а точнее, рёв — прибегают Мекистей и Аластор, чтобы оттащить стенающего, наполовину потерявшего сознание Теламонида за глубокие окопы, под сень полых судов, где сейчас относительно безопасно.

На этом пятнадцать минут славы Тевкра истекают.

Положение ахейцев ухудшается на глазах. Гектор соображает, что выжил только чудом, которое принимает за очередной знак Зевсова благоволения, и бросается вместе с товарищами в новые и новые атаки на удручённых, отступающих греков.

Агамемнон, Менелай и прочие военачальники, лишь несколько часов назад рвавшиеся в бой, похожи на побитых собак. Аргивяне спешно и беспорядочно бегут, они даже не пытаются удержать собственные укрепления. Тут бы и за-

полыхать чёрным судам, если бы не закат солнца и внезапное наступление тьмы.

Растерянные ахейцы мечутся по берегу, кто-то уже ладит корабли к отплытию, кто-то потрясённо сидит на песке, потерянно глядя перед собой. А Гектор играет в Генриха V: без устали носится подле троянских фаланг, громогласно раздавая приказы: призывает воинов продолжать кровопролитие, посылает в город за упитанными волами для жертвоприношений и обильного пира, за бочками сладкого вина и подводами свежевыпеченного хлеба (изголодавшиеся троянцы набрасываются на них, будто на самого Агамемнона), велит разложить сотни смотровых костров вдоль частокола и заградительного рва, дабы ни один из ахейцев не проскользнул в Илион в отсутствие защитников; перепуганным грекам так и так не удастся сомкнуть глаза этой ночью.

Надев Шлем Аида, невидимо брожу по стану троянцев.

— Завтра я прирежу бешеного пса Диомеда! — горланит Гектор, и товарищи довольно хохочут. — Распотрошу, как рыбу, пусть потрепыхается на глазах своих солдат, если не уберётся сегодня же ночью! Я раздроблю ему спину этим вот копьём, а потом повешу голову бахвала над

Скейскими вратами!

Троянцы торжествуют. Костры посылают снопы искр к низким чёрным тучам, сквозь которые почти не пробивается звёздный свет. Скрытый от людей и богов, я пересекаю заградительный ров, пробираюсь за острый частокол и оказываюсь в лагере сокрушённых греков.

Близится час истины. Агамемнон уже созвал военачальников на совет и теперь обсуждает с ними, как поступить: немедля поднять паруса или попытаться уломать ожесточённого Ахиллеса?

Приняв облик старика Феникса, верного мирмидонского друга и наставника Пелида, шагаю по остывающему песку на совещание. Жребий брошен, отступать поздно.

«Хочешь изменить наши судьбы — найди точку отсчёта».

28
Средиземный Бассейн

Соньер летел чуть ниже края Атлантической Бреши, каждые несколько миль ныряя или подпрыгивая, когда на пути встречались полупрозрачные зелёные «трубы», соединяющие половинки океана.

Даэман лежал ничком по левую руку от Сейви, угрюмый Харман — по правую. Прочие ниши пустовали. Собиратель бабочек вспоминал волнующие события прошедших суток.

Ада рассорилась со своим ухажёром: её кузен сразу смекнул это, как только парочка вернулась из чащи. Девушка глядела холодно, однако внутри вся кипела. её девяностодевятилетний спутник казался крайне смущённым. Молодой коллекционер так и не понял, какая кошка между ними пробежала. Впрочем, после многочасового перелёта и необъяснимых событий в Ардис-холле размолвка Хармана с Адой перестала занимать думы Даэмана.

Странно было смотреть на особняк и прилегающие угодья с высоты, хотя вроде бы холмы, река,

луга и лес находились там же, где и в прошлый раз, во время того дурацкого «литья», затеянного Ханной. При воспоминании о случившемся тогда сердце Даэмана забилось где-то в горле.

— Если не ошибаюсь, под конец Потерянной Эпохи эта земля носила название Огайо, — сказала Вечная Жидовка, выписывая маленький круг перед посадкой.

— А я думал, Северная Америка, — вставил Харман.

— И это тоже. Тогда каждое место имело множество имён.

Диск приземлился в четверти мили от Ардисхолла, на северном пастбище за рощей. Даэмана с прежней силой тянуло в туалет, но, чёрт возьми, не тащиться же в такую даль, когда вокруг рыщут динозавры!

— Да не бойся ты, — грубовато бросила Ада, заметив, что единственный оставшийся пассажир не торопится слезать с диска. — Войниксы патрулируют вокруг особняка в радиусе двух-трёх миль.

— Да? — прищурился полноватый кузен. — А как далеко Ханна устраивала свой пикник с горячим металлом?

— За три с половиной мили, — отозвалась та,

услышав вопрос.

— Точно не пойдёшь в дом? — обратилась Ада к Сейви.

— Не могу, — отвечала старуха и протянула хозяйке Ардис-холла руку, которую девушка, помедлив секунду, взяла. Собиратель бабочек впервые увидел, как женщины пожимают друг другу руки. — Я подожду Хармана с Даэманом здесь.

Ада перевела взор на девяностодевятилетнего:

— А ты-то заскочишь на минутку?

— Разве что попрощаться…

— Может, пойдём уже? — заныл коллекционер, не заботясь о том, как визгливо звучит его голос. В самом деле, сколько ещё терпеть?!

Все, кроме Сейви, побрели сквозь высокую, по пояс, траву пастбища к далёкому дому. На пути попадались редкие коровы; Даэман обходил их чуть не за полмили — ну недолюбливал он с некоторых пор крупных животных! Но вот впереди из-за деревьев появился первый войникс.

— Наконец-то, — проворчал собиратель бабочек. — А то ходим пешком, словно какие-нибудь… Эй, ты! — окликнул он создание из железа и кожи. — Давай-ка возвращайся в поместье и пригони для нас пару широких одноколок.

Невероятно, однако войникс не обратил на приказ ни малейшего внимания, продолжая надвигаться на людей — верней, на Одиссея. При виде безглазого существа бородач с силой оттолкнул в сторону Ханну.

— Это нелепо, — возмутилась Ада, впрочем, её тону явно недоставало убеждённости. — Они ещё ни разу…

Когда войникс приблизился к сыну Лаэрта на расстояние пяти футов, грек выхватил из-за пояса меч, нажал большим пальцем потайную кнопку и замахнулся гудящим клинком. Лезвие рассекло якобы непробиваемый панцирь наискосок. На краткое мгновение тварь замерла, очевидно, потрясённая неслыханной выходкой Одиссея не меньше, чем его спутники. Затем верхняя половина стального туловища соскользнула, покачнулась и рухнула наземь, бессмысленно дёргая конечностями; нижняя, с ногами, постояла ещё пару секунд и тоже повалилась в траву.

С минуту все молчали; один лишь ветер посвистывал над полем. Повсюду синели брызги какой-то странной жидкости, густой, точно кровь.

— Ты что вытворяешь? — воскликнул, опомнившись, Харман.

Бородач вытер меч о траву и показал на правую руку существа:

— Он обнажил свои лезвия для убийства.

И вправду, собравшись вокруг затихшего войникса, все четверо увидели на месте подушечек-манипуляторов торчащие наружу клинки, способные изрубить аллозавра и любую другую опасную для людей тварь.

— Не понимаю, — пролепетала Ада.

— Он ошибся. — Ханна отступила от сына Лаэрта ещё дальше. — Решил, что ты несёшь нам угрозу.

— Нет, — проронил Одиссей и толкнул короткий меч обратно в ножны.

Даэман в заворожённом испуге уставился на покалеченное тело; он ожидал увидеть сложный механизм — шестерёнки, пружины и всё в таком роде, но вместо них обнаружил мягкие белые органы, сеть голубых трубочек, гроздья каких-то розовых виноградин… Кишечник молодого мужчины едва не опорожнился сам по себе.

— Идём же, — бросил собиратель бабочек и быстро пошагал в сторону Ардис-холла; уважительно посмотрев вослед коллекционеру, товарищи двинулись за ним.

Уже после того, как Даэман побывал в уборной,

принял освежающий душ, побрился, переменил одежду и наведался на кухню в поисках чего-нибудь съестного, ему пришла в голову простая мысль: с какой стати лететь дальше с этим неприятным Харманом и помешанной старухой?

Несмотря на отсутствие юной хозяйки — а может быть, именно благодаря ему, — особняк переполняли толпы гостей, слетевшихся на пирушку. Сервиторы усердно потчевали всех яствами и поили вином — в общем, поддерживали праздничное настроение. На просторной покатой лужайке молодёжь играла в мяч; посреди весёлой стайки Даэман заметил несколько молоденьких красавиц, знакомых ему по прошлой, беззаботной жизни до Хармана и прочих безумных приключений. Вечер выдался чудесный. На траве лежали долгие тени, в воздухе серебристыми колокольчиками звенел радостный смех, и сервиторы хлопотали вокруг большого стола под старым каштаном, расставляя благоухающие блюда.

А ведь и в самом деле, почему бы не остаться? Поужинать, сладко выспаться… Или ещё лучше — заказать одноколку, прокатиться до факс-портала и провести ночь дома, в Парижском Кратере, в собственной постели, вкусив маминой стряпни.

Целых два долгих дня коллекционер не общался с матерью и теперь ужасно скучал по ней.

На подъездной дорожке недвижно стоял войникс, при взгляде на которого у Даэмана кольнуло сердце. Всё-таки в жестоком деянии Одиссея было нечто жуткое и недозволенное. Зачем уничтожать войниксов? Это ведь то же самое, что спалить дрожки или разгромить собственное жилище. Нет уж, пора избавиться от этих сумасшедших друзей…

Дамский угодник вышел на дорогу и огляделся. Харман и Ада негромко, но возбуждённо спорили в сторонке. На лужайке Ханна представляла сына Лаэрта любопытным гостям. Войниксы явно избегали приближаться к бородачу. Намеренно или случайно? Даэман впервые задумался: а могут ли они общаться между собой? И каким образом, если за всю жизнь он не слыхал от них ни звука?

Выбросив из головы навязчивые мысли, мужчина помахал молчаливому войниксу и жестами потребовал себе одноколку. Юная хозяйка особняка закончила препираться с девяностодевятилетним любовником, гордо повернулась и прошествовала в Ардис-холл. Харман сердито потопал обратно, к ожидающему его соньеру. По пути мнимый старик натолкнулся на собирателя

бабочек и смерил Даэмана таким угрюмым взглядом, что тот попятился.

— Ну как, ты с нами?

— Я? Э-э-э… нет, — выдавил молодой мужчина.

В этот миг к нему плавно подкатил одноколёсный экипаж, поблёскивая роскошной гладкой обивкой и успокаивая слух вкрадчивым гудением гироскопов.

Харман развернулся и, не сказав ни слова, побрёл через пастбище прочь.

Даэман забрался в повозку, удобно откинулся на сиденье:

— Факс-портал, и побыстрее.

Под колесом ритмично захрустела белая галька. Девушка на лужайке — Оэллея, кажется, — прокричала что-то на прощание. Одноколка легко покатила вниз по склону покатого холма.

— Стоп! — вырвалось вдруг у седока.

Войникс замер на месте, придерживая оглобли. Внутренний гироскоп тихонько жужжал без остановки.

Даэман обернулся, однако Харман уже пропал из виду, затерявшись между деревьев. Неизвестно почему любитель женских прелестей мучительно пытался сообразить, где именно встречал эту самую Оэллею. На вечеринке в Бел-

линбаде позапрошлым летом? Хотя, пожалуй, они познакомились пару месяцев назад: Четвёртая Двадцатка Верны, пирушка в Чоме… А то и в Парижском Кратере?

Кстати, спал он с ней или нет?

Память услужливо подсунула картинку обнажённого тела красавицы. Но для этого не обязательно вступать в близость: некоторые гулянки проводились на краю бассейнов, а в прошлом году последним писком стали живые картины… Много их было, этих девушек, чересчур много.

Затем собиратель бабочек постарался припомнить Вторую Двадцатку Тоби, на которой гостил всего лишь три дня назад, в Уланбате. В уме возник расплывчатый образ, туманная мешанина из веселья, секса и выпивки. Оказывается, все вечеринки во всех без исключения факс-узлах неотличимы друг от друга. А вот если подумать о Суходоле в этой… как там её?.. Антарктике… Об айсберге, о мосте Золотые Ворота над Мачу-Пикчу, даже о дурацком пикнике среди мамонтовых деревьев… Перед глазами вставали отчётливые, ясные, незабываемые картинки.

Даэман выбрался из экипажа и побрёл обратно. «Глупо, глупо, глупо!» — твердил он себе. На полпути к рощице мужчина сорвался на неук-

люжий бег.

Задыхаясь, обливаясь потом, он достиг дальней стороны пастбища. Соньера уже не было. У низенькой каменной ограды темнела примятая трава.

— Чтоб вам!

Даэман поднял глаза в опустевшее вечернее небо, где медленно крутились неизменные кольца.

— Провались всё пропадом.

Он тяжело опустился на заросшую мхом каменную ограду, повернувшись спиной к заходящему солнцу. Глаза почему-то защипало.

Соньер вынырнул из-за деревьев на севере, спикировал вниз и завис в десятке футов над землёй.

— Я предчувствовала, что ты передумаешь, — подала голос Сейви. — Ну что, прокатимся?

Молодой мужчина встал на ноги.

Диск летел на восток во мраке, внизу содрогались от вспышек спины грозовых туч, облитые сиянием звёзд и обоих колец. На ночь путешественники остановились на побережье, в чудном домике, сооружённом прямо на дереве. Дом состоял из маленьких сборных комнаток, платформ, винтовых лестниц. И хотя окрестности

выглядели необитаемыми, в жилище имелся даже водопровод и морозильные камеры с едой. Под присмотром Вечной Жидовки мужчины разогрели макароны, говядину и рыбу; Даэман понемногу свыкался с неслыханной идеей самостоятельного приготовления пищи в отсутствие войниксов и сервиторов.

— И много у тебя в запасе таких же укромных местечек, Сейви? — полюбопытствовал Харман.

— О да. Вне окрестностей ваших несчастных трёхсот узлов Земля совершенно пуста. Я имею в виду — безлюдна. Живи где хочешь.

Путешественники сидели на «гостевой площадке», расположенной на средних ветвях. Внизу расстилалась долина, усеянная ржавеющими останками древних машин. В густой траве загорались и гасли светляки. Бледное сияние колец пронизывало пышную крону дерева, окрашивало равнину в молочный оттенок. Стояла тёплая звёздная ночь, ибо грозы, виденные товарищами по дороге, не успели добраться в такую даль.

Неожиданно Харман снова нарушил молчание:

— А всё-таки почему «посты» покинули Землю и больше не возвращаются?

Даэман припомнил кошмар, пережитый в

мамонтовом лесу, и ощутил сильный приступ тошноты.

— Сдаётся мне, я знаю почему, — промолвила Сейви.

— Поделишься с нами?

— Не сегодня.

С этими словами старуха поднялась по витой лестнице в свою комнатку, в маленьком окошке которой горел свет.

Мужчины переглянулись, однако не нашли что сказать друг другу. В конце концов они тоже отправились в крохотные «спальни», примостившиеся на стволе десятью метрами выше.

Летучий диск на огромной скорости пронёсся вдоль Бреши через Атлантический океан и, почти достигнув берега, повернул на юг.

— Смотрите, Длани Геркулеса, — указала вниз старуха.

— Потрясающе! — Харман почти встал на колени, вглядываясь в необычайную картину.

Молодой спутник не мог с ним не согласиться.

На участке протяжённостью девять миль, между громадной плоскобокой скалой (Сейви окрестила её Гибралтаром) и утёсом пониже, океан встречала непреодолимая преграда. Из самой бездны тянулись к небесам гигантские золотые

руки, каждая длиной пятьсот футов. Они сдерживали бурные волны могучими ладонями. Далее на восток простирался высохший Средиземный Бассейн, окутанный облаками тумана.

— А почему руки-то? — поинтересовался собиратель бабочек. — Могли же постлюди установить силовое поле, как в Бреши…

Старуха покачала головой:

— Геркулесовы руки существовали задолго до моего рождения, и ПЛ никогда не объясняли их значения. Лично я подозреваю, дело в простом капризе.

— В капризе… — раздумчиво повторил Харман и помрачнел.

— А ты уверена, что мы не сумеем перемахнуть через Бассейн? — подал голос Даэман.

— Уверена. Прямо на границе соньер камнем рухнет на землю.

До вечера троица летела над болотами, озёрами, лесами папоротников и полноводными реками в местности, которую Вечная Жидовка назвала Северной Сахарой. Вскоре трясины исчезли, почва пересохла, потрескалась и стала каменистой. По жухлым пастбищам и возвышенностям бродили стада огромных полосатых животных величиной с динозавров.

— Кто это? — спросил Даэман.

— Какая разница, — пожала плечами старуха.

— Был бы здесь Одиссей, наверняка зажарил бы парочку на обед, — усмехнулся Харман.

Сейви хмыкнула.

Под вечер диск пошёл на снижение, покружил над необычным городом на холмах и приземлился к западу от городской стены.

— Где это мы? — нахмурился собиратель бабочек.

Он ещё ни разу не видел таких древних строений, даже издали.

— В Иерусалиме, — ответила старуха.

— Я думал, мы будем искать корабль в Средиземном Бассейне, — удивился девяностодевятилетний спутник.

Вечная Жидовка вылезла из соньера и размяла онемевшее тело. Выглядела она по-настоящему измождённой. Хотя, спохватился Даэман, она же вела летучую машину два дня напролёт.

— Так и есть, Харман. Однако нужно же на чём-то добираться, и мы найдём это здесь. А на закате я вам кое-что покажу.

Коллекционер насторожился, однако последовал за друзьями по выжженной равнине, усыпанной каменными обломками не крупнее

простой гальки. Старуха повела товарищей через городские ворота. По дороге она порола какую-то чушь. Древние стены пламенели в лучах заката; сухой ветер чуть холодил кожу.

— Мы вошли Яффскими вратами, — с умным видом вещала Сейви. — Это улица Давида, когда-то она отделяла христианский квартал от армянского.

Покосившись на загорелого спутника, Даэман злорадно отметил про себя, что бессмысленное умение читать, которым тот так гордился, ничуть не помогло девяностодевятилетнему разобраться в этой тарабарщине. Христианский? Армянский?..

А Сейви уже указывала на бесформенные развалины, разглагольствуя о каком-то храме гроба Господня, и говорила, говорила, говорила… Спутники молча кивали, проявляя чудеса терпения. Наконец молодой мужчина вмешался:

— Что-то я не вижу ни войниксов, ни сервиторов.

— Их и нет. Сейчас по крайней мере. Но за несколько минут перед Финальным факсом, когда мои дорогие Пинхас и Петра были тут, за городскими стенами ни с того ни с сего разом очнулись десятки тысяч этих тварей. — Еврейка

остановилась, чтобы посмотреть в глаза спутникам. — Вам же известно, не правда ли, что когда войниксы выпали из темпоралкластического облака за пару столетий до рокового дня, они казались ржавыми, неподвижными куклами? Это важно, не забывайте.

— Хорошо-хорошо, — снисходительно заговорил Харман. — Я одного не понимаю: сначала ты утверждаешь, будто провела тот самый день внутри айсберга… Откуда же такие подробности?

— Записи, — скупо проронила старуха, прежде чем тронуться вперёд. — Дальняя, общая, сплошная сеть.

Мужчины обменялись взглядами. Путешественник преклонного возраста недоумённо поднял брови, но товарищ помоложе поспешил отвести взор, дабы не выдать… Чего? Внезапной гордости? Чувства собственного превосходства? Приятно хоть иногда знать больше прочих!

Кстати… Он ещё раз попробовал включить поисковую стрелку. И опять безуспешно. А может, рискнуть: вообразить синие квадраты над алыми кругами и зелёными треугольниками, как тогда, на опушке?

— Не советую активировать функцию сплош-

ной сети в этих краях, — бросила через плечо Вечная Жидовка, словно угадав его мысли. — Одно дело проникнуть в тонкости энергетического взаимодействия природных систем. Совсем другое — столкнуться с пятью тысячелетиями боли, ужаса и злобного антисемитизма.

— Что значит «антисемитизм»? — переспросил Харман.

— Ненависть к евреям.

Спутники снова переглянулись и пожали плечами. Бред какой-то.

Собиратель бабочек начинал жалеть о поспешном решении. Зачем только он передумал? Есть хочется. Спать тоже. Ночь не за горами, а тут и не заикайся о приличной кровати.

Миновав несколько каменных пролётов, троица очутилась в тесном переулке и упёрлась в неприступную чёрную стену, на самом верху которой темнела некая закруглённая металлическая штуковина.

— Мы что, ради этого пришли? — разочарованно протянул Даэман. — Здесь же тупик!

— Имей терпение. — Сейви прищурилась на закат. — Сегодня *Тиша бе-Ав*, как и в день Финального факса.

— *Тиша бе-Ав?* — повторил Харман, всем сво-

им тоном показывая отвращение к назойливой абракадабре.

— Девятого числа месяца ава, — торжественно изрекла еврейка, — были разрушены оба Храма: сначала Первый, а спустя века и Второй. Третий — нечестивый — возведён войниксами в тот же горький день. — Старуха ткнула пальцем в сторону чёрного купола на стене. — Думаю, скорбная дата не случайно совпадает с Финальным факсом…

Внезапный грохот заставил мужчин содрогнуться и отпрянуть назад. У Даэмана застучали зубы. В ноздри ударил запах озона. Воздух наполнили разряды электричества, так что волосы путешественников поднялись дыбом и заколыхались на ветру подобно морским водорослям. Стремительнее, чем полыхнула бы гроза, из-под купола с оглушительным шумом вырвался мощный столб чистого синего слепящего света. Прямой как стрела, он пронзил вечернее небо и ушёл в чёрные глубины космоса, едва не задев экваториальное кольцо, продолжавшее плавное движение на восток.

29
Ущелье Кандор

Восемь марсианских дней и восемь марсианских ночей подряд пыльный ураган вздымал десятиметровые валы, выл в корабельной оснастке и относил крохотную фелюгу и её команду, включая двух моравеков, всё дальше к подветренному берегу — навстречу гибели.

Маленькие человечки проявили себя опытными, отважными мореплавателями. Однако, на беду, пыльные тучи полностью затмевали солнце, и теперь зелёные существа покорно проводили в спячке не только ночные, но и большую часть дневных часов. Когда молчаливые создания укладывались в тёмные ниши, дабы их не смыло за борт, Манмуту чудилось, будто он угодил на корабль мертвецов, наподобие того, что был описан в «Дракуле» Брема Стокера.

Паруса фелюги, сшитые из невесомого сверхпрочного полимера, могли выдержать многое, но свирепые вихри с юго-востока и пригоршни гравия с песком растерзали крепчайшую ткань в клочья. Находиться на палубе стало небезопасно,

и, улучив солнечную минуту, МЗЧ помогли европейцу прорезать в полу отверстие и опустить товарища в специальное укрытие из досок и брезента, подальше от шквального ветра. Манмуту страшно досаждали песчинки и мелкие камешки, они забивались в его суставы, скрежетали, мешали передвигаться. Поэтому теперь и он старался не проводить столько времени вместе с командой — при всяком удобном случае наведывался к товарищу, а заодно проверял, хорошо ли тот закреплён, не развязались ли канаты. Несчастную фелюгу кренило то вправо, то влево; солёная вода, окрашенная рдяным песком в цвет крови, искала каждую щёлочку, чтобы пробиться внутрь. Едва успев пробудиться, зелёные матросы кидались к ручным помпам, дабы осушить днище и нижние палубы. Нескончаемыми ночами европеец трудился в одиночку.

Иногда матросам удавалось обратить злобный ураган в свою пользу, хотя паруса, оснастка и якорная цепь истрепались до предела. Лёгкая фелюга, у носа которой по-прежнему грохотали ожесточённые волны, всеми силами стремилась прочь от северного берега с его грозными утёсами. Где-то справа по борту маячил грандиозный затопленный каньон ущелья Кандор.

Но вот буря расходилась не на шутку, небеса покрылись непроглядной мглой, воздух переполнили пыль и красный песок, молчаливые существа забились на нижнюю палубу и впали в кому, и обе якорные цепи — кормовая и носовая — порвались разом. Электростатические разряды атмосферы угрожали вывести приёмник навигационной системы Манмута из строя, а между тем вот уже двое суток моравек не видел даже отблеска звезды или солнца. Так что ужасные скалы могли оказаться хоть в получасе пути.

— *Думаешь, мы утонем?* — спросил Орфу на четвёртый вечер светопреставления.

— *Что ж, шансы хорошие,* — откликнулся европеец, нарочно облекая истину в самые двусмысленные выражения.

— *А ты умеешь плавать в шторм?* — промолвил исполинский краб. Нимало не обманувшись, он справедливо принял слово «хорошие» за плохие новости для себя и друга.

— *Н-не совсем. Разве что под водой.*

— *А вот я пойду ко дну, что твой топор.* — Иониец тихо усмехнулся. — *Какая, ты говорил, здесь глубина?*

— *Я не говорил.*

— *Ну так сейчас скажи.*

Бывший хозяин подлодки проводил эхолокацию всего час назад.

— Километров семь будет.

— Не развалишься до дна?

— Почему? Я забирался и глубже. Для того и создан.

— А я развалюсь?

— Э-э-э… не знаю.

Манмут и впрямь не знал, хотя нетрудно было догадаться, что станет с моравеком, запрограммированным на полный вакуум, в условиях разрушительного морского давления. В лучшем случае через три километра товарищ превратится в помятую консервную банку. Если раньше не лопнет вообще.

— Может, всё-таки прибьёмся к берегу? — подал голос Орфу.

— Навряд ли. Скалы здесь, я видел, огромные и крутые, у подножия торчат гигантские острые камни, а волны сейчас, полагаю, метров под сто.

— Впечатляющая картинка. И что же, МЗЧ точно не доберутся до суши?

Европеец огляделся в полумраке трюма. Все до единого матросы забились в ниши, привязавшись ремнями для безопасности. Зелёные ручки и ножки этих безжизненных хлорофилловых

кукол трепыхались при каждом сильном толчке и крене судна.

— *Трудно сказать*, — как можно бодрее откликнулся любитель Шекспира.

— *Значит, дружище, придётся тебе спасать наши шкуры*, — подытожил иониец.

И Манмут постарался. Проклятие, да он просто лез вон из искусственной кожи.

Настал пятый день бури. Небеса по-прежнему застила кровавая тьма, и ветер завывал в потрёпанных снастях. Неразговорчивые матросы валялись внизу бесполезным штабелем дров. Намертво заклинив корабельный руль, маленький европеец достал огромные иглы и бечёвку: пора штопать жалкие остатки драных парусов. Точно так же, как это делали зелёные человечки. Только на сей раз фелюгу швыряло из стороны в сторону, разворачивало и подбрасывало метров на пятнадцать ввысь, и бурные солёные валы с шумом окатывали палубу.

Бывший капитан «Смуглой леди» принялся латать первую дыру, и тут на корабле полопались рулевые канаты. Судёнышко содрогнулось, несколько раз взлетело навстречу тучам, а затем опасно развернулось по ветру — носом к берегу, к его невидимым, но вездесущим рифам.

Когда фелюга оседлала очередную алую волну и в багровом небе на миг появился просвет, Манмут успел разглядеть сквозь кипящую пену и полумрак высокие утёсы северного побережья. Путешественники мчались прямо на них. Если не починить управление, через час все будет кончено.

Моравек бросился на корму — убедиться, что хотя бы руль закреплён. Его и вправду не оторвало. Однако массивное колесо штурвала со скрипом крутилось туда-сюда, утратив силу. Маленький европеец скользнул по лестнице во тьму третьей палубы, сменил манипуляторы на режущие лезвия и, освещая путь нагрудными лампами, стал пробиваться туда, где, по его мнению, лопнули толстые пеньковые канаты. К счастью, Манмут провёл достаточно времени, изучая системы управления и навигации судна. Он бы непременно срастил концы разорванного рулевого троса или обоих. Лишь бы только добраться до них! Может статься, авария произошла в недоступном месте — тогда дела и впрямь плохи. Покинет ли Манмут тонущий корабль, проплывёт сквозь грохочущий прибой, отыщет для себя тихую гавань? Заманчиво, но как же Орфу? Его с собой не возьмёшь. Моравек наконец-то прорубил путь в

шахту, по которой проходили рулевые верёвки, зажёг свои лампы на полную мощность и огляделся. Канатов нигде не было видно.

— *Как там, всё нормально?* — проскрежетало радио в ушах.

Любитель сонетов подпрыгнул при звуках знакомого голоса.

— *Да, конечно. Надо кое-что починить.*

Вот они, голубчики!

Всё-таки не выдержали оба троса. Кормовые сегменты торчали в шести метрах от Манмута из узкого жёлоба, носовые унесло аж на десять метров вперёд. Моравек забегал между ними, проламывая твёрдую обшивку, вытягивая канаты часть за частью и неимоверными усилиями пытаясь воссоединить обрывки.

— *Ты уверен, что всё в порядке?* — уточнил Орфу.

Европеец убрал отточенные лезвия, выпустил манипуляторы и переключился на сверхъювелирную моторику. После этого он принялся сращивать толстые нити пеньки с такой скоростью, что быстро мелькающие пальцы утратили ясные очертания в галогеновых лучах, прорезавших густую темноту.

Фелюга то возносилась на безумную высоту,

то головокружительно скатывалась по водному хребту — и всякий раз внутренности Манмута сжимались в ожидании следующего вала, ибо громкие удары сотрясали судёнышко подобно пушечным выстрелам. И каждая волна, как известно, приближала гибельные скалы.

— *В полном порядке,* — подтвердил моравек, в то время как пальцы его танцевали, свивая лопнувшие нити, а низковаттный напульсный лазер аккуратно сваривал стальные волокна, вплетённые в пеньку. — *Прости, я тут немного занят.*

— *Тогда я подключусь чуть позже,* — предложил краб.

— *Ага.* — «Если не устранить поломку, мы налетим на скалы через полчаса. Скажу ему минут за пятнадцать». — *Подключайся позже. Буду ждать.*

И вот безымянная, примитивная фелюга вновь приручена. Это, разумеется, не «Смуглая леди», однако в беде сгодится. Европеец широко расставил ноги на верхней палубе и ухватился за руль. Впереди чётко вырисовывались суровые, обветренные скалы. Над головой хлопали обрывки парусины, с грехом пополам скреплённые между собой. Развернув судёнышко против злобного ветра, самозваный капитан связался с товари-

щем и доложил обстановку: мол, не исключено, что утёсы дождутся их через четверть часа, но он, Манмут, выжимает все силы из окаянной морской лоханки, дабы увести её подальше от берега.

— *Что же, спасибо за откровенность,* — отозвался иониец. — *Могу я чем-то помочь?*

Исполинский вал грозил опрокинуть хрупкую фелюгу вверх тормашками. Моравек навалился всей тяжестью на огромное колесо:

— *Как тебе сказать? Рассмотрю любые предложения.*

Пурпуровые тучи нависали ещё ниже, не показывая, будто намерены рассеяться; ураган выл не стихая. Канаты стонали от натуги, парусина оглушительно билась на ветру. Нос корабля поминутно исчезал в клочьях пены, и новая стена воды едва не сбивала с ног Манмута, стоящего на корме.

И тут Орфу заговорил:

— *«Опять вы тут? Чего вам надо? Что же, бросить всё из-за вас и идти на дно? Вам охота утонуть, что ли?»*

Оказавшись почти в полной невесомости после очередного взлёта, европеец не сразу признал

«Бурю» своего любимого Шекспира.[20] Моравек обернулся через плечо: скалы угрожающе надвигались. Тогда он вызвал в памяти текст пьесы и воскликнул:

— *«Язва тебе в глотку, проклятый горлан! Нечестивый безжалостный пёс — вот ты кто!»*

— *«Ах так? Ну и работайте тогда сами!»*

— *«Подлый трус!* — проревел Манмут будто сквозь вой урагана и грохот волн, хотя радиосвязь и работала вполне исправно. — *Мы меньше боимся утонуть, чем ты, грязный ублюдок, наглая ты скотина!»*

— *«Он-то уж не потонет,* — гаркнул краб. — *Если б даже наш корабль был не прочнее ореховой скорлупы, а течь в нём было бы так же трудно заткнуть, как у созревшей девахи!»… Это он о чём, дружище?*

— *О менструальном цикле*, — пояснил капитан, сражаясь с непокорным рулём. Тонны холодной воды окатывали несчастного с головы до ног. Оборачиваясь назад, Манмут больше не видел в кровавых завихрениях марсианского шторма остроконечных утёсов — но зато прекрасно *чувствовал* их близость.

---

[20] notes: 20
Изм. перевод Михаила Донского.

— *Фу, как некрасиво,* — произнёс Орфу. — *На чём бишь я остановился?*

— *«Держи круче к ветру»,* — подсказал товарищ.

— *Ах да. «Держи круче к ветру! Круче! Ставь грот и фок! Держи в открытое море! Прочь от берега!»*

— *«Мы погибли!* — подхватил европеец. — *Молитесь! Погибли!»… Погоди-ка!*

— *«Погоди-ка»? Я такого не помню.*

— *Да нет же, ты погоди-ка. Впереди среди скал какой-то просвет. Вроде как расщелина.*

— *И туда можно заплыть?*

— *Если я прав и это выход на ущелье Кандор, то за ним откроется водоём просторнее нашего Хаоса Конамара на Европе!*

— *Что-то я подзабыл, как выглядит Хаос Конамар,* — сознался иониец.

— *Тогда — просторнее всех трёх Великих озёр Северной Америки и ещё Гудзонова пролива, вместе взятых. В сущности, ущелье Кандор — это тоже внутреннее море… Тысячи квадратных километров для маневрирования. Никаких тебе подветренных берегов!*

— *А это хорошо?* — насторожился краб, явно не желая расставаться с отчаянием.

— *Теперь мы можем и уцелеть.* — Дождавшись, пока фелюга взлетит на гребень волны и ветер наполнит залатанные паруса, Манмут с силой налёг на руль и развернул судно на правый борт, туда, где зиял расширяющийся проход в отвесных прибрежных утёсах. — *Можем и уцелеть*, — уже веселее повторил он.

К полудню восьмого дня всё закончилось. Только что сердитые тучи сбивались в стада, нависая над самой водой, ураган исступлённо бушевал и великое море ущелья Кандор бурлило седой пеной — и вдруг, не прошло и часа после кровавого ливня, небеса прояснились и поголубели, а волны утихомирились, точно по волшебству. Маленькие зелёные человечки заворочались в нишах и начали выбираться наружу, напоминая заспавшихся ребятишек.

Моравек чувствовал себя выжатым как лимон — в органическом, ментальном, кибернетическом и эмоциональном смыслах, — поэтому немедля подключился к портативным солнечным батарейкам.

Между тем МЗЧ, казалось, с удивлением осматривали пострадавшее судно: сплошные заплаты на мачтах, сращённые канаты, прочие следы титанических трудов пришельца, совершённых

за последние три дня. Затем человечки дружно взялись приводить фелюгу в порядок: драить покрасневшие палубы, откачивать воду из трюмов, набело починять паруса, смолить и конопатить подмокшую обшивку, скреплять поломанные реи, распутывать снасти… В общем, готовить корабль к дальнейшему путешествию.

Манмут распорядился жестами, чтобы команда извлекла Орфу из отсыревшего укрытия, помог устроить друга на палубе и сам расположился на отдых. Моравек отыскал тёплое, солнечное местечко в стороне от суеты, прилёг и разложил вокруг себя толстый моток шпагата, чтобы немного смягчить приступ агорафобии. После чего позволил себе расслабиться и погрузиться в полудрёму. Стоило ему заснуть по-настоящему, как перед глазами заплясали гигантские волны, палуба заходила ходуном, и в ушах люто завыл ураган.

Европеец приоткрыл глаза и увидел ясное небо. Вокруг расстилалось безмятежное море. Ласковый юго-восточный бриз подгонял фелюгу обратно к той расщелине в скалах, где ущелье Кандор соединялось с Долиной Маринера. Любитель сонетов успокоенно выключил зрение и снова забылся.

Что-то задело его плечо. Манмут быстро вскочил на ноги. Сорок зелёных матросов выстроились в шеренгу и передвигались мимо него по одному, поочерёдно прикасаясь к плечу пришельца.

Используя личный луч, маленький европеец поделился наблюдениями с товарищем.

— *Наверное, благодарят своего избавителя,* — усмехнулся Орфу. — *Оно и понятно: останься у меня рука или нога, я бы тоже тебя похлопал.*

Моравек ничего не ответил, однако ему с трудом верилось, будто бы ради подобной мелочи существа пойдут на контакт. Если они так равнодушны к смерти, то и спасения не оценят. Хотя, разумеется, настоящий морской волк с первого взгляда поймёт: не вмешайся бывший капитан вовремя, гнить бы фелюге на тёмном дне.

— *А вдруг тебя приняли за счастливый талисман и хотят поднабраться положительной ауры?* — прибавил краб.

Прежде чем Манмут нашёл достойный ответ, последний из МЗЧ преклонил колени, взял руку чужака и положил себе на грудь.

— *О нет,* — простонал хозяин погибшей «Смуглой леди», обращаясь к ионийцу. — *Они снова надумали… общаться.*

— *Вот и отлично,* — отозвался тот. — *У нас навалом вопросов.*

— *Да, только ответы не стоят чьей-то оборванной жизни,* — возразил моравек, силясь вырвать ладонь из цепких ручек черноглазого существа.

— *А может, ещё как стоят. Даже если наши немые друзья имеют хотя бы отдалённое понятие о смерти, в чём я лично сомневаюсь. И потом, он же сам первый предложил. Уважь просьбу.*

Европеец прекратил сопротивление и безвольно проник пальцами в полупрозрачную грудь. Скользкая плоть, как всегда, с неприятным хлюпаньем подалась, рука окунулась в тепловатый густой раствор и вскоре нащупала дрожащий орган величиной с человеческое сердце.

— *На этот раз держи чуть покрепче,* — посоветовал краб. — *Если моя теория верна, то чем плотнее физический контакт, тем больше нанопакетиков информации попадёт в твою кровь.*

Манмут кивнул, вспомнил, что друг не может его видеть, но решил не отвлекаться и сосредоточился на диковинных вибрациях, которые побежали вверх по руке, направляясь к мозгу. Существо заговорило.

БЛАГОДАРИМ

ЗА СПАСЕНИЕ

НАШЕГО

СУДНА.

— Всегда пожалуйста, — промолвил поклонник Шекспира, одновременно передавая разговор ионийцу. — Кто вы такие? Как себя называете?

ЗЕКИ.

Странное слово. «Орган речи» часто-часто пульсировал в ладони. Моравека так и подмывало отдёрнуть руку, хотя теперь от этого никому не полегчало бы.

— *Знаешь такое выражение: «зеки»?* — обратился он к товарищу.

— *Минуточку, сейчас активирую память третьего уровня. А, вот оно. «Один день Ивана Денисовича». Это советский тюремный сленг, относится к шарашке — особому научному или техническому институту с персоналом из одних заключённых, которых и окрестили зеками.*[21]

— *Не понимаю,* — растерялся Манмут. — *Не*

[21] notes: 21

Не понятно, почему автор ссылается на повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». О работе заключённых в «шарашке» российский писатель рассказывает в романе «В круге первом». К тому же и понятие «зек» обозначало любого советского заключённого, а не только «обитателя шарашки».

верю я, что МЗЧ с Марса, напичканные хлорофиллом, на самом деле — пленники недолговечного земного режима, отжившего своё две тысячи лет назад.

Краткая беседа заняла не более двух мгновений.

— Расскажите, откуда вы? — произнёс европеец вслух.

Ответ пришёл в виде ярких картинок: зелёные поля, лазурное небо, солнце — крупнее марсианского светила, далёкие цепи гор, млеющих в туманной дымке плотного воздуха.

— Земля? — потрясённо вымолвил Манмут.

Человечек откликнулся:

ЗВЕЗДА

НЕ ЭТИХ

НОЧНЫХ

НЕБЕС.

ИНАЯ

ЗЕМЛЯ.

Любитель сонетов немного поразмышлял, но так и не придумал уточняющего вопроса и наконец попросту ляпнул:

— Это какая же?

МЗЧ повторил набор изображений: поля, небеса, далёкие горы, громадное солнце. Хозяин погибшего судна ощутил, что силы покидают его собеседника, да и сердцеобразный орган бился всё медленнее.

— *Я убиваю его!* — запаниковал европеец.

— *Спроси о головах*.

— Кого представляют каменные изваяния? — покорно сказал Манмут.

ВОЛШЕБНИК.

ТОТ, ЧТО ИЗ КНИГ.

ПОВЕЛИТЕЛЬ СЫНА СИКОРАКСЫ,

КОТОРЫЙ ПРИВЁЗ НАС В ЭТИ КРАЯ.

ВОЛШЕБНИК — ХОЗЯИН САМОГО СЕТЕБОСА,

БОГА МАТЕРИ НАШЕГО ГОСПОДИНА.

— *Волшебник?!* — передал моравек своему другу.

— *Это значит «колдун, маг, чародей»*, — начал Орфу. — *Или волхв, как те три рождественских…*

— *Можешь не разжёвывать!* — взорвался

бывший капитан подлодки, боясь растратить драгоценные секунды чужой жизни. — *Слово мне известно. Только я не верю в магию, и ты тоже.*

— *А вот наши МЗЧ, похоже, верят. Узнай про обитателей Олимпа.*

— Кто летает на колесницах и живёт на большом вулкане? — бездумно спросил Манмут, досадуя на то, что истинно нужные вопросы так и не приходят на ум.

Серия крохотных нановспышек неведомым образом опять превратилась в слова.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

БОГИ.

ИХ ПЛЕНИЛО

ГОРЬКОЕ СЕРДЦЕ,

ЧТО ЖДЁТ

И КУСАЕТ.

— А кто… — заикнулся было европеец, но слишком поздно.

Переводчик покачнулся вперёд, рухнул на палубу, и в руке моравека вместо живого сердца осталась морщинистая плёнка. МЗЧ стал съёживаться и усыхать, едва коснувшись досок.

Антрацитовые глаза человечка провалились под кожу, прозрачные струйки потекли к ногам собеседника. Зелёное лицо сделалось коричневым, старчески сморщилось и вскоре утратило форму. Собратья молча унесли пожухлую оболочку.

Манмута затрясло словно в лихорадке.

— *Жаль,* — заметил Орфу. — *Надо бы найти другого добровольца и потолковать с ним.*

— *Не сейчас,* — выдавил ценитель сонетов между судорогами.

— *«Горькое сердце, что ждёт и кусает»,* — процитировал иониец. — *Ну, это ты должен был признать.*

Маленький европеец покачал головой, спохватился и произнёс для слепого товарища:

— *Нет.*

— *Постой, кто из нас подлинный знаток Барда, я или ты?*

— *Шекспир такого не писал.*

— *Естественно. Это Браунинг. «Калибан о Сетебосе».*

— *Никогда не слышал,* — буркнул Манмут и, поднявшись на две ноги, побрёл к перилам.

За бортом невинно синела вода: красный песок давно уже осел на дно. «Будь я человеком, меня бы стошнило».

— *Ну как же, Калибан!* — чуть ли не проорал гигантский краб. — *«Горькое сердце, что ждёт и кусает». Уродливое создание, полузверь, получеловек. Его мать — ведьма по имени Сикоракса — поклонялась божеству Сетебосу. Припоминаешь?*

Действительно, промелькнуло в голове европейца, перед смертью человечек упоминал что-то подобное. Вот только сосредоточиться никак не удавалось. Этот ужасный «разговор»… Будто бы нанизываешь бусы на ещё живое, окровавленное сухожилие, над которым поднимается пар.

— *Интересно,* — задумался Орфу, — *могли эти МЗЧ подслушать, как мы с тобой читали «Бурю» три дня назад, а?*

— *Подслушать?* — повторил Манмут. — *У них же ушей нет.*

— *Тогда получается, это мы начинаем отражать загадочную новую реальность, а не она копирует нас,* — прогрохотал иониец, и его смех прозвучал более зловеще, чем когда-либо.

— *Ты о чём?* — устало откликнулся товарищ.

На западе все чётче обозначались восьмисотметровые багровые скалы, расступаясь над волнами дельты ущелья Кандор.

— *Кажется, мы стали героями горячечного*

бреда, — высказался краб. — *Однако определённая логика тут есть… Пусть и сумасшедшая, но всё-таки…*

— *Да о чём ты?* — рявкнул Манмут, которому было не до словесных игр.

— *Например, теперь мы знаем, чьё лицо у каменных статуй.*

— *Правда?*

— *А как же. Это волшебник. Тот, что из книг. Повелитель сына Сикораксы.*

Разум европейца отказывался связывать воедино даже простейшие мысли. Его системы до сих пор переполняли угасающие потоки чуждых нанобайтов, внушая чувство удивительного покоя, доселе незнакомое моравеку. Приятное… жутко приятное.

— *Кто-кто?* — переспросил он, не заботясь о том, примут ли его за идиота.

— *Просперо,* — вздохнул иониец.

30
Лагерь ахейцев. Побережье Илиона

До сих пор события вечера в точности повторяли описание Гомера.

Троянцы разожгли сотни огней прямо на берегу, сразу же за ахейским рвом — последней линией обороны врага. Разгромленные наголову греки, утомлённые бесконечно долгим сражением, даже не развели собственных костров для приготовления пищи. Приняв наружность седовласого Феникса, я подобрался к ставке Агамемнона, когда тот, захлёбываясь рыданиями (без шуток; этот могучий владыка греческих владык рыдал словно дитя), заклинал своих людей бежать на родину.

Атрид и раньше использовал подобную тактику — притворялся, будто хочет уплыть, желая на самом деле разозлить подданных и заставить их объединиться для битвы. Однако теперь пожилой царь серьёзен, как никогда. Пышная грива растрёпана, доспехи покрыты засохшей кровью, по грязным щекам бегут ручьи слёз. Агамемнон и впрямь призывает воинов спасать свои жизни.

Конечно же, не кто иной, как бесстрашный Диомед бросает владыке вызов и, нарицая того мягкотелым, робким трусом, клянётся не прекращать побоища, даже если останется вдвоём со Сфенелом, — драться, доколе не увидит предрешённое богами падение священной Трои. Ахейцы воинственными криками приветствуют его браваду.

Слово берёт седовласый Нестор. По обычаю сославшись на свои лета, он предлагает всем остыть, плотно перекусить, выставить часовых, особенно вдоль вала, и тщательно обсудить положение, прежде чем в панике ломануться к морю, к судам и домой.

К его совету прислушиваются, как и утверждал вещий слепец.

Семеро предводителей стражи во главе с Несторовым сыном Фразимедом уводят сотни храбрых юношей, чтобы занять новые оборонительные позиции между рвом и стеной, а также развести хоть несколько костров для запоздалого ужина.

Как жалко смотрится эта горстка огней по сравнению с могучим пламенем, что бушует по всему стану троянцев, сыпля искрами до небес!

Агамемнон закатывает пир для ахейских владык и военачальников; совет продолжается,

точь-в-точь по Гомеру. Нестор превозносит храбрость и прозорливость Атрида, ловко намекая между дифирамбами, что именно царь и заварил всю эту кашу, когда силой отнял у Ахиллеса пленную Брисеиду.

— Здесь ты прав, почтенный старец, — честно отвечает Агамемнон. — Я был не в себе. Нужно не только лишиться рассудка, но и ослепнуть, чтобы оскорбить Пелида.

Повелитель выдерживает паузу; ни один из дюжин военачальников, присевших на корточки у огня, не возражает.

— Да, я сошёл с ума, — молвит Атрид. — Не стану отрекаться. Тот, кого любит сам Громовержец, и в одиночку стоит целого батальона… даже нет, целой армии!

И снова никто не прекословит.

— Так вот, раз уж ярость ослепила меня и отняла разум, мне и исправлять положение. Пошлю-ка сыну Пелея несметные дары, пусть только вернётся в наши ряды.

Собравшиеся вожди одобрительно мычат, пережёвывая большие куски говядины и курятины.

— Здесь, перед вами, друзья, я исчислю сказочный выкуп за благосклонность героя. — Царь возвышает голос. — Семь новых треножников,

не бывших в огне, десять талантов золота, двадцать отполированных рабами до блеска котлов, двенадцать великолепных быстроногих коней, стяжавших награды на гонках…

В общем, ля-ля-ля. Всё как пел Гомер. И как недавно предсказывал я сам. Разумеется, Агамемнон клянётся отдать не опороченную им Брисеиду и ещё два десятка прелестных троянок — это, правда, *после* того, как рухнут высокие стены Илиона, — а потом, в качестве основного искушения, щедро предлагает собственных дочек — Хрисомефису, Лаодику и юную Ифианассу, на выбор. (Заядлый схолиаст-зануда в моей голове привычно подмечает несовпадение речи с прошлыми и будущими текстами «Илиады». В частности, отсутствие в списке Электры и, возможно, переиначенное имя Ифигении, но ведь это не суть важно.) На сладкое оставлены семь густозаселенных городов.

Все эти лакомые гостинцы — старина Гомер и здесь не ошибся — Агамемнон предлагает *взамен* простых слов извинения.

— Так я немедля исполню, — восклицает он, — коль скоро Пелид позабудет вражду. Пусть подчинится наконец моей власти! Один лишь Аид, бог мёртвых, столь несмирим и непрекло-

нен, как этот выскочка!

Небеса оглашают раскаты грома; вспышки прорезают мрак, и чудится: сам Зевс теряет терпение.

— Пусть уступит, как положено! — не унимается державный Атрид. — Я и рождён прежде, и владыка из владык, и вообще, заявляю вам, более велик среди смертных!

Начинает накрапывать дождь. Туча постепенно уходит туда, откуда доносятся пьяные крики троянцев; теперь молнии Кронида полыхают за насыпью и окопами, заполненными водой. Я жду не дождусь, когда же Нестор заговорит о посольстве. Скорее бы отправиться к Пелиду в компании Одиссея и Аякса. Вот и настал самый важный день в моей… по крайней мере во второй из моих жизней. Снова и снова прокручиваю в голове хитроумно сплетённую речь. Всё должно получиться.

«Хочешь изменить наши судьбы — найди поворотную точку».

Кажется, я нашёл такую. Хотя бы одну из них. Конечно, участь греков, и троянцев, и богов — да и вашего покорного слуги — бесповоротно переменится, если этой ночью мне хватит духу выполнить задуманное. Слова старика Феникса

не положат конец ярости Ахиллеса, но обратят его гнев на истинных врагов — богов Олимпа; останется только поднять Гектора, и троянцы рука об руку с греками бросятся штурмовать надменную вершину.

— О сын Атрея! — неожиданно выпаливает Нестор. — Великий повелитель и прославленный владыка! Нет, Агамемнон, ни одному человеку, ни даже царю Ахиллесу не отвергнуть подобного дара! Давайте же вышлем послов, тех избранных мужей, что поспешат передать Пелиду твои слова, как и нашу искреннюю признательность и любовь. Пусть те, кого я назову, без промедленья исполнят свой долг!

Облачённый в ветхую плоть Феникса, ступаю поближе к Теламониду, с тем чтобы старец без труда заметил меня.

— Прежде всего, — возвещает пилосец, — отправим Большого Аякса, а с ним — нашего многоумного, дипломатичнейшего среди царей, Одиссея. Одий и Эврибат, полагаю, достойны сопровождать посольство как глашатаи. Подайте воды на их руки! И сотворим, по нашему обычаю, благоговейное молчание, в сердцах умоляя великого Зевса послать милость. И да улыбнётся Ахиллес благосклонно, получив добрые вести!

Слуги совершают обряд омовения, и военачальники склоняют головы в безмолвной молитве. Я примерзаю к месту, потрясённый до глубины души.

Нестор нарушает мёртвую тишину, обращаясь к *четвёрке* — а вовсе не пятёрке — послов:

— Смотрите же, усердствуйте! Смягчите его сердце, верните нам милость непобедимого, неуязвимого, не знающего жалости Ахилла!

Двое мужей в сопровождении глашатаев покидают круг света от пиршественного костра и уходят вдаль по берегу.

Как же так? Меня не избрали? Феникса даже не заметили! Неужели поэт ошибся?! Ну и дела: судьба резко свернула в сторону, и вот я так же слеп по отношению к будущему, как и все остальные участники пьесы, как бессмертные жители Олимпа, как сам Гомер, бельмо ему в оба незрячих глаза!

Пошатываясь на бесполезных костлявых ногах мирмидонского старца, выбираюсь из толпы греческих командиров и бросаюсь вдоль кромки грохочущего прибоя догонять Одиссея с Аяксом.

Я настигаю послов на полпути к ставке Ахиллеса. Герои шагают по мокрому песку тёмного пляжа и переговариваются вполголоса. Услышав

мою сиплую старческую одышку, Большой Аякс оборачивается.

— В чём дело, Феникс, почтенный сын Аминтора? — спрашивает он. — Признаться, ты немало удивил меня, появившись на совете: носятся слухи, что в последнее время искусные мирмидонские целители не отходят от твоего ложа. Призван ли ты передать последние напутствия Агамемнона?

— Приветствую вас, благородный Теламонид и царственный сын Лаэрта, — хриплю в ответ. — Владыка пожелал, чтобы я присоединился к посольству.

Аякс таращится на меня, точно на новые ворота. Одиссей подозрительно щурится:

— Зачем Атриду избирать тебя для столь ответственного задания, достопочтенный старик? И как ты очутился в ставке вождя в этот поздний час, когда троянские псы так и рыщут по берегу?

На второй вопрос мне решительно нечего ответить, поэтому неуклюже отбиваюсь от первого:

— Нестор подумал, что со мной вам будет легче склонить слух Пелида, и Агамемнон счёл его слова мудрыми.

— Тогда идём, — отзывается Теламонид. — Пошли, Феникс.

— Только не вздумай открывать рот, если я не подам знака. — Одиссей продолжает коситься на меня, будто на хитрого притворщика. (И он недалёк от истины.) — Может, Нестор и державный владыка нашли смысл в том, чтобы послать тебя к Ахиллесу. Однако лично я не вижу резона, чтоб ты ещё и *говорил*.

— Но ведь… — Я осекаюсь. Как же его переубедить? Сказать, что если промолчу, то упущу поворотную точку, провалю всё дело? Что события потекут дальше, как им вздумается, невзирая на ход поэмы?.. Постойте-ка, да они уже текут, как им угодно! Согласно Гомеру, Нестор назвал Феникса в числе послов и Агамемнон утвердил кандидатуру! *Что здесь вообще творится?*

— Значит, хочешь присутствовать в ставке Ахилла? Тогда запомни, — предупреждает Лаэртид, — подождёшь нас в прихожей вместе с Одием и Эврибатом. Входить или вмешиваться в беседу — строго по команде. Вот мои условия.

— Как же… — Я снова беспомощно умолкаю.

С этим парнем шутки плохи. Чего доброго, отфутболит обратно к Агамемнону, и все уловки пропадут впустую. А у меня такой блестящий план…

— Да, Одиссей, — киваю трясущейся головой

Ахиллесова наставника. — Как прикажешь.

Герои бредут вперёд, я медленно следую за ними, а волны с грохотом разбиваются о камни.

Возможно, вы представляете себе ставку Ахилла в виде этакой палатки для ночёвок на заднем дворе. Так вот, быстроногий сын Пелея обитает в огромном шатре из парусины, не менее пёстром и сложном по устройству, чем цирковой… Что-то мне вдруг отчётливо припомнился бродячий цирк из детства; вот так обрывки прошлого и проникают в разум обезличенного профессора Хокенберри.

Вокруг ставки вождя, как и по всему ахейскому лагерю, вперемешку теснятся мелкие палатки, озарённые бивачными кострами. Кое-кто из верных Ахиллу мирмидонцев пакует вещички, готовясь к отплытию, другие воинственно расхаживают вдоль вала на случай, если враг нагрянет до рассвета, третьи… третьи просто ужинают у огня, подобно военачальникам Агамемнона.

Одий и Эврибат возвещают о нашем прибытии капитану стражников; личная охрана Пелида настороженно сопровождает нас во внутренний лагерь. Оставив побережье позади, взбираемся вверх по склону, на котором поселился быстроногий. Проходя под пологом, Большой Аякс

пригибает шею; менее рослый Одиссей шагает не склоняя головы. Обернувшись ко мне, Лаэртид указывает на место в прихожей. Отсюда, конечно, удобно и видеть, и слышать всё, что происходит в покоях, но только не принимать участие в событиях.

Мужеубийца, в точности по книжке, развлекает себя игрой на лире и эпической песней об античных героях и событиях, не сильно разнящихся от «Илиады». (Серебряный инструмент, как мне известно, — военный трофей, приобретённый в Фивах, в доме убитого Ахиллесом Гетиона, отца Андромахи; маленькой девочкой будущая супруга Гектора качала кукол у домашнего очага под звуки именно этой лиры.) Напротив восседает ближайший друг хозяина Патрокл и выжидает своей очереди исполнить несколько строчек.

Увидев гостей, Пелид прекращает щипать струны и удивлённо поднимается. Патрокл, сын Менетия, так же почтительно встаёт с места.

— Какие люди! — восклицает Ахилл. — Видишь, — обращается он к товарищу, — нас навестили истинные друзья. Видно, крепко припекло. Хоть и сердит я на ахейцев, но среди них вы мне, право, милее всех.

С этими словами он проводит вошедших и

усаживает на мягкие кресла, устланные пурпурными коврами.

— Прошу тебя, Менетид, неси чашу побольше… Правильно, мехи клади сюда… Сейчас намешаем цельного вина. Кубок для каждого из дорогих гостей! Ибо самые близкие люди собрались нынче под моим кровом.

Патрокл подвигает колоду для рубки мяса к огню, выкладывает на ней спины овцы и тучного барашка, бросает рядом лоснящийся салом окорок кабаньей туши. Автомедон, общий друг и возница обоих хозяев, держит огромные ломти, пока Ахиллес рассекает их на порции, посыпает солью и нанизывает на вертел. Менетид раздувает пламя, затем разгребает угли и ставит мясо в самую жаркую часть очага, предварительно посолив каждый кусок ещё раз.

Наблюдая за потрясающе учтивой церемонией античного гостеприимства, я вдруг осознаю, что голоден как волк. Рот наполняется обильной слюной, и если бы сейчас мне всё-таки дали слово, даже под страхом смерти я не вымолвил бы ни единого членораздельного звука.

Будто услышав урчание моего желудка, Пелид заглядывает в прихожую и застывает от изумления.

— Феникс! Любимый наставник, благородный конеборец! А я-то думал, ты прикован к постели. Входи, входи!

Молодой герой сам заводит меня внутрь, на освещённую середину покоев и крепко обнимает. В воздухе аппетитно пахнет жареной бараниной и свининой. Глаза Одиссея так и мечут молнии, предупреждая хранить молчание.

— Присаживайся, милый Аменторид, — уговаривает старца бывший ученик.

Однако мои подушки устилает алый, а не пурпурный ковёр, да и место выбрано подальше от беседующих: Ахиллес не забывает старых друзей, но протокол соблюдает строго.

Патрокл приносит плетёные корзины с горячим хлебом, тем временем Пелид снимает говядину с вертела и раскладывает дымящиеся порции по деревянным тарелкам.

— Воздадим жертвы богам. — Ахилл кивает товарищу, и тот бросает кусочки еды в очаг. — А теперь начнём.

Не дожидаясь второго приглашения, мы накидываемся на хлеб, вино и мясо. Пока я с наслаждением пережёвываю вкусную, ароматную снедь, разум напряжённо работает. Как же добиться позволения выступить? Ведь это может повлиять

на жизни всех людей, не говоря уже о богах!.. Час назад затея выглядела проще некуда. Кто же знал, что Одиссей не купится на хитрость?

Кстати, ему скоро говорить. По ходу поэмы именно он предлагает Пелееву сыну щедрые подношения Агамемнона, на что Ахиллес разражается самой мощной и красивой речью во всей «Илиаде» (так, во всяком случае, утверждалось в моих лекциях). Но затем-то следует долгий монолог Феникса, искусно сотканный из трёх частей: сперва описание собственной жизни, потом притча о молитвах — «дщерях смиренных великого Зевса», и под конец иносказание о Мелеагре — мифическом герое, который слишком долго ждал, не принимая даров умилостивления и не вступаясь за гибнущих товарищей.

В целом это самая продуманная и увлекательная речь из тех, что произносят послы в песни девятой. Гомер заверял читателя, будто увещевания старого мирмидонца растрогали сердце гневного Пелида, твёрдо намеренного отплыть сегодня же ночью. К тому времени, пока слово дойдёт до Аякса, сын богини Фетиды должен смягчиться, пообещать, что останется на берегу посмотреть, как пойдёт сражение, и в случае необходимости спасти от нашествия троянцев

хотя бы собственные суда.

Я ведь на что рассчитывал? Отбарабанить на память роль Феникса, а там потихоньку отклониться от темы, как бы ненароком вплести собственные мотивы. И вот вам, пожалуйста, — Одиссей грозно хмурит брови, прозрачно намекая, чтобы я оставил всякую надежду.

Хотя, если вдуматься, потеря невелика. Пусть даже Лаэртид снизойдёт до немощного старца — как же я не учёл, сколько видеопрудов транслируют нашу встречу в прямом эфире! Если Пелид примет взятку, вняв силе убеждения, дарованной Одиссею свыше, Гектору несдобровать: Ахилл сам по себе — армия из одного солдата. Беседа — чуть ли не важнейшая в «Илиаде», даром что об этом ведомо только Зевсу! Вмешиваться никто не станет, памятуя недавнюю внушительную сцену, разыгравшуюся в Великом Зале Собраний. Но, с другой стороны, приказ Громовержца должен был ещё сильнее разжечь любопытство Олимпийцев, а значит…

Рискни я внушать герою еретические намерения прямо сейчас (как задумывалось), не вмешается ли Кронид в ту же секунду, не спалит ли шатёр вместе с обитателями? И даже если он удержится от немедленной вспышки, никакие

строжайшие запреты не заставят Афину, Геру или, к примеру, Аполлона оставаться в стороне от враждебного заговора, направленного против их бессмертных персон. Всё это и прежде приходило мне в голову; перевешивало только упование на квит-медальон да на верный Шлем Смерти. Теперь же, сидя в ставке вождя, я начинаю понимать всю нелепость мыслей о побеге. В этом ещё был бы толк, будь я уверен, что негодующие Олимпийцы не сумеют переубедить — или вообще попросту уничтожить — прославленных героев. В ином случае рассерженные боги выследят беглеца Хокенберри хоть на краю мира, хоть в самой доисторической Индиане — и, пока, гасите свет.

Так что Лаэртид, можно сказать, оказал мне услугу.

Тогда зачем я здесь?

Когда все насытились, отодвинув от себя пустые тарелки, где остались лишь крошки, хозяин решил наполнить наши кубки по третьему разу. В этот момент Аякс незаметно мигает Одиссею.

Великий стратег ловит намёк на лету и высоко поднимает чашу:

— Твоё здоровье, Пелид!

Герой склоняет белокурую голову в знак при-

знательности, и мы выпиваем.

— Я вижу, на этом пиру ни в чём нет недостатка, — вкрадчиво, на диво спокойно начинает Одиссей. Среди ахейских военачальников молодой бородач известен медоточивым голосом, а также непревзойдённым коварством. — В точности как под царственной сенью Агамемнона, так и здесь, под кровом Ахиллеса, наши сердца не встречают отказа. Однако в эту бурную грозовую ночь отнюдь не пышная снедь занимает наши умы. Страшное бедствие, порождённое и вскормленное волей бессмертных, — вот чего мы поистине ждём и трепещем.

Лаэртид продолжат говорить — неспешно, гладко, как по писаному. Местами он достигает почти драматического эффекта. Вначале описывает вечернее побоище, торжество троянцев, панику в греческих рядах, всеобщее желание убраться домой и вероломство Зевса.

— Представь, эти наглые сыны Приама с их дальноземными прихлебателями разбили шатры на расстоянии полёта камня от наших полых судов, — расписывает Одиссей, словно Ахиллес и не слышал нынче того же от ближайшего друга, Патрокла. Или не мог бы увидеть собственными глазами, высунув нос из палатки. — Теперь их

ничто не остановит, этих кичливых гордецов. Они грозят нам, и пламя тысяч костров являет нам, ахейцам, горькую правду их слов. Гектор уже молится, скорее бы встала над морем божественная Эос; подстрекает друзей чуть свет кинуться с факелами к нашим кораблям, спалить чернёные корпуса, а уцелевших аргивян перебить в душном дыму пожарища. А как же: сам верховный Кронид ободряет его, поражая наши ряды грохочущими молниями. Вот Приамид и упивается ужасной силой. Он никого не страшится, Ахиллес, — ни людей, ни бессмертных! Неистовствует, словно бешеный пёс; верю, что им завладели демоны…

Одиссей умолкает. Пелид не изрекает ни слова, сохраняя невозмутимое выражение. Патрокл не отрывает взора от его лица, однако Ахилл и глазом не ведёт в сторону друга. Ему бы в покер играть, этому парню.

— Гектор страстно ждёт утренней денницы, — ещё мягче продолжает Лаэртид. — Вначале он посрубает резные украшения на кормах, потом подожжёт суда и до последнего умертвит нас, припёртых к морю, суетящихся в душном дыму пожарища. Я в страшном трепете: боюсь, что боги дадут ему силу исполнить угрозы и провидение

осудит ахейцев погибнуть под стенами Трои, вдали от зелёных холмов Аргоса.

Оратор выдерживает паузу. Но и на сей раз мужеубийца нем как могила. В догорающем очаге потрескивают угли. Из дальнего шатра доносятся звуки лиры и тихая погребальная песня. С другой стороны долетает хохот пьяного солдата — бедняга явно не надеется пережить восход солнца.

— Вставай же, друг! — Одиссей наконец возвышает голос. — Поднимайся, хотя теперь и одиннадцатый час ночи, если *желаешь* избавить жестоко теснимых ахейцев от ярости троянских воинств…

Далее он увещевает Ахиллеса позабыть «душевредный» гнев и расхваливает сказочные дары Агамемнона, в точности повторяя царские слова о необожжённых треножниках, дюжине рысаков, и так далее и тому подобное; на мой взгляд, чересчур затягивает описание прелестей нетронутой Брисеиды, троянских дев, только и ожидающих своего грозного похитителя, а также прекрасных дочек самого царя. Заключительная часть выступления содержит страстный призыв припомнить наставления старого Пелея, что завещал сыну ценить истинную дружбу превыше разногласий.

— Если же Атрид и его подарки так уж противны твоему сердцу, — заканчивает Лаэртид, — сжалься хотя бы над остатком ахейского воинства. Примкни к сражению, избавь нас, тебя станут чтить, словно бога! Но лишь позволь обиде увлечь себя домой за винно-чёрное море прежде окончания битвы — и уже никогда не узнаешь, сумел бы ты умертвить Гектора или нет. Такой шанс выпадает единожды! Десять лет герой отсиживался за крепкими стенами, и вот нынче свирепая жажда крови выгнала Приамида в открытую долину. Останься, благородный Ахиллес, сразись с ним!

Мощно задвинул, надо сказать. На месте этого юного полубога, разлёгшегося на мягких подушках, я бы размяк. В ставке повисает тишина. Наконец Ахилл опускает пустую чашу.

— О благорожденный сын Лаэрта, семя Зевса, находчивый тактик, дорогой мой Одиссей, — начинает он. — Чувствую, что должен честно и откровенно сказать, как я на это смотрю и как собираюсь поступить, дабы вы прекратили тут юлить передо мной, задабривать, ворковать невинными голубками… Мне, как и вам, ненавистны чёрные врата Аида. Однако настолько же мерзок любой, кто устами говорит одно, а на сердце прячет иное.

Я вздрагиваю. Надо же было так поддеть «многоумного тактика», известного среди ахейцев удивительной способностью искажать правду, когда это удобно. Впрочем, Лаэртид непроницаем словно скала. Значит, и Фениксу волноваться не пристало.

— Выскажусь ясно, — продолжает Ахилл. — Итак, Агамемнон возомнил купить мою поддержку с помощью этих вот… *подарков?* — Последнее слово он буквально выплёвывает гостям в лицо. — Нет. Никогда в жизни. Целая армия со всеми военачальниками не убедит меня вернуться. Опоздали вы со своей неискренней благодарностью… О чём ахейцы думали, пока я без устали бился с врагами, вседневно в опасностях, в тяжёлых доспехах, не зная, когда же конец проклятой сече?

Двенадцать городов я взял со своих кораблей, пеший разорил ещё одиннадцать, оросив плодородные земли кровью троянцев. В каждом награбил я многие груды сокровищ, бесценной добычи, несметные толпы плачущих красавиц. И всякий раз безропотно отдавал ему, Атриду, лучшую долю. А он? Восседал на быстрых чёрных кораблях или похаживал далеко за спинами воинов! Хотя приношения брал без зазрения совести,

всё до монеты, и даже больше…

Ах да. Порой он швырял вам крохи с царского стола. Поймите, ведь это вам, чья верность ему необходима, владыка что-то *давал*, и лишь у меня *отбирал*. Наконец отнял и милую деву-невесту. Знаете что? Гори оно синим пламенем! Пошёл он, и она вместе с ним! Отныне владыка может трахать мою Брисеиду, всаживать ей по самую рукоятку, если сумеет, старый пень!

Горькие воспоминания распаляют Ахилла, и вот он уже недоумевает, на кой вообще сдалась мирмидонцам эта осада.

— Неужто же ради одной пышнокудрой Елены? — насмешливо вопрошает он и совершенно справедливо намекает, что не только Менелай с Агамемноном скучают по любимым жёнам, но и, к примеру, сам Одиссей, оставивший на далёкой родине Пенелопу.

А я думаю о ней, о Елене аргивской, представляю, как она сидит на постели, как переливаются в сиянии звёзд её распущенные по плечам локоны и белеет во тьме нежная грудь.

Становится невмоготу следить за речью Пелида, пусть даже не менее удивительной, чем в поэтическом пересказе Гомера. Шутка ли: за каких-то несколько минут Ахиллес умудряет-

ся полностью разрушить собственный имидж супергероя, делавший из него бога в глазах смертных.

Воспитанник Феникса открыто заявляет, что его не прельщает *aristeia* с могучим Гектором — ни гибель от его руки, ни славная победа.

Потом обещает забрать своих людей и отплыть на рассвете, бросив данайцев на милость беспощадного Приамида, в тот миг, когда орды троянцев хлынут через ров и насыпь с острым частоколом.

Потом называет Агамемнона псом, обрядившимся в бесстыдство, и отвергает скопом его дочерей, будь они даже прекраснее Афродиты и искуснее Афины.

Потом и вовсе поражает слушателей рассказом о давнем пророчестве среброногой Фетиды, своей матери. Мол, «жребий двоякий приведёт тебя, сын, к гробовому пределу; хочешь — сражайся за Трою, Гектора ты умертвишь, и хотя домой уже не вернёшься, слава твоя средь людей и бессмертных в веках не исчезнет. Другая дорога — плыть в отчизну на всех парусах. Долгие годы большого семейного счастья там тебя ждут, но забудь навсегда ты о чести и славе… Волен ты сам выбирать свою участь».

И он говорит, будто бы склонился ко второму варианту. Вот тебе и на! Этот *герой* … эта гора мускулов и тестостерона, ходячая легенда, полубог, отрекается от славы ради жизни! Лаэртид недоверчиво щурится; Большой Аякс разевает рот, словно рыба.

— Так что, братья мои, — как ни в чём не бывало обращается к ним Пелид, — отправляйтесь к ахейским старейшинам и передайте ответ Ахиллеса. Теперь пусть *сами* придумывают, как спасти крутобокие суда и народ на тесном берегу. А что до нашего молчаливого Феникса…

Он поворачивается ко мне, и я подпрыгиваю на красных подушках, будто ужаленный. Размышляя над собственной пламенной речью, я забыл, где нахожусь, и в самом деле не проронил ни единого звука.

— Старый мой дедушка, — снисходительно улыбается герой, — Одиссей с Аяксом должны явиться с отчётом к владыке, но ты-то свободен. Заночуй со мной и Патроклом, а поутру плыви с нами к дому… Если пожелаешь. Я бы не стал никого принуждать.

Ага, кажется, пришла и моя очередь. Не обращая внимания на хмурые взгляды Одиссея, неуклюже поднимаюсь и прочищаю горло. Сейчас я им

выдам… Чёрт, как же там начинается? Столько лет я учился, преподавал, вникал в тончайшие особенности каждого греческого слова… А дошло до дела — и в голове хоть шаром покати.

Аякс резко встаёт.

— Пока эта развалина решает, удирать вместе с вами или нет, скажу одно: ты, Ахиллес, такой же дурень, как и твой одряхлевший учитель!

Прославленный мужеубийца, не спускающий обид, готовый скорее предать на гибель всех ахейцев, чем дать увести свою девушку, с улыбкой приподнимает бровь, проглотив явное оскорбление.

— Тьфу! — кривится Теламонид. — Вечная слава, двадцать красавиц, а он… из-за одной бабы! Идём, Одиссей. Наш золотой мальчик, видно, ещё не припадал к сосцам мужской дружбы. Оставим парня предаваться беспредельной злости, данайцы ждут от нас вестей, хотя бы и горьких. Идём, рассвет уже близок, а перед боем полагается отдых. Уж если умирать, то не во сне!

Лаэртид согласно кивает, поднимается, кивает ещё раз, прощаясь с хозяином, и покидает ставку вслед за товарищем.

Я не в силах пошевелиться. Рот уже раскрыт, мгновение — и оттуда полилась бы долгая, умная

речь из трёх актов, исправленная лично мною, она бы так легко и ненавязчиво перепрограммировала действия героев…

Патрокл и Пелид потягиваются, разминая затёкшие плечи, и многозначительно переглядываются. Ну, конечно: друзья ждали посольства. И дикий, невероятный ответ был продуман и отрепетирован заранее!..

— Феникс, питомец богов, — с тёплой нежностью говорит Ахилл, — не знаю, что на самом деле привело тебя к нам тёмной ночью, в такую грозу. Зато я не забыл, как после занятий ты брал меня, полусонного мальчишку, на руки и относил в постель. Останься, сын Аминтора. Менетид с Автомедоном приготовят мягкое ложе. На заре поднимем паруса, и ты можешь плыть с нами… Или не плыть.

Простившись, он удаляется в спальные покои на заднюю половину палатки. А я… Я стою на месте, дурак дураком, онемевший в любом известном смысле, ошеломлённый сильнее некуда. Это что же, вся «Илиада» на фиг?

Быстроногий должен был остаться! Правда, у Гомера он тоже не рвётся в сражение, и грекам поначалу приходится туго. Троянцы торжествуют, данайцы истекают кровью; великие военачаль-

ники — Одиссей, Агамемнон, Менелай, Диомед, все до единого получают серьёзные раны. И тогда, из жалости к обречённым товарищам, в бой вступает Патрокл, надев золотые доспехи Ахилла. Герой рубит вражеские головы, словно кочаны капусты, пока наконец не сходится с Гектором. Приамид побеждает, срывает с противника бесценные латы, и вокруг нагого, обесчещенного тела разгорается жаркая сеча. Убитого буквально разрывают на части; *вот что* вытащит Ахилла, кипящего жаждой мести, из его ставки на побережье и в конце концов определит участь Гектора, Илиона, Андромахи, Елены и каждого из нас.

А теперь Пелид возьмёт и уедет? Не могу поверить. Мало того, что я упустил точку отсчёта и не направил события в нужном направлении. История вообще слетела с рельсов. За девять с лишним лет я ни разу не замечал такой глубокой пропасти между поэмой и действительностью. Он что, правда уплывает? По всей видимости, парень настроен решительно.

А это значит, ахейцев ждёт великое поражение.

На рассвете крутобокие корабли заполыхают.

Троя выстоит.

Главным героем античного эпоса станет Гек-

тор, а не Ахилл.

«Одиссея», похоже, вообще не появится… Ну, или появится в сильно изменённом виде.

Всё будет не так.

Только из-за того, что настоящий Феникс остался не у дел? А может, боги сами нащупали слабое звено и решили вмешаться, прежде чем я до него доберусь? Этого мне не узнать. Ясно лишь одно: мой мудрый план переубедить Одиссея с Пелидом окончился полным провалом.

— Пойдём, старый Феникс. — Патрокл берёт меня за руку, будто ребёнка, и отводит в боковые покои просторного шатра, туда, где разложены мягкие подушки, устланные овечьими шкурами и тончайшими покрывалами изо льна. — Пора спать. Завтра будет новый день.

31
Иерусалим

Укрывшись в тени западной городской стены, троица смотрела на мощный голубой луч, отвесно уходящий в тёмное небо.

— Что это? — выдавил Харман.

— Мои друзья, — промолвила Сейви. — Девять тысяч сто четырнадцать человек старого образца. Все мои товарищи, унесённые Финальным факсом.

Мужчины тревожно переглянулись.

— Какие друзья? — осторожно произнёс Даэман. — Это просто свет.

Вечная Жидовка с трудом отвела жадный взор от ослепительного столба, что заливал голубоватым сиянием крыши древних домов и полуразрушенные стены, и печально улыбнулась:

— Вот этот яркий свет и есть *они*.

Пояснять слова она не стала, просто развернулась и повела спутников обратно, прочь от загадочного луча.

— «Посты» уверяли, что Финальный факс — лучший способ сохранить человечество, пока они

не приберутся на планете. — На узких переулках негромкий, размеренный говор Сейви отдавался гулким эхом. — Ведь как нам было сказано? Дескать, свернём ваши коды (а люди уже тогда являлись для ПЛ всего лишь кодами), заключим в непрерывную нейтринную петлю на десять тысяч лет, а сами аккуратно вычистим Землю.

— В каком смысле — вычистим? — вмешался Харман.

Путники проходили под внушительной аркой, больше похожей на тоннель, и Даэман едва разглядел на лице старухи скорбную усмешку.

— Под конец Потерянной Эпохи мир сошёл с ума. Особенно после Рубикона. А потом настали Окаянные Времена. Эрэнкашники, эти «вольные художники», вернули к жизни динозавров, кошмар-птиц, разные виды вымерших растений. Экологическая система планеты слетела с катушек, причём инфо— и ноосфера начали образовывать единый сплав — разумную активную логосферу, которая и вынудила постлюдей к поспешному бегству. Не доверяла она этим выскочкам. Сами виноваты: играли в игрушки с квантовой телепортацией, без зазрения совести открывали порталы куда ни попадя, распахивали двери, которые лучше было не трогать.

Харман остановился посреди широкой улицы, куда друзья только что вышли.

— Может, хоть что-нибудь растолкуешь нам, Сейви? Мы даже трети не понимаем из твоей болтовни.

— Неудивительно, — процедила старуха. — Чтобы понимать, нужно иметь историю, науку, литературу, в конце концов.

— У нас есть книги, — обиделся девяностодевятилетний.

Еврейка горько хохотнула.

— Погодите, а при чём здесь динозавры, ноосферы? — встрял Даэман. — Мы-то говорили о синем луче.

Сейви присела на каменную ограду. Налетевший ветер засвистел над обвалившимися крышами. Холодало.

— Мы якобы мешали им заняться уборкой, — повторила женщина. — Ах, как удобно! Нейтринный торус — без массы, без шума, без пыли. Десять тысяч лет — и планета как новенькая. Мол, вы и глазом не успеете моргнуть. Так они говорили.

— Но тебя зачем-то оставили, — заметил Харман.

— Да уж.

— Может, случайно?

— Сомневаюсь. «Посты» редко допускали случайности. Полагаю, у них была какая-то цель. Хотя бы наказать меня за то, что совала нос, куда не следовало. Копалась в прошлом, которое они предпочитали похоронить. Я ведь изучала историю. Историю культуры!

И старуха снова, без всякой видимой причины, залилась хриплым смехом.

— А почему нейтрино такие синие? — не сдавался собиратель бабочек.

— Ошибаешься, — фыркнула Вечная Жидовка. — Не думаю, чтобы у них имелся цвет… или красота. Каждое девятое ава над куполом появляется голубой луч. Вот я и прикинула: вряд ли его порождает машина. Сердцем чую, это и есть сохранённые коды моих не вернувшихся на Землю собратьев. Скорее всего раз в год планета занимает такое положение на орбите, что свет можно увидеть. С помощью определённого устройства.

— Десять тысяч лет, — произнёс Харман. — А по твоим словам, со дня Финального факса прошло не более четырнадцати веков.

Сейви утомлённо кивнула:

— Да. И на Земле с тех пор не стало чище, вы не находите?

Она поднялась, подхватила заплечный мешок

и двинулась дальше, но вдруг замерла будто вкопанная. В соседнем арочном проёме возникла до боли знакомая фигура.

— Войникс! — обрадовался Даэман. — Теперь не надо шагать к соньеру — закажем одноколку и…

Существо резко втянуло манипуляторы, с тихим щелчком обнажило блестящие лезвия — и ринулось в наступление. Закованная в железо и затянутая в кожу фигура пользовалась при беге всеми четырьмя конечностями, напоминая мерзкого паука.

Молодой коллекционер, оказавшийся первым на пути спятившей твари, остолбенел от ужаса, однако та мчалась мимо, избрав для себя иную жертву — Сейви.

Вечернюю тишину растерзал грохот.

РРРРРАААА333СССССС!

Как будто по булыжной мостовой протащили деревянные вёсла.

Ближайшая стена брызнула фонтаном обломков штукатурки. Войникс отшатнулся и рухнул на дорожные камни. Еврейка выступила вперёд, прицелилась из пистолета и ещё раз выстрелила.

Панцирь и стальной капюшон существа изрешетили дюжины дробинок; правая рука словно

замахнулась на людей. Новый удар оторвал её от тела и отбросил во мрак. Собрав последние силы, войникс поднялся на ноги; уцелевшее лезвие по-прежнему грозно вращалось.

Старуха нажала спусковой крючок. На сей раз тварь почти разодрало пополам. По улице и стенам домов расплескалась молочно-голубая жидкость. Изувеченный противник повалился, содрогнулся всем телом и замер.

Мужчины опасливо приблизились к поверженному существу, стараясь обходить блёклые синеватые лужицы. Надо же: второй уничтоженный на их глазах войникс — и это за два дня!

— Идём, — напомнила Вечная Жидовка, заменив обойму. — Неровен час, нагрянут остальные. Выбираемся отсюда, пока не поздно.

С улицы друзья свернули в проулок, потом протиснулись в какую-то щель между домами, которую и проулком-то не назовёшь, очутились на просторном и пыльном дворе, откуда, нырнув под каменную арку, вышли во дворик поменьше.

— Быстрее, — шёпотом выдохнула Сейви.

Внешние ступени одного из домов вывели беглецов на кровлю заброшенной террасы, укрытую дюнами вековой пыли; у стены между разбитых

окон стояла подгнившая деревянная лестница. По ней друзья выбрались на крышу.

— Зачем это нужно? — прошипел Харман, очутившись на холодном ветру. — Мы же хотели бежать к соньеру!

— Я его вызову сюда, — ответила Вечная Жидовка.

Присев почти на краю, она включила общую сеть и осторожно прикрыла мерцающий экран свободной ладонью. Девяностодевятилетний спутник опустился рядом.

Собиратель бабочек остался стоять. Приятно было освежиться после душных переулков да нагретых за день мостовых. И к тому же сверху открывался довольно занятный вид. По правую руку взмывал к небесам гигантский луч, заливая бледным сиянием улицы, арки, купола и крыши города, лишённого собственных огней. Над головой высыпали первые звёзды.

Ещё по дороге Сейви поведала спутникам название обнесённого стенами холма, откуда теперь вырывался яркий столб света, — *Харам-эш-Шариф*, или Храмовая Гора. Купольные постройки у подножия Третьего Храма оказались мечетями — Омара и Аль-Акса.

Внезапно пронзительный, усиленный микро-

фонами крик раздался в ночи:

— *Итбах-аль-Яхуд!*

Звуки доносились откуда-то позади, отзываясь резким эхом в лабиринте переулков, которые отделяли путешественников от соньера.

— *Итбах-аль-Яхуд!*

Старуха встрепенулась.

— Это ещё что? — с присвистом зашептал Харман. — Войниксы не разговаривают!

— Верно, — сказала Вечная Жидовка. — Вы слышите старинный призыв к молитве. Здесь в каждой мечети установлены автоматизированные муэдзины.

— *Итбах-аль-Яхуд!* — Визгливый, назойливый голос продолжал оглашать окрестности Иерусалима. — *Аль-джихад! Итбах-аль-Яхуд!*

— Проклятие! — Сейви посмотрела на экран у запястья. — Вот почему дистанционное управление не работает.

— А что?

Мужчины придвинулись к ней и вгляделись в мерцающее изображение. Зеленоватая картинка ночного видения показывала место высадки — каменистую долину, западную стену и соньер, окружённый сворой войниксов. Твари всей своей тяжестью кидались на летучий диск, колотили

по нему булыжниками, нагромождали сверху громадную кучу камней.

— Они повредили защитное поле, — прошептала старуха. — Соньер не прилетит за нами.

— *Аллаху Акбар!* — вопил город на все голоса. — *Итбах-аль-Яхуд! Итбах-аль-Яхуд!*

Забравшись на вершину крыши, троица огляделась. На мгновение кузену Ады почудилось, будто улицы содрогаются, дробятся, рушатся в отражённом голубом блеске. Да нет же, дошло до него, просто в Иерусалиме невиданное нашествие тараканов, а может, пауков. Полчища насекомых наводнили мостовые, купола, крыши, яростно устремляясь на свет. Или… Постойте-ка! Даэман прикинул расстояние. Если отсюда твари кажутся такими мелкими, то на самом деле это… войниксы?!

— *Итбах-аль-Яхуд!* — надрывались повсюду механические глотки. Храмовая Гора гулко отзывалась на клич, ничуть не приуменьшая его резкой въедливости.

— Что они хоть орут-то? — поморщился коллекционер.

Сейви неотрывно смотрела на многотысячные волны «насекомых», облитые холодным пламенем луча. Они зловеще надвигались на путников

по крышам и узким, кривым переулкам. Вот уже враги совсем близко, в паре кварталов. Вот уже до ушей доносится скрежет лезвий о черепицу и топот жёстких манипуляторов по булыжной дороге…

Старуха медленно повернулась к спутникам — ещё никогда её лицо не выглядело таким уставшим от этого мира.

— *Итбах-аль-Яхуд,* — вполголоса повторила она. — *Смерть евреям.*

32
Ставка Ахилла

Придётся убить Патрокла.

Эта мысль приходит, точно шёпот, откуда-то извне, в тихой ночи, когда я лежу без сна в мирмидонском лагере, в ставке Пелида, упакованный в дряхлую плоть Феникса.

Патрокла придётся убить.

Я ещё никогда никого не умерщвлял. Господи боже, в колледже я выступал против бойни во Вьетнаме; даже нашу собаку — семейную любимицу — усыплять отвозила жена; профессор Хокенберри слыл отъявленным пацифистом всю свою учёную жизнь. Боже, *да я руки ни на кого не поднимал!*

И всё же убить Патрокла придётся.

Это единственный выход. А я-то надеялся уломать вояк при помощи риторики; думал, что правильные слова убедят мужегубителя пойти на встречу с Гектором, подписать мирный договор, зарыть топор войны…

Ага, если только с размаху — и в твой череп, болван.

Желание Ахилла променять бесконечную славу на долгую жизнь, полную удовольствий, способное поразить воображение любого схолиаста, на поверку оказывается вполне логичным. Для Пелеева сына честь по-прежнему дороже всего, вопрос в том — какая? Порешить Приамида и пасть от его руки? Нет уж, увольте. Многоумный Одиссей, этот совершенный оратор, не жалея красок, расписывал почёт, которым покроется быстроногий после смерти в глазах современников и бесчисленных грядущих поколений. Однако Лаэртид не учёл самой малости: Ахиллеса не интересует чужое признание. Он должен быть героем в собственных глазах. После публично нанесённого оскорбления воин перестал видеть что-либо героическое в том, чтобы сражаться с врагами Агамемнона и Менелая, а тем более умереть ради их блага. Поэтому Пелид скорее отплывёт к родным берегам и доживёт свои годы, как заурядный смертный, навеки лишившись возможности войти в плеяду прославленных витязей истории за двадцать веков до принца Хэла и Азенкура, чем поступится хотя бы крупинкой собственной чести на кровавых долинах Илиона.

Теперь-то я понял. Где были раньше мои глаза?

Если уж Одиссей не повернул ход его мыслей — *Одиссей,* «советами равный Зевесу», — с чего я взял, что Фениксу это под силу? Вот ведь глупец. Ослеплённый авторитетом Гомера, но всё равно глупец.

Придётся убить Патрокла.

Вскоре после ухода послов, когда были погашены факелы и жаровни в «гостевых» покоях ставки, я услышал, как в шатёр привели девиц на потеху Патроклу и Ахиллесу. Этих наложниц я раньше не видел, зато знал их имена: в «Илиаде» нет анонимных персонажей. Подружку Пелида звали Диомеда, дочь Форбаса, она выросла на острове Лесбос, однако лесбиянкой не являлась. Живая игрушка Патрокла носила имя Ифиса. (Используй я подобные словечки на лекции в Индианском университете, полиция нравов быстренько вышибла бы меня на улицу. Только хоть режьте, не могу я величать этих хихикающих секс-кукол «женщинами».) Я чуть не расхохотался во весь голос, когда впервые разглядел обе парочки сквозь щель между складками занавески. Рослый, белокурый Ахилл, с его фигурой, напоминающей статую, и мускулами легкоатлета, выбрал себе полногрудую чернявую малышку, в то время как низкорослый брюнет

Патрокл позарился на высокую, точёную блондинку с плоским бюстом. Примерно с полчаса из соседней комнаты доносился тоненький девичий смех и сальные мужские шутки, затем все четверо начали стонать и кричать кто во что горазд. Парней явно не стесняло присутствие друг друга во время соития, они даже обменивались комментариями, что называется, прямо на ходу. Нет, ну, конечно… на свете бывает и не такое, вспомнить хотя бы Блумингтон, штат Индиана, странствующих коммивояжёров или братьев-масонов на загородном пикнике. Но чтобы эти благородные герои эпохи античности?..

Варварство.

Потом девицы ушли, всё так же глупо хихикая, и в ставке воцарилась тишина. Лишь охранники приглушённо переговаривались у входа да потрескивало пламя в факелах. И ещё этот жуткий храп из-за тонкой занавески. Я вроде не слышал, чтобы Менетид покидал покои, следовательно, или у него, или у многосветлого Пелида серьёзные проблемы с нёбной занавеской.

А я лежу в полумраке, размышляя, как быть дальше. Хотя нет, сперва меняю тело старика — плевать на последствия! — на своё, родное, и тогда уже принимаюсь размышлять.

Ладонь осторожно сжимает квит-медальон. Можно бы снова улететь к Елене — мне достоверно известно, что Парис бодрствует за мили от городской стены, нетерпеливо дожидаясь вместе с Гектором рассветной резни и пожарищ. Пожалуй, красавица будет рада меня видеть. Впрочем, вдруг её больше не забавляет необычный ночной гость по имени Хокенберри, — как странно, что кому-то ещё, кроме схолиастов и Музы, известно моё имя! — Елена вызовет стражу, и дело с концом. Хотя и я ведь всегда могу квитироваться…

Интересно, куда?

Ну… А если забыть безумные грёзы, явиться на Олимп с повинной, покаяться перед хозяйкой, перед Афродитой (когда её выудят из бака), кинуться в ноги Зевсу?

Очень смешно, Хокенбеби. Так они тебя и простили. Вора, который похитил Шлем Аида, квит-медальон, всё снаряжение схолиаста и нагло использовал дары бессмертных в личных целях; беглого слугу Музы, а главное — того, кто угнал летучую колесницу и покушался на жизнь богини?! В лучшем случае смерть наступит мгновенно, и меня не вывернут, скажем, наизнанку, или не зашвырнут в кромешную бездну Тартара, где жалкого преступника заживо сожрёт свире-

пый Крон со товарищи.

Нет уж, дорогой, что посеял, то и расхлёбывай. Или как там правильно? Сказано — сделано. Любишь славу — люби и кишки выпускать. Лучше жить стоя, чем умереть на коленях… Пока я подыскиваю приличную случаю поговорку, свыше нисходит озарение. Грубое, совсем не литературное, но зато в точку.

Или ты сейчас же что-нибудь придумаешь, или утонешь в дерьме.

* * *

Потолковать по душам с Одиссеем?

Вот он, истинный ответ. Лаэртид — человек здравомыслящий, культурный и к тому же мудрый стратег. Мне ничего не стоит убедить его, что война с троянцами — недостойное занятие. Зато мятеж против чересчур-каких-то-человекоподобных Олимпийцев… Знаете, а ведь я всегда с большим удовольствием преподавал «Одиссею». Чувствительность Фицджеральда в переводе этой поэмы гораздо ближе простым людям, чем ярая воинственность Мандельбаума, Латтимора и даже Поупа в лучших местах «Илиады». Я просто сглупил, полагая найти поворотную точку здесь, под сенью Ахиллова шатра. Пелид — не

тот парень, к которому стоило бы взывать этой ночью. Одиссей, сын Лаэрта, — вот кто, несомненно, оценит мои неотразимые доводы и логику мирного сосуществования.

Решено. Я поднимаюсь с ложа и протягиваю руку к медальону, собираясь на поиски героя… От последнего шага схолиаста Хокенберри удерживает одна мелочь. Я знаю, *что* сейчас происходит. Не здесь, за мили отсюда.

Атридам тоже не спится. Около часа назад старший из царственных братьев пригласил к себе Нестора, посоветоваться насчёт того, как отвратить от огромного воинства неминуемую беду. Старец предложил устроить военный совет. В ставку тут же вызвали Диомеда, Одиссея, Малого Аякса и ещё несколько предводителей. Как только все собрались, пилосец надоумил послать самых отважных на разведку, дабы разузнать намерения божественного Гектора. Возможно, Приамид насытился кровью и славой и вернулся обратно в город, отложив кровопролитие хотя бы на полдня?

Затея понравилась; соглядатаями выбрали Диомеда и Лаэртида. Правда, героев спешно подняли прямо с постелей, так что они явились без доспехов и оружия. Но ради такого дела с храб-

рыми ахейцами поделились. Тидид, укутанный до пят в рыжую шкуру исполинского льва, получил крепкий шлем из бычьей кожи; Одиссею же достался знаменитый микенский шлем из вепря, утыканный снаружи белыми клыками. В общем, выглядеть они должны внушительно.

Квитироваться, что ли, на совет и посмотреть?

А зачем? Лазутчики скорее всего уже отправились на миссию. Это если Гомер не ошибся. Или не солгал, как в случае с Фениксом. И потом, у меня других забот по горло. Я ведь больше не схолиаст. Простой человек, который хочет уцелеть, а заодно покончить с войной… А лучше всего — повернуть её в иное русло!

Тем не менее сегодня случится ещё кое-что, и при этой мысли в моих жилах леденеет кровь. Как только друзья выберутся из стана, навстречу им попадётся Долон — тот самый пехотинец, чьё тело я позаимствовал пару дней назад, сопровождая Гектора к дому Елены и Париса. Богатый сын троянца Эвмена послан Приамидом шпионить за ахейцами. Непригожий, но резвый ногами Долон, облачённый в косматую волчью шкуру и хоревый шлем, опасливо пробирается по тёмному полю, усеянному свежими трупами, к переправе через ров. Зоркие глаза Лаэртида издали замеча-

ют лазутчика. Товарищи залегают в засаду среди мертвецов, подпускают Эвменида поближе, затем нападают врасплох и разоружают бедолагу.

Троянец молит о пощаде. Одиссей заверит его (если уже не заверил), что, дескать, «гибель от нашей руки — последнее, чего тебе стоит опасаться», а после аккуратно прощупает парня на предмет важной стратегической информации касательно размещения вражеских ратей и их союзников.

Долон выкладывает то, что ему известно: где разбиты лагеря беззаботно спящих этой ночью кариан, пеонов, лелегов, кавконов, где почивают славные пеласги, а также верные, бесстрастные ликийцы и мизы, гордые как индюки, выдаёт расположение ратей знаменитых фригийских коневорцев и меонских колесничников, — словом, рассказывает всё. И снова, стуча зубами от ужаса, в слезах молит сохранить ему жизнь. Предлагает даже остаться в заложниках, пока герои не наведаются в неприятельский стан и не убедятся, правду ли от него услышали.

Лаэртид отечески улыбнётся (или уже улыбнулся?) и похлопает по плечу бледного, трясущегося Эвменида. Потом сорвёт с «языка» верхнюю одежду, отберёт копьё с кривым луком, спокойно

объясняя, что так полагается обращаться с пленными, — и тогда уже Диомед рассечёт парню шею одним безумным взмахом острого ножа. Отрубленная голова запрыгает по песку, продолжая взывать к состраданию.

Тем временем Одиссей вознесёт к беззвёздным небесам тяжёлую пику Долона, его шапку и седую волчью шкуру, восклицая:

— Радуйся, богиня Афина Паллада! Это твоё! Теперь проводи же нас в лагерь фракийцев! Помоги зарезать как можно больше мужей и увести их скакунов! Лучшая часть добычи — снова тебе, клянусь!..

Дикари. Я окружён дикарями. Даже боги у них — варвары.

Нет, к сыну Лаэрта я сегодня не пойду. Это уж точно.

Но вы спросите, при чём здесь Патрокл?

Да ведь я был прав с самого начала: Ахилл — это ключ. Та необходимая чувствительная точка, которая поможет сдвинуть с оси колесо Фортуны, как человеческой, так и вершащей судьбы бессмертных.

Могу поспорить, Пелид и не подумает сниматься с якоря, едва младая Эос встанет из мрака с пурпурными перстами. Нет, шалишь. Он оста-

нется, прямо по сюжету, чтобы насладиться страданиями своих собратьев. «Теперь-то, надеюсь, ахейцы приползут к моим ногам», — заявит герой в ужасную минуту, когда все великие военачальники, вплоть до Атридов, Диомеда и Одиссея, будут стенать от ран. И это после того, как Ахилла умоляли вернуться. Упоительное злорадство быстроногого прекратится только с гибелью Патрокла, звонко храпящего сейчас за тонкой занавеской.

Так вот, изменить ход истории может одно: сын Менетия должен умереть *сейчас*.

Встав с роскошного ложа, быстро проверяю, что у меня есть. Короткий меч — ерунда, это чтобы не выделяться из толпы, дурацкая железка даже не заточена. Для настоящей защиты Муза всегда выдавала нам почти невесомые противоударные доспехи, достаточно прочные, дабы остановить клинок, случайную пику или стрелу (по крайней мере нас уверяли в этом, однако у меня не было случая проверить) и тазер, встроенный в конец тросточки остронаправленного микрофона, с которым не расстаётся ни один схолиаст. Оружие мощностью пятьдесят тысяч вольт способно оглушить нападающего, пока учёный беспрепятственно доберётся до ближайшего квит-портала.

Прочее матобеспечение включает в себя линзы интенсивного видения, фильтры, усиливающие слух, краденый Шлем Аида в виде капюшона, что болтается за плечами, квит-медальон на цепочке и тонкий вибрас на запястье.

Внезапно в моём утомлённом разуме начинает созревать новый замысел.

Действовать надо сейчас же. Пока я не растерял мужество. Натягиваю кожаный капюшон-невидимку (ни дать ни взять Фродо, Бильбо или, на худой конец, Горлум, нацепивший Кольцо Всевластия) и на цыпочках выхожу из покоев Феникса в спальные чертоги хозяев шатра.

Наложницы давно удалились; обнажённые Пелид и Патрокл спят в обнимку, залитые сумеречным мерцанием. Я даже застываю на месте.

Это что же, Ахиллес — «голубой»? Выходит, младший преподаватель с нашей кафедры, которого вечно высмеивали за одержимость однополой любовью, был прав? И все его выспренние разглагольствования о политкорректности — не ложь, не ошибка?

Чушь какая. Не забивай голову, Хокенберри. Твоя Индиана появится через три тысячи лет, и ты понятия не имеешь о том, что видишь. Парни вдоволь нагулялись, устали, вот и повалились где

попало. И потом, кому вообще интересна личная жизнь античных воинов?

Включаю вибрас и просматриваю скан, выполненный пару дней назад в Великом Зале Собраний. Интересно, получится? Прочие схолиасты непременно подняли бы мою затею на смех.

Волны вероятности смещаются в недоступных моему восприятию квантовых сферах. Воздух вокруг содрогается, замирает и вновь подёргивается рябью. Осторожно снимаю капюшон. И обретаю облик.

Облик Афины Паллады, Тритогенеи, Третьерожденной из бессмертных, Дщери Зевса, Заступницы ахейцев. Гордо выпрямившись во все свои девять футов, излучая собственное сияние, приближаюсь к ложу героев. Друзья разом просыпаются.

Новое тело неустойчиво, каждый атом так и норовит сорваться с катушек. Вибрас не рассчитан на то, чтобы превращать кратковечных в Олимпийцев. Позвоночник опасно гудит, будто натянутая струна арфы, готовая лопнуть. Значит, время дорого. С трудом, но всё же отмахиваюсь от непривычных ощущений: подумать только, у меня вагина и грудь, я — богиня!

И всё-таки форма слишком нестабильна. Да и

силой Афины я не завладел — одной оболочкой, и то на секунды. А что потом? Ядерная реакция, полное расплавление? Поспеши, Тритогенея!

— Встать, Ахиллес! Подъём!

Быстроногий мужеубийца скатывается с подушек на пол и кое-как поднимается.

— Богиня! Что привело тебя в глухую полночь под этот кров, о дочь Громовержца?

Менетид следует примеру товарища, потирая глаза. Обнажённые тела мужчин затмевают красотой любую из будущих статуй героев. Меж мускулистых, бронзовых от загара бёдер качаются ничем не прикрытые пенисы.

— МОЛЧАТЬ! — реву я сверхмощным, сверхчеловеческим голосом Афины.

Уверен, что перебудил всех в огромном шатре. Стража, наверное, уже забила тревогу. У меня меньше минуты. Словно подтверждая эту невесёлую мысль, блистающая длань богини сменяется бледной, волосатой рукой профессора Хокенберри, однако молниеносно возвращает себе прежний вид. Ахилл смущённо уставился в пол и ничего не замечает. Зато глаза Патрокла приобретают размер чайных блюдец.

— О госпожа, если я чем-то обидел тебя… — Пелид несмело поднимает взгляд, но не голову.

— ЗАТКНИСЬ!!! — ору я. — РАЗВЕ В СИЛАХ МУРАВЕЙ, КОПОШАШИЙСЯ В ГРЯЗИ, ОБИДЕТЬ ЧЕЛОВЕКА? ИЛИ МЕРЗКАЯ, НИЧТОЖНАЯ КРЕВЕТКА НА ДНЕ МОРЯ МОЖЕТ ОСКОРБИТЬ РЫБАКА, МЫСЛИ КОТОРОГО ЗАНЯТЫ ДРУГИМ?

— Муравей? — растерянно повторяет Ахилл, надув идеальные губы, как малый ребёнок.

— ВСЕ ВЫ МУРАВЬИ ПО СРАВНЕНИЮ С НАМИ! И ДАЖЕ МЕНЬШЕ! — Я делаю шаг вперёд, и мой мерцающий свет озаряет их лица каким-то радиоактивным излучением. — ЗНАЙ ЖЕ, ЧТО ВАШИ СМЕРТИ ЗАБАВЛЯЛИ НАС, О СЫН ПЕЛЕЯ И НЕДОРАЗВИТЫЙ ОТПРЫСК ФЕТИДЫ!

— Недоразвитый отпрыск? — Щёки Пелида заливает краска. — Госпожа, чем же я…

— МОЛЧАТЬ, МАЛОДУШНЫЙ! — Рёв усиливается настолько, что оскорбление слышат в ставке Агамемнона, примерно за милю отсюда. — ЧИХАЛИ МЫ НА ВАС! НА ЛЮБОГО ИЗ КРАТКОВЕЧНЫХ! ВАШИ ВОЙНЫ — ТОЛЬКО ИГРА, ЗАБАВА ДЛЯ БЕССМЕРТНЫХ! А РОБОСТЬ НАМ НАДОЕДАЕТ, ТЫ ПОНЯЛ, *БЫСТРОНОГИЙ*? — Моя глумливая усмешка превращает поэтический эпитет в уничижительную брань.

Герой сжимает кулаки, словно готовясь броситься на врага.

— Богиня… Афина Паллада, надёжа ахейцев… Я всегда возносил тебе лучшие жертвы…

— ОЛИМПУ НЕ НУЖНЫ ПРИНОШЕНИЯ ТРУСА! — громыхаю я, ощущая, как вероятностная волна подлинной богини исступлённо рвётся обратно. Остаются считанные мгновения. — ОТНЫНЕ МЫ САМИ БЕРЁМ ВСЁ, ЧТО ПОЖЕЛАЕМ!

Поддельная Афина простирает руку к Менетиду; тросточка-тазер умело припрятана в складках хитона, палец ложится на спусковую кнопку.

— ЗАХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬ ОСТАНКИ ДРУЖКА, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ К НАМ НА ВЕРШИНУ! ПОПРОБУЙ-КА СУНЬСЯ, ЗАЯЧЬЯ ДУШОНКА!

Я целюсь в середину бронзовой, лишённой растительности груди Патрокла и наношу сокрушительный удар в пятьдесят тысяч вольт.

Будто поражённый молнией, парень хватается за сердце, содрогаясь, словно в припадке, и с душераздирающим криком валится ниц. В воздухе резко пахнет мочой.

Нагой, ошарашенный происходящим Ахиллес бешено выпучивает глаза, сжимает и разжимает кулаки, однако по-прежнему не двигается с места. Не дожидаясь, пока он опомнится, я в образе Афины склоняюсь вперёд, поднимаю безжизненного с виду Патрокла за волосы и грубо тащу вон

из палатки.

Очнувшись, Пелид со страшным воплем хватает с кресла ножны и молниеносно извлекает клинок.

Но я уже выволок обмякшее тело на улицу. Взятая напрокат плоть богини расползается по швам и покрывается частыми полосками помех, как изображение на плохом телевизоре. Нащупываю на шее медальон: пора уносить ноги вместе с жертвой.

33
Иерусалим и Средиземный Бассейн

Троица странников спешно покинула крышу и углубилась в один из тесных проулков. Звёздного света и голубого сияния от нейтринного луча, пылающего на Храмовой Горе, еле хватило, чтобы на бегу не врезаться в стену и не свалиться в колодец. Дверные проёмы и пустые окна заполняла непроглядная тьма. Даэман быстро отстал и начал задыхаться. Ни разу, даже в раннем детстве, не приходилось ему гоняться по улицам. С какой стати? Что за бессмысленное занятие?

Сотни и сотни смертоносных клинков, надвигаясь, царапали камни мостовой и плоские крыши в одном квартале позади.

— *Итбах-аль-Яхуд!* — скрежетали громкоговорители, которые Сейви нарекла муэдзинами.

Из тесного неосвещённого переулка друзья выбежали в какой-то прогал, усеянный тускло блестящими человеческими скелетами, а оттуда нырнули в совсем уж кромешный мрак внутреннего дворика. Гулкий топот и скрежет лезвий неумолимо приближались.

— *Итбах-аль-Яхуд!* — всё назойливей громыхало в ушах.

«Еврейка здесь только Сейви, что бы это ни значило, — мелькнуло в голове собирателя бабочек. — Если её оставить, то и нас не тронут. Наверное, даже помогут вернуться домой. Пускай сама выкручивается! Нам-то чего ради лезть в петлю?»

Тем временем Харман, тяжело дыша, пересёк дворик вслед за старухой и проскочил под низенькую арку обветшалого строения.

«Ну, раз он так хочет, — подумалось Даэману, — я могу и один…»

Он перешёл на шаг и остановился посреди пыльной мостовой. Недавний именинник замер в чёрном проёме и помахал товарищу: догоняй! Молодой мужчина обернулся на мерзкий звук (точно сухие кости сыпятся на камни) и разглядел при свете голубого луча первую дюжину войниксов, наводнивших дорогу.

Неведомый доселе страх сковал душу коллекционера. Один?! Нет, один он не сможет! Всё что угодно, только не это! И собиратель бабочек рванулся вперёд.

Троица устремилась вниз по лестнице, сужающейся и дряхлеющей прямо-таки на глазах.

Четырьмя пролётами ниже, когда последний отражённый свет улицы померк во влажном сумраке, Вечная Жидовка достала из мешка фонарь. Тонкий луч прорезал темноту, и сердце Даэмана снова ухнуло в пятки: тесный коридор упирался в глухую стену.

— Скорее! — шепнула старуха.

Отведя рукой кусок неприметной дерюги, она ловко скользнула в какую-то нору. Харман без раздумий нырнул следом. Внутри, словно в колодце, загуляло эхо.

Даэман с сомнением присмотрелся к дыре: поместится ли он там? Где-то далеко над головой слышался металлический скрежет, однако ступени молчали. Во всяком случае, пока.

Мужчина просунулся вовнутрь. Под ним разверзлась чёрная дыра фута в четыре в поперечнике. Руки отчаянно молотили по воздуху, покуда не наткнулись на железные скобы в стене. Кузен Ады хмыкнул, протиснул в отверстие упитанный живот и бёдра. Шершавая штукатурка оцарапала кожу. Ноги заболтались в пустоте, наконец нашли опору, и Даэман принялся спускаться вслед за товарищами, голоса которых приглушённо звучали внизу.

Пальцы и подошвы неуверенно скользили по

холодному железу. Сейви продолжала перешёптываться с Харманом. Неожиданно в лицо ударил свежий ветер, скобы кончились, и мужчине пришлось прыгать. Пролетев четыре или пять футов, он жёстко приземлился на кирпичный пол. Девяностодевятилетний путешественник подхватил друга, не дав тому упасть. Светлый круг от фонарика еврейки скользил по стенам округлого каменного тоннеля.

— Сюда. — Старуха махнула рукой и кинулась бежать, пригибаясь под неудобным потолком.

Товарищи опасливо двинулись за ней. Щербины в неровном полу заставляли смотреть не столько под ноги, сколько на луч, горящий во тьме.

Впереди показалась развилка. Сейви сверилась с напульсной функцией и повернула налево.

— Почему я не слышу войниксов? — осведомился Харман, вынужденный из-за своего роста склоняться больше других.

— Они наверху, — откликнулась еврейка. — Преследуют нас по улицам.

— Общая сеть? — понимающе кивнул Даэман.

— Угадал.

Недавний именинник недоумённо покосился на товарища, но промолчал. У следующего раз-

ветвления старуха выбрала средний тоннель; теперь уже склоняли шеи все трое. Вскоре Сейви остановилась, чтобы слегка отдышаться. Лицо её в тусклом пятне фонарного света поражало мертвенной бледностью.

— Вообще-то войниксы бегут за *вами*, — сообщила она, вглядываясь в лица спутников.

— А разве не за тобой? — растерялся собиратель бабочек.

Старуха покачала головой:

— Они даже не догадываются, что я здесь. Мои данные сети не воспринимают. А вот вы, нарушители границ, у них как на ладони. Ближайший факс-узел, если не ошибаюсь, находится в Мантуе, пешком оттуда не добраться.

— Куда же мы теперь? — тихо промолвил Харман. — К соньеру?

— Ни в коем случае. — Сейви снова тряхнула седыми волосами, слипшимися от пота и влажного воздуха. — Во-первых, эти тоннели не ведут в Старый город. И потом, наверняка войниксы распатронили диск до неузнаваемости. Нет, сейчас мы ищем вездеход.

— Не понял? — переспросил молодой мужчина.

Однако еврейка уже устремилась дальше. Ещё

через сотню шагов коридор сузился, затем превратился в лестницу, и наконец путь преградила стена. Сердце Даэмана отчаянно заколотилось.

— Что же делать? — Он беспомощно отшатнулся от света и напряжённо вслушался. — Что делать-то? Делать-то что?

— Лезь.

Кузен Ады обернулся и увидел, как Харман подсаживает Сейви куда-то наверх, в новую, ещё более тесную дыру. В тоннеле опять потемнело: старуха забрала с собой лампочку.

Девяностодевятилетний путешественник подпрыгнул, пытаясь поймать нижнюю скобу, промахнулся, сдавленно выругался, прыгнул снова, зацепился и скрылся в отверстии. Собиратель бабочек с трудом разглядел руку товарища, простёртую к нему сверху.

— Давай, Даэман. Не тяни резину. Войниксы, наверное, поджидают снаружи.

— А чего тогда лезть?

— Давай же! — Харман обхватил его запястье и рывком втащил за собой.

Войниксы проломили стену в тот миг, когда троица поспешно вскарабкивалась на вездеход.

Машина-исполин занимала большую часть сооружения, в котором, по словам Сейви, некогда

размещалась церковь. Выбравшись из подвала, Даэман замер на месте, не веря тому, что предстало его глазам при мечущемся свете фонаря.

Вездеход возвышался над людьми гигантским пауком: шесть двенадцатифутовых колёс на тонких распорках и сферическая кабина, белеющая посередине, словно яйцо в паутине.

В дверь начали колотить ещё до того, как старуха залезла в машину по невесомой металлической лесенке.

— Торопитесь! — прикрикнула еврейка, забыв осторожный шёпот.

Ох и любит же она командовать без необходимости, заметил про себя собиратель бабочек, в который раз оказавшийся третьим на очереди. Заколоченное окно в шестидесяти футах над полом лопнуло, и пятеро войниксов устремились вниз по стене, впиваясь лезвиями в камень, точно заправские альпинисты. Безглазые ржавые купола на их панцирях, как один, неуклюже повернулись в направлении вездехода, вернее, людей, которые пытались оседлать его. Дальняя стена взорвалась фонтаном камней; ещё шесть тварей вошли через пролом, держась вертикально.

Сейви коснулась выцветшего красного круга на нижней стороне шара, набрала код на появив-

шемся жёлтом поле, и часть прозрачного шара со скрежетом отъехала в сторону. Троица полезла в кабину. Даэман едва успел втянуть ноги, когда первое существо ринулось к машине, поднимая клубы вековой пыли.

Мерцающая сфера сомкнулась. Друзья повалились на кожаные сиденья, причём Вечная Жидовка, разумеется, заняла переднее. Старуха провела рукой над ровным металлическим выступом у стены — и в воздухе мягко замерцала панель управления, гораздо более сложная, чем на соньере. Сейви принялась жать на какие-то кнопки.

— А если не заведётся? — выдохнул Харман.

Молодой спутник мысленно выдвинул его на первую премию за самый «удачный» риторический вопрос. Обезумевшие войниксы атаковали гусеничные колёса и подобно кузнечикам-великанам запрыгнули с них на стеклянный купол. Даэман содрогнулся и вжался в сиденье.

— Тогда нам конец, — ответила еврейка и дёрнула виртуальный рычаг вправо.

Мотор не взревел, и гироскопы не загудели; послышалось лишь тихое, почти дозвуковое жужжание. Темноту впереди прорезал свет фар, и возле панели управления возникло ещё несколь-

ко дисплеев.

Полдюжины тварей, царапавших лезвиями стеклянный купол и колотивших по нему со всей силы, внезапно соскользнули на пол, отброшенные на двадцать футов назад. Вскочив на ноги, они тут же повторили атаку, однако вновь попадали на пыльные камни, не в силах удержаться на шаре, где преспокойно висели минуту назад.

— Кто бы мог подумать, — пробормотала Сейви, не сводя взгляда с лампочек и символов, горящих на пультах управления. — Оказывается, силовое поле толщиной в микрон, которое лишает купол трения, чтобы наверху не скапливался снег, отлично справляется и с войниксами.

Даэман обернулся: злобные существа кидались на гусеничные колёса, стучали по ним, дёргали за распорки, пытались расшатать соединительные скобы.

— Едем, а? — сказал он.

— Сейчас. — Вечная Жидовка перевела контроллер в переднее положение.

Вездеход проломился сквозь древнюю стену, пролетел двенадцать футов, упал наземь и рванул вперёд. Проулок был слишком тесен, однако это не задержало гигантскую машину. Круша тысячелетние дома направо и налево, троица

выбралась на улицу Давида и поехала на запад, прочь от голубого луча, по-прежнему пронзающего небо.

Десятки войниксов бросились в погоню. Вездеходу удалось от них оторваться, хотя несколько тварей успели зацепиться за распорки и принялись чиркать по металлу когтями.

— Могут они навредить? — насупился Даэман.

— Почём я знаю, — откликнулась старуха. — Приближаемся к Яффским воротам. Пора избавляться от хвоста.

Машина с грохотом ударилась о своды чересчур низкой арки. Мощная тряска и осыпавшиеся камни старинной кладки помогли стряхнуть врагов, но из обломков восстала целая стая других и присоединилась к погоне. Покинув город, вездеход покатил вниз по усыпанному гравием склону туда, где друзья оставили соньер. Об исчезнувшем диске напоминал только высоченный курган из булыжников, по которому сновало сорок — пятьдесят войниксов. При виде противника они тут же хищно устремились наперерез. Сейви раздавила несколько тварей колёсами, увернулась от прочих… Впереди расстилалась древняя западная дорога.

— Машина что надо, — похвалил Харман.

— В конце Потерянной Эпохи их делали на совесть, — согласилась еврейка. — Нанотехнологии придавали почти полную несокрушимость.

Старуха надела на глаза линзы ночного видения и отключила фары. Собиратель бабочек поёжился, когда вездеход окружил полный мрак, а под огромными колёсами захрустели останки проржавевших повозок. Товарищи проехали через мост и с громыханием скатились в ложбину между холмами. Покосившись через плечо на угасающий столп голубого огня над Иерусалимом, молодой мужчина не сумел рассмотреть погоню, хотя не сомневался, что просто так войниксы не отстанут. Расстояние в тридцать миль до побережья бывшего Средиземного моря троица покрыла за десять минут.

— О, взгляните-ка, — сказала Сейви, замедляя ход. После чего сняла очки ночного видения и врубила фары на полную мощность.

Сотни войниксов построились клином у крутого спуска в пересохший бассейн.

— Поворачиваем? — выдавил девяностодевятилетний.

Старуха покачала головой и заметно прибавила скорости. Звук, с которым вездеход врезался в огромную стаю тварей, напомнил Даэману грохот

ночного града по крыше особняка в Уланбате, услышанный им пару лет назад. Только здесь стучали *очень* крупные градины.

— Держись! — крикнула еврейка.

Машина слетела с обрыва и совершила гигантский скачок, продлившийся не менее десяти секунд. Вот колёса-великаны достигли земли, замысловатые распорки смягчили удар, вездеход обрёл равновесие и продолжил путь, рассекая сумерки ослепительными конусами света. Кузен Ады не переставая бросал взоры назад, где чёрные силуэты уцелевших войниксов выстроились вдоль берега.

— Они что, больше не побегут за нами?

— В Бассейн? — хмыкнула Сейви. — Ни за что.

Она сбавила безумную скорость, нацепила ночные линзы и отключила фары. За миг до этого Даэман увидел ровную бурую колею посреди зеленеющих полей; над волнующейся пшеницей, овсом, льном и подсолнухами высились чёрные кресты, на которых извивались странные подобия нагих человеческих тел.

34
Побережье у Илиона. Индиана

Ахиллес бушевал и свирепствовал, потом разодрал руками плотную ткань шатра. Но Афина уже исчезла, а вместе с ней — тело его лучшего друга. При виде пустого пляжа мужеубийца лишился рассудка.

Охрана ворвалась в палатку. Обнажённый Пелид поднял первого стражника на руки и швырнул им во второго. Третий успел услышать громкие крики — а в следующий миг тоже закувыркался в воздухе, запутавшись в промасленной материи. Четвёртый уронил копьё и помчался будить мирмидонцев, крича, что их господин и предводитель одержим демоном.

Ахиллес сгрёб в охапку и завернул в простыню хитон, броню, щит, полированные поножи из бронзы, сандалии, пику, выбрался наружу, разрубив коротким мечом три перегородки и опрокинув посреди ставки большую пылающую жаровню, и опрометью кинулся прочь от стана, от людей — в ночную темноту, к божественной матери Фетиде.

Винно-чёрные волны с грохотом бились о берег. Здесь, вдали от костров, глаз различал лишь светлые клочья пены на каждом вздымающемся гребне. Пелид одиноко бродил вдоль кромки прибоя. Он был по-прежнему неодет: снаряжение и латы как попало лежали на сыром песке. Герой громко стенал и рвал на себе волосы, тоскливо взывая к матери.

И вняла его воплям дочь повелителя Нерея, Старика из Моря, — покинула солёные глубины, взошла из кипящей седой пучины, как облако. Лёгкий туман сгустился и принял очертания благородной богини. Ахилл кинулся к ней, словно обиженное дитя, и пал на одно колено. Фетида нежно прижала рыдающего воина к мокрой груди.

— Что ты льёшь слёзы, сын мой? Какая печаль посетила твоё сердце?

— Ты же знаешь, мам, — простонал он. — Должна знать! Не заставляй меня рассказывать!

— Я оставалась с отцом в зелёных безднах, — проворковала богиня, ласково гладя золотые локоны героя. — И смертные, и мы глубоко почиваем в столь поздний час. А что произошло? Поведай, дитя, не таись.

Пелид так и сделал. То всхлипывая от горя, то

задыхаясь от неслыханного гнева, поделился ужасной скорбью.

— Афина забрала его тело, мама! — безутешно расплакался он под конец. — Забрала тело! Не дала даже провести честного погребения!

Фетида похлопала Ахилла по плечу и сама разразилась слезами.

— Увы, сын мой, рождённый в горечи, обречённый не на весёлую долю! Зачем я взращивала семя, если Громовержец погубит его?

Ахиллес поднял лицо, по которому струились блестящие ручьи.

— Так это и вправду воля Зевса? А я надеялся, что Паллада была ненастоящая, что кто-то принял её образ…

— Нет, милый, — жалобно молвила дочь Нерея. — Хоть я и не видела всего своими глазами, однако ни на миг не сомневаюсь: Афина ворвалась этой ночью в шатёр, чтобы унизить и оскорбить тебя, а после отнять жизнь у Патрокла. О, как печален твой рок! Как недолог и полон бедствий, разрывающих юное сердце!

Герой вырвался из объятий матери и вскочил на ноги:

— За что, мама? Почему бессмертные гонят меня? Афина всегда была за нас, за аргивян, я ходил

у неё в любимчиках!

— Боги непостоянны, — покачала головой Фетида; вода продолжала капать с её длинных волос. — Если ты ещё не заметил.

Ахиллес принялся расхаживать, то сжимая кулаки, то рассекая воздух растопыренными пальцами.

— Это же бессмысленно. Мы зашли так далеко… Дочь Кронида и её божественный отец всегда выручали меня! Почему теперь?..

— Теперь они стыдятся тебя, сынок.

Мужеубийца окаменел на месте. Потом очень медленно повернул к матери посеревшее лицо. В глазах застыло выражение человека, получившего жестокую пощёчину.

— *Меня?* Быстроногого Ахилла, сына отважного Пелея и богини Фетиды? Стыдятся? Внука почтенного Эака?

— Да. Зевс и прочие презирают вас, людей. Даже героев. С вершины Олимпа люди кажутся мошками, проживающими крохотный, мучительный, неприглядный век лишь ради того, чтобы забавлять бессмертных кровавыми сценами. А ты засиделся в ставке, тогда как исход войны предрешён. Вот и прогневал третью дщерь Громовержца, а заодно и его самого.

— Но они убили Патрокла! — Пелид отшатнулся от матери. Следы его босых ног тут же смыло волной.

— Они уверены, что тебе не хватит духа отмстить за его гибель, — изрекла дочь Нерея. — Твоего друга бросят на растерзание воронам и стервятникам.

Герой взревел и упал на колени.

— Мать моя! — сокрушался он, загребая влажный песок горстями и бросая себе в обнажённую грудь. — И ты молчала? Знала, что Олимпу плевать на меня, а сама всю жизнь учила служить и поклоняться Зевсу? Почитать Афину?

— Я уповала на их милость, хотя бы к нашим несчастным кратковечным детям. И всё же холодное сердце владыки Кронида и воинственные замашки Тритогенеи одержали верх. Человечьи ристалища больше не тешат их. Вы больше не нужны, даже для забавы. Как и мы, немногие из богов, что восставали против вашего истребления.

Ахиллес подошёл ближе:

— Ты бессмертна, мама. Зевс не может причинить тебе зло.

Фетида невесело рассмеялась:

— Молниевержцу ничего не стоит убить лю-

бого, сынок. Даже Олимпийца. Хуже того, он способен заключить нас в адские бездны Тартара, где мучится его родной отец Крон и проливает слёзы его мать Рея.

— Значит, и над тобой нависла опасность, — безо всякого выражения сказал Пелид, покачиваясь, точно в стельку пьяный матрос на палубе в шторм.

— Я обречена, — тихо отозвалась богиня. — Ты тоже, сын мой. Если только не решишься на поступок, которого не совершал ни один из смертных, даже неуязвимый Геракл.

— О чём ты, мама? — Лицо Ахилла, совсем белое в сиянии звёзд, отражало страшную внутреннюю борьбу: отчаяние сменила ярость, а её — нечто высшее, нечто запредельное для самой ярости.

— Одолей богов, — шепнула Фетида, и ревущий прибой почти заглушил звук её голоса; Пелид шагнул ближе и недоверчиво склонил голову.

— Одолей богов, — повторила дочь Нерея. — Возьми Олимп силой. Умертви Афину. Свергни Зевса.

Ахиллес отшатнулся:

— Это же невозможно…

— В одиночку — нет, — кивнула мать; вокруг её ног бушевала седая пена. — Но если ты подни-

мешь своих отважных аргивян и воинственных ахейцев…

— Ахейцев, и аргивян, и всех дальноземных союзников ведёт Агамемнон, — горько усмехнулся сын Пелея, оглядываясь на костры, зажжённые на берегу, а потом на мощное зарево, пылающее за рвом. — Вдобавок их часы сочтены. С рассветом чёрные суда вспыхнут как дешёвые свечки.

— Ещё неизвестно, вспыхнут ли, — коварно улыбнулась Фетида. — Не забывай, бессмертные капризны… Знаешь, сегодня в полночь Атрид заявил перед Нестором, Одиссеем и прочими в своей ставке, что считает себя выше героя Ахилла — мудрее, отважнее, лучше! Докажи, как он ошибается. Покажи им всем. За *тобой* ахейцы и аргивяне пойдут хотя бы и на Олимп. Вместе вас не победить.

Пелид повернулся к богине спиной, разглядывая вдали высокие стены Илиона, озарённые факелами.

— Я не могу сражаться с богами и троянцами разом, — выдавил он.

Мать положила руку ему на плечо, заставив обернуться.

— Ты прав, мой быстроногий сын. Положи конец этой бессмысленной бойне, разгоревшей-

ся из-за гулящей бабы. Кому какое дело, в чьей постели почивает Елена и сколько ветвей на рогах высокомерного Атрида? Прекрати войну. Примирись с Гектором. У него свои причины ненавидеть богов этой ночью.

Ахиллес вскинул на неё изумлённый взгляд, однако Фетида не стала ничего объяснять. Герой снова посмотрел на огни далёкого города.

— Если так, я нынче же явлюсь на Олимп, убью злодейку Афину, низложу Громовержца и с почестями погребу Патрокла.

Отчаяние безумца и холодная решимость прозвучали в этих негромких словах.

— Я пошлю человека, который покажет тебе дорогу.

— Когда? — встрепенулся он.

— Сначала переговори с Гектором, заключи с троянцами союз и забери власть у спесивого Агамемнона.

Пелид заморгал от неслыханной дерзости её замысла:

— Отыскать Гектора? Мы же убьём друг друга…

— Я и на сей раз пошлю провожатого, — откликнулась Фетида и отступила назад.

Предрассветный прилив бурно плескал у её ног.

— Постой, мама! Мне…

— Я отхожу к Зевсу. Мой жребий уже не изменить. — Слабый шелест её голоса утонул в зловещем шипении волн. — В последний раз поспорю с волей Кронида, но знаю, что неудача и вечное изгнание станут моим уделом. Крепись, Ахиллес! Не бойся. Твоя судьба пока ещё в твоих руках. Выбор за тобой: ранняя смерть и лавры — или долгие мирные годы. Или жизнь вместе со славой, да, такое тоже возможно. И что за слава, сынок! Ни один кратковечный не мечтал о подобной! Отмсти за Патрокла.

— Мама…

— Боги тоже смертны, дитя моё. Боги… тоже… смертны.

Очертания Фетиды начали расплываться, таять и улетучились лёгкой дымкой.

Ахиллес продолжал стоять и глядеть на море. Он стоял и смотрел, покуда холодная заря не осияла дальний край небес. Тогда герой надел хитон, сандалии, доспехи, прикрепил узорные поножи, поднял исполинский щит, опустил клинок в длинные ножны на поясе, подобрал копьё и зашагал прямо в ставку Агамемнона.

Сразу после спектакля я буквально разваливаюсь на глазах. В течение всего разговора

видоизменяющий браслет жужжал на ухо противным искусственным голоском: «Осталось десять минут до отключения… Осталось шесть минут… Осталось…»

Вибрас почти «сел», и я понятия не имею, как его перезарядить. В запасе жалких три минуты, а нужно ещё навестить семью Гектора.

«Ты не сумеешь выкрасть младенца», — тихонько вякает внутри нечто вроде позабытой совести.

Что тут ответишь? «Должен».

Поздно идти на попятный. Я всё продумал. Патрокл был ключиком к сердцу Ахиллеса. Скамандрий и Андромаха откроют путь к душе Гектора. Только так.

Умел зачать, умей и родить.

Квитнувшись на золотые предвечерние холмы в те места, которые по-прежнему с надеждой называю Индианой, я не заметил и следа Найтенгельзера. Быстренько уронил на траву до сих пор не опомнившегося Патрокла. (Не сочтите гомофобом, но как-то не обвык носить на руках обнажённого мужчину.) Покричал в сторону берега и дремучего леса. Кейт не отозвался. Наверное, коренные американцы уже скальпировали его. Или приняли в племя. Впрочем, схолиаст

мог просто уйти за реку по грибы, по ягоды, по орехи…

Менетид застонал и пошевелился.

Нравственно ли покидать голого, ослабевшего человека в незнакомых краях? А если его задерёт медведь? Хотя вряд ли. Скорее сам Патрокл отыщет беднягу Найтенгельзера и расправится без жалости. Да-да, в подобной стычке я поставил бы на безоружного грека, а не на Кейта с его противоударными доспехами, тазером и кинжалом. Порядочно ли бросать обмочившегося героя на том же акре, где собирает ягоды миролюбивый академик?

Размышлять было некогда. Я ещё раз проверил заряд вибраса — дьявольщина, уже на исходе! — и перенёсся обратно, на Илионский берег. Опыт перевоплощения в богиню у меня уже имелся, к тому же облик Фетиды требовал меньше усилий, чем наружность Афины, поэтому я искренне уповал, что энергии хватит с лихвой.

Так и вышло. Осталось как раз на посещение семьи Гектора.

Ах да. Младенец. Во что ты превратился, Хокенберри? В какого-то беглого каторжника. В человека, способного на всё.

Надеваю Шлем Аида и бреду по сырому песку.

Что, если квит-медальон тоже выдохнется? Или тазер подведёт в самую неподходящую минуту?

Скоро узнаем. Не правда ли, забавно будет поднять на мятеж обоих героев — Ахиллеса и Гектора — и не суметь телепортироваться с ними на Олимп?

Я не стану думать об этом сейчас. Займусь этой фигнёй после.

А прямо теперь, в четыре утра, у меня важная встреча. С женой Приамида и их малюткой.

35
12 000 метров над плато Фарсида

— А про воздушные шары Пруст когда-нибудь писал?

— Не так уж много, — откликнулся Орфу с Ио. *— Он вообще не слишком увлекался путешествиями. Может быть, мастер Шекспир чаще упоминал наше средство передвижения?*

Манмут пропустил вопрос мимо ушей.

— Эх, жаль, что ты этого не видишь, дружище.

— Мне тоже жаль, старина. Опиши, как всё выглядит.

Маленький европеец поднял взгляд.

— Мы так высоко, что небо над головой почти чёрное, затем переходит в синеву и голубеет у самого горизонта, изогнувшегося дугой. По обе стороны стелется лёгкая дымка — порождение плотной атмосферы. Под нами всё ещё толпятся кучевые облака, раннее утро окрашивает их в золотые и нежно-розовые тона. А вот позади облачный покров расступается, за ним видны синие волны и красные скалы Долины Маринера, уходящие на восток. На западе — там, куда мы

держим путь, — небо словно бы обнимает плато Фарсида, оберегая землю от нашего взора. Но верхушки трёх вулканов прорезают позолоченную пелену, сверкая невозможной белизной. По левую руку — гора Арсия, справа на севере — Аскарейский вулкан, между ними — Павонис.

— Олимпа ещё не видать?

— Ну, как же. Правда, он от нас дальше всех — возносится в точности над западной дугой планеты. Однако, что касается роста, уже сейчас даст фору любому вулкану Марса. Олимпийские ледники так же ослепительно горят на солнце, алеет одна лишь вершина, свободная от снега.

— Дружище, где-то внизу должен быть Лабиринт Ночи, где мы попрощались с зеками.

Любитель сонетов перегнулся через край гондолы.

— За облаками теперь и не разглядишь. Зато, когда мы только взлетали, я успел рассмотреть и морской порт, и каменоломню, и путаницу кряжей, каньонов, горных обвалов — лабиринт протянулся на сотни километров к западу и на дюжины кликов с севера на юг.

Завершающие дни плавания на фелюге оказались на редкость дождливыми. Ливни шли не переставая: и когда судно причалило к перепол-

ненным докам у карьера; ещё сильнее — когда Манмут сколачивал гондолу подходящих размеров, а затем надувал огромный шар, и даже когда тот поднимался в небо над поселением МЗЧ.

Один из *зеков* явно рвался «поговорить» с европейцем, настойчиво предлагая собственное сердце. Путешественник отказался наотрез. Пусть Орфу прав и маленькие человечки вовсе не личности — моравек всё равно не мог пересилить себя и *растратить* ещё одно разумное существо. Но молчаливые трудяги без слов сообразили, что нужно делать: захлопотали вокруг, помогая подсоединить канаты, осторожно развернуть ткань однокамерного шара, пока тот медленно наполнялся газом из баллонов, закрепить гондолу на земле, чтобы не улетела раньше времени. Манмут даже залюбовался их дружной, сплочённой работой, в которой проявились и мастерство, и непостижимое знание чужеродной техники.

— *Расскажи мне о шаре,* — попросил иониец, усаженный в особую, сколоченную из досок раму посреди корзины и привязанный к ней километрами крепчайшей бечёвки. Рядом, тщательно упакованные и закреплённые, лежали передатчик и Прибор.

— *Представь, что у тебя над головой висит*

здоровенная тыква, — отозвался товарищ.

Орфу рассмеялся:

— Ты сам-то лицезрел настоящую тыкву?

— Живьём — нет, однако картинки попадались нам обоим, верно? Над нами парит огромный, немного сплющенный сверху эллипс шестидесяти метров в поперечнике и пятидесяти — в высоту. У него такие же вертикальные складочки, как на тыкве, и вдобавок он… ядовито-оранжевый.

— Эй, — изумился краб, *— а я думал, это ткань-невидимка.*

— Да, она невидима, — серьёзно подтвердил маленький европеец. *— Для радаров. Кто же мог догадаться, что у наших преследователей будут ещё и глаза?*

Линию сотрясли громовые раскаты хохота.

— Да уж, это типично для наших кабинетных умников. Типично.

— Связка углепластовых канатов опутывает гондолу и соединяет её с шаром, — продолжал Манмут. *— Корзина висит в сорока метрах под ним.*

— Надёжно висит, надеюсь?

— Вообще-то я старался. Разве что пропустил пару-тройку важных узлов…

Иониец опять хохотнул и замолк.

Когда Орфу снова вышел на связь, была глубокая ночь. Звёзды мерцали холодным светом, облака и вулканы отражали их обманчивое сияние. На севере поблёскивали волны океана. Низко в небе мчался спутник Фобос, а Деймос едва показался из-за горизонта.

— *Уже прибыли?* — поинтересовался краб.

— *Нет. Ещё день-полтора.*

— *Ветер по-прежнему дует, куда нужно?*

— *Ну да, более или менее.*

— *Растолкуй, дружище, что значит «менее» и насколько.*

— *Нас несёт на северо-запад. Если промахнёмся, то совсем на чуть-чуть.*

— *Это ж как надо постараться,* — хмыкнул иониец, — *чтобы промазать мимо вулкана величиной с Францию.*

— *Но мы ведь на шаре. По-твоему, Корос III тоже собирался лететь сюда за тысячу двести километров? Или планировал сесть в корзину прямо у подножия?*

— *Постой-постой. Если не ошибаюсь, севернее Олимпа расположено Море Фетиды.*

Манмут испустил вздох.

— *Вот почему я построил новую гондолу в виде лодки.*

— Ты мне не говорил.

— Не думал, что это важно.

Какое-то время друзья парили в полной тишине. Вулканы Фарсиды приближались; по расчётам европейца, воздушный шар должен был миновать Аскарейский вулкан примерно к середине следующего дня. Если направление ветра так и будет понемногу смещаться, путешественники точно минуют крутые склоны Олимпа, пролетев десятью — двадцатью километрами севернее.

Все четыре горы были так прекрасны в своём великолепии ледников, залитых сиянием лун и усеянных звёздными блёстками, что Манмуту не приходилось даже настраивать глаза на максимальное приближение, чтобы упиваться потрясающим пейзажем.

— Я вот тут размышлял по поводу Калибана и Просперо, — начал Орфу.

Товарищ подпрыгнул от неожиданности: его думы витали где-то далеко.

— И?..

— Нетрудно догадаться, ты наверняка исходил из тех же предположений, что и я: изваяния Просперо и прочие признаки шекспировщины в этих краях объясняются увлечением здешнего

диктатора человеческой литературой.

— Откуда нам знать, действительно ли каменные головы изображают Просперо? — заспорил европеец.

— По крайней мере МЗЧ уверяли нас, а разве они когда-нибудь обманывали? Похоже, зеки вообще не умеют лгать — разве это возможно, если передаёшь информацию непосредственно через кровь?

Манмут не нашёлся что возразить: ему тоже так казалось.

— Значит, все эти тысячи статуй на побережье северного океана…

— И бассейна Эллады на юге, — подсказал собеседник, припомнив орбитальные фотографии.

— Именно. Все эти статуи каким-то загадочным образом связаны с пьесой земного Барда.

Знаток сонетов кивнул, уже не сомневаясь, что друг воспримет его молчание правильно.

— Но что, если местный диктатор и есть Просперо? — промолвил иониец. *— Не человек и даже не постчеловек?*

— Я не совсем понимаю, — смутился товарищ. И на всякий случай проверил доступ кислорода из баллонов: воздух поступал исправно и к нему, и к Орфу. *— Хочешь сказать, некий ПЧ заигрался*

в старого волшебника… и забыл свою истинную сущность?

— Нет, я имею в виду, что он и есть Просперо, — упрямо повторил краб.

Европеец ощутил укол тревоги. Бедняга Орфу столько перенёс: покалечен, ослеп, обстрелян сверхмощным потоком проникающего излучения, наконец, пережил далеко не мягкое падение подлодки в океанскую пучину… Не всякий разум выдержит подобные нагрузки.

— Не надо пугаться, я ещё в здравом уме! — с неудовольствием проговорил иониец. — *Выслушай меня.*

— Просперо — литературный герой, — медленно проговорил Манмут. — *Авторская выдумка. Только благодаря древним архивам человечества, заложенным в программу самых первых моравеков, нам стало о нём известно.*

— Ага, — поддакнул гигантский краб. — *Волшебник — авторская выдумка, античные божества — миф… И если они расхаживают во плоти, то это не они, а люди или постлюди в чужом обличье. Так? А теперь представь, что перед нами сам Просперо… И подлинные греческие боги!*

Маленький европеец забеспокоился по-настоящему. Идти на опасную миссию в одиночку,

схоронив лучшего друга, — что могло быть хуже? Только это: оказаться в одной гондоле с безглазым, изувеченным, *сумасшедшим* напарником. Хватит ли ему духа бросить товарища сразу после высадки?

— *Стало быть, не мифы и не забывшиеся постлюди …* — с расстановкой начал Манмут. — *Кто же они, по-твоему… Инопланетяне? Древняя раса, которую прозевали во время первых экспедиций на Марс?*

— *Я предположил другое,* — тихо ответил иониец. — *Что, если греческие боги — это греческие боги? Что, если Просперо — это Просперо? А Калибан — это Калибан, не приведи судьба нам когда-нибудь встретиться?*

— *А-а,* — протянул знаток Шекспира. — *Занятная мысль.*

— *Давай без этого покровительственного тона!* — взорвался Орфу. — *Ты хоть малость разбираешься в квантовой телепортации?*

— *Так, в теории. И ещё знаю, что здешний мир изрешечён квантовой активностью.*

— *Дыры.*

— *Как?*

— *Это похоже на червоточины. В случае подобного обострения телепортационных перемеще-*

ний мы получаем эффект исключительности устойчивой червоточины. Надеюсь, тебе известно, что такое исключительность?

— *Да.* — Теперь уже европейца стал раздражать снисходительный тон товарища. — *Представь себе, я знаком с определениями квантовой телепортации, червоточин, чёрных дыр, исключительностей, и для меня не секрет, каким образом все перечисленные явления — кроме разве что первого — уродуют пространственно-временной континуум. Однако разжуй непонятливому другу, при чём тут наши красавцы на колесницах? Лично я уверен, они самые настоящие постлюди. Вероятно, свихнувшиеся на почве безграничных способностей, и только.*

— *Возможно, ты прав, старина,* — отозвался краб. — *А не хочешь ли рассмотреть иной вариант?*

— *Это про невесть как оживших книжных героев?*

— *Когда-то наши инженеры десятилетиями копались в квант-телепортации, мечтая с её помощью летать к далёким звёздам. Почему они свернули все разработки, ты знаешь?*

— *Ненадёжность,* — проворчал Манмут. — *Говорят, на Земле тоже баловались с этим*

феноменом и ничего путного не вышло. Даже вроде бы отрицательно сказалось на самих исследователях.

— Большинство наших учёных полагает, что негативные последствия вызваны именно удачей проведённых опытов, — сказал Орфу.

— Это как понимать?

— Квант-телепортация относится к очень древним технологиям, верно? Человечество старого образца забавлялось с нею аж в двадцатом — двадцать первом столетиях, ещё до того, как из людей развились постлюди. Прежде, чем всё пошло кувырком.

— Ну и?..

— В сущности, квант-телепортация не позволяет пересылать большие объекты — всего лишь обычный фотон. Впрочем, и он в реальности никуда не отправляется. Лишь его квантовое состояние.

— Не вижу разницы.

— В том-то и дело. Не важно, что мы телепортируем — фотон или лошадь Пржевальского, на другом конце пути возникает неотличимая копия. Точно такой же фотон.

— Или лошадь, — вставил европеец. Он очень любил разглядывать изображения этих пре-

красных животных, вымерших, по сведениям моравеков, тысячи лет назад.

— *Но даже если переслать наш фотон,* — продолжал гигантский краб, — *по законам квантовой физики частица не в силах переносить никакую информацию. Включая память о собственном квантовом состоянии.*

— *А разве это не излишне?* — удивился Мамут.

Свершив путь по ночному небосводу, стремительный Фобос опускался за дальний изгиб горизонта; Деймос торжественной поступью догонял собрата.

— *Вот и человечество так думало,* — сказал иониец. — *А потом постлюди взялись играть с квантовой телепортацией. Сперва на Земле, затем на орбитальных городах, или как их там.*

— *И что, им повезло больше? Нам ведь известно, четырнадцать веков назад что-то пошло не так и именно в то время планета проявила необычайную квантовую активность.*

— *Ага, не так,* — поддакнул Орфу. — *Но это не была ошибка телепортации. Постлюди разработали целую линию квант-транспортации, основанной на связанных частицах.*

— *«Призрачное общение на расстоянии»,* —

ухмыльнулся маленький европеец, которого никогда в жизни не затрагивала ни квантовая физика, ни астрофизика, ни физика микрочастиц, — ровным счётом *никакая* физика. И только убийственная эйнштейновская фраза о квантовой механике вызывала у бывшего капитана подлодки невольное восхищение.[22] Что и говорить, умел язвительный старикан припечатать неугодного коллегу или теорию!

— *Вроде того,* — повысил голос Орфу: очевидно, ему не нравилось так часто прерываться на неуместные замечания. — *Так вот, когда выяснилось, что на квантовом уровне духи очень даже работают, постлюди взялись пересылать всё более крупные объекты.*

— *Лошадь Пржевальского?* — сострил собеседник, всегда питавший неприязнь к напыщенным лекторам.

— *Почему бы и нет? Ведь куда-то же кони подевались. Слушай, Манмут, мне, ей-богу, не до юмора. Я размышлял над этим с тех самых пор, как мы покинули Юпитер. Можно закончить без твоих насмешек?*

Любитель Шекспира заморгал от изумления

---

[22] notes: 22

По поводу квантовой механики А. Эйнштейн заявил: «Бог не играет в кости».

— в переносном смысле, конечно. Иониец более не походил на безумца. Слова его звучали веско, серьёзно и… уязвлённо.

— Ладно, приятель. Приношу свои извинения. Давай дальше.

— Как известно, постлюди начали потеху четырнадцать веков назад, примерно тогда же, когда мы, моравеки, оставили Землю. Квантовые исследования понатыкали дыр в пространственно-временном континууме почём зря…

— Прости, пожалуйста, — как можно мягче вмешался товарищ. *— Я полагал, что на такое способны одни чёрные дыры, червоточины или обнажённые исключительности.*

— И ещё квантовые туннели, оставленные в рабочем состоянии.

— Постой, квантовая телепортация — это же мгновенный процесс… — Манмут уже не шутя напрягался, пытаясь вникнуть. *— По крайней мере должен быть мгновенным.*

— Так и есть. В случае с фиксированными парами и частицами стоит изменить квантовое состояние одного элемента, его двойник тотчас меняет своё.

— Но тогда туннель нельзя оставить… включённым? Если всё происходит моментально?

— И тем не менее. При пересылке крупного предмета — кусочка сыра, например, — один лишь объём квантовых данных вырвет приличный кусок из ткани пространственно-временного континуума.

— И сколько информации содержит трехграммовый ломтик сыра?

— Десять в двадцать четвёртой степени бит, — незамедлительно откликнулся краб.

— А взрослый человек?

— Не считая памяти, десять в двадцать восьмой степени килобайт хранится только в атомах.

— Всего четыре нуля, — разочарованно протянул европеец.

— Пресвятая дева, — застонал собеседник. *— Речь идёт о порядках! А это значит…*

— Знаю-знаю, — отмахнулся Манмут. *— Сглупил, больше не буду. Продолжай.*

— За тысячу четыреста лет до наших дней постчеловечество — ибо «старомодных» к той поре осталось на Земле считанные сотни — взялось телепортировать машины, людей и прочие вещи.

— Куда? В смысле — их отсылали на Марс? В иные солнечные системы?

— Нет, в этом деле необходим как передатчик,

так и приёмник, — пояснил иониец. — *Их просто перебрасывали с одной земной или орбитальной точки в другую. Тут-то учёных и ждал огромный сюрприз.*

— *Ты, случайно, не на муху намекаешь?* — вырвалось у европейца, тайной слабостью которого были древние фильмы двадцатого столетия.

— *Муху?* — растерялся Орфу. — *Нет. А при чём здесь?..*

— *Не обращай внимания. Так что же их удивило?*

— *Во-первых, квант-телепортация сработала. Но ещё важней другое: прибывая на место назначения, человек, животное или другой предмет сохранял всю нужную информацию. Абсолютно всю. Включая человеческую память.*

— *А ты говорил, будто бы законы квантовой физики запрещают...*

— *Именно,* — подтвердил иониец.

— *Волшебство, да?* — усмехнулся Манмут, с тревогой начиная понимать, куда тот клонит. — *Значит, опять Просперо и греческие боги?*

— *Погоди смеяться. С годами моравеки пришли к любопытному выводу: скорее всего постлюди просто заменяли пересылаемый объект его двойником из... э-э-э... иной вселенной.*

— *Параллельные миры?* — ошарашенно спросил европеец.

— *Не совсем. Это раньше верили в бесчисленное множество параллельных мирозданий. Я имею в виду вполне ограниченное количество сдвинутых по фазе квантовых космосов, сосуществующих где-то рядом с нами.*

Любитель сонетов и на сей раз ничего не понял, однако перебивать товарища не решился.

— *Сотворённых космосов,* — веско прибавил Орфу, будто бы его слова что-то проясняли.

— *Сотворённых?* — повторил Манмут. — *Это как в Библии?*

— *Да нет, речь о другом. О продукте гениального ума. Или умов.*

— *Всё равно непонятно.*

Деймос закатился. Бывший капитан подлодки сверился с внутренним хронометром. До рассвета оставался ровно час. Вдали маячили марсианские вулканы, облитые звёздным сиянием, и бледно-жемчужные амёбы облаков медленно ползли вверх по неприступным склонам. Манмута пробирал предутренний озноб.

— *Помнишь, с чем столкнулось человечество тысячи лет назад, изучая собственный мозг?* — не сдавался гигантский краб. — *Ещё до появления*

ПЛ?

Собеседник напряг искусственные и органические извилины.

— Когда-то давно, чуть ли не в двадцать первом веке, земные учёные открыли, что разум людей — именно разум, а не мозг, — мало чем напоминает компьютер или химическую машину для запоминания, но представляет собою…

— Устойчивый волновой фронт квантового состояния, — закончил за него иониец. *— Сознание человека первично существует в виде волновой формы квантовых состояний, как и всё прочее на свете.*

— И при этом ты утверждаешь, будто сознание самостоятельно творит иные вселенные? — Манмут честно пытался вникнуть в так называемую логику рассуждений товарища, однако нелепые фантазии с неразборчивым подтекстом выводили его из себя.

— Не просто сознание, — пояснил Орфу. *— Только его особые виды, сами подобные обнажённым исключительностям и потому способные влиять на пространственно-временной континуум, перестраивать его, расщеплять волны вероятности на разные альтернативы. Я говорю о Шекспире. Прусте. Гомере.*

— *Это же так… так… э-э-э…* — Европеец запнулся.

— *Солипсично?*

— *Глупо.*

Несколько минут полёта прошли в гробовом молчании. Любитель сонетов догадывался, что ранил чувства друга, но сейчас и это было не важно. Наконец он снова нарушил тишину:

— *То есть на Олимпе нас ожидают призраки реальных греческих богов?*

— *При чём тут призраки?* — вздохнул краб. — *Главное, ты уже видел квантовые отчёты. Кем бы ни оказались обитатели вулкана, они продырявили этот мир, словно дуршлаг. Они постоянно куда-то уходят. И откуда-то являются. Квантреальность в здешних краях так неустойчива, что поминутно грозит взорваться вовнутрь и прихватить с собой приличный кусок Солнечной системы.*

— *По-твоему, тут и заключается предназначение Прибора?* — осенило Манмута. — *Уничтожить квантовые поля, прежде чем они достигли критической массы?*

— *Не знаю,* — задумался Орфу. — *Возможно.*

— *И ты полагаешь, Земля съехала с катушек, а постлюди сбежали на орбиту по этой причине?*

Из-за неудачных квантовых опытов?

— Наоборот. По мне, так они оказались слишком удачными.

— Да о чём ты?! — Европейцу вдруг расхотелось обсуждать тему дальше.

— Сдаётся мне, парни пробили дыры в иные измерения, — сказал иониец. *— И что-то оттуда впустили.*

Друзья умолкли до самого рассвета.

* * *

Первый луч зари коснулся верхушки воздушного шара, рыжая ткань полыхнула невообразимым оттенком, и углеканаты засияли, все до единого. Следом засверкали пики трёх вулканов; рассветное пламя медленно сползало по ледяным восточным склонам потоками кипящей лавы. Потом омытые розовым золотом облака расступились, и внизу блеснула небесно-голубая трещинка на лице мира — безбрежная река Долины Маринера. Минутой позже солнце добралось и до Олимпа. Гордый вулкан, вздымающийся над изогнутым западным горизонтом, представился Манмуту королевским галеоном с красно-золотыми парусами.

И вот впереди, высоко над землёй, загорелся

ещё некий объект.

— Эй, Орфу! Мы здесь не одни.

— Колесница?

— Пока не рассмотреть. Я уже и зрение настраивал, но против света трудно…

— Если это колесница, мы можем что-то сделать? Признайся, ты ведь нашёл какое-нибудь оружие и забыл сказать мне?

— Нет, дружище, единственная наша сила — в остроумии, — отозвался европеец, вглядываясь в огненную точку, которая быстро приближалась. *— Разве что активировать Прибор.*

— Рановато.

— Странно, неужели Корос III отправился в миссию безоружным? — хмыкнул бывший капитан подлодки.

— Откуда нам знать, какое оборудование лежало в его каюте? — возразил иониец. *— Кстати, ты мне напомнил…*

— В чём дело?

— Однажды мы с тобой обсуждали секретную экспедицию ганимедянина к Поясу астероидов.

— Да?

Солнце по-прежнему било в глаза, и всё же Манмут не сомневался: прямо на них летела колесница. Голографические кони мчались резвым

галопом.

— *Что, если он был вовсе и не шпионом?* — выпалил Орфу.

— *А кем же?*

— *Ну, подумай: роквеки развили в себе такие качества, о которых мы, жители Пяти Лун, никогда не беспокоились.*

— *Агрессию? Воинственность?*

— *В точку. Так вот, я и говорю, может статься, Корос летал туда не в качестве лазутчика, а…*

— *Прости, пожалуйста,* — перебил собеседник. — *Гость уже прибыл. Это громадный гуманоид на летающей машине.*

Вокруг Манмута загрохотали звуковые удары, по ткани шара побежали волны. Колесница вознеслась ещё выше и принялась кружить над путешественниками.

— *Наш старый знакомый с орбиты?* — безупречно ровным тоном осведомился недвижный краб, который не мог даже посмотреть в лицо надвигающейся опасности.

— *Нет. У того бога длинная седая борода, а этот моложав и чисто выбрит. Рост у него — метра под три.* — Шекспировед взметнул правую руку пустой ладонью вверх, изображая старинное миролюбивое приветствие. — *Вроде*

бы он…

Колесница подкатила ближе. Великан тоже выбросил руку над головой и помахал увесистым кулаком.

Над головой Манмута прогремел взрыв. Оболочку шара охватило пламя, гелий зашипел, вырываясь наружу. Маленький европеец едва успел уцепиться за край гондолы, чтобы не вылететь прочь. Извивающаяся масса горящей ткани вместе с путаницей тросов и деревянной корзиной со свистом устремились к плато Фарсида, расстилающемуся тридцатью километрами ниже. Ноги моравека отчаянно болтались над головой, и лишь пальцы свирепо сжимали бамбуковый поручень.

Призрачные кони повернули обратно и проскакали сквозь клубы огня. Человекобог протянул ладонь и поймал чёрный конец уголепластового каната. Вопреки здравому смыслу, вместо того, чтобы вырвать дерзкую руку из плеча, многотонная гондола резко дёрнулась и замерла на месте.

Великан хлестнул коней, и колесница понеслась на запад, к вершине Олимпа, таща за собой на буксире тяжёлую корзину со всем её содержимым.

36
Средиземный Бассейн

Уже час или около того вездеход месил дорожную бурую глину среди полей и холмов Средиземного Бассейна. В ночи разошёлся немилосердный ливень; стеклянную кабину то и дело сотрясал оглушительный гром. Во время одной из ярких вспышек Даэман ткнул пальцем в тёмные кресты:

— А там кто — люди?

— Нет, *калибано*, — ответила Сейви.

Она хотела ещё что-то добавить, но вдруг собиратель бабочек не выдержал:

— Останови колымагу.

Еврейка затормозила, включила фары и сняла линзы.

— Что случилось? — быстро спросила она, взглянув на искажённое страданием лицо молодого спутника.

— Сейчас умру с голоду, — сообщил он.

— В мешке найдётся пара питательных плиток.

— …и от жажды.

— У нас есть бутыль с водой, а в дождик ничего не стоит пополнить запасы.

— Мне *надо*, — нехотя признался Даэман. — И срочно.

— Ах вот оно что. — Старуха вздохнула. — Да, чего только нет на этом вездеходе, а туалет не предусмотрен. Значит, всем придётся поразмять ноги.

С нажатием кнопки в прозрачном шаре появилась крупная щель, и на путешественников пахнуло свежим запахом мокрой кукурузы.

— Снаружи? — ужаснулся коллекционер. — Прямо на улице?

— На поле, — поправила товарища Сейви. — А вот и удобства. — Она протянула мужчинам рулон салфеток.

Кузен Ады уставился на него с нескрываемым отвращением.

— Лично я пошёл, — вмешался Харман, принимая у старухи тонкую бумажку. — Идём, Даэман. Девочки направо, мальчики налево.

Троица спустилась по металлической лесенке, причём еврейка проявила гораздо больше ловкости, чем её молодые спутники.

— Нет уж, ребята, я тоже направо, — заявила Сейви. — Не стоит разбредаться.

— Почему?.. А, ну да, — смутился дамский угодник, покосившись на чёрное оружие, которое она сунула за пояс.

Друзья сошли с дороги, перепрыгнули глубокую канаву и зашлёпали по грязи, углубляясь в высокие заросли. Между тем ливень разошёлся не на шутку.

— Эх, не догадался я взять непромокаемую одежду, — досадливо крякнул Даэман. — Вымокнем до нитки.

Ужасная молния прорезала клубы туч, и над Бассейном разнеслись мощные громовые раскаты.

— Я захватила ваши термокожи, — произнесла старуха. — Вернёмся на вездеход — переоденемся, пока всё не просохнет.

— Волшебный заплечный мешок, — улыбнулся Харман. — Может, у тебя есть ещё что-нибудь этакое, о чём мы не знаем?

Вечная Жидовка пожала плечами:

— Несколько питательных плиток, запасные обоймы, бутыль с водой, тёплый свитер и карты, нарисованные от руки. Вроде бы всё.

Как ни тянуло Даэмана остаться в одиночестве, он помедлил у края высокого зелёного ряда.

— Надеюсь, тут безопасно?

— Войниксы точно не водятся, — успокоила его старуха.

— А эти, как ты их назвала?

— *Калибано*, — повторила Сейви. — Нынче ночью можешь забыть про них.

Мужчина кивнул и шагнул за длинные стебли (их верхушки шумели в двух-трёх футах над его головой, а по широким листьям барабанил нескончаемый дождь), но тут же выпрыгнул обратно.

— Жуткая темень! — пожаловался он.

Харман уже пропал из виду, однако еврейка услышала Даэмана и вернулась.

— На, возьми фонарь. Мне и молний хватит.

Раздвигая густую кукурузу плечом, собиратель бабочек двинулся вперёд. Он отошёл на восемь или десять рядов, пока не убедился, что совершенно невидим с дороги. Потом ещё на девять — на всякий случай. Отыскал более-менее сухое местечко, огляделся по сторонам и пристроил фонарь на стебле — устремлённый в небеса луч напомнил ему о столпе голубого огня в Иерусалиме. Лишь после этого молодой мужчина спустил штаны и, присев на корточки, выкопал руками неглубокую ямку.

«Как там говорила Сейви? Полевые условия?»

Впрочем, несмотря на варварскую обстановку, облегчение было невероятным. Правда, намокшие, разбухшие салфетки никак не отвечали своему предназначению. И тут кузен Ады ощутил, как что-то привычно оттягивает нагрудный карман. Ах да, туринская пелена! Даэман давно уже не следовал всеобщей моде на игрушечную битву троянцев с ахейцами, а после знакомства с истинным Одиссеем (хотя никто не доказал его подлинность) и подавно бросил ею интересоваться. Этот бородач увёл у него из-под носа Ханну, намеченную в будущие «жертвы», а теперь вот развлекался в доме той, что подвигла дамского любимца ввязаться в приключения! Блеснула молния. Коллекционер задумчиво взглянул на льняную перевязь, узорчато расшитую микросхемами.

Да ну её! Оказалось, это даже приятно — обойтись с надменным Одиссеем подобным образом. Пускай впредь не задаётся. Даэман выкинул скомканную тряпку в отхожую яму, набросал сверху грязи, застегнул брюки, кое-как обтёр ладони о мокрые листья и бодро двинулся в обратный путь.

Но поле не желало кончаться. Насчитав тридцать пять рядов, мужчина понял, что шёл в

противоположном направлении. Он развернулся и попытался идти по собственным следам, однако их уже размыло водой. Ливень припустил с новой силой, и гроза полыхала всё чаще. Обитатель Парижского Кратера вертелся во все стороны, пока не осознал, что окончательно сбит с толку.

— Помогите! — воскликнул он.

Никто не откликнулся.

— На помощь! Я здесь!

Небесный гром заглушил оба вопля.

Даэман пометался туда-сюда и бросился бежать, не разбирая дороги, раздвигая руками толстые стебли, колотя по ним фонарём… Рядов через сорок, а может, пятьдесят мужчина остановился.

— Я здесь! На помощь!

На сей раз шум с небес не поглотил крика. И всё же ответом была тишина, не нарушаемая ничем, кроме стука дождя и хлюпанья подмокших туфель молодого горожанина.

Несчастный устремился вдоль ряда стеблей, хотя и понимал, что, возможно, с каждой секундой удаляется от друзей. Он неистово озирался по сторонам, ища хоть какой-нибудь проблеск или движение. Через несколько минут мужчина замедлил шаг и, задыхаясь, встал.

— Помогите!

Огненный зигзаг ударил менее чем в одной миле от него; по кукурузному полю прокатилась могучая звуковая волна. Даэман поморгал, чтобы избавиться от пятна на сетчатке, и заметил впереди некий просвет. Неужели край?

Беглец на едином дыхании одолел последние полсотни рядов и вырвался на вольное пространство.

Нет, поле не кончилось. Мужчина увидел себя на широкой прогалине, посреди которой возвышался громадный металлический крест. Даэман переместил желтоватый луч фонаря от подножия до вершины — и замер, не в силах отвести взор. Оказалось, существо не висело на кресте, но пряталось *внутри* полой конструкции.

Тварь отдалённо смахивала на обнажённого, склизкого человека, покрытого чешуёй зеленоватой расцветки, в какую воображение Даэмана окрашивало мертвецов, не доживших до гуманной эры небесного лазарета. Бесчисленные мелкие чешуйки тускло поблёскивали сквозь мерцающую стену воды. Ливень стекал по ним и капал на чёрный занозистый металл. Тело существа ошеломляло непривычными для глаза пропорциями. Предлинные корявые руки, слишком уж развитые запястья, хищные ороговевшие

когти на тощих пальцах с выпирающими наружу суставами, чересчур мощные бёдра, по три неестественно растопыренных пальца на ластоподобных ногах… Даже в мужских гениталиях, неприлично розовеющих под плоским мускулистым животом, было нечто *неподобающее*, словно в пенисе акулы или черепахи. А раздутые плечи, змеевидная шея и безволосая голова, пожалуй, имели менее всего сходства с людскими.

Глубоко посаженные очи под нависшими надбровными дугами напоминали то ли рыбьи, то ли обезьяньи органы зрения. Лицо выдавалось вперёд, образуя какое-то полурыло, нос казался подобием жабр. Нижняя челюсть твари отпала на грудь, являя взгляду острые жёлтые зубы — не звериные и не человечьи, по виду скорее принадлежащие мерзкой щуке-гиганту — и длиннющий синеватый язык, что зашевелился во рту при свете лампы. Даэман поспешил перевести луч выше — и чуть не заорал во всё горло.

Безобразное создание приоткрыло глаза — продолговатые, янтарные, с крохотными чёрными разрезами посредине, почти как у кошки, только гораздо холоднее. Калибано — кажется, так называла его старуха? — завозился в металлической нише, кулаки его разжались, сверкая кривыми

когтями, а конечности с хрустом потянулись; судя по всему, тварь пробуждалась ото сна.

Никакие узы или цепи не удерживали её на месте. Ничто не мешало уродцу броситься на человека и растерзать его в мгновение ока.

Мужчина попытался бежать, но как же повернуться спиной к этому существу? Тварь опять задвигалась. её правая рука потянулась из ниши наружу.

За спиной собирателя бабочек послышался треск и грохот. *Калибано.* Учуяли добычу и явились на вопли. Даэман резко развернулся, сжимая в кулаке фонарь, точно дубину.

Ноги поскользнулись в луже, а может, просто подкосились. Молодой мужчина повалился на колени в грязь. Перед глазами всё поплыло. Через две или три секунды кукуруза с шумом расступилась, и на прогалину выехал вездеход — чудовищный паук с четырьмя парами горящих очей-фар. Ладонь Даэмана взметнулась к лицу, не то защищая взгляд от слепящего света, не то прикрывая слёзы.

Немного погодя друзья в термокостюмах сидели на креслах, обтянутых потрескавшейся кожей, и жевали питательные плитки, передавая по кругу бутыль с водой. По настоянию молодого спутника

Сейви проделала пару миль по глинистой дороге, прежде чем съехать на обочину и отключить все машинные системы, кроме защитного поля и бледно мерцающих панелей управления.

— Что это было? — наконец выдавил из себя Даэман.

— Один из калибано, — откликнулась еврейка, удобно устраиваясь на изогнутом стекле кабины с дорожным мешком под головой.

— Я слышал, как ты их называла, — огрызнулся собиратель бабочек. — Но *кто* они?

Старуха вздохнула:

— Возьмёшься объяснять одно — потянутся другие вопросы. Ничего-то вы, *элои*, не знаете. Ничегошеньки.

— Так растолкуй для начала, что значит кличка *элои*, — холодно произнёс Харман.

— Подозреваю, сперва в ней содержался некий оскорбительный смысл… — Яркая молния чётко высветила изборождённое морщинами лицо, однако гром донёсся гораздо позже и откуда-то издали. — Хотя, сказать по чести, мой собственный народ заслужил её намного раньше вас… Само слово взято из древней книги. Был такой рассказ об одном путешественнике во времени. Забравшись в далёкое будущее, он обнаруживает

на Земле две расы. К первой, элоям, относились изнеженные бездельники, которые только развлекались на солнышке. Вторые — гадкие, уродливые морлоки, трудолюбивые, с развитой технологией, ютились в подземных пещерах, поставляя наверх пропитание, одежду и всё необходимое для своих бывших собратьев. А когда элои нагуливали жирок, то их съедали…

Где-то за полем блеснула и быстро потухла слабая молния.

— Выходит, и мы так живём? — спросил обитатель Парижского Кратера. — Войниксы, калибано — они вроде морлоков? Они нас едят?

— Ах, если бы всё было так просто, — горько усмехнулась собеседница. И, помолчав, неожиданно сказала: — Даэман, покажи-ка Харману, что ты умеешь.

— Э-э-э… Общую или дальнюю сеть?

— Дорогуша, мы пока ещё не заблудились. Конечно, дальнюю.

Молодой спутник нахмурился, однако исполнил просьбу. Со странным, неведомым доселе чувством он принялся объяснять товарищу, что нужно вообразить, дабы над запястьем появился овал синего света. Оказалось, это необычайно увлекательно — учить другого чему-то новому,

пусть даже и не имеющему отношения к сексу.

— Так, а теперь вспомни кого-нибудь. Кого угодно.

Девяностодевятилетний мужчина с сомнением покачал головой, но всё же сосредоточился. Синий овал заполнил подробный чертёж Ардис-холла, вид сверху. На переднем крыльце особняка упрощённая женская фигурка беззвучно разговаривала с подобными ей примитивными человечками.

— Ада, — изрёк Даэман. — Ты думал о ней.

— Потрясающе. — Харман, широко распахнув глаза, уставился на подвижную картинку. — А теперь Одиссей.

Изображение задёргалось во все стороны и погасло.

— Правильно, — кивнул коллекционер. — Сейви говорит, что сын Лаэрта не подключён к сети. Вернись-ка лучше к моей кузине. Где она?

Харман напряг зрительную память. Возникшая в овале девушка присоединилась к толпе, собравшейся на поле в сотне с лишним ярдов от особняка. Место в самой середине, куда были устремлены все взгляды, загадочно пустовало. Собиратель бабочек наклонился ближе.

— Интересно, что там творится. Как я понимаю,

вон та дыра в картинке и есть наш варвар из прошлого. И он развил бурную деятельность. Кажется, Ада прямо-таки заслушалась. Или засмотрелась…

Недавний именинник отвёл глаза от изображения.

— Сейви, а ты не морочишь нам головы? При чём здесь калибано? Почему войниксы хотели нас убить? Что вообще происходит?

Старуха сложила руки на груди.

— Итак, за несколько веков до Финального факса постлюди поумнели так, что будь здоров. Их наука достигла невероятных успехов. И хотя во время жуткой эпидемии Рубикона «посты» удрали от нас на кольца, они по-прежнему оставались хозяевами Земли. Даже хозяевами вселенной, как им казалось.

ПЛ оснастили планету ограниченной системой энергоинформационной трансмиссии, позволяющей людям факсовать, после чего увлеклись экспериментами — точнее, играми — с путешествиями во времени, квантовой телепортацией и прочими опасными вещами. Большинство их забав основывались на достижениях науки давнего-давнего двадцатого столетия — знаете, физика чёрных дыр, теория червоточин, кванто-

вая механика, но главным образом на важном открытии двадцатого века о том, что, в сущности, всё является информацией. Факты. Сознание. Материя. Энергия. Всё на свете.

— Ничего не понимаю, — сердито откликнулся Харман.

— Кстати, Даэман, раз уж ты показал своему другу функцию дальней сети, может, пора перейти к сплошной?

— Сплошной? — Голос молодого мужчины дрогнул.

— Ну да, четыре синих треугольника над тремя красными кругами над четырьмя зелёными треугольниками.

— О нет! — взвизгнул собиратель бабочек и тут же отменил все напульсные функции.

Сейви посмотрела на девяностодевятилетнего:

— Если хочешь хотя бы отчасти понять, с какой стати мы здесь, почему постлюди навеки покинули Землю, зачем вокруг рыщут калибано и войниксы, вообрази то, что я сказала. Сначала трудно, потом привыкаешь.

Недавний именинник с подозрением покосился на молодого товарища, однако закрыл глаза и сконцентрировался.

Даэман же всеми силами старался *не пред-*

ставлять дурацкие фигуры. Он заставил себя вспомнить обнажённую Аду-подростка, свою последнюю ночь с красивой девушкой, ссоры с матерью, на худой конец…

— Боже мой! — задохнулся Харман.

Друзья обернулись на него. Рослый путешественник поднялся из кресла и дико заозирался с разинутым ртом.

— Ну и что ты видишь? — тихо поинтересовалась старуха. — Что слышишь?

— Не может быть… Не может быть… — простонал Харман. — Я… мамочки… Всё *такое* … Энергия. Звёзды поют… Кукуруза перешёптывается с землёй… Да! В кабине полно маленьких микробиков, они постоянно чинят наш вездеход, охлаждают воздух… И ещё… Ай! Моя рука! — Он уставился на собственную ладонь с ужасом пророка, получившего запретное откровение.

— Хватит на первый раз, — вмешалась еврейка. — Теперь подумай: «Отменить».

— Не… сейчас… — Девяностодевятилетний добрёл до прозрачной стены и дрожащими ладонями ощупал её. — Как это… красиво. Я могу, я почти…

— От-ме-нить! — взревела Сейви.

Бледный как смерть Харман сморгнул от

неожиданности, прислонился к стеклу и повернул к друзьям застывший взор.

— Что это? — бессильно пролепетал он. — Я всё видел… всё слышал…

— И ни рожна не понял, — хмыкнула старуха. — Впрочем, я и сама-то мало смыслю. Даже «посты», полагаю, не воспринимали всего.

Мужчина доковылял до кресла и рухнул туда.

— Откуда… как?

— Тысячи лет назад, — начала Вечная Жидовка, — подлинные люди старого образца основали примитивную информационную экологию под названием «Интернет». В конце концов они решили приручить его и создали нечто, получившее имя Кислород. Нет, это был не газ, а искусственный разум, пребывающий в самой сети, вокруг неё и над ней. Он управлял потоками Интернета, упорядочивал их, помогал пользователю отыскать нужные данные.

— Общая сеть, — прошептал Даэман, чувствуя, как взмокли ладони.

— Точнее выражаясь, её предшественник. Со временем Кислород развился в планетарную ноо— или логосферу. Но и этого «постам» показалось недостаточно. Они соединили суперинтернет с биосферой, живой составляющей

окружения нашей планеты, куда относится любое растение, зверь и каждый эрг энергии. В сочетании с ноосферой родилась всеобъемлющая, абсолютная информационная экология, нечто вроде разумной омнисферы, которой не хватало разве самосознания. И «посты» по глупости наделили её этим самосознанием — не просто сотворили основной искусственный разум, а позволили ему стать отдельной личностью. Данная сверхноосфера выбрала себе имя Просперо. Это вам ничего не напоминает?

Кузен Ады растерянно посмотрел на более опытного товарища, умеющего читать, однако тот в недоумении покачал головой.

— Не важно, — усмехнулась Сейви. — И вот у «постов» появился противник, не поддающийся никакому контролю. Сначала их это не беспокоило: ПЛ и раньше создавали саморазвивающиеся программы, разрешая квантовым компьютерам, так сказать, «жить собственным умом». Хотите верьте, хотите нет, они достигли недостижимого. Заполучив стабильные червоточины и возможность путешествовать во времени, «посты» принялись потехи ради перебрасывать людей старого образца — не рисковать же своими драгоценными бессмертными шкурами, когда под

рукой полно подопытных кроликов! — через ворота пространственно-временного континуума с помощью квантовой телепортации.

— А калибано тут при чём? — не сдавался Харман, судя по его лицу, ещё не опомнившийся после видений сплошной сети.

Старуха устало рассмеялась.

— Просперо то ли начисто не имеет чувства юмора, то ли шутит чересчур изощрённо. Разумную биосферу (подобие земного духа) он окрестил Ариэлем. Одновременно он вывел новый сорт человека — ни старомодного, ни «поста», ни элоя, а уродца, с которым вы сегодня познакомились.

— З-зачем? — переборов себя, выдавил коллекционер.

Еврейка пожала плечами:

— Вышибалы нужны всегда. Просперо — довольно миролюбивая личность. По крайней мере ему нравится так думать. А калибано — чудовища. Прирождённые убийцы.

— Зачем? — вырвалось на сей раз у девяностодевятилетнего.

— Чтобы остановить войниксов. Вытурить постлюдей с планеты, пока не натворили других зол. Разобраться со всякой неугодной силой.

Собиратель бабочек напряг мозговые извили-

ны; куски головоломки не желали складываться в цельную картину. Как же всё запутано…

— А почему он висел на кресте?

— Не *на*, а *внутри*. Это их зарядное устройство.

— Для чего постлюди сотворили войниксов? — вымолвил Харман, лицо которого начинало тревожить спутников своей нездоровой бледностью.

— Ошибаешься. Эти явились сами по себе, невесть откуда, неизвестно с какими целями, да и служат неясно кому.

— Я считал их машинами, — подал голос Даэман. — Вроде сервиторов.

— Ты заблуждался.

Путешественник преклонного возраста задумчиво глядел во тьму. Еле заметные зигзаги молний пробегали по небосводу где-то у самой линии горизонта. Меж клочьями облаков проклёвывались первые звёзды.

— Значит, из-за калибано войниксы не суются в Бассейн.

— Из-за них тоже, — согласилась Сейви тоном лектора, который в кои-то веки услыхал верный ответ от безнадёжного тупицы студента.

— Эти твари могли бы убить нас, — вставил Харман. — Что им помешало?

— Наша ДНК.

— Наша кто? — вмешался коллекционер.

— Забудьте, мои милые. Скажем проще: я отстригла у каждого из нас по клочку волос, и это спасло наши жизни. Видите ли, мы заключили сделку с Ариэлем. Он помогает пройти этот путь до конца. Взамен я обещала сохранить душу Земли.

— Ты встречалась с воплощённой биосферой планеты? — недоверчиво сощурился девяностодевятилетний.

— Не лично, разумеется. Но мы очень мило поболтали через особый интерфейс. И кое о чём сговорились.

Мужчины тревожно переглянулись: в своём ли она уме?

— Ладно, проехали. — Старуха пристроила мешок под головой поудобнее, откинулась и смежила веки. — Поспите, ребятки. К утру вы должны быть как огурчики. Если повезёт, завтра полетим туда, на самый-самый верх, на орбиту…

И она сладко захрапела, не успев заметить смятенные взоры товарищей.

37
Илион и Олимп

И вдруг выясняется, что я не могу. Кишка тонка, молоко на губах не обсохло, духу не хватает, а может, бессердечия, кто его разберёт. Не могу я поднять руку на ребёнка, даже ради спасения Трои. И самого малыша. И даже ради собственной шкуры.

Ещё до рассвета квитируюсь в просторные чертоги Приамида. Позапрошлым вечером, в виде пехотинца Долона сопровождая Гектора, я постарался запомнить расположение комнат в доме. Детская — рядом со спальней Андромахи. Младенец, которому не исполнилось и года, лежит в затейливой резной колыбели, а над ним раскинута прозрачная сетка от мошек.

Поблизости крепко спит на ложе нянька — та, что была с Гектором и Андромахой у городской стены, когда мальчик так испугался отражения в отцовском шлеме. её тонкое, просвечивающее одеяние ниспадает сложнейшими, болезненно-хрупкими, точно на рисунках Обри Бердслея, складками. Ночная рубашка подпоясана на

античный манер под самой грудью, что выразительно подчёркивает роскошный белый бюст; на лице няньки пляшут отсветы от жаровен, разожжённых на верхней террасе. Как я и предполагал, младенца кормит эта женщина, а не мать. Это важно, поскольку в мой замысел входит похищение ребёнка вместе с кормилицей. Андромахе же должна явиться ложная Афродита и заверить несчастную, будто дитя украдено богами в отместку за грехи троянцев, что если Гектор желает снова увидеть сына, пусть приходит на Олимп, и всё в таком роде.

Значит, сперва мне надо сграбастать малыша и няньку. Как ни гадко, а даму придётся ошарашить выстрелом тазера — она гораздо крепче меня и, без сомнения, лучше дерётся. Потом быстренько квитировать их на холмы Индианы — новый эпицентр демографического взрыва в доисторическом мире. Отыскать Найтенгельзера (кстати, что делать с Патроклом, ума не приложу) и убедить его взять заложников под опеку до моего возвращения.

И когда всё это кончится? Спустя несколько дней, недель, месяцев? По плечу ли Кейту подобная задача? Если дело дойдёт до рукоприкладства, я готов поставить все деньги на кормилицу из

Трои тысяча двухсотого года до нашей эры. Впрочем, это уже головная боль Найтенгельзера. Моё дело — убедить Гектора, что тот *обязан* восстать против богов, и лучший довод посапывает передо мной в колыбельке.

Маленький Скамандрий, получивший от жителей Илиона ласковое прозвище Астианакс — Владыка города, принимается тихонько хныкать и потирает крохотными кулачками раскрасневшиеся щёчки. Даже под защитой Шлема Смерти я примерзаю к месту, настороженно глядя на женщину. Та продолжает мирно спать. Но конечно же, стоит мальчику заплакать всерьёз…

Сам не зная зачем, опускаю свой бронекапюшон и становлюсь видимым. Кто меня здесь заметит? Две беззащитных жертвы, да и те через пару мгновений окажутся за десятки тысяч миль отсюда… Так что навряд ли они смогут описать мою внешность троянской полиции.

Подбираюсь на цыпочках и откидываю прозрачную вуаль. Налетевший с далёкого моря бриз раскачивает занавески на террасах и колышет лёгкую газовую ткань. Малыш молча распахивает глазёнки и смотрит прямо на меня, своего похитителя. И улыбается. Разве такие крохи не должны бояться чужаков? Вот не думал. Хотя

что я вообще знаю о детях? У меня и Сюзанны никогда их не было. Студенты, которых годами учил Хокенберри, напоминали скорее полуоформившихся взрослых — долговязые, нескладные, лохматые, неуклюжие в общении, с бестолковыми взглядами. Боже, пять минут назад я не ведал, что малыши до года умеют улыбаться.

Оказывается, умеют. Ещё миг — и Скамандрий поднимет рёв, а мне придётся забрать его с кормилицей далеко-далеко отсюда. Интересно, перенесёт медальон сразу трёх человек или нет? Ладно, скоро узнаю. После — живо назад. Запаса энергии в моём вибрасе пусть ненадолго, но хватит. Обернусь Афродитой и объявлю жене Гектора ультиматум.

Что будет с Андромахой? Закатит ли она истерику, примется ли кричать и рвать на себе волосы? Сомневаюсь. В конце концов, Ахиллес порешил её отца и семеро братьев, надругался над её матерью, и та, обретя долгожданную свободу, скончалась в муках, на глазах у Андромахи разграбили и осквернили родной дом… Она не просто выжила, но и дала жизнь здоровому ребёнку. И вот теперь отец малыша каждодневно покидает её, уходя на битву, чтобы однажды — а супруги сердцем чувствуют такое — не вернуть-

ся. О, это вовсе не слабая женщина. Будь ты хоть Афродитой, а всё же лучше не сводить глаз с её рукавов. За такие вести можно в два счёта получить кинжал в живот.

Профессор Хокенберри решительно склоняется над колыбелькой. Пальцы с грязными ногтями почти касаются нежной розовой кожи — и внезапно отдёргиваются прочь.

Я не могу.

Не могу.

Как же так? Вся моя жизнь (и если бы только моя!) висит на волоске, а тут…

Едва передвигая ослабевшие ноги, выхожу из детской. Надеть, что ли, Шлем Смерти? Да шут с ним, со Шлемом.

Ладонь нащупывает квит-медальон. Куда теперь-то? Как бы ни повёл себя Ахиллес, это уже не имеет значения. Ему не взять Олимпа в одиночку; грекам не одолеть богов без помощи троянцев. Так что вся пьеса, разыгранная перед мужеубийцей, была пустым и нелепым фарсом. На заре Гектор и его орды разобьют ахейцев наголову, пока Пелид будет рвать на себе волосы и вопить от горя по усопшему другу. Чихать ему теперь на войну, этому быстроногому. Кстати, если таинственный незнакомец-провожатый, обещанный

Афиной, так и не явится, парень и сам сообразит, что над ним мило подшутили. А потом дщерь Зевса явится собственной персоной, поклянётся в своей невиновности… Представляете? «Илиада» ещё может пойти по-старому!

Какая, в сущности, разница…

С дурацким наполеоновским планом покончено. С Томасом Хокенберри — тоже. Пора говорить о нём в прошедшем времени.

Да, только где скоротать часы, пока Муза или подлатанная червями Афродита не разыскали меня? Навестить Найтенгельзера? Интересно, как быстро бессмертные разыщут мой квантовый «хвост», поняв, что я натворил… или пытался натворить?

Однако не хочу навлекать беду ещё и на друга-схолиаста. Пусть тешит доисторических девиц в Индиане тысяча двухсотого года до Рождества Христова. Может, коллеге открыть университет и заняться преподаванием? Даром что большинство историй, изображённых в мировой классике, ещё не произошли… Ах, чтоб мне, совсем забыл про Патрокла! У меня нет ни малейшего желания опять стрелять в него из тазера, тащить в шатёр к Ахиллесу, а потом, став Афиной на последних три минутки, подмигнуть Пелиду: типа, «с первым

апреля! Вот он, твой дружок, целый и невредимый. А ты что, купился?».

Не-ет, пусть как-нибудь сами разбираются.

Может, сразу махнуть на Олимп? А что там? Хозяйка уже доведена до белого каления… И Громовержец с его очами-радарами… И мокрая Афродита вылезает из бака… Бр-р-р. Стало быть, на сегодня Олимп отпадает.

Остаётся единственное место. Вообразив его, я быстро поворачиваю диск медальона. Пока не передумал.

Я так и не надел Шлема. Елена сразу видит меня в мягком мерцании свечей.

— Хок-эн-беа-уиии? — спрашивает она и приподнимается на подушках.

Молча смотрю на неё, стоя посреди просторной спальни. Почему я здесь? Вздумай красавица позвать охрану или вытащить клинок, измученный незваный гость станет лёгкой добычей. Рука не поднимется даже включить медальон. Я так измождён, что не удивляюсь, почему это в половине пятого утра в покоях Парисовой супруги горят свечи.

Елена приближается ко мне, правда, без кинжала. О небо, я и забыл, как она прекрасна. Нянька Скамандрия — просто неуклюжая толстуха в

сравнении с этой стройной, гибкой, нежной прелестницей, облачённой в полупрозрачные одежды.

— Хок-эн-беа-уиии? — сладко тянет она моё нестерпимое для античного слуха и губ имя. Я готов разрыдаться: красавица — единственная в мире, кому оно известно. Не считая Найтенгельзера, который, наверное, уже мёртв. — Ты ранен, Хок-эн-беа-уиии?

— Ранен? — выдавливаю я. — Нет, не ранен.

Елена ведёт меня в купальню, примыкающую к спальным чертогам. Здесь я впервые увидел дочь Зевса. Вокруг по-прежнему пылают свечи, ванна наполнена водой, и я замечаю собственное отражение. Колючие впалые щёки, красные глаза… Сколько же я не спал? Теперь и не вспомнишь.

— Сядь, — говорит Елена.

Бессильно опускаюсь на мраморный край купальни.

— Зачем ты пришёл, Хок-эн-беа-уиии?

— И-искал по-поворотную точку. — Слова путаются в разуме и на языке.

С грехом пополам излагаю всё: игру-маскарад с Ахиллом, похищение Менетида, дерзкий замысел возбудить героев на битву с богами, которая могла бы спасти… всех и вся.

— Но Патрокл жив? — спрашивает красавица. её тёмные очи прожигают меня насквозь.

— Разумеется. Я просто унёс его… кое-куда.

— Ты можешь путешествовать, как боги, — полувопросительно кивает она.

— Да.

— А мальчик Гектора, Астианакс? Его ты не сумел унести?

Безмолвно качаю головой.

Дочь Леды погружается в раздумья. Прекрасные глаза чернеют. Разве может она поверить моим объяснениям? Кто я для неё вообще? Зачем виновница троянской войны подружилась со мной (хм, «подружилась»; чересчур мягкое слово для целой ночи страсти) и как поступит дальше?

Словно отвечая на последний вопрос, хозяйка выходит из ванной комнаты с самым мрачным выражением лица. Из коридора доносятся её громкие кличи. Сейчас ворвутся стражники. Притрагиваюсь к медальону.

Рука бессильно падает. Мне больше некуда идти.

В тазере ещё остался заряд, однако я не берусь за оружие. Елена возвращается, с ней ещё несколько человек. Не охранников — служанок. Рабынь.

Минуту спустя мои грязные шмотки грудой

свалены у стены, а девушки наполняют ванну из высоких сосудов, над которыми струится пар. Позволяю снять с себя вибрас, однако с медальоном расставаться не желаю, хоть и боюсь его намочить.

— Омойся, Хок-эн-беа-уиии. А потом, — в её руках сверкает короткий клинок, — я сама побрею тебя. Вот, выпей. Это поднимет твой дух и восстановит былую мощь.

Женщина Париса протягивает кубок с густым зельем.

— Что здесь?

— Любимый напиток Нестора, — смеётся она. — Когда-то старик навещал моего супруга, Менелая. Помогает при упадке сил.

Я принюхиваюсь, чувствуя себя подозрительным грубияном.

— Что тут намешано?

— Вино, тёртый сыр и ячменная мука, — отзывается Елена и прижимает кубок к пересохшим губам; её белоснежные пальцы касаются моей пыльной, выдубленной на солнце кожи. — И ещё я добавила зелёного мёда. Для сладости.

— Совсем как Цирцея, — глупо ухмыляюсь я.

— Как кто?

— Забудь. Это уже из «Одиссеи». Нешу… нешу-

ще… несущественные пустяки.

Выпиваю залпом. Зелье ударяет по мозгам, словно копыто миссурийского мула. Я лениво размышляю о том, водятся ли мулы в Миссури тысяча двухсотого года до нашей эры.

Юные рабыни заставляют меня подняться, стягивают хитон и нижнее бельё. Даже смутиться сил нет. Я так устал, и ещё этот напиток… голова гудит.

— Искупайся, Хок-эн-беа-уиии. — Красавица предлагает свою руку и сводит меня в глубокую дымящуюся ванну.

Вода такая горячая, что я съёживаюсь, как дитя, и опускаюсь — медленно, боясь обжечь мошонку, но всё же схожу, не в силах противиться гравитации. Когда я наконец откидываюсь на косую стену купальни, служанки намыливают мои щетинистые щёки и шею. Елена подносит острое лезвие прямо к лицу. Ничего страшного. Я доверяю ей.

Пойло старого Нестора даёт о себе знать. Тело наполняется такой силой, что… в общем, если Елена предложит мне постель, непременно позову красавицу с собой. До рассвета ещё пара часов. Нам хватит. С этой мыслью я блаженно смыкаю веки. Совсем ненадолго. Всего лишь на

мгновение.

Когда я пробуждаюсь, яркие лучи солнца пробиваются через узкие окошки под потолком. Уже утро? Я вымыт, выбрит и даже надушён. Почему-то лежу на холодном каменном полу пустой комнаты, а не в знакомой постели на длинных ножках. Я обнажён. Совершенно гол, даже квит-медальон куда-то исчез. Ощущения возвращаются медленно, точно ленивая струйка воды еле каплет в дырявое ведро. Начинаю понимать, что связан множеством ремней. Кожаные верёвки тянутся от запястий, перекрученных над головой, к железному кольцу в стене, а те, что намотаны на лодыжки раздвинутых ног, соединены с кольцами в полу.

Подобная поза и положение сами по себе достаточно неприятны. Но что ещё хуже, я не один. Надо мной возвышаются пять женщин. Они глядят сверху вниз. Без улыбок. Мои руки безотчётно дёргаются, пытаясь прикрыть гениталии. Ремни коротки, и ладони не опускаются даже до плеч. Бечёвки на лодыжках не дают сомкнуть ноги. У всех женщин в руках блестят кинжалы. Некоторые настолько длинные, что я бы назвал их мечами.

Эти дамы мне знакомы. Посредине, рядом с Еле-

ной, стоит Гекуба — супруга Приама, седовласая, всё ещё привлекательная мать Гектора с Парисом. Рука об руку с ней — Лаодика, дочь царицы и жена Геликаона. По левую сторону — Феано, дщерь Киссея, супруга конеборца Антенора и, что гораздо важнее в моей ситуации, избранная жрица Афины. Богини, чью наружность и голос присвоил себе жалкий смертный. Судя по мрачному взгляду Феано, ей уже обо всём доложили.

Последняя из собравшихся — Андромаха. Женщина, младенца которой я собирался выкрасть и отправить в ссылку на холмы Индианы. её лицо наиболее сурово, а пальцы нетерпеливо поигрывают острым как бритва кинжалом.

Елена присаживается подле меня на низкое ложе:

— Хок-эн-беа-уиии, ты должен поведать им всё, что я слышала. Кто ты такой. Почему следил за нами. Расскажи про богов и про свои ночные похождения.

— Может, сперва отпустите меня? — Язык ворочается с большим трудом. Чем она меня опоила?

— Нет. Говори прямо сейчас. И только правду. Феано получила от богов дар провидения. Она умеет отличать ложь от истины. Даже когда слышит такой жуткий варварский акцент, как у

тебя. Говори. Не пропускай ничего.

Я не тороплюсь исполнять приказание. При таких условиях, пожалуй, рот лучше держать на замке.

Феано опускается на одно колено. У этой прелестной молодой женщины глаза такие же бледно-серые, как у её богини. Клинок у неё короткий, широкий, заточенный с обеих сторон и к тому же очень холодный. Просто ледяной. Она только что прижала его к моим яичкам. Приподняла, как жертвенное мясо на серебряной тарелочке. Остриё прокалывает чувствительную промежность до крови. Я удерживаюсь от крика, однако тело содрогается, пытаясь отпрянуть.

— Начинай. И не вздумай врать. Солжёшь раз — и я запихну тебе в рот правое яйцо. Солжёшь дважды — проглотишь левое. Третья попытка — и псы сожрут всё остальное.

А, ну тогда ладно. Слушайте, девочки. И я выкладываю всю правду-матку. Про бессмертных и про то, как они оживили схолиаста для шпионской работы. Делюсь впечатлениями от Олимпа. Описываю свой мятеж против Музы, покушение на Афродиту и Ареса, попытку поднять Ахилла и Гектора, так сказать, на баррикады… Всё-всё. Клинок не шевелится. Остриё не убирается. Ме-

талл не греется.

— И ты принял наружность Афины? — шепчет Феано. — Разве это под силу кратковечному?

— Нет. Это под силу моему снаряжению. Было.

Я крепко зажмуриваюсь. Сейчас начнётся: хрясть! шлёп! шмяк!

До слуха доносится голос Елены.

— Поведай Гекубе, Лаодике, Феано и Андромахе о том, как ты видишь будущее. Наши судьбы.

— Он не провидец, — вмешивается жена Приама. — Боги не могли наградить такого особым даром. Да он просто необразованный дикарь. Вы только послушайте его: «бар-бар-бар-бар»!

— Хок-эн-беа-уиии сам признаёт, что прибыл издалека, — возражает Елена. — Если он и варвар, то не виноват в этом. Выслушай его, благородная дщерь Димаса. Говори же, мужчина.

Я провожу языком по губам. Взор у Феано прозрачно-серый, как воды Северного моря. Взгляд истинного фанатика или офицера СС. Глаза Лаодики затуманены. Очи Андромахи сияют сознанием пугающей внутренней силы.

— Что вас интересует? — спрашиваю я.

Мои познания слишком уж лично касаются этих дам, их города, или мужей, или детей.

— Всё, кроме обмана. Всё, что считаешь прав-

дой, открытой тебе богами.

На какой-то миг я задумываюсь, стараясь не думать о лезвии, столь *по-женски* прижатом к несчастному паху.

— Я не провидец. Понимаете, это просто воспоминание об одной песне, которую сложили в моём прошлом, которое для вас будущее…

Вот это загнул. Они же ни бельмеса не разберут. Тем более этот ужасный акцент… Позвольте! Нет у меня никакого акцента! Как бы там ни было, деваться некуда.

И рисую перед ними картину падения Трои: улицы, залитые кровью, пылающие здания… Объявляю Гекубе, что её супруг Приам найдёт погибель у ног статуи Зевса в домашнем храме. Рассказываю Андромахе, как Ахиллес прикончит Гектора и ни один из троянцев не осмелится выйти на помощь своему защитнику; о том, как убийца привяжет её возлюбленного к колеснице и протащит вокруг городской стены, а потом в ахейский лагерь, где вражеская солдатня примется справлять нужду на безжизненное тело и аргивские псы потревожат геройскую плоть. А спустя пару недель маленького Скамандрия швырнут с самой высокой башни Илиона, расплескав мозги младенца по острым камням. Но

и на этом страдания Андромахи не завершатся, ибо её горький удел — остаться в живых; уплыть на чёрных кораблях к ненавистным греческим островам и до конца дней прислуживать мужчинам, убившим Гектора, спалившим её город, не пощадившим Астианакса. Ублажать их и молча сидеть в уголке, слушая, как стареющие ахейские герои похваляются великими подвигами давно прошедших лет, вспоминают славные времена грабежа и насилия.

Описываю надругательства победителей над Кассандрой и тысячами других женщин и девушек Трои. И самоубийство тысяч иных, тех, кто предпочтёт вонзить себе нож в сердце, нежели претерпеть позор.

Далее обращаюсь к Феано: Одиссей с Диомедом выкрадут священную статую палладий из тайного храма Афины, чтобы позже вернуться с мечом и, осквернив святилище, разрушить его до основания. Жрица, прижавшая нож к моим яичкам, должна услышать: её богиня ничего, ровным счётом ничего не сделает, дабы прекратить разбой и глумления.

Повторяю для Елены подробности гибели Париса и её последующего рабства в доме обманутого супруга Менелая.

И наконец, рассказав им всё, о чём прочёл в «Илиаде», объясняю ещё раз: мне неизвестно, исполнятся ли эти пророчества, но только большая часть из них *уже* свершилась. Затем я умолкаю.

Можно было бы поведать им о приключениях Одиссея, гибели Агамемнона, которая ждёт его сразу по возвращении на родину, или даже изложить содержание «Энеиды» Вергилия, где говорится о конечном триумфе Трои, ведь именно в её честь был заложен великий Рим… Хотя на это им уже плевать с высокой колокольни.

Воцаряется жуткая тишина. Ни одна из пяти женщин не плачет. Ни одна из пяти не изменила выражения лица с тех пор, как я начал зловещие прорицания.

Больше сказать нечего. Выжатый будто лимон, я закрываю глаза и покорно жду приговора.

Мне позволяют одеться: служанки Елены приносят новый хитон и свежее бельё. Красавица предъявляет моё снаряжение и спрашивает, эти ли вещи дают волшебную силу. Хотелось бы, конечно, слукавить (сильнее всего мне недостаёт сейчас Шлема Аида), однако лучше не стоит. И я растолковываю назначение каждого предмета.

— И это сработает для любой из нас? — Жена Париса поднимает брови.

Хороший вопрос. Вот уж чего не знаю, того не знаю. Если вдуматься, тазеры и вибрасы должны реагировать на отпечатки пальцев. А как же, ведь при несчастном случае бесценные орудия могут попасть в руки древнего грека или троянца. Неужели боги допустили бы такой риск? Наверное, нет. Впрочем, ни один из схолиастов не дерзнул бы спросить такое. Ну, шлем-невидимка точно рассчитан на всякого пользователя: Афродита и сама «увела» его у настоящих хозяев. А вот работа с браслетом и медальоном требует по крайней мере небольшой подготовки. Внимательно выслушав, красавица возвращает мне лишь противоударные доспехи и кожаную нагрудную броню; остальное отправляется в небольшую, расшитую узорами сумочку, после чего мы покидаем чертоги Париса.

— И что дальше? — интересуюсь я, следуя за женщинами по оживлённым утренним улицам Илиона в направлении храма Афины. Мои спутницы сосредоточены и угрюмы; их чёрные как ночь одеяния слишком живо напоминают мусульманские бурнусы двадцатого столетия.

— Тс-с-с! — шипит Елена. — Молчи. *Здесь* нас могут услышать.

Я в испуге кошусь на крыши домов, ожидая

увидеть над ними колесницу свирепой Музы.

У заднего входа в святилище Феано заставляет меня надеть такое же чёрное платье. Теперь мы почти не отличаемся: шесть одинаковых жриц шагают вниз по пустым коридорам. Правда, из-под одежд видны ноги в боевых сандалиях, но, наверное, так положено.

В храме я ещё ни разу не был. И знаете, внутри он не разочаровывает. Через открытые двери успеваю заглянуть в главный зал: просторное, внушительное помещение, таинственный полумрак которого рассеивают лишь подвесные канделябры и молитвенные свечи. Воздух пропитан запахом ладана, и я внезапно чувствую себя как в католической церкви. Сводчатый потолок так недостижимо возвышен, что под ним угасает даже эхо. Только вместо алтаря и статуи Девы с Младенцем посередине храма высится исполинское изображение Афины. Футов тридцать ростом, не меньше. Богиня высечена из белого мрамора, а потом живописно размалёвана красками: алый рот, румяные щёки, розовая кожа. Серые глаза, кажется, выложены перламутром. Пояс щедро сияет лазуритом. Нагрудная броня выполнена из полированной позолоченной меди, а вот замысловатый гигантский щит — сплошь из

чистого золота. Грандиозная скульптура грозно потрясает сорокафутовым бронзовым копьём. Я в трепете замираю у входа. Прямо здесь, у божественных сандалий Афины, Великий Аякс настигнет дщерь Приама Кассандру и грязно надругается над пророчицей.

Елена поворачивает обратно, хватает меня за руку и силой увлекает вперёд. Возможно, я — единственный мужчина, переступивший порог храма. Если не ошибаюсь, палладий и святилище охраняют одни лишь молодые девственницы. Феано сердито сверкает очами, и я прибавляю ход. Эта жрица — давно уже не дева; она супруга воинственного Антенора, да и самой ей палец в рот не клади: отхватит вместе с рукой.

Сумрачный коридор выводит нас в широкий подвал, где слабые, подрагивающие огоньки свечей почти не разгоняют прохладную тьму. Феано с подозрением оглядывается, быстро откидывает гобелен, извлекает из кармана прихотливо изогнутый ключ и вставляет его в ровную с виду стену. Каменная плита беззвучно поворачивается, открывая путь в потайной коридор, озарённый жаркими факелами.

Женщины поспешно спускаются туда и, миновав три едва заметных двери, вталкивают меня

в последнюю. Комната, где мы оказываемся, по меркам храма невелика: двадцать на двадцать футов или около того. Здесь почти пусто. По углам чуть теплятся медные треножники, в центре расположен деревянный стол и маленькая (фута четыре в высоту), грубоватая копия статуи Афины.

— Это и есть настоящий палладий, Хок-эн-беа-уиии, — шепчет Елена, указывая взглядом на главную святыню Илиона — упавшего с неба каменного идола, знак благоволения Олимпа. Согласно античной легенде, как только кумира похитят, беззащитный город падёт.

Феано и Гекуба озираются на Елену, и та умолкает. Затем моя бывшая любовница (вернее, женщина, подарившая мне единственную ночь) вытрясает на доски бесценные сокровища богов, и мы присаживаемся на деревянные стулья. Поглядите-ка на весь этот хлам. Лично я сохранил бы для себя только блестящий медальон, а неприглядную тросточку, старый капюшон и тонкий браслетик по дешёвке спустил бы соседям на распродаже у гаража.

Гекуба обращается к виновнице девятилетней войны:

— Скажи этому… человеку… мы должны про-

верить его историю. Пусть докажет нам, что эти игрушки имеют подлинную силу.

Мать Париса и Гектора поднимает вибрас. Я уверен, ей не под силу включить его, и всё же с языка срывается:

— Эй, в этой штуке заряда на пару минут, не балуйтесь с ней, пожалуйста.

Старуха уничтожает меня едким взглядом. Лаодика берёт со стола тазер и вертит его в бледных руках.

— Так вот чем ты оглушил Патрокла? — впервые заговаривает она в моём присутствии.

— Да.

— Как оно действует?

Показываю ей три нужных точки: тут и тут нажать, здесь повернуть, и оружие активируется. Несомненно, тазер рассчитан только на мои прикосновения, иначе если бы он вдруг потерялся, такое началось бы! Правда ведь? Хотя вообще-то не каждый сообразит найти сложноватый механизм включения. Я принимаюсь объяснять, что прибор не «слушает» чужих приказов… Лаодика направляет тросточку мне в грудь и ещё раз легонько стучит пальцем по жезлу.

Как-то раз мы с Сюзанной устроили пешую прогулку по округу Браун в Индиане. Когда мы

взошли на зелёную вершину холма, всего лишь в десяти шагах от меня неожиданно ударила ослепительная молния. Помнится, я рухнул без сознания и несколько минут не приходил в себя. Потом мы вместе посмеивались над необычным приключением, хотя на самом деле при мысли о нём у меня до сих пор пересыхает во рту.

Так вот, *этот* удар гораздо хуже.

Как будто бы в сердце с размаха всадили раскалённую кочергу. Отлетев со стула, я глухо валюсь на каменный пол, бессмысленно дёргаюсь, точно эпилептик, — и отключаюсь.

* * *

Сознание понемногу возвращается. Всё тело ноет, в ушах гулко звенит, череп раскалывается. Не обращая на меня внимания, женщины пристально глядят в пустой угол. Странно, почему их только четыре? Было вроде пять.

Я приподнимаюсь, прислоняюсь к стенке и трясу головой. Зрение слегка проясняется. Андромаха исчезла. Может, побежала за доктором, испугавшись за мою жизнь? Бедняжки могли решить, что я скончался.

И тут жена Гектора появляется из ничего — именно там, куда смотрели её подруги.

— Шлем Аида и впрямь работает, — подтверждает она, снимая капюшон-невидимку. — Не понимаю, зачем боги доверили столь ценный дар вот *такому*? — Дама небрежно кивает в мою сторону и кладёт Шлем на место.

В руках Феано качается квит-медальон.

— Мы не можем разобраться с этим. Покажи.

В голове такой кавардак, что до меня не сразу доходит, к кому она обращается.

— С какой радости? — Я нетвёрдо встаю на ноги и опираюсь на спинку стула, чтобы не упасть. — Почему это я должен вам помогать?

Елена обходит стол и накрывает ладонью мою руку. Я невольно отдергиваюсь.

— Разве ты не знаешь, Хок-эн-беа-уиии? — нежно воркует красавица. — Ты послан нам богами.

— О чём ты? — Я подпрыгиваю и дико оглядываюсь.

— Нет-нет, бессмертные не слышат нас в этой комнате, — успокаивает она. — Стены выложены твёрдым свинцом. А его не одолеть ни взору, ни слуху Олимпийца. Это же всем известно.

Я снова озираюсь. Бред какой-то! Хотя почему бы и нет? Рентгеновский взгляд Супермена тоже не проникал через свинец. Неудивительно, что мои новые подружки оборудовали богонепрони-

цаемый подвал. Под храмом Афины.

Андромаха шагает ко мне.

— Выслушай нас, приятель Елены, Хок-эн-беауиии. Много лет назад мы, женщины, сплотились, дабы прекратить эту войну. Однако мужи, как наши, троянские, так и ахейцы с аргивянами, не слушают советов разума. Они признают лишь власть Олимпа. И вот боги услышали самые тайные моления наших сердец, послав тебя. С твоей помощью мы направим реку истории в иное русло, спасёмся сами, освободим своих детей, мало того — избавим весь человеческий род от жестокого ига своенравных божеств.

Ну, дают! Я качаю головой и смеюсь:

— Мадам, ваша логика немного подкачала. С чего это Олимпийцам давать вам в руки орудие, которое свергнет их собственную власть? Концы-то с концами не сходятся!

Женщины в недоумении смотрят на меня. А Елена говорит, словно ребёнку:

— Есть множество богов на этом свете, что и не снилось вашим мудрецам.

Я разеваю рот. Не-ет, наверное, послышалось. Всё-таки голова ещё гудит. Грудная клетка побаливает, да и мускулы не оправились после судороги…

— Отдайте оружие, — на всякий случай говорю я.

Дамы без слов подчиняются.

— Так что вы там задумали? — Я как бы невзначай направляю на них тазер. На всех сразу.

Андромаха сверкает очами.

— Мой супруг никогда не купился бы на россказни о мнимом похищении Скамандрия и няньки. Гектор служил богам всю свою жизнь. Затея хороша для самовлюблённого мужеубийцы Ахилла, но не для него. Благородный Приамид решил бы, что бессмертные испытывают его верность. Афродита или кто-нибудь из *них* должен прикончить младенца на глазах многих свидетелей. Вот тогда ярость Гектора не знала бы границ. Почему ты не умертвил нашего сына?

Я теряю дар речи. Тогда она отвечает за меня:

— Слюнтяй! Боишься замарать руки? Не ты ли говорил, что мальчика сбросят с городской стены, если вовремя не вмешаться?

— Ну да.

— И постеснялся поднять нож на младенца, который давно уже обречён? Хотя бы от этого зависел исход нашей войны и твоей личной битвы с богами? Ты слабак, Хок-эн-беа-уиии.

— Да.

Гекуба жестом предлагает сесть, но я остаюсь на ногах, не выпуская тазера.

— В чём заключается ваш замысел?

Я почти боюсь услышать ответ. Не убьёт же Андромаха собственного ребёнка ради?.. Посмотрев в её глаза, я пугаюсь ещё больше.

— Мы всё расскажем, — изрекает престарелая царица. — Однако сперва хотим убедиться, что твои последние игрушки тоже действуют. — Мановением руки она показывает на медальон и вибрас.

Опасливо косясь на непредсказуемых дам, надеваю браслет. Индикатор предупреждает о том, что в запасе осталось меньше трёх минут. Выискиваю данные Гекубы и включаю функцию видоизменения.

Настоящая супруга Приама исчезает, в то время как я занимаю место её волн вероятности в квантовом пространстве.

— Теперь верите? — произношу я голосом царицы, поднимаю руку и показываю им вибрас. После чего извлекаю из складок платья тросточку-тазер.

Оставшаяся четвёрка, включая Елену, ахает и в ужасе отшатывается, словно старуху прирезали у них на глазах. Хотя нет, ещё хуже: к виду ноже-

вых ранений красавицам не привыкать.

Я принимаю прежнюю наружность, и Гекуба оказывается на своей стороне комнаты. Царица растерянно моргает, хотя мне доподлинно известно: она ничего не заметила. Женщины принимаются быстро и бессвязно лопотать. Бросаю взгляд на индикатор. Ещё две минуты и тридцать восемь секунд.

Хорошо, что энергия квит-медальона беспредельна. Пока.

— Хотите, чтобы я квитировался прочь отсюда и благополучно вернулся?

— Нет, — возражает опомнившаяся Гекуба. — Все наши планы — и *твои* тоже — зависят от того, можешь ли ты незаметно пробраться именно на Олимп. Возьми туда кого-нибудь из нас. Это возможно?

Я опять не спешу с ответом. Наконец решаюсь:

— Да, но Шлем Аида скрывает лишь одного человека. Второго все увидят.

— Тогда принеси доказательство, что ты был там, — настаивает она.

— Какое, например? — Я всплескиваю руками. — Ночной горшок Зевса?

Женщины снова шарахаются, словно услышали непристойность. А, ну да. Я и забыл. Богохульство

нынче не в моде, не то что в моё время. И кстати, по вполне понятным причинам. Попробуй оскорби десятифутового громилу, который так и мечет убийственные молнии! Последствия будут ужасны. Надеюсь, свинцовые стены и впрямь непроницаемы для Олимпийцев. Дело даже не в остроумной шутке про ночной горшок — скорее в том, что мы здесь замышляем.

— Однажды, — мягко начинает Елена, — я видела, как Афродита расчёсывает сияющие волосы чудесным серебряным гребнем тончайшей божественной работы. Принеси его.

Когда же до них дойдёт: покровительница влюблённых пускает пузыри в лиловом баке! Принимаюсь рассказывать заново и вдруг понимаю: нет, леди права. Это я глупец. Вряд ли гребень плавает вместе с хозяйкой.

— Ладно. — Я нахлобучиваю на голову Шлем и кручу диск телепортации. — Не уходите без меня.

Капюшон сработал прежде медальона, поэтому последние слова донеслись до женщин из пустоты.

* * *

Дочь Зевса должна обитать в одном из огромных белых домов у кратера. Знать бы ещё, в каком. Единственное, что я помню, — это помещение неподалёку от Великого Зала Собраний, где мы пообщались однажды и где богиня едва не соблазнила схолиаста Хокенберри, норовя превратить его в наёмного убийцу. Если там и не личные покои Афродиты, то по крайней мере съёмные апартаменты.

Квитируюсь на Олимп — и у меня захватывает дух.

Трибуны почти пусты, зал погружён в полумрак, голографическое видеоозеро не показывает ничего, кроме объёмных статических помех. Однако некоторые боги здесь. Как ни странно, Зевс тоже, хотя я был твёрдо уверен, что он восседает на горе Ида и наблюдает за кровавой резнёй на Илионских долинах. Отец бессмертных и смертных занял свой золотой трон; рядом переговариваются боги-мужчины, в том числе «сребролукий» Аполлон. (Каждый — футов десять ростом, не меньше.) Даже под защитой Шлема и на приличном расстоянии я стараюсь почти не дышать: ещё услышат, чего доброго. Но их

внимание приковывает иное зрелище.

У подножия Зевсова престола, на пересечении всеобщих пристальных взглядов, громоздится нечто, мягко выражаясь, невообразимое для здешних мест. Огромный, искорёженный и покрытый выбоинами металлический панцирь величиной с корпус «форда экспедишн» — груда механизмов, взятых со страниц какого-нибудь научно-фантастического романа, — и маленький, сверкающий робот-гуманоид. Последний произносит речь. Причём на английском. Боги внимательно слушают, и вид у них не слишком довольный.

38
Атлантида и орбита Земли

— Непонятно, — вслух заметил Харман, — почему постлюди выбрали для своей базы именно такое название?

— Думаешь, я что-то смыслю в их выкрутасах? — пожала плечами Сейви, следя за показаниями виртуальных датчиков.

Собиратель бабочек медленно дожевал третью питательную плитку и поинтересовался:

— А чем вас не устраивает название «Атлантида»?

— Да ведь, судя по древним картам, Атлантический океан размещался к западу отсюда, за Дланями Геркулеса, — пояснил девяностодевятилетний. — А тут расстилалось Средиземное море.

— Правда?

— Истинная.

— И что?

Опытный путешественник испустил вздох и умолк, однако Сейви решила подать голос:

— Может статься, дело в простом капризе «постов». Хотя, если память мне не изменяет, один

мыслитель по имени Платон, живший ещё до наступления Потерянной Эпохи, писал о некоем острове Атлантида, будто бы расположенном когда-то в здешних водах.[23]

— Платон, Платон… — задумался Харман. — По-моему, я встречал в книгах ссылки на его труды. Там ещё была странная картинка… Собака.

Вечная Жидовка кивнула:

— Жаль, что большая доля старинной иконографии навеки утратила смысл.

— А что такое собака? — полюбопытствовал дамский любимец, прихлёбывая воду из бутыли. Питательные плитки не притупили острого голода, но еда всё равно закончилась.

— Мелкий зверёк, широко распространённый в Потерянную Эпоху, — ответила старуха. — Не знаю, зачем «посты» позволили этим домашним любимцам людей исчезнуть с лица земли. Возможно, тут постарался вирус Рубикона.

— Это как с лошадьми, что ли? — Даэману припомнились большие грациозные животные

---

[23] notes: 23

Согласно энциклопедии Брокгауза и Эфрона, «по мифу, который, как рассказывает Платон в „Тимее“ и „Критии“, один египетский жрец будто бы сообщил Солону, так назывался громадный остров в Атлантическом океане». Теория греческого археолога А. Галанопулоса, отождествлявшая платоновскую Атлантиду с крито-микенской цивилизацией в Средиземном море, появилась только в XX в.

из туринской драмы, которых он доселе считал плодом чьего-то воображения.

— Ну, собаки были помельче и мохнатые, но в общем вымерли в то же самое время.

— Значит, всяких там динозавров ПЛ возвратили. — Коллекционера даже передёрнуло. — А безобидных лошадок и собак не стали?

— Я же говорю, постлюди часто совершали необъяснимые поступки.

Путешественники ехали весь день, легко преодолевая на громадном шестиколёсном вездеходе неглубокие речки и пересохшие каналы. Вокруг расстилались бескрайние поля, на которых колыхались на ветру все известные и неизвестные Даэману злаки. Над ними хлопотали привычные глазу сервиторы, чей вид поначалу весьма порадовал молодого мужчину — пока до того не дошло, какой чудовищной величины должны быть эти умные машинки, заметные в синей дали. Футов двадцать, а то и все пятьдесят в высоту и наполовину такие же в ширину, не меньше. И вообще, чем сильнее углублялся вездеход в таинственный Бассейн, тем чужероднее становились поля и сервиторы, обрабатывающие их.

Когда паукообразная машина грузно покатила между высокими стенами сахарного тростника

(как назвала растение всезнающая Сейви), с хрустом ломая зелёную поросль по обе стороны от узкой дорожки, Харман впервые заметил зеленовато-серых гуманоидов. Они скользили по полю, точно призраки, ухитряясь не тревожить плотно прижатые друг ко другу стебли.

— Это калибано, — пояснила еврейка. — Не думаю, что они нападут.

— Вчера ты говорила об этом более уверенно, — насторожился собиратель бабочек. — А как же всякие там дээнка-штучки, отрезанные волосы, сделка?

Старуха улыбнулась:

— Да, Просперо весьма переменчив нравом. Но пораскиньте-ка мозгами: если бы твари собирались остановить нас, зачем было ждать утра?

— У нас защитное поле вокруг кабины, — неуверенно начал коллекционер. — Может, оно их отпугнёт?

— Калибано умнее войниксов, — хмыкнула Сейви. — Они способны застать добычу врасплох.

Обитатель Парижского Кратера нервно повёл плечами, после чего долго не отрывал от поля напряжённого взора. Бледные силуэты мелькали тут и там, проворно ускользая из виду.

Оставив позади тростниковые заросли, вездеход вскарабкался на пригорок; дорога из бурой глины продолжала бежать на северо-запад по просторам, засеянным озимой пшеницей. Маленькие, в пятнадцать — шестнадцать дюймов, колоски шумели, будто сплошное безграничное море.

Увы, твари с кошачьими глазами не собирались отставать. Они тоже покинули зелёный тростник и теперь вприпрыжку мчались вдогонку прямо по пшенице; те, что выбрались на дорогу, отталкивались на бегу всеми четырьмя конечностями.

— Ох и не нравится мне такая компания, — поёжился Даэман.

— Это ещё что! Видел бы ты самого Калибана, — откликнулась Сейви.

— А они кто? — рассердился молодой мужчина. Хоть бы раз понять еврейку от начала до конца!

Старуха усмехнулась и перемахнула на тяжёлой машине через какой-то трубопровод неясного назначения.

— Говорят, все калибано — лишь клоны одного настоящего. Третьего элемента троицы Гайи: Ариэль, Просперо, Калибан.

— «Говорят, говорят», — передразнил коллек-

ционер. — Кругом одни сплетни. Сама-то ты хоть что-нибудь знаешь, из первых рук? А то все эти древние кривотолки — ерунда чистой воды.

— Отчасти да, — согласилась Сейви. — Понимаете, я ведь не все полторы тысячи лет своей жизни бродила по Земле. Вот и приходится полагаться на книги да чужие слова.

— Что значит: «не бродила»? — встрепенулся Харман.

Еврейка невесело рассмеялась:

— Я, конечно, лучше вас, элои, приспособлена для восстановления здоровья. Однако никто не живёт вечно. И даже тысячу лет. Большую часть срока я, точно Дракула, провела в особых морозильных камерах, вроде тех, что вы видели на мосту Золотые Ворота. Время от времени высовывала нос наружу, то бишь выходила в свет, пыталась разузнать, что к чему, искала способ вернуть друзей, заключённых в голубой луч, и сразу назад, в спасительный холод.

Мужчина почтенного возраста склонился ближе к ней:

— И сколько лет ты… бодрствовала?

— Менее трёхсот, — промолвила старуха. — Этого вполне достаточно, чтобы утомить человечье тело. И разум. И душу.

— А кто такой Дракула? — встрял Даэман.

Сейви промолчала.

Между так называемым Иерусалимским побережьем и местом, куда направлялись путешественники, пролегло «три сотни миль» — ещё один оборот, ничего не значащий для слуха мужчин. Ведь раньше любую дорогу длиннее мили Даэман одолел бы в мгновение ока — по факсу. Как и все порядочные люди.

Половину вышеозначенного расстояния вездеход покрыл как раз к полудню. Но вот глинистая дорога закончилась, и машина тяжело покатила по твёрдым ухабам, заметно снизив ход. Сейви не единожды приходилось описывать большие крюки, однако машина неизменно возвращалась к намеченному курсу. Следить за направлением еврейке помогал крохотный инструмент со стрелкой и помятые карты, нарисованные от руки.

— А не проще воспользоваться напульсной функцией? — осведомился кузен Ады.

— Общая сеть не работает здесь, в Бассейне, — пояснила старуха. — К тому же нашу цель не отыщешь в банке данных. Ничего, мне хватает компаса, карт и ГСН[24] — это такое старое, поза-

[24] notes: 24
Глобальная Система Навигации.

бытое изобретение, но действует безотказно.

— А как именно? — полюбопытствовал собиратель бабочек.

— Магия, — отмахнулась Сейви.

Молодого спутника ответ удовлетворил.

Дорога продолжала бежать под уклон. Ровные квадраты полей уступили место каменистым равнинам и буеракам, поросшим кое-где тростником и пышными папоротниками. Калибано больше не показывались на глаза; впрочем, их могла скрыть серая пелена дождя, разыгравшегося, когда солнце перевалило точку зенита.

На пути стали попадаться древние артефакты — корпуса бесчисленных погибших кораблей из дерева и железа; лес полуразрушенных ионийских колонн; старинные пластмассовые предметы, выглядывавшие из серой осадочной породы; выбеленные солнцем кости морских обитателей и несколько громадных, проржавевших бочек — «настоящих подлодок», по словам старухи.

Через пару часов ливень утих, и троица разглядела на северо-востоке мезас[25] или столовую гору с плоской зелёной вершиной, довольно

---

[25] notes: 25
Название горных плато в Амазонии.

покатую, в окружении зубчатых утёсов, изборождённых синими потоками.

— Нам сюда? — спросил Даэман.

— Нет, это Кипр. Во вторник исполнится тысяча четыреста восемьдесят два года с тех пор, как я утратила девственность на его пляже.

Спутники тайком переглянулись, однако благоразумно смолчали.

Ближе к вечеру под колёсами захлюпали болотца, и по сторонам от битой дороги вновь потянулись возделанные поля. Сервиторы самой невообразимой формы по-прежнему суетились над ними, не обращая внимания на вездеход, вперевалку колесящий мимо. Большинство машин, похоже, вообще не имели органов зрения.

Однажды путь преградила река в добрых две сотни ярдов шириной. Еврейка наглухо захлопнула щель (до сих пор друзья наслаждались чистым воздухом, свободно обдувающим кабину) и направила вездеход вниз по берегу. Посередине потока, на глубине сорока с лишним футов, даже яркие фары едва пронзали сумрачную толщу волн. Мощное течение постоянно сносило громадную машину вбок, и Сейви потратила немало усилий, чтобы вывести её на нужный путь. Пожалуй, прикинул Даэман, имей вездеход колёса

чуть помельче, мотор послабее или не столь подвижные распорки — его вместе с пассажирами непременно унесло бы на запад.

Но вот гигантский «паук» вынырнул на сушу и покатил вперёд, волоча за собой тридцатифутовый хвост из грязных водорослей. Харман с уважением заметил:

— Не знал, что вездеходы ездят под водой.

— Я тоже, — беспечно бросила старуха.

Вскоре на пути начали попадаться энергетические устройства.

Когда первый прибор блеснул в тридцати ярдах от глинистой дороги, еврейка остановила машину.

— Желаете полюбоваться вблизи?

И хотя друзья уже несколько часов не видели ни единого калибано, Даэману менее всего хотелось покидать надёжную кабину. Однако недавний именинник, разумеется, изъявил желание пойти. Оставаться в одиночестве было бы ещё хуже, так что собирателю бабочек пришлось плестись вслед за престарелой парочкой через поле. К тому же после долгого сидения в машине ноги сделались как ватные, и размять их не мешало.

Желтовато-рыжее приспособление с подвижными зелёными прожилками парило в четырёх

футах над землёй. Оно слегка напоминало шар, из которого во все стороны торчали какие-то «стручки», что раздувались, образовывали маленькие слепки с главного устройства и тут же вновь поглощались им. Обитатель Парижского Кратера наотрез отказался подходить к подозрительной диковине ближе чем на двадцать шагов. Ему и так стало не по себе, когда голова и плечи любопытного Хармана скрылись из виду за медленно летающей штуковиной на целую минуту.

— Что это? — поинтересовался девяностодевятилетний.

— Мы достигли окраин Атлантиды, — произнесла Сейви. — Осталось около шестидесяти миль. «Посты» возводили все наземные станции из этого материала.

Мужчина осторожно протянул руку:

— Можно потрогать?

— Некоторые из них бьют током, хотя и не смертельно. Ладонь тебе точно не оторвёт.

Пальцы Хармана коснулись блестящей изогнутой поверхности — и прошли насквозь. Он проворно выдернул руку; с неё тут же закапали жёлтые пузырьки, которые поплыли по воздуху обратно к большому шару.

— Окоченеть можно. — Мужчина поморщился,

сгибая онемевшие пальцы.

— В сущности, перед нами одна громадная молекула, — промолвила старуха. — Только убей — не знаю, как им это удалось.

— Что такое молекула? — повысил голос Даэман; во время трюка с пропавшей ладонью он отскочил назад ещё на несколько футов и теперь вынужден был напрягаться, дабы поучаствовать в разговоре.

— Это крохотные шарики, из которых состоит всё на свете, — туманно пояснила еврейка. — Чтобы разглядеть их, нужны специальные лупы.

— Да я и так вижу, — хмыкнул молодой спутник.

«Иногда наша Сейви лопочет хуже неразумного ребёнка!» — подумалось ему.

Впрочем, о младенцах кузен Ады знал только понаслышке.

Троица возвратилась к вездеходу. Жаркое пламя заката сияло на крутых боках стеклянной кабины и мерцало на стальных коленцах распорок. Далеко на востоке, там, где высилась гора Кипр, вершины кучевых облаков ловили золотые отблески вечерних зарниц.

— Почти вся Атлантида выстроена из макромолекулярной замороженной энергии, — про-

должала рассказывать еврейка. — Постлюди обожали подобные квантовые шуточки. Это смесь реальной и «иноземной» — как называли её учёные Потерянной Эпохи — материй, но не спрашивайте у меня точный состав или принцип действия. Знаю одно: изобретение помогло сделать их города чем-то вроде оборотней. При желании они легко перемещаются по квантовым мирам туда и обратно.

— Не понял, — сказал Харман, опередив товарища.

— Ничего, скоро сами увидите. Насмотритесь, когда поднимемся вон на тот холм на горизонте. Только нужно успеть дотемна.

Троица забралась в машину, однако прежде чем Сейви стронула громадного «паука» с места, девяностодевятилетний путешественник изрёк:

— Ты бывала здесь раньше.

В его тоне не слышалось и намёка на вопрос.

— Да, — подтвердила старуха.

— А на орбитальных кольцах — нет. За этим ты сюда и ходила?

— О да. — Еврейка запрокинула голову посмотреть на светящиеся крестообразные полосы в сумеречном небе. — Я до сих пор уверена, что ключ к освобождению моих друзей из нейтрин-

ного луча находится там.

— В прошлый раз у тебя не получилось. Почему?

Сейви развернула кресло к мужчинам и улыбнулась:

— Откровенность за откровенность. Сначала поведай мне, что ты забыл на кольцах. Потратить столько лет на поиски дороги в небеса… Должна же быть какая-то цель?

Их взгляды скрестились. Через минуту Харман отвёл глаза:

— Обычное любопытство.

— Нет, — отрезала старуха. И продолжала ждать.

На лице недавнего именинника отразилась труднейшая внутренняя борьба; собиратель бабочек ни разу не видел в его глазах столько чувства.

— Ты права, — рявкнул девяностодевятилетний. — Это не праздный интерес. Я хочу отыскать лазарет.

— Чтобы прожить… дольше, — тихо произнесла еврейка.

Харман сжал кулаки:

— Да, шут возьми! Дольше. Потому что я ненасытный ублюдок. Мало мне Пяти Двадцаток,

понимаешь? Я мечтаю быть с Адой, когда она родит наше дитя, и помогать ей воспитывать его, хотя современные папаши слыхом не слыхивали о таких вещах. Я жаден, жаден, очень жаден до жизни! Теперь довольна?

— Вполне. — Сейви обратила проницательный взор на молодого участника экспедиции. — Ну а тебя как занесло в нашу компанию, Даэман Ухр?

Тот пожал плечами:

— Да я бы с радостью слинял домой, попадись на пути хоть один факс-портал.

— Здесь их нет. Извини.

Горожанин пропустил насмешку мимо ушей.

— Объясни лучше, для чего мы тебе понадобились? Дорогу ты знаешь, вездеход нашла без труда. Мы-то тут при чём?

— Дельный вопрос. В последний раз я добиралась до Атлантиды пешком. С севера. Это произошло полтора столетия назад. Со мною дошла пара элоев — простите за обидное слово, — пара девушек. Вот *их* привело настоящее любопытство.

— И что случилось потом?

— Они умерли.

— Отчего?.. Калибано?

— Нет. Эти твари сожрали моих предыдущих

спутников, мужчину и женщину, примерно три века назад. Тогда я ещё не умела говорить с логосферой и слабо разбиралась в ДНК.

— А почему всегда по трое? — вмешался девяностодевятилетний.

«Да кого оно интересует! — мысленно возмутился Даэман. — Лучше бы разузнал про тех, погибших. Что она имеет в виду? Не *совсем* же они скончались? Только до лазарета, верно? Ведь правда же?..»

Сейви рассмеялась:

— А вот это самый удачный вопрос, Харман Ухр! В первый раз, тысячу лет назад, ваша покорная слуга проделала путь в одиночку, но… Скоро сами поймёте. Кстати, это не единственная станция «постов», которую я посетила. Есть ещё Гималаи. Остров Пасхи. Южный полюс. Прогулки, доложу я вам, выдались на славу. Особенно если учесть, что за триста миль от любой нужной остановки соньер вырубался…

Молодой человек уже не слушал; мысли его занимали убийства, пожирание человеческой плоти…

— Так ты до сих пор не обнаружила ни одной космической посудины? — Харман поднял бровь. — После всех попыток?

— Нет никаких космических посудин, — проронила старуха.

И, включив виртуальную панель управления, повела «паучище» на северо-запад. Багровый закат разливался уже вполнеба.

Город «постов» растянулся по высохшему дну на многие мили. Вездеход вперевалку покатил мимо синих пирамид, складывающихся вовнутрь, мимо красных витых лестниц, возносящихся в пустоту, голубых помостов, которые то появлялись, то вдруг исчезали, парящих в воздухе шаров и бессчётных прочих фигур всевозможной окраски.

— Выходим, приехали! — объявила Сейви.

В этот миг даже Харман, облачившийся, как и остальные, в термокостюм, помедлил на пороге. Снаружи сгущался мрак; к сиянию орбитальных колец на пурпурно-чёрном небосклоне уже присоединились первые звёзды. Энергетическое мерцание безлюдного города озаряло пересохшее дно и возделанные поля на сотни миль вокруг.

— Нам сюда, — сказала старуха и отправилась вверх по алой лестнице.

Даэман беспрестанно морщился: ему чудилось, будто он шагает по гигантским губкам. Хотя, если честно, макромолекулярные ступени отлично

держались в пустоте.

В доброй сотне футов над землёй спираль закончилась площадкой из чёрного металла, не отражающего свет. Посередине квадратной платформы стояло три безумно древних с виду деревянных кресла с высокими спинками. На сиденьях лежали пунцовые подушки. Кресла располагались симметрично: каждое в десяти футах от круглого отверстия в центре площадки, причём спинкой к нему.

— Садитесь, — пригласила спутников Вечная Жидовка.

— Это шутка? — Даэман побледнел под маской.

Старуха медленно повела головой из стороны в сторону и уселась сама. Харман занял другое кресло. Молодой мужчина обошёл платформу и вернулся к пустому сиденью.

— А что дальше-то? — насупился он. — Мы ждём кого-нибудь? Или чего-нибудь?

— Сядь и узнаешь, — посоветовала Сейви.

Кузен Ады с опаской, но подчинился. На крепких поручнях, украшенных затейливой резьбой, он заметил два ярких кружочка: слева белый, справа красный. Обитатель Парижского Кратера не тронул ни одного.

— Как только досчитаю до трёх, — сказала ста-

руха, — жмите на белую кнопку. Раз, два…

— Минутку, минутку! — заволновался Даэман. — И что тогда случится?

— Да ничего такого. — Еврейка пожала плечами. — Главное — нажать одновременно. Это я усвоила ещё во время первого визита. Готовы? Один, два… три!

Три пальца разом вдавили кнопки в поручни.

Собиратель бабочек пулей вылетел из кресла и добежал до самого края чёрной платформы, прежде чем обернуться.

— Ну и дела! — воскликнул он, однако застывшие на своих местах спутники не услышали вопля. Мощный взрыв, раздавшийся миг назад за спинами путешественников, оглушил всех троих.

Выброс энергии напомнил Даэману молнию. Зигзаг чистого пламени вырвался из чёрной дыры посреди площадки и взметнулся к тёмному небосводу, всё выше и выше. Затем он плавно свернул на восток и описал раскалённую добела дугу, которая словно… как будто бы…

Нет, *на самом деле*. Молния соединилась, взаправду соединилась с одной из ярких звёзд орбитального кольца. Молодого мужчину обуял такой ужас, что его едва не стошнило.

— А ну вернись! — проревела Сейви.

Ни тогда, ни после собиратель бабочек так и не смог объяснить себе, зачем он её послушал. И главное, зачем совершил то, что совершил минуту спустя.

— На счёт «три» жмём красную кнопку! — прокричала сквозь грохот женщина, чьи седые волосы поднялись дыбом и шевелились вокруг лица подобно коротким змеям. — Раз, два…

«Ни за что, никогда, — как молитву, твердил про себя кузен Ады, плотно зажмурившись. — *В жизни этого не сделаю».*

— Три! — проорала старуха. И вдавила палец в алый круг.

Харман без колебаний сделал то же.

«*Не-е-ет!*» — вопил разум Даэмана.

Но рука сама нащупала кнопку. И нажала изо всей силы.

Деревянные кресла устремились в небо, вращаясь вокруг шипящей, потрескивающей, подвижной и живой нити-молнии, с такой скоростью, что звуковая волна гулко сотрясла пересохшее дно Бассейна, а вездеход подпрыгнул от воздушного удара.

Миг — и кресла затерялись на звёздных просторах. Лишь змея ослепительной энергии

продолжала извиваться, содрогаться и корчиться между Землёй и экваториальным кольцом.

39
Олимп, Илион и снова Олимп

Блестящий робот завораживает меня. Искушение остаться и дослушать, чем кончится дело, очень велико, но я всё равно не осмелюсь подобраться ближе: бессмертные без труда услышат шаги под этими пустыми сводами. Английская речь умолкает. Зевс и прочие опять переходят на древнегреческий — на язык, с которым я так сроднился за девять с лишним лет. До слуха долетают какие-то обрывки: «…маленькие автоматы… игрушки… из Великого моря… подлежат уничтожению…»

Эх, подкрасться, что ли? Однако я не забыл, зачем прибыл сюда: ради гребня Афродиты. Троянки ждут. Участь сотен тысяч людей находится в моих руках, поэтому я нехотя удаляюсь от богов и диковинных машин и на цыпочках двигаюсь по длинному коридору к анфиладе комнат, где впервые повстречал покровительницу любви. Когда же это было? Неужто пару дней назад? Не могу поверить. Сколько воды утекло с тех пор.

Эхо божественных голосов, долетающих из

Зала, по-прежнему рокочет где-то под потолком. Чувствуя, как сердце колотится прямо в глотке, проскальзываю в номер люкс Афродиты. Без сомнения, та самая комната; знакомое ложе, минимум мебели, ни единого окошка, свет излучают медные треногие жаровни да загадочный голубоватый экран, мягко мерцающий над рабочим столом из мрамора. Ещё в прошлый раз эта штука напомнила мне монитор компьютера, и я подхожу ближе. Всё правильно. Голубой четырёхугольник парит в нескольких дюймах над крышкой стола; меню отсутствует, но на поверхности плавает одинокий белый кружок, словно приглашая: «Нажми меня, и экран зажжётся!»

Не дождётесь.

Рядом с ложем пристроился аккуратный круглый столик для личных мелочей. Надеюсь, окаянная расчёска здесь. Нет, ошибочка. Брошка из серебра — есть, пара блестящих цилиндров (Олимпийская помада? Кто его знает…) — вот они, разбросаны. Зеркало. Тоже серебряное, явно неземной работы, полёживает себе отражающей стороной вниз. Только гребня нет.

Вот влип, а? Понятия не имею, какое из многочисленных строений, разбросанных по зелёной вершине, принадлежит дочери Зевса. Не хватало

только спрашивать путь у бессмертных, ха-ха. Нет уж, Елена, уволь. Гребня мне точно не отыскать. Но ведь главное — доказать, что у меня свободный доступ на Олимп, и чем скорее, тем лучше, верно? Троянки могут и не дождаться.

Не глядя, хватаю зеркало, ясно представляю перед собой подвал святилища Афины и квитируюсь обратно.

Прошло всего несколько минут, а женщин уже семь. При моём появлении все шарахаются к стене, а одна вскрикивает и закрывает руками лицо. Впрочем, я уже успел распознать, кто это. Прелестнейшая из дочек Приама, пророчица Кассандра.

— Ты принёс гребень, Хок-эн-беа-уиии?

— Некогда было искать. Это сойдёт? — Я протягиваю зеркало ближайшей из них, Лаодике.

— Резьба на ручке действительно похожа… — Елена осекается.

Лаодика с аханьем роняет зеркало. Жрица Феано ловит его у самого пола, заглядывает, белеет как полотно и поспешно передаёт Андромахе. Жена Гектора смотрит — и заливается краской. Кассандра выхватывает у подруги загадочную вещицу и снова вскрикивает.

Гекуба отнимает у девушки зеркало. Брови ца-

рицы нахмурены. Какая кошка пробежала между этой парочкой? Вспомнил: юная прорицательница убеждала Приама умертвить сына Гекубы Париса, предвидя будущее похищение супруги Менелая и падение священной Трои. Однако Кассандру никто не слушал, ибо, согласно древней традиции, Аполлон, наделивший девицу даром предсказания, обрёк её на неверие и насмешки горожан.

Теперь царица уставилась на своё отражение, разинув рот.

— В чём дело? — Я начинаю волноваться. Что-то не так с моим трофеем?

Елена берёт зеркало у жены Приама и протягивает мне:

— Видишь, Хок-эн-беа-уиии?

Заглядываю. Да, отражение какое-то… странное. Вроде бы я и в то же время нет. Мужественный подбородок, некрупный нос, неустрашимый взор, волевые скулы, белоснежные зубы…

— И всё? Чего же тут пугаться?

— Да, это зерцало Афродиты, — шепчет избранница Париса. — Оно показывает лишь красоту. Мы видели себя *богинями*.

Разве Елена может быть ещё обворожительнее? С трудом верится. Однако я киваю и осторожно

касаюсь мнимого стекла. Поверхность мягкая, упругая, на ощупь напоминает экран ноутбука на жидких кристаллах. Может, так оно и есть. И резная крышка скрывает под собой мощные микрочипы видоизменяющих программ, которые на основе алгоритмов симметрии, идеализированных пропорций и прочего преобразуют воспринимаемую человеческую красоту.

— Позволь представить тебе, Хок-эн-беа-уиии, тех троянок, что явились на наш зов, дабы испытать твои слова. — Елена плавно показывает рукой в сторону новеньких. — Ту, что помоложе, зовут Кассандра, она дщерь Приама. Другая — Герофила, или «возлюбленная Геры», древнейшая из Сивилл и жрица Аполлона. Это она много лет назад растолковала ужасный сон Гекубы.

— Какой сон? — устало спрашиваю я.

Нарочито не глядя на пришедших, царица рассказывает:

— Когда я носила во чреве второго сына, Париса, то получила с небес видение о том, что произведу на свет зажжённый факел, который спалит Илион дотла. Дитя обернулось лютой Эриннией — богиней мщения. Никому не ведомо, откуда явились в наш мир эти чудища — то ли проросли из крови оскоплённого своим сыном Крона, то

ли вскормлены Аидом и Персефоной, хотя скорее всего рождены гибельной Ночью. Огненная Эринния не имела крыльев, но походила на гарпий. её зловонное дыхание пахло серой, прямо из очей струилась ядовитая слюна, а голос напоминал крики перепуганных стад скота на бойне. На поясе существа качалась связка медных бичей, в одной руке горел факел, в другой извивался змей, и домом чудища была сама Преисподняя. Оно явилось отмстить за все слёзы матерей, и о приходе его возвестил бешеный лай илионских собак, будто бы страдающих от невыносимой боли.

— Ух ты, — говорю я. — Надо ж такое увидеть.

— Мне открылось, что Эринния воплотится на земле в образе её сына Париса, — встревает седая карга по имени Герофила. — Кассандра предсказывала то же. Приаму настоятельно советовали умертвить младенца сразу же, как только выйдет из лона матери… — Жрица бросает на Гекубу испепеляющий взгляд. — К нам не прислушались.

Елена делает шаг и становится между пожилыми дамами.

— Каждая из нас, Хок-эн-беа-уиии, хоть однажды видела грёзы о полыхающем Илионе. Трудность в том, чтобы отличить кошмары, зародившиеся из наших собственных страхов за

себя и близких, от истины, проречённой свыше. Твои речи оценить проще. Кассандра задаст тебе несколько вопросов.

Я поворачиваюсь и смотрю на ту, о ком зашла речь. Юная блондинка явно страдает отсутствием аппетита, хотя и сохранила необыкновенную притягательность. Ногти девицы обкусаны до крови, вокруг очей — багровая кайма, пальцы ежесекундно дёргаются и переплетаются между собой. Дочь Приама не может спокойно стоять на месте. Перед моими глазами всплывают фотографии голливудских старлеток, подсевших на кокс и угодивших в реабилитационный центр.

— В моих снах не было ни одного мужчины, столь бессильного на вид, — изрекает Кассандра.

Пропускаю оскорбление мимо ушей.

— Но я спрошу тебя кое о чём. Однажды ахейский владыка Агамемнон предстал мне в образе царственного тельца. Можешь объяснить это, о великий провидец?

— Мне известно ваше грядущее, ибо оно свершилось в моём прошлом. Но я не провидец и не толкователь. А тут всё просто. По возвращении в Спарту Атрида прирежут, точно жертвенного быка.

— В стенах его же дворца?

— Нет. — Мать моя, что это: устный выпускной экзамен в Гамильтоновском колледже? — Атрид найдёт гибель в чертогах Эгиста.

— От чьей руки? — не унимается пророчица. — По чьей воле?

— Клитемнестра.

— За какую же провинность, о непровидец?

— Жена не простит ему принесение в жертву их дочери, Ифигении.

Не прекращая прожигать меня глазами, Кассандра еле заметно кивает прочим.

— А что ждёт меня, о всевидящий? — насмешливо вопрошает она.

— Страшные надругательства в этом самом храме.

Слушательницы шумно втягивают воздух. Кажется, я зашёл слишком далеко. Хотели правду, красавицы, вот и подавитесь.

Кассандра сохраняет невозмутимый вид. Она чуть ли не *довольна*. Боже, до меня вдруг доходит: картина дикого изнасилования всю жизнь стояла перед мысленным взором этой женщины-девчонки. И никто, ни единая душа не верила ей. Должно быть, мои слова в каком-то смысле утешили дочь Приама — впервые за долгие годы.

Прорицательница разжимает уста. И тон её

далёк от довольного, как небо от земли:

— Кто поднимет на меня руку в храме?

— Аякс.

— Какой? Большой или Малый? — Измученная бессонницей и тревогами, она всё же очаровательна в своей болезненной уязвимости.

— Малый. Аякс — предводитель локров.

— Зачем же я сойду в святилище, о слабый мужчина?

— Спасти или спрятать палладий. — Я киваю в сторону невысокой каменной статуи.

— Уйдёт ли предводитель локров от расплаты, о мужчина?

— Утонет по дороге домой. Корабль налетит на Гирейские скалы. Многие схолиасты усматривают в этом знак ярости Афины.

— Ярости за глумление надо мной или за осквернённый храм? — требует ответа Кассандра.

— Не знаю. Скорее последнее.

— Кто станет свидетелем моих мучений, о мужчина?

Постойте-ка минутку…

— Одиссей. — В моих словах проскальзывает вопросительная интонация, как у студента, надеющегося, что он нечаянно выпалил верный ответ.

— Кто ещё, кроме сына Лаэрта?

— Неоптолем, — говорю я после раздумий.

— Сын Ахиллеса? — усмехается Феано. — Девятилетний мальчик, оставленный на Аргосе?

— Нет, — возражаю я. — Ему семнадцать, и он свиреп, словно лев. Парня вызовут с острова Скирос после убийства Ахилла. Неоптолем залезет в брюхо деревянного коня вместе с Одиссеем.

— Деревянного коня? — перебивает Андромаха.

Однако в распахнутых очах Елены, Герофилы и Кассандры ясно читается признание: треклятая лошадь знакома и им.

— Известно ли тебе другое имя Неоптолема? — интересуется юная пророчица тоном завзятого прокурора.

— Грядущие поколения запомнят его как Пирра, — усиленно роюсь в памяти, извлекая оттуда обрывки своих лекций, киклических поэтов античности, Прокла и, наконец, Пиндара. А я давненько не читал Пиндара. — После войны сын Ахилла не вернётся на родину отца. Он останется в Молоссии, на западном побережье острова. Позднейшие владыки нарекут героя Пирром и объявят своим дальним предком.

— В ту ночь, когда падёт Троя, совершит ли

Неоптолем нечто ещё? — продолжает давить Кассандра.

Ну и судьи у меня, аж мороз по коже: жена Приама, дочь Приама, мать Скамандрия, жрица Афины, сивилла с её паранормальными способностями, полуженщина-полуребёнок, обречённая предвидеть грядущее, и вдобавок Елена, супруга Париса и Менелая. Как хотите, а я предпочёл бы суд присяжных.

— Пирр, известный ныне под именем Неоптолема, зарежет царя Приама в его дворце. Он же сбросит Скамандрия с городской стены, разбив головку младенца о камни. Он же лично увезёт Андромаху в рабство, как я уже упоминал.

— И скоро наступит эта ночь? — не отступает Кассандра.

— Да, скоро.

— Сколько осталось: годы, месяцы, недели? Дни?

— Недели. Или дни.

И в самом деле, сколько? Если «Илиада» пойдёт точно по расписанию, то ждать… м-м-м, совсем недолго.

— Ответь нам… ответь *мне*, о мужчина. Илион разрушат, меня изнасилуют, а что дальше? Что будет потом? — почти выкрикивает она.

У меня пересыхает во рту.

— С… с тобой?

— Да! Каков мой удел, о человек из будущего? — шипит белокурая красотка. — Обесчещенную или нет, враги ведь не бросят меня здесь? Когда благородную Андромаху повлекут в рабство, а благородной Еленой опять завладеет разгневанный муж, что станется с Кассандрой?

Я тщетно провожу шершавым языком по растрескавшимся губам. *А сама-то она знает?* Простирается ли дар «сребролукого» на события за пределами судьбы Илиона? А шут его ведает. Один из поэтов-схолиастов, Роберт Грейвз, по-моему, переводил имя пророчицы как «та, что запутывает людей». Всё так. Но ещё она — та, чей вечный приговор — высказывать людям истину. Вот и я решаюсь поступить так же.

— Твои чары вскружат голову Агамемнону… — Мой шёпот еле слышен. — Владыка заберёт тебя в Спарту как свою… наложницу.

— Наши дети появятся на свет прежде, чем корабли достигнут берега?

— Д-да.

Я так отчаянно заикаюсь, что не убеждаю и сам себя. Гомер перемешался в голове с Вергилием, тот с Эсхилом, и всё трое намертво переплелись с

Еврипидом. Шекспир, чтоб его, — и тот приложил сюда руку.

— Двойняшки, — уточняю я, подумав. — Сыновья. Теледам и… как там… Пелоп.

— А в Спарте, в царском дворце? — не сдаётся она.

— Клитемнестра зарубит тебя тем же топором, каким обезглавит мужа. — Голос предательски срывается.

Губы провидицы трогает улыбка. Недобрая улыбка.

— Кого убьют сначала: меня или Агамемнона?

— Его.

Вот дерьмо. Ладно, если она способна принять такое не поперхнувшись, мне-то что? Я и так уже покойник. Только учтите, дамочки, тазер бьёт без промаха, и нескольких из вас я с удовольствием подстрелю перед смертью.

— Клитемнестре придётся побегать за вами, и всё же она настигнет обоих. Твою голову царица тоже отрежет. А затем прикончит ваших детей.

Женщины долго и безмолвно глядят на меня. Их лица непроницаемы, как серые скалы. Вот с кем я никогда не сел бы за карточный стол. Первой нарушает молчание Кассандра:

— О да, этому человеку открыто грядущее. Не

знаю, зачем боги одарили его видением — возможно, чтобы разоблачить наши козни. Но мы должны поведать ему всё. Ибо конец Илиона близок и на раздумья нет времени.

Елена кивает:

— Хок-эн-беа-уиии, крути свой медальон и отправляйся в ахейский лагерь. Доставь Ахиллеса к дверям детской в доме Гектора к той минуте, когда сменится стража на городских стенах.

Мысленно прикидываю. Гонг, возвещающий о смене охраны, прозвучит в половине двенадцатого. Ещё примерно час.

— А если Ахилл не пожелает?..

Их жёлчные взгляды омывают меня волной презрения и уничижительной жалости (в пропорциях где-то семь к трём).

Пора делать ноги.

Это, конечно же, глупо и не моя забота, однако во время викторины, которую устроила Кассандра, у меня из головы не шёл тот странный робот с Олимпа. Видал я там создания и почудней: вспомнить хотя бы насекомообразного врача-великана (о богах разговор отдельный)! Но что-то в этом создании не даёт мне покоя. Откуда оно? По крайней мере не из тех двух миров, меж которыми я метался последние девять с лишним

лет, — не из Илиона и не с Олимпа. Маленький автомат, или кто он там, выглядел так, словно пришёл из *моего* мира. В смысле — старого. Я имею в виду, подлинного. Не спрашивайте, с чего я это взял. Никогда прежде не видел роботов-гуманоидов, разве что в научно-фантастических фильмах.

И потом, напоминаю я себе, остался ещё целый час. А пока — натягиваю Шлем Аида и квант-телепортируюсь обратно в Великий Зал Собраний.

Таинственные железки, включая робота и громадный панцирь, уже исчезли. Зевс ещё здесь. С ним парочка других богов. И кстати, Арес тоже. В последний раз на моих глазах он плавал в целебном резервуаре.

Пресвятая Дева, где же тогда Афродита? Эта стерва разглядит меня даже в Шлеме-невидимке. Она что, вышла из лечебницы? Господи боже.

Громовержец восседает на троне; покровитель сражений надрывает глотку:

— Безумие царит внизу! Я отлучился всего лишь на пару дней, и что же? Вся война коту под хвост! Миром овладел Хаос! Ахиллес сразил Агамемнона и принял командование ахейскими ратями. Гектор отступает, хотя воля верховного Зевса заключалась в победе троянцев!

Агамемнон сражён? Пелид во главе войска? Оба-на! Кажется, мы вернулись из страны Оз, Тотошка.

— А те подозрительные автоматы, которые я притащил? Как их там?.. Моравеки? Что с ними, владыка? — восклицает Арес, и гулкое эхо его воплей отдаётся под сводами Зала.

Краем глаза отмечаю, как балконы потихоньку заполняются бессмертными. Видеобассейн, прорубленный в каменном полу, являет картины сумасшедшей резни на поле боя и в аргивском лагере. Однако я не свожу взора с огромного, мощно сложённого, седобородого Зевса, возвышающегося на сияющем троне. Точнее, с его исполинских запястий, которые кажутся высеченными самим Роденом из лучшего каррарского мрамора. Я так близко, что могу видеть седые волосы на обнажённой груди Олимпийца.

— Уймись, благородный лучник, — грохочет Кронид. — Я распорядился уничтожить их. Гера как раз выполняет повеление.

О нет. Может ли быть хуже?

Забавно. Стоит мне подумать об этом, как в помещение врываются Афродита, Фетида и хозяйка-Муза.

40
Экваториальное Кольцо

Даэман визжал всю дорогу. Не переставая.

Сейви с Харманом, наверное, тоже — почему бы нет?! Однако молодой мужчина слышал только собственные крики.

Некая могучая сила — должно быть, защитное поле — сдавливала его со всех сторон. Она не просто удерживала зад на красных подушках бешено крутящегося кресла, но стягивающей плёнкой теснила грудь, плотно облегала лицо, глаза, рот, проникала в лёгкие.

И всё-таки несчастный орал. Особенно когда пламенная дуга изогнулась почти параллельно удаляющейся земле и с каждым оборотом стало казаться, что он вот-вот выпадет. Далеко внизу, в Средней Азии была глухая полночь, однако плотная завеса туч подсвечивалась изнутри грозовыми всполохами, на краткие мгновения озарявшими красный пейзаж, клочья которого кое-где мерцали в окнах среди жемчужно-серых облаков.

Даэмана не интересовало, как называется этот

материк. Сжимая подлокотники побелевшими руками, невольный путешественник вопил, обращаясь к родной планете, к звёздам, к злосчастным кольцам, к тонкому слою атмосферы, оставшемуся… тоже внизу?!. и к солнцу, что вновь явилось на западе, простирая в космос языки немеркнущего огня.

Защитное поле пока ещё охраняло людей, давало возможность дышать и даже — при желании — вопить во всё горло. Обитатель Парижского Кратера вконец охрип к тому времени, когда впереди показалась цель путешествия.

Собиратель бабочек всегда рисовал себе кольцо состоящим из сверкающих цилиндров, стеклянных и металлических, внутри которых постлюди веселятся, закатывают вечеринки и занимаются другими постчеловеческими делами. Но всё оказалось совсем не так.

Большинство блестящих объектов, навстречу которым извивающаяся молния стремительно возносила троицу, напоминали скорее сложные антенны, чем орбитальные дома: какая-то путаница из прозрачных трубок, железных прутьев и кабелей. На концах у многих сооружений мерцали энергетические шары, а внутри у тех пульсировали чёрные сферы. Другие конструк-

ции поддерживали колоссальные, в несколько квадратных миль, зеркала — их полированные поверхности посылали друг другу невесть откуда взявшиеся золотые, лазурные и тусклобелые снопы света. Мерцающие шары и обручи, выполненные, судя по их виду, из той же энергетической материи, что и таинственные приборы Атлантиды, испускали пучки рассеянных частиц и выстреливали лазерные лучи. Всё это и близко не походило на картину, рождённую воображением молодого путешественника.

Планетарный горизонт слегка изогнулся, потом сильнее, точно тетива крепкого лука в руках стрелка. Солнце вновь исчезло за окоёмом, и небосклон взорвался россыпью звёзд, которые мало уступали по яркости пламенеющим в чёрной выси кольцам. Их призрачный свет изливался сквозь тысячи и тысячи миль на далёкие, укрытые снегами горы Земли. На западном изгибе мира горел узкий краешек океана.

Среди нелепых устройств и зеркал плавала огромная скала; когда защитное поле ещё сильнее вдавило Даэмана в подушки, когда его затылок и лопатки больно упёрлись в высокую спинку, а крик оборвался сам собой от нехватки воздуха, молодой мужчина осознал, что змея-

щийся луч энергии заканчивается именно там — на парящем утёсе, на склонах которого мерцали огни города, чьи бесчисленные стеклянные стены переливались подобно граням гигантского японского фонаря.

И вот кресла начали крутой, головокружительный спуск. Даэман ожидал, что они затормозят, но этого не произошло, и вся троица с размаху врезалась в сверкающий небоскрёб высотой не менее сотни этажей. Обитатель Парижского Кратера выдавил из горла последний осипший вопль и крепко зажмурился.

Грохота битого стекла не последовало. Рокового удара и остановки тоже. Друзья плавно продолжали снижение, как если бы упали в кучу мягкого мусора. В миг столкновения крыша небоскрёба изогнулась и превратилась в узкую желтоватую воронку, которая выплюнула троицу в белую комнату. Энергетический луч бесследно исчез, кресла разлетелись в разные стороны, а защитные поля полопались, точно мыльные пузыри. Собиратель бабочек проехал на животе по твёрдому полу, ударился о ещё более жёсткую стену, рикошетом отлетел к потолку и снова упал. В глазах у него потемнело, затем побагровело, затем опять потемнело. Сознание отключилось.

Я падаю!

С кресла? На Землю?

Даэман резко очнулся; тело и мозг кричали ему о том, что внизу пустота. Молодой мужчина раскрыл рот, чтобы снова завопить, и тут же захлопнул его, когда понял: он просто висит над полом; Сейви и Харман парили рядом, держа товарища за руки.

Так не бывает!

Несчастный забился в панике.

— Всё в порядке, — попыталась успокоить его старуха. — Мы в условиях нулевой гравитации.

— Нулевой чего?

— Гравитации. Притяжения. Здесь невесомость. Ну-ка, надень. — Она дала ему один из респираторов, захваченных из кабины вездехода.

Кузен Ады изумлённо посмотрел на свои руки, облачённые в термокожу. Оказывается, во время обморока кто-то натянул на него «умный» костюм. Стыд-то какой! Даэман снова задёргался, но друзья уже сами напялили респиратор ему на лицо.

— Вообще-то эти маски создавались на случай пожара и выделения токсических газов, — пояснила старуха. — Однако и в условиях вакуума они помогают. На несколько часов.

— Какого ещё вакуума?

— Города «постов» почему-то утратили атмосферу и гравитацию, — произнёс Харман. — Мы уже проходили сквозь стену, пока ты был в отключке. Воздух очень разрежён: плавать можно, дышать нет.

Головная боль Даэмана усилилась. *«Сквозь стену? Плавать по воздуху? Спятили они, что ли?»*

— Как это можно потерять гравитацию? — сказал он вслух.

— На маленьком астероиде её и так немного, — отозвалась Вечная Жидовка. — Полагаю, вначале постлюди поддерживали притяжение искусственным путём, с помощью силовых полей.

Молодой мужчина понятия не имел, что такое астероид, однако его это и не заботило.

— Как будем возвращаться? — выпалил горожанин и спешно прибавил: — Только я больше не сяду на эту деревянную штуковину…

Прозрачный респиратор не скрыл улыбку женщины, выбравшей для себя персиковый термокостюм.

— В ближайшее время наши кресла никуда не полетят. — Она кивнула на порхающие по комнате подушки и деревянные обломки.

— И что, ПЛ каждый раз *вот так*?..

По тону девяностодевятилетнего спутника Даэман догадался, что не одинок в своих страданиях.

— Может, они страстные поклонники американских горок, — усмехнулась Сейви.

— Что это такое?.. — заикнулся было кузен Ады.

— Ладно, проехали, — отмахнулась старуха и взвалила на плечи дорожный мешок, с которым не расставалась всю поездку. — Готовы к встрече с «постами»?

Проходить сквозь стену оказалось проще простого. Словно через тёплый водопад.

А вот *плавать* по воздуху… Полчаса молодой мужчина беспорядочно размахивал конечностями, то и дело переворачиваясь вниз головой, но почти не двигаясь с места. Зато потом научился занятному трюку: отталкиваться ногами от какого-либо твёрдого предмета, а после лишь чуть-чуть направлять полёт при помощи сложенных «чашечкой» ладоней.

Вскоре путешественники совершили неожиданное открытие. На поверку оказалось, что тёплый свет, вроде бы лившийся из тысяч окон, излучали сами стёкла. Одновременно наружу и вовнутрь колоссальных залов. Друзья наве-

дались в один из таких: триста — четыреста футов в поперечнике, тысяча в высоту… Бледный рыжеватый полумрак создавал обманчивое впечатление подводного мира. Чувство усугубляли дикие растения, предлинные бурые стебли которых колыхались при малейшем ветерке подобно морским ламинариям.

В косых лучах света, струящихся из-под потолка, кружились ледяные кристаллики, будто радужная пыль в готическом соборе. Даже сквозь молекулярный слой термокожи Даэмана пробирал озноб; внутреннюю поверхность очков немедленно затянула тончайшая плёнка льда.

Спустя пять минут плавающего блуждания по соединённым между собой зданиям астероида друзья наткнулись на первые трупы.

Пол устилали ковры из травы и цветов, как знакомых землянам, так и совершенно неизвестных. Однако все эти растения были мертвы, кроме бурых «ламинарий». Открытые балконы и обеденные террасы, устроенные на тонких металлических столбах, а то и попросту прилепленные к стенам, давали представление о том, что местная гравитация и раньше не отличалась особой силой («одна десятая земной, не больше», по словам старухи). Наверняка «посты» легко

отталкивались от пола и взвивались аж на целую сотню футов, не нуждаясь в дополнительной опоре. На многих площадках до сих пор сохранились заиндевелые столы, опрокинутые стулья, висящие в пустоте ковры и мягкие ложа.

И ещё — тела.

Сейви, брыкаясь, взлетела на одну из террас. Когда-то постлюди наслаждались тут разными кушаньями, любуясь водопадом, который стекал с балкона, расположенного четырьмя-пятью сотнями футов выше по стене. Струи давно заледенели и превратились в изящное ледяное кружево. Над столами, запутавшись в бахроме плетёных скатертей, парили мертвецы.

Женщины. Почему-то сплошь женщины. Хотя, конечно, разобрать пол этих высохших серых кукол было довольно сложновато.

Следы разложения не бросались в глаза, мороз и упадок давления мумифицировали тела за десятки, если не сотни лет. В самом деле, задумался Даэман, подплыв поближе, как давно эти… существа ходили, дышали, беззаботно реяли в воздухе, прежде чем… Прежде чем что? Молодой путешественник заглядывал в уцелевшие очи женщин, молочно-белые и затуманенные поволокой, словно искал там ответ. Затем, прочистив горло,

спросил через микрофон, запрятанный в маске:

— Интересно, отчего они умерли?

— Я думал о том же, — откликнулся Харман, чей ярко-синий костюм резал глаз посреди замогильного мерцания и блёклых тел. — Может, резкая потеря атмосферы?

— Нет-нет, — вмешалась еврейка, пристально всматриваясь в мёртвое лицо. — Ни кровоизлияний, ни следов удушья, барабанные перепонки целы… И потом — видите?

Товарищи придвинулись к ней. На морщинистой шее мумии зияла рваная рана. Пальцы Сейви, облечённые в перчатку из термокожи, погрузились до самых костяшек. Даэман брезгливо шарахнулся прочь. На беду, он уже заметил такие же тёмные дыры на шеях, бёдрах и груди у всех остальных трупов.

— Крысы? — подал голос Харман.

— Вряд ли, — отозвалась старуха, изучая каждое тело по отдельности. — И уж точно не следы гниения. Не верится, что здесь и раньше-то водились микробы. Могу поспорить, в кишках у «постов» даже бактерии не водились.

— Тогда что же? — поднял брови молодой спутник.

Еврейка лишь покачала головой и отправи-

лась на другую платформу, где сидела в креслах пара мертвецов с очень широкими ранами на животах. Драные клочья одежды тихонько развевались в ледяном разрежённом воздухе.

— Кто-то сожрал их потроха, — прошептала Сейви.

— Что? — беспомощно пискнул Даэман.

— Похоже, все эти люди — постлюди — скончались от одного и того же. Кто-то выгрыз им глотки, сердца и внутренности.

— Что? — повторил мужчина.

Вместо ответа старуха вынула из мешка чёрное оружие и пристегнула к липучему поясу.

— Я заметила движение. Вон там. — Она махнула рукой, оттолкнулась от стены и, не оборачиваясь, устремилась вниз, к открытой прогулочной площадке в полумиле от зданий с блестящими окнами.

41
Гора Олимп

Когда высокий блондин в колеснице уничтожил воздушный шар и поволок гондолу с путешественниками на Олимп, в голове у Мамута забилась одна отчаянная мысль: *нужно активировать Прибор!*

Да, но как до него добраться? Или до передатчика? Или хотя бы до незрячего друга? Несчастному оставалось лишь крепче держаться за край гондолы, смотреть на землю с двенадцатикилометровой высоты и благодарить судьбу за то, что иониец и всё необходимое намертво привязано к днищу.

Ничуть не смущаясь тоннами дополнительного груза, небесная машина преспокойно взмыла над облаками, устремляясь к вершине грозного вулкана. Даже маленького европейца, короткие ножки которого болтались над головой, а пальцы манипулятора вгрызались в жёсткий бамбук, восхитил открывшийся вид.

Вулканы остроконечными тенями вырастали из густых облаков, затянувших большую часть

небес между вершинами Фарсиды и Олимпом. Малое, но яркое восходящее солнце рассеяло по волнам такой нестерпимый блеск, что Манмуту пришлось откалибровать визуальные фильтры. У края моря Фетиды высился грандиозный колосс Олимпа: внушительные ледяные склоны, уходящие в небо, завершались сказочной зеленью лугов и россыпью лазурных озёр.

Колесница резко снизилась, так что моравек разглядел укрытые полумраком четырёхкилометровые отвесные скалы у подножия, ниточки дорог и крохотные постройки на тоненькой, в две-три мили, полоске пляжа между золотым океаном и подошвой горы. Чуть севернее выглядывал из воды терраформированный островок, напоминающий голову осторожной ящерицы.

Любитель Шекспира живописал захватывающее зрелище слепому другу по личному лучу. Ониец ответил кратко:

— *Звучит премило. Если б ещё погулять здесь без экскурсовода…*

Манмут спохватился: и в самом деле, что-то он увлёкся местными красотами.

Колесница нырнула вниз. За три тысячи километров до заснеженного склона европеец ощутил озоновый шок и перепад напряжения: путеше-

ственники пересекли силовой щит.

— *Прости, дружище, что вовремя не заметил этого парня,* — шепнул Манмут за пару мгновений до посадки. — *Могли бы улизнуть…*

— *Брось ты,* — метафорически отмахнулся Орфу. — *Даже искушённого знатока прозы нет-нет, да и подстережёт эдакий бог из машины.*

Приземлившись, великан ухватил бывшего капитана подлодки за шею и поволок его в самое огромное из рукотворных помещений, которое тот видел на своём веку. Навстречу вышли другие боги, они потащили следом помятого ионийца, Прибор и передатчик. Любитель сонетов уже привык думать, что эти существа на колесницах считают себя античными богами и что выбор ими Олимпа вовсе не случаен. Голограммы в бесчисленных нишах только подтвердили его догадку.

Зал начал заполняться. Великан, изловивший моравеков, докладывал о поимке царственному старцу — очевидно, Зевсу, — и лопотал исключительно по-гречески. Когда молодой исполин умолк, его начальник обратился к Манмуту на том же древнем наречии. Маленький европеец ответил по-английски. Боги непонимающе наморщили лбы. Проклятие! Отправляясь в первые

плавания на «Смуглой леди», маленький моравек не мог и вообразить, что однажды его существование будет зависеть от такой чепухи.

Ругая себя за недальновидность, любитель-шекспировед переключился с английского на французский, с французского на немецкий, с немецкого на русский, с русского на японский, пытаясь воспроизвести одну и ту же фразу: «Я пришёл с миром и не желал ничего дурного». Зевс властно поднял гигантскую длань, чтобы тот замолчал. Боговидные создания оживлённо заговорили, и голоса их звучали не слишком дружелюбно.

— *Что происходит?* — спросил по личному лучу Орфу, побитый панцирь которого валялся на полу вместе с прочими артефактами, захваченными на гондоле.

Как и подозревал Манмут, местные жители не распознали в изуродованной железке разумное существо. Потому-то он и употреблял местоимение «я» вместо «мы». Неизвестно ведь, что ждёт впереди, пускай уцелеет хотя бы друг. Конечно, моравек с трудом представлял себе, каким образом слепой и безногий бедняга скроется из вражеского стана, и всё же…

— *Боги толкуют между собой. И я ни бельмеса*

не понимаю.

— Повтори-ка несколько слов.

Европеец беззвучно повторил.

— Так и знал. Это классическая версия древнегреческого. В моей базе данных он есть.

— Скачаешь для меня? — попросил Манмут.

— По личной связи? Это займёт примерно час. Ты не торопишься, старина?

Тот повернул голову. Красавцы гуманоиды перебрасывались непонятными отрывистыми фразами и, казалось, близились к некоему общему решению.

— Тороплюсь.

— Тогда пересылай мне всё, что услышишь. Я стану переводить и затем диктовать тебе наши ответы.

— Достаточно быстро? — уточнил европеец.

— А что, есть выбор? — хмыкнул товарищ.

Бывший капитан подлодки воспроизвёл речи молодого блондина, получил перевод, посоветовался с Орфу и выучил ответ по слогам в течение доли секунды.

— ...на мой взгляд, груда металла и маленькая умная машинка — никчёмная добыча, владыка Зевс, — с поклоном закончил двух с половиной метровый атлет.

— Не спеши выбрасывать игрушки на свалку, о сребролукий Аполлон, — возразил тот. — Ещё неизвестно, откуда и зачем они прибыли. Воздушный шар — это тебе не детская забава.

— Я тоже не игрушка, — вмешался Манмут. — Я прилетел с миром и не желаю ничего дурного.

Боги засовещались вполголоса.

— *Какого роста эти существа?* — поинтересовался Орфу.

Товарищ прикинул на глаз и ответил.

— *Невозможно,* — заспорил краб. — *Функции человеческого скелета начинают нарушаться уже после двух метров, а три — полная анатомическая нелепость. Кости голеней не выдержат нагрузки.*

— *Мы ведь на Марсе,* — напомнил европеец. — *Здешняя гравитация хоть и ужаснее всех, которые мне приходилось терпеть, однако земное притяжение должно быть троекратно сильнее.*

— *Так ты полагаешь, они оттуда? Мне почему-то не верится, разве что…*

— *Извини, дружище. Я тут слегка занят.*

Владыка рассмеялся, чуть наклонившись вперёд на своём золотом троне:

— О, маленькая игрушка умеет болтать по-человечьи?

— Умею, — отозвался зрячий моравек; вдвоём с товарищем они перебрали разные варианты обращения, но, так и не отыскав ничего подходящего для верховного божества, отца бессмертных и смертных, отказались от притязаний на придворную вежливость.

— Целители тоже ведут беседы! — огрызнулся Аполлон, по-прежнему глядя на Зевса. — А думать не могут.

— Я способен и говорить, и мыслить, — ответил знаток сонетов.

— Да неужели? — протянул седобородый. — Какая умная машинка. Ну-ка, скажи нам, есть ли у тебя имя?

— Моравек Манмут, — с достоинством представился тот. — Исследователь подводных глубин обледеневших морей Европы.

— Далековато заплыл! — Гигант усмехнулся в бороду, и поверхность бывшего капитана содрогнулась от низкочастотного грохота. — Кто твой отец, о моравек Манмут?

— У меня нет отца, о Зевс, — честно признался тот, посоветовавшись с приятелем.

— Тогда ты всего лишь игрушка, — заключил владыка, и его громадные белоснежные брови почти сошлись на переносице.

— Нет, — бесстрашно возразил европеец. — Я разумное существо, хотя и облачён в непривычную для вас форму. Как и мой друг Орфу с Ио, высоковакуумный моравек. — Он указал рукой, и взоры бессмертных устремились на покоробленный панцирь.

Иониец сам пожелал быть представленным и разделить судьбу товарища.

— Ещё одно мыслящее создание, только в виде раздавленного краба? — Верховный бог больше не улыбался.

— Да, — кивнул Манмут. — Можем ли мы теперь узнать *ваши* имена?

Аполлон сердито сверкнул очами. Владыка помедлил, но всё-таки насмешливо раскланялся и обвёл рукой присутствующих:

— Это, как тебе уже известно, Аполлон, мой сын. Тот, что надрывал глотку больше всех, — Арес. Тёмный силуэт за его спиной — Аид, ещё одно дитя Крона и Реи. По правую руку от меня стоит Гефест, сын моей супруги. Величественный старец подле твоего друга-краба тоже любит морские пучины, люди нарекают его Посейдоном. Он нарочно явился посмотреть на вас. В золотом воротнике из водорослей — другой повелитель океанов, седовласый Нерей. А рядом с ним Гер-

мес, убийца великана и проводник мёртвых. Как видите, здесь гораздо больше богов и богинь. Но судить вас будем именно мы.

— Судить? — эхом повторил европеец. — Мы с товарищем не совершили никакого преступления.

— Ошибаетесь! — расхохотался Зевс. И перешёл на английский: — Зачем вам было прилетать с Юпитера, гнусные моравеки? У вас недобрые намерения! Мы с дочкой Афиной лично подстрелили ваш корабль и, честно признаюсь, не верили, что кто-нибудь уцелеет. Прочности вам не занимать, мелкие железки. Ничего, сегодня я сам положу этому конец.

— Ты изъясняешься как чужеродные твари! — возмутился Арес. — Тебе знаком их мерзкий для слуха язык?

— Отцу бессмертных и смертных известны все наречия, сынок! — рявкнул владыка. — А теперь заткнись.

Грандиозный зал быстро наполнялся любопытными зрителями.

— Отправить безногого краба и говорящую механическую собачку в запечатанную комнату, — распорядился Кронид, — а вещи положить рядом, в сокровищнице. Нам нужно посовещать-

ся. Вскоре я объявлю приговор.

Арес и Аполлон двинулись на Манмута. Бежать или драться? — колебался тот. Можно ведь огорошить их внезапным выстрелом из напульсного лазера и рвануть на четвереньках — так быстрее — прочь из огромного зала… Если повезёт, нырнуть в кальдеру — и поминай как звали. Да, но… Четыре новых, не представленных великана подняли Орфу, словно пушинку. Европеец посмотрел им вослед — и передумал. Гуманоиды схватили маленького моравека под руки и вынесли, будто надоевшую железную куклу.

Согласно показаниям внутреннего хронометра, друзья прождали в просторной кладовой ровно тридцать шесть минут. Мраморные стены шестиметровой толщины оказались усилены защитными полями, которые, как подсказывали датчики, устояли бы и перед ядерным взрывом.

— *Пора включить Прибор,* — промолвил иониец. — *Всё лучше, чем позволить им уничтожить нас без борьбы.*

— *Да я бы включил,* — вздохнул Манмут, — *будь у него дистанционное управление… А ведь хотел смастерить! Но потом так увлёкся строительством гондолы…*

— *Ах, эти упущенные возможности!* — громых-

нул краб. — *Ну и хрен с ними. В конце концов, мы попытались.*

— *Я ещё не сдался,* — заверил его любитель сонетов, расхаживая взад-вперёд и дотошно изучая металлическую дверь.

За ней ощущались такие же мощные силовые поля. Впрочем, если бы Орфу сохранил руки, он бы вырвал её. Пожалуй.

— *Что бы сказал твой Бард о подобном финале?* — спросил иониец. — *Он когда-нибудь прощался с юношей?*

— *Ну…* — Манмут принялся ощупывать створку органическими пальцами. — *Можно сказать, они расстались на ножах, когда выяснили, что занимаются сексом с одной и той же дамой.*

— *Надеюсь, это шутка?* — вспылил Орфу.

Маленький европеец даже замер от неожиданности.

— *Как?*

— *Ладно, проехали.*

— *А твой Пруст, он-то писал о таких вещах?* — заинтересовался бывший капитан.

— «*Longtemps, je me suis couche de bonne heure*», — процитировал товарищ.

Французская речь всегда напоминала Манмуту звук излишней смазки, хлюпающей в суставах,

однако он порылся в базе данных и без труда перевёл начальную фразу книги «В поисках утраченного времени»: *«Давно уж я привык укладываться рано».*

Спустя две минуты и двадцать девять секунд европеец негромко ответил:

— *«Дальше — тишина».*

Металлическая дверь открылась, и в комнату вошла богиня семи футов ростом. В каждой руке она держала по серебряному яйцу с крохотными чёрными отверстиями, направленными на чужаков. Внутренний голос подсказал Манмуту: нападать на эту даму опасно и бессмысленно. Тогда он просто попятился и положил руку на панцирь Орфу, прекрасно зная, что друг не почувствует прикосновения.

Бессмертная заговорила по-английски:

— Меня зовут Гера. И я пришла избавить вас, наиглупейших моравеков, от жалкого и бесполезного существования. Недаром я всегда недолюбливала вашу расу.

В воздухе полыхнуло, стены содрогнулись, и комната погрузилась в кромешный мрак.

42
Олимп и Илион

Как только в Зал Собраний вторгаются Фетида и Афродита в компании Музы, первое моё побуждение — естественно, квитнуться куда подальше. Но ведь это бесполезно: богиня любви наверняка учует поспешное перемещение в квантовом континууме. Кроме того, у меня здесь кое-какие дела. На цыпочках, стараясь прятаться от вошедших дам за толпой и широкими колоннами, потихоньку выхожу из Великого Зала и пячусь дальше по коридору. Арес продолжает бушевать, требуя отчёта о прошедших днях. Не нужно напрягаться, дабы услышать визгливое вмешательство Афродиты:

— Отец и владыка Зевс! Ещё не оправившись от жестоких ран, я по своей воле покинула целебный бак. Ибо до моего сведения дошло, что один из кратковечных выкрал квит-медальон и Шлем Невидимости, созданный Аидом. Боюсь, беглый смертный творит ужасное зло прямо сейчас, в эту минуту!

Толпа Олимпийцев разражается недоумённо-

возмущённым гулом.

Вот тебе и застал врасплох. Не снимая капюшона, мчусь по коридору и на развилке бездумно поворачиваю налево. У меня нет чёткого плана — просто надежда натолкнуться где-нибудь на Геру. Дорога опять разветвляется. Куда теперь? Позади нарастает шум. Я зажмуриваюсь и начинаю молиться. Нет, не здешним богоподобным свиньям. Это моя первая молитва — с тех пор, как мама скончалась от рака, оставив на земле девятилетнего сына.

Открыв глаза, я вижу супругу Зевса. Она пересекает коридор в сотне ярдов по левую руку от меня. Высоченные золотые треноги отбрасывают огненные блики на стены и потолок. Мои сандалии громко шлёпают; длинные мраморные холлы оглашает эхо. Плевать, если услышат, главное — догнать. Крики в Великом Зале усиливаются. Интересно, как Афродита собирается выкручиваться? Ведь это она снарядила меня и превратила в шпиона-убийцу. Нашёл чем забивать голову: чтобы непревзойдённая лгунья — и не вывернулась? Истину знаю лишь я один, а меня убрать недолго. Афродиту ещё объявят героиней, раскрывшей вероломство беглого схолиаста.

Гера тормозит на всём ходу и резко оборачивается. Я замираю, затаив дыхание. Супруга Громовержца хмурит брови, озирается по сторонам и проводит ладонью по металлической двери двадцать футов высотой. Железо гудит, внутренние замки щёлкают, и створка распахивается вовнутрь. Я еле успеваю проскочить, пока богиня не закрыла дверь лёгким мановением руки. Шелест моих шагов тонет в возросшем рокоте. Гера достаёт из мягких складок хитона маленькое серое оружие, похожее на морскую раковину с гибельными чёрными отверстиями.

В комнате находятся только маленький робот и гигантский побитый панцирь. Первый в испуге пятится от богини, кладёт чудную человекообразную руку на мятую броню огромного предмета, и я впервые смекаю, что вторая машинка, наверное, тоже робот. Уверен: эти создания не отсюда, не с Олимпа.

— Меня зовут Гера, — вещает бессмертная. — И я пришла избавить вас, наиглупейших муравеков, от жалкого и бесполезного существования. Недаром я всегда недолюбливала вашу расу.

Знаете, если б она молчала, моя рука не поднялась бы. Всё-таки жена и родная сестра Зевса, царица Олимпа, самая могущественная из бо-

гинь, не считая разве что Афины… Не знаю, может, дело в этих её словах: «вашу расу». Я ведь родился в середине двадцатого века, дожил до двадцать первого и часто слышал подобные речи. *Слишком часто*.

В общем, поднимаю тазер и без колебаний стреляю в надменную стерву.

Я не был убеждён, что пятьдесят тысяч вольт подействуют на богиню. Но удар уязвил её. Падая, Гера активирует яйцевидный пистолет и разносит силовым лучом мерцающую панель на потолке. Комната погружается в кромешную тьму.

Перезаряжаю тазер. Чёрт, ни зги не разглядеть. Шагаю вперёд и едва не спотыкаюсь о распростёртую супругу Зевса. Кажется, она без сознания, однако по-прежнему корчится на полу. Внезапно мрак прорезают два ярких луча. Снимаю капюшон и показываю себя.

— Не свети в глаза, — прошу я.

Лучи перемещаются. Если не ошибаюсь, они выходят прямо из грудной клетки робота.

— Ты человек? — произносит существо.

До меня не сразу доходит, что вопрос задан на чистом английском.

— Да, — отзываюсь я, удивляясь родной речи в

собственных устах. — А ты кто?

— Мы оба — моравеки.

Незнакомец приближается; направленное сияние выхватывает из темноты Геру. её веки уже подрагивают. Подбираю с пола оружие и опускаю его в карман.

— Манмут, — представляется собеседник.

Его тёмная металлическая голова не достаёт мне даже до груди. На лице из пластика вместо глаз — чёрные пластины, однако у меня такое чувство, что робот с любопытством разглядывает нежданного спасителя.

— А моего друга зовут Орфу-иониец, — прибавляет он, показав на громоздкий помятый корпус, занимающий примерно пятнадцать футов пространства комнаты.

Голос у машины мягкий, тембр явно мужской и совершенно не металлический.

— А Орфу… он что… живой?

— Да, хотя и утратил свои окуляры и манипуляторы. Мы общаемся по радио. В данную минуту он говорит, что весьма польщён знакомством и что ты мог бы стать первым человеком, представшим его глазам… если бы те сохранились.

— Орфу-иониец, — повторяю я. — Ио — это вроде бы одна из лун Сатурна?

— С твоего позволения, Юпитера, — уточняет существо.

— Ну что же, рад встрече. Только, может, сначала выберемся, а там уже поболтаем? А то корова приходит в себя, и неровен час, кто-нибудь заглянет. Боги сегодня малость расстроены.

— Корова, — повторяет собеседник, глядя на Геру сверху вниз. — Забавно. — Он переводит лучи на дверь. — Вот только хлев заперт. Ты, случайно, не знаешь, как сорвать эту створку с петель?

— Нет. Нам это и не потребуется. Давай руку… э-э-э, лапу… в общем, что там у вас?

Робот медлит с ответом.

— Если я правильно понял, ты собираешься квант-телепортировать нас отсюда?

— Тебе известно про квант-телепортацию?

Маленький автомат устремляет свет на неподвижную груду металла выше моей головы:

— Сумеешь забрать нас обоих?

Теперь моя очередь задуматься.

— Трудно сказать. Вряд ли. Такую большую массу…

Богиня дёргается и стонет под ногами.

— Давай руку, — повторяю я. — Сперва квитирую тебя, потом вернусь за твоим другом.

Малыш пятится прочь.

— Не будучи уверенным, что Орфу в безопасности…

В холле грохочут голоса. Меня уже ищут? Похоже на то. Афродита могла поделиться с другими своей способностью видеть сквозь чары Шлема. Или бессмертные разделились и прочёсывают здание в поисках человека-невидимки? Супруга Зевса мычит и ворочается на полу. Веки подрагивают сильнее.

— Вот дерьмо! — Я срываю капюшон и левитационную упряжь. — Посвети, пожалуйста.

Прилично ли говорить машине «пожалуйста»? Впрочем, это же не робот, а моравек. Знать бы ещё, что это такое.

Пояс упряжи не смыкается на необъемной «талии» гигантского краба; приходится скрепить воедино сразу три ремня, защёлкивая пряжки на трещинах. Бедный старина Орфу смахивает на мишень, по которой палили поколения террористов, упражняясь в прицельной стрельбе: внутри крупных выемок — бессчётные вмятины поменьше, и так далее.

— Ладно, проверим…

И я включаю сбрую. Тонны недвижного железа трясутся, громыхают, однако отрываются от пола и зависают в нескольких дюймах от мрамора.

— Посмотрим, справится ли медальон с такой тяжестью. — Меня не очень волнует, поймёт Манмут или нет. Впихиваю ему тазер в руки. — Если корова шевельнётся или кто-нибудь сунется до моего возвращения, целься и жми вот здесь. Это их остановит.

— Сказать по чести, — вмешивается робот, протягивая тросточку обратно, — у меня здесь дела, и я предпочёл бы твой прибор невидимости. Можно его одолжить? Боги украли у нас кое-что важное.

— Дьявольщина! — отзываюсь я.

Голоса рокочут прямо за дверью. Отстёгиваю противоударную броню и швыряю Манмуту вместе со Шлемом. Интересно, рассчитана эта штука на механизмы? Предупредить его, что на глаза Афродиты чары не действуют? А, некогда.

— Как я тебя отыщу?

— Возвращайся к озеру кальдеры в течение часа, — отвечает робот. — Я сам тебя найду.

Тут отворяется дверь, и он исчезает.

Я прислоняюсь к панцирю, обнимаю железку одной рукой (с Найтенгельзером и Патроклом было проще) и кручу диск.

В глаза ударяет солнечный свет. Под ногами золотой песок. Орфу телепортировался вместе

со мной и теперь витает в десяти дюймах над пляжем. Неплохо, ведь внизу острые булыжники. Возможно ли квитнуться в твёрдый объект, не знаю, однако не хотелось бы проверять это именно сегодня.

Мы явились в ставку Агамемнона. Уже давно засветло, и шатры почти опустели. Над головой бурлят тяжёлые тучи, однако солнце изливает свои лучи на побережье, окрашивая бока длинных чёрных кораблей. Ахейские стражники даже отскакивают в испуге при нашем неожиданном появлении. В сотнях ярдов от лагеря слышен гул сражения. Греки отчаянно бьются с троянцами у заградительных рвов — ручаюсь, что во главе стоит сам Ахиллес.

— Панцирь обещан богами! — ору я стражникам, которые безуспешно прячутся за собственными пиками. — Любой, кто его коснётся, умрёт на месте. Где Ахиллес? Вы его видели?

— А кто спрашивает? — Громадный волосатый охранник выходит вперёд и поднимает копьё.

Смутно припоминаю имя нахала: Гуней, предводитель эниан и перребов из Додоны. С чего это парню стоять на страже в лагере Атрида? Потом разберусь, если будет время.

Укладываю Гунея одним выстрелом тазера,

перевожу взгляд на кривоногого коротышку-сержанта:

— Может, *ты* меня проводишь?

Мужчина проворно втыкает пику в песок, опускается на одно колено и склоняет голову. Прочие хоть и не сразу, но следуют примеру начальника. Повторяю вопрос.

— Боговидный Пелид с самого рассвета сновал по берегу, будил спящих ахейцев пронзительными воплями, — откликается сержант. — После чего бросил вызов Атридам и прикончил обоих. Сейчас он в ставке, обсуждает с командирами план войны. По слухам, войны с Олимпом.

— Веди.

Уходя вслед за провожатым, я бросаю последний взгляд на Орфу: панцирь колышется над берегом, охрана уважительно косится на него и держится на расстоянии. Меня разбирает громкий смех.

Сержант удивлённо оборачивается. Ну и пусть. Как объяснить ему, что впервые за девять лет я, Томас Хокенберри, свободно шагаю по долинам Илиона в собственной личине и мне хорошо?!

43
Экваториальное Кольцо

— Покушать бы! — в который раз заныл Даэман.

Ещё бы: десять часов ни крошки во рту! На что это похоже?

— Должно же здесь быть хоть что-нибудь съестное, — сетовал молодой мужчина.

Отталкиваясь от случайных опор, троица плыла по безжизненному орбитальному городу. Стёкла в окнах давно погасли, сделались просто прозрачными. Над горизонтом поднималась Земля. её мягкое сияние медленно затопляло пустые пространства с их реющими трупами, колыхающимися «ламинариями» и мёртвой травой.

— Ну, хоть что-нибудь, — не унимался горожанин. — Консервы, сушёная пища… Да что угодно!

— Если и так, еда мумифицировалась вместе с людьми, — пожала плечами Сейви.

— Встретить бы сервиторов! Они бы нас накормили, — вздохнул кузен Ады и тут же понял, что сморозил глупость.

Друзья не потрудились ответить. Между тем

троица забралась в густые бурые заросли. Здешний воздух наверняка не был столь разрежён, однако снимать маску и проверять это не хотелось никому. Если уж и под респиратором Даэман чуял гнилой запашок…

— Найдём факс-портал, и сразу же домой, — нахмурился рослый, сильный Харман.

Сквозь прозрачную дыхательную маску молодой спутник заметил первые морщины, наметившиеся у его глаз. Отметины времени? Ещё вчера их не было…

— Вот уж не думаю, что найдёте, особенно в рабочем состоянии, — возразила старуха. — К тому же после стычки с войниксами в Иерусалиме, боюсь, не только мой код занесён в чёрный список на уничтожение.

Недавний именинник тяжко вздохнул.

— Но ты же сама говорила: кресла-то одноразовые. Надо срочно искать другой выход… — Он печально обвёл взглядом тёмные улицы, плавающих повсюду мумий и шевелящиеся на клумбах «ламинарии». — Знаешь, Сейви, я ведь совсем иначе представлял себе кольца.

— Я тоже, — устало призналась еврейка. — Кто бы мог подумать? Даже в мои годы человечество верило, будто огни в ночных небесах и есть сия-

ющие города «постов».

— Кстати, что это за железки мы видели, когда летели сюда? — без особого воодушевления спросил Даэман, лишь бы отвлечься от мыслей от пустом желудке.

— Какие-нибудь ускорители частиц, — промолвила старуха. — ПЛ были просто помешаны на путешествиях во времени. Миллион приборов создаёт столько же малюсеньких червоточин, из которых затем получаются более крупные и стабильные. Я имею в виду те вращающиеся массы на концах у многих ускорителей.

— А громадные зеркала? — поинтересовался Харман.

— Эффект Казимира, — пояснила Сейви. — Отражение отрицательной энергии обратно в червоточину не даёт ей взорваться вовнутрь и сделаться обычной чёрной дырой. Вот почему «посты» могли странствовать в пространственно-временном континууме, куда им угодно. Главное, чтобы туда выходил другой конец червоточины.

— Другие солнечные системы? — спросил девяностодевятилетний.

— Сомневаюсь. Насколько мне известно, здешние обитатели никогда не пытались создать космический корабль или что-либо в этом роде.

Разве что населили нашу собственную систему умными, саморазвивающимися роботами, которые поставляли им астероиды для строительства небесных городов. Но это было ещё до моего рождения.

— Тогда в какие же края их тянуло? — недоумённо вскинул брови Харман.

— Полагаю, из-за квантовой…

Терпение молодого мужчины лопнуло.

— Хватит!!! — заорал он. — Я голоден! Я есть хочу!

— Минутку, — перебил его спутник. — Что это там? — Он указал вперёд и чуть выше.

— Лазарет, — сказала старуха.

* * *

И она оказалась права. Прокувыркавшись ещё с полмили по городу, среди парящих постмертвецов, облитых подводным сиянием, троица достигла гигантского четырёхугольника, прилепленного к мерцающей стене высоко над землёй. Сквозь прозрачный пластик вырисовывались длинные — в сотни ярдов — ряды резервуаров с телами «старомодных» людей внутри и деловитые сервиторы (обитатель Парижского Кратера едва не расплакался от умиления), сновавшие в

ярком свете зала.

— Дайте передохнуть, — взмолился Даэман, тяжело отдуваясь. — Сил моих больше нет!

И хотя старуха явно горела нетерпением заглянуть в лазарет, а взор недавнего именинника пылал алчным огнём, оба повернули назад.

— На вот, попей. — Сейви протянула молодому спутнику бутыль, и тот жадно вылил к себе в рот остатки воды.

— Вообще-то я обещал взять Аду с собой, — тихо промолвил девяностодевятилетний. — А что вы так смотрите? — Он смущённо пожал плечами. — Думал, заскочим на корабле в Ардис-холл и заберём девушку. Я же не знал…

— Брось, она всё равно на тебя сердилась, — хмыкнул собиратель бабочек, понемногу приходя в себя.

— Да уж, — согласился товарищ.

Из гущи водорослей выплыла очередная изъеденная мумия, уставившись на пришельцев белыми, остекленевшими глазами, в которых читался некий упрёк. Сейви оттолкнула тело подальше.

— Сомневаюсь, чтобы Ада испытала пылкую благодарность, попав в такое место. А вот ты, Харман, должен быть доволен. Ты ведь этого хотел,

верно? Пробраться в лазарет и выторговать для себя лишних несколько лет?

— Что-то вроде того. — Мужчина сглотнул.

Еврейка указала движением головы на качающийся в воздухе труп:

— Интересно, с кем ты собираешься разговаривать? Похоже, ПЛ тут давно уже ни при чём.

— Полагаешь, лазарет целиком автоматизирован? — усомнился Харман. — Не может быть, чтобы всю работу выполняли сервиторы: следили за приборами, забирали кого нужно с Земли, восстанавливали для следующей Двадцатки, факсовали поправившихся обратно — доживать их короткие, скучные жизни. И всё это в течение нескольких веков?

— Так почему бы нам не заглянуть и самим не убедиться? — рассудила еврейка.

В поблёскивающей стеклянной стене путешественники без труда обнаружили так называемый вход — белый квадрат полупроницаемой материи.

Да, это и впрямь был лазарет. Здесь имелся не только свет и атмосфера, но и притяжение — по крайней мере одна десятая земной гравитации, точно в бассейне. И тем не менее, пройдя через стену, Даэман больно упал на четвереньки.

Колени его подогнулись на пороге — то ли от неожиданной перемены давления, то ли от восторга при виде привычных сервиторов, а может, ещё и от ужасных воспоминаний о последнем визите. К счастью, спутники этого не заметили: они сразу же отправились к лечебным резервуарам.

Сейви опустила респиратор на шею и глотнула воздуха.

— Не-е, вонь ужасная, — поморщилась она. — Атмосфера, конечно, погуще, чем на улице, и всё же лучше дышите через маски.

Мужчины так и поступили.

Между тем сервиторы начисто игнорировали пришельцев, продолжая следить за показаниями виртуальных панелей управления. В прозрачных трубках, подходящих к десятифутовым бакам, плескалась алая и зелёная жидкость. Недавний именинник заглядывал во все резервуары. Человеческие тела в них казались почти идеальными, но слишком уж обмякшими и, можно сказать, незаконченными: склизкая кожа, полное отсутствие волос на головах и внизу животов, пустые белые глаза… Впрочем, некоторые сохранили (приобрели?) красочную радужку и смотрели полуосмысленно, хоть и в одну точку.

Даэман последовал за друзьями, брезгливо

шарахаясь от ёмкостей, где и сам плавал только на днях. Какой-то сервитор на лету обогнул молодого мужчину и как ни в чём не бывало продолжил путь.

— Должно быть, их не запрограммировали иметь дело с людьми вне целебных резервуаров, — заметила Сейви. — Но если достаточно долго путаться под ногами…

Над одним из баков замигала зелёная лампочка, и жидкость в нём отчаянно забурлила. Внутри находилась совершенно «готовая» голубоглазая девушка с рыжими локонами до плеч. Миг — и она бесследно исчезла. На её месте явилось новое тело — бледный мужчина с застывшим взором покойника и кровавой раной на лбу.

Собиратель бабочек присвистнул:

— Эй, у них факс-портал в каждом резервуаре!

«Ну да, — спохватился он про себя. — А как же иначе? Нужно же людям как-то попадать в лазарет, отметив очередную Двадцатку, или после серьёзной раны… Или смерти…»

— Вот вам и выход! — торжествующе закончил Даэман.

— У вас, может, и получится, — проронила старуха, прижимаясь лицом к стеклу. — Хотя вряд ли. Если в портале хранится код человека,

который там находится, машина попросту не признает вас, а ей ничего не стоит избавиться от генетического мусора.

В бак с новым телом хлынули разноцветные струи; целые клубки синих червей вылезли из некоего отверстия, опутали мертвеца и начали забираться к нему под кожу, вгрызаясь в бледную, распухшую, израненную плоть.

— Всё ещё мечтаешь понежиться здесь лишний разок, а? — съязвила старуха, обращаясь к Харману.

Тот лишь задумчиво потёр подбородок и, прищурившись, посмотрел в другой конец зала.

— О нет, — простонал вдруг девяностодевятилетний.

Наполовину пешком, наполовину по воздуху троица двинулась вперёд. Обитатель Парижского Кратера отказывался верить собственным глазам. Почти все баки в этой части лазарета пустовали. Однако в телах недостатка не наблюдалось. Наоборот, они лежали повсюду. Пол, столы, панели управления — все горизонтальные поверхности были завалены расчленёнными трупами.

«Мумии. Просто мумии», — успокаивал себя Даэман, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Только это оказалось не так.

На длинном-длинном столе были разложены человеческие останки — белые, розоватые, алые, кровавые, влажные, свежие. Примерно дюжина мужских и женских тел, ещё не просохших после целебного резервуара, являли ошеломлённым взглядам рваные раны и небрежно обглоданные рёбра. Под столом валялась оторванная голова; её голубые глаза навечно остекленели от ужаса — наверняка в то мгновение, когда некто вонзил острые зубы в тело, которому она прежде принадлежала. Груда окровавленных ладоней высилась перед высокой спинкой крутящегося кресла, отвёрнутого к стене.

Шведский стол каннибала, да и только.

Прежде чем кто-либо из пришельцев успел вымолвить хоть слово, кресло развернулось. На секунду собирателю бабочек померещилось, будто перед ним ещё один труп. Однако зеленовато-серое существо выглядело невредимым. И к тому же дышало. Узкие жёлтые глаза моргнули. Тварь раскинула невообразимо длинные руки с когтистыми пальцами и прошипела, ворочая бугристым синеватым языком среди отточенных клыков:

— Ты возомнил, что Я тебе подобен…[26] Ты обманулся.

Подхватив под руки молодого спутника, Харман и Сейви кинулись вплавь наутёк. Дамский любимец визжал так же пронзительно, как и по дороге в космос. Друзья прорвались сквозь белый квадрат (на морозе термокостюмы плотнее прилипли к коже) и, не замедляя хода, нырнули далеко вниз.

В шестидесяти футах над землёй товарищи спикировали на платформу в блестящей стене и лишь тогда отпустили Даэмана. Вокруг по-прежнему торжественно реяли серые постмумии. Кузен Ады обратил внимание на то, что их раны в точности схожи с укусами на человечьих телах в лазарете, и его чуть не стошнило прямо в респиратор. Тем временем товарищи перевели дух, оттолкнулись и взмыли в сумеречную высь.

Даэман в отчаянии сорвал маску. Холодный, вонючий, разрежённый воздух наполнила бесформенная рвота. Глаза мужчины тотчас полезли из орбит, а барабанные перепонки непременно лопнули бы, не поспеши он нацепить респиратор

---

[26] notes: 26

Фраза взята из Псалма 49: стих 21, эпиграф к поэме Р. Браунинга «Калибан о Сетебосе».

обратно, задыхаясь собственным зловонием. Желудок и не думал успокаиваться; близился новый приступ, и совсем не хотелось куда-то лететь. Но даже неопытный искатель приключений осознавал, что иного выбора нет. Изо всех сил удаляясь от мерцающего лазарета, беглец то и дело озирался через плечо.

Калибан захватил троицу в самом тёмном уголке города, там, где дикорастущие «водоросли» покачивались под влиянием кориолисовой силы астероида. Ясные, как слеза, стены домов отразили Землю, испещрённую белыми мазками облаков; та свершила свой путь за несколько минут, оставив после себя лишь мрак и колючие звёзды. Во мраке и явилась ужасная тварь.

Путешественники тесно прижались друг к другу под покровом холодной тьмы.

— Вы не заметили, вылетел он за нами или нет? — прохрипела в микрофон Сейви, которой, как и спутникам, начинало не хватать воздуха под маской.

Даэман покачал головой.

— Я так удирал, что ни разу не обернулся, — признался Харман.

— Кто это был? Калибано? — просипел молодой мужчина; лицо его заливали едкие слёзы, но

в душе вопреки всему ещё теплилась искорка надежды.

— Нет, — отрезала старуха. — Калибан самолично.

— А эти… люди на столах… — начал девяностодевятилетний. — Им что, всем по пять Двадцаток?

— Некоторые выглядели гораздо моложе. — Еврейка сжала чёрное оружие, всматриваясь в сумрак между колышущимися стеблями.

— Должно быть, поначалу он обходился столетними, — глухо промолвил Харман. — Потом обнаглел… Сделался нетерпелив… Ненасытен…

— Боже, боже, боже, — зашептал Даэман старинную человеческую присказку, значение которой стёрлось в веках.

— Ну, как ты, всё ещё голоден? — Сейви попыталась улыбнуться, но спутник не оценил её чёрного юмора. — Лично я сыта по уши.

— А я — нет, — послышалось в наушниках.

Чудовище возникло из гущи «ламинарий», накинуло на друзей сеть, выбило оружие из рук еврейки и потащило троицу за собой, словно трепыхающуюся рыбу.

44
Гора Олимп

Оставшись без привычной связи с товарищем, Манмут почувствовал себя как-то неуютно. *Надеюсь, с Орфу ничего не случится …*

Боги ворвались в комнату спустя мгновение после того, как человек квант-телепортировался прочь. До сей поры бывший капитан подлодки не верил в иные невидимые технологии, кроме шпионских тканей, и всё же удивительный Шлем сработал. Бессмертные столпились вокруг упавшей Геры, не удостоив чужака даже взглядом. Проскользнув между белых тог и бронзовых голеней, маленький европеец выбрался в коридор. Бежать по лабиринту и не контролировать визуально собственные шаги оказалось нелегко, но моравек опустился на четвереньки и бесшумно двинулся вдоль стены.

Ещё по пути в «карцер» Манмут подметил, куда боги понесли Прибор и передатчик. Сокровищница находилась за третьим поворотом направо. Нужный коридор пустовал, хотя где-то рядом громыхали шаги, раздавались возбуждённые го-

лоса. Беглец активировал низковаттный лазер на запястье (стороннему наблюдателю могло померещиться, что красный двадцатисантиметровый луч вырвался прямо из воздуха) и начал плавно вскрывать внушительную дверь. Аккуратно вырезав небольшой кружок металла над замком, моравек толкнул створку вперёд — и тут же захлопнул её за собой, услышав подозрительный шум. Через пару мгновений кто-то громко протопал мимо. Маленький европеец первым делом стащил с головы Шлем, рассудив, что не видеть собственных рук и ног — это слишком неудобно.

Сокровищницу и впрямь наполняли всяческие драгоценности. Под её стометровыми сводами переливались и вспыхивали в жарком пламени золотых треножников увесистые слитки, груды монет и самоцветные шкатулки, посреди белоснежных изваяний богов и людей высились хрустальные колонны, начинённые лазуритом, рядом с полуразбитыми колесницами бессмертных темнели загадочные бронзовые артефакты, крупный жемчуг пригоршнями сыпался на полированный пол из огромных морских раковин…

Наконец Манмут обнаружил то единственное, что искал, — скромный с виду, неблестящий лучевой передатчик и Прибор. Тащить их с собой не

имело смысла: какой толк в шапке-невидимке, когда рядом с тобой со скрипом ползут по полу две железяки?

На всё про всё оставались считанные минуты, возможно, секунды.

Моравек нашёл переключатель на передатчике и отдал стандартное низковольтное распоряжение. Примитивный искусственный разум команду воспринял; нанокарбоновая оболочка раскололась пополам, предъявив компактно уложенные внутренности. Бывший капитан отскочил в сторону, когда устройство с лёгкостью циркача перекатилось на другой бок, выбросило вниз три острых ножки и ещё три стрелы, после чего над ним развернулась восьмиметровая тарелка. Европеец от души порадовался подходящим размерам комнаты: страшно представить, чем бы закончился подобный эксперимент, скажем, в гондоле воздушного шара.

Да, но здесь по-прежнему нет окон, и неизвестно, сориентируется ли передатчик в отсутствие звёздного неба, сумеет ли сигнал пробиться сквозь чудовищные массы гранита и мрамора. Тарелка задвигалась и тихо загудела, наводясь на далёкую цель. Манмут ощутил в сердце неприятный холодок. Крики за стеной усиливались. Как

только боги поймут, что Гера жива и невредима, следующее место, куда они направятся… О нет, если дурацкая тарелка не подключится здесь и сейчас, миссия сорвана. Теперь судьба экспедиции зависела от изощрённости незнакомого устройства.

Широкое блюдце качнулось в последний раз, ещё немного пожужжало и застыло на месте, отклонившись от вертикали примерно на двадцать градусов. Рядом с физическими входами появилась виртуальная панель управления, на которой мигали огоньки.

Моравек подключился и скачал в банк памяти всю информацию о путешествии, не исключая бесед с товарищем, Коросом III и Ри По, каждую картинку, записанную им с момента отлёта. Благодаря широкому спектру передатчика весь процесс занял не более пятнадцати секунд.

Датчики маленького европейца чётко улавливали энергетическое излучение антиматерии Чевковианского поля — интересно, бессмертные тоже чуяли его или нет? Впрочем, какая разница, в любом случае они скоро нагрянут. И в комнате, будто назло, больше ни единого выхода. И когда бы Манмут ни запустил таинственный Прибор, сразу или попозже, он неизбежно окажется в

эпицентре событий.

На панели передатчика одновременно загорелись бесчисленные зелёные лампочки, сообщая, что источник энергии полностью заряжен, полученные данные закодированы и цель (*Юпитер? Европа?*) определена. По крайней мере любителю сонетов хотелось в это верить.

В дверь забарабанили.

«Почему бы им просто не квитнуться внутрь?» — мелькнуло в голове моравека. Однако раздумывать было некогда. Наскоро заменив руки свинцовыми стержнями, европеец отыскал последнее незадействованное гнездо доступа и послал возбуждающий заряд из тридцати двух модулированных вольт.

Тарелка выплюнула вверх ярко-жёлтый луч одиннадцатиметровой толщины. Столп чистой Чевковианской энергии прожёг дыру в потолке, затем пробил три последующих этажа и устремился к звёздам. Едва лишь он погас, передатчик оплавился и растёкся по полу шипящей лужицей.

Защитные поляризующие фильтры Манмута сработали с точностью до наносекунды, но даже с ними он на какое-то время совершенно ослеп. Когда зрение вернулось и сквозь косые, курящиеся

отверстия над головой моравек увидел голубые небеса, его впервые за долгое время посетила надежда.

Дверь подалась под ударами божественных кулаков, и порывом ветра весь дым сдуло в сторону маленького европейца. Воспользовавшись этой завесой, бывший капитан схватил Прибор (на Земле штуковина весила бы килограммов десять, а здесь — так и вообще три), сгруппировался, подкрутил амортизаторы и приводы в ногах, наплевав при этом на обычные требования безопасности… и пулей помчался вверх. Посыпалась гранитная и мраморная крошка, мимо пролетели несколько перегородок.

Свобода! Манмут бросился во всю прыть по плоской крыше, сжимая под мышкой Прибор.

В ясном небе над вершиной Олимпа десятками кружили колесницы бессмертных. Одна из машин резко нырнула вниз, явно собираясь раздробить беглеца на мелкие кусочки. Бывший капитан запоздало вспомнил о Шлеме Аида, болтающемся за плечами. Вот чума, теперь он как на ладони, сам сыграл на руку врагам!

Не заботясь о том, сколько энергии осталось в аккумуляторах, маленький европеец напрягся, точно пружина, и снова прыгнул. Пролетев

сквозь голографических лошадей, он выставил вперёд манипулятор. Удар в грудь выбил изумлённую богиню из «седла», она беспорядочно замахала белыми руками и жёстко приземлилась на крышу Великого Зала.

За три десятых доли секунды Манмут изучил виртуальный голографический дисплей, погрузил пальцы в матрицу и вывел заоблачную машину на крутой вираж. Бессмертные с криками устремились на противника со всех сторон, отрезая любые воздушные пути к бегству. Но моравек и не рассчитывал скрыться по небу.

Пять огромных колесниц неумолимо настигали дерзкого чужака. В воздухе засвистели титановые стрелы. (*Стрелы*, подумать только!)

Внизу блеснули воды озера кальдеры; маленький европеец вцепился пальцами в Прибор и прянул. В тот же миг первая из стрел Аполлона вонзилась в бок летучей машины. Прогремел взрыв, и синие волны оросил дождь из расплавленного золота, микросхем и пылающих энергетических кубов. Глубоководный сонар показывал двухкилометровое расстояние до дна.

В самый раз, прикинул беглец. После чего активировал плавательные перепонки, прорезал водную гладь и ушёл в пучину.

45
Долины Илиона. Илион

Жаль, что нельзя вернуться за роботом прямо сейчас, но тут просто дым коромыслом.

Стражник проводит меня к Ахиллу. Тот снаряжается на войну в окружении капитанов, унаследованных от прежнего владыки. Одиссей, Диомед, почтенный Нестор, Большой и Малый Аяксы — привычная команда, не хватает лишь Агамемнона и Менелая. Неужто истеричный Арес кричал правду и Клитемнестра лишилась надежды на свирепую месть, сотни драматургов утратили чудесный кровавый сюжет, а немилосердная судьба Кассандры за ночь переменилась?

— Кто ты такой, клянусь Аидом? — рявкает мужеубийца, завидев нас на пороге.

Ну да, он же смотрит на Томаса Хокенберри — сутулого, перепачканного, заросшего щетиной пехотинца в нечищеных латах, без шлема и оружия.

— Я тот, кого послала Фетида. Мой долг — проводить тебя к Гектору, а затем на битву с

Олимпийцами, убившими Патрокла.

Герои с военачальниками шарахаются в ужасе. Судя по всему, Пелид поведал им только о смерти друга, но не предупредил о своих богоборческих планах.

Ахилл поспешно отводит меня в сторону, подальше от любопытных начальников и усталых бойцов.

— Чем докажешь, что ты посланец Фетиды? — вопрошает юный полубог. За одну ночь на его идеальном лице пролегли резкие морщины.

— Тем, что доставлю тебя на место.

— Олимп? — В его глазах пляшут блики безумного костра, полыхающего в сердце.

— Туда тоже, — мягко говорю я. — И всё же сначала, как и настаивала твоя мать, нужно заключить мир с Гектором.

Пелид корчит презрительную гримасу и сплёвывает:

— Нынче мир не для меня. Всё, чего я жажду, — это война. И кровь бессмертных.

— Тогда прекрати нелепую вражду с героями Трои.

— Да мы же *бьём* их! — восклицает он, указывая жестом на заградительный вал, за которым реют на ветру ахейские знамёна (там, где ещё недавно

были троянские позиции). — Какой такой мир, если через пару часов я выпущу кишки Гектора вот этим копьём?

Пожимаю плечами:

— Будь по-твоему, сын Пелея. Я послан помочь тебе отомстить за Патрокла и забрать его тело для погребения. Если твои желания переменились…

Поворачиваюсь к нему спиной и притворяюсь, что ухожу. В одно мгновение герой настигает меня, валит на песок и достаёт нож. Всё произошло столь быстро, что я не успел бы прицелиться из тазера, даже если б от выстрела зависела чья-нибудь жизнь. Вообще-то так и есть: острое, точно бритва, лезвие щекочет мне шею.

— Ты посмел оскорбить меня? — жарко дышит в лицо Пелид.

Отвечаю как можно осторожнее, чтобы не поцарапаться:

— Никого я не оскорбляю. Я пришёл ради тебя и Патрокла. Хочешь похоронить его с честью — делай, что я скажу.

Очи Ахиллеса опасно сверкают. Затем он встаёт, убирает клинок в ножны и помогает мне подняться. Одиссей и прочие молча следят за нами издали, явно сгорая от любопытства.

— Как тебя зовут? — вопрошает герой.

— Хокенберри.

Я отряхиваю штаны и потираю шею. Затем, спохватившись, прибавляю:

— Сын Дуэйна.

— Чудное имя, — бормочет мужеубийца. — Хотя какое время — такие имена. Добро пожаловать, Хокенберри, сын Дуэйна.

Он протягивает руку и сжимает моё предплечье, так что кровь прекращает струиться по жилам. Пытаюсь ответить на дружеское приветствие тем же. Ахилл поворачивается к своим вождям и помощникам.

— Дай мне пару минут на сборы, и я последую за тобой даже в сам Аид, если нужно.

— Начнём с Илиона.

— Идём, я представлю тебя моим товарищам и военачальникам, ибо державный Атрид низложен.

Не могу удержаться, чтоб не спросить:

— Агамемнон мёртв? И Менелай?

Собеседник мрачнеет и качает головой:

— Нет. Я одолел обоих в честном поединке, одного за другим. Сыны Атрея сильно помяты и истекают кровью, но целитель Асклепий обещал, что негодяи скоро встанут на ноги. Они поклялись в вечной преданности, только я ни в жизнь

не поверю этим змеям.

Новый владыка мужей знакомит меня с Одиссеем и другими героями, за кем мы, схолиасты, наблюдали более девяти лет. Каждый здоровается лично, и под конец рука просто отсыхает.

— Божественный Ахиллес, — молвит Лаэртид, — нынче утром ты сделался нашим царём, и все мы присягнули тебе на верность, поклявшись идти за новым повелителем хоть на сам Олимп, дабы покарать Афину за её вероломство — как бы дико ни звучала эта невероятная история с гибелью товарища нашего Патрокла и похищением его тела. Но выслушай моё слово: люди голодны. Следует подкрепиться перед славной битвой. Ни один из мужей не спал достаточно, а многие не спали вообще, и вот — рати отважно сражались всё утро, отбросив неприятеля от наших чёрных судов за крутой вал с частоколом. Воистину, люди устали и голодны. Вели же Талфибию заколоть огромного вепря для предводителей, прочие же ахейцы пусть насытятся в стане хлебом и вином, да и сам…

— Завтракать? — взвивается герой. — В уме ли ты, сын Лаэрта? Да мне сейчас никакая еда не полезет в горло! Всё, чего я жажду, — это сеча, кровь и страшные стоны умирающих врагов!

Многоумный учтиво склоняет голову:

— О Ахиллес, величайший среди ахейцев! Ты и храбрее меня, и намного сильнее, но с другой стороны, я далеко превзойду тебя мудростью, прежде родившись и больше изведав. Так позволь душе укротиться моим убежденьем, о царь и владыка. Не посылай своих верных аргивян на тощий желудок воевать от рассвета до заката, особенно против бессмертных.

Быстроногий медлит с ответом. Одиссей воспринимает молчание как знак согласия и продолжает давить на оппонента:

— Храбрейший сын Пелея, мы до единого готовы положить за тебя свои головы — на поле брани. Или ты предпочтёшь, чтобы люди, ослабев, скончались от голода?

Пелид опускает свою тяжёлую длань на плечо товарища, и я не впервые отмечаю, насколько мужеубийца выше хитроумного Лаэртида.

— Будь по-твоему, о мудрый советник. Пускай вестник Агамемнона Талфибий рассечёт гортань самого громадного вепря, какого найдёт в лагере, и насадит зверя на вертел, а вы тем временем разложите самый жаркий костёр. Режьте волов и ешьте до отвала. Мои преданные мирмидонцы позаботятся о достойном пире. Однако никаких

приношений Олимпийцам! Не вздумайте ничего кидать в огонь: пора бессмертным отведать обнажённых мечей!

Он оглядывает командиров и возвышает голос, так чтобы все слышали:

— Насыщайтесь, друзья мои. Почтенный Нестор! Доверяю твоим сынам — Антилоху и Фразимеду, а также сыну Филея Мегесу, Мериону, Фоасу, потомку Крейона Ликомеду и ещё Меланиппу донести весть о пире на самый передний край битвы, дабы ни один из ахейцев не ушёл сражаться, не усладив алчущую плоть хлебом и не подкрепив дух вином! Я же потороплюсь облачиться для брани. Потом обсудим вместе с Хокенберри, сыном Дуэйна, грядущий поход на Олимп.

Повернувшись и подав мне знак следовать за ним, герой отправляется обратно в шатёр.

Поджидать Ахиллеса, собирающегося на войну, — это всё равно что наблюдать, как моя жена Сюзанна наряжается на вечеринку, на которую мы оба опаздываем. Ускорить данный процесс нет никакой возможности, остаётся лишь смириться и терпеть.

Однако я не могу удержаться, то и дело гляжу на хронометр, думая о маленьком роботе: порешили

его боги или ещё нет? Ладно, Манмут дал мне час, а значит, минут тридцать в запасе есть.

Эх, поторопился я отдать ему Шлем! Расщедрился! Теперь бессмертным ничего не стоит «засечь» беглого схолиаста на своих экранах или через видеопруд, а если им лень искать, так я скоро сам заявлюсь на Олимп безо всякого прикрытия! Ладно, шут с ним, с капюшоном, Афродита заметит меня в любом виде. И потом, я же ненадолго: заберу робота и сразу квитнусь обратно, плёвое дело! Сейчас гораздо важнее то, что происходит здесь и за стенами Трои.

А здесь идут сборы Ахилла на войну.

Кстати, герой и сам уже скрежещет зубами от нетерпения, надзирая за рабами, слугами и помощниками, снаряжающими его на бой. Ручаюсь, ни один конный рыцарь галантного Средневековья не устраивал перед битвой столь пышных церемоний, как сын Пелея в этот судьбоносный день.

Во-первых, быстрые ноги Ахиллеса облекают в изящно изогнутые поножи, защитные пластины для голеней. В детстве у меня имелось нечто подобное для игры в бейсбол — правда, из простой пластмассы, а тут настоящая бронза и щеголеватые серебряные застёжки на лодыжках.

Затем прославленный мужеубийца пристёгивает к могучей груди броню и надевает через плечо длинный меч. Медный клинок начищен до зеркального блеска и наточен, как бритва. Затейливая рукоять отделана серебром. Чтобы поднять один этот меч, мне пришлось бы сесть на корточки и уж точно использовать обе руки. Хотя не уверен, помогло бы…

Герой принимает у рабов исполинский круглый щит, выкованный из двух листов бронзы и слоя олова (довольно редкий металл в эти дни), разделённых золотой прокладкой. Вещий слепец посвятил этому блистательному творению классического искусства целую песнь «Илиады». Мало того, щит воспевается во множестве отдельных поэм, среди них и моя любимая — та, что написана Робертом Грейвзом. Надо сказать, вещица и впрямь заслуживает восхищения. Хотя бы за удивительный узор, который — ни больше ни меньше — воплотил в себе суть античной мудрости и представлений о Вселенной. Рисунок расходится концентрическими кругами. По внешнему краю изображена река Океан; далее следуют неподражаемые сцены из жизни Мирного Города и Града, Охваченного Войной, а в середине сосредоточены изумительные картины

Земли, моря, солнца, месяца и всех созвездий. Даже в полумраке шатра щит сияет, словно зеркало гелиографа.

В конце концов ахеец водружает на голову тяжёлый шлем, надвинув его на самые брови. По легенде, не кто иной, как повелитель огня Гефест, изукрасил золотой гребень конской гривой (не только в троянских ратях мода на пышные султаны), и та воистину напоминает жаркое пламя, когда реет при ходьбе.

Остаётся взять копьё. Пелид проверяет, прочно ли подлажена броня (точь-в-точь защитник НФЛ, пробующий, хорошо ли пристёгнуты подплечники): крутится на пятках, наносит удары, сгибается пополам, уворачивается от воображаемых выпадов — и всё с необычайной лёгкостью. Потом устраивает короткую пробежку, дабы удостовериться, что латы крепко сидят на местах, начиная с высоко зашнурованных сандалий и заканчивая шлемом. Последнее испытание: Ахиллес единым движением вздымает щит над головой и стремительно извлекает меч, да так ловко, будто проделывал подобные фокусы с рождения.

И вот клинок со свистом возвращается в ножны.

— Я готов, Хокенберри, — изрекает герой.

Ахейские военачальники сопровождают нас с Ахиллом на побережье — туда, где витает над пляжем измятый Орфу, плавно покачиваясь и слегка перемещаясь на ветру. Вокруг летающего панциря собралась приличная толпа солдат, однако никто не решился приблизиться.

Пожалуй, следует устроить небольшое любительское представление для Одиссея, Диомеда и прочих аргивян, не столь ослеплённых яростью, как сын Пелея, и потому не слишком воодушевлённых идти на битву с бессмертными, которым они служили и поклонялись с тех пор, как себя помнили. Всё, что увеличит престиж нового повелителя в их глазах (и прибавит почтения к вашему покорному слуге), сегодня обернётся в нашу пользу.

— Хватай мою руку, — шепчу я.

Ахиллес повинуется, и с поворотом диска телепортации мы на пару эффектно исчезаем из виду.

Елена Троянская назначила нам встречу у порога детской, и я без труда вспомнил нужное место. Комната пуста. Мы прибыли чуть раньше времени: стража на стенах Илиона сменится минут через пять. Через окно доносится уличный шум — громыхают повозки, запряжённые волами,

цокают конские копыта, щёлкают бичи, вдали кричат рыночные зазывалы, и сотни пеших ног шаркают по булыжной мостовой, убеждая нас обоих в реальности чуда, которое перенесло двух мужчин из ахейского лагеря в сердце Трои.

Ахилл, похоже, нимало не смущён случившимся: он и вырос в окружении разной божественной невидали. Боже, да ведь парня воспитывал *кентавр*. Осознав, что угодил в самый-самый центр неприятельского стана, герой спокойно опускает ладонь на рукоять меча и с достоинством глядит на меня, словно спрашивает, как быть дальше.

Ответ не заставляет себя ждать. В детской раздаётся страдальческий вопль. Трудно не признать голос Гектора, хотя я ни разу не слышал, чтобы Приамид так душераздирающе стенал. Следом рыдают и причитают женщины. Мужской крик повторяется: на сей раз похоже, что герой получил смертельную рану.

У меня пропадает желание входить в комнату, но сын Пелея сам устремляется вперёд, не выпуская полуобнажённого клинка. Хочешь не хочешь, приходится следовать за ним.

«Мои» троянки в сборе — Елена, Гекуба, Лаодика, Феано и Андромаха. При появлении грозного врага ни одна из них не поворачивает головы.

Гектор в своих запылившихся, залитых кровью латах тоже не замечает противника. Пелид застывает в дверях и молча глядит туда, куда направлены преисполненные ужаса взгляды.

Резная колыбелька опрокинута и забрызгана кровью. На сеточке от мошкары и мраморном полу багровеют бесчисленные пятна. Крохотное тельце Скамандрия, с нежностью прозванного в городе Астианаксом, изрублено на куски. Головы нет. Ручки и ножки отсечены. Правая пухлая ладошка болтается на ниточке, левая оторвана от кисти. Царские пелёнки с утончённой вышивкой в виде семейного герба насквозь пропитаны алой жидкостью. Рядом распростёрлась кормилица — та самая, что присутствовала при прощании Гектора с супругой и в последний раз на моих глазах мирно почивала на ложе. Женщина выглядит так, словно её разодрали дикие хищные кошки. Мёртвые руки протянуты к опрокинутой колыбели, как если бы несчастная до последней минуты старалась защитить младенца.

Прислужницы визжат и рыдают в дальнем углу. За них говорит Андромаха. Голос её изменился от пережитого, но звучит достаточно ровно — аж мороз по коже.

— Мой муж и повелитель, злодеяние свершили

богини Афродита и Афина.

Гектор поднимает налитые кровью глаза; его бледное, полуприкрытое шлемом лицо искажает гримаса отчаяния и неверия. Рот бессильно раскрыт, с отвисшей губы каплет блестящая слюна.

— Афина? Афродита? Как такое возможно?

— Час назад я подошла к дверям и услыхала их разговор с кормилицей, — продолжает супруга. — Паллада лично сказала мне, что наш милый Скамандрий станет жертвой, угодной Зевсу. «Мы сами заколем годовалого тельца», — это её слова, о Гектор. Я возражала, плакала, валялась у неё в ногах, и всё же богиня отказалась слушать. Волю Громовержца не переменить — так она заявила. Тут Афродита провозгласила, будто бы Олимп недоволен троянцами за то, что мы не спалили крутобокие суда ахейцев прошлой ночью. И будто бы эта гибель, — Андромаха указывает на изувеченного мальчика, — послужит нам уроком. Разумеется, я послала быстрейших из служанок за тобою, о любезный муж, и созвала своих подруг, дабы вместе оплакать горе. До твоего появления мы более не входили в эти двери.

Приамид оборачивается, но его безумные очи по-прежнему не узнают безгласного Ахиллеса. В этот миг мужчина не заметил бы и самой ядо-

витой кобры у себя под ногами. Всё, что видит его ослеплённый горем взор, — обезглавленное, окровавленное тело маленького сына и беспомощно сжатый кулачок на голом полу.

— Андромаха, милая, — выдавливает он сквозь всхлипы. — Почему же *ты* жива? Почему не скончалась, как верная нянька, пытаясь оградить дитя от гнева бессмертных?

Женщина склоняет лицо и беззвучно содрогается:

— Афина удержала меня на пороге невидимой божественной силой, и я не смогла помешать им…

Слёзы капают ей на платье. Глядя на окровавленную ткань, можно подумать, что несчастная стояла на коленях, прижимая к себе убитого младенца. Вдруг, безо всякой связи, припоминается репортаж о Джекки Кеннеди, показанный в то далёкое ноябрьское утро, когда Томас Хокенберри был ещё подростком.

Приамид не обнимает жену и никак не утешает её. Служанки поднимают вой в полный голос, но герой хранит жуткое безмолвие. Потом поднимает мускулистую, покрытую шрамами руку, сжимает мощные пальцы и вопит, обращаясь к потолку:

— Я бросаю вам вызов, боги! Афина, Афродита, Зевс и каждый, кого я почитал больше жизни, отныне вы мои враги! — Он потрясает кулаком.

— Гектор, — только и молвит Ахилл.

Все, как один, поворачивают головы. Служанки принимаются плакать от ужаса. Елена зажимает рот ладонью, превосходно изображая испуг. Гекуба пронзительно вскрикивает.

Приамид обнажает клинок и рычит от ярости, смешанной чуть ли не с облегчением: наконец-то есть на кого излить свой гнев. Есть кого зарезать в эту страшную минуту.

Быстроногий Пелид вскидывает пустые ладони кверху:

— Гектор, мой собрат по боли. Я пришёл разделить твою скорбь и готов сражаться рядом с тобой, рука об руку.

Так и не успев кинуться на врага, отец Астианакса застывает на месте. Его лицо каменеет и превращается в недоумённую маску.

— Прошлой ночью, — Ахилл всё ещё не опускает мозолистых ладоней, — Паллада явилась в лагерь мирмидонцев и убила моего дражайшего друга. Патрокла больше нет, он пал от её руки, а тело брошено на Олимпе на растерзание хищникам.

— Ты сам видел это? — спрашивает Приамид, всё ещё сжимая меч.

— Мы говорили с ней, и мои глаза не лгут: это была богиня. Она заколола Менетида, как и твоего сына, и по тем же самым причинам. её слова до сих пор звенят у меня в ушах.

Гектор переводит взгляд на собственный клинок, словно тот предал его.

Ахеец кидается вперёд. Женщины проворно расступаются. Мужеубийца протягивает правую длань, почти касаясь вражеского меча.

— Благородный Гектор, бывший противник, нынешний кровный брат, — негромко произносит Пелид, — пойдёшь ли ты со мною на последнюю битву, дабы отмстить наши потери?

Медный клинок звучно валится на каменный пол, и серебряный эфес обагряет невинная кровь младенца. Не говоря ни слова, троянец шагает, будто бы в атаку, и сдавливает предплечье Ахилла с такой мощью, что моя рука сразу отсохла бы. Герой словно боится упасть, если отпустит нового товарища.

Признаться, в течение всей этой сцены я тайком не свожу глаз с Андромахи, даром что иные лица намного сильнее выражают горе и потрясение. Супруга Гектора тихо рыдает.

«И ты сотворила это? — думаю я. — Причинила такое собственному ребёнку, лишь бы повернуть войну по-своему?»

Внезапное отвращение побуждает меня отодвинуться прочь, но в тот же миг я чётко осознаю: это был единственный выход. Единственный. Тут мой взгляд нечаянно падает на растерзанные останки Астианакса, Владыки Города, и я отступаю ещё дальше. Никогда, ни за тысячу, ни за десять тысяч лет, мне не понять этих людей.

И вот на пустой половине комнаты из ничего возникают *подлинные* боги. Их трое: Афина, Муза и Аполлон.

— Что здесь происходит? — надменно вопрошает Паллада, гордо выпрямившись во все свои восемь футов и презрительно глядя на смертных.

— Вот он! — кричит хозяйка и тычет в меня пальцем.

Аполлон поднимает серебряный лук.

46
Экваториальное Кольцо

В логове Калибана было темно, тепло и сыро. Грот укрывался глубоко в астероиде, в центре заброшенной канализации, и гнилостные процессы разогрели его до состояния настоящих тропиков. На склизких камнях среди влаголюбивых растений сновали прыткие тритоны. Пробив тонкую корку льда, чудовище проплыло по подземной трубе, вынырнуло в длинной тесной пещере, повесило сетку с пленниками на крюк, затем разодрало её когтями и рассадило оглушённых, беспомощных людей по трём десятифутовым скалам над клокочущим прудом. После чего устроилось на замшелой трубе, поросшей папоротниками, и уставилось на добычу, положив подбородок на сцепленные пальцы. Да, ещё оно молниеносно сорвало с людей дыхательные маски. Никто и пальцем не успел пошевелить. В логове имелась некая гравитация и даже атмосфера — правда, наполненная ужасным трупным смрадом. Калибан втягивал ноздрями эту вонь, словно амброзию. Ещё бы, ведь львиную долю

зловония источал он сам. Тварь глумливо ухмылялась, обнажая кривые жёлтые зубы.

Даэман обмочился, когда чудовище схватило его вместе с друзьями. Термокожа немедленно впитала жидкость и просохла, не оставив следов. И всё же, несмотря на ужас, щёки пухлого мужчины заливала краска при этом постыдном воспоминании. Теперь, глядя на мерзкое создание, молодой путешественник понял: те, земные калибано, когда-то вызывавшие у него такое отвращение, были только жалкими тенями Калибана, Единственного и Неповторимого. На первый взгляд тварь казалась неуклюжей и неповоротливой, однако пленники не могли забыть, как проворно двигались её перепончатые лапы в разрежённом воздухе и как мощно зубы сжимали сеть, в которой бились три взрослых человека.

— Что тебе от нас нужно? — требовательно вопросила Сейви, сидя на мокрой каменной колонне посреди чёрной пучины.

Старуха снова завладела оружием, заметил вдруг Даэман. Почему же она не целится? «Стреляй! — мысленно закричал он. — Прикончи эту гадость!»

Калибан вытянулся ближе, так что его пропахшее гнилой рыбой дыхание тяжёлой волной

окатило пленников, и прошипел:

— Крадётся вниз, пока щекотно шкуре. Падёт цветок, пчелой обременён, склонится плод — сорвать, куснуть, изгрызть.

— Он помешан, — шепнул Харман по радиолинии.

Тварь оскалилась.

— И всласть беседует с собой, и всё о Том, кому судьба рядила Богом стать. О ком ещё, коль тема сердце дразнит? Ха, знал бы он! Но злиться — самый час.

— Кто это Он? — поинтересовалась еврейка более чем спокойным тоном для человека, попавшего в лапы вонючего монстра. — Ты, случаем, не о себе говоришь в третьем лице, Калибан?

— Он есть Он, — прошелестел голос чудища. — Есть только один Он. Сетебос!

При звуке грозного имени тварь распласталась ниц, растопырила ноги и прикрыла голову руками, будто бы страшась удара свыше. Нечто мелкое и чешуйчатое метнулось внизу по камням и с плеском упало в мутную жижу. Вокруг поднимались клубы жёлтого пара.

— Кто такой Сетебос? — вымолвил Харман, пытаясь держаться столь же невозмутимо, как его спутница. — Это твой господин? Отведёшь нас к

нему? Позволь нам только поговорить. Может, он отпустит невинных людей?

Калибан запрокинул голову, принялся царапать мшистую трубу всеми когтями и прокричал куда-то ввысь, под своды грота:

— Сетебос, Сетебос и Сетебос! Помыслил пребывать средь холода луны.

— Луна? — повторила Сейви. — Твой хозяин живёт на луне?

— Помыслил, сотворил её нарочно, в соперники дневному солнцу, — промурлыкал монстр. — Но звёзды — нет, возникли те иначе; Он создал облака, и метеоры, и ветра, и прочее: и этот остров, то, что здесь растёт и жизнь влачит, и море, бесконечное, как змей, кусающий себя за хвост.

— О чём речь-то? — зашептал Даэман. — Он, кажется, двинутый. Можно подумать, этому Калибану мерещатся всякие божества.

— Лишь одно, — откликнулась еврейка. — Его собственное. И вероятно, совсем не мерещится.

— Кому пришло в голову создать подобную мерзость? — поморщился девяностодевятилетний. — Уж точно не Богу.

При этих словах уродливые прозрачные уши чудовища заворочались и встали торчком.

— Помыслил, Сикораксой урождён я, смертный

червь. Просперо, помыслил, безмолвный раб по собственной же воле, раб Тихого, такого же слуги. И всё-таки Сетебос многорукий, как каракатица, деяньями ужасный, впервые поднял взор и вдруг проник, что в небеса не взмоет, не дано, и счастья там не обретёт, но мир его — мир мыльных пузырей — реальным мирозданьям не чета, и доброе в сём мире столь же близко реальному добру и так же схоже, как схожи день и ночь.

— Мир мыльных пузырей? — переспросила старуха. — Ты об этом городе на астероиде экваториального кольца?

Вместо ответа Калибан пополз вперёд подобно дикой кошке, готовой напасть. Его кошачьи глаза сощурились в каком-то ярде от невольных зрителей.

— Помыслил, может, им знаком Просперо?

— Я знакома с Ариэлем, воплощением биосферы, — отвечала еврейка. — Он лично позволил нам попасть в Атлантиду и проделать весь этот путь. Мы здесь по праву. Спроси Ариэля.

Калибан захохотал и перекатился на бок; лишь когти да перепончатые ноги помешали твари скатиться с трубы в зловонную жижу.

— Помыслил, сам Он, как Просперо, держит для Ариэля цаплю с острым клювом, что бродит

по воде и ловит рыбу, тут же изрыгая; ещё морскую тварь, тупую, неуклюжую, её поймал Он и ослепил, чуть укротил, меж пальцев раскроил ей перепонки, и вот упрятал в каменной пещере, и окрестил беднягу… *Калибаном*.

— Что он, чтоб ему провалиться, несёт? — произнёс кузен Ады по коммуникационной линии. — Эта тварь ненормальная. Пристрели её, Сейви. Умоляю.

— Кажется, я… начинаю… понимать, — жарко зашептал Харман. — Сам он — Калибан. Но говорит о себе в третьем лице. Похоже, Просперо поработил его с помощью твоего знакомого, Сейви.

— Наш гостеприимный хозяин изловил в пруду ящерку и нарёк своим именем, — продолжила его мысль старуха. Голос её звучал отстранённо, почти беззаботно, словно хищный взгляд монстра опутал жертву гипнотическими чарами. — А теперь играет в собственного господина, Просперо.

Тварь осклабилась и почесала шею. Над рёбрами, почти под самыми подмышками существа Даэман разглядел настоящие жабры, до непристойности похожие на серые шевелящиеся рты.

— Стреляй, Сейви, — повторил собиратель бабочек. — Он убьёт нас!

— Скажи, Калибан, — успокаивающим тоном начала еврейка, — что случилось со здешними постлюдьми?

Монстр захныкал; по его вытянутой морде потекли струйки слизи.

— Сетебос, — прошептал он, испуганно косясь на высокие потолки пещеры, как если бы его могли подслушать. — Сетебос велел мне иль одарить их род ногою третьей, иль оторвать одну и так оставить. А что за наслажденье — постлюдишек по одному выслеживать и жрать и мозг их превращать в живую глину, податливую под моей рукой! Вот так и Он! *И Он!*

— О господи, — выдохнула старуха и до того резко отпрянула, что едва не свалилась вниз.

— Что? — встревожился Даэман. — В чём дело?

— Это он. Он убил «постов». — её лицо никогда ещё не выглядело столь изможднным. — По приказу Сетебоса. Или самого Просперо. Кажется, Калибан почитает обоих своими божествами.

Чудовище прекратило скулить и оскалило зубы в блаженной ухмылке.

— Помыслил, в этом нет ни правоты, ни преступленья, Он ни добр, ни зол: Он — Господин и властью облечён.

— Кто именно? — настаивала Сейви. — Сетебос

или Просперо? Кому ты служишь?

— Зовёт себя ужасным, — прорычал Калибан, вставая. — Взгляни на его ноги — и поймёшь! Короткий смерч способен уничтожить надежду шестимесячных трудов. Я знаю, для Него я ненавистен.

— Да *кто* тебя ненавидит-то? — вмешался Харман.

Ну и психи, мелькнуло в голове Даэмана. Разве можно разумно беседовать с этой тварью?

— Давай же, — заклинал он Сейви. — Убей его!

Еврейка приподняла оружие, но по-прежнему не целилась.

— Помыслил, постлюдишки червоточин наделали, червей развёл — Сетебос, — изрёк Калибан. — Просперо превратил червей в богов, а Сетебос из камня высек лики, а зеки прочно воздвигают их. Чутьё твердит мне: Тихий — вот Создатель, Сетебос — просто жалкий ученик. Но отчего творения так слабы и беззащитны? Почему бы всех не заковать в кольчугу чешуи, а мягкие глаза не сделать жёстким камнем? Хоть спорить бесполезно: Он един и волен в своих решеньях.

— *Кто* един? — не сдавалась старуха.

Чудовище сморщилось, собираясь вновь расплакаться.

— Слепая тварь лизнёт любую длань за кус мясца. Сетебосу вдвойне приятен труд: ведь надо же занять бесчисленные руки.

— Калибан, — промолвила еврейка раздельно и мягко, словно обращаясь к ребёнку. — Мы устали и хотим домой. Ты можешь нам помочь?

В глазах ужасного создания впервые блеснуло нечто непохожее на ненависть или самоедство.

— Да, леди, Калибану путь известен, и лично Он желает вам добра. Но вам Его стезя знакома тоже: не вздумайте пускаться на обман.

— Тогда скажи нам… — заикнулась было еврейка.

— Сам-то Он таков! — встрепенувшись, воскликнуло чудовище, затем присело на корточки, свесило вниз несообразно длинные руки и принялось скрести мохнатую трубу когтями. — Ведь тут игра: не отгадаешь — смерть! Что? Угодить Ему и защититься? Ха! Если б Он хоть раз поведал как! И не надейся!

— Если бы ты помог нам вернуться, мы бы… — Старуха ещё немного приподняла оружие.

— Мы все умрём! — выкрикнула тварь. — Просперо раздобыл нам Одиссея, но Сетебос услал героя в дальний путь. Просперо, что ни ночь, к Юпитеру взывает, шлёт к Марсу человечков,

Сетебос же расправу учинит им руками мнимых богов. Ведь тут игра: не отгадаешь — смерть!

Калибан перескочил на другой конец трубы, обхватил её ногами, кувыркнулся вниз головой и выловил из мутного ила ящерицу-альбиноса с выколотыми глазами.

— Сейви, — глухо произнёс девяностодевятилетний.

— Нет, мы не все умрём. — Чудовище пустило слезу и заскрежетало зубами. — Тот убежит, другой уйдёт в пучину, а третий по ветвям — и был таков; а кто захочет милости снискать… что ж, главное — не вздумай повторяться!

— Стреляй, Сейви! — не сдержавшись, проговорил вслух Даэман, и гулкое эхо повторило его слова.

Старуха прикусила губу, однако взяла монстра на мушку.

— Ниц! — завизжал Калибан. — Падём пред Ним, возлюбим Сетебоса!

И он отпустил слепую ящерку, которая тут же нырнула в пруд, но по пути ударилась о скалу, где сидела еврейка.

— Взгляни на его ноги — и поймёшь! — взревела мерзкая тварь и бросилась на первую жертву.

Старуха нажала на курок. Сотни отточенных

дротиков из хрусталя вонзились в грудь чудовища. Чешуйчатая плоть порвалась, как бумага. Испустив жуткий вопль, Калибан рухнул на вершину каменного столба, ухватил еврейку своими невыносимо длинными руками и одним щелчком могучих челюстей почти перекусил противнице шею. Сейви умерла без единого вскрика. Тело обмякло в страшных объятиях монстра, голова запрокинулась назад, оружие выпало из похолодевших пальцев и ушло в тёмную пучину.

Обливаясь кровью, чудовище вскинуло обагрённую морду к потолку грота и протяжно завыло. Затем подхватило мёртвую старуху под мышку, прыгнуло в бурлящую воду. Чёрная пена скрыла все следы.

47
Ардис-холл

Настал день рождения Ханны, Первая Двадцатка. Ада прокатилась вместе с юной подругой до факс-узла и с улыбкой проследила за тем, как именинница вошла в павильон в сопровождении войникса и двух сервиторов. Однако уже на обратном пути хозяйку Ардис-холла начали не шутя глодать сомнения.

Девушку и раньше томили дурные предчувствия. С того самого часа, как быстрый соньер унёс Хармана в небеса. Нет, она, конечно же, не ждала, что любимый сдержит слово и примчит за ней на космическом корабле. Пустое, детские выдумки! Но когда через два дня друзья не вернулись… И через три… На четвёртый волнение Ады сменилось гневом. Прошла неделя — и злость опять переросла в тревогу, более глубокую и мучительную, чем девушка сама от себя ожидала. Миновало ещё семь дней. Хозяйка Ардис-холла не знала, что и думать.

Прибывающие гости — а их теперь исчисляли сотнями — не принесли ни единой весточки о

пропавшей троице. На четырнадцатое утро Ада прокатилась в одноколке до факс-портала и, чуть помедлив у павильона (а собственно, чего боять-ся-то?), перенеслась в Парижский Кратер.

Мать Даэмана от беспокойства не находила себе места. Сын и прежде пропадал на вечеринках неделями; однажды, за год до Первой своей Двадцатки, загулял аж на целый месяц, увлёкшись охотой на бабочек. Правда, молодой мужчина всегда находил возможность передавать матери новости: мол, нахожусь там-то, вернусь тогда-то… Но чтобы вот так, ни слуху ни духу?

— Ну что вы, успокойтесь, — утешала Ада, поглаживая руку женщины. — Харман отлично присмотрит за ним, да и Сейви тоже…

На взрослую женщину её слова произвели впечатление. Самой же девушке сделалось только хуже.

Спустя две недели после этого памятного разговора Ада ехала в одноколке по родным холмам, возвращаясь домой. её одолевали разные мысли.

За последний месяц Ардис-холл наводнили толпы людей. Если в первый раз девушка вернулась из Парижского Кратера глубокой ночью и не могла по достоинству оценить произошедшие изменения, то сейчас вид с вершины пригорка

заставил её ахнуть.

Вокруг холма с белоснежным строением колыхалось пёстрое море палаток.

Поначалу выслушать учение сына Лаэрта на покатой лужайке за особняком явилось десять — двадцать гостей, не больше. Но десятки превратились в сотни, а теперь уже и тысячи. В Ардис-холле имелась всего лишь дюжина повозок, и каждая работала на износ. Войниксы, как положено, безмолвно напрягались, обслуживая посетителей — в основном мужчин — днём и ночью, однако хранили до странного угрюмый вид. Довольно скоро первые из учеников Одиссея стали по очереди дежурить у факс-портала, объясняя новеньким (а это было очень нелегко), что преодолевать безумно долгий путь — милю с четвертью — придётся пешком. Как ни удивительно, те покорно соглашались. А потом брели обратно, чтобы возвратиться через пару дней в ещё более многочисленной компании, где опять-таки преобладали мужчины. Некогда уединённый особняк на глазах превращался в оживлённый городской центр.

Дюжины и дюжины палаток воздвигали, разумеется, войниксы, но ухаживали за ними уже люди. В некоторых шатрах спали, в других го-

товили пищу, в третьих питались, четвёртые располагались чуть поодаль: Одиссей объяснил своим последователям, как правильно выкопать отхожее место. Во время всего этого сумасшествия мать Ады наведалась в Ардис-холл всего лишь однажды: огляделась, факсовала к себе в Уланбат и с тех пор не показывалась.

Дрожки остановились у крыльца. Девушка приняла стакан прохладного лимонада у одного из добровольных помощников — Ремана, молодого человека с бородкой, которые стремительно входили в моду, — и пошла на поле. Туда, где сын Лаэрта произносил свои бессмысленные речи, а также отвечал на вопросы по пять раз в день перед всевозрастающей толпой. Хозяйку так и подмывало на глазах у всех потребовать ответа у этого нахального варвара: как он посмел даже не попрощаться с той, что боготворила его.

Прошлым вечером Одиссей едва заглянул на праздничный ужин в честь наступающего дня рождения Ханны. Аде передались боль и смущение подруги. После того путешествия девушка следовала за дикарём верной тенью, а тот и не замечал её. Когда сын Лаэрта пренебрёг хозяйским гостеприимством и разбил лагерь в лесу, Ханна желала поселиться рядом, но Одиссей прогнал

её ночевать под крышу большого дома. А как старалась юная красавица выполнять наравне с мужчинами все упражнения — бегала, проходила полосу препятствий, даже на борьбу вызывалась! Обожаемый герой нипочём не соглашался биться с дамой.

И вот вчера… Каждый из гостей поздравил именинницу с предстоящим первым посещением лазарета, произнёс за столом красивую речь, пересыпанную пожеланиями здоровья и счастья. Великий учитель был на редкость лаконичен: «Не надо». Ханна прорыдала в спальне подруги целый вечер и даже впрямь собиралась *отказаться*, подумывала спрятаться от сервиторов, которые продолжали вышивать ритуальное платье. Однако что же делать? Все через это проходили. Ада, Харман, Даэман… Все до единого.

Затем настало утро. Ханна спустилась из спальни в незатейливом хлопковом одеянии, украшенном изображениями синих змей-целительниц, обвившихся вокруг жезла. Одиссей так и не зашёл проститься с юной поклонницей.

Ада кипела от злости, провожая Ханну до факс-портала. Красавица всю дорогу отворачивалась, чтобы не показать слёзы. Хозяйка Ардис-холла всегда считала её самой крепкой из подруг, одна-

ко сегодня бесстрашная, неунывающая атлетка и художница казалась маленькой заблудившейся девочкой.

— Может, после лазарета я ему больше приглянусь, — проговорила именинница. — Стану взрослее, женственнее…

— Может быть, — согласилась вслух Ада.

А про себя подумала, что все мужчины одинаковы — самовлюблённые, бесчувственные свиньи, которые только и ждут случая продемонстрировать собственное свинство.

Ханна выглядела такой хрупкой и беззащитной, когда сервиторы за руки ввели её в павильон. Погода стояла ясная, в лицо веял нежный ветерок, и только в сердце Ады сгущались грозовые тучи. Девушку вдруг охватило необъяснимое чувство потери. Странно, ведь дюжины друзей совершали подобный ритуал ежедневно, и ничего такого. Хозяйка Ардис-холла и сама бывала в лазарете, правда, помнила об этом весьма смутно: какая-то тёплая водичка, бак… Но почему-то Ада разревелась, когда подруга, взмахнув рукой на прощание, скрылась за дверями портала. Возвращаясь домой в одиночестве, девушка только укрепилась в озлоблении на Хармана, Одиссея и всю мужскую братию.

Словом, в лице юной красавицы, что шагала по полю, сын Лаэрта напрасно ожидал бы найти преданную ученицу, готовую смотреть ему в рот.

Коренастый бородач, нарядившийся словно для боя, с мечом на поясе, восседал на сухом поваленном дереве, а сотни зрителей располагались вокруг на склоне. Многие из мужчин щеголяли точно такими же туниками и широкими ремнями из кожи, большинство отращивало бороды, ещё недавно считавшиеся признаком дурного вкуса.

Ада подоспела вовремя. Ей был известен обычный распорядок Одиссея: через час после рассвета мужчина собирал учеников и говорил к ним примерно девяносто минут, ближе к вечеру проводил ещё один урок, а перед ленчем и в долгих послезакатных сумерках отвечал на вопросы.

Молодой человек из новеньких робко поднял руку:

— Учитель, зачем нам нужно выяснять имена своих отцов? Прежде это было не важно.

Ада тихонько вздохнула. Сейчас гордый грек выбросит правую ладонь вперёд и примется тыкать пальцем в воздух, подчёркивая главные мысли. Кстати, девушка впервые обратила внимание на то, что многие из последовате-

лей начинали походить на бородача не только манерой одеваться, но и бронзовым загаром и даже крепостью мышц. В самом начале Одиссей установил жёсткое правило: любой, кто желает слушать его более двух раз, обязан не менее часа в день заниматься на полосе препятствий, устроенной учителем в лесу из верёвок, огромных колод и грязных ям. Гости, конечно же, посмеялись над нелепой затеей, но потом как-то втянулись. Хозяйке оставалось лишь удивляться.

— Если не ведаешь, кто твой отец, — спокойно и громко отчеканил воин, так что голос его разнёсся далеко по лужайке, — как ты познаешь самого себя? Вот я — Одиссей, сын Лаэрта. Отец мой — царь, и он же человек своей земли. В последний раз я видел его по колено в грязи, сажающим новое деревце взамен дуба-исполина, погубленного молнией и в конце концов срубленного рукой повелителя. Лишь постигнув, кем были мои предки, ради чего жили и за что умирали, я понимаю и собственную цену.

— Расскажите нам ещё раз про *арету*, — раздался голос из задних рядов.

Хозяйка узнала спросившего. Петир, один из самых первых учеников, появившийся в те дни, когда гостей можно было пересчитать по паль-

цам. Этот зрелый мужчина вообще не покидал Ардис-холла, и за месяц борода его стала почти такой же густой, как у варвара. А казался таким умным, мысленно усмехнулась девушка.

— *Арета*? — повторил Одиссей. — Это просто. *Арета* — значит совершенство и стремление к безупречности буквально во всём. Значит — каждым своим поступком служить совершенству, уметь распознать его при встрече и непременно достигать в собственной жизни.

Приземистый новичок в десятом ряду, чем-то напомнивший Аде пухлого кузена, расхохотался:

— Как это — безупречности во всём? Что за вздор? Это невозможно. И кому придёт охота добровольно надрываться? — Он огляделся по сторонам, ожидая поддержки.

Никто не смеялся. Ученики молча посмотрели на говорящего — и вновь повернулись к Одиссею. Сын Лаэрта сверкнул крепкой белозубой улыбкой.

— Я не сказал: *достичь*, друг мой. Но *пытаться* мы должны. Желать совершенства — вот единственно достойный человека путь.

— Да ведь у нас так много дел, — ехидно заметил спорщик. — Нельзя же упражняться во всех сразу. Надо уметь выбирать главное, разве не

так? — Мужчина не сдержался и ущипнул свою соседку-подружку, чтобы хоть она выдавила из себя смешок.

— Верно, — ответил учитель. — Но помни, ты оскверняешь любое занятие, какое не посвятил *арете*. Ешь ли ты? Ешь так, будто последний раз в жизни. Готовь так, точно и нет на свете другой еды! Богам жертвуешь? Представь, что судьба всех близких зависит от твоей искренности, благоговения, самоотдачи. Любишь? Пусть любовь станет самой яркой и драгоценной звездой в созвездии твоих деяний, возложенных на алтарь *ареты*.

— Объясни нам слово *агон*, Одиссей, — сказала молоденькая женщина в третьем ряду, Пеаэн.

Вроде бы умная, трезво рассуждает, а глядите-ка, туда же, подивилась Ада.

— Хорошо. *Агон* — это сравнение вещей друг с другом, — негромко, но внятно проговорил сын Лаэрта. — Равноценны ли они, или одна больше другой. Вся вселенная принимает участие в динамике *агона*. Дерево, на котором я сижу, больше ли оно, чем, скажем, вон то, у кромки леса, на самом холме? — хитро прищурился он.

— Конечно, меньше, — откликнулся кряжистый мужчина, уже вступавший в разговор. —

Оно ведь мёртвое.

— И что, живые непременно главнее? — вопросил учитель. — Все вы видели битву, запечатлённую на туринских пеленах. Разве нынешний уборщик навоза превосходит погибшего во славе Ахилла?

— Это совсем другое дело! — воскликнула одна из дам.

— Нет, — отрезал Одиссей. — Оба мужчины. Оба люди. Оба рано или поздно умрут. И не важно, если один до сих пор дышит, а другой переселился в царство теней. Сравнивать нужно. Мужей. Женщин. Потому и необходимо знать своих предков, свою историю.

— И всё же, твоё дерево мертво, учитель, — вмешался Петир.

На сей раз по склону прокатился хохот. Сын Лаэрта присоединился к общему веселью, а потом указал на воробья, севшего на несрубленную ветку:

— Да, но заметьте, с точки зрения *агона*, оно и сейчас превосходит по значимости *ваше*, живое. Например, для этой птицы. Для жучков-древоточцев, которые вгрызаются прямо сейчас в его кору. Для мышей-полёвок и более крупных созданий, что вскоре поселятся внутри ствола.

— Так кто же главный судья *агона*? — спросил серьёзный зрелый мужчина в пятом ряду. — Птицы, жуки или человек?

— Все, — отозвался учитель. — Каждый по очереди. Однако единственное, что имеет значение, — это ваш собственный суд.

— Звучит очень высокомерно, — подала голос ученица, в которой Ада признала подругу матери. — Кто избрал нас судьями? Кто дал нам право сравнивать?

— Сама вселенная, — отвечал Одиссей. — За пятьдесят миллиардов лет эволюции. Это она даровала вам глаза, чтобы смотреть. Руки, чтобы держать и взвешивать. Сердце, чтобы чувствовать. Разум для постижения законов суда. И воображение, чтобы осознавать выбор птиц, жуков и даже деревьев. Главное — пусть *арета* направляет вас при вынесении приговора. Поверьте, птицы и жуки, в чьём мире нет места созерцательным размышлениям, только так и поступают. Их не заботит, насколько это высокомерно — предпочитать ту или иную пищу, партнёра… дом, наконец. — Тут говорящий указал на дыру в поваленном стволе, куда нырнул юркий воробей.

— Учитель, — произнёс молодой человек из

последних рядов, — а для чего нам, мужчинам, нужны ежедневные битвы?

«Хватит с меня», — решила хозяйка и, допив остатки лимонада, пошла обратно к дому. На пороге она оглянулась на длинный зелёный двор, по которому, негромко беседуя, прохаживались бесчисленные гости. Сервиторы, как обычно, сновали от одного к другому, но редко кто принимал у них угощение или напиток. Сын Лаэрта в первый же день потребовал от учеников не принимать услуг от машин и войниксов. Многих нелепое требование отпугнуло, и всё же толпа последователей росла с каждым днём.

Ада посмотрела в синие небеса, увидела бледные орбитальные кольца и подумала о Хармане. Как же она разозлилась на неотёсанного мужлана за тот непристойный разговор о сперме, материнстве и… моли! Надо же быть таким бесстыжим: обсуждать с девушкой вещи, о которых и с родной матерью толкуют раз в жизни! И потом, женщина с незапамятных времён избирала отца своему малышу из числа тех, чьё семя сохранялось в её чреве месяцами, годами, десятилетиями; зачем приплетать сюда мерзких мошек?

А его странная блажь постоянно *быть* рядом с ребёнком, ославиться под именем папаши! Это

уж ни в какие ворота не лезет! Неудивительно, что взбешённая девушка проводила нового любовника на увеселительную прогулку без особой теплоты, уколов на прощание и словами, и взглядом.

Ада прикоснулась к низу своего живота. Лазарет пока не наделял её разрешением забеременеть. С другой стороны, хозяйка Ардис-холла и не просила, чтобы её заносили в списки. К счастью, выбирать между… как их там? — спермопакетами? — придётся не скоро. Тут она снова вспомнила Хармана, его мудрые глаза, нежные, но сильные прикосновения, взрослое, полное страсти тело — и опять потрогала живот.

— Аман, — тихо, для себя одной шепнула девушка, — сын Хармана и Ады.

Затем усмехнулась. Всё-таки разглагольствования Лаэртида не прошли даром даже для неё.

Вчера после заката, когда слушатели разбредались по шатрам, а кое-кто, совсем немногие, потянулись обратно к факс-павильону, хозяйка напрямую потребовала у Одиссея ответа: как долго тот намерен оставаться в её владениях?

Седой мужчина чуть печально улыбнулся:

— Не слишком долго, милая.

— Неделю? — решила не сдаваться Ада. — Ме-

сяц? Год?

— Нет-нет, — покачал тот головой. — Всего лишь до тех пор, пока небосвод не рухнет. Пока новые миры не возникнут у тебя во дворике.

Ну и хам! Девушка чуть не потребовала (хотя искушение было велико), чтобы сервиторы тут же уничтожили волосатого дикаря. Вместо этого она печально побрела домой, к себе в спальню — единственный уединённый уголок среди внезапного столпотворения, где и пролежала полночи без сна, сердясь на Хармана, тоскуя по Харману, тревожась о Хармане.

Вот и сейчас Ада повернулась, чтобы зайти в дом, как вдруг уловила краем глаза некое движение. Девушка оглянулась. Просто кольца вращаются? Или нет? Чистую синеву неба прочертила тонкая линия, словно алмазом чиркнули по стеклу. Затем ещё одна — ярче, заметнее. И снова. На этот раз Ада увидела хвост алого пламени. Над лужайкой прокатились три глухих громовых раската. Прогуливающиеся ученики остановились и задрали головы. Кто-то указывал вверх пальцами. Даже сервиторы и войниксы замерли, оставив свои дела.

До слуха девушки донеслись визг и вскрики со склона за особняком.

Лазурный купол исцарапали живые огненные штрихи. Все они, пересекаясь, летели на восток; за некоторыми тянулись разноцветные косматые полосы, иные издавали ужасающий раскатистый грохот.

Небеса рушились.

48
Илион и Олимп

Роковая война развязывается прямо в залитой кровью детской.

Тысячи раз бессмертные нисходили на землю поучить бестолковых людей, только и жаждущих быть втянутыми в новые, всё более интересные игрища на поле боя. И вот впервые их встречает не благоговейный трепет, а грубое, молниеносное нападение.

Когда Муза, которую, видимо, затем и позвали, чтобы опознать непокорного схолиаста, вопит: «Вот он!» — Аполлон самоуверенно направляет на меня лук, однако не успевает достать ни единой серебряной стрелы. Гектор совершает стремительный прыжок, ударом клинка выбивает у бога оружие и всаживает меч ему в живот.

— Остановитесь! — кричит Афина, запоздало прикрываясь силовым полем.

Но Пелид уже преодолел её защиту; один сокрушительный взмах — и быстроногий рассекает бессмертную от плеча до бедра. Вой богини можно сравнить разве что с рёвом реактивного

самолёта. Каждый из нас, в том числе и я, падает на колено, зажимая уши ладонями. Каждый, только не Гектор. И не Ахилл. Эти двое не слышат ничего, кроме собственного гнева, бушующего в крови.

Аполлон оглушительно выкрикивает некую угрозу и поднимает руку, собираясь то ли отпугнуть Приамида, то ли выпустить испепеляющую молнию. Гектору некогда разгадывать божественные намерения: он заносит клинок обеими руками и наносит мощный удар слева (ну вылитый Андре Агасси в лучшие дни). Десница «сребролукого» бессильно повисает, из плеча брызжет фонтан золотого ихора.

Второй раз в жизни я наблюдаю, как Олимпиец корчится в муках и теряет богоподобный облик, превращаясь в чёрный вихрь. Ураган разражается нечеловеческим визгом, услышав который служанки опрометью вылетают из комнаты. Благородные троянки — Андромаха, Лаодика, Феано, Гекуба и Елена — бросаются с кинжалами на Музу.

Наружность Афины тоже подрагивает и начинает расплываться. Бессмертная изумлённо пялится на свою разрубленную грудь и окровавленный живот. Затем выбрасывает руку вперёд

и стреляет в обидчика лучом энергии, способным расплавить голову Ахиллеса до состояния плазмы. Герой пригибается с ловкостью супермена — недаром боги сами накачивали его ДНК нанотехом, так сказать, изготовили по военному спецзаказу — и замахивается клинком по ногам противницы. Стена за его спиной исчезает в клубах пламени. Афина подпрыгивает и зависает в воздухе, однако не раньше, чем сверкающее лезвие перерезает Олимпийские мускулы. Левая ступня разлетается на куски.

На сей раз раненая вопит так сильно, что я теряю сознание. Напоследок перед глазами мелькает Муза — девятилетний кошмар всех схолиастов; перепуганная до соплей, она даже забывает о квант-телепортации, попросту удирая от пяти троянок и их кинжалов.

Через пару секунд я прихожу в себя. Попробуй не приди, когда сам Ахиллес трясёт тебя, точно куклу.

— Сбежали! — рычит он. — Эти трусливые крысы взяли и смылись от нас на Олимп! Веди нас туда, Хокенберри.

Одной рукой он отрывает меня от пола. В горло упирается залитое ихором остриё.

— Чего ты ждёшь?! — надрывается ахеец.

Противиться нет смысла. Судя по зрачкам, сузившимся до размера булавочных уколов, герой уже невменяем. В этот миг Приамид перехватывает его запястье, и мои ноги медленно, но верно снижаются обратно на пол. Ахиллес отпускает меня и разворачивается с таким видом, что я почти уверен: Судьба решила сыграть злую шутку и быстроногий всё же прирежет своего новоиспечённого троянского союзника.

— Друг мой! — взывает Гектор, протягивая к нему пустую ладонь. — Соратник по борьбе с бессердечным Олимпом!

Сын Пелея приостанавливается, тяжко дыша.

— Послушай!!! — грохочет Приамид голосом прирождённого фельдмаршала. — Наше общее и страстное желание — преследовать этих крыс в их логове и умереть в доблестной схватке, пытаясь низвергнуть самого Зевса, так?

Шальное выражение Ахиллеса не меняется. Его очи почти закатились, остались одни белки. Однако воин прислушивается. Вполуха.

— Беда в том, что наша героическая гибель повлечёт за собой истребление двух великих народов, — продолжает Гектор. — Чтобы достойно отомстить за горькие утраты, необходимо воссоединить обе армии, взять Олимп в осаду и

низвергнуть всех богов до последнего. Ты должен поговорить со своими людьми, Ахиллес!

Тот зажмуривается на мгновение, потом смотрит на меня и кричит:

— Эй, ты! Можешь перенести меня назад в ахейский лагерь?

— Да, — хриплю я.

Елена с подругами возвращается в осиротевшую детскую; кинжалы женщин не запятнаны — стало быть, Муза всё же ускользнула.

— А ты убеди своих, — произносит Пелид, обращаясь к Гектору. — Заколи каждого начальника, кто откажется повиноваться. Я сделаю то же с аргивянами. Встретимся через три часа на том высоком кургане перед Илионом, ты знаешь, о чём речь. Вы, местные, нарицаете его Ватиеей, Лесным утёсом, а мы и боги — могилою быстрой амазонки Мирины.

— Ясно, — откликается тот. — Возьми с собой дюжину лучших военачальников. Но войско пусть подождёт в полулиге оттуда, пока мы не обсудим план сражения.

Ахиллес обнажает белые зубы, изображая подобие ухмылки:

— Не доверяешь мне, сын Приама?

— О нет, сейчас я убеждён, что наши сердца

соединили узы безмерного гнева и безутешной скорби. Хотя боль у каждого своя, в единый безумный миг мы стали братьями. И всё же три часа… этого достаточно, чтобы остудить даже огонь общего дела. К тому же у тебя такой блестящий советник, Одиссей, сын Лаэрта, чья хитрость и красноречие давно известны за стенами Трои. Если он подвигнет тебя на предательство, как я узнаю?

— Хорошо, *два* часа. — Пелид нетерпеливо трясёт головой. — Я отберу самых надёжных людей. Все, кто не последует за нами, отойдут под сень Аида ещё до заката. — Тут он стремительно хватает меня за руку; я еле удерживаюсь от крика. — Жми в лагерь, Хокенберри.

Поспешно нащупываю квит-медальон.

Оказывается, ветер отнёс приятеля Манмута на четверть мили вниз по пляжу и теперь тот плавно парит в моей левитационной сбруе над бурными волнами между чёрных кораблей. Срочно бросаю Ахилла с его начальниками, выпрашиваю в толпе зевак бечёвку и, зацепив петлёй побитый панцирь, подтягиваю его обратно на глазах у потрясённых героев «Илиады».

Трудно не заметить, что без нас на берегу разгорелись жаркие события. Диомед докладывает

обстановку: дескать, половина людей готова поднять паруса, другая навеки прощается с милой жизнью. Ибо даже мысль о противостоянии бессмертным — не говоря уже о битве — кощунственна и сумасбродна для тех, кто хоть раз видел Олимпийцев в действии. Кажется, отважный Тидид и сам не прочь отступиться от этой затеи.

Известно, быстроногий всегда отличался редким красноречием и даром приводить веские доводы. Сперва он напоминает о своём законном вступлении во власть, то бишь о поединках с Атридами. Затем подробно расписывает ужасную гибель Патрокла. Превозносит до небес мужество и преданность ахейского воинства. Упоминает о добыче, которую можно награбить на Олимпе и рядом с которой меркнут все богатства Трои. А под конец просто и без обиняков обещает порешить любого, кто скажет хоть слово поперёк. Очень убедительная речь, вот разве пресс-конференция из такой вряд ли получилась бы.

Блин, опять как-то всё не в тему. Я-то мечтал раззадорить героев на отчаянный подвиг, пускай себе перебьют богов и падут смертью храбрых. Тогда греки спокойно уплыли бы на родину, а жизнь троянцев вернулась бы в привычное русло: распахнутые Скейские врата, потоки торговцев и

туристов, в общем, всё как на щите Ахиллеса, в картинках о Городе Мира. Я и вправду надеялся, что два смельчака безропотно пожертвуют собой ради светлого будущего, а не станут втягивать в сечу десятки и сотни тысяч соратников.

Но нет, судьбоносная *aristeia* с Олимпом более невозможна. Если бы квитнуть обоих воинов чуть раньше и обрушить на ничего не подозревающих бессмертных троянско-греческий ураган слепой и яростной силы… Однако благодаря стычке в комнате Скамандрия мы потеряли главное преимущество — эффект неожиданности.

И что теперь?

Кстати, который час? Я ведь обещал забрать маленького робота. Да, но Великий Зал Собраний уже превратился в осиное гнездо. И не только он. Сто против одного, что мне не удастся проскочить незамеченным. *Как поведут себя Гектор с Ахиллом, если я не вернусь?*

Это уже их забота. Привычно поднимаю руки, чтобы накинуть капюшон-невидимку: пальцы хватают пустоту. Вспоминаю, куда делся Шлем, и, со вздохом вообразив западный берег кальдеры, отправляюсь так, с непокрытой головой.

О, тут и впрямь осиное гнездо. Небо заполонили колесницы, многие со свистом рассекают воздух

над озером. На берегу толпятся бессмертные, они тычут пальцами и шлют молнии в бурлящую пучину; кто-то норовит докричаться до всех, передать приказ Зевса о срочном собрании в Великом Зале. В суматохе на меня не обращают внимания. Однако это вопрос нескольких мгновений: кто-нибудь да разглядит нарушителя, незаконно пробравшегося в элитный божественный клуб.

Кипящие волны взрываются фонтаном брызг, и в каких-то ярдах от меня является призрачная фигура, видимая лишь из-за капель, которые стекают по её незримой поверхности. Маленький робот добирается до берега и снимает Шлем.

— Чем скорее мы уберёмся отсюда, тем лучше, — произносит он по-английски.

И протягивает руку, чтобы попасть в моё квитполе. Я бездумно беру ладонь моравека, но тут же с криком отдёргиваю собственную. Кожа багровеет и покрывается волдырями. Металл (или пластик, или что там у него) раскалён докрасна.

Две колесницы снижаются, направляясь в нашу сторону. Вокруг полыхают молнии. Отчётливо пахнет озоном.

Была не была, хватаю робота за плечо и кручу медальон. Ни один из нас не выберется из этой передряги живым. Зато я вернулся за моравеком,

как обещал. Всё-таки утешение.

49
Экваториальное Кольцо

Первые две недели мужчины питались одними ящерками из грязного пруда. Оба так похудели, что их термокожи ужались на целых два размера, дабы не терять контакта с телом.

Гибель Сейви глубоко потрясла друзей. Целую минуту после исчезновения Калибана и мудрой спутницы они просто сидели на каменных столбах, глядя в воду. В голове Даэмана колотилась одна лишь мысль: «Он вернётся за нами. Он вернётся за нами. Он вернётся…»

Харман рассеял злые чары, когда вдруг поднялся, прыгнул солдатиком в смердящие волны и… тоже исчез.

Если бы у молодого мужчины осталась сила, он бы завыл от страха. Мгновения показались минутами, а те — вечностью. Но вот среди клокочущей пены показалась голова. Любовник Ады вынырнул, показал товарищу свой улов и забрался на маленький валун отдышаться. Опомнившись от первого шока, Даэман тоже решил спуститься.

— Тут недалеко до дна, — сказал девяностоде-

вятилетний, сплёвывая ил. — Иначе я бы их не нашёл. — Он протянул спутнику мокрую дыхательную маску, повесил на шею собственный респиратор и взвесил в руке добытое из воды оружие.

— Работает? — произнёс собиратель бабочек надтреснутым голосом.

Ему так и мерещилось, что в любую секунду из пруда появится длинная рука монстра и… В ушах до сих пор звучало тошнотворное чавканье и хруст шейных позвонков еврейки.

— Есть только один способ проверить, — так же сипло прошептал Харман.

Припомнив последнюю минуту старухи, он прицелился, положил палец на спусковой крючок и нажал. Небольшая заводь у дальней стены взорвалась трехфутовым фонтаном, и сразу сотни заострённых дротиков ушли на дно.

— Вот вам! — заорал Даэман, не обращая внимания на эхо, загулявшее под сводами. Плевать на Калибана!

— А где мешок Сейви? — тихо спросил товарищ.

Обитатель Парижского Кратера молча ткнул пальцем в основание скалы, на которой сидела еврейка. При тусклом свете грибов, покрываю-

щих стены грота, мужчины нашли между камней упавший мешок и тщательно перерыли его. Внутри обнаружился фонарик, всё ещё пригодный, и три запасных обоймы, каждая по семь пакетов с дротиками. В самом оружии оставалось ещё два заряда, как ухитрился выяснить Харман.

— Ты думаешь, оно… он… умер? — прошептал Даэман, оглянувшись через плечо. — Всё-таки Сейви пальнула ему в грудь с несчастных нескольких футов. Правда ведь?..

— Нет, — промолвил опытный спутник. — Калибан жив. Надевай свою маску. Пора выбираться отсюда.

Подземный поток выводил из грота в грот, из одной пещеры в другую, только размер их постепенно увеличивался. Верхние слои астероида, на поверхности которого красовался хрустальный город «постов», оказался насквозь источён туннелями коммуникаций.

Уже во втором гроте, вынырнув из мутной пучины, друзья заметили на стене яркие брызги крови.

— Это чья? — прошептал молодой коллекционер. — Его или её?

Харман пожал плечами:

— Обоих, надо полагать.

Луч фонаря пробежал по стене далее. На противоположном берегу белели рёбра, тазобедренная и берцовые кости; чуть поодаль пялился в пустоту чёрными глазницами череп.

— Боже, Сейви! — Даэман ахнул, сорвал дыхательную маску и приготовился прыгать обратно в воду.

На плечо тяжело опустилась рука товарища.

— Вряд ли это она.

Девяностодевятилетний поводил фонарём вокруг: оба берега вонючего потока оказались усеяны человечьими скелетами.

— Они все старые, — хрипло промолвил Харман. — Им не меньше полугода, а то и десятки лет.

Он поднял и повертел в руках одно из рёбер; на фоне ядовито-синего костюма кость показалась нестерпимо белой, если не считать тёмных отметин, оставленных хищными зубами.

Даэман затрясся мелкой дрожью.

— Прости.

— Бывает, — покачал головой опытный спутник. — Мы оба пережили потрясение и умираем с голоду. Два с лишним дня, а во рту хоть бы маковая росинка…

С этими словами он улёгся ниц у края потока.

— Ну, может, в городе что-нибудь найдётся, — неуверенно начал кузен Ады.

Рука Хармана метнулась к воде. Послышался оглушительный плеск. Калибан! Собиратель бабочек прянул назад, но тут мужчина поднялся с ящерицей-альбиносом, зажатой в кулаке. У этого создания хотя бы имелись глаза, похожие на розовые бусины.

— Ты шутишь, — выдавил из себя Даэман.

— Нет.

— Мы же не станем тратить дротики, чтобы добить эту…

Путешественник преклонных лет ухватил ящерку за задние лапы и размозжил ей голову о камень. Обитатель Парижского Кратера поспешил поднять маску, уверенный, что его снова вырвет. Желудок сердито поворчал, сжался, и… ничего.

— Жаль, Сейви не носила в мешке клинка, — озабоченно проговорил новоявленный охотник. — Знаешь, такого, как у Одиссея, для разделки мяса. Нам бы сейчас нож сгодился.

Даэман округлил глаза и почувствовал себя ещё хуже, когда товарищ подобрал с земли булыжник размером с кулак, заточил его о скалу и при помощи полученного лезвия отсёк убитой твари

голову, после чего принялся сдирать с амфибии бледную кожу.

— Харман?.. Я это есть не буду.

— Сам же видел, наверху пищи не осталось. — Сидя на корточках, товарищ продолжал свою работу. По крайней мере в случае с ящерицей совершенно бескровную.

— И как мы её испечём? — полюбопытствовал Даэман.

— А никак. Спичек у нас мало, топлива здесь недостаточно, вдобавок наверху не будет ещё и воздуха.

Девяностодевятилетний путешественник оторвал кусочек розоватого мяса от задней ножки, с минуту повертел его при свете фонаря и решительно закинул в рот. Потом зачерпнул бутылью Сейви мутной воды и запил экзотическое кушанье.

— Ну, что? — поинтересовался молодой спутник.

Харман, на лице которого читался более чем красноречивый ответ, подал Даэману следующий кусок. Через две минуты мучительной борьбы с самим собой кузен Ады всё же запихнул «угощение» за щёку. И медленно начал жевать. Как ни странно, его не стошнило. Язык ощутил холод-

ную слизь с рыбным привкусом. Желудок тут же потребовал большего.

— Положи лампу у края воды, — потребовал тот-кто-умел-читать. — Свет привлекает ящериц.

«И чудовищ?» — подумалось молодому товарищу. Однако он улёгся ничком, зажал фонарь в левой руке, а правую занёс для меткого рывка. Пусть только эти бесцветные твари подплывут поближе. Где-то за спиной, в темноте, Харман разрывал зубами мясо и громко жевал.

— Сами превратимся в Калибанов, — буркнул Даэман себе под нос.

— Не-а, — откликнулся спутник. — Ни за что.

Из пещер они вышли четырнадцатью днями позже — двое бледных, небритых, измождённых мужчин с блуждающими взорами проплыли последнюю трубу, проломили хрупкую наледь и воспарили навстречу тусклому свету, который показался им ярче полуденного солнца.

Трудно поверить, но именно молодой горожанин настоял на том, чтобы выбраться наружу.

— Под землёй удобнее биться с Калибаном, — уверял его товарищ. Оружие Сейви покоилось в особом чехле, пошитом из дорожного мешка. Спали путешественники по очереди, прижавшись одним боком к надёжной стене, чутко охраняя

сон друг друга.

— А мне без разницы, — втолковывал Даэман. — Всё равно надо уходить из этой скалы.

— Может, чудовище уже сдыхает от ран, — строил догадки Харман.

— Если только не поправляется, — возражал собиратель бабочек.

Между прочим, со временем мужчины всё сильнее походили друг на друга. Оба отрастили приличные бородки (обитатель Парижского Кратера — более тёмную и густую), да и вес примерно сравнялся.

— Как ты не понимаешь, — упрямо повторял кузен Ады, — пора уже искать выход.

— Я не смогу вернуться в клинику, — сознался наконец товарищ.

— По-другому нельзя. Там же факс-порталы.

— Ну и что. В эту комнату смеха я не пойду. И порталы наверняка закодированы на прибывающие-отбывающие тела.

— Мы поменяем код, если потребуется.

— Позволь спросить, каким образом?

— Откуда я знаю. Подсмотрим за сервиторами и сделаем так же.

— Сейви говорила, что наши коды могут оказаться недействительными.

— Домыслы. Старуха не пользовалась факсовой сетью тысячу лет с гаком. И вообще, нужно же нам исследовать остальную часть города.

— Это ещё зачем? — пробурчал девяностодевятилетний; в последнее время из-за бессонницы он совершенно пал духом.

— Вдруг найдём космический корабль.

Харман усмехнулся, потом расхохотался во весь голос, пока из глаз не брызнули слёзы. Спутнику пришлось ущипнуть его за руку, чтобы привлечь к себе внимание.

— Пошли. Мы же знаем трубу, которая ведёт наверх. Если понадобится, я расстреляю весь лёд.

Они исследовали остальную часть города две недели. Ночевали в пустых жилищах поменьше размером, охраняя сон друг друга. Даэману постоянно виделось, будто бы он падает; молодой мужчина просыпался в поту, молотя руками и ногами разрежённый воздух. С опытным путешественником творилось то же самое, только чаще.

Хрустальный город был совершенно безжизнен. Повсюду плавали женские постмумии со следами укусов. Несмотря на то что мешок Сейви товарищи до отказа набили тушками бледных ящериц, желудок Даэмана уже начинал урчать при виде высохшей, но всё-таки плоти. Каждый

третий день мужчины возвращались к замёрзшим озёрам за водой.

И хотя Калибан мерещился путешественникам на каждом шагу, пока им попадались лишь неровные шары багровой крови. На третий день, когда глаза привыкли к яркому свету Земли, льющемуся сверху через прозрачные панели, товарищи наткнулись на ещё свежую отгрызенную ладонь. Она запуталась в зарослях бурых псевдоламинарий, точно паук. У обоих защемило сердце. *Сейви.* В ту ночь («ночью» друзья называли те короткие двадцатипятиминутки, когда Земля не сияла над стеклянными потолками) из лазарета доносился леденящий душу вой; передавался он скорее по земле и стенам, чем по воздуху.

Прошёл месяц в орбитальном аду. Осталось только два места, куда не успели заглянуть друзья. Первым был длинный тёмный коридор направо от той точки, где город круто заворачивал вокруг северного полюса. Лишённый окон туннель не шире двадцати метров, полный густых водорослей — идеальное логово для чудовища — сразу же отпугнул товарищей. Кроме того, мужчины не решались осмотреть дальний участок лазарета за кровавым столом Калибана. И вот осмотр подошёл к концу. Путешественники

не обнаружили ни корабля, ни летающих кресел, ни других лазаретов, ни складов, заполненных едой, ни новых источников воды. Перед мужчинами встал небогатый выбор: либо возвращаться в пещеры и пополнить запасы (на дне мешка разлагалась последняя тушка ящерки), либо наведаться в лазарет и проверить местные факс-узлы, либо же отправиться в тёмный коридор.

— Лично я за коридор, — проголосовал Харман.

Молодой спутник устало кивнул.

Крепко держась за руки, друзья заплыли в гущу водорослей. Даэман держал оружие наготове и целился при любом подозрительном движении. Дорогу освещал один лишь фонарик Сейви. Время от времени мужчин посещала мысль не из приятных: что-то будет, когда кончится заряд? Конечно, в подземных пещерах, пусть и не во всех, попадались грибы-светляки, но… Сказать по чести, никому не хотелось возвращаться в те жуткие охотничьи склепы.

Пару ночей назад кузен Ады спросил товарища:

— Как ты думаешь, что случится, если я сниму эту маску?

— Умрёшь, — ответил Харман безо всякого выражения.

Он был болен — впервые в истории человечества со времени изобретения лазарета — и трясся в ознобе так, что не помогала и термокожа.

— Умрёшь, и всё.

— Быстро?

— Полагаю, медленно… Ты задохнёшься. Только учти, здесь не чистый вакуум. Придётся помучиться.

Даэман кивнул.

— А если респиратор оставить, но избавиться от костюма?

Собеседник пораскинул мозгами.

— Да, это ускорит дело. Уйдёт минута, не больше.

Последовала долгая пауза, и собиратель бабочек решил, что товарищ снова задремал, как вдруг тот шепнул в микрофон:

— Только предупреди меня, если надумаешь. Договорились?

— Замётано, — махнул рукой горожанин.

Окаянные «ламинарии» росли так плотно, что искатели приключений чуть было не повернули назад, хотя потом кое-как наловчились пробираться между гибкими стеблями. Им даже удалось преодолеть две с чем-то сотни ярдов. И тут путь преградила глухая стена. Именно её дру-

зьям и не хватало после всех усилий, свершённых на голодный желудок. Однако Даэман раскисать не стал: он принялся исследовать стену фут за футом. И вот путешественники чудом разглядели в кромешной тьме белый квадрат полунепроницаемой мембраны. Молодой мужчина сжал в руке оружие и шагнул вперёд.

— Ну, как там? — спросил Харман, не входя следом. — Видно что-нибудь?

— О да, — отозвался микрофон Даэмана чужим голосом, — он видит удивительные вещи.

50
Илион

— *Расскажи ещё раз, что ты видишь,* — попросил Орфу.

Европеец ехал на панцире, словно жокей на летающем слоне. Тесная кабельная связь позволила ионийцу скачать в банк памяти приятеля все сведения о греческом языке, а также «Илиаду» в течение считанных секунд.

— *Вожди троянцев и ахейцев ведут переговоры на вершине утёса,* — отозвался Манмут. — *Мы с тобой находимся за греческим флангом. Впереди — Ахиллес, Хокенберри, Одиссей, Диомед, Большой и Малый Аяксы, Нестор, Идоменей, Фоас Андремонид, Тлеполем, Нирей, Махаон, Полипет, Мерион и дюжина других воинов, имена которых я ещё не запомнил.*

— *А что с Агамемноном и Менелаем?*

— *Остались в лагере, сейчас о них заботится целитель. Братья приходят в себя после поединка с быстроногим Пелидом. Говорят, у них переломаны рёбра, на теле порезы и синяки, у младшего даже контузия от удара щитом по голове, но*

в общем ничего опасного для жизни. Схолиаст утверждает, что через два-три дня Асклепий поставит обоих на ноги.

— *Медицина здесь хоть куда,* — хмыкнул краб. — *Вот бы и мне вернули руки, зрение…*

Бывший капитан не нашёлся что сказать.

— *А как там троянцы?* — воскликнул Орфу. В этот день его голос звучал будто у земного ребёнка — весело, жизнерадостно, почти ликующе. — *Кто у нас от Илиона?*

Маленький европеец поднялся на ноги, чтобы бросить взгляд поверх косматых аргивских гребней.

— Главный у них, разумеется, Гектор. Трудно не заметить в толпе его ярко блещущий шлем с огненным гребнем из конской гривы, а тем более — багровую накидку с капюшоном. Если не ошибаюсь, благородный герой вызывает бессмертных на битву.

Немногим ранее Манмут передал товарищу рассказ Хокенберри о сцене, произошедшей после полудня. Анхизид и его супруга Андромаха прошествовали мимо несметных троянских ратей, выставив на всеобщее обозрение изувеченное тело мёртвого Скамандрия. Если у тысяч ахейцев по-прежнему оставались мысли о чёрных судах

и бегстве в открытое море, то илионцы после мрачной процессии единодушно воспылали ненавистью к богам и были готовы драться с Олимпийцами хоть голыми руками.

— *Кто с Гектором?* — поинтересовался краб.

— *Ближе всех стоит Парис. Потом старый советник Антенор и сам царь Приам. Правда, они держатся особняком и не разговаривают с военачальником.*

— *Помнится, Антеноровы сыновья, Акамас и Архелох, оба уже пали от руки Аякса Теламонида,* — заметил Орфу.

— *Да уж, после всего случившегося нелегко пожимать друг другу предплечья словно ни в чём не бывало. И всё же я сам видел, как Теламонид преспокойно беседовал со старцем.*

— *Прирождённые бойцы, что ты хочешь,* — откликнулся иониец. — *Они растят сыновей для сражений и возможной гибели. Кого ещё ты видишь возле Гектора?*

— *Энея, к примеру.*

— *А, «Энеида»…* — мечтательно протянул товарищ. — *Этот храбрец единственный должен… был… выжить из царственной династии. Покинуть пылающий город вместе с кучкой уцелевших и маленьким сыном Асканием. В конце концов их*

потомки должны… были основать будущий Рим, и согласно Вергилию…

— Может, не стоит развивать эту тему? — вмешался Манмут. *— Как выражается наш друг Хокенберри, нынче карты смешались. Что-то я не припомню в твоём варианте «Илиады» такого места, где бы греки с троянцами объединились для крестового похода на Олимп.*

— И верно, — поддакнул Орфу. *— Значит, Эней, Парис, Антенор, старый Приам и?..*

— Ещё Офрионей, жених Кассандры.

— О боже, — выдохнул гигантский краб. *— Не сегодня-завтра парня ожидала смерть. Жестокий бой за чёрные корабли.*

— Карты смешались, — повторил европеец. *— Похоже, не будет никакого боя за корабли.*

— Ладно, дальше?

— Деифоб, сын Приама. Доспехи начищены так, что без поляризующих фильтров и не взглянешь. А рядом — дружок царского зятя Педея, этот, как его… Имбрий.

— Имбрий? Ну и дела, — подивился Орфу. *— А ведь через несколько часов копьё Тевкра …*

— Кончай, а? — занервничал собеседник. *— Неровен час, подслушает кто-нибудь.*

— Это по кабельной-то связи? Не думаю, стари-

на. Или ты утаил от меня особенности местных технологий?

— И всё равно неприятно, — заупрямился любитель Шекспира. *— Тут каждый второй обречён пасть через день-два, если верить твоей дурацкой «Илиаде».*

— Во-первых, это не моя дурацкая «Илиада», — возмутился товарищ. *— И потом…*

— …карты смешались, — подытожил европеец. *— Вот так так!*

— А что?

— Переговоры закончены. Ахиллес и Гектор выступают вперёд и пожимают друг другу предплечья… О господи!

— Что такое?

— Разве не слышишь? — ахнул Манмут.

— Нет.

— Прости, прости, — спохватился товарищ. *— Мне очень стыдно. Это я так, в переносном смысле…*

— Да скажешь ты или нет? — гаркнул иониец. *— Чего я не слышал?*

— Боже правый, оглохнуть можно. Сотни тысяч троянцев и ахеян вместе разражаются кличами, размахивают знамёнами, потрясают клинками и копьями. Ликующая толпа

устремляется в Илион. Люди на городской стене — Андромаха, Елена и другие — они тоже вопят от радости. Греки, что неуверенно ждали решения вождя на берегу, теперь вышли к окопам и торжествующе кричат в ответ. Ну и шумиха!

— Ну, тебе-то нет необходимости голосить, — сухо проронил Орфу. *— Кабельная связь пока ещё исправна. Что там интересненького?*

— Э-э-э… Немного. Вчерашние противники продолжают пожимать руки. В городе слышны колокола и звуки гонгов. Пехотинцы с обеих сторон выбегают на ничейную землю, хлопают друг друга по плечам, братаются, меняются именами и всё в таком роде. Армии готовы сражаться, вот только…

— Вот только врага нет.

— В точку.

— Может, боги спустятся завтра? — предположил гигантский краб.

— Сомневаюсь.

— Или Прибор разнесёт Олимп на миллиард кусков.

Европеец погрузился в молчание. Он видел на вулкане тысячи небожителей. Разумные существа, как ни крути. Жутко не хотелось чувствовать себя массовым убийцей.

— *Когда, говоришь, твой самодельный таймер активирует устройство*? — осведомился иониец, хотя наверняка знал и сам.

Манмут сверился с внутренним хронометром:

— Через пятьдесят четыре минуты.

И тут на небосводе заклубились чёрные тучи. Очевидно, боги всё-таки надумали спуститься.

* * *

Ныряя в озеро кальдеры на вершине Олимпа, моравек почти не надеялся на спасение. Ему требовалась минутка-другая, чтобы подготовить Прибор, и глубина могла помочь в этом. Так и получилось.

Через восемьсот метров маленького европейца охватило знакомое чувство: вода начала привычно давить на каждый квадратный сантиметр его поверхности. На крутом западном склоне кальдеры обнаружился удобный выступ, чтобы передохнуть, закрепить таинственное устройство и сделать всё, как нужно. Бессмертные почему-то не стали преследовать беглеца: может, не любили плавать, а может, наивно полагали, будто бы лазерная пальба и микроволновые излучения способны уничтожить противника под водой, — Манмут не особенно задумывался.

Раз уж не догадался смастерить пульт дистанционного управления вовремя — что ж, придётся исправлять оплошность, решил он и, включив нагрудные лампы посреди непроглядной толщи волн, взялся за дело. Деталей под рукой не оказалось, поэтому бывший капитан принялся буквально отрывать их от себя: пожертвовал запасным радиоприёмником, с помощью напульсного лазера приварил к пластине пульта один из четырёх своих аккумуляторов, внешний хронометр и сенсор, срабатывающий от прикосновения (на случай, если враги доберутся до Прибора).

«Пусть только заявятся фальшивые божки — запущу эту штуку собственными руками», — мрачно размышлял моравек, сидя на каменном уступе в тёмной глубине озера. Впрочем, самоуничтожение не входило в его планы. Что же, так и торчать под водой до ночи? Нет, ведь Хокенберри дал слово квитнуться назад и забрать его, а значит, стоит подождать. Манмут очень хотел снова увидеть Орфу, поздравить с успешным завершением миссии…

Интересно, глупые боги до сих пор обрушивают ярость и палящие лучи лазеров на ни в чём не повинную озёрную гладь, заставляют её бурлить,

точно уху в котле? Маленький европеец вполне по-людски захихикал.

Однако назначенная минута приближалась. Человек обещал вернуться. И, как ни странно, сдержал слово.

— *Опиши мне Землю,* — сказал иониец, паря над зелёным утёсом. — *Мы ведь правда на Земле?*

— *Несомненно,* — подтвердил Манмут, который привязал к левитационной упряжи друга верёвочку и теперь без усилий «вёл» его за собой. — *Размеры Солнца, притяжение, атмосфера — всё совпадает. Растения и обитатели выглядят в точности как на фотографиях, голограммах и видеозаписях из наших с тобой банков памяти. Хотя, сдаётся мне, здешние мужчины и женщины состоят в самом элитном клубе здоровья нашей системы.*

— *Неужели такие красавцы?* — громыхнул краб.

— *Для людей — да, насколько я понял,* — неуверенно произнёс любитель Шекспира. — *Один лишь Хокенберри действительно похож на заурядного землянина.*

— *И ты полагаешь…* — начал Орфу, но собеседник перебил его:

— *Ш-ш-ш-ш-ш! Ахиллес обращается к своим и*

троянским ратям.

Над полем битвы продолжали сгущаться чернильные тучи.

— Ты понимаешь каждое слово?

— Ну да. Ты снабдил меня отличными словарями. А самые цветистые из проклятий и бранных выражений вообще не требуют перевода.

— И далеко его слышно без громкоговорителя? — съехидничал иониец.

— У нашего героя лужёная глотка и стальные лёгкие. Это я иносказательно. Голос разносится от моря и до стен Трои.

— О чём речь?

— Да, мол, чихал я на вас, Олимпийцы… тра-ля-ля-ля… Дескать, исход войны решит последний бой, которого и жду я всей душой… бла-бла-бла…

— Постой! — вмешался краб. *— Прямо так и сказал, как в «Макбете»?*

— Нет, это вольный перевод.

— А я уж думал… Сколько у нас осталось?

— Сорок одна минута. Может, тебе… — Мамут осёкся.

— Что там опять?

Не успел бесстрашный Ахиллес закончить речь, а Верховный Владыка показался собственной персоной. Быстроногий Пелид умолк. Две

сотни тысяч мужчин и один робот разом обратили взоры к небесам над Илионской долиной.

Из клубящегося мрака туч явилась блистающая колесница Зевса, запряжённая четвёркой прекрасных коней и наверняка окружённая мощным силовым полем.

Тевкр, искусный ахейский лучник, стоявший подле Ахилла с Одиссеем, прицелился и пустил ввысь пернатую стрелу. Та описала широкую дугу и, не долетев до цели, упала в заросли ежевики у подножия утёса.

— ОСМЕЛИЛИСЬ БРОСИТЬ МНЕ ВЫЗОВ? — Голос Кронида сотряс поля, и побережье, и городские стены. — ПОЖИНАЙТЕ ЖЕ ПЛОДЫ СВОЕЙ СПЕСИ!

Колесница поднялась ещё выше и помчалась к югу, в направлении горы Ида. Наверное, лишь Манмут с его телескопическим зрением разглядел маленький серебряный шар, сброшенный с неба в полусотне километров от утёса.

— Ложись!!! — переключившись на греческий, взревел моравек на полную громкость. — На землю, кому дорога жизнь! И не смотрите на юг!

Кое-кто повиновался.

Европеец ухватил «поводок» Орфу и бросился к огромному валуну на краю скалы: хоть какое-то укрытие.

Яркая вспышка ослепила тысячи глаз. Поляризующие фильтры капитана подлодки автоматически перескочили с шестой на трёхсотую отметку. Манмут продолжал удирать во весь дух. Позади, подобно исполинскому «змею», подпрыгивал на верёвочке ониец.

Через несколько секунд с юга накатила ударная волна в виде пыльного смерча и зримых кругов, разбежавшихся по небу. В один миг слабый западный ветер поменял направление и разбушевался до ста кликов в час. Лагерные шатры сорвало с кольев и унесло прочь. Лошади с диким храпом ускакали, оставив своих хозяев на произвол судьбы.

Оглушительный грохот и ударная волна повалили бесчисленные рати наземь — всех, кроме Ахилла и Гектора. Органические внутренности моравека затрепетали, а механические пронзила мощная вибрация. Казалось, сама Земля воет и мечется от ярости. Сотни ахейских и троянских солдат, находившихся за два километра к югу от утёса, полыхнули живыми факелами, взметнулись в воздух и осели серым пеплом на плечи товарищей, что в панике убегали, прикрывая руками головы.

Южная часть илионской стены пошла тре-

щинами и рухнула, увлекая за собой дюжины кричащих мужчин и женщин. Некоторые из деревянных башен охватило пламя, а ещё одна — та, с которой Хокенберри наблюдал за прощанием Гектора с Андромахой и сыном, — шумно повалилась на городские улицы.

Два героя продолжали стоять, прижав ладони к лицам, дабы не ослепнуть от вспышки; позади них тянулись чёрные стометровые тени, а исполинские валуны, веками венчавшие гробницу амазонки Мирины, летели вниз с утёса и без разбора давили солдат обеих армий. Начищенный шлем Приамида по-прежнему сиял на его голове, и только гордый алый гребень из конской гривы оторвало могучим ветром, который последовал за первой ударной волной.

— *Что-нибудь случилось?* — подал голос Орфу по личному лучу.

— *Да,* — прошептал Манмут.

— *Меня как будто встряхнуло, и панцирь чувствует сильное давление.*

— *Да,* — снова шепнул товарищ.

Если бы он вовремя не привязал ионийца к самому громадному валуну с подветренной стороны скалы, друг уже взорвался бы в верхних слоях атмосферы.

— *А в чём, собственно…*

— *Подожди минутку,* — так же тихо отозвался Манмут.

Десятикилометровый атомный гриб выбросил чёрный дым и тонны радиоактивного мусора в стратосферу. Земля содрогнулась от последующих толчков; на сей раз даже Гектор с Ахиллом преклонили колено, а многих бойцов вообще смело с поля.

Страшная туча выросла, забурлила и вдруг превратилась в суровый бородатый лик Владыки.

— ВОЙНЫ ЗАХОТЕЛИ, СМЕРТНЫЕ? — проревел Зевс, понемногу растворяясь в воздухе. — ВЕЧНЫЕ БОГИ ПОКАЖУТ ВАМ ВОЙНУ!

51
Экваториальное Кольцо

Просперо носил царственную голубую мантию, расшитую яркими звёздами, солнцами, кометами и галактиками. Правая, изборождённая морщинами рука сжимала посох, а левая покоилась на рукописи толщиной в целый фут. Резное кресло с широкими поручнями не совсем напоминало трон, но всё же внушало почтение к своему хозяину. Бесстрастный же взор самого волшебника повергал в трепет. Мужчина был почти лыс; остатки белоснежных волос прикрывали уши, ниспадая волнами по плечам на лазурное одеяние. Дряблая старческая шея уже не столь величаво держала голову, как когда-то, зато лицо являло несомненные черты опасного характера: маленькие, холодные (а то и жестокие) глаза, ястребиный нос, тяжёлый подбородок, до сих пор не испорченный ни двойной «подкладкой», ни бородавками, и, наконец, тонкие губы, уголки которых тянула кверху едва заметная, вечная усмешка. Естественно, взглядам путешественников предстала всего лишь голограмма.

Ворвавшись в залу, Харман, как и его молодой спутник, первым делом свалился на пол из-за резко возросшего притяжения. Затем он увидел друга спокойно сидящим на стуле без респиратора, скинул свою дыхательную маску, сделал несколько жадных вздохов и доковылял до второго стула.

— Гравитация тут слабая, одна треть земной, — заметил Просперо. — Хотя после месяца, проведённого в невесомости, можно почувствовать себя как на Юпитере.

Гости промолчали.

Комната, где они очутились, напоминала купол пятнадцати метров в поперечнике, возвышающийся прямо над полом. Снаружи она, должно быть, походила на прозрачную шляпку гриба на тонкой металлической ножке. Круглая виртуальная панель управления посередине залы струила мягкое мерцание, которое сливалось со светом звёзд и Земли, льющимся сквозь купол.

— Ты Просперо, — вымолвил Харман, чья грудь быстро вздымалась и опускалась под синим костюмом, запачканным кровью ящерок. Лёгкие путешественников заново привыкали к плотному воздуху: в них словно бы накачивали густое терпкое вино.

Старец важно кивнул.

— Но ты ненастоящий, — продолжал девяностодевятилетний.

Маг пожал плечами, хотя выглядел более чем реально; Даэман отлично видел каждый крохотный стежок на длинной мантии, красивые складки которой величественно колыхались, и отполированную ладонью резьбу на посохе.

— Верно. Я только перезапись эха, оставленного тенью призрака. Зато я вижу вас, слышу вас, говорю с вами и сострадаю вашим злоключениям. А некоторые из настоящих и на это не способны.

Собиратель бабочек оглянулся через плечо и поправил оружие на коленях.

— Калибан? Он может прийти сюда?

— Нет. Мой бывший слуга боится меня как огня. Пугается даже моей говорящей тени. Окажись на острове синеглазая карга, породившая эту тварь, проклятая квантовая ведьма Сикоракса, вот она бы вам показала, где раки зимуют. А Калибан сюда не сунется.

— Просперо, — начал Даэман, — нам нужно выбраться с этой скалы. И вернуться на Землю. Живыми. Ты можешь нам помочь?

Хозяин прислонил посох к поручню кресла и протянул вперёд сморщенные ладони:

— Вероятно.

— И всё? — не отступал молодой мужчина.

— Именно. Ну что может перезаписанная тень? Сделать — ничего. Разве только дать вам необходимые сведения. Использовать их или нет — воля ваша. А уж воли-то вам не занимать. В наши дни это большая редкость.

— Так отсюда есть выход? — вмешался Харман.

Старец провёл ладонью над книгой, и над виртуальным пультом возникла яркая голограмма. Астероид, хрустальный город, лазурная Земля в белом пухе облаков… Бросив беглый взгляд наверх сквозь стекло, друзья смекнули, что видят синхронизированную трёхмерную картинку.

— Вон там! — возбуждённо воскликнул девяностодевятилетний, тыча пальцем. Он попытался даже вскочить с места, но тут же повалился обратно. — Там.

Теперь и Даэман заметил. На платформе внешней террасы, в пяти или шести сотнях футов над первой башней, которую посетили путешественники, мерцала в земном сиянии знакомая металлическая скорлупка.

— А мы обыскали весь город, — тихо произнёс кузен Ады. — Кто бы мог подумать… *Снаружи*.

Харман склонился ближе к дисплею:

— До Иерусалима мы добирались на точно такой же штуке.

— Это она и есть, — кивнул Просперо, после чего провёл по воздуху ладонью, и объёмное изображение исчезло.

— Сейви говорила, что соньеры не летают в открытом космосе, — нахмурился обитатель Парижского Кратера.

— Век живи — век учись, дураком помрёшь, — невозмутимо отозвался маг. — Ариэль расчистила каменный завал и запрограммировала машину на перелёт.

— Ариэль… — Даэман порылся в памяти. — Это аватара земной биосферы?

— Вроде того. — Просперо усмехнулся. — Сейви ни разу не встречала её и почему-то считала существом мужского рода, хотя бесплотные духи чаще всего предпочитают женский.

«Кому какая разница?» — подумал молодой мужчина. Вслух же спросил:

— Так можно нам улететь обратно?

На астероиде наступила короткая «ночь», и над головой мага среди редких звёзд взошёл полумесяц.

— Пожалуй, — промолвил старец. — Ариэль должна была заложить в программу и путь на

Землю, прямо в Ардис-холл. Сказать по правде, меня не очень-то радует присутствие соньера на этом каменном острове.

— Почему? — Даэман осёкся. — Ясно. Калибан.

— Правильно. Сейви не убила первого из моих гоблинов, даже всадив ему в грудь целый фонтан дротиков. Однако ранила не на шутку. Мой бывший слуга не единожды забивался в самый глубокий грот, чтобы залепить больные места речной глиной и подкрепиться кровью бесцветных ящериц.

— Мы и сами питались тем же, — проворчал дамский любимец.

Просперо улыбнулся, обнажив пожелтевшие зубы:

— Да, но вы не получали от этого удовольствия.

— Так мы сможем добраться до летучего диска? — проговорил Харман. — И ещё: есть здесь хоть что-нибудь съедобное?

— На второй вопрос отвечу отрицательно, — изрёк хозяин-призрак. — Последние лет пятьсот на каменном острове голодало лишь одно-единственное существо. А что касается соньера — да, в стене той башни имеется мембрана для выхода на пусковую террасу. Надеюсь, ваши термоко-

стюмы позволят продержаться до взлёта. Кстати, кто-нибудь умеет управлять небесной машиной?

— Ну, я наблюдал за… Наверное… — замялся девяностодевятилетний и вдруг вскинул голову, провёл по усталому лицу, точно снимая паутинку. — Нужно — значит, сумеем.

— Дорога в дальнюю башню пролегает через лазарет, где залёг Калибан, — напомнил старец, испытующе глядя на пришельцев. — Скажите, у вас не осталось дел перед отлётом?

— Нет, — поморщился Харман.

— Да, — возразил молодой спутник.

Заставив своё тело подняться из кресла, он с трудом добрёл до изогнутой стены-окна. Стекло отразило тощее небритое лицо и какой-то новый, незнакомый взор.

— Мы должны уничтожить лазарет, — сказал Даэман. — Избавиться от этого бедлама. Раз и навсегда.

52
Илион и Олимп

Неясно почему, однако я бегу вместе с троянцами от Лесного утёса через малую створку Скейских врат, главного входа в город. Ветер по-прежнему воет в ушах, почти оглохших от ядерного взрыва на юге. Бросаю последний взгляд на гриб: огромный столп из дыма и пепла сворачивает на юго-восток. Клубящаяся туча ещё сохраняет очертания лица Зевса, но они потихоньку расплываются.

Люди сшибаются и давят друг друга у малой створки. Поэтому Гектор отдаёт приказ, которого в Трое не слышали целых девять лет: распахнуть ворота целиком. Тысячи беглецов устремляются внутрь. Приамид мечется, пытаясь успокоить горожан и привести рати в боевой порядок.

Аргивяне уже снаряжают свои корабли. Ахиллес так же, как и Гектор, силится остановить разбегающееся войско. В «Илиаде» есть место, где озверевший после гибели Патрокла Пелид вступает в противоборство с могучей рекой — и побеждает, запрудив русло телами убитых вра-

гов. Однако *эту* битву быстроногому не выиграть. Остаётся лишь прикончить сотню-другую товарищей, на что герой никогда не пойдёт.

Неудержимый поток буквально вносит меня в город. Я почти жалею, что поддался. Надо было пробиваться сквозь толпу к маленькому роботу, укрывшемуся за валунами на кургане амазонки Мирины. Известно ли этой машинке — погодите, как его там? — моравеку? — известно ли моравекам про ядерное, возможно даже термоядерное оружие?

В голове всплывает воспоминание из прошлой жизни: Сюзанна пытается затащить меня на семинар по точным наукам — в колледже проходила очередная междисциплинарная неделя, и парень по фамилии Моравек излагал свою теорию независимого искусственного разума. Как там его звали — Фриц, Ганс?.. Я так и не пошёл: на кой знатоку классики слушать лекции негуманитария?

Теперь уже не важно.

Словно в подтверждение последней мысли, с севера является пять колесниц, которые начинают кружить над Илионом на высоте трёх-четырёх тысяч футов. Даже моё усовершенствованное зрение не в силах различить крохотные фигурки,

которые управляют сияющими повозками, хотя уверен: это боги и богини.

И тут начинается бомбардировка.

Стрелы с оглушительным свистом обрушиваются на город подобно тонким серебряным снарядам, порождая вспышки, пыль, дым и громкие вопли. Илион довольно велик по античным меркам, но вскоре разрывы и крики оглашают каждый квартал обширного метрополиса. Без «сребролукого» наверняка не обошлось; к тому же, когда одна из колесниц опускается, мне чудится бог войны Арес, который хищно прицеливается на лету.

Ну вот я не только утратил контроль над событиями, а ещё и потерял из виду тех, кому необходимы мои слова, поддержка, совет. Ахилл уже мили за три отсюда, тратит нечеловеческие силы, тщится урезонить перепуганных героев, поднимающих паруса. Судя по взрывам — обычным, не ядерным, — что доносятся из ахейского стана, вряд ли он добьётся успеха. Гектор тоже неизвестно где. Великие врата с грохотом захлопываются — как будто дубовые створки помешают Олимпийцам сеять разрушение и панику. Несчастный Манмут и его молчаливый друг, наверное, давно изничтожены небесным

огнём. Разве переживут они подобный налёт? А мы?

Грохот и вопли раздаются на главной рыночной площади. Троянские пехотинцы с алыми гребнями на шлемах кидаются укреплять городскую стену. Если бы опасность поджидала только снаружи! Золотая повозка пролетает над нами, недосягаемая для стрел, и пять серебряных молний падают вниз подобно ракетам «СКАД». Взрывы гремят у южной стены, у центрального колодца и, по-моему, справа от чертогов Приама. Внезапно память подсовывает кадры из репортажей Си-эн-эн о сражениях в Ираке, увиденные как раз перед тем, как Сюзанна слегла с диагнозом «рак».

Где Гектор? По идее, он собирался сплотить своих… Хотя попрятаться они и без него догадаются. Нет, скорее герой решил проведать супругу Андромаху. При мысли о пустой, залитой кровью детской комнате меня передёргивает. Даже гул и чад бомбардировки не вызывают столь тошнотворного ужаса. Царственная пара не успела предать младенца земле!

Господи боже, и всё это натворил я один?!

Снова над улицей пролетает небесная колесница. Бах! — и в крепостном вале зияет дымящийся

прогал, а в воздухе кувыркается дюжина солдат в красных шлемах. Рваные куски человеческой плоти осыпают дорогу и барабанят по крышам жутким дождём. На ум приходит другое видение из прошлого — впрочем, подобного кошмара здешнему миру ждать ещё три тысячи двести лет. Это случится спустя две тысячи и один кровавый год после Рождества Христова. Растерзанные тела точно так же градом полетят на улицы огромного мегаполиса, а тонны падающих обломков и каменной пыли настигнут сотни и сотни тех, кто понадеется спастись бегством. Разве что архитектура изменится да горожане будут одеты по-иному.

Мы никогда ничему не научимся. Мир невозможно изменить.

Я опрометью бросаюсь к чертогам Гектора. Ливень снарядов не прекращается. Вот крохотный ребёнок выбирается на улицу из-под обломков двухэтажного дома. Не знаю, мальчик это или девочка: лицо малыша окровавлено, курчавые волосёнки поседели от штукатурки. Остановившись, наклоняюсь и подбираю младенца. Куда с ним? В Илионе отродясь не строили детских больниц! Какая-то женщина, прикрывая голову алой шалью, кидается ко мне и отнимает пла-

чущее дитя.

Солёный пот заливает веки. Утираюсь прямо на бегу.

Дом Гектора исчез. От целого особняка остались груды мусора и чёрные вмятины в земле. Смахиваю со лба тёплые струи опять и опять, но и тогда не верю своим глазам. Долго же Олимпийцы палили по громадному зданию. Троянские пехотинцы, чьи гордые багряные шлемы сделались сизыми от пыли, уже ворочают груды обломков длинными копьями и самодельными лопатами, по цепочке передавая обнаруженные тела и останки в руки ожидающей толпы.

— Хок-эн-беа-уиии, — произносит кто-то.

Лишь сейчас я сознаю, что слышу настойчивый голос целую минуту. Теперь меня дёргают за рукав.

— Хок-эн-беа-уиии!

Бездумно поворачиваюсь, смахиваю назойливый пот и опускаю взор. Елена. Грязная, платье в крови, волосы спутаны. В жизни не видел женщины прекраснее. Она прижимается к моей груди, и я заключаю её в объятия. Елена поспешно отстраняется:

— Ты сильно ранен?

— Что?

— Порезы серьёзные?

— Да я вообще не…

Красавица проводит рукой по моей щеке. Ладонь окрашивается в алый цвет. Осторожно касаюсь виска и края волос: так и есть, глубокие раны. Оказывается, я утирал вовсе не пот.

— Ладно, ерунда, — указываю на дымящиеся руины. — Гектор и Андромаха?..

— Их не было здесь, Хок-эн-беа-уиии, — кричит Елена сквозь шум бомбёжки. — Приамид отослал семью в подземелье храма Афины. Там безопасно.

Ну, ещё бы. В дыму и гари я отчётливо вижу высокую крышу святилища. Не станут же боги ровнять с землёй собственные храмы. Себялюбие, будь оно проклято, не позволит!

— Феано мертва, — сообщает дочь Леды. — Лаодика тоже.

Беспомощно повторяю имена. Жрица Афины — та, что прижимала холодное лезвие к моим яичкам считанные часы тому назад. И дочь Приама. Две троянки из пяти, которых я знал. А война только началась…

И вдруг я подскакиваю будто ужаленный.

Что-то не так.

Взрывы умолкли.

Солдаты и простые горожане кричат и показывают пальцами в небо. Четыре колесницы-истребителя куда-то сгинули, последняя — думаю, Аресова — стремительно удаляется на север и тоже исчезает из виду, квитируется обратно на Олимп. Я устало осматриваюсь. Обрушенные дома, дымящиеся воронки, трупы на улицах… И это всё после обстрела из лука? Что же будет дальше? Биологическая атака? Аполлон (который, наверное, плавает сейчас в целебном баке) давно прославился умением насылать на людей губительную заразу.

Нащупываю медальон на шее.

— Где Гектор? Мне нужно его найти.

— Покинул город через Скейские врата, — отвечает Елена. — Вместе с Парисом, Энеем и Деифобом, своим братом. Сказал, что должен отыскать Ахилла, прежде чем сердца воинов совершенно ослабеют.

— Он мне нужен, — повторяю я, озираясь на главные ворота.

Женщина разворачивает меня за плечи:

— Хок-эн-беа-уиии…

Наши лица сближаются, и мы сливаемся в поцелуе посреди хаоса и воплей. Но вот её губы оставляют мои. Я растерянно моргаю, продолжая

тянуться к Елене.

— Хок-эн-беа-уиии… Если умрёшь, покинь этот мир по-человечески.

Она уходит вниз по улице, не оборачиваясь.

53
Экваториальное Кольцо

Собирателя бабочек почти не удивило, что голограмма умеет ходить. Взяв посох, Просперо подошёл к прозрачной стене купола и запрокинул голову к звёздам. Молочный свет ясно подчеркнул каждую морщину на впалых щеках и дряблой шее. Седина, борозды на лице, гадкие бородавки… Молодого мужчину коробило при виде этих ужасных проявлений возраста. Неужели когда-нибудь все люди будут выглядеть вот так же? Друзья Даэмана, он сам, даже *мама*? Что за кошмарный сон!

Однако тут горожанину вспомнился лазарет с его резервуарами, клубками синих червей и обеденным столом Калибана.

Не лучше ли прикончить монстра, оставив лазарет в покое?

Нет, внезапно осознал мужчина, измученный голодом и усталостью. Как ни крути, место это мерзкое. Человечество столетиями верило в Пять Двадцаток, а главное — в нескончаемую беззаботную жизнь с «постами» здесь, на кольцах. И что

же ждёт людей в действительности? Перед глазами встали серые, наполовину съеденные мумии, плавающие в зловонном разрежённом воздухе; кузен Ады не удержался от горькой усмешки.

— В чём дело? — повернулся к нему Просперо.

— Да так… — процедил дамский любимец; ему хотелось не то плакать, не то разбить что-нибудь, причём второй вариант привлекал сильнее.

— Как мы сможем уничтожить лазарет? — спросил Харман. Рослого мужчину бил мелкий озноб, его загорелое лицо побледнело словно мел и покрылось липким потом.

— И правда, как? — Старец оперся на посох, переводя взгляд с одного пришельца на другого. — Может, вы привезли с собой иное оружие, кроме игрушечного пистолетика Сейви?

— Не догадались, — потупился девяностодевятилетний.

— Здесь его тоже нет. Постлюди всегда держались подальше от любой опасности. Даже простых орудий труда у них не было: всю работу выполняли сервиторы.

— Которые вкалывают до сих пор, — вставил Даэман.

— Только в лазарете, — проронил маг и медленно двинулся к панели управления. — Кстати, вы

подумали, что будет со многими сотнями людей, которые прямо сейчас, ни о чём не подозревая, плавают в целебных ёмкостях?

— Боже, — прошептал Харман.

Молодой путешественник в смущении провёл ладонью по колючей щеке; почему-то новое чувство его порадовало.

— Ладно, — решился он. — Если мы не можем факсовать через порталы в баках, то уж больных-то возвратить несложно?

— Пожалуй, — согласился Просперо. — Надо лишь убедить сервиторов. Или захватить управление факсами в свои руки. Остаётся только одна загвоздка.

— Какая? — Впрочем, Даэман и сам уже понял.

Старец мрачно улыбнулся ему и кивнул:

— Легко отправить назад тех, кто едва прибыл. И тех, чьё исцеление завершено. А вот сотни других, недолеченных… — Он выразительно умолк.

— Что же делать? — вскинулся Харман. — Пока поправятся одни, резервуары заполнятся другими.

Кузен Ады озадаченно нахмурился.

— Если, по совету Просперо, мы перехватим управление, то придумаем, как отключить входы. Пусть порталы работают лишь на выход. Исце-

ление длится недолго, я же помню. Сутки для именинника, двое для серьёзно пострадавших — например, для съеденных динозаврами.

— Ну, от этого тебя точно не лечили, — возразил маг. — Погибших людей собирают заново из органических останков, памяти ДНК и данных, сохранившихся в сети факсов. Однако ты прав, лечение не затягивается дольше сорока восьми часов.

— Вот видите?

Собиратель бабочек торжествующе посмотрел на друга.

— Это если нам удастся прибрать к рукам лазарет, — усомнился тот.

Старец положил жёлтые высохшие пальцы на спинку резного кресла.

— Помочь не помогу, однако информацией поделюсь. Объясню вам, как действуют порталы.

— А почему бы не перепрограммировать сервиторов, чтобы они и нас переслали на Землю? — упрямо сказал Харман, которого явно тревожила мысль о самостоятельном перелёте.

— Это невозможно, — изрёк хозяин. — Вам придётся либо избавиться от них, либо вывести из строя. К счастью, машины не рассчитаны на столкновение с врагами.

— Мы тоже, — хохотнул девяностодевятилетний искатель приключений.

Призрак вышел из-за кресла.

— О нет, — прошептал он. — Вы-то как раз *рассчитаны*. Будь человек хоть трижды цивилизован, разбудить старую программу в нём ничего не стоит.

Мужчины переглянулись, и больной Харман опять содрогнулся.

— Ваши гены помнят, как убивать, — продолжал Просперо. — Позвольте же представить вам орудие разрушения.

* * *

Голографическая тень растолковала людям, что сделать с виртуальными рычажками, стрелками, переключателями и манипуляторами панели управления. Над пультом возникло изображение некоего прибора и покрутилось во всех направлениях для лучшего обзора.

— Такие штуки мы видели на пути к астероиду, — вспомнил Даэман.

— Линейный ускоритель с его кольцом, собранным из червоточин, — пояснил хозяин. — ПЛ прямо-таки лопались от гордости за эти милые игрушки и настрогали их тысячами.

— Ну и что? — не понял Харман. — Хочешь сказать, они управляют системой земных факсов?

Старец покачал головой:

— Сама система находится на вашей планете. Через пространство и время она перебрасывает лишь информацию. Коллекторы червоточин скорее пауки, посаженные в центре квант-телепортационной сети «постов».

— Ну и что? — повторил девяностодевятилетний. — Мы просто хотим домой.

— Высоту полёта можно изменять, — как ни в чём не бывало продолжал маг. — Сам астероид находится на стабильной орбите (упади он на Землю — и конец роду человеческому), но ускорители, а также зеркала Казимира приводились во вращение с помощью техники.

— Отсюда, — предположил Даэман.

— И ещё с других орбитальных городов.

Путешественники снова обменялись взглядами.

— Значит, есть и другие?

— Их всего четыре. Два на экваториальном кольце и два — на полярном.

— Там остались живые «посты»? — оживился молодой мужчина; подобный поворот событий устроил бы всех, и не пришлось бы затевать весь

этот разгром.

— Нет. — Просперо сел и откинулся на высокую спинку кресла. — И других лазаретов там тоже не найти. Только здешних обитателей занимала судьба модифицированного человечества на покинутой планете. — Он слабо махнул морщинистой ладонью в сторону горизонта, над которым вставала Земля, озаряя комнату новым сиянием.

— Значит, все ПЛ умерли, — повторил Даэман.

— Этого я не говорил. — Просперо поднял косматые брови. — Не умерли, а убрались прочь.

Обитатель Парижского Кратера посмотрел на полукружие восходящей голубой планеты, на черноту бездонного космоса вокруг мерцающей атмосферы.

— Куда именно?

— На Марс, к примеру. — Старец хихикнул, глядя на вытянутые лица собеседников. — Кажется, современные люди слабо представляют себе, где это?

— Очень слабо, — отозвался Харман без тени смущения. — А что, «посты» вернутся оттуда когда-нибудь?

— Сомневаюсь, — всё ещё улыбаясь, ответил маг.

— Так зачем забивать голову ерундой? — парировал девяностодевятилетний. — Просперо, ты, должно быть, предлагаешь нам использовать ускоритель в качестве оружия?

— Причём единственно верного. — Призрак наставительно поднял палец. — Иначе с астероидом не совладать. «Хрустальные» башни выдерживают даже удар метеорита. Но гигантская порция антиматерии с чёрной дырой в главе произведёт приличные разрушения, особенно если направить её на лазарет.

— А Калибан выживет? — полюбопытствовал молодой мужчина.

Просперо пожал плечами:

— До сих пор он спокойно отсиживался в своих катакомбах. Хотя кто знает. Возможно, и здесь наступит собственный конец света и роду Калибанов придёт конец.

— А вдруг чудовище сбежит до удара? — осведомился Харман.

— Не сбежит, если только не прознаёт про соньер и не завладеет одним из ваших термокостюмов. — Губы старца тронула странная ухмылка, будто бы он вовсе не исключал подобного исхода. — А теперь я расскажу, как навести оружие и поменять координаты траектории.

Хозяин поднялся и вошёл прямо в панель управления. Нижняя часть его тела скрылась из виду, а тощая рука с костлявыми пальцами принялась показывать необходимые рычаги и кнопки. Когда молодому путешественнику осталось лишь отдать приказ «инициировать», мужчина помедлил.

— Ты не сказал, через какое время ждать столкновения.

— Думаю, пятьдесят часов вполне достаточно, — откликнулся маг. — Один вам на дорогу до лазарета и захват управления порталами. Сорок восемь — на исцеление новоприбывших и час, чтобы добраться до соньера и улететь из этого маленького обречённого мирка.

— А на сон? — спросил девяностодевятилетний.

— Спать я бы не советовал. Калибан будет преследовать вас каждую минуту.

Пришельцы переглянулись.

— Можем по очереди отдыхать, есть и управлять факсами, — сказал Даэман. — Пусть один всегда сторожит с оружием в руках.

Харман неуверенно кивнул. Вид у него был крайне измождённый.

Собиратель бабочек протянул палец к изобра-

жению ускорителя частиц.

— Просперо, ты ведь обещаешь, что мы не уничтожим ненароком жизнь на Земле?

Маг опять усмехнулся:

— Ту жизнь, которая вам известна, — ещё как уничтожите. Однако никакого конца света с падением пылающего метеорита лично я не предвижу. А там посмотрим.

Кузен Ады перевёл вопросительный взгляд на товарища.

— Давай, — произнёс тот.

Палец опустился на кнопку. На экране голографического проектора из восьми огромных сопел ускорителя вырвались пульсирующие вспышки голубоватого цвета; устройство заметно дрогнуло и медленно сдвинулось с места, направляясь прямо в лица мужчинам.

— Прощай, Просперо. — Даэман закинул на спину дорожный мешок Сейви и направился к полупроницаемой мембране.

— Ну уж нет, — хмыкнул тот. — С удовольствием прослежу за вами. Ближайшие пятьдесят часов я не пропущу ни за что на свете.

54
Долина Илиона и Олимп

Троя охвачена пламенем и агонией. Я ухожу на поиски Ахиллеса. Жуткий беспорядок царит на всём пути, от Скейских врат до самой кромки прибоя. Троянцы и аргивяне вытаскивают своих товарищей из глубоких воронок, над которыми ещё курится дым. Раненых переправляют в город или за греческие укрепления. Как и в моё время, воздушный налёт больше запугал, чем навредил. Убитых, полагаю, несколько сотен — считая воинов с обеих сторон плюс мирных жителей Илиона, — однако десятки тысяч целы, в особенности здесь, вдали от падающих стен и летающих камней.

Одолеваю нижний выступ Лесного утёса. Маленький робот уже встречает меня; за ним на верёвочке плывёт по воздуху Орфу, точно большущий змей из железа. Не знаю почему, но я так рад видеть обоих живыми — или правильнее сказать «существующими»? — что готов разреветься.

— Хокенберри, ты ранен, — произносит Ман-

мут. — Это опасно?

Прикасаюсь к порезам: кровотечение почти прекратилось.

— А, забудь.

— Тебе известно, что случилось, Хокенберри? Я имею в виду тот сильный грохот и облако.

— Ядерный взрыв. Мог быть, конечно, и термоядерный, хотя, судя по шуму, навряд ли. Чуть посильнее, чем в Хиросиме. Кажется. Я не очень-то разбираюсь в бомбах.

Робот склоняет голову набок:

— Откуда ты, Хокенберри?

— Индиана, — выпаливаю, не подумав.

Манмут ждёт разъяснений.

— Я схолиаст, исследователь классической литературы. — Вот оно что, моравек передаёт каждое слово своему неразговорчивому другу по радиосвязи, которую прежде окрестил «личным лучом». — Боги возродили меня из костей, ДНК и кое-каких воспоминаний, собранных по кусочкам на Земле.

— Память ДНК? — задумчиво повторяет машина. — Непохоже.

— Да какая разница? — нетерпеливо отмахиваюсь я. — В общем, перед вами восставший мертвец. Жил во второй половине двадцатого

столетия, скончался, видимо, в начале двадцать первого. Я забывчив на даты. На всё прочее — тоже, и лишь в эти последние недели в голове стало проясняться. Ходячий труп да и только.

Манмут продолжает рассматривать меня своими тёмными пластинками из металла. Затем рассудительно кивает и довольно свирепо бьёт под коленную чашечку.

— Эй, ты чего?! — ору я и скачу на здоровой ноге. — Совсем сбрендил?

— Лично мне ты кажешься живым, — отвечает железка. — Значит, говоришь, прибыл из двадцатого — двадцать первого Потерянных Столетий? Странно. Большинство из наших учёных полагают, что путешествия во времени невозможны, разве… Ты, случайно, не крутился вокруг своей оси со скоростью света? Или, может, чересчур близко подплывал к чёрной дыре?

— Понятия не имею. Да это всё ерунда, погляди, что там творится!

Я указываю на тёмный дым над городом и долину, погруженную в хаос. Некоторые из греческих кораблей уже спущены на воду. Манмут кивает; для машины у него слишком очеловеченные жесты.

— Орфу спрашивает, почему боги прекратили

атаку.

Постоянно забываю: в этом измятом панцире, если верить роботу на слово, тоже прячется разум.

— Передай Орфу, что я не знаю. Наверное, хотят вдоволь насладиться ужасом и разрушениями. А потом уж нанести coup de grace[27]… э-э-э… В переводе с французского…

— К несчастью, этот язык мне известен, — перебивает Манмут. — Как раз во время бомбёжки Орфу цитировал одного француза, Пруста, который, впрочем, не имеет отношения к нашему делу. Каковы твои дальнейшие намерения, Хокенберри?

Кидаю взгляд на данайский лагерь. Пылают шатры, израненные кони носятся по стану, суетятся люди, суда спускаются на воду, многие уже подняли паруса и готовы к отплытию.

— Собирался найти Ахилла и Гектора, но тут потребуются часы…

— Через восемнадцать минут и тридцать пять секунд, — вмешивается робот, — должно произойти нечто, и тогда всё изменится.

Я молча жду.

---

[27] notes: 27
завершающий смертельный удар.

— На Олимпе, в кальдере, установлен один… Прибор. Мы с Орфу доставили его с Юпитера, в чём, собственно, и состояло наше главное поручение, хотя включать должны были… Нет, это долгая история. В любом случае через семнадцать минут пятьдесят две секунды механизм сработает.

— Бомба? — Мой голос внезапно садится. Во рту пересыхает так, что я не сплюнул бы даже под угрозой смерти.

Манмут пожимает плечами — опять-таки *по-человечьи*.

— Мы не знаем.

— Не знаете?! — кричу я. — Они не знают! Ставят какой-то… Прибор на Олимпе, запускают таймер, не имея понятия, что будет дальше! Впервые слышу подобную чушь!

— Возможно, ты прав, — кивает робот. — Только за этим нас и послали сюда… вернее, туда… моравеки, разработавшие всю миссию.

— Сколько, говоришь, осталось? — Я судорожно извлекаю на свет кожаный браслет с микросхемами и миниатюрным проектором внутри, мой личный потайной хронометр.

— Семнадцать минут восемнадцать секунд, — откликается машина. — Плюс отсчёт.

Активирую таймер, визуализирую дисплей.

— Провалиться!

— Точно, — соглашается Манмут. — Хочешь квитнуться назад, на Олимп?

Я действительно положил руку на медальон, но лишь потому, что подумал сэкономить пару минут и перенестись в ахейский лагерь. Однако вопрос робота заставляет меня переменить решение.

— В самом деле. Надо же выведать, что они там замышляют. Сыграю-ка в лазутчика последний раз.

— А потом?

Теперь моя очередь пожать плечами.

— Вернусь за Ахиллом и Гектором. Следом, к примеру, перетащу Одиссея и Париса. А там и Энея с Диомедом. Доставлю богам войну прямо на дом. Одну пару героев за другой, как зверюшек в Ноев ковчег.

— С точки зрения боевой логистики, звучит не очень удачно.

— А ты, я вижу, большой знаток военной стратегии, маленький робот?

— Нет. Сказать по чести, мне известны две вещи — устройство подводной лодки, затонувшей здесь, на Марсе, и сонеты Шекспира… — Помол-

чав, он добавляет: — Как только что заметил Орфу, последний пункт не обязательно упоминать в анкете при поступлении на работу.

— *Затонувшей где?*

Блестящая металлическая голова поворачивается в мою сторону.

— А ты не догадывался? Гора Олимп и есть Олимпийский вулкан на Марсе. Ты прожил тут девять земных лет — и не понял?

Неожиданно перед глазами всё плывёт. Ноги подкашиваются. Дабы не рухнуть, опускаюсь на ближайший валун.

— Марс…

Две луны. Громадный вулкан. Красный песок. Ослабленная гравитация, которая так радовала меня после долгого дня, проведённого в Илионской долине.

— Марс. *Чтоб я сдох*.

Манмут безмолвствует — сообразил, что сказанного для меня достаточно. Даже более чем.

— Погоди, — вскидываюсь я. — На Марсе нет голубого неба, океанов, деревьев, атмосферы для дыхания. В семьдесят шестом в новостях показывали приземление «Викинга-1». А десятки лет спустя, когда этот компактный жук «Соджорнер» застрял между скалами… Я же смотрел телевизор.

Никаких морей. Ни единого деревца. Безвоздушное пространство.

— Да, они терраформировали планету. Причём относительно недавно.

— Кто терраформировал? — Голос начинает дрожать от бессильной ярости.

— Боги, — отвечает робот, но я улавливаю мизерную долю сомнения в его ровном, невозмутимом тоне.

Снова смотрю на часы. Пятнадцать тридцать восемь. Подношу дисплей к тёмным камерам, окулярам, глазам собеседника.

— Так чего именно ждать через пятнадцать минут? Не говори, что вы с Орфу не знаете.

— Не знаем.

Зажимаю в кулаке медальон.

— Ладно, погляжу, как они там.

— Возьми меня с собой, — просит Манмут. — Это же я запустил отсчёт. И должен присутствовать, когда Прибор сработает.

— Хочешь отключить его?

— Нет. Поручение есть поручение. Просто таймер может и не подействовать. Тогда придётся самому…

— Ответь мне, пожалуйста. Речь идёт… мы, конечно, утрируем… о местном конце света?

Манмут медлит с ответом. Этого я и боялся.

Окидываю взглядом громоздкий железный панцирь за спиной моравека:

— Останься лучше со своим другом. Бедняга в такой форме, что и не заметит, как мир полетит в тартарары, если ему не сообщить.

— Для учёного-схолиаста ты довольно остёр на язык. Так заявляет Орфу, — отзывается машина. — Однако я по-прежнему настаиваю на том, чтобы отправиться вместе.

— Ты тратишь треклятое время на болтовню, это раз. — Я загибаю палец. — Шлем у нас один, а боги не дураки — засекут и невидимку, если тот примется бродить в компании робота, это два. А в-третьих… до скорого.

Накидываю капюшон и улетучиваюсь.

Вот я и в Великом Зале.

Похоже, Олимпийцы все в сборе, за исключением Афины и Аполлона. Божественная парочка наверняка плавает в баках с клубками голубых червей в глазницах и под мышками. За те несколько мгновений, пока незваного гостя не учуяли, успеваю рассмотреть, что бессмертные разодеты в доспехи и вооружены до зубов. Бескрайнее пространство залито сиянием: повсюду сверкает золотая броня, блестящие копья, высо-

кие шлемы с гребнями из перьев и начищенные, точно зерцала, нечеловечески громадные щиты. Вижу, как Громовержец отдаёт приказы, стоя рядом со своей колесницей. Вижу Посейдона в тёмных латах. Гермеса с Гефестом. Ареса, в руках у которого знаменитый серебряный лук Аполлона. Геру в ослепительной раззолочённой бронзе. И Афродиту, что тычет в меня пальцем…

Черррт!

— ЗАМРИ, СХОЛИАСТ ХОКЕНБЕРРИ!!! — ревёт владыка Зевс, глядя в упор через весь Зал.

И это не просто дружеский совет. В тот же миг каждый мой мускул, каждая связка и сухожилие, каждая клеточка коченеет на месте. Биение сердца обрывается. Рука цепенеет, не сдвинувшись к медальону ни на дюйм. Броуновское движение в теле полностью прекращается, и схолиаст Хокенберри обращается в статую.

— Заберите у него Шлем Смерти, квит-устройство и всё прочее, — командует Кронид.

Гефест с Аресом услужливо кидаются вперёд и раздевают меня догола перед глазами божественной толпы. Капюшон тут же швыряют хмурому Аиду; в чёрных хитиновых доспехах с невиданным рисунком тот удивительно смахивает на кошмарного рассерженного жука. Зевс выступает

вперёд, подбирает с пола упавший медальон, свирепо глядит на него, как будто желает раздавить в гигантском кулаке. Мне не оставляют ровным счётом ничего — ни наручного хронометра, ни даже трусов.

— Отомри, — изрекает Молниелюбец.

Я хватаюсь за грудь и, задыхаясь, валюсь на мраморный пол. Сердце, начавшее биться, пронзает безумная боль: уверен, это инфаркт. Всё, на что я способен, — не обмочиться прямо сейчас, перед ними.

Зевс поворачивается ко мне спиной:

— Убрать его.

Восьмифутовый бог войны поднимает кратковечного нарушителя спокойствия за волосы и оттаскивает прочь.

55
Экваториальное Кольцо

— Помыслил, Сам, — зашипели по-Калибаньи тени лазарета, — научит вашу парочку покорству! Какой же Бог не делает, что хочет? Вот так и Он.

— Откуда, чтоб ему, этот голос? — сердито рявкнул Харман.

Зал окутывала плотная тьма, в которой мягко мерцали только пустеющие по одному резервуары.

Даэман обыскал пространство между обеденным столом чудовища и входной мембраной, однако ничего не нашёл.

— Наверно, вентиляция, — пожал он плечами. — Или какой-нибудь не замеченный нами вход. Если эта тварь выйдет на свет, я убью её.

— Выстрелишь — может быть, убьёшь — вряд ли, — отозвался призрачный Просперо, стоя у панели управления баками. — Он прирождённый дьявол, и напрасно прошли мои труды и мягкость обращенья. Напрасно всё! С годами становился

он лишь ещё уродливей и злей.[28]

Два дня и две ночи, сорок семь с половиной часов, сто сорок четыре полных оборота астероида вокруг своей оси мужчины наблюдали, как постепенно исчезают люди из целебных резервуаров, пока не были отправлены почти все. Путешественники научились вызывать внешние трёхмерные картинки в любое время, дабы следить за прямым точно стрела передвижением ускорителя. Но сквозь прозрачные панели потолка уже и так стал виден гигантский ускоритель частиц, нацеленный чёрной дырой вперёд. Просперо и виртуальные приборы заверяли, что столкновение произойдёт через девяносто минут; собственные глаза и сердца твердили другое, так что в конце концов товарищи совсем перестали поднимать головы.

Калибан прятался где-то поблизости. Молодой мужчина пожертвовал дыхательной маской ради линз ночного видения и к тому же то и дело направлял фонарик Сейви под стол чудовища, где на полу белели обглоданные кости.

Дорога в лазарет показалась друзьям самым ужасным из их приключений: пробиваться в

---

[28] notes: 28
Цитата из: Уильям Шекспир. «Буря». Изм. перевод М. Донского.

полумраке сквозь плотные заросли ламинарий, каждую секунду ожидая коварного нападения, — что может быть хуже? Так они полагали тогда. Пару раз Даэман замечал какие-то серо-зелёные тени и не раздумывая стрелял по ним. Первая скрылась прочь, вторая, покачиваясь, выплыла навстречу путешественникам. Это оказалась высохшая мумия, в теле которой поблёскивала россыпь дротиков. В общем, всё обошлось.

И вот теперь, спустя почти двое суток, проведённых без сна, почти без еды, если не считать протухшей ящерки, друзья знали твёрдо: худшее — это последний час. Единственным, что поддерживало их силы, была вода. К счастью, мужчины догадались по пути сделать остановку у входа в грот и несколько минут ломали кромку льда ногами, чтобы наполнить бутыль Сейви шарами грязной, отвратительной и такой вожделенной влаги. Однако бесценные запасы быстро иссякли. Идти обратно к пещере? Разве можно тратить время на подобные мелочи? К тому же друзья забили входную мембрану пластиковыми крышками, снятыми с пустых резервуаров, дабы сразу же услышать, если Калибан попытается ворваться внутрь. От суровой жажды, переутомления, плохого воздуха и непрестанных страхов языки

путешественников распухли, а головы безумно раскалывались.

Дюжина-другая сервиторов не доставила друзьям особых неприятностей. Некоторые машины продолжали спокойно отсылать людей на Землю, а те, которые занимались приёмом новых пациентов, были без труда обезврежены. В первого робота Даэман выстрелил, однако тут же понял свою ошибку. Дротики поцарапали краску, слегка покорёжили металл, сокрушили левый манипулятор и выбили жертве окуляр; сервитор даже не прервал работу из-за таких пустяков. Выход из положения нашёл Харман: открутил у ненужного бака солидный кусок трубы (и без того ледяную атмосферу немедля наполнили пары жидкого кислорода) и меткими ударами по очереди привёл машины в негодность.

Когда товарищи присоединили к контрольному пульту линию голографической связи, явился Просперо и принялся помогать советами. Сначала мужчины отключили принимающие факс-узлы и незамедлительно отослали обратно всех невредимых новоприбывших, пока синие черви не принялись за дело, ускорить или прервать которое, по словам мага, не было никакой возможности. Вскоре улетели на Землю и те,

кто имел несерьёзные болячки. Всего в лазарете стояло шестьсот шестьдесят девять баков; из них не пустовало сейчас только тридцать восемь: двое — обычные именинники, остальным же требовался настоящий «ремонт».

— Сетебосу вдвойне приятен труд, — прошипел ненавистный змеиный голос.

— Заглохни! — взревел Даэман.

Он шёл между рядами резервуаров, стараясь не взлететь на воздух, и озирался по сторонам. Повсюду плясали смутные тени, однако ни единая из них не заслуживала выстрела.

— Не в состояньи дела завершить, — шептал Калибан из темноты. — Вот, навалил большую кучу торфа, размерил, набросал из мела плиты и рыбьим зубом начертал луну на каждой. Вокруг — шипы, а самую вершину Он увенчал медвежьей головой, вернее, черепом, добытым не в поединке — это слишком сложно, — а найденным в лесу. Никчёмная работа, смеху ради. Как надоест, и растоптать не грех. Вот так и Он.

Внезапно Харман рассмеялся.

— Что? — Молодой спутник наполовину прошагал, наполовину проплыл назад, к панели управления, вокруг которой беспорядочно валялись обломки сервиторов, чем-то напоминая

картину на жутком столе людоеда.

— Пора выбираться отсюда. — Девяностодевятилетний путешественник потёр покрасневшие глаза. — Представляешь, я начинаю понимать, о чём бормочет эта тварь.

— Просперо, — позвал Даэман, напряжённо вглядываясь в сумерки между слабо мерцающими баками, — может, хоть ты скажешь, что за треклятый Сетебос такой?

— Божество, которому поклоняется мать Калибана, — ответил маг.

— Ага. И она тоже бродит рядом? — Сжимая в руке оружие, обитатель Парижского Кратера ненадолго зажмурился и потряс головой. Взгляд поминутно заволакивала пелена, и не только из-за плавающих испарений жидкого кислорода.

— Сикоракса жива, но не здесь. Не на этом острове.

— Ну а Сетебос? — продолжал собиратель бабочек.

— Он — противник Тихого. Как и оба его почитателя, горькое сердце, что ждёт — и кусает.

Над контрольной панелью запищали датчики: ещё три долеченных (или почти долеченных) человека отправились обратно на Землю. Оставалось тридцать пять.

— Откуда взялся этот Сетебос? — проворчал Харман.

— Его занесло из мрака вместе с войниксами и прочими, — ответил маг. — Небольшая ошибка в расчётах.

— Прочими? — спросил Даэман. — Ты, случайно, не Одиссея имеешь в виду?

Просперо расхохотался:

— О нет, беднягу к вам забросило проклятие. Он заблудился на перекрёстках времени. Плавание Лаэртида несколько затянулось по вине некой Цицеры, известной самому герою под именем Цирцеи.

— Ничего не понимаю, — нахмурился Харман. — Сейви говорила, что нашла его совсем недавно, в криоспячке.

— Это правда, — кивнул старец. — И всё же ложь. Ваша попутчица знала о странствиях Одиссея и куда он направлялся. Хитрецы, не смущаясь, использовали друг друга.

— Но ведь он и есть ахеец из туринской драмы? — не отставал горожанин.

— И да, и нет, — отозвался маг в своей невыносимой манере. — Драма показывает лишь одну из возможных историй. Так что ваш Одиссей не оттуда, нет.

— Ты, кстати, до сих пор не растолковал про Сетебоса, — потерял терпение девяностодевятилетний.

Ещё шестеро долечившихся покинули свои резервуары. Последние двадцать девять баков продолжали тихо бурлить в полутьме лазарета. Через двадцать минут друзья должны были уносить ноги. Ускоритель частиц маячил за стёклами, чётко видимый и без усилительных линз. Чёрная дыра вращалась водоворотом мёртвой тьмы и пульсирующего света.

— Сетебос — божество деспотической власти, — промолвил Просперо. — Убивает без разбора. Милует по прихоти. Обожает массовые бойни. Это бог Одиннадцатого Сентября. Бог Освенцима.

— Чего? — переспросил Даэман.

— Не важно.

— Он любит всё, что выгодно Ему, — зашипела тьма из-под залитого кровью стола. — Что ж из того? Без выгоды никак.

— Да чтоб ему!!! — вырвалось у молодого мужчины. — Я всё-таки найду этого ублюдка.

Держа оружие наготове, он метнулся вперёд.

Следующие четыре тела покинули астероид; их баки со свистом спускали оранжевую жидкость. *Ещё двадцать четыре человека.*

Стол, и пол под ним, и кресло были завалены ужасными объедками. Даже фонарик Сейви и линзы ночного видения не могли до конца изгнать густые тени. Собиратель бабочек насторожился, высматривая любое движение.

— Даэман! — окликнул товарищ.

— Погоди, — крикнул он в ответ, выжидая.

Пускай Калибан бросится на лакомую наживку. В оружии достаточно заряда, а палит оно быстрее молнии: в этом путешественники убеждались не единожды. Засадить бы тысячу хрустальных дротиков в поганое чудовище и…

— Даэман!

— Чего тебе? — выкрикнул он, обернувшись. — Калибана увидел?

— Нет. Кое-что похуже.

И тут молодой мужчина услышал. Сначала паровые клапаны, а следом за ними — сирены безопасности. С резервуарами творилось нечто неладное.

Харман растерянно обвёл рукой красные огни на виртуальном пульте:

— Ёмкости высыхают *до* того, как исчезнут люди.

— Мой бывший слуга, отродье Сикораксы, сообразил прервать питательный поток, — изрёк

Просперо. — Все они уже мертвы.

— Проклятие! — Даэман со всей злости ударил кулаком в стену и кинулся к пустеющим резервуарам, светя в каждый фонариком Сейви.

— Уровень жидкости быстро падает, — сообщил он.

— Всё равно отправляем их, — заупрямился девяностодевятилетний.

— Кого? Порталы выплюнут мертвецов с голубыми червями в кишках. Давай выбираться отсюда.

— Да ведь он этого и хочет! — воскликнул Харман вдогонку товарищу, который скрылся в самом дальнем ряду, куда искатели приключений ещё ни разу не наведывались. Где-то во мраке продолжал метаться тонкий луч фонаря.

Старческий, надтреснутый голос мага завёл негромкую и монотонную речь:

Мой милый сын, ты выглядишь смущённым

И опечаленным. Развеселись!

Окончен праздник. В этом представленье

Актёрами, сказал я, были духи.

И в воздухе, и в воздухе прозрачном,

Свершив свой труд, растаяли они.
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают словно дым
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь…[29]

— Да заткнись ты, блин! — взорвался коллекционер. — Харман, слышишь меня?

— Слышу, — ответил тот, бессильно прислонившись к панели управления. — Пора уходить, дружище. Мы их потеряли. Ничего не поделаешь.

— Да нет, ты послушай! — Луч света замер на дальнем конце ряда. — Тут в баке…

— Уходим, Даэман! Напряжение падает. Калибан обесточивает лазарет.

---

[29] notes: 29
Уильям Шекспир. «Буря». Перевод М. Донского.

Будто бы в подтверждение его слов, Просперо бесследно растаял в воздухе. Огни в резервуарах погасли. Виртуальные экраны начали затухать.

— Харман! — выкрикнул молодой мужчина из полного мрака. — Здесь Ханна.

56
Долина Илиона

— Я должен отыскать Ахиллеса и Гектора, — сказал Манмут. *— Придётся оставить тебя здесь, на утёсе.*

— Конечно. Почему бы нет? Может, бессмертные примут меня за серый камень и не догадаются сбросить бомбу. Сделаешь мне одолжение? Даже два?

— Разумеется.

— Во-первых, будь всегда на личной связи. Понимаешь, скучновато сидеть одному в темноте, не зная, что творится вокруг. Особенно если спустя какие-то минуты будет запущен Прибор.

— Хорошо.

— А во-вторых, привяжи меня к чему-нибудь тяжёлому, пожалуйста. Прикольно, наверное, парить на левитационной упряжи (ну и заумные здесь всё же технологии!), но ведь я могу снова улететь в море.

— Уже сделано, — заверил его товарищ. *— Специально для тебя нашёл самый крупный камень на этой скале.*

— Точнее, на погребальном кургане шустрой амазонки Мирины. Великолепно. Кстати, ты не в курсе, что это за дама и почему ей такая честь?

— Понятия не имею, — отозвался европеец.

Потом, опустившись на четвереньки, опрометью кинулся в ахейский лагерь. Некоторые греки с изумлением оборачивались на престранное создание. Прочим было не до него.

К счастью, Манмуту не пришлось рыскать по всему берегу в поисках отважных героев — те сами вышли к заградительным рвам, ведя за собой на старое поле брани уцелевших военачальников и две-три тысячи солдат. Моравек решил соблюдать приличия и встал на задние лапы для подобающего приветствия.

— А, маленькая машинка, — поздоровался Ахиллес. — Где твой господин, сын Дуэйна?

В течение целой секунды европеец переваривал услышанное.

— Хокенберри? — вымолвил он наконец. — Прежде всего никто из людей не является моим господином, как и сам я — не человек. А во-вторых, схолиаст решил наведаться на Олимп и выяснить намерения бессмертных. С минуты на минуту он должен вернуться.

Сын Пелея обнажил белые зубы в ухмылке:

— Отлично. Знание противника никогда не помешает.

— Не слишком-то оно помогло старине Долону, — проворчал Одиссей, который шёл как раз между новыми союзниками.

За спинами предводителей расхохотался Диомед. Гектор нахмурился.

— Долон — лазутчик, посланный прошлой ночью в стан ахейцев, — прокомментировал Орфу. *— Диомед с Одиссеем изловили шпиона, посулив жизнь и безопасность, вытянули из него все военные тайны, а затем отрубили голову. Полагаю, Лаэртид напомнил об этой истории, потому что не до конца доверяет Гектору, к тому же…*

— Давай отложим это. — Манмут спохватился и поменял частоты. — *Мне тут надо сосредоточиться.*

— Что ты сказал? — рявкнул Приамид.

А он явно не в духе, подумалось моравеку. Хотя, конечно, герой ещё не предал земле прах своей матери и сводной сестры, погибших при взрыве. Вот только известно ли ему об этих утратах? Возможно, у Гектора просто дурное настроение.

— Всего лишь вознёс краткую молитву моим богам, — ответил европеец.

Одиссей опустился на одно колено и внима-

тельно ощупал тело, руки, ноги, защитный покров пришельца.

— Остроумный механизм. Божество, создавшее тебя, должно быть подлинным мастером своего дела.

— Благодарю, — кивнул Манмут.

— *По-моему, я читал эти слова у Самюэля Беккета,* — усмехнулся иониец.

— Заткнись! — Моравек выругался. — Никак не запомню, когда переключаться.

— Всё молится, — уважительно заметил сын Лаэрта, поднимаясь на ноги. — Как он там выразился? Мол, «я — вообще никто?» Я — Никто… Надо бы запомнить, пригодится.

— О, быстроногий Ахиллес, — изрёк европеец на красивом греческом. — Позвольте узнать, что вы намерены делать?

— Ещё раз вызовем богов на схватку. Честный поединок или рать на рать, как пожелают.

Манмут окинул взглядом изрядно поредевшие греческие войска; многие бойцы шагали вслед за командиром, истекая кровью. У горного хребта собирались остатки троянских сил — не более тысячи верных мечей.

— И это — ваша армия? — спросил моравек.

— Остальные присоединятся позже, — бросил

Пелид. — Итак, маленькая машинка, встретишь Хокенберри Дуэйнида, передай, чтобы искал нас на поле брани, где-нибудь посередине.

Герои устремились дальше. Европеец едва успел увернуться из-под ног и тяжёлых щитов ахейских предводителей.

— СТОЙТЕ! — заорал Манмут, прибавив больше громкости, чем собирался.

Ахилл, Гектор, Одиссей, Диомед, Нестор и другие обернулись на зов. Простые воины почтительно расступились.

— Через полминуты, — выдохнул моравек, — что-то должно произойти.

— Что именно? — потребовал ответа Приамид.

— *Не знаю. Неизвестно даже, ощутим ли мы здесь какие-то последствия. Провалиться на месте, а вдруг мой самодельный таймер возьмёт, да и откажет?..*

— *Ты опять говоришь молча,* — сообщил Орфу.

— *А, извини.* — Европеец перешёл на слышимую греческую речь. — Погодите, и сами увидите. Ещё восемнадцать секунд.

Кстати, в античности совсем другие меры времени. Ладно, лишь бы дошёл основной смысл сказанного.

— *А ведь даже если Прибор не оставит от*

Марса камня на камне, — задумчиво промолвил краб, — *мы пока не уверены, что эта Земля находится в той же вселенной и времени. С другой стороны, так называемые местные боги всё равно соединили её с Олимпом тысячью квантовых туннелей.*

— Девять секунд.

— *Интересно, как выглядит взрывающаяся планета при дневном освещении, когда смотришь отсюда, из Малой Азии? Надо бы устроить небольшую имитацию, смоделировать…*

— Четыре секунды.

— *Хотя на фиг? Можно поглазеть и так. У кого есть чем.*

— Одна.

57
Олимп

Не припомню, чтобы Арес или Гефест квитировались, пока волокли меня из Великого Зала, но готов поспорить, что так оно и было. Комната, куда меня заточили, находится на верхнем этаже невообразимо высокого здания на восточной стороне Олимпа. Окон как таковых здесь нет, зато ещё одна дверь (первая плотно затворена) выходит на балкон, под которым тянутся сотни футов отвесной скалы. На севере в предзакатных лучах плещет море цвета начищенной бронзы, а далеко-далеко на востоке вырисовываются три вулкана — марсианских, как я теперь понимаю.

Так это Марс. Боже всемилостивый. Девять долгих лет… Марс.

Меня трясёт озноб. Обнажённые руки и бёдра покрылись гусиной кожей, и голая пятая точка тоже наверняка в мурашках. Босые ступни вообще заледенели на мраморном полу. Скальп изрядно ноет после жуткой выволочки, однако любая боль — пустое по сравнению с терзаниями самолюбия! До сих пор не могу поверить, что

меня так легко разоблачили… в прямом и переносном смысле.

Кем же ты себя возомнил? Насмотрелся на богов и супергероев, вот головка и закружилась. Забыл, как и в прошлой-то жизни не представлял собой ничего особенного, а сейчас и подавно.

Дело в побрякушках, будь они неладны, — левитационная упряжь, непробиваемые доспехи, вибрас, квит-медальон, и остронаправленный микрофон, и усилительные линзы, и ещё тазер, и, наконец, Шлем Аида… Мишура для крутого имиджа, от которой моча ударяет кое-куда.

Вот и добаловался. Большой Папочка отнял игрушки. Папочка рассержен.

Позвольте, когда же взорвётся бомба, заложенная Манмутом? Привычно поднимаю руку… ах, чтоб вам, часы-то отняли. Всё равно Прибор сдетонирует через пару минут. Перегнувшись через край балкона, силюсь разглядеть кальдеру. Хотя нет, она же с другой стороны. Так что взрыва я не увижу. Интересно, ударная волна сорвёт это здание с вершины Олимпа или просто-напросто подожжёт? Память с готовностью подбрасывает кадры из хроники: обречённые люди выпрыгивают из окон пылающих небоскрёбов Нью-Йорка. Зажмуриваюсь и сжимаю руками виски, дабы

избавиться от непрошеного видения, но оно становится только ярче.

Проклятие. Если бы мне дали ещё две-три недели, — нет, если б я сам не урезал свой срок, вмешиваясь, куда не следует, — может, удалось бы вспомнить прошлое целиком? До самой смерти? И даже…

Входная дверь с грохотом распахивается. На пороге владыка Зевс. Я возвращаюсь в пустую комнату.

Хотите совет, как легче всего потерять остатки самоуважения? Попробуйте раздеться, разуться и встретить лицом к лицу верховное божество, отца бессмертных и смертных, облачённого в высоченную обувь, золотые поножи и полное боевое снаряжение. Прибавьте сюда явное отличие в размерах. Мой рост — пять футов и девять дюймов, то есть не низенький (как я не уставал напоминать окружающим, особенно Сюзанне). «Средний», скажем так. А Громовержец ныне вымахал до пятнадцати футов. Поясняю для наглядности: дверной косяк будто нарочно выполнен для «звёзд» НБА,[30] которые привыкли таскать других «звёзд» НБА у себя на плечах — и

[30] notes: 30
Национальная баскетбольная ассоциация.

мой гость наклоняется, чтобы войти. Створка с треском захлопывается. В массивной руке Кронида всё ещё покачивается мой медальон.

— Итак, схолиаст Хокенберри, — молвит бессмертный по-английски. — Ты хоть сам понимаешь, что натворил?

Стараюсь придать взгляду некое подобие дерзкого вызова, однако тут не до жиру: лишь бы коленки не дрожали. Чувствую, от холода и страха пенис уменьшился до размеров морковки, а мошонка превратилась в земляной орех. Зевс рассматривает меня с ног до головы.

— О боже, — густо рокочет он. — Какими же вы были уродами, людишки старого образца. Поглядите на него: рёбра наружу, а брюхо всё равно висит!

М-да. Сюзанна когда-то сравнивала мой зад с парой пышных булочек, только она это скорее с нежностью…

— Откуда вы знаете английский? — дрогнувшим голосом спрашиваю я.

— МОЛЧАТЬ! — вопит собеседник.

Потом грубо выталкивает меня на балкон и выходит сам, заняв собой почти всё пространство. Забиваюсь в угол, изо всех сил стараясь не опускать взора вниз, на скалы. Владыке Олимпа

достаточно поднять кратковечного нахала и швырнуть через перила: минут пять я бы точно покувыркался с дикими воплями.

— Ты обидел мою дочь, — рычит Зевс.

Которую из них? — отчаянно соображаю я. Мало ли против кого мы тут замышляли: Афина, Афродита… Скорее всего речь об Афине. Она всегда была его любимицей. Впрочем, какая теперь разница. Заговор против любого бога — не говоря уже обо всех сразу — величайшее преступление в здешних краях. Снова кошусь вниз: змеевидный хрустальный эскалатор вьётся по скале, теряясь в туманной дымке где-то на уровне моря. Бывшие бараки схолиастов у подножия сожжены дотла, хотя отсюда не рассмотреть и руин. Фигово, далековато падать.

— Догадываешься, что сегодня произойдёт, Хокенберри?

Подозреваю, вопрос чисто риторический.

Зевс опирается на каменные перила; каждый из его пальцев толще моего запястья.

— Нет, — отзываюсь я.

Громовержец озирает меня свысока:

— Ну и как ощущения, премудрый схолиаст? Непривычно, а? Целых девять лет знать, *что* принесёт следующая минута, ведать закрытое

для самих бессмертных… Должно быть, ты чувствовал себя Провидением, никак не меньше.

— Нет, дыркой в заднице.

Кронид кивает. Затем указывает на колесницы, которые взмывают над Олимпом, одна за другой. Их сотни.

— Сегодня, ещё до вечера, мы истребим человеческий род. Не только этих вояк, собравшихся под Илионом, но и вообще всех людей. Повсюду.

Что тут ответишь?

— Не слишком замахнулись? — усмехаюсь я; всё бы ничего, только голос дрожит, как у запуганного мальчика.

Владыка продолжает взирать на толпу златодоспешных богов и богинь, ожидающих очереди оседлать небесные машины.

— Посейдон, Арес и прочие веками достают меня, требуя избавиться от человечества, как от вируса, коим вы и являетесь, — рокочет бессмертный, обращаясь скорее к самому себе. — Мы, конечно, обеспокоены. А какую расу богов не опечалило бы истребление подобного героического рода, если учесть, сколько наноулучшенного ДНК растрачено на сношения с жалкими людишками, взять хотя бы Ахилла или Геракла? Мы почти сроднились — я имею в виду, в буквальном

смысле.

— Зачем вы мне это говорите?

Небожитель презрительно косится сверху вниз:

— Поскольку жить тебе осталось пару секунд, можно и пооткровенничать. На Олимпе, схолиаст Хокенберри, нет постоянной дружбы, надёжных союзников или верных товарищей… Неизменны лишь интересы. Мой интерес — сохранить положение Владыки Бессмертных и Правителя Вселенной.

— Та ещё работка, — скалюсь я.

— Да уж, — молвит Зевс. — Это точно. Не веришь — спроси Просперо, или Сетебоса, или того же Тихого. Ну так есть у тебя последний вопрос перед уходом, Хокенберри?

— Вообще-то да, — на удивление спокойно говорю я; даже колени больше не трясутся. — Хочу знать, кто вы на самом деле и откуда взялись. Ясно ведь, что вы не подлинные боги Древней Греции.

— Разве? — Острые зубы Кронида сверкают из посеребрённой бороды. Совсем не по-отечески.

— Кто вы такие? — повторяю я.

Всемогущий вздыхает:

— Боюсь, у нас нет времени на рассказы. Про-

щай, схолиаст Хокенберри.

Оторвав ладони от перил, он решительно поворачивается ко мне.

Как выясняется, бессмертный был абсолютно прав: времени не осталось. Ни для историй, ни для чего другого. Огромное здание содрогается, трещит и громко стонет. Чудится, сам воздух вокруг Олимпа затвердел и потрескался. Сияющие колесницы спотыкаются на лету, а боги внизу так громко вопят, что крики долетают до нас.

Громовержец валится спиной на перила и, выронив мой медальон, упирается рукой в дрожащую стену. Высоченная башня сотрясается у основания, раскачиваясь и выписывая верхушкой десятиградусную дугу.

Зевс поднимает взгляд.

Небо заполняют чёрточки-вспышки. Слышатся акустические удары; марсианский небосвод разрезают полосы огня. Прямо над нашими головами посреди лазури стремительно кружатся гигантские сферы цвета чёрного космоса и пылающей лавы. Они напоминают громадные дыры, пробитые в голубой тверди, и к тому же заметно опускаются.

Ниже — гораздо ниже, у подножия Олимпа — раскручиваются подобные им неровные круги

радиусом не меньше футбольного поля каждый. Другие вертятся над морем, ближе к северу, а некоторые вгрызаются прямо в волны.

Из приземлившихся у горы шаров устремляются наружу тысячи муравьёв. Да нет же, людей. Интересно, *просто* людей или как?

Среди золотых повозок, успевших взмыть, летают тёмные остроконечные машины. Некоторые крупнее колесниц, другие меньше, и у каждой — смертельный, не по-земному военный вид. Верхние слои атмосферы испещряют пламенные линии, со свистом устремляясь к Олимпу, словно межконтинентальные баллистические ракеты.

Громовержец потрясает кулаками.

— ПОДНЯТЬ ЭГИДУ! — оглушительно ревёт он, обращаясь к малюсеньким богам у подножия. — АКТИВИРОВАТЬ ЭГИДУ!

Хотелось бы, конечно, остаться и посмотреть, что будет дальше, однако сейчас у меня иные заботы. Опрометью проскакиваю между исполинских ножищ великана, прокатываюсь на животе по сотрясающемуся мраморному полу; левая рука подхватывает медальон, а правая быстро крутит диск.

58
Экваториальное Кольцо

Поначалу никак не получалось извлечь Ханну из бака. Увесистый кусок трубы не справлялся с пластикоподобным стеклом. Даэман израсходовал три обоймы дротиков, и те рикошетом разлетелись по залу, сокрушая более хрупкие предметы, вонзаясь в обломки обездвиженных сервиторов, едва не задев самих мужчин. По стеклу побежали тонкие трещинки. В конце концов Харман забрался на верх резервуара и, используя трубу как рычаг, оторвал хитроумную крышку. Сняв с лица ночные линзы и респиратор, собиратель бабочек запрыгнул в пересыхающий бак — помочь товарищу. Огни совершенно погасли, работать приходилось при свете фонарика.

Обнажённая, мокрая, безволосая, с обновлённой кожей, девушка лежала на полу лазарета беззащитная, словно неоперившийся птенец. Добрая новость заключалась в том, что она дышала — неглубоко, прерывисто, пугающе часто, но всё-таки дышала. Однако была и дурная новость. Мужчинам не удавалось привести подругу

в чувство.

— Она выживет? — требовательно спросил Даэман.

Прочие двадцать три человека не проявляли признаков жизни, к тому же достать их наружу не оставалось возможности.

— Откуда я знаю? — огрызнулся девяностодевятилетний.

Обитатель Парижского Кратера огляделся вокруг:

— Без электричества тут быстро холодает. Не успеешь глазом моргнуть, как будет ниже ноля. Надо чем-нибудь её прикрыть.

По-прежнему сжимая оружие, хотя уже не разыскивая врага во всех углах, Даэман устремился в темноту. Трубки, пробирки, человеческие кости, разбитые сервиторы, разлагающиеся останки… Ничего похожего на одеяло.

Ханна лежала без сознания и сильно тряслась всем телом. Вернувшийся ни с чем молодой мужчина принялся растирать её голыми руками, но это явно не помогло.

— Нужно что-то придумать, иначе ей конец, — в отчаянии прошептал он.

Из сумерек между рядами послышался звук скользящего металла. Товарищи даже ухом не

повели. Испарения жидкого кислорода и прочих пролитых жидкостей заполняли зал мутной пеленой.

— Нам всем скоро крышка, — поправил Харман, указывая вверх, на прозрачные потолки.

Даэман запрокинул голову. Белая звезда-ускоритель угрожающе выросла в размерах.

— Сколько ещё? — выдохнул коллекционер.

Девяностодевятилетний покачал головой:

— Хронометры исчезли вместе с напряжением и Просперо.

— Когда началась эта заварушка, до ухода нам оставалось двадцать минут.

— Да, только *когда* это было? Может, все сорок минут назад?

Молодой мужчина внимательно вгляделся в ночной небосвод, покрытый ледяными звёздами.

— Земля ещё светила. Значит, как только она снова покажется…

Бело-голубой краешек планеты взошёл над горизонтом.

— Пора уходить, — произнёс Даэман.

Стук и скрежет за спинами путешественников усилились. Собиратель бабочек развернулся всем корпусом, целясь во мрак, однако Калибан так

и не появился. Теперь лазарет начал терять и гравитацию. Разноцветные лужицы принялись взлетать над полом в виде бесформенных медуз, силящихся стать шарами. Луч фонаря повсюду натыкался на их блестящие поверхности.

— Как уходить? — удивился Харман. — Без неё?

Веки девушки были слегка приоткрыты, из-под них виднелись мутные белки. Озноб понемногу отпускал её, хотя мужчин это скорее пугало. Даэман снял респиратор, глотнул достаточно плотного, пусть и пропахшего гнилой плотью воздуха, и почесал щетинистый подбородок.

— С двумя термокостюмами нам не добраться до соньера. В городе, а тем более на открытом пространстве, она сразу погибнет.

— На диске есть силовое поле и обогреватель, — прошептал девяностодевятилетний и тоже поднял маску; дыхание вырвалось изо рта клубами пара. Бороду и усы путешественника покрывали белые сосульки, а в глазах застыла такая тоска, что больно было смотреть.

Молодой спутник покачал головой:

— Сейви рассказывала мне про вакуум и что он делает с человеческим телом. Ханне не дождаться, пока мы включим защитное поле.

— Ты хоть помнишь, как его активировать? —

спросил Харман. — И как летать на этой хреновине?

— Э-э-э… не знаю. Ну, видел, конечно… А ты что, забыл?

— Я так устал, — откликнулся товарищ, потирая виски.

Девушка перестала дрожать и теперь совсем походила на мёртвую. Даэман сорвал с руки перчатку и приложил обнажённую ладонь к груди Ханны. Ничего. Неужели?.. Тут он ощутил слабое, как у птички, биение сердца. И решительно произнёс:

— Харман, снимай термокожу.

Тот вскинулся, беспомощно поморгал, затем понурил голову:

— Ну, да. Ты прав. Мой век уже позади. Она больше заслуживает…

— Вот дурень-то! — выругался собиратель бабочек, помогая другу разоблачиться. Между тем воздух охлаждался с пугающей быстротой; голоса товарищей звучали всё выше и тоньше. — Будешь меняться с ней. Досчитаешь до пятисот — одевайся сам. И так всё время, если только она не погибнет.

— А ты куда? — сипло поинтересовался товарищ; его ладони так сильно тряслись от мороза,

что горожанину пришлось самому натягивать на девушку синюю кожу и дыхательную маску Хармана.

Ханну снова забил озноб, хотя термокостюм совершенно не растрачивал телесное тепло.

— А я пойду к соньеру, — пояснил Даэман и отдал оружие. — Возьми, вдруг Калибан явится за вами.

— Не явится, — судорожно прохрипел девяностодевятилетний. — Сперва он сожрёт тебя. Тогда и мы станем лёгкой добычей.

— Подавится, — процедил молодой мужчина сквозь зубы и, оттолкнувшись от пола, поплыл к полупроницаемой мембране.

Уже после того, как Даэман разрезал пластиковую покрышку острым концом трубы и выплыл наружу, обитатель Парижского Кратера сообразил, что не сказал другу самого главного: он собирается вернуться за ними на соньере.

«Ладно, теперь уже некогда. Может, сам догадается».

Месяц — вернее, целую вечность — назад Даэман едва успевал за Харманом и Сейви, неуклюже кувыркаясь в воздухе, пока те плавно парили в нужном направлении. Теперь же он чувствовал себя в хрустальном городе словно рыба в

воде: без усилий находил точку опоры, легко отталкивался, свободно взмывал к небесам, при необходимости кувыркался, выписывал сложные пируэты…

И всё же этого было недостаточно. Время неумолимо настигало его. Так подсказывало чутьё, пусть даже погасшие панели над головой не давали возможности увидеть грозный ускоритель, увенчанный чёрной дырой. «Интересно, услышу я, когда он врежется в стекло, или атмосфера для этого слишком разрежёна?» — подумал путешественник, пробиваясь через бурые водоросли, но тут же выбросил глупый вопрос из головы. Можно не сомневаться: миг ужасного столкновения не пройдёт незамеченным.

Даэман едва не миновал южную башню, однако вовремя поднял взгляд, чтобы увидеть над головой многие сотни воздушных этажей, уходящих во мрак. Ориентироваться приходилось только при помощи ночных линз. Тени, похожие на людей, парили над головой, некоторые довольно близко, правда, двигались они так неловко и бесцельно, что мужчина слегка успокоился. Лишь слегка.

Приземлившись, Даэман попытался скопировать позу Калибана — опустил руки между

ногами и оттолкнулся из последних сил. Всё же взлетел он не столь быстро, как надеялся. Уже через семьдесят — восемьдесят футов, достигнув первой террасы, путешественник почти завис на месте. Он пристроился на перилах и приготовился прыгать, всматриваясь во тьму.

Призраки были повсюду. Монстр мог броситься на жертву с любой затенённой террасы, но что поделаешь: мужчина был вынужден держаться ближе к стене и выступающим платформам. Так он и прыгал: быстрый взлёт, замедление, новый толчок… Сам себе Даэман напоминал несуразную костлявую лягушку, прыгающую вверх по вертикальной реке, с камня на камень.

Да и костюм-то на нём зелёный! Путешественник не выдержал и расхохотался в голос. Гулкое эхо, прокатившееся по линии в собственных микрофонах, напугало и отрезвило его. Мужчина замолчал, и с тех пор лишь натужное хриплое дыхание нарушало тишину стеклянной башни.

Внезапно Даэман содрогнулся от ужаса и на лету совершил опасный кувырок. «*Пропустил*». Что, если этаж, на котором припаркован соньер, находится ниже? Тьма под ногами казалась бездонной — тысяча футов до пола, не меньше, а на голограмме Просперо машина поблёскивала в…

пятистах футов, наверное?

Сердце бешено забилось. Молодой мужчина оттолкнулся подальше от стены и оглядел хрустальные панели. Большинство из них источало жалкие остатки потухающего рыжего мерцания, однако верхние уже посеребрила своими лучами Земля. Нигде ни единой мембраны. «Почему я не взял фонарь? Думал, Харману он нужнее, а теперь не могу найти треклятый выход».

Лоб покрыла холодная испарина; к горлу подступил огромный ком. «Спокойно, без паники. Некогда бояться». Пользуясь свободными конечностями, словно отдалённым подобием ласт, кузен Ады отплыл ещё дальше и перевернулся на спину, как опытный пловец, который захотел полюбоваться звёздами.

Вот он!

Полусотней футов выше по стене. Знакомый белый квадрат на затуманенной панели.

Едва заметное притяжение всё же начало увлекать мужчину вниз, в кромешный мрак, полный водорослей и мумий. Даэман ловко вывернулся, прижал трубу подбородком к груди, чтобы освободить обе руки, и отчаянно погрёб брассом к оставленной площадке. Если он потеряет высоту сейчас, то не скоро найдёт в себе силы вернуться

обратно.

Наконец обитатель Парижского Кратера достиг платформы, перехватил обломок трубы под мышку и устремился ввысь. Навык приучил его столь метко рассчитывать движения, что путешественник замер точно напротив вожделенной белой метки. «Слава тебе, господи», — выдохнул он, обливаясь потом. Правая ладонь прошла сквозь мембрану, будто прорвала немного липкую газовую ткань.

Из тёмной ниши наверху метнулась какая-то тень. Неестественно долгие конечности, серебристые блики от земных лучей на хищных зубах…

— Нет! — только и успел прохрипеть Даэман.

Калибан сграбастал его руками, обвил ногами, а челюсти жадно защёлкали у горла жертвы. Мужчина выставил вперёд правую руку, защищая шею. Острые зубы пронзили плоть и сомкнулись на кости. Противники плотно сплелись и, нанося жестокие удары, упали вниз, на ближайшую платформу. Вокруг разлетались брызги крови, осколки стекла, обломки дерева и пластика. Человек и нечисть боролись во тьме, среди столиков и серых мумий с белыми очами.

59
Долины Илиона

Манмут первым заметил изменения в небе, в воде и на суше вокруг Трои. Видимо, маленький европеец был единственным, кто чего-то ожидал… Правда, не того, что предстало взору.

— *Ну, как там?* — не утерпел Орфу.

— *Ах ты…* — ахнул знаток сонетов.

На высоте многих тысяч футов над Илионом в облаках завертелась огромная сфера. Другая такая же, радиусом в сотни метров, внезапно явилась посреди поля брани, между городской стеной и курганом амазонки Мирины. Моравек стремительно развернулся: третий шар вынырнул из ниоткуда прямо над ахейским лагерем. Четвёртый возник над морем, сразу же отрезав чёрным кораблям пути к отступлению. Пятый закружился чуть севернее Трои. Шестой — южнее.

— *Что видишь-то?* — повторил ониец.

— *Ух ты…* — ухнул бывший капитан.

Поверхность таинственных сфер засияла всеми цветами радуги, покрылась живыми фрактальными узорами — и вдруг в каждой из них

показались множественные изображения Олимпа. С разного расстояния и под разными углами, в различном окружении, все они являли один и тот же марсианский вулкан под тем же марсианским небосклоном. Один из шаров опустился в долину, где инопланетный грунт почти слился с почвой Илиона. Другая гигантская сфера на западе расширила свои пределы и погрузилась в воду, так что волны марсианского океана заплескались вровень с волнами Средиземного моря, равнодушно перекатываясь туда-сюда между двумя мирами. Ахейцы попытались убрать паруса, гребцы побросали вёсла, однако их остроносые корабли продолжало неумолимо затягивать в чуждый круг, оказавшийся на деле порталом, за которым возвышались ледяные склоны Олимпа. Теперь, куда бы Манмут ни посмотрел, он повсюду натыкался на вулканы-близнецы.

— *Да что происходит?!* — взмолился краб.

— *Ох ты…* — охнул знаток Шекспира.

Дюжины чёрных летающих объектов вырвались из порталов на небесах, над морем, даже из-под полукруглой арки, торчащей из земли почти в ста метрах от Ахилла, Гектора и их товарищей. Европеец пригляделся. Машины смахивали на гигантских шершней, слегка сплюснутых и заост-

рённых к носу, с пульсирующими моторами по бокам, на брюхе и на корме; рядом с выпуклыми кабинками из непроницаемого стекла щетинились коммуникационные антенны, со всех сторон торчало какое-либо оружие — снаряды, ружья, бомбы, излучатели…

М-да, если это колесницы последнего поколения, значит, божественные технологии развиваются чересчур быстро.

— *Манмут!* — взревел ониец.

— *А? Прости, дружище.*

И моравек с горем пополам, чуть ли не заикаясь, описал неразбериху в небе, на воде и на суше.

— *Ясно,* — подытожил Орфу. — *Что делают Гектор, Ахиллес и остальные? Бегут, наверное?*

— *Некоторые — да. Но большинство ахейцев и троянцев устремились прямо в ближайший портал.*

— *В портал?!*

Европеец даже не подозревал, что его друг способен так изумляться.

— *Ага. Приамид с быстроногим рванули первыми: вскричали, потрясли копьями, подняли щиты — и вперёд. Полагаю, парни увидели Олимп, смекнули, что к чему, ну и… перешли в наступление.*

— *То есть напали на вулкан?* — переспросил

иониец ещё более ошарашенным тоном.

— *Угу. На обиталище богов.* — Манмут и сам оцепенел от увиденного. — *Ой, мамочки!*

— *«Ой, мамочки»? Что значит «Ой, мамочки»?*

— *Там, позади…* — пролепетал моравек. — *Дюжины греческих судов заплыли в круг…*

— *Ну, это ты уже…*

— *Да, но теперь их там сотни!*

— *И все греческие?*

— *Не-а. МЗЧ.*

— *Маленькие зелёные человечки?* — Орфу звучал, будто собранная дилетантом и к тому же поломанная машинка для воспроизведения голоса. Казалось, он заговорил впервые в жизни.

— *Тысячи МЗЧ,* — простонал европеец. — *На сотнях кораблей.*

— *Старые знакомые фелюги?*

— *И ещё крупные баржи, навроде тех, что попадались нам по пути. Потом большие корабли, мелкие парусники… Главное, все они, вместе с ахейцами, плывут в одну сторону. К Олимпу.*

— *Это ещё зачем? С какой радости зелёным человечкам сдалась ледяная гора?*

— *Нашёл кого спросить!* — огрызнулся Манмут. — *Я-то тут… Ну и ну!*

— Ну и ну?

— Небо исчертили какие-то огоньки. Похоже на метеоритный дождь.

— Бессмертные возобновили бомбёжку?

— Не знаю.

— А направление?

— Чего? — ошалело откликнулся европеец.

Будь у него челюсть — непременно отвисла бы. Небосвод затянуло сплошное кружево из огненных чёрточек, над Илионом распахивались новые порталы с Олимпами, рассерженные стаи чёрных шершней жужжали всё ниже, тысячи героев продолжали наступать вслед за Гектором и Ахиллом, в то время как десятки тысяч троянцев и их союзников занимали укрепительные позиции на городской стене и в долине у Скейских врат, а греки укрепляли вал и заградительный частокол. Звенели гонги. Били барабаны. Наэлектризованный воздух шипел и потрескивал. Отзвуки воплей и боевых кличей слились в единый невообразимый гул. Выглянувшее солнце заиграло резкими бликами на щитах, клинках и шлемах. Лучники Илиона выстроились вдоль парапета, нацелив острые стрелы в заоблачную высь. Ахейские суда поднимали паруса и срывались в открытое море. Манмут не успевал вращать

головой, пытаясь уследить сразу за всем.

— *Куда движутся эти метеориты?* — спросил Орфу. — *С запада на восток, с востока на запад, может, с юга на север?*

— *Какая, к шутам, разница?* — взорвался товарищ. — *Нет, извини, это я просто… Знаешь, они летят со всех сторон. Сплошь рыжие крестики на голубом.*

— *Они направляются к Илиону?*

— *Н-нет. По крайней мере не напрямую… Ой, там что-то виднеется. Сейчас «наеду»… Силы небесные! Это же…*

— *Космический корабль?* — безо всякого выражения произнёс краб.

— *Он!* — выдохнул Манмут. — *Словно ракета из мультика и сзади длинный такой, жёлтый хвост пламени! Теперь я вижу, другие «метеоры» — тоже корабли… Некоторые зависают в воздухе… Один вроде снижается… Ну и ну!*

— *Опять «Ну и ну»?*

— *Он идёт на посадку. А с ним ещё пять — семь «шершней».*

— *Правда?* — невозмутимо, будто бы даже забавляясь реакцией приятеля, отозвался иониец.

— *Они приземляются, Орфу. Рядом с тобой, на утёсе… Чуть ли не на тебя! Стой там, я сейчас!*

И маленький европеец опрометью кинулся на четвереньках к высокой скале — туда, где жёлтые огненные струи, вырываясь из сопл ракеты, взметали стометровые столбы камней и праха. Чёрные машины с острыми жалами опускались на курган амазонки, выбрасывая вниз хитроумные посадочные механизмы в форме треножников. Их угрожающие орудия целились в гигантского краба. Это было последнее, что разглядел Манмут, прежде чем ринуться в пыльный ураган.

— *А куда я денусь-то?* — громыхнул иониец. — *Да ты не торопись, дружище. Кажется, я знаю, кто эти парни.*

60
Экваториальное Кольцо

Катаясь вместе с Калибаном по террасе, Даэман чувствовал, что тварь пытается отгрызть ему руку. Однако металлические волокна костюма и автоматическое смыкание любых щелей в термокоже не позволяли чудовищу оторвать ни кусочка плоти. Надолго ли хватит подобной защиты?

Побарахтавшись между столиками и замороженными мертвецами, враги ударились о перила и рикошетом отскочили к стене. Калибан продолжал цепко держать человека своими предлинными конечностями. Внезапно тварь разжала зубы, запрокинула слюнявую голову и снова нацелилась на шею противника. Мужчина опять прикрылся правой рукой, которую чудовище тут же ещё раз прокусило до кости. Даэман громко застонал, пребольно ударившись о решётку перил. Несмотря на автоматическое смыкание любых щелей в термокоже, разрежённый воздух наполнили кровавые пузырьки, которые лопались, попадая на зелёный костюм или блестящие

чешуйки.

На какое-то мгновение бывшего коллекционера прижало к перилам, и жёлтые очи Калибана хищно вперились в глаза человека с нескольких дюймов. Мужчина понимал: правая рука больше не поднимется; понимал: ничто не мешает чудищу вцепиться через маску ему в лицо, однако в этот миг разум пронзила одна-единственная, простая и потрясающая мысль. *Я не боюсь*.

Лазарета больше нет. Синие черви не ждут больных. Никто не восстановит разрушенное тело. Ни за сорок восемь часов, ни позже. Никогда.

Я не боюсь.

Даэман видел перед собой звериные уши, слюнявую морду, покрытые чешуёй плечи. Эта тварь тоже из плоти и крови. Мужчине вспомнился грот и неприлично розовые гениталии монстра.

Калибан ощерил зубы для нового укуса. Отчётливо сознавая, что оставляет горло без защиты, человек опустил свободную руку, нащупал податливые шары и стиснул их так сильно, как ничего в жизни не сжимал.

Вместо последнего убийственного броска, чудовище откинулось далеко назад, и рёв его разнёсся гулким эхом в этом почти безвоздушном пространстве. Даэман пригнулся, переместил обе

руки ещё ниже — правая кровоточила, но кисть ещё вполне слушалась — и сдавил сильнее. Калибан судорожно извивался и брыкался, силясь избавиться от противника; тот висел, волочась по полу, и не разжимал пальцев. Он представлял себе, что давит сок из помидоров, из апельсинов, из яблока… Судьба, жизнь и смерть воплотились для человека в этой хватке. Калибан зарычал ещё громче, размахнулся длинной лапой и обрушил на врага мощный удар.

Человек отлетел прочь, кувыркаясь, и на несколько мгновений лишился сознания. К счастью, чудовище не воспользовалось его слабостью: оно визжало, билось в пустоте, пытаясь прижать колени к животу, и лишь когда пелена перед глазами Даэмана начала рассеиваться, мужчина разглядел, как тварь, барахтаясь, вернулась на террасу, вцепилась в поручни перил и прянула на жертву, растопырив конечности в стороны.

Человек вслепую пошарил между стульями, нащупал упавшую трубу, размахнулся обеими руками и ударил подлетевшего Калибана в висок. Раздался резкий, какой-то *очень убедительный* звук. Голова твари откинулась на плечо, а колыхающееся тело, размахивая когтистыми

лапами, повалилось на мужчину. Выронив железный обломок, Даэман отшвырнул противника левой рукой — правая бессильно повисла плетью, — вскочил на перила и прыгнул ввысь, к спасительной мембране.

Слишком медленно.

Более приспособленный к низкой гравитации, распалённый нечеловеческой ненавистью, монстр всеми четырьмя конечностями оттолкнулся от тёмной стены, в которую ударился, поймал перила перепончатыми стопами, присел и прыгнул следом.

Видя, что эту гонку ему не выиграть, мужчина уцепился за какой-то поручень и резко остановился. Тварь опустилась на площадку и, расставив лапы, преградила человеку путь на волю. Острая боль в пораненной руке вдруг прожгла тело и разум Даэмана; вскоре навалятся шок и беспощадная усталость.

Чудище задрало голову, издало протяжный вой и, обнажив острые зубы, провещало:

— Всё, что мерзость, — освящает, всё, что пища, — отнимает! Я не друг тебе, нет, а вот ты — мой обед!

Калибан приготовился прыгнуть вслед, как только жертва обратится вспять.

Даэман заметил на груди твари полузатянувшиеся шрамы, и губы его растянула зловещая усмешка.

«Сейви всё-таки ранила его. Она не сдалась без борьбы. И я не стану».

Не помышляя о бегстве, молодой мужчина оттолкнулся от перил ногами, нагнул голову и метнулся вперёд, нацелясь в грудь Калибану.

Полёт занял целых две или три секунды, однако нападение застало чудовище врасплох. Еде не пристало вести себя подобным образом; добыча не нападает. Потом до него дошло, что обед сам идёт в руки, и монстр кровожадно ухмыльнулся до ушей, готовясь принять человека в удушающие объятия, из которых тот выйдет лишь наполовину съеденным трупом.

Они пролетели через мембрану вместе. Даэману показалось, будто бы он миновал тончайшую завесу; Калибан возопил в безвоздушном пространстве, хотя только на краткий миг. Затем врагов охватила леденящая тишина. Мужчина упирался рукой в нижнюю челюсть монстра, пытаясь отвести кривые зубы от своей шеи. Сколько же секунд ему понадобится: восемь, десять? Даэман искренне надеялся, что продержится.

Термокожа немедля отреагировала на разверз-

шийся вакуум, сомкнув даже пустоты между молекулами, дабы не выпустить наружу ни крови, ни воздуха, ни тепла. Охлаждающие капилляры умного костюма стремительно избавили сторону, обращённую к солнцу, от выступившего пота, в то время как излишний жар передался другому боку, облитому двухсотградусным морозом. Всё это произошло за долю секунды, так что человек даже не заметил перемен. Впрочем, ему и без того хватало забот.

Враг оказался чересчур силён. Мотнув головой, он без труда стряхнул ослабевшую руку Даэмана и широко разинул пасть, чтобы громко завыть, прежде чем впиться зубами в беззащитное горло.

Воздух шумно вырвался из груди чудовища, точно вода из открытой бутыли. Слюна застыла в пустоте ледяными комьями. Узкие ладони твари взметнулись к ушам, но слишком поздно. Барабанные перепонки полопались, разлетевшиеся багровые шарики забурлили в вакууме, и в тот же миг кровь закипела в жилах Калибана.

Глаза твари выпучились, слёзные протоки выпустили красные фонтаны, а рот беззвучно открывался, как у рыбы, которую вытащили на берег. Застывшие очи затянула мутная пелена.

Даэман вырвался на свободу, извиваясь угрём, еле доплыл до террасы, уцепился за цепочку перил и, перебирая руками, добрался до соньера. Мужчине вовсе не хотелось бежать. Тем более — показывать спину противнику. Всё, чего он желал, это задушить чудовище собственными руками.

Впрочем, одна из них почти не действовала. И потом… *Харман. Ханна.*

В открытом вакууме человек не протянул бы и минуты; однако Калибан человеком не был. Разбрызгивая кровь и плюясь льдинками, будто некая страшная комета, закипевшая при приближении к Солнцу, монстр закачался, замолотил кулаками пустоту, едва удержался на решётке террасы, оттолкнулся и всё-таки прыгнул сквозь полупроницаемую мембрану обратно, в относительно плотную и тёплую атмосферу.

Даэману было некогда следить за чудовищем. Он уже запрыгнул на летучий диск, занял место водителя и пристегнулся паутиной из ремней безопасности. Да, но что же дальше? Над металлическим выступом должна была появиться виртуальная панель управления. Сейчас она отсутствовала.

Как её активировать? И что делать потом? Как

там действовала Сейви?

Разум пустовал. Перед глазами плясали чёрные точки. Задыхаясь и предчувствуя близость обморока, мужчина судорожно пытался вызвать в памяти образ еврейки. Бесполезно.

«Тише, тише, успокойся, — раздался в голове такой знакомый и такой непривычный голос, более взрослый, что ли, покойный, отстранённый… — Не волнуйся».

Он взял себя в руки. Выровнял дыхание, усилием воли замедлил биение сердца, сосредоточился.

Вроде бы старуха произносила команды вслух? Здесь это не сработает. Без воздуха нет и звука, объясняла Сейви. Или, может, Харман? В последнее время обитатель Парижского Кратера учился у всех и каждого. Тогда как? Даэман заставил себя ещё немного расслабиться, сомкнул веки. Ну же, Сейви, первый ночной взлёт с айсберга…

Она провела ладонью над нижним обтекателем, возле рычага.

Мужчина повторил движение левой рукой. Прямо в пустоте загорелась виртуальная панель. Пальцы Даэмана пробежали по разноцветному пульту. Над соньером замерцало силовое поле. Послышался внезапный рёв; человек в испуге

вскинул голову. Оказалось, это воздух потёк под надёжный купол: палец сам нашёл нужную кнопку. Вместе с атмосферой появился и голос:

— Ручной режим или автопилот?

Даэман стянул с лица респиратор, глотнул чистого, сладкого кислорода, вкус которого почти позабыл за долгий месяц, и приказал:

— Ручной режим.

В ладони возник и тут же затвердел рычаг, окружённый виртуальной аурой.

Эластичные ленты привязи порвались и улетели в открытый космос. Мужчина поднял диск над металлической площадкой, выровнял полёт и на скорости тридцать — сорок миль в час пронзил белый квадрат.

Калибан поджидал внутри. Чудовище прыгнуло, целясь острыми зубами в горло жертве. Бросок был безупречен. Однако защитное поле отшвырнуло монстра вспять, и тот закувыркался посередине башни.

Начиная привыкать к роли пилота, Даэман описал широкий круг, повернул рычаг и прибавил ещё скорости. Соньер разогнался до шестидесяти миль в час. Калибан поднял взор на врага, и залитые кровью глаза округлились. Нос машины ударил чудовище в низ живота. Тварь отшвырну-

ло прочь, на стекло и решётки противоположной террасы.

Мужчина с наслаждением продолжил бы смертельную игру, перед прелестями которой померкла даже дикая боль в окровавленной руке, но в этот миг его друзья умирали внизу. Сделав крутой разворот, соньер нырнул в тёмную бездну.

Поначалу кузен Ады и впрямь не заметил дна: машина врезалась в гущу «ламинарий» и пропахала носом дёрн, устроив целый фонтан из мёртвой травы. К счастью, Даэман вовремя спохватился и, чуть убавив ход, полетел горизонтально по прямой. Если от лазарета до башни он добирался двадцать минут, то обратный путь занял каких-то три-четыре.

Перед заветной мембраной диск разогнался и одним рывком сделал из полупроницаемого входа полностью проницаемый. В вихре осколков стекла, обломков металла и пластмассы машина промчалась меж тёмными рядами опустевших баков. В некоторых из них белели нагие трупы неспасенных; мужчина поморщился и отвёл взгляд. Впереди на полу лежали ещё два человека. Даэман стремительно затормозил, отключил защитное поле и соскочил вниз.

Синий термокостюм по-прежнему был на Ханне: девяностодевятилетний оставил себе лишь респиратор. Бледное тело Хармана покрывали синяки и кровоподтёки. Рот девушки был раскрыт, словно в отчаянной попытке поймать последний глоток воздуха. Мужчина не стал выяснять, живы ли его друзья. К чему тратить время? Он просто подхватил обоих левой рукой и бережно уложил в пассажирские ниши подле своей. Молодой горожанин замешкался лишь на пару мгновений, чтобы вернуться за мешком Сейви, зашвырнуть его в соньер и на всякий случай вытащить оружие, после чего занял своё место и активировал силовое поле.

— Чистый кислород! — громко сказал он, когда из невидимых труб хлынули потоки воздуха, который тут же сделался в несколько раз насыщеннее, так что у мужчины закружилась голова.

Пальцы запрыгали по виртуальной клавиатуре и, запустив несколько сирен безопасности, наконец-то включили обогрев. Тепло заструилось отовсюду.

Первым закашлялся Харман; следом, через несколько секунд, Ханна. Веки товарищей дрогнули, глаза распахнулись, взгляды понемногу прояснились.

Даэман расплылся в довольной ухмылке.

— А где… где?.. — прохрипел девяностодевятилетний.

— Всё хорошо, — отозвался молодой спутник, неторопливо направляя машину к выходу. — Приди пока что в себя.

— Время… время… — в ужасе просипел тот. — Уско… ритель!

— Вот чёрт!

Даэман и думать забыл об окаянной штуковине; ни разу даже не обернулся на неё, будучи снаружи.

Он включил полный ход и, проломившись через оставленную соньером дыру в стене, молниеносно устремился к башне.

Калибана и след простыл. Диск беспрепятственно взмыл на многие сотни футов к выходу, выбрался на внешнюю площадку и приготовился стартовать в открытый космос.

— Господи Иисусе, — выдохнул Харман.

Ханна завизжала не своим голосом. Это был первый звук, раздавшийся из её горла с той минуты, как девушку извлекли из бака.

Кольцо из чёрных дыр заполонило две трети небосвода, закрыв собою солнце и звёзды. По всей непомерной длине ускорителя четвёрки сопел

плевались огнём, поворачивая устройство для рокового удара. И хотя молодой мужчина, конечно же, не разбирался в технических названиях, грозная картина отчётливо запечатлелась в его памяти со всеми подробностями: блестящие кольца, рябые от бесчисленных микрометеоритных дождей, таинственно мерцающие перемычки, медная возвратная линия над главным сердечником прибора, управляемые с расстояния внушительные инжекторы, стремительная сфера цвета неба и земли — заключённая на носу устройства червоточина… Ускоритель рос на глазах, затмевая последние искры звёзд. Огромная чёрная тень накрыла хрустальный город.

— Даэман… — начал девяностодевятилетний.

Тот и сам уже понял. Стремительный виток вокруг астероида — и вот уже летучий диск помчался навстречу гигантскому голубому изгибу Земли.

На мгновение городские башни оказались вверху и чуть позади.

Столкновение произошло беззвучно. В убийственной тишине. Молодого горожанина это поразило в самое сердце. Ни грохота, ни сотрясения, ни одного привычного для землян признака, что свершается великая катастрофа.

А между тем она свершалась.

Хрустальный город распался на многие миллионы сверкающих осколков, которые разлетелись в облаках пылающего газа. Бурные клубы пламени выросли на целую милю, потом на две, и даже на десять, словно желали поглотить ускользающий соньер. Но вот они будто бы втянулись вовнутрь и совсем пропали, истратив последний кислород, — так исчезает с экрана яркая вспышка при обратной перемотке плёнки.

В следующее мгновение астероид тяжело содрогнулся, рассылая в космос концентрические волны газа и пыли вслед за россыпью стекла, и раскололся на части.

— Скорее! — воскликнул Харман.

Даэман совершенно растерялся. Ему казалось, что всё просто: нужно лететь к Земле на полной скорости, держась подальше от пламени, обломков и замороженного газа. Почему же панель управления усеяна мигающими сигналами тревоги? Хуже того, наружная оболочка соньера подозрительно зашипела, захрустела и наконец неистово завыла. Плюс ко всему оранжевое мерцание по краям летучего диска стремительно превращалось в шар из огня и голубоватой электрической плазмы.

— Что случилось? — прокричала Ханна. — Где мы?

Ей никто не ответил. Рёв нарастал, как и зарево вокруг машины.

— У нас повреждения? — проорал девяностодевятилетний.

Обитатель Парижского Кратера мотнул головой: это вряд ли. Наверное, не следовало входить в атмосферу Земли на такой скорости. Однажды в детстве, несмотря на строгий запрет матери, Даэман скатился вниз по длинным перилам, после чего проехал по толстому ковру на голых локтях и коленях. Боль от ожогов заставила его запомнить урок на всю жизнь. Может, и здесь происходит что-то подобное?

Собиратель бабочек решил не делиться своей теорией с товарищами: в другое время он и сам бы её высмеял.

— Сделай что-нибудь! — выкрикнул Харман сквозь шум и треск.

Волосы и бороды мужчин стояли дыбом из-за напряжения, пронизавшего воздух. Девушка, напротив, лишённая прекрасных локонов, озиралась вокруг, будто в кошмарном сне.

Не дожидаясь, пока его голос потонет в мощном гуле, Даэман проревел, обращаясь к виртуальной

панели:

— Автопилот!

— Включить автопилот? — еле слышно переспросила машина.

Под защитным полем стало жарко; молодой коллекционер почуял недоброе.

— Да!!! Включить автопилот!

Силовое поле упало на людей и плотно вдавило их в ниши. Соньер перевернулся, и кормовые двигатели выстрелили такие мощные струи пламени, что зубы Даэмана едва не повылетали от свирепого перестука.

— Возвратиться к заложенному в программе маршруту? — поинтересовался искусственный разум невозмутимым тоном сумасшедшего экспериментатора, каким он отчасти и являлся.

— Да! — простонал горожанин; боль в руке вспыхнула с новой силой, а шею нещадно стиснуло возросшее давление. Ещё чуть-чуть — и позвоночник с хрустом переломился бы.

— Вы уверены? — осведомилась автоматика.

— Уверен! — прорычал мужчина.

Выпустив несколько новых струй пламени, соньер поскакал, будто камешек по глади пруда, и вдруг непостижимым образом выровнял траекторию.

Даэман поднял голову.

Троица всё ещё летела на большой высоте: земной горизонт изгибался впереди голубой дугой, а горы выделялись на коричнево-зелёном ковре планеты лишь за счёт белых вершин. Но воздух уже окружал машину.

Кузен Ады издал торжествующий вопль, сгрёб Ханну в объятия, радостно воскликнул ещё раз и погрозил небу кулаком.

Рука застыла на полпути.

— Чтоб мне провалиться!

— Что? — спросил Харман, по-прежнему голый, не считая бесполезного теперь респиратора, который болтался на шее. Затем девяностодевятилетний проследил за взглядом товарища. — А, чёрт!

Первые из тысяч обломков хрустального города, ускорителя частиц и самого астероида с гулом проносились в какой-то миле от соньера. Сияющие шары с десятимильными хвостами пламени и плазмы дождём сыпались с охваченных пламенем небес.

61
Долины Илиона

Когда европеец поднялся на утёс, девять высоких чёрных фигур сходили по трапу космической посудины в окружении пыльных вихрей, поднятых кораблём при посадке. Двухметровые гуманоиды насекомоподобного вида были закованы в мерцающую хитиновую броню из твердопласта. Шлемы пришельцев сияли на солнце, будто начищенный до зеркального блеска оникс. Неприятно загнутые, крючкообразные конечности в чёрных шипах и зазубринах, напоминающие лапы жуков-скарабеев со старинных картин, держали наперевес какое-то сложное многоствольное оружие весьма внушительного вида. Предводитель отряда помедлил и ткнул пальцем в Манмута.

— Маленький моравек? — вопросил он на упрощённом варианте межлунного английского, одновременно вслух и по личному лучу. — Скажите, это Марс?

— Нет.

— Как — нет? Должен быть Марс.

— Это не он. — Европеец проворно переслал товарищу содержание разговора. — Полагаю, мы на Земле.

Огромный воин покачал головой, как бы находя ответ неприемлемым.

— Вы каллистянин?

Малыш поднялся на ноги, выпрямившись во весь рост:

— Я — Манмут, европеец. Бывший капитан исследовательской подлодки «Смуглая леди». А мой товарищ — Орфу с Ио.

— Он высоковакуумный моравек?

— Да.

— Где же его глаза, сенсоры, манипуляторы и ноги? И почему покороблен панцирь?

— Орфу пострадал на войне.

— Мы обязаны доложить о прибытии. Отведите нас к ганимедянину Коросу III.

— Он уничтожен при исполнении.

Длинная чёрная фигура замерла, обернувшись на своих ониксовых товарищей, и любитель Шекспира догадался: между ними происходит молчаливый разговор. Потом лидер группы вновь посмотрел на европейца:

— Тогда нам нужен Ри По, каллистянин.

— Тоже погиб, — отозвался Манмут. — И преж-

де, чем нам продолжить, представьтесь сами.

— *Это роквеки*, — вмешался Орфу и добавил по общей связи: — Вы ведь роквеки?

— Предпочитаем наименование «моравеки Пояса», — ответил пришелец. — Мы переправим вас в центр по ремонту, ветеран.

Он махнул рукой остальным, и восемь бойцов двинулись в сторону ионийца.

— Стоять, — приказал тот столь повелительным тоном, что чужаки примёрзли к своим местам. — Я сам решу, когда покинуть поле битвы. И не вздумайте ещё раз назвать меня ветераном, а то я сделаю себе подвязки из ваших дыхательных шлангов. Предводителем этой миссии был Корос III. Его больше нет. Ри По тоже не с нами. Остаётся Манмут с Европы и я. Какой у вас ранг, роквек?

— Центурион-лидер Меп Эхуу, сэр.

«Меп Эхуу?» — подивился про себя бывший капитан.

— Я теперь командир! — гаркнул Орфу. — Вам ясна субординация, солдат?

— Да, сэр.

— Доложите, зачем вы здесь и откуда взяли, что попали на Марс, — повелел краб всё тем же непререкаемым голосом, по частоте — ниже

любого человеческого баса. — И *немедленно*, центурион-лидер!

Роквек повиновался. Над головой жужжало всё больше новых шершней. Из городских ворот хлынули сотни троянцев и медленно приближались к утёсу, подняв копья и прикрываясь щитами. В то же самое время их товарищи вместе с ахейцами продолжали очертя голову наступать на заснеженные склоны Олимпа, отчётливо зримые сквозь полукруг, вырезанный из земли и небес.

Меп Эхуу говорил предельно сжато. Полувысказанные догадки Орфу подтвердились. Шестьдесят два земных года назад Астиг-Че и Консорциум Пяти Лун послал Короса III к Поясу астероидов, причём в качестве дипломата, не шпиона. Целых пять лет ганимедянин провёл, прыгая с камня на камень и ведя переговоры с грозными лидерами кланов. Он потерял большую часть товарищей, но донёс до местных вояк опасения юпитерианских учёных по поводу квантовой активности на Красной планете, обретшей, впрочем, новые цвета. Не будучи уверенными, что эксперименты проводятся постлюдьми, представители обеих рас нарекли потенциальных противников НМС — Неопознанными Марсианскими Существами.

Роквеки поделились и собственными опасе-

ниями. Их больше тревожило стремительное терраформирование близкого светила, заметное почти невооружённым глазом и совершенно невозможное с точки зрения всякой логики. Свирепые и бесстрашные обитатели Пояса уже посылали шесть космических флотилий. Однако ни одна из них не вернулась и не отправила ни единого отчёта.

Дипломатичность, изворотливость, смелость и несколько личных поединков наконец помогли ганимедянину завоевать доверие роквеков, и те согласились участвовать в плане Консорциума. На их плечи возложили ответственность за создание усовершенствованных, посвящённых ратников на основе собственной ДНК плюс построение продвинутых боевых единиц для сражений в открытом космосе и в атмосфере. Со своей стороны, моравеки Юпитера брались перекинуть сильнейшие инженерные умы, занятые в межзвёздных исследованиях, на разработку квант-туннелера и стабилизатора червоточин. Далее, когда придёт нужное время и активность на Марсе достигнет угрожающих размеров, Корос III должен был возглавить маленькую экспедицию, незаметно пробраться на планету, в самый центр опасной деятельности и установить квант-туннелер, не

только для стабилизации существующих, но и порождения новых каналов, напрямую связанных с Поясом астероидов, где подготовленная флотилия будет ожидать сигнала.

Последняя стадия заключалась в том, чтобы опознать, сразиться, одолеть и тщательно допросить МНС, а после истребить угрозу для Солнечной системы.

— Звучит-то просто, — усмехнулся Манмут. — Опознать, сразиться, одолеть и допросить… А на деле? Вы даже планетой ошиблись.

— Ориентироваться в квантовых туннелях оказалось гораздо сложнее, чем мы думали. По-видимому, наш отряд выбрал неверный путь, промахнулся и вот угодил…

Ониксовые воины огляделись и подняли тяжёлое оружие: почти сотня троянцев уже взобралась на гребень холма.

— Не стреляйте, — вмешался Манмут. — Это свои.

— Свои? — повторил роквек, обратив сверкающее забрало к надвигающейся стене щитов и пик. Наконец он кивнул и беззвучно пообщался с товарищами. Многочисленные дула разом опустились.

Илионцы и не думали следовать примеру чу-

жаков.

К счастью, маленький европеец узнал капитана и даже припомнил имя из бесконечной череды услышанных ранее.

— Перим, сын Мегаса, — воззвал он по-гречески, — не нападайте. Эти чёрные парни — наши друзья и союзники.

Острые копья грозно щетинились из-за крепких щитов. Лучники во втором ряду продолжали натягивать звенящую тетиву. Может, роквеков с их хитиновым покровом и не слишком волновали метровые стрелы, вымоченные в яде, но знатоку сонетов не хотелось испытывать собственные доспехи на прочность.

— Друзья и союзники, — с издёвкой протянул Перим. Блестящая бронза шлема скрывала его лицо, выставляя на обозрение только разгневанные глаза, сжатые губы и мощный подбородок. — Что же это за друзья, маленькая машинка? Они даже не люди. И раз уж на то пошло, ты тоже.

Европеец не сразу нашёлся с ответом.

— Нынче утром ты видел меня вместе с Гектором, сын Мегаса.

— Ага, и ещё вместе с этим человекоубийцей, Ахиллом!

Не менее тридцати стрел нацелились в грудь

моравека.

— *Как их убедить?* — обратился он к ионийцу.

— *Перим, сын Мегаса…* — повторил тот. — *По сюжету «Илиады», наш бравый капитан должен был погибнуть через пару дней. Заодно с Автоноем, Эхеклом, Адрастом, Элазом, Мулием и Пилартом в единой жаркой стычке, все — от руки Патрокла.*

— *Пары дней у нас нет,* — отозвался Манмут. — *Мулий, Автоной и прочие упомянутые личности стоят перед нами живые-невредимые, заслонясь щитами и грозя отточенными копьями. И я не думаю, что Патрокл подоспеет вовремя на помощь, разве только доплывёт сюда из Индианы. Сейчас-то как быть?*

— *А ты объяви роквеков прислужниками, которых выковал Гефест, но быстроногий Ахилл переманил на свою сторону и научил биться против богов.*

— *Прислужники,* — задумчиво хмыкнул товарищ. — *Странная какая-то форма слова. Вроде не слуги и не рабы…*

— *Да ты просто* скажи! — проревел Орфу. — *Пока Перим не всадил отравленную пику тебе в печень.*

У маленького европейца никогда не было пе-

чени, однако ему не потребовалось повторять дважды.

— Перим, благородный сын Мегаса! Тёмных воинов выковал сам Гефест, они *прислужники*, вызванные Ахиллесом на помощь вам.

Троянец смерил чужака мрачным взглядом:

— Так ты тоже *прислужник*?

— *Говори «да»!* — предостерёг иониец.

— Да.

Военачальник рявкнул на своих людей, и те наконец опустили оружие. Орфу решил внести ясность.

— *«Прислужниками» называются у Гомера существа наподобие андроидов, созданные из человеческих «запчастей» в кузнице бога огня. Бессмертные и некоторые кратковечные использовали их вместо роботов.*

— *Как же, поверю,* — буркнул Манмут. — *Откуда в «Илиаде» андроиды?*

— *В «Илиаде» есть всё, дружище,* — усмехнулся краб, а затем произнёс: — Центурион-лидер Эхуу, на вашем корабле имеются проекторы силовых полей?

Раздался громкий щелчок: ониксовый великан вытянулся по струнке:

— Да, командир.

— Пошлите отряд в Илион — вон в тот город — и разверните над ним полноценный щит. И ещё один, вокруг ахейского лагеря на побережье.

— Полноценный щит, сэр?

Нетрудно было смекнуть: подобное сооружение высосет всю энергию из двигателя крупной космической посудины.

— Именно, — с нажимом сказал иониец. — Здесь нужно поле, способное отразить любую атаку с моря, баллистические снаряды, копья, стрелы, лучи антиматерии, лазеры, мазеры, нейтронное, термоядерное и плазменное оружие. Это наши союзники, центурион-лидер.

— Да, сэр.

Роквек развернулся и молча отдал приказ. Чёрные воины, к которым присоединилась дюжина товарищей, разделились на две группы и немедленно отправились по местам, таща за собой гигантские проекторы. Приземлившиеся шершни вновь поднялись в небо, жужжа и покачивая грозными пушками. На утёсе рядом с моравеками Юпитера остался только Меп Эхуу.

Перим подошёл ближе. Гребень его сверкающего, хотя и поцарапанного в боях шлема едва доставал до чеканной груди центурион-лидера. Благородный сын Мегаса легонько постучал ку-

лаком по нагрудной пластине пришельца.

— Занятные доспехи, — обронил он и повернулся к Манмуту. — Маленький прислужник, мы собираемся идти на битву за Гектором. Ты с нами?

Он показал пальцем на огромный портал на юге. Ахейские и троянские рати уже не бегом, а в строгом боевом порядке маршировали к Олимпу вслед за величественными колесницами; гордые стяги развевались на ветру, бронзовые щиты и наконечники жарко полыхали под солнцем — то под земным, то под марсианским.

— Да, — откликнулся европеец. — Я с вами. *Ты как, ветеран? Продержишься тут без меня?*

— А чего бояться, когда рядом центурион-лидер?

— И то верно.

Возглавив небольшой отряд, Манмут и Перим устремились вниз по склону, покрытому почти затоптанным в ходе бесконечных сражений кустарником. У подножия кургана им встретился довольно странный мужчина — одетый в одну лишь цепочку с медальоном, безбородый, со спутанной шевелюрой и полудиким взглядом, он бодро шагал по камням, оставляя кровавые следы.

— Хокенберри? — изумился бывший капитан подлодки. — Не верю своим визуально-распознавательным микросхемам!

— Не веришь — обыщи. Здорово, старина, — ухмыльнулся тот и перешёл с родного языка на греческий. — Приветствую тебя, Перим, сын Мегаса. Я — Хокенберри, сын Дуэйна. Друг Ахиллеса и Гектора. Помнишь, мы виделись этим утром?

Любитель Шекспира впервые в жизни лицезрел голого человека. И от души надеялся, что следующий раз наступит очень, очень нескоро.

— Что с тобой случилось? — поинтересовался он. — И где одежда?

— Долго рассказывать, — отмахнулся схолиаст. — Но я постараюсь уложиться в несколько минут, пока мы доберёмся до вон той дырки в небесах. Скажи, о сын Мегаса, могу я одолжить у вас какую-нибудь одежду?

Военачальник явно признал мужчину, с мнением которого считались и Гектор, и быстроногий Пелид.

— Облачение для господина! — гаркнул троянец, обращаясь ко взводу. — Лучшую накидку с капюшоном, самые новые сандалии, самые крепкие доспехи, самые начищенные наголенники и самое чистое бельё!

Автоной выступил из строя:

— Благородный Перим, у нас нет ни запасных доспехов, ни обуви, ни оружия.

— Тогда скидывай своё, и без разговоров! — проревел командир. — И не забудь раздавить вшей. Это приказ.

62
Ардис-холл

Небосвод продолжал рушиться до позднего вечера.

Хозяйка особняка поспешила на длинную лужайку взглянуть на багровые полосы в небесах. Ударные звуковые волны грохотали над речной долиной, отражаясь от лесистых холмов. Ученики и гости громко кричали, переворачивали столы и в безумном ужасе бежали по пыльной дороге к далёкому факс-павильону, желая лишь одного — спасти свои жизни.

Одиссей присоединился к девушке. Так они и стояли вдвоём посреди бушующего хаоса.

— Что происходит? — шепнула Ада.

Темнеющие небеса испещрили десятки, а то и сотни огненных чёрточек.

— Не могу сказать наверняка, — откликнулся варвар.

— Но это как-то связано с Харманом, Даэманом и Сейви?

Бородач посмотрел ей в глаза:

— Возможно.

Ослепительные вспышки быстро сгорали, прочертив предвечернюю мглу, пока самая заметная из них с нестерпимым визгом (как будто бы тысяча ногтей разом чиркнула по стеклу) не прожгла себе дорогу к восточному горизонту, упав на землю. На месте удара выросло целое облако бушующего пламени. Минуту спустя на людей накатила столь мощная звуковая волна, что у девушки заныли зубы. Налетевший ветер сорвал всю листву с огромного дуба, подхватил и унёс часть шатров, раскинутых на лугу у подъездной дороги.

Ада отчаянно вцепилась в руку Одиссея; из-под ногтей выступила кровь, однако девушка ничего не заметила, а мужчина не сказал ни слова. Наконец он произнёс:

— Хочешь домой?

— Нет.

Ещё час они наблюдали небесное представление.

Большая часть гостей, не найдя свободных дрожек или одноколки, убегала по дороге на своих двоих. И всё же примерно семьдесят человек остались на зелёном склоне рядом с хозяйкой и учителем. Землю сотрясали новые удары, один беспощаднее другого. Окна на северном фасаде

особняка давно уже полопались, усыпав газоны ливнем осколков.

— Я так рада за Ханну, — промолвила Ада. — Хоть *она* сейчас в безопасности, в лазарете…

Одиссей покосился на девушку и ничего не сказал.

На закате к ним подошёл мужчина по имени Петир, чтобы сообщить невероятную весть.

— Сервиторы попадали.

— Что значит «попадали»? — удивилась Ада.

— Попадали, — повторил Петир. — На землю. Не работают. Сломались.

— Ерунда какая-то, — нахмурилась хозяйка. — Сервиторы не ломаются.

И хотя с заходом солнца зрелище стало ещё живописнее, девушка повернулась к метеоритному дождю спиной и повела мужчин в особняк, осторожно переступая через битое стекло и обломки пластмассы.

Два робота валялись на полу в кухне. Ещё один — наверху в спальне. Их динамики молчали, а маленькие ладони в белых перчатках бессильно качались на повисших плетьми манипуляторах. Команды, тычки и даже пинки не помогли привести их в чувство. Люди вышли обратно: во дворе недвижно лежала ещё пара сервиторов.

— Они что, раньше не выходили из строя? — хмыкнул сын Лаэрта.

— Ни разу, — откликнулась Ада.

Ученики мало-помалу собирались вместе.

— Это и есть конец света? — произнесла девушка по имени Пеаэн, ни к кому конкретно не обращаясь.

Одиссей долго молчал и наконец ответил сквозь воздушный гул:

— Зависит от того, что именно падает. — Палец античного героя ткнул в орбитальные кольца, еле видные на фоне фейерверка. — Хорошо, если всего лишь ускорители частиц и прочая квантовая чепуха, это бы мы пережили. А вот если один из четырёх больших астероидов, на которых жили «посты»… Вот тогда свету действительно конец. По крайней мере *нашему* свету.

— А что такое астероид? — перебил его любознательный Петир.

Лаэртид отмахнулся от неуместного вопроса.

— И когда мы узнаем точно? — вмешалась Ада.

Бородач вздохнул:

— Полагаю, не позже завтрашнего вечера. Подождём ещё несколько часов.

— Никогда не думала, что мир может погибнуть, — призналась хозяйка Ардис-холла. — Тем

более в огне.

— Скорее уж во льдах, — подтвердил Одиссей. И, заметив недоуменные взгляды собеседников, пробормотал: — Ядерная зима. Если астероид — можно даже просто приличный кусок льда — грохнется в океан или на сушу, поднимется такой ураган мусора, что за пару-другую часов атмосфера охладится до шестидесяти — семидесяти градусов по Фаренгейту. А то и сильнее. Небо заволокут чёрные тучи. Ливень перейдёт в метель. Снег будет падать месяцы, годы, возможно, века. Планетарная теплица, с которой человечество сроднилось за последние полторы тысячи лет, превратится в гигантскую хоккейную площадку.

Метеор поменьше разорвал небосклон и упал где-то в северных лесах. В воздухе пахло гарью. Со всех сторон алели отблески далёких пожарищ. Ада впервые поняла, как чужд и неизведан этот привычный с детства мир. К примеру, что находится там, в чащах севера? Девушка ни разу не гуляла далее чем в паре миль от Ардис-холла, да и то всегда под надзором…

— А где войниксы? — спохватилась она.

Этого никто не знал. Ада с Одиссеем обошли особняк, наведались на поля и нижний луг, туда, где безмолвные охранники обычно стояли на

страже или расхаживали по периметру. Войниксы будто в воду канули. Стали вспоминать: их не видели с той минуты, как начался звёздный дождь.

— Радуйся, всё-таки твоя взяла, — неловко пошутила хозяйка.

Лаэртид покачал головой:

— Не нравится мне это.

— Ты же их на дух не переносил! Первого встречного вообще прикончил, забыл?

— Войниксы что-то замышляют, — помрачнел герой. — Чувствуют, близится их последний час…

— Как ты сказал?

— Забудь, Ада Ухр. — Он взял её ладонь и нежно похлопал.

«Словно родной отец», — подумала девушка и неожиданно для себя разревелась, как девчонка. Всё это время она вспоминала Хармана, своё смущение, злость — и вдруг… Перед лицом беды затея любовника уже не выглядела глупой или непристойной. Разве плохо, если ребёнок будет знать?.. Ада горько плакала, крепко сжимая руку Одиссея.

— Смотрите! — воскликнула Пеаэн.

К Ардис-холлу приближался метеорит — не

столь сияющий, как другие, но тоже с ярким хвостом, который скорее походил на настоящее пламя, а не на визжащую разогретую плазму. Процарапав на небе огненную дугу, он гулко упал, казалось, где-то за рядом деревьев над верхним лугом.

— Как близко! — вырвалось у девушки; сердце её бешено забилось.

— Это был не метеор, — произнёс Одиссей. — Стойте здесь. Я пройдусь и проверю.

— Я с тобой, — заявила Ада; Лаэртид открыл было рот, но она прервала его: — Это всё же моя земля.

В сгущающихся сумерках, среди тревожных зарниц они побрели рука об руку вверх по склону.

Долго искать в потёмках не пришлось. Ада заметила первой. Из леса появились две тощие бородатые фигуры. Один мужчина, совершенно обнажённый, нёс на руках ребёнка в ярко-синем костюме. Другой смахивал на ходячий скелет, а его грязная, порванная одежда — на некогда зелёную термокожу. Правая рука этого человека бессильно болталась окровавленной ладонью вперёд. Мужчины с трудом держались на ногах.

Одиссей взялся за рукоять меча.

— Нет! — воскликнула спутница и остановила его руку. — Это Харман! И Даэман!

Она бросилась к друзьям, рассекая мягкие волны луга.

Девяностодевятилетний заметно покачнулся. Грек махом преодолел расстояние в двадцать шагов, чтобы вовремя подхватить ношу из его рук, когда Харман всё же рухнул лицом в траву. Спустя мгновение ноги Даэмана тоже подкосились.

— Это Ханна, — сказал Одиссей, положил почти потерявшую сознание девушку на землю и пощупал пульс на шее.

— Ханна? — растерялась хозяйка особняка, глядя на лысую безбровую голову незнакомки.

Лишённые ресниц веки затрепетали, и вдруг из-под них блеснули глаза подруги.

— Привет, Ада, — прошептала та, что лежала на траве.

Кузина Даэмана опустилась на колено рядом с упавшим Харманом и помогла ему перевернуться на спину. Девяностодевятилетний попытался изобразить улыбку. Лицо любимого покрывали синяки и ссадины, на лбу и заострившихся скулах запеклась кровь, а кожа была слишком, неестественно бледна. Ввалившиеся глаза прожигали душу насквозь. Мужчину трясла жестокая ли-

хорадка, зубы выстукивали дробь, и всё-таки он проговорил:

— Я в порядке, милая. Боже, как я рад видеть тебя.

Даэман выглядел гораздо хуже. Ада никак не могла поверить: неужели эти же самые люди столь беззаботно и легко отправились в путешествие месяц назад? Собиратель бабочек зашатался, и кузине пришлось подхватить его под мышки, дабы тот не повалился ничком.

— А где Сейви? — спросил Одиссей.

Харман печально покачал головой. Он чересчур устал, чтобы заговорить снова.

— Калибан, — ответил за него молодой спутник, судя по голосу, постаревший за эти недели на двадцать лет.

Метеоритный дождь исподволь утихал. Грохот и вспышки уходили дальше на восток. Дюжины светящихся чёрточек ещё прожигали небеса, но теперь это скорее напоминало нежный звездопад тёплых августовских ночей.

— Давай-ка отведём их под крышу, — промолвил сын Лаэрта.

Он взял на руки Ханну и подставил плечо Даэману. Ада помогла Харману подняться на колени, потом встать на ноги, положила его правую руку

себе на плечи и чуть ли не понесла несчастного на себе вниз по темнеющему лугу навстречу огням Ардис-холла, вокруг которого верные ученики успели зажечь множество свечей.

— Не нравится мне твоя рука, — сказал Одиссей обитателю Парижского Кратера, когда вся четвёрка спустилась с холма и последователи отнесли Ханну в дом. — Надо будет распороть термокожу и как следует осмотреть.

Хозяйка особняка осторожно коснулась его раны; молодой мужчина застонал и едва не лишился сознания. Лишь сильное плечо греческого героя да ладонь Ады, вовремя поддержавшая необычайно узкую талию, не позволили ему упасть. Даэман закатил глаза, однако взор его снова просветлел. Раненый слабо улыбнулся кузине и продолжал идти.

— Ребята, с вами что-то серьёзное, — заметила хозяйка, чувствуя, как на глазах во второй раз за вечер закипают слёзы. — Может, сразу факсуете в лазарет?

Она так и не взяла в толк, почему это оба мужчины рассмеялись — сперва неуверенно и сипло, будто бы сквозь кашель, затем всё громче и, наконец, уже по-настоящему, от души, пока не сделались похожи на пьянчужек, упивающихся

собственным, непостижимым для других весельем.

63
Олимп

Олимп, величайший вулкан Марса, вздымается более чем на семнадцать миль над окружающими равнинами и новым океаном у подножия. Основание горы вытянуто более чем на четыреста миль. Зелёный пик возносится на высоту восьмидесяти семи тысяч футов — это почти три земных Эвереста. Белоснежные, покрытые льдом склоны кажутся залитыми кровью в лучах заходящего солнца.

Здесь, у северо-восточной подошвы, зубчатые скалы отвесно поднимаются на семнадцать тысяч футов. В этот марсианский вечер длинная тень Олимпа протянулась на восток чуть ли не к трём вулканам Фарсиды, что вырисовываются на туманном горизонте.

Высокоскоростной хрустальный эскалатор, который вился по склону, перерезан пополам — так ровно, будто бы над ним поработала гильотина. Мощное силовое поле из семи слоёв, созданное лично Зевсом — *Эгида,* — закрывает Олимпийский массив целиком, мерцая в лучах заката.

Сразу над скалами, там, где основание вулкана подходит к северному океану, созданному каких-то полтора столетия назад, тысяча с чем-то богов готовятся к войне. Сотня золотых колесниц, управляемых незримыми силовыми полями, а также видимыми парами горячих жеребцов, прикрывают с воздуха бескрайние толпы бессмертных и груды золотого оружия, собранные на высокогорьях и галечных пляжах далеко внизу.

Зевс и Гера возглавляют армию Олимпа. Божественная чета — каждый супруг под двадцать футов ростом — облачена в сверкающие доспехи, блистает начищенными щитами и оружием. Разумеется, снаряжение изготовлено самим Гефестом и прочими покровителями ремёсел. Всё, включая высокие шлемы царственной пары, оковано золотом, опутано микросхемами, упрочено усовершенствованными сплавами. Афина с Аполлоном временно отсутствуют в этих божественных фалангах, но все прочие здесь…

Афродита, прекрасная даже в боевых латах. На шлеме сияют драгоценные камни, колчан набит изящными хрустальными стрелами, полые наконечники которых содержат ядовитый газ.

Арес в шлеме с ярко-алым гребнем ухмыляется, предвкушая скорое кровопролитие. В руках у

него серебряный лук Аполлона и стрелы, самонаводящиеся на тепло человечьего тела. Эти всегда поражают без промаха.

Посейдон, Сотрясатель Земли, огромный, мрачный и могучий, он впервые облачился для войны за тысячи лет. Чтобы поднять огромный топор, что грозно покачивается в его левой длани, понадобилось бы десять человек, включая Ахиллеса.

Аид. Его лицо, латы и расположение духа ещё темнее, чем у Посейдона. Из глубоких глазниц боевого шлема опасно поблёскивают красные очи. По правую руку от господина стоит Персефона в лазурных доспехах; в тонких бледных пальцах заточенный титановый трезубец.

Гермес — стройный и ужасный, упакован в багряную броню и напоминает исполинского жука. В любую минуту намерен квант-телепортироваться на поле битвы, поубивать врагов и улетучиться прежде, чем человеческий глаз успеет заметить его появление.

Фетида. Божественные очи, запрятанные под шлем, алы от слёз. По первому требованию Громовержца мать готова прикончить собственного сына Ахилла.

Тритон выглядит безумно отважным в своих чёрных с зелёным отливом латах. Позабытый

всеми сатир из древних миров, любитель увлекать невинных детей в бездонную пучину и там разрывать их истерзанные маленькие тела на кусочки.

Златодоспешная Артемида в мечтах уже проливает галлоны людской крови: богине охоты не терпится отомстить за раны любимого брата, Аполлона.

Гефест облечён чистым пламенем с ног до головы. Предать огню смертных — вот его страстное желание.

Гигантские, закованные в латы, молчаливые боги, все до единого (кроме двух исцеляющихся), выстроились длинными рядами в сумрачной тени скал. Высоко над головами описывают круги летучие колесницы. И мерцает *Эгида* — как защитное, так и наступательное оружие невероятной силы.

На ничейной земле, там, где блистающая *Эгида* врезается в каменистую почву, лежат двадцатифутовые трупы керберидов. Двуглавые псы с зубами из хромированной стали и газохроматографическими масс-спектрографами в черепах недвижно валяются на скале. Чудовищ порешили Гектор и Ахилл, явившись на Олимп несколько часов назад.

Далее — обугленные руины казарм, в которых обитали схолиасты. За ними выстроилось воинство людей, нынче вечером их сто двадцать тысяч.

Рати Гектора, сорок тысяч храбрейших героев Илиона. Парис получил приказ оставаться в городе; старший брат возложил на него трудную обязанность — защищать дома и возлюбленных за стенами Трои. Моравеки раскрыли над крепостью силовое поле, хотя воины скорее полагаются на собственные медные копья и человеческую отвагу. Прочие военачальники здесь.

Подле Гектора виден верный брат главнокомандующего Деифоб, в его распоряжении десять тысяч отборных копьеборцев. Рядом с ним — Эней, бывший избранник Провидения, вынужденный теперь заново ковать своё счастье и судьбу. За фалангами Анхизида — благородный Главк с одиннадцатью тысячами свирепых ликийцев и полками колесничников.

Здесь же Асканий из Аскании, сокомандующий фригийского воинства, молодой капитан в коже и бронзе, глаза сверкают жаждой великой славы. Его четыре тысячи двести асканийцев только и ждут повеления оросить песок божественным ихором, раз уж в жилах противника нет ни капли

крови.

Вожди и советники Илиона, слишком престарелые и слишком ценные, чтобы идти на сечу, но всё же вооружённые до зубов и готовые сложить головы, если потребуется, сомкнули ряды в тылу воинства. Среди них, конечно же, владыка Приам в легендарных доспехах, изготовленных из руды доисторического метеорита, и седовласый Антенор, отец многих троянских героев, большинство из которых уже полегло в сражениях.

Антенора сопровождают почтенные братья Приама Ламп, Клитий и седобородый Гикетаон, до вчерашнего дня поклонявшийся Аресу и ценивший это божество сильнее всего на свете, а за ними — наиболее уважаемые старейшины Трои, Панфой и Фимет. В окружении старцев невозможно не заметить прекрасную Андромаху. Она не сводит взгляда с милого супруга. В своём яркоалом платье мать убитого Скамандрия, любовно прозванного Астианаксом, Владыкой города, похожа на живое воплощение горестной утраты.

Посередине трехмильной линии битвы возвышается пресветлый Ахилл, сын Пелея, мужеубийца, предводитель восьмидесяти тысяч ахейцев, проверенных в жестоких боях. Ходит молва, что он неуязвим. Нынче вечером Пелид пылает

сверхъестественной силой и нечеловеческой яростью, напоминая скорее бессмертного, чем кратковечного.

Справа от «быстроногого» оставлено пустое место — в память о дражайшем друге и соратнике Патрокле, по слухам, зверски умерщвлённом Афиной Палладой всего лишь сутки назад.

Чуть далее расположилась удивительная тройка — Агамемнон, Менелай и Одиссей. Атриды ещё не оправились после ужасного поединка, любовник Елены не способен поднять щит левой рукой, однако свергнутые военачальники решили не покидать товарищей в столь важный день. Лаэртид в глубокой задумчивости озирает как свои, так и неприятельские ряды, почёсывая подбородок.

Греческую армию возглавляют храбрейшие герои, уцелевшие за девять лет жестокой войны, на колесницах и пешие: Диомед, по-прежнему одетый в шкуру льва и размахивающий дубинкой размером с обычного человека; Большой Аякс, что возвышается над солдатами, как буйвол в овечьем стаде; Малый Аякс, предводитель профессиональных головорезов из Локра… На расстоянии полёта камня от них — великий копьеборец Идоменей со своими прославленными

критянами, а рядом, стоя в колеснице, выпрямился в полный рост могучий Мерион; сердцем он уже на поле жаркой брани, бьётся бок о бок с побочным братом Большого Аякса, лихим лучником Тевкром.

На правом, ближайшем к морю ахейском фланге ряды солдат поворачивают головы, чтобы увидеть старейшего из аргивских командиров, хитроумного смирителя коней Нестора. Пилосец намеренно расположил свои дружины в стороне от прочих. На своей приметной колеснице, запряжённой четвёркой лошадей, и в этом огненно-красном шлеме, он должен или первым погибнуть, или раньше всех прорвать оборону бессмертных. Рядом на сияющих повозках — бесстрашные сыновья почтенного старца: друг Ахилла Антилох и его более высокий и красивый видом брат Фразимед.

Здесь же можно увидеть сотню других полководцев, а под их началом ещё тысячи ратников, каждый из которых с гордостью носит как собственное имя, так и имя своего достойного отца, и собирается любой ценою ещё сильнее прославить их, пусть ради этого придётся навеки сойти в Царство Аида.

Справа от греческих фаланг беспорядочно

рассыпались по берегу несколько тысяч *зеков* — зелёных и молчаливых, как и всегда. Таинственные существа приплыли по океанским волнам на своих баржах, фелюгах и хрупких парусных судах. Зачем здесь МЗЧ, ведомо только им самим, да ещё, возможно, аватаре Просперо или неизвестному божеству Сетебосу. Ибо ни греки, ни троянцы, ни даже бессмертные боги не пытались заговорить с этими странными созданиями, безмолвно стоящими у края негромко плещущего прибоя.

Примерно в полумиле от них пылают в лучах марсианского заката распущенные паруса, и начищенные вёсла в уключинах ловят яркие блики золотого моря. Более сотни ахейских кораблей ощетинились острыми пиками, на палубах сияют щиты, пышут жаром тридцать тысяч боевых шлемов с жёлтыми, алыми, пурпурными, синими гребнями.

Меж крутыми боками судов рассекают позолоченные волны три чёрных перископа и заострённые плавники военных подлодок Пояса, управляемых моравеками.

Парой миль далее растянулась пехота моравеков — двадцать семь тысяч наземных воинов в чёрных доспехах, с лапами как у жуков, лёгкое и

тяжёлое вооружение в избытке. Артиллеристские батареи роквеков, силовые и баллистические, установлены аж в пятнадцати километрах от линии фронта, стволы направлены на Олимп и несметную армию бессмертных. В небесах надо всеми ратями людей и моравеков курсирует авиация из ста шестнадцати «боевых шершней»: некоторые специально настроены на полную невидимость, другие дерзко сохранили первоначальную черноту. В космосе, если верить словам прибывших с Пояса моравеков, кружат шестьдесят пять военных кораблей, причём орбита одних лишь на волосок шире марсианской атмосферы, другие же летают в миллионах миль от Фобоса и Деймоса. Предводитель моравеков Пояса только что доложил моравеку с Европы Манмуту, а тот перевёл Ахиллесу и Гектору, о полной готовности всех видов бомб, снарядов, силовых полей и энергетических пушек на каждом из кораблей. На античных героев данный рапорт на произвёл никакого впечатления.

Неподалёку от Пелеева сына, по правую руку от Одиссея и Атридов, но чуть в стороне видны Манмут, Орфу и Томас Хокенберри, доктор филологии, облачённый в форму троянского пехотинца. Нельзя не заметить, как захватывает

его всё происходящее, однако в то время, когда тысячи воинов благородного Ахилла недвижно замерли в ожидании приказа, схолиаст нервно переступает с ноги на ногу.

— Чего ты топчешься? Проблемы? — шепчет маленький робот по-английски.

— У меня какая-то дрянь в трусах ползает, — шипит Хокенберри в ответ.

И вот обе армии собраны. Последние силы — человеческие и бессмертные — подтянуты и приведены в боевой порядок. Воздух наполняет жуткая тишина. Лишь только волны медленно накатывают с шелестом на галечный пляж да марсианский бриз слабо посвистывает между скал, еле слышно проносятся по небу летучие колесницы, негромко гудят «шершни», кое-где всхрапывает конь или случайно бряцают бронзовые доспехи воина, слегка переменившего позу. Самый мощный и вездесущий звук создают десятки тысяч возбуждённых людей, которые внезапно утратили умение ровно дышать.

Великан Зевс выступает вперёд, его божественное тело с лёгкостью прорезает *Эгиду*, будто струи водопада.

Ахиллес шагает на ничейную землю и дерзко глядит в лицо отцу бессмертных.

— МОЖЕТ, СКАЖЕТЕ ЧТО-НИБУДЬ НАПОСЛЕДОК, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИСТРЕБИТСЯ ВЕСЬ ВАШ РОД? — спрашивает бог будничным тоном, но столь громогласно, что слова достигают самых отдалённых концов поля брани, отчётливо раздаваясь даже на крутобоких ахейских судах.

Пелид выдерживает паузу, оборачивается на свои бесчисленные рати, устремляет взор на Олимп и несметные вражеские полчища, затем запрокидывает голову и снова глядит на исполина Кронида.

— Сдавайтесь без боя, — изрекает Ахиллес, — и мы пощадим ваших богинь. Лишние рабыни и наложницы нам не помешают.

64
Ардис-холл

Даэман проспал два дня и две ночи. Несколько раз он в полузабытьи позволял Аде накормить себя бульоном или Одиссею — побрить и выкупать изможднное тело, однако ни говорить, ни слушать сил у него не было. Метеоритный дождь возобновлялся и на следующий вечер, и потом ещё раз, но рёв и грохот в небесах не потревожили глубокого сна. Мужчина не пробудился, даже когда на поле, где учил Лаэртид, со скоростью в тысячи миль в час врезался небольшой космический обломок; на месте удара остался кратер пятидесяти футов в поперечнике и девяти футов глубиной, а уцелевшие северные окна особняка лишились последних стёкол.

Утром третьего дня Даэман открыл глаза. Ада сидела на краешке кровати — её собственной, как выяснилось позже. Одиссей стоял в дверном проёме, скрестив на груди руки.

— Добро пожаловать, Даэман Ухр, — негромко сказала хозяйка.

— Спасибо, Ада Ухр, — прохрипел тот; казалось,

три коротких слова потребовали от него невероятных усилий. — Харман?.. Ханна?..

— Обоим уже лучше, — откликнулась девушка, и молодой коллекционер впервые разглядел, какие у неё чудесные зелёные глаза. — Харман встаёт с постели. Сейчас он завтракает внизу. Ханна греется на солнышке крыльца. Она заново учится ходить.

Больной кивнул и смежил веки. Вот бы не разлеплять их, скорее предаться спасительному забвению, где растворяются мучения! Правую руку нестерпимо жгло и кололо.

Внезапно глаза Даэмана распахнулись. Ну конечно! Пока он находился в беспамятстве, друзья отрезали нездоровую конечность, а его страдания — простые фантомные боли, чтоб им!..

Мужчина в ужасе сдёрнул одеяло.

Багровая, распухшая, изрезанная шрамами рука оказалась на месте. Рваные края шрама, оставленного зубами Калибана, соединяла суровая нить. Даэман попытался шевельнуть кистью, подвигать пальцами, но тут же откинулся на подушки, судорожно ловя воздух ртом. Впрочем, попытка удалась.

— Кто?.. — просипел путешественник, слегка отдышавшись. — Сделал… швы? Сервиторы?

Дикарь-великан шагнул ближе к кровати:

— Это я зашивал.

— Сервиторы больше не работают, — вставила девушка. — Причём нигде. Факс-узлы ещё действуют, так что новости поступают отовсюду. Роботы поломались. А войниксы исчезли.

Наморщив лоб, молодой мужчина попытался вникнуть в смысл сказанного и всё же не сумел. В комнату вошёл Харман, опираясь на прогулочную трость, как на костыль. А товарищ-то решил сохранить бороду, разве что слегка привёл в порядок, заметил про себя обитатель Парижского Кратера. Девяностодевятилетний присел на кровать и пожал больному левую руку. Тот ответил на пожатие, после чего на минуту прикрыл глаза. Когда они снова открылись, взгляд затуманила влага. Наверное, это от усталости.

— Метеоритные дожди слабеют с каждым вечером, — произнёс вошедший. — Однако бывают и несчастные случаи. Смерти. В одном Уланбате больше сотни.

— Смерти? — переспросил Даэман, впервые за долгие годы постигая истинное значение этого слова.

— Придётся вам заново научиться погребальному обряду, — сказал Одиссей. — Забудьте о факсе

на орбитальные кольца и беззаботной вечности в компании «постов». Люди опять хоронят мёртвых и заботятся о раненых.

— Париж… Кратер… — выдавил молодой мужчина. — Мама?..

— Жива и невредима, — поспешила отозваться Ада. — Твой город не затронуло. Она переслала письмо с одним из беженцев: сама боится факсовать без крайней необходимости. Как и многие в наши дни, она ждёт, пока всё не уладится. Знаешь, ведь на планете вырубился весь ток.

— А почему тогда факсы работают? — удивился Даэман. — И где войниксы? Что происходит?

Харман пожал плечами:

— Нам известно лишь одно: конца света, как выражался Просперо, в ближайшее время не предвидится. Будем рады и этому.

Кузен Ады рассеянно кивнул. Так значит, всё это не пригрезилось ему и Просперо, Калибан, гибель Сейви — не порождение пустого кошмара? Собиратель бабочек пошевелил правой рукой: жгучая боль ответила на его вопрос.

И вот появилась Ханна. На девушке была простая белая сорочка, на голове пробивался лёгкий пушок, глаза смотрели более живо и даже более человечно, чем когда-либо. Ханна подошла к по-

стели, осторожно склонилась, боясь потревожить руку больного, и крепко поцеловала его в губы.

— Спасибо, Даэман, — промолвила она, окончив поцелуй. — Спасибо. — И протянула ему крохотную незабудку, сорванную на лужайке.

Мужчина неловко зажал цветок пальцами левой ладони.

— Всегда пожалуйста. А мне понравилось целоваться.

И это была истинная правда. Величайший соблазнитель в мире почувствовал себя мальчишкой на первом свидании.

— Странно, — произнесла гостья и, разжав другую руку, показала друзьям скатанную в ролик повязку. — Сегодня нашла под старым дубом туринскую пелену, хотела посмотреть… Даже они теперь не работают.

— А может, история окончена, — высказался Харман, однако на всякий случай приложил микросхемы ко лбу, прежде чем выбросить ненужную повязку. — Что, если война завершилась?

Одиссей, залюбовавшийся на синее небо и луг за окном, при этих словах повернулся к товарищам:

— Сомневаюсь. По-моему, настоящая битва только начинается.

— Разве ты что-нибудь знаешь о туринской драме? — удивилась Ханна. — Ты же никогда…

Могучий грек развёл руками:

— Честно сказать, это мы с еврейкой распространили среди вас пелены. Лет десять назад, когда я привёз оригинал из… далека.

— Зачем? — полюбопытствовал Даэман.

— Затем, что грядёт война. Земляне должны были проникнуться её ужасами и красотой. А ещё постичь судьбы героев драмы — Ахиллеса, Гектора, прочих… Даже мою.

— Мы в сражениях не участвуем, — вмешалась Ада.

Сын Лаэрта вздохнул:

— Придётся. Пока что передовая далеко, но и до вас докатится. Бои вовлекут каждого, желаете вы того или нет.

— Мы не умеем воевать, — возразила девушка. — И не собираемся учиться.

— Около шести десятков людей, бывших со мной, кое-что узнали. Когда настанет время сражений, ученики сами решат, как поступить. У человека всегда есть выбор. Да, Харман, — спохватился он. — Ты не поверишь, однако я починил ваш соньер. Ещё семь или десять дней, и мы поднимем его в воздух.

— Не хочу смотреть на войну, — заявила хозяйка Ардис-холла. — И биться не хочу.

— Ты совершенно права, — отозвался Одиссей.

Девушка склонила голову, борясь с подступившими слезами. Даэман коснулся хрупкой ладони, а потом вложил в руку Ады подаренную незабудку. И тут же забылся сном.

Пробудился мужчина уже в темноте. На кровати сидела облитая лунным сиянием фигура. *Калибан!* Даэман порывисто вскинул правый кулак. От боли перед глазами заплясали искры.

— Тише, — проговорил Харман, бережно укладывая перевязанную руку на место. — Успокойся, дружище.

Молодой мужчина отчаянно хватал ртом воздух, пытаясь удержать в желудке остатки еды:

— Я думал, это…

— Знаю, — промолвил ночной гость.

Даэман сел на постели:

— Как полагаешь, он умер?

Тень покачала головой:

— Кто скажет наверняка? Я тут тоже… размышлял обо всём. О них обоих.

— В смысле? Это ты про Сейви? Она…

— Нет. То есть я часто её вспоминаю, но… Речь о Просперо. Помнишь, да? Голограмма, «переза-

пись эха» и всё в этом роде?

— Ну?

— Думаю, он был *настоящим*, — еле слышно шепнул Харман и склонился ближе. — Сдаётся мне, город на астероиде (Просперо звал его «мой остров») на самом деле являлся тюрьмой мага. Туда же заточили и Калибана.

— Кто заточил? — выдохнул собеседник.

Девяностодевятилетний выпрямился и смущённо потёр лоб:

— Не знаю. Ни хрена я не знаю.

Даэман кивнул:

— Как и любой из нас. Долго же мы не понимали этой простой истины. Верно, дружище?

Гость рассмеялся. Но когда он заговорил, веселья в голосе не осталось и в помине:

— Боюсь, мы выпустили их на волю.

— Их? — прошептал молодой мужчина. В миг прозрения его словно бы окатило ледяным душем. — Калибана и Просперо.

— Да.

— Или всё-таки прикончили, — процедил Даэман.

— Да. — Харман встал и похлопал товарища по плечу. — Пойду я, отдыхай. Спасибо, дружище.

— За что?

— Спасибо.

И гость покинул комнату.

Больной изможденно откинулся на подушки, но сон оставил его. За треснутым окном стрекотали сверчки, кричали птицы, названий которых мужчина никогда не знал, в маленьком пруду за домом квакали лягушки, вечерний бриз шелестел в кронах деревьев. И вдруг Даэман понял, что улыбается от уха до уха.

«М-да. Если Калибан жив, это, конечно, позор и ужас. Но ведь и я ещё не умер!»

Подумав так, он забылся чистым сном без видений до самого утра, пока Ада не принесла завтрак — первый настоящий завтрак за долгих пять недель.

Четыре дня спустя Даэман одиноко гулял по саду в чудесной прохладе вечера, когда Харман, Ада, Ханна, Одиссей, Петир и Пеаэн спустились по склону, чтобы присоединиться к мужчине.

— Соньер готов, — сообщил сын Лаэрта. — Подняться по крайней мере сможет. Хочешь посмотреть на пробный полёт?

Собиратель бабочек пожал плечами:

— Вообще-то не очень. Меня интересует другое: зачем вам потребовался диск?

Грек переглянулся с друзьями:

— Для начала надо разведать, сильно ли метеоритные дожди повредили окрестностям. И просто хочу проверить: донесёт ли меня эта штука до побережья и назад?

— А если нет? — поинтересовался Харман.

Герой из драмы беспечно хмыкнул:

— Отправлюсь домой пешком.

— Где же он, твой дом? — спросил Даэман. — И когда ты туда попадёшь?

Одиссей улыбнулся, хотя глаза его наполнила бесконечная грусть.

— Если б вы только знали, — тихо промолвил он. — Если б вы только знали.

Варвар повернулся и пошагал к особняку в компании Ханны и пары молодых учеников.

Харман и Ада остались, чтобы прогуляться с другом.

— Что он задумал? — осведомился Даэман. — Только честно.

— Решил поискать войниксов, — ответил девяностодевятилетний.

— А потом?

— Трудно сказать.

Прогулочная трость, без которой Харман уже вполне мог обходиться, настолько приглянулась ему, что мужчина по-прежнему расхаживал с

нею повсюду. Сейчас он сбивал концом трости верхушки сорняков, что пробились на цветочных клумбах.

— Никак руки не дойдут до прополки, — посетовала хозяйка Ардис-холла. — Раньше всё делали сервиторы, а теперь на мне стирка, готовка и ещё много всякого.

— Да, трудно нынче сыскать хорошего помощника, — почему-то рассмеялся девяностодевятилетний и обнял Аду за талию.

Девушка одарила его многозначительным, ясным только для этих двоих взглядом.

— Солгал я, — сознался вдруг Харман. — Одиссей вознамерился найти логово войниксов и напасть, пока твари не наделали бед.

— Так я и думал, — откликнулся Даэман.

— Да только эта война, по его словам, лишь разминка перед *другой,* большой, — продолжал собеседник, посматривая в сторону белого особняка на холме.

— И когда же наступит та, другая?

— Говорит: мы сами поймём. Откроются, мол, круглые дыры в небесах и принесут нам иные миры или нас — к ним. Спятил.

— Вовсе нет, — возразил обитатель Парижского Кратера.

— И ты пойдёшь на битву? — произнёс девяностодевятилетний устало, словно уже не раз задавался тем же вопросом.

— Только когда иначе будет нельзя. Пока что у меня дела поважнее.

— Конечно, — закивал товарищ, — конечно.

Тут он чмокнул Аду в щёку, сказал, что подождёт её дома, и, слегка прихрамывая, побрёл вверх по склону.

Внезапно силы оставили молодого мужчину, и он с наслаждением опустился на деревянную скамейку — якобы полюбоваться просторным видом на нижний луг и тенистую речную долину. Впрочем, и для этого тоже. Девушка присела рядом.

— Вы с Харманом понимаете друг друга с полуслова, — заметила она. — А я нет. Что за важные дела?

Собиратель бабочек неуютно поёжился; говорить на эту тему не хотелось.

— Даэман?

По её тону он догадался: девушка не уйдёт, пока не добьётся ответа, а подниматься самому со скамейки сил уже не было.

— Есть такое место — Иерусалим, — с неохотой начал мужчина. — По ночам там светится большой голубой луч. В нём заключены люди Сейви.

Много, девять с лишним тысяч евреев, что бы сие странное слово ни означало.

Ада недоуменно изогнула брови. Даэмана осенило: она же ничего не слышала об их путешествии. Люди ещё только пытались возродить изящное искусство рассказа. Истории помогали скрасить вечера, заполненные мерцанием свечей и мытьём грязной посуды.

— Прежде чем война, обещанная Одиссеем, докатится сюда, — негромко, но твёрдо произнёс обитатель Парижского Кратера, — прежде чем у меня не останется другого выбора, кроме как ввязаться в неведомую битву, я спасу всех этих людей из дурацкого луча.

— Как? — только и промолвила девушка.

Кузен залился искренним смехом, которому тоже научился совсем недавно:

— Будь я проклят, если знаю.

Он с трудом поднялся на ноги, качнулся, позволил Аде поддержать себя, и они пошли бок о бок вверх по зелёному холму. Хотя до ужина оставался ровно час, ученики Одиссея уже зажигали свечи на столе под старым дубом. Собиратель бабочек припомнил: сегодня его очередь помогать на кухне. Кстати, какое там готовится блюдо?

«Салат, надеюсь. Он легче…»

— Даэман? — Ада вдруг остановилась и испытующе посмотрела на мужчину.

Тот прямо ответил на её взгляд, понимая, что эта девушка никогда не разлюбит Хармана, и почему-то от души радуясь за них обоих. Может, стоило винить страшную усталость и раны, однако прославленного ловеласа больше не тянуло переспать с каждой встречной красавицей. Впрочем, много ли он их повстречал за последние дни?

— Даэман, как тебе это удалось?

— Что удалось? — переспросил он.

— Убить Калибана.

— Не уверен, что он мёртв, — покачал головой мужчина.

— Но ты *побил* его, — почти сердито заспорила кузина.

— У меня было секретное оружие, — усмехнулся собеседник.

«А ведь это чистая правда», — внезапно дошло до него.

— Какое?

Длинные вечерние тени мягко ложились на пологий склон. Небосвод казался покойным и ясным, но Даэман отчётливо видел тёмные тучи, что сгущались на горизонте за спиной девушки.

— Ярость, — проговорил он наконец. — Просто ярость.

65
Индиана, 1200 г. до н. э

Недели через три после начала этой последней войны, призванной — без дураков! — положить конец всем войнам, я кручу диск своего старого медальона и телепортируюсь на противоположную сторону мира. Найтенгельзер ожидает возвращения друга, а я люблю держать слово, когда это возможно. Из полночной Илионской долины, где в одной из новых ставок-бомбоубежищ совещаются уцелевшие военачальники Ахиллеса, Томас Хокенберри, почти не думая — тем более что вскоре любые квит-перемещения навеки отойдут в историю — мгновенно переносится на холмы доисторической Северной Америки. Боже, как непривычно: в глаза бьёт ослепительный свет, а под ногами стелется мягкая трава. В окрестностях Илиона её почти не осталось, а на кровавых марсианских равнинах и подавно.

Спускаюсь по склону к реке и бреду к лесу, наслаждаясь сиянием и мирной тишиной здешнего утра. Никаких взрывов, предсмертных воплей, боевых кличей, конского ржания, не надо поми-

нутно ждать появления свирепых Олимпийцев. Сперва я ещё беспокоюсь по поводу индейцев, но потом разражаюсь хохотом. Подумаешь! Конечно, непробиваемые доспехи остались в прошлом, Шлем Аида и вибрас тоже исчезли, однако латы из бронзы и твердопласта проверены в жестоких сечах и на деле доказали свою надёжность. К тому же на поясе качается меч, за плечами лук, и я прекрасно знаю, как ими пользоваться. Правда, если налечу на Патрокла, если тот каким-либо образом вооружился и если до сих пор не подобрел — а на окаянного ахейца это не очень-то похоже, — я бы не торопился ставить свои деньги *против* Менетида.

Плевать. Как говорит Ахиллес, а может, центурион-лидер Меп Эхуу, кишка тонка — славы не жди.

— Эй, Найтенгельзер! — ору я. — Кейт!

Звать приходится долго. И лишь через час я обнаруживаю коллегу, случайно наткнувшись на поселение индейцев на опушке, в полумиле от того места, куда квитнулся поначалу. Шесть незатейливых вигвамов, построенных из веток, листвы и, кажется, дёрна, окружают яркий бивачный костёр. При моём появлении оглушительно лают псы, женщины визжат и подхватывают на

руки малышей, а шестеро коренных американцев метят в нежданного гостя из луков.

У меня собственный кедровый лук, изготовленный искусными мастерами в далёком Аргосе, и собственноручно сделанные стрелы не уступают ему по красоте. Молниеносным, отработанным движением извлекаю оружие и нацеливаюсь на противников, готовый уложить всех, пока их глупо заточенные палочки будут отскакивать от моих доспехов. Главное, чтобы не попали в лицо или в глаз. Или в глотку. Или…

Бывший схолиаст Найтенгельзер, одетый в такую же звериную шкуру, что и стройные индейцы, расталкивает их и громко, отрывисто кричит. Воины хмуро опускают луки. Осторожно следую их примеру.

Кейт ковыляет ко мне.

— Чума тебя возьми, Хокенберри, какого дьявола ты тут делаешь?

— Э-э-э… Спасаю тебя, а что?

— Ладно, не шевелись.

Он снова обращается к мужчинам на непонятном наречии, после чего добавляет на классическом греческом:

— И пожалуйста, подождите, не подавайте пока жареную собаку. Я на минутку.

Он берёт меня за локоть и уводит к реке, подальше от поселения.

— Греческий? — спрашиваю я. — Жареная собака?

— У них слишком примитивный язык, — отмахивается коллега, игнорируя второй вопрос. — Без стакана и не разберёшь. Проще было выучить их всех *нормальной* речи.

Я хохочу во всё горло: мне вдруг представляются археологи далёкого будущего, которые обнаружат при раскопках доисторического посёлка в Индиане осколки посуды с изображениями эпизодов Троянской войны. Вот бы взглянуть на их лица!

— Что смешного? — интересуется Найтенгельзер.

— Да так…

Присаживаемся на жёсткие камни у реки, начинаем беседу.

— Как там война? — спрашивает Кейт.

Он почти избавился от лишнего веса и, кстати, выглядит совершенно здоровым и довольным жизнью. А я ощущаю себя и, должно быть, смотрюсь усталым и угрюмым.

— Смотря какая война. У нас уже новая.

Немногословный, как всегда, Найтенгельзер

всего лишь вопросительно поднимает бровь.

Вкратце рассказываю о последних событиях. Кое-какие подробности приходится опускать: уж очень не хочется биться в рыданиях на глазах у старого приятеля-схолиаста. Тот невозмутимо слушает несколько минут, после чего произносит:

— Брешешь ведь.

— Нет, не брешу. Стал бы я такое выдумывать? Смог бы?

— Вообще-то верно, — кивает он. — Никогда не замечал за тобой ни капли воображения.

Морщусь, но не отвечаю.

— Ну и что ты намерен делать? — продолжает товарищ.

Пожимаю плечами:

— Для начала тебя выручу.

Коллега подавляет смешок:

— Послушать твои басни, так из нас двоих помощь нужна вовсе не мне. С какой стати возвращаться в тот мир, который ты здесь живописал?

— Ну… из профессионального любопытства.

— Моим предметом была «Илиада», если помнишь. А её больше нет. — Он задумчиво потирает щёки. — Неужели это возможно — осадить

Олимп?

— Ахиллес и Гектор нашли способ. Знаешь, мне уже пора. Ты со мной? Потому что я вряд ли когда-нибудь вернусь.

Большой Кейт качает головой:

— Я остаюсь.

— Пойми же, — на всякий случай, испугавшись, что английский начал выветриваться из его мозгов, я перехожу на греческий и растягиваю слова. — Тут тоже небезопасно. Дело в этой битве. Если человечество проиграет, то вся Земля…

— Да-да, у меня ещё есть уши, — перебивает Найтенгельзер. — Я остаюсь.

Мы встаём. Прикасаюсь к медальону. Рука опускается.

— У тебя появилась женщина, — говорю я.

Схолиаст разводит руками.

— Фокусы с тазером, вибрасом и прочими игрушками произвели впечатление на клан. По крайней мере парни прикинулись изумлёнными. — Он улыбается в своей собственной, ироничной манере. — Видишь ли, племя очень маленькое, а вокруг на сотни миль ни души. Генетическое болотце, так сказать. Людям срочно требуется прилив свежей ДНК.

— Тогда удачи тебе. — Я вновь берусь за меда-

льон, однако на ум приходит ещё один вопрос. — Эй, а где же вибрас? И тазер?

— А всё отобрал Патрокл.

Мгновенно озираюсь через плечо, хватаясь за рукоять меча.

— Успокойся, он давно убрался.

— Куда это?

— Вроде бы сказал, что спешит на помощь Ахиллу. Потом спросил, где Илион. Я указал на восток. Герой ушёл, и больше мы не встречались.

— Господи. Не удивлюсь, если сейчас наш друг-ахеец переплывает Атлантику.

— С него станется.

Кейт протягивает ладонь, и я трясу её. Странное, но приятное чувство, ведь я уже многие недели по античному обычаю пожимал только предплечья.

— Прощай, Хокенберри. Не думаю, что мы ещё свидимся.

— Похоже на то. Прощай, Найтенгельзер.

Остаётся повернуть диск, однако тут схолиаст — бывший, конечно, — касается моего плеча.

— Хокенберри? — Он резко отдёргивает руку, боясь нечаянно телепортироваться за компанию. — Скажи, Илион по-прежнему стоит?

— О да. Илион цел и невредим.

— Мы всегда знали, что будет дальше, — медленно произносит Кейт. — Целых девять лет. Почти безошибочно. Мы всегда знали, как поступит тот или иной бог. Кто из людей погибнет и когда. Кто уцелеет.

— Ага.

— Вот ещё почему я хочу быть здесь, с нею. — Найтенгельзер смотрит мне в глаза. — Каждый час, каждый день, каждое утро мне неизвестно, как повернётся судьба. И это великолепно.

— Понимаю.

Я и в самом деле понял.

— А ты догадываешься, как пойдут события? Там, в твоём новом мире?

— Шутишь, Кейт. — Ловлю себя на том, что широко ухмыляюсь, радостно и пугающе. Внешнее благообразие схолиаста и учёного безвозвратно кануло в Лету. — Но, веришь ли, я с большим удовольствием это выясню.

Поворот диска, и Томас Хокенберри исчезает.

Олимп

Этот роман посвящён Гарольду Блуму, который своим отказом сотрудничать в эту Эпоху Возмущения доставил мне несказанное удовольствие. Откуда Гомер всё это знал? Во время тех событий он был верблюдом в Бактрии!

Лукиан. «Сон»

Подлинная история жизни на Земле, в конце концов, сводится к истории воистину беспощадных сражений. Собратья, враги и собственные страсти никогда не оставят человека в покое.

Джозеф Конрад. «Заметки о жизни и литературе»

Но пусть вовеки не сгорит
Разрушенная Троя,
И Лая гнев не омрачит
Счастливого покоя, —
Хотя бы Сфинкс и стал опять

Свои загадки задавать.

А если и грозит закат,
То новые Афины
Лучом последним озарят
Иных времён равнины
И, как вечерняя заря,
Погаснут, землю одаря.

Перси Биши Шелли. «Эллада»[31]

[31] notes: 31
Пер. К. Чемена. — Здесь и далее примеч. пер.

Часть 1
1

Елена Троянская пробуждается перед самым рассветом от воя сирен воздушной тревоги. Дочь Зевса ощупывает подушки на постели, однако её нынешний любовник, Хокенберри, опять исчез, ускользнул в ночи, пока спали слуги. Вот так он всегда — ведёт себя так, словно сделал нечто постыдное. Наверняка пробирается прямо сейчас в свои покои по глухим аллеям и закоулкам, на которых еле чадят факелы. Всё-таки Хокенберри — удивительный и несчастный человек, думает Елена. И вдруг она вспоминает.

«Мой муж мёртв».

Это событие — гибель Париса в поединке с безжалостным Аполлоном — произошло девять дней назад. Великая тризна с участием не только троянцев, но и ахейцев начнётся часа через три, если божественная колесница, что кружит над городом, за несколько минут не разрушит Илион до основания, — но Елене всё ещё трудно поверить в уход супруга. Неужто Парис, Приамов сын, пал на поле битвы? Парис покинул этот мир? Парис

без всякого вкуса или изящества низвержен в сумрачные пещеры Аида? Непостижимо. Ведь это же *Парис*, прекрасный ребёнок-мальчишка, похитивший её у Менелая, преодолев стражу и зелёные луга Лакедемона. Нежнейший из любовников даже после долгой, изматывающей, десятилетней войны. Тот, кого Елена величала про себя не иначе как своим «неудержимым, раскормленным в стойле жеребцом».

Покинув постель, женщина идёт к внешнему балкону и раздвигает невесомые занавески, чтобы окунуться в предутренний свет Илиона. Сейчас середина зимы, и мраморный пол холодит босые ноги. В сумеречном покуда небе можно разглядеть, как сорок или пятьдесят прожекторов шарят в поисках богов, богинь и их летающих колесниц. От приглушённых плазменных взрывов содрогается установленное моравеками энергетическое поле в форме купола, прикрывающее город. Внезапно по всему периметру защитных укреплений Илиона выстреливают вверх бесчисленные лучи — ослепительные снопы цвета лазури, изумрудов, свежей крови. На глазах Елены одиночный, но мощный взрыв сотрясает северную часть города; ударная волна раскатывается эхом среди уходящих в небеса башен Илиона

и стряхивает длинные тёмные локоны с плеч красавицы. В течение последних недель боги пробивают силовой щит физическими бомбами в одномолекулярных оболочках при помощи квантовой фазотрансформации. По крайней мере так разъясняли ей Хокенберри и забавное железное существо по кличке Манмут.

Елене Троянской плевать на высокие технологии.

«Парис мёртв». Мысль попросту не укладывается в голове. Виновница войны готовилась погибнуть вместе с ним в тот день, когда ахейцы под предводительством её бывшего мужа, Менелая, разрушат городские стены, что казалось неизбежным согласно пророчествам её подруги Кассандры, убьют всякого взрослого мужчину и мальчика, обесчестят женщин и уволокут их в рабство на греческие острова. Вот *какого* дня ждала Елена, думая принять лютую смерть от собственной руки, а может, от меча обманутого супруга. И почему-то она никак не представляла себе, что её дорогой, самовлюблённый, богоподобный Парис, её неудержимый жеребец, её красавец-воин, уйдёт из жизни первым. Девять с лишним лет осады и славных сражений убедили Зевсову дочь в том, что боги сохранят ненагляд-

ного мужа невредимым от любой беды, всегда возвращая его на брачное ложе. Так они и поступали. А теперь — убили Париса.

Невестка Приама припоминает последний раз, когда она видела троянского супруга. Десять дней тому назад он покидал город, спеша на поединок с Аполлоном. Никогда ещё Парис не выглядел столь уверенно в элегантных доспехах из блистающей бронзы, с откинутой гордо головой, долгой, точно у жеребца, гривой из льющихся по плечам волос и сияющей улыбкой, обращённой к Елене и тысячам троянцев, что, ликуя, взирали на него со стены у Скейских ворот. Быстрые ноги уверенно несли его «навстречу неувядаемой славе», по выражению любимого царского аэда. Впрочем, в тот день они влекли хозяина прямо к погибели от рук разъярённого Аполлона.

«И вот он умер, и если верить подслушанным пересудам, тело его обожжено и покалечено сверх меры, кости сокрушены, безупречный золотой лик превращён огнём в бесстыжую оскаленную маску, синие очи расплылись по глазницам тягучей колёсной мазью, клочья зажаренной плоти повисли на обгорелых скулах, словно… словно… *начатки*— первые закопчённые куски жертвенного мяса, которые швыряют с алтаря на землю,

признав их негодными».

Женщина зябко ёжится на холодном рассветном ветру, глядя, как над крышами курится дым. На юге, со стороны ахейского лагеря, взмыли с рёвом вдогонку отступающей колеснице три зенитные ракеты. Дочь Зевса успевает заметить эту колесницу — короткую, яркую, точно утренняя звезда, вспышку, вслед за которой уже тянутся выхлопные ленты греческих снарядов. Блестящее пятнышко без предупреждения пропадает из виду, и небо пустеет. «Удирайте на свой осаждённый Олимп, жалкие трусы», — злорадствует Елена Троянская.

Звучат сирены отбоя. Улица под балконом в особняке Париса поблизости от разгромленного Приамова дворца вдруг заполняется бегущими людьми: команды с вёдрами торопятся на северо-запад, туда, где к зимнему небосводу по-прежнему тянется дым. Над крышами гудят летающие машины, более всего похожие на хитиновых чёрных шершней с колючими шасси и крутящимися на шарнирах прожекторами. Некоторые моравеки, как она знает по опыту и полуночным объяснениям Хокенберри, запоздало полетят «прикрывать город с воздуха», другие помогут загасить пламя. А потом будут несколько

часов заодно с людьми вытаскивать из-под завалов изувеченные тела. Елена, которой знакомо в городе едва ли не каждое лицо, прикидывает, чьи же души перенеслись в бессолнечный Аид, едва дождавшись утра.

«Утра поминальной тризны по Парису. По моему милому. Моему глупому, обманутому любимому».

Начинают ворочаться служанки. На пороге спальни возникает самая старая из них — Эфра, мать царственного Тезея, бывшая афинская правительница, увезённая братьями Елены в отместку за похищение сестры.

— Сказать девушкам, чтобы приготовили ванну, госпожа? — спрашивает она.

Невестка Приама кивает. Ещё с минуту она смотрит в яснеющее небо. Дым на северо-западе густеет, а затем понемногу рассеивается, по мере того как пожарные команды с помощью моравеков расправляются с пламенем. Боевые шершни роквеков без всякой надежды продолжают погоню за квант-телепортировавшейся колесницей. Проводив их беглым взглядом, Елена Троянская разворачивается и возвращается в покои, шурша босыми ступнями по холодному мрамору. Пора как следует подготовиться к погребальному обря-

ду и встрече с обманутым супругом после десяти лет разлуки. Кроме того, это первое публичное собрание, на которое одновременно явятся Гектор, Ахиллес, Менелай и Елена, а также многие другие троянцы наравне с ахейцами. Мало ли что может случиться.

«Одним богам известно, чем кончится этот ужасный день», — думает дочь Зевса. И, несмотря на печаль, не может сдержать улыбки. В последнее время все до единой молитвы остаются без ответа. Настали дни, когда бессмертные вспоминают о кратковечных, только чтобы своими божественными руками сеять на земле ужас, погибель и страшные разрушения.

Елена Троянская отправляется принимать омовение и одеваться для выхода.

2

Рыжевласый Менелай в лучших доспехах молча, недвижно, гордо выпрямив спину, стоял между Одиссеем и Диомедом в первом ряду ахейской делегации героев, приглашённых в Илион на погребальный обряд в честь его главного врага, этого поганого женокрада, хренова сына Приама, свинячьего козла Париса. Стоял и размышлял,

как и когда ему вернее прикончить Елену.

Особых сложностей не предвиделось. Виновница войны маячила на той стороне широкой дороги, взирая на ахейских гостей со стены, точнее, с царской смотровой площадки рядом со старым Приамом. Подумаешь, каких-то пятьдесят футов вперёд и немного вверх. Немного везения, и Атрид домчится быстрее, чем кто-либо успеет вмешаться. Впрочем, даже если троянцы рискнут преградить ему путь к обманщице, Менелай порубит их, словно сорную траву на грядке.

Он был невысок — не то что его благородный братец-великан, отсутствующий здесь Агамемнон, или подлый верзила Ахилл — и понимал, что нипочём не запрыгнет на стену, а вместо этого будет вынужден бежать по ступеням, запруженным троянцами, рубя направо и налево. Опозоренного мужа это вполне устраивало.

«Всё равно мерзавке некуда уйти». К смотровой площадке на стене храма Зевса вела лишь одна лестница. Если Елена укроется в святилище, Менелай бросится следом и не даст ей уйти. Конечно, казнив предательницу, он и сам падёт под бесчисленными клинками разъярённых горожан или Гектора, возглавляющего погребальную процессию, которая как раз появилась вдали. Вот

тогда троянцы с ахейцами опять сойдутся в смертельной битве, забыв о безумной войне с богами. «Сражение за Илион возобновится прямо здесь и сегодня». А это значило, что жизнь Менелая не стоила ломаного гроша. Как и жизни Одиссея, Диомеда, а то и самого́ неуязвимого Ахиллеса. В конце концов, ахейцев на погребении собаки Париса собралось только три десятка, ну а троянцев были тысячи, они толпились повсюду — на площади, на стенах, а главное — перед Скейскими воротами, перегораживая бывшим завоевателям путь к отступлению.

«Оно того стоит».

Эта мысль пронзила черепную коробку, будто острый наконечник копья. «Всё что угодно, лишь бы уничтожить вероломную сучку». Несмотря на стылый и пасмурный зимний день, из-под шлема побежали ручейки пота. Просочившись по стриженой рыжей бороде, они текли с подбородка на бронзовый нагрудник. Менелаю нередко доводилось слышать этот стук тяжёлых капель по металлу — но прежде то была кровь противников, обагрявшая их доспехи. Правая ладонь, опущенная на окованный серебром клинок, в слепом бешенстве сжала рукоятку.

«Сейчас?»

«Нет, погоди».

«Почему не сейчас? А когда же?»

«Ещё немного».

Атрида сводили с ума эти противоречивые голоса в голове — а ведь оба принадлежали ему, в этом не приходилось сомневаться, поскольку боги уже не говорили со смертными.

«Как только Гектор зажжёт погребальный костёр, тогда и действуй».

Менелай сморгнул солёные струйки. Вряд ли он мог бы сказать, какому из голосов принадлежало последнее предложение — тому, что рвался в бой, или другому, который трусливо советовал тянуть время, — но согласился ему последовать. Скорбная процессия вошла в Илион через огромные Скейские ворота и пронесла опалённый труп, укрытый шёлковым саваном, по главной городской улице в сторону внутренней дворцовой площади, где молча ждали целые ряды высокородных сановников и героев, в то время как женщины, в том числе и Елена, наблюдали за ритуалом со стены. Всего лишь несколько минут, и старший брат убитого, Гектор, возьмётся поджигать погребальный костёр, а стало быть, внимание зрителей обратится на пламя, пожирающее и без того поджаренную тушу Париса.

«Самое время действовать. Никто и не опомнится, пока я не всажу десять дюймов клинка в предательскую грудь Елены».

По традиции, тризны по членам царской семьи, таким как Приамов сын, один из наследных принцев, длились по меньшей мере девять дней, большая часть которых посвящалась играм, включавшим в себя гонки на колесницах, атлетические состязания и метание копий. Однако на сей раз всё положенное время с тех пор, как Аполлон превратил Париса в уголья, было потрачено на долгое путешествие дровосеков к лесам, ещё уцелевшим на склонах Иды, во многих лигах к юго-востоку. Маленькие машинки, звавшие себя моравеками, сопровождали телеги на своих шершнях, чтобы чудесным образом защитить людей, если боги вздумают напасть. И те, разумеется, нападали. Однако лесорубы всё же сделали своё дело.

Лишь теперь, на десятый день, дрова были привезены в Трою и приготовлены для костра. Впрочем, Менелай и многие из его товарищей, включая Диомеда, стоящего с ним бок о бок, считали обряд сжигания вонючего мертвеца напрасной тратой доброго топлива, ибо и город, и мили некогда лесистого побережья давно

лишились древесины, растраченной за десять лет на лагерные костры. Поле битвы покрывали бесчисленные пни. Даже хворост давным-давно подобрали. Ахейские рабы готовили пищу для господ на сухом навозе, что не повышало ни вкусовых свойств еды, ни настроения осаждающих.

Возглавляла погребальный кортеж величавая череда троянских колесниц. Копыта коней, обёрнутые чёрным войлоком, еле слышно ступали по широким булыжникам главной улицы и городской площади. За спинами колесничих в молчании замерли величайшие герои Илиона, воины, пережившие девять с лишним лет осады и ужасную восьмимесячную битву с богами. Первым ехал Полидор, сын Приама, за ним — ещё один сводный брат Париса, Местор. На следующих колесницах стояли союзник троянцев Ифей и Лаодок, сын Антенора. Кстати, вот и сам Антенор — как всегда, на богато украшенной повозке среди бойцов, а не с почтенными старцами на городской стене. Затем — полководец Полипет, а далее — прославленный колесничий Сарпедона Фразимел, как бы замещающий своего господина, предводителя рати ликийцев, убитого Патроклом несколько месяцев назад, когда троянцы ещё искали сражений с греками, а не с бессмертны-

ми. Следом явился и благородный Пиларт — нет, разумеется, не троянец, павший от руки Большого Аякса перед самым началом богоборческой войны, а другой, который так часто бился рядом с Элазом и Мулием. Замыкали процессию Перим, сын Мегаса, Эпистор и Меланипп.

Менелай узнавал каждого из этих мужей, героев, своих противников. Тысячи раз ему доводилось видеть их искажённые гневом, окроплённые кровью лица под бронзовыми шлемами на опасном расстоянии брошенного копья или даже взмаха клинком. Тысячи раз эти люди преграждали ему путь к заветной, давно уже нераздельной цели: к Илиону и Елене.

«До неё каких-то полсотни ярдов. Никто не ждёт моего нападения».

За тихими колесницами слуги вели предназначенных на костёр животных: десять коней Париса (конечно же, не самых лучших), его охотничьих собак и даже целое стадо откормленных овец — очень серьёзная жертва, если учесть, что за время божественной осады шерсть и говядина сделались редкостью. Да, и сзади ещё плелась дряхлая круторогая скотина. Всё это не ради пышности жертвоприношения — действительно, кому жертвовать, когда олимпийцы стали врага-

ми? Просто жир закланных животных поможет сильнее и жарче разжечь погребальное пламя.

А следом — издалека, с долин Илиона, — через Скейские ворота шагали тысячи троянских пехотинцев, сверкающих начищенными доспехами в этот хмурый зимний день. Посреди людского потока плыло смертное ложе Париса — на руках двенадцати ближайших соратников по оружию, мужчин, которые готовы были отдать жизнь за второго отпрыска Приама и до сих пор лили слёзы, вздымая над покойным массивный паланкин.

Тело Париса обвевал голубой покров, почти утонувший под прядями волос, отрезанных солдатами и дальними родственниками усопшего в знак печали: старший брат и ближняя родня отрежут локоны за миг до того, как загорится костёр. Троянцы не предлагали ахейцам жертвовать волосы. В противном случае — даже если бы Ахиллес, главный союзник Гектора в эти сумасшедшие дни, передал их просьбу или, хуже того, попытался навязать её своим людям — Атрид самолично поднял бы восстание.

Менелай пожалел, что рядом нет его царственного брата. Казалось, тот всегда выбирал верный путь. Агамемнон — вот кто был настоящим

предводителем аргивян, а вовсе не самозванец Ахилл и, уж конечно, не Приамов ублюдок Гектор, готовый раздавать приказы одновременно аргивянам, ахейцам, мирмидонцам и троянцам. Нет, Агамемнон — истинный вождь. Окажись он тут сегодня — либо удержал бы брата от опрометчивого нападения на Елену, либо рискнул бы жизнью, помогая тому исполнить намеченное. Но старший из Атридов и пять сотен верных ему людей отплыли на чёрных кораблях в Спарту и к островам семь недель назад. Возвращения их ожидали не раньше, чем через месяц. Они якобы собирались привлечь на свою сторону рекрутов для войны с богами, а на самом деле планировали заручиться поддержкой союзников для мятежа против быстроногого Пелида.

Ахилл. Вон он, вероломное чудище, ступает вслед за Гектором, который бредёт за паланкином, бережно держа голову покойного брата в огромных ладонях.

При виде рыдающего Приамида и мёртвого тела тысячи троянцев, собравшихся на городских стенах и главной площади, издали могучий стон. Женщины на крышах домов и смотровых площадках — те, что попроще, не дамы царских кровей и не Елена, — завыли в голос. Предплечья

Менелая невольно покрылись мурашками. Бабьи причитания вечно на него так действовали.

Атрид подумал о своей переломанной и вывернутой руке. Он решил накопить гнева, словно топлива для костра.

Ахилл, этот полубог-получеловек, шагающий возле гроба, который торжественно проносили мимо почётного караула из ахейских военачальников, сокрушил Менелаю руку ровно восемь месяцев назад, в тот день, когда быстроногий объявил аргивянам, будто бы Афина Паллада прикончила его друга Патрокла и в насмешку забрала тело с собой. «Перестанем же сражаться друг с другом, — провозгласил мужеубийца, — и возьмём в осаду сам Олимп!»

Агамемнон, конечно, был против: против бессовестных притязаний сына Пелея на законное место его, Атрида, царя над всеми греками, собравшимися у стен древней Трои, против неслыханного кощунства — нападения на богов, кого бы там ни вздумалось укокошить Афине (если Ахилл вообще говорил правду), и против того, чтобы десятки тысяч ахейских воинов перешли под командование быстроногого.

Пелид ответил коротко и прямо: он, мол, готов драться с любым, кто не примет его власть или не

захочет воевать с бессмертными, — драться хоть поодиночке, хоть со всеми сразу. И пусть последний уцелевший правит аргивянами, начиная с этого рокового утра.

Сотни данайских военачальников и тысячи пехотинцев застыли в немом изумлении, но гордые сыны Атрея разом бросились на самозванца с оружием.

Менелай хоть и не числился в рядах первых героев у стен Илиона, всё же был закалённым в сражениях ветераном, а его брат вообще слыл самым свирепым из греков — по крайней мере пока разобиженный Ахиллес отсиживался в своей ставке. Копьё великого царя било, можно сказать, без промаха, клинок пронзал семикожные щиты врагов точно лёгкие хитоны, а его хозяин ни разу не оказывал милости даже самому благородному противнику, молившему о пощаде. Статный, мускулистый Агамемнон смотрелся не менее богоподобно, чем белокурый Пелид, разве что тело его покрывали старые шрамы, заслуженные в славных боях, когда быстроногий ещё пешком под стол ходил. Да ещё в глазах Атрида полыхало звериное бешенство, в то время как Ахиллес ожидал нападения с хладнокровным, почти рассеянным выражением на юном лице.

Самозванец управился с братьями, точно с малыми детьми. Могучее копьё Агамемнона отскочило от плоти соперника, словно злокозненный сын Пелея и вечной Фетиды был закован в невидимую энергетическую броню моравеков. В ярости старший Атрид замахнулся клинком, от удара которого раскололась бы каменная глыба, но меч затрещал и сломался о красиво исполненный щит Ахиллеса.

Потом быстроногий обезоружил обоих братьев, швырнул их запасные копья и клинок Менелая в океан, поверг соперников на жёсткий песок и с лёгкостью сорвал с них доспехи — так мог бы орёл разодрать хищными когтями одежду на беспомощном трупе. Тогда-то мужеубийца и сломал младшему Атриду левую руку (стоявшие вокруг боевые товарищи дружно ахнули, услышав, как, будто зелёная ветка, треснула кость), старшему — почти небрежным взмахом кисти перебил нос, а в довершение пнул великого царя под рёбра и опустил сандалию на грудь ревущему от боли Агамемнону, рядом с которым мучительно стонал Менелай.

И лишь тогда Пелид извлёк свой грозный меч.

— Клянитесь теперь же подчиниться мне и во всём верно служить, и каждый из вас увидит от

меня заслуженное почтение, как честный союзник в грядущей войне с богами, — промолвил победитель. — Промедлите хотя бы мгновение — отправлю ваши пёсьи души в Аид не моргнув глазом, а тела скормлю жадным грифам без погребения.

Агамемнон задыхался и подвывал, он чуть не изблевал закипевшую желчь, однако принёс требуемую клятву. Менелай, которого терзали боли в ушибленной ноге, покалеченных рёбрах и раздробленной руке, покорился секундой позже.

Тридцать пять данайских военачальников бросили вызов Ахиллу, и за какой-то час он одержал верх над всеми. Храбрейших мятежников обезглавил — они предпочли жестокую смерть, но не сдались. Тела убитых сын Пелея, как и обещал, бросил на съедение птицам, рыбам и псам. Зато прочие тридцать восемь предводителей согласились подчиниться новой власти. Никто из великих ахейских героев, во многом равных Агамемнону — ни Одиссей, ни Диомед, ни сладкоречивый Нестор, ни Аяксы и ни Тевкр, — даже не пытались противиться. Все как один громко поклялись воевать с богами, наслушавшись подробностей о лютом убийстве Патрокла и позже — о том, как вздорная Афродита пролила кровь

Скамандрия, сынишки Гектора.

Больная рука снова заныла: кости не желали правильно срастаться, невзирая на старания прославленного целителя Асклепия. В сырые, промозглые дни вроде этого перелом серьёзно беспокоил воина, однако Менелай удержался, не стал потирать больное место на виду у тех, кто проносил мимо греческих посланников смертное ложе Париса.

Обвитый покровом, усыпанный локонами гроб опускают на подготовленный для костра деревянный сруб, расположенный в точности под смотровой площадкой святилища Зевса. Колонна пехотинцев останавливается. Женщины прекращают выть и причитать. В неожиданно упавшей тишине Атриду отчётливо слышно, как тяжко дышат кони — и как один из них пускает горячую струю на камень. Гелен, главный мужчина-пророк Илиона и советник Приама, провозглашает с храмовой стены короткую хвалебную речь, но её заглушает ветер, внезапно налетевший с моря подобно холодному, неодобрительному дыханию богов. Провидец вручает церемониальный нож царю, почти облысевшему, но всё ещё сохранившему за ушами немного длинных седых волос — видимо, для таких вот торжественных случаев.

Острым словно бритва лезвием Приам отсекает белую прядь, и раб, много лет прослуживший в доме Париса, ловит её в золотую чашу. Старый Приам протягивает нож Елене. Женщина смотрит на клинок долгим, изучающим взглядом, словно прикидывая, не вонзить ли отточенное лезвие себе в грудь. (У Менелая перехватывает дыхание: с этой мерзавки станется лишить его столь близкой и желанной мести.) Затем Елена вдруг подхватывает долгий иссиня-чёрный локон и отсекает кончик. Тот плавно летит в золотую чашу, и раб шагает к безумной Кассандре, одной из многих дочерей Приама.

Несмотря на трудности и опасности, сопряжённые с доставкой дров со склонов Иды, сруб удался на славу. Пусть и не сотня футов с каждой стороны, как делали прежде — иначе людям ни за что не поместиться бы на площади, — а всего лишь тридцать, зато гораздо выше обычного, почти до смотрового балкона. Наверх ведут широкие ступени, каждая из которых представляет собой отдельную платформу. Внушительную кучу дров скрепляют и поддерживают крепкие брусья из дворца, принадлежавшего покойному.

Могучие товарищи поднимают гроб на маленькую площадку на вершине сруба. Гектор ожидает

у подножия широкой лестницы.

Мужчины, привыкшие участвовать и в бойнях, и в жертвоприношениях — а в конце концов, усмехается про себя Менелай, какая между ними разница? — быстро и ловко перерезают шеи овцам, сцеживают кровь в церемониальные чаши, снимают шкуры и обдирают жир. В него-то и заворачивают мертвеца, будто кусок подгорелого мяса в мягкий хлеб.

Освежёванных животных относят на самый верх и кладут подле мёртвого тела. Из храма появляются непорочные девы в полном церемониальном облачении, с опущенными на лица покрывалами. Девушкам не полагается приближаться к срубу — они лишь подают бывшим телохранителям Париса двуручные кувшины с маслом и мёдом. Воины поднимаются по ступеням и с великой осторожностью опускают сосуды у гроба.

Из десяти любимых жеребцов Париса отбираются лучшие четверо, и Гектор широким ножом покойного брата перерезает им глотки, двигаясь так стремительно, что даже эти умные, отважные прекрасно обученные животные не успевают отреагировать.

Сам Ахилл, с невероятным усердием и нечело-

вческой силой, забрасывает огромных жеребцов одного за другим на высокую деревянную пирамиду. Бывший слуга Париса выводит на свободное место любимых хозяйских псов. Гектор поочерёдно поглаживает их и чешет за ушами. Потом задумывается, будто припомнив, как часто видел брата кормящим преданных собак со своего стола или охотящимся с ними в горах и на болотах.

Затем выбирает парочку и кивает рабам, чтобы увели остальных. С минуту он ласково треплет каждого пса по загривку, словно желая угостить лакомой косточкой, а после — широким свирепым взмахом клинка чуть ли не отсекает голову от тела. Трупы собак он лично кидает на сруб, и те приземляются намного выше мёртвых коней, почти у гроба.

А вот теперь — сюрприз.

Десять меднодоспешных троянцев и десять меднодоспешных ахейских копьеносцев вручную выкатывают запряжённую людьми телегу. На ней стоит клетка. В клетке находится бог.

3

Кассандра наблюдала за погребальным обрядом с высокого смотрового балкона храма Зевса, и её всё сильнее захлёстывало чувство обречённости. Когда же на главную площадь Илиона выехала телега, запряжённая не быками и не лошадьми, а восемью отборными троянскими солдатами, телега, единственную поклажу которой составляла клетка с осуждённым на смерть олимпийцем, дочь Приама едва не упала в обморок.

Елена, её греческая подруга, вместе с Парисом накликавшая на город все эти бедствия, подхватила девушку за локоть и быстро спросила:

— Что такое?

— Это безумие, — прошептала Кассандра, прислоняясь к мраморной стене.

Что именно имелось в виду — её ли собственное помешательство, полоумие тех, кто посмел поднять руку на бессмертного, или сумасшествие всего происходящего, — Елена так и не поняла. Впрочем, едва ли сама провидица это знала.

Пленённого бога, упрятанного не только за стальную решётку, приколоченную к телеге, но

и в незримый силовой кокон моравеков, звали Дионисием или Дионисом. Сын Громовержца и Семелы, он покровительствовал пьянству, сексу и разнузданному насилию. Кассандра, с детства поклонявшаяся убийце Париса Аполлону, тем не менее не раз общалась, и довольно близко, с этим единственным божеством, умудрившимся за время войны угодить в плен. Бедолагу скрутил в бою Ахиллес, магия моравеков не позволила побеждённому квитироваться, коварный Одиссей убедил его сдаться подобру-поздорову, а роквеки упекли под особый энергетический заслон, который мерцал и колыхался вокруг будущей жертвы подобно жарким волнам полуденного воздуха в разгар лета.

Для бессмертного Дионис выглядел несолидно: жалких шесть футов роста, бледная кожа, пухлые даже по человеческим меркам формы, копна каштаново-золотистых кудрей и жидкая щетина на подбородке, словно у прыщавого подростка.

Телега остановилась у подножия лестницы. Гектор отпер клетку, потянулся сквозь полупроницаемое силовое поле и вытащил узника. Ахиллес тут же опустил тяжёлую длань на шею коротышки.

— Деицид, — прошептала Кассандра. — Бого-

убийство. Безумие и деицид.

Елена, Приам, Андромаха и прочие на балконе пропустили её слова мимо ушей. Все взгляды были прикованы к побелевшему как полотно олимпийцу и двум статным, закованным в бронзу смертным.

Если беспомощный лепет гадателя Гелена потонул в дыхании ветра и ропоте толпы, то голос Гектора зычно прокатился над заполненной людьми площадью, отдавшись эхом от высоких башен и стен Илиона; пожалуй, он ясно прогремел даже на вершине Иды, темневшей во многих лигах от города, на востоке.

— Возлюбленный брат Парис, мы собрались здесь, чтобы сказать тебе прощай — да так, чтобы ты услышал нас даже там, куда ушёл, в глубинах Обители Смерти. Прими этот сладкий мёд, лучшее масло, твоих любимых коней, самых верных собак. И наконец, я жертвую тебе вот этого бога, Зевсова сына, сало которого раскормит голодное пламя, ускорив твой переход в Аид! — произнёс герой, доставая из ножен меч.

Силовое поле затрепетало и растворилось, однако бессмертный по-прежнему оставался в железных наручниках и колодках.

— Можно мне сказать? — спросил он гораздо

тише, нежели только что говорил Приамид.

Защитник Трои задумался.

— Дайте слово богу! — воскликнул провидец Гелен, стоявший по правую руку царя на балконе святилища.

— Дайте слово богу! — выкрикнул сосед Менелая, ахейский птицегадатель Калхас.

Гектор нахмурился, потом кивнул.

— Валяй, ублюдок Зевса, чеши языком. Помолись папочке, если хочешь, всё равно не поможет. Сегодня тебя ничто не спасёт. Нынче ты будешь *начатком* на погребальном костре моего брата.

Дионис улыбнулся, но как-то криво, неуверенно даже для человека, не то что для обитателя Олимпа.

— Ахейцы и жители Трои, — воззвал тучный божок с несерьёзной бородкой. — Глупцы! Нельзя убить бессмертного. Особенно того, кто родился во чреве погибели. Дитя Зевса, уже в пору младенчества я забавлялся с игрушками, которые, по словам пророков, могли принадлежать лишь новому правителю мира: игральными костями, мячиком, волчком, золотыми яблоками, трещоткой и клоком шерсти.

Однако титаны, те, кого мой отец одолел и забросил в Тартар, эту преисподнюю преисподних,

это царство ночных кошмаров, размещённое гораздо ниже царства мёртвых, где витает сейчас, подобно выпущенному кем-то вонючему газу, душа вашего брата Париса, накрасили свои лица мелом, явились, точно духи покойных, напали на меня и разорвали голыми, набелёнными руками на семь частей, после чего швырнули в кипящий котёл, стоявший тут же на треножнике, над пламенем гораздо более жарким, чем ваш убогий костерок…

— Ты закончил? — поинтересовался Гектор, поднимая меч.

— Почти. — Голос олимпийца звучал уже гораздо веселее и громче, отдаваясь эхом от весьма удалённых стен, которые только что гудели от слов Приамида. — Меня сварили, потом поджарили на семи вертелах, и аппетитный запах моего мяса привлёк на пиршество самого Громовержца, пожелавшего отведать сладкое кушанье. Но, заметив на вертеле детский череп и ручки сына в бульоне, отец поразил титанов молниями и зашвырнул обратно в Тартар, где они по сей день жестоко страдают и трепещут от ужаса.

— Это всё? — произнёс Гектор.

— Почти, — отозвался Дионис, обратившись лицом к царю Приаму и прочим важным персо-

нам, собравшимся на балконе святилища Зевса. Теперь уже маленький божок ревел, как раненый бык. — Впрочем, кое-кто утверждает, будто бы мои варёные останки были брошены в землю, и так появились первые виноградные лозы, дающие смертным вино; впрочем, один кусочек тела не сгорел на костре и не разложился в почве. Его-то Паллада Афина и отнесла Громовержцу, который доверил мою *kradiaios Dionisos* Гипте — это малоазиатское имя Великой Матери Реи, — чтобы та носила меня в своей голове. Знаете, отец употребил эти слова — *kradiaios Dionisos* — шутки ради, поскольку *kradia* на языке древних означает «сердце», а *krada* — «смоковницу», то есть…

— Хватит! — воскликнул Гектор. — Бесконечная болтовня не продлит твою пёсью жизнь, и не мечтай. Давай договаривай в десяти словах, или я сам тебя оборву.

— Да сожрите вы меня, — только и вымолвил бог.

Приамид обеими руками занёс тяжёлый клинок и взмахом обезглавил бессмертного. Толпы троянцев и греков ахнули. Бескрайние ряды солдат как один человек отшатнулись от ужасного зрелища. Несколько мгновений укороченное тело стояло, пошатываясь, на нижней платформе

и вдруг рухнуло, точно марионетка, у которой разом обрезали нити. Гектор ухватил упавшую голову с широко разинутым ртом, поднял за жидкую бородку и высоко закинул на сруб, между конскими и собачьими трупами. Работая мечом как топором, он ловко отсёк мертвецу сначала руки, потом ноги, потом гениталии, разбрасывая отрезанные части по всему срубу — впрочем, не слишком близко к смертному ложу Париса, чьи благородные кости воинам нужно будет собрать среди золы, отделив от недостойных останков собак, жеребцов и бога. В конце концов Приамид разрубил тело на дюжины мясных ломтиков; большая часть пошла на костёр, остальное полетело на корм уцелевшим собакам, которых до сей минуты держали на привязи, а теперь выпустили на площадь.

Как только затрещали последние кости и лопнул последний хрящ, над жалкими останками Диониса поднялась чёрная туча, будто бы стая невидимого гнуса или маленькая дымовая воронка завертелась в воздухе, да так яростно, что Гектору пришлось прервать свою мрачную работу и отступить назад. Шеренги троянских и ахейских героев отпрянули ещё на шаг, а женщины на стене запричитали в голос, закрывая лица

ладонями или лёгкими покрывалами.

Но вот облако рассеялось; Приамид швырнул на вершину дровяной кучи оставшиеся розовато-белые, словно тесто, куски плоти, после чего поддел ногой позвоночник и рёбра жертвы, пнул их на толстую охапку хвороста и принялся снимать обагрённые доспехи. Прислужники торопливо унесли прочь забрызганную бронзу. Один из рабов поставил таз с водой. Высокий, статный герой дочиста омыл от крови свои ладони, руки, лоб и принял предложенное полотенце.

Оставшись в одной тунике и сандалиях, он поднял над головой золотую чашу с только что срезанными прядями, взошёл по широкой лестнице на вершину, где покоилось просмолённое ложе, и высыпал волосы дорогих Парису людей на синий покров. Тут у Скейских ворот показался бегун — самый стремительный из всех, кто принимал участие в Троянских играх. С длинным факелом в руках он трусцой устремился сквозь толпу воинов и простых зрителей — те едва успевали почтительно расступаться — и взлетел по просторным ступеням на вершину сруба.

Проворный бегун передал мерцающий факел Приамиду, кивнул и, не поднимая головы, спустился по лестнице.

Атрид возводит глаза и видит, как на город наползает чёрная туча.

— Феб Аполлон решил испортить нам день, — угрюмо шепчет Одиссей.

Стоит Гектору опустить конец факела к просмолённым дровам, обильно политым туком жертв, как налетает холодный западный ветер. Дерево чадит, но не спешит загораться.

Сердце Менелая, всегда более пылкого в битвах, чем расчётливый Агамемнон и прочие хладнокровные греки-убийцы, начинает гулко стучать: надвигается час расплаты. Воина не тревожит собственная близкая гибель: лишь бы эта стерва Елена, визжа, низверглась в Аид хотя бы минутой раньше. Будь его воля, изменницу поглотили бы неизменно более глубокие бездны Тартара, где по сей день вопят и корчатся среди кромешного мрака, боли и страшного рёва титаны, о которых разглагольствовал покойный Дионис.

По знаку Гектора быстроногий Ахилл подаёт бывшему врагу два пенистых кубка, наполненных до краёв, и сходит вниз по широкой лестнице.

— О ветры запада и севера! — взывает сын Приама, поднимая сосуды над головой. — О шумный Борей и быстровейный Зефир с холодными пер-

стами! Прилетите и разожгите своим дыханием костёр, где возложен Парис, о котором сокрушаются все троянцы и даже достойные аргивяне! Явись, Борей, явись, Зефир, раздуйте палящее пламя! Обещаю вам щедрые жертвы и возлияния из этих вот пенистых кубков!

Высоко на храмовом балконе Елена склоняется к Андромахе и шепчет:

— Сумасшествие какое-то. Он потерял рассудок. Мало того что наш возлюбленный Гектор молит о помощи своих врагов, бессмертных; в придачу он просит предать огню обезглавленное тело казнённого им же бога!

Жена героя не успевает ответить. Укрывшаяся в тени Кассандра разражается громким хохотом, так что Приам и стоящие рядом старейшины сердито косятся на женщин.

Провидица не обращает внимания ни на их укоризненные взгляды, ни на злобное шиканье товарок.

— Сссссумасшесссссствие, точччччно. Я же вам *говорила*. Всё это — безумие. Особенно кровавые помыслы Менелая, который мечтает прирезать тебя, Елена, с таким же зверством, как Гектор убил Диониса. Осталось недолго ждать.

— Что ты несёшь, Кассандра? — шипит винов-

ница Троянской войны, побледнев как полотно.

Сновидица улыбается.

— Я говорю о твоей смерти, о женщина. И она уже близка. Задержка лишь за костром, который никак не желает гореть.

— Менелай?

— Твой благородный супруг, — смеётся в ответ Кассандра. — Твой *бывший* благородный супруг. Не тот, что бесполезно гниёт на куче дров, словно горстка обугленного компоста. Разве не слышишь, как тяжело он дышит, готовясь рассечь твоё горло? Не чуешь запах липкого пота? Не ощущаешь, как бьётся злодейское сердце? Я слышу и чувствую.

Отвернувшись от погребальной сцены, Андромаха надвигается на лунатичку. Пора увести её в глубь святилища, подальше от лишних глаз и ушей.

Пророчица вновь хохочет; в её руке сверкает короткий, но отточенный кинжал.

— Попробуй тронь меня, стерва. Разделаю, как ты сама разделала сына рабыни, которого выдала за своего сына.

— Молчи! — срывается жена Гектора.

Её глаза внезапно загораются гневом.

Приам и другие опять недовольно смотрят на

женщин; слов эти туговатые на ухо старики явно не разобрали, зато безошибочно распознали свирепый тон дамского шёпота.

У Елены трясутся руки.

— Кассандра, ты же сама говорила, будто все твои мрачные предсказания пошли прахом. Помнишь, как ты годами клялась нам, что Троя будет разрушена? А город ещё стоит. И царь жив, а не заколот в этом самом храме, согласно твоим речам. Ахилл и Гектор по-прежнему с нами, хотя должны были якобы умереть ещё до падения Илиона, как ты твердила годами. Да и мы все здесь. Разве не должен был Агамемнон уволочь тебя в свой дворец, где Клитемнестра заколола бы неверного мужа кинжалом вместе с троянской наложницей и вашими малыми детками? А что с Андромахой?..

Провидица запрокидывает голову и беззвучно воет. Внизу, под балконом, Гектор без устали сулит богам ветров прекрасные жертвы и возлияния сладкого вина, пусть только заполыхает огонь под гробом его дорогого брата. Если бы человечество уже придумало театр, зрители наверняка бы подумали, что драма начинает граничить с фарсом.

— Это всё в прошлом, — шипит Кассандра и

водит острым как бритва лезвием по собственной белой руке. На мрамор капают струйки крови, но ей наплевать. Пророчица не отрывает взора от Елены и Андромахи. — Прежнее будущее не вернётся, сёстры. Мойры ушли навсегда. Наш мир и его судьба канули в небытие, на смену им явилось нечто новое — какой-то чуждый, неведомый *космос*. Однако ясновидение, этот проклятый дар Аполлона, не оставляет меня, сёстры. Мгновение-другое — и Менелай устремится сюда, чтобы вонзить клинок прямо в твою прелестную грудь, о *Елена Троянская.* — Последние, полные издёвки слова похожи на ядовитый плевок.

Дщерь Зевса грубо хватает пророчицу за плечи. Андромаха вырывает у той кинжал, и женщины вдвоём заталкивают безоружную подругу за мраморные колонны, в холодный сумрак святилища. Там они прижимают девушку к белокаменным перилам и нависают над ней, словно фурии.

Супруга Гектора подносит острое лезвие к бледной шее снохи.

— Мы долгие годы были подругами, — сипло выдыхает она, — но произнеси ещё хоть слово, полоумная тварь, и захлебнёшься кровью. Прирежу, как откормленную свинью на праздник.

Кассандра показывает зубы.

Елена берёт Андромаху за руку — трудно сказать зачем; возможно, желая поучаствовать в убийстве. Другую ладонь она опускает на плечо ясновидящей.

— Значит, Менелай решил прикончить меня? — шепчет красавица на ухо жертве.

— Нынче он дважды придёт за тобой, и дважды ему помешают, — бесцветным голосом отзывается та.

Затуманенные глаза царской дочери уже ни на кого не смотрят. её улыбка больше всего напоминает оскал черепа.

— Когда это будет? — допытывается Елена. — И кто его остановит?

— Сначала, когда запылает погребальный костёр Париса, — всё так же невыразительно и равнодушно, будто припоминая забытую детскую сказку, бормочет Кассандра. — И снова, когда огонь догорит.

— Кто его остановит? — повторяет Зевсова дочь.

— В первый раз на пути Менелая встанет жена Париса, — изрекает пророчица и закатывает очи, оставив на виду одни белки. — Потом — Агамемнон и та, что жаждет убить Ахиллеса, Пентесилея.

— *Амазонка* Пентесилея? — Изумлённый голос Андромахи прокатывается долгим эхом под сводами храма. — Она за тысячи лиг отсюда, да и великодержавный Атрид тоже. Как, интересно, они доберутся к нам прежде, чем угаснет пламя?

— Тихо ты! — шипит Елена и вновь обращается к ясновидице, чьи веки странно подрагивают: — Говоришь, Менелаю сперва помешает супруга Париса? И как же? Как я это сделаю?

Кассандра валится на пол без чувств. Аккуратно запрятав кинжал в лёгкие складки одеяния, Андромаха с силой хлещет упавшую по лицу вновь и вновь. Но та не приходит в себя.

Елена пинает обмякшее тело ногой.

— Провалиться бы ей в преисподнюю. Ну как я могу не дать Менелаю убить себя? Остались, наверное, считанные…

С площади доносится дружный вопль аргивян и троянцев. Женщины слышат знакомый гул и свист.

Это Борей и Зефир ворвались в город через Скейские ворота. Сухой трут поймал искру, дерево занялось. Костёр запылал.

4

На глазах у Менелая буйные вихри дохнули на уголья, выбили несколько тонких, мерцающих язычков, и вот уже сруб охватило бурное пламя.

«Пора», — решил Атрид.

Шеренги ахейцев, нарушая порядок, подались назад от внезапного жара. В суматохе Менелай незаметно проскочил мимо своих товарищей и начал пробираться через толпу троянцев. Он уверенно приближался к храму Зевса и заветной лестнице. Кстати, ветры дули в том же направлении. На ходу воин успел отметить, что зной и снопы летящих искр вынудили Приама, Елену и прочих отступить с балкона немного вглубь, а главное — разогнали солдат, которые занимали нижние ступени.

«Путь свободен. Ещё чуть-чуть, и я поверю, что боги на моей стороне», — подумал Менелай.

Может статься, так оно и было. В последнее время троянцы и аргивяне то и дело вступали в общение с отвергнутыми олимпийцами. Простое объявление войны между кратковечными и бессмертными ещё не означало полного разрыва всех уз, основанных на кровном родстве и

закоренелой привычке. Насколько знал Атрид, целые дюжины знатных ахейцев тайно, под покровом ночи, приносили жертвы тем же богам, с которыми сражались при свете дня. Разве сам Гектор не взывал только что к Зефиру и Борею, умоляя разжечь погребальный костёр под телом несчастного брата? И разве могучие божества западного и северного ветров не вняли его настойчивой просьбе, хотя и ведали, что на тех же дровах, подобно поганым *начаткам*, которые без сожаления швыряют псам, разбросаны кости и кишки Диониса, родного сына Тучегонителя?

«Смутное времечко. Не разберёшь, как теперь и жить».

«Не забивай голову, — усмехнулся внутри знакомый циничный голос, предлагавший убить Елену. — Тебе-то уже недолго осталось».

У подножия лестницы Менелай остановился и обнажил клинок. Никто не проявил интереса: все взгляды приковал к себе костёр, который выл и бушевал на расстоянии трёх десятков футов. К тому же каждый из многих сотен воинов прикрывал рукой лицо и глаза.

Атрид опустил ногу на первую ступень.

В тот же миг из портика святилища Зевса, в десяти футах от Менелая, возникла женщина,

одна из тех, что подавали в начале ритуала мёд и масло, и двинулась прямо на костёр. Взоры зрителей разом обратились к ней; Атриду пришлось замереть на месте, опустив оружие, ибо он оказался в точности за её спиной и не желал излишнего внимания.

Женщина откинула с лица тонкое покрывало. Толпа троянцев напротив погребального сруба изумлённо ахнула.

— Энона! — воскликнул наверху женский голос.

Менелай вытянул шею. Приам, Елена и прочие вернулись на балкон, привлечённые шумом. Кричала не изменница, кто-то из рабынь.

Энона? Где-то Атрид уже слышал это имя, ещё до начала Троянской войны, однако не напрягать же память теперь, когда цель так близка! Ещё полминуты. Елена там, наверху, до неё лишь пятнадцать ступеней, и ни единого мужчины на пути.

— Я настоящая жена Париса! — Даже в такой близи возглас мнимой девы еле пробивался сквозь вой ветров и яростный треск огня, пожирающего мёртвое тело.

Настоящая жена Париса? Ошеломлённый Менелай замешкался. Из храма и с прилегающих

улиц нахлынули новые любопытные зрители. Лестница стала заполняться людьми. Рыжеволосый аргивянин припомнил тёмные слухи, некогда носившиеся по Спарте: дескать, прежде Парис был женат на дурнушке на десять лет старше себя, но ухитрился забыть о ней, как только боги помогли ему выкрасть Елену.

— Феб Аполлон не убивал Париса, Приамова сына! — надрывалась Энона. — Это сделала я!

Послышались крики, грубая брань, кое-кто из троянцев шагнул вперёд с намерением схватить сумасшедшую, однако их удержали свои же товарищи. Большинство хотели послушать, что скажет эта сука.

Сквозь пламя Атрид отчётливо видел Гектора: даже величайший герой Илиона был не в силах вмешаться, поскольку между ним и женщиной полыхало алчное пламя.

Энона приблизилась к огню, и над её одеждой начал куриться пар. Похоже, дамочка заранее окатила себя водой, готовясь к выступлению. Под вымокшим платьем явственно проступали тяжёлые, полные груди.

— Париса убила не молния Аполлона! — визжала гарпия. — Когда десяток дней назад мой муж и бог ушли в Медленное Время, они, как и было

задумано, пустили друг в друга стрелы, но промахнулись оба. Супруга обрёк на гибель выстрел простого смертного — коварного Филоктета! Вот кто во всём виноват! — И она ткнула пальцем в старика, застывшего в группе ахейцев по правую руку от Большого Аякса.

— Врёшь! — завопил седовласый лучник, совсем недавно спасённый Одиссеем с безлюдного острова ради битвы с богами.

Пропустив его выкрик мимо ушей, Энона подступила ещё ближе к костру. её лицо и нагие руки раскраснелись. Дым от мокрых одежд окутывал тело густым призрачным облаком.

— Когда раздосадованный Аполлон квитировался на Олимп, аргивский трус Филоктет, не забывший прежних обид, пустил отравленную стрелу в мошонку моему супругу!

— Откуда тебе это знать, женщина? — Слова Ахиллеса прогремели стократ сильнее вдовьего писка. — Никто из нас не следовал за Приамидом и сребролуким в Медленное Время. Никто не видел сражения!

— Узнав о предательстве, Аполлон квитировал мужа на склоны горы Ида, где я жила изгнанницей более десяти лет… — продолжала Энона.

Теперь, не считая нескольких выкриков, б*о*

льшая часть гигантской городской площади, запруженной тысячами троянцев, переполненные стены и крыши домов умолкли. Все ждали.

— Парис молил принять его обратно, — рыдала женщина, от мокрых волос которой так же яростно валил пар, как и от одежды. Даже слёзы её мгновенно улетучивались. — Он умирал от греческого яда. Яйца, пах и прежде любимый член уже почернели, но муж всё равно упрашивал исцелить его.

— Как может обычная старая карга снять последствия смертельного яда? — впервые проревел Гектор, перекрывая богоподобным голосом шум ветров и костра.

— Некий оракул предсказал супругу, что я одна сумею излечить его роковую рану, — отозвалась Энона.

Либо у неё иссякали силы, либо жар и вой огня возросли. Атрид мог разобрать отдельные слова, хотя и сомневался, что это под силу другим на площади.

— Корчась от боли, он умолял приложить к отравленной ране бальзам, — надсаживалась женщина. — «Забудь свою ненависть, — плакал он. — Я покинул тебя лишь по велению Судьбы. Лучше бы я умер, не успев доставить эту сучку

в отцовский дворец. Заклинаю, Энона, во имя нашей прежней любви, ради прежних клятв, прости меня и спаси мою жизнь».

На глазах Менелая женщина сделала ещё пару шагов. Багрово-золотые языки принялись лизать её, лодыжки почернели, носки сандалий начали заворачиваться.

— Я отказалась! — возвысила охрипший голос Энона. — И он скончался. Мой единственный любимый, любовник и муж, ушёл из жизни. Умер в ужасных мучениях, осыпая весь мир проклятиями. Мы со служанками хотели сами сжечь труп — дать моему бедному, обречённому Судьбой супругу достойное погребение. Но деревья стары и тверды, их так тяжело рубить, а мы всего лишь слабые женщины… Простое дело, но я не справилась даже с ним. Увидев, как жалко мы почтили останки благородного Париса, Феб Аполлон вторично смилостивился над павшим врагом, квитировал обгорелое тело назад и выбросил на поле боя из Медленного Времени, будто бы сын Приама сгорел в сражении. Я так жалею, что не исцелила его! Обо всём жалею…

Тут она развернулась в сторону балкона, хотя вряд ли успела разглядеть что-либо из-за пламени, дымной пелены и рези в глазах.

— Одно хорошо: этой сучке Елене уже не увидеть его живым!

Глухой ропот воинов Трои перерос в оглушительный рёв.

Дюжина городских стражников запоздало кинулась к Эноне, чтобы увести её для дальнейшего допроса.

Женщина шагнула в пылающий сруб.

Сначала вспыхнули волосы, потом платье. Невероятно, немыслимо, однако вдова продолжала взбираться по ступеням из брёвен, даже когда её кожа занялась, почернела и сморщилась, как обуглившийся пергамент. И только в последний миг Энона содрогнулась и упала. Вопли несчастной несколько долгих, томительных минут разносились над площадью и притихшей толпой.

Обретя наконец дар речи, троянцы первым делом потребовали от аргивян выдать им Филоктета.

Разъярённый, смешавшийся Менелай бросил взгляд наверх. Царская охрана окружила на балконе всех и каждого. Дорогу к Елене преграждала стена из круглых троянских щитов и частокол из копий.

Спрыгнув с нижней ступени, Атрид ринулся на-

перерез через опустевшее пространство у самого сруба. Жара ударила в лицо не хуже могучего кулака, и воин почувствовал, как обгорают брови. Спустя минуту он обнажил клинок и примкнул к товарищам. Аякс, Диомед, Одиссей, Тевкр и другие окружили старого лучника плотным кольцом, держа наготове оружие.

Несметные толпы троянцев подняли щиты, затрясли пиками, стали напирать на две дюжины обречённых греков со всех сторон.

Внезапно голос Гектора загрохотал так, что все окаменели:

— Стойте! Я запрещаю! Лепет Эноны — если это вообще была Энона, ибо лично я не узнал каргу, — ничего не значит. Она сумасшедшая! Мой брат погиб в роковой схватке с Аполлоном.

Судя по виду разгневанных троянцев, речь их не убедила. Вокруг по-прежнему кровожадно щетинились острия мечей и пик. Менелай огляделся. В то время как Одиссей хмурил брови, а Филоктет прятался за спины обречённых товарищей, Большой Аякс довольно щерился, словно предвкушая близкую сечу, которая оборвёт его жизнь.

Прошествовав мимо сруба, Приамид встал между кучкой обречённых ахейцев и троянскими

копьями. Он был без оружия и даже без доспехов, однако вдруг всем стало понятно: перед ними самый опасный противник.

— Эти люди — наши союзники, гости, приглашённые на погребение моего брата! — воскликнул Гектор. — Вы не причините им вреда. Любой, кто ослушается приказа, падёт от моей руки. Клянусь костями покойного Париса!

Из-за платформы, поднимая щит, выступил Ахиллес. Вот он-то *был* и в лучших доспехах, и при оружии. Сын Пелея более не шелохнулся, даже не произнёс ни слова, но каждый на площади ощутил его присутствие.

Троянцы посмотрели на своего вождя, перевели взгляды на быстроногого мужеубийцу, в последний раз обернулись на жаркий костёр, пожравший тело женщины, — и отступили. Увидев смятение на смуглых лицах горожан, Атрид почувствовал, как воинственный дух покидает озлобленную толпу.

Одиссей смекнул, что пора уводить аргивян от греха подальше, и тронулся в сторону Скейских ворот. Менелай и прочие опустили мечи, однако не спешили прятать их в ножны. Троянцы неохотно расступались, будто море, покорное приказу бури, но всё ещё жаждущее трупов. За

городской стеной стояли новые и новые шеренги недавних врагов. Филоктет шагал в середине тесного круга.

— Клянусь богами… — зашептал он. — Даю вам слово…

— Заткнись, мать твою! — прорычал могучий Диомед. — Ещё раз откроешь рот, пока мы не вернулись к чёрным судам, и я тебя сам прикончу.

Но вот позади остались ахейские караулы, защитные рвы и силовые поля моравеков. Как ни странно, на берегу царило возбуждение, хотя сюда ещё не могли докатиться слухи о беде, чуть было не разразившейся в Илионе. Менелай оторвался от своих и устремился вперёд — разузнать, в чём дело.

Мимо промчался копьеносец, отчаянно дуя в раковину моллюска.

— Царь вернулся! — кричал на бегу мужчина. — Предводитель вернулся!

«Это не Агамемнон, — мелькнуло в голове Атрида. — Его ещё месяц ждать, а то и два».

И тут же увидел брата, застывшего на носу огромнейшего из тридцати чёрных как смоль кораблей, которые составляли весь его маленький флот. Золотые доспехи царя сверкали на солнце. Гребцы проворно вели длинное, тонкое судно

через прибой навстречу гальке.

Менелай вошёл прямо в волны, пока вода не покрыла бронзовые наголенники.

— Брат! — воскликнул он, радостно, точно мальчишка, размахивая над головой руками. — Ну, что дома? Где подкрепление, с которым ты сулил возвратиться?

До берега оставалось шесть или семь десятков футов. Чёрный нос корабля рассекал пенистые буруны. Агамемнон прикрыл глаза рукой, как если бы послеполуденное солнце вызывало у него резь, и прокричал в ответ:

— Пропали, брат Атрид! Все до единого!

5

Томас Хокенберри, бакалавр гуманитарных наук из колледжа Уобаш, магистр гуманитарных наук и доктор филологии из Йеля,[32] в прошлом преподаватель Индианского университета — вернее, глава отделения классической литературы вплоть до смерти от рака в две тысячи шестом году от Рождества Христова, — а в тече-

[32] notes: 32

Йельский университет — частный университет в г. Нью-Хейвен. Старейший университет в США, основан в 1701 г.

ние последних девяти лет из девяти лет и восьми месяцев после своего воскрешения — схолиаст Олимпа, в чьи обязанности входило ежедневно в устной форме отчитываться перед Музой по имени Мелета о ходе Троянской войны, а точнее, о сходстве и расхождениях событий с теми, что были описаны в гомеровской «Илиаде» (боги оказались неграмотными, словно трёхлетние дети), перед наступлением сумерек покидает площадь с погребальным костром, которому предстоит полыхать всю ночь напролёт, и лезет на вторую по высоте башню Илиона — довольно, кстати, разрушенную и опасную, — чтобы спокойно поесть хлеба с сыром и выпить вина. По мнению Хокенберри, день выдался долгий и полный странностей.

Постройка, давно уже избранная им для уединения, находится ближе к Скейским воротам, чем к центру города — дворцу Приама, однако не на главной проезжей дороге, и львиная доля лавок у её подножия в эти дни пустует. Строго говоря, башня — одна из самых внушительных в довоенной Трое — закрыта для посторонних. В первую неделю битвы с Олимпом сброшенная богами бомба снесла три этажа из четырнадцати, а также разбила по диагонали шарообразное утолщение у

пика, напоминавшее формой маковую коробочку на стебле, уничтожив потолок у нескольких верхних комнат. Фасад изрезали пугающие трещины, а узкую винтовую лестницу усеяли штукатурка, обломки кладки и даже кирпичи, вылетевшие из стен. Два месяца назад Хокенберри с немалым трудом расчистил себе дорогу наверх, к одиннадцатому этажу. По настоянию Гектора моравеки оклеили входы оранжевой лентой с графическими пиктограммами, которые предупреждали всякого, кто посмеет забраться внутрь, о том, какие ужасы его ждут (согласно самым жутким из картинок, башня собиралась рухнуть в любую минуту), и под угрозой царского гнева велели держаться подальше.

Охотники за наживой обчистили строение за семьдесят два часа, после чего местные жители и в самом деле стали обходить пустое, никчёмное здание стороной. Бывший схолиаст пролезает между оранжевыми лентами, включает ручной фонарик и начинает долгое восхождение, нимало не тревожась о том, что его арестуют, ограбят или просто застанут врасплох. Мужчина вооружился ножом и коротким клинком. Кроме того, Томас Хокенберри, сын Дуэйна, слишком хорошо известен как приятель… ну, может, и не

приятель, но по крайней мере собеседник… Ахиллеса и Гектора, не говоря уже о более коротком знакомстве с моравеками и роквеками, которым он так хвастался. В общем, любой троянец или грек хорошенько подумает, и не раз, прежде чем осмелится напасть на него.

Хотя, конечно, боги… Но это уже другая песня.

На третьем этаже у Хокенберри начинается одышка. К десятому он с лёгким присвистом хватает ртом воздух. Добравшись до полуразрушенного одиннадцатого — пыхтит, будто несчастный «паккард» сорок седьмого года выпуска, некогда принадлежавший его отцу. За девять с лишним лет, проведённых бок о бок с кратковечными полубожествами, которые сражались, пировали и занимались любовью с такой грацией, словно работали ходячей рекламой самого процветающего в мире клуба здоровья, не говоря уже об олимпийцах и их прекрасных дамах, которые, пожалуй, послужили бы ходячей рекламой лучшего клуба здоровья во Вселенной, Томас Хокенберри так и не нашёл времени заняться собственной формой. «Типичная ошибка», — морщится он.

Узкие ступени круто вьются по сердцевине круглого здания. Дверных проёмов здесь нет; рассеянный предзакатный свет проникает с двух

сторон через окна тесных комнатушек, однако сама лестница утопает во мраке. Только луч фонарика позволяет вечернему гостю убедиться, что ступени ещё на месте и не засыпаны новыми каменными осколками. Хорошо хоть стены девственно чисты от граффити. «Одно из многих благословений поголовной неграмотности», — усмехается про себя схолиаст.

В который раз, достигнув маленькой ниши на верхнем — теперь уже — этаже, расчищенной его руками от пыльной штукатурки, хотя и открытой ветрам и дождю, он понимает, что восхождение «стоило свеч».

Усевшись на свой любимый камень, Хокенберри откладывает фонарик — подарок моравеков, опускает под ноги мешок, достаёт из него свежий хлеб и заветренный сыр, а потом выуживает бурдюк с вином. Вечерний бриз, налетая с моря, колышет отросшую бороду и длинные волосы схолиаста. Тот не спеша нарезает боевым ножом куски сыра, отхватывает ломти от буханки, любуется пейзажем и чувствует, как исподволь, капля по капле, рассеивается напряжение трудного дня.

Что и говорить, вид отсюда впечатляет. Обзор почти в триста градусов, ограниченный лишь

уцелевшим обломком стены за спиной, позволяет рассмотреть не только большую часть города — погребальный костёр Париса в нескольких кварталах к востоку с такой высоты кажется расположенным почти под ногами, — но и стены Трои, на которых в этот час начинают зажигать факелы, а также лагерь ахейцев, простёршийся к северу и к югу вдоль побережья. Сотни далёких огней напоминают Хокенберри картину, однажды увиденную мельком из окна самолёта, снижающегося в сумерках над Лейк-Шор-Драйв: на глади чикагского озера точно так же сверкало и переливалось драгоценное ожерелье из отражений прожекторов и бесчисленных гостиничных окон. Вдали, еле видные на волнах винноцветного моря, темнеют полсотни с чем-то кораблей Агамемнона. Длинные суда покачиваются на якорях: лишь незначительную их часть успели втащить на берег. Пустовавший полтора месяца, а нынче оживлённый как никогда, греческий лагерь пылает заревом костров.

Да и на небосклоне сегодня вечером тоже не скучно. На северо-востоке от него отсекает здоровенный кусок единственная уцелевшая… не то червоточина, не то… Забыл, как правильно, и к тому же последние полгода её зовут просто

Дыркой. Она соединяет долины Илиона с океаном иной планеты. Красная марсианская пыль сменяет бурую почву Малой Азии без всякого перехода: хоть бы трещинка по земле пробежала. Багровые отблески — там сейчас чуть раньше, чем у нас, — выделяют очертания чужеродного круга на фоне более тёмных туч старой Земли. Десяток-другой дозорных шершней моравеков, мигая то алыми, то зелёными огнями, летают вокруг самой Дырки, над городом, кружат над морем и вновь устремляются на восток, туда, где еле различимыми тенями вздымаются поросшие лесами пики горы Иды.

Несмотря на ранний зимний закат, на улицах Трои продолжает кипеть жизнь. На рыночной площади у дворца Приама торговцы только что свернули свои навесы и теперь увозят непроданный товар на тележках. Даже с такой высоты Хокенберри слышит долетающий по ветру скрип деревянных колёс. Зато соседние проулки, на которых теснятся бордели, рестораны, бани и опять бордели, в это время лишь начинают пробуждаться, заполняясь мерцающими язычками факелов и шатающимися фигурами. Обычаи Трои требуют, чтобы на всех основных перекрёстках, а также углах и поворотах городской стены

стояли огромные жаровни, где по ночам должны беспрестанно гореть дрова или масло; последние из них и поджигают сейчас ночные дозорные. Хокенберри видит, как тёмные тени жмутся ближе к таким кострам, чтобы согреться.

Ко всем, кроме одного. Погребальный сруб Париса продолжает полыхать на главной площади, затмевая прочие огни, однако никто не ищет его тепла. Лишь Гектор горестно стенает и плачет, призывая своих солдат, рабов и слуг подбрасывать в бушующее пламя больше дров, а сам то и дело черпает большим двуручным кубком вино из золотого сосуда и возливает его вокруг костра. Издали чудится, будто вымокшая насквозь земля сочится багряной кровью.

Ужин схолиаста почти закончен, когда на лестнице слышатся чьи-то шаги.

Сердце подскакивает к самому горлу; во рту появляется неприятный привкус страха. Кто-то подстерёг Хокенберри и даже осмелился на преследование. Тут и сомневаться нечего. Ноги ступают еле слышно: загадочный гость осторожно крадётся наверх.

«Может, какая-нибудь женщина позарилась на брошенные ворами вещи?» — предполагает учёный, однако луч надежды, едва загоревшись,

печально гаснет. Во-первых, из темноты слабым эхом доносится тихий звон металла — видимо, бронзовых доспехов. А во-вторых, насколько ему известно, троянские дамы во сто крат опаснее большинства мужей двадцатого и двадцать первого столетия.

Схолиаст как можно тише поднимается с места, убирает в сторону хлеб, сыр и вино, зачехляет свой нож, беззвучно вытаскивает клинок и делает шаг назад, к уцелевшему краю стены. Подумав, он прячет меч под алым плащом, тяжёлые складки которого треплет порыв ночного ветра.

«У меня есть квит-медальон». Левая рука невольно тянется к маленькому приборчику для квантовой телепортации, висящему на груди под одеждой. «С чего это я решил, будто не сохранил ничего ценного? Пусть этой штучкой нельзя воспользоваться без того, чтобы жители Олимпа не засекли меня и не бросились в погоню, а всё-таки вещь редкостная. Настоящее сокровище». Хокенберри достаёт фонарик и держит его на весу, как тазерный жезл. Кстати, сейчас бы он действительно не помешал…

Шаги звучат уже близко. Что, если это бог? Бессмертные и раньше пробирались в город в обличье простых людей. И разве у них недостаточно

причин, чтобы преследовать бывшего схолиаста, убить его и забрать драгоценный медальон?

Таинственный гость одолевает последние ступени. Выходит под открытое небо. Мужчина щёлкает кнопкой, и луч фонаря выхватывает из темноты фигуру…

Это существо низкого роста, не выше метра, и вообще мало похоже на человека. Колени загнуты назад, руки сочленяются неправильно, правая ладонь ничем не отличается от левой, лица вообще нет, и всё заковано в тёмный пластик или серо-красно-чёрный металл.

— Манмут, — с облегчением выдыхает Хокенберри, отводя круг света от зрительной панели маленького европейца.

— Под этим плащом упрятан короткий клинок, — произносит моравек по-английски, — или ты просто рад меня видеть?

Поднимаясь на башню, учёный никогда не забывал прихватить с собой немного топлива про запас. Обычно это были засохшие коровьи лепёшки, но нынче удалось разжиться охапкой ароматного хвороста, которым из-под полы торговали на площади лесорубы, собиравшие дрова для погребального сруба. И вот на площадке трещит костерок, а Манмут и Хокенберри сидят на

камнях друг напротив друга. Дует пронизывающий ветер, и человек радуется тому, что может хотя бы погреться.

— Что-то давно тебя не видел, — говорит схолиаст, глядя, как отсветы пламени пляшут на блестящей поверхности зрительной панели моравека.

— Я был на Фобосе.

Несколько мгновений бакалавр гуманитарных наук напрягает память. Ах да, Фобос. Одна из лун Марса. Кажется, самая близкая. Или самая маленькая? В общем, луна. Взгляд обращается к Дырке, теперь уже чуть заметной в нескольких милях к северо-востоку от города. На другой планете тоже ночь, и чёрный диск выделяется только за счёт особенных звёзд. Там они то ли светят ярче, то ли гуще насыпаны, то ли всё сразу. Марсианские луны — где-то вне поля зрения.

— Я ничего такого сегодня не пропустил? — интересуется Манмут.

Не удержавшись от усмешки, Хокенберри рассказывает европейцу о погребальном обряде и самосожжении Эноны.

— Ух ты, обалдеть, — отзывается моравек.

Похоже, он сознательно предпочитает обороты речи, которые, по его мнению, были в большом

ходу в ту эру, когда схолиаст впервые жил на Земле. Иногда этот выбор удачен. В основном же, как сейчас, презабавен.

— Не помню, чтобы в «Илиаде» говорилось о прежней жене Париса, — продолжает Манмут.

— Вряд ли это из «Илиады», — соглашается собеседник, задумчиво нахмурив лоб. Нет, вроде бы ничего подобного в его лекциях не встречалось.

— Воображаю, какое драматическое было зрелище, — не скрывает белой зависти европеец.

— Да уж. Особенно всех поразили слова Эноны о том, что Париса на самом деле убил Филоктет.

— Филоктет? — Моравек чуть наклоняет голову вбок; по какой-то причине Хокенберри привык считать этот почти собачий жест знаком того, что приятель копается в банках памяти. — Герой Софокла? — осведомляется он через мгновение.

— Да. Первоначальный предводитель фессалийцев, из Мефоны.

— У Гомера я с ним, кажется, не встречался, — произносит Манмут. — И здесь вроде бы тоже.

Схолиаст качает головой.

— Ещё по дороге сюда, много лет назад, Агамемнон с Одиссеем оставили его на острове Лемнос.

— С какой стати? — В голосе маленького существа, очень похожем по тембру на человеческий,

сквозит неподдельное любопытство.

— Ну, главным образом потому, что от него дурно пахло.

— Дурно? А разве от кого-то из них пахнет *хорошо?*

Хокенберри изумлённо хлопает глазами. Лет десять назад, воскреснув на Олимпе для новой работы, он и сам так считал, потом притерпелся. Через полгода или около того. «Интересно, может, я тоже…»

— Этот парень вонял особенно сильно, — поясняет бывший служитель Музы. — У него была гнойная язва.

— Язва?

— Змея укусила. Ядовитая. Как раз когда… Впрочем, это длинная история. Знаешь, обычные дрязги: кто-то что-то ворует у богов. Если в двух словах, его нога буквально источала гной, на палубе было не продохнуть от смрада, лучник вопил как резаный и поминутно терял сознание. В конце концов Агамемнон, по наущению Одиссея, попросту высадил старика на остров Лемнос, бросив товарища гнить в одиночестве.

— Но тот почему-то выжил? — уточняет моравек.

— Как видишь. Возможно, боги хранили его

для некоей миссии. Правда, боли в ноге терзали беднягу всё это время.

Манмут опять наклоняет голову.

— Понятно… Теперь я вспоминаю пьесу. Лаэртид пустился в обратный путь за сыном Пеанта, как только гадатель открыл ахейцам, что им не покорить гордую Трою без лука, подаренного Филоктету… э-э-э… Гераклом.

— Ну да, лук перешёл к нему по наследству, — кивает Хокенберри.

— Погоди, а когда Одиссей успел его привезти? Я имею в виду реальную жизнь, последние восемь месяцев.

Мужчина пожимает плечами.

— Всё провернули без лишнего шума. Сын Лаэрта незаметно отлучается недели на три, потом возвращается, и — хлоп! «Ребята, я тут ходил за вином и встретил старого друга…» Что-то вроде того.

— В трагедии Софокла, — произносит маленький европеец, — главным героем был Неоптолем, сын Ахилла. Отца он при жизни так и не встретил. Только не говори, что юноша тоже здесь.

— Нет, насколько мне известно, — качает головой схолиаст. — Один Филоктет. Со своим луком.

— И вот теперь Энона винит его в убийстве

Париса.

— Угу.

Томас Хокенберри подбрасывает хвороста в огонь. Ветер яростно кружит золотые искры и уносит их к звёздам. Над океаном раскинулась непроглядная тьма, в которой медленно ворочаются тучи. Пожалуй, перед рассветом грянет ливень. А жаль: мужчина полюбил ночевать прямо здесь, под открытым небом. Дорожный мешок под голову, накидка с капюшоном — вместо тёплого одеяла, очень удобно!

— Да, но как Филоктет проник в Медленное Время? — спрашивает Манмут, поднимается и подходит к отколотому краю площадки, явно не страшась обрыва в сотню с лишним футов. — По-моему, такая возможность была только у Париса.

— Тебе виднее, — отвечает схолиаст. — Это ведь вы, моравеки, накачали героя нанотехнологиями, чтобы он одной левой управлялся с богами.

Европеец возвращается к костру, но не садится на камень, а продолжает стоять, вытянув ладони к огню, словно желая их согреть. «А может, он и правда греет, — размышляет про себя Хокенберри. — Они у него вроде бы органические».

— Кое-кто из героев — Диомед, например, — до сих пор сохранили в крови нанокластеры, отве-

чающие за эту функцию, впрыснутые когда-то Афиной или другими богами, — говорит Манмут. — Но ты прав: перед поединком эти клетки обновили одному Парису.

— А Филоктета здесь не было десять лет, — произносит учёный. — Так что вряд ли олимпийцы потрудились накачать его наномемами. Кстати, при этом ведь получается ускорение, а не торможение, верно?

— Верно, — подтверждает его догадку моравек. — Время назвали «Медленным» по ошибке. Тому, кто туда попадает, кажется, будто всё вокруг застыло в тягучем янтаре, тогда как на самом деле именно путешественник наделяется сверхбыстрой реакцией и движением.

— А почему же он не сгорает? — удивляется Хокенберри, который без труда мог бы проследить за поединком Аполлона и брата Гектора. И проследил бы, окажись он в нужное время на месте. Боги прямо-таки напичкали его кровь и кости наномемами для сходных целей, к тому же бывший схолиаст не раз наблюдал, как олимпийцы готовили угодных им ахейцев или троянцев для битвы. — Из-за трения там… о воздух или… — Тут он беспомощно запинается, исчерпав познания в данной области.

Однако Манмут кивает, как будто услышав что-то разумное.

— Ускоренное тело, конечно, должно загореться — прежде всего из-за внутреннего перегрева, но специальные нанокластеры заботятся и об этом тоже. Организм окружает особая защитная оболочка.

— Как у Ахилла?

— Да.

— А не мог ли Парис погибнуть из-за сбоя нанотехнологии? — осеняет вдруг учёного.

— Вряд ли. — Моравек выбирает камень поменьше и снова садится. — С другой стороны, зачем Филоктету проливать кровь Приамида? Разве у него был мотив?

Хокенберри разводит руками.

— В книгах, не имеющих отношения к «Илиаде» Гомера, Париса убивает именно сын Пеанта. Из лука. Отравленной стрелой. Всё сходится с рассказом Эноны. Если не ошибаюсь, во второй песни вещий слепец упоминает пророчество, согласно которому Троя падёт лишь после того, как сын Пеанта вступит в сражение.

— Разве греки теперь не союзники троянцев?

Собеседник только улыбается.

— Надолго ли? Ты не хуже меня знаешь, ка-

кие заговоры плетутся, сколько подспудного недовольства закипает в обоих лагерях. Никого, кроме Гектора и Ахиллеса, не радует эта война с богами. Думаю, нам недолго ждать очередных возмущений.

— Да, но Приамид и быстроногий сын Пелея — практически непобедимая пара. И у каждого за спиной десятки тысяч верных товарищей.

— Это сейчас, — отрезвляет приятеля схолиаст. — Кто знает, когда и как в дела людей вмешаются боги?

— К примеру, помогут смертному вроде Филоктета войти в Медленное Время? — перехватывает его мысль Манмут. — Не понимаю, зачем? Согласно принципу бритвы Оккама, если бы они желали гибели Парису, Аполлон убил бы его, как все и верили. До нынешнего дня. Пока не вмешалась Энона со своими упрёками. Для чего было подсылать грека… — Он умолкает и смущённо бормочет: — А, ну да.

— Угадал, — вздыхает Хокенберри. — Олимпийцы желают ускорить мятеж, убрать с дороги Ахилла и Гектора и натравить сегодняшних союзников друг на друга.

— Вот зачем этот яд, — кивает европеец. — Чтобы Парис успел рассказать первой жене,

кто подлинный убийца. Теперь троянцы станут искать возмездия, и даже преданные Пелиду мирмидонцы будут вынуждены бороться за свои жизни. Умный ход, ничего не скажешь. А больше ничего интересного не случилось?

— Агамемнон вернулся.

— Без фуфла? — изумляется моравек.

«Надо будет потолковать с ним насчёт молодёжного сленга, — обещает себе учёный. — Такое ощущение, будто бы говоришь с новоиспечённым студентиком из Индианы».

— Ну конечно, без фуфла, — подтверждает он. — Приплыл на месяц или два раньше срока, и у него более чем странные вести.

Манмут наклоняется вперёд и выжидающе смотрит. По крайней мере схолиасту так кажется, ибо совершенно гладкое «лицо» из металла и пластика не отражает ничего, кроме языков костра.

Хокенберри откашливается.

— Там, куда плавал царь, люди пропали. Исчезли. Сгинули.

В этом месте маленькому европейцу полагалось бы издать удивлённое восклицание, но он молчит и внимательно слушает.

— Никого не осталось, — рассказывает учёный. — Первым делом Атрид отправился к себе

в Микены, повидаться с женой Клитемнестрой и сыном Орестом. Но не нашёл ни души *вообще*. Города обезлюдели. На столах стоит нетронутая пища. В конюшнях ржут изголодавшиеся лошади. Собаки воют у холодных очагов. Недоенные коровы мычат на пастбищах, а рядом бродят нестриженные овцы. Корабли Агамемнона обогнули весь Пелопоннес и двинулись дальше — пусто. В Лакедемоне, царстве Менелая, — пусто. На родине Одиссея, на Итаке, — пусто…

— Ну да, — вставляет Манмут.

— Постой-ка, — смекает Хокенберри, — ты в курсе! Моравекам уже известно, что города и царства греков стали необитаемыми. Но как?

— В смысле, как мы узнали? Очень просто. Всё это время мы продолжали следить за ними с орбиты, посылая беспилотные летательные аппараты для записи данных. Тут целая уйма интересного материала, на этой Земле, тем более за три тысячи лет до твоих дней… вернее, за три тысячи лет до двадцатого или двадцать первого века.

Схолиаст ошарашен. Ему и в голову не приходило, что моравеки могут уделять внимание чему-нибудь, кроме Трои, близлежащих полей сражений, Дырки, Марса и пары-тройки спутников, Олимпа, богов… Чёрт, разве *этого*

недостаточно?

— И когда они все… испарились? — наконец выдавливает он. — По словам царя, пища на столах была ещё свежей, бери да ешь.

— «Свежесть» — понятие растяжимое, — фыркает европеец. — По нашим наблюдениям, люди пропали четыре с половиной недели назад, когда флот Агамемнона приближался к Пелопоннесу.

— Господи Иисусе, — шепчет Хокенберри.

— Вот именно.

— Вы видели, как всё произошло? Ваши камеры или зонды… они засекли что-нибудь?

— Не совсем. Сначала земляне были на своих местах — и вдруг словно провалились, и наблюдать стало не за кем. Это случилось около двух часов утра по местному времени… э-э-э… в греческих городах.

— В греческих городах, — медленно повторяет Хокенберри. — То есть… ты хочешь сказать… другие люди… Они тоже исчезли? Ну, хотя бы… в Китае?

— Да.

Внезапно ветер налетает на костёр и раздувает искры во все стороны сразу. Схолиаст прикрывает лицо ладонями, чтобы не обжечься, потом аккуратно стряхивает угли с плаща и туники.

Дождавшись, пока нежданная буря уляжется, он подбрасывает в огонь остатки хвороста.

Не считая Илиона и склонов Олимпа — который, как выяснилось, вообще находился на другой планете, — Хокенберри бывал только в доисторической Индиане, где бросил на попечение индейцев единственного уцелевшего коллегу, когда озверевшую Музу понесло убивать схолиастов направо и налево. Рука безотчётно тянется к волшебному медальону. «Надо проверить, как там Найтенгельзер».

Словно прочитав мысли друга, Манмут поясняет:

— За радиусом пятисот километров от Трои сгинули все без исключения. Африканцы, китайцы, австралийские аборигены. Индейцы Северной и Южной Америки. Гунны, датчане и будущие викинги Северной Европы. Протомонголы. На планете никого больше не осталось. По нашим подсчётам, исчезло примерно двадцать два миллиона человек.

— Невероятно, — говорит Хокенберри.

— Пожалуй.

— Какая же мощность нужна, чтобы…

— Божественная, — отзывается моравек.

— Ты ведь не имеешь в виду олимпийцев? Они

просто… ну…

— Усовершенствованные гуманоиды? Мы тоже так думаем. Значит, в игру вступили иные силы.

— Господь? — хрипло шепчет человек, некогда променявший строгую, ясную веру своих родителей-баптистов на мантию учёного.

— Что ж, может, и так, — произносит маленький европеец. — Но тогда Он должен жить на Земле или околоземной орбите. Где-то там высвободилось чудовищное количество квантовой энергии, причём в то же самое время, когда жену и детей Агамемнона будто корова языком…

— На Земле? — повторяет мужчина и озирается. Внизу, под ногами, огонь лижет погребальный сруб Париса; в городе кипит ночная жизнь; вдали горят костры ахейцев, а ещё дальше мигают звёзды. — Здесь?

— Я не эту Землю имел в виду, — поправляется Манмут. — Другую, твою. Похоже, мы туда скоро отправимся.

Целую минуту сердце Хокенберри так сильно грохочет, что тот пугается за своё здоровье. Потом до схолиаста доходит: речь не совсем о *его* планете из двадцать первого века, которую он время от времени припоминает, на которой окончил свою первую жизнь, пока олимпийцы не воскресили

учёного, взяв ДНК, книги и Бог знает что ещё, не о том потихоньку воскресающем в сознании мире, где был Индианский университет, его жена и студенты. Конечно же, моравек говорит о Земле — современнице терраформированного Марса, существующей сейчас, через три тысячи лет после того, как закончил свой короткий и не слишком удачливый век преподаватель классической литературы Томас Хокенберри.

Не в силах усидеть на месте, он поднимается и начинает расхаживать взад-вперёд по разрушенному одиннадцатому этажу между разбитой северо-восточной стеной и вертикальным обрывом. Нога в сандалии задевает камень, и тот летит со стофутовой кручи в уличную темноту. Свистящий ветер отбрасывает назад капюшон и длинные с проседью волосы. Рассудком схолиаст понимал уже восемь месяцев, что видимый в Дырку Марс относится к Солнечной системе будущего, где есть и Земля, и прочие планеты, но только сейчас учёный осознал простую истину: его родина — *там*, и она ждёт.

«Голубой шарик, где кости моей жены давно рассыпались прахом… — Хокенберри смахивает слезу и вдруг усмехается про себя: — Чёрт, *мои* тоже!»

— Как же вы туда полетите? — произносит мужчина и сразу проникается нелепостью собственного вопроса.

Ведь он уже слышал рассказ о путешествии Манмута с Юпитера на Марс в компании его гигантского друга Орфу и других моравеков, не переживших первую встречу с богами. «На это есть космические суда, Хокенбеби». Хотя и возникшие словно по волшебству из квантовых Дырок, появившихся при помощи его собеседника, но всё же настоящие.

— На Фобосе строится специальный корабль, — мягко промолвил моравек. — На сей раз мы полетим не одни. И не безоружными.

Схолиаст беспокойно меряет шагами пространство. У самого края неровной площадки его охватывает страстное желание сигануть вниз, навстречу гибели: этот соблазн с юных лет преследовал его на любых возвышенностях. «Не потому ли меня и тянет сюда? Мечтать о прыжке? Грезить о самоубийстве?» Пожалуй, и так. Одиночество последних восьми месяцев давит на сердце невыносимым грузом. «Теперь и Найтенгельзер исчез — улетел за компанию с индейцами в недра неведомого космического пылесоса, который очистил Землю от жителей,

пощадив лишь несчастных проклятых троянцев и греков». Хокенберри знает: ему достаточно покрутить квит-медальон на груди, чтобы в мгновение ока очутиться в Северной Америке, точнее, в доисторической Индиане, и устремиться на поиски оставленного там старого друга. Однако ещё схолиасту известно, что боги тут же выследят его сквозь прорехи в Планковом пространстве; потому-то он больше и не квитируется — вот уже долгих восемь месяцев.

Мужчина возвращается и тёмным силуэтом на фоне костра замирает над маленьким европейцем.

— Какого хрена, Манмут, к чему этот разговор?

— Ты приглашён в путешествие, — спокойно изрекает моравек.

Хокенберри тяжело опускается на ближайший камень и целую минуту не издаёт ни звука. Потом произносит:

— Господи, зачем? Какой от меня в подобной экспедиции прок?

Европеец по-человечьи пожимает плечами.

— Ты — существо из того мира, — просто отвечает он. — Пусть даже из другого времени. Видишь ли, на той Земле по-прежнему живут люди.

— Правда? — В голосе схолиаста звучит изум-

ление невежды. Об этом ему даже не приходило в голову спросить.

— Да. Их не так много — похоже, четырнадцать веков назад большая часть каким-то манером переродилась в постлюдей и переселилась в города на орбитальных кольцах. Однако, по нашим наблюдениям, на планете осталось несколько сотен тысяч землян старого образца.

— Старого образца, — повторяет Хокенберри, даже не пытаясь изобразить хладнокровие. — То есть вроде меня.

— Именно, — кивает Манмут и поднимается. Его зрительная панель едва доходит человеку до пояса. Отроду не слывший великаном учёный вдруг понимает, как должны себя чувствовать олимпийцы рядом с простыми смертными. — Полагаем, тебе лучше отправиться с нами. Моравеки рассчитывают на твою бесценную помощь при контактах с людьми на Земле будущего.

— Господи Иисусе, — вновь говорит схолиаст.

После чего задумчиво поднимается, в который раз бредёт к неровному краю над пропастью, в который раз прикидывает, как было бы просто шагнуть с уступа в темноту (уже не надеясь на воскрешение) и повторяет:

— Господи Иисусе.

У погребального костра скитается неутешной тенью Гектор, без устали возливая вино, покрикивая на своих людей, чтобы усерднее кормили жаркое пламя.

«Это я убил Париса, — думает Хокенберри. — Это на моей совести кровь каждого мужчины, женщины, ребёнка и бога, погибших с того злосчастного дня, когда я принял вид Афины и, притворившись, будто прикончил Патрокла, выкрал якобы мёртвое тело, дабы поднять Ахиллеса на битву с Олимпом…»

Хокенберри разражается горьким смехом. Плевать, если маленькая живая машинка решит, будто бы он потерял рассудок.

«А что, разве не так? Всё бред и чушь! Ну почему я до сих пор не прыгнул с этого долбаного обрыва? Отчасти — стыдно признаться! — из чувства долга. Как будто бы всё ещё обязан отчитываться перед Музой. Нет, я точно свихнулся». При этой мысли к горлу опять подступают рыдания.

— Так вы полетите с нами на Землю, доктор Хокенберри? — негромко спрашивает Манмут.

— Конечно, гори оно всё, почему бы и нет? Когда?

— Как насчёт прямо сейчас? — говорит маленький европеец.

Оказывается, шершень давно и беззвучно парил где-то в сотне футов над ними, отключив навигационные огни. Чёрный шипастый летательный аппарат возникает из мрака с такой внезапностью, что схолиаст едва не падает с края площадки.

Особенно сильный порыв ночного ветра толкает человека обратно, и он шагает в сторону от обрыва. В ту же секунду из фюзеляжа шершня выдвигается лестница и клацает о камень. Хокенберри видит, как изнутри струится красное мерцание.

— После вас, — произносит Манмут.

6

С восходом солнца Гера вступила под своды Великого Зала Собраний, где в одиночестве, мрачно восседая на золотом престоле, ожидал её Зевс.

— Этот, что ли? — осведомился Громовержец, кивнув на пса, приведённого супругой.

— Этот, — промолвила богиня и отстегнула сияющий поводок.

Животное тут же уселось.

— Зови своего сына, — распорядился Тучегонитель.

— Которого?

— Искусного мастера. Того, что пускает слюни при виде Афины, точно блудливый… Хотя нет, собаки лучше воспитаны.

Гера тронулась к выходу. Пёс поднялся следом за ней.

— Оставь его, — приказал Зевс.

По мановению белой руки огромный зверь опустился на место.

Его короткая серая шерсть лоснилась, а кроткие карие глаза ухитрялись выражать коварство и глупость одновременно. Пёс принялся расхаживать взад и вперёд вокруг золотого трона, царапая мрамор. Потом обнюхал торчащие из сандалий голые пальцы Повелителя Молний, Сына Кроноса. Потом, неприятно стуча когтями по полу, приблизился к тёмному голографическому пруду, заглянул туда, не увидел ничего интересного в тёмных завихрениях помех, заскучал и потопал к далёкой белой колонне.

— Ко мне! — повелел Громовержец.

Зверь покосился на него, отвернулся и начал обнюхивать основание колонны с самыми серьёзными намерениями.

Властитель Молний громко свистнул.

Пёс повертел головой, навострил уши, однако

не тронулся с места.

Бог свистнул и хлопнул в ладоши.

Серый пёс вернулся в два прыжка, радостно высунув язык и выкатив глаза.

Тучегонитель спустился с трона и потрепал животное по загривку. Затем извлёк из бесчисленных складок одежды сверкающий нож и взмахом могучей руки рассёк звериную шею. Голова докатилась почти до границы голографического пруда, а тело попросту рухнуло, вытянув передние лапы, как если бы пёс получил команду «лежать» и повиновался в надежде на лакомую награду.

— Забавляемся с собачкой, Повелитель? — промолвила Гера, входя в Великий Зал Собраний вместе с сыном.

Зевс отмахнулся, будто прогоняя назойливую гостью, спрятал клинок в рукав и возвратился на золотой престол.

По сравнению с другими бессмертными Гефест выглядел приземистым карликом: шесть футов роста и грудь, словно пивная бочка. К тому же бог огня хромал и приволакивал левую ногу, будто мёртвую, — впрочем, так оно и было. Косматая шевелюра и ещё более лохматая борода путались с дикой порослью на груди, а глазки, обрамлён-

ные красными веками, так и бегали по сторонам. На первый взгляд могло почудиться, что покровитель ремесленников облачён в доспехи, но при ближайшем рассмотрении косматое тело оказывалось крест-накрест перевито ремнями, с которых свисали сотни крохотных мешочков, коробочек, инструментов и приспособлений, выкованных из драгоценных и обычных металлов, сшитых из кожи и даже, судя по виду, сплетённых из волос. Искуснейший мастер прославился на Олимпе тем, что создал однажды из чистого золота заводных девиц, которые двигались, улыбались и доставляли мужчинам усладу почти как живые. По слухам, именно в его алхимических сосудах зародилась первая женщина — Пандора.

— Моё приветствие лудильщику! — прогрохотал Зевс. — Я бы позвал тебя раньше, да все кастрюли целы, а игрушечные щиты никак не погнутся.

Гефест опустился на колени подле мёртвого пса и тихо пробормотал:

— Зачем же так-то? В этом не было нужды. Совсем не было.

— Он действовал мне на нервы, — пояснил Властитель Молний, взяв с подлокотника чашу и сделав глоток.

Бог кузнечного дела перевернул обезглавленное тело набок, провёл мозолистой ладонью по грудной клетке, словно решив приласкать беднягу, и осторожно нажал. Покрытая мясом и шерстью панель отскочила в сторону. Пошарив прямо в кишках, Гефест извлёк наружу прозрачный мешочек и вытащил из него длинный ломоть розоватой сочной плоти.

— Дионис, — объявил потомок Геры.

— Мой сын, — отозвался Зевс и потёр виски, как будто смертельно устал от происходящего.

— Прикажешь отнести эти объедки к Целителю, о великий Кронид? — поинтересовался бог огня.

— Нет. Пусть лучше кто-нибудь из наших съест его и заново родит на свет, как и желал Дионис. Правда, Единение подобного сорта болезненно для принимающей стороны, но может быть, это научит бессмертных заботливее приглядывать за моими детьми.

Зевс перевёл взгляд на Геру, которая за это время успела присесть на вторую ступеньку престола, с нежностью положив правую руку на колено супруга.

— Муж мой, нет, — еле слышно сказала богиня. — Прошу тебя.

Тучегонитель блеснул зубами.

— Тогда выбирай сама, жена.

— Афродита, — промолвила та без колебаний. — Ей не впервой совать себе в рот мужские члены.

Громовержец покачал головой.

— Только не она. Улыбколюбивая ничем не прогневила меня с тех пор, как побывала в баках Целителя. Не уместнее ли будет покарать Афину Палладу за то, что вовлекла нас в эту войну с кратковечными, легкомысленно прикончив Патрокла, любезного друга Ахилла, и маленького сынишку Гектора?

Гера отдёрнула руку.

— Афина всё отрицает, о сын Крона. К тому же по рассказам смертных выходит, что Афродита была рядом с ней — по крайней мере когда они проливали кровь Астианакса.

— Голографический пруд сохранил запись убийства Патрокла. Хочешь посмотреть ещё раз, жена? — В голосе Зевса, похожем на низкое ворчание дальнего грома, начали прорезаться нотки зарождающегося гнева. Казалось, будто в гулкий зал неожиданно вторглась морская буря.

— Нет, повелитель, — отказалась богиня. — Однако тебе должно быть известно: по словам

Афины, все эти проступки совершил исчезнувший схолиаст Хокенберри, приняв её обличье. Твоя дочь клянётся любовью к отцу, что…

Тучегонитель нетерпеливо встал, прошёлся по мраморному полу и вдруг рявкнул:

— Видоизменяющие браслеты не позволяют смертным уподобляться нам! Это невозможно даже на краткий срок. Нет, или она сама оплошала, или кто-то из нашего рода на время позаимствовал облик Афины. Итак… выбирай, кому надлежит вкусить мяса и крови моего сынка Диониса.

— Деметре.

Властитель Молний погладил седую бородку.

— Деметре? Моей сестре и матери возлюбленной Персефоны?

Гера поднялась, отступила на шаг и воздела лилейные руки:

— А разве *кто-нибудь* на этой горе не доводится тебе роднёй? Я тоже твоя сестра и к тому же супруга. Во всяком случае, Деметре уже приходилось рожать на свет не пойми что. И ей всё равно сейчас нечем заняться, поскольку в наши дни кратковечным не до того, чтобы сеять и жать пшеницу.

— Быть посему, — ответил Зевс и посмотрел на

Гефеста: — Доставь Деметре останки моего сына и сообщи мою высочайшую волю: пусть примет их на завтрак и возродит Диониса к жизни. А до тех пор я лично отряжу следить за ней трёх фурий.

Пожав плечами, хромоногий опустил кусок мяса в один из бесчисленных мешочков.

— Не хочешь ли посмотреть погребальный обряд Париса?

— Хочу, — откликнулся Громовержец и снова воссел на трон.

А потом похлопал по ступени, которую в пылу беседы оставила Гера. Та поняла намёк и покорно вернулась на место, но руку на колено Крониду класть не стала.

Бубня себе под нос, Гефест приблизился к собачьей голове, поднял её за уши, достал из нагрудной коробки искривлённый металлический инструмент и подцепил им левый глаз. Яблоко выскочило наружу без единой капли крови, зато вслед за ним потянулись, разматываясь, оптоволоконные нервы красного, зелёного и белого цвета. Когда в руке у Гефеста оказалось два фута проводов, бог огня снял с пояса какой-то другой инструмент и перерезал их у основания.

Затем он зубами снял изоляцию и налипшую слизь, под которыми обнаружились тончайшие

золотые волокна. Ловко закрутив блестящие концы, Гефест подключил их к маленькой металлической сфере из очередного мешочка. Эту сферу он плотно сжал в руке, а глаз и ярко окрашенные нервы опустил в голографический пруд.

Тёмные водовороты немедленно сменились трёхмерными изображениями. Богов окружили звуки, разносящиеся из пьезоэлектрических микродинамиков, хитроумно встроенных в стены и мраморные колонны Зала.

Правда, картинка получалась с точки зрения собаки — почти от самой земли, заполненная в основном ногами и сверкающими бронзовыми наголенниками.

— Прежние репортажи мне больше нравились, — пробормотала Гера.

— Моравеки распознают и уничтожают всех наших «жучков», даже траханых насекомых, — оправдывался хромоногий, перематывая в ускоренном режиме погребальный обряд Париса. — Нам ещё повезло, что…

— Тихо! — рявкнул Зевс, и голос его раскатился под сводами, точно гроза. — Давай. Отсюда. Звук.

Несколько минут троица молча смотрела на заклание Диониса.

В последний миг бессмертный сын Кронида

взглянул через толпу прямо в глаза псу-шпиону и чётко сказал: «Сожрите меня».

— Можешь выключать, — промолвила белорукая богиня, увидев, как Приамид подносит факел к деревянному срубу.

— Нет, погоди, — возразил Повелитель Молний.

Минуту спустя он покинул престол и двинулся к пруду, сердито насупив брови, полыхая глазами, сжимая кулаки.

— Да как он *посмел*, кратковечный Гектор, молить Борея и Зефира дуть на костёр, в котором жарятся яйца, потроха и кишки бессмертного! *КАК ОН ПОСМЕЛ!!!*

И Зевс квитировался прочь. Послышался оглушительный гром: это воздух спешил занять пустоту, оставшуюся на месте громадного олимпийца.

Гера покачала головой.

— Иногда твоего отца не поймёшь, Гефест. На ритуальное заклание родного сына он смотрит не моргнув глазом, а стоит Приамиду воззвать к ветрам, папочка брызжет слюной. Совсем сбрендил.

Кузнец угрюмо хмыкнул, скатал провода, убрал глазное яблоко и металлическую сферу в мешочек.

— Что ещё тебе будет угодно сегодня, дочь Крона?

Белорукая кивнула на труп собаки с раскрытой панелью на брюхе.

— Забери это.

Дождавшись его ухода, супруга Зевса прикоснулась к пышной груди — и в тот же миг исчезла из Великого Зала Собраний.

Никто не способен был квитироваться в спальные покои Геры, даже сама хозяйка. Давным-давно — если вечная память ей не изменяла, ибо настали дни, когда даже это вызывало сомнения, — богиня сама попросила Гефеста обезопасить её чертоги при помощи волшебного искусства. С тех пор в стенах постоянно пульсировали силовые поля квантовых потоков, похожие на те, что защищали Трою и стан ахейцев по воле моравеков от божественного вмешательства, но всё-таки немного иные; армированная дверь из титана удержала бы снаружи даже разъярённого Зевса, к тому же хромоногий на удивление плотно подогнал створку к квантовому косяку и запер на потайной замок, открывающийся лишь в ответ на телепатический пароль, который супруга Тучегонителя ежедневно меняла.

Послав мысленную команду, Гера сняла запор,

скользнула в опочивальню, захлопнула за собой бесшовную дверь из блистающего металла и сразу направилась в ванную комнату, сбрасывая на ходу хитон и грязное бельё.

Для начала волоокая опустилась в глубокую ванну (вода в неё подавалась прямо с вершины Олимпа, полученная из кристально чистого льда подземными машинами Гефеста, внедрёнными в огненное жерло древнего вулкана). Затем Гера с помощью амброзии отмыла с белоснежной, сияющей кожи самые тусклые пятнышки, самые неуловимые следы несовершенства.

После белорукая щедро умастила своё вечно прелестное, чарующее тело притиранием из оливок и благоухающим маслом. Поговаривали, что аромат этого масла, доступного лишь Гере, мог расшевелить не только любое божество мужского пола в медностенных чертогах Зевса, но иногда ниспускался и на Землю в виде облака, от чудесного запаха которого ничего не подозревающие смертные, охваченные вожделением, шли на крайние безумства.

Дочь великого Крона изящно уложила блистательные, душистые локоны вокруг скуластого лица и облачилась в ароматную ризу, сотканную для неё Афиной в те позабытые дни, когда богини

были ещё подругами. На диво гладкую ткань изукрасили бесчисленные узоры; искусные пальцы Афины и волшебный станок вплели в уток даже нити розовой парчи. Роскошное одеяние Гера подколола у высокой груди золотой брошью и обвила вокруг стана пояс, расшитый бахромой из тысяч колышущихся кистей.

После чего продела в аккуратно проткнутые бледные мочки ушей, робко выглядывавшие из тёмных благоухающих волн причёски подобно таинственным морским обитателям, прекрасные серьги с тройными багровыми подвесками, серебристый блеск которых, острыми лучами впиваясь в сердца мужчин, безотказно разил наповал.

Наконец богиня осенила державную голову невесомым белокипенным покровом, бросавшим солнечные отсветы на розовые лепестки её щёк, и захлестнула на шёлковых лодыжках тонкие золотые ремешки лёгких сандалий.

Ослепительная от макушки до пят, она задержалась перед зеркальной стеной, с минуту придирчиво рассматривала своё отражение и вполголоса промолвила:

— А ты ещё ничего.

С этими словами Гера вышла из почивальни

под гулкие своды мраморного зала и, коснувшись груди, квитировалась прочь.

Богиня любви одиноко прогуливалась по зелёным склонам Олимпа. Вечер клонился к закату, и здесь, на восточном берегу кальдеры, жилища и храмы бессмертных купались в лучах заходящего солнца. Афродита невольно залюбовалась золотым сиянием, что разливалось на севере по волнам марсианского океана и ледяным вершинам трёх исполинских вулканов далеко-далеко на востоке, куда протянулась гигантская, двухсоткилометровая тень Олимпа. Правда, вид получался немного смазанным из-за привычного силового поля, которое позволяло беззаботно жить, дышать и передвигаться, испытывая почти земное притяжение, при том что на терраформированной планете царил почти абсолютный вакуум.

И ещё изображение размывала мерцающая *эгида* — щит, установленный лично Зевсом в начале войны, о которой напоминала большая Дырка внизу — прорезанный в сумраке круг, полыхающий закатными красками совсем иного мира, заполненный огнями человечьих костров и суетливыми летающими аппаратами моравеков.

— Милое дитя, — воззвала к Афродите возник-

шая из ниоткуда Гера, — ответь, согласишься ли ты исполнить одну мою просьбу или откажешь? Всё ещё сердишься за те последние десять лет, когда я помогала данайцам, в то время как тебе было угодно стоять за дорогих твоему сердцу троянцев?

— Возможно ли отказать Царице Небес и возлюбленной Зевса? — откликнулась та. — Я с радостью повинуюсь, *если,* конечно, это исполнимо.

Солнце почти упало за окоём; собеседницы оказались в полумгле, однако Гера заметила, что кожа и неувядающая улыбка покровительницы любви продолжали струить своё собственное сияние. Даже в душе богини всколыхнулось нечто похожее на сладострастие; как же должны были чувствовать себя рядом с этой прелестницей боги, не говоря уже о слабовольных кратковечных мужчинах?

Глубоко вздохнув (ибо следующие слова знаменовали начало самой опасной интриги, на какую она только решалась), коварная супруга Громовержца выпалила:

— Дай мне сил возбуждать Любовь, порождать Желания, коими ты покоряешь сердца и бессмертных, и смертных!

Всё ещё улыбаясь, Афродита легонько сощурила ясные глаза.

— Разумеется, раз ты так изволишь, дочь великого Крона. Но для чего мои скромные уловки той, кто уже почивает в объятиях всемогущего Повелителя Молний?

Гера врала недрогнувшим голосом, разве что, как и все лгуны, приводила слишком много подробностей:

— Война утомила меня, богиня любви. Все эти заговоры бессмертных, происки аргивян и троянцев изранили хрупкую душу. Я отхожу к пределам иной, многодарной земли навестить отца Океана, источник, откуда восстали бессмертные, и мать Тефису, кои питали меня и лелеяли в собственном доме, юную взявши от Реи, когда беспредельно гремящий, широкобровый Зевс Крона глубоко под землю низверг — и под волны бесплодных морей в нашем холодном багровом мире.

— Но зачем? — тихо спросила её Афродита. — Для чего нужны мои слабые чары, если ты всего лишь хочешь навестить Океана и Тефису?

Супруга Тучегонителя лукаво улыбнулась.

— Старики ухитрились поцапаться, брачное ложе давно охладело. Иду посетить их, чтобы рассеять старую вражду и положить конец несо-

гласию. Сколько можно чуждаться объятий, избегая супружеской ласки? Хочу примирить их, на одр возвести, чтобы вновь сочетались любовью, и заурядных слов для этого не хватит. Вот почему я прошу, во имя нашей с тобою дружбы, ради случайно остывшей страсти между двумя близкими душами: дай мне на время тайну любви, и я воскрешу в них былую нежность.

— Не должно отвергать столь сердечной просьбы. — Афродита ещё ослепительнее сверкнула зубами. Закатившись за краешек Марса, дневное светило оставило пик Олимпа погруженным во тьму, однако улыбка Киприды грела мнимых подруг, окутывая их мягким ореолом. — В конце концов, твой муж повелевает всеми нами.

Сказала — и распустила укрытый под грудью пояс. Гера уставилась на тонкую паутинку из ткани, расшитую микросхемами.

«Достанет ли мне храбрости? — У неё вдруг пересохло в горле. — Если эта стерва разнюхает, на что я решилась, то немедля соберёт своих подлых сообщников, и тогда пощады не жди. А если дознается Зевс — покарает так, что ни Целитель с иной планеты, ни его баки уже не вернут меня даже к подобию жизни».

— Скажи, как эта штука работает, — еле слыш-

но проговорила богиня.

— В этой штуке, — тихо промолвила собеседница, — заключена вся хитрость обольщения. И жар любви, и лихорадка страсти, и жадные вскрики, и шепоты пылких признаний, и тонкие льстивые речи, не раз уловлявшие в сеть даже самых разумных.

— Всё в одном пояске? — удивилась Гера. — Ну и как же он действует?

— Его волшебство заставит любого мужчину помешаться от вожделения, — прошелестел голос Киприды.

— Да, да, но *как* это получается? — Бессмертная уже не скрывала досады.

— Откуда мне знать? — небрежно рассмеялась Афродита. — Я получила пояс в придачу, когда он… ну, *он* … творил из нас богов. Может, здесь замешаны феромоны широкого спектра действия. Может, наноактиваторы гормонов. Или поток микроволновой энергии, направленной непосредственно к мозговым центрам секса и наслаждения. Какая разница? Главное — результат… Хотя, конечно, у меня полно других маленьких хитростей. В общем, примерь его и убедишься сама, о супруга Громовержца.

Белорукая бессмертная расплылась в улыбке и

затянула узорчатую ленту под высокими грудями, так что её почти не стало видно.

— Как мне его включить?

— Хочешь сказать, как его включит твоя любезная мать? — продолжала скалить зубы Киприда.

— Ну да, разумеется.

— Когда настанет время, коснись груди, будто собралась активировать пусковую схему квантовой телепортации, только не воображай место назначения, а потрогай микросхему и думай о чём-нибудь чувственном.

— И всё? Так просто?

— Этого хватит, — кивнула Афродита. — О, в этом поясе заключён целый мир.

— Благодарю тебя, богиня любви, — проронила Гера.

Лазерные лучи, устремлённые вверх, будто копья, пронзали силовое поле над их головами. Вылетевший из Дырки космический корабль или шершень моравеков набирал высоту.

— Что бы ни лежало у тебя на сердце, — произнесла Киприда, — я надеюсь, ты не вернёшься в чертоги Олимпа, не исполнив задуманного.

Гера лишь улыбнулась. Потом подняла руку к своей груди, стараясь не задеть укрытый под нею пояс, и телепортировалась по квантовому следу

Зевса, оставленному в складках пространственно-временного континуума.

7

На восходе Гектор велел залить погребальный костёр вином. Вернейшие друзья убитого разгребли угли, с бесконечной осторожностью отыскивая кости Приамова сына среди пепла и обожжённых останков собак, лошадей и бога. Это было не сложно: Парис лежал на середине сруба; все прочие, набросанные кучей, горели далеко по краям.

Орошая землю слезами, боевые товарищи собрали драгоценные кости в золотую урну, которую обернули двойным слоем тука, как требовал обычай для героев и благородных мужей. Скорбная процессия прошествовала с погребальным фиалом по улицам и площадям Илиона (крестьяне и воины с равной почтительностью молча уступали дорогу) и доставили прах на расчищенную от мусора площадку, где прежде находилось южное крыло дворца Приама, разрушенного восемь месяцев назад бомбами олимпийцев. В сердце изрезанного кратерами пространства высился временный курган, возведённый из ка-

менных глыб — обломков здания, в котором уже покоилась царица Гекуба, жена Приама. Теперь один из её сыновей покрыл урну с останками другого тонкой льняной пеленой и сам водрузил сосуд на место.

— Здесь, брат мой, мы полагаем на время твой прах, — произнёс Гектор перед лицом людей, последовавших за ним, — и пусть земля укроет его, доколе мы не обнимемся в сумрачном Доме Смерти. Когда эта война окончится, оставшиеся в живых возведут над тобой, над нашей матерью и всеми павшими в бою — думаю, и надо мною тоже, — достойный надгробный холм не хуже великих обиталищ Аида. Ну а сейчас — прощай, брат.

Благородный Приамид и его люди вышли наружу. Сотни дожидавшихся воинов засыпали каменный курган рыхлой землёй, нагромоздив сверху солидную кучу камней и обломков.

После чего Гектор, не спавший вот уже две долгие ночи, устремился на поиски Ахиллеса, горя желанием возобновить сражение с бессмертными. Сегодня он как никогда жаждал их золотой божественной крови.

Очнувшись на рассвете, Кассандра увидела, что почти раздета (платье было жутко разодрано

и помято), лежит на чужой кровати и вдобавок привязана шёлковыми верёвками за кисти и лодыжки. «Что за притча?» — удивилась провидица. Неужели она вновь нагрузилась до чёртиков и позволила затащить себя «на чашечку кофе» какому-нибудь смазливому солдатику-извращенцу?

Тут ей припомнилось вчерашнее погребение, а потом и обморок. Андромаха и Елена сердито требовали… «Вот дерьмо, — нахмурилась дочь Приама. — Мой длинный язык опять навлёк неприятности на мою…» Она осмотрелась. Внушительные каменные плиты, запах подземной сырости, ни единого окна. Вполне похоже на чей-нибудь пыточный подвал. Пленница принялась извиваться, немилосердно дёргая за гладкие бечёвки, но те оказались ужасно прочными, да и узлы вязала опытная рука.

«Вот дерьмо», — повторила про себя Кассандра.

В комнату вошла Андромаха и застыла, глядя на узницу сверху вниз. Оружия при вошедшей не было, но пророчица легко представляла себе острый кинжал в её рукаве. Женщины долго молчали. Наконец ясновидящая не выдержала:

— Пожалуйста, отпусти меня, подружка.

— Лучше я тебе глотку перережу, подружка, —

произнесла супруга Гектора.

— Тогда режь, сука, — отозвалась дочь Приама. — Нечего попусту трепаться.

Пленница почти не боялась. Даже в калейдоскопе изменчивых призраков предвидения последних восьми месяцев, с тех пор как умерло прежнее будущее, Андромаха никогда не поднимала на неё руки.

— Кассандра, как у тебя повернулся язык заговорить про моего младенца? Тебе не хуже других известно: восемь месяцев назад Афродита и Афина Паллада явились в детскую комнатку, зарезали моего малыша вместе с кормилицей и заявили, что боги Олимпа, рассерженные неудачной попыткой Гектора сжечь корабли аргивян, выбрали в жертву не годовалую тёлку, а нашего Астианакса, которого мы с отцом нежно звали Скамандрием.

— Чушь собачья, — откликнулась узница. — Развяжи меня.

Голова у неё раскалывалась. Так всегда бывало после особенно ярких видений.

— И не подумаю, пока не скажешь, почему тебе взбрело на ум болтать, будто бы я подменила своё дитя ребёнком рабыни. — Андромаха смерила молодую невестку холодным взглядом. Клинок

уже поблёскивал у неё в руке. — Разве я могла пойти на такое? Разве подозревала, что богини явятся именно в тот момент? Да и зачем всё это?

Провидица вздохнула, прикрыла веки.

— Никаких богинь там не было, — устало, но с вызовом промолвила она и снова открыла глаза. — Узнав о гибели Патрокла, дражайшего друга Ахилла, от рук Паллады (что наверняка окажется очередной ложью), ты задумала или сговорилась с Еленой и Гекубой прикончить сына кормилицы — погодка маленького Астианакса, а заодно и бедную мать. И уже потом объявила Гектору с Пелидом и прочим сбежавшимся на твои вопли, будто бы в окровавленной детской побывали сами бессмертные.

В зеленоватых очах Андромахи сверкали льдинки вечной мерзлоты, сковавшей недоступную вершину.

— Мне-то что за радость?

— А как же наш секретный замысел? Троянские женщины давно лелеяли мечту остановить кровавую войну, отвлечь своих мужчин от сражений с ахейцами. Прежняя война должна была, по моим пророчествам, принести в наш город гибель и разрушение. Слушай, это была блестящая мысль. Я преклоняюсь перед твоей решимостью.

— Если даже ты и права, — откликнулась супруга Гектора, — значит, я собственноручно втянула всех в ещё более безнадёжную битву с богами. Вспомни свои прежние предсказания: многим из нас грозило рабство, но не смерть.

Ясновидящая неуклюже попыталась пожать плечами, забыв о верёвках и растянутых руках.

— Ты думала лишь о спасении сына, которого, как мы знали, ждала ужасная гибель, превратись наше прошлое будущее в текущее настоящее. Я тебя понимаю.

Андромаха протянула нож.

— Значит, жизнь моей семьи, даже Гектора, зависит от того, заикнёшься ли ты об этом ещё раз и поверит ли тебе всякий сброд — не важно, троянский или ахейский. Убрав тебя, я обеспечу нашу безопасность.

Кассандра выдержала ровный взгляд взрослой женщины.

— Мой дар предвидения может ещё послужить вам, подруга. Когда-нибудь он даже может спасти твою жизнь, или Гектора, или Астианакса, где бы ни укрывался твой сын. Ты же знаешь, когда на меня находит, я не владею собой, мелю всё, что вздумается. Давай так: ты, Елена или кто ещё с вами в сговоре, держитесь рядом, а то и при-

ставьте рабыню покрепче, пусть затыкает мне рот, когда снова начну чесать языком. В случае чего — убейте.

Невестка Приама помолчала, закусив губу, потом наклонилась и перерезала шёлковую верёвку, завязанную на правом запястье пленницы. Избавляясь от остальных, она проронила:

— Амазонки приехали.

Целую ночь Менелай провёл в беседах со старшим братом; когда младая Эос простёрла из мрака розовые персты, он уже был готов действовать.

До восхода солнца перемещался Атрид от одного греческого стана к другому вдоль побережья, вновь и вновь переживая рассказ Агамемнона о пустых городах, безлюдных крестьянских полях, заброшенных гаванях, о судах без команды, качающихся на якоре у берегов Марафона, Эритреи, Халкиды, Авлиды, Гермионы, Тиринфа, Гелоса и дюжины других приморских городов. Слушал, как предводитель повествует притихшим ахейцам, аргивянам, критянам, итакийцам, лакедемонцам, калиднийцам, вупрасийцам, дулихийцам, пилосцам, пиразийцам, спартанцам, мессеисянам, фракийцам, окалеянам — всем без исключения союзникам с материковой Греции, скалистых островов и самого Пелопоннеса о том,

что их земли стали необитаемы, жилища — покинуты людьми, словно по воле богов: пища гниёт на столах, смятые как попало одежды оставлены на ложах, тёплая вода ванн и бассейнов зарастает водорослями, клинки ржавеют без ножен. Глубоким, могучим, раскатистым голосом пространнодержавный Атрид описывал корабли на волнах, с парусами — не убранными, полными ветра, но разорванными в клочья (хотя, по его словам, небосвод был ясен и море вело себя на диво прилично в течение целого месяца плавания); руки рабов не касались опущенных вёсел на полногрудых афинских судах, нагруженных товарами под завязку; гигантские ялики из Персии осиротели без своих неповоротливых матросов и совершенно никчёмных воинов; изящные египетские красавцы замерли у причалов, словно забыв о пшенице, которую собирались везти на родную землю.

— В мире не осталось ни мужчин, ни женщин, ни детей! — неизменно восклицал Агамемнон в каждой ахейской ставке. — Только мы и подлые троянцы. Стоило нам обратиться спинами к олимпийцам, хуже того, обратить против них свои сердца и руки, как боги похитили нашу надежду — наших жён, родных, отцов и рабов.

— Они все умерли? — непременно вскрикивал кто-нибудь в каждом лагере, заглушая страдальческие вопли товарищей.

И ночь исполнялась горестными стенаниями. Пространнодержавный поднимал руки, прося тишины, и выдерживал жуткую паузу.

— Следов борьбы не обнаружено, — наконец изрекал он. — Никакой крови. Никаких разлагающихся трупов, брошенных на потеху собакам и птицам.

И всякий раз, под любым шатром, доблестные соратники царя — матросы, охрана, простые солдаты и предводители, сопровождавшие Агамемнона в плавании, — отдельно беседовали по душам с товарищами по рангу. К рассвету каждый на берегу внял ужасающей вести, и парализующий страх уступил место бессильной ярости.

Вся эта история отлично играла на руку братьям Атридам, втайне желавшим не только возобновить осаду Трои, но и свергнуть самозваного диктатора, быстроногого Ахиллеса. Менелай потирал руки, предвкушая, как через пару дней, если не часов, Агамемнон вернёт себе законное место главнокомандующего.

К утру, когда царь закончил дежурный обход лагерей, прославленные военачальники — Диомед,

Большой Аякс Теламонид, рыдавший, как дитя, услышав об исчезновении людей с милого Саламина, Одиссей, Идоменей, Малый Аякс, разбитое сердце которого обливалось кровью, разделяя горести земляков-локров, и даже словоохотливый Нестор — разошлись по своим шатрам, чтобы забыться коротким, тревожным сном.

— Теперь выкладывай новости об этой треклятой битве с бессмертными, — сказал Агамемнон Менелаю, оставшись с ним наедине в центральной ставке лакедемонцев, окружённой верными полководцами, охраной и копьеборцами — разумеется, те стояли на почтительном расстоянии, дабы никто не подслушал частной беседы повелителей.

Рыжеволосый Атрид рассказал обо всём: о постыдных ежедневных сражениях между магией моравеков и божественным оружием олимпийцев, о поединках, унёсших жизнь Приамида и некоторых героев помельче с троянской и ахейской стороны, и о вчерашнем погребальном обряде. Агамемнон и сам мог видеть восходящий дым от костра и пламя над илионской стеной, исчезнувшие всего час назад.

— Тем лучше, — произнёс пространнодержавный, вонзая сильные белые зубы в молочного

поросёнка, зажаренного на завтрак. — Обидно только, что Аполлон прикончил Париса… Мне не досталось.

Менелай рассмеялся, отрезал себе ножку, запил её вином и поведал о первой супруге покойного, Эноне, явившейся ниоткуда, чтобы шагнуть в шумное пламя.

Бывший главнокомандующий расхохотался.

— Жаль, что на её месте не оказалась твоя сучка Елена!

Младший брат кивнул, но сердце при звуках знакомого имени болезненно подскочило в груди. Потом изложил бредовые обвинения Эноны в адрес Филоктета, якобы убившего Приамида, живописал всколыхнувшую весь город ярость, из-за которой данайцам пришлось поспешно ретироваться.

Агамемнон шлёпнул себя по колену.

— Превосходно! Это была предпоследняя капля. В течение суток я сумею растормошить недовольных ахейцев, поднять их на дело. Ещё до исхода недели Троянская война вспыхнет с новой силой, брат. Клянусь землёй и камнями на могиле нашего отца.

— Но боги… — заикнулся рыжеволосый.

— Боги богами, — с нерушимой уверенностью в

голосе оборвал его брат. — Зевс, как всегда, будет сохранять нейтралитет, кое-кто станет помогать этим хнычущим, обречённым троянцам, большинство поддержит нашу сторону. Только на сей раз мы закончим работу, за которую взялись. Недели за три от Илиона не останется камня на камне, лишь пепел и кости.

Менелай опять кивнул. Конечно, ему было интересно узнать, как Агамемнон собирается восстановить мир с Олимпом и низложить непобедимого Ахиллеса, но сердце жгла иная забота.

— Я видел Елену, — промолвил он, чуть заметно споткнувшись на имени бывшей супруги. — Ещё бы пару секунд, и я бы её убил.

Старший Атрид утёр лоснящиеся губы, сделал глоток из серебряной чаши и выгнул бровь, показывая, что внимательно слушает.

Обманутый муж поведал о своих твёрдых намерениях, о подвернувшейся возможности, наконец, о том, как всё пошло прахом, когда внезапно явилась Энона и обратила гнев троянцев на головы почётных ахейских гостей.

— Нам ещё повезло уйти живыми из города, — в который раз прибавил он.

Агамемнон прищурился на далёкие стены. Где-то завыла сирена, установленная моравека-

ми; над городом взвился реактивный снаряд и устремился к невидимой олимпийской цели. Защитное поле над греческой ставкой напряжённо загудело.

— Если хочешь порешить Елену, — изрёк умудрённый опытом Атрид, — сделай это сегодня. Теперь же. Утром.

— Этим утром? — Менелай провёл языком по губам. Даже перемазанные свиным жиром, они всё равно оказались сухими.

— Этим утром, — повторил бывший и будущий предводитель данайских армий, собравшихся у стен священного Илиона. — Через день или два мы нагоним такого страху, что презренные троянцы снова запрут свои долбаные Скейские ворота.

Младший брат покосился на городские стены, облитые розовыми лучами зимнего восходящего солнца.

— Меня не впустят просто так… — в огромном смущении начал он.

— Переоденься, — перебил Агамемнон. Потом отпил ещё и громко рыгнул. — Подумай, что бы сделал Одиссей… в общем, какой-нибудь хитроумный проныра, — торопливо прибавил он, осознав, что Менелаю, как и любому аргивскому

гордецу, сравнение придётся не по нраву.

— И как же мне переодеться? — хмуро спросил тот.

Пространнодержавный указал рукой на собственный царский шатёр из багрового шёлка, раздувающегося на ветру неподалёку.

— У меня ещё цела шкура льва и шлем из вепря, утыканный снаружи клыками. В прошлом году Диомед без труда пробрался в таком виде в город, когда они с Одиссеем пытались выкрасть палладий. Уродский шлем спрячет рыжие кудри, клыки замаскируют бороду, под шкурой укроются сверкающие доспехи, так что сонная стража примет тебя за одного из этих варваров, их союзников, и пропустит без лишних подозрений. Однако спешить всё-таки надо — пока охранники не сменятся и обречённый город не захлопнет ворота.

Менелай размышлял не долее нескольких мгновений. Затем поднялся, крепко хлопнул брата по плечу и пошёл к шатру, чтобы переодеться и запастись клинком понадёжнее.

8

Фобос смахивал на огромную, пыльную, исцарапанную маслину с огоньками около углубления. Манмут объяснил Хокенберри, что вмятина — это кратер Стикни, а вокруг расположилась база моравеков.

Нельзя сказать, чтобы схолиаст пережил путешествие, не испытав прилива адреналина. Прежде мужчина видел шершни только снаружи и, не заметив ни единого иллюминатора, полагал, что лететь придётся вслепую, в крайнем случае — глядя на телемониторы. Оказалось, он серьёзно недооценивал уровень технологий роквеков с Пояса астероидов.

Ещё сын Дуэйна ожидал увидеть кресла в стиле космических кораблей двадцатого столетия, с пряжками на толстых ремнях. Так вот кресел не было. И вообще никакой видимой опоры. Неуловимое для глаза силовое поле облекло пассажиров, и те словно повисли прямо в воздухе. С трёх сторон, а также снизу моравека и его гостя окружали голограммы — или другого рода трёхмерные проекции, совершенно реальные с виду. А под ногами, как только шершень молнией

пролетел через Дырку и начал стремительно возноситься на высоту Олимпийского пика, разверзлась бездна.

Хокенберри в ужасе завопил.

— Что, дисплей беспокоит? — спросил Манмут.

Хокенберри завопил ещё раз.

Моравек проворно коснулся голографической панели, возникшей будто по волшебству. Пропасть сразу съёжилась до размеров телеэкрана, встроенного в металлический пол. Между тем окружающая панорама продолжала стремительно меняться. Вот промелькнула вершина Олимпа, укрытая мощным энергетическим полем. Засверкали лучи лазеров, оставляя вспышки на силовом щите шершня. Синее марсианское небо сменилось нежно-розовым, затем почернело, и вот уже летательный аппарат покинул атмосферу и рванулся вверх. Огромный край Марса продолжал вращаться, заполняя собой виртуальные иллюминаторы.

— Так лучше, — выдохнул Хокенберри, пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться.

Невидимое кресло не сопротивлялось, но и не отпускало.

— Господи Иисусе! — ахнул он, когда корабль развернулся на сто восемьдесят градусов и вклю-

чил все двигатели.

Откуда-то сверху, почти над головой, вынырнула крохотная луна.

При этом вокруг не раздалось ни звука. Даже самого тихого.

— Прошу прощения, — сказал Манмут. — Надо было тебя заранее подготовить. Прямо сейчас с кормы на нас надвигается Фобос. Из двух спутников Марса он самый мелкий: всего миль восемь в диаметре… Хотя, как видишь, на сферу это не очень похоже.

— Напоминает картофелину, поцарапанную кошачьими когтями, — еле выдавил из себя учёный: спутник надвигался *уж очень* стремительно. — Или большую маслину.

— Ну да, маслина, — согласился моравек. — Это из-за кратера на конце. Его назвали Стикни — в честь жёны Асафа Холла[33] Анжелины Стикни Холл.

— А кто этот… Асаф? — прохрипел мужчина. — Какой-нибудь… астронавт… или… космонавт…

---

[33] notes: 33

Асаф (Эсаф) Холл (1829–1907) — американский астроном, член Национальной академии наук в Вашингтоне, в 1862–1891 астроном-наблюдатель на Морской обсерватории в Вашингтоне. Преподавал в Гарвардском университете. Известен наблюдениями планет и их спутников, малых планет, двойных звёзд. Определил период вращения Сатурна, открыл спутники Марса. Занимался разработкой теории движения планет и их спутников.

или… кто?

Наконец он отыскал то, за что мог ухватиться: Манмута.

Европеец не стал возражать, когда пальцы перепуганного доктора искусств яростно впились в его покрытые металлом и пластиком плечи. Голографический экран кормы заполнила яркая вспышка: это беззвучно полыхнул один из реактивных двигателей. Хокенберри с трудом унимал стучащие зубы.

— Асаф Холл был астрономом в военно-морской обсерватории Соединённых Штатов, что в Вашингтоне, округ Колумбия, — негромко, беспечным тоном пояснил моравек.

Шершень опять набирал высоту, дико вращаясь. Фобос с кратером Стикни мелькал то в одном, то в другом иллюминаторе. Хокенберри уже не сомневался: летающая штуковина разобьётся, так что жить ему осталось меньше минуты. Учёный попытался вспомнить хоть какую-нибудь молитву. Вот она, расплата за проклятые годы интеллектуального агностицизма! В голову лез только благочестивый стишок на сон грядущий: «Закрываю глазки я…»

«Сойдёт», — решил мужчина и продолжал мысленно твердить знакомые с детства строки.

— Если не ошибаюсь, оба спутника Марса были открыты в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, — рассказывал между тем европеец. — История, к сожалению, умалчивает, польстило ли миссис Холл то, что в её честь назвали огромный кратер; насколько я знаю, письменных свидетельств на сей счёт не сохранилось.

Внезапно до Хокенберри дошло, почему шершень кувыркается в небесах как попало, явно готовясь потерпеть аварию и убить пассажиров. Чёртовым кораблём никто не управлял! Единственными лицами на борту были моравек и он сам. Причём если Манмут и прикасался к панели — реальной или виртуальной, непонятно, — то лишь затем, чтобы настроить голографическое изображение. Может, как-нибудь повежливей указать маленькому полуорганическому роботу на это досадное упущение? Впрочем, кратер Стикни уже заполнял собой лобовые иллюминаторы; тормозить на такой скорости было бесполезно, и мужчина передумал раскрывать рот.

— Перед нами довольно интересный спутник, — разглагольствовал европеец. — В действительности это всего лишь захваченный астероид, как и Деймос. Хотя, безусловно, между ними

существует большая разница. Расстояние между орбитой Фобоса и поверхностью Марса — каких-то семьсот миль; ещё немного, и луна начала бы задевать атмосферу планеты. По нашим подсчётам, они столкнутся примерно через восемьдесят три миллиона лет, если вовремя не принять мер.

— Кстати говоря, о столкновениях… — заикнулся Хокенберри.

В это мгновение шершень завис в воздухе, а затем резко опустился в залитый светом кратер неподалёку от сложной системы куполов, перекладин, подъёмных кранов, мерцающих жёлтых пузырей, синей опалубки, зеленоватых шпилей, среди которых перемещались транспортные средства и хлопотали, словно привыкшие к вакууму пчёлки, прилежные моравеки. Посадка оказалась настолько мягкой, что схолиаст едва ощутил её сквозь металлический пол и силовое кресло.

— Вот и дома, вот и дома! — нараспев произнёс европеец. — Конечно, это ещё не родной дом, но всё-таки… Осторожней на выходе, не стукнись головой. Косяк низковат для человека.

Мужчина не успел ни высказать своего мнения, ни даже вскрикнуть: дверь отворилась, и воздух из маленькой каюты с рёвом устремился

в космический вакуум.

В прежней жизни Томас Хокенберри преподавал классическую литературу и не особенно увлекался точными науками, однако достаточно успел насмотреться научно-фантастических фильмов, чтобы помнить о последствиях резкой разгерметизации: глазные яблоки раздуваются до размера грейпфрутов, барабанные перепонки взрываются фонтанами крови, тело закипает, распухает и трещит по швам под действием внутреннего давления, внезапно утратившего в чистом вакууме всякое внешнее сопротивление.

Но ничего такого не происходило.

Манмут задержался на трапе.

— А ты что, не идёшь?

Для человеческого слуха в его голосе прозвучал явный оттенок жести.

— Почему я не умер? — только и вымолвил схолиаст, чувствуя себя запакованным в невидимый глазу пузырь.

— Тебя защищает кресло.

— Что?! — Хокенберри завертел головой, но не заметил даже подобия слабого мерцания. — Хочешь сказать, теперь я должен сидеть в нём безвылазно или погибну?

— Вовсе нет, — с удивлением отозвался мора-

век. — Давай выходи. Силовое поле кресла будет сопровождать тебя. Оно и так уже подогревает, охлаждает, осмотически очищает и перерабатывает воздух, запаса которого хватит на полчаса, а также поддерживает нужный уровень давления.

— Но ведь… кресло… это часть корабля. — Преподаватель классики недоверчиво поднялся; прозрачный пузырь послушно шевелился вместе с ним. — Как же я могу выйти наружу?

— На самом деле это шершень — часть кресла, — пояснил Манмут. — Поверь на слово. И всё-таки ходи здесь поосторожней. Кресло-костюм обеспечивает некоторое притяжение на поверхности планеты, однако местная гравитация настолько ничтожна, что хороший прыжок придаст твоему телу вторую космическую скорость, и тогда — адью, Томас Хокенберри. Пишите письма, адрес тот же — Фобос.

Мужчина застыл на пороге и намертво вцепился в металлический косяк.

— Да ладно, — смилостивился европеец. — Мы с креслом не позволим тебе улететь. Пойдём же. С тобой тут хотят побеседовать.

Оставив Хокенберри на попечение Астига-Че и прочих первичных интеграторов Консорциума Пяти Лун, Манмут покинул купол с искусствен-

ной атмосферой и отправился прогуляться по кратеру. Вид его просто завораживал. Горизонтальная ось Фобоса постоянно указывала на Марс, а инженеры моравеков слегка подправили её, так что багровая планета всегда висела над воронкой, заполняя собою большую часть чёрного небосвода, ибо крутые стены Стикни отсекали всё остальное. Крохотный спутник совершал полный оборот за семь часов, поэтому гигантский красный диск, покрытый голубыми морями и белыми вулканами, заметно, хоть и медленно вращался над головой.

Европеец отыскал своего друга Орфу на высоте нескольких сотен метров, в гуще подъёмников, перекладин и кабелей, которые удерживали в пусковом кратере почти готовый к полёту на Землю корабль. Вдоль огромного корпуса космической посудины сновали инженеры глубокого космоса — моравеки, роквеки, похожие на чёрных жуков, и каллистянские операторы, соединяя перекладины и напоминая блестящую растительную тлю. На тёмной обшивке отражались, играя, лучи прожекторов. Батареи подвижных автосварщиков сыпали вниз искрами. Поблизости, в надёжной колыбели из металлических цепей, покоилась «Смуглая леди», глубоковод-

ная лодка Манмута. Несколько месяцев назад моравеки спасли повреждённое, беспомощное судно из укрытия на марсианском побережье моря Фетиды, подняли его на Фобос, починили, зарядили и модифицировали крепкую лодочку для исполнения земной миссии.

Сотней метров выше Манмут нашёл своего товарища — тот лазал по стальным тросам под брюхом корабля — и окликнул его по старой личной линии связи.

— Кого я вижу? Орфу, недавний марсианин, недавний гость Илиона и вечный иониец? *Тот самый* Орфу?

— Тот самый, — подтвердил друг.

Даже по радиоканалам и частному лучу его грохочущий голос граничил с инфразвуковыми колебаниями. Оттолкнувшись поворотными двигателями, высоковакуумный моравек совершил тридцатиметровый прыжок на перекладину, где покачивался Манмут, проворно уцепился рычажными сварочными клещами на манипуляторах за верхний железный брус, да так и завис.

Некоторые из моравеков с виду отдалённо напоминали гуманоидов: Астиг-Че, к примеру, или роквеки в чёрных хитиновых доспехах, или даже Манмут (хотя он гораздо меньше остальных). Но

только не Орфу Ионийский. Созданный и оснащённый для работы в плазменном торе Ио, среди магнитных, гравитационных и ослепляющих радиационных бурь Юпитера, он смутно походил на земного краба ростом более двух метров и длиною в добрых пять. Если можно вообразить себе краба с дополнительными ногами, комплектом чувствительных элементов, подвесными движителями, манипуляторами, которые служили почти как руки, а главное — с древним, побитым панцирем, столь многократно латаным-перелатаным, что казалось, тот держится на одной шпаклёвке.

— Ну, как там наш Марс, всё ещё вертится, старина? — прогрохотал Орфу.

Манмут повернул голову к небу.

— Куда ему деться. Вертится, будто здоровенный красный щит.

Из тени как раз показался вулкан Олимп.

— Вот, наверное, красота-то! — отозвался приятель европейца. — Красотища!

Манмут замялся и наконец промолвил:

— Я знаю, ты был у хирурга. Жаль, что тебя так и не вылечили.

Иониец пожал плечами четырёх сочленённых руконог.

— Не важно, старина. Кому они нужны, эти органические глаза, когда есть тепловидение, вонючий газовый хроматограф, по масс-спектрографу на каждом колене, глубокий и фазовый радары, сонар и лазерный картопостроитель? С таким прелестным набором сенсоров я не смогу разглядеть разве что самые удалённые и ни к чему не пригодные предметы. Вроде звёзд и Марса.

— Ну да, — промолвил Манмут. — И всё-таки жалко.

Орфу лишился оптического нерва и вообще едва не подвергся уничтожению на марсианской орбите при первой же встрече с олимпийским богом — тем самым, который мановением руки взорвал космический корабль и двух их товарищей, не оставив от них ничего, кроме газа и мелких обломков. Ионийцу ещё повезло: в конце концов, он выжил и был до определённой степени восстановлен, и тем не менее…

— Привёз Хокенберри? — осведомился Орфу.

— Да. Первичные интеграторы проводят с ним краткую беседу.

— Бюрократы, — хмыкнул огромный краб. — Хочешь прогуляться на корабль?

— Спрашиваешь.

Манмут запрыгнул к нему на панцирь и

вцепился самыми надёжными зажимными клещами. Моравек интенсивного использования оттолкнулся от мостика, подтянулся к посудине и двинулся вокруг тёмного корпуса. Здесь, примерно в километре над днищем кратера, европеец впервые разглядел в полную величину привязанный к перекладине, точно эллипсоидный воздушный шар, корабль. Ничего себе! Да он по меньшей мере в пять раз превосходил тот, на котором стандартный год назад устремились к Марсу четыре моравека из околоюпитерного пространства.

— Впечатляет, а? — произнёс Орфу, более двух месяцев работавший над судном вместе с инженерами Пояса астероидов и Пяти Лун.

— Крупная штука, — согласился Манмут. И, уловив разочарование друга, прибавил: — Есть в ней какая-то неуклюжая, неповоротливая, наростовидная, неприглядная, недобрая красота.

Раскатистый хохот ионийца всякий раз напоминал его товарищу толчки после основательного ледотрясения на Европе или же волны после цунами.

— Провалиться мне на месте! Очень выразительная аллитерация для струхнувшего астронавта.

Манмут пожал плечами и на миг испугался, что друг не увидит его жеста, но потом сообразил: увидит. Новенький радар был весьма чувствительным инструментом, разве только красок не различал. Орфу однажды упомянул о своей способности распознавать малейшие движения мускулов на лице человека. «Это нам не помешает, если Хокенберри решит примкнуть к экспедиции», — подумал европеец.

Словно прочитав его мысли, гигантский краб заметил:

— Я тут в последнее время рассуждал о людской скорби; знаешь, ведь моравеки совсем иначе ощущают потерю.

— О нет, — простонал Манмут. — Ты опять начитался этого своего француза!

— Пруста, — поправил иониец. — «Этого моего француза» зовут Пруст.

— Хорошо. Но зачем? Ты же знаешь, что погружаешься в уныние каждый раз, когда открываешь «Воспоминание прошлых вещей».

— «Поиски утраченного времени». Я перечитывал одну главу — помнишь, ту, где Альбертина умирает и рассказчик Марсель пытается позабыть её, но не может?

— Весёленькое чтиво, ничего не скажешь, —

съязвил европеец. — Хочешь, я одолжу тебе «Гамлета» на закуску?

Орфу никак не ответил на великодушное предложение. Между тем они забрались так высоко, что заглянули за стены кратера и видели под собою весь корабль целиком. Манмут, конечно, знал: ионийцу нипочём путешествия длиною в тысячи километров самого глубокого космоса, и всё же… Чувство, будто бы друзья потеряли управление и попросту летят прочь от Фобоса и базы Стикни (в точности как моравек предсказывал Хокенберри), было непреодолимо.

— Дабы разрушить узы, которые связывали его с покойной, — невозмутимо начал огромный краб, — несчастный рассказчик вынужден брести назад, сквозь память и сознание, и повстречать *всех* до единой Альбертин — не только тех, которые существовали на самом деле, но и придуманных, вызывавших его тоску и ревность — словом, виртуальных девушек, порождённых разумом в те отчаянные минуты, когда Марсель гадал, не улизнула ли его любимая, чтобы пообщаться с кем-то другим. Не говоря уже об Альбертинах, разжигавших в нём желание: девушке, которую рассказчик едва знал, женщине, которую захватил, но не смог ею завладеть, и той,

которая под конец так утомила его.

— Утомишься тут, — поддакнул европеец, надеясь, что не слишком открыто выказал по радиолинии собственную усталость от всей этой прустятины.

— Однако это ещё цветочки, — безжалостно гнул своё Орфу, невзирая на прозрачный намёк. — В горести рассказчик — тёзка автора, как тебе уже известно, — заходит гораздо дальше… Постой, ты ведь *читал*, Манмут? Правда? В прошлом году ты убеждал меня, что всё прочёл.

— Ну… так, *ознакомился*, — признался маленький моравек.

Даже тяжкий вздох ионийца граничил с ультразвуковым колебанием.

— Хорошо, как я уже говорил, мало того что бедняге приходится взглянуть в лицо всем Альбертинам, прежде чем навеки отпустить из сердца ту единственную, вдобавок он должен сразиться с легионом Марселей, каждый из которых по-своему воспринимал разнообразные лики любимой: желал её превыше всех благ мира, сходил с ума от ревности, что болезненно искажало его суждения…

— Ладно, а суть в чём? — нетерпеливо встрял европеец, интересовавшийся в течение полутора

стандартных веков исключительно сонетами Шекспира.

— Да попросту в ошеломительной сложности человеческого сознания.

Орфу развернул свой панцирь на сто восемьдесят градусов, включил реактивные сопла, и давние приятели полетели в обратный путь — навстречу посудине, мостику, кратеру Стикни, навстречу призрачной, но притягательной безопасности. Пока они вращались, Манмут чуть не свернул шею, разглядывая красную планету над головой. Ему вдруг показалось — и весьма убедительно, — будто Марс немного приблизился. Фобос продолжал движение по орбите, так что Олимп и вулканы Фарсиды уже почти скрылись из виду.

— Ты когда-нибудь задумывался, чем отличается наша печаль от… скажем… грусти Хокенберри? Или Ахилла? — спросил иониец.

— Ну, не то чтобы задумывался… — откликнулся товарищ. — Наш схолиаст одинаково тоскует как из-за утраченной памяти о прежней жизни, так и из-за смерти своей жены, друзей, студентов и так далее. Этих людей разве поймёшь. Впрочем, и наш профессор — всего-навсего восстановленный кем-то человек, воссозданный на основе

ДНК, РНК, собственных книг и неизвестно каких ещё гадательных программ. Что же до быстрого — если он захандрит, то пойдёт и прикончит кого-нибудь. А лучше целую свору кого-нибудь.

— Жаль, не довелось полюбоваться на его сражение с богами, — промолвил краб. — Судя по твоим рассказам, резня была ещё та.

— Точно, — подтвердил европеец. — Я даже перекрыл случайный доступ к этим воспоминаниям. Они чересчур неприятны.

— Это напомнило мне ещё одну любопытную особенность Марселя, — произнёс Орфу, вводя соединяющие крючья в толстую шпионскую обшивку: приятели как раз опустились на верхушку космической посудины. — Мы обращаемся к неорганической памяти, как только информация, сохранённая в нейронах, вызывает сомнения. Людям же остаётся полагаться на сложную, запутанную массу химически управляемых неврологических архивов, субъективных и окрашенных излишними эмоциями. Как они вообще могут доверять своим воспоминаниям?

— Понятия не имею, — покачал головой Манмут. — Но если Хокенберри полетит, у нас появится возможность уяснить, как работает человеческий разум.

— Знаешь, это ведь не то же самое, что сесть втроём и задушевно потолковать, — предостерёг иониец. — Сначала — резкое повышение гравитации, потом ещё более трудное снижение, и к тому же на корабле соберётся куча народа: самое меньшее дюжина представителей Пяти Лун и сотня бравых воинов-роквеков.

— Ого, так мы готовы к любым неожиданностям?

— Вот уж сомневаюсь, — пророкотал Орфу. — Оружия на борту хватит испепелить Землю до головешек, это правда. Но только до сих пор наши планы с горем пополам поспевали за меняющейся действительностью.

На европейца навалилась знакомая тоска: нечто похожее было во время полёта на Марс, когда капитан «Смуглой леди» проведал о секретном оружии, спрятанном на корабле.

— Ты иногда скорбишь о гибели Короса III и Ри По так же, как твой Марсель грустил по усопшей? — спросил он товарища.

Антенна чувствительного радара чуть наклонилась к маленькому моравеку, словно пытаясь прочесть выражение его лица. Однако Манмут человеком не являлся и, разумеется, никакого выражения не имел и в помине.

— Не совсем, — ответил гигантский краб. — До миссии мы даже не были знакомы, да и летели в разных отделениях. Пока Зевс не… добрался до нас. По большей части я слышал лишь голоса, звучавшие по общей линии. Хотя время от времени я залезаю в банки памяти, чтобы взглянуть на их изображения. Из уважения к покойным, полагаю.

— Ага, — согласился Манмут; он и сам частенько так делал.

— Знаешь, что сказал Пруст о разговорах?

Любитель Шекспира удержался от очередного вздоха.

— Ну и что же?

— Он написал: «Когда мы с кем-нибудь беседуем… это уже не мы говорим… мы подгоняем себя под чужой образец, а не под свой собственный, разнящийся от всех прочих».[34]

— Значит, пока мы с тобой беседуем, — Манмут перешёл на персональную частоту, — в действительности я подгоняю себя под шеститонного, безглазого и многоногого краба с помятым панцирем?

— Мечтать не вредно, — пророкотал Орфу

---

[34] notes: 34
М. Пруст. «Под сенью девушек в цвету».

Ионийский. — «И всё ж должно стремленье превышать возможности — не то к чему нам небо?»[35]

9

Пентесилея ворвалась в Илион через час после рассвета. За нею, держась на расстоянии двух лошадиных крупов, нёсся отборный отряд из сестёр по оружию. Невзирая на раннюю пору и стылый ветер, тысячи горожан высыпали на стены и на обочины дороги, ведущей от Скейских ворот ко временному дворцу Приама, посмотреть на царицу амазонок. И все ликовали так, словно та привела на подмогу многотысячную армию, а не дюжину своих подружек. Люди в толпе махали платками, бряцали копьями о кожаные щиты, плакали, кричали «ура» и бросали цветы под копыта коней.

Пентесилея принимала поклонение как должное.

Деифоб, сын Приама, брат Гектора и почившего Париса, известный целому свету в качестве будущего супруга Елены, встречал амазонок у

---

[35] notes: 35
Р. Браунинг. «Андреа дель Сарто». Перев. М. Донского.

стен Парисова дворца, где в настоящее время пребывал Приам. Видный мужчина крепкого телосложения, в сияющих доспехах и алом плаще, в золотом шлеме с пышным хвостом, он неподвижно стоял, скрестив на груди руки. Потом, салютуя гостье, воздел одну ладонь.

За его спиной строго навытяжку замерли пятнадцать человек из личной царской охраны.

— Добро пожаловать, Пентесилея, дочь Ареса и царица амазонок! — провозгласил Деифоб. — Приветствуем тебя и двенадцать твоих воительниц. От имени всего Илиона примите благодарность и глубокое почтение за то, что явились помочь нам в битве с богами Олимпа. Пройдите в чертоги, омойте прекрасные тела, примите от нас дары и познайте истинную глубину признательности и гостеприимства троянцев. Доблестный Гектор непременно приветствовал бы вас лично; к сожалению, он лишь недавно забылся сном, ибо всю ночь провёл у погребального костра погибшего брата.

Пентесилея легко соскочила с огромного боевого коня (двигалась она, невзирая на тяжесть доспехов и блистающего шлема, с подкупающей грацией) и крепко, по-дружески, обеими руками пожала собрату-воину предплечье.

— Благодарю тебя, отпрыск Приама, стяжавший славу в тысячах поединков. Я и мои спутницы от души соболезнуем вашему горю, страданиям вашего отца и всего народа священной Трои, утратившей Париса, весть о кончине которого долетела до нас два дня назад, и принимаем ваше великодушное приглашение. Но прежде чем ступить на порог дворца, где с недавних пор восседает на престоле Приам, скажу, что вовсе не помышляю сражаться с вами против бессмертных. Мы прибыли, чтобы раз и навсегда завершить эту безумную богоборческую битву.

Деифоб, чьи глаза и в обычное время отличались нездоровой округлостью, буквально выпучился на гостью.

— И как же ты намерена исполнить задуманное, царица Пентесилея?

— Об этом я и собираюсь потолковать, а потом сделать. Веди же меня, благородный друг, нам с твоим отцом нужно кое-что обсудить.

Как объяснил брат Гектора новоприбывшим, царственный Приам переселился в крыло более скромного дворца Париса лишь потому, что восемь месяцев назад, в первый же день войны, боги сровняли с землёй его собственный, похоронив под обломками супругу царя и повелительницу

города Гекубу.

— Амазонки разделяют с вами и это страшное горе, — промолвила Пентесилея. — Плач о смерти великой царицы достиг даже наших далёких, покрытых зелёными холмами островов.

В главной зале Деифоб замялся и нервно прокашлялся.

— Кстати о далёких островах. Скажи, любимица Ареса, как случилось, что вы пережили ярость богов? Город полон крылатых слухов, будто бы Агамемнон, отплывший в этом месяце на родину, не встретил на греческих островах ни единой души. Даже храбрые защитники Илиона содрогнулись при мысли о том, что олимпийцы истребили всех людей на земле, кроме нас и аргивян. Как же вышло, что ты и твой род уцелели?

— Мы вовсе не уцелели, — бесстрастно проронила гостья. — Боюсь, края амазонок так же пусты, как и земли, которые мы проезжали по дороге сюда. Богиня Афина сохранила только нас, и то ради великого поручения. Мы должны передать нечто очень важное от её имени жителям Трои.

— Умоляю, поведай её слова, — произнёс Деифоб.

Пентесилея покачала головой.

— Послание предназначено для ушей Приама.

Тут как по заказу запели трубы, занавес раздался, и в залу, опираясь на руку охранника, медленно вошёл царь.

В последний раз амазонка встречала его, когда с полусотней отважных спутниц прорвалась сквозь ахейскую армию в город, чтобы ободрить троянцев и предложить себя в качестве боевых союзников. Приам отвечал, что в помощи пока нет нужды, но всё же осыпал воительниц золотом и прочими дарами. С тех пор минуло меньше года. Но сегодня, увидев Отца Илиона, Пентесилея лишилась дара речи.

Казалось, почтенный муж состарился лет на двадцать. Прежняя бурлящая сила оставила его. Всегда прямая спина согнулась под невидимым бременем. Добрую четверть века эти щёки пылали огнём от возбуждения и вина; ничто не менялось с того далёкого дня, когда маленькие девочки — Пентесилея и её сестра Ипполита — подглядывали через щель в занавесках тронного зала за пиром, устроенным их матерью в честь троянских гостей. И вот эти самые щёки запали, как будто их обладатель разом утратил все зубы. Всклокоченные борода и волосы являли взорам не благородную проседь, но печальную, мерт-

венную белизну. Слезящиеся глаза рассеянно смотрели в пустоту.

Старец почти рухнул на золотой, украшенный лазуритом трон.

— Приветствую тебя, Приам, сын Лаомедона, досточтимый правитель из рода славных дарданцев, отец доблестного Гектора, несчастного Париса и великодушного Деифоба, — начала амазонка, опускаясь на закованное в латы колено. её девический, мелодичный голос звенел с такой силой, что по стенам просторного чертога прокатилось эхо. — Я, Пентесилея, возможно, последняя царица амазонок, и двенадцать моих меднолатных воительниц приносим тебе хвалу, соболезнования, дары и наши копья.

— Нет более драгоценного дара, чем ваша верность и слова утешения, милая Пентесилея.

— Кроме того, я привезла послание Афины Паллады, которое положит конец войне с бессмертными.

Правитель изумлённо вскинулся. Кое-кто в свите ахнул.

— Возлюбленная дочь, Афина Паллада всегда ненавидела Илион. Она и прежде плела коварные сети, замышляя руками аргивян разрушить неприступные стены Трои. Нынче богиня и вовсе

стала нашим заклятым врагом. Они с Афродитой пролили кровь сынишки моего Гектора — Астианакса, будущего владыки города, объявив, будто мы и наши дети — всего лишь приношения на алтарях Олимпа. Кровавые жертвы, не более того. О мире не может быть и речи, доколе одна из наших рас не исчезнет с лица земли.

Не вставая с колена, Пентесилея горделиво подняла голову. Синие глаза сверкнули вызовом.

— Обвинения против богинь напрасны. Вся эта война — чья-то пустая выдумка. Бессмертные защитники Илиона, в том числе и верховный Зевс, желают, как и прежде, опекать и поддерживать вас. Даже светлоокая дева Паллада перешла на сторону Трои по причине подлого вероломства ахейцев и в особенности Ахилла, который очернил её доброе имя, приписав Афине убийство своего друга Патрокла.

— Значит, олимпийцы предлагают условия мира? — почти умоляющим шёпотом вымолвил Приам.

— Нет, кое-что получше, — произнесла царица амазонок, поднимаясь на ноги. — Паллада и все небесные покровители Илиона предлагают вам победу.

— Победу над кем? — воскликнул Деифоб, шаг-

нув к отцу. — Ахейцы теперь — наши союзники. Они — и ещё рукотворные существа моравеки, что защищают города и станы людей от яростных стрел Громовержца.

Пентесилея рассмеялась. В этот миг в зале не осталось мужчины, который не восхитился бы её красотой. На щеках царицы играл нежный румянец, живое лицо блистало свежестью беспечных лет, а изящно отлитые из бронзы доспехи не скрывали гибкого, стройного и в то же время полного жизненных соков тела; зато глаза, кипящие огнём страстей и острого ума, и волевое выражение придавали этой полудевчонке сходство с героем-воителем, готовым к бою.

— Победу над Ахиллесом, который сбил с пути благородного Гектора, а нынче ведёт ваш город к пропасти! — провозгласила гостья. — Победу над аргивянами, ахейцами, доныне жаждущими покорить священную Трою, разрушить ваши дома и храмы, сгубить ваших сыновей и внуков, а жён и дочерей увести в ненавистное рабство!

Приам чуть ли не сокрушённо покачал головой.

— На поле боя быстроногому Пелиду нет равных, амазонка. Сам покровитель войны Арес уже три раза пал бездыханным от его руки. Сама Афи-

на спасалась от Ахиллеса бегством. Сам Аполлон был изрублен им на золотые, облитые ихором куски и в спешке увезён прочь. Да что говорить, если сам Кронид боится сойти с Олимпа ради честного поединка с этим полубогом.

Пентесилея замотала головой, разметав золотые локоны.

— Зевс никого и ничего не страшится, о почтенный владыка и гордость рода дарданов. Он мог бы уничтожить всю Трою — да что там, всю землю, на которой она стоит, одною вспышкой *эгиды*.

Солдаты у трона изменились в лице и побледнели; седовласый царь не удержался и поморщился. Амазонка упомянула самое могущественное и таинственное оружие Тучегонителя: с его помощью он бы при желании в минуту истребил даже всех прочих богов. *Эгида* внушала подлинный ужас, не то что простецкие термоядерные бомбы, которые Кронид без пользы бросал на силовые щиты моравеков.

— Обещаю тебе, благородный Приам, — начала амазонка, — Ахиллес погибнет ещё до того, как нынче в обоих мирах закатится солнце. Клянусь кровью моих сестёр и матери, что…

Потомок Дардана поднял руку, прерывая гостью.

— Не торопись божиться, юная Пентесилея. Ты была мне с младенческих лет как родная дочка. Вызвать Пелида на битву — это верная смерть. Что же привело тебя в Трою искать подобной кончины?

— Я говорю не о кончине, владыка, — с явным усилием изрекла царица. — Речь о нетленной славе.

— Что часто одно и то же, — вздохнул Приам. — Подойди, моё милое дитя, сядь рядом. Пошепчемся.

Отпрыск Дардана жестом отослал от себя свиту и Деифоба; амазонки также отступили на почтительное расстояние, дабы не слышать ни слова. Пентесилея опустилась на высокий престол Гекубы, спасённый из-под обломков сгоревшего дворца, ныне пустующий, но установленный в тронном зале в память о царице. Водрузив сияющий шлем на широкий подлокотник, девушка наклонилась к старцу.

— Отец, меня преследуют фурии. Сегодня вот уже долгих три месяца, как эти твари не дают мне покоя.

— Почему? — изумился владыка и тоже подался вперёд, будто некий священнослужитель из будущего, отпускающий грехи своей прихожан-

ке. — Мстительные духи требуют платы крови за кровь, лишь если никто из живых не в силах этого совершить, и чаще всего, когда человек причиняет страдания близким. Уверен, ты не делала зла никому из вашего царского рода?

— Я убила свою сестру Ипполиту, — дрогнувшим голосом сказала Пентесилея.

Отец троянцев отпрянул.

— Ты — Ипполиту? Царицу амазонок и супругу Тезея? Мы слышали, она скончалась от шального дротика на охоте, ошибочно принятая кем-то за быстроногую лань.

— Я не желала ей смерти, Приам. Но после того как Тезей похитил сестру — будучи в гостях, обманом завлёк её на корабль, поднял паруса и был таков, — амазонки поклялись свести с ним счёты. Покуда все взоры на Пелопоннесе и скалистых островах прикованы к Илиону, покуда герои в отлучке и Афины остались без обычной защиты, мы соорудили маленький флот, устроили собственную осаду — разумеется, ничего серьёзного или достойного бессмертных песен по сравнению с тем, что творили данайцы у ваших стен, — и вторглись в крепость вероломного соблазнителя.

— Да, конечно, мы слышали, — пробормотал почтенный старец. — Однако сражение быст-

ро завершилось переговорами, после которых амазонки удалились прочь. Говорили, будто бы царица Ипполита улетела в чертоги Аида немногим позже. Погибла во время большой охоты, устроенной в честь примирения.

— Она скончалась от моего копья, — пересилив себя, выдавила Пентесилея. — Вначале афиняне бежали от нас, Тезей получил рану, и мы полагали, что город уже взят. Единственной нашей целью было избавить Ипполиту от этого мужчины, пусть даже против её воли. И мы почти осуществили задуманное, когда Тезей возглавил контрнаступление, отбросившее амазонок на целый день нелёгкого пути обратно к кораблям. Многие из моих сестёр погибли в той схватке. Теперь, когда мы боролись уже за собственные жизни, бесстрашные воительницы снова начали одерживать верх и оттеснили Эгеева сына. Чтоб завершить битву, я бросила копьё в самого Тезея. К несчастью, оно пронзило сердце бедной сестры, которая — так походя на мужчину в бесстыдных афинских доспехах — сражалась бок о бок со своим супругом и повелителем.

— Сражалась против амазонок, — прошептал царь. — Против родных сестёр.

— Именно. Как только мы выяснили, кого я

убила, война прекратилась, и был заключён мир. Воздвигнув подле акрополя белую колонну в память о благородной Ипполите, амазонки удалились в глубокой печали, покрытые жарким стыдом.

— И вот неумолимые фурии изводят тебя за пролитую кровь сестры.

— Каждый день, — подтвердила Пентесилея.

Её увлажнившиеся глаза блестели; щёки, зардевшиеся во время рассказа, покрыла внезапная бледность. Как же она была хороша!

— Всё это очень печально, дочь моя, однако при чём здесь Ахиллес и наша война? — одними губами спросил Приам.

— Месяц назад, о сын Лаомедона и достойный потомок рода дарданов, Афина явилась мне воочию. Безжалостных адских тварей, объявила богиня, не задобрить никакими подношениями. Потом велела отправиться в Илион с отборным отрядом подруг и победить Пелида на поединке, дабы закончить нелепое противостояние, восстановив прежний мир между смертными и бессмертными. Только тогда, изрекла она, я избавлюсь от невыносимых терзаний.

Старик задумчиво потёр подбородок, поросший сизою щетиной с тех пор, как не стало Гекубы.

— Одолеть Ахилла невозможно, амазонка. Мой Гектор — величайший из воинов, когда-либо вскормленных Троей, — восемь лет боролся с ним, но терпел неудачу за неудачей. Сейчас он ближайший союзник и друг быстроногого мужеубийцы. Восемь последних месяцев сами предвечные олимпийцы поочерёдно вызывали Пелида на поединок. Арес, Аполлон, Посейдон, Гермес, Аид и светлая Афина — каждый из них был повержен или бежал, опасаясь Ахиллова гнева.

— Всё потому, что они не ведали о его слабости, — чуть слышно ответила Пентесилея. — Богиня Фетида, мать быстроногого, нашла чудесное средство, как наделить кратковечного сына, тогда ещё беспомощного младенца, неуязвимостью в битвах. Да, он и впрямь не может пасть на поле сражения — разве что будет ранен в одно неприметное место.

— И что это? — выдохнул Приам. — *Где* это?

— Афина заклята меня под страхом чёрной погибели не выдавать секрета ни единой душе, отец мой, но с мудростью им воспользоваться, дабы сгубить Ахиллеса вот этими руками, положив конец бессмысленной вражде.

— Если Палладе известно, где он слаб, то поче-

му она сама не оборвёт жизнь Пелида в честном поединке, женщина? Помнится, их бой закончился тем, что богиня, объятая страхом и болью, квитировалась на Олимп, истекая ихором.

— Судьбам было угодно, чтобы тайную слабость мужеубийцы раскрыл другой смертный, причём во время Троянской войны, однако дело так и осталось неисполненным.

Старик неожиданно выпрямил спину.

— Значит, мой Гектор всё-таки должен был прикончить быстроногого, — пробормотал он. — И если бы мы не ввязались в войну с Олимпом…

Пентесилея покачала головой.

— Нет, не он. Иной человек, но тоже троянец, отомстил бы Ахиллу за смертоубийство Гектора. Одна из муз проведала об этом от раба-схолиаста, который знал будущее.

— Гадатель, — понимающе кивнул Приам. — Вроде нашего пророка Гелена или Калхаса у ахейцев.

Амазонка снова тряхнула золотыми кудрями.

— Схолиасты не *видят* грядущее. Каким-то неведомым образом они *пришли* к нам оттуда. Впрочем, если верить Палладе, они уже все мертвы. Тем не менее над Ахиллесом висит приговор Судеб, и я его исполню.

— Когда? — спросил потомок дарданов, явно просчитывая в уме возможные ходы и их последствия.

Не зря, не напрасно Приам управлял величайшим городом на земле вот уже более полусотни лет. И пусть его возлюбленный сын обещал Пелиду верную дружбу, так ведь Гектор не был царём. Самым доблестным воином — да, и хотя судьба всех жителей Трои частенько зависела от его меча, отец Астианакса никогда не задумывался о ней всерьёз. Эту работу он оставлял Приаму.

— Когда? — повторил седовласый владыка. — Как скоро вы с подругами прикончите Ахиллеса?

— Нынче же, — обещала Пентесилея. — Я уже поклялась. Прежде чем солнце зайдёт в Илионе или падёт за Олимп, гордые склоны которого так хорошо видны через дырку в воздухе, мимо которой мы проезжали по дороге сюда.

— Что ты за это потребуешь, дочь моя? Оружия? Золота? Драгоценностей?

— Мне нужно одно лишь твоё благословение, достопочтимый Приам. И еда. Кроме того, мы желаем предаться короткому отдыху и помыться, после чего, облачившись в доспехи, отправимся положить конец вашей битве с бессмертными.

Царь хлопнул в ладоши. Деифоб, стражники,

свита и амазонки немедленно приблизились к трону.

Отец благородных Гектора и Париса велел принести для женщин изысканных яств, накрыть гостьям пышные ложа, потом нагреть воды для омовения, позвать рабынь, чтобы готовили благовонные масти с притираниями, а конюхам — накормить усталых коней, расчесать им роскошные гривы и ближе к вечеру вновь оседлать, как только Пентесилея надумает пуститься в опасный путь.

Покидая вместе со спутницами тронный чертог, царица амазонок сияла уверенной улыбкой.

10

Квантовая телепортация через Планково пространство — термин, которого даже не знала могущественная Гера, — должна была совершаться мгновенно, но в том-то и дело, что в Планковом пространстве любые понятия сроков утрачивали своё значение. Перемещаясь по разрывам пространственно-временного континуума, путешественник неизменно оставлял за собою след, по которому олимпийцы, некогда усовершенствованные на клеточном уровне,

без труда находили друг друга, точно охотник зверя, точно бессмертная Артемида — лесного красавца-оленя.

Белорукая богиня последовала причудливым изгибам пути своего супруга, зная только, что тот не воспользовался обычным сквозным каналом между Олимпом и склонами Иды или же Троей.

Явившись из небытия, Гера сразу поняла, куда попала. Просторный чертог, на стене — чудовищных размеров лук и колчан со стрелами, длинный стол уставлен золотыми блюдами, чашами для еды, кубками искусной работы.

Зевс удивлённо поднял глаза. Он восседал за столом, ради чего нарочно уменьшил свой рост до жалких семи футов, и праздно чесал за ушами серого пса.

— Господин, — обратилась Гера, — ты и ему собираешься отсечь голову?

— Надо бы, — проворчал Громовержец без тени улыбки. — Хотя бы из милосердия. — Он продолжал сурово хмурить брови. — Узнаешь ли ты место и эту собаку, жена?

— Ну да. Мы в доме Одиссея, на каменистой Итаке. Пса зовут Аргус. Одиссей вскормил его перед своим отплытием в Трою. Он часто занимался со щенком, воспитывал…

— Верное животное до сих пор ожидает хозяина, — промолвил Кронид. — А вот Пенелопа исчезла. Даже нескромные женихи, подобно жадным кладбищенским воронам слетевшиеся сюда искать руки и сердца хозяйки, а также её несметных богатств, бесследно растворились вместе с ней, Телемахом и прочими смертными, не считая лишь нескольких тысяч у стен Илиона. Некому больше кормить бедную шавку.

Гера пожала плечами.

— Отошли его в Трою, пусть нажрётся останками твоего недоделанного сынка Диониса.

Зевс покачал головой.

— И почему ты всегда мне дерзишь, жена? Кстати, зачем ты вообще преследуешь того, кто как раз искал уединения, чтобы поразмыслить над необъяснимым исчезновением человечества с лица Земли?

Белорукая шагнула к седобородому богу богов. Пожалуй, она страшилась его гнева: среди кратковечных и смертных один лишь Повелитель Молний мог её уничтожить. Она боялась того, что задумала, и всё-таки решилась идти до конца.

— Грозное величество Кронид, я только загля-

нула попрощаться на несколько солов.[36] Не хотелось расставаться, не загладив нашей последней ссоры.

Она подступила ещё ближе, незаметно коснулась пояса Афродиты, спрятанного под грудью, — и тут же почувствовала поток сексуальной энергии, захлестнувший чертог Одиссея. От Геры ощутимо проистекали коварные феромоны.

— Куда это ты собралась, да ещё на несколько солов, когда на Олимпе и в Трое творится такая неразбериха? — буркнул Зевс, однако с новым вдохом расширил ноздри… и с интересом уставился на жену, забыв про лохматого Аргуса.

— Я отхожу к пределам безлюдной земли, посетить бессмертных — отца Океана и матерь Тефису. Они, как тебе, о супруг мой, известно, предпочитают сей мир нашему хладному Марсу.

Говоря так, белорукая сделала ещё три шага вперёд. Теперь Громовержцу стоило протянуть руку…

— Нашла кого вспомнить, о Гера. Они прекрасно обходились без тебя столетиями, с тех пор как мы покорили Багровый Мир и обжили Олимп.

— Но я надеюсь прекратить их бесконечную

---

[36] notes: 36
Солнечные сутки на планете Марс равны 24 часам 39 минутам.

вражду, — с невинным видом проворковала богиня. — Слишком уж долго чуждались бессмертные ласк и брачного ложа из-за раздора, вселившегося в души. Но прежде хотела предупредить, где я буду, чтоб не навлечь твой божественный гнев, если безмолвно в дом отойду Океана, глубокие льющего воды.

Кронид поднялся. Супруга почти осязала кожей, как в нём растёт возбуждение. Одни лишь тяжёлые складки божественного одеяния скрывали подробности от нескромных очей.

— Куда спешить-то, Гера?

Зевс пожирал её глазами. Белорукая вдруг припомнила, как брат, муж и любовник ласкал языком и пальцами самые нежные места её тела.

— А чего тянуть-то, милый?

— Слушай, супруга, идти к Океану и завтра ты можешь. А то и послезавтра или вообще никогда. Нынче же здесь насладимся взаимной любовью! Давай, жена…

Невидимая сила, поднявшись от его воздетой ладони, смахнула с длинного стола все кубки, чаши, посуду с протухшей едой. Кронион сорвал со стены гигантский ковёр и швырнул его на грубые, прочные доски.

Отпрянув, Гера снова коснулась груди, будто намеревалась квитироваться прочь.

— Что за речи, мой господин! Не думаешь ли ты заняться любовью прямо здесь? В заброшенном жилище Одиссея и Пенелопы, на глазах у этого пса? Как знать, не следят ли за нами все прочие боги по видеопрудам, голографическим стенам и разным проекторам? Если твоей душе угодно, погоди, пока я вернусь из подводных чертогов Океана, и мы уединимся в моей почивальне, за плотной дверью и запором — творением искусного Гефеста…

— Нет! — проревел Громовержец. Теперь он возрастал на глазах, упираясь головой в потолок. — Не тревожься, никто не сунет к нам любопытного носа. Я распростру над островом Итаки и этим домом золотое облако, столь густое, что сквозь него не проникнет и самое острое око: ни бог, ни смертный, ни Просперо, ни Сетебос не разглядят, как мы здесь упиваемся лаской. Раздевайся!

Зевс опять небрежно повёл рукой с короткими, толстыми пальцами. Дом содрогнулся, облекаясь в мощное силовое поле и золотое маскирующее облако. Несчастный Аргус едва унёс ноги, причём от разлитой вокруг энергии вся шерсть на нём

стала дыбом.

Правой рукой сын Крона ухватил жену за талию и прижал к себе, в то время как левой сорвал расшитое платье с её груди. Пояс Афродиты полетел на пол, но это уже не имело значения. Воздух был так упоён ароматами похоти и феромонами, что в них можно было купаться.

Подняв супругу точно пёрышко, Повелитель Молний бросил её на покрытую ковром столешницу (Гере оставалось только порадоваться, что та сколочена из толстых и прочных оструганных досок, взятых Одиссеем из обшивки чёрного корабля, затонувшего у вероломных скал Итаки) и стянул через ноги узорное платье. После чего и сам избавился от одежды.

Сколько бы раз белорукая ни лицезрела божественный фаллос в боевой стойке, у неё неизменно спирало в горле дыхание. Все остальные боги были, конечно, *богами*, но в те почти позабытые дни Превращения в Олимпийцев самые впечатляющие атрибуты Зевс приберёг для себя. Одного лишь этого жезла с пурпурным наконечником, что прижимался сейчас к белоснежным бёдрам Геры, было достаточно, чтобы вызвать трепет в сердцах кратковечных или чёрную зависть у братьев-бессмертных. И хотя, по мнению супруги,

Зевс чересчур часто им хвастался — похоть Громовержца не уступала его размерам и мужской силе, — но всё-таки в глубине души белорукая до сих пор почитала великолепный скипетр Ужасного Кронида своей личной собственностью.

Однако, не испугавшись побоев или чего похуже, богиня упрямо сжала нагие колени.

— Муж мой, так ты желаешь меня?

Зевс тяжело дышал через рот и дико сверкал очами.

— Да, я хочу тебя, жена. Столь пылкая страсть никогда, ни к богине, ни к смертной, в грудь не вливалась мне и членом моим не владела! Раздвинь же бёдра!

— Ах, никогда? — повторила Гера, не поддаваясь на уговоры. — Даже пленясь молодой Иксиона супругой, родившей тебе Пирифоя, советами равного богу…

— Даже когда я трахал жену Иксиона с синими жилками на груди, — пропыхтел Громовержец и, силой раздвинув колени Геры, встал меж молочными бёдрами, касаясь фаллосом её лилейного, упругого животика и трепеща от вожделения.

— Даже когда ты прельстился Данаей, Акрисия дщерью? — спросила лукавая обольстительница.

— Даже и с ней, — согласился Кронид, припадая

губами к затвердевшим соскам — левому, потом правому. Его ладонь скользнула между её ног. Там было влажно, и Гера не стала бы винить в этом только магический пояс. — Хотя, клянусь богами, — прибавил Олимпиец, — мужчина способен кончить при взгляде на одну лишь лодыжку Данаи!

— Подозреваю, с тобой это часто происходило, повелитель, — выдохнула бессмертная, ощутив, как широкая ладонь супруга лезет под ягодицы и без усилия поднимает её. Широкое, распалённое навершие мощного скипетра забилось о лилейные бёдра, орошая их влагой нетерпеливого предвкушения. — Ведь она родила тебе не человека, а совершенство!

От возбуждения Зевс не мог отыскать заветного входа и тыкался в тёплую плоть, словно мальчишка, не ведавший женщин. Когда же, отпустив мягкую грудь, он уже думал помочь себе левой рукой найти дорогу, жена поймала его за запястье.

— Желаешь ли ты меня больше, чем Европу, дочь Феникса? — настойчиво зашептала она.

— Да, больше Европы, — с жаром признал Громовержец, ухватив её ладонь и положив на своё достоинство.

Белорукая слегка нажала, но не спешила ука-

зывать путь. Ещё не время.

— Хочешь ли ты опочить со мной сильнее, чем с неотразимой Семелой, матерью Диониса?

— Сильнее, чем с нею, да. Да! — Зевс крепче сдавил её ладонь и устремился в атаку.

Однако божественный жезл так налился кровью, что это походило скорее на таран каменной стены, чем на обычное проникновение. Геру отшвырнуло на два фута. Супруг рывком вернул её обратно.

— Сильней, чем с Алкменой из Фив, — торопливо добавил он, — а ведь моё семя в ней даровало миру непобедимого Геракла.

— Неужто и лепокудрая царица Деметра не разжигала в тебе такого огня, когда…

— Да, да, проклятие, Деметра тоже.

Яростнее раздвинув лилейные ноги жены, он одною правой оторвал её зад на целый фут от стола. Теперь ей оставалось лишь открыться.

— Алчешь ли ты меня больше, чем алкал славную Леду в тот день, как принял вид огромного лебедя, чтоб совокупиться с ней — забить и прижать к земле огромными лебедиными крыльями, а потом запихнуть свой огромный лебединый…

— Да, да, — пыхтел Зевс. — Только заткнись, пожалуйста.

И тут он вошёл в неё. Вот так же осадная машина греков однажды вскрыла бы великие Скейские ворота, появись у данайцев такая возможность.

В течение следующих двадцати минут Гера два раза чуть не лишилась чувств. Громовержец был страстен, однако нетороплив. Жадно ловил наслаждение — и всё же дожидался кульминации со всей воздержанностью, словно какой-нибудь гедонист-отшельник. Тяжёлый тридцатифутовый стол так трясся, что едва не опрокинулся на месте; стулья и ложа летели во все стороны, ударяясь о стены чертога; с дубового потолка дождём летела пыль. Старинный дом Одиссея, казалось, ходил ходуном, пока белорукая богиня содрогалась и билась в объятиях умащённого, потного Зевса. «Так не пойдёт, — твердила она себе, — я должна быть в полном сознании, когда он кончит, иначе весь мой замысел — псу под хвост».

И Гера заставляла себя сохранять ясный ум — даже после четырёх оргазмов. Огромный колчан рухнул на пол, рассыпав по изразцам заострённые (и наверняка смертельно ядовитые) стрелы. А Кронид продолжал своё дело. Правой рукой ему приходилось держать супругу под собой, сжимая так немилосердно, что богиня слышала под его пальцами хруст бессмертных тазовых костей, а

левой — обнимать за плечи, чтобы не ускользала вперёд по шатающейся столешнице.

А потом он взорвался внутри жены. Вот тут Гера впервые вскрикнула и, несмотря ни на что, упала в обморок.

Впрочем, не прошло и нескольких секунд, как ресницы богини, затрепетав, широко распахнулись. Огромная тяжесть Зевса — в последнее мгновение страсти он вырос до пятнадцати футов — придавила её к широким доскам. Борода колола и царапала нагую грудь, а макушка с налипшими от пота волосами прижималась к щеке.

Тут белорукая подняла тонкий палец, в накладном ногте которого коварно прятался крохотный шприц, вмонтированный искусным Гефестом. Гера отвела прохладной ладонью волосы от мужниной шеи, выбросила иголку и активировала устройство. Еле слышное шипение заглушили прерывистые вздохи Громовержца и барабанный бой божественных сердец.

Наркотик именовался Неодолимым Сном и оправдывал своё название в течение первых же микросекунд.

Миг — и Кронид оглушительно захрапел, пуская слюни на докрасна исколотую грудь жены. Только нечеловеческая сила помогла обита-

тельнице Олимпа оттолкнуть его, вытащить из тёплых складок своего тела размягчившийся член и выскользнуть на волю.

Неповторимое платье, сшитое руками Афины, было разорвано в клочья. Исцарапанная, избитая до синяков Гера чувствовала себя ничем не лучше: казалось, у неё ныл каждый мускул внутри и снаружи. Поднявшись, она ощутила, как по ногам обильно стекает божественное семя, и насухо вытерла его обрывками загубленного платья.

Пояс Афродиты уцелел. Отыскав его, белорукая вышла в комнату для одевания рядом с хозяйской опочивальней, той самой, где стояла знаменитая супружеская кровать с подножием из обтёсанного ствола несрубленной оливы и рамой, окованной золотом, серебром и слоновой костью, а после обтянутой бычьими ремнями, окрашенными в яркий пурпур, на которых лежали мягкие руна и пышные покрывала. В отделанных камфорным деревом сундуках подле ванны Пенелопы Гера нашла уйму разных одежд и принялась вытаскивать их одну за другой. Размеры у женщин почти совпадали, а кое-где богиня легко могла подогнать фигуру под фасон. В конце концов белорукая остановила выбор на шёлковой сорочке персикового цвета с узорно вышитым поясом,

который поддержал бы помятую до кровоподтёков грудь. Но прежде чем облачиться, она кое-как помылась холодной водой из котлов, приготовленных недели назад для ванны, что так и не дождалась хозяйку.

И вот уже одетая Гера вернулась, осторожно ступая, в столовый чертог. Прямо перед ней на длинном столе возлежал бородатым лицом вниз обнажённый бронзовый великан и храпел во всю мочь. «Интересно, могла бы я сейчас убить его?» Не в первый, да и не в тысячный раз задавалась царица подобным вопросом, глядя на спящего повелителя и слушая переливы, рождаемые его носоглоткой. Скольких жён — и бессмертных, и кратковечных, давно истлевших и ещё не рождённых на свет, — осеняла подобная мысль, похожая на тень чёрной тучи, скользнувшая по скале? «Если б это было возможно, *смогла* бы я? Подняла бы руку?»

Оставив бесплодные рассуждения, богиня приготовилась квитироваться на Олимп. До сих пор сюжет разворачивался в точности как она загадала. Колебатель земли Посейдон с минуты на минуту воодушевит Агамемнона с Менелаем на решительные действия. Через несколько часов, а то и меньше, Ахиллес найдёт позорную гибель от

рук простой женщины, пусть и амазонки, когда отравленный наконечник медной пики вонзится ему в пяту, и Гектор останется без поддержки. На случай, если быстроногий прикончит воительницу, Гера с Афиной приготовили кое-что ещё. Восстание смертных будет подавлено до того, как очнётся Громовержец. Разумеется, если жена позволит ему очнуться. Жертве Неодолимого Сна необходимо противоядие — иначе он не отпустит, пока высокие стены Одиссеева жилища не рухнут, прогнив от ветхости. Впрочем, замыслы белорукой могут исполниться раньше задуманного срока; тогда она преспокойно разбудит верховного повелителя, и тот вообще не почует, что получил дозу иного усыпляющего, кроме заурядного желания отдохнуть после пылкой близости. Как бы там ни обернулось, когда бы он ни продрал глаза, Гера с сообщниками поставят Зевса перед *fait accompli*:[37] дескать, битва людей против Олимпа уже забыта, осада Трои возобновлена, статус-кво восстановлен.

Отвернувшись от мирно спящего Кронида, богиня вышла из дома (ибо никто, и даже царица, не мог бы квитироваться сквозь заградитель-

[37] notes: 37
свершившийся факт (фр.).

ный покров, раскинутый самим Громовержцем), протиснулась через водянистую силовую стену, словно младенец, который покидает околоплодную оболочку, и с видом победительницы телепортировалась обратно в Илион.

11

Хокенберри не узнавал ни одного моравека из тех, что встречали его в голубом пузыре в глубине кратера Стикни. Поначалу, когда силовое поле невидимого кресла отключилось, покинув его на произвол судьбы, учёный ударился в панику и несколько секунд вообще не дышал, полагая, будто брошен без защиты среди высокого вакуума. Потом ощутил атмосферное давление на коже и приятную для тела температуру. Короче говоря, он мучительно пытался отдышаться в то время, пока Манмут представлял своих более громоздких братьев по разуму, явившихся в качестве официальной делегации. Неловко получилось, чего уж там. И вот европеец удалился, а схолиаст остался наедине с пятью непонятными органическими полуроботами.

— Добро пожаловать на Фобос, доктор Хокенберри, — произнёс ближайший из них. — Надеюсь,

ваш перелёт сюда с Марса обошёлся без происшествий.

На мгновение учёному стало дурно. Когда же его в последний раз величали доктором? Очень давно… Точнее, никогда в этой новой жизни, разве что коллега Найтенгельзер употреблял сей титул в насмешку, да и то…

— Спасибо, да… То есть… Простите, я как-то не расслышал ваших имён… — выдавил мужчина. — Извините, отвлёкся…

«Ожидая неминуемой гибели, когда распроклятое кресло взяло и вдруг пропало», — добавил он про себя.

Моравек пониже ростом кивнул.

— Оно и понятно. В этом пузыре столько всего происходит, а ведь атмосфера проводит шум.

Так оно и было. Гигантский голубой пузырь, накрывший два или три с лишним акра (Хокенберри никогда не умел определять расстояния и размеры на глаз — видимо, сказывался недостаток спортивных занятий), переполняли неведомые конструкции, соединённые при помощи хрупких мостков; ряды машин, каждая из которых превышала габаритами любое здание в старом университетском городке в Блумингтоне, штат Индиана; пульсирующие органические

шары, схожие с убежавшими каплями бланманже[38] величиною с теннисный корт; медленно парящие сферы, струящие сияние и плюющиеся лазерными лучами, которые всё время что-то резали, сваривали и плавили; а главное, сотни моравеков, выполняющих самые разные задания. Единственным, что смотрелось хотя бы смутно привычно — пусть и совершенно не в тему, — был круглый стол из розового дерева, окружённый шестью стульями различной высоты.

— Меня зовут Астиг-Че, — представился низенький моравек. — Я европеец, как и ваш друг Манмут.

— Европеец? — тупо повторил схолиаст.

Однажды он отдыхал во Франции, ну и в Афинах бывал, на конференции, посвящённой классике. Тамошние обитатели, разумеется, отличались от людей его круга, но не до такой же степени! Ростом повыше Манмута — примерно в четыре фута — и более гуманоидоподобный с виду, Астиг-Че сверкал ярко-жёлтой оболочкой, напомнившей доктору гладкий непромокаемый плащ, которым он ужасно гордился в детстве.

— Европа, — пояснил роквек без тени досад-

[38] notes: 38

студенистое холодное сладкое кушанье из миндаля, сахара, лимонного сока и желатина.

ливого нетерпения в голосе, — это покрытый водой и льдами спутник Юпитера. Так сказать, колыбель Манмута. И моя тоже.

— Да, конечно. — Хокенберри залился краской и, зная о том, что заливается краской, покраснел ещё гуще. — Простите. Само собой. Я же помнил, откуда он родом. Извините.

— Мой титул… Впрочем, «титул» — чересчур громкое слово, скорее «рабочая функция», — первичный интегратор Консорциума Пяти Лун, — продолжал Астиг-Че.

Учёный вежливо кивнул, осознав, что находится в обществе крупного государственного деятеля или по крайней мере солидного чиновника. Мужчина понятия не имел, как называются остальные четыре луны. На исходе двадцатого — в начале двадцать первого столетия каждый месяц кто-нибудь открывал новый спутник Юпитера, во всяком случае, такое складывалось впечатление. Только кто бы стал зубрить их имена? А может статься, при жизни схолиаста их ещё и вовсе не обнаружили? К тому же Хокенберри, предпочитавший древнегреческую речь латыни, всегда считал, что самую крупную планету Солнечной системы следовало наречь Зевсом, а не Юпитером… Хотя при нынешних обстоятель-

ствах это создало бы известную путаницу.

— Позвольте представить моих коллег, — промолвил Астиг-Че.

Томас внезапно сообразил, кого напоминал ему этот голос, — актёра кино Джеймса Мэйсона.

— Высокий джентльмен справа от меня — генерал Бех бин Адее, командующий контингентом боевых моравеков Пояса астероидов.

— Доктор Хокенберри, — отчеканил Бех бин Адее, — для меня огромная честь наконец-то познакомиться с вами.

Рослое существо, без сомнения, протянуло бы руку для приветствия, но не имело ничего такого — разве что заострённые клещи с кучей манипуляторов тончайшей моторики.

«Джентльмен, — повторил про себя Хокенберри. — Роквек».

За восемь последних месяцев он успел насмотреться на роквеков-солдат — как на Илионских долинах, так и на Марсе, вокруг Олимпа: всегда высокие, метра под два, неизменно чёрные, покрытые шипами, крючками, хитиновыми гребнями, отточенными зубцами. Точные копии своего генерала. «На Поясе астероидов их явно разводят… собирают… не ради красоты», — подумал учёный, а вслух произнёс:

— Очень приятно, генерал… Бех бин Адее, — и учтиво наклонил голову.

— Слева от меня, — продолжал Астиг-Че, — вы видите интегратора Чо Ли, он со спутника Каллисто.

— Добро пожаловать на Фобос, доктор Хокенберри, — мягким, совершенно женским голоском проговорил Чо Ли.

«Интересно, есть ли у моравеков пол?» — прикинул удивлённый схолиаст. Почему-то Манмут и Орфу казались ему однозначно мужчинами, да и насчёт гормональной ориентации полевых бойцов сомнений не возникало. Впрочем, если каждый из них представлял собой отдельную личность, почему бы не появиться и половым различиям?

— Интегратор Чо Ли. — Учёный опять кивнул.

Каллистянин… э-э-э… каллистоид? каллистонец?.. был ниже Астига-Че, но гораздо более массивен и менее человекоподобен. *Ещё* менее, чем отсутствующий Манмут. Хокенберри несколько сбивали с толку клочья чего-то похожего на сырое розоватое мясо, проглядывавшие между панелями из пластика и стали. Если бы кто-нибудь решил воссоздать Квазимодо — горбуна Нотр-Дама — из кусков плоти и отслуживших

свой срок автомобильных частей: руки без костей и суставов, блуждающее множество глаз всевозможных размеров и узкая пасть, словно щель для писем, — он бы наверняка выглядел близнецом интегратора Чо Ли. Кстати, забавное коротенькое имя. Возможно, моравеков Каллисто проектировали китайцы?

— Рядом с Чо Ли вы видите Суму Четвёртого, — промолвил Астиг-Че ровным голосом Джеймса Мэйсона. — Он с Ганимеда.

Высотой и пропорциями Сума Четвёртый очень напоминал человека. Чего нельзя было сказать о его внешности. Шесть с лишним футов роста, правильно сложённые руки, ноги, талия, плоская грудь, подходящее количество пальцев — и всё это упаковано в жидкую, сизоватую, маслянистую оболочку. Однажды Манмут в присутствии Хокенберри назвал такое вещество углепластом. Тогда оно покрывало корпус шершня. Но чтобы кто-то додумался облить им человека… ну хорошо, человекообразного моравека… Страшновато получилось.

Ещё более жутко смотрелись негабаритные глаза со многими сотнями сверкающих граней. Хокенберри не мог не задаться вопросом, уж не наведывался ли в его дни на Старую Землю

кто-нибудь из ганимедян? Скажем, в Розуэлл, штат Нью-Мексико? Что, если это его кузен был заморожен в зоне Пятьдесят один?[39]

«Да нет же, — напомнил он себе. — Эти создания — никакие не инопланетяне. Они всего лишь органические роботы, спроектированные и построенные людьми, а после разосланные по Солнечной системе. Спустя столетия, долгие столетия после моей смерти».

— Здравствуйте, Сума Четвёртый, — сказал учёный.

— Рад познакомиться, доктор Хокенберри, — отозвался рослый ганимедянин.

На сей раз Хокенберри не услышал ни джеймсмэйсоновских, ни девчачьих ноток. Речи блестящего чёрного существа с мерцающими, как у мухи, глазами походили на грохот камней в пустом котле.

— И наконец, разрешите представить вам пятого представителя нашего Консорциума, — произнёс Астиг-Че. — Это Ретроград Синопессен

---

[39] notes: 39

Зона 51 — самый известный секретный испытательный полигон в США и во всём мире. Здесь, по мнению многих уфологов, учёных и просто людей, увлекающихся НЛО, находятся обломки летательных аппаратов пришельцев, их тела, а также активно проводятся исследования и испытания суперсовременных летательных аппаратов и вооружения с использованием технологий пришельцев.

с Амальтеи.

— Ретроград Синопессен? — повторил схолиаст.

Ему вдруг неудержимо захотелось расхохотаться до слёз. Или упасть прямо здесь, прикорнуть ненадолго и пробудиться в своём кабинете, в стареньком белом доме неподалёку от Индианского университета.

— Да, Ретроград Синопессен, — кивнул первичный интегратор.

Трижды поименованный моравек выбежал вперёд на серебристых паучьих лапках. Размером он был, по прикидкам схолиаста, с поезд-трансформер Лайонела,[40] только намного ярче блестел, как начищенный алюминий, а восемь тончайших серебристых ножек казались иногда почти невидимыми. По всему корпусу и внутри него искрились многочисленные глазки, а может, диоды или же крохотные лампочки.

— Очень приятно, доктор Хокенберри, — проговорила отполированная коробочка могучим и низким басом, который соперничал даже с инфразвуковым ворчанием Орфу. — Я прочёл все ваши книги и труды. Разумеется, те, что сохрани-

---

[40] notes: 40
Модель железной дороги популярной фирмы «Lionel».

лись в наших архивах. Они превосходны. Личная встреча с вами — большая честь.

— Спасибо, — неловко брякнул учёный. Затем посмотрел на пятерых моравеков, на сотни других, которые суетились над совершенно непостижимыми машинами внутри огромного пузыря с искусственно накачанным воздухом, перевёл глаза на Астига-Че и спросил: — Ну а теперь-то что?

— Почему бы нам не присесть за этот стол и не обсудить предстоящую экспедицию на Землю и ваше предполагаемое участие в ней? — предложил первичный интегратор Консорциума Пяти Лун.

— И правда, — сказал Хокенберри. — Почему бы нет?

12

Елена была совсем одна и без оружия, когда Менелай наконец-то загнал её в угол.

Наступивший за погребением Париса день и начался-то не по-людски, да и после всё шло наперекосяк.

Ни свет ни заря — Гектор ещё не успел отнести кости брата к могильному холму — его супруга

прислала за Еленой посланницу. Оказалось, что Андромаха и Гипсипила — её рабыня с острова Лесбос, которой много лет назад вырвали с корнем язык, ныне верная служанка тайного Сообщества Троянок — заточили неистовоокую Кассандру в укромной комнате у Скейских ворот.

— Это ещё что? — спросила вдова Париса, входя.

Провидице не полагалось даже слышать об этом убежище. И вот сумасшедшая дочь Приама, понурив плечи, сидит на деревянном ложе собственной персоной, а татуированная рука служанки прижимает к её горлу длинный отточенный нож.

— Она узнала, — промолвила хозяйка дома. — Она узнала про Астианакса.

— Как?

Кассандра, не поднимая головы, ответила за себя сама:

— Увидела в одной из грёз наяву.

Елена вздохнула. Прежде Троянок было не больше семи. Андромаха и её свекровь стояли у самых истоков сообщества. Затем к ним примкнула Феано — супруга конеборного Антенора и верховная жрица в храме Афины. Позже в круг посвящённых приняли Лаодику, дочь царицы

Гекубы. Потом уже четвёрка поверила супруге Париса свои мечты и цели: положить конец войне, чтобы спасти мужей и детей, а самим избежать ахейского рабства.

Дочери Зевса была оказана честь. её — не троянку, но источник всех бед — приняли в тайную группу, чтобы вместе искать третий выход: как прекратить осаду с честью, однако не заплатив ужасной кровавой цены. Этим они и занимались годами: Гекуба, Андромаха, Феано, Лаодика и Елена.

Кассандру — самую прелестную, но и самую безумную дщерь Приама — взяли к себе поневоле. Аполлон одарил девчонку даром предвидения, которое могло пригодиться при осуществлении замысла. Кроме того, в одном из своих трансов ясновидящая сама прознала о встречах подпольного общества и даже начала болтать об этом под сводами храма. Чтобы заткнуть ей рот, срочно пришлось включить Кассандру в команду.

Седьмой и последней, а также самой пожилой Троянкой стала «Любимица Геры» Герофила, мудрейшая из жриц Аполлона Сминтея.[41] Пре-

[41] notes: 41

Сминтей — «Мышиный». Первоначально Аполлон, видимо, изображался в образе этого животного, но впоследствии стал восприниматься как божество, охраняющее людей, их стада, урожай от мышей и т. д.

старелая сивилла зачастую толковала дикие сны Кассандры точнее, чем она сама.

Так что, когда быстроногий мужеубийца свергнул Агамемнона и заявил, будто бы Афина лично прикончила его лучшего друга Патрокла, после чего, возглавив ахейцев, поднял их на страшную битву с богами, Троянки увидели луч надежды. Оставив Кассандру в неведении — девчонка слишком дёргалась и чересчур много болтала в те последние, по её словам, дни перед падением Илиона, — женщины умертвили кормилицу Астианакса вместе с младенцем-сынишкой, а хитроумная Андромаха принялась вопить и причитать, что Паллада и Афродита своими руками убили первенца Гектора.

Несчастный отец, как незадолго до него Ахиллес, обезумел от горя и гнева. Десятилетней войне пришёл конец. Ахейцы бок о бок с троянцами двинулись маршем через Дыру и за компанию с моравеками — меньшими божествами — взяли Олимп в осаду.

Затем, пока моравеки ещё не успели накрыть Илион защитным куполом, началась бомбёжка, во время которой погибла Гекуба. Умерла её дочь Лаодика. Скончалась Феано, любимая жрица Афины.

Три из семи Троянок поплатились жизнью в ходе войны, которую сами же развязали. Как и сотни дорогих им людей, не только военных, но и гражданских.

«И вот ещё одна жертва?» — подумала дщерь Зевса. Она и не ведала, что бывает на свете тоска чернее смертной тоски.

— Теперь ты убьёшь Кассандру? — спросила Елена у Андромахи.

Супруга храброго Гектора обратила к вошедшей холодный взор и наконец промолвила:

— Нет. Я собираюсь показать ей Скамандрия, моего Астианакса.

Переодетый в медвежий шлем и львиную шкуру Менелай без всяких затруднений просочился в город, влившись в толпу этих варваров — союзников Илиона. Стоял довольно ранний час: погребальный костёр уже погасили, но амазонки ещё не успели с почестями въехать в городские ворота.

Старательно избегая приближаться к разрушенному дворцу Приама, где, как ему было известно, Гектор и его капитаны предавали земле кости покойника (слишком уж многие из троянских героев могли бы признать знаменитое облачение Диомеда — львиную шкуру или

медвежий шлем), рыжеволосый Атрид миновал суетливый шумный рынок, несколько переулков и вышел на маленькую площадь перед дворцом Париса, в котором сейчас обитали царь Приам и Елена. Само собой, у дверей, на стенах и на каждой террасе стояла отборная стража. Одиссей однажды рассказывал, какое из окон ведёт в покои обманщицы, и Менелай долго буравил пылающим взглядом развевающиеся занавески, но та не появилась. Зато блеснули на солнце бронзовые доспехи копейщиков, и стало ясно: Елены там нет. В прошлом, в их более скромном лакедемонском дворце, она никогда не пускала охрану в свои чертоги.

Прямо через дорогу располагалась лавка, где подавали вино и сыр. Усевшись за один из грубо сколоченных столиков посреди залитой солнцем улочки, Менелай плотно позавтракал, расплатившись троянскими золотыми, щедрую горсть которых предусмотрительно захватил в ставке Агамемнона, когда переодевался. Так он просидел несколько часов кряду, время от времени подбрасывая хозяину заведения несколько треугольных монеток за удовольствие, а главное — прислушиваясь к трёпу прохожих на площади и посетителей за соседними столиками.

— Как там её светлость? — спросила одна старая карга свою товарку. — Дрыхнет ещё, поди?

— Да нет, сегодня и не думала. Послушать мою Фебу, так шлюшка ускользнула спозаранку, это точно. Думаешь, собралась напоследок почтить останки благоверного? Как бы не так!

— А что ж тогда? — прошамкала та, у которой совсем не осталось зубов. Она пережёвывала сыр дряхлыми дёснами и с любопытством наклонилась, будто готовилась услышать доверительный шёпот, однако глухая ведьма прочти проорала в ответ:

— Болтают, что наш старикашка Приам намылился выдать заморскую сучку за другого сына. Да ведь не за какого-нибудь ублюдка, которыми город кишмя кишит: в наше время куда ни плюнь — утрётся его внебрачный недоносок, а за этого тупого жирдяя, законнорождённого Деифоба. И вроде бы свадьбу хотели сыграть не позже, чем через двое суток после того, как Париса пустят на шашлыки.

— Скоро, значит.

— Не то слово. Может, уже сегодня. Больно долго пришлось бедолаге ждать своей очереди отыметь чернявую бабёнку: слюни-то он пускал с тех самых пор, как Парис притащил её крепкую

задницу в город, — о, проклятый день! Так что мы тут с тобой, сестра, языками чешем, а Деифоб уж, наверное, женится или зашибает на радостях.

И старухи продолжали, пуская слюни, пожирать хлеб с сыром.

Менелай вскочил из-за стола как ужаленный и пошагал куда глаза глядят, яростно сжимая копьё в левой руке, а правую положив на рукоять меча.

«Деифоб? Где же этот Деифоб?»

До войны с богами всё было гораздо проще. Несемейные отпрыски Приама — кое-кому из них стукнуло больше пятидесяти — обитали вместе, в огромном царском дворце, прямо в сердце города — ахейцы давно замышляли, как только ворвутся в Трою, начать резню и грабёж именно оттуда. Увы, одна-единственная удачно сброшенная бомба в первый же день противостояния разогнала наследников и их сестёр по не менее роскошным жилищам, разбросанным по разным концам великого Илиона.

В общем, спустя целый час обманутый муж по-прежнему бродил по многолюдным улицам, когда толпа вдруг бурно возликовала, радуясь появлению Пентесилеи с её двенадцатью воительницами.

Боевой скакун царицы едва не сбил Атрида с ног: тот еле успел отпрянуть. Наголенник амазонки скользнул по его плащу. Гордая Пентесилея не смотрела ни вниз, ни по сторонам.

Потрясённый красотой чужеземки Менелай чуть было не сел на мостовую, загаженную конским навозом. Зевс её подери, что за хрупкая, изменчивая прелесть таилась под пышными, сверкающими доспехами! А эти глаза! Брат Агамемнона сроду не встречал ничего подобного: он ведь ни разу не бился ни рядом с амазонками, ни против них.

Подобно заворожённому гадателю в экстазе, он покорно и слепо заковылял вслед за процессией — обратно ко дворцу Париса. Приезжих воительниц приветствовал не кто-нибудь, а сам Деифоб. Елены при нём не оказалось. Стало быть, беззубые любительницы сыра всё наплели.

Словно последний влюблённый подпасок, Менелай очень долго не мог оторвать взгляд от заветной двери, за которой исчезла красавица; наконец он встряхнулся и вновь устремился на поиски. Солнце катилось к зениту. Времени оставалось в обрез: в полдень Агамемнон собирался начать восстание против Ахилла, к вечеру — развернуть боевые действия. Впервые за долгие годы

до сына Атрея дошло, насколько велик этот город. И есть ли надежда ненароком набрести здесь на Елену, пока ещё можно что-нибудь сделать? Почти никакой. При первом же боевом кличе, который донесётся из аргивского стана, Скейские ворота захлопнутся, и стража на стенах будет удвоена. Менелай угодит в ловушку.

Рассудив так, он почти бегом пустился к выходу. Сердце сжигала тройная горечь: поражения, ненависти и любви. Воин был чуть ли не счастлив из-за того, что не нашёл предательницу, — и скрежетал зубами при мысли о том, что не убил её.

У ворот собралась шумная толпа. Менелай остановился поглазеть, задал соседям пару вопросов и уже не смог оторваться от поразительного зрелища, хотя оно и грозило перерасти в настоящий бунт, от которого ему бы не поздоровилось. Оказалось, приезд амазонок, которые как одна сладко почивали теперь на самых мягких Приамовых ложах (ни дать ни взять куриные яйца в корзинке: их тоже продают на дюжины), странно подействовал на горожанок. Из временного царского дворца просочилась молва о клятве Пентесилеи прикончить Ахилла, Аякса, если у неё найдётся свободная минутка, и всякого ахейского военачальника, что встанет на пути, якобы

прибавила гостья с самым серьёзным видом. Похоже, в душах женщин Трои (не путать с тайным Сообществом Троянок) это задело некую спавшую до сих пор, но отнюдь не пассивную струну, и они заполонили улицы, крыши домов и даже зубчатые стены с бойницами. Остолбеневшие стражники не пытались противиться орущим жёнам, дочкам, сёстрам и матерям.

Слово взяла Гипподамия — нет, не прославленная супруга Пирифоя, а жена какого-то Тизифона, столь незначительного троянского полководца, что Менелай ни разу не встречал его и даже не слышал о нём на поле брани. Так вот эта самая Гипподамия весьма красноречиво орала, разжигая в товарках смертоубийственное безумие. Атрид задержался, чтобы посмеяться, а вот теперь вместо этого обратился в слух и наблюдал во все глаза.

— Сёстры мои! — визжала бабища с мясистыми руками и внушительными бёдрами, не совсем лишённая привлекательности. Заплетённые волосы растрепались по плечам и тряслись, пока она вопила и жестикулировала. — Почему мы никогда не сражались бок о бок со своими мужчинами? Почему долгие годы рыдали о судьбе Илиона, заранее оплакивали чёрную гибель

малых детей, но ничего не пытались поделать с этим? Настолько ли мы беззащитнее безбородых юнцов, ушедших за городские стены, чтоб уже не вернуться? Разве мы более хрупки, чем наши храбрые сыновья?

Толпа взревела.

— Мы делим с мужьями-троянцами ту же пищу, свет солнца, воздух и мягкие ложа! — надрывалась полнобедрая Гипподамия. — Почему же не разделить с ними славную гибель? Так ли мы слабы?

— Нет! — завопили разом тысячи жён.

— Найдётся ли среди нас хоть одна, которая не потеряла бы в этой войне с ахейцами дорогого супруга, брата, сына или кровного родственника?

— Нет!

— Есть ли здесь такая, что сомневалась бы в своей женской участи после того, как данайцы ворвутся в город?

— Нет!

— Тогда не будем терять ни единой драгоценной минуты! — кричала Гипподамия, перекрывая визг распалённой толпы. — Царица амазонок поклялась убить Ахиллеса ещё до захода солнца! Она явилась издалека, чтобы сражаться за чужой город! Можем ли мы сделать меньше, защищая

родной очаг, мужчин, детей ради собственных жизней и будущего?

— Нет!

На сей раз вопли не собирались утихать. Троянские жёны бросились врассыпную; некоторые из них, спрыгнув с высоких ступеней, едва не затоптали Менелая.

— Вооружайтесь! — раздирала глотку Гипподамия. — Оставьте свои веретена, пряжу и прялки, наденьте доспехи, подпояшьтесь для битвы, встречаемся за городскими стенами!

Мужчины, молча следившие за этой сценой, поначалу скалившие зубы над бабьей тирадой супруги Тизифона, теперь подобру-поздорову спешили убраться с дороги, ныряя в дверные проёмы и глухие проулки. Атрид решил последовать их примеру.

Он уже повернул к воротам — хвала богам, те были ещё открыты, — когда внезапно увидал Елену. Она стояла на углу и смотрела в другую сторону. Затем, поцеловав своих спутниц, тронулась вдоль по улице. Одна.

Менелай замер, сделал глубокий вдох, коснулся рукояти меча, повернулся — и двинулся следом.

* * *

— Феано прекратила это безумие, — говорила Кассандра. — Сивилла обратилась к толпе и привела разъярённых кошек в чувство.

— Она умерла восемь с лишним месяцев назад, — холодно отрезала Андромаха.

— В ином *сегодня*, — тем же бесцветным голосом, какой бывал у неё во время видений, провещала пророчица. — Не в нашем будущем. Феано их остановила. Все покорились совету верховной жрицы Афины.

— Ну а в нашем *сегодня* Феано кормит червей. Сдохла, как член Париса, — сказала Елена. — Никто не усмирил ошалевшую толпу.

Заполняя площадь и маршируя через распахнутые ворота в какой-то жалкой пародии на военный порядок, мимо шагали троянские женщины. Судя по всему, каждая из них успела наведаться домой и напялить то, что подвернулось под руку: тусклый отцовский шлем с полинялым или выдранным конским хвостом и забракованный братом щит, прихватив для острастки мужнино или сыновне копьё или меч. Огромные доспехи свободно болтались, тяжёлые пики волочились по земле, но горожанки продолжали топать, гро-

мыхать и лязгать бронзой, похожие на детишек, обрядившихся для игры в войну.

— Бред какой-то, — прошептала Андромаха. — Полный бред.

— Как и всё, что случилось после смерти Ахиллова друга Патрокла, — изрекла Кассандра, сверкая глазами, будто в горячке. — Обманчиво. Ложно. Неправильно.

Подруги провели более двух часов под самой крышей особняка Андромахи у городской стены, в залитых солнцем чертогах, играя с восемнадцатимесячным Скамандрием, чью мнимую гибель от рук бессмертных оплакивала вся Троя, младенцем, из-за которого безутешный Гектор и объявил войну Олимпу. Между тем живой и здоровый малыш, прозванный в народе Астианаксом — «Владыкой города», воспитывался под неусыпным наблюдением новой кормилицы, а у дверей особняка круглосуточно несли караул верные стражи-киликийцы, привезённые из павших Фив. Когда-то они пытались сложить свои головы за царя Этиона, но стены рухнули, правитель был убит Ахиллесом, и теперь солдаты, уцелевшие не по собственной воле, а по прихоти быстроногого, посвятили себя защите царской дочери Андромахи и, конечно, её сынишки, упря-

танного подальше от всяческих взоров.

Мальчик уже лепетал первые слова и мог одолеть пешком целую милю. Даже после долгих месяцев разлуки, составивших чуть ли не половину его коротенькой жизни, он без труда признал тётю Кассандру и радостно бросился к ней, раскинув пухлые ручки.

Провидица ответила на объятие и разрыдалась. Почти два часа три Троянки и служанки (кормилица и убийца с Лесбоса) играли и болтали со Скамандрием, а когда ему настало время поспать, ещё потолковали между собой.

— Видишь, почему тебе не следует повторять свои откровения, — завершила беседу Андромаха. — Стоит хотя бы кому-нибудь, кроме собравшихся здесь, услышать о них, и нашему с Гектором сыну не избежать погибели, о которой ты столько пророчествовала: Астианакса швырнут на камни с высочайшей башни города, так что мозг брызнет на скалы.

Побледнев даже больше прежнего, Кассандра снова всплакнула.

— Я научусь держать в узде свой дар прорицания, — наконец произнесла она. — Хотя это мне и не под силу, но ничего, твоя бдительная служанка поможет. — Ясновидящая кивнула на

Гипсипилу, застывшую неподалёку с каменным выражением лица.

Тут с площади послышался шум и женские выкрики, и подруги-Троянки, скрыв лица под тонкими покрывалами, отправились посмотреть, из-за чего такая суматоха.

Несколько раз во время бойкого выступления Гипподамии Елену так и подмывало вмешаться. Когда уже было слишком поздно — сотни женщин потоками рассерженных ос хлынули по домам вооружаться и надевать доспехи, — виновница Троянской войны признала правоту Кассандры. её старая товарка Феано, верховная жрица всё ещё почитаемого храма Афины, могла бы остановить это безобразие. «Вздор!» — протрубила бы она своим натруженным под сводами святилища голосом и, завладев общим вниманием, отрезвила бы женщин разумными словами. Сивилла напомнила бы, что Пентесилея (до сих пор ничего не сделавшая для Трои, если не считать клятвы престарелому царю и послеобеденного сна) приходится дочерью самому Аресу. Ну а как насчёт горожанок, вопящих на площади? Найдётся ли среди них хоть одна кровная родственница бога войны?

Мало того, Елена не сомневалась: Феано рас-

толковала бы поутихшей толпе, что греки не для того почти десять лет сражались — когда на равных, а когда и одерживая верх — с героями вроде Гектора, чтобы сегодня пасть под ударами горластой оравы неумёх. «И если только вы не учились втайне от всех обращаться с конями, управлять колесницами, метать копьё на половину лиги вдаль и отбивать щитом свирепые клинки и если не готовы срубать визжащие мужские головы с крепких плеч — идите по домам, — вот что наверняка сказала бы жрица. — Беритесь-ка за прялки, верните братьям и отцам их оружие. Пусть храбрые мужчины защищают нас. Они затеяли эту войну — им и решать её исход». Тут горячая свора остыла бы и понемногу разбрелась.

Однако Феано так и не вмешалась. Она была мертва — сдохла, как член Париса, по деликатному выражению самой Елены.

Поэтому кое-как вооружённая ватага продолжала шагать на битву — к Дырке, ведущей к подножию Олимпа. Женщины Трои свято верили, что прикончат Ахилла прежде, нежели Пентесилея изволит протереть свои прекрасные глаза. Гипподамия запоздало выскочила из Трои в косо нацепленных доспехах, позаимствованных, казалось, из позапрошлой эпохи — возможно, со

времён войны с кентаврами. Бронзовые пластины оглушительно бряцали на огромных грудях. Она расшевелила толпу — и тут же выпустила контроль из рук. А теперь, как любой из политиканов, неловко и тщетно стремилась догнать её, чтобы снова командовать парадом.

Подруги-Троянки попрощались, расцеловались и разошлись по своим делам — причём хладнокровная убийца Гипсипила двинулась по пятам за пророчицей с красными от слёз очами. Елена же отправилась ко дворцу, который ещё недавно делила с Парисом. Приам уже сообщил ей о своём намерении назначить время свадьбы Деифоба нынче же, до захода солнца.

По дороге красавице захотелось свернуть с многолюдной и шумной улицы в храм Афины. Святилище, разумеется, пустовало: мало кто в эти дни дерзал открыто поклоняться богине, которую считали убийцей Астианакса и главной причиной войны между смертными и Олимпом. Женщина вошла в полумрак, напоённый ароматами фимиама, вдохнула тишину полной грудью и окинула взором гигантскую золотую статую богини.

— Елена.

На какой-то миг дочери Зевса почудилось, буд-

то изваяние заговорило с нею голосом бывшего мужа. Потом она медленно развернулась.

— Елена.

Менелай стоял менее чем в десяти футах от неё, широко расставив ноги в сандалиях на тёмном мраморе пола. Красавице хватило неверного мерцания зажжённых весталками свечек, чтоб различить его рыжую бороду, зловещий взгляд, обнажённый клинок в деснице и глупый медвежий шлем в левой руке.

— Елена.

Что ещё мог вымолвить этот царь, воин и рогоносец теперь, когда пробила долгожданная минута мести?

Бежать от него? Бесполезно. Атрид загородил собою вход и ни за что не выпустит жертву на улицу. К тому же в Лакедемоне он слыл самым проворным на ноги. Супруги даже шутили: мол, если родится сын, маме и папе нипочём не догнать его, чтобы отшлёпать за шалости. Только им так и не пришлось родить сына…

— Елена.

Каких только стонов не слышала за свою жизнь красавица: всё что угодно, от оргазма до смерти. Но никогда мужчина не вкладывал столько боли в три слога, похожих на горестный всхлип, таких

родных и таких неузнаваемых.

— Елена.

Менелай торопливо пошёл на неё, поднимая меч.

Дочь Зевса не пыталась бежать. При полном сиянии свеч и отблесках золотого идола она преклонила колени, подняла глаза на законного супруга, потупилась и сорвала с груди платье, ожидая удара.

13

— Что касается вашего последнего вопроса, — произнёс первичный интегратор, — то полёт на Землю необходим. По-видимому, или там, или в околоземном пространстве располагается источник всей этой квантовой активности.

— Манмут вкратце рассказывал, что его и Орфу послали на Марс из-за того, что источник… э-э-э… активности был на Олимпе.

— Так мы полагали раньше, когда, познав о способности богов квитироваться, готовили Дыры для вторжения с Пояса и Юпитера на Красную планету и Землю Троянской эпохи. Однако теперь наши технологии позволили установить, что первопричина находится на Земле, а Марс

— только приёмник… Точнее выражаясь — цель.

— Неужели за восемь месяцев ваши технологии настолько изменились? — проговорил Хокенберри.

— Наши знания единой квантовой теории более чем утроились, — вступил в беседу Чо Ли — видимо, главный по техническим вопросам. — К примеру, большая часть того, что нам известно о квантовой гравитации, была получена именно за этот промежуток времени.

— Ну и *чему* же вы научились? — Схолиаст не надеялся понять ни слова из их объяснений, просто его впервые разобрало недоверие к полуорганическим роботам.

Ответил Ретроград Синопессен.

— Всё, что мы узнали, — пророкотал он басом, который никак не сочетался с видом трансформера на паучьих ножках, — ужасно. Просто ужасно.

Что ж, *это* слово Хокенберри уразумел.

— Потому что квантовая чего-то-там нестабильна? Если я верно понял Орфу и Манмута, это было известно и раньше. Всё оказалось настолько хуже?

— Дело в другом, — вмешался Астиг-Че. — Мы начинаем осознавать, каким образом силы, которые стоят за так называемыми богами, ис-

пользуют энергию квантовых полей.

«Силы, которые стоят за богами». Учёный отметил про себя странное выражение, однако решил не отвлекаться.

— Как же они ею пользуются? — спросил он.

— Вообще-то олимпийцы употребляют волны-складки квантового поля, чтобы ездить по ним на своих колесницах, — отозвался ганимедянин Сума Четвёртый. Поймав луч света, многогранные глаза рослого создания заблестели тысячами крохотных вспышек.

— А это плохо?

— Нет, если только вы видели, чтобы кто-нибудь зажигал домашнюю лампочку от взрыва термоядерной бомбы.

— Тогда почему боги ещё не выиграли войну? — заметил схолиаст. — Похоже, ваше вторжение малость поставило их в тупик… Даже Зевса с его *эгидой*.

На сей раз ответил командующий роквеков Бех бин Адее:

— Олимпийцы применяют лишь мизерную часть квантовой энергии, задействованной на двух планетах и вокруг них. Мы не уверены, что боги способны понять более сложные технологии. Кажется, это был просто… подарок.

— Чей? — У Хокенберри внезапно пересохло в горле. «Надо бы уточнить, нет ли в пузыре с искусственной атмосферой пригодных для человека пищи или питья».

— Вот это мы и собираемся выяснить на Земле, — сказал первичный интегратор.

— Но зачем нужен космический корабль?

— Прошу прощения? — мягко переспросил Чо Ли. — Вы знаете иной способ путешествий между мирами?

— А как вы попали на Марс? — сказал мужчина. — Используйте одну из Дырок.

Астиг-Че покачал головой, совсем как Манмут.

— Между Землёй и Красной планетой нет ни единого квантового туннеля.

— Постойте, — удивился схолиаст, — вы же создали собственные Дыры, чтобы проникнуть с Юпитера и Пояса, правильно? — У него уже раскалывалась голова. — Так создайте их снова.

— Капитан «Смуглой леди» разместил наш приёмопередатчик на квинкунциальной позиции квантового потока Олимпа. На Земле или на орбите нет никого, кто мог бы сделать то же самое. Кстати, это одна из целей нашей экспедиции. На борт уже подняли транспондер, подобный предыдущему, только слегка усовершенствованный.

Хокенберри согласно кивнул, сам не ведая, с чем соглашается. Он мучительно пытался припомнить определение слова «квинкунциальный». Это, случаем, не прямоугольник с пятой вершиной посередине? Или дело в листьях и лепестках? Короче говоря, это что-то, связанное с пятёркой.

Первичный интегратор склонился над столом, чуть подавшись вперёд.

— Если позволите, доктор, я обрисую, почему нас тревожит столь фривольное обращение с квантовой энергией.

— Прошу вас.

«Вот ведь манеры, куда деваться!» — присвистнул про себя мужчина, слишком давно привыкший иметь дело с греками и троянцами.

— Скажите, перемещаясь девять лет между Илионом и Олимпом, вы никогда не замечали разницы в силе притяжения?

— М-м-м… как же… замечал… На Вулкане чувствуешь себя немного легче. Да, я обнаружил это раньше, чем узнал, — вернее, ваши парни растолковали, что речь идёт о другой планете. Ну и? Всё верно, разве не так? Я думал, гравитация Марса и должна быть слабее.

— Намного слабее, — пропищал Чо Ли, словно

птичка или свирель Пана. — Примерно семьдесят два километра в секунду за секунду.

— Переведите, — попросил Хокенберри.

— Это тридцать восемь процентов земного гравитационного поля, — произнёс Ретроград Синопессен. — То есть вы много лет перемещались — точнее выражаясь, квант-телепортировались, — с одной планеты на другую с разницей притяжения в шестьдесят два процента, доктор Хокенберри.

— Пожалуйста, зовите меня Томасом, — рассеянно сказал тот, упорно соображая.

«Шестьдесят два процента? Да я бы летал, как воздушный шарик… Совершал бы прыжки по двадцать ярдов. Бессмыслица».

— Вы не уловили разницы, — уже без вопросительной интонации подытожил Астиг-Че.

— Не совсем, — согласился бывший служитель Музы. После долгого дня наблюдений за ходом Троянской войны, возвращаясь на Олимп и потом в бараки у подножия, он каждый раз ощущал некую лёгкость в походке, особенно если что-нибудь нёс в руках. Однако шестьдесят два процента?.. Дикость, да и всё тут.

— Разница была, — прибавил он, — но не столь огромная.

— Знаете, почему вы не замечали её, доктор Хокенберри? Нынешняя гравитация на Марсе, где вы прожили последние десять лет, а мы воюем последние восемь стандартных месяцев, составляет девяносто девять целых восемьсот двадцать одну тысячную нормального земного притяжения.

Схолиаст поразмыслил над услышанным.

— И что? — наконец выдал он. — Боги подправили гравитацию, пока снабжали планету воздухом и океанами. На то ведь они и *боги*.

— Они представляют собою нечто, — согласился Астиг-Че, — но только не то, чем кажутся.

— Неужели поменять силу притяжения — такая большая морока? — ляпнул учёный.

Наступила тишина. Хотя моравеки не поворачивали голов и не переглядывались, Хокенберри чувствовал: сейчас они оживлённо общаются между собой по радио— или другой связи, обсуждая один вопрос: «Как бы всё растолковать этому идиоту-человеку?»

В конце концов Сума Четвёртый промолвил:

— Да, чрезвычайно большая морока.

— Это гораздо сложнее, чем терраформировать оригинальную Красную планету менее чем за полтора столетия, — пискнул Чо Ли. — Что само

по себе практически невозможно.

— Гравитация равняется массе, — изрёк Ретроград Синопессен.

— Правда? — Схолиаст понимал, насколько глупо звучит, однако ему было наплевать. — Я полагал, что это всего лишь сила, которая удерживает вещи внизу.

— Сила притяжения отражает влияние массы на пространственно-временной континуум, — продолжал серебристый паук. — Плотность сегодняшнего Марса превышает плотность воды в три целых и девяносто шесть сотых раза. Тогда как прежде — немногим более чем сотню лет назад, то есть до терраформирования, — разница между этими величинами составляла три целых и девяносто четыре сотых раза.

— На слух получается: мало что изменилось, — ответил схолиаст.

— Действительно, мало, — подтвердил первичный интегратор. — И это никоим образом не объясняет огромного возрастания гравитации.

— Кроме того, притяжение — это ещё и ускорение, — весьма музыкально вывел Чо Ли.

Вот теперь схолиаст окончательно потерял нить беседы. Он-то пришёл узнать о полёте на Землю и уяснить свою роль в экспедиции, а не

выслушивать лекции по точным наукам, как особенно недоразвитый восьмиклассник.

— Итак, неизвестно кто, но не боги, поменял гравитацию Марса, — подытожил мужчина. — И вы считаете это большой заморочкой.

— Очень большой заморочкой, доктор Хокенберри, — поправил Астиг-Че. — Кто бы или что бы ни повлияло на Красную планету, оно — виртуоз в подобных делах. Дырки… раз уж их теперь так называют… представляют собой квантовые туннели, которые способны управлять силой притяжения.

— Червоточины, — кивнул схолиаст. — Это я знаю… — «Из сериала „Стар трек“, — мысленно договорил он. — Чёрные дыры, — присовокупил профессор классики. И, пораскинув умом, добавил: — Белые дыры…

На этом его познания данной темы были исчерпаны. Впрочем, даже далёкие от негуманитарных наук люди вроде Томаса Хокенберри к концу двадцатого века имели понятие о том, что Вселенная полна червоточин, соединяющих отдалённые галактики, и что пройти сквозь такую можно, лишь погрузившись в чёрную дыру и выплыв наружу из белой. Ну или в крайнем случае наоборот.

Первичный интегратор опять покачал голо-

вой.

— Не червоточины. Брано-Дыры. От слова «мем*брана*». Судя по всему, постлюди с околоземной орбиты использовали чёрные дыры для создания весьма недолговечных червоточин, но брано-дыры — совсем иное дело. Как вы помните, одна из них до сих пор соединяет Илион с Марсом, в то время как остальные утратили стабильность и бесследно исчезли.

— Если бы вы попытались пройти сквозь червоточину или чёрную дыру, то сразу бы умерли, — вставил Чо Ли.

— Спагеттифицировались, — уточнил генерал Бех бин Адее со странным удовольствием в голосе.

— Спагеттификация означает… — начал Ретроград Синопессен.

— Спасибо, я в курсе, — сказал Хокенберри. — Короче говоря, изменение гравитации плюс появление квантовых Брано-Дыр делают противника страшнее, чем вы боялись.

— Верно, — подтвердил Астиг-Че.

— И вы посылаете здоровенный корабль на Землю выяснить, кто сотворил эти Дыры, терраформировал Марс и, возможно, создал богов.

— Да.

— И желаете, чтобы я полетел с вами.

— Да.

— Зачем? — спросил схолиаст. — Какую пользу я мог бы… — Тут он осёкся и прикоснулся к тяжёлому кругляшу на цепочке, упрятанному под туникой. — Понимаю. Квит-медальон.

— Именно, — произнёс первичный интегратор.

— Парни, когда вы только явились, то брали у меня эту штуку на целых шесть дней. Уже и не чаял получить игрушку обратно. Я-то думал, вы наштамповали тысячи копий.

— Если бы мы сумели получить хотя бы дюжину… полдюжины… да что там — одну копию, — простонал генерал Бех бин Адее, — война с богами уже завершилась бы, а склоны Олимпа были бы заняты нашими силами.

— Дело в том, что выполнить дубликат невозможно, — пропищал Чо Ли.

— Почему? — Голова несчастного Хокенберри трещала по швам.

— Квит-медальон подогнан под ваше тело и разум, — промолвил Астиг-Че сладкозвучным голосом Джеймса Мэйсона. — Или ваше тело и разум… подогнаны… для работы с медальоном.

Любитель Гомера пошевелил мозгами. Затем

ещё раз потрогал медальон и покачал головой.

— Нестыковочка получается. Видите ли, эта вещица — не серийного производства и не предназначалась для схолиастов. Нам полагалось являться в условленные места, и боги сами квитировали своих слуг на Олимп. Что-то вроде «Подхвати меня лучом, Скотти»,[42] если вы понимаете, о чём я. Хотя вряд ли…

— Мы вас отлично понимаем, — произнесла коробочка-трансформер на серебристых паучьих лапках не толще миллиметра. — Обожаю это кино. Особенно первые серии. Я записал их все… и сильно подозреваю, что между капитаном Керком и мистером Споком существовала тайная физически-романтическая связь.

Хокенберри хотел ответить, потом запнулся.

— Погодите, — выдавил он наконец. — Афродита вручила мне медальон, чтобы я шпионил за Афиной и убил её. Но ведь прежде я девять лет работал на Музу и шастал туда-сюда с божеской помощью. Как же они могли «подогнать» моё тело под медальон, когда никому…

Учёный остановился. Головную боль понемногу

---

[42] notes: 42

«Подхвати меня лучом, Скотти» («Beam me up, Scotty») — распространённая версия фразы из телесериала «Стар трек», на самом деле звучавшей: «Подхватите нас лучом, мистер Скотт».

вытесняла тошнота. Может, что-то с воздухом?

— Вы с самого начала были… реконструированы… для работы с ним, — проговорил Астиг-Че. — Точно так же, как боги были запрограммированы квитироваться по собственной воле. Мы в этом абсолютно уверены. Вероятно, ответ на вопрос «почему» находится на Земле. Или же на одном из сотен тысяч орбитальных устройств и городов, построенных постлюдьми.

Хокенберри откинулся на спинку стула. Кстати, ему достался единственный стул со спинкой. Всё-таки моравеки — на удивление внимательные существа.

— Вот почему вы берёте меня в полёт. Чтоб я мог сразу квитнуться, если что-то пойдёт не так. Для вас я вроде сигнального буя, которые в моё время имелись на каждой подводной ядерной лодке. Когда приспичивало, их выбрасывали на поверхность.

— Верно, — согласился первичный интегратор. — Именно поэтому вы и приглашены в путешествие.

Учёный моргнул.

— Что ж, хотя бы честно… Этого у вас не отнимешь. Так какие же цели стоят перед членами экспедиции?

— Цель первая — разыскать источник квантовой энергии, — пропел Чо Ли. — И по возможности отключить. Иначе Солнечной системе грозят серьёзные неприятности.

— Цель вторая — установить контакт с любыми уцелевшими представителями человечества или постчеловечества на планете и на её орбите, дабы выяснить у них мотивы, стоящие за взаимоотношениями Олимпа и Трои, — отчеканил маслянисто-серый ганимедянин Сума Четвёртый, — а также за опасными квантовыми забавами.

— Цель третья — картографировать существующие и любые сокрытые квантовые туннели — Брано-Дыры — и проверить их на возможность использования для межпланетных или межзвёздных путешествий, — сказал Ретроград Синопессен.

— Цель четвёртая — найти чужаков, которые четырнадцать веков назад вторглись в нашу Солнечную систему, реальных богов за спинами наших карликов-олимпийцев, и призвать их к благоразумию, — изрёк генерал Бех бин Адее, — а если уговоры не подействуют — уничтожить.

— Цель пятая, — негромко, по-британски растягивая слова, произнёс Астиг-Че, — возвратить на

Марс всю команду до единого моравека и человека… живыми и способными функционировать.

— Наконец хоть что-то в моём вкусе, — пробормотал Хокенберри.

Сердце его громко стучало, а голову терзала такая отчаянная мигрень, которой схолиаст не помнил со дней аспирантуры — самой тяжкой полосы своей прошлой жизни. Мужчина встал.

Моравеки сразу же поднялись.

— Сколько у меня времени на размышления? — спросил учёный. — Если собираетесь лететь через час, то я не с вами. Надо всё хорошенько обмозговать.

— На подготовку и оснащение судна уйдёт ещё двое суток, — успокоил его первичный интегратор. — Желаете подождать здесь? Мы оборудовали для вас удобное место в тихом уголке…

— Я хочу обратно в Трою, — прервал его схолиаст. — Там лучше думается.

— Мы подготовим шершень к немедленной отправке, — ответил первичный интегратор. — Только боюсь, на Илионских долинах сейчас не очень спокойно, судя по данным, которые поступают по мониторам.

— Ну вот, так всегда, — протянул мужчина. — Стоит отлучиться на пару часов, пропустишь

самое интересное.

— Пожалуй, события на Олимпе и в Трое увлекут вас настолько, что улететь будет сложно, доктор Хокенберри, — вставил Ретроград Синопессен. — Я пойму, если страсть схолиаста к наблюдениям заставит вас остаться.

Учёный вздохнул и покачал больной головой.

— Что бы они там ни нагородили, гомеровский эпос давно загремел ко всем чертям. Я сегодня так же беспомощен, как и бедняжка Кассандра.

Через выгнутую стену синего пузыря влетел шершень, завис над собеседниками и, беззвучно опустившись, откинул трап. В проёме стоял Манмут.

Церемонно кивнув делегации моравеков, схолиаст зашагал прочь, обронив на прощание:

— За эти двое суток дам вам знать о своём решении.

— Доктор Хокенберри, — окликнул вопросительный голос Джеймса Мэйсона.

Схолиаст обернулся.

— Мы думаем взять в экспедицию одного грека или троянца, — промолвил Астиг-Че. — И были бы очень признательны за совет.

— Зачем? — удивился мужчина. — В смысле, они же из Бронзового века. Для чего вам тот, кто

жил и умер за шесть тысяч лет до земной эпохи, куда вы направляетесь?

— Имеются причины, — уклончиво ответил первичный интегратор. — И всё-таки чьё имя первым приходит в голову?

«Елена Троянская, — подумал Хокенберри. — Подарите нам с ней романтический круиз, и полёт окажется чертовски приятным». Он попробовал вообразить секс в условиях невесомости. Но череп раскалывался, и схолиаст прекратил попытки.

— Вам нужен воин? Герой?

— Не обязательно, — произнёс генерал Бех бин Адее. — Хватит и сотни наших бойцов на борту. Любой представитель эры Троянской войны, кто сможет принести какую-то пользу.

«Елена, — повторил про себя мужчина. — От неё большая…»

Он тряхнул головой и сказал:

— Лучше всего подойдёт Ахиллес. Знаете, он ведь неуязвим.

— Знаем, — мягко проговорил Чо Ли. — Мы тайно исследовали героя и выяснили причины этой, как вы выражаетесь, неуязвимости.

— Да, его мать, богиня Фетида, окунула сына в реку… — начал Хокенберри.

— Вообще-то, — перебил Ретроград Синопессен, — на самом деле кто-то… или что-то… искривило матрицу квантовых возможностей вокруг мистера Ахиллеса до невообразимых пределов.

— Ладно, — кивнул схолиаст, не поняв ни слова из сказанного. — Так он вам подходит?

— Не думаю, что мужеубийца согласится принять участие в полёте, — с сомнением произнёс Астиг-Че.

— Э-э-э… нет. А что, заставить нельзя?

— Полагаю, это повлечёт за собой больше риска, чем все опасности экспедиции на третью планету, вместе взятые, — проворчал генерал Бех бин Адее.

«Что это — шутка роквека?» — подивился мужчина. А вслух сказал:

— Если не Ахиллес, то кто?

— Мы ждали, что вы сами предложите, — пожал плечами первичный интегратор. — Кого-нибудь отважного, но умного. Восприимчивого исследователя. Способного к диалогу. Гибкую личность, как у вас говорят.

— Одиссей, — без запинки выпалил Хокенберри. — Вот кто вам нужен.

— По-вашему, его легко уговорить? — осведомился Ретроград Синопессен.

Схолиаст испустил вздох.

— Только заикнитесь, что на другом конце дороги ждёт Пенелопа, — и этот парень рванёт за вами в преисподнюю и обратно.

— Мы не можем ему солгать, — возразил Астиг-Че.

— Я смогу, — вызвался Хокенберри. — С радостью. Не знаю, как насчёт себя самого, а уж компанию Лаэртида я вам обеспечу.

— Будем весьма благодарны, — откликнулся первичный интегратор. — В течение сорока восьми часов сообщите нам, пожалуйста, что вы надумали. Мы с нетерпением ждём положительного ответа.

Тут европеец протянул землянину конечность, завершающуюся чем-то вроде человеческой ладони.

Мужчина пожал её и забрался в шершень следом за Манмутом. Трап стремительно втянулся. Невидимое кресло приняло пассажира в объятия. Приятели покинули синий пузырь.

14

Кипя от нетерпеливого гнева, расхаживая перед тысячами отборных мирмидонцев на по-

бережье у подножия Олимпа, ожидая, когда же боги пришлют очередного чемпиона-поединщика, которому он с удовольствием пустит кровь, мужеубийца припоминает первый месяц войны — время, по сию пору величаемое греками и троянцами Гневом Ахиллеса.

Тогда они квитировались легионами, нисходя с высот вулкана, эти бессмертные, столь уверенные в своих энергетических полях и кровожадных машинах, ежеминутно готовые прыгнуть в Медленное Время и ускользнуть от ярости любого кратковечного, ещё не ведая, что маленький народец — моравеки, новые союзники Ахиллеса, — припас в ответ на божественные трюки собственные заклинания и формулы.

Аид, Арес и Гермес явились первыми: вклинились в боевые ряды троянцев и греков, когда небосвод взорвался. Силовые дуги полыхали огнём, так что вскоре шеренги людей и олимпийцев омывали волны пламени, среди которых стремительно раздувались купола и вырастали шпили энергии. Море забурлило. Маленькие зелёные человечки врассыпную бросились к своим фелюгам. Зевсова *эгида* содрогалась и подёргивалась видимой рябью, поглощая мегатонны снарядов, пущенных моравеками.

Мужеубийца не спускал глаз с Ареса и его только что квитнувшихся сторонников — багровоокого Аида, закованного в чёрную бронзу, и черноокого Гермеса в шипастых багровых доспехах.

— Научим кратковечных смерти! — завопил сияющий покровитель войны двенадцати футов ростом, устремляясь на ряды аргивян.

Соратники ринулись за ним. Все три божественных копья не могли пролететь мимо цели.

Но всё-таки пролетели. Быстроногому не суждено было умереть в тот день. Как и в любой другой — от руки бессмертного.

Одно копьё задело могучую десницу Пелида, однако ссадина так и осталась бескровной. Второе вонзилось в красивый щит, но выкованный богом слой поляризованного золота его блокировал. Третье отскочило от блистательного шлема, не оставив даже царапины.

Олимпийцы принялись метать вечными руками силовые молнии. Миллионы вольт стекали по наноподпитанным защитным полям героя, как с гуся вода.

Арес и Ахилл столкнулись друг с другом, точно две гигантские скалы. Подземный толчок повалил с ног сотни троянцев, греков и бессмертных,

ряды которых едва успели сомкнуться. Повелитель войны вскочил первым. Он бодро взмахнул красным клинком, чтобы обезглавить кратковечного выскочку.

Быстроногий нырнул под лезвие и ринулся на врага. Его меч рассёк божественные латы, вскрыл олимпийский живот, и золотой ихор потоком окатил противников. На красную марсианскую почву вывалились потроха бессмертного. Слишком удивлённый, чтобы упасть, и слишком разъярённый, чтоб умереть, Арес уставился на то, как его собственные внутренности извиваются и разматываются в грязи.

Мужеубийца подался вверх, ухватил соперника за шлем, рывком потянул его вниз и вперёд. Человеческая слюна яростно брызнула на безукоризненные черты бессмертного.

— Сам попробуй смерти, размазня без кишок!

Потом, работая, словно мясник в ранний час на оживлённой ярмарке, Пелид отрубил Аресу кисти, ноги чуть выше колен и руки у плеч.

Чёрный ревущий циклон окутывал тело, а прочие боги тупо стояли разинув рты; голова Ареса продолжала визжать, даже когда клинок Ахиллеса уже отсёк её от шеи.

Перепуганный, но убийственно владеющий

обеими руками Гермес поднял второе копьё. Герой метнулся так быстро, что всем почудилось: телепортировался; ухватил сияющую пику и рванул на себя. Гермес попытался отнять оружие. Аид рубанул мечом на уровне колен кратковечного, но тот подскочил в высоту, избежав удара расплывшейся в воздухе тёмной карбоновой стали.

Потеряв копьё, бог отпрянул назад и попытался квитироваться.

Моравеки раскинули вокруг сражающихся особое поле. Никто не мог улизнуть, пока не закончится битва. Гермес выхватил кривой и жуткий клинок. Ахиллес рассёк у локтя его руку, и кисть, по-прежнему сжимающая меч, упала на жирную красную землю Марса.

— Пощады! — крикнул бессмертный, кинувшись на колени и обнимая врага за талию. — Пощады, умоляю!

— Не дождёшься, — процедил Пелид, после чего разрубил бога на кучу дрожащих, окровавленных кусков.

Аид попятился; его багровые очи наполнились ужасом.

А между тем олимпийцы квитировались в ловушку сотнями. Ими занимались Гектор с тро-

янскими полководцами, верные мирмидонцы Ахилла и прочие греческие воины. Защитное поле моравеков не позволяло квитнуться наружу. Впервые на чьей-либо памяти боги, полубоги, герои и смертные, ходячие легенды и рядовой состав бились, можно сказать, почти на равных.

И тут Аид переместился в Медленное Время.

Планета перестала вращаться. Воздух сгустился. Волны застыли, круто изогнувшись над каменистым берегом. Небесные птицы замерли на лету. Повелитель мёртвых тяжело отдувался, содрогаясь всем телом. К счастью для него, никто из кратковечных не мог повторить этого фокуса.

Но Ахиллес проскочил вслед за ним.

— Это… не… возможно… — прохрипел Аид в тягучей, точно сахарный сироп, атмосфере.

— Умри, Смерть! — рявкнул мужеубийца и проткнул отцовским копьём олимпийское горло под чёрными, изящно изогнутыми пластинами шлема.

Золотая струя ихора медленно хлынула в воздух.

Отшвырнув разукрашенный чёрный щит, сын Пелея пробил клинком живот и позвоночник Аида. Уже расставаясь с жизнью, бог успел нанести удар, который свалил бы в море могучий

скалистый утёс. Угольное лезвие чиркнуло по груди героя и безобидно скользнуло в сторону. Мужеубийце не суждено было пасть от руки олимпийца — ни в тот, ни в иной день. А вот властителя мёртвых душ ожидала гибель, пусть и совсем недолгая по человеческим меркам. Он тяжко рухнул на землю, и чёрные точки окутали тело, пока оно не исчезло в ониксовом урагане.

Манипулируя незнакомой нанотехнологией без всякого сознательного усилия, терзая уже покорёженные квантовые поля вероятностей, быстроногий молниеносно покинул Медленное Время, чтобы влиться в битву. Зевс ухитрился оставить поле сражения. Прочие олимпийцы бежали, от страха забыв поднять за собой *эгиды*. Магия моравеков, накачанная в кровь поутру, позволила Ахиллесу пробить их слабые энергетические щиты, чтоб устремиться в погоню по склонам Олимпа.

Тогда-то он и начал рубить богов и богинь по-настоящему.

Но это было в первые дни войны. Сегодня, после погребального обряда, бессмертные не желают спускаться для битвы.

Гектор исчез, на троянской стороне фронта стоит тишина. Мужеубийца совещается с ахейскими

капитанами, а также со знатоками артиллерии от моравеков, обсуждая план скорой атаки на Олимп.

Замысел прост. Ядерные и энергетические орудия моравеков активируют *эгиду* на склоне у подножия. Пелид и пять сотен лучших военачальников на тридцати транспортных шершнях пробиваются сквозь силовой щит примерно в тысяче лиг позади вулкана, устремляются к вершине и подпускают бессмертным «красного петуха». Тех из ахейцев, кто ранен или опасается драться с богами в самом логове Громовержца, шершни умчат обратно, как только исчезнет элемент неожиданности. Ахилл собирается оставаться, пока не обратит вершину Олимпа в пустынный склеп, а беломраморные храмы и жилища бессмертных — в горелые руины. В конце концов, когда-то, разгневавшись, Геракл в одиночку сокрушил крепкие стены Трои и взял город голыми руками. С какой же стати вулкан должен быть неприкосновенным?

Всё утро мужеубийца ждал, что Агамемнон и его простоватый братец заявятся во главе оравы своих приспешников, чтобы вернуть себе власть над аргивской армией, снова втянуть людей в борьбу с такими же смертными и опять подру-

житься с коварными, кровожадными богами. Но до сих пор бывший главнокомандующий со взором собаки и сердцем оленя ещё не показывался на глаза. Ахиллес не сомневается: весть о безжизненных городах — всего лишь уловка, чтобы подстрекнуть растревоженных и трусливых данайцев к мятежу. Быстроногий уже решил прикончить царя при первой попытке восстания. Его, рыжебородого юнца Менелая и любого, кто посмеет пойти за Атридами.

В общем, когда центурион-лидер Меп Эхуу, роквек, ответственный за артиллерию и энергетическую бомбардировку, отрывает взгляд от карты, которую они совместно изучают в ставке, и объявляет, что его бинокулярное зрение различило армию странного вида, возникшую из Дыры со стороны Илиона, Пелид не удивляется.

Впрочем, несколько минут спустя он всё-таки разевает рот, когда Одиссей — самый зоркий среди командиров, собравшихся под хлопающим шёлковым навесом, — вдруг произносит:

— Это женщины. Троянки.

— Хочешь сказать, амазонки? — переспрашивает Ахилл, выступая на солнечный свет.

Час назад Антилох, сын речистого Нестора, старый друг быстроногого по бесчисленным

схваткам, примчался на колеснице в ахейский стан, рассказывая всем и каждому о приезде тринадцати троянок и клятве Пентесилеи вызывать Пелида на поединок и прикончить его ещё до захода солнца.

Мужеубийца легко рассмеялся тогда, обнажив безукоризненные зубы. Можно подумать, он для того воевал десять лет, одержав победу над десятью тысячами троянцев и дюжинами богов, чтобы сдрейфить перед пустыми угрозами женщины.

Лаэртид качает головой.

— Их около двух сотен, и все в дурно пригнанных доспехах, сын Пелея. Амазонки здесь ни при чём. Бабы слишком толстые, низкорослые и старые, кое-кто — почти калеки.

— Изо дня в день, — кисло ворчит Диомед, сын Тидея, владыка Аргоса, — нас тянет всё глубже в бездну безумия.

Тевкр, искусный лучник и сводный брат Большого Аякса, говорит:

— Не выставить ли пикеты, благородный Ахилл? Задержать этих бабищ, выбить у них дурь из голов, да и выдворить вон — мол, шагом марш обратно за прялки?

— Нет, — веско роняет быстроногий. — Пойдём

и встретимся с ними лично. Ведь это первые женщины, дерзнувшие явиться через Дыру к Олимпу и нашему лагерю.

— Может, они разыскивают Энея и прочих троянских супругов, разбивших свой стан в нескольких лигах от нас? — предполагает Большой Аякс Теламонид, предводитель армии саламитов — той, что поддерживала левый фланг мирмидонцев этим ранним марсианским утром.

— Возможно. — В голосе Пелида звучит насмешка, лёгкое раздражение, но ни капли убеждённости.

Мужеубийца шагает по берегу в бледных лучах марсианского дня, за ним чередою тянутся ахейские цари, полководцы и самые надёжные из вояк пониже рангом.

А впереди на самом деле орава троянок. До них ещё сто ярдов. Ахиллес останавливается в окружении пятидесяти с чем-то героев и ждёт. Шайка приближается, лязгая бронзой и громко вопя. Быстроногий морщится: гогочут, словно гусыни.

— Видишь кого-нибудь из благородных? — обращается сын Пелея к остроглазому Одиссею, стоящему рядом, выжидая, пока грохочущая свора пересечёт последние ярды багровой почвы, которые их разделяют. — Жену или дочь прослав-

ленного героя? Андромаху, Елену, Кассандру с неистовыми очами, Медезикасту или почтенную Кастианиру?

— Ни единой из них, — торопливо отвечает Лаэртид. — Достойных там нет, ни по рождению, ни по супружеству. Я узнаю одну лишь Гипподамию — здоровенную, с пикой и старым длинным щитом вроде того, с которым любит ходить на войну Аякс, — да и то, потому что разок она гостила у нас на Итаке с мужем, дальностранствующим троянцем Тизифоном. Пенелопа битых два часа водила её по саду. Потом жаловалась: баба, дескать, кислая, как недозрелый гранат, и ничего не смыслит в красоте.

— Где же ей смыслить, когда своей нет? — Мужеубийца уже и сам отлично видит женщин. — Филоктет, отправляйся вперёд, останови наших гостий, выясни, что им нужно на поле битвы с богами.

— А почему я, сын Пелея? — скулит престарелый лучник. — После вчерашней клеветы, провозглашённой на погребении Париса, не думаю, что мне следует…

Ахиллес оборачивается, строго глядит на него, и Филоктет умолкает.

— Я еду с тобой. Подсоблю, если что, — реша-

ет Большой Аякс. — Тевкр, давай с нами. Двое лучников и один искусный копьеборец сумеют ответить этой ораве без членов. Пусть даже придётся сделать бабёнок вдесятеро страшнее, чем они уже выглядят.

И троица уходит прочь.

Дальнейшее происходит очень быстро.

Тевкр, Филоктет и Аякс останавливаются в двадцати шагах от очевидно выдохшихся, отдувающихся, с грехом пополам вооружённых женщин. Бывший предводитель фессалийцев и бывший изгнанник выступает вперёд с легендарным луком Геракла в левой руке, успокоительно поднимая правую ладонь.

Одна из молоденьких спутниц Гипподамии швыряет копьё. Это невероятно, немыслимо — но горе-воительница попадает в цель. Точнее, в Филоктета, пережившего десять лет ядовитой язвы и гнев бессмертных. Прямо в грудь, чуть повыше лёгкой пластины доспехов. Остриё проходит насквозь, разрубает позвоночник, и лучник безжизненно валится наземь.

— Убей с-собаку! — кричит Ахиллес вне себя от ярости, устремляясь вперёд и вытаскивая меч из ножен.

Тевкр, оказавшийся под огнём из неудачно

брошенных копий и градом плохо нацеленных стрел, не нуждается в подобных приказах. С почти неуловимой для глаза быстротой он запускает руку в колчан, полностью натягивает тетиву и всаживает стрелу в горло той самой женщине, что прикончила Филоктета.

Гипподамия с двумя или тремя десятками спутниц приближаются к Большому Аяксу. Одни потрясают пиками, другие неуклюже пытаются размахивать массивными клинками отцов, супругов или сыновей, сжимая рукояти обеими руками.

Теламонид всего лишь мгновение смотрит на быстроногого, чуть изумлённо косится на другого товарища, после чего, достав свой длинный меч и беглым ударом отбросив клинок и щит Гипподамии, отсекает ей голову — как будто срубает сорняк во дворе. Прочие женщины, растеряв от ужаса остатки разума, кидаются на уцелевших воителей. Тевкр пускает стрелу за стрелой, целя в глазницы, бёдра, колыхающиеся груди, а несколькими секундами позже — в спины. Большой Аякс приканчивает тех, кому недостало мозгов удрать, — шагает между ними, точно взрослый среди малышни, оставляя на пути хладеющие трупы.

Подоспевают Ахилл, Одиссей, Диомед, Нестор, Хромий, Малый Аякс, Антилох и другие, но около сорока женщин уже мертвы или умирают на багровой земле, залитой красной кровью. Слышатся мучительные вскрики. Кое-кто уносит ноги по направлению к Дыре.

— Во имя Аида, что это было? — выдыхает Одиссей, приближаясь к Большому Аяксу, и бредёт между разбросанными телами, лежащими в изящных и не очень, но совершенно знакомых Лаэртиду позах, свидетельствующих о насильственной гибели.

Сын Теламона ухмыляется. Его лицо перепачкано, меч и доспехи залиты кровью.

— Не в первый раз убиваю женщин, — сообщает великан. — Но, веришь ли, впервые с таким удовольствием.

Из-за спин товарищей выходит, прихрамывая, Фесторид Калхас — верховный птицегадатель.

— Это нехорошо, — изрекает он. — Дурно это. Очень дурно.

— Заткнись, — обрывает его Ахиллес.

И, прикрываясь от света, глядит на Дырку, в которой как раз исчезают самые прыткие женщины; впрочем, их место тут же занимают более крупные фигурки.

— А это ещё что? — говорит сын Пелея и богини Фетиды. — На кентавров похоже. Может, мой старый наставник и друг Хирон явился на выручку?

— Нет, не кентавры, — отзывается зоркий и сообразительный Лаэртид. — Новые женщины, они скачут в седле.

— *В седле?* — переспрашивает Нестор, щуря слабые глаза. — Не в колесницах?

— Прямо на лошадях, словно всадники из древних легенд, — кивает Диомед: теперь он тоже их видит.

Никто уже не пользуется этим варварским способом, коней запрягают лишь в колесницы. Хотя однажды, во время ночного налёта, спасаясь несколько месяцев назад — ещё до перемирия — из пробуждающегося троянского стана, Одиссей и Тидид сами вскочили на распряжённых колесничных скакунов.

— Амазонки, — произносит Ахилл.

15

Храм Афины. Тяжело дыша, с пунцовым лицом, Менелай бросается на Елену. Та стоит на коленях, опустив бледное лицо и обнажив ещё более бледные груди. Муж грозно нависает над

ней. Извлекает меч. её белая шея, тонкая, как тростинка, словно просится под удар. Многократно заточенному лезвию ничего не стоит рассечь кожу, плоть, хрупкие кости…

Атрид замирает.

— Не медли, супруг мой, — шепчет красавица почти без дрожи в голосе.

Мужчина видит, как отчаянно бьётся жилка у основания левой груди — тяжёлой, покрытой синими венами. Видит — и сжимает рукоять обеими ладонями.

Но так и не опускает клинка.

— Будь ты проклята, — ахает Менелай. — Будь ты проклята.

— Да, — кивает Елена, глядя в пол.

Над ними, в насыщенной тонкими благовониями мгле, по-прежнему вырисовывается золотое изваяние Афины. Сын Атрея с таким усердием сдавливает эфес, будто горло желанной жертвы.

— С какой стати я должен тебя щадить, неверная сука? — хрипит он.

— Всё правильно, муж мой. Я просто неверная сука. И больше ничего. Покончим с этим. Исполни свой праведный приговор.

— *Не смей называть меня мужем*, чтоб тебе!

Обманщица поднимает голову. И смотрит

именно так, как Менелаю мечталось долгие годы.

— Но ты ведь мне муж. Единственный. И был им всегда.

От боли, пронзившей сердце, Атрид уже готов убить её. По лбу и щекам палача стекает пот и капает на простое платье предательницы.

— Ты бросила меня… Меня и нашу дочь… — с трудом выдавливает он. — Ради этого… Хлыща. Молокососа. Этого шута в блестящем трико с торчащим наружу…

— Да. — Елена вновь опускает лицо.

Мужчина замечает маленькую знакомую родинку на её шее, как раз на линии, на которую придётся удар.

— Почему? — наконец произносит Менелай.

Это последнее, что он скажет, прежде чем убьёт изменщицу… или простит… или — то и другое сразу.

А та не унимается:

— Я заслуживаю смерти. За грех, совершённый перед тобой, перед дочерью, за грех перед нашей Спартой. Только помни: я не покидала дворца по собственной воле.

Атрид стискивает зубы так, что и сам слышит их резкий скрежет.

— Ты был далеко, — шепчет Елена, его жена, мучительница, вероломная собака, мать его ребёнка. — Ты вечно куда-то уезжал со своим любимым братцем. На охоту. На войну. По бабам. На грабежи. Вы с Агамемноном почти не расставались. Сладкая парочка. Я чувствовала себя свиноматкой, удел которой — сидеть в золотом хлеву. Когда Парис, этот мошенник, хитрющий, как Одиссей, но без его остроумия, надумал умыкнуть меня силой, поблизости не оказалось мужа, что защитил бы своё.

Менелай тяжело сопит через рот. Клинок так и шепчет ему, словно живое создание, требуя крови. В голове ревут бессчётные голоса, почти заглушая лепет Елены. Один лишь призрак её полузабытых речей четыре тысячи раз терзал его бессонными ночами. Теперь мужчина слышит их — и вовсе теряет хладнокровие.

— Я раскаиваюсь, — молвит красавица, — хоть это и не важно. Молю о прощении, но и это пустое. Сказать ли тебе, как часто я поднимала на себя клинок или вязала петлю, однако горничные, подкупленные Парисом, не давали исполнить задуманное, крича: «О дочери вспомни, если себя не жалеешь»?.. Похищение и долгий троянский плен были делом Афродиты, а не моим, о супруг.

Так освободи же меня могучим взмахом фамильного меча. Не стесняйся, дорогой. Передай дочке, что я любила её и люблю по сей день. Да и тебя, мой милый. Так и знай: любила и люблю.

Мужчина исторгает вопль. Меч со звоном падает на пол. У Атрида подгибаются колени. Он опускается подле жены и плачет, как маленький мальчик.

Елена кладёт ладонь ему на затылок и привлекает лицо супруга к своей обнажённой груди. Нет, она не улыбается. Ей не до смеха. Рыжая щетина колется, а слёзы и жаркое дыхание обжигают бледную плоть, познавшую близость Париса, Хокенберри, Деифоба и многих прочих с тех давних пор, как Менелай касался её в последний раз.

«Вероломная сука, — мысленно повторяет дочь Зевса. — Все мы одинаковые».

Красавице даже не приходит на ум, что она одержала победу. Елена готова была умереть. Она ужасно, ужасно устала.

Поднявшись на ноги, Атрид сердито трёт кулаком блестящую бороду, хватает меч и толкает его обратно в ножны.

— Можешь отбросить свой страх, жена. Что сделано, того не воротишь. На тебе вины нет, она на совести Париса и Афродиты. Там, возле алтаря,

я видел одеяния храмовой девы. Возьми их, и мы оставим этот проклятый город навеки.

Елена встаёт, опирается, чтобы не упасть, на плечо супруга под причудливой шкурой льва (однажды прославленный Диомед рубил в ней троянцев на глазах у красавицы), облачается без единого слова в белый наряд и прячет лицо под кружевным покрывалом.

И вот они вместе уходят из Илиона.

За десять с лишним лет сражений дочь Зевса ни разу не представляла себе, что так получится. Просто взять и выйти из Скейских ворот, оставив всё позади? А как же Кассандра? Как же хитросплетённые планы Троянок? И эта война с богами, которую помогла развязать красавица? Наконец, как насчёт бедного Хокенберри и маленького романа, что был между ними?

Душа Елены взвивается к небу, словно отпущенная на волю храмовая голубка. «Это уже не мои заботы. Я и законный супруг уплываем в родную Спарту. А мне и впрямь не хватало его… простоты, что ли?.. С дочкой увижусь. Она теперь уже настоящая женщина. Скоро я забуду десятилетний плен и осаду, как ночной кошмар. И буду спокойно стареть, разумеется, не теряя былой красоты. Да уж, только не я. Благодарение богам.

Хоть в этом они меня не ограбили».

Муж и жена бредут по улице, точно во сне. До них долетает звон колокола, стражники на стенах ревут что есть мочи в большие рога, слышатся громкие крики. В городе разом поднимается тревога.

Менелай глядит на Елену из-под нелепого медвежьего шлема с клыками. Та смотрит на него сквозь покрывало весталки. За несколько секунд они успевают прочесть в глазах друг друга и страх, и смятение, и даже мрачную усмешку над иронией происходящего.

Скейские ворота закрыты и перегорожены. Ахейцы снова напали на город. Троянская осада продолжается.

Ловушка захлопнулась.

16

— А можно взглянуть на корабль? — полюбопытствовал Хокенберри, когда шершень вынырнул из голубого пузыря и стал подниматься по кратеру Стикни навстречу красному диску Марса.

— Тот, что летит на Землю? — уточнил Манмут. И, дождавшись кивка, произнёс: — Ну конечно.

Моравек подал команду летательному аппарату, и тот послушно развернулся, обогнул эстакаду, потом снова взлетел вдоль очень длинного, сочленённого космического судна. Между тем европеец решил связаться с Орфу по личному лучу.

— *Наш гость желает осмотреть корабль.*

Мгновение на линии грохотали помехи, затем послышалось:

— *Ну и в чём загвоздка? Мы просим его рисковать своей жизнью ради этого полёта. Пусть поглядит, если ему интересно. Астиг-Че и прочие могли бы сами предложить небольшую экскурсию.*

— И насколько длинная эта штука? — сказал мужчина вполголоса.

Сквозь голографические окна ему казалось, будто бы корпус тянется вниз на многие мили.

— В вашем двадцатом веке было такое здание — Эмпайр-Стейт-Билдинг. Здесь приблизительно та же длина. Правда, судно немного круглее и кое-где покрыто большими буграми.

— *Он ещё наверняка не бывал в условиях нулевой гравитации,* — передал товарищу Манмут. — *Притяжение Фобоса здорово собьёт его с толку.*

— *Поля перемещений готовы,* — отрапортовал иониец. — *Я установлю их на восемь десятых и*

сразу переведу на нормальное земное давление. Пока вы доберётесь до переднего шлюза, на борту будет удобно и легко дышать.

— А вы не перебрали с размерами? — проговорил схолиаст. — Тут можно разместить сотни роквеков, и всё равно останется уйма лишнего места.

— А если нам понадобится захватить сувенир на обратном пути? — в тон ему ответил моравек. — *Орфу, ты где?*

— *Сейчас — в нижнем корпусе. Встретимся в отсеке для Больших Пистонов.*

— Что-нибудь вроде минералов? Образцов почвы? — спросил Хокенберри.

Он был ещё юношей, когда нога человека впервые ступила на Луну. Нахлынули воспоминания. Задний двор родительского дома. Крохотный телевизор на столике для пикника, провод удлинителя тянется к летнему домику. На экране — призрачные чёрно-белые снимки моря Спокойствия. И где-то над головой, сквозь крону дуба, мерцает сам полумесяц.

— Что-нибудь вроде людей, — отозвался Манмут. — Тысячи, а то и десятки тысяч человек. Держись, мы идём на стыковку.

И моравек беззвучно велел отключить голо-

графические порты. Стыковка с вертикально установленным корпусом под прямым углом на высоте более тысячи футов — зрелище не из приятных, тут кого угодно затошнит.

* * *

Во время осмотра Хокенберри почти не задавал вопросов, а говорил и того меньше. Он-то воображал технологии, превосходящие всякое воображение: виртуальные панели управления, исчезающие по мысленному приказу, кресла, сконструированные из энергетических полей, обстановка, приспособленная для невесомости — без малейшего намёка на верх или низ, — а вместо этого словно попал на гигантский пароход конца девятнадцатого — начала двадцатого столетия. Казалось, его заманили на экскурсию по какому-то КПС.[43] Гостя вдруг осенило. «Титаник» — вот на что это похоже!

Все до единого приборы — физические, из металла и пластика. Кресла — их около тридцати — тоже, причём довольно громоздкие и, судя по пропорциям, явно рассчитаны не на людей. Как и длинные бункеры с переборками, отделанными

[43] notes: 43
Судно Королевской почтовой службы.

металлом и нейлоном. Целые палубы заняты высокотехнологическими с виду стойками, на которых покоятся саркофаги для тысячи солдат-роквеков. Наученные печальным опытом марсианского путешествия моравеки решили на сей раз явиться вооружёнными и готовыми к битве. Манмут разъяснил, что парни проведут время полёта в состоянии, далёком от сознательного, но и не похожем на смерть.

— Приостановка жизненных функций, — кивнул Хокенберри.

Всё-таки он иногда посматривал научно-фантастические фильмы. В конце концов, их семья успела обзавестись кабельным телевидением.

— Не совсем, — ответил европеец. — Но в принципе очень похоже.

Вокруг были трапы, широкие лестницы, подъёмники и прочий механический хлам. Шлюзовые камеры, лаборатории, оружейные отсеки… Мебель — да, здесь даже стояла мебель, — смотрелась громоздко и неуклюже, как если бы лишняя тяжесть не могла никому помешать. Из пузырей управления открывался вид на края Стикни; выше нависал Марс, а ниже, среди рабочих огней, копошились крохотные моравеки. Общие столовые, камбузы, каюты отдыха и душевые

предназначались, как поспешил объяснить Мамут, для желающих людей-пассажиров на случай, если таковые появятся.

— И сколько пассажиров сюда влезет? — осведомился Хокенберри.

— Самое большее — десять тысяч, — отозвался провожатый.

Мужчина присвистнул.

— Ну, прямо Ноев Ковчег!

— Нет, — покачал головой европеец. — Лодка Ноя составляла триста локтей в длину, пятьдесят в ширину и три десятка в высоту, что в переводе означает соответственно четыреста пятьдесят, семьдесят пять и сорок пять футов. К тому же там было всего три палубы общей вместимостью миллион четыреста тысяч кубических футов и тоннажем тринадцать тысяч девятьсот шестьдесят тонн. А наш корабль не только в два раза выше, но и в полтора раза шире диаметром, хотя местами раздувается ещё больше, и вмещает он аж сорок шесть тысяч. Так что по сравнению с этим судном отец Иафета, Сима и Хама построил мелкую шлюпку.

Схолиаст не нашёлся, что сказать в ответ.

Между тем собеседники зашли в маленькую стальную клетку лифта и начали спускаться

палуба за палубой, мимо трюмов, куда вскоре собирались поместить подлодку Манмута — «Смуглую леди», мимо «хранилища зарядов», как окрестил его моравек. Учёному почудился в названии некий военный оттенок; однако вопросы он решил оставить на потом, теша себя надеждой, что ошибся в подозрениях.

Орфу встретил их в машинном отделении. Хокенберри выразил радость, увидев ионийца с полным набором ног и сенсоров (хотя и без настоящих глаз, как он вскоре сообразил). Несколько тягостных минут приятели беседовали о Прусте и скорби, прежде чем возобновить прогулку по судну.

— Даже не знаю, — начал наконец схолиаст. — Однажды вы рассказывали о корабле, на котором летели с Юпитера, и я думал: вот это технологии! А здесь, куда ни взгляни, всё такое… похоже на…

Огромный краб загромыхал изнутри. Учёному не в первый раз подумалось, что, разговаривая, этот моравек напоминает Фальстафа.

— Полагаю, ты воображаешь, будто попал в машинное отделение «Титаника».

— Ну да. А что, так и задумано? — Хокенберри очень старался не выставить себя большим невеждой в подобных вопросах, чем это было на

самом деле. — Я хочу сказать, ваши технологии создавались на три тысячи лет позже «Титаника»… или даже моей смерти в начале двадцать первого века. Почему же вот это всё?..

— Видишь ли, моравеки-конструкторы опирались в основном на чертежи середины двадцатого столетия, — густо проворчал Орфу. — Инженерам требовалось что-нибудь грязное и быстрое, что добралось бы до Земли как можно скорее. В нашем случае дорога займёт около пяти недель.

— Да, но вы с Манмутом уверяли, будто проскочили расстояние от Юпитера до Марса за считанные *дни*. — Схолиаст наморщил лоб. — Помнится, шла речь о парусах из борволокна, термоядерных двигателях… В общем, я много чего не понял. Тут есть подобные штуки?

— Нет, — покачал головой европеец. — Тогда мы воспользовались преимуществами энергии трубы потока и линейного ускорителя на орбите Юпитера — устройства, над которым наши инженеры бились два столетия с лишним. Здесь, на Марсе, ещё не создали ничего подобного. Пришлось выстраивать новый корабль с нуля.

— Но почему двадцатый век? — не сдавался Хокенберри, озираясь по сторонам.

Блестящие ведущие валы с гигантскими порш-

нями уходили под самый потолок, на высоту шестидесяти или семидесяти футов. Огромный отсек *слишком уж* напоминал машинное отделение «Титаника» из того фильма — разве что был гораздо крупнее и мог похвастать большим количеством сияющей бронзы, железа и стали. Вокруг мерцали бесчисленные рычаги и клапаны, попадалось даже нечто вроде амортизаторов. Размещённые повсюду индикаторы выглядели так, словно не имели отношения к термоядерным реакторам и прочему, а измеряли давление пара. В воздухе пахло железом и машинным маслом.

— У нас были готовые чертежи, — пояснил Орфу, — сырья хватало: кое-что завезли с Пояса астероидов, часть добыли прямо здесь, на Фобосе и Деймосе; импульсных единиц — тоже…

Он запнулся.

— А что это — импульсные единицы? — поинтересовался мужчина.

— *Болтун — находка для шпиона*, — съязвил по личному лучу Манмут.

— *Что я слышу*? — изумился иониец. — *А ты собирался* ***скрыть*** *от него?*

— *Э-э-э… Да. По крайней мере пока мы не окажемся на миллионы миль ближе к Земле. Желательно с этим человеком на борту.*

— Он мог бы уже на взлёте заметить необычный эффект и проявить любопытство.

— Импульсные единицы — это такие… маленькие термоядерные устройства, — вслух произнёс европеец. — Ну… атомные бомбы.

— Атомные бомбы? — повторил схолиаст. — Атомные *бомбы?* На вашем корабле? И сколько?

— Двадцать девять тысяч семьсот размещены в хранилищах зарядов, мимо которых вы проезжали в лифте по дороге сюда, — ответил Орфу. — Ещё три тысячи восемь запасных сложены прямо под этим отсеком.

— Итого тридцать две тысячи атомных бомб, — негромко проговорил Хокенберри. — А вы основательно подготовились к драке, парни.

Манмут замотал красно-чёрной головой.

— Импульсные единицы нужны в качестве движущей силы. Они как топливо, которое доставит нас на Землю.

Учёный воздел обе ладони, признаваясь в полном непонимании.

— Вот эти большие штуковины, похожие на поршни… что-то вроде пистонов, — сказал громадный краб. — Во время полёта мы будем выталкивать бомбочки через отверстие в середине буферной плиты под ногами: по одной в секунду

в течение первых часов, а потом — ежечасно.

— Импульсный цикл происходит следующим образом, — прибавил Манмут, — для начала испускаем заряд (вы разглядите небольшое облако пара в космосе), выпрыскиваем на сопло эжекторной трубы и буферную плиту масло, препятствующее абляции,[44] бомба взрывается, и плазменная вспышка ударяет по плите.

— А она не развалится? — спросил мужчина. — Или весь корабль?

— Ни в коем разе, — откликнулся маленький моравек. — Ваши учёные разработали данный проект в середине пятидесятых годов двадцатого века. Толчок плазменной волны заставляет гигантские поршни совершать возвратно-поступательные движения. Какие-то несколько сотен взрывов под зад — и мы наберём приличную скорость.

— А это?.. — Схолиаст опустил руку на прибор, похожий на измеритель парового давления.

— Измеритель парового давления, — отозвался Орфу. — Рядом с ним индикатор масла. Выше

---

[44] notes: 44

Абляция (от позднелат. ablatio — отнятие) — унос веществ с поверхности твёрдого тела потоком горячего газа (путём эрозии, оплавления, сублимации). На абляции может быть основана защита космических аппаратов и головных частей ракет-носителей при входе в атмосферу, а также охлаждение камер ракетных двигателей.

— регулятор напряжения. Вы правы, доктор Хокенберри: любой инженер с «Титаника», живший в тысяча девятьсот двенадцатом году, разобрался бы с устройством и управлением такого судна гораздо быстрее специалиста НАСА из вашего времени.

— Сколько мощности в этих бомбах?

— *Сказать ему?* — забеспокоился Манмут.

— *Разумеется*, — отчеканил иониец. — *Поздновато водить нашего гостя за нос.*

— Каждая содержит чуть более сорока пяти килотонн, — сказал европеец.

— Сорок пять каждая, всего двадцать четыре тысячи с чем-то бомб… — пробормотал мужчина. — Выходит, между Марсом и Землёй протянется солидный радиоактивный след?

— Что вы, термоядерные заряды вообще очень чистые, — вступился Орфу.

— Какого они размера? — спросил Хокенберри.

В машинном отделении сделалось как-то жарковато. Подбородок, верхняя губа и лоб учёного покрылись каплями пота.

— Поднимемся на этаж, — предложил Манмут, ведя собеседника вверх по спиральной лестнице, настолько широкой, что даже Орфу без труда шагал рядом с ними. — Это проще показать.

Новое помещение — примерно ста пятидесяти футов в диаметре и семидесяти пяти в высоту, как бегло оценил схолиаст, — почти целиком заполняли стойки с металлическими лотками, конвейерные ленты, храповые цепи и желоба. Европеец нажал ужасно большую красную кнопку. Ленты, цепи, сортирующие устройства зажужжали, задвигались, перемещая сотни, а то и тысячи крохотных серебристых контейнеров, которые напомнили гостю банки из-под известного прохладительного напитка, только без наклеек.

— Мы внутри автомата «Колы»? — неловко пошутил Хокенберри, стараясь заглушить собственное чувство тупой обречённости.

— Компания «Кока-Кола», Атланта, штат Джорджия, приблизительно тысяча девятьсот пятьдесят девятый год, — пророкотал ониец. — Дизайн и схемы скопированы с одного из заводов по розливу.

— То есть бросаешь четвертак и получаешь баночку, — выдавил из себя Хокенберри. — Разве что без газировки, а с термоядерной бомбой в сорок пять килотонн, которые взрываются за хвостом корабля. И так тысячи раз.

— Правильно, — согласился Манмут.

— Не совсем, — поправил его ониец. — Пом-

ните, речь о конструкции пятьдесят девятого года. Так что кидать нужно не четвертак, а десять центов.

И краб раскатисто рассмеялся, пока серебристые банки на конвейерных лентах не задребезжали ему в унисон.

Шершень уже летел навстречу медленно растущему диску Марса, когда схолиаст промолвил, обращаясь к единственному соседу, маленькому европейцу:

— Забыл спросить… Оно как-нибудь называется, ваше судно?

— Да, — ответил Манмут. — Кое-кто решил, что имя ему не помешает. Сначала хотели окрестить «Орионом»…

— Почему? — полюбопытствовал мужчина, следя через иллюминатор, как за кормой стремительно исчезает Фобос вместе с кратером Стикни и гигантской космической посудиной.

— Так именовался проект корабля на бомбовом ходу, созданный земными учёными в середине двадцатого столетия. Однако в конце концов первичный интегратор и начальник над всей экспедицией принял вариант, который предложили мы с Орфу.

— И какой же? — Хокенберри плотнее вжался

в силовое кресло: летательный аппарат с рёвом и шипением ввинчивался в марсианскую атмосферу.

— «Королева Мэб», — сказал моравек.

— «Ромео и Джульетта», — кивнул собеседник. — Это было твоё предложение, угадал? Ты ведь у нас любитель Шекспира.

— Как ни странно, не моё, а моего друга, — откликнулся европеец.

Ворвавшись в атмосферные слои, они летели над вулканами Фарсиды по направлению к Олимпу, Брано-Дыре и Трое.

— А при чём тут корабль?

Манмут покачал головой.

— Орфу не стал ничего объяснять. Лишь процитировал Астигу-Че и прочим отрывок из пьесы.

— Какой именно?

— Вот этот:

Меркуцио:

Да здесь не обошлось без колдовства!
Ты встретил королеву Мэб в ночи…

Ромео:

Кого я встретил?

Меркуцио:

Слушай и молчи.
Повелевает снами эта фея
И малышей пугает в колыбели.
Величиной с колечко из агата,
Что раньше лорды на руках носили,
По лицам спящих ведьмою крылатой
Она кружится в вихре лунной пыли.
Карета Мэб надёжна и легка,
И движется на лапках паука;
Прозрачный верх — из крыльев саранчи,
Поводья — бледнолунные лучи,
В тугую плеть закручены ветра
У кучера в обличье комара.
Он ростом вдвое меньше тех червей,
Что водятся в ногтях у сонных швей.
Пчела и белка — добрые подруги,
Прозрачных фей доверчивые слуги,
Для ведьмы изготовили карету —
С тех давних пор она кружит по свету.
Как призрак, Мэб проносится по сердцу

Влюблённого — и вновь оно тоскует,
По лысине придворного холуя —
И вот ему уж снится, что он герцог,
По пальцам судей, дремлющих о взятках,
По юным губкам, ждущим поцелуя, —
За то, что эти губы слишком сладки,
Их злая Мэб покроет лихорадкой…[45]

— …И так далее, и тому подобное, — закончил европеец.

— И так далее, и тому подобное, — повторил доктор филологии.

Населённый богами Олимп заполнял собою все носовые иллюминаторы. По словам Манмута, вулкан поднимался над уровнем марсианского моря всего лишь на шестьдесят девять тысяч восемьсот сорок один фут — во дни Хокенберри его считали на пятнадцать тысяч футов выше. И всё-таки… «Этого более чем достаточно», — усмехнулся про себя схолиаст.

А там, на вершине — *заросшей травою* вершине, — под мерцающей *эгидой*, поверхность которой переливалась под лучами утреннего

---

[45] notes: 45
Перев. Е. Савич.

солнца, находились живые существа. И не просто живые — боги. *Те самые* боги. Воевали, дышали, сражались, плели интриги, сходились друг с другом, не так уж сильно отличаясь от людей, знакомых бывшему преподавателю по прошлой жизни.

И вдруг тяжёлые тучи уныния, месяцами клубившиеся над головой Хокенберри, начали рассеиваться, в точности как длинные полосы белых облаков, отлетающие к югу от вершины Олимпа на крыльях северного ветра, что сорвался с моря Фетиды. В этот миг доктор классической филологии проникся чистой, простой и полной радостью бытия. Отправится он в экспедицию или нет, прямо сейчас Хокенберри ни за что не поменялся бы местами ни с кем на свете, какое бы время и мир ему ни предложили.

Манмут резко вырулил шершня к востоку от Олимпа, в сторону Брано-Дыры и Трои.

17

Выбравшись из дома Одиссея на Итаке, окружённого заградительным покровом, Гера перескочила прямо на вершину Олимпа. Беломраморные здания с колоннами на зелёных склонах,

разбегающихся от озера кальдеры, мерцали в слабых лучах более далёкого солнца.

Поблизости мгновенно материализовался Колебатель Мира Посейдон.

— Дело сделано? Громовержец уснул?

— Повелитель Молний выводит громы одним лишь храпящим носом, — отвечала белорукая богиня. — А на Земле?

— Всё как мы задумали, дочь великого Крона. Целые недели нашептываний и тайных советов Агамемнону и его военачальникам принесли свои плоды. Ахиллес, как всегда, бродит по красным долинам, тогда как сын Атрея уже поднимает разгневанное большинство против мирмидонцев и прочих верноподданных Пелида, оставшихся в стане. Потом он замыслил направить их под стены Илиона, к незапертым Скейским воротам.

— Ну а троянцы?

— Эней по-прежнему здесь, у подножия Олимпа, но не решается действовать без Гектора, а тот ещё отсыпается после ночного бдения у горящих останков брата. Деифоб до сих пор обсуждает с Приамом намерения амазонок.

— А Пентесилея?

— Менее часа назад пробудилась и облачилась в доспехи на смертную битву с Ахиллом. Недавно

в обществе дюжины соратниц под ликование горожан покинула Трою и только что миновала Брано-Дыру.

— Дева Паллада с ними?

— Я здесь. — Блистая златыми боевыми латами, Афина возникла одесную Посейдона. — Пентесилея скачет навстречу своему року… А вместе с ней и гибель быстроногого мужеубийцы. Все кратковечные терзаются жестоким смятением.

Супруга Зевса тянется, чтобы пожать закованную в металл руку гордой богини.

— Знаю, как нелегко тебе пришлось, о сестра по оружию. Ахиллес от рождения слыл твоим любимчиком.

Паллада покачала головой в сияющем шлеме.

— Уже нет. Этот смертный оболгал меня как убийцу Патрокла и похитительницу трупов. Он поднял меч на меня и на весь мой род. Будь моя воля, его душа уже отлетела бы в сумрачный дом Аида.

— Да, но ярость Зевса страшит меня, — проворчал Колебатель Земли.

Его доспех оттенка зеленовато-синей глубоководной патины покрывали узоры в виде крутых волн, рыб, кальмаров, левиафанов и акул. На шлеме над отверстиями для глаз топорщились

боевые клешни крабов.

— Снадобье Гефеста заставит его ужасное величество храпеть без просыпа семь дней и семь ночей, — промолвила Гера. — За это время важно достичь наших целей. Ахиллесу — изгнание или смерть, Агамемнону — возвращение лидерства, Илион — уничтожить. Или по крайней мере возобновить осаду без надежды на примирение. Когда Зевс проснётся, мы поставим его перед фактами, которых не изменить.

— Но ярость его будет ужасна, — не сдавалась Афина.

Белорукая рассмеялась.

— Ты *мне* изволишь рассказывать о ярости сына Крона? Да по сравнению с ним Ахиллес не гневался, а надул губки, как безбородый юнец, и пинал ногою камушки. Предоставь его мне. Я как-нибудь разберусь с Верховным Отцом после. Главное — исполнить задуманное. Нам ещё нужно…

Она не успела договорить. Вокруг, на длинном газоне перед Великим Залом Собраний на берегу кальдеры, начали появляться ниоткуда богини и боги. Со всех сторон света возникли летучие колесницы, влекомые горячими голографическими жеребцами; они на глазах увеличивались и

опускались на склон одна за другой, пока лужайка не заполнилась транспортными средствами. Бессмертные разделились на три группы. Покровители греков присоединились к Посейдону, Гере, Афине. Другие строились шеренгами за спиною главного поборника Трои, мрачного Аполлона: Артемида, его сестра, за ней Арес и его сестра Афродита, их мать Лето, Деметра и остальные, кто долгие годы сражался за Илион. Третьи не решались примкнуть ни к одной стороне. Вскоре вокруг уже теснились многие сотни божеств.

— Почему вы все здесь? — воскликнула с картинным изумлением супруга Зевса. — А кто же будет охранять бастионы Олимпа?

— Молчи, злокозненная! — прокричал Аполлон. — Не отрекайся, это был твой план — навести на Трою нынешнее бедствие. Никто не может найти Громовержца, чтобы противостать этому.

— Надо же, — улыбнулась Гера. — Что же настолько перепугало серебролукого Феба, что ему приспичило бежать и плакать на папином плече?

Арес, только вернувшийся из целебного бака (причём уже в третий раз после неудачной битвы с Ахиллом), выступил вперёд и встал плечом к плечу с Аполлоном.

— Женщина, — скрипнул зубами грозный бог войны, принимая свой обычный боевой рост: пятнадцать футов с лишним. — Мы терпим твоё присутствие лишь из-за вашего кровосмесительного брака с Верховным Владыкой. Иных причин у нас нет.

Смех белорукой был явно рассчитан на то, чтобы вывести противника из себя.

— Кровосмесительный брак! — поддразнила она. — Забавно слышать такие слова из уст олимпийца, который спит со своей сестрицей чаще, чем с любой иной богиней или кратковечной.

Арес тут же вскинул длинную смертоносную пику. Аполлон натянул тетиву и нацелил острую стрелу. Афродита достала из-за спины маленький, но не менее убийственный лук.

— Вы же не посмеете угрожать насилием нашей царице? — воскликнула Афина, становясь между копьём и стрелами, при виде которых каждый бог на лужайке активировал собственное защитное поле на всю катушку.

— Она ещё смеет говорить о насилии! — рявкнул багроволицый Арес. — Какая дерзость! Забыла, как несколько месяцев назад подстрекала Диомеда, сына Тидея, ранить меня вот этим оружием! А помнишь, ты сама швырнула копьё и

нанесла мне глубокую рану, думая, будто надёжно укрыта маскирующим облаком?

Дева Паллада пожала плечами.

— Так то же было на поле битвы. Кровь ударила в голову.

— Кровь ударила в голову?! — проревел бог войны. — И это твоя отговорка, бессмертная сука?

— Скажи, где Зевс? — потребовал у Геры Аполлон.

— Разве я сторож мужу своему? — откликнулась белорукая. — Хотя, конечно, зря он не догадался нанять охрану…

— Где Зевс? — повторил сребролукий.

— В ближайшее время Громовержец не сможет вмешиваться в дела людей и олимпийцев, — ответствовала жена Кронида. — А может, и вовсе не вернётся. То, что случится в нижнем мире сегодня и завтра, лежит в нашей власти.

Аполлон ослабил кровожадную тетиву, но лука не опустил.

Тут между разъярёнными группами оказалась морская богиня Фетида, дочь Нерея, Старика из Моря, бессмертная мать Ахиллеса от кратковечного Пелея. Доспехов на ней не было, одно лишь изящное платье, расшитое узорами в виде ракушек и водорослей.

— Сёстры, братья, кузены! — воззвала она. — Прекратим выказывать друг перед другом свою гордыню и вздорный нрав, пока не навредили сами себе, своим кратковечным детям и окончательно не рассердили Всемогущего, который непременно вернётся, где бы сейчас ни скрывался. Вернётся — и принесёт на благородном челе ужасный гнев на непокорных и гибельные молнии в руках!

— Лучше заткнись! — прервал её Арес, примеряясь, чтобы кинуть копьё. — Если бы ты не сунула своё плаксивое человеческое отродье в священную реку, дабы наделить его относительным бессмертием, Илион уже давным-давно одержал бы верх.

— Я никого не купала в реке. — Нереида выпрямилась в полный рост и скрестила на груди покрытые чешуйками руки. — Возлюбленного Ахилла не мать, а Судьбы избрали для великой участи. Едва он родился, я, повинуясь их настоятельному совету, ночью вложила младенца в Небесное пламя, дабы через боль и страдание — впрочем, уже тогда мой мальчик ни разу не подал голос! — очистить ребёнка от бренных частей отца. Наутро он был обожжён сверх меры, но я натёрла почерневшее тельце амброзией, с

помощью которой мы освежаем и омолаживаем свою кожу. Правда, Судьбы прибегли к волшебству и многократно усилили свойства снадобья… В любом случае мальчик неизбежно стал бы бессмертным, и я добилась бы для него положения на Олимпе, если бы кратковечный отец, мой человеческий супруг Пелей, не вздумал выслеживать нас. Увидев, как сын и наследник безмолвно корчится, извивается и дёргается в огне, этот глупец взял и вытащил его из Небесного пламени, когда оставалось совсем чуть-чуть, когда процесс обожествления был почти завершён…

Потом, невзирая на все мои возражения, как и все мужья на свете, Пелей из самых добрых побуждений отнёс нашего сына к Хирону — мудрейшему и наиболее благожелательному к людям кентавру, наставнику многих прославленных героев. Тот исцелил раны мальчика, приложив к ним особые травы и мази, известные лишь учёным своего таинственного рода, после чего вскормил его как сильного мужа, питая печенью львов и костным мозгом свирепых медведей.

— Жалко, что твой ублюдок с самого начала не изжарился на костре, — сквозь зубы процедила Афродита.

Потеряв рассудок, Фетида бросилась на богиню

любви, хотя ничем не могла угрожать ей, кроме длинных ногтей, похожих на рыбьи кости.

Хладнокровно, будто соревнуясь на дружеском пикнике в меткости за какой-нибудь глупый приз, Афродита натянула тетиву и пронзила стрелой левую грудь Нереиды. Богиня без жизни рухнула на траву. Чёрное вещество заструилось в воздухе, обволакивая останки, будто пчелиный рой. Никто не двинулся с места, чтобы отправить несчастную к Целителю, в его волшебные баки с зелёными червями.

Из сокровенных недр вулкана внезапно грянул возглас:

— Убийца! — и сам древний Нерей, Старик из Моря, восстал из непроглядной пучины кальдеры, куда удалился по собственной воле восемь месяцев назад, когда люди и моравеки заполонили его наземные океаны. — Убийца! — зычно повторил великан-амфибия, вздымаясь над водой на добрых полсотни футов, потрясая мокрой бородой и заплетёнными в косицы волосами, похожими на массу скользких, извивающихся угрей. И запустил в Афродиту молнией чистой энергии.

Богиню любви отшвырнуло на сотню футов; защитное поле спасло её от полного уничтоже-

ния, но не от жутких ожогов и синяков, когда прекрасное тело врезалось в огромные колонны перед Залом Собраний и пробило собою толстую гранитную стену.

Любящий брат Афродиты Арес метнул копьё и попал Нерею в правый глаз. С оглушительным рёвом, который могли услышать и в бесконечно далёком Илионе, Старик из Моря вырвал оружие вместе с глазным яблоком и скрылся средь волн, забурливших кровавой пеной.

Сообразив, что началась Последняя Битва, Феб сориентировался прежде Афины и Геры. Наводящиеся по тепловому излучению стрелы помчались к их сердцам. Даже бессмертному глазу было невмочь уследить за тем, с какой быстротой Аполлон натягивал и спускал тетиву.

И всё-таки неломающиеся стрелы из титана, облечённые собственными силовыми полями, способными пробивать чужую защиту, застыли в воздухе, не достигнув цели. А потом расплавились.

Аполлон изумлённо разинул рот.

Афина расхохоталась, запрокинув голову в сияющем шлеме.

— Выскочка! Забыл, что, покуда Зевса нет поблизости, *эгида* запрограммирована подчиняться

моим и Геры приказам?

— Ты первый начал, Феб, — негромко произнесла белорукая богиня. — Испей же полную чашу моего проклятия и ярости Паллады.

Она легонько шевельнула пальцем; громадный валун весом в полтонны, мирно лежавший у края воды, покинул марсианскую почву и устремился на сребролукого так быстро, что дважды преодолел звуковой барьер, прежде чем угодить Аполлону в висок.

Феб отлетел назад, бряцая и звеня золотом, серебром и бронзой, прокатился кувырком десятки ярдов и замер. Туго завитые кудри спутались, покрытые пылью и грязью из озера.

Развернувшись, Афина бросила боевое копьё, и то упало в милях за озером. Над белым домом с колоннами, принадлежавшим Аполлону, вырос огненный гриб. Фонтан из несметных осколков гранита, мрамора и стали взметнулся на целых две мили навстречу гудящему силовому полю над пиком Олимпа.

Сестра Громовержца Деметра послала в соперниц ударную волну, которая лишь сотрясла воздух, без вреда обогнув пульсирующие *эгиды* богинь, зато Гефеста подкинула на сто ярдов и швырнула далеко-далеко за вершину. Красно-

доспешный Аид ответил гиацинтовым лучом пламени, на пути которого плавились и бесследно сгорали храмы, камни, земля, вода, сам воздух.

Музы вдевятером завизжали, примкнув к сплотившейся шайке Ареса. С колесниц, квитировавшихся прямо из пустоты, заблистали молнии. Мерцающая *эгида* Афины полоснула ряды противников. Виночерпий Ганимед, бессмертный только на девять десятых, пал на ничейной земле и завыл от боли, когда божественная плоть задымилась на кратковечных костях. Дщерь Океана Эвринома ввязалась в драку с Палладой, но сразу попала под атаку фурий, которые, хлопая крылами, набросились на неё подобно громадным летучим мышам-кровососам, взмыли вместе с нею над полем сражения и понесли едва успевшую вскрикнуть жертву куда-то вдаль, за пылающие здания.

Олимпийцы ринулись врассыпную: кто в укрытие, кто к летучим колесницам. Некоторые квитировались прочь, однако большинство собрались в отряды на разных берегах кальдеры. Энергетические поля заполыхали алым, изумрудным, фиолетовым, голубым, золотым и мириадами других цветов, сплавляясь в единые

боевые щиты.

Ни разу в истории боги не воевали подобным образом — без милосердия, без жалости, без того сорта профессиональной учтивости, какую они обычно проявляли друг к другу, без утешительной надежды на восстановление от бесчисленных рук Целителя или в баках с червями, а главное, что хуже всего, — без вмешательства Громовержца. Кронид был рядом всегда: он силой, уговорами, угрозами хоть как-то сдерживал их вечную кровожадную вражду. Но не сегодня.

Посейдон квитировался на Землю понаблюдать за тем, как аргивяне разрушают священную Трою. Покровитель войны собрал вокруг себя три дюжины сторонников Илиона и верноподданных Зевса. Унесённый взрывом Гефест квитнулся обратно и распростёр над полем битвы отравленный чёрный туман.

Война богов разгорелась в течение часа и вскоре охватила весь Олимп, докатившись под самые стены Трои. К заходу солнца вершину вулкана объяло пламя, а воды кальдеры кипели, сливаясь с огненными потоками лавы.

18

Выезжая на бой с Ахиллесом, Пентесилея твёрдо знала и верила: каждый год, месяц, день, час и минута её жизни вплоть до этой секунды были только прелюдией к неизбежному нынешнему триумфу. Всё, что она знала прежде — учебные полевые занятия, удачи и поражения, каждый вздох и биение сердца, — было сплошной подготовкой. Ещё немного — и судьба покажет, на чьей она стороне. Либо сегодня царица амазонок стяжает победу и прикончит Пелида, либо падёт сама, покрытая — что несравненно хуже гибели — неизгладимым позором, и вскоре будет забыта навеки.

Последний исход её никак не устраивал.

Проснувшись во дворце Приама, Пентесилея ощутила необычайную радость и прилив сил. Для начала она как следует помылась, а потом, встав перед полированным листом металла, заменяющим зеркало в покое для гостей, долго и с редкостным для себя усердием занималась лицом и телом.

Амазонка знала, что красива по самым строгим меркам женщин, мужчин и богов. Но прежде ей

было всё равно. Внешнее попросту не волновало душу воительницы. Однако нынче, неторопливо примеряя выстиранное платье и сверкающие латы, царица позволила себе вдоволь полюбоваться своей наружностью. В конце концов, она ведь станет последним, что увидят глаза быстроногого мужеубийцы, прежде чем закроются насовсем.

В двадцать с небольшим лет у неё было девичье личико, а зелёные очи казались ещё огромнее в обрамлении коротко стриженных золотых локонов. Крепкие губы, не расположенные к частым улыбкам, сочностью и оттенком напоминали благоуханные розовые лепестки. Блестящий металл отражал загорелое, мускулистое тело, знавшее долгие часы охоты, плавания и занятий под солнцем, но ни в коем случае не худощавое. При взгляде на полные женские бёдра Пентесилея чуть сердито надула губки, застёгивая пряжку серебряного пояса на стройной талии. Воистину царской, высокой и округлой груди с нежными сосками цвета гвоздики, а не корицы, могли позавидовать даже соратницы по оружию. Естественно, амазонка хранила целомудрие и рассчитывала оберегать его до скончания дней. Это другая сестрица — красотка поморщилась при мысли о гибели Ипполиты — клюнула на

мужские уловки, разрешила увести себя в рабство, превратилась в бессловесную скотинку для размножения мерзких, волосатых созданий. Пентесилея никогда не соблазнится подобным выбором.

Ещё неодетая, она достала серебряный флакон в форме граната и натёрлась волшебным бальзамом, согласно предписаниям Афродиты, — над сердцем, у основания горла и над вертикальной полоской золотистых волос, которая росла от промежности. Богиня любви явилась царице на следующий день после того, как Афина Паллада впервые заговорила с ней и послала на миссию. Афродита уверяла, будто лично вывела формулу этого более мощного, чем амброзия, снадобья, рассчитанного на то, чтобы ввергнуть Ахиллеса — именно его — в пучину неукротимого желания. Теперь у амазонки было два секретных оружия — копьё Афины, бьющее без промаха, и благовоние покровительницы любви. Оставалось лишь нанести мужеубийце роковой удар, пока тот будет хлопать глазами, ошалев от страсти.

Одна из подруг — скорее всего преданная военачальница Клония — начистила доспехи царицы, прежде чем отойти ко сну, и теперь они переливались в металлическом зеркале ослепительным

светом. Обычно Пентесилея брала на поле битвы лук, колчан с безупречно прямыми, оперёнными красным стрелами, клинок — чуть короче мужского, зато чрезвычайно опасный в ближнем бою, и обоюдоострый боевой топор, любимое оружие амазонок. Но только не сегодня.

Красавица подняла копьё — подарок Афины. Оно казалось почти невесомым и жадным до чужой крови. Длинный наконечник — не бронза и даже не железо, а некий особенно острый, выкованный в недрах Олимпа металл — ничто не могло затупить или остановить. К тому же он был вымочен в самом ужасном яде, известном богам. Лёгкой царапины на кратковечной пятке Ахилла будет более чем достаточно: отрава устремится к сердцу, и через пару секунд он рухнет замертво. Древко негромко гудело в руке, словно рвалось, как и новая хозяйка, пронзить Пелида, уложить его, наполнив глаза, рот и лёгкие героя Аидовой мглой.

Афина поведала Пентесилее о тайном источнике мнимой неуязвимости быстроногого: о стараниях Фетиды сделать ребёнка бессмертным, о глупости Пелея, который вытащил сына из Небесного пламени. «Пятка героя — вот его слабое место, — нашёптывала богиня. — Набор

её квантовых вероятностей не испорчен…» Царица поняла не всё, но главное. Она способна прикончить муже— и женоубийцу, гнусного насильника, бич беззащитных девушек, того, кто злобно орудовал во главе буйных мирмидонцев на улицах захваченных городов, покуда прочие аргивяне почивали в приморском стане на лаврах и жирных задах.

Даже в дальних и диких землях амазонок слагали целые легенды о двух совершенно разных Троянских войнах. Ахейцы с их бесхитростной политикой воевали понемногу, то и дело прерываясь, чтобы побездельничать и всласть попировать, в то время как Ахиллес вот уже десять лет бушевал по всей Малой Азии, разрушая местные крепости. Семнадцать городов успели пасть от его ненасытного гнева.

«Настал черёд пасть самому гневливцу».

Пентесилея с двенадцатью подругами оседлали коней и тронулись прочь из города. Трою переполняли смятение и тревога. Глашатаи кричали со стен, что Агамемнон и его полководцы собирают большое войско. Летали слухи, будто греки вознамерились вероломно ворваться в Илион, воспользовавшись минутой, когда безутешный Гектор забылся сном, а быстроногий сын Пелея от-

правился на передовую сквозь небесную Дырку. По улицам, словно в насмешку над амазонками, бесцельно слонялись женщины в жалких обносках лат. Стражники на стенах оглушительно затрубили в трубы, и наконец великие Скейские ворота захлопнулись за спинами всадниц.

Не удостоив вниманием суетливых троянских воинов, строящихся боевым порядком в долине между городом и данайским станом, царица повела своих соратниц на восток, туда, где чётко вырисовывалась Брано-Дыра. По дороге к Илиону амазонка успела наглядеться на странное явление, и всё-таки даже во второй раз её сердце зашлось благоговейным восторгом. Далеко перед нею высился безукоризненно ровный, срезанный на одну четверть круг более чем двухсотметровой высоты, пробитый в зимнем небе и словно воткнувшийся в каменистую почву долины. С севера или запада никакой Дыры нельзя было заметить — это царица знала точно, ибо сама явилась оттуда. Город и море просматривались полностью, без намёка на магию. И только с юго-запада взгляд различал непостижимую игрушку богов.

Ахейцы с троянцами — по отдельности, но не пытаясь ввязываться в борьбу раньше време-

ни, — покидали Дыру длинными рядами, как пешим строем, так и на колесницах. Видимо, получили приказы из Илиона и с побережья: срочно покинуть передовую линию битвы с богами, дабы вернуться и вновь противостоять друг другу.

Пентесилею их перемещения не трогали. Она стремилась к единственной цели — убить Ахиллеса. И горе тому ахейцу или троянцу, который по глупости вздумает встать на пути! Царица отправила в сумрачный дом Аида легионы мужей, и у неё поднимется рука, если придётся, послать им вослед товарищей.

Царица первой, во главе небольшого отряда из амазонок, миновала границу между мирами. У неё захватило дух, однако ничего такого не произошло. Разве что появилось необъяснимое чувство лёгкости, чуть по-иному засветило солнце, да ещё, рискнув набрать в грудь воздуха, воительница ощутила перемену, как если бы вдруг очутилась на вершине горы. Горячий скакун Пентесилеи тоже почувствовал разницу и сильно натянул поводья, однако хозяйка заставила его тронуться дальше.

Она никак не могла отвести глаз от Олимпа. Вулкан заполнял собою весь горизонт… или нет, весь мир… или даже так: он сам был миром.

Где-то впереди суетились мелкие отряды людей и моравеков, красную почву усеивали чьи-то тела, но амазонка внезапно утратила интерес ко всему. Там, за стоячими двухмильными утёсами у подножия обиталища богов, начинался десятимильный склон, уходя всё выше, и выше, и выше…

— Повелительница…

Пентесилея смутно расслышала оклик, принадлежавший, по-видимому, Бремузе, ближайшей после Клонии военачальнице, однако не придала ему значения. Так же, как не заметила прозрачный океан по правую руку и ряд огромных каменных голов на берегу. Что угодно терялось и бледнело на фоне колоссального, настоящего Олимпа. Царица откинулась в седле чуть назад, следя восхищённым взглядом за линией горных уступов, восходящих на большую и большую, просто немыслимую высоту, врастая в бездонное лазурное небо…

— *Повелительница.*

Пентесилея наконец повернулась, дабы пожурить Бремузу, но вдруг заметила: все её спутницы остановили коней. Царица покачала головой, будто стряхивая остатки сна, и поскакала обратно к ним.

Только сейчас она обнаружила то, чего не могла заметить прежде, заворожённая вулканом. Оказалось, по дороге от магической Дыры амазонки миновали уже многих женщин. Те громко кричали, бежали, истекали кровью, спотыкались, рыдали, падали наземь. Клония спешилась и положила себе на колено голову одной из этих несчастных, облачённой в необычную багряницу.

— Кто? — вопросила красавица, взирая на женщин сверху вниз и всё ещё пытаясь прийти в себя.

Внезапно она поняла, что вот уже милю ехала по разбросанным как попало и окровавленным латам.

— Ахейцы, — хрипло выдохнула умирающая. — Ахиллес…

Если прежде на ней и были доспехи, пользы они не принесли. На месте грудей зияли страшные раны. Красное покрывало, наброшенное на почти нагое тело, оказалось «сотканным» из потоков крови.

— Отвезите её в… — Царица осеклась, потому что женщина испустила дух.

Вскочив снова в седло, Клония вернулась на своё место, справа от повелительницы. Царица

ощущала пылкую ярость, исходившую от старой боевой подруги, словно жар от костра.

— Вперёд, — обронила Пентесилея, пришпорив скакуна и крепче перехватив копьё Афины.

Амазонки пустили коней в галоп. Примерно в четверти мили от них мужчины-ахейцы гордо стояли над телами убитых — или склонялись, чтобы обобрать и облапать их. В разрежённом воздухе издали доносился довольный смех греков.

Там пали примерно сорок женщин. Царица замедлила ход, прочим её соратницам пришлось нарушить строй. Кони, даже боевые, не любят ступать по человеческим телам, а те лежали столь часто, что скакунам приходилось осторожно выбирать, куда поставить тяжёлое копыто.

Некоторое время спустя мародёры подняли головы. Пентесилея насчитала около сотни ахейцев, но никого из героев. Повелительница посмотрела дальше и разглядела в пятистах — шестистах ярдах отряд благородных воинов, шагающих обратно к ахейской армии.

— Гляди-ка, опять бабы, — обрадовался самый паршивый из обирателей мёртвых. — Да ещё и лошадей привезли!

— Как тебя зовут? — процедила Пентесилея.

Мужчина осклабился, ощерив редкие гнилые зубы.

— Молион, дорогуша. И я как раз ломаю голову, когда тебя лучше трахнуть: до того, как прикончу, или после?

— Трудная задача для куцего умишки, — невозмутимо ответила амазонка. — Знавала я одного Молиона, друга Тимбрея. Правда, он был троянцем. И кроме того, живым человеком. А ты всего-навсего дохлый пёс.

Оскорблённый зарычал и схватился за меч.

Пентесилея, не слезая с коня, замахнулась боевым топором и обезглавила негодяя. После чего пришпорила могучего жеребца, и трое других погибли под копытами, еле успев поднять бесполезные щиты.

Амазонки с нечеловеческими воплями устремились на битву. Действуя точно и уверенно, будто жнецы с серпами на пшеничном поле, они топтали врагов конями, рубили сплеча и пронзали копьями. Осмелившиеся противостоять отважным воительницам — погибли. Обратившиеся в бегство — тоже погибли. Царица лично прикончила семерых мародёров.

Её подруги Евандра и Термодоя как раз готовились порешить последнего — самого безобразного

и трусливого мерзавца по имени Терсит. Тот жалобно скулил и унижался, моля о пощаде.

К изумлению соратниц, Пентесилея велела его не трогать.

— Можешь сообщить Ахиллесу, Диомеду, Аяксам, Одиссею, Идоменею и прочим аргивским героям, которые, как я вижу, следят за нами вон с того холма, — зычно изрекла она, — что я, Пентесилея, царица амазонок, дочь Ареса, возлюбленная Афины и Афродиты, явилась, дабы навек оборвать жалкую жизнь Ахиллеса. Скажи, я готова сразиться с ним в открытом поединке, но если будете настаивать, мы с подругами поубиваем всех вас. Иди же, передай послание в точности.

Трясущиеся ноги унесли урода прочь с изумительной резвостью.

«Правая рука» царицы, некрасивая, зато беззаветно отважная Клония, подъехала ближе.

— Что ты такое молвишь, повелительница? Мы не в силах бороться со всеми героями сразу. Каждый из них воспет в легендах. Вместе эти греки непобедимы, они гораздо сильнее любых тринадцати амазонок, рождавшихся на свет.

— Спокойствие и решительность, сестра моя, — ответила Пентесилея. — Верный залог победы

— нерушимая воля богов и сила наших собственных рук. Сто ит мужеубийце пасть, как остальные бросятся наутёк. Вспомни, как они улепётывали от Гектора и простых троянцев, если вдруг умирал или получал серьёзную рану самый заурядный из ахейских начальников. Поэтому обращаем неприятеля в бегство, а сами разворачиваем коней, скачем что есть духу сквозь распроклятую Дыру и поджигаем их чёрные корабли, прежде чем враг успеет объединить силы.

— Мы последуем за тобою на смерть, царица, — пробормотала Клония, — так же, как раньше шли за неувядаемой славой.

— И снова пожнёте славу, любезная сестра, — возразила повелительница. — Смотри, этот хитрющий крысеныш Терсит передал послание. Данайские герои уже шагают к нам. Полюбуйся на латы Ахилла, они блестят намного ярче остальных. Сойдёмся же с противником на чистом поле битвы.

Пентесилея всадила шпоры в крутые бока своего грозного коня, и амазонки как одна припустили галопом навстречу Ахиллу с его аргивянами.

19

— Что ещё за луч? — не понял Хокенберри.

Они с моравеком обсуждали таинственное исчезновение огромной доли человечества, населявшего Землю троянской эпохи.

— Синий луч света, возникший в Дельфах, на Пелопоннесе, — пояснил Манмут, ведя боевого шершня к Марсу, Олимпу и Брано-Дыре. — Он появился в тот день, когда люди пропали. Мы полагали (впрочем, сейчас уже никто не уверен), что луч состоит из тахионов. Есть одна теория… Хотя это всего лишь теория… Вероятно, человечество сократили до основных составляющих цепочек Калаби-Яу, закодировали и запустили в межзвёздное пространство.

— Значит, в Дельфах, — проговорил схолиаст.

Он и понятия не имел о тахионах или цепочках Калаби-Яу, зато был достаточно наслышан о Дельфах и древнем оракуле.

— Да, и я могу показать, где это, если у тебя найдётся лишних десять минут перед возвращением, — ответил европеец. — Самое странное, что на Земле наших дней, той, куда мы скоро полетим, точно такой же свет пробивается из

Иерусалима.

— Иерусалим, — повторил Хокенберри и крепко вцепился в невидимые подлокотники невидимого силового кресла. Летательный аппарат затрясся и резко забрал вниз, направляясь к небесной Дыре. — А куда они уходят, эти лучи? В атмосферу? В открытый космос? Куда?

— Неизвестно. Похоже, определённой цели вообще нет. Они существуют долгое время и, разумеется, вращаются заодно с планетой, но вроде бы вырываются за пределы Солнечной системы — обеих Солнечных систем, причём ни один, похоже, не устремлён к конкретной звезде, глобулярному кластеру или галактике. Более того, лучи двусторонние. То есть приборы обнаружили *обратный* поток тахионной энергии в Дельфах, а возможно, и в Иерусалиме, что означает…

— Постой, — перебил мужчина. — Ты видел?

Они как раз проскочили сквозь Брано-Дыру под самым сводом верхней арки.

— Ну да, — сказал Манмут. — Смутная была картинка, но похоже, люди воевали с людьми на передовой возле Олимпа. Кстати, взгляни-ка вперёд.

Моравек увеличил изображение в голографических иллюминаторах. У стен Илиона греки

сражались против троянцев. Скейские ворота были закрыты — и это после восьмимесячного перемирия.

— Господи Иисусе, — прошептал учёный.

— Точно.

— Манмут, мы могли бы вернуться туда, где заметили первые признаки битвы? На марсианскую сторону Брано-Дыры? Я заметил кое-что странное.

Схолиаста смутил маленький отряд всадников, нападавших, по всей видимости, на пеших героев. Ни ахейцы, ни троянцы не пользовались конной кавалерией.

— Конечно, — откликнулся европеец и головокружительно развернул шершня.

Приятели со свистом полетели обратно к Дыре.

— *Манмут, меня слышно?* — донёсся по личному лучу, через особые встроенные ретрансляторы, голос Орфу.

— *Громко и отчётливо.*

— *Доктор Хокенберри ещё с тобой*?

— *Да.*

— *Оставайся на личной связи. Не дай ему догадаться о нашем разговоре. Заметил что-нибудь необычное?*

— *Да, мы оба заметили. Теперь вот летим*

проверить. На марсианской стороне Брано-Дыры кавалерия атакует тяжело вооружённых аргивян. На земной — греки воют с троянцами.

— А нельзя как-нибудь замаскировать этого шершня? — осведомился мужчина, когда они зависли в двухстах футах над конными (тех было около дюжины, а пеших — человек пятьдесят). — Сделать его не таким приметным? Чтобы поменьше бросался в глаза?

— Конечно. — Манмут активировал полную невидимость.

— *Да нет же, я не о том, чем занимаются люди*, — послал Орфу. — *С Браной ничего такого не происходит?*

Маленький европеец посмотрел не только в широком спектре, но изучил Дыру с помощью всех инструментов и сенсоров летательного аппарата.

— *Вроде бы всё нормально.*

— Давай приземлимся за спинами Ахиллеса и прочих ахейцев, — попросил схолиаст. — Как-нибудь потише. Это нетрудно?

— Конечно, — сказал Манмут и вскоре беззвучно посадил шершня футах в тридцати от аргивян.

Между тем со стороны главного войска при-

ближался греческий отряд. Европеец разглядел в группе нескольких роквеков и даже узнал среди них центурион-лидера Мепа Эхуу.

— *Нет, ненормально,* — послал ониец. — *Наши приборы уловили бурные флюктуации в районе Дыры и окружающего пространства. Плюс на вершине Олимпа творится что-то странное: квантовые и гравитационные показатели вообще зашкаливают. Получены данные о ядерных, водородных, плазменных и разного другого рода взрывах. Но сейчас нас больше всего беспокоит Брана.*

— *Каковы параметры аномалии?* — спросил Манмут.

Долгие годы плавая на подлодке под льдами Европы, он так и не удосужился изучить ни W-теорию, ни предшествовавшие ей M-теорию и теорию струн. Львиную долю того, что знал, Манмут успел скачать от Орфу или же из главных банков информации на Фобосе, дабы хоть отчасти разобраться в Дырах, одну из которых невольно помог создать, соединив Пояс астероидов с Марсом и тем самым с альтернативной Землёй, а ещё — чтобы понять, почему все Браны, кроме последней, исчезли за несколько месяцев.

— *Согласно коэффициентам БПС, выданным*

сенсорами Стромингера-Вафа-Зускинда-Зена, несоответствие между наименьшей массой и зарядом Дыры стремительно возрастает.

— *БПС?* — повторил европеец.

Он догадывался, что несоответствие заряда и массы — недобрый знак, но не мог бы объяснить почему.

— *Богомольный, Прасад, Соммерфильд,* — пояснил товарищ, голос которого прозрачно намекал: «Хоть ты и слабоумный, а всё равно мне нравишься». — *Пространство Калаби-Яу рядом с тобой подвергается пространстворазрывающим коническим преобразованиям.*

— Превосходно, замечательно! — Хокенберри выскользнул из объятий невидимого кресла и кинулся к опускающемуся трапу. — Чего бы я только не дал за прежнее снаряжение схолиаста: видоизменяющий браслет, остронаправленный микрофон, упряжь для левитации… Ты со мной?

— Да, сейчас, — проговорил Манмут. — *Хочешь сказать, Брана утрачивает свою стабильность?*

— *Я хочу сказать, она в любую секунду готова разрушиться. Всем роквекам и моравекам в Илионе и на побережье приказано срочно сматывать удочки. У них ещё хватит времени забрать оборудование, однако шершням и челночным*

воздушно-космическим аппаратам велели покинуть боевые посты в течение десяти минут. Не удивляйся, когда посыплются звуковые удары.

— Но ведь Илион останется без защиты. Олимпийцы смогут атаковать с воздуха и даже квитироваться в город! — Маленький европеец ужаснулся при мысли о том, чтобы бросить союзников в столь бедственном положении.

— Это уже не наши трудности, — отозвался Орфу. *— Астиг-Че и другие первичные интеграторы распорядились о немедленной эвакуации. Стоит этой Дыре захлопнуться — а так и будет, старина, можешь мне поверить, — мы потеряем всех восемьсот техников, батарею ракетчиков и прочих застрявших на стороне Земли. Они уже и так сильно рискуют, пакуя в дорогу снаряды, энергетические излучатели и остальное тяжёлое вооружение, но начальство боится оставлять подобные игрушки в руках местных жителей, пусть даже в неработающем виде.*

— Я могу что-то сделать?

Глядя сквозь дверной проём вслед схолиасту, который чуть ли не вприпрыжку бежал к Ахиллесу и его команде, Манмут ощутил тоскливую беспомощность. Если Хокенберри покинуть на произвол судьбы, тот наверняка сложит голову

в битве. Если не взмыть и не улететь через Дыру прямо сейчас, многие моравеки останутся навек отрезанными от своего реального мира.

— *Погоди, я спрошу интеграторов и генерала.*

Пару мгновений на личном луче трещали помехи, потом раздалось:

— *Оставайся пока на месте. Через твои объективы нам удобнее всего наблюдать за Браной. Можешь направить все сигналы на Фобос и выбраться наружу?*

— *Да, это я могу.*

Маленький европеец снял с шершня покров невидимости, не желая, чтобы толпа греков и роквеков нечаянно в него врезалась, и поспешил вниз по трапу вслед за товарищем.

Хокенберри шагал к ахейцам, чувствуя, как сердце наполняет ощущение нереальности, смешанное со стыдом. «Это моя вина. Если бы восемь месяцев назад я не принял вид Афины и не похитил Патрокла, Ахиллес не объявил бы войну богам и ничего этого не случилось бы. Каждая капля крови, которая прольётся сегодня, останется на моей совести».

Быстроногий Пелид первым повернулся спиной к приближающимся всадникам и поздоровался:

— Приветствую тебя, сын Дуэйна.

Рядом стояли примерно полсотни полководцев и простых копьеборцев, ожидая наездниц (теперь и схолиаст разглядел: это были женщины) в сияющих латах. Среди знатных героев учёный узнал Диомеда, Большого и Малого Аяксов, Идоменея, Одиссея, Подаркеса с его юным приятелем Мениппом, Сфенела, Эвриала и Стихия. Бывшего служителя Музы изумило присутствие косоглазого и хромоногого Терсита. В обычное время мужеубийца даже на выстрел не подпустил бы к себе презренного обирателя трупов.

— Что происходит? — спросил Хокенберри, и рослый, златокудрый полубог пожал плечами:

— Ну и чудной выдался день, сын Дуэйна. Сначала бессмертные отказались выйти на бой. Потом на нас напала орава ряженых троянок, и Филоктет погиб от шального копья. Теперь вот амазонки скачут сюда, прикончив несколько наших мужей, если верить этой грязной крысе, что недавно прибилась к нашему отряду.

«Амазонки!»

Манмут наконец догнал своего друга. Большинство ахейцев уже привыкли к виду маленького моравека и, едва удостоив создание из металла и пластика беглым взглядом, снова повернулись к отряду всадниц.

— В чём дело? — поинтересовался европеец по-английски.

Вместо того, чтобы ответить ему на том же языке, схолиаст процитировал:

Ducit Amazonidum lunatis agmina peltis
Penthesilea furens, mediisque in milibus ardet,
aurea sunectens exwerta cingula mammae
bellatrix, audetque viris concurrere virgo.

— Только не заставляй меня скачивать в банки памяти ещё и латынь, — испугался Манмут.

В пяти ярдах от них огромные кони остановились как вкопанные, слушаясь поводьев. Над ахейцами повисло большое облако пыли.

— «Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолунья, — перевёл Хокенберри, — Пентесилея ведёт, охвачена яростным пылом, груди нагие она золотой повязкой стянула, дева-воин, вступить не боится в битву с мужами».[46]

— Час от часу не легче, — съехидничал моравек. — Да, но латинский язык… Полагаю, это не Гомер?

— Вергилий, — шепнул учёный в наступившей

---

[46] notes: 46
«Энеида», Вергилий. Перев. С. Ошерова.

тишине, среди которой удар копыта о камень мог бы оглушить, словно взрыв. — Нас непонятным образом занесло в «Энеиду».

— Час от часу не легче, — только и повторил Манмут.

— *Роквеки загрузили всю технику,* — известил Орфу. — *Минут через пять они отчаливают. Кстати, тебе нужно знать ещё кое-что. «Королева Мэб» улетает раньше намеченного срока.*

— *Насколько раньше?* — с упавшим полуорганическим сердцем осведомился Манмут. — *Мы обещали Хокенберри двое суток на размышления и переговоры с Одиссеем.*

— *Что ж, теперь у него меньше часа,* — отрезал иониец. — *Минут за сорок мы успеем накачать всех роквеков препаратами, распихать их по полкам и убрать оружие в хранилища. К тому времени вы оба должны либо вернуться, либо остаться.*

— *А как же «Смуглая леди»?* — Маленький европеец покаянно подумал, что даже не испытал многие из рабочих систем своей подлодки.

— *Её уже грузят в отсек,* — сообщил Орфу. — *Я чувствую, как сотрясается корабль. Закончишь свои проверки по дороге. Не тяни там, дружище.*

Линия затрещала, потом зашипела и умолкла.

Из-за спин воинов, построившихся на тонкой передовой линии, Хокенберри наконец разглядел, насколько громадны скакуны амазонок. Словно першероны.[47] Кроме того, Вергилий, царство ему небесное, оказался прав: каждая из отважных наездниц оставляла левую грудь нагой. Что ж, это здорово… отвлекало.

Ахиллес неторопливо выступил вперёд на три шага и встал в такой близости от коня блондинки-царицы, что мог бы погладить его по морде. Однако не сделал этого.

— Чего ты желаешь, о женщина? — вопросил мускулистый великан необычно мягким и тихим голосом.

— Я Пентесилея, дочь бога войны Ареса и повелительницы амазонок Отреры, — изрекла красавица, глядя на него с высоты. — И я желаю твоей гибели, сын Пелея.

Быстроногий запрокинул голову и рассмеялся — настолько легко и беззаботно, что Хокенберри внутренне содрогнулся.

— Ответствуй мне, женщина, — по-прежнему спокойно спросил он, — как ты осмелилась

---

[47] notes: 47

Першероны — тяжеловозная порода лошадей, выведена в XIX в. во Франции (р-н Перш). Животные крупные, выносливые, работоспособные.

бросить вызов самым доблестным героям своей эпохи, тем, кто не дрогнув взял в осаду Олимп? Многие из нас происходят от крови великого Зевса Кронида. Ты в самом деле решила сражаться с нами, о женщина?

— Другие могут бежать и спасать свои шкуры, если хотят, — в тон ему, но гораздо громче провозгласила Пентесилея. — Я не намерена биться с Аяксом Теламонидом, ни с сыном Тидея, ни с отпрыском Девкалиона, ни с Лаэртидом, ни с любым из собравшихся. Только с тобой.

Перечисленные мужи — Большой Аякс, Диомед, Идоменей и Одиссей — недоумённо округлили глаза, посмотрели на предводителя и разом расхохотались. Между тем с тыла приближались пять или шесть десятков ахейцев во главе с Мепом Эхуу.

Хокенберри не заметил, как быстро повернулась красно-чёрная голова моравека; он и не ведал, что центурион-лидер по личному лучу сообщает Манмуту о скором крахе Брано-Дыры.

— Ничтожный, ты оскорбил богов, бессмысленно напав на их жилище! — воскликнула царица, возвышая голос так, чтобы даже мужчины в сотнях ярдов ясно её слышали. — Ты причинил зло троянцам, осадив *их* родной город. Но нынче

пробил твой смертный час, о женоубийца Ахилл. Готовься сражаться.

— Боже, — произнёс по-английски европеец.

— Господи Иисусе, — прошептал схолиаст.

Чёртова дюжина амазонок, завизжав на своём наречии, пришпорили боевых коней. Исполинские скакуны устремились в атаку. Воздух наполнили копья, стрелы и грохот бронзовых наконечников о латы и расторопно воздетые щиты.

20

На побережье северного марсианского моря, которое обитатели Олимпа нарекли Северным океаном или морем Фетиды, маленькие зелёные человечки, прозванные *зеками*, воздвигли более одиннадцати тысяч колоссальных голов из камня. Изваяния схожи друг с другом и высотой — ровно двадцать метров, — и внешним видом. Каждое изображает лицо сурового старца: нос, напоминающий хищный клюв, тонкие губы, огромный лоб, сдвинутые брови, мощный затылок, волевой подбородок и кайма длинных волос, зачёсанных за уши. Камень для строительства берётся из гигантских карьеров, прорубленных в

естественном нагромождении скал, окрещённом Лабиринт Ночи, на западном краю бессточного моря протяжённостью четыре тысячи двести километров, заполняющего расселину, известную как долина Маринера. Маленькие зелёные человечки грузят необработанные глыбы на широкие баржи, переплывают всю расселину, после чего фелюги с треугольными парусами помогают им пристать к берегу, где сотни дожидающихся МЗЧ спускают каждый валун на землю и прямо на месте обтёсывают, добиваясь нужного сходства. Почти завершив работу, *зеки* вкатывают кусок марсианской скалы на подготовленную заранее каменную площадку основания (порой для этого приходится доставлять голову по трясинам и топям, а иногда поднимать вверх по скале) и лишь потом ставят голову стоймя, используя системы из блоков, канатов и зыбучего песка, опускают шейный стержень в каменную нишу и раскачивают изваяние, пока то не займёт положенную ему позицию. Команда из двенадцати МЗЧ высекает волнистые волосы, в то время как прочие существа отправляются работать над следующей статуей.

Изваяния-близнецы все до единого смотрят на море.

Первая голова была воздвигнута почти полтора земных столетия тому назад — у подножия Олимпа, там, где плещут волны Фетиды. С тех пор человечки ставили по одной статуе через каждый километр, двигаясь поначалу на восток, вокруг великого грибообразного полуострова под названием Тэмпе Терра, затем повернув обратно к югу, в дельту долины Касей, потом на юго-восток, по болотам Лунного плато, далее — по обе стороны огромной дельты и моря в Долине Хриза, по каменистым склонам широкого устья Долины Маринера и наконец, в течение последних восьми месяцев, — на северо-запад, по крутым утёсам Арабии Терры, к северным архипелагам Дейтеронилу и Протонилу.

Однако на сегодня все работы прекращены. МЗЧ — способные к фотосинтезу гоминиды метрового роста с прозрачной кожей, чёрными, как уголья, глазами, без рта и ушей — переправились на сотне с лишним фелюг километров за двести от Олимпа вдоль по широкой водяной дуге. Отсюда, с просторного пляжа Тэмпе Терра, если пристально посмотреть на запад, можно увидеть в море островной вулкан Альба Патера, а далеко на юго-востоке, за краем земли, высится невероятный массив Олимпа.

В сотнях метров от воды по скалам тянется ряд гигантских голов, а на широком и плоском берегу сплошной зелёной массой сгрудились ровно семь тысяч триста три *зека*, оставив незанятым лишь полукруг диаметром пятьдесят один метр. Несколько марсианских часов кряду маленькие зелёные человечки стоят, не издавая ни звука, не шелохнувшись, и пристально смотрят чёрными глазами на пустой песок. Фелюги с баржами еле заметно покачиваются на волнах моря Фетиды. Слышно только, как западный ветер подхватывает песок и пригоршнями бросает о прозрачную зелёную кожу, или шелестит листвой низкорослых растений, или насвистывает среди камней.

Внезапно воздух наполняет запах озона — впрочем, у *зеков* нет носов, чтобы его уловить. Нет у них и ушей, чтобы услышать многократные громовые раскаты, но близкие разрывы ощущаются сквозь невообразимо чувствительную кожу. В паре метров над берегом вдруг появляется трёхмерный красный ромбоид шириною пятнадцать метров. Сначала он раздувается, потом сужается посередине, разделившись на два треугольника. Между их вершинами возникает крохотный шар; он превращается в трёхмерный зелёный овал, который будто бы поглощает породивший его

красный ромбоид. Фигуры начинают вращаться в разных направлениях, так что взметают над берегом стометровый фонтан из песка.

МЗЧ безучастно смотрят перед собой, не обращая внимания на разразившуюся бурю.

Раскрутившись, трёхмерный овал и ромбоид принимают вид сферы. В воздухе зависает десятиметровый круг, который понемногу погружается в песок, и вот уже Брана отрезает от пространственно-временного континуума солидный ломоть. Новорождённая Дырка ещё покрыта слоями тонких лепестков одиннадцатимерной энергии, защищающими песок, атмосферу, Марс и вселенную от намеренно созданного разрыва в ткани пространства и времени.

Из Браны появляется нечто вроде одноколки на паровом ходу. Слышатся громкое пыхтение и выстрелы в глушителе. Невидимые гироскопы позволяют удерживать полуметаллическую-полудеревянную конструкцию на единственном резиновом колесе. Покинув Дыру, экипаж замирает в точности посередине пространства, не занятого *зеками*. Распахивается затейливая резная дверь, и деревянные ступени опускаются на песок, раскладываясь подобно частям особенно хитрой головоломки.

Из одноколки выходят четыре войникса — это двухметровые металлические двуногие без шей (головы торчат прямо из тел подобно каким-то наростам), зато с бочкообразными грудными клетками. Пользуясь больше манипуляторами, чем руками-лезвиями, они принимаются собирать загадочный аппарат, между частями которого видны серебристые щупальца с маленькими параболическими проекторами на концах. Завершив работу, войниксы отступают к умолкнувшему паровому экипажу и застывают будто вкопанные.

На берегу, среди хитросплетённых щупальцев, возникает не то человек, не то его проекция: простой контур, который затем обретает видимую материальность. Это глубокий старец в синем одеянии, замысловато расшитом астрономическими символами. При ходьбе он опирается на длинный деревянный посох. Тело слегка мерцает, однако ноги в золотых туфлях оставляют на мокром песке вполне реальные следы. Черты его лица как две капли воды напоминают каменные изваяния на скалах.

Маг тихо бредёт к самой кромке воды, останавливается и ждёт.

В скором времени волны начинают бурлить,

и среди небольшого шторма очень медленно вздымается нечто громадное, похожее скорее на остров, чем на живое существо вроде кита, дельфина, морской змеи или бога. По бороздам и складкам чудовищного создания потоками сбегает вода. Оно направляется к берегу. *Зеки* расступаются, давая существу простор.

Формой и окраской гость из пучины походит на колоссальный человеческий мозг — живой, со множеством извилин; правда, на этом подобие и заканчивается. Между складками розоватой плоти мигают десятки пар серых глазок. Вдобавок создание многоруко. Одни конечности — мелкие, с разным количеством хватающих воздух пальцев, — колышутся сверху, словно щупальца анемона в холодных потоках, другие — покрупней, на предлинных стеблях, — тянутся во все стороны от каждой пары глаз, а третьи — это становится тем заметнее, чем дальше существо величиною с дом поднимается над волнами, постепенно выходя на берег, — растут внизу и по краям, с их помощью создание передвигается. Каждая из таких гигантских ладоней — размером с лошадь, их цветовые оттенки варьируются от белёсого цвета личинки до мертвенной серости трупа.

Пятясь по-крабьи боком, гигантский мозг заставляет отпрянуть маленьких зелёных человечков ещё дальше, после чего замирает в каких-то пяти футах от старца в синих одеждах, который сначала тоже шагнул назад, позволяя существу расположиться на берегу, но тут же твёрдо застыл, опершись на посох и невозмутимо глядя в ледяные серые глазки гостя.

— *Что ты сделал с моим любимым поклонником?* — беззвучным голосом спрашивает многорукий.

— Мне больно говорить, но он выпущен в мир.

— *В какой из миров? Их чересчур много.*

— На Землю.

— *На какую? Их тоже слишком много.*

— Это моя Земля, — молвит маг. — Настоящая.

Гигантский мозг шумно втягивает слизь всеми отверстиями, запрятанными среди складок. Звук получается мерзкий, как если бы кит сморкался густой от водорослей морской водой.

— *Просперо, где моя жрица? Моё дитя?*

— Что ещё за дитя? Не ищешь ли ты, злодей, синеглазую шлюху, помесь свиньи и вороны? А может, выброска этой карги, рябого щенка-ублюдка, не удостоенного даже человечьими формами, извергнутого ею на берег моего мира?

Старик любил играть словами: «ворона» звалась по-гречески «*sus*», а свинья — «*korax*». Он явно упивался собственным остроумием, и «выбросок» доставил ему ещё одну маленькую радость.

— *Калибан и Сикоракса. Где они?*

— Сучки нет. Пресмыкающееся — на свободе.

— *Так мой Калибан ухитрился сбежать из скалы, где по твоей воле томился в заточении много столетий?*

— А разве я не сказал? Продал бы ты лишние глазки за пару ушей.

— *Скажи, он пожрал уже всех людишек твоего мира?*

— Не всех. Пока что. — Маг указывает посохом на каменные изваяния собственной головы. — Понравилось тебе жить под надзором, рукастый?

Существо насмешливо фыркает морской водой и слизью.

— *Ничего, пускай зелёные человечки ещё поработают; потом я нашлю цунами, чтобы утопить их без остатка, а заодно и все твои жалкие шпионские изображения.*

— Так почему бы не сделать это прямо сейчас?

— *Ты ведь знаешь, я могу*, — ухитряется без голоса рявкнуть мозг.

— Знаю, негодяй, — кивает Просперо. — Но, истребив эту расу, ты превысишь меру своего же злодейства. Они близки к совершенству, они — воплощённая верность и сострадание, причём не переделаны из готового материала, как местные божки, появившиеся в мире по твоему чудовищному капризу, а созданы мной от начала и до конца. *Зеки* — моё творение.

— *Тем слаще будет их истреблять. Что проку от бессловесных ничтожеств, хоть и умеющих вырабатывать хлорофилл?*

— Может, у них и нет голоса, — говорит старец, — но и немыми человечков не назовёшь. Эти существа общаются при помощи генетически изменённых блоков информации, передаваемой при касании на клеточном уровне. Когда же нужно поговорить с кем-то извне, один из их расы по доброй воле предлагает чужаку своё сердце, после чего умирает как индивид, но поглощается другими, а значит, продолжает жить. Это так прекрасно.

— *Manesque exire sepulcris*,[48] — беззвучно шипит многорукий Сетебос. — *Ты попросту вытащил мертвецов из могил. Заигрался в Ме-*

---

[48] notes: 48

«…и выходят могильные тени…». Овидий, «Метаморфозы».

дею…[49]

Внезапно мозг поворачивается на ходячих руках и мгновенно выбрасывает ладонь поменьше на целых двадцать метров от себя. Серовато-белёсый кулак ударяет первого попавшегося *зека*, пробивает грудную клетку, хватает плавучее зелёное сердце и вырывает его наружу. Безжизненное тело валится на песок. Внутренние соки растекаются по берегу изумрудной лужей. Другие МЗЧ торопятся преклонить колени, чтобы впитать в себя клеточную сущность погибшего.

Сетебос втягивает змееподобную руку обратно, выжимает сердце досуха, как люди выжимают воду из губки, — и с презрением отбрасывает прочь.

— *Пусто, как и в его голове. Ни голоса, ни послания.*

— Да, для тебя там ничего нет, — соглашается Просперо. — Зато я получил важный урок: никогда не говори открыто с врагами. От этого страдают остальные.

— *Так уж им на роду написано. Для того мы их и насоздавали.*

— Пожалуй, мы желали, держа в руках колки

---

[49] notes: 49

Медея — величайшая волшебница греческих мифов, которой приписывалась божественная сила оживлять мёртвых.

от струн душевных, настроить их сердца на свой любимый лад. Увы, твои создания нарушили все законы, Сетебос. Особенно Калибан. Вкруг моего державного ствола обвился он, как цепкая лиана, и высосал все соки…

— *На то он и рождён.*

— Рождён? — Маг приглушённо смеётся. — Распутная ведьма исторгла его из грязного чрева для самой роскошной жизни — среди жаб, жуков, нетопырей и свиней, когда-то бывших людьми. Поганый выродок ехидны готов был обратить всю мою Землю в гадкий хлев, а ведь я принял вероломную тварь как человека. Ублюдок жил со мной. Из жалости я взял на себя труд о нём заботиться. Невежественный, дикий, он выразить не мог своих желаний и лишь мычал, как зверь. Я научил его словам, дал знание вещей, показывал все истинные свойства людского рода… И что за пользу это принесло мне, или миру, или лживому рабу?

— *«Свойства людского рода».* — Сетебос плюётся слизью, руки его делают пять шагов вперёд, и грозная тень, надвинувшись, падает на старика. — *Я научил его силе. Ты дал ему боль.*

— Когда это порождение тьмы, забывшись, принялось вести себя по-зверски, изрыгая лишь

гнусную брань, я по заслугам заточил его в скалу, где моё подобие годами составляло ублюдку единственную компанию.

— *Столетиями, лживый маг. Ты изгнал моё дитя на орбитальный метеорит, послав туда же одну из своих голограмм, чтобы кусать и мучить…*

— Терзать? О нет. Но если тухлое земноводное не подчинялось приказам, я насылал на него корчи, заставлял все кости ныть, и мерзкий так ревел от боли, что пугал зверей, попрятавшихся в логовах на орбитальном острове. Так и поступлю снова, едва лишь отловлю проклятое отродье.

— *Поздно,* — фыркает существо и пристально смотрит на старца в синих одеждах всеми парами немигающих глаз. Бесчисленные пальцы подёргиваются и колышутся в воздухе. — *Ты сам сказал, что мой достойный сын, моя утеха, выпущен из темницы на волю. Не сомневайся, я об этом знал. И даже скоро навещу его. Вдвоём, а также заодно с тысячами маленьких калибано, которых ты был так любезен создать, когда ещё жил среди постлюдей и желал добра своему обречённому миру, мы дружной семьёй возьмёмся за жалкий зелёный шарик и превратим его в гораздо более приятное место.*

— В болото, ты хотел сказать? — качает головой маг. — В гнилую топь, наполненную вонью, и гнусными тварями, и всякой нечистотой, и всякой заразой, что паром подымается с трясины глухих болот, и горечью падения Просперо.

— *Да.* — Огромный мозг начинает приплясывать на длинных руках словно под звуки неслышной собеседнику музыки или радостных криков.

— Тогда Просперо не должен пасть, — шепчет волшебник. — Никак не должен.

— *Ты сдашься, маг. Что ты такое? Лишь намёк на тень пустого призрака ноосферы, воплощение бездушного, бесцентрового пульса никчёмной информации, бессвязный лепет расы, давно уже обветшавшей и впавшей в слабоумие; кибернетически сшитый газ, выпущенный чьим-то задом на ветер. Падёшь, и не надейся. Да ещё потянешь за собой биологическую шлюху Ариэль.*

Старец поднимает посох, желая ударить чудовище, но тут же опускает и опирается на него, точно вдруг лишился последних сил.

— Она по-прежнему добрая и верная служанка Земли. Ариэль никогда не покорится ни тебе, ни гадкому исчадию ада, ни синеглазой карге.

— *Зато послужит нам своею смертью.*

— Она *и есть* Земля, негодяй, — возмущённо выдыхает Просперо. — Моя любимая обрела полное сознание от ноосферы, которая тесно вплелась в биосферу планеты. Готов ли ты уничтожить целый мир, чтобы упиться гневом и тщеславием?

— *О да.*

Розоватый мозг бросается вперёд и, схватив мага пятью руками, подносит его к двум парам серых глазок.

— *Отвечай, где Сикоракса?*

— Гниёт.

— *Цирцея мертва? Дочь и наложница Сетебоса не может погибнуть.*

— Говорю же, она гниёт.

— *Где? Как?*

— Старость и злоба согнули её в дугу, а я превратил в рыбу, которая и сейчас ещё портится с головы.

Издав отвратительный хлюпающий звук, существо отрывает старику ноги и швыряет их в море. Потом отделяет руки, которые отправляет в глубокую пасть, разверзшуюся меж извилин и складок. А под конец разрывает магу живот и всасывает его кишки, словно длинную макаронину.

— Развлекаешься? — интересуется голова Просперо, но серые обрубки-пальцы разламывают её,

как орех, и пихают в ротовое отверстие.

Серебристые щупальца на берегу начинают мерцать, параболические отростки вспыхивают, и старец будто ни в чём не бывало появляется чуть поодаль на пляже.

— Какой же ты зануда, Сетебос. Вечно голодный, вечно злой… Самому-то не наскучило?

— Я всё равно найду твоё истинное воплощение, Просперо. Можешь поверить. Хоть на Земле, хоть на орбите, хоть в морской пучине — отыщу ту органическую массу, что когда-то была тобой, медленно разжую и съем. Даже не сомневайся.

— Надоел, — отмахивается маг. Вид у него печальный и утомлённый. — Какая бы судьба ни ожидала здесь, на Марсе, моих *зеков* или твоих божков из глины, что бы ни приключилось с любезными моему сердцу людьми в Илионе, я верю в нашу скорую встречу. На этот раз — на Земле. Война между нами затянулась, настала пора положить ей конец, к лучшему или к худшему.

— Точно.

Выплюнув кровавые останки, многорукое существо разворачивается на ходячих ладонях, проворно бежит к морю и скрывается под водой, выплеснув напоследок алый фонтанчик из отверстия между верхними складками.

Просперо вздыхает, затем, подав знак войниксам, приближается к одному из маленьких зелёных человечков и обнимает его.

— Возлюбленные, как я хотел бы поговорить с вами, узнать, о чём вы думаете. Но стариковское сердце не выдержит, если сегодня умрёт ещё кто-нибудь из вашего рода. В лучшие времена я непременно вернусь, а пока, умоляю, *corragio!*[50] Мужайтесь, друзья! *Corragio!*

Войниксы выступают на первый план, отключают проектор и, как только маг растворяется в воздухе, принимаются бережно сворачивать серебряные щупальца. После чего погружают аппарат в паровую одноколку с красной обивкой и поднимаются по ступенькам в салон. Лесенка складывается в обратном порядке. Мотор громко кашляет.

Пыхтя и переваливаясь, плюясь песком, громоздкий экипаж описывает круг по берегу — *зеки* молча расступаются — и неуклюже вкатывается в Брано-Дыру, где в то же мгновение исчезает.

Проходит пара секунд. Разрыв пространственно-временного континуума съёживается, снова задёргивается межмировым покровом, перелива-

---

[50] notes: 50
мужество, смелость, храбрость, бодрость (ит.).

ющимся чистыми цветами одиннадцатимерной энергии, мерцает и пропадает из виду.

Какое-то время на берегу необычайно тихо. Лишь сонные волны с плеском накатывают на красный песок. Очнувшись от оцепенения, МЗЧ расходятся по фелюгам и баржам и вскоре поднимают паруса. *Зекам* предстоит вырубить из камня и воздвигнуть ещё множество голов.

21

Уже пришпорив коня и замахнувшись копьём Афины для гибельного удара, Пентесилея сообразила, что сделала две грубые ошибки, которые могут решить её судьбу.

Прежде всего — в это трудно поверить, но богиня не уточнила, какая из пяток мужеубийцы уязвима, а царица не догадалась поинтересоваться. Амазонке почему-то представлялось, что смертный Пелей вытащил сына-младенца из Небесного пламени за правую ногу. Однако Афина не уточняла: пятка, мол, и всё.

А ведь Пентесилее и без того было сложно придумать, как угодить герою в подобное место, пусть даже и зачарованным копьём богини. Ахиллеса нипочём не обратить в бегство, это

яснее ясного. Но амазонка заранее велела боевым подругам как можно яростнее атаковать ахейцев за спиной героя. Настоящий военачальник поневоле обернётся посмотреть, кто из его людей убит, а кто ранен. Вот тут царица и нанесёт роковой удар. Правда, чтобы стратегия сработала, Пентесилее самой придётся держаться в тени, позволив сёстрам по оружию вырваться вперёд. Ей, привыкшей повелевать и главенствовать, особенно в убийствах! И хотя амазонки знали: так нужно, иначе быстроногого не прикончить, царица покраснела до ушей, когда прочие всадницы налетели на мужчин, опередив её на целых несколько мгновений.

И тут она осознала вторую ошибку. Ветер дул вовсе не в сторону Ахиллеса. Исполнение замысла частично зависело и от чудесных духов Афродиты, но для этого мускулистому идиоту нужно было *почуять* их. Если только ветер не переменится — или царица не сократит расстояние до тех пор, пока не окажется буквально над белобрысым ахейцем, — волшебный аромат не подействует.

«Начхать, — подумала Пентесилея, глядя, как подруги мечут копья и выпускают оперённые стрелы. — Пусть Судьбы вершат свою волю, а

прочее оставим Аиду! Арес, отец! Будь со мной и защити меня сегодня!»

Она почти ожидала, что покровитель войны появится рядом, а может, и вместе с Афиной и Афродитой, ведь именно их желание царица спешила исполнить. Однако ни бог, ни богини не собирались показываться в последние секунды перед тем, как огромные скакуны налетели на стремительно воздетые пики, брошенные копья застучали по быстро поднятым щитам и неудержимые амазонки столкнулись с недвижными аргивянами.

Поначалу казалось, будто удача и боги на стороне воительниц. Кони-великаны, даже те, что угодили на острия копий, крушили ряды ахейцев. Кое-кто из греков отступил. Другие попросту пали. Амазонки кололи пиками, рубили мечами вокруг Ахиллеса направо и налево.

Любимая помощница Пентесилеи, лучшая лучница своего рода Клония, беспрерывно спускала тетиву, выбирая живые цели за спиной быстроногого. Пелиду оставалось лишь оборачиваться, когда умирал кто-нибудь из его друзей. Ахеец Менипп рухнул с длинной стрелой в горле. Его товарищ Подаркес, бесстрашный отпрыск Ификла и однокровный брат погибшего Протесилая,

в ярости рванулся вперёд, целя пикой в бедро наездницы Клонии, однако Бремуза на скаку рассекла оружие пополам и мощным ударом наотмашь разрубила руку врага у локтя.

Боевые сёстры царицы Евандра и Термодоя вылетели из сёдел — их огромные кони с грохотом повалились наземь, когда ахейские копья вонзились в сердца этих благородных животных, — но женщины тут же вскочили на ноги, спина к спине, выставив перед собою щиты, сверкающие, как серпы новолуния, и принялись отражать атаки вопящих греков.

Вторая волна увлекла Пентесилею вперёд, и та сама не заметила, как начала пробиваться сквозь ахейские щиты бок о бок с верными подругами — Алкибией, Дермахией и Дерионой, рассекая мечом перекошенные от злости бородатые лица. Пернатая стрела звонко ударила в шлем и отлетела в сторону. Глаза на миг застелил багровый туман.

«Где же Ахиллес?» В пылу битвы царица утратила чувство направления… Да вот же он, в двадцати шагах по правую руку от неё! Мужеубийцу окружали аргивские военачальники — Аяксы, Идоменей, Одиссей, Диомед, Сфенел и Тевкр. Издав оглушительный клич амазонок,

Пентесилея вонзила пятки под рёбра боевого коня и устремила его в самую гущу героев.

В ту же секунду толпа неожиданно расступилась, а сын Пелея обернулся посмотреть, как один из его людей, не то Эвхенор, не то Дулихий, рухнет, получив от Клонии длинную стрелу точно в глаз. Царица отлично видела обнажённые икры врага, стянутые ремнями наголенников, пыльные лодыжки, заскорузлые пятки.

Древко богини, казалось, гудело в руке от нетерпения. Амазонка откинулась назад и метнула его изо всей силы. Копьё угодило в цель — ударило в незащищённую правую пятку мужеубийцы и… отскочило прочь.

Ахиллес развернулся, вскинул голову. Его голубые глаза нашли Пентесилею, и рот исказила зловещая ухмылка.

Наездницы добрались до главных противников, не подозревая, что удача уже отвернулась от них. Бремуза швырнула пику в Идоменея, однако сын Девкалиона почти небрежно прикрылся круглым щитом, и древко переломилось пополам. Более длинное копьё ахейца тут же запело в воздухе — и пронзило без промаха левую грудь рыжеволосой Бремузы, выйдя наружу сквозь пролом в позвоночнике. Женщина спиной вперёд

повалилась наземь со взмыленного коня. Дюжина незнатных греков бросилась к ней — снимать богатые доспехи.

Алкибия и Деримахия закричали от ярости, потеряв сестру, и направили скакунов на Идоменея. Но тот ухватил коней под уздцы, заставив этих великанов повиноваться своей мощи. Когда же амазонки соскочили на землю, дабы сразиться в ближнем бою, Диомед, сын Тидея, широко замахнулся мечом и обезглавил обеих. Пентесилея с ужасом видела, как голова Алкибии, всё ещё хлопая ресницами, упала в пыль, прокатилась и замерла; как Одиссей оскалил зубы и поднял добычу за волосы.

Тут некий безымянный аргивянин вцепился в ногу царицы. Амазонка всадила второе копьё в грудь наглеца, пронзая тело по самые кишки. Мужчина беззвучно разинул рот и рухнул, но оружия не отпустил. Пентесилея схватила боевой топор и поскакала вперёд, уверенно держась на коне.

Дериону, ту, что ехала справа от царицы, стащил со скакуна Малый Аякс. Поверженная на землю, задыхаясь от удара, воительница потянулась к мечу, когда сын Оилея захохотал и проткнул её грудь копьём. Он поворачивал

оружие до тех пор, пока жертва не перестала корчиться.

Клония прицелилась ему в сердце, но латы отразили стрелу. И тогда побочный отпрыск Теламона, Тевкр, царь среди лучников, проворно пустил в застонавшую от злости амазонку три стрелы: первую в горло, вторую — через доспехи — в живот, а третью — в обнажённую левую грудь, да так, что снаружи остались лишь перья да три дюйма бронзы. Ближайшая подруга Пентесилеи замертво пала с окровавленного скакуна.

Евранда и Фермодоя по-прежнему бились, стоя спина к спине, хотя истекали кровью и были готовы свалиться от изнеможения. Внезапно нападавшие ахейцы отхлынули от них, и Мерион, сын Мола, приятель Идоменея и вождь критян, метнул обеими руками увесистые копья. Наконечники пробили лёгкие латы амазонок насквозь, и сёстры бездыханными рухнули в прах.

К этому времени все остальные всадницы были повержены. Пентесилея получила множество ран и порезов — правда, ни одного смертельного. Оба лезвия алебарды покрывала запёкшаяся кровь аргивян. Царица отшвырнула отяжелевшее оружие и достала из ножен короткий меч. Между ней и Ахиллом как раз открывался широ-

кий промежуток.

Словно по воле самой Афины, целёхонькое копьё, отскочившее от пяты быстроногого, вскоре оказалось под правым копытом утомлённого боевого коня. В любое другое время наездница на полном скаку наклонилась бы за божественным подарком, но сейчас она слишком устала, доспехи внезапно погрузнели, да и жестоко израненный скакун еле держался на ногах. Поэтому Пентесилея соскользнула из седла наземь и вовремя пригнулась: у шлема просвистели две оперённые стрелы Тевкра.

Выпрямившись, она уже никого не видела, кроме Ахилла. Все прочие ахейцы, напиравшие орущей толпой, превратились в расплывчатые пятна.

— А ну метни ещё разок, — промолвил мужеубийца, продолжая мрачно ухмыляться.

Пентесилея вложила в этот бросок все свои силы, без остатка, целясь в нагое мускулистое бедро под кругом прекрасного щита.

Быстроногий присел с проворством пантеры. Оружие Афины ударило в сияющую бронзу, древко раскололось.

Амазонка растерянно замерла на месте, потом потянулась за алебардой, но тут противник, не

прекращая скалиться, поднял собственное копьё, то самое легендарное творение кентавра Хирона, выкованное для его отца Пелея. Ни разу не пролетевшее мимо цели.

И он бросил копьё. Царица воздела свой щит, похожий на светлый месяц. Вражеское копьё прошло сквозь него как по маслу, пробило доспехи, правую грудь амазонки, спину, пригвоздило её к огромному коню, стоявшему сзади, и наконец вонзилось животному в сердце.

Царица и боевой скакун точно пришпиленные вместе упали в пыль. Ноги женщины высоко задрались при падении. Тяжёлое копьё закачалось над жертвами, будто маятник. Быстроногий приближался с мечом в руках. Пентесилея пыталась разглядеть противника, но взор затуманился, и бессильные пальцы разжались, выронив боевой топор.

— Вот дерьмо, — прошептал Хокенберри.

— Аминь, — отозвался Манмут.

Друзья стояли неподалёку, наблюдая за сценой со стороны, а теперь подходили ближе к Ахиллу, застывшему со сложенными на груди руками над телом поверженной амазонки.

— «*Tum saeva Amazon ultimus cecidit metus*», — пробормотал себе под нос бывший схолиаст. —

«Погибла амазонка, наш последний страх».[51]

— Опять Вергилий? — осведомился маленький моравек.

— Нет, это Пирр из трагедии Сенеки «Троянки».

И тут случилось нечто странное.

Ахейцы уже подтягивались к предводителю, собираясь отобрать у живой или покойной царицы её блестящие латы, когда ноздри героя усиленно задвигались, точно вбирая запах пролитой крови, конского пота и смерти. Внезапно быстроногий мужеубийца воздел огромные ладони к лицу и залился слезами.

Большой Аякс, Диомед, Одиссей и прочие полководцы, которым не терпелось рассмотреть убитую, замерли в недоумении. Багроволицый Терсит и кое-кто из вояк помельче не стали обращать внимания на рыдающего полубога: их интересовала только добыча. С откинутой головы Пентесилеи сорвали шлем, и локоны царицы рассыпались золотой волной.

Ахилл запрокинул голову и громко застонал, как тем ужасным утром, когда Хокенберри, принявший вид Афины, притворился, будто убил

---

[51] notes: 51
Перев. С. Ошерова.

Патрокла и похитил тело. Военачальники отступили ещё на шаг от женщины и её коня.

Орудуя ножом, Терсит избавился от ремней нагрудной пластины и пояса. В алчной спешке завладеть незаслуженным трофеем обиратель мёртвых не замечал, как лезвие вонзается в нежную плоть державной амазонки. Царица осталась почти нагой. Разве что болтающийся наголенник, серебряный пояс да одна сандалия прикрывали порезанное, избитое, но чудесным образом по-прежнему совершенное тело. Длинное копьё Пелея всё ещё скрепляло женщину с трупом коня, однако быстроногий не спешил вернуть своё оружие.

— Отойдите, — промолвил Ахилл, и большинство людей мгновенно повиновались.

Уродец Терсит, захвативший шлем и латы Пентесилеи, расхохотался, не оборачиваясь.

— И что ж ты за дурень, сын Пелея! — прокаркал он, расстёгивая пояс умершей. — Это же надо — стоять и рыдать над останками павшей сучки, сокрушаясь о её красоте! Поздно, теперь она пойдёт на корм червям, и толку-то…

— Прочь, — повторил быстроногий невыразительным — и оттого более жутким — тоном. По запылённому лицу героя продолжали бежать

слёзы.

При виде «бабьей слабости» грозного мужеубийцы Терсит обнаглел и, пропустив повеление мимо ушей, рванул бесценный ремень на себя; бёдра Пентесилеи слегка приподнялись, и мародёр бесстыже задёргал своими ляжками, как если бы совокуплялся с красавицей.

Пелид сделал шаг вперёд и выбросил тяжёлый кулак. Удар пришёлся по скуле и челюсти. Жёлтые зубы мерзавца все до единого брызнули вон, и Терсит, перелетев через тела коня и Пентесилеи, рухнул в пыль. Кровь хлынула у него и носом, и ртом.

— Ни могилы тебе, наглец, ни погребения, — произнёс Ахиллес. — Как-то раз ты скалил зубы над Одиссеем, и сын Лаэрта простил обиду. Теперь надумал издеваться надо мной, и я тебя прикончил. Сын Пелея не потерпит насмешек и никогда не оставит насмешника безнаказанным. Давай же катись в Аид и дразни там бесплотные тени своими жалкими остротами.

Терсит закашлялся кровью, захлебнулся блевотиной и без промедления испустил дух.

Герой осторожно, чуть ли не с нежностью, потянул на себя копьё — вначале из праха, потом из конского трупа, затем уже из тихо содрогающейся

груди красавицы. Ахейцы отступили ещё дальше, недоумевая, почему это вдруг мужеубийца стенает и плачет.

— «*Aurea cui postquam nudavit cassida frontem, vicit victorem candida forma virum*», — снова пробормотал Хокенберри. — «Но когда шлем золотой с чела её пал, победитель был без сраженья сражён светлой её красотой»[52]… — Он посмотрел на Манмута. — Проперций, книга третья, одиннадцатая поэма «Элегий».

Моравек потянул схолиаста за руку.

— Слушай, кое-кому придётся сложить элегию про нас двоих, если не унесём отсюда ноги. Причём *сейчас же*.

— Почему? — Хокенберри огляделся и заморгал.

Оказалось, вокруг началось великое отступление. Под вой сирен потоки людей на колесницах и пешим ходом текли в сторону Браны; солдаты-роквеки сновали между ними, подгоняя отступающих громкими голосами. Однако вовсе не тревожные выкрики выходцев из иного мира заставляли кратковечных ускорять шаг. Олимп извергался.

---

[52] notes: 52
Перев. Л. Остроумова.

Земля… ну, то есть марсианская земля… тряслась и содрогалась. Воздух наполняло серное зловоние. Далеко за спинами удаляющихся троянцев и аргивян грозный пик мрачно багровел под *эгидой*, выбрасывая к небу столпы огня высотою во многие мили. На верхних склонах величайшего в Солнечной системе вулкана уже показались алые реки раскалённой лавы. Атмосфера сгустилась и потемнела от красной пыли, а также от гадкого запаха страха.

— Что здесь творится? — спросил Хокенберри.

— Боги вызвали нечто вроде извержения. Да, и ещё Брано-Дыра закроется с минуты на минуту, — пояснил моравек, отводя схолиаста прочь от коленопреклонённого Ахиллеса, проливающего слёзы над павшей царицей.

Обобрав остальных амазонок, участники недавнего сражения, кроме самых главных героев, стремились догнать товарищей.

— *Вам надо немедленно выбираться оттуда,* — передал Орфу по личному лучу.

— *Да, мы уже заметили извержение …* — откликнулся маленький европеец.

— *Это мелочи,* — перебил товарищ. — *По нашим данным, пространство Калаби-Яу сворачивается обратно в состояние чёрной дыры и*

червоточины. Струнные реакции неустойчивы. Олимп может и не успеть разнести на куски эту часть планеты. У вас не больше нескольких минут, и Дырка исчезнет. Так что скорее тащи Хокенберри и Одиссея на корабль.

— *Одиссей?* — спохватился Манмут. Хитроумный ахеец беседовал с Диомедом примерно в тридцати шагах от них. — *Хокенберри не успел поговорить с ним, не то что убедить героя лететь с нами. Скажи, Лаэртид нам действительно нужен?*

— *Анализ первичных интеграторов подсказывает, что да,* — подтвердил иониец. — *Кстати, мы наблюдали за битвой через твои видеоканалы. Чертовски занятное зрелище.*

— *А для чего нам Одиссей?* — не сдавался европеец.

Земля гудела и колебалась. Безмятежное северное море утратило своё обычное спокойствие. У прибрежных скал бушевали исполинские буруны.

— *Откуда мне знать?* — хмыкнул Орфу. — *Я тебе что, первичный интегратор?*

— *Может, есть предложения, как нам сейчас поступить?* — передал Манмут. — *Судя по всему, ещё минута — и сын Лаэрта вместе с прочими*

военачальниками, исключая Ахилла, вскочит на колесницы и уберётся восвояси подобру-поздорову. Весь этот шум и вонь от вулкана сводят коней с ума… Да и людей тоже. Никто не подскажет, как привлечь внимание Одиссея в подобных обстоятельствах?

— *Придумай что-нибудь,* — посоветовал иониец. — *Разве капитаны европейских подлодок не славятся умением взять на себя инициативу?*

Манмут покачал головой и направился к центурион-лидеру Мепу Эхуу. Роквек при помощи громкоговорителя убеждал отступающих отступать ещё быстрее. Впрочем, даже его усиленный голос тонул в рокоте Олимпа, топоте подков и обутых в сандалии ног.

— *Центурион-лидер?* — обратился маленький моравек напрямую по одному из тактических каналов связи.

Двухметровый воин развернулся и замер по стойке «смирно».

— *Да, сэр.*

С формальной точки зрения, Манмут не имел командирского звания, однако на деле роквеки видели в нём и Орфу как бы преемников легендарного Астига-Че.

— *Отправляйтесь к моему летательному*

аппарату и ждите дальнейших указаний.

— *Есть, сэр.*

Передав громкоговоритель и свои полномочия одному из коллег, Меп Эхуу трусцой побежал на место.

— Надо заманить Одиссея к шершню, — прокричал моравек товарищу. — Поможешь?

Хокенберри, переводивший испуганный взор с недоступной, содрогающейся вершины Олимпа на мерцающую Дыру и обратно, рассеянно взглянул на европейца, потом кивнул и пошагал вместе с ним к ахейским полководцам.

Бодро миновав Аяксов, Идоменея, Тевкра и Диомеда, друзья подошли к Лаэртиду, который молча, нахмурив брови, смотрел на Ахилла. Хитроумный тактик казался погружённым в раздумья.

— Просто отзови его к шершню, — тихо повторил Манмут.

— Сын Лаэрта, — позвал схолиаст.

Мужчина вскинул голову, повернулся.

— В чём дело, сын Дуэйна?

— Сэр, мы получили весточку от твоей жены.

— Как? — Одиссей помрачнел и потянулся к рукояти меча. — О чём ты толкуешь?

— Я толкую о твоей супруге Пенелопе, матери Телемаха. Она поручила нам передать тебе

сообщение, доставленное при помощи магии моравеков.

— Плевать я хотел на магию моравеков! — рявкнул герой, взирая на маленького европейца сверху вниз. — Убирайся, Хокенберри, и забери с собой это мелкое железное отродье, пока я не раскроил вас обоих от мошонки до подбородка. Почему-то… Не знаю почему, но я нутром чую… Это вы навлекли на нас последние бедствия. Ты и проклятые моравеки.

— Пенелопа просила вспомнить вашу супружескую кровать, сэр, — принялся импровизировать сын Дуэйна, уповая на то, что правильно помнит перевод Фицджеральда.

Обычно Хокенберри предпочитал работать по «Илиаде», оставляя профессору Смиту преподавать студентам «Одиссею».

— Кровать? — насупился многоумный, выступая из толпы военачальников. — Что ты несёшь?

— Она сказала, будто бы описание вашего ложа поможет тебе поверить, что весточка действительно от неё.

Ахеец вытащил клинок и опустил отточенное лезвие на плечо схолиасту.

— Если это шутка, то не смешная. Давай рассказывай. За каждую ошибку буду отрубать по

одному члену.

Хокенберри с трудом подавил желание убежать или обмочиться на месте.

— По её собственным словам, рама обложена золотом, серебром и слоновой костью, обтянута бычьими ремнями, окрашенными в яркий пурпур, на которых лежат мягкие руна и пышные покрывала.

— Пфе! — скривился Лаэртид. — У каждого знатного человека такая постель. Проваливай, пока цел.

Между тем Диомед и Большой Аякс осмелились приблизиться к Ахиллесу, по-прежнему не встающему с колен рядом с павшей царицей амазонок, дабы поторопить его с уходом. Вулкан ревел так сильно, что людям приходилось орать друг другу в уши.

— Одиссей! — воскликнул Хокенберри. — Это важно! Пойдём со мной, и ты услышишь весть от прекрасной Пенелопы.

Коренастый бородач оглянулся, не опуская меча, и зловеще сверкнул очами.

— Скажи, куда я переставил кровать, когда привёл жену в супружескую спальню, и я, так и быть, оставлю тебе *обе* руки.

— Её нельзя переставить. — Учёный возвы-

сил голос, превозмогая сумасшедшее биение сердца. — Пенелопа сказала, у ложа есть особый признак. Дескать, когда ты строил дворец, то не стал корчевать огромную, прямую, словно колонна, оливу, которая пышно росла в ограде, а окружил дерево каменной стеною и принялся возводить вашу спальню. Потом ты срубил вершину, вытесал брус на оставшемся пне, оструга его медью точно, по шнуру проверяя всё, и сделал подножье кровати. Вот что велела передать твоя жена, дабы ты поверил нашим словам.

Целую минуту Одиссей молча смотрел на чужака. Потом вложил меч в ножны и произнёс:

— Выкладывай, сын Дуэйна. Да побыстрее. — Он покосился на провисшее небо и грохочущий Олимп.

Внезапно три десятка шершней и военно-транспортных кораблей рассерженным роем пролетели через Дыру, спасая моравеков и их боевую технику. На марсианскую почву посыпались звуковые удары, вынудив бегущих людей пригнуться в страхе и закрыть руками головы.

— Отойдём-ка к небесной машине, сын Лаэрта. Эта новость не для чужих ушей.

Мужчины пошагали сквозь суетливый, кричащий поток отступающих — туда, где чёрный

шершень пристроился в ожидании, выбросив насекомоподобные шасси.

— Ну же, не тяни! — Крепкая длань героя до боли сжала плечо собеседника.

Тем временем европеец связался с Мепом Эхуу по личному лучу.

— У вас есть тазер?

— Да, сэр.

— Отключите Одиссея и погрузите его в машину. Поручаю вам управление. Мы сейчас же улетаем на Фобос.

Роквек небрежно коснулся плеча Лаэртида. Сверкнула искра, и бородач повалился прямо в шипастые, зазубренные руки солдата. Меп Эхуу оттащил потерявшего сознание мужчину на борт, запрыгнул следом и включил сопла.

Манмут огляделся — похоже, ахейцы не заметили, как у них на глазах среди бела дня похищают знаменитого героя, — и вскочил в открытую дверь.

— Давай сюда, Хокенберри. Ещё секунда-другая, и Дырка захлопнется. Любой, кто застрянет на этой стороне, останется на Марсе навечно. — Он кивнул на вулкан. — Правда, если эта штука рванёт, здешняя вечность займёт считанные минуты.

— Я не с вами, — произнёс мужчина.

— Не глупи, Хокенберри! — прокричал маленький моравек. — Смотри, всё ахейское начальство — Диомед, Идоменей, Тевкр, Аяксы — мчится к Бране как угорелое.

— Только не Ахиллес, — ответил учёный, приложив руки ко рту для громкости.

С неба огненным градом сыпались искры, барабаня по крыше летательного аппарата.

— Ахиллес потерял рассудок, — проорал Манмут. А про себя прикинул: — *Может, и этого шарахнуть тазером для верности?*

Словно прочитав его мысли, Орфу вышел на связь по личному лучу. Европеец забыл, что по-прежнему передаёт изображение и звук в режиме реального времени как на Фобос, так и на «Королеву Мэб».

— *Не надо его отключать*, — предупредил гигантский краб. — *Мы у профессора в долгу. Пусть сам решает.*

— *Да пока он будет раздумывать, десять раз умрёт!*

— *Хокенберри уже знаком со смертью,* — напомнил иониец. — *Может, он по ней соскучился.*

Манмут попытался ещё раз:

— Ну давай, дружище, запрыгивай! Ты нам

очень нужен, Томас.

Схолиаст удивлённо заморгал, услышав своё имя. Потом покачал головой.

— Разве ты не хочешь опять увидеть свою Землю? — закричал моравек.

Почву сводили судороги марсотрясения, и шершень трепетал на чёрных шипастых лапах. Вокруг явно сжавшейся Брано-Дырки клубились тучи пепла и серы. Неожиданно Манмут понял: задержи он друга ещё хоть на одну минуту — и тому не останется иного выбора, кроме как полететь с ними.

Но человек отступил назад и указал рукой на остаток отступающих аргивян, на павших амазонок и конские трупы, на далёкие стены Илиона и сражающиеся армии, уже еле видные через подёрнувшуюся рябью Дыру.

— Я заварил всю эту кашу, — горько сказал он. — По крайней мере помог заварить. Останусь и буду расхлёбывать вместе со всеми.

Маленький европеец тоже ткнул манипулятором в сторону Браны, за которой бушевала кровопролитная война.

— Троя обречена, Хокенберри. Силовых щитов и воздушного заслона больше нет, убраны даже антиквит-поля.

Мужчина улыбнулся, прикрывая лицо от падающих углей и пепла.

— «Et quae vagos vincina prospiciens Scythas ripam catervis Ponticam viduis ferit escisa ferro est, Pergannum incubuit sibi», — продекламировал он в ответ.

— *Ненавижу латынь!* — возмутился про себя Манмут. — *И схолиастов — тоже…* — А вслух прокричал: — Опять Вергилий?

— Сенека! — откликнулся учёный. — «И те, что с кочевыми рядом скифами над Понтом скачут толпами безмужними. Мечами разорённый, наземь пал Пергам…»[53] Ну, ты понимаешь, Илион, Троя…

— Забрасывай свою задницу на борт, Хокенберри! — гаркнул моравек.

— Удачи, Манмут. — Человек отступил ещё дальше. — Передай привет Земле и Орфу, мне будет недоставать их обоих.

Он развернулся и неспешной трусцой пробежал мимо Ахилла, скорбящего над мёртвой амазонкой и покинутого живыми товарищами, после чего, как только шершень сорвался и, лавируя, улетел в далёкий космос, припустил со всех ног.

---

[53] notes: 53
Перев. С. Ошерова.

Брана таяла на глазах.

Часть 2
22

Веками в Ардис-холле царил субтропический зной, и вот настала зима. Снег ещё не выпал, но уже обнажились окрестные леса, и только самые упрямые листья продолжали держаться черенками за ветки. Теперь даже после запоздалого рассвета в тени огромного особняка целый час не таял иней. Каждое утро Ада смотрела, как солнечные лучи понемногу стирали со склонов западной лужайки сверкающую белую краску, лишь перед самым домом оставляя узенькие искристые полосы. По рассказам пришельцев, тихую гладь речушек, пересекавших дорогу к факс-узлу, как и сам узел, расположенный в миле с четвертью от Ардис-холла, затягивала хрупкая корка льда.

Нынешний день был одним из самых коротких в году; вечер подкрался рано, пришла пора хозяйке зажигать бесчисленные свечи и керосиновые лампы. Невзирая на пятый месяц беременности, движения молодой женщины дышали завидным изяществом. Старинный особняк, возведённый

восемь столетий назад, ещё до Финального факса, до сих пор сохранял дух радушного уюта. Две дюжины растопленных каминов, пламя которых веками развлекало и радовало взоры гостей, сегодня по-настоящему обогревали большую часть из шестидесяти восьми комнат. Для остальных же Харман, отыскав в «проглоченных» книгах нужные чертежи, соорудил особые печи, окрещённые почему-то «франклиновскими».[54] Они так жарили, что, поднимаясь по лестнице, разморённая Ада почти клевала носом.

На третьем этаже она помедлила у большого окна в конце коридора. В угасающих зимних сумерках за гравитационно-искажёнными стёклами перед нею, застилая вид, но успокаивая сердце, возвышалась тёмно-сизая стена частокола, уходящего вниз по южному склону. Пожалуй, впервые за тысячи лет земные леса вновь начали падать под ударами людей-дровосеков, подумалось молодой женщине. Частокол окружал Ардис-холл по всему периметру, местами подступая к дому на тридцать ярдов, а кое-где удаляясь

---

[54] notes: 54

Бенжамин Франклин проводил эксперименты с электричеством и изобрёл громоотвод; кроме того, ему принадлежат самые разные изобретения — от музыкальных инструментов до бифокальных очков и высокоэкономичной «франклиновской печи» (прообраза российской «буржуйки»).

от него на добрую сотню. По углам вздымались дозорные башни, тоже из дерева, и ещё больше лесных великанов было повалено ради того, чтобы превратить летние навесы в дома и бараки для новых пришельцев, искавших убежища в Ардис-холле.

«Где же Харман?»

Ада часами гнала от себя назойливую тревогу, находила дюжины различных занятий, чтобы отвлечься, и вот осталась наедине со своим беспокойством. её любовник — сам он предпочитал устаревшее прозвание «супруг» — ушёл ни свет ни заря вместе с Ханной, Петиром и Одиссеем, который отныне величал себя Никем. Друзья запрягли в дрожки быка и отправились прочёсывать луга и чащи за десять миль и далее от реки — искать разбежавшийся скот, а также охотиться на оленей.

«Почему их до сих пор нет? Харман обещал вернуться дотемна».

Спустившись на первый этаж, Ада решила заглянуть на просторную кухню. Когда-то здесь бывали разве что сервиторы, да время от времени войниксы приносили оленей, которых забивали в охотничьих угодьях. Теперь тут кипела жизнь. Эмма и Реман составляли меню (в одном только

Ардисе ужинали сразу полсотни человек), под их началом работала целая дюжина помощников и помощниц: выпекали хлеб, готовили салаты, жарили мясо на вертеле в огромном старом очаге. Вокруг бурлила творческая суматоха. Ещё немного — и на длинном накрытом столе появится горячая пища.

Эмма встретилась глазами с вошедшей.

— Вернулись уже?..

— Нет ещё. — Хозяйка особняка улыбнулась, напустив на себя беззаботный вид.

— Скоро вернутся, — сказала подруга, похлопав её по руке.

Ада не впервые мысленно подивилась, почему это люди считают себя вправе сколько угодно похлопывать и гладить беременных. Нет, она не злилась, потому что любила Эмму, и всё-таки…

— Куда они денутся, — пожала плечами будущая мать. — Лишь бы раздобыли нам побольше оленины да пригнали обратно хоть четырёх бычков. А лучше — пару коров и пару быков.

— Молоко нам не помешает, — согласилась Эмма и, снова пошлёпав подругу по руке, возвратилась к очагу заниматься своими обязанностями.

Ада незаметно ускользнула наружу. От холода у неё на миг перехватило дыхание; молодая

женщина укутала шею и плечи тёплой шалью, которую носила с собой. После жаркой кухни ледяной воздух покалывал щёки точно иголками. Ада постояла на пороге, давая глазам обвыкнуться с вечерним полумраком.

«А катись оно всё…»

Подняв левую руку, она в пятый раз за последние два часа попыталась вызвать дальнюю сеть, вообразив зелёный треугольник внутри жёлтого круга. Над ладонью послушно возник синий овал, но голографические картинки по-прежнему смотрелись нерезко и были до неузнаваемости испещрены помехами. Харман как-то предположил, что эти временные трудности в работе дальней, общей сети и даже простой поисковой функции не имели связи с человеческими телами («Наноаппараты у нас по-прежнему в крови», — пояснил он со смехом), зато загадочным образом зависели от спутников и передатчиков-астероидов полярного либо экваториального кольца, возможно даже, от ежевечерних метеоритных дождей. Ада подняла глаза на вечереющее небо. Над головой вращались пересечённые крест-накрест полосы света, составленные из тысяч мерцающих тел. Почти двадцать семь лет их вид обнадёживал молодую женщину: как же, ведь

именно там находился гостеприимный лазарет, где каждые два десятка лет обновлялись человеческие тела, оттуда же «посты» наблюдали за людьми, которым суждено было вознестись к небесам, прожив на Земле Пятую-и-Последнюю Двадцатку. Но теперь, после странствий Хармана и Даэмана, обитатели Ардис-холла знали, что кольца совершенно безлюдны и грозят бедой. Последняя Двадцатка оказалась ложью многих столетий. На самом деле Финальный факс поставлял свежую человечину некоему каннибалу по имени Калибан.

Падающие звёзды — вернее, обломки орбитальных объектов, разрушенных восемь месяцев назад не без помощи кузена и возлюбленного Ады, — чертили небосвод с запада на восток, но это был уже слабенький метеоритный дождик по сравнению с ужасающей бомбардировкой первых недель после Великого Падения. Женщина задумалась о значении этого слова, прочно вошедшего в обиход за несколько месяцев. Что же оно означало? Только ли то, что с неба сыпались осколки орбитального астероида, взорванного по воле Просперо при участии Хармана и Даэмана, или отключились безотказные прежде сервиторы, или вырубилась электрическая сеть, или

перестали нести верную службу войниксы, бежавшие из-под человеческой власти в ту самую ночь… В ночь Падения? Пожалуй, тогда рухнуло всё — не просто небо, а целый мир, каким его знали современники Ады и многие поколения людей старого образца из прошлых четырнадцати циклов по пять Двадцаток.

К горлу снова подступила тошнота, заставляя припомнить первые три месяца беременности. Однако «положение» было вовсе ни при чём: женщину мутило от беспокойства. Голова трещала от напряжения. «Отменить», — приказала Ада, и окно дальней сети погасло. Она попробовала общую сеть. Бесполезно. Может, обыкновенная поисковая функция?.. Но нет, четвёрка слишком удалилась, чтобы хоть кто-нибудь подал красный, зелёный или янтарный сигнал. Женщина отменила все функции разом.

Любопытно, что их возвращение вызвало у неё настоящую жажду по чтению. Кстати, в окнах библиотеки по-прежнему горел свет и покачивались головы «глотающих». Аде хотелось оказаться там со своими друзьями, скользить ладонями по корешкам новых томов, смотреть, как золотые буквы текут по рукам прямо к сердцу и разуму. Правда, за этот короткий зимний день

она успела «проглотить» пятнадцать увесистых томов, и от одной лишь мысли о продолжении дурнота резко усилилась.

«А ведь беременность очень похожа на чтение — по крайней мере на „глотание“ книг, — подумала будущая мать и, весьма довольная сравнением, принялась его развивать: — Оно тоже наполняет переживаниями и реакциями, к которым человек не готов. Чувствуешь себя слишком наполненной, уже не совсем собой, и начинаешь двигаться к некой определённой минуте, которая переменит твою жизнь навсегда».

Интересно, *что* сказал бы по этому поводу Харман, беспощадный критик собственных метафор и аналогий? В животе опять замутило: нахлынули прежние тревоги. «Да где же они? А главное, *он?* Невредим ли мой любимый?»

С громко бьющимся сердцем Ада зашагала туда, где мерцал открытый очаг в обрамлении деревянных подмостков — литейная площадка Ханны. Теперь здесь круглосуточно производили оружие из бронзы, железа и других металлов.

— Добрый вечер, Ада Ухр! — воскликнул один из молодых людей, которые поддерживали огонь, высокий и стройный Лоэс. После стольких лет знакомства он до сих пор предпочитал офици-

ально-почтительное обращение.

— Добрый вечер, Лоэс Ухр. Ничего не слышно с башен?

— Боюсь, ничего, — откликнулся парень, отступая от круглого отверстия в куполе.

«Когда он успел сбрить бороду?» — рассеянно подумала молодая женщина, глядя на раскрасневшееся, потное лицо товарища. Лоэс работал, обнажившись по пояс, и это ближе к ночи, от которой все ожидали снега!

— Разве сегодня будет литьё? — спросила Ада.

Обычно Ханна предупреждала о подобных вещах: всё-таки ночью здесь было на что полюбоваться. А впрочем, хозяйке Ардис-холла и без того хватало забот.

— К утру, Ада Ухр. Уверен, что Харман Ухр и остальные скоро вернутся. При свете колец и звёзд легко найти дорогу.

— Да, конечно, — кивнула женщина. — Кстати, — вдруг припомнила она, — ты не видел моего кузена?

Лоэс изогнул бровь, негромко посовещался с товарищем, который уже спускался за топливом, и крикнул:

— Даэман Ухр отправился в Парижский Кратер, ты разве забыла? Хочет забрать оттуда свою

мать.

— А, ну да, разумеется. — Хозяйка особняка прикусила губу, однако не удержалась от вопроса: — Ушёл-то он засветло? Очень надеюсь, что так.

В последнее время войниксы всё чаще нападали на людей по дороге к факс-узлу.

— Само собой, Ада Ухр. До заката оставалась уйма времени. К тому же он захватил один из новых арбалетов и не думал возвращаться с матерью раньше завтрашнего утра.

— Вот и хорошо, — ответила женщина, глядя на северный частокол, за которым начинался лес. Здесь, на открытом склоне холма, ещё хватало вечернего света, однако на западе клубились чёрные тучи, и Ада представила себе непроглядную темень в чаще. — Увидимся за ужином, Лоэс Ухр.

— Доброго вечера, Ада Ухр.

Налетел холодный ветер, и она прикрыла голову шалью. Ноги сами несли хозяйку Ардис-холла к северным воротам и дозорной башне. Впрочем, разве беспокойство — это повод, чтобы отвлекать сторожей расспросами от их обязанностей? Кроме того, сегодня женщина уже провела там целый час, озирая северные окрестности, почти упиваясь сладким ожиданием. Тогда тревога ещё не закралась в душу, не вызывала дурноту. Ада

бесцельно побрела по восточной подъездной дороге, кивая на ходу охранникам, которые стояли, опираясь на копья, в неверном свете газовых факелов.

Вернуться в особняк? Но там слишком много тепла, веселья и разговоров. Прямо на пороге юная Пеаен серьёзно толковала со своим поклонником — юношей, который перебрался в Ардис-холл после Падения и был учеником Одиссея, пока тот не принял решения умолкнуть, став попросту Никем. Будущей матери не хотелось даже здороваться, и она повернула в сумрак заднего двора.

«Что, если Харман умрёт? Если он уже погиб где-то там, в холодной темноте?»

Наконец-то страх обрёл форму слов, и на сердце немного полегчало. Немая идея смерти похожа на отравленный газ, слова кристаллизуют из неё что-то вроде мерзкого куба, который можно крутить в руках, разглядывая ужасные грани одну за другой.

«Так как же?»

Трезвый рассудок подсказывал: Ада перенесёт и это горе. Продолжит жить, родит ребёнка, вероятно, полюбит опять…

Тошнота накатила с новой силой. Хозяйка

Ардис-холла опустилась на стылую каменную скамейку. Вдали полыхали огни литейной площадки. За ней темнели закрытые северные ворота.

Ада не ведала настоящей любви до Хармана. Даже мечтая увлечься, даже будучи юной девушкой, она понимала разницу между лёгкими заигрываниями и подлинным чувством. И это в безмятежном мире до Великого Падения, который не предлагал человеку ничего, кроме лёгкого флирта — с другими, с жизнью, с самим собой.

Разве знала она тогда, какое наслаждение — спать с любимым человеком? Кстати, эвфемизмы здесь ни при чём — женщина и в самом деле имела в виду блаженный *сон* бок о бок, возможность увидеть милого рядом, случайно пробудившись ночью. Ощущать тепло его руки, погружаясь в дрёму и просыпаясь рано утром. Изучить наизусть, как желанный мужчина посапывает носом, как трогает её и как он пахнет — природой, ветром, кожаной сбруей, овчарней и щедрой землёй осеннего леса.

Тело молодой женщины хранило воспоминания о каждом его прикосновении — не только подробности частых постельных утех, но и простые радости жизни: вот Харман, проходя мимо,

как бы невзначай поглаживает её по спине, плечу или руке… Аде будет недоставать его особенного взгляда — почти так же, как и телесной близости. По правде сказать, она привыкла чувствовать его постоянную заботу, даже мысли о ней казались осязаемыми. Женщина прикрыла глаза и вообразила, как широкая, шершавая, вечно горячая ладонь возлюбленного сжимает её тонкие, бледные пальцы. Вот этого тепла ей тоже всегда будет не хватать. А главное — самой его сути, в которой и воплощалось их будущее. Не судьба, не рок, но именно будущее, ибо з*автра* означало видеть Хармана, смеяться шуткам Хармана, есть вместе с Харманом, говорить с ним о ещё не рождённом ребёнке и даже спорить. Ада привыкла думать, что каждый новый день — это не просто возможность дышать, а дарованное свыше дозволение разделить с любимым человеком всё, что бы ни принесла им жизнь.

Лучи вращающихся в небесах колец и припустившего метеоритного дождя, яркие всполохи от литейной площадки бросали на тронутую инеем траву подвижные тени от молодой женщины, которая сидела на холодной скамейке и раздумывала о том, что намного проще примириться со своей кратковечностью, чем с мыслью о смерти

кого-то из близких. Не то чтобы для неё это стало большим откровением: Ада и прежде воображала подобные вещи, а воображением она обладала *отменным*. её поразили скорее неподдельность и полнота собственных страстей. Ощущение новой жизни внутри, горячая любовь и страх потери — всё это настолько превосходило её силы и разумение, что женщина изумлялась своей способности представить такие чувства.

Ада, конечно же, ожидала получить удовольствие от близости с Харманом. Но разве могла она предположить, что, познавая друг друга, влюблённые вдруг ощутят себя единой плотью, и не будет уже ни женщины, ни мужчины, а нечто неведомое, непостижимое? Об этом хозяйка Ардис-холла не говорила ни с кем, даже с «супругом» (хотя догадывалась: он разделял её открытие). Неужели человечеству требовалось пережить Падение, чтобы высвободить в себе столь мощные тайные силы?

Если подумать, последние восемь месяцев должны были стать временем скорби и тяжких испытаний. Верные сервиторы превратились в бесполезную груду металла; мир безмятежных вечеринок навсегда канул в Лету; привычная с детства жизнь рухнула на глазах; мать, испугав-

шись новых опасностей, отказалась вернуться в Ардис и погибла вместе с двумя тысячами приятелей — осенью, в поместье Ломана у восточного побережья, их до единого перебили войниксы; кузина и подруга Ады Виржиния загадочно исчезла из владений в Чоме, что располагался за Северным полярным кругом; впервые за многие века людям пришлось беспокоиться о тёплом крове, о пропитании, о своей безопасности; небесный лазарет был разрушен, неизбежное восхождение на кольца после Пятой Двадцатки оказалось вероломной и злонамеренной сказкой, человеческий род очнулся и понял, что смерть окончательна и к тому же готова настигнуть жертву в любую минуту, что даже мифическое столетие никому больше не даётся по праву рождения; всё это не могло не ужасать, не угнетать женщину двадцати семи лет от роду.

А она упивалась неожиданным счастьем. Испытания рождали в сердце необъяснимую радость — радость открыть в себе источник мужества, зависеть от кого-то, полагаться на товарищей, радость принимать и дарить такую любовь, какую нельзя было и представить в мире вечных праздников, роскоши за счёт безотказных сервиторов, мире факсов, где пары бездумно сходились и рас-

ставались чуть не каждый день. Ада, естественно, страдала, когда её милый уходил на охоту, или возглавлял атаку на войниксов, или же улетал в соньере к Золотым Воротам то на Мачу-Пикчу, то в какие-нибудь ещё древние места, или отправлялся учителем в очередной из трёх с лишним сотен факс-узлов, где по-прежнему теплилась жизнь (со дня Великого Падения человечество уменьшилось наполовину, да и пресловутый миллион — ровно столько людей, по словам «постов», обитало всегда на планете — оказался ещё одной ложью), но как только Харман возвращался, чаша безумного счастья перевешивала чашу боли. Что уж говорить о тех промозглых, полных опасностей и сомнений днях, которые любимый проводил в Ардис-холле вместе с женой!

Рассудок твердил: разумеется, она перенесёт его смерть, выживет, будет бороться дальше, родит и воспитает ребёнка, возможно, снова отдаст кому-то сердце, но в этот вечер Ада поняла, что вместе с близким мужчиной навсегда утратит обжигающую, окрыляющую радость последних восьми месяцев.

«Ну всё, довольно глупостей», — упрекнула себя молодая женщина, встала со скамейки, поправила шаль и повернула к дому, когда на сторожевой

башне ударили в колокол и от северных ворот донёсся голос дозорного:

— Три человека со стороны леса!

На литейной площадке все побросали работу и, подхватив свои копья, луки, арбалеты, устремились к ограде. С западной и восточной сторон уже бежали караульные, поднимались на лестницы и парапеты.

«Только трое». Ада окаменела. Утром ушли четверо. С ними были модифицированные дрожки, запряжённые быком. Друзья бы не оставили повозку и скотину в лесу, не случись нечто ужасное. Пусть даже кто-нибудь ранен, сломал ногу или вывихнул себе лодыжку, его привезли бы на дрожках.

— С севера приближаются три человека! — опять провозгласил дозорный. — Они несут тело! Открыть ворота!

Женщина уронила шаль и помчалась к ограде изо всех сил.

23

За несколько часов до нападения у Хармана появилось недоброе предчувствие.

Прежде всего в этой вылазке не было особой

нужды. Одиссей — вернее, Никто, напомнил себе мужчина, для которого коренастый силач с курчавой седеющей бородой так и остался Одиссеем, — решил добыть свежего мяса, выследить хотя бы часть пропавшего скота и провести разведку на северных возвышенностях. Петир предлагал не мудрить и полететь на соньере, но древний грек не согласился, указав на то, что даже в оголившихся лесах тяжело разглядеть с высоты корову или оленя. А кроме того, ему, видите ли, хотелось поохотиться.

— Ну да, и войниксам тоже, — вставил Харман. — Они наглеют с каждой неделей.

Одиссей (Никто) только плечами пожал.

Возлюбленный Ады отправился в эту маленькую экспедицию, твёрдо зная, что её участникам и без того было бы чем заняться. Ханне, к примеру, поутру предстояло управлять ранним литьём, её отсутствие могло смешать распорядок грядущего дня. Петир составлял списки книг, доставленных в библиотеку за последние полмесяца, особо помечая те, которые следовало «проглотить» в первую очередь. Да и сам Никто сулил наконец-то взять соньер и в одиночку полететь на поиски заброшенной станции роботов где-то на побережье водоёма, известного в далёком прошлом

как озеро Мичиган. А Харман собирался провести весь день, с упорством одержимого пытаясь подключиться ко всеобщей сети, а то и нечаянно, «методом тыка», вычислить новые напульсные функции. А ещё он мог бы сопровождать Даэмана, помочь другу забрать маму из Парижского Кратера в Ардис-холл.

Однако сегодня Никто, прежде ни разу не бравший на охоту спутников, отчего-то пожелал общества. Бедная Ханна, сохнувшая по Одиссею вот уже более девяти месяцев — с первой же встречи на мосту Золотых Ворот у Мачу-Пикчу, — настояла на том, чтобы пойти с ним. Тогда Петир, бывший ученик бородатого силача во дни перед Падением — когда тот ещё брался наставлять людей в диковинной философии собственного сочинения, — а нынче глядящий в рот одной лишь Ханне, от которой безнадёжно потерял голову, заявил, что составит компанию. В конце концов и Харман решил к ним примкнуть… Сам не зная толком почему. Возможно, просто не хотел отпускать злосчастных влюблённых в лес — втроём, на целый день и с оружием.

«Злосчастных влюблённых!» Мужчина улыбнулся своей думе, шагая следом за приятелями по морозному лесу. Это слово — «злосчастный»

— впервые попалось ему лишь накануне, в пьесе «Ромео и Джульетта», которую Харман прочёл глазами, не прибегая к функции «глотания».

Почти неделю он бредил Шекспиром. Три пьесы за два дня! Мужчина удивлялся, как ещё держится на ногах, не то что поддерживает беседу. В мысли врывались самые невообразимые ритмы, разум захлёбывался потоками неведомых доселе слов, а главное — Харман вдруг начал осознавать, что это значит — быть человеком, и, заглянув в разверзшиеся перед ним глубины, едва удержался от рыданий.

К стыду своему, он видел причину непролитых слёз вовсе не в красоте или мощи прочитанного: в мире, на многие века лишённом литературы, а тем паче театра, уже никто не сумел бы оценить их по достоинству. Нет, горло сжимала заурядная тоска себялюбца: *почему я не ведал этого раньше? Почему впервые услышал о Шекспире каких-то три месяца назад, на исходе отмеренных роком пяти Двадцаток?..* Ах, чтоб его! Харман постоянно забывал, что своими руками помог уничтожить орбитальный лазарет, что людей старого образца не будут более забирать на кольца в полночь на сотый день рождения — и вообще никогда, если на то пошло. А всё-таки нелегко отучиться от

мысли, с которой прожил девяносто девять лет.

В преддверии сумерек четвёрка медленно брела по краю утёса, возвращаясь домой с пустыми руками. Запряжённый в дрожки бык неторопливо переставлял ноги, и неудачливым охотникам приходилось подстраиваться под его размеренный шаг. В прежнее время, до Великого Падения, любая повозка невесомо балансировала на одном колесе за счёт встроенных гироскопов, а вёз её быстрый войникс. Но теперь, без подпитки, треклятые колымаги не держали равновесия, так что люди повынимали из них механическую начинку, раздвинули дышла пошире и смастерили хомуты для тягловой скотины. На месте единственного изящного колеса «красовалась» пара широких и более устойчивых, надёжно укреплённых на специально выкованной оси. Харману эти самодельные устройства казались до обидного нескладными, но, с другой стороны, миновало пятнадцать с лишним веков с тех пор, как человек в последний раз создавал хоть какое-то средство передвижения. Полтора тысячелетия, выброшенных на ветер.

От этой мысли ещё сильнее щипало глаза.

Друзья одолели за день около четырёх миль — в основном по низким утёсам, нависающим

над притоком реки, когда-то известной под названием Екей, а ещё раньше — Огайо. Дрожки захватили в расчёте на тяжёлую добычу (хотя Никто прославился тем, что проходил целые мили с убитым оленем на плечах), и вот итог — охотники угрюмо плелись за ленивым быком.

Время от времени двое оставались у повозки, пока их спутники углублялись в чащу, держа наготове арбалеты и луки. Петир захватил одну из немногих дротиковых винтовок, однако четвёрка предпочитала более бесшумное оружие. Войниксы хотя и не имели ушей, но слышать ухитрялись отлично.

Всё утро напролёт «старомодная» троица проверяла свои запястья. Непонятно почему, войниксы не показывались ни в одной сети, кроме ближней. С другой стороны, эти твари сами нередко прибегали к её помощи, выслеживая людей.

Впрочем, теперь это уже не играло роли. К полудню функции отказали полностью. Полагаясь лишь на собственные глаза, охотники всё чаще и внимательнее всматривались в кромку леса, шагая по лугам или невысоким утёсам.

Северо-восточный ветер пробирал до костей. Старые распределители отключились в день Падения, а до того люди не очень-то нуждались

в тёплой одежде, так что друзья облачились то ли в плащи, то ли в пальто, грубо сделанные из шкур убитых животных или овечьей шерсти. А вот Одиссей… Никто… похоже, чихал на стужу. Нагрудные латы, похожий на короткую юбку пояс — вот и всё, чем он удовольствовался, разве что набросил на плечи красную накидку.

Как ни странно, охотники не встретили ни единого оленя. По счастью, аллозавры и прочие восстановленные из РНК чудовища им тоже не попадались. Обитатели Ардис-холла сошлись на том, что немногих динозавров, которые по сию пору ещё охотились на севере, прогнали на юг необычайные морозы. К сожалению, саблезубые тигры, как выяснилось, не собирались мигрировать вслед за крупными рептилиями: Никто первым указал на свежие отпечатки огромных лап неподалёку от следов копыт, по которым большую часть дня шли его товарищи.

Петир на всякий случай зарядил полную обойму дротиков.

Вскоре пришлось повернуть обратно: четвёрка наткнулась на остовы двух растерзанных коров и окровавленные кости, разбросанные по каменистому обрыву, а десять минут спустя — на шкуру, позвоночник и череп, оскалившийся причудливо

изогнутыми зубами.

Никто настороженно вскинулся, опустил руку на длинное копьё и медленно повернулся вокруг своей оси, оглядывая каждый валун или дерево.

— Это, наверное, был другой саблезубый тигр? — предположила Ханна.

— Ну да, — кивнул бородач. — Или войникс.

— Войниксы не едят, — вставил Харман и тут же устыдился собственной недогадливости.

Никто покачал головой, тряхнув седеющими кудрями.

— Нет, но саблезубый мог напасть на этих тварей, а скушали его уже потом, возможно, свои же кошачьи родственники. Видели вон там, на рыхлой земле, рядом с отпечатками лап следы войниксов?

Харман закусил губу: он их тоже заметил, однако по невнимательности не придал значения.

В общем, друзья повернули назад, и глупый бык тащился, будто назло хозяевам, со скоростью смертельно больной улитки, хотя Никто и пытался подбодрить его древком копья, а подчас и острым наконечником. Колёса и ось опасно скрипели всю дорогу; однажды пришлось остановиться и править расшатавшуюся втулку. Между тем в лесу похолодало ещё сильнее; ветер нагнал

откуда-то низкие тучи. Уже начало смеркаться, а путники одолели только половину дороги.

— Хорошо хотя бы, что нас ожидает горячий ужин, — промолвила Ханна, известная своим оптимизмом, который отказывал этой высокой и статной женщине разве что в часы безнадёжной любовной тоски. Впрочем, сейчас даже её беззаботная улыбка смотрелась немного вымученной.

— Попробуй ближнюю сеть, — посоветовал Никто.

Древний грек не имел напульсных функций. Зато его тело — не просто старого, а очень старого образца, чистое от любых наногенетических штучек, которыми около двух тысячелетий была напичкана человеческая кровь, — не могла уловить и зарегистрировать ни одна сеть.

— Только помехи, — сообщила Ханна, поглядев на голубой овал над запястьем, и отключила поиск.

— Ну и ладно, мы тоже стали невидимками, — сказал её молодой поклонник, не сводя с неё настойчивого взгляда. На шее Петира висела дротиковая винтовка, рука сжимала грозное копьё.

Четвёрка продолжала еле-еле плестись по лугу вслед за громко скрипящими дрожками, царапая ноги о высокие острые травы. Харман то и дело

косился на обнажённые икры и голени Одиссея, про себя удивляясь, почему их не покрывает сплошная сеть алых рубцов.

— Похоже, целый день коту под хвост, — заметил вслух Петир.

Никто пожал плечами.

— По крайней мере теперь нам известно, что в Ардисе кто-то истребляет оленей. Ещё месяц назад на такой охоте я обязательно подстрелил бы пару-другую.

— Новый хищник? — Харману сделалось не по себе.

— Может, и так, — ответил бородач. — Или же войниксы разогнали скотину, а сейчас истребляют лесную дичь, лишь бы мы передохли с голоду.

— Неужели они такие сообразительные? — подняла брови Ханна.

Люди привыкли смотреть на этих полумеханических-полуорганических созданий сверху вниз, видя в них только рабочую силу — бессловесную и тупую, способную лишь выполнять команды, запрограммированную на то, чтобы заботиться о хозяевах и защищать их от всяких напастей, подобно сервиторам. Однако в день Великого Падения сервиторы сломались, а войниксы стали

смертельными врагами рода человеческого.

Никто ещё раз пожал плечами.

— Они могут действовать и сами, но в основном получают приказы, как и прежде. А вот откуда — трудно сказать.

— Уж точно не от Просперо — воплощённой ноосферы или как его там, — вполголоса вставил супруг и возлюбленный Ады. — Помню, Сейви говорила, что этот… ну, он… создал Калибана и маленьких калибано для защиты людей от войниксов. Они вообще не из нашего мира.

— Сейви, — хмыкнул грек. — Даже не верится, что старуха отдала концы.

— Она мертва, — подтвердил Харман. На орбитальном острове они с Даэманом стали свидетелями того, как чудовище по прозванию Калибан убило её и неизвестно куда отволокло безжизненное тело. — А ты давно её знал, Одиссей… то есть Никто?

Коренастый мужчина погладил коротко стриженную бороду с проседью.

— Давно ли я знал Сейви? В пересчёте на реальное время — несколько месяцев… растянутых на деле до тысячи лет. Иногда мы даже спали вместе.

Ханна застыла будто вкопанная.

Никто усмехнулся:

— Ну да. Она в своей криоколыбели, а я — во временном саркофаге у Золотых Ворот. Рядышком, но по отдельности, как малыши в разных люльках. Я бы назвал это *платонической* близостью, если упоминать всуе имя одного из моих земляков. — И грек от души расхохотался, хотя ни один из товарищей не мог разделить веселья. Отсмеявшись, он произнёс: — Не стоит, Харман, верить каждому слову старухи. Она врала напропалую и много в чём не разбиралась.

— Я не встречал на свете более мудрой женщины, — ответил девяностодевятилетний. — И вряд ли когда-нибудь встречу кого-то подобного ей.

Никто сухо улыбнулся.

— А вот насчёт последнего ты прав.

На пути четвёрке пришлось пересечь небольшой поток, бежавший куда-то к реке. Каждый шаг заставлял опасно раскачиваться на краю валуна или павшей коряги. Страшновато промочить одежду или ноги в такой холод. Бык невозмутимо брёл по ледяной воде, с грохотом волоча за собою дрожки. Петир добрался до берега первым и встал на страже с оружием наготове, дожидаясь товарищей. Путники уже не шли по следам разбежавшегося скота: теперь они знали дорогу.

Оставалось перевалить за покатый лесистый утёс, миновать усеянный камнями луг, потом ещё немного, а там уже — Ардис-холл, тепло, еда и сравнительная безопасность.

Горы тёмных облаков на юго-востоке поглотили солнце, и за считанные минуты на потемневшем небе проступили яркие кольца. В дрожках лежали два фонаря, и Харман захватил запасные свечи, однако в них ещё не было нужды. Вот когда тучи заволокут и кольца, и звёзды — тогда, пожалуй…

— Интересно, Даэман отправился за своей матерью? — подал голос Петир.

Похоже, молодой человек тяготился долгими паузами.

— Лучше бы меня подождал, — отозвался Харман. — Или пока там не наступит день. В Парижском Кратере нынче неспокойно.

Никто хмыкнул.

— Странно, но среди всей вашей братии Даэман, кажется, лучше всех умеет о себе позаботиться. Признайся, Харман, ведь он и тебя удивил?

— Ничуть, — фыркнул супруг Ады, однако призадумался и понял, что солгал.

Всего лишь год назад, при первой встрече, перед ним предстал вечно ноющий, пухлый

маменькин сынок, способный только ловить бабочек и соблазнять юных девушек. Сказать по совести, девяностодевятилетний мужчина вообще подозревал, что парень явился тогда в Ардис-холл с одной целью — прельстить кузину Аду. В начале их похождений Даэман держался трусовато и беспрестанно хныкал по поводу и без повода, но самое интересное: Харман уже не мог не признаться хотя бы перед собой, что сам он изменился гораздо меньше, чем этот холёный коллекционер насекомых. Не кто иной, как изголодавшийся, однако исполненный решимости Даэман, похудевший на сорок фунтов, зато злющий, как чёрт, сразился врукопашную с Калибаном в условиях почти нулевой гравитации на орбитальном острове Просперо. Если бы не кузен Ады, её возлюбленному и Ханне нипочём бы не выбраться оттуда живыми. Со дня Великого Падения парень посерьёзнел, сделался молчаливее, с упорством отдался овладению навыками борьбы и выживания — всего, чему брался учить Одиссей.

Харман даже немного завидовал. Он-то считал себя естественным вожаком колонии: всё-таки самый старший, самый мудрый, каких-то девять месяцев назад — единственный, кто умел — или

желал — читать книги, единственный человек на планете, кто догадывался о её шарообразной форме, однако… Почему те же испытания, что закалили Даэмана, ослабили дух и тело его более опытного товарища? «Неужели дело в моём возрасте?» Внешне супруг Ады смотрелся на тридцать с лишним — сорок лет, как и любой мужчина за восемьдесят — по крайней мере в эпоху до Падения. В баках, где извивались клубки зелёных червей и булькали химикаты, его организм четырежды обновлялся во время прошлых визитов. «Ну а как насчёт души?» Вот о чём стоило беспокоиться. Что, если старость есть старость, и даже искусная работа над мускулами, кожей и нервами здесь не поможет? Не улучшало настроение ещё и то, что нога по-прежнему страдала от ран, полученных девятью месяцами ранее на проклятом острове Просперо. Лазарет, в баках которого мужчине заштопали бы любое повреждение, был уничтожен. Верные сервиторы больше не подплывали по воздуху, дабы перевязать и залечить последствия мелких несчастных случаев. Теперь уже девяностодевятилетний точно знал: нога никогда не заживёт полностью, он обречён хромать до конца своих дней. Веселее от этой мысли не становилось.

Охотники шли через лес в молчании: каждому казалось, что попутчики погружены в тяжёлые думы. Харману выпало вести в поводу быка, который с наступлением темноты начал упрямиться ещё сильнее. Стоило тупой и норовистой скотине свернуть с пути, разбить повозку о дерево, и четвёрке пришлось бы либо провести всю ночь под открытым небом, пытаясь починить дрожки, либо бросить их на дороге. Путников не прельщал ни тот, ни другой расклад.

Одиссей-Никто бодро ступал рядом, подстраиваясь под черепаший шаг быка и хромого Хармана. Возлюбленный Ады посмотрел на Ханну, которая не сводила тоскливого взора с приземистого бородача, на Петира, безнадёжно пожирающего глазами Ханну, — и ему захотелось опуститься на холодные камни, чтобы зарыдать — зарыдать о мире, где насущные заботы не оставили места слезам. Вспомнилась потрясающая, недавно прочитанная пьеса Шекспира — «Ромео и Джульетта». Неужели затронутые в ней слабости и ошибки свойственны человечеству даже теперь, спустя почти два тысячелетия самоэволюции, наноинженерии, генетических манипуляций?

«Может, не надо было разрешать жене беременеть?» Вот о чём он задумывался чаще всего.

Ада хотела ребёнка. Харман тоже. Более того, как это ни странно после четырнадцати веков безмыслия, оба мечтали о семье, когда мужчина остаётся с женщиной, и они вдвоём воспитывают собственное дитя, не доверяя малыша сервиторам. В мире до Великого Падения люди старого образца знали только своих матерей, почти ни один не ведал — да и не желал гадать, — кто же его отец. Учитывая, что людей на Земле, по словам Сейви, обитало не больше трёх сотен тысяч, что все они сохраняли здоровье и бодрость вплоть до самого окончания Пятой и Последней Двадцатки, что скудная культура многие века состояла из праздников и беспорядочных сексуальных связей, в те годы нередко случалось: дочери по незнанию совокуплялись с отцами.

Хармана это тревожило с тех самых пор, как он выучился читать и получил первое представление — *эх, если бы раньше!* — о жизни и ценностях человечества из далёкого прошлого. А ведь ещё девять месяцев назад люди не задумывались о таких мелочах, как инцест. Генетически встроенные наносенсоры, позволявшие выбирать между пакетиками спермы, тщательно законсервированными в теле женщины на долгие месяцы и даже годы после каждого спаривания, попросту

не дали бы ей предпочесть ближайшего родственника в качестве «производителя». Подобные ошибки исключались. Нанопрограмма не допускала промашек, хотя человечество совершало их на каждом шагу.

«Да, но сейчас-то всё иначе», — хмурился Харман. Семьи необходимы, это вопрос выживания. Дело даже не в частых нападениях войниксов и трудностях, обрушившихся на людей после Падения: землянам предстояла настоящая война, о ней предупреждал Одиссей. Правда, он уже не желал распространяться о своём пророчестве, обмолвился только, что бой будет великим. Кое-кто предполагал необъяснимую связь между грядущей битвой и осадой Трои, что составляла сюжет драмы в туринских пеленах, которыми развлекались люди до тех пор, пока вшитые микросхемы тоже не отключились. «Новые миры возникнут на твоей лужайке», — сказал грек Аде в ту памятную ночь.

Вот и последняя просторная опушка у кромки леса. Харман почувствовал, как он устал и напуган. Сколько можно задаваться вопросом, прав ли он был, когда разрушил небесный лазарет, возможно, выпустил на волю Просперо, а теперь ещё взялся натаскивать остальных создавать семьи,

объединяться в группы для защиты от внешнего врага? Мужчине уже давно исполнилось девяносто девять лет, львиная доля которых растрачена впустую, не на поиски мудрости, — так что же он вообще мог знать?

Ну а страшила Хармана даже не смерть (в последнее время люди сызнова учились бояться «курносой», как полтора тысячелетия тому назад), но скорее бремя ответственности за принесённые перемены.

«Верно ли мы поступили, решив завести ребёнка в такое время?» Поначалу им с Адой казалось, что новые условия требуют вопреки безумным трудностям и неуверенности в завтрашнем дне создавать семьи — вернее, «начинать семьи». Странное выражение: если честно, у супругов ум заходил за разум при мысли о том, чтобы родить со временем *нескольких* детей. Четырнадцать с лишним веков постлюди, ныне исчезнувшие в никуда, разрешали женщинам старого образца производить на свет строго по одному малышу. От внезапно раскрывшихся возможностей кружилась голова. Это что же: рожай сколько пожелаешь, лишь бы здоровья хватило? Не нужно записываться на очередь, не нужно ждать, пока сервиторы доставят подтверждение от «постов»?

Впрочем, предстояло ещё проверить, не разучилось ли человечество плодиться и размножаться, невзирая на изменения в генетике и заложенные в кровь нанопрограммы.

Отважившись на решительный шаг, будущие родители, кроме прочего, хотели показать не только обитателям Ардис-холла, но и членам других уцелевших общин, что это такое — семья, где есть отец.

Хармана всё это начинало пугать. Хотя он и не сомневался в своей правоте, однако не мог отделаться от щемящих опасений. Во-первых, переживут ли мать и дитя сами роды вне лазарета? Ни один землянин лично не видел, как это происходит. Появление на свет, как и уход из него, были таинственными событиями, ради которых человек улетал на экваториальное кольцо. И даже в условиях лазарета разрешение от бремени считалось настолько травмирующим, что любые воспоминания о нём аккуратно стирались из разума — подобно кошмару, пережитому Даэманом, когда его съел аллозавр. Впоследствии роженица помнила о произошедшем не более, чем её дитя.

Сервитор сообщал, что настало время; женщина факсовала на небо и возвращалась пару дней спустя, стройная и здоровая, как всегда, после

чего два месяца о малыше заботились исключительно сервиторы. Мать иногда с ним общалась, но почти не принимала участия в его воспитании. Мужчины в эпоху до Великого Падения даже не подозревали о своём отцовстве, ибо между интимным сношением и появлением ребёнка подчас проходили годы, а то и десятилетия.

И вот сейчас, когда Харман и прочие принялись читать о родах, имевших место в глубокой древности, обычай казался на изумление опасным и варварским, даже если всё происходило в больнице (похоже, старинной и довольно примитивной разновидности лазарета) и под присмотром настоящих профессионалов, а ведь на Земле не осталось людей, хотя бы раз наблюдавших, как это делается.

Кроме Одиссея. Бородач однажды признался, что в прошлой жизни — той невероятной жизни, полной кровопролитных сражений, о которой повествовала драма туринских пелён, — ему довелось частично увидеть рождение сына Телемаха. Так что грек оказался единственным кандидатом в повитухи Ардис-холла.

В новом мире, лишённом докторов, Одиссей-Никто занял место искуснейшего целителя. Он ловко лечил припарками, умел зашивать раны

и сращивать переломы. Примерно за десять лет неприкаянных скитаний сквозь пространство и время, после бегства от некой особы по прозванию Цирцея, грек нахватался новейших познаний в области медицины. К примеру, он всегда мыл нож и руки, прежде чем резать по живому.

Девять месяцев назад Одиссей собирался покинуть Ардис-холл через две-три недели. Пожалуй, заикнись он теперь об уходе, полсотни человек повисли бы на плечах бородача, связали бы его верёвками, лишь бы удержать при себе столь опытного наставника, способного ладить оружие, охотиться, разделывать лесную добычу, готовить еду на костре, ковать металлы, шить одежду, программировать соньер, лечить больных, исцелять раны… или помочь малышу появиться в мир.

Сквозь ветви деревьев уже проглядывал широкий луг. Тучи застили кольца, надвигалась кромешная тьма.

— Я тут хотел повидать Даэмана… — подал голос Никто.

Это было последнее, что он успел сказать.

Войниксы беззвучно пали с деревьев подобно гигантским паукам. Их было не меньше дюжины, и все до единого выпустили убийственные

лезвия.

Двое рухнули на спину быку и перерезали скотине горло. Ещё двое, не успев приземлиться, ринулись к Ханне. В воздухе закружились окровавленные лоскуты одежды. Молодая женщина отскочила назад, попыталась вытащить лук и прицелиться, но твари свалили её с ног и склонились над жертвой, дабы закончить дело.

Одиссей закричал, активировал чудесный меч (подарок Цирцеи, как он рассказывал) и, едва над рукоятью завибрировало невидимое лезвие, прыгнул и замахнулся. Взметнулись обломки панцирей и механических рук, супруга Ады забрызгало белой кровью и синим маслом.

Одна из тварей почти вышибла дух из Хармана, но тот успел откатиться из-под жутких лезвий. Другой войникс припал на четвереньки и прянул вверх, двигаясь будто в ускоренном ночном кошмаре. Поднявшись и неловко подхватив копьё, мужчина устремился на второго врага, в то время как первый ринулся на спину ему самому.

Грянул выстрел: это Петир вскинул винтовку. Над ухом засвистели хрустальные дротики. Войникс, напавший на Хармана сзади, завертелся и рухнул под ударами тысяч серебряных молний. Мужчина лишь на секунду оглянулся, однако

через миг его копьё уже пронзило грудь прыгнувшей на него твари. Мерзкое создание скорчилось и пало на землю, но всё же в последний момент вырвало из рук человека верное копьё. Девяностодевятилетний выругался, подёргал за древко, потом отскочил и прицелился из лука: ещё трое войниксов бросились в его сторону.

Люди прижали спины к повозке. Восемь оставшихся врагов окружили их и начали сужать кольцо, сверкая пальцами-бритвами в отблесках умирающего заката.

Ханна всадила два арбалетных болта в грудную клетку ближайшему противнику. У того подкосились ноги, но войникс продолжал ползти на четвереньках и жадно тянуться к ней острыми лезвиями. Одиссей-Никто шагнул вперёд, и меч Цирцеи рассёк несносную тварь пополам.

Харману было некуда отступать. Он выпустил единственную стрелу, увидел, как она отскочила от металлической груди войникса, и вот уже трое врагов ринулись на жертву. Мужчина пригнулся, ощутил боль в ноге, прокатился между колёсами дрожек — в ноздри ударил запах бычьей крови, а во рту появился медный привкус, — и в ту же секунду вскочил по другую сторону повозки. Неприятели прыгнули, собираясь перемахнуть её.

Петир обернулся, присел и расстрелял по тварям обойму из нескольких тысяч дротиков. Троица разлетелась в разные стороны, взорвавшись фонтанами органической крови и машинной смазки.

— Прикройте, мне нужно перезарядить! — прокричал молодой человек и сунул руку в карман за новой обоймой.

Отбросив свой лук (враги были слишком близко), супруг Ады вытащил меч, выкованный под присмотром Ханны два месяца назад, и яростно принялся рубить ближайших врагов. Но те опередили его. Одна из тварей метнулась вперёд. Другая выбила из руки клинок.

Ханна запрыгнула в повозку и пальнула из арбалета в спину прыгнувшему на Хармана войниксу. Безглазое и безротое чудовище закружилось волчком, а потом опять устремилось на человека, воздев металлические руки, размахивая лезвиями.

Девяностодевятилетний мужчина увернулся от убийственного удара и, приземлившись на руки, пнул тварь по ногам. С тем же успехом он мог бы пинать железные трубы на бетонной опоре.

Теперь уже пятеро уцелевших войниксов оказались со стороны тележки, где стояли Харман

с Петиром, и угрожающе двинулись на них. Молодой человек не успел бы даже поднять винтовку…

В эту секунду Одиссей, обогнув дрожки, с бешеным воплем бросился в гущу неприятелей. Клинок Цирцеи замерцал расплывчатым пятном среди туманных очертаний врагов, когда твари всем скопом налетели на человека, вращая металлическими руками и лезвиями.

Ханна подняла тяжёлый арбалет, но никак не могла прицелиться: древний грек оказался в самом сердце потасовки, а движения дерущихся были слишком быстры. Харман запрыгнул в дрожки и схватил запасное охотничье копьё.

— Падай, Одиссей! — крикнул Петир.

Бородач так и сделал, хотя и неясно почему: то ли услышал совет, то ли свалился от слабости. Двоих неприятелей он разрубил, но трое остались невредимы и не растратили боевого духа.

Трррррррррррррррра-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-тттаааааа!

Очередь из винтовки, переведённой в автоматический режим, прозвучала словно грохот деревянного весла, которым провели по лопастям включённого вентилятора.

Войниксов отшвырнуло на шесть футов; десять

с лишним тысяч дротиков, усеявших панцири тварей, поблёскивали в тускнеющем сиянии колец, точно мозаика из битого стекла.

— Господи Иисусе, — выдохнул супруг Ады.

По ту сторону дрожек, за спиной Ханны, поднялся раненный из арбалета войникс. Будущий отец метнул копьё; в этот бросок он вложил все силы, оставшиеся в измученном теле. Враг покачнулся и, вырвав оружие из груди, переломил древко. Женщина пустила ещё два болта. Один со свистом улетел во мглу между деревьями, другой попал в цель. Харман соскочил с повозки, чтобы вонзить последнее копьё в последнего войникса. Тварь покачнулась и отступила ещё на шаг.

Мужчина выдернул оружие из груди противника — и с мощью подлинного безумца тут же всадил обратно, провернул зазубренный наконечник, вытащил его наружу и воткнул снова.

Чудовище рухнуло на спину, лязгнув о корни векового вяза.

Девяностодевятилетний охотник встал над поверженной тварью, не обращая внимания на судорожно дёргающиеся металлические руки с пальцами-бритвами, занёс над головой копьё, облитое молочно-голубым раствором, вонзил во врага, повернул, вытащил, поднял, загнал

ещё глубже в корпус, вырвал, вогнал туда, где у человека находился бы пах, сделал несколько оборотов, чтобы как можно сильнее покалечить мягкие внутренние части, дёрнул на себя наконечник вместе с изрядным куском панциря, ещё раз пронзил противника — заострённая бронза прошла насквозь, до корней и почвы, — вызволил оружие, замахнулся, нанёс удар, нацелился снова…

— Харман. — Молодой человек положил ему руку на плечо. — Он умер. Он уже умер.

Мужчина заозирался вокруг. Он почти не узнавал Петира и никак не мог набрать в лёгкие достаточно воздуха. Уши болели от адского шума, который, как оказалось, доносился из его же собственного горла.

Между тем вокруг потемнело, как в заднице. Кольца скрылись за тучами, так что внизу, при корнях деревьев, наступил настоящий хренов сумрак, мать его за ногу. Полсотни тварей могли преспокойно таиться в непроглядной тьме, дожидаясь своего часа.

Ханна зажгла дорожный фонарь. Ореол огня не выхватил из темноты новых войниксов. Да и «старые знакомые» уже перестали дёргаться. Древний грек по-прежнему лежал на земле,

придавленный поверженным врагом. Ни тот, ни другой не шевелились.

— Одиссей! — Молодая женщина прыгнула с дрожек, размахивая фонарём, и отшвырнула труп войникса непочтительным ударом ноги.

Петир подбежал к ней, преклонил колено рядом с павшим товарищем. Супруг Ады как умел поковылял к ним, опираясь на копьё. Глубокие ссадины на спине и ногах ещё только начали заявлять о себе.

— О нет, — промолвила Ханна, стоя на коленях и дрожащей рукой держа фонарь над лицом Одиссея. — О нет, — повторила она.

Доспех Никого был сорван, ремни рассечены бритвами. Широкую грудь бородача изрезала паутина зияющих ран. Один лихой удар отхватил часть левого уха и даже кусочек скальпа.

Но Хармана заставило ахнуть от ужаса вовсе не это.

Войниксы столь яростно пытались вынудить Одиссея расстаться с клинком Цирцеи (у них ничего не вышло: меч по-прежнему гудел у него в ладони), что искромсали правую руку в клочья, после чего, рассвирепев, совсем оторвали от тела. Блики от фонаря сверкали на кровавом месиве, сквозь которое отчётливо белела кость.

— Боже мой, — прошептал девяностодевятилетний.

За все восемь месяцев после Падения он ещё не видел человека, что ухитрился бы выжить с такими ранами.

Ханна стукнула по земле свободным кулаком: её другая ладонь была прижата к окровавленной груди бородача.

— Сердца не слышно, — произнесла она почти спокойно. И только дико сверкнувшие во тьме глаза выдали её истинное состояние. — Сердца совсем не слышно.

— Положим его на дрожки… — начал Харман.

Мужчина и сам уже слабел: возбуждение битвы схлынуло, к горлу подкатила знакомая тошнота. К тому же иссечённые ноги подкашивались, а изрезанная спина нещадно кровоточила.

— К чёрту дрожки, — вмешался Петир.

Молодой человек повернул рукоять меча, и вибрация прекратилась, клинок опять сделался видимым. Оружие Цирцеи, а также винтовку с двумя обоймами юноша вручил девяностодевятилетнему спутнику. Затем опустился на колено, взвалил на спину не то погибшего, не то потерявшего сознание Одиссея и встал.

— Ханна, пойдёшь впереди с фонарём. Только

перезаряди арбалет. Харман, ты прикрываешь с тыла.

Качаясь, Петир побрёл к лугу с окровавленным телом на плечах. По жестокой иронии судьбы, молодой человек более всего напоминал сейчас самого Одиссея, когда тот гордо возвращался с охоты с убитым оленем.

Муж Ады растерянно кивнул, отбросил копьё, приладил на поясе чудесный меч и с винтовкой наперевес тронулся вслед за своими спутниками — прочь из тёмного леса.

24

Едва очутившись на месте, Даэман пожалел о своей поспешности. Надо было дождаться, пока здесь не рассветёт или пока не вернётся Харман… Или взять иного попутчика.

Около пяти вечера, в угасающем свете пасмурного дня, молодой мужчина достиг ограды факс-павильона, расположенного в миле от Ардис-холла. В Парижском Кратере пробил час ночи, царила кромешная тьма и с неба лило как из ведра. Даэман заранее выбрал узел, ближайший к обиталищу матери — никто уже не знал, почему это место в глубокой древности нарекли

Домом Инвалидов, — и прошёл сквозь портал с поднятым самострелом наготове. С крыши павильона бежали потоки дождя, и город казался укрытым за водопадом.

«До чего же глупы здешние обитатели, — поморщился Даэман, — до сих пор не могли поставить охрану». Около трети уцелевших общин во главе с Ардисом возвели вокруг павильонов крепкие стены, назначив рядом круглосуточную стражу, но жители Парижского Кратера попросту не собирались этого делать. Никто не ведал, умеют ли войниксы перемещаться по факсу (твари кишели повсюду, так что могли не нуждаться в подобных ухищрениях), но земляне так и не узнают этого, пока их легкомысленные собратья вроде местных обитателей не возьмутся следить за каждым узлом.

Само собой, поначалу и в Ардис-холле павильоны охранялись не от войниксов, а скорее от нахлынувших беженцев. В ту ночь, когда вдруг отказали сервиторы и отключилось электричество, люди бросились искать еду и надёжное укрытие, поэтому несколько месяцев они десятками тысяч беспорядочно метались между факс-узлами, сменяя за день полсотни участков: истощали найденные запасы снеди и перебирались дальше.

Мало где существовали собственные пищевые склады; по-настоящему безопасных мест на планете вообще не осталось. Колония в Ардисе одной из первых вооружилась и восстала против нашествия обезумевших беженцев, принимая лишь тех, кто владел хоть каким-то полезным навыком. Впрочем, таких почти не встречалось — что было неудивительно после четырнадцати с лишним веков «тошнотворной никчёмности *элоев*», как выражалась покойная Сейви.

Спустя месяц после Падения, когда смятение чуть улеглось, по настоянию Хармана (и раскаявшись в эгоистичном отношении) ардисская община принялась отправлять в другие узлы своих посланцев, которые учили выживших землян растить урожай, защищаться от врага, убивать и разделывать домашних животных, а также — после того как девяностодевятилетний раскрыл секрет «глотания» — извлекать из древних книг новые сведения, необходимые для жизни. Кроме того, здешние обитатели меняли оружие на продукты и тёплую одежду, бескорыстно раздавая советы по изготовлению луков, стрел, арбалетов, пик, наконечников копий, ножей и так далее. По счастью, большая часть человечества старого образца в течение половины Двадцатки развле-

калась просмотром туринской драмы, а значит, была знакома с орудиями убийства не сложнее заурядного самострела. И в конце концов супруг Ады передал в триста с лишним колоний просьбу помочь в отчаянном поиске легендарных фабрик роботов и распределителей. Он лично показывал уцелевшим ружья, добытые из музея у Золотых Ворот Мачу-Пикчу, разъясняя людям, что тысячи подобных штуковин позволят им надеяться на победу и выживание.

Вглядываясь во мрак через пелену воды, Даэман осознал свою неправоту: охранять все до единого факс-узлы горожанам было бы не под силу. Каких-то восемь месяцев назад Парижский Кратер относился к самым крупным поселениям на планете: шутка ли, двадцать пять тысяч обитателей и дюжина действующих порталов! Теперь, если верить друзьям Марины, в городе осталось менее трёх тысяч мужчин и женщин. Войниксы без утайки рыскали по улицам, стремительно лазали по подвесным дорогам и башням, когда им вздумается. Даэману давно уже следовало забрать маму из подобного места. Но та упрямо стояла на своём, а мужчина, проживший на свете почти две полные Двадцатки, по-прежнему привык исполнять её любую прихоть, вот и мирился…

И потом, на первый взгляд здесь было не так уж опасно. Более сотни уцелевших, в основном представители сильного пола, превратили башенный комплекс у западной кромки Кратера — тот, где находились пространные апартаменты Марины, — в упроченную крепость. Водосборники, трубы которых тянулись между крышами, поставляли сколько угодно питьевой воды, ибо в Парижском Кратере дождь лил почти не переставая. В садах на террасах росла всякая зелень, а скотину горожане загнали с пастбищ, охраняемых прежде войниксами, на огороженные травянистые луга у Кратера. Неподалёку, на Елисейских полях, по средам открывался рынок, на котором люди менялись пищей, одеждой и прочими необходимыми вещами. Даже вино им поставляли по факсу из удалённых виноградников. Оружия тоже хватало: арбалеты из Ардис-холла, винтовки, стреляющие хрустальными дротиками, а главное, в заброшенном подземном музее обнаружился энергетический излучатель — как ни странно, в отличном рабочем состоянии.

Однако Даэман догадывался: мать вовсе не поэтому не желала покидать свой город. Марину прельщала близость этого старого ублюдка Гома-

на, который являлся её основным любовником на протяжении чуть ли не целой Двадцатки. Даэману он никогда не нравился.

Парижский Кратер часто называли Городом Света — таким он и был, по воспоминаниям молодого мужчины, выросшего среди парящих огненных пузырей на улицах и бульварах, среди башен, целиком увешанных электрическими гирляндами, среди многих тысяч горящих окон и мерцающей изнутри конструкции, которая возносилась над всеми постройками, словно гордый символ поселения. Теперь пузыри потухли и сдулись, ток отключился, окна либо совсем погасли, либо укрылись за плотно закрытыми ставнями, а Великую Блудницу впервые за две тысячи лет наполнял кромешный мрак. Даэман покосился на бегу в её сторону: голова и тяжёлые груди, обычно наполненные булькающей светящейся жидкостью алого цвета, терялись за грозовыми тучами; на месте знаменитых бёдер и ягодиц чернела стальная арматура, в которую то и дело били молнии, грохотавшие над городом.

Именно эти вспышки позволили мужчине пересечь три длинных квартала, отделявшие Дом Инвалидов от башни Марины. Набросив капюшон куртки на голову, словно это могло спасти от

проливного дождя, Даэман с арбалетом наготове замирал на каждом перекрёстке, дожидался, пока очередная молния осветит подозрительные тени под городскими арками, под мостами, в дверных проёмах, и лишь убедившись, что там не прячутся войниксы, бросался вперёд. В павильоне молодой мужчина попытался активировать ближнюю и дальнюю сеть. К его большому облегчению, обе не действовали. Войниксы в последнее время пользовались ими, вынюхивая людей, ну а нужную дорогу кузен Ады отыскал бы и с закрытыми глазами: в конце концов, здесь был его дом, несмотря на старания подонка по имени Гоман занять место родного сына рядом с матерью.

Кое-где во дворах, озаряемых небесными всполохами, высились позабытые алтари. Глазам Даэмана то и дело представали грубо слепленные из папье-маше подобия богинь, облачённых в тоги, нагих лучников и бородатых патриархов — печальные свидетельства глубины человеческого отчаяния. Жертвенники посвящались бессмертным олимпийцам из туринской драмы: Афине, Аполлону, Зевсу и прочим. Дурацкая мода на поклонение им зародилась ещё до Великого Падения не только в Парижском Кратере, но и во многих факс-узлах на континенте (жители

Ардис-холла и остальные чтецы недавно узнали это) под названием Европа.

Постоянные ливни размочили папье-маше, и заново заброшенные идолы на открытых ветрам алтарях походили скорее на горбатых чудовищ из иного мира. «Так им и надо, туринским богам, обойдутся без почитателей», — подумал мужчина. Почему-то ему припомнился полёт на экваториальное кольцо, орбитальный остров Просперо и рассказы о Тихом. А ещё — как мерзкий Калибан восхвалял перед пленниками силу своего божества, многорукого Сетебоса, после чего, прикончив Сейви, отволок её в пучину канализационного болота.

До башни оставалось полквартала, когда сын Марины услышал знакомый скрежет. Мужчина укрылся во мгле залитого водой подъезда и снял арбалет с предохранителя. Это было оружие последней модели: с каждой попыткой мощная стальная тетива пускала в цель сразу два зазубренных болта. Итак, Даэман поднял арбалет на плечо и принялся ждать.

Если бы не молния, ему бы нипочём не разглядеть в половине квартала от себя шестерых войниксов, направляющихся на запад. Твари не шли — они бежали рысью по стенам старых

домов подобно металлическим тараканам, цепляясь за камни всеми заострёнными конечностями. Девятью месяцами ранее, в Иерусалиме, кузену Ады уже доводилось видеть, как мерзкие создания передвигаются подобным образом.

Тогда же оказалось, что войниксы видят в инфракрасном спектре, а значит, и самая беспросветная мгла не защитила бы человека, если бы не одно «но»: сегодня твари очень спешили — к счастью, в *противоположном* направлении. Через три секунды враги скрылись из виду, причём никто из них даже не повернул в сторону чужака своих тепловых датчиков.

С бешено бьющимся сердцем Даэман одолел последнюю сотню ярдов. Над западным краем гигантской воронки высилась башня, где жила его мама. Корзина собранного вручную подъёмника, разумеется, не стояла прямо на тротуаре. Молодой мужчина едва рассмотрел её многими этажами выше, над самой торговой эспланадой, откуда и начинались личные обиталища. У подножия висел конец длинной сигнальной верёвки, с помощью которой гости сообщали о своём прибытии. Целую минуту Даэман дёргал за неё, однако так и не получил ответа. Бечёвка продолжала безжизненно висеть, над головой не

загорелось ни единого нового огонька.

Ещё не отдышавшись после пробежки по улицам, сын Марины прищурился и вгляделся вверх, сквозь дождевые струи. Пожалуй, стоит вернуться к Дому Инвалидов. Не подниматься же пешком на двадцать пятый этаж по ветхим, утопающим во тьме ступеням, безуспешно гадая, не притаились ли рядом войниксы!

Немало бывших общин, основанных на месте больших городов или высоких башен, оказались покинуты людьми после Падения. Лифты и подъёмники не работали без электричества (земляне даже не представляли себе, откуда оно бралось и как распределялось). Кому же захочется всякий раз, когда ему понадобится вода или пища, утруждать ноги, поднимаясь и спускаясь на двести пятьдесят футов, а то и гораздо выше, как, например, в Уланбате, на двухсотэтажных Небесных Кольцах? Однако, хоть это и удивительно, там по сей день жили люди, а ведь башня высилась посреди бесплодной пустыни, где пища не росла и не бродила стадами. Тайна заключалась во внутренних факс-узлах, расположенных на каждом шестом этаже. Пока остальные общины продолжали давать еду в обмен на замечательную одежду, изготовлением которой издавна

славился Уланбат (уж этого добра здесь хватало с избытком: пока местные обитатели научились блокировать верхние уровни, треть населения поубивали войниксы), Небесным Кольцам не грозило полное вымирание.

В башне Марины факс-узлов не было, но горожане проявили недюжинную смекалку, приспособив маленький наружный подъёмник, служивший когда-то сервиторам, для своих целей. Из тросов создали сложную систему с приводами и кривошипами, так что гостей сразу по трое подтягивали наверх в особой корзине — правда, только до эспланады, но одолеть последние десять этажей не составляло непосильного труда. Разумеется, о частых поездках не могло быть и речи, да и сам подъём внушал ужас, ибо корзина ежесекундно застревала и дёргалась в воздухе, но несколько десятков жителей башни попросту махнули рукой на внешний мир. Раза два в неделю кто-нибудь из них отправлялся на рынок, если недоставало своих запасов еды и питья, этим и ограничивались отношения с остальным человечеством.

«Почему никто не отзывается?» Мужчина две минуты дёргал за верёвку, потом ещё три минуты ждал.

С юга, со стороны широкого бульвара, донеслось эхо громкого скрежета.

«Ну давай, решайся. Туда или обратно, только быстрее».

Отступив подальше от башни, Даэман запрокинул голову. Молния выхватила из мрака чёрную паутину опор и мерцающие бамбуковые пристройки на башенках. Там, высоко, над заброшенной эспланадой, в нескольких окнах горели светильники. Пришелец различил сигнальные огоньки в обиталище Марины под бамбуковой крышей террасы: обычно их поддерживал Гоман.

И снова послышался скрежет, на этот раз — из северных аллей.

— А, катись оно всё… — чертыхнулся молодой мужчина.

Пора вызволять маму отсюда, пусть даже старый подлец встанет у него на пути со всеми своими дружками! Если потребуется, у Даэмана не дрогнет рука пошвырять недоумков через перила террасы прямо в жерло Кратера. Сын Марины поставил арбалет на предохранитель, дабы ненароком не всадить себе в ногу пару отточенных болтов, зашёл внутрь и ступил на тёмную лестницу.

Уже добравшись до эспланады, он почуял неладное. За последние месяцы Даэман часто наведывался к матери и всякий раз видел стражей, вооружённых примитивными пиками, а также более изощрённо сработанными луками, доставленными из Ардис-холла. Сегодня здесь не оказалось ни души.

«Они что же, по ночам отпускают охрану?» — прикинул молодой мужчина, всегда прибывавший при свете дня.

Да нет, не похоже. Какой в этом смысл? Войниксы ещё охотнее орудовали в тёмное время суток. И потом, кузен Ады несколько раз наблюдал, как ночью меняется стража. Однажды он и сам простоял на карауле с двух до шести часов утра, после чего факсовал обратно к себе с помутневшими от усталости глазами.

Одно утешало: лестница над эспланадой была открыта с двух сторон. Как только грозовая вспышка высвечивала очередной пролёт или площадку, Даэман устремлялся вверх по ступеням или бегом пересекал тёмное пространство. Арбалет он держал наготове, почти касаясь пальцем предохранителя.

Ещё не успев шагнуть на первый жилой этаж, гость догадался, что его там ожидает.

Сигнальные огни в металлическом бочонке на обращённой к городу террасе уже догорали. Бамбуковый настил забрызгала кровь. Багровые разводы темнели на стенах, на нижней стороне карниза. Даэман распахнул незапертую дверь первого обиталища, не принадлежавшего его матери.

Кровь была повсюду. Мужчина не мог поверить, что в жилах сотни с чем-то людей, даже вместе взятых, могло течь так много красной жидкости. Куда бы он ни посмотрел, в глаза бросались бесчисленные свидетельства паники: наспех забаррикадированные двери, сметённые вместе с дверями баррикады, кровавые отпечатки ног на лестницах и террасах, разбросанные обрывки пижам… И никаких следов сопротивления. Ни одной обагрённой стрелы, ни единой пики, хотя бы пролетевшей мимо цели, вонзившейся в косяк. Похоже, никто и не подумал хвататься за оружие, не говоря уже о том, чтобы применить его.

А главное, не было тел.

Бывший собиратель бабочек обыскал ещё три обиталища, прежде чем набрался мужества заглянуть к матери. Везде его встречали бесчисленные алые пятна, изломанная мебель, растерзанные подушки, сорванные со стен ковры, искромсан-

ная набивка кресел — окровавленные перья и белая пена… Но ни единого тела.

Дверь в обиталище Марины была затворена. Прежние автоматические замки, реагировавшие на отпечатки пальцев, перестали работать после Падения; Гоман поставил обычный засов и цепочку — чересчур ненадёжные, по мнению Даэмана. Так оно и оказалось. Несколько раз постучавшись и не получив ответа, гость трижды пнул посильнее, и хлипкая дверь слетела с петель. Мужчина двинулся в темноту с поднятым арбалетом.

В прихожей пахло кровью. В задних комнатах, окна которых выходили на Кратер, горел приглушённый огонь, но коридор и большая приёмная утопали во мраке. Кузен Ады шёл как можно тише. Нога то и дело ступала в невидимые лужицы, по ним пробегала рябь. От этого и особенно от вони желудок сводили спазмы. Вскоре глаза достаточно притерпелись, чтобы стало ясно: никто и ничто не ждало незваного гостя. Трупов здесь тоже не было.

— Мама! — Даэмана испугал собственный крик. И снова: — Мама! Гоман! Кто-нибудь!

Звякнули потревоженные ветром колокольчики на террасе. Молния озарила главную гостиную. Шёлковые голубовато-зелёные ковры на южной

стене (сын Марины видел их тут с юных лет, хотя и не особенно восхищался рисунком) покрылись красно-бурыми полосами и кляксами. Уютное, любимое Даэманом кресло из мятой гофрированной бумаги, принимающее самые удобные для тела формы, было изорвано в клочья. Но и здесь не нашлось ни единого трупа. Мужчина уже сомневался, готов ли он идти дальше.

Красные пятна, разводы и отпечатки вели с террасы в общую гостиную, а оттуда — в большую столовую: Марина обожала принимать гостей именно там, за длинным столом из красного дерева. Даэман дождался нового всполоха (тучи отползали на восток, так что промежутки между молнией и раскатами грома всё больше затягивались) и, вскинув оружие на плечо, тронулся по багровым следам.

Три вспышки подряд позволили увидеть всё до мелочей. Тел как таковых по-прежнему не было. Зато на двадцатифутовой столешнице, вздымаясь чуть ли не до потолка, то есть на целых семь футов над головой вошедшего, белела пирамида из сотни черепов. Казалось: это всего лишь призраки, оставшиеся на сетчатке после ярких разрядов. Дюжины провалов-глазниц уставились мужчине прямо в душу.

Опустив самострел и защёлкнув предохранитель, Даэман осторожно приблизился. От крови всё в комнате потемнело, и только стол оказался девственно чист. Перед оскалившимися мёртвыми головами, точно посередине, лежала бережно расправленная старая туринская пелена.

Мужчина забрался на кресло, в котором обычно сидел, обедая с мамой, и наступил на роскошную столешницу. Теперь острый конец пирамиды очутился у него перед глазами. Вспышки уходящей грозы сверкали на остальных черепах, начищенных добела, без единого следа плоти, — но верхний немного от них отличался. На затылке мёртвой головы и сзади, чуть пониже — чудилось, тут поработал виртуозный парикмахер, — вилось несколько рыжих прядей.

Такие волосы были у самого Даэмана. И ещё — у его матери.

Он соскочил со стола, распахнул остеклённую стену, неверным шагом вышел на террасу, перегнулся через перила — и тут же изверг содержимое желудка прямо в красный, исполненный лавы зрачок исполинского Кратера. Потом его снова вывернуло, и ещё, и ещё, и потом ещё несколько раз, хотя в животе уже ничего не оставалось. Тяжёлый арбалет выпал из ослабевшей

руки на пол. Наконец мужчина умылся и прополоскал рот над медным тазом, подвешенным на декоративных цепях для купания птичек, после чего рухнул на пол, прислонившись к бамбуковым перилам и безучастно глядя в комнату через открытые стеклянные створки.

Молнии полыхали всё реже и постепенно тускнели, однако алое зарево Кратера нещадно высвечивало изогнутые кости черепов. И рыжие локоны.

Девятью месяцами ранее кузен Ады разрыдался бы, как тридцатисемилетний мальчишка — впрочем, почему *как?* Теперь, хотя желудок обжигала боль, а в груди сжимался чёрный кулак неведомой прежде ярости, он постарался размышлять трезво.

В том, кто или что подстроило увиденный кошмар, сомневаться не приходилось. Войниксы не питались жертвами и тем паче не уносили трупов. Мерзкие создания творили зло без разбора и без всякого порядка. Нет, это послание для Даэмана, оставить которое способно лишь одно из порождений тьмы. Всех до последнего жителей обиталища прикончили, обсосав их кости, словно рыбьи остовы, а мёртвые головы сложили в груду только ради того, чтобы весть дошла по адресу.

Судя по запаху свежей крови, ужасное случилось считанные часы назад, если не раньше.

Не торопясь поднимать арбалет, мужчина встал на четвереньки, медленно поднялся на ноги, вытер замаранные ладони, зашёл в большую комнату, обогнул длинный стол, наконец, взобрался на него и снял материнский череп. Руки тряслись. Плакать совсем не хотелось.

Люди лишь недавно узнали, как погребать своих мертвецов. За последние восемь месяцев в Ардис-холле скончались семеро: шестерых убили войниксы, а ещё одну девушку за ночь унесла таинственная лихорадка. «Старомодные» земляне ещё не догадывались, могут ли они заражаться друг от друга.

«Может, забрать её отсюда? Устроить похороны у дальней стены — на месте, которое выбрал Никто для нашего кладбища?»

Нет. В мире, полном факс-узлов, Марина более всего была привязана к этому обиталищу и Парижскому Кратеру.

«Но не бросать же маму здесь, подле прочих, — нахмурился сын. — Где-то среди них лежит негодяй Гоман».

И мужчина вернулся на террасу. Ливень разошёлся ещё сильнее, а вот ветер поутих. Целую

минуту Даэман стоял у перил террасы, подставив лицо прохладным струям, которые продолжали отмывать и без того чистый череп. Затем выронил материнскую голову и проследил за её долгим падением. Когда крохотная белая точка исчезла на фоне багрового ока, он поднял арбалет и тронулся в обратный путь: большая столовая, общая гостиная, прихожая, коридор…

Тут мужчина застыл. Не потому, что услышал какой-то звук: дождь барабанил так сильно, что даже аллозавр незаметно подкрался бы среди такого шума. Нет, кузен Ады понял: он что-то забыл.

«Что?»

Назад, в столовую. Дюжины мёртвых голов укоризненно уставились на гостя. «Но что я мог поделать?» — безмолвно спросил он. И черепа беззвучно отозвались: «Разделить наш удел». Избегая смотреть в пустые глазницы, Даэман схватил туринскую пелену.

Убийца оставил её не случайно. Не зря же во всех жилищах башни лишь эта повязка со вшитой микросхемой и стол оказались не запачканы кровью. Засунув игрушку в карман куртки, гость наконец покинул обиталище матери.

На лестнице, что вела к эспланаде, царила тьма,

нижние пятнадцать этажей были ещё мрачнее, однако Даэман не поднимал самострела. Если *он* или *оно* притаилось в кромешной мгле, так тому и быть. Ещё неизвестно, чья возьмёт, когда человек пустит в ход когти, зубы и бешеную ярость.

Но драться ни с кем не пришлось.

Мужчина невозмутимо шагал под проливным дождём по самой середине просторного бульвара; до цели оставалось полпути, когда за спиной раздался скрежет и грохот.

Уже поворачиваясь, сын Марины пал на одно колено и вскинул на плечо тяжёлый арбалет. Это не *его* звук. *Тот* или *то* передвигалось неслышно на перепончатых лапах с кривыми жёлтыми когтями.

Даэман поднял голову — да так и окаменел, разинув рот. Где-то между ним и башней матери возле Кратера закрутился вихрь. Вернее, там что-то вращалось: гигантское, в сотни метров диаметром, и с огромной скоростью. Электрические лучи беспорядочно с треском вырывались из шара, образуя вокруг него слепящую корону. Влажный воздух наполняли раскаты, от которых сотрясалась мостовая. Текучие фрактальные узоры пробегали по сфере, пока та не превратилась в круг и не спустилась на землю — даже чуть-чуть

под землю, — расколов старинное здание.

Потом из окружности брызнул свет, но такой, какого никогда ещё не видели на третьей от Солнца планете. Вклинившись в мостовую на одну четверть и закрыв собою восточное небо, круг застыл подобно небывалым воротам в какой-то паре кварталов от потрясённого человека. Мужчину едва не сбил ураган, устремившийся во врата с голодным воем.

Поверхность ещё подрагивала, но глаз уже различал синие волны ленивого, тёплого моря, красную почву, скалы и гору… нет, вулкан невероятной высоты, вздымающийся на фоне лазурного неба. Из глубины всплыло нечто внушительных размеров, розовато-серое, скользкое, а потом заторопилось в открывшуюся дыру, причём Даэману померещились бесчисленные ноги и исполинские ручищи существа. Воздух потемнел от мусора и пыли: это столкнулись встречные ветры, сразились, смешались — и улеглись.

Человек постоял минуту, всматриваясь в даль из-под руки, дабы не ослепнуть от рассеянного, но по-прежнему ненормально яркого сияния. К западу от небесной дыры заблестели под холодными лучами неведомого солнца каменные здания Парижского Кратера, а также арматурные

бёдра и опустевший живот Великой Блудницы; потом их окутали тучи пыли, вырвавшейся из портала. Прочая часть города, невидимая и мокрая, продолжала скрываться в ночи.

С юга и севера донёсся поспешный скрежет железных ног.

Из тёмного дверного проёма, до которого не успел дойти мужчина, выскочили двое войников. Стуча по камням хищными лезвиями, они бросились к жертве со всех конечностей.

Даэман взял их на мушку, подпустил поближе, всадил один болт в кожаный капюшон того, что бежал позади, а когда враг упал, — выпалил и второй, в грудь вожаку. Тварь повалилась, но продолжала ползти.

Сын Марины невозмутимо вытащил из колчана за спиной два зазубренных болта, перезарядил арбалет, опять прицелился — и оба наконечника с расстояния десяти футов точно вонзились в горб существа, где сходились нервные окончания. Чудовище наконец утихомирилось.

Теперь скрежет слышался с юга и запада.

Красноватое сияние озарило каждый закоулок, укрыться Даэману стало негде. Из гущи пыльного облака вознёсся грозный, зловещий, ни на что не похожий рёв: как будто бы страшные проклятия

на ужасном, нечеловеческом языке записали на плёнку и прокрутили задом наперёд.

Молодой мужчина не спеша зарядил самострел, последний раз обернулся на багровую гору в дыре, пробитой посреди небосвода и Парижского Кратера, и лёгкой трусцой, без паники, побежал к Дому Инвалидов.

25

Никто расставался с жизнью.

Харман возбуждённо расхаживал по комнатке на первом этаже Ардис-холла, приспособленной под импровизированный — и большей частью бесполезный — лазарет. Здесь находились книги для «глотания» с анатомическими таблицами, с описанием того, как оказывать первую помощь, лечить переломы костей и так далее, однако до сего дня один лишь Никто имел дело с более серьёзными ранами. Двое из тех, кого захоронили на свежем кладбище у северо-западного края ограды, скончались от боли в этом самом лазарете.

Ада не покидала супруга с тех пор, как он, пошатываясь, вошёл через северные ворота. Целый час она то брала его за руку, то прикасалась к

локтю, словно желая увериться, что муж действительно здесь, подле неё. Только что Харман и сам лежал на соседней койке рядом с Никем, лечил глубокие порезы. Некоторые пришлось зашивать, и это было больно. Однако ещё больнее оказалось пользоваться самодельными обеззараживающими жидкостями — то есть, попросту говоря, неразбавленным спиртом и чем-то ещё в этом роде. А вот грек получил чересчур серьёзные раны, чтобы надеяться на доморощенные средства. Товарищи как могли смыли грязь, наложили несколько стежков на пострадавший скальп, обработали открытые участки плоти антисептиком — бородач даже не очнулся, когда на них лили алкоголь, — но рука была слишком сильно повреждена; она и на теле-то еле держалась при помощи потрёпанных связок, обрывков соединительной ткани да покалеченной кости. Не успели самозваные лекари наложить повязки, как те промокли от крови.

— Он умирает, да? — подала голос Ханна.

Несчастная не выходила из лазарета ни на минуту, даже для того, чтобы сменить обагрённые одежды.

— Похоже на то, — сказал Петир. — Да, бедолаге не выжить.

— Почему он не приходит в себя? — промолвила молодая женщина.

— Должно быть, всему виной сотрясение мозга, — отозвался девяностодевятилетний. — Вряд ли это из-за рваных ран.

Ему захотелось выругаться. Это надо же, «проглотить» сотни томов по хирургии, а толку-то? Всё равно в подобных условиях и без опыта никто не рискнёт вскрывать голову ещё живого человека, чтобы ослабить внутричерепное давление, а если даже рискнёт… Так или иначе Одиссей-Никто обречён.

Ферман — добровольный санитар примитивного лазарета, «проглотивший» больше медицинских книг, чем Харман, задумчиво поднял голову (на случай операции он уже правил пилу и мясницкий нож), а затем негромко сказал:

— Скоро придётся решать, что нам делать с его рукой. — И он вернулся к точильному камню.

Ханна повернулась к Петиру:

— Я слышала, он пару раз начинал бормотать по дороге. Ты хоть что-нибудь разобрал?

— Не совсем. Почти ничего. Кажется, это был язык, на котором говорил другой Одиссей, из туринской драмы…

— Греческий, — вставил супруг Ады.

— Не важно, — произнёс молодой человек. — Два слова прозвучали по-английски, но тоже без особого смысла.

— Какие слова? — встрепенулась женщина.

— Что-то там про «ворота»… И потом «взломать»… Вроде бы. Он еле слышно лепетал, я пыхтел, а стражники кричали… Мы уже приближались к северному входу. Наверно, хотел сказать: мол, если не откроют, взламывайте.

— Ерунда какая-то, — нахмурилась Ханна.

Петир пожал плечами:

— Чего только не ляпнешь, когда ты почти в отключке.

— Возможно. — Харман прикусил губу, вышел из лазарета под руку с любимой женщиной и принялся расхаживать по просторному особняку.

Примерно пятьдесят человек из четырёхсот поселенцев Ардис-холла ужинали в главной столовой.

— Ты бы поела. — Супруг нежно погладил Аду по животу.

— А ты проголодался?

— Нет ещё.

Правду сказать, свежие раны в ноге не давали ему покоя, и еда всё равно не полезла бы в горло. Или же дело было в Одиссее, который лежал в

лазарете, истекая кровью и наверняка умирая?

— Ханне придётся туго, — шепнула Ада.

Девяностодевятилетний мужчина рассеянно кивнул. Что-то по-прежнему грызло его подсознание, некая неуловимая мысль, которая упрямо не желала облекаться в слова.

В огромной зале, некогда предназначавшейся для танцев, за длинными столами трудились дюжины работников: прилаживали перья и бронзовые наконечники к деревянным стрелам, мастерили копья, гнули охотничьи луки. Многие поднимали глаза и приветливо кивали проходящей мимо хозяйке Ардис-холла и её мужу. Супруги отправились в жарко натопленную кузницу-пристройку, где трое мужчин и три женщины ковали лезвия для ножей и бронзовые клинки, а потом правили их с помощью крупных точильных камней. К утру, когда после ночной отливки принесут расплавленный металл для работы, здесь будет нестерпимая духота, подумалось Харману. Он задержался, чтобы коснуться почти завершённого меча: оставалось лишь обмотать рукоятку тонкими кожаными ремнями.

«Топорная работа. — Мужчине стало грустно. — Не только чудесный подарок Цирцеи, сотворённый неведомо кем и неведомо где, но да-

же простое оружие из древней туринской драмы многократно превзойдёт эту вещицу мастерством исполнения и строгим изяществом отделки». И ещё ему было горько, что первыми плодами человеческого труда за два с лишним тысячелетия явились вот эти грубые орудия для убийства: дождались-таки возвращения своего часа.

В кузницу ворвался Реман — видимо, спешил с вестями в особняк. С одежды мужчины капала вода, в бороде блестели сосульки. Совсем недавно, покончив с работой на кухне, он вызвался встать на караул.

— Что случилось? — осведомилась Ада.

— Войниксы, — выдохнул Реман. — Уйма войниксов. Ни разу столько не видел.

— Готовятся к атаке? — спросил Харман.

— Под деревьями пока толпятся. Но их там не меньше сотни.

На всех дозорных башнях загудели колокола. Тревога. Если бы твари перешли в наступление, звучали бы охотничьи рога.

Столовая быстро пустела; одеваясь на бегу, люди хватали оружие и мчались на боевые позиции: у частокола, во дворе, у торцевой стены, в оконных и дверных проёмах, в портиках и на балконах особняка.

Девяностодевятилетний мужчина не тронулся с места. Так и застыл, будто скала посередине бурного потока.

— Харман? — прошептала жена.

Обернувшись, он повёл её против течения — назад, в лазарет, туда, где угасал Никто. Ханна уже оделась и нашла копьё, но ещё не решалась покинуть любимого. Прямо в дверях на друзей наткнулся Петир, однако вернулся к залитой кровью койке. Супруг Ады посмотрел на умирающего и сипло произнёс:

— Он не сказал «взломать ворота». Он сказал: «Златые Ворота». Колыбель у Золотых Ворот.

И тут на башнях затрубили рога.

26

Дырка в небесах — дело нешуточное. Даэману следовало немедля возвратиться в Ардис и рассказать об увиденном. Он понимал, но не мог этого сделать. Не потому что боялся неосвещённой дороги от огороженного частоколом павильона к особняку, растянувшейся на добрую милю с четвертью, — просто чувствовал, что пока не готов.

И молодой мужчина отправился в некое поза-

бытое место, код которого нечаянно обнаружил полгода назад, помогая друзьям составлять подробную карту всех четырёхсот девяти факс-узлов, когда колонисты Ардиса искали связи с уцелевшими землянами, а заодно исследовали незнакомые направления. Здесь было жарко и много солнца. Павильон стоял на покатом холме под пальмами, широкие листья которых колыхались под ласковым морским бризом. У подножия расстилался пляж — белоснежный полумесяц, огибавший лагуну с такими прозрачными волнами, что даже с высоты сорокафутовых рифов глаз различал песчинки на дне. Ни «старомодных» людей, ни «постов» Даэман тут не встречал, хотя обнаружил на северном побережье лесистые руины города, построенного, по всей видимости, ещё до Финального факса.

Молодой мужчина заглядывал сюда примерно дюжину раз, чтобы спокойно предаться размышлениям. Войниксы и прочие опасные чудища, казалось, тоже не ведали о здешних местах. Лишь однажды у самого рифа какой-то плавучий ящер высунул из воды могучую шею, щёлкнул пастью и скрылся, держа в зубах тридцатифутовую акулу. Страшновато, конечно, но больше ничего такого не случалось.

Сын Марины сбежал по холму и сел на песок, положив рядом верный арбалет. Солнце припекало вовсю. Путешественник скинул увесистый заплечный мешок, намокшую куртку и, наконец, рубашку. Из кармана что-то свисало. Даэман вытащил, размотал — ах да, это же та самая туринская пелена, что лежала под пирамидой из черепов. Он брезгливо швырнул тряпку подальше. Затем избавился от ботинок, брюк, нижнего белья и нетвёрдой походкой направился к воде, даже не обернувшись на заросли: нет ли кого поблизости.

«Мама умерла».

Жестокая мысль поразила его, словно удар в живот, и молодого мужчину чуть снова не затошнило.

«Мертва».

Мужчина шагал нагишом навстречу прибою. Постоял на краю, позволив тёплым волнам плескаться у ног и уносить золотой песок из-под пальцев.

«Мертва».

Он уже никогда не увидит её лица, не услышит родного голоса. Никогда, никогда, никогда, никогда, никогда.

Даэман тяжело опустился на мокрый пляж. Ко-

лонист Ардис-холла считал, что уже примирился с думой о смерти как неизбежном конце, после того как лицом к лицу столкнулся с неприкрытой, бесстыжей реальностью собственной гибели восемь месяцев назад, на орбитальном острове Просперо.

«Я знал, что рано или поздно уйду из жизни. Но только не она. Не Марина. Это… несправедливо».

Кузен Ады всхлипнул, подавив нежданный смешок: надо же, нашёл чему удивляться! После Великого Падения умерли тысячи… Тысячи — он это знал наверняка, потому что находился среди посланников Ардис-холла в другие общины. Мужчина видел кладбища, он даже сам объяснял собратьям, как нужно рыть могилы, где будут гнить закопанные тела…

«Мама! Мама!» Долго ли ей пришлось мучиться? Может, Калибан забавлялся с добычей, истязал её, заставил страдать перед смертью?

«Я уверен, это был Калибан. Вот кто поубивал их всех. Невероятно, но это правда. Чудовище истребило целый город — и только ради того, чтобы добраться до моей матери, водрузить её череп на пирамиду из мёртвых голов, оставив несколько рыжих прядей, чтобы я не сомневался в её гибели. Калибан, ты сучий дерьмоед, гни-

досос подколодный, урод, пальцем деланный, в горло йодом мазанный, разорви твою душу якорь, сто ежей тебе в…»

У Даэмана перехватило дыхание. В горле словно застрял неподатливый ком. Рот сам по себе раскрылся, как если бы мужчину снова затошнило, но несколько мгновений воздух не проходил ни туда, ни сюда.

«Мертва. Навеки. Мертва».

Сын Марины поднялся, вошёл в нагретую воду, нырнул, шумно вынырнул и, мощно работая руками, поплыл навстречу рифу, где бушевали волны и разбивались в белую пену, откуда однажды явилась доисторическая тварь, сожравшая акулу. Он всё сильнее и сильнее бил по воде, чувствуя, как соль обжигает глаза и щёки…

По крайней мере от этого вернулось дыхание. Мужчина одолел сотню ярдов — и вот лагуна распахнулась в открытое море, холодные потоки увлекали за собой, тяжеловесные волны с потрясающим грохотом разбивались за рифами, и Даэман чуть не поддался зову отлива, манящему прочь, дальше и дальше: ведь это не Атлантика, впереди никакой Бреши, тело может плыть сколько угодно, многие дни… но повернул и направился к берегу.

Выходя из воды, кузен Ады по-прежнему не волновался из-за своей наготы, но уже беспокоился за свою безопасность. Поднял просолённую левую руку, активировал функцию дальней сети. «Где это я?» Остров в южной части Тихого океана… Даэман едва не расхохотался. Девять месяцев назад, до встречи с Харманом, он и не подозревал, что Земля круглая, не догадывался о числе океанов и континентов, тем более не представлял себе, как они называются. Теперь ему всё это известно — а проку-то, шут возьми? Ровным счётом никакого, если подумать.

Ну и ладно, зато дальняя сеть не показала в округе ни единого «старомодного» человека или войникса. Даэман прошёл по пляжу, отыскал свои вещи, опустился на куртку, расстелив её наподобие одеяла, и вытянул загорелые ноги, покрытые песком.

В ту же секунду ветер подхватил пелену и понёс к воде. Не успев подумать, мужчина поймал на лету затейливо расшитую ткань, промокнул ею волосы, смял в руке и, упав на спину, вперился взглядом в чистое, как слеза, лазурное небо.

«Она мертва. Я держал её череп».

Откуда ему знать, что это был тот самый череп из сотни? Несколько прядей рыжих волос, остав-

ленных ради грязного намёка, ещё ничего не доказывают. Однако Даэман не сомневался. А может, не стоило разлучать её с остальными? Нет, только не с Гоманом, чьё дурацкое упрямство в конце концов убило Марину. Нет уж, только не с ним. В уме возникла чёткая картинка: маленькая белая точка исчезает на фоне багровой кипящей лавы Парижского Кратера.

Кузен Ады поморщился и прикрыл веки. Но даже сквозь них проникала осязаемая боль, пронзая глаза хирургическими ланцетами при всяком воспоминании об этой ночи.

Даэману полагалось вернуться к товарищам и рассказать об увиденном: о том, что Калибан уже наверняка вторгся на Землю, о странной дыре в ночном небосводе, о страшилище, явившемся прямо оттуда.

Но тут в голове зазвучали вопросы, которые примутся задавать Никто, Харман, Ада или другие. «Почему ты уверен, что это был Калибан?»

Уверен, и всё. Молодой мужчина просто *знал*. Между ним и чудовищем возникла некая связь — в ту самую минуту, когда противники кувыркались в почти лишённом притяжения пространстве разрушенного собора на орбитальном острове Просперо. С ночи Падения сын

Марины был убеждён: Калибан остался в живых, он каким-то немыслимым образом ускользнул на свободу и вырвался на Землю.

«Откуда тебе известно?»

Известно, и точка.

«Тогда объясни, как одному-единственному созданию ростом поменьше войникса удалось поубивать сотню обитателей Парижского Кратера, большую часть из которых составляли мужчины?»

Во-первых, он бы мог призвать на помощь клонов из Средиземного Бассейна — мелких калибано, которых Просперо создал несколько веков назад специально для защиты от войниксов Сетебоса, — но Даэман полагал, что этого не потребовалось. Бывший коллекционер бабочек чувствовал сердцем: людоед расправился в одиночку и с его матерью, и с прочими. «Чтобы послать мне весточку».

«Ладно. Если Калибан хотел тебя припугнуть, почему не явился в Ардис и не прикончил всех нас, оставив тебя на сладкое?»

Хороший вопрос. Мужчина догадывался почему. Он видел, как мерзкая тварь забавлялась с безглазыми ящерками, которых ловила в сточных прудах под землёй орбитального города, — драз-

нила их, мучила, прежде чем заглотить целиком. А ещё Калибан потешался над пленниками: над Сейви, Харманом и Даэманом, изводил их насмешками — прежде чем быстрее молнии кинуться на старуху, перегрызть ей горло и утащить мёртвое тело под воду, чтобы там полакомиться.

«Я для него — игрушка. Да и все мы».

«Что именно пересекло на твоих глазах дыру над Парижским Кратером?»

Ещё один хороший вопрос. Действительно, *что?* Пыль стояла столбом, вокруг яростно вращались мусорные смерчи, а сияние из иного мира попросту ослепляло. «Я видел, как огромный, склизкий мозг шагал на бесчисленных руках». Нетрудно вообразить себе реакцию обитателей Ардис-холла и прочих колоний на такие слова.

Впрочем, Харман не рассмеётся. Девяностодевятилетний мужчина был там, вместе с Даэманом и Сейви, которой оставалось жить считанные минуты; он слышал, как чудище тянуло почти нараспев, пыхтя, свистя и скрежеща противным голосом, поминая своего дрянного папашу: «Сетебос, Сетебос и Сетебос! — вопила тварь. — Помыслил пребывать средь холода луны…» И позже: «Помыслил, сам, однако, что Сетебос многорукий, как каракатица, деяньями ужасный,

впервые поднял взор и вдруг проник, что в небеса не взмоет, не дано, и счастья там не обретёт, но мир его — мир мыльных пузырей — реальным мирозданьям не чета, и доброе в сём мире столь же близко реальному добру и так же схоже, как схожи день и ночь».

По зрелом размышлении Даэман с Харманом решили, что орбитальный остров Просперо и есть «мир мыльных пузырей», а теперь дошла очередь и до «многорукого, словно каракатица» божества, которому поклонялся Калибан.

«А то существо, которое вышло из небесной дыры, каких оно было размеров?»

И в самом деле каких? Огромные постройки рядом с ним казались кукольными домиками. Да, но яркий свет, но ветер и пыль, но мерцающие склоны грозной горы позади ужасного гостя… Пожалуй, мужчина не стал бы говорить однозначно.

«Значит, придётся мне возвращаться».

— Господи Иисусе! — простонал Даэман.

Теперь-то он понимал, что использует не просто привычный с детства речевой оборот, а имя некоего Бога из той, Потерянной Эры.

— Господи Иисусе.

Возвращаться? Только не сегодня. Ему хотелось

остаться здесь, на прогретом и солнечном, безопасном пляже.

«А для чего каракатица заявилась в Парижский Кратер? Уж не на встречу ли с Калибаном?»

Делать нечего, придётся отправиться туда и всё разведать. Но не сию секунду. И не сию минуту.

Голова раскалывалась от невыносимой боли; острые стрелы печали втыкались изнутри в глазные яблоки. Чёрт, какое же яркое солнце! Даэман прикрылся ладонью. Не помогло. Тогда он расправил туринскую повязку и положил на лицо, как не раз делал прежде. Не то чтобы мужчину когда-либо занимала драма (охота за редкими бабочками и соблазнение юных девиц — вот и всё, что его интересовало в недавнем прошлом), однако и он частенько предавался общей забаве — от скуки, а порой из лёгкого любопытства. Исключительно по привычке, отлично зная, что все пелены отключились в ночь Падения, заодно с электрической сетью и сервиторами, сын Марины, как обычно, пристроил вшитую микросхему на середине лба.

Мозг захлестнули живые картинки, голоса и телесные ощущения.

Ахилл стоит на коленях подле мёртвой амазонки Пентесилеи. Небесная Дырка уже сомкнулась,

и побережье моря Фетиды простирается на юг и восток без единого следа Илиона или планеты Земля. Военачальники, сражавшиеся на стороне быстроногого, успели покинуть Марс до того, как это случилось. Большой и Малый Аяксы бежали, а с ними Диомед, Идоменей, Стихий, Сфенел, Эвриал и Тевкр… Исчез даже многоумный Одиссей, сын Лаэрта. Некоторые ахейцы — Менипп, Эвхенор, Протесилай и его боевой товарищ Подаркес — остались недвижно лежать на камнях, среди поверженных и ограбленных амазонок. Ужас и всеобщее смятение, охватившее всех, когда портал задрожал и начал закрываться, обратили в бегство даже самых верных спутников Пелида — мирмидонцев, уверенных, что их герой и предводитель удирает заодно с ними.

И вот Ахиллес остался наедине с погибшей красавицей. Со стороны отвесных скал у подножия Олимпа налетает марсианский ветер, завывает в пустых доспехах, треплет окровавленные вымпелы на древках копий, которые пригвождают павших к алому грунту.

Быстроногий мужеубийца нежно кладёт голову и плечи Пентесилеи себе на колено, заливаясь слезами при виде того, что сам сотворил. Раны в пронзённой груди уже не кровоточат. Пятью

минутами раньше Ахилл торжествовал победу, восклицая над убитой царицей:

— Неразумная девчонка! Не знаю, что наобещал тебе старый Приам за победу, но только вот она, твоя награда! Дикие звери и птицы растерзают белую плоть!

И он рыдает ещё сильнее, скорбя о собственных словах, не в силах отвести тоскующего взора от чистого лба и всё ещё розовых губ. Нарастающий ветер колышет золотые локоны амазонки; мужчина жадно смотрит, не дрогнут ли её ресницы, не распахнутся ли сомкнувшиеся веки. Горькие слёзы героя мешаются с пылью на девичьих щеках; ахеец отирает грязь краем своей одежды. Ресницы лежат, не дрогнув. Глаза не открываются. Брошенное в ярости копьё пробило насквозь не только прекрасную всадницу, но и коня.

— А ведь ты должен был взять её в жёны, сын Пелея, но не убить.

Ахиллес поднимает затуманенный слезами взор; неподалёку, против солнца, вырисовывается знакомая фигура.

— О богиня Афина… — Мужеубийца всхлипывает, подавившись невольными словами.

Средь сонма олимпийцев нет у него злее врага, чем Паллада. Ведь это она заявилась к нему в

стан восемь месяцев назад, убила дражайшего сердцу Патрокла, это её быстроногий мечтал прикончить в то время, пока воевал с остальными богами, нанося им несметные раны… А теперь в душе не осталось ни капли ненависти, одна лишь неизбывная печаль из-за смерти возлюбленной.

— Глазам своим не верю, — произносит бессмертная, возвышаясь над ним. На длинном золотом копье и латах сияет низкое предвечернее солнце. — Пролетело двадцать минут с тех пор, как ты желал — да нет же, *рвался*, — скормить это юное тело зверям и птицам. И вот — оплакиваешь.

— Я ещё не любил её, когда убивал, — с трудом признаётся грек, нежно стирая с лица Пентесилеи грязные полосы.

— Да ты вообще никогда не любил, — молвит богиня. — По крайней мере женщин.

— Но я делил своё ложе со многими, — возражает Ахилл, по-прежнему не в силах оторваться от милых черт. — Ради страсти к прекрасноланитной Брисеиде я даже повздорил с Агамемноном.

Афина смеётся.

— Она же была наложницей, о сын Пелея! Как и прочие женщины, с которыми ты переспал, не исключая и той, что родила тебе Пирра, или

Неоптолема, как однажды назовут его аргивяне. Все они были рабынями, рабынями твоего мужского эго. До нынешнего дня ты не знал настоящей любви, быстроногий.

Ахиллесу хочется встать и сразиться с бессмертной, которая стала ему заклятой противницей, когда убила дорогого душе Менетида, из-за которой он и повёл ахейцев на битву с богами, — но чувствует, что не в силах выпустить из объятий мёртвую амазонку. И пусть её отточенное копьё пролетело мимо цели: в сердце героя зияет неисцелимая рана. Ещё ни разу, даже после гибели Патрокла, Пелид не терзался такой беспросветной тоской.

— Почему… сейчас-то? — сетует он, сотрясаясь от рыданий. — И почему… она?

— Всему виною проклятие, наложенное на тебя повелительницей похоти Афродитой, — говорит богиня и не торопясь обходит мужеубийцу, поверженного коня и царицу, так чтобы кратковечный мог взирать на неё, не оборачиваясь нарочно. — Это она со своим распутным братцем Аресом вечно противилась твоим желаниям, отнимала друзей, отравляла каждую радость. Это она прикончила Патрокла восемь месяцев назад и унесла бездыханное тело.

— Но… Я же был там… Я видел…

— Ты видел богиню любви в моём обличье, — перебивает Паллада. — Думаешь, мы не умеем перевоплощаться в кого захотим? Хочешь, я сейчас же приму вид Пентесилеи, и ты утолишь свою похоть не с мёртвой, а с очень даже живой красавицей?

Ахиллес в изумлении разевает рот.

— Афродита… — произносит он минуту спустя, словно выплёвывает ругательство. — Убью суку.

Афина тонко улыбается.

— Давно пора было совершить сей в высшей степени достойный поступок, о быстроногий Пелид. Позволь я дам тебе кое-что.

В её ладони возникает маленький, украшенный драгоценными камнями клинок.

Бережно переложив любимую на правую руку, ахеец принимает подарок левой.

— Ну и что это?

— Кинжал.

— Сам вижу, что кинжал! — рычит Ахиллес, невзирая на бессмертный ранг собеседницы, третьерожденной среди богов, дщери верховного Зевса. — Клянусь Аидом, разве недостаточно мне собственного меча и большого ножа для разделки мяса? Забери свою игрушку обратно.

— Но этот клинок особый, — говорит Афина. — Им ты сможешь убить даже бога.

— Я и с обычным оружием резал их дюжинами.

— Резал, верно, — кивает Паллада. — Но только не лишал жизни. Моё лезвие способно причинить олимпийской плоти столько же вреда, сколько твой жалкий меч — какому-нибудь кратковечному.

Герой поднимается, с лёгкостью переместив тело царицы на плечо. Теперь клинок сверкает у него в правой руке.

— С какой, интересно, радости ты даёшь мне сей щедрый подарок? Долгие месяцы наши стороны воевали друг с другом, и вдруг ты предлагаешь себя в союзницы?

— На то есть свои причины, сын Пелея. Где Хокенберри?

— Хокенберри?

— Да, этот бывший схолиаст, а ныне тайный лазутчик Афродиты, — произносит бессмертная. — Он ещё жив? Мне нужно потолковать с этим смертным, но я до сих пор не знаю, где его искать. С недавнего времени защитное поле моравеков не даёт божественным взорам видеть, как прежде.

Ахиллес озирается и удивлённо моргает; кажется, он лишь теперь заметил, что стал единственным из живых людей, кто задержался на красной равнине Марса.

— Хокенберри был здесь пару минут назад. Мы разговаривали как раз перед тем, как я… её… пронзил… — Из глаз мужчины снова бегут потоки слёз.

— Жду не дождусь, когда мы с ним снова встретимся, — бормочет Паллада себе под нос. — Настал день расплаты, которого кратковечный так долго мечтал избежать.

Протянув могучую, стройную руку, она поднимает лицо героя за подбородок и смотрит прямо в глаза.

— Желаешь ли ты, о Пелеев сын, увидеть эту женщину… вернее, амазонку… живой и к тому же своей невестой?

Ахиллес округляет глаза.

— Я желаю только избавиться от любовных чар, богиня.

Паллада качает головой, облечённой в золотой шлем. Багровое солнце окутывает блеском её доспехи.

— Феромоны вынесли приговор, и он окончателен. Дышит она или нет, Пентесилея — твоя

первая и последняя страсть в этой жизни. Так хочешь ли ты получить её невредимой?

— *Да!!!* — кричит сын Пелея и шагает вперёд, с любимой женщиной на плече и безумным блеском в очах. — Воскреси мне её!

— Никому из богов и богинь это, увы, не под силу, — печально молвит Афина. — Помнишь, как ты однажды сам говорил Одиссею: дескать, можно что хочешь добыть — и коров, и овец густорунных, можно купить золотые треноги, коней златогривых, — жизнь же назад получить невозможно (заметь, ни мужу, ни женщине, о быстроногий); её не добудешь и не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела.[55] Даже верховный Зевс не имеет власти над ужасными вратами смерти, Ахилл.

— Тогда какого хрена ты здесь обещаешь? — рявкает мужеубийца.

Ярость клокочет в нём наравне с любовью — они точно масло и вода, точно пламя и… нет, не лёд, но другой вид огня. Грек чересчур проникается этой самой яростью и чересчур крепко сжимает в руке кинжал, пригодный для разделывания богов и богинь. Он даже суёт оружие за

---

[55] notes: 55
Перев. В. Вересаева.

широкий пояс — так, от греха подальше.

— Вернуть Пентесилею из мёртвых можно, — продолжает Афина. — Только не в моих это силах. Я могу лишь окропить её тело особой амброзией, избавляющей от любого тлена. Покойная навеки сохранит и нежный румянец на щеках, и еле заметную толику живого тепла, что угасает сейчас под твоими пальцами. её красота никогда не увянет.

— А мне-то что проку? — гаркает быстроногий. — Ты что, и вправду принимаешь меня за поганого некрофила?

— Ну, это уж твоё личное дело. — Собеседница скабрёзно подмигивает, и рука Пелида снова тянется к подаренному клинку.

— Но если ты у нас — человек действия, — продолжает бессмертная, — полагаю, тебе не составит большого труда вознести любимую на вершину Олимпа. Там, у самого озера, располагается огромное здание, в котором — это и есть наш секрет — в прозрачных, наполненных некоей жидкостью баках чуждые этому миру создания залечивают все наши раны, любые повреждения, возвращая улетевшую жизнь, по твоему же удачному выражению, обратно за ограду зубов.

Герой поворачивается, измеряет взглядом

внушительную гору, блистающую в солнечных лучах. Ей нет конца. Вершина теряется где-то за облаками. Крутые скалы у подножия — всего лишь безобидное начало, подступ к исполинскому массиву — и сами не ниже четырнадцати тысяч футов.

— Значит, на Олимп… — задумчиво произносит Ахилл.

— Раньше там был эскалатор… Ну, лестница такая, — поясняет Афина, указывая долгим копьём. — Видишь вон те развалины? По ним добираться по-прежнему проще всего.

— Но мне придётся сражаться на каждом шагу, — жутко ухмыляется кратковечный. — Мы ведь ещё воюем с богами.

Паллада сверкает зубами в ответ.

— Богов сейчас занимают междоусобные битвы, сын Пелея. К тому же все в курсе, что Брано-Дыра захлопнулась и смертные больше не угрожают Олимпу. Могу поспорить, никто тебя не заметит и не помешает в пути. А вот когда окажешься на месте, бессмертные, пожалуй, забьют тревогу.

— Афродита, — шипит быстроногий мужеубийца.

— Да, она непременно там будет. И ещё Арес. Создатели маленькой преисподней, в которой

ты сейчас очутился. Дозволяю тебе прикончить обоих. А за свою поддержку, милость и чудесную амброзию я попрошу лишь об одной услуге.

Ахиллес оборачивается, молча ждёт.

— Уничтожь прозрачные баки, как только воскресишь свою амазонку. Прикончи Целителя — огромную, похожую на сороконожку тварь, безглазую и со множеством рук. Разрушь без остатка всё, что найдётся в том зале.

— Богиня, разве твоё бессмертие от этого не пострадает?

— С этим я сама разберусь, о сын Пелея.

Афина Паллада протягивает руки ладонями вниз, и золотые капли амброзии падают на окровавленное, пронзённое тело Пентесилеи.

— Иди же. А мне пора заниматься своими делами. Скоро решится судьба Илиона. А твой жребий здесь, на Олимпе.

Она указывает на вулкан, уходящий громадой в небо.

— Ты говоришь так, словно я наделён божественной силой и властью, — шепчет ахеец.

— Ты всегда был наделён ими, сын Пелея, — изрекает Паллада и, воздев незанятую руку для благословления, квитируется прочь.

Раздаётся негромкий хлопок: это воздух устрем-

ляется в образовавшийся вакуум.

Ахиллес опускает царицу наземь, подле других мертвецов, но лишь затем, чтобы завернуть её тело в самое чистое покрывало, какое только удаётся разыскать в боевом лагере. Затем находит свой щит, копьё и шлем, походный мешок с хлебами, кожаные мехи с вином, которыми запасся несколько часов назад — как давно это было! Наконец, приладив оружие, он преклоняет колени, поднимает убитую амазонку и шагает навстречу вулкану Олимпу.

— Вот дерьмо! — Даэман стягивает с лица туринскую пелену.

Сколько прошло минут? Он проверяет напульсную функцию ближней сети. В округе — ни единого войникса. Окажись они рядом, уже давно бы разделали мужчину, как пойманного лосося, пока он здесь прохлаждался, захваченный драмой.

— Ну и дерьмо, — повторяет бывший коллекционер.

Никакого ответа. Лишь волны негромко плещут о берег.

— Что же сейчас важнее? — бормочет сын Марины. — Как можно скорей доставить эту заработавшую штуковину в Ардис-холл и разо-

браться, зачем Калибан оставил её для меня? Или вернуться в Парижский Кратер и разведать, что на уме у многорукого-словно-каракатица?

С минуту он тихо стоит на коленях, потом поднимается с песка, убирает расшитую пелену в заплечный мешок, вешает меч на пояс, подхватывает лук и устремляется на пригорок, к заждавшемуся факс-павильону.

27

Затемно пробудившись, Ада увидела в комнате сразу трёх войниксов. Один из них держал между длинными пальцами-лезвиями отсечённую голову Хармана.

Тут женщина проснулась по-настоящему, среди предрассветных сумерек, чувствуя, как бешено колотится сердце. Рот её был широко разинут, как если бы готовился испустить вопль ужаса.

«Милый!»

Она выкатилась из постели, присела на краешке, обхватила виски ладонями. Кровь грохотала, не унимаясь, даже голова кружилась. Невероятно: как это Ада смогла забыться, пока супруг ещё на ногах. Всё-таки глупая штука — беременность, подумалось ей, подчас ощущаешь себя преда-

тельницей.

Хозяйка Ардис-холла заснула прямо в одежде — в холщовых штанах, жилетке, блузке и толстых носках. Будущая мать как смогла уложила волосы и разгладила длинную юбку, чтобы не выглядеть неряхой. Прикинула, не взять ли немного драгоценной горячей воды из общих запасов и принять ванну, но передумала. Мало ли что могло произойти за час или два, с тех пор как она задремала. Ада обулась и поспешила вниз по лестнице.

Харман стоял в передней гостиной с широкими, ещё не разбитыми остеклёнными стенами, за которыми открывался вид на южную лужайку до невысокого частокола. Хмурые тучи не только совершенно застили восходящее солнце, но и начали сыпать белой крупой. Молодая женщина лишь однажды видела подобное в Ардисе, да и то — в детстве. Около дюжины колонистов обоего пола, в том числе и Даэман со странным румянцем на лице, негромко переговаривались у самой стены, глядя на снегопад.

Ада наспех обняла кузена и тут же прижалась к супругу, обвив его шею рукой.

— Как там Оди… — начала она.

— Никто пока жив, но уже одной ногой в моги-

ле, — тихо промолвил девяностодевятилетний мужчина. — Он потерял много крови. Дышит с усилием, всё хуже и хуже. Лоэс говорит, через час или два ничто не поможет. Вот решаем, как нам следует поступить… — Он обнял жену за талию. — Даэман привёз ужасные вести о своей матери.

Хозяйка Ардис-холла выжидающе посмотрела на друга. Неужели Марина окончательно отказалась переезжать? Они с кузеном дважды наведывались к ней за последние восемь месяцев, но так и не смогли переубедить упрямицу.

— Она мертва, — сказал молодой мужчина. — Калибан убил её и всех обитателей башни.

Ада прикусила сустав пальца чуть ли не до крови, проговорила:

— О, Даэман, как я тебе сочувствую… — И только потом, осознав услышанное, прошептала в ужасе: — *Калибан?*

Рассказы Хармана об орбитальном острове Просперо уверили её, что чудовище там и подохло.

— Калибан? — беспомощно повторила будущая мать, ещё не стряхнувшая с разума бремя ночного кошмара. — Ты уверен?

— Да, — отвечал кузен.

Ада обвила его руками; напряжённый и твёр-

дый, точно скала, молодой мужчина рассеянно погладил её по плечу: должно быть, ещё не пришёл в себя от потрясения.

Разговор перекинулся на оборону особняка минувшей ночью. Войниксы пошли в атаку около двенадцати часов, тварей было не меньше сотни, а то и полутора — моросящий дождь и кромешная мгла не давали разглядеть наверняка, — и все устремились на частокол одновременно с трёх разных сторон. Это было самое крупное и, без сомнения, самое слаженное нападение в истории Ардиса.

Защитники перебили войниксов перед самым рассветом. Вначале разожгли гигантские жаровни, потратив бесценные, сэкономленные нарочно для этой цели керосин и бензин-растворитель, осветив ограду и поля за нею, после чего обрушили на врага сущий шквал прицельного арбалетного огня. Болты далеко не всегда попадали по панцирям или кожаным наростам противников, гораздо чаще получалось наоборот, так что к утру колонисты лишились огромной части своих запасов, зато поубивали дюжины войниксов: команда Лоэса насчитала на полях и в лесу пятьдесят три недвижных тела.

Некоторые твари успели перепрыгнуть часто-

кол (войниксы, подобно гигантским кузнечикам, умели скакать прямо с места на тридцать футов и выше) и прорвались к воротам, но не в сам особняк — там их остановили «тыловые бойцы» с острыми пиками. Восемь человек получили ранения, из них только двое пострадали всерьёз: женщине по имени Кирик раздробило руку, а Ламан, приятель Петира, лишился четырёх пальцев. Правда, в последнем случае виноваты были не вражеские лезвия, а свой же товарищ по оружию, неудачно замахнувшийся мечом.

Но именно соньер помог колонистам переменить ход битвы.

Харман поднял овальный диск со старой платформы джинкеров, расположенной высоко на крыше Ардис-холла. Хотя в машине имелось шесть мелких углублений с мягкой обивкой, позволяющих лежать навзничь, Петир, Лоэс, Реман и Ханна предпочитали стрелять с колена: мужчины из винтовок, дама — из лучшего арбалета, который смастерила своими руками.

Опускаться ниже шестидесяти футов, опять же из-за повышенной прыгучести войниксов, было рискованно, однако и этого оказалось достаточно. Даже в дождь и в кромешном сумраке летучим стрелкам удалось остановить

нашествие тварей, которые носились, точно тараканы, и прыгали, будто саранча на сковородке. Харман повёл соньер меж высоких деревьев у подножия и на вершине холма. Защитники пускали с укреплений тучи горящих болтов; катапультированные шары пылающего, шипящего бензина-растворителя озаряли тёмную ночь. Войниксы разбегались, воссоединялись и нападали снова, но после шестой попытки наконец убрались прочь. Часть их отправилась к дальней реке, часть — на северные холмы.

— Интересно, почему они отступили? — произнесла молодая женщина по имени Пеаен. — Почему перестали атаковать?

— Как это почему? — изумился Петир. — Мы перебили треть их войска!

Девяностодевятилетний мужчина скрестил на груди руки, мрачно глядя на тихо падающий снег.

— Кажется, я понял, о чём ты, Пеаен. Мудрая постановка вопроса. Действительно, что вынудило тварей прервать сражение? Кто-нибудь видел, чтобы войниксы реагировали на боль? Их можно убить… но не заставить горевать по этому поводу. Мне тоже неясно: почему они разбежались, вместо того чтобы биться с нами до последнего?

— Кто-то их отозвал, — вставил Даэман. — Или что-то.

Ада покосилась на кузена. В течение последних девяти месяцев решимость и силы молодого мужчины заметно крепли с каждым днём. И вот во что он превратился: безучастный вид, рассеянный взор, монотонный голос… Ужасная гибель матери если не доконала беднягу, то собиралась доконать в самом ближайшем будущем.

— Если войниксов отозвали, кто бы это мог сделать? — подала голос Ханна.

Ей не ответили.

— Даэман, — заговорил наконец Харман, — начни-ка свою историю ещё раз, для Ады. И постарайся припомнить: вдруг ты что-нибудь упустил.

Длинная гостиная мало-помалу заполнялась людьми. Лица у всех были усталые. Слушатели не задавали вопросов и не перебивали рассказчика.

Скучным, бесцветным тоном Даэман поведал о бойне в башне Парижского Кратера, о пирамиде из черепов, о единственном не забрызганном кровью предмете — туринской пелене, о том, как сумел её активировать позже, отправившись по факсу кое-куда ещё… Он решил не уточнять, куда именно. Зато изложил все подробности насчёт по-

явления дырки над городом и описал вышедшую оттуда гигантскую тварь — нечто вроде мозга, передвигающегося на невообразимых руках.

После передышки, по его словам, Даэман вернулся ненадолго в Ардис. Охранники павильона, стоявшие на укреплениях с оружием и зажжёнными факелами, рассказали ему про ночные перемещения войниксов, про шум сражения и всполохи огненных шаров, долетающие со стороны особняка. Мужчину так и разбирало отправиться туда пешком, но люди на баррикадах отговорили пускаться в путь затемно, да ещё через лес, полный войниксов: ведь это была бы верная смерть.

И тогда кузен Ады оставил туринскую пелену капитанам охраны — Касману и Греоджи, поручив одному из них факсовать на Чом или в иное безопасное место, если твари вздумают напасть до его, Даэмана, возвращения.

«Мы уже и так хотели воспользоваться узлом, когда эти мерзавцы атакуют, — отвечал Греоджи. — Установили даже очерёдность: одни уходят, остальные прикрывают. Не рисковать же головами ради павильона!»

Бывший коллекционер бабочек молча кивнул и факсовал обратно в Парижский Кратер.

Выбери он Дом Инвалидов — тот, что поближе к центру, — не говорил бы теперь со своими друзьями, однако Даэман предпочёл Охраняемого Льва. Главная часть Парижского Кратера переменилась до неузнаваемости. Портал оставался на прежнем месте, источая бледный солнечный свет, но середину города сковала ветвистая сеть из голубого льда.

— Неужели там такая стужа? — поинтересовалась Ада.

— Когда подойдёшь поближе, то да, — пояснил молодой мужчина. — А в нескольких шагах поливал обычный промозглый дождик. Думаю, это и не лёд вовсе. Просто что-то холодное и прозрачное, но живое, вроде паутины на айсберге. В сердце Парижского Кратера эта дрянь затянула каждую башню, улицу и бульвар.

— Ты нашёл то… ну, существо… которое вылезло из небесной дырки? — спросила Эмма.

— Нет. Не смог подобраться. Никогда ещё не видел столько войниксов. Здание Охраняемого Льва — вы ведь помните, это старинный транспортный центр на рельсах, с удобными посадочными площадками на крыше, — так вот оно кишело мерзкими тварями… — Даэман покосился на девяностодевятилетнего товарища по приключе-

ниям. — Мне даже вспомнился Иерусалим.

— Так много? — только и произнёс Харман.

— Так много. Но ещё не всё. Я кое-что не рассказал.

Все молча ждали. Снаружи продолжал валить белый снег. Из лазарета донёсся стон, и Ханна сбежала проверить, как чувствует себя Одиссей-Никто.

— Из Парижского Кратера бьёт синий луч света, — промолвил Даэман.

— Синего цвета? — удивилась женщина по имени Лоэс.

И только трое слушателей понимающе нахмурились.

— Такой же, как в Иерусалиме? — спросил девяностодевятилетний путешественник. Ада и Петир тоже были наслышаны об этой загадке.

— Ну да, — подтвердил молодой мужчина.

— А нельзя говорить яснее? — возмутилась рыжеволосая Оэллео.

— В прошлом году мы уже видели нечто подобное в городе около пересохшего Средиземного Бассейна. Сейви, наша опытная спутница, толковала, что луч составлен из… Как там правильно, Даэман? Из тахионов?

— Вроде того.

— Тахионов, — продолжал супруг Ады. — Если не ошибаюсь, он содержал коды всех представителей её расы, населявшей Землю до Финального факса. То есть этот луч и был Финальным факсом.

— Не понимаю, — устало сказал Реман.

Даэман покачал головой.

— И я. Даже не знаю, откуда взялся странный свет — может, его принесла тварь из небесной дыры, а может, наоборот, луч сам её вызвал. Но есть ещё одна новость. Очень плохая.

— Хуже остальных? — рассмеялась Лоэс.

Мужчина даже не улыбнулся.

— Надо было срочно выбираться из Кратера, подальше от орд войниксов, и я подумал: куда? В Ардис-холле ведь ещё не рассвело. Ну и начал факсовать по всем знакомым местам: Беллинбад, Уланбат, Чом, Дрид, потом в поместье Ломана, Киев, Фуего, Деви, Сатл Хейтс, а после — в Мантую и, наконец, в башню Кейптаун.

— Ты хотел их предупредить, — вставила Ада.

— Конечно.

— И что здесь дурного? — осведомился Харман.

— В Чоме и в Уланбате открылись такие же дыры. В сердце колоний раскинута ледяная паутина и бьют в небеса голубые лучи. Сетебос и

там побывал.

28

Четыре десятка слушателей потрясённо переглянулись. А потом рассказчика захлестнула волна недоумённых вопросов. Даэман и Харман принялись объяснять, как именно выражался Калибан с орбитального острова о своём божестве — «многоруком, словно каракатица» Сетебосе.

Всех беспокоила судьба Уланбата и Чома. Второй из узлов молодой мужчина успел разглядеть лишь издали — тот на глазах зарастал голубой паутиной. А в Уланбат он для верности факсовал сразу на семьдесят девятый уровень Небесных Колец и с опоясывающей террасы увидел за милю от себя сияющую дырку над пустыней Гоби. Таинственные нити похожего на лёд вещества уже переползали с наружных построек на нижние уровни Колец. Семьдесят девятый этаж был чист от «паутины», однако надолго ли?

— Там было много людей? — не удержалась Ада.

— Ни одного.

— А войниксов?

— Целые сотни. Так и шныряли вокруг паути-

ны, по ней и внизу. Только не в самих Кольцах.

— Куда же подевались жители? — жалобно спросила Эмма. — В Уланбате хватало оружия: мы сами меняли его на местный рис и одежду…

— Должно быть, они спаслись через факс, как только увидали небесный портал, — заметил Петир.

Аде его убеждённость показалась немного наигранной.

— Но если все успели бежать, — рассудительно вставила Эмма, — почему из Уланбата и Чома никто не явился к нам просить убежища? Целых три города, вместе с Парижским Кратером, — это же уйма народа, десятки тысяч «старомодных», как мы. И где же они? Греоджи, Кас, — обратилась она к начальникам стражи, недавно вернувшимся из ночного караула, — сегодня при вас были новые беженцы? Кто-нибудь факсовал из других мест?

Греоджи покачал головой.

— Только Даэман Ухр. Уже под утро и вчера поздно вечером.

Хозяйка Ардис-холла выступила на середину круга.

— Послушайте… предлагаю обсудить это потом. А сейчас мы все утомились. Некоторые всю ночь не смыкали глаз. Многие даже не ели с тех пор,

как началась заварушка. Стоман, Кэл, Боман, Элле, Анна и Уру приготовили кучу снеди на завтрак. Те, кому пора вставать на караул, сначала ваша очередь. И не жалейте кофе, пейте больше. Остальным тоже не помешает подкрепиться и немного прикорнуть. Реман просил напомнить, что в десять утра будет литьё. В три пополудни встречаемся в бывшей бальной зале, устроим собрание всех членов общины.

Люди ещё потолпились, приглушённо переговариваясь между собой, но всё-таки разошлись — кто на завтрак, а кто по делам.

Харман заторопился в лазарет, на ходу подмигнув Аде и Даэману. Кузен с кузиной подождали, когда разбредутся остальные, и тронулись вслед за ним.

Хозяйка Ардис-холла тайком потолковала с Томом и Сирис — добровольными медработниками, которые оказывали раненым первую помощь, а также ночь напролёт приглядывали за Никем. Ада отправила их на завтрак в общую столовую, и в лазарете остались пятеро. Ханна неотлучно сидела у постели потерявшего сознание больного, Даэман и супруги стояли рядом.

— Как в старые денёчки, — произнёс девяностодевятилетний мужчина, намекая на время

девятимесячной давности, когда вся пятёрка странствовала заодно, ещё в компании Сейви.

— Только вот Одиссей умирает, — без выражения сказала Ханна, сжимая руку древнего грека в своей, так что переплетённые пальцы обоих побелели от напряжения.

Харман приблизился и посмотрел на бесчувственное тело. Наложенные час назад повязки насквозь пропитались кровью. Под сомкнутыми веками — никакого движения. Бледные, как и кончики пальцев, губы слегка раскрылись, из них вырывалось такое неглубокое, такое прерывистое, такое неверное дыхание.

— Я думаю забрать его на Мачу-Пикчу, к Золотым Воротам, — промолвил муж Ады.

Все изумлённо уставились на него.

— Хочешь сказать, когда он… умрёт? — пересилила себя Ханна. — Чтобы там похоронить?

— Нет. Сейчас. И чтобы спасти.

Пальцы жены пребольно впились в руку мужчине, он едва не вскрикнул от неожиданности.

— О чём ты? — Большие настойчивые глаза требовали ответа.

— Помните, что сказал Никто Петиру вчера вечером у стены, прежде чем потерял сознание? По-моему, он просил доставить себя в саркофаг

на Мачу-Пикчу.

— Что ещё за саркофаг? — не понял Даэман. — Я видел только гробы из хрусталя.

— Криотемпоральные колыбели, — поправила Ханна, старательно выговаривая по слогам. — Точно, были такие. Сейви про них рассказывала. Она и сама провела там несколько столетий и там же нашла спящего Одиссея за три недели до нашей первой встречи.

— Да, но старуха редко баловала нас правдой, — возразил Харман. — Может, и вообще никогда. Грек признавался, что знает её много дольше. Как же, ведь они на пару распространяли на Земле туринские пелены, мода на которые появилась одиннадцать лет назад.

Ада нащупала в кармане расшитую ткань с микросхемой, оставленную для неё Даэманом.

— Вот и Просперо… там, наверху… намекал, — продолжал девяностодевятилетний, — что мы, дескать, не готовы понять всего насчёт Одиссея. Да и сам бородач, перебрав за ужином сладкого вина, всё время болтал о некой колыбели, шутил, что хорошо бы туда вернуться.

— Может, он имел в виду хрустальные гробы… э-э-э… саркофаги? — предположила Ада.

— Не думаю. — Харман принялся расхажи-

вать взад и вперёд между пустыми койками. Все прочие жертвы минувшего сражения предпочли выздоравливать в собственных комнатах особняка или в наружных казармах, и только Никто долежал до утра. — Чует моё сердце: там, у Золотых Ворот, спрятано что-нибудь вроде целительной колыбели.

— Зелёные черви, — прошептал Даэман, и его лицо, белое точно мел, побледнело ещё сильнее.

Ошеломлённая Ханна даже выпустила руку любимого. Видимо, клетки её тела сохранили остаточную память о пребывании в лазарете Просперо на орбитальном острове, пусть даже разум отрёкся от неприятного бремени.

— Сомневаюсь, — поспешил возразить Харман. — Мы ведь не обнаружили там ничего похожего на целебные баки небесного лазарета. Ни зелёных червей за стеклом, ни оранжевой жидкости. Надо полагать, колыбель укрыта где-то ещё.

— Так это всего лишь догадки, — равнодушно, чуть ли не грубо вставила Ада.

— Ну да. Всего лишь догадки. — Мужчина устало потёр щёку. — Но что-то мне подсказывает: если Никто… э-э-э… Одиссей… не скончается по дороге, у нас появится надежда спасти ему жизнь.

— Это невозможно, — отрезала хозяйка Ардис-холла.

— Почему нет?

— Потому что соньер нужен здесь. Без него не отбиться от войниксов, если твари нагрянут ночью. Вернее, *когда* нагрянут.

— Да ведь я обернусь дотемна, — заверил её супруг.

— Как это? — Ханна даже вскочила. — Я же была тогда с вами и Сейви. До Золотых Ворот добираться не меньше дня!

— Можно и побыстрее, — загадочно произнёс Харман. — Старуха нарочно включила самую тихую скорость, чтобы нас не пугать.

— И насколько быстрее? — осведомился Даэман.

Муж Ады замялся.

— Ну… намного. Соньер утверждает, что способен достичь Золотых Ворот Мачу-Пикчу за тридцать восемь минут.

— За тридцать восемь минут? — воскликнула хозяйка Ардис-холла, которая тоже не забыла того утомительно долгого перелёта.

— Значит, соньер сказал? — разочарованно протянула её подруга. — И когда же? Кажется, эти машины не умеют разговаривать.

— Так оно и было до сегодняшнего утра, — кивнул девяностодевятилетний. — Но я тут улучил минутку сразу после битвы, повозился с машиной и ухитрился подключиться к дисплею через напульсную функцию.

— Как тебе удалось? — удивилась жена. — Я несколько месяцев искала новые функции, а всё без толку.

Харман опять потёр щёку.

— А мне надоело, и я просто спросил, как это сделать. Оказалось, нужно представить себе три зелёных кружочка внутри алых окружностей побольше. Проще простого.

— И что, соньер тебе объяснил, как долго будет в пути? — недоверчиво поинтересовался Даэман.

— Да нет, он *показал*, — мягко возразил девяностодевятилетний. — Диаграммы, карты, сопротивление воздушных потоков, скоростные векторы. Всё это возникло перед глазами, ну, как на дальней сети. А то и как…

Он запнулся.

— Как на сплошной, — закончила Ханна.

Прошлой весной друзья поочерёдно испытали головокружительное потрясение от нового дара, доступ к которому показала им Сейви. Но пользоваться им так и не научились: не могли управлять

чересчур большим потоком информации.

— Ага, — кивнул супруг Ады. — Вот я и прикинул: если забрать Одиссея… э-э-э… Никого прямо сейчас, можно было бы поискать целительную колыбель, а если не найдётся — оставить его в хрустальном гробу и вернуться к трём часам дня. Успею на общее собрание… чёрт, даже на ленч.

— Он может не пережить полёта, — безучастно произнесла Ханна.

Бедняжка не отрываясь глядела на любимого мужчину, до сих пор не приходящего в сознание, и жадно ловила хриплые вздохи.

— Он и до завтра не дотянет, при нашей-то медицине. Какие же мы все… мать нашу… невежды! — Харман грянул кулаком по крышке деревянного ящика и тут же отдёрнул руку, с костяшек которой сочилась кровь, досадуя на себя за неожиданную вспышку.

— Я с тобой, — вызвалась Ада. — В одиночку тебе его в пузырь не втащить, тут носилки понадобятся.

— Ну уж нет, — воспротивился Харман. — Лучше тебе остаться, милая.

Будущая мать запальчиво вскинула подбородок, и чёрные глаза на белом от усталости лице блеснули гневом.

— Лишь потому что я…

— Да нет же, не из-за маленького. — Мужчина ласково протянул широкую, загрубелую ладонь и погладил крохотный кулачок. — Подумай, как ты нужна здесь. Даэман привёз дурные вести, уже через час они разлетятся по всей колонии. Люди начнут поддаваться страху.

— Вот и оставайся сам, — шепнула Ада.

Супруг покачал головой.

— Сокровище, ты ведь здесь главная. Кому принадлежит Ардис? Ты хозяйка, мы твои гости. Колонисты станут задавать вопросы не только на общем собрании, а прямо сейчас. Кто лучше тебя сможет их успокоить?

— Я не знаю, что отвечать, — беспомощно сказала молодая женщина.

— Нет знаешь, — возразил девяностодевятилетний. — Как ты предложишь поступить в связи с рассказом Даэмана?

Ада поворотилась к окну. Стёкла затягивал иней, но дождь и снег на улице временно прекратились.

— Для начала проверить, много ли других общин пострадали от этих небесных дыр и голубого льда, — тихонько промолвила она. — Отправим десяток посланников на разведку к оставшимся

узлам.

— Так мало? — спросил кузен, ведь узлов оставалось около трёх сотен.

— Учитывая, что войниксы способны нагрянуть и днём, это всё, что мы способны себе позволить, — отрезала хозяйка особняка. — Каждый получит по три десятка кодов и до наступления темноты на этом полушарии постарается охватить из них столько, сколько успеет.

— А я поищу новые склады дротиков у Золотых Ворот, — ввернул Харман. — В прошлый раз Одиссей привёз триста полных обойм, однако вчера их почти растратили.

— Мы отрядили несколько человек вытаскивать арбалетные болты из мёртвых войниксов, — сообщила Ада. — Да и Реман получил сегодня задание серьёзно пополнить запасы, и я удвою число его помощников. Со стрелами для луков больше возни, но мы решили к вечеру поставить на укреплениях новых лучников.

— Это *я* полечу с тобой, — вдруг заявила товарищу Ханна. — Действительно, с носилками одному не управиться. А ведь ни одна душа не исследовала город зелёных пузырей у Золотых Ворот дольше и лучше меня.

— Хорошо, — согласился Харман, заметив,

как жена (какое непривычное слово: «жена»!) мельком покосилась на более юную подругу, как вспыхнула в глазах её ревность и быстро погасла.

В конце концов, мнимая «соперница» не делала тайны из того, что пылает пусть неразделённой, но глубокой страстью к одному-единственному на свете мужчине — она избрала Одиссея.

— Я тоже отправлюсь, — произнёс Даэман. — Лишний арбалет вам не повредит.

— Пожалуй, — кивнул девяностодевятилетний, — но, по-моему, гораздо полезнее будет остаться и возглавить отбор посланников, подробно рассказать им об увиденном, ну и распределить коды.

Бывший собиратель бабочек пожал плечами.

— Ладно. Заодно возьму тридцать узлов на себя. Удачи.

Он коснулся ладони кузины, кивнул остальным и вышел. Харман обратился к Ханне:

— Давай-ка перекусим на скорую руку, потом прихватим оружие, оденемся — и в дорогу. Я спущусь на соньере к лазарету. Надо ещё найти ребят покрепче, пусть помогут донести Одиссея до машины.

— А разве нельзя поесть по пути? — спросила

молодая женщина.

— Уж лучше заранее, — поморщился возлюбленный Ады, припомнив сумасшедшую траекторию полёта, которую показал соньер: почти отвесный подъём из Ардиса, крутая арка над атмосферой и пулей вниз. При одной лишь мысли об этом сердце выпрыгивало из груди.

— Пойду заберу свои вещи, — сказала Ханна. — Поищу Тома и Сирис. Может, они помогут с Одиссеем. — И она заспешила вон, чмокнув подругу в щёчку.

Харман покосился напоследок на сизое лицо умирающего, подхватил супругу под локоть и повёл по коридору в сторонку.

— Всё-таки я должна полететь с тобой, — заупрямилась Ада.

— И мне бы хотелось того же, — понимающе кивнул мужчина. — Но люди скоро переварят новости Даэмана. Когда до них дойдёт, что Ардис — возможно, единственный уцелевший узел, а кто-то или что-то пожирает все прочие города и поселения, начнётся такое…

— По-твоему, остались только мы? — прошептала хозяйка особняка.

— Понятия не имею. Но если та дрянь, что на глазах твоего кузена выползла из небесной дыры,

и есть божество Сетебос, о котором твердили Просперо и Калибан, то мы в большой беде.

— Думаешь, Даэман не ошибся, и… настоящий Калибан теперь орудует на Земле?

Харман закусил губу, пораскинул мозгами и наконец произнёс:

— Да. Полагаю, это чистая правда. С чудовища станется устроить бойню в Парижском Кратере и вырезать жителей целой башни, лишь бы добраться до матери Даэмана и преподать ему жуткий урок.

Проглянувшее солнце снова заволокли тяжёлые тучи; на улице потемнело почти как ночью. Казалось, Ада пристально наблюдает за рабочей суетой у литейного купола. Снаружи донёсся весёлый смех мужчин и женщин, отправляющихся на смену стражникам у северной стены.

— А если Даэман не обманулся, — вполголоса, не поворачиваясь, промолвила будущая мать, — то что помешает Калибану и прочим тварям заявиться к нам, когда ты улетишь? Не боишься спасти своего Одиссея, потом вернуться сюда — и найти пирамиды обглоданных черепов? Мы даже улететь не сможем: соньер-то вы заберёте.

У Хармана вырвался стон. Отпрянув от супруги, девяностодевятилетний утёр ладонью лоб и щё-

ки: кожа отчего-то похолодела и стала липкой.

— Любимый! — Ада вдруг развернулась, шагнула к нему и порывисто обняла. — Прости, я зря это сказала. Конечно, ты должен лететь. Безумно важно, чтобы Одиссей выжил: он, во-первых, наш друг, а во-вторых, может знать, что за опасность нам грозит и как с ней бороться. Да и лишние боеприпасы не помешают. И я бы ни за что на свете не бросила Ардис-холл. Здесь мой дом, наш общий дом. Как хорошо, что четыре сотни человек помогают его защищать! — Она поцеловала мужа в губы, ещё раз прижалась щекой к его кожаной куртке и прошептала: — Ну разумеется, тебе нужно лететь, Харман. Нужно. Извини, я тут наговорила напраслины. Только возвращайся скорее.

Мужчина хотел её утешить, но не нашёл подходящих слов — и лишь крепко обнял в ответ.

29

Опустив соньер на три фута над землёй у основного чёрного хода, девяностодевятилетний мужчина увидел, что его поджидает Петир.

— Я отправляюсь с вами, — заявил молодой человек.

Дорожная накидка, короткий меч и охотничий нож за поясом, полный колчан и самодельный лук не оставляли сомнений в серьёзности его слов.

— Я уже сказал Даэману… — начал было Харман, опершись на локоть и выглядывая из ниши на поверхности овальной летающей машины.

— Знаю, всё так… Но только для него. Парень ещё не пришёл в себя после смерти матери, работа с посланниками немного развеет его тёмные мысли. Но и вдвоём вам лететь нельзя. Ханна, конечно, с носилками справится, а кто прикроет ваши спины в случае чего?

— Ты нужен здесь…

— Нет, не нужен, — опять перебил Петир. Голос у него был тихий, твёрдый, невозмутимый, но взгляд прожигал насквозь. — Винтовка с дротиками — вот чего не хватает нашим. Я оставлю её вместе с обоймами. А без меня как-нибудь обойдутся. Через шесть часов моя смена на карауле, перед этим полагается отдых. Если не ошибаюсь, ты обещал Аде Ухр обернуться довольно скоро?

— Вообще-то… — Харман не успел договорить.

Его супруга вышла из дверей вместе с Ханной, Сирис и Томом, неся Одиссея. Умирающий был завёрнут в тёплые одеяла. Пилот выпрыгнул из

парящего соньера, помог поднять седокудрого силача и уложить его в мягко выстеленное углубление в задней части летучей машины. Обычно во время путешествия пассажиров удерживали на месте ориентированные силовые поля, но колонисты решили на всякий случай опутать не приходящего в сознание друга шёлковой сетью, натянутой по периметру каждой ниши для оружия и прочих неодушевлённых предметов, и закрепить её как следует. В конце концов, древний грек мог умереть прямо в полёте, и холодное тело попросту выпало бы наружу.

Харман забрался на своё место, пристроился и сообщил Ханне:

— Петир составит нам компанию.

Девушка словно и не услышала. Она смотрела только на умирающего Одиссея.

— Ладно, парень, — продолжил пилот, — твоя ниша слева и в хвосте. Лук и стрелы держи наготове. Ханна, ты справа. Отправляемся.

Тут подошла Ада, перегнулась через металлический край и быстро чмокнула супруга в губы.

— Возвращайся засветло, а то хуже будет, — вполголоса пригрозила она.

Затем повернулась и пошагала обратно к особняку с Томом и Сирис.

Харман просунул обе ладони под носовой край аппарата, активировал голографическую панель управления и вообразил три зелёных кружочка внутри больших алых окружностей. Над левым запястьем заструилось голубое свечение, а перед глазами пилота стали вырисовываться причудливые линии.

— *Цель путешествия — Золотые Ворота Мачу-Пикчу?* — ровным голосом произнесла машина.

— Да, — отозвался мужчина.

— *Кратчайшая траектория?* — уточнил соньер.

— Да.

— *Всё готово к началу полёта?*

— Готово, — сказал Харман. — Поехали.

Людей вжало в ниши: это заработали силовые поля-ограничители. Машина разогналась над частоколом и кронами деревьев, а потом почти отвесно устремилась в небо и преодолела звуковой барьер, не успев набрать и двух тысяч футов.

Ада не стала смотреть, как улетает её любимый, и когда звуковая волна (сколько же их обрушилось на дом со дня Великого Падения за время жутких метеоритных ливней!) сотрясла окна и стены, будущая мать всего лишь поинтересовалась у Оэллео, чья очередь убирать и менять

разбитые стёкла.

В главном зале она сняла с крючка шерстяной плащ, миновала двор и отправилась дальше за ворота. На бывшей красивой лужайке, сбегавшей по холму на четверть мили — нынешнем пастбище и поле битвы у Ардиса, — коченели земляные комья и трава, утоптанные копытами, разрытые лапами врагов: того и гляди вывихнешь лодыжку. Вдоль кромки леса медлительные быки с грохотом тянули длинные грузовые дрожки, куда специально отряжённые мужчины и женщины складывали трупы войниксов. Металлические корпусы переплавлялись потом на оружие, а кожа из горбов годилась на одежду и крепкие щиты. Ада помедлила, посмотрела, как один из первых учеников Одиссея по имени Каман, употребляя особые клещи, которые придумала и выковала для этой цели Ханна, выдирает из мёртвых тел и собирает в большие вёдра использованные арбалетные болты: после их можно будет почистить и заново наточить. И дно повозки, и руки мужчины в длинных перчатках, и заледенелая почва посинели от крови чудовищ.

Супруга Хармана прошлась вдоль ограды, то выходя за ворота, то возвращаясь, там и тут беседуя с работниками, послала завтракать дозорных,

простоявших на страже всё утро, и под конец решила забраться на купол, чтобы потолковать с Лоэсом и понаблюдать за последними приготовлениями к литью. Всё это время она упорно делала вид, будто не замечает Эмму и трёх молодых людей: четвёрка неотлучно следовала за ней, держась примерно в тридцати шагах за спиной, подняв заряженные арбалеты и сосредоточенно косясь по сторонам.

Пройдя в дом через кухню, Ада проверила время по напульсной функции: муж улетел тридцать девять минут назад. Если расчёты соньера не лгали — во что с трудом верилось, стоило вспомнить долгое-предолгое путешествие от Золотых Ворот с остановкой в секвойевых пущах где-то в окрестностях Техаса, о существовании которого странники тогда впервые узнали, — в общем, согласно расписанию, Харман должен был уже добраться до места. Ещё какой-нибудь час, и он отыщет пресловутую целебную колыбель, а то и просто запихнёт умирающего Никого во временной саркофаг, и возвратится прежде, чем успеют подать ужин. Кстати, сегодня готовить ей.

Повесив шаль на крючок, хозяйка Ардис-холла поднялась к себе в комнату, которую теперь делила с мужем, и затворила дверь. Потом достала

и развернула пелену, которую принёс Даэман и которую она во время беседы сунула в самый глубокий карман.

Харман почти не интересовался туринской драмой. Да и Даэман тоже, насколько помнилось Аде. В ушедшие навеки прежние времена его единственным развлечением было соблазнение молоденьких девушек. Впрочем, если начистоту, он ещё ловко охотился по полям и лесам на редких бабочек. Строго говоря, молодой человек приходился ей двоюродным братом, хотя ещё недавно любые слова, обозначавшие кровную связь, ничего не стоили в мире, которому девять месяцев назад пришёл конец. «Сестра» или «кузина» — так обращались друг к другу женщины, имея в виду всего лишь многолетнюю приязнь и, возможно, тёплые отношения между своими детьми. Тем самым создавалась хотя бы видимость некоторого родства. Теперь, когда хозяйка Ардис-холла сама превратилась во взрослую и к тому же беременную женщину, ей вдруг пришло на ум, что именно могло означать уважительное обращение «кузен». Вероятно, их матери — обе уже умершие, тоскливо подумалось ей, — решили в своё время понести от одного и того же мужчины, то есть воспользовались идентичны-

ми пакетиками спермы. Супруга Хармана лишь улыбнулась, благодарно порадовавшись тому, что в прошлом пухлому и распутному Даэману так и не удалось её совратить.

Так или иначе, ни муж, ни кузен Ады не увлекались туринскими пеленами — в отличие от неё. Пока повязки исправно функционировали, а это длилось почти десять лет, владелица особняка чуть ли не каждый день переносилась в кровавый мир осаждённого Илиона. Надо признаться, её действительно восхищала жестокость и мощь воображаемых героев (по крайней мере они казались воображаемыми, пока во время странствий друзья не наткнулись у Золотых Ворот на живого Одиссея), и даже их варварская речь, непостижимым образом переводившаяся будто сама собой, опьяняла не хуже наркотика.

И вот супруга Хармана улеглась на кровать, накрыла пеленой лицо, пристроила микросхему на лбу, а затем прикрыла глаза, хотя и без особой надежды на успех.

Глубокая ночь. Троянская башня.

Ада уверена, что попала именно в осаждённый город, ночные очертания которого давно уже помнит наизусть. Впрочем, за сотни «посещений» она впервые видит город Приама с такой

необычной точки зрения. Какая-то полуразрушенная круглая башня, южная часть кладки отсутствует, а в нескольких футах от непрошеной свидетельницы прильнули друг к другу двое. Они прикрывают одеялом костёр, от которого, в сущности, остались одни уголья. Хозяйка Ардис-холла безошибочно узнаёт обоих, вот только не может взять в толк: с какой стати Елена и её бывший муж снова вместе, почему они в городе и следят со стены за яростной битвой. Откуда здесь Менелай и как он может греться под одним одеялом — вернее, под красным шерстяным плащом, — с этой женщиной? Казалось, он и другие ахейцы только для того и сражались неполных десять лет на глазах у зрителей, чтобы ворваться в Трою и прикончить изменщицу.

Между тем остальные греки до сих пор бьются за вход в город.

Повернув несуществующую голову, Ада меняет угол зрения — вот это да, предыдущие просмотры не позволяли ничего подобного! — и в благоговейном изумлении распахивает глаза, взирая на Скейские ворота и неприступные укрепления.

«Как похоже на то, что творилось в Ардисе прошлой ночью!» — думает будущая мать и тут же усмехается над неловким сравнением. Здесь

вам не жалкий деревянный заборчик: Илион окружает каменная стена высотой в сотню футов, а шириной — в целых двадцать, с уймой дозорных башен, тайными проходами для вылазок, бойницами, брустверами, рвами с водой, рядами заострённых кольев и траншеями. Да и великий город осаждает не сотня с чем-то бессловесных войниксов, а десятки тысяч ликующих, ревущих, изрыгающих проклятия греков: бесчисленные факелы, костры и горящие стрелы на мили вокруг озаряют неудержимые волны героев, и каждая волна — это новое войско со своим царём, вождём, осадными лестницами, колесницами, сосредоточенное только на собственной битве в гуще огромной войны. И если в Ардис-холле укрывались от противника четыреста душ, то здешние защитники — с высокой башни видны тысячи лучников и копейщиков на парапетах и ступенях длинной южной стены — охраняют жизни более чем сотни тысяч объятых ужасом кровных родственников: жён, дочерей, неоперившихся сыновей и дряхлых родителей. А вместо единственного беззвучного соньера, парящего над задним двором, по здешнему небосводу носятся дюжины летающих колесниц, для безопасности заключённых в отдельные энергетические пу-

зыри, откуда их божественные наездники мечут зигзаги молний и силовые лучи — кто в горожан, а кто и в несметные орды нападающих.

Аде никогда ещё не доводилось видеть жителей Олимпа столь тесно вовлечёнными в сражение. Даже издали она легко различает Ареса, Афродиту, Артемиду и Аполлона, бьющихся на лету за спасение Трои, в то время как Афина, Гекуба, Посейдон и прочие малоизвестные бессмертные яростно бьются на стороне атакующих ахейцев. Зевса нигде не видно.

«Сколько же интересного я пропустила за девять месяцев», — удивляется жена Хармана.

— Гектор так и не вышел из покоев, чтобы возглавить войско, — шепчет Елена, и хозяйка особняка вновь обращает внимание на странную пару.

Бывшие супруги жмутся друг к другу над лагерным костерком на разбитой, продуваемой ветрами площадке, растянув солдатский красный плащ над тлеющими угольями, дабы спрятать чахлый огонь от случайных взоров снизу.

— Трус он, — отзывается Менелай.

— Ты же знаешь, что это не так. В этой безумной войне и не было большего храбреца, чем Гектор, сын Приама. Он просто горюет.

— О ком это? — усмехается мужчина. — Себя пожалел? Ибо его часы уже сочтены. — Тут он обводит широким жестом безбрежную армию греков, нападающих сразу со всех сторон.

Красавица поднимает глаза.

— Муж мой, ты полагаешь, атака завершится успехом? По-моему, ахейцам не хватает слаженности. Да и осадных орудий что-то не видно.

— Может, и так, — бормочет сын Атрея. — Может, брат и впрямь поторопился: уж больно много лишней суматохи. Но это ничего, не выйдет сегодня — завтра получится. Город обречён.

— Похоже, ты прав, — шепчет Елена. — Хотя ведь это не новость, верно? Нет, Гектор сокрушается не о себе, мой благородный супруг. Он скорбит об убитом сыне Скамандрии, а ещё о том, что прекратилась война с богами — его единственная надежда на возмездие.

— Дурацкая затея, — ворчит Менелай. — Олимпийцы давно истребили бы кратковечных с лица Земли, раз уж им ничего не стоило похитить наших родных, оставшихся дома.

— Так ты поверил Агамемнону? — шелестит голос дочери Зевса. — Думаешь, все исчезли?

— Я верю словам Посейдона, Афины и Геры, а боги возвестили брату, что вернут наши семьи,

друзей и рабов и всех остальных, как только Илион запылает от наших факелов.

— Разве даже бессмертные способны сотворить подобное, муж мой, — очистить этот мир от людей?

— Значит, способны, — произносит мужчина. — Брат не умеет лгать. А боги сказали ему, что это их рук дело, и вот пожалуйста! Наши города пусты. Я успел потолковать с остальными, кто был в том плавании. Все наши имения, все дома на Пелопоннесе… Ш-ш-ш! Кто-то идёт. — Он поднимается, разбрасывает угли ногой, толкает Елену в чёрные сумерки у разбитой стены и замирает у выхода на винтовую лестницу, приготовив обнажённый клинок.

Слышится шорох сандалий по ступеням.

Человек, которого Ада ни разу не видела: одетый в доспехи и плащ ахейского пехотинца, но только более хилый и кроткий с виду, чем любой из героев туринской драмы, выступает с круто оборвавшейся лестницы на открытую площадку.

Прянув на чужака и выкрутив ему руки, Менелай прижимает лезвие к шее напуганного пришельца, готовясь единым взмахом отворить ему яремную вену.

— Нет! — восклицает Елена.

Брат Агамемнона замирает.

— Это мой друг, Хок-эн-беа-уиии.

Ещё мгновение мышцы лица и предплечья грека продолжают сокращаться: мужчина словно по-прежнему хочет перерезать горло хлипкому противнику, но потом вырывает вражеский меч из ножен и бросает его в сторону. И, швырнув доходягу на пол, чуть ли не нависает над ним.

— Хокенберри? Сын Дуэйна? — рычит Менелай. — Ты часто попадался мне в обществе Ахиллеса и Гектора. Это ты явился вместе с дурацкими машинами…

«Странное имя, — недоумевает Ада. — Сколько следила за туринской драмой, никогда такого не слышала».

— Да нет же, — говорит пришелец, потирая шею и поцарапанное голое колено. — Я был здесь годами, но только никому не показывался на глаза, покуда не разразилась битва с богами.

— Ты приятель этого урода Пелида! — рявкает брат Агамемнона. — И вдобавок пресмыкаешься перед моим заклятым врагом Гектором, чей последний час уже скоро наступит. И твой тоже…

— Нет! — снова кричит Елена и, сделав шаг вперёд, перехватывает руку разъярённого грека. — Хок-эн-беа-уиии любимец богов и мой друг.

Это он рассказал мне о башне. Помнишь, как он переносил быстроногого, куда пожелает, путешествуя подобно бессмертным при помощи чудесного медальона?

— Помню, — кривится Атрид. — Друг Ахиллеса и Гектора — мне не товарищ. Этот парень раскрыл наше убежище и теперь проболтается. Смерть ему.

— Нет, супруг мой, — вот уже в третий раз повторяет дочь Зевса. Какими крохотными выглядят её белые пальчики, обхватившие волосатое предплечье мужа, покрытое густым загаром! — Хок-эн-беа-уиии — это ответ на все наши беды.

Менелай сердито сверкает глазами, ничего не понимая.

Красавица указывает на сражение у стен. Лучники посылают сотни — тысячи — смертоносных залпов. Растерянные греки то устремляются на городские укрепления с осадными лестницами, то вновь, теряя товарищей, отступают под перекрёстным градом стрел.

Последние из троянских защитников за стенами яростно бьются на своей стороне частоколов и рвов — ахейские колесницы сшибаются друг с другом, дерево разлетается в щепки, а кони

кричат от боли в ночи, когда острые колья пронзают их взмыленные бока, и даже бессмертные покровители и покровительницы осаждающих — Афина, Гера и Посейдон — пятятся под неистовой ответной атакой главных противников — Ареса и Аполлона. Серебролукий осыпает фиолетовыми энергетическими стрелами как аргивян, так и их божественных союзников; люди и кони валятся наземь, точно молодые деревца под топором дровосека.

— Я не понял, — рычит Менелай, — что проку от этого полудохлого ублюдка? У него даже меч не заточен!

Не отпуская руки супруга, Елена грациозно преклоняет колено и поднимает увесистый золотой медальон, висящий на шее Хокенберри на толстой золотой цепочке.

— Возлюбленный муж, он может в одно мгновение перенести нас обоих на сторону твоего брата. Это наша единственная надежда выбраться из Илиона.

Сын Атрея недобро щурится: кажется, до него доходит.

— Ну-ка подвинься, жена. Сейчас я перережу ему глотку, и волшебный медальон будет наш.

— Эта штука работает лишь на меня, — глухо

произносит поверженный. — Даже моравеки со всей их премудрой техникой не сумели создать копию или просто извлечь какую-то пользу из оригинала. Квит-медальон настроен только на мою ДНК и волны моего мозга.

— Что правда, то правда, — сдавленно шепчет Елена. — Вот почему и Гектор, и Ахиллес держали Хок-эн-беа-уиии за руку, когда хотели чудесным образом перенестись куда-нибудь вместе с ним.

— Вставай, — роняет рыжеволосый грек.

Схолиаст поднимается. Менелай не так уж высок по сравнению со своим венценосным братом, не столь широк в груди, как Одиссей или Аякс, но рядом с хилым и в то же время пузатым учёным его массивный, мускулистый торс выглядит воистину божественно.

— Давай утащи нас отсюда, — велит ахеец. — Желаю оказаться с женой на берегу, в ставке брата.

Хокенберри качает головой.

— Я и сам вот уже несколько месяцев не прибегаю к помощи медальона, о сын Атрея, после того, как моравеки раскрыли один секрет. Дело в том, что бессмертные способны выследить меня в Планковом пространстве в матрице Калаби-Яу… Проще говоря, в той пустоте, где они сами

путешествуют. Я обманул богов и теперь буду непременно убит, если вздумаю снова квитироваться.

Менелай ухмыляется. Потом поднимает клинок и тычет им прямо в живот противника, так что сквозь ткань выступает кровь.

— А если откажешься, будешь убит на месте, свиная ты задница. И я очень медленно выпущу твои кишки наружу.

Елена опускает на плечо Хокенберри свободную ладонь.

— Друг мой, посмотри туда, за городскую стену. Чувствуешь, как разгорелась битва? Этой ночью все олимпийцы увлечены кровопролитием. Видишь ли ты, как Афина вместе с воинством фурий пятится прочь? Как могучий Аполлон летает на своей колеснице, сея гибель среди отступающих греков? Сегодня ты можешь спокойно квитироваться, никто и не заметит.

Слабый на вид мужчина, закусив губу, озирает поле сражения. Военная удача явно сопутствует защитникам Трои. Всё больше солдат устремляются наружу через проходы для вылазок и особые двери у Скейских ворот; Ада замечает Гектора, который наконец-то вышел на бой во главе отборных воинов.

— Ладно, — говорит Хокенберри. — Но я перенесу вас поодиночке.

— Ещё чего, тащи обоих сразу! — заводится Менелай.

Схолиаст опять качает головой.

— Не могу. Сам не знаю почему, медальон позволяет мне телепортировать лишь одного человека. Раз уж ты помнишь меня с Ахиллесом и Гектором, значит, помнишь и то, что я переносил их поочерёдно, возвращаясь через несколько секунд.

— Истинная правда, муж мой, — подтверждает Елена. — Своими глазами видела.

— Тогда сначала отправь её, — приказывает Атрид. — На берег, в ставку Агамемнона, туда, где ждут на песке наши чёрные корабли.

Снизу доносятся выкрики, и все трое отступают от края порушенной площадки.

Красавица смеётся:

— Супруг мой, возлюбленный Менелай, я не могу быть первой. На кого из женщин аргивяне и ахейцы затаили больше всего злобы? Даже за те короткие мгновения, пока мой друг Хок-энбеа-уиии не вернётся вместе с тобой, верные стражники царя или прочие греки успеют признать во мне презренную ненавистную собаку,

виновницу бед, и пронзят моё тело дюжинами копий. Ты должен перенестись туда прежде, ведь ты — моя единственная защита.

Хмуро кивнув, рыжеволосый грек берёт схолиаста за горло.

— Давай используй свой медальон… сейчас же!

Прежде чем поднять руку, Хокенберри спрашивает:

— Ты отпустишь меня, как только я это сделаю? Оставишь в живых?

— Ну конечно! — рычит сын Атрея, но даже Ада замечает искру в зловещем взоре, который он бросает на Елену.

— Даю слово, что мой супруг Менелай не причинит тебе вреда, — молвит красавица. — А теперь — торопись. Кажется, я слышу чьи-то шаги на лестнице.

Зажмурившись, учёный хватает золотой медальон, поворачивает что-то на его поверхности, и вот уже мужчины исчезают, а в воздухе раздаётся тихий хлопок.

С минуту Ада ждёт на полуразрушенной площадке вместе с Еленой Троянской. Налетевший ветер свистит и завывает в щелях между камнями, доносит с равнины, залитой огнями,

отчаянные вопли отходящих греков и наступающих троянцев. В городе царит ликование.

Внезапно появляется Хокенберри.

— Ты оказалась права, меня никто не преследовал, — произносит он и берёт красавицу за руку. — Сегодня и без того слишком жарко. — Бывший служитель Музы кивает на небосвод, переполненный летающими колесницами, перечёркнутый молниями пылающих энергетических стрел.

Мужчина тянется к медальону, однако снова медлит.

— Уверена, что Менелай не прикончит меня, когда ты будешь на месте, Елена?

— Он тебя не тронет, — почти рассеянно откликается дочь Зевса, прислушиваясь к мнимым шагам на лестнице.

Ада слышит лишь ветер и далёкие выкрики.

— Погоди секунду, Хок-эн-беа-уиии, — говорит красавица. — Должна сказать, что ты был хорошим любовником… и добрым другом. Знаешь, я тебя обожаю.

— И я тебя… — мужчина сглатывает, — обожаю… Елена.

Женщина с чёрными как смоль волосами улыбается.

— Я не отправлюсь к Менелаю, Хок-эн-беа-уиии. Я его ненавижу. И очень боюсь. Никогда больше не покорюсь такому, как он.

Схолиаст удивлённо моргает и смотрит вслед удаляющимся ахейцам. Теперь они перестраивают ряды за линией собственных укреплений в двух милях от города, у бесконечных ставок и костров, там, где сохнут на песке неисчислимые чёрные корабли.

— Он тебя убьёт, если сможет ворваться в город, — хрипло произносит учёный.

— Верно.

— Хочешь, я квитирую тебя куда-нибудь подальше отсюда? В безопасное место?

— А это правда, мой милый Хок-эн-беа-уиии, что мир обезлюдел? И что великие города пусты? Родная Спарта? Каменистые пашни и пастбища? Одиссеев остров Итака? Персидские крепости?

Мужчина кусает нижнюю губу, потом наконец отвечает:

— Да. Это правда.

— Тогда куда же мне деться, Хок-эн-беа-уиии? Может, на гору Олимп? Так ведь небесная Дырка пропала, и олимпийцы посходили с ума.

Схолиаст разводит руками.

— Значит, нам остаётся надеяться, что Гектор и

его легионы не допустят в город врага, Елена… милая. Клянусь, как бы всё ни обернулось, я никогда не скажу Менелаю, что ты сама решила остаться.

— Знаю, — кивает красавица.

Из широкого рукава её платья в ладонь выскальзывает кинжал. Короткий взмах рукой — и короткий, но очень острый клинок вонзается Хокенберри под рёбра до самой рукоятки. Елена поворачивает лезвие, чтобы отыскать сердце.

Мужчина разевает рот в беззвучном крике, хрипит, хватается за обагрённый живот и падает словно подкошенный.

Но перед этим красавица успевает выдернуть кинжал.

— Прощай, Хок-эн-беа-уиии.

Она торопливо спускается по ступеням, почти не шурша сандалиями по камню.

Ада сочувственно смотрит на истекающего кровью мужчину. Если бы можно было ему помочь! Однако она — только зрительница, невидимая и не способная вмешаться. Повинуясь неожиданному порыву, хозяйка Ардис-холла прикасается к туринской пелене, нащупывает вшитую микросхему и, припомнив, как Харман общался с соньером, представляет себе три синих квадрата в красных окружностях.

И вдруг *оказывается* на месте. Она стоит на порушенной, открытой ветрам платформе безверхой башни Илиона. Нет, Ада не любуется драмой, она действительно *здесь*. Холодный ветер треплет её блузку и юбку. С рыночной площади, что видна далеко внизу, долетают густые запахи скота и какой-то незнакомой еды. До слуха доносится рёв битвы у городской стены, воздух содрогается от грома колоколов и гонгов. Опустив глаза, супруга Хармана видит собственные ноги на потрескавшейся каменной кладке.

— Помогите… мне… пожалуйста, — сипит умирающий.

Герой туринской драмы говорит это на стандартном английском.

Ада в ужасе расширяет глаза: неужели он *видит* её? Смотрит *на неё?* Мужчина из последних сил поднимает левую руку и тянется к нежданной гостье, без слов умоляя, заклиная, упрашивая…

Зрительница сорвала пелену со лба.

И вновь оказалась в Ардис-холле, у себя в спальне. Дрожа от страха, с бешено бьющимся сердцем, Ада сверилась с напульсной функцией и уточнила время.

Всего лишь десять минут миновало с тех пор, как она прилегла с повязкой на лице; сорок пять

минут назад её возлюбленный Харман улетел на соньере. Разум слегка мутился, к горлу подкатывала тошнота: можно было подумать, что к будущей матери возвращается утренняя слабость. Владелица особняка попыталась отмахнуться от неприятного ощущения, проникнуться новой уверенностью, но дурнота лишь усилилась.

Скомкав туринскую пелену и запрятав её в ящик для белья, Ада поспешила вниз посмотреть, как дела в Ардисе и в окрестностях.

30

Харман даже не ожидал, что полёт к Золотым Воротам окажется настолько волнующим, а уж воображения путешественнику было не занимать. Это ведь он, единственный на борту соньера, однажды оседлал циклон, усевшись на деревянном кресле, и молнией взвился из Средиземного Бассейна к астероиду на экваториальном кольце, после чего мужчину, казалось, ничто уже не могло поразить или напугать.

Нынешний полёт почти не уступал тому памятному происшествию.

Машина с воем преодолела звуковой барьер (Харман познакомился с понятием звукового

барьера месяцем ранее, «проглотив» очередную научную книгу) ещё до того, как достигла высоты в две тысячи футов. Прорвавшись через верхний облачный слой к яркому солнечному свету, она уже двигалась почти отвесно и обгоняла собственные звуковые удары, хотя, конечно, поездку нельзя было и близко назвать безмолвной. Воздух так яростно шипел и ревел за пределами силового поля, что путешественникам не удалось бы перемолвиться даже словом.

Однако они и не пытались завести разговор. То же самое поле, которое защищало пассажиров и пилота от бушующего ветра, вжимало их, распластавшихся ниц, в мягкие ниши; Никто продолжал оставаться без сознания, Ханна одной рукой обнимала его, а Петир, широко распахнув глаза, косился через плечо на редеющие далеко внизу облака.

За считанные минуты рёв за бортом ослаб до шипения чайника, потом до слабого вздоха. Лазурные небеса почернели. Горизонт изогнулся белой дугой, будто натянутая до предела тетива боевого лука, ну а соньер продолжал устремляться вверх — ни дать ни взять серебряный наконечник невидимой стрелы. Потом перед глазами вспыхнули звёзды. Не проступили од-

на за одной, как это бывает на закате, но резко высыпали все разом, точно беззвучный салют заполнил огнями чёрную бездну. Прямо над головами друзей угрожающе ярко заполыхали оба небесных кольца.

На какой-то ужасный миг Харману показалось, что машина вознамерилась вернуться именно туда (в конце концов, как раз на ней они с кузеном Ады и не приходящей в сознание Ханной и спустились с орбитального астероида Просперо), однако траектория начала выравниваться, и стало ясно: друзья покинули атмосферу, не долетев до сияющих колец нескольких тысяч миль. Горизонт по-прежнему изгибался, Земля заполняла собою всё поле зрения. Девять месяцев назад, когда искатель приключений в компании Сейви и Даэмана мчался на вихре-молнии к орбитальному острову, родная планета выглядела куда меньше.

— Харман… — окликнула Ханна, когда машина опрокинулась вверх дном и слепящее полукружие, окутанное белоснежными облаками, очутилось над головами путешественников. — Скажи, это правильно? Всё так и должно быть?

— Да, полный порядок, — отозвался мужчина. Самые разные силы, включая страх, пытались

вырвать распростёртое тело из мягкой ниши, и только силовой пузырь вжимал обратно. Желудок и внутреннее ухо возмущённо требовали вернуть гравитацию и привычный горизонт. Честно говоря, пилот не имел ни малейшего понятия, всё ли идёт по плану, или же соньер попытался выполнить вираж, на который был не способен, и очень скоро четвёрка попросту сгинет.

Харман поймал недоверчивый взгляд Петира: парень явно почуял обман.

— Кажется, сейчас меня стошнит, — будничным тоном сообщила молодая женщина.

Тут заработали невидимые сопла, летающий диск устремился вниз и вперёд, и Земля завертелась перед испуганными взорами путешественников.

— Закройте глаза и держите Одиссея! — крикнул муж Ады.

Шум возобновился: это машина ворвалась обратно в атмосферу. Харман поймал себя на том, что напрягает шею, изворачиваясь, чтобы взглянуть на кольца: может, остров Просперо и впрямь уцелел? Неужели Даэман прав, неужели это Калибан прикончил Марину и всех прочих жителей Парижского Кратера?

Прошли минуты. Если будущий отец не ошибся, друзья погрузились в атмосферу над континентом, некогда носившим название Южная Америка. Оба полушария были затянуты облаками — вихревыми, зубчатыми, рваными, приплюснутыми, вздымающимися подобно башням… Хотя через окна в белом покрове пилот успел заметить широкий лазурный пролив там, где, по рассказам Сейви, тянулся сплошной перешеек, соединявший континенты.

Но вот вокруг соньера забушевало пламя; воздух завизжал и завыл ещё громче, чем даже во время взлёта. Машина ввинчивалась в густые слои атмосферы, словно раскрученный дротик.

— Всё обойдётся! — проорал Харман, обращаясь к друзьям. — Я уже переживал такое. Тревожиться нечего.

Спутники не могли его слышать: от оглушительного рёва чуть не лопались перепонки, поэтому супруг Ады не стал уточнять, что переживал подобное… всего лишь раз. Да и к чему подробности?

Правда, Ханна летела на том же соньере, что доставил его и Даэмана с разрушенного орбитального острова Просперо, но молодая женщина была тогда не в себе и ничего не запомнила.

Пилот решил, что и ему не повредит зажмуриться, пока летающий диск несётся навстречу Земле.

«И вообще какого дьявола я здесь вытворяю?» Сомнения нахлынули с новой силой. Кем он себя возомнил, решившись забрать соньер и рискнуть жизнями двоих доверившихся ему людей? Разве Харман рождён, чтобы вести за собой? Он ведь ни разу не летал в автоматическом режиме, как же можно ждать успешной посадки? Но даже если всё пройдёт благополучно, что за непростительное легкомыслие — отнимать у колонистов Ардис-холла последнее средство передвижения в минуту наибольшей опасности! Рассказ Даэмана о Сетебосе, превратившем Парижский Кратер и другие факс-узлы в кладбища, — вот что должно было занимать его мысли в первую очередь, а не это дурацкое бегство к Золотым Воротам Мачу-Пикчу во имя спасения одного Одиссея. «Как я посмел оставить Аду — теперь, когда она беременна и ждёт моей поддержки?» Что бы ни случилось, Никто наверняка погибнет. Зачем же рисковать сотнями жизней (а то и десятками тысяч, если прочие колонии не получат своевременного предупреждения) ради калеки-старика, который скорее всего уже обречён?

Ветер засвистел пронзительнее, соньер поднялся на дыбы, и Харман поморщился, отчаянно вцепившись руками в обивку ниши. «Ничего себе старика…» Если кто-то здесь и был по-настоящему преклонного возраста, так это он сам. До пятой — Последней — Двадцатки не хватало каких-то двух месяцев. Занятно, мужчина до сих пор не мог отделаться от мысли, будто бы непременно покинет Землю на свой грядущий день рождения, улетит на далёкие кольца, хотя прекрасно знал: целебных баков, которые могли бы его принять, уже нет. «А кто сказал, что этого не случится?» — подумалось вдруг. Пожалуй, Харман оставался старейшим жителем этой планеты, за исключением Одиссея-Никого, чей истинный возраст всё равно невозможно было установить. Впрочем, седовласый грек уже стоял одной ногой в могиле. «Как и все мы», — нахмурился муж Ады.

О чём он только думал, когда решил завести ребёнка от молоденькой женщины, семь лет назад отметившей Первую Двадцатку? И по какому праву настаивал на возрождении древнего понятия семьи, забытого ещё в Потерянную Эпоху? Да кто он такой, чтобы требовать от мужчин не скрывать своего отцовства, принимать участие в воспитании детей наравне с матерями и помо-

гать им — дескать, времена изменились и так будет лучше для всех? Откуда невежественному старикашке знать, что такое семья, или долг, или что угодно? Какой из него вождь? Ну да, Харман сам научился читать, вот и вся разница между ним и остальными.

«Велика важность!»

В последнее время любой, кому не лень, обзавёлся функцией «глотания», а многие в Ардис-холле даже выучились без посторонней помощи преобразовывать закорючки в старинных книгах в полноценные слова.

«Выходит, ничего во мне нет особенного».

Между тем плазменный щит вокруг соньера уже отключился, безумное вращение прекратилось, хотя с обеих сторон ещё тянулись языки огня.

«Если аппарат сломается, или же кончится горючее, или энергия, или что у него там, Ардису наступит конец. Ни одна душа не узнает, что с нами стряслось — пропадём, и всё тут, а колонисты потеряют единственную летающую машину. Когда нападут войниксы (а то и Сетебос пожалует), людям не на чем будет перенестись из особняка к факс-павильону, а значит, Ада и остальные угодят в западню. Моя неосмотрительность отнимет у

них единственную надежду».

Тем временем звёзды растаяли, небо сделалось тёмно-синим, потом голубым, и вот машина вошла в верхний слой облаков.

«Запихну Никого в первую попавшуюся колыбель — и сразу обратно, — думал Харман. — С этого дня пускай Даэман, Петир или Ханна решают серьёзные вопросы и странствуют, они помоложе. А моё место рядом с Адой. Пора заботиться о ребёнке». Последняя мысль испугала его сильнее, чем скачки и кувырки соньера.

Долгие минуты диск опускался сквозь облака; сперва они причудливо курились вокруг по-прежнему гудящего защитного поля подобно туману, перемешанному со снежными хлопьями, а потом стали проноситься мимо, будто несметное воинство призраков тех людей, что задолго до нынешней эры жили и умерли на Земле, окутанной белым саваном. Но вот машина вырвалась из густой пелены, оказавшись примерно в трёх тысячах футов над острыми горными пиками, и Харман второй раз в жизни взглянул с небес на древние Золотые Ворота Мачу-Пикчу.

Зубчатые гребни гор и глубокие зелёные каньоны окружали высокое, крутое плато с поросшими травой уступами. По обе стороны от него вздыма-

лись семисотфутовые башни моста. Изъеденная ржавчиной конструкция ненадёжно, с горем пополам опиралась на вершины соседних утёсов. В незапамятную пору тут повсюду высились каменные постройки, руины которых обвивал теперь дикий плющ. Гигантский металлический мост побурел от времени, словно покрылся коростой присохшей крови; некогда ярко-рыжая краска на нём облупилась, оставив лишь редкие пятна, похожие на лишайник. В полотне кое-где зияли провалы, несущие тросы местами полопались, и всё-таки Золотые Ворота по-прежнему напоминали самый настоящий мост… разве что протянувшийся из ниоткуда в никуда.

Впервые увидав развалину издалека, искатель приключений подумал было, что огромные башни, как и тяжёлые соединительные тросы между ними, обвиты ярко-зелёным плющом; сейчас-то мужчина знал: в бутылочного цвета пузырях на висячих лозах, соединённых при помощи трубок, давным-давно селились люди. Причём обитали-ща были подвешены, судя по всему, несколькими столетиями позже возведения Золотых Ворот. Сейви даже шутила (ой ли?): дескать, если бы не эти зелёные шарики на вьющихся стеблях, сооружение рухнуло бы за день.

Харман, Ханна и Петир приподнялись на локтях и широко распахнули глаза. Соньер убавил ход, резко вырулил и начал снижение по широкой дуге. На сей раз открывшееся зрелище оказалось ещё оживлённее. Тучи нависли низко-низко, орошая дождём пограничные вершины, на западе за длинными пиками сверкали молнии, в то время как солнечные лучи пробивались через разрывы в летящих облаках, озаряя мост, полотно, зелёные завитки углестекла и плато. Косые чёрные завесы дождя то застили взор, то спешно ползли дальше на восток, так что игра теней и бликов создавала иллюзию живого движения.

Хотя нет, не иллюзию. Склоны утёсов и мост кишели какими-то существами; их были тысячи. Поначалу муж Ады ещё надеялся, что зрение играет с ним злую шутку, но вот летающий диск нырнул, и стало ясно: внизу копошатся тысячи, если не десятки тысяч войниксов. Серые безглазые твари с кожаными горбами в виде капюшонов сплошь покрывали зелёные вершины и каменные развалины, роились на мосту, натыкались друг на друга на полуобрушенном полотне, сновали подобно тараканам на ржавых несущих тросах. Десяток-другой мерзких существ суетились на плоской северной башне, куда в

прошлый раз посадила диск Сейви. Кстати, соньер и теперь нацеливался туда же.

— *Произвести приземление в автоматическом или в ручном режиме?* — спросил механический голос.

— В ручном! — завопил Харман.

Замерцав, появились голографические виртуальные средства управления, и он резко дёрнул за главный регулятор, успев развернуть машину за считанные мгновения и полсотни футов до посадки в гущу войниксов. Парочка тварей прянула вслед за соньером (один из них не допрыгнул каких-то десять футов), и они молча полетели на скалы с высоты семидесятиэтажного дома. Прочие существа проводили диск безглазыми инфракрасными взорами, а снизу целыми дюжинами устремились по ржавым башням новые «тараканы», скрежеща отточенными лезвиями на руках.

— Мы не сумеем сесть, — проговорил пилот.

И мост, и склоны уступов, и даже окружающие горы кишмя кишели войниксами.

— А вот на пузырях чисто, — заметил Петир.

Молодой человек привстал на колени, целясь из лука. Защитное поле снова пропало, и друзья вдыхали холодный промозглый воздух, насы-

щенный запахом ливня и гниющей зелени.

— На пузыри нам не приземлиться, — откликнулся Харман, кружа в сотне футов над несущими тросами. — И внутрь не попасть. Поворачиваем назад.

Тут он вырулил соньер в обратную сторону и начал набирать высоту.

— Погодите! — воскликнула Ханна. — Стойте!

Девяностодевятилетний искатель приключений выровнял высоту полёта и принялся выписывать плавные круги. На западе, меж низких туч и высоких пиков, блистали молнии.

— Десять месяцев назад, когда мы здесь появились, вы с Адой и Одиссеем пошли охотиться на кошмар-птиц, я исследовала это место, — сказала молодая женщина. — Один пузырь… на южной башне… там находились другие соньеры, что-то вроде… Даже не знаю. Было такое слово в книге в сером переплёте. «Гараж», кажется?

— Другие соньеры! — вскрикнул Петир.

Да и Харман едва удержался от вопля. Новые летающие машины могли бы решить судьбу всех обитателей Ардис-холла. Странно, что древний грек ни разу не упомянул об этом после того, как несколькими месяцами ранее наведывался сюда в одиночку за винтовками.

— Нет, не соньеры… Не совсем… — торопливо прибавила Ханна. — Отдельные части. Корпусы. Запасные детали.

Харман разочарованно потряс головой; вспыхнувшие было надежды рассеялись.

— Тогда при чём здесь… — начал он.

— Если не ошибаюсь, мы могли бы там *сесть*, — вставила воздыхательница Одиссея.

Пилот как раз обогнул южную башню, стараясь держаться на расстоянии. На ржавых постройках темнело более сотни войниксов; а вот на гроздьях зелёных шаров и стеблях, обвивших башню подобно винограду, тварей не было.

— Здесь же нет входа! — проорал девяностодевятилетний. — Да и пузырей тут столько… Разве ты найдёшь тот самый, глядя отсюда?

Он отлично помнил с прошлого раза, что углестекло только изнутри выглядело совершенно прозрачным, а снаружи казалось мутным и не просвечивало.

Блеснула молния. Полил дождь, и над путешественниками вновь замерцало силовое поле. Войниксы, успевшие забраться на вершины башен, и те, что сотнями повисли на отвесных стенах, неотрывно следили за кружащим соньером, вращая безглазыми головами.

— Найду, — заспорила Ханна. Теперь девушка тоже стояла на коленях, держа Никого за руку. — У меня отличная зрительная память… Сейчас припомню каждый свой шаг, осмотрюсь повнимательней и отыщу нужный пузырь.

Она окинула взором окрестности, затем на минуту прикрыла веки.

— Вон там. — Палец уверенно ткнул в ничем не примечательный зелёный шар, который выдавался от южной башни примерно на шестьдесят футов, — один из сотен себе подобных.

Харман решил опуститься ниже.

— Ни одного отверстия, — протянул он, подвесив соньер в семидесяти футах над пузырём.

— Подумай сам, — возразила молодая женщина, — машины ведь как-то влетали в этот, как его… *гараж*. Дно там было плоское и сделанное из другого материала, чем в остальных шарах.

— Да, но соньеры могли вносить туда по частям, — заметил Петир.

Ханна покачала головой, и Харман уже в который раз подивился несносному упрямству этой в общем-то милой дамочки.

— Давайте посмотрим поближе, — заявила она.

— А войниксы… — заикнулся пилот.

— На пузырях их нет, — вмешалась Ханна. — А с башни до нас не допрыгнуть.

— Доберутся по углестеклу, — вставил Петир.

— Это навряд ли, — заупрямилась девушка. — По-моему, что-то их туда не пускает.

— Чепуха какая-то… — возмутился молодой человек.

— Погоди-ка, — прервал его Харман. — Может, и не чепуха.

Тут он поведал друзьям о вездеходе, на котором они с Даэманом и Сейви ехали десятью месяцами ранее по дну Средиземного Бассейна.

— Верхняя часть машины напоминала это стекло, — рассказывал он. — Снаружи ничего не разглядеть, а изнутри прозрачно. Но главное, к нему ничего не прилипало — ни дождевые капли, ни даже войниксы, которые охотились на нас в Иерусалиме. Старуха говорила о каком-то особом покрытии, уничтожающем трение. Правда, не помню, как назывался тот материал.

— Давайте посмотрим поближе, — повторила Ханна.

С расстояния в два десятка футов муж Ады и сам увидел вход. Тот был еле заметен, и если бы не странствия на орбитальном острове Просперо и знакомство с полупроницаемой мембраной

лазарета… Едва различимый квадратик казался лишь немногим светлее прочей поверхности вытянутого пузыря.

— А вдруг эта ваша полу-как-там-её-мембрана — простой обман зрения? — усомнился Петир.

— Тогда, полагаю, мы разобьёмся.

С этими словами Харман выжал рычаг и направил машину вперёд.

Полупроницаемая молекулярная мембрана оказалась вполне даже проницаемой. Квадрат плотно сомкнулся за летающим аппаратом, и тот опустился на металлическую палубу среди подобных себе машин, растерзанных, точно жертвы людоедского ужина. Троица поспешно уложила Одиссея-Никого на носилки, Ханна подхватила переднюю часть, Харману досталась задняя, Петир вызвался охранять, и друзья устремились по запутанному лабиринту из зелёных пузырей. Они пересекали коридоры, взбирались по застывшим эскалаторам, торопясь найти то место, где Сейви, по её словам, провела с Одиссеем долгую криоспячку.

Девяностодевятилетний искатель приключений был сражён наповал — и не столько памятью молодой спутницы, ни разу не помедлившей на ступенях или у новой развилки, сколько её

необычайной выносливостью. Стройная девушка даже не запыхалась, в то время как Харману не помешала бы передышка. Одиссей-Никто не мог похвастать завидным ростом, зато отличался *изрядным* весом. Муж Ады поймал себя на том, что всё чаще посматривает на грудь больного, словно желая удостовериться, по-прежнему ли она поднимается и опадает. Могучий грек ещё дышал… Но и только.

Очутившись в основном коридоре, обвивающем башню, троица замерла, и Петир воздел свой лук, приложив пернатую стрелу. С металлического моста свисали десятки войниксов и пристально, хотя и без глаз, наблюдали за людьми.

— Они нас не видят, — промолвила Ханна. — Углестекло снаружи не просматривается.

— Да нет, я думаю, что видят, — нахмурился Харман. — Сейви рассказывала, сенсоры в их горбах воспринимают оптические сигналы на триста шестьдесят градусов вокруг в инфракрасном излучении… э-э… мы его чувствуем как тепло, наши глаза к этому не приспособлены… И что-то мне подсказывает: эти твари пялятся прямо на нас.

Друзья продолжали путь по извилистому

коридору, а серые существа внимательно поворачивались им вслед. Внезапно дюжина войниксов тяжело прянула на потолок.

Петир успел только вскинуть заряженный лук над головой. Будущий отец не сомневался: ещё секунда — и твари обрушатся сквозь углестекло. Раздались еле слышные удары: это войниксы валились на тончайшее силовое поле и беспомощно скользили по нему вниз.

Между прочим, пол коридора на этом участке был особенно прозрачен. Зрелище изрядно щекотало нервы. Харман и Ханна по крайней мере уже испытывали нечто подобное и не сомневались в надёжности опоры под ногами, а вот воздыхатель девушки то и дело косился вниз, каждую секунду ожидая падения.

Миновав самую крупную комнату — Сейви окрестила её «музеем», — троица попала в трубу с хрустальными саркофагами. Углестекло здесь почти не просвечивало. Приглушённое зеленоватое мерцание напомнило девяностодевятилетнему страннику то время — неужто миновало всего полтора года? — когда он путешествовал по Атлантической Бреши, любуясь вздымающимися по обе стороны водяными громадами, посматривая на гигантских рыбин, которые плавали над

его головой.

Девушка бережно положила носилки (Харман поспешил последовать её примеру) и огляделась.

— Ну и какая из криоколыбелей?

В длинном помещении разместилось восемь прозрачных гробов, пустых и тускло поблёскивающих в полумраке. Каждый из них соединялся с гудящими автоматическими ящиками. На металлических крышках мигали зелёные, красные и янтарные виртуальные индикаторы.

— Понятия не имею, — откликнулся муж Ады.

Сейви рассказывала им с Даэманом о многовековом сне в какой-то из этих колыбелей, но разговор состоялся десять месяцев назад, когда искатели приключений въезжали на краулере в Средиземный Бассейн, и многие подробности стёрлись из памяти.

— Давайте испытаем ту, что поближе, — предложил Харман и, подхватив бесчувственного грека под мышки, подождал, пока товарищи поднимут больного за ноги, осторожно понёс его к винтовой лестнице, которая уводила в новый коридор из пузырей.

— Не кладите его туда. Это верная смерть, — произнёс из темноты мягкий, не то мужской, не то женский голос.

Друзья торопливо опустили грека на носилки. Петир прицелился из лука. Остальные взялись за рукояти мечей, притороченных к поясам. Из тени между контрольно-измерительными аппаратами выступил силуэт.

Харман немедленно узнал Ариэля, о котором толковали Просперо и Сейви, хотя и сам не ведал почему. Рост фигуры не превышал пяти футов, и она не слишком походила на человека. Белая с зеленоватым отливом кожа была не совсем настоящей: сквозь неё было видно, как в изумрудной жидкости плавают мерцающие искры, а удивительно бесполое лицо напоминало безупречными чертами лики небесных ангелов, изображения которых содержались в книгах из библиотеки Ардис-холла. Стройные руки с грациозными длинными пальцами, мягкие зелёные тапочки на ногах… Одежда? Харману сперва почудилось, будто фигура облачена в тончайшее трико, расшитое вьющимися лозами винограда, потом он понял: узоры скорее находятся прямо в коже, а не поверх неё. И при этом — ни малейшего намёка на пол. Тонкий, чуть вытянутый нос, пухлые, изогнутые в лёгкой усмешке губы, чёрные очи, зеленовато-белые локоны, ниспадающие на плечи, — всё напоминало человека, но стоило

взглянуть на просвечивающую оболочку, под которой переливались крохотные точки огня, как ощущение сходства бесследно таяло.

— Ты Ариэль, — произнёс девяностодевятилетний почти утвердительно.

Существо согласно склонило голову.

— Я вижу, что Сейви поведала вам обо мне, — пропел обескураживающе нежный голос.

— Да. Но я полагал, у тебя неосязаемое тело, как у мага… Проекция.

— Голограмма, — раздалось в ответ. — Это не так. Просперо поступает, как ему заблагорассудится, а я, кого столь многие и столь нередко нарекают бестелесной душой или духом, предпочитаю быть из плоти и крови.

— Почему колыбель — это верная смерть для Одиссея? — вмешалась Ханна.

Девушка всё ещё сидела на корточках, пытаясь нащупать пульс умирающего. На взгляд супруга Ады, грек уже скончался.

Ариэль шагнул — или шагнула — ближе. Петир успел опустить свой лук, однако с подозрением и опаской глазел на прозрачную кожу изумительной твари.

— Здесь, — воплотившийся дух обвёл рукой восемь хрустальных гробов, — почивала Сейви.

Воистину, любые процессы жизнедеятельности замирают в них, словно у комара в янтаре или трупа на льду, но эти ложа не исцеляют ран, о нет. Одиссей веками втайне держал свой собственный временной ковчег, возможности которого превосходят моё разумение.

— Кто ты? — спросила, поднимаясь, Ханна. — Харман говорил, ты аватара осознавшей себя биосферы. Если бы я ещё понимала, что это такое…

— Мало кто понимает. — Ариэль изящно сделал (или сделала) полупоклон-полуреверанс. — Готовы ль вы проследовать за мною к ковчегу Одиссея?

И друзья проследовали к винтовой лестнице, что уходила сквозь потолок. Однако вместо того, чтобы взбираться по ступеням, существо приложило правую длань к полу, часть которого тут же раскрылась подобно диафрагме, явив глазам потайную лестницу, вьющуюся вниз. Ступени были достаточно широки, хотя шагать по ним с носилками оказалось всё-таки тяжело и неудобно. Петиру пришлось идти впереди рядом с Ханной, поддерживая больного, чтобы не соскользнул.

Зелёный коридор из пузырей вывел в тесное помещение, ещё более беспросветное, чем преж-

нее, с хрустальными гробами. Внезапно Харман осознал: вокруг уже не углестекло; комната прорезана среди бетона и стали, в башне моста. Здесь находился один-единственный саркофаг, совершенно не похожий на виденные раньше: крупнее их, тяжелее, темнее. К тому же это был ящик из оникса, с чистым стеклом на месте лица того, кто лежал бы внутри. Тысячи кабелей, шлангов, гибких и металлических трубок тянулись от него к огромной ониксовой машине без единого дисплея или шкалы. Ударивший в ноздри запах напомнил супругу Ады воздух после бурной грозы.

Ариэль прижал (или прижала) некую пластину на боковой стороне ковчега, и длинная крышка с шипением съехала набок. Внутри лежали растрёпанные, полинялые подушки; они хранили отпечаток мужчины, телосложением похожего на Одиссея.

Харман и Ханна переглянулись, помедлили, затем, не сговариваясь, опустили бесчувственного грека внутрь.

Заметив, как существо с прозрачной кожей потянулось к саркофагу, девушка опередила его, наклонившись, нежно поцеловала Одиссея в губы и лишь потом отступила прочь, позволяя

чужаку вернуть крышку на место. Ковчег зловеще зашипел и затворился.

В тот же миг между ним и тёмным аппаратом вспыхнул янтарного цвета шар.

— Что это значит? — спросила Ханна. — Он будет жить?

Воплощённый дух грациозно пожал тоненькими плечами.

— Кто из живущих тварей ведает сокровенные мысли простой машины? Уж верно, не Ариэль. Скажу вам только, что машина эта вершит судьбу того, кто внутрь попал, покуда мир ваш не обернётся трижды вокруг своей оси. А теперь пойдёмте. Скоро здешний воздух станет вовсе непригоден для дыхания: его наполнят густые зловонные пары. Так устремимся же к свету и потолкуем, как цивилизованные существа.

— Я не оставлю Одиссея, — заупрямилась девушка. — Если через семьдесят два часа будет известно, выживет он или нет, я подожду.

— Даже не вздумай! — возмутился Петир. — Нам нужно спешить изо всех сил: набрать оружия и возвращаться в Ардис.

Жара в алькове возрастала с каждой секундой. Харман ощутил, как под мокрой одеждой по худощавым бокам бегут ручейки пота. Запах грозы

усиливался. Ханна отшатнулась от своих товарищей и молча скрестила руки на груди, всем видом показывая, что не тронется с места.

— Здесь ты погибнешь, остужая смрадный воздух печальными вздохами, — промолвил или промолвила Ариэль. — Но коли так желаешь проследить, очнётся твой возлюбленный или скончается, ступай сюда и подойди ко мне.

Девушка приблизилась к невысокой аватаре, чья кожа чуть мерцала в полумраке.

— Дай руку, дитя.

Ханна несмело протянула правую ладонь. Воплощённый дух взял её, прижал к зеленоватой груди, а затем протолкнул *внутрь*. Ахнув от неожиданности, девушка попыталась вырваться, но ей не хватило силы.

Прежде, нежели Харман или Петир успели пошевельнуться, рука их молодой спутницы уже оказалась на свободе. Ханна в ужасе уставилась на оставшийся в кулаке шарик — золотой с зеленоватым отливом. На глазах у людей он таял, растекаясь по кисти или даже впитываясь в неё, пока не исчез.

Девушка ещё раз ахнула.

— Не стоит волноваться, это всего лишь индикатор, — произнесла или произнёс Ариэль. —

Теперь, едва лишь состояние твоего любезного переменится, ты первая узнаешь об этом.

— Как, интересно? — пробормотала Ханна, необычайно побледнев и покрывшись потом.

— Ты первая узнаешь, — повторила аватара.

Друзья проследовали за слабо светящейся фигурой обратно в коридор из углестекла и вверх по лестнице.

Никто не проронил ни слова, шагая по зелёным извилистым коридорам, поднимаясь по ступеням обездвиженных эскалаторов, а затем по спирали из пузырей, которая обвивала гигантский несущий трос. Войниксы, висевшие на горизонтальном сегменте моста, молча кидались на зелёный потолок и стены, отчаянно скребли заточенными ножами, но, не найдя ни входа, ни опоры, срывались вниз. Ариэль не обращал (или не обращала) на тварей ни малейшего внимания. В самой крупной из прозрачных комнат, подвешенной к бетону и стали крестообразной опоры южной башни, воплощённый дух остановился.

— Я уже видел это место, — подал голос Харман, разглядывая столы со стульями, а также странные машины, встроенные в крышки ящиков. — Мы здесь однажды поужинали. Одиссей ещё жарил на мосту кошмар-птицу… И снаружи бушевала

гроза. Ты помнишь, Ханна?

Девушка рассеянно кивнула, покусывая нижнюю губу.

— Вот и мне подумалось, что гостям захочется подкрепить силы, — сказал (или сказала) Ариэль.

— Вообще-то нам некогда… — начал муж Ады, однако его перебил молодой спутник:

— Да, мы голодны. На это время найдётся.

Изящный жест зеленоватой руки позвал путешественников присесть за круглый стол. Поставив на скатерть три деревянные миски с похлёбкой, разогретой в микроволновке, удивительное существо разложило салфетки, ложки, поставило рядом четыре стакана с чистой холодной водой и присоединилось к трапезе. Харман осторожно попробовал, ощутил изумительный вкус умело приготовленных овощей — и с радостью заработал ложкой. Петир опасливо сделал первый глоток и неспешно продолжил ужин, то и дело с недоверием косясь на подозрительного хозяина или хозяйку. Ханна так и не притронулась к еде. Бедняжка утратила связь с окружением, её взгляд и мысли протекали сквозь реальность подобно тому, как золотой шарик, вырванный из прозрачного мерцающего тела, только что

просочился сквозь пальцы девушки.

«Нет, я определённо схожу с ума, — думал девяностодевятилетний странник. — Эта зеленоватая… зеленоватый… это существо только что засунуло руку Ханны в собственную грудную клетку, я видел какой-то светящийся орган… И вот мы все вместе будто ни в чём не бывало уписываем горячую похлёбку. Можно поверить, что нам каждый день прислуживает за столом обладающая сознанием аватара планетарной биосферы. Или не войниксы яростно скребут углестекло всего в десяти футах от наших голов. Нет, я точно тронулся».

Впрочем, даже если так оно и было, похлёбка имела отменный вкус. Харман вспомнил о своей возлюбленной Аде — и снова налёг на угощение.

— А что ты здесь делаешь? — промолвил Петир, отодвинув деревянную миску и пристально глядя на воплощённого духа.

Боевой лук по-прежнему оставался у юноши под рукой.

— Что вам угодно было бы услышать? — поинтересовался (или поинтересовалась) Ариэль.

— Какого чёрта здесь происходит? — выпалил юноша, не церемонясь. — И кто ты, гром тебя разрази, *на самом деле?* Почему здесь полно вой-

никсов и с какой стати они осадили Ардис? Что за тварь, провалиться бы ей на месте, завелась в Парижском Кратере, и если она опасна, то… как от неё избавиться?

— Извечные вопросы человека! — усмехнулось мерцающее существо. — Что это такое и как его убить?

Петир ожидал ответа. Его девяностодевятилетний товарищ медленно опустил ложку на скатерть.

— Хотя, конечно, тут ты угодил в яблочко, — согласился или согласилась Ариэль. — Ибо вы трое первыми, а отнюдь не последними, должны были вскочить с поднявшимися дыбом волосами и закричать: «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!» Но это повесть долгая, длиннее, чем даже у страдальца Одиссея, и не из тех, что слушают за остывшей похлёбкой.

— Для начала расскажи о себе, — вмешался Харман. — Ты принадлежишь Просперо?

— О да, но в прошлом. Нельзя окрестить это рабством или службой, скорее наши отношенья скрепляли узы соглашенья.

— Какого? — осведомился юноша.

Снаружи припустил сильный ливень, и хотя потоки вод задерживались на искривлённом

углестекле не дольше любого из войниксов, шум этих потоков, обрушившихся на мост и перила, сливался в единый и мощный гул.

— Маг логосферы спас меня от проклятой колдуньи Сикораксы, которая держала меня в услужении, — пояснила аватара. — Ибо не кто иной, как она, сотворила непостижимые коды биосферы и вызвала своего повелителя Сетебоса, но стоило мне обнаружить особую чистоту, ослушаться её скотских и злых приказов, как ведьма, в своей неукротимой ярости, заключила непокорный дух в расщелину одинокой сосны, оставив там на двенадцать сроков по двенадцать лет. Потом явился Просперо и отверз темницу.

— Выходит, маг тебя спас, — проговорил Харман.

— Выпустил, но взял клятву — служить ему верой и правдой. — Тонкие, бледные губы существа чуть искривились. — Те же двенадцать раз по двенадцать лет.

— И что было дальше? — спросил молодой человек.

— А что мне оставалось делать?

— Ты и сейчас ему служишь? — уточнил супруг Ады.

— Сейчас — ни смертному, ни магу.

— Когда-то и Калибан работал на Просперо, — произнёс Харман, стараясь припомнить всё, что говорила Сейви, и всё, о чём твердила голограмма старого мага на орбитальном острове. — Вы не знакомы?

— О, ещё бы, — отозвался (или отозвалась) Ариэль. — Он груб и страшен, я не люблю встречаться с ним.

— Тебе известно, вернулся ли Калибан на Землю? — продолжал гнуть своё девяностодевятилетний, сожалея, что Даэмана нет рядом.

— Не хуже, чем вам. — Существо подмигнуло. — Он возмечтал обратить всю планету в своё болото, полное вонючей жижи, а небосвод — в пещеру ледяную.

«А небосвод — в пещеру ледяную…» — повторил про себя мужчина. Вслух же сказал:

— Получается, этот Сетебос и Калибан — сообщники?

— Ну да.

— А мы тебе зачем понадобились? — заговорила вдруг Ханна, наконец обратив прекрасный, по-прежнему затуманенный грустью взгляд на воплощённого духа.

И тут Ариэль запел (или запела):

Ем и пью с того стола,

Где нектар сосёт пчела,
И постель моя мягка
В жёлтом венчике цветка.
На нетопыря вскочу,
Вслед за летом улечу.
Весело, весело я заживу,
Навек вернувшись в цветы и листву.[56]

— Да эта тварь помешана, — разозлился Петир и, резко поднявшись, подошёл к изогнутой прозрачной стене, выходящей на мост.

Три войникса тут же прянули к нему, однако наткнулись на невидимое защитное поле и скатились вниз. Правда, один из них вонзил пальцы-клинки в бетон, что ненамного замедлило падение. Остальные уже исчезли далеко под облаками.

Аватара негромко засмеялась, потом заплакала.

— Наш общий дом, Земля, находится в осаде. Война явила свой жестокий лик. Сейви погибла. Одиссей умирает. Сетебос, не дрогнув, уничтожит всё, что составляет мою суть и мой исток, всё, что мне предначертано защищать. «Старомодные»

---

[56] notes: 56
«Буря», Шекспир. Перев. О. Сороки.

люди передо мной — не то враги, не то союзники. Я выбираю второе. А вашего мнения никто не спрашивает.

— Так ты поможешь нам победить войниксов, Калибана и этого самого Сетебоса? — просиял Харман.

— Напротив, это *вы* окажете мне услугу.

— Какую? — спросила Ханна.

— Для вас у меня найдётся три поручения. Во-первых, вы ведь явились искать оружие?

— Да! — хором откликнулись трое.

— Те, кто задержится здесь, найдут всё, что требуется, в потаённом чертоге в нижней части южной башни за старыми, сдохшими компьютерами. На мутной зелёной стене увидите круг со вписанным в него пятиугольником. Скажите просто: «открыть», и попадёте туда, где хитроумный грек и бедная Сейви, мир её праху, прятали невинные игрушки Потерянной Эры.

— Что значит: «Те, кто задержится»? — нахмурился Петир.

— Один из вас троих вернётся на соньере в Ардис, покуда тот ещё не пал под неприятельским напором, — продолжал воплощённый дух. — Второму должно здесь остаться, чтоб оказать поддержку Одиссею, буде тот не преставится,

ибо секрет Сикораксы ведом лишь ему — мужу, однажды разделившему с ней ложе и навсегда переменившемуся после того, как и все, кому довелось вкусить ласки голубоглазой ведьмы. А третий последует за мной.

Путешественники растерянно переглянулись. Немилосердные потоки дождя за стеклом наполняли сумеречную комнату холодным подводным мерцанием. Казалось, люди стоят на морском дне или видят друг друга сквозь толщу зеленоватого стекла.

— Останусь я, — сказала Ханна. — Я и так не собиралась никуда улетать. Когда Одиссей очнётся, кто-то же должен быть рядом.

— А я возвращаюсь в Ардис, — потупился муж Ады, сгорая от стыда за собственную трусость.

Плевать на всё. Ему нужно в Ардис, к любимой жене.

— А я иду с тобой, Ариэль, — вызвался молодой человек, шагая к изящной фигурке.

— Нет, — отрезала аватара.

Товарищи вновь обменялись недоумёнными взглядами, ожидая дальнейших объяснений.

— О нет, если кто и отправится со мною, то это будет Харман. Я повелю, и соньер сам доставит Петира обратно, хотя и не столь быстро, хватит

и половины прежней скорости. Летучая машина уже дряхлеет, не годится пришпоривать её без нужды. Но Харман идёт со мной.

— Почему это? — взвился мужчина.

Что за бред? Никуда они его не затащат. Он возвращается домой, к Аде, и точка.

— Поскольку тебе суждено расстаться с жизнью, — изрёк воплощённый дух. — Мало того: в твоих руках судьба твоей супруги и младенца. Ну а жребий отца и мужа предрешён.

Тут существо воспарило над полом и невесомо проплыло над головами гостей, потом замерло в шести футах над крышкой стола, не сводя пристального черноокого взора с лица девяностодевятилетнего, и вновь запело:

Наш Харман спит на дне морском,
Он тиною затянут,
И станет плоть его песком,
Кораллом кости станут.
Он не исчезнет, будет он
Лишь в дивной форме воплощён.
Чу! Слышен похоронный звон!
Дин-дон, дин-дон!
Морские нимфы, дин-дин-дон,

Хранят его последний сон.[57]

— Нет, — покачал головой мужчина. — Простите, но… нет.

Петир вскинул боевой лук и натянул тетиву.

— Уж не собрался ль ты стрелять в нетопырей? — сладко улыбнулся или улыбнулась Ариэль, взмывая ещё на двадцать футов, словно плывя по воздуху, пронизанному зеленоватым свечением.

— Не надо… — начала Ханна.

К кому она обращалась, друзья так и не узнали.

— Пора в путь, — промолвила аватара биосферы сквозь тихий смех.

Огни померкли. В кромешной темноте захлопали крылья, засвистел рассекаемый воздух, как если бы с неба слетел огромный филин. Хармана вдруг оторвало от пола — легко, словно ястреб подхватил когтями крысёнка, — и понесло спиною вперёд сквозь непроглядный мрак. Мужчина извивался, судорожно дёргая конечностями, а потом сорвался в невесть откуда взявшуюся бездну между высокими колоннами Золотых Ворот Мачу-Пикчу.

---

[57] notes: 57
Перев. Мих. Донского.

31

Первый день космического полёта.

Пережив целую серию превосходных взрывов — иными словами, получив отменный пинок под зад, тысячефутовое судно на атомном ходу, построенное моравеками, покидает колодец марсианской гравитации.

«Королева Мэб» резво разгоняется до ускорения в двадцать километров в секунду, хотя для того, чтобы покинуть Фобос, достаточно и жалких десяти метров: нужно ещё преодолеть силу притяжения красной планеты. Трехсотметровому кораблю не терпится добраться да Земли. Моравеки намерены повышать ускорение, покуда посудина тяжестью в тридцать восемь тонн не помчится, покрывая добрых семьсот километров в секунду. На палубах, предназначенных для хранения импульсных единиц, превосходно смазанные цепи, храповые механизмы и ленты подают бомбочки — каждая мощностью сорок пять килотонн, а величиной с банку «кока-колы» — к механизму подачи, который тянется посередине буферной плиты в хвостовой части судна. Путешествие только началось, поэтому заряды

испускаются через двадцать пять секунд и детонируют, оказавшись в шести сотнях метров от «Королевы Мэб». После каждого выброса сопло, как и плита после каждой детонации, опрыскивается противоабляционным маслом. Под ударом плазменной вспышки тяжёлая буферная плита откатывается назад на тридцатитрехметровых амортизаторах, после чего гигантские поршни возвращают её на место. Очень скоро космическое судно набирает удобное и постоянное ускорение силы тяжести — одну целую двадцать восемь сотых g, тогда как его собственное ускорение возрастает с каждым взрывом. Разумеется, моравеки могли бы выдержать нагрузки в сотни, а то и в тысячи раз сильнее — правда, на короткое время, — однако на борту находится человек, а именно похищенный Одиссей, и члены экипажа единодушно не желают превратить его в кляксу малинового джема, размазанного по полу.

В машинном отделении Орфу с Ио и прочий технический персонал следят за уровнем масла и смазочно-охлаждающей эмульсии, не забывая проверять показания датчиков напряжения и давления пара. Атомные бомбы взрываются каждые полминуты, поэтому экономить на смазке не приходится; резервуары с маслом,

похожие на океанские танкеры Потерянной Эпохи, занимают нижние десять палуб. Само же машинное отделение, с его бесчисленными трубами, клапанами, индикаторами, поршнями возвратно-поступательного хода и громоздкими датчиками давления, напоминает о пароходах девятнадцатого столетия.

Даже при довольно нежном ускорении «Королева Мэб» собирается разгоняться достаточно резво, достаточно долго, а потом достаточно быстро сбавить ход, чтобы достичь Земли чуть более чем за тридцать три стандартных дня.

Манмут с утра занимается тем, что проверяет системы «Смуглой леди». Подлодку не просто уютно разместили в одном из трюмов корабля: её соединили с лебёдками, двигателями, а также вантами для спуска в атмосферу через месяц или около того, вот маленький европеец и хочет убедиться, что интерфейсы и контроллеры для этих новых устройств исправно работают. Разделённые двенадцатью палубами Манмут и Орфу болтают по личному лучу, порознь наблюдая при помощи корабельного видео и линии передачи данных радиолокации за тем, как Марс проваливается всё дальше вниз. Камеры хвостового обзора требуют замысловатых компьютеризиро-

ванных фильтров: иначе ничего не рассмотреть сквозь практически беспрерывные вспышки «импульсных единиц». Иониец хотя и не воспринимает видимый спектр, следит за удалением красной планеты посредством радиолокаторов.

— *Как-то неловко себя чувствуешь, покидая Марс после всех передряг, которые мы вытерпели, чтобы попасть сюда,* — замечает европеец по личному лучу.

— *Действительно,* — соглашается глубоковакуумный моравек. — *Особенно теперь, когда боги так яростно сражаются друг с другом.*

Дабы подчеркнуть свою мысль, он увеличивает масштаб изображения улетающей вниз планеты на дисплее товарища, наводя резкость на ледяные склоны и зелёную вершину Олимпа. Гигантский краб воспринимает лишь колонки инфракрасных данных, но Манмут отлично всё видит. Повсюду яркие всполохи, а знаменитая кальдера, сутки назад представлявшая собой голубое озеро, горит в тепловом спектре жёлтым и алым: видимо, снова наполнена раскалённой лавой.

— *Астиг-Че, Ретроград Синопессен, Чо Ли, генерал Бех бин Адее и прочие первичные интеграторы показались мне здорово напуганными,* — передаёт

Манмут по личной связи, продолжая обследовать энергосистемы своей подлодки. — *На меня их разъяснения по поводу неправильной марсианской гравитации тоже нагнали страха. Жутко даже подумать, кто бы мог поменять её до земного уровня.*

С самого начала полёта друзьям в первый раз выпала возможность пообщаться без лишних свидетелей, и маленький европеец рад поделиться своими тревогами.

— *Merde,*[58] *и это ещё верхушка чёртова айсберга,* — откликнулся Орфу.

— *Ты о чём*?

У Манмута вдруг холодеют органические части тела.

— *А, ну да,* — громыхает краб. — *Ты всё время сновал между Илионом и Марсом, некогда было послушать о новых открытиях Комиссии первичных интеграторов, верно?*

— *Выкладывай.*

— *Лучше тебе не знать, приятель.*

— *Заткнись и давай… Ну, ты меня понял. Рассказывай.*

Орфу вздыхает, издав при этом такой странный

---

[58] notes: 58
Дерьмо (фр.).

звук, словно все тысяча тридцать футов корабля разом сдулись.

— Первым делом, дело в терраформации…

— Ну?

За долгие недели странствий по Красной планете на «Смуглой леди», фелюге и воздушном шаре маленький моравек свыкся с лазурным небосводом, синим морем, лишайником, деревьями, даже с избытком кислорода.

— Каких-то полтора столетия назад ни воды, ни воздуха, ни жизни на Марсе не было, — произносит ониец.

— Я знаю. Во время того первого совещания на Европе, стандартный год назад, Астиг-Че говорил об этом. Послушать его, получалось: почти невозможно, чтобы планета переменилась так быстро. И что же?

— А то, что это и впрямь невозможно, — рокочет краб. *— Пока ты чесал языком с ахейцами и троянцами, наши учёные — представители Пояса и Пяти Лун — изучали терраформированный Марс. Магия тут вообще-то ни при чём… Какое-то количество астероидов было использовано, чтобы растопить ледниковый покров и высвободить углекислый газ, ещё часть пошла на бомбардировку гигантских запасов подземных*

вод, пробила кору планеты, так что по прошествии миллионов лет молекулы «аш-два-о» впервые вырвались наружу, потом кто-то завёз лишайники, водоросли и земляных червей, дабы подготовить почву к появлению более крупных растений, и всё это могло произойти лишь после того, как марсианская атмосфера сгустилась вдесятеро.

Манмут прекращает барабанить пальцами по экрану компьютера и отключается от виртуальных портов; схемы и изображения подлодки, а также соединённых с ней устройств тускнеют и гаснут.

— *Это же значит…* — нерешительно начинает он.

— *Ага. На преображение планеты в её сегодняшнее состояние ушло почти восемь стандартных тысячелетий.*

— *Но… Но…*

Маленький европеец беспомощно заикается и ничего не может с этим поделать. Астиг-Че показывал им астрономические снимки прежнего Марса — холодного, безжизненного, безвоздушного Марса, сделанные с Юпитера и Сатурна не далее чем полтора стандартных века назад. Да что там — только три тысячи лет миновало с

тех пор, как человечество послало во Внешнюю Систему первых моравеков! Тогда Марс точно не был терраформирован: если не считать нескольких китайских колоний под куполами на Фобосе и на поверхности планеты, она выглядела так же, как на снимках, сделанных камерами земных спутников не то в двадцатом, не то в двадцать первом столетии, что-то около того.

— *Но…* — повторяет Манмут.

— *Обожаю минуты, когда ты лишаешься дара речи,* — отзывается Орфу; правда, на сей раз без привычного громыхания, которое сопровождает его шутки.

— *Получается, мы говорим о волшебстве, о подлинных богах… божествах вроде Бога… или …* — Голос европейца, доносящийся по личному лучу, возмущённо поднимается.

— *Или что?*

— *Это не настоящий Марс.*

— *Вот именно,* — отчеканивает гигантский краб. — *Вернее, Марс настоящий, только не* ***наш****. Не тот, который находился в Солнечной системе миллиарды лет.*

— *То есть кто-то… что-то… подсунул… вместо… нашей Красной планеты… какую-то… другую?*

— *Похоже на то,* — произносит Орфу. — *Первичные интеграторы заодно с нашими ведущими учёными тоже отказывались верить, но это единственный ответ, с которым согласуются все факты. Солнечный день — лишнее тому доказательство.*

Внезапно Манмут замечает дрожь в руках, сжимает их, отключает зрение и внешние телесигналы, чтобы лучше сосредоточиться, потом переспрашивает:

— *Солнечный день?*

— *Мелочь, но важная,* — поясняет Орфу. — *Ты, случаем, не заметил, путешествуя через Брано-Дыру между Землёй Илиона и Марсом, то, что дни и ночи в обоих мирах совпадали по длительности?*

— *Кажется, да, но…* — Маленький моравек запинается.

Ему не нужно сверяться с неорганическими банками памяти. Он и так прекрасно помнит: Земля совершает оборот за двадцать три часа пятьдесят шесть минут, а Марс — за двадцать четыре тридцать семь. Разница пустяковая, однако за месяцы, проведённые моравеками на обеих планетах, должна была стать ощутимой. Но этого не произошло. Время суток всегда сходилось, как

в аптеке.

— *Господи Иисусе,* — шепчет Манмут по личной связи. — *Господи Иисусе.*

— *Может, и так,* — откликается иониец, весело громыхнув. — *Ну или кто-то с подобными божественными возможностями.*

— *Кто-то или что-то на Земле наделало дырок в многомерном пространстве Калаби-Яу, соединило с их помощью разные вселенные, подкинуло вместо нашего Марса чужой… чей бы то ни было… терраформированный, с богами на вершине Олимпа… подключённый к Земле Илиона через квантовую Брано-Дыру. И вдобавок не поленилось изменить гравитацию, а также период вращения Красной планеты. Иисус, Мария, Иосиф и прочая святая братия!*

— *Ага,* — хмыкает Орфу. — *И вот первичные интеграторы полагают, что исполнитель этого маленького фокуса находится на Земле или околоземной орбите. Всё ещё рвёшься к нашей общей цели?*

— *Я… я… если бы… я…* — Маленький моравек умолкает.

Согласился бы он принять участие в полёте, окажись всё известно заранее? В конце концов, опасности предстоящей миссии были известны

ещё до того, как Манмут решился на экспедицию к Марсу. О ком бы ни шла речь — о продвинутых «постах» или же тварях из иного мира, а может, измерения, — таинственные существа показали своё умение держать в узде и даже играть квантовыми основами вселенной. По сравнению с этим — *что* им стоило подбросить одну планету вместо другой, поменяв её период обращения и гравитационное поле? Да, но какого чёрта он делает на корабле, несущемся к Земле, то есть прямо в логово поджидающих монстров-богов, со скоростью сто восемьдесят километров в секунду (и это ещё не предел)? Способность неведомого противника контролировать квантовую ткань мироздания — всех мироздaний — превращала жалкое оружие и тысячи спящих воинов-роквеков на борту судна в неудачную насмешку.

— *Да уж, отрезвляет*, — выдавливает Манмут наконец.

— *Аминь*, — отзывается друг.

В это мгновение по всему кораблю начинают звенеть и вспыхивать сигналы тревоги, заглушая беседы как по личным лучам, так и по общим каналам виртуальной коммуникации.

— Вторжение! Вторжение! — сообщает голос «Королевы Мэб».

— *Это шутка?* — удивляется европеец.

— *Нет*, — отвечает Орфу. — *Твой друг Томас Хокенберри только что… появился… в машинном отделении. Судя по всему, квант-телепортировался.*

— *С ним всё в порядке?*

— *Нет. Парень потерял очень много крови… Всю палубу залил. По-моему, он уже мёртв, Манмут. Я поднял тело и несу на своих манипуляторах в больницу для людей. Спешу как могу.*

Корабль огромен, к тому же в условиях настолько сильной гравитации Манмуту работать не доводилось, поэтому проходит несколько долгих минут, прежде чем он выбирается из подлодки, затем из трюма и устремляется на этажи, которые мысленно привык называть «человеческими». Кроме многочисленных камбузов и кают отдыха, туалетов и противоперегрузочных коек, предназначенных для пятисот людей и заполненных кислородно-водородной атмосферой с давлением на уровне моря, на палубе номер семнадцать имеется работающий лазарет, оборудованный по последнему слову хирургии и диагностики начала двадцать второго столетия, согласно древним, но предельно осовремененным данным, какие только попали в распоряжение учёных Пяти

Лун.

Весь первый день единственным обитателем этой палубы оставался разъярённый Одиссей, пассажир поневоле; зато к приходу маленького европейца здесь толпится большая часть команды. Орфу занимает собой чуть ли не всю ширину коридора. Рядом — первичный интегратор с Ганимеда Сума Четвёртый, каллистянин Чо Ли, генерал роквеков Бех бин Адее, а также два техвека-пилота с корабельного мостика. Дверь хирургической закрыта, однако Манмуту сквозь стекло видно, как первичный интегратор Астиг-Че наблюдает за паукообразным коллегой с Амальтеи по имени Ретроград Синопессен, который ужасно суетится над обагрённым телом схолиаста. Два моравека помельче, исполняя его приказы, орудуют лазерными скальпелями и пилами, подсоединяют какие-то трубки, подносят бинты, направляют виртуальные зонды. Металлическое тельце и элегантные серебристые манипуляторы Ретрограда Синопессена покрыты тёмно-бурыми кляксами.

«Это кровь человека, — думает маленький европеец. — Кровь Хокенберри».

Ею же обагрён просторный пол коридора, стены, а более всего — побитый панцирь и широкие

манипуляторы Орфу с Ио.

— Ну как он? — спрашивает Манмут у товарища, произнося слова вслух.

Пользоваться личным лучом в присутствии других моравеков считается дурным тоном.

— Сюда я принёс его мёртвым, — отзывается краб. — Сейчас парня пытаются вернуть к жизни.

— А что, интегратор Синопессен и в этом разбирается?

— Он всегда увлекался человеческой медициной Потерянной Эпохи, — произносит Орфу. — Как ты — шекспировскими сонетами, или как я — Прустом.

Европеец кивает. Большинство моравеков, которых он знает, интересуются какой-либо областью древних искусств и наук: так были запрограммированы первые автономные роботы и киборги, запущенные в Пояс астероидов и во Внешнюю Систему, и поздние их преемники сохранили эту страсть. «Да, но разве достаточно знаний Синопессена для того, чтобы воскресить Хокенберри?»

Из каюты является заспанный Одиссей. При виде толпы мужчина с широкой, как бочка, грудью замирает и привычно тянется к рукояти меча

— вернее, к пустой петле на поясе, ибо моравеки обезоружили древнего грека, пока поднимали его в бесчувственном состоянии на борт шершня. Манмут пытается вообразить, насколько странно выглядит в глазах человека металлическое судно, плывущее по космическим просторам, которых ему не рассмотреть, а также их пёстрое сообщество. В коридоре не найдётся и двух похожих моравеков — от великана Орфу, весящего не меньше двух тонн, и блестящего чёрного Сумы Четвёртого до воинственного, покрытого хитином генерала роквеков Бех бин Адее.

Не удостоив нелепое сборище вниманием, сын Лаэрта невозмутимо шагает к окошку хирургического кабинета. И маленький европеец вновь прикидывает про себя, что же может подумать могучий бородач, увидав серебристого паука на долгих ножках и двух техвеков, склонившихся над мужчиной, с которым Одиссей не единожды встречался и разговаривал за последние девять месяцев, увидав его кровь, разверстую грудь и торчащие из тела рёбра, словно в мясницкой лавке? «Уж не померещится ли ему, будто Ретроград Синопессен поедает свою жертву?»

Не отрывая глаз от операции, Лаэртид обращается к Манмуту на древнегреческом языке:

— Зачем твои друзья прикончили сына Дуэйна?

— Это не так. Хокенберри внезапно возник здесь, на судне… Помнишь, как он использовал божественные способности, чтобы мгновенно переноситься с места на место?

— Помню, — ворчит Одиссей. — Я видел, он отправил Ахиллеса в Илион, исчезнув и появившись опять, словно самый настоящий обитатель Олимпа. Только я никогда не верил, что Хокенберри бог или полубог.

— Он и не заявлял этого, — говорит европеец. — Похоже, сын Дуэйна получил удар кинжалом, однако успел квитироваться… перенестись, как это делают бессмертные… к нам за помощью. Серебряный моравек и два его помощника, которых ты лицезришь перед собой, пытаются спасти ему жизнь.

Серые очи Лаэртида взирают на Манмута сверху вниз.

— Спасти ему жизнь, маленькая машинка? Он же скончался, это видно с первого взгляда. Паук вынимает его сердце.

Моравек поворачивается посмотреть. Одиссей совершенно прав.

Не желая отвлекать Синопессена, европеец

обращается к Астигу-Че по коммуникационной линии:

— *Он умер? Необратимо умер?*

Первичный интегратор отвечает, не поднимая головы, склонённой над хирургическим столом:

— *Нет, Синопессен заморозил активность мозга буквально через минуту после того, как остановились жизненные функции больного, и полагает, что успел избежать невозместимых потерь. Кстати, он как раз говорит со мной. По его суждению, в обычном случае достаточно было бы ввести в кровь несколько миллионов наноцитов для восстановления повреждённой аорты и сердечной мышцы, потом запустить ещё молекулярные машинки, чтобы восполнить кровяной запас и укрепить иммунную систему. Но интегратор Синопессен обнаружил, что схолиасту Хокенберри это не поможет.*

— *Почему?* — подаёт голос каллистянин Чо Ли.

— *Его клетки помечены.*

— *Помечены?* — повторяет Манмут.

Он никогда не интересовался ни биологией, ни генетикой людей или моравеков, хотя довольно долго изучал биологию кракенов, ламинарий и прочих обитателей океана Европы, глубины которого бороздил на подлодке стандартное сто-

летие с лишним.

— *Иными словами, подписаны, защищены авторским правом от подделок и любых изменений,* — поясняет Астиг-Че по общей линии. Сейчас его слушают все, кто находится на корабле, за исключением Одиссея и Хокенберри. — *Схолиаст не был рождён, его… воссоздали. Ретроинженерия на основе пусковых ДНК и РНК. Тело не примет никаких пересаженных органов, а главное — отвергнет новые наноциты, потому что и так под завязку наполнено самыми передовыми продуктами нанотехнологии.*

— *Что за технология?* — спрашивает покрытый углепластовым панцирем ганимедянин Сума Четвёртый. — *Как она действует?*

— *Пока неизвестно.* — Последнюю фразу произносит сам Синопессен; между тем его тонкие пальцы проворно работают лазерным скальпелем, накладывают швы и что-то разрезают микроскопическими ножницами, а в одной из рук по-прежнему покоится человеческое сердце. — *Эти наномемы и микроциты намного изощрённее и сложнее всего, что было придумано моравеками. Клетки вкупе с субклеточной структурой не только игнорируют наши запросы, но и блокируют любое вмешательство извне.*

— *И всё-таки он будет жить?* — уточняет Чо Ли.

— *Думаю, что да,* — подтверждает Ретроград Синопессен. — *Вот восполню запасы крови, восстановлю повреждённые клетки, заштопаю раны, вновь запущу нейронную активность, инициирую стимул поля Грвского, дабы ускорить выздоровление, и схолиаст Хокенберри поднимется на ноги.*

Манмут оборачивается, чтобы сообщить утешительный прогноз Лаэртиду, однако ахейца уже и след простыл.

Второй день полёта.

Одиссей расхаживает повсюду, взбирается по ступеням, избегая пользоваться подъёмниками, обшаривает каюты и даже не смотрит на творения хитроумного Гефеста — так называемых моравеков, — отчаянно ища выход из этого преддверия Аида, сверкающего металлом коридоров.

— О Зевс, — шепчет он в тишине пустого и длинного помещения, нарушаемой лишь гудением непонятных ящиков, шепотком вентиляторов и бульканьем в трубах, — великодержавный отец и смертных и вечных богов повелитель, коего промыслу я не покорился и на кого безрассудно дерзнул ополчиться, о ты, со звёздных высот

секущий землю громогласными перунами, ниспославший однажды пресветлую дщерь Афину, дабы облагодетельствовать меня её милостью и покровительством, отец, я молю ниспослать знамение. Вызволи меня из этого железного Аида призраков, теней и бессильной злобы, куда я до срока низвергнут. Одной лишь чести прошу: позволь найти свою гибель на бранном поле, о Зевс, о правитель, держащий и твёрдую землю, и пространное море! Внемли же последней молитве, и я стану преданно служить тебе до последнего вздоха.

Ни ответа, ни даже смутного эха.

Одиссей, сын Лаэрта, отец Телемаха, любезный супруг Пенелопы, любимец Афины, сжимает кулаки и скрежещет зубами от ярости, продолжая мерить шагами сверкающие туннели в лабиринтах Аида.

Железные игрушки рассказывали, будто бы он угодил на борт небесного судна, бороздящего чёрное море *космоса*, но это ложь. Говорили, будто забрали Одиссея с поля битвы в день, когда пропала Дыра, потому что, дескать, желали помочь ему отыскать путь домой, к супруге и сыну, однако и это ложь. Уверяли, будто способны мыслить, как люди, будто бы даже имеют сердца и души…

Грязная ложь.

Это всего лишь огромная гробница из металла, вертикальный лабиринт без окон. Тут и там Лаэртид находит проницаемые для глаза двери, за ними прячутся новые помещения, но ни единого отверстия, сквозь которое он увидел бы волны пресловутого океана. Разве что несколько прозрачных пузырей показывают неизменно чёрное небо с привычными взгляду созвездиями. Порой эти огненные светочи так вертятся и кувыркаются, точно невольный пассажир опился сладкого вина. Когда никого из машинок нет поблизости, Одиссей колотит по стенам и окнам, терзая до крови свои массивные, закалённые в боях кулаки, но не оставляет следов ни на железе, ни на стекле. Ничто не ломается. Ничто не открывается по его воле.

Часть комнат легко доступны сыну Лаэрта, многие заперты, а некоторые — например, так называемый мостик, показанный ему в первый же день заточения в этом Аиде прямых углов, — охраняются чёрными шипастыми игрушками по кличке роквеки, или солдаты Пояса. Несколько месяцев эти создания помогали защищать Илион и ахейский лагерь от божественного возмездия, и греку доподлинно известно: чести у них нет.

Это просто машины, которые используют другие машины, сражаясь против таких же машин. Беда в том, что каждая из них гораздо крупней Одиссея и вдобавок увешана странным оружием, не считая выдвижных лезвий и непробиваемых панцирей, тогда как пленника начисто лишили всего, даже доспехов. Что ж, если больше ничто не поможет, придётся напасть на одного из чёрных вояк, но это крайнее средство. Владеть оружием — мастерство, коему следует учиться и в коем следует упражняться, как и в любом искусстве: эту истину Одиссей, сын Лаэрта, усвоил ещё в раннем детстве. К сожалению, он понятия не имеет, как управляться с этими тяжёлыми, незаострёнными, тупоносыми штуками, даже если вырвать их из чёрных лап роквеков.

Спустившись в помещение, где громко ревут машины и ездят вверх-вниз огромные цилиндры, ахеец беседует с чудищем, похожим на гигантского металлического краба. Что-то подсказывает ему, что тварь слепа, однако (опять-таки если слушать внутренний голос) прекрасно находит дорогу без помощи глаз. Герой встречал на своём веку немало храбрых мужей, утративших зрение, и посещал немало гадателей или оракулов, наделённых взамен даром предвидения.

— Я желаю обратно, воевать под стенами Трои, — заявляет он. — Чудовище, сейчас же верни меня туда.

Краб разражается рокотом. Он изъясняется на языке собеседника — ну, то есть цивилизованных людей, — но так отвратительно, что речь его напоминает яростный грохот прибоя о каменистый берег.

— Впереди… у меня… у нас… долгое странствие… о благородный… Одиссей, достопочтенный сын Лаэрта. Когда оно скончается… порешится… окончится… мы надеемся отвернуть… возвратить тебя… к Пенелопе и Телемаху.

«Да как она посмела, эта одушевлённая груда железа, коснуться имён моей жены и ребёнка своим невидимым языком?» — закипает мужчина. Будь у него хоть самый завалящий меч, хоть самая простая дубина — Одиссей разбил бы ненавистную тварь на кусочки, раскроил бы ей панцирь и вырвал сей поганый орган голыми руками.

Покинув чудовище, сын Лаэрта идёт на поиски прозрачного пузыря, откуда он мог бы взглянуть на звёзды.

В этот раз они неподвижны. И не мерцают. Покрытые ссадинами ладони героя ложатся на

холодное стекло.

— Богиня Афина… пою твою преславную силу и ясные очи, Паллада Афина, необорная, мудрая дева… услышь мой глас.

Бессмертная Тритогения… непорочная защитница града, могучая и грозная в битвах; славная рожденьем из ужасной главы громовержца… облачённая в ратный доспех… Златая! Блистательная! Внемли молитве.

О чудная небожительница… добычелюбивая… потрясающая длиннотенною пикой… сошедшая в мир, словно буря, с божественной маковки эгидоносного родителя Зевса… когда и небеса трепетали, объятые страхом… и колебались, покорные силе Лазурноокой… К тебе взываю.

О дщерь Эгиоха, Третьерожденная, грозная Паллада, отрада наших сердец… воплощённая мудрость, покрытая неувядаемой славой… радуйся! Прошу, исполни моё желание.

Одиссей размыкает веки. Лишь немигающие звёзды да собственное отражение в окне являются его серым глазам.

* * *

Третий день полёта.

Сторонний наблюдатель — скажем, некто,

наблюдающий за кораблём в очень мощный оптический телескоп с орбитального земного кольца, — увидел бы в «Королеве Мэб» удивительный копейный наконечник, составленный из опутанных решётками сфер, овалов, резервуаров, ярко раскрашенных прямоугольников, многораструбовых реактивных двигателей, соединённых по четыре, и массы чёрных углепластовых шестиугольников, собранных вокруг сердцевины из цилиндрических жилых отсеков, которые, в свой черёд, балансируют на вершине колонны из всё более ослепительных атомных вспышек.

Манмут отправляется в лазарет навестить Хокенберри. Мужчина довольно быстро выздоравливает, отчасти благодаря процессу нейростимуляции заполнившему послеоперационную палату на десять коек запахом грозы. Маленький моравек несёт цветы из обширной оранжереи судна: судя по сведениям, выуженным из банков его памяти, так полагалось ещё перед Рубиконом, в двадцать первом столетии, откуда явился этот человек — или хотя бы его ДНК. На самом же деле при виде букета Хокенберри разражается смехом и признаётся, что никогда ещё не получал на своей памяти подобных знаков внимания. Впрочем, память — вещь ненадёжная, тут же уточняет

больной, особенно если она касается прошлой жизни на Земле — его настоящей Земле, планете университетского схолиаста, а не служителя своенравной Музы.

— Это большая удача, что ты квитировался на «Королеву Мэб», — говорит Манмут. — Кому ещё хватило бы анатомических познаний и хирургических навыков, чтобы тебя исцелить?

— Только паукообразному моравеку, который, по счастью, увлекался медициной, — согласно подхватывает Хокенберри. — Мог ли я знать, когда был представлен Ретрограду Синопессену, что через каких-то двадцать четыре часа он спасёт меня от смерти? Чего не случается!

Европеец не находится, что ответить. Примерно спустя минуту он произносит:

— Я слышал, вы уже толковали с Астигом-Че по поводу всего произошедшего. Не будешь против обсудить это ещё раз?

— Да нет, конечно.

— Это правда, что тебя зарезала Елена?

— Правда.

— И что единственной причиной было её нежелание, чтобы супруг Менелай когда-нибудь прознал о её предательстве после того, как ты квант-телепортировал его обратно в ахейскую

ставку?

— Думаю, да.

Хотя Манмут и не большой знаток выражений человеческих лиц, даже он ощущает печаль собеседника.

— Но ты говорил Астигу-Че, будто вы с Еленой были близки… были когда-то любовниками.

— Ну да.

— Тогда прошу простить моё невежество в подобных вопросах, доктор Хокенберри, однако, на мой непросвещённый взгляд, Елена Троянская — весьма испорченная дама.

Несмотря на кислый вид, схолиаст улыбается и пожимает плечами.

— Она всего лишь плод своей эпохи, Манмут. Нам не понять, в какое жестокое время и в каких условиях закалялась её душа. Ещё преподавая в университете, я всегда обращал внимание студентов на то, что любые попытки гуманизировать историю, рассказанную Гомером, как-то подогнать под рамки современной щепетильности, обречены на крах. Эти герои… эти *люди* … хотя и до мозга костей человечные, застали самое начало нашей так называемой цивилизации, до зарождения современных гуманистических ценностей оставались тысячелетия. С этой точки

зрения, нам так же трудно постичь действия и побуждения Елены, как, например, почти абсолютное отсутствие милости в душе Ахиллеса или беспредельное вероломство Одиссея.

Маленький европеец кивает.

— Ты ведь знал, что сын Лаэрта здесь, на «Королеве»? Он уже навещал тебя?

— Нет, мы ещё не виделись. Но первичный интегратор Астиг-Че упоминал… Боюсь, этот парень меня убьёт.

— Убьёт? — изумляется Манмут.

— Ты забыл, как использовал меня, чтобы похитить ахейца? Это ведь я наплёл о тайном послании Пенелопы, соловьём разливался про ствол оливы, на котором зиждилось их брачное ложе в родной Итаке. А стоило заманить героя к шершню… цап! Меп Эхуу вырубает его и грузит на борт. Я бы на месте Одиссея затаил обиду против некоего Томаса Хокенберри.

«Вырубает», — повторяет про себя моравек, обрадовавшись незнакомому английскому слову. Роется в банках памяти, находит новинку — к его удивлению, это не непристойность, — и откладывает для себя про запас.

— Извини, кажется, я поставил тебя в опасное положение.

Европеец прикидывает, не сказать ли о том, что во время неразберихи по случаю исчезновения Дыры Орфу передал ему по личному лучу повеление первичных интеграторов — затащить Лаэртида на «Королеву Мэб», но потом спохватывается. Профессор филологии Томас Хокенберри родился в эпоху, когда отговорка «я только исполнял приказ» раз и навсегда вышла из моды.

— Я потолкую с Одиссеем… — начинает Манмут.

Мужчина качает головой, и губы его снова трогает улыбка.

— Рано или поздно мы всё равно встретимся. Пока же Астиг-Че приставил ко мне охранника-роквека.

— А я-то думал, зачем это моравеку Пояса торчать у дверей палаты, — произносит европеец.

Хокенберри касается золотого медальона, блестящего в открытом вороте больничной пижамы.

— Если совсем прижмёт, я просто квитируюсь прочь.

— В самом деле? — переспрашивает Манмут. — А куда? Олимп стал «горячей точкой», Илион тоже наверняка пылает.

Хокенберри серьёзнеет.

— М-да. Вот загвоздка. Впрочем, я всегда могу поискать своего товарища Найтенгельзера там, где оставил, — в Индиане тысячного года до нашей эры.

— Индиана… — эхом вторит собеседник. — Какой Земли?

Схолиаст потирает грудь в том самом месте, откуда семьюдесятью двумя часами ранее Ретроград Синопессен извлёк его сердце.

— Какой Земли? Странно звучит, согласись.

— Да уж, — кивает Манмут. — Подозреваю, нам нужно привыкнуть мыслить по-новому. Твой друг Найтенгельзер остался на планете, откуда ты перенёсся. На Земле Илиона, как мы её называем. А «Королева Мэб» направляется к небесному телу, где миновало три тысячи лет с тех пор, как ты впервые жил и… м-м-м…

— Умер, — заканчивает Хокенберри. — Не беспокойся, я свыкся с этой идеей. Уже принимаю спокойно… ну, почти.

— Любопытно, как ты отчётливо сумел вообразить машинное отделение корабля после того, как получил удар кинжалом, — замечает моравек. — Судя по тому, в каком состоянии тебя нашли, медальон был активирован почти в бессознательном состоянии.

Схолиаст качает головой.

— Не помню, чтобы я трогал медальон или что-то воображал.

— Ну а что последнее запомнилось?

— Женщина, застывшая прямо надо мной с выражением ужаса на лице, — отвечает человек. — Высокая, бледная, с чёрными волосами.

— Елена?

Мужчина ещё раз мотает головой.

— Она уже ушла к тому времени. Нет, эта дама просто… возникла там.

— Одна из Троянок?

— Нет. На ней была… странная одежда. Что-то вроде туники с юбкой… Больше похоже на женский наряд из моего времени, чем на всё, что я видел в Илионе и на Олимпе последние десять лет, но всё-таки не то… — Он растерянно умолкает.

— Может, померещилось? — спрашивает Мамут.

Ни к чему продолжать, и так очевидно: когда прекрасная Елена вонзила клинок в сердце жертвы, кровь устремилась наружу, а значит, отхлынула от мозга.

— Могло… но не померещилось. Видишь ли, глядя в её глаза, я испытал необъяснимое чувство…

— Да?

— Не знаю, как описать. — Хокенберри морщит лоб. — Уверенность, что мы снова встретимся где-то ещё. Где-то очень далеко от Илиона.

Европеец погружается в размышления. Некоторое время оба — человек и моравек — сидят и спокойно молчат. Приглушённые удары «больших пистонов» — грохот, сотрясающий весь корабль каждые полминуты, за которым следуют воспринимаемые скорее кожей, чем слухом, вздохи и шипение цилиндров, — стали уже привычным фоновым шумом, как и слабые шорохи вентиляционной системы.

— Манмут, — произносит мужчина, касаясь груди через распахнутую пижаму. — Знаешь, почему я отказывался лететь вместе с вами на Землю?

Европеец мотает головой. Моравеку известно, что Хокенберри видит собственное отражение на чёрной полированной зрительной панели в передней части его красного металлического черепа.

— Я слишком хорошо разобрался в «Королеве Мэб» и разгадал ваши подлинные намерения.

— Первичные интеграторы и не скрывали наших целей, — недоумевает Манмут. — Разве

не так?

Схолиаст улыбается.

— Нет. Конечно, я услышал от них часть правды, но далеко не всё. Если уж вам понадобилась экспедиция на Землю, к чему было создавать гигантского, неповоротливого урода? Шестьдесят пять военных космических кораблей, кружащих по марсианской орбите или снующих между Красной планетой и Поясом астероидов, — разве этого недостаточно?

— Шестьдесят пять? — переспрашивает моравек. Так много? Он и понятия не имел о количестве летавших вокруг посудин, одни из которых не превышали размером обычных шершней, другие же запросто могли вернуться на Юпитер с очень тяжёлыми грузами, если потребуется. — Откуда у доктора Хокенберри такие точные данные?

— Центурион-лидер Меп Эхуу обмолвился както раз, когда мы ещё сражались на Земле Илиона. Правда, он оказался не очень-то разговорчив, когда я стал интересоваться кораблями: всё-таки это воин, а не специалист по космотехнике… Но кое-что было понятно: все прочие летательные аппараты работали на термоядерной или ионной энергии. А это покруче атомных бомбочек в банках.

— Да-а-а… — соглашается Манмут.

Он тоже не слишком разбирается в космическом транспорте — посудина, доставившая их с Орфу на Марс, представляла собою пёстрый винегрет из солнечных парусов и одноразовых термоядерных двигателей, запущенный в Солнечную систему при помощи созданного моравеками требуше в виде ускорительных «ножниц», ответвления которых производили более двух триллионов ватт энергии. И всё-таки даже он, простой капитан европейской подлодки, понимает: «Королева Мэб» чересчур жалка и громоздка для объявленной цели полёта. Манмут уже догадывается, куда клонит собеседник, однако не уверен, что желает это услышать.

— Каждые тридцать секунд — по одной атомной бомбе, — глухо продолжает человек. — За кораблём величиной с Эмпайр-Стейт-Билдинг, как изволили подчеркнуть Орфу и первичные интеграторы. Мало того, «Королева» не обладает невидимостью в отличие от самого захудалого шершня. Итак, что мы имеем? Громадную штуковину с ярким… как вы это называете?.. альбедо[59]… и хвостом из атомных вспышек, пре-

[59] notes: 59
отражательная способность.

красно заметным с Земли задолго до прибытия на орбиту… чёрт, готов поспорить, нас и теперь уже видно невооружённым глазом.

— Отсюда ты заключаешь… — подначивает моравек.

Весь разговор транслируется ионийцу по личной связи, но тот пока отмалчивается.

— Отсюда я делаю вывод, что настоящая цель этой миссии — как можно раньше засветиться, — отвечает мужчина. — Напустить на себя угрожающий вид и напроситься на ответный удар неизвестных сил, затаившихся на Земле или поблизости, — тех самых, которые, судя по вашим рассказам, обожают забавы ради перекраивать квантовую ткань вселенной. Вы пытаетесь вызвать огонь на себя.

— Разве? — Не успев договорить, моравек осознаёт, что доктор Томас Хокенберри совершенно прав… и что сам он, Манмут с Европы, подозревал нечто подобное с начала полёта, однако не решался взглянуть фактам в лицо.

— Да-да, — подтверждает собеседник. — Полагаю, корабль просто напичкан записывающей техникой, и когда неведомые силы, где бы они ни прятались, разнесут его в атомную пыль, подробная информация о характере взрыва и природе

супероружия будет мгновенно передана обратно на Марс, или на Пояс астероидов, или на Юпитер, или куда угодно. Сказать, кого мне напоминает «Королева Мэб»? Троянского коня, коего греки так и не удосужились построить на Земле Илиона и вряд ли уже построят после того, как я переменил ход событий, а хитроумный Одиссей сделался вашим пленником. Но только эту лошадку наверняка — ну, практически наверняка, — поджарят на жертвенном костре. Вместе со всеми нами.

— *Орфу, это правда?* — взывает Манмут по личному лучу.

— *Увы, дружище*, — мрачно звучит в ответ. — *Причём далеко не полная*.

— Не стоит говорить: «со всеми *нами*», доктор Хокенберри, — произносит вслух европеец. — Твой квит-медальон ещё цел. Ты можешь покинуть судно в любое время.

— Верно. — Мужчина перестаёт потирать бледный исчезающий шрам — след от разреза, сшитого при помощи молекулярного клея, и прикасается к тяжёлому украшению на груди. — Могу покинуть, когда захочу.

32

Даэман отобрал девятерых колонистов (среди них оказалось пятеро мужчин и четыре женщины) для участия в вылазке, целью которой было посетить все триста известных факс-порталов, дабы проверить, не явился ли туда Сетебос, и упредить обитателей, если такие найдутся. Однако затем бывший коллекционер решил дождаться возвращения Хармана, Ханны и Петира на общем соньере. Муж Ады сулил прилететь к ленчу или около того.

Соньер не вернулся ни к назначенному сроку, ни часом позже.

Даэман терпеливо ждал. Он чувствовал общее беспокойство: разведка и дровосеки заметили в окрестных лесах на востоке, юге и севере от Ардиса шевелящиеся, сгущающиеся тени, словно войниксы готовились к серьёзной атаке, и сыну Марины не хотелось отрывать десятерых человек от их обязанностей, пока не прибыло подкрепление.

Полдень давно миновал. Дозорные на сторожевых башнях то и дело поглядывали на тяжёлые сизые облака, явно надеясь увидеть летящий

соньер.

Молодой человек понимал, что не должен медлить и что Харман был прав: разведка и предупреждение прочих колоний не терпели отлагательства, и всё-таки тянул время. Так прошёл час. Потом другой. Вопреки здравому смыслу Даэман стыдился покинуть кузину до возвращения её супруга. Если с Харманом что-то случится, это сломит его жену, однако по крайней мере община выживет. А вот без соньера судьба обитателей Ардиса решится довольно скоро, достаточно войниксам устроить новый набег.

Ада весь день находила себе занятия, лишь изредка выходя из особняка, чтобы постоять в одиночестве у литейного купола, глядя в небеса. Любитель бабочек, Том, Сирис, Лоэс и ещё несколько человек всякий раз оказывались поблизости, но не заговаривали с ней. Тучи набрякли, потемнели; опять повалил снег. И без того короткий зимний день переродился в кошмарные сумерки.

— Ладно, пора на кухню, — сказала себе наконец молодая женщина, зябко кутаясь в шаль.

Кузен и прочие смотрели ей вслед. В конце концов и Даэман отправился в особняк, поднялся к себе на третий этаж, в маленькую комнатушку

под крышей, порылся в комоде и вытащил то, что искал, — зелёную термокожу и респиратор, полученные от Сейви более десяти месяцев назад.

В прошлом костюм сильно пострадал от когтей и зубов Калибана, перепачкался кровью чудовища и своего хозяина, потом опять грязью — после одной неудачной вынужденной посадки; однако чистка удалила все пятна, а умная ткань поспешила срастить разрывы. И это ей почти удалось. Местами зелёный изоляционный материал истончился до прозрачности, обнажив серебристый молекулярный слой, однако герметичность практически не пострадала: проверки ради молодой человек нарочно побывал в одном заброшенном факс-узле, устроенном на высоте четырнадцать тысяч футов над уровнем моря, на безлюдной, обдуваемой яростными ветрами и засыпаемой снегом вершине Пайкс-пик. Термокожа исправно сохраняла тепло и поддерживала жизненные функции, да и маска работала, позволяя спокойно дышать в условиях разрежённой атмосферы.

Уложив невесомый костюм в рюкзак рядом с арбалетными болтами и запасом воды, Даэман спустился по лестнице — собирать ожидавшую сигнала команду.

Но тут снаружи донёсся крик, и сын Марины сам

не заметил, как оказался на улице одновременно с Адой и половиной колонистов, находившихся в доме.

Соньер появился в миле от особняка — прорвался сквозь тучи на юго-западе, описывая гладкую дугу, и вдруг закачался, нырнул, выправил полёт, опять задёргался и круто спикировал на южную лужайку. В последний миг серебристый диск подпрыгнул, задел вершину деревянного частокола (трое дозорных едва избежали столкновения, повалившись ничком), ударился о мёрзлую почву, подскочил на тридцать футов, снова пропахал носом землю, так что высоко вверх взметнулись твёрдые комья, громко стукнулся брюхом, заскользил и замер, оставив за собой неглубокую борозду на склоне лужайки.

Опомнившись, Ада первой метнулась к упавшему аппарату, за ней устремились все остальные. Кузен очутился на месте несколькими секундами позже.

В машине колонисты обнаружили одного Петира. Оглушённый и истекающий кровью молодой человек лежал в центральной передней нише. Прочие пять мест, предназначенных для пассажиров, были почему-то забиты… оружием. Отдельные разновидности Даэман признал без

труда, многие видел в первый раз.

Друзья помогли Петиру выбраться наружу. Оторвав от своей туники чистую полоску ткани, хозяйка особняка прижала её к обагрённому лбу юноши.

— Это я головой ударился, когда силовое поле исчезло… — проговорил воздыхатель Ханны. — По глупости. Пусть бы уж машина сама приземлилась… А я, как только вылетел из облаков, ну и… автопилот отключился… потребовал ручной режим… Думал, сам посажу… Ан нет…

— Тише, приятель, — шикнула на него жена Хармана, помогая Тому, Сирис и другим вести шатающегося мужчину. — Ты всё расскажешь, когда будешь дома. Так, стражники… возвращайтесь на посты, пожалуйста. И остальные тоже, у вас у каждого — свои дела. Лоэс, поищи себе помощников и перенесите оружие в особняк. Пошарьте в грузовом отделении соньера: там наверняка есть ещё. Предлагаю сложить боеприпасы в главном зале. Спасибо за помощь.

К тому времени, как Том и Сирис принесли в гостиную бинты и обеззараживающие средства, Петир уже рассказывал свою историю по крайней мере трём десяткам слушателей.

Он описал Золотые Ворота, осаждённые вой-

никсами, и знакомство со странным существом по имени Ариэль.

— …Потом в пузыре потемнело на несколько минут, а когда стекло снова расчистилось и солнце пробилось внутрь, Харман исчез.

— *Куда* исчез, Петир? — твёрдым голосом переспросила Ада.

— Неизвестно. Мы с Ханной битых три часа прочёсывали весь комплекс, наткнулись на склад оружия в музейном пузыре, где раньше никогда не бывали, но Хармана и зелёной твари уже и след простыл.

— А где же Ханна? — вмешался Даэман.

— Осталась там, — ответил молодой человек, приподняв перевязанную голову. — Конечно, мы торопились вернуть набитый оружием соньер в Ардис: Ариэль перепрограммировал… или перепрограммировала машину так, чтобы та на обратном пути летела гораздо медленнее, чуть ли не целых четыре часа. Прозрачное существо сказало, что Одиссей покинет колыбель через трое суток, если удастся спасти его жизнь, вот Ханна и решила подождать, пока станет известно, выкарабкался он или нет. Кроме того, там ещё уйма оружия, за которым придётся снова лететь на соньере — тогда заберём и её. Так она сказала.

— А войниксы уже ломились в пузыри? — уточнил Лоэс.

Петир помотал головой и тут же поморщился от боли.

— Нам так не показалось. С углестекла они соскальзывали, а рабочих входов и выходов не было, если не считать полупроницаемой мембраны, но она сомкнулась, едва я покинул гараж.

Даэман понимающе кивнул. Он помнил как лишённый трения купол над вездеходом, в котором они с Сейви путешествовали по Средиземному Бассейну, так и полупроницаемые двери на орбитальном острове Просперо.

— На крайний случай Ханна взяла себе полсотни винтовок. — Петир зловеще усмехнулся. — Мы натаскали их в сундуках и на одеялах. Пусть только войниксы попробуют сунуться, многим не поздоровится. И потом, комната, где находится колыбель Одиссея, почти со всех сторон огорожена стенами самого комплекса.

— Мы ведь не пошлём соньер обратно прямо сегодня? — спросила женщина по имени Салас. — Я хочу сказать… — Она покосилась на окна, за которыми грозно сгущались сумерки.

— Нет-нет, не сегодня, — подтвердила хозяйка особняка. — Спасибо тебе, Петир. Иди в лазарет и

как следует отдохни. А мы покуда вернём машину под крышу и составим опись боеприпасов, что ты доставил. Возможно, ты спас весь Ардис.

Люди разошлись по своим делам. Но даже на самой отдалённой лужайке долго ещё не смолкали взволнованные разговоры. Лоэс и другие, кто имел дело с первым оружием, которое привозил Одиссей, занялись испытанием новых винтовок, нашли каждую из них в отличном состоянии, после чего устроили на задворках имения учебный полигон для начинающих стрелков. Даэман осмотрел соньер, опасаясь, не слишком ли серьёзны повреждения. После реактивации управляющей системы аппарат ожил, загудел и вновь повис над землёй на высоте трёх футов. Грузовые отделения и впрямь оказались переполнены оружием.

Уже поздно вечером, когда зимняя мгла стирала с небес отблески отгоревшего дня, молодой мужчина пошёл поискать Аду. Кузина стояла у пылающей плавильной печи. Даэман попытался заговорить, однако так и не нашёл подходящих слов.

— Тебе пора, — только и ответила супруга пропавшего Хармана. — Удачи.

И, чмокнув кузена в щёку, подтолкнула его к

дому.

При тусклом свете снежного вечера сын Марины и девять человек из группы положили в рюкзаки запас арбалетных болтов, печенье, сыр и бутыли с водой (поначалу думали взять новые винтовки, но потом ограничились уже знакомыми арбалетами и ножами) и быстро двинулись в полуторамильный путь от заградительного частокола до факс-павильона. Время от времени они пускались вперёд лёгким бегом. Во мраке чащи мелькали подозрительные тени, хотя на открытых участках войниксы ещё не появлялись. Птицы отчего-то затаились и смолкли; обычно в разгар зимы хоть изредка слышался шум крыльев или тоскливые крики. Поначалу встревоженные охранники, выставленные у ограды павильона, обрадовались гостям, приняв их за пришедшую заранее смену, и были явно разочарованы, узнав, что перед ними — всего лишь путешественники, собравшиеся куда-то факсовать. За последние сутки никто из людей не наведывался в Ардис и не отправлялся прочь, зато дозорные приметили войниксов, десятками уходящих на запад в лес. Два десятка стражников понимали: в случае серьёзного нападения им не защитить павильон, и поэтому все как один желали попасть в особняк

до наступления полной темноты. Даэман разъяснил, что смена может не поспеть засветло, но что в ближайшие часы кто-нибудь непременно примчит на соньере проведать охрану. Если же твари надумают атаковать, караульным достаточно отрядить одного посланника в Ардис, и колонисты пришлют подкрепление — по пять человек за один перелёт.

Потом сын Марины в последний раз объяснил своей команде условия предстоящей миссии. Рамис, Каман, Дорман, Кауль, Эдида, Кара, Симан, Око и Элла получили каждый по тридцать кодов, соответствующих факс-узлам. Не мудрствуя лукаво, Даэман составлял рабочие списки по принципу возрастания, поскольку в мире факсов расстояния не играли ни малейшей роли. Помощники вновь услышали о том, что им следует посетить все три десятка мест и лишь тогда возвращаться. Увидев паутину из голубого льда или многорукого Сетебоса, полагалось отметить это в списке, рассмотреть из павильона как можно больше и скорей уносить ноги. Воевать — чужая работа. Если же колония будет выглядеть как обычно, требовалось предупредить об опасности первого же встреченного стражника и немедленно факсовать дальше. Даже с учётом

непредвиденных задержек Даэман верил, что помощники выполнят задание менее чем за двенадцать часов. Некоторые узлы были слабо заселены — от силы несколько обиталищ вокруг павильона — и не могли отнять много времени, а те, откуда люди бежали, — и того меньше. Стоит кому-нибудь из посланников не вернуться в течение суток, он или она будет считаться пропавшим без вести; вместо него или неё на проверку отправят кого-нибудь другого. Возвращаться заранее, не навестив ровно тридцать факс-узлов, разрешалось только получив серьёзную рану либо узнав нечто действительно важное для выживания обитателей Ардиса. В таком случае следовало сразу спешить назад.

Смеркалось. Помощник по имени Симан озабоченно поглядывал на окрестные холмы и луга. Хотя мужчина не промолвил ни слова, Даэман без труда читал его мысли: «Интересно, как мы доберёмся до Ардиса в кромешной темноте, когда вокруг так и снуют войниксы?»

Бывший собиратель бабочек подозвал охранников павильона к общему кругу и разъяснил их задачу: если кто-нибудь из команды вернётся с важными новостями, а соньер окажется недоступен, пятнадцать из двадцати дозорных должны

будут сопроводить посланца к Ардис-холлу. Но ни при каких обстоятельствах не оставлять павильон без защиты.

— Вопросы есть?

В угасающем свете вечера мужчина обвёл глазами обращённые к нему бледные овалы лиц. Вопросов не последовало.

— Тогда факсуем в порядке увеличения кодов.

Даэман не стал желать всем удачи, чтобы не терять время. Один за другим члены команды проходили в середину павильона и, отстучав на дисковой плате колонны верхнюю строчку списка, пропадали из виду. Для себя кузен Ады оставил последние тридцать кодов, прежде всего потому, что среди них был Парижский Кратер и несколько узлов, куда он уже наведывался. Однако, собравшись факсовать, мужчина не стал набирать ни одну из строчек своего списка. Вместо привычных цифр он отстучал малоизвестный код необитаемого тропического острова.

Очутившись на месте, Даэман сощурился от яркого света. Вода в лагуне сияла ясной лазурью, приобретая за рифами ещё более насыщенный оттенок. Над западным горизонтом башнями высились грозовые («слоисто-кучевые», как он узнал из книг) облака, верхушки которых озаряло

утреннее солнце. Оглядевшись по сторонам, нет ли ненужных свидетелей, сын Марины разделся донага и натянул на себя термокожу. Капюшон он пока откинул, а респиратор повесил на шею на тонких лямках. Поверх костюма Даэман опять надел свои брюки, тунику и туфли, а нижнее бельё спрятал в рюкзак.

Затем перепроверил, всё ли он захватил из Ардиса. Нарезанные полоски жёлтой ткани? С собой. Примитивные молотки-гвоздодёры, творение рук Ремана (после Ханны этот кузнец был самым искусным в Ардисе)? На месте. Туринская пелена из комнаты матери? В рюкзаке. Сложенная кольцами верёвка, запасные арбалетные болты? Тоже.

Мужчина предпочёл бы сразу направиться в Парижский Кратер, но там царила глубокая ночь, а чтобы разглядеть всё, что нужно, Даэману требовались солнечные лучи. До рассвета оставалось ещё семь часов, и за это время сын Марины собирался наведаться в большую часть оставшихся двадцати девяти узлов. Тем более что после бегства из Парижского Кратера он уже посетил Киев, Беллинбад, Уланбат, Чом, Дрид, Дом Ломана, Фуего, Кейптаунскую Башню, Дели, Мантую и Сатл Хейтс. Из них только Чом и

Уланбат находились под властью голубого льда, и вряд ли с тех пор положение успело сильно измениться. Но даже если на проверку всего списка уйдёт полных двенадцать часов, то в Парижском Кратере будет ещё светлым-светло.

А где, как не там, Даэман сумеет осуществить задуманное?

Надев на плечи лямки тяжёлого рюкзака и подняв свой арбалет, разведчик пошагал к павильону под шелест раскидистых пальмовых листьев, овеваемых лёгким тропическим бризом, и, мысленно попрощавшись со всей этой красотой, отстучал первый код списка.

33

Более тридцати лиг — почти девять миль — одолел Ахиллес вверх по склону Олимпа с безжизненным, но прекрасно сохранившимся телом Пентесилеи на плечах, и он готов тащить свою ношу ещё пятьдесят, или сто, или тысячу лиг, если уж на то пошло. Вот только здесь, на высоте около шестидесяти тысяч футов, тепло и воздух внезапно кончаются.

Три дня и три ночи, позволяя себе лишь сон урывками да короткие передышки, сын Пе-

лея и богини Фетиды, внук Эака, взбирался по стеклянному туннелю хрустального эскалатора, восходящего на пик Олимпа. Разбитый у самого подножия в первые же дни сражений между объединёнными силами Гектора/Ахилла и бессмертными, выше эскалатор сохранил и нагнетённую атмосферу, и нагревательные элементы. Вплоть до отметки в шестьдесят тысяч футов. До этой точки. До сих пор.

А здесь — не то зигзаг молнии, не то плазменный луч аккуратно перерезал трубу, оставив зияющий прогал длиною в четверть мили, если не больше, отчего хрустальный эскалатор на красном вулканическом склоне сделался удивительно похожим на змею, разрубленную тяпкой. Достигнув открытого конца тоннеля, ахеец прорывается сквозь защитное поле и пересекает жуткую пустоту, неся своё оружие, щит и тело Пентесилеи — труп амазонки, окроплённый консервирующей амброзией Паллады Афины и бережно завёрнутый в некогда белую простыню из греческой командирской ставки, — но, оказавшись у края трубы, когда лёгкие героя взрываются от натуги, глаза сжигает отчаянная резь, от низкого давления из ушей сочится кровь, а жестокий мороз царапает кожу, Пелид видит

перед собой разрушенный участок туннеля, который тянется на целые мили, ползущую вверх по всё более скошенному склону развалину, лишённую тепла и воздуха. На месте лестницы, по которой он прежде карабкался, Ахилл обнаруживает россыпь острых осколков, искорёженного стекла и металла, которой не видно конца. Ледяная безвоздушная труба не укрывает даже от ревущего неистового ветра.

Проклиная всё на свете между судорожными хрипами, ахеец нетвёрдым шагом спускается по открытому склону, пробивается назад сквозь гудящее поле в отверстие хрустального туннеля и, бережно положив обёрнутую ношу, валится на металлические ступени. Кожа огрубела и потрескалась от мороза. «Почему же так холодно в такой близи от солнца?» — недоумевает мужчина. Быстроногий Пелид уверен, что взобрался выше самого Икара, а ведь солнечные лучи растопили воск на крыльях этого мальчика, мечтавшего стать птицей. Разве нет? Такими же стылыми и бесприютными были вершины гор на земле Хирона, в стране кентавров, где прошло детство Ахилла; чем выше, тем разрежённее становился воздух. Ахеец разочарован: от Олимпа он ожидал большего.

Мужчина достаёт маленький кожаный мех из-под плаща и выжимает на запёкшиеся губы последние капли вина. Остатки сыра и хлеба он съел десять часов назад, полагая, что скоро достигнет вершины. Однако, похоже, у этой горы верхушки вообще нет.

Кажется, миновали целые месяцы с того памятного утра, когда сын Пелея отправился в путь. Неужели три дня прошло с тех пор, как герой убил царицу амазонок и в небесах закрылась Дыра, отрезав от него Трою, ахейцев и верных мирмидонцев? Хотя плевать он хотел на пропавшую Дырку. Быстроногий не намерен возвращаться, пока не оживит Пентесилею и не сможет назвать её своей суженой. Жаль только, не успел подготовиться к путешествию. Тремя днями ранее, покидая командирскую ставку на бранном поле у подошвы Олимпа ради сражения с гордыми всадницами, Ахиллес рассчитывал вернуться через пару часов и потому захватил жалкие крохи съестного. В то утро сила, переполнявшая героя, казалась беспредельной, как и бурлящий гнев.

И вот теперь неизвестно, достанет ли ахейцу этой самой силы, чтобы спуститься обратно по металлической лестнице длиною тридцать лиг.

«Может, и хватит, если бросить мёртвую жен-

щину», — мелькает у него в голове, но герой прекрасно знает, что никогда не сделает этого. Просто не сможет. Как там выразилась Афина? «Феромоны вынесли приговор, и он окончателен. Дышит она или нет, Пентесилея — твоя первая и последняя страсть в этой жизни…»

Ахилл, сын Пелея, не имеет ни малейшего понятия о феромонах, зато понимает неотвратимость проклятия Афродиты. Страсть к амазонке, павшей от его беспощадной руки, снедает мужчину изнутри сильнее, чем лютый голод, от которого урчит в пустом животе. Обратной дороги нет. Афина говорила об исцеляющих баках на вершине вулкана, секрете богов, источнике их телесной неуязвимости и бессмертия, той потайной тропинке через «ограду зубов», а вернее, ненарушимую границу, отделяющую свет и жизнь от вечной тьмы. Целебные баки. Вот куда он положит Пентесилею. И когда любимая снова задышит, она станет невестой Ахилла. Даже могущественные Мойры не помешают ему исполнить задуманное.

Правда, сейчас его сильные загорелые руки дрожат от переутомления; герой наклоняется вперёд и опускает их на окровавленные колени поверх наголенников. Потом глядит сквозь прозрачные

своды туннеля и — впервые за долгие три дня — по-настоящему проникается открывшимся зрелищем.

Солнце уже на закате, и тень Олимпа накрыла багровый пейзаж далеко внизу. Дыра, как уже говорилось, бесследно исчезла; нет больше лагерных костров на красной равнине. Извивы эскалатора тянутся вниз на тридцать лиг; хрусталь переливается в вечерних лучах и ярко блестит на фоне склона, погруженного в сумрак. Далее тень ложится на линию берега, на крохотные с виду холмы и даже на море, чьи тёплые волны лениво накатывают на песок. Это на севере, а на востоке перед Ахиллом высятся, пронзая низкую пелену обагрённых закатом облаков, ещё три белоснежных пика. При взгляде на выгнутый край земли сын Пелея приходит в изумление. Всем известно, что мир либо плоский, либо похож на блюдце, то есть середина его должна изгибаться вниз, а не вверх, как тут. Хотя вулкан ведь не греческий, это ахеец усвоил много месяцев назад; немыслимо высокая гора, синее-синее небо и красная земля — таким и должно быть жилище бессмертных, а значит, по рассуждению Ахилла, и здешний горизонт может вытворять всё, что ему вздумается.

Герой оборачивается, чтобы взглянуть наверх,

и тут на склоне внезапно появляется бог.

Маленький такой божок по меркам Олимпа: ростом в жалких шесть футов, чуть ли не карлик. Пелид замечает согбенную спину, бороду и уродливое лицо. Бессмертный быстро отворачивается и, приволакивая ногу, обходит эскалатор в поисках повреждений. Ахилл не хуже любого аргивского воина знаком с олимпийским пантеоном: он тут же узнаёт Гефеста, покровителя огня и главного ремесленника среди богов. Похоже, осмотр почти закончен. Калека замирает на пронизывающем ветру посреди открытого склона, почёсывая бороду и что-то бормоча себе под нос, спиной к человеку, которого, как и его ношу, судя по всему, попросту не заметил.

Не дожидаясь, пока бессмертный обратит на него внимание, Пелид разгоняется, прорвав защитное поле, хватает бога огня и показывает ему серию своих излюбленных приёмов: для начала хватает Гефеста за дебелую талию (этот знаменитый захват принёс Ахиллу бесчисленные награды на состязаниях между борцами), затем опрокидывает врага и швыряет головой вниз о красную скалу. Бог изрыгает проклятие и пытается подняться. Тогда быстроногий рвёт на себя крепкую руку гнома-олимпийца и бросает

его через плечо с полным переворотом согбенной спиной о камни (движение называется «летящая кобылица»).

Гефест ревёт и разражается по-настоящему чёрной бранью.

Подозревая, что в следующий миг поверженный телепортируется прочь, Ахиллес кидается на грузного коротышку, обвивает ногами его талию, так что под нажимом хрустят нетленные рёбра, и, опустив левую руку на шею бородача, правой тянет из-за пояса короткий богоубийственный кинжал и прижимает лезвие к горлу противника.

— Попробуй только улизнуть, — шипит сын Пелея прямо в заросшее волосами ухо искусного ремесленника. — Я полечу с тобой и порешу без разговоров.

— Тебе… не убить… хренова… бога… — хрипит Гефест, пытаясь короткими заскорузлыми пальцами оттолкнуть руку героя от своего подбородка.

Вместо ответа ахеец проводит клинком Афины по бессмертной шее. Рана хотя и длинная, чуть более трёх дюймов, но неглубокая. На косматую бороду брызжет золотой ихор. Одновременно Ахилл ещё сильней смыкает ноги, и рёбра трещат

ощутимее.

Покровитель огня пропускает сквозь себя поток электричества. Высокое напряжение заставляет Пелида поморщиться, но не ослабить хватку. Бог прилагает сверхчеловеческие усилия, чтобы освободиться; противник проявляет ещё более сверхчеловеческую мощь и не выпускает его, всё крепче сжимая бёдра. Клинок острей упирается в горло краснолицему олимпийцу.

Гефест мычит, рычит и наконец обмякает.

— Ладно… хватит, — выдыхает он. — Ты выиграл эту битву, Пелид.

— Дай слово, что не исчезнешь.

— Даю… слово, — хрипит калека.

— И помни, — Ахилл стискивает могучие бёдра, заставив бога огня взреветь от боли, — нарушишь обещание — прикончу.

Тут он откатывается в сторону. Между тем воздух настолько разрежён, что быстроногий готов потерять сознание в любую секунду. Взяв бессмертного за тунику и спутанные космы, сын Пелея волочит побеждённого за собой через силовое поле, в тёплую и пригодную для дыхания атмосферу хрустального туннеля.

Оказавшись внутри, ахеец бросает бога на металлическую лестницу и возобновляет жёсткий

захват. Насмотревшись на Хокенберри, а также на некоторых бессмертных, он уже знает: любой, кто способен квитироваться прочь, переносит за собой того, с кем находится в телесном контакте.

Тяжело сопя и постанывая, Гефест косится на тело Пентесилеи, завёрнутое в испачканный покров.

— И что же привело тебя на Олимп, о быстроногий Ахилл? Постирушку больше негде устроить?

— Заткнись, — выдыхает Пелид.

Три дня тренировок по скалолазанию без пищи стоили ему слишком дорого: нечеловеческая сила покидает тело, утекая прочь, словно вода из решета. Ещё минута, и герой ослабит хватку… или убьёт божество.

— Откуда у тебя этот нож, кратковечный? — осведомляется истекающий ихором бородач.

— Его мне доверила дева Паллада.

Ахиллес не видит причин для обмана и, кроме того, в отличие от некоторых — от многоумного Одиссея, к примеру, — вообще никогда не лжёт.

— Вот как, Афина? — хмыкает покровитель огня. — Наиболее любезная моему сердцу богиня.

— Да, я наслышан, — отзывается сын Пелея.

Он и впрямь осведомлён о похождениях Гефеста, который вот уже не одно столетие домогался

к лазурноокой, тщетно пытаясь овладеть ею. Однажды бог был настолько близок к успеху, что деве пришлось отпихивать распухший член от своих лилейных чресел — греки стыдливо использовали это слово, говоря о женском половом органе, — и успела-таки отпихнуть, когда бородатый калека окатил её бёдра горячей спермой. В юности Ахиллес узнал от кентавра Хирона, своего названного отца, немало историй, в которых клок шерсти *erion*, использованный богиней, дабы утереть семя, и пыль, куда оно упало, сыграли весьма любопытную роль. Как мужчина и величайший воитель на земле Пелид знал немало сказателей, певших о «брачной росе», *herse* или *drosos* на языке его родного острова, однако эти слова означали ещё и новорождённого младенца. Поговаривали, что немало смертных героев, и даже сам Аполлон, явились на свет из окроплённой семенем шерсти или горстки праха.

Впрочем, теперь не время для подобных россказней. Да и силы Ахиллеса почти на исходе, надо бы поберечь дыхание.

— Отпусти, я тебе пригожусь, — пыхтит Гефест. — Мы же с тобой как братья.

— Почему это? — хрипит сын Пелея.

Он уже решил: если придётся дать волю этому

калеке, лучше сразу кинжал, которым можно по-настоящему убить Бога, вонзить ему в шею, загнать поглубже в череп, насадить на лезвие мозги, а потом извлечь их наружу, точно рыбу на гарпуне из ручья.

— Когда после Великой Перемены я был выброшен в море, дочь Океана Эвринома и твоя мать приняли меня в свои недра, — хрипит покровитель огня. — Я бы захлебнулся и утонул, не спаси меня дражайшая Фетида, дочь Нерея. Так что мы почти что братья.

Ахилл молчит.

— Даже не просто братья, — сипит бессмертный. — Мы ещё и союзники.

Быстроногий упорно не раскрывает рта, не желая обнаруживать подступающую слабость.

— Да, союзники! — выкрикивает Гефест, чьи рёбра хрустят одно за другим, будто молодые деревца на морозе. — Моя любезная мать Гера терпеть не может Афродиту, а ведь эта бессмертная сучка — и твой враг тоже. И если, как утверждаешь, моя дражайшая возлюбленная Афина доверила тебе некое поручение, то у меня единственное желание — помочь всем, чем смогу.

— Отведи меня к целебным бакам, — с трудом выдаёт Ахиллес.

— К целебным бакам? — Кузнец глубоко вздыхает, почуяв, как слабеет хватка. — Тебя же сразу поймают, о сын Пелея и Фетиды. Олимп охвачен пламенем *хаоса* и гражданской войны, потому что Зевс куда-то пропал, но в лазарете по-прежнему выставлена охрана. Ещё даже не стемнело. Лучше стань моим гостем, выпей, поешь, освежись, а под покровом глубокой ночи я сам перенесу тебя прямо к бакам, когда поблизости будет только жуткий Целитель и пара уснувших стражников.

«Еда?» — проносится в голове героя. Сказать по чести, драться ему сейчас и впрямь не с руки, тем паче заставлять кого-то воскрешать Пентесилею, так что подкрепиться действительно не помешает.

— Уговорил, — ворчит быстроногий и разжимает могучие бёдра, заодно убирая клинок Афины за пояс. — Тащи меня в свой чертог на вершине Олимпа. И без выкрутасов, понял?

— Конечно, без выкрутасов, — свирепо рычит бородач, ощупывая синяки на животе и переломанные рёбра. — Ну и денёчки пошли, никакого почтения к бессмертному! Держись за мою руку, и квитируемся отсюда.

— Минутку. — Ослабевший Пелид еле находит

силы, чтобы взвалить на плечо тело Пентесилеи.

— Ну вот, — говорит он, хватая волосатое предплечье бога. — Можем отправляться.

34

Войниксы напали чуть позже полуночи.

После ужина, который она помогала готовить и подавать на столы для множества колонистов, Ада направилась на самую тяжёлую работу — рыть заградительные канавы. Изис, Пеаен, Лоэс и Петир — те, кто знал о будущем ребёнке, — убеждали хозяйку Ардис-холла не оставаться снаружи, на снегу и холодном ветру, но молодая женщина не поддалась на уговоры. Это была затея Хармана и Даэмана — выкопать огненные рвы в сотне футов от частокола, с внутренней стороны, наполнить их бесценным ламповым маслом и поджечь, если твари преодолеют наружные заграждения. И как же сейчас не хватало Аде поддержки этих неистощимых выдумщиков!

Ослабев от усталости, она всё никак не могла воткнуть отточенную лопату в заиндевелую землю и потому тайком утирала слёзы досады, дожидаясь, пока Эмма или Греоджи взломают отвердевшую грязь, чтобы самой поднять и отки-

нуть ледяные комья подальше. Хорошо хотя бы, что все трудились в потёмках и почти не смотрели по сторонам. Застань её кто-нибудь плачущей, женщина от стыда разревелась бы в голос. Когда из приёмной особняка, где шли работы по укреплению первого этажа, появился Петир и вновь попросил хозяйку Ардиса по крайней мере вернуться в дом, Ада, не кривя душой, ответила, что предпочитает остаться среди сотен других. Физический труд и близость такого множества людей, по её словам, поднимали дух и отвлекали от гложущих мыслей о Хармане. И это была чистая правда.

Около десяти часов вечера рвы кое-как докопали — пять футов в поперечнике, меньше двух в глубину — и застелили целлофановыми пакетами, которые на прошлой неделе доставили из Чома. В передней выстроились наготове канистры с дорогим ламповым маслом — «керосином», как называл его Харман.

— А что будет потом, когда мы за две-три минуты истратим годовой запас топлива? — спросила Анна.

— Останемся в темноте, — пояснила Ада. — Зато живыми.

Положа руку на сердце, в последнее не очень-то

верилось. Ведь если войниксам удастся прорваться за внешний периметр, вряд ли невысокая стена пламени (а нужно ещё успеть поджечь) остановит и отпугнёт серых тварей. И хотя Даэман и Харман лично помогали составлять план укрепления дверных проёмов особняка, продумывали размеры тяжёлых внутренних ставен для окон первого и второго этажей (работа над ними продолжалась уже три дня и, по словам Петира, близилась к завершению), хозяйка Ардиса и в эту последнюю меру не слишком верила.

Когда канавы дорыли и у частокола удвоили стражу, когда назначили ответственных за наполнение рвов и поджигание горючего, когда раздали все новые винтовки и пистолеты (оружие досталось каждому шестому колонисту: огромное достижение по сравнению с жалкой парой стволов, как было прежде) и Греоджи кружил по воздуху на соньере, осматривая окрестности, только тогда будущая мать вошла в особняк и предложила Петиру свою помощь.

Тяжёлые ставни, выструганные из крепкого дерева и прилаженные к старинным дубовым рамам Ардис-холла, задвигались на железные засовы, недавно выкованные в мастерской Ханны. Всё это смотрелось настолько уродливо, что Ада

лишь молча кивнула в знак одобрения — и отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся слёзы.

Она не забыла, как прекрасен и радушен был её дом ещё год назад. На протяжении почти двух тысяч лет люди чудесно жили и развлекались в этих стенах. Не минуло и двенадцати месяцев с тех пор, как здесь, среди уюта и утончённой роскоши, отмечали девяносто девятый день рождения Хармана. Огромный стол под сенью дубов и раскидистого вяза, гирлянды огней подмигивают в тёмных кронах, летающие сервиторы подают изысканные яства со всех концов мира, послушные войниксы подвозят по усеянной гравием дороге одноместные крытые экипажи и дрожки, из которых выходят гости в самых изящных одеждах, щеголяя восхитительными причёсками… Хозяйка особняка огляделась. В переполненном коридоре толпились десятки людей в самых грубых туниках; лампы шипели и сердито потрескивали в полумраке; в каминах пылали дрова, но не ради уюта, а чтобы хоть как-то согреть измождённых женщин и мужчин, храпящих вокруг очага на постелях (которые раскатывали прямо на голом полу), положив под голову арбалет или винтовку; повсюду темнели грязные отпечатки обуви, а теперь ещё и тяжёлые

ставни топорной работы заняли место любимых штор покойной матери. «Неужели мы до этого докатились?»

Да, докатились.

Нынче в Ардисе и в окрестностях проживали четыреста человек. Ада уже не могла бы назвать его своим домом. Скорей уж домом для каждого, кто пожелал бы здесь поселиться и, если понадобится, сражаться за эту землю.

Петир показал приунывшей хозяйке узкие бойницы для стрел и дротиков, прорезанные в ставнях; огромные котлы с кипятком на третьем этаже — лебёдки поднимали их на верхние двускатные террасы, откуда защитники собирались шпарить подступивших войниксов горячей водой или маслом, что пузырились и булькали в гигантских ёмкостях над самодельными печами, установленными в некогда личных комнатах владельцев особняка. Идея принадлежала Харману, он «проглотил» её в какой-то старинной книге. Всё это отвратительно выглядело, но, похоже, могло сработать.

Вошёл Греоджи.

— А где соньер? — удивилась Ада.

— Вверху, на платформе для джинкеров. Реман готовится взлететь вместе с лучниками.

— Что-нибудь видел? — спросил Петир.

Разведчики уже не бродили по лесам после захода солнца: серые твари ориентировались во мраке намного лучше людей. Особенно опасны были пасмурные ночи, лишённые света колец и луны. В такое время без пилотов, кружащих на летучем диске, община оставалась буквально как без глаз.

— Что там разглядишь впотьмах, да ещё сквозь дождь со снегом? — проворчал вошедший. — Ну, бросили вниз несколько факелов. Твари кишат повсюду, я никогда ещё столько не встречал…

— Откуда они только *берутся?* — промолвила зрелая женщина по имени Уру, растирая озябшие локти. — Не по факсу же появляются. Вчера я сама стояла на страже и…

— Не до того сейчас, — вмешался Петир. — Что ты ещё видел, Греоджи?

— Они всё таскают камни с реки.

При этих словах Ада вздрогнула. Пешие патрули ещё в полдень заметили первых войниксов, которые носили увесистые валуны и складывали грудами в лесах. Люди прежде не сталкивались с таким поведением противников, а любые новые выходки чудовищ вызывали у жены Хармана тревогу и приступы тошноты.

— Может, решили построить что-то? — почти с надеждой спросил Касман. — Стену какую-нибудь? Укрытия?

— Нет, просто укладывают рядами и кучами у края лесосеки.

— Видимо, собрались использовать как снаряды, — послышался негромкий голос Сирис.

Ада подумала о многих годах, да что там, столетиях, когда могучие, но бессловесные войниксы послушно служили «старомодным» людям: пасли, а потом резали скотину, охраняли поселения от динозавров и прочих репродуцированных существ, терпеливо влачили экипажи и дрожки, словно тягловые животные. Поговаривали, будто за несколько веков до Финального факса, случившегося тысячу четыреста лет назад, войниксы были повсюду, однако не шевелились и никак не проявляли себя, как простые безголовые статуи в металлических панцирях и с кожаными горбами. Вплоть до Падения девятимесячной давности, когда пылающий остров Просперо, рассыпавшись на десять тысяч метеоритов, рухнул с экваториального кольца, никто не помнил, чтобы серые твари сделали что-нибудь неожиданное, тем паче по собственной воле.

Времена изменились.

— Как же нам защититься от летящих камней? — проговорила Ада, припомнив, какие сильные руки у врагов.

Каман, один из ранних учеников Одиссея, выступил на середину круга, образовавшегося в гостиной на втором этаже.

— Месяц назад я «проглотил» одну книгу о древних осадных приспособлениях, придуманных ещё до Потерянной Эры. Там упоминались машины, которые могли метать большие валуны вдаль на целые мили.

— А чертежи там были? — осведомилась хозяйка особняка.

Каман прикусил губу.

— Да, один. Правда, я не слишком разобрался, как эта штука работала.

— Всё равно это не защитит нас, — вставил Петир.

— Зато позволит кидать их камни обратно, — заметила жена Хармана. — Каман, почему бы тебе не отыскать ту книгу, и пусть помогут Реман, Эмма, Лоэс, Кауль, ещё кто-нибудь из команды Ханны и те, кто лучше всех разбирается в разных сооружениях…

— Кауля нет, — ввернула Салас, женщина с самой короткой стрижкой в Ардисе. — Он отпра-

вился с Даэманом и остальными.

— Тогда найди других помощников посмышленее, — сказала Ада Каману.

Худощавый бородач кивнул и устремился в библиотеку.

— Значит, кидать их камни обратно? — улыбнулся Петир.

Будущая мать пожала плечами. Как бы ей хотелось, чтобы Даэман и его товарищи никуда не исчезали. И чтобы Ханна не оставалась у Золотых Ворот. А главное, чтобы Харман был дома.

— Ладно, пошли заканчивать работу, — произнёс Петир, и группа распалась.

Часть людей Греоджи увёл вверх по лестнице, на площадку джинкеров, готовиться к запуску соньера. Остальные пошли ненадолго прикорнуть.

Петир коснулся руки Ады.

— Тебе надо поспать.

— Я на стражу… — пролепетала женщина. В ушах у неё громко звенело, как если бы вдруг вернулось лето и хором запели цикады.

Молодой человек покачал головой и повёл собеседницу вниз, в её комнату.

«В нашу с Харманом комнату», — мысленно поправила себя хозяйка особняка.

— Ты еле держишься, Ада. Шутка ли, двадцать

часов на ногах. Все, кто трудился днём, давно уже в постелях. Охрана и так усилена. На сегодня дела уже переделаны. Тебе необходимо набраться сил. Ты не такая, как мы.

Будущая мать сердито вырвала руку.

— Нет во мне ничего особенного!

В тёмных глазах Петира плясали огни фонарей, мерцающих в коридоре.

— Нет есть, хочешь ты этого или не хочешь. Ты — часть Ардиса. И для многих из нас — живое воплощение здешней земли. Можешь не соглашаться, но мы по-прежнему живём у тебя в гостях. Как бы ни обернулось дело, люди ждут твоего решения, и вовсе не потому, что много месяцев Харман был настоящим вождём среди нас. И к тому же в Ардисе ты единственная беременная дама.

Не найдя, что ему возразить, женщина позволила отвести себя в спальню.

Ада понимала, что просто должна уснуть (если хочет принести хоть какую-то пользу и себе, и колонии), но сон бежал от неё. Оставалось лишь волноваться о надёжности укреплений и размышлять о Хармане. Где он? Жив ли? Невредим ли? А если да, то вернётся ли?

Она уже решилась, едва минует угроза очеред-

ного нападения, улететь к Золотым Воротам на Мачу-Пикчу (пусть только посмеет кто-нибудь возразить!) и отыскать своего любимого, своего *супруга*, даже если это будет последний поступок в жизни.

Хозяйка Ардис-холла поднялась в темноте, подошла к комоду и, достав из ящика туринскую пелену, вернулась на кровать. Не то чтобы женщине очень уж не терпелось испробовать новую функцию: образ умирающего человека из башни, его *видящий* взгляд ещё холодил ей кожу. А всё-таки хотелось понаблюдать за древним городом в осаде, за осадой *чьего-то родного дома*. Возможно, это подарит ей какую-то надежду?

Ада откинулась, положила пелену с микросхемами на лоб и закрыла глаза.

В Илионе утро. Елена Троянская вступает в главную залу временного дворца Приама (бывшего их с Парисом особняка) и спешит присоединиться к ясновидящей Кассандре, Андромахе, Герофиле и великанше-рабыне с острова Лесбос по имени Гипсипила: женщины стоят слева и чуть позади царского трона, среди других знатных дам.

Супруга Гектора сердито сверкает глазами.

— Мы уже посылали служанок на поиски, — шипит она. — Где ты была?

Елена как раз успела принять омовение и облачиться в чистую одежду после того, как улизнула от Менелая и бросила Хокенберри умирать одного в башне.

— Да так, гуляла, — шепчет она в ответ.

— Она гуляла, — отзывается прекрасная дочь Приама хмельным голосом, который часто сопровождал её трансы. Блондинка подмигивает. — Гуляла… с ножом в руке, дорогая? Ты хоть лезвие-то обтёрла?

Андромаха шикает на Кассандру и еле заметно кивает Гипсипиле. Рабыня склоняется над провидицей и крепко сжимает её руку, впившись пальцами в бледную плоть. Девушка морщится от боли, но тут же безмятежно улыбается.

«Всё-таки нам придётся её прикончить», — мелькает в голове Елены. Кажется, миновали месяцы с тех пор, как она в последний раз видела двух уцелевших подруг по тайному обществу Троянок, а в самом деле всего лишь сутки назад они распрощались, и Менелай похитил её. Четвёртая выжившая, Герофила, тоже здесь, но взгляд у жрицы отсутствующий; прошедшие восемь месяцев состарили «возлюбленную Геры» лет на двадцать. «А ведь её дни сочтены, — смекает Елена. — Как и у Приама».

Возвращаясь мыслями к внутренней политике Илиона, виновница троянской осады удивляется, как это Андромаха терпит Кассандру в живых? Стоит царю и прочим разведать их тайну — узнать, что первенец Гектора Астианакс ещё жив и что его мнимая смерть была подстроена, дабы развязать войну с Олимпом, обманщицу-мать растерзают на мелкие кусочки. Сам же Гектор и растерзает.

«Кстати, где он?» Дочь Зевса вдруг понимает, кого все так терпеливо дожидаются.

Она уже хочет шепнуть свой вопрос Андромахе, но тут в окружении дюжины капитанов и ближайших друзей появляется благородный Приамид. И хотя престарелый правитель города восседает на троне (а рядом пустеет престол Гекубы), все понимают: вошёл настоящий царь. Копейщики с красными хвостами на шлемах вытягиваются по струнке, приосаниваются утомлённые полководцы в запылённых и залитых кровью доспехах, и даже знатные дамы поднимают подбородки.

«Пришёл».

Десять лет Елена восторгалась его харизмой, тянулась к прославленному герою, точно цветок навстречу яркому солнцу, и всё-таки снова, в де-

сититысячный раз, не может удержать громкого биения сердца, едва он заходит в залу — божественный Гектор, сын Приама, истинный полководец, надежда и опора Илиона.

Мужчина явно только что из постели, а не с поля сражения: лицо умытое, боевые доспехи начищены, даже волосы свежевымыты и завиты, но его измождённый вид говорит о неизжитой душевной боли.

Поприветствовав венценосного отца, Гектор запросто усаживается на трон покойной матери. Верные полководцы встают за спинкой престола.

— Доложите обстановку, — изрекает Приамид.

Деифоб, его брат, чьё лицо забрызгано кровью после ночного боя, старательно делает вид, будто бы обращается к седому царю, хотя в действительности говорит он только для Гектора:

— Стена и Скейские ворота в безопасности. Внезапное нападение Агамемнона застало нас врасплох, поскольку наши отборные силы ещё оставались в Дыре, воюя с богами, но к рассвету мы всё-таки оттеснили ахейцев обратно к их чёрным судам.

— А что же, небесная Дыра захлопнулась? — уточняет Гектор.

— Исчезла, — подтверждает брат.

— И все наши люди успели оттуда выбраться до закрытия?

Деифоб косится на одного из воевод и получает еле приметный знак.

— Мы полагаем, что да. Правда, в сумятице, когда тысячи бойцов отступали через Дыру, моравеки проносились над головами на летучих машинах, а вероломный Агамемнон решил коварно напасть, многие лучшие ратники пали у городской стены, оказавшись зажатыми между аргивским воинством и нашими же лучниками. Но мы уверены, что за пределами чудесного портала не осталось ни единой души. За исключением Ахиллеса.

— Пелид не вернулся? — вскидывается муж Андромахи.

Полководец кивает.

— Расправившись с отрядом доблестных амазонок, быстроногий не пожелал двинуться с места. Прочие ахейские князья и повелители бежали к своим ставкам.

— Пентесилея мертва? — произносит Гектор.

Так, значит, примечает Елена, величайший из сыновей Приама ни с кем не общался более двадцати часов, пытаясь примириться с горькой и

невероятной мыслью о том, что битва с Олимпом завершилась.

— Пентесилея, Клония, Бремуза, Евандра, Термодоя, Алкибия, Дериона… Все тринадцать амазонок сложили головы, господин.

— А что же боги? — вопрошает Гектор.

— Яростно бьются между собой, — отвечает Деифоб. — Совсем как прежде… Когда мы ещё не сражались с ними.

— И сколько их тут? — осведомляется Приамид.

— Афина и Гера — главные союзники и покровители ахейцев. Кроме того, этой ночью на бранном поле видели Посейдона, Аида и ещё дюжину разгневанных бессмертных: они понукали ахейские орды, осыпая город яркими стрелами молний.

Старый Приам прочищает горло.

— Тогда почему наши стены ещё стоят, сын мой?

Деифоб ухмыляется.

— Всё как прежде, отец: на каждого злопыхателя у нас есть небесный защитник. Аполлон очень помог со своим серебряным луком. Арес повёл нас в ответное наступление. Деметра и Афродита… — Он запинается.

— Афродита? — Голос Гектора звучит как удар ледяного клинка о мрамор. Ведь речь зашла о богине, убившей, по рассказу Андромахи, единственное дитя царского сына. Той, что скрепила невинной кровью союз двух самых могущественных героев в истории, положив начало войне между людьми и бессмертными.

— Да. Улыбколюбивая вместе с другими бьётся на нашей стороне, она столь же благоволит к Илиону, как и раньше. И клянётся, что не убивала любезного всем горожанам юного Астианакса, иначе именуемого Скамандрием.

Губы Гектора белеют, словно мел.

— Дальше, — изрекает он.

Деифоб набирает в грудь воздуха. Елена осматривается по сторонам. Вокруг десятки побледневших, напряжённых лиц и взволнованных взоров.

— Агамемнон, его войска и бессмертные покровители перегруппируются у многовёсельных судов, — осмелев, продолжает полководец. — Ночью они достаточно близко подошли к Илиону, чтобы поставить осадные лестницы и отправить немало храбрых сынов Трои в обитель Аида. Однако они поспешили, не успели как следует подготовиться, ведь львиная доля ахейцев тоже

не успела покинуть небесную Дыру. Под предводительством Ареса и с помощью сребролукого Аполлона мы отбросили неприятеля за Лесной Утёс, а потом загнали врага за его же рвы и покинутые укрепления моравеков.

Долгое время над залом висит мёртвая тишина. Приамид восседает, потупив очи; кажется, он погружён в нелёгкие раздумья. В начищенном шлеме, сияющем на изгибе престольного подлокотника, отражаются лица, полные ожидания.

Поднявшись, Гектор медленно подходит к докладчику, стискивает на миг его плечо и обращается к царю:

— О благородный Приам и любезный отец, дражайший среди моих братьев Деифоб защитил милую сердцу отчизну, покуда я прохлаждался в чертогах, точно старая баба, унывая сердцем о том, чего не вернуть. И вот я молю о прощении, прошу оказать мне честь и позволить вернуться в ряды заступников города.

В слезящихся глазах старика впервые теплятся слабые отблески жизни.

— Сын мой, готов ли ты забыть раздоры с богами, что подвизаются за Трою?

— Враг Илиона — мой враг, — ответствует Гектор. — Мой союзник — тот, кто громит непри-

ятелей священного Илиона.

Но царь не успокаивается:

— И ты будешь биться бок о бок с Афродитой? Называть боевыми товарищами тех, против кого сражался несколько месяцев? Убивать тех самых аргивян, которых учился считать своими друзьями?

— Враг Илиона — мой враг, — твёрдо повторяет безутешный отец Астианакса и надевает на голову блистающий шлем. Сквозь круглые дыры его глаза полыхают свирепым огнём.

Приам поднимается с трона, прижимает к себе любимого сына и с невыразимой нежностью касается губами его щёки.

— Веди же наши войска к победе, благородный Гектор.

Герой поворачивается, на секунду сжимает предплечье брата, потом возвышает голос, обращаясь ко всем собравшимся, изнурённым битвой военачальникам и их ратоборцам:

— Настала пора обрушить на неприятеля пламя нашего гнева. Наполним же долину звучными криками, все дружно! Громовержец Кронид назначил троянцам стяжать победу, и будет нам сей день слаще самой жизни! Ибо ныне мы возьмём корабли данайцев, предадим чёрной гибели

Агамемнона и положим конец этой войне!

В наступившей тишине под сводами потолка перекатывается долгое эхо. И вдруг огромная зала взрывается рёвом. Елена вздрагивает и в испуге отступает за спину Кассандры; та скалится, словно мертвец, от уха до уха.

Зала пустеет, как если бы людей унесло волной их собственного крика — крика, который не утихает, но возрождается и даже набирает мощь после того, как Гектор выходит из бывшего дворца Париса под ликование тысяч людей, ожидавших его снаружи.

— Оно возвращается. — Страшный оскал Кассандры будто примёрз к лицу. — Наше прежнее грядущее возрождается на крови.

— Заткнись ты, — шипит Елена.

— Вставай, Ада! Вставай!

Отбросив туринскую пелену, молодая женщина села в кровати. Эмма трясла подругу за плечи. Та поглядела на запястье, сверилась с напульсной функцией: было едва за полночь.

Снаружи доносились крики, визг, сухо потрескивали винтовки, свистели тетивы арбалетов, гулко стучали болты. О стену особняка ударилось нечто тяжёлое; секунду спустя в соседней комнате взорвалось окно. За стёклами бушевал огонь.

Ада вскочила с постели (оказывается, будущая мать даже не разувалась), расправила помятую тунику и ринулась вслед за Эммой. Коридор содрогался от топота бесчисленных ног. Вооружённые колонисты спешили занять условленные позиции.

У подножия лестницы супругу Хармана поджидал Петир.

— Они прорвались через западные укрепления. У нас много погибших. Войниксы уже рядом.

35

За порогом Ардис-холла царили смятение, мрак, ужас и гибель.

Когда Петир и Ада выбежали через парадный выход на южную лужайку, женщина различила в кромешной мгле одни лишь языки факелов на частоколе да смутные очертания людей, которые мчались к особняку, и чуть не оглохла от воплей.

Но вот перед ней возник крепко сложенный бородач, один из первых мужчин, явившихся в Ардис послушать уроки Одиссея. В руках у Ремана был арбалет, оставшийся без единого болта.

— Войниксы прорвались через северную стену! Триста или четыреста сразу, вместе, *одновре-*

менно …

— Триста — четыреста? — прошептала Ада.

Минувшей ночью, во время самого страшного сражения, колонисты насчитали не более полутора сотен чудовищ по всему четырёхугольному периметру.

— Сейчас с каждой стороны лезут по двести тварей, — выдохнул бородач. — Но начали они пробиваться с севера, под градом камней. Многие полегли… даже не видели валунов, летящих в темноте… и когда людей поубавилось, одни бежали, другие пригнули головы, тут-то войниксы перемахнули через стену, прыгая друг другу на спины. Эти твари напали на скот, мы не успели даже позвать подкрепление. Мне нужны арбалетные болты и новое копьё…

Мужчина рванулся было в гостиную, где раздавали оружие и боеприпасы, однако Петир удержал его за руку.

— Вы раненых вынесли?

Реман замотал головой.

— Там настоящая бойня. Войниксы добивали каждого, кто упал, даже с лёгким ранением или ссадиной от камня. Мы не смогли… не смогли… никого спасти.

Великан отвернулся.

Ада обогнула дом и устремилась на север.

Литейный купол ярко пылал, озаряя разразившийся хаос. Временные бараки и палатки, где ночевали больше половины колонистов, тоже горели. Мужчины и женщины, обезумев от страха, спешили под защиту Ардис-холла. Слышалось мычание и блеяние домашнего скота: призрачные, прыткие, словно ветер, войниксы безжалостно резали животных (супруга Хармана вспомнила время, когда это делалось только ради людей) своими смертоносными клинками-манипуляторами, венчающими могучие стальные ручищи. Будущая мать в ужасе наблюдала, как в сотне ярдов залитые кровью коровы падают в грязь, перемешанную со снегом, — и вдруг серые твари поскакали к ней, стремительно сокращая расстояние гигантскими прыжками кузнечиков.

Петир схватил молодую женщину за руку.

— Уходим, пора отступать!

— Огненные траншеи… — Ада вырвалась и ринулась наперерез людскому потоку.

На заднем дворе она отыскала факел, зажгла его и побежала к ближайшему рву. Прокладывать дорогу пришлось через мужчин и женщин, бегущих по направлению к дому; Реман и другие старались удержать эту бурную реку, но перепуганное

человеческое стадо неуклонно мчалось вперёд, бросая луки, арбалеты, винтовки. Войниксы уже захватили пылающий купол; серебристые фигуры прыгали по перекладинам каркаса, сбивая наземь тех, кто пытался тушить огонь. Между тем ещё больше тварей мчались навстречу хозяйке особняка. Им оставалось одолеть восемьдесят шагов — а траншея темнела в полусотне ярдов.

— Ада!

Будущая мать припустила со всех ног. Петир и ещё несколько человек устремились за ней следом, хотя у них на глазах чудовища уже перемахнули первый ров.

Бензиновые канистры стояли на месте, однако никто не вылил их содержимое в канаву. Супруга Хармана сорвала крышку, пинком опрокинула банку и прокатила её вдоль края, расплёскивая резко пахнущую вязковатую жидкость по дну неглубокой траншеи. Петир, Салас, Пеаен, Эмма и другие принялись открывать и переворачивать большие цистерны с ламповым маслом.

И тут нагрянули войниксы. Пролетев над канавой, одна из тварей с размаху перерубила руку Эммы у самого плеча. Девушка даже не вскрикнула. Только взглянула на потерянную конечность в немом изумлении, широко разинув рот. Враг

поднял добычу над головой, на хищных лезвиях заплясали языки пламени. Ада отбросила факел, подхватила брошенный кем-то арбалет и всадила болт в кожаный горб чудовища. Тварь начала разворачиваться, приседая для прыжка. Тогда Петир выплеснул на войникса полбанки керосина, а Лоэс одновременно швырнул свой факел.

Чудовище вспыхнуло и закружилось, тяжело раскачиваясь и размахивая металлическими руками. Двое друзей Петира осыпали его тучами дротиков. Наконец тварь упала в канаву и подожгла разлитое горючее. Эмма рухнула на руки Реману, тот подхватил её без труда и развернулся, чтобы бежать к дому.

Из мрака вылетел камень величиной с кулак. Быстрый и почти незаметный, как пущенный из винтовки дротик, он точно врезался в затылок мужчине. Бородач покачнулся, не выпуская подругу, и вместе с ней повалился в траншею. Оба тела разом объял огонь.

— Уходим! — крикнул Петир, хватая Аду за локоть.

Из пламени выпрыгнул войникс и приземлился перед ними. Молодая женщина выпустила ему в живот оставшийся болт из арбалета, поймала запястье товарища и потащила его прочь, обо-

гнув качающегося врага.

Теперь, когда весь периметр был охвачен огнём, супруга Хармана чётко видела войниксов, кишащих повсюду. Многие преспокойно скакали через пылающие рвы. Некоторые падали под градом дротиков, иных задерживали стрелы, кое-кого удавалось обратить в бегство, но, к сожалению, объятые ужасом люди стреляли кто во что горазд, не соблюдали никакого порядка и плохо целились, тогда как невидимые во мраке чудовища сеяли смерть, осыпая противника беспрестанным градом камней. Совсем юная девушка с рыжими волосами получила удар в бок и выхаркнула сгусток крови на белую тунику. Ада швырнула на землю пустой арбалет, обеими руками помогла несчастной подняться и нетвёрдым шагом двинулась вместе с ней к Ардис-холлу.

Подожжённые руками отступающих колонистов траншеи полыхали уже со всех сторон, за считанные мгновения воздух нагрелся на несколько градусов, однако всё оказалось напрасно: хозяйка имения видела, как войниксы скакали через огонь и дико метались по лужайке.

Пострадавшая девушка навалилась и едва не

придавила подругу к земле. Супруга Хармана присела на корточки, изумляясь про себя, откуда в таком хрупком теле могло взяться так много крови. Петир потянул её за руку:

— Ада, *уходим!*

— Нет.

Будущая мать наклонилась, перекинула рыжеволосую подругу через плечо и попыталась подняться. Тем временем их окружили пятеро войниксов.

Петир принялся отбивать чудовищ обломком копья, валявшегося поблизости, однако те проворно уворачивались от ударов и сами стремительно нападали. Одна из тварей завладела копьём, вырвав его из рук противника. Молодой человек рухнул навзничь, под ноги войниксу. Хозяйка Ардис-холла заозиралась, ища хоть что-нибудь похожее на оружие. Затем попыталась поставить рыжеволосую девушку на ноги, чтобы освободиться самой, но у несчастной подогнулись колени, и та упала. Тогда Ада ринулась на мерзкого войникса, готовая защищать товарища хотя бы даже голыми руками.

Раздался громкий залп, и двое чудовищ, одно из которых уже собиралось обезглавить жертву, повалились на землю. Трое других развернулись,

ища тех, кто на них напал.

Товарищ Петира Ламан, утративший в прошлом бою четыре пальца на правой ладони, стрелял из дротикового пистолета левой рукой. Другой он крепко сжимал деревянно-бронзовый щит, от которого так и отскакивали тяжёлые камни. Следом появились Оэллео, Салас и Лоэс — ученики Одиссея и приятели Ханны; у каждого было оружие и надёжный щит. Ещё двое войниксов рухнули, а третий спасся, перепрыгнув пылающую траншею. Но в ту же минуту друзей окружили дюжины других.

С усилием встав на ноги, Петир помог Аде поднять рыжеволосую девушку, и они вместе направились к дому, до которого оставалось более сотни футов; Ламан прокладывал путь, а Салас, Лоэс и хрупкая Оэллео прикрывали группу щитами.

Двое войниксов прыгнули на спину женщине с короткой стрижкой, вдавили в перемешанную грязь и растерзали клинками её позвоночник. Вождь группы обернулся и выпустил целый залп из дротиков по кожаным наростам чудовищ. Тварей отбросило в стороны, но Салас была уже мертва. Послышался свист, камень ударил Ламана в висок, и мужчина упал без дыхания.

Оставив рыжеволосую девушку на попечение Петира, Ада выхватила тяжёлый дротиковый пистолет. Из темноты на друзей обрушился каменный град, и друзья присели за щитами Лоэса, Оэллео и за щитом павшего Ламана (последний подхватил Петир). Огромный валун, пробив бычью кожу и дерево, покалечил Оэллео левую руку. Ближайшая подруга отсутствующего Даэмана запрокинула голову и завизжала от боли.

Вокруг теснились уже десятки — нет, сотни войниксов. Они скрежетали клинками, скакали, добивали упавших мужчин и женщин и неуклонно приближались к Ардис-холлу.

— Нас отрезали! — закричал Петир.

Траншеи за спинами друзей горели всё слабей и совсем не мешали чудовищам прыгать. Земля была усеяна трупами, в основном человечьими.

— Попробуем прорваться! — откликнулась Ада.

Обняв за плечи потерявшую сознание девушку и стреляя из пистолета, она велела Оэллео надеть щит на правую руку и примкнуть к Лоэсу. Кое-как прикрывшись от летящих камней, пятёрка побежала к дому.

Двадцать или тридцать войниксов преградили путь отступающим, а другие ринулись к ним

на подмогу. В панцирях и капюшонах тварей частенько сверкали хрустальные дротики, переливаясь в огненном зареве то красными, то зелёными искрами. Налетевшее чудовище схватило щит Оэллео, оторвало девушку от земли и мощным взмахом левой руки перерезало ей горло. Ещё одна тварь отняла у Ады её ношу; будущая мать приставила дуло пистолета к горбу врага и четырежды спустила курок. Точно взорвавшись изнутри, войникс рухнул на еле живую добычу и залил её белой кровью, зато разряженный пистолет защёлкал впустую. Тем временем к друзьям огромными скачками приближалась ещё дюжина тварей.

Встав на колени, троица прикрывала щитами упавшую девушку; Лоэс отстреливался из последней винтовки, Петир же готовился встретить недругов ударами сломанного и потому слишком короткого копья. Чудовища стягивались к месту схватки десятками.

«Харман», — пронеслось в голове будущей матери. Молодая женщина ощутила прилив несказанной любви — и невыразимого гнева. Почему его нет рядом? Теперь, когда дитя в её чреве обречено, как и она сама, почему он не может их защитить? В это мгновение Ада любила

Хармана превыше всего на свете — и ненавидела всей душой. «Прости», — подумала вдруг она, обращаясь не к исчезнувшему супругу и не к себе самой, но к маленькому комочку жизни у себя в животе. Ближайший из войниксов прянул к хозяйке Ардис-холла, и та со злости швырнула в его металлический панцирь пустым пистолетом.

Чудовище полетело вспять, и его разнесло на куски. Ада изумлённо захлопала ресницами. Неведомая сила отшвырнула назад ещё по пять тварей с обеих сторон. Дюжина войниксов пригнулась к земле, воздев металлические руки; прямо с небес, а вернее, с летучей машины врагов поливал смертельный дождь из дротиков. По меньшей мере восемь человек яростно палили с борта, по очереди заряжая винтовки.

Греоджи опустил соньер совсем низко, на уровень груди. «Вот же дурень!» — подумалось будущей матери. Войниксы без труда могли запрыгнуть и увлечь машину вниз. А стоило колонии лишиться летучего диска, и Ардис был бы обречён.

— Ура! — заорал пилот.

Лоэс прикрыл Петира и Аду, пока те вытаскивали бесчувственное тело рыжеволосой девушки из-под мёртвого врага и грузили его на соньер.

Чьи-то руки втянули следом супругу Хармана. Воздыхатель Ханны забрался сам. Вокруг беспрестанно свистели камни. Трое войниксов прянули выше, чем находились головы пассажиров, но кто-то — кажется, девушка по имени Пеаен, — выстрелил из винтовки, так что двоих отбросило в стороны. Последний опустился на край диска, прямо перед Греоджи. Отважный пилот ударил врага мечом в грудь, и тварь полетела вниз — правда, вместе с клинком.

Лоэс повернулся и тоже запрыгнул в машину. Перегруженный соньер дёрнулся, закачался и рухнул на мёрзлую почву. Чудовища нападали уже отовсюду; из упавшего наземь, залитого кровью соньера они смотрелись гораздо крупнее обычного. Греоджи поколдовал над виртуальной системой управления, машина содрогнулась и взмыла в воздух. Войниксы яростно скакали, точно кузнечики; тварей расстреливали из винтовок.

— У нас кончаются дротики! — прокричал с кормы Стоман.

Петир наклонился к Аде.

— Как ты, цела?

— Да, — с усилием пролепетала молодая женщина, стараясь остановить кровотечение у ры-

жеволосой девушки; к несчастью, оно оказалось внутренним. Супруга Хармана никак не могла нащупать пульс у неё на шее. — Не думаю, что…

Внезапно по дну и краям соньера застучал каменный град. Один из булыжников угодил в грудь Пеаен; девушка пошатнулась и упала спиной вперёд, споткнувшись о тело раненой подруги. Ещё один ударил поклонника Ханны за ухом; голова молодого человека дёрнулась вбок.

— Петир! — воскликнула Ада и привстала на колени, чтобы поймать его.

Тот поднял недоумённое лицо, взглянул на неё, улыбнулся краешками губ и задом наперёд, с высоты полусотни футов, полетел в самую гущу войниксов.

— Держитесь! — скомандовал Греоджи.

Соньер описал широкую петлю над Ардис-холлом. Хозяйка имения смотрела во все глаза. Чудовища кишели у каждой двери, карабкались на каждую стену, колотили в каждое запертое окно. Траншеи догорали по всему периметру, усиливая зарево от полыхающего купола и объятых огнём бараков. Ада прикинула, что внизу суетятся не менее тысячи войниксов, и это лишь вокруг особняка; впрочем, она не очень-то хорошо умела считать на глаз.

— Дротиков больше нет! — прокричал мужчина из правой передней ниши.

Ада узнала его. Не далее как вчера Боман готовил ей завтрак.

Греоджи поднял побледневшее лицо в грязных разводах и пятнах крови.

— Придётся лететь к павильону, — проговорил он. — Ардис мы потеряли.

Супруга Хармана решительно замотала головой.

— Поступайте как знаете, а я остаюсь. Высадите меня вон там. — Она указала на платформу для джинкеров между скатами крыши и застеклённым потолком.

Аде припомнился день, когда она совсем юной девочкой карабкалась туда вверх по лестнице, и Даэман заглянул ей под юбку (в ту пору его распущенность не знала пределов).

— Высадите меня, — повторила будущая мать.

На крыше теснились мужчины и женщины, чьи сгорбленные тени напоминали вытянутых горгулий. Тучи дротиков, простых и арбалетных болтов со свистом сыпались на всевозрастающую ораву резвых чудовищ. На взгляд хозяйки Ардиса, с тем же успехом можно было пытаться остановить океанский прибой, швыряя в него галькой.

Греоджи велел соньеру зависнуть над многолюдной платформой. Ада спрыгнула вниз и приняла на руки тело рыжеволосой девушки, возможно, уже испустившей дух. Из машины спустили Пеаен — она громко стонала, не приходя в сознание. Обеих пострадавших супруга Хармана уложила на пол. Боман соскочил с диска только за тем, чтобы закинуть на борт четыре тяжёлых мешка с обоймами дротиков, и торопливо вскарабкался обратно. Повернувшись вокруг оси, машина беззвучно нырнула прочь. Пальцы Греоджи изящно летали над виртуальной панелью управления, а лицо его было так сосредоточено, что хозяйке особняка невольно вспомнилась мама, столь же внимательно и серьёзно игравшая на фортепьяно в парадной гостиной.

Пошатываясь, Ада приблизилась к самому краю платформы. Голова закружилась, и женщина сорвалась бы, не поддержи её кто-то из колонистов. Таинственный спаситель (а может, и спасительница) вернулся на прежнее место и вновь принялся стрелять из винтовки: *щёлк-щёлк-щёлк!* Из мрака вылетел камень, тёмный силуэт повалился спиной на платформу, скользнул по крутом скату и канул вниз. Супруга Хармана так и не узнала, кто удержал её от падения.

И вот она застыла у края, отстранённо, почти безучастно глядя вокруг. Происходящее казалось ей всего лишь частью привычной и нереальной туринской драмы — неплохим развлечением для того, чтобы скоротать дождливый осенний вечер.

Войниксы карабкались прямо по наружным стенам особняка. Там, где удавалось разбить тяжёлые ставни, они устремлялись в комнаты. Из парадного входа на кишащую тварями лестницу падал свет. Они сорвали двери с петель, догадалась Ада. Это значило, что в передней не осталось ни одного живого защитника. Своей немыслимой скоростью чудовища смахивали на гигантских насекомых. До крыши им оставались даже не минуты — считанные мгновения. Западное крыло особняка занималось огнём, но войниксы были быстрее пламени.

Повернувшись, хозяйка горящего дома двинулась на ощупь, ища среди влажных тел винтовку, которую перед падением обронил неизвестный спаситель. Не уходить же из жизни с пустыми руками!

36

Факсуя в Парижский Кратер, Даэман ожидал, что там будет холодно, однако не до такой же степени.

Морозный воздух Охраняемого Льва застревал в горле. Павильон опутывала густая сеть из голубого льда; толстые переплетающиеся волокна разбегались пучками по стенам и потолку, точно живые сухожилия, приросшие к скелету.

Около тринадцати часов потребовалось мужчине, чтобы посетить все двадцать девять прочих узлов и предупредить их обитателей о появлении Сетебоса и синего льда. Молва опережала его: объятые ужасом колонисты уже и сами беспорядочно метались по факсам, и вестника повсюду встречали вопросами. Рассказав обо всём, что ему было известно, сын Марины спешил дальше, но его отпускали не сразу. Повсюду войниксы объединялись против людей. Кое-где общины подверглись небольшим набегам, но многие перенесли настоящие битвы, как это было в Ардис-холле за ночь до ухода Даэмана. «Куда нам скрыться? — допытывались колонисты. — Где сейчас безопасно?» Что мог ответить им кузен

Ады? Поделившись весьма скудными знаниями о Сетебосе, многоруком божестве Калибана, и ледяной паутине, он отправлялся прочь, даже если прокладывать себе дорогу приходилось грозя арбалетом.

Из павильона, расположенного на холме в полумиле от поселения, Чом выглядел безжизненным коконом синих нитей. Небесные Кольца Уланбата промёрзли до самого верха, и Даэман торопливо ретировался, пока не закоченел. Набирая код Парижского Кратера, он совершенно не представлял себе, *что* его ждёт.

Зато теперь отлично представляет. Синяя стужа — вот что. Узел Охраняемого Льва был погребён под покровом загадочной паутины. Путешественник быстро набросил на голову капюшон термокожи, надел респиратор, но даже после этого каждый вдох обжигал ему лёгкие. Повесив арбалет на плечо, уже оттянутое увесистым рюкзаком, мужчина задумался, как ему дальше поступить.

Никто, и даже собственная совесть, не осудил бы Даэмана, вернись он в Ардис, чтобы поведать об увиденном и услышанном. Работа окончена. Факс-павильон похоронен под толщей голубого льда. Самое крупное отверстие из дюжины замет-

ных глазу не превышало в поперечнике тридцати дюймов и уходило, изгибаясь во льду, неведомо куда. Даже если сунуться в этот лабиринт, сотворённый Сетебосом на костях погибшего города, как отыскать потом дорогу назад? А в Ардисе путешественника уже ждут, и вести, собранные за последние тринадцать часов, очень пригодятся товарищам по колонии…

Даэман вздохнул, опустился на корточки у входа, который зиял над самым полом, отстегнул наплечные лямки рюкзака и, проталкивая его перед собой заряженным арбалетом, пополз в нору.

Пробираться было утомительно и временами очень больно — космический холод и сквозь термокожу обжигал колени и ладони. Меньше чем через сотню ярдов тоннель раздвоился; мужчина повернул налево: ему показалось, будто там светлее. Ещё пятьдесят ярдов спустя коридор слегка пошёл под уклон, заметно расширился и затем уже выпрямился, как струна.

И вот путешественник уселся на льду (холод кусал за ягодицы даже через термокостюм и тёплую одежду) и достал из рюкзака бутыль. Долгие часы странствий по факсу и тревожных бесед с перепуганными людьми вконец изнурили его,

породив настоящую жажду. Хотя Даэман бережно расходовал воду, половина оказалась истрачена. Впрочем, это не имело значения: от холода питьё затвердело, точно камень. Убрав бутыль под тунику, поближе к молекулярной термокоже, мужчина стал осматривать ледяную стену.

Гладкой она отнюдь не была, как и вообще голубая паутина. Повсюду темнели загадочные борозды; некоторые из них тянулись горизонтально или чуть косо, так что сын Марины почти ожидал увидеть отпечатки пальцев и даже ног. Стена уходила вверх почти на сто футов, после чего слегка изгибалась и совершенно исчезала из поля зрения. Однако где-то вдали над головой Даэману померещился более яркий солнечный свет.

Кузен Ады вытащил из рюкзака два одинаковых ледоруба, которые накануне по его просьбе выковал Реман. Мужчина усмехнулся: ещё до Падения он бы умер от скуки, услышав о каких-то там орудиях труда. Он и слова-то такого не знал: «ледорубы», пока не «проглотил» его в одной из пожелтевших книг. А нынче от этих железок зависит его жизнь.

Каждый инструмент был четырнадцати дюймов в длину, причём одна его сторона оставалась

прямой и гладкой, а другая — изогнутой и зазубренной. Кузнец научил Даэмана плотно обмотать рукояти крест-накрест кожаными ремнями, так чтобы находить опору даже сквозь молекулярные перчатки. Острия были старательно заточены на лучшем шлифовальном станке Ханны.

Путешественник поднялся, взглянул наверх, закрепил респиратор, так чтобы тот закрывал и рот, и нос, взвалил на спину рюкзак, проверил на прочность лямку тяжёлого арбалета, забил ледоруб в стену и подтянулся на четыре фута. На этом участке туннель был не шире трубы главного камина в Ардисе, и мужчина упёрся ногой в противоположную стену, дабы немного передохнуть, потом забил второй ледоруб и повис на нём, опираясь подошвой на первый. «В следующий раз, — подумал он, отдуваясь и сам не веря, что этот раз когда-нибудь наступит, — надо будет снабдить ботинки шипами».

Даже пропущенное сквозь респиратор, его дыхание замерзало на лету. Объёмный рюкзак в любую минуту грозил утянуть хозяина вниз. Даэман прорубал очередную опору, подтягивался и ставил на неё носок ноги, забивал ледоруб ещё выше, подтягивался, переносил вес тела на другую ногу… Одолев двадцать футов, мужчина

повис на двух ледорубах, заколоченных в синюю стену, и, запрокинув лицо, посмотрел вперёд. «Пока всё не так уж и плохо, — подбодрил он себя. — Колено трубы начинается через сотню футов. Ещё пятьдесят шагов, и я доберусь до поворота…» «И обнаружу тупик», — в мыслях шепнул предательский голос. А более мрачная часть рассудка тут же прибавила: «Или свалюсь и сломаю шею». Сын Марины тряхнул головой, отгоняя зловещие думы. Руки-ноги дрожали от напряжения и усталости. Для следующей остановки надо бы прорубить опору поглубже, так будет удобнее. А если придётся возвращаться… Ну что ж, для этого в рюкзаке и сложена кольцами длинная верёвка. Достаточно ли он захватил? Скоро станет ясно.

За поворотом туннель выровнялся, а шестьдесят с чем-то футов спустя путника встретили две развилки, за которыми начиналась просторная, словно ущелье, расселина. Дрожащими руками убрав ледорубы в рюкзак, Даэман снял со спины арбалет. У входа в провал мужчина поднял глаза — и увидел синее небо, залитое ярким солнечным светом. Расщелина простиралась вправо и влево, изборождённый трещинами пол нырял иногда на тридцать — сорок футов и более, над провалами, как и между стен, заросших сталактитами

и сталагмитами, перекинулись ледяные мосты. Из голубоватой матрицы тут и там возникали, чтобы вскоре опять погрязнуть в ней же, секции зданий; взору Даэмана представала обнажившаяся кладка, рамы без стёкол, ослепшие от мороза окна, бамбуковые башни, углеволоконные добавления к постройкам древней Потерянной Эры, сравнявшиеся с ними в объятиях синего льда. Бывший любитель бабочек понял, что вышел на улицу Рамбуйе неподалёку от факс-узла Охраняемый Лев, только шестью этажами выше над улицей, по которой всю свою жизнь гулял и катался на дрожках и в экипажах, запряжённых войниксами.

Впереди, на северо-западе, дно расселины медленно понижалось почти до самой дороги. Путешественник дважды оступался на скользком склоне, но успевал вонзить в борозду искривлённый коготь ледоруба, который и удерживал его от падения.

Спустившись ниже, к посиневшему солнечному свету и воздуху, рвущему холодом лёгкие, на дно двухсотфутового ущелья, чьи стены сплетались из бесчисленных волокон (мужчина всё отчётливее подозревал, что это *живая* ткань), кузен Ады обнаружил ещё одну мощную трещи-

ну. Туннели пересекались строго по диагонали. Даэман сразу признал авеню Домансиль. Ещё бы ему не помнить места, где играл ребёнком, где в юности соблазнял красоток и в более зрелом возрасте гулял под ручку с матерью!

Стоило повернуть направо, на юго-восток, и расщелина вывела бы его прочь от городского центра, к лесу под названием Венсен. Однако путник вовсе не думал удаляться от Кратера: ведь небесная Дырка явилась на северо-западе, рядом с обиталищем Марины. Значит, следовало идти по трещине авеню Домансиль в сторону бамбукового рынка под названием Опрабастель, что прямо напротив заброшенных, увитых плющом развалин, именуемых Бастилией. В детстве Даэман и другие сорванцы из башни у Кратера устраивали на руинах настоящие бои, швыряя камни и комья земли в мальчишек «с запада», которых невесть по какой причине обзывали «радиоактивными бастилятами».

Правда, именно в том направлении толща голубого льда принимала угрожающий вид, но выбирать не приходилось: в прошлый раз кузен Ады засёк Сетебоса в центре.

Траншея, по которой двигался мужчина, сворачивала на восток прежде, чем пересечь более

глубокую авеню Домансиль. Даэман решил не тратить время на спуск, а пошёл по ледяному мосту. Где-то внизу раскинулись руины знакомых улиц, однако трещина уходила гораздо ниже, вскрывая под Кратером железные и каменные слои неких древних строений. Сын Марины с ужасом вообразил, как розовато-серый мозг роет землю бесчисленными руками, раскапывая останки города под городом. «На кого же он охотится? — подумал бывший любитель бабочек и вдруг похолодел. — Вернее, что же он там спрятал?»

Синеватые сталагмиты, растущие над авеню Домансиль, не позволяли продвигаться по ней на северо-запад, но, к удивлению Даэмана, параллельно дороге тянулась полоска зелёной травы. Мужчина загнал саморез в ледяную глыбу и, затянув на нём петлю, осторожно принялся спускаться по верёвке. В таких местах немудрёный перелом ноги мог бы стоить ему жизни. В десяти футах над нелепым травянистым дном ущелья искрился голубоватый навес. Даэман раскачался и скользнул вниз.

В тени навеса его поджидала дюжина войниксов.

От изумления Даэман отпустил верёвку, чтобы

выхватить арбалет. Упав на скользкую траву с высоты четырёх футов, мужчина не удержался на ногах и рухнул на спину. Он так и не успел достать оружие и теперь полулежал с пустыми руками, глядя на воздетые стальные руки, острые убийственные лезвия и крепкие тела чудовищ, застывших в прыжке за восемь футов от неудавшейся жертвы.

Заледеневших. Каждую из двенадцати тварей почти целиком покрывала синяя корка; наружу торчали фрагменты клинков, конечностей, панцирей. Ноги войниксов не опирались на землю: ледяная волна захватила чудовищ на бегу или в прыжке. А ведь они передвигались очень стремительно. «Как же эта штука могла так быстро застыть?»

Сын Марины не знал ответа, однако преисполнился благодарности за своевременное чудо. Кое-как поднявшись (бок и спина отозвались болью там, куда при падении подвернулись угловатый рюкзак и арбалет), он стянул бечеву обратно. Можно было бы оставить её на месте: в запасе оставалось ещё сто футов, да и вдруг на обратном пути придётся спешить, а трудное восхождение по ледяному утёсу задержит его? Но Даэман подозревал, что ещё до исхода этого

дня полностью использует верёвку. Направляясь на северо-запад по пути, который он привычно именовал про себя Променадом Плант, хотя знакомый бамбуковый переход и нависал теперь в шестидесяти футах над головой, весь в голубой паутине, мужчина снял со спины оружие, убедился в том, что оно заряжено и готово к действию, и продолжал шагать по невероятной здесь траве к сердцу Парижского Кратера.

Променад Плант, вот как местные жители величали подвесной бамбуковый мостик там, наверху. Это было одно из редких старинных названий, родившихся до появления всеобщего земного языка, над значением которых никто, насколько знал Даэман, и не пытался ломать голову. И вот теперь, нисходя по зелёной тропе в глубину темнеющего каньона среди голубого льда и потревоженных развалин, кузен Ады впервые в жизни задумался, уж не был ли окрещён известный с детских лет переход в честь этой древней, забытой дороги, погребённой под городом на века, пока божеству Калибана вдруг не взбрело на ум разворошить прошлое многочисленными руками?..

Мужчина шагал осторожно, с нарастающим ощущением тревоги. Он сам не знал, чего ожида-

ет: главным, по его мнению, было найти Сетебоса, если это вообще Сетебос, и желательно поведать своим товарищам в Ардис-холле, что происходит с городом после вторжения. Но, глядя на войниксов, вмёрзших в стены ущелья, на груды человеческих черепов и новые развалины, столетиями не видевшие солнечного света, бывший любитель бабочек чувствовал, как у него увлажняются ладони, а в горле пересыхает.

Даэман пожалел, что не взял пистолет или винтовку из привезённых Петиром. Он явственно помнил, как Сейви выпустила целую тучу дротиков по Калибану там, в подземной пещере на орбитальном острове Просперо. Правда, чудовище от этого не погибло. Ревя от боли, обильно истекая кровью, монстр умудрился схватить старуху своими длиннющими лапами, затем, громко щёлкнув могучими челюстями, прокусил ей горло и скрылся вместе с телом, нырнув в болото, в глубинах которого таились ходы разветвлённой системы сточных труб и затопленных туннелей.

«Я пришёл сюда, чтобы найти Калибана», — впервые осознал мужчина.

Зубастый уродец с перепончатыми ногами — его враг, его Немезида. Это слово кузен Ады выучил месяц назад и сразу же понял, что может

назвать им одно лишь существо на свете. Мало того, после яростной драки, после того как искатель приключений оставил неприятеля умирать, разрушив остров Просперо, логично было бы предположить, что и Калибан считает Даэмана воплощённым возмездием.

Сын Марины от души надеялся на это, хотя при мысли о новой стычке во рту совсем пересохло, а ладони взмокли ещё сильнее. Но потом он вспомнил, как держал в руках голову мёртвой матери, мысленно увидел оскорбительную пирамиду из черепов — подобное унижение мог нанести лишь сын Сикораксы, творение Просперо, поклонник божества своенравной жестокости Сетебоса, — и продолжал шагать, держа наготове тяжёлый арбалет, заряженный парой грубо сделанных, зато наточенных и заострённых болтов.

Оказавшись в густой тени огромного навеса, Даэман увидел вмёрзшие в голубой лёд фигуры. Нет, не войниксов; они скорее напоминали людей, великанов с развитой мускулатурой, искажёнными лицами, серовато-сизой плотью и пустыми, обращёнными внутрь глазами.

Вскинув оружие, Даэман оцепенел на тридцать секунд, прежде чем осознал, на что же он смотрит.

«Ах да, статуи». Подобия человека, сделанные из камня или иного материала. В Парижском Кратере никаких «статуй» не было, да и во всём мире факсов, где прошла его юность. Впервые такая штуковина попалась ему на глаза у Золотых Ворот на Мачу-Пикчу около десяти месяцев назад. В зелёных пузырях, гроздьями обвивших мост, располагалось нечто вроде музейной коллекции. Какой же дикой показалась тогда ему, не знавшему искусства, затея отливать человеческие фигуры! Вот Ханне, которая всегда интересовалась работами по металлу, было проще понять. Изваяния, по всей видимости, создавались только для того, чтобы порадовать глаз. Даже сейчас мужчина не мог сдержать улыбки, вспомнив, как друзья приняли Одиссея, именуемого в последнее время Никем, за одну из искусно сделанных статуй, пока тот не пошевелился и не заговорил.

Даэман подошёл поближе и опустил арбалет. Фигуры не двигались.

Высокие, в два человеческих роста, они словно тянулись к незваному гостю изо льда, потому что древнее здание, украшенное ими, накренилось вперёд. Похожие, точно близнецы, каменные и бетонные серые статуи изображали безбородого мужчину с густой копной кудрей, обнажённого,

не считая маленькой безрукавки до пояса. Левая рука — на затылке, массивная десница, согнутая в локте и запястье, покоится на голом животе, под грудью, стягивая бетонные складки одежды. Левой ноги было не видно, правая изгибалась, уходя внутрь фасада — не то уступа, не то небольшой полки, протянувшейся над рядом небольших окон, пересекая бёдра одинаковых изваяний.

Кузен Ады шагнул вперёд. Глаза начинали свыкаться с полумраком под сенью навеса из голубого льда. Голова мужчины — вернее, «статуи», — была склонена вбок, так что пепельная щека почти касалась серого плеча. Выражение на скульптурном лице — сомкнутые веки, губы, напоминающие изогнутый кверху лук, — озадачило случайного зрителя. Агония? Оргазм? И то, и другое сразу? А может, и более сложное чувство, известное людям Потерянной Эпохи, но утраченное с тех пор?.. При взгляде на длинную шеренгу похожих, точно близнецы, изваяний, возникающих из синего льда и фасада старинной развалины, сыну Марины почудилось, будто бы мужчины жеманно раздеваются в танце перед невидимой публикой. «Интересно, что это за постройка? Зачем она понадобилась Древним? К чему эти украшения?»

А, вот… После нескольких месяцев увлечённого «глотания» книг Даэман не мог ошибиться: перед ним были самые настоящие буквы.

САДЕ

М НУНЬЕС ЯНОВСКИЙ

1991[60]

Читать путешественник так и не научился, но по привычке, опустив обтянутую термокожей ладонь на стылый камень, вообразил пять голубых треугольников в ряд. Никакого результата. Бывший любитель бабочек усмехнулся сам над собой. Разве можно «глотать» не со страниц, а с камня? Да и действует ли новая функция сквозь молекулярный слой термокостюма? Кто знает?

Впрочем, цифры Даэман различать умел. Один-девять-девять-один. Слишком большое число, чтобы оказаться кодом факс-узла. А вдруг это разгадка тайны серых статуй? Или некая древняя попытка упрочить их положение во времени, раз уж оно неизменно в пространстве. «Выразить время с помощью цифр?» — удивился собствен-

[60] notes: 60

Архитектор Маноло Нуньес-Яновский, основавший в Париже в 1991 г. совместно с Мириам Тетельбойм архитектурное бюро Саде на бульваре Фландрин, д. 22.

ной мысли мужчина. Один-девять-девять-один… Он попытался представить, что бы это могла быть за дата. Наверное, годовщина правления могущественного древнего царя вроде Агамемнона или Приама из туринской драмы. А вдруг таким образом творец непонятных статуй заявлял о своём авторстве? Почему бы людям Потерянной Эпохи не пользоваться цифрами вместо имён?

Даэман покачал головой и спешно покинул синюю ледяную пещеру. Время не ждёт, опомнился он. К тому же всё это было слишком странно: и здание, и «статуи», которым следовало оставаться погребёнными под землёй; думать о предках, столь не похожих на его привычное окружение, представлять себе человека, способного приписать потоку времени численные значения, казалось так же странно и дико, что и вспоминать Сетебоса, явившегося через небесную Дырку в виде раздутого, вынутого наружу мозга на семенящих, точно крысы, руках.

Мужчина собирался найти Калибана или его божество (ну или позволить им обнаружить себя), и он отыскал обоих под сводами собора.

Разумеется, не настоящего. На это название — «собор» — кузен Ады наткнулся несколько месяцев назад в одной из книг, из которой выучил

уйму новых слов, не поняв почти ни единого. Так вот это место очень напоминало его фантазии. Правда, на самом деле город, именуемый ныне Парижским Кратером, никогда не видел подобных строений.

Вечерело. В угасающем свете путешественник шагал по зелёной тропе Променад Плант вдоль трещины авеню Домансиль, пока не упёрся в тупик ледяного лабиринта, в котором угадал Опрабастель. Хотя расщелина смыкалась над головой, Даэман продолжал свой путь по туннелю к Бастилии — по крайней мере он так полагал. Отсюда новые коридоры и узкие открытые трещины (в одной сын Марины, расставив руки, дотронулся сразу до обеих стен) уводили налево, в сторону Сены.

Сколько помнил мужчина — и двадцать пять поколений людей до него, — дно пересохшей реки было выложено человеческими черепами. Никто не задумывался, откуда они взялись: мёртвые головы попросту находились там всегда, похожие на бурые и белые булыжники из мостов, по которым катались на дрожках, в ландо или экипажах. Ни одна душа среди знакомых Даэмана не задавалась вопросом, куда же пропала вода, ибо старое русло делил пополам огромный

кратер шириной в целую милю. Черепов заметно прибавилось: теперь они покрывали стены ущелья, по которому и шагал сын Марины к восточному краю воронки.

Если верить одному преданию, мизерному осколку прошлого, чудом уцелевшему в культуре, лишённой истории в любом её виде, хотя бы даже устного рассказа, кратер появился две тысячи лет назад, когда постлюди создали для наглядного показа крохотную чёрную дыру в некоем заведении, именуемом Институт Франции. Вырвавшись из-под контроля, эта самая дыра несколько раз промчалась сквозь центр планеты, оставив на её поверхности лишь одно отверстие — здесь, между Домом Инвалидов и Охраняемым Львом. Легенда уверяла, будто бы на северном краю кратера располагалось тогда огромное здание под названием не то Лув, не то Лавр. Так вот его засосало в середину Земли, а вместе с ним — огромную часть искусства «старомодных» людей. Учитывая, что чуть ли не единственным произведением «искусства», с которым повстречался в жизни Даэман, были серые статуи, нетрудно понять: подобная потеря его не слишком волновала. Стоило ли расстраиваться из-за глупостей вроде каменных мужиков,

танцующих в ущелье под авеню Домансиль?

Из открытой расселины, ведущей на Иль-Сен-Луис и Иль-де-ла-Сите, ничего не удавалось разглядеть, и коллекционеру бабочек пришлось потратить уйму времени на то, чтобы взобраться по стене, усердно вырубая ступени, загоняя в лёд массивные крючья и затягивая на них верёвочные петли, частенько повисая на одном или двух ледорубах, покуда струйки пота застили взгляд, а сердце бешено колотилось. Но кое-что хорошее было и в этом неслыханно трудном восхождении: по крайней мере мужчина забыл о холоде.

И вот он забрался на синий гребень над западным концом Иль-де-ла-Сите. Здесь ледяная короста достигала глубины в сотню футов, и Даэман ожидал увидеть за кратером хотя бы маковки высоких башен-обиталищ из бамбука, возведённых на самом краю, в том числе и башню своей матери, а дальше на западе — тысячефутовую *La putain enorme*,[61] гигантскую обнажённую женщину из железа и полимера. «*Статую*, — хмыкнул про себя сын Марины. — Ту же статую, только больших размеров. А я и слова такого не знал».

---

[61] notes: 61
Вечная блудница (фр.).

Однако что же он увидел? Прямо перед ним, на западе, высился колоссальный купол из органического голубого льда, самое меньшее, на две тысячи футов над уровнем старого города. Одни лишь углы, смутные тени да кое-где выступающая изо льда терраса напоминали о некогда величественных башнях, окружавших огромный кратер. Ни комплекса, где жила мать. Ни *La putain enorme*. За синим полушарием, которое затмевало и поглощало последние вечерние проблески, город превратился в лабиринт из лёгких ледяных дворцов, летучих арок и сталагмитов высотой со стоэтажные дома. Между парящими башнями застыли нити голубого льда, хрупкие с виду, но каждая из них была шире любой городской площади. На башнях, паутине и куполе плясали, словно живые, яркие зарницы низкого солнца.

— Господи Иисусе, — прошептал Даэман.

Как бы ни холодело в низу живота при взгляде на мерцающие крепости, взметнувшиеся на шестьдесят, восемьдесят и сто этажей над ледяной шапкой, накрывшей город, купол внушал самое сильное впечатление.

Не менее двухсот этажей в высоту (мужчина прикинул на глаз, посмотрев на утонувшие в синеве бамбуковые постройки по краю кратера),

он простирался на целых две мили в диаметре, начиная от Иль-де-ла-Сите на юге и до громадной кучи мусора, которую мать почему-то звала Люксембургским садом, далеко на севере, за дерновой полоской, именуемой бульваром Осман, поглощая и башню у вокзала Сен-Лазар, где проживал обычно последний любовник матери, и Марсово поле (это на западе), где восседала, раскинув ноги, огромная *putain*, заметная из любой точки города. Только не сегодня. Голубые своды накрыли даже тысячефутовую даму.

«А ведь реши я воспользоваться узлом „Дом Инвалидов“, угодил бы прямо под купол».

Сердце Даэмана заколотилось сильнее, чем во время восхождения. Но тут его настигли ещё более жуткие мысли.

Первая: «Сетебос возвёл эту штуку не где-нибудь, а *над* Кратером». Это казалось полным бредом, однако приходилось поверить. Теперь, когда оранжевые всполохи заката, плясавшие на башнях и куполе, начали угасать, мужчина заметил красное мерцание, что пробивалось изнутри сквозь толщу льда. Алый колеблющийся огонь мог исходить только из жерла земной воронки.

Вторая: «Туда-то мне и нужно».

Если Сетебос ещё в Парижском Кратере, он

поджидает именно там. И если Калибан до сих пор в городе, он тоже укрылся под куполом.

Дрожащими руками («Я просто замёрз», — успокаивал он себя) Даэман затянул верёвку вокруг бамбуковых перил, торчащих из голубого льда, и спустился обратно в узкую расселину.

На дне уже стемнело, так что, запрокинув голову, можно было увидеть звёзды в сумеречном небе. А между тем из ущелья в нужную сторону вели только тесные туннели, в которых и вовсе не брезжил свет. Входы в них чернели во льду подобно бесчисленным круглым глазам.

Мужчина выбрал нору на уровне своей груди. Едва забравшись туда, он ощутил коленями и ладонями резкий, обжигающий холод. Если бы не волшебная термокожа, собиратель бабочек не протянул бы здесь и двух минут. Если бы не респиратор, его дыхание так и застряло бы в горле.

Вытянув перед собою заряженный арбалет и задевая рюкзаком за наклонный потолок, по возможности передвигаясь на одних коленях, Даэман пополз навстречу багровому зареву, мерцающему из-под купола ледяного собора.

37

Хокенберри не ожидает от разговора с Одиссеем ничего, кроме брани, а то и побоев, однако в итоге остаётся распить с ним бутылку-другую.

Почти неделю схолиаст набирался мужества, чтобы встретиться с единственным человеком на корабле. За это время «Королева Мэб» достигла точки разворота, и моравеки предупредили учёного: впереди целые сутки нулевой гравитации, прежде чем судно повернётся к Земле кормой и примется тормозить, после чего возобновится притяжение в одну целую двадцать восемь сотых g. Манмут и Астиг-Че лично зашли проведать Хокенберри, а также убедиться в полной безопасности его кубрика в условиях свободного падения, что означало мягкую обивку на всех углах, тапки и коврики на липучках, все незакреплённые мелочи — упрятаны в ящиках. Но *никто* не сказал ему, что самой обычной реакцией на исчезновение гравитации станут ужасные приступы морской болезни.

Схолиаста выворачивает наружу. Причём постоянно. Внутреннее ухо неустанно твердит ему: «Ты падаешь, падаешь, падаешь!», а перед

глазами, понятное дело, даже нет горизонта, на котором можно было бы сосредоточиться: в кубрике нет ни окошка, ни корабельного иллюминатора, ни прочих отверстий для обзора. Удобства в ванной комнате приспособлены для обычного на судне притяжения, поэтому Хокенберри наскоро учится пользоваться бортовыми пакетами, которые Манмут поставляет целыми пачками, как только пассажир объявляет об очередном приступе.

Однако шести часов рвоты вполне достаточно, и наконец учёному становится легче. Его даже занимают безумные кувырки по мягкой каюте и плавание от привинченной к полу кровати до закреплённого письменного стола. Хокенберри просит разрешения покинуть каюту, немедленно получает его и отправляется на прогулку всей своей жизни, паря по длинным коридорам, отталкиваясь ногами от широких лестниц, которые так нелепо выглядят среди воистину трёхмерного мира, и перебирая руками по гладким поручням восхитительно архаического машинного отделения. Манмут повсюду верно сопровождает человека, следя за тем, чтобы тот по неосторожности не ухватился за важный рычаг и не вообразил, будто бы невесомые с виду предметы

и впрямь лишены тяжести.

Услышав о желании учёного навестить Одиссея, маленький европеец объясняет, где найти древнего грека, и берётся показать дорогу в рубку управления. Хокенберри понимает, что моравека надо бы отпустить: мужской разговор, объяснения и, возможно, драка должны состояться с глазу на глаз, но, видимо, трусливая природа берёт верх, и он позволяет Манмуту следовать за собой. Всё-таки моравек не даст силачу разорвать учёного на куски, хотя, если вдуматься, похищенный имеет на это полное право.

Прозрачный купол в океане звёзд — вот что такое рубка управления. Посередине привинчен большой круглый стол, а рядом — три стула. На одном из них, засунув босые ноги в специальные щели, сидит Одиссей. Когда «Королева Мэб» делает оборот или кувырок, а последние сутки она, кажется, только этим и занимается, созвездия проносятся за стеклом с такой головокружительной быстротой, что ещё несколько часов назад Хокенберри устремился бы на поиски бортовых пакетов, но сейчас ему всё равно. Можно подумать, мужчина с детства существовал в свободном падении. Похоже, с ахейцем творится то же самое: схолиаст замечает, что из десяти мехов

с вином, болтающихся над столом на длинных шнурах, половина уже пуста. Одиссей щелчком отсылает один из них гостю. Учёный не может отвергнуть этот жест примирения. К тому же вкус у напитка отменный — даже на совершенно пустой желудок.

— Артефактоиды знают толк в добром вине, у них тут неплохие запасы, — произносит грек. — Пей, маленькая игрушка, присоединяйся.

Последние слова он обращает к Манмуту, занявшему третье кресло. Тот отрицательно качает металлической головой.

Хокенберри начинает с извинений за обман, за то, что заманил Одиссея к шершню, после чего моравеки выкрали героя с поля битвы. Грек только отмахивается.

— Хотел я тебя прикончить, сын Дуэйна, а потом подумал: что толку? Не моё дело противиться воле бессмертных, если они решили послать меня в это долгое путешествие.

— Ты по-прежнему веришь в богов? — интересуется бывший служитель Музы, сделав долгий глоток. — Даже после войны с ними?

Отказавшийся от кровожадных планов бородач хмурит брови, затем улыбается и добродушно почёсывает щёку.

— Иногда, Хокенберри, сын Дуэйна, бывает нелегко поверить в собственных друзей, но уж во врагов-то мы верим *всегда*. Особенно если подобную честь оказывают сошедшие с Олимпа.

Проходит минута. Собеседники молча пьют. Корабль совершает ещё один оборот. Ослепительный солнечный свет на мгновение затмевает звёзды — и тут же меркнет, вновь уступая место ярким созвездиям.

От крепкого вина по телу схолиаста разливается приятное тепло. Проникнувшись благодарным счастьем бытия, он касается ладонью груди, где под квантовым медальоном рассасывается тонкий рубец, — и вдруг осознаёт, что впервые нашёл возможность сесть за стол и вот так, за бутылкой, поболтать с одним из главных героев «Илиады». Странно, особенно если вспомнить, сколько лет он преподавал эту историю в университете.

Какое-то время мужчины толкуют о событиях, свидетелями которых стали незадолго до вылета: о захлопнувшейся Дыре между мирами, о смертельной «игре в одни ворота» между людьми Ахиллеса и амазонками. Одиссей поражён обширными познаниями Хокенберри об отважных воительницах и царице Пентесилее, а схолиаст

не считает нужным упоминать при нём о книгах Вергилия. Собеседники вслух размышляют о том, скоро ли завершится настоящая Троянская война и смогут ли ахейцы с аргивянами под предводительством вернувшегося к власти Агамемнона разрушить неприступные стены Илиона.

— Конечно, грубой силы Атриду не занимать, — изрекает сын Лаэрта, глядя на пляшущие звёзды. — Но если она подведёт, сомневаюсь, что ему достанет смекалки.

— Смекалки? — повторяет Хокенберри.

Он так давно привык думать и общаться на древнегреческом, что почти не размышлял над произносимыми словами. А теперь вот задумывается. Употреблённое Одиссеем *dolos*[62] можно толковать и как одобрение, и в то же время как осуждение.

Супруг Пенелопы кивает.

— Агамемнон есть Агамемнон. Всем известно, на что он способен, и большего ждать не приходится. А вот я, Одиссей, прославился в мире непревзойдённой смекалкой.

Опять этот *dolos.* Занятно: говоря о своей предусмотрительности и коварстве, грек похваляется

---

[62] notes: 62
От греч. dolos — «хитрость».

той самой чертой, о которой Ахилл презрительно отозвался однажды (Хокенберри слышал это своими ушами несколько месяцев назад, когда в образе старого Феникса явился с другими послами к быстроногому): дескать, «тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада, кто на душе сокрывает одно, говорит же другое…».

Той памятной ночью уроженец Итаки наверняка уловил в его речах намёк на издёвку, однако решил проглотить обиду. И вот после горячительных возлияний он бахвалится собственным хитроумием. Учёный не в первый раз задаётся вопросом: а победят ли данайцы Трою без деревянной лошади Лаэртида, но мысли принимают новое направление. Ох и скользкое это слово — *dolos*. Сколько же в нём оттенков!..

— Над чем ты скалишься, сын Дуэйна? Моя речь тебя насмешила?

— Нет-нет, достославный Одиссей. Просто я вдруг подумал об Ахиллесе… — Схолиаст многозначительно умолкает, опасаясь рассердить бородатого воина.

— Я видел его вчера во сне, — отзывается Лаэртид, легко опрокинувшись в воздухе, чтобы взглянуть на звёзды. Прозрачный, почти шарообразный купол позволяет видеть и корпус

«Королевы Мэб», однако металл и пластик по большей части отражают сияние далёких небесных светил. — Мы повстречались в Аиде.

— А что, сын Пелея уже скончался? — спрашивает Хокенберри, откупоривая новый сосуд с вином.

Древний грек пожимает плечами.

— Так это же сон. Грёзы не признают рубежей, установленных властью времени. Какая разница, дышит Ахиллес воздухом живых или уже витает среди холодных теней. Так или иначе, однажды Аид станет ему вечным домом, да и любому из нас.

— А, — говорит профессор классической литературы. — Что же он тебе сказал?

Одиссей обращает на схолиаста тёмные очи.

— Да вот расспрашивал о своём первенце, Неоптолеме, побеждает ли мальчишка в битвах у стен Илиона.

— И что ты ответил?

— Что не имею об этом понятия. Дескать, судьба увлекла меня далеко от священной Трои прежде, чем его сын появился на поле брани. Пелиду мой ответ пришёлся не по нутру…

Хокенберри понимающе кивает. Ему хорошо знаком вспыльчивый нрав быстроногого.

— Ну, я постарался утешить Ахилла, — продолжает рассказывать Одиссей. — Говорил, что благодарные аргивяне по смерти почитают его наравне с богами и что живые мужи будут вечно петь о его незабвенных подвигах, но сыну Пелея всё было по барабану.

— Правда?

Вино оказалось не просто хорошим, а превосходным. Горячие струи разбегаются по внутренностям, и чудится, схолиаст по-прежнему парил бы под куполом, даже если бы нечаянно вернулась обычная гравитация.

— Ага. Он велел мне засунуть и славу, и вечные песни поглубже в задницу.

Учёный давится смехом, изо рта вылетают пузырьки и мелкие бусины красного вина. Хокенберри пытается отмахнуться от них, но красные шарики лопаются, обагрив его пальцы липкой жидкостью.

Сын Лаэрта не отрывает задумчивого взора от звёзд.

— Призрак Ахилла заявил мне вчера, что предпочёл бы за ничтожную плату вечно батрачить на безнадельного бедняка и по десять часов на дню пялиться в зад неповоротливому быку, натирая на руках мозоли не рукоятью меча, но грубой

сохой, нежели оставаться первым героем в Аиде или даже царить среди бездыханных теней, простившихся с жизнью. Стало быть, не понравилось ходить в мертвецах.

— Да уж, — хмыкает Хокенберри. — Я так и думал.

Одиссей выписывает сложный пируэт, хватается за спинку стула и смотрит на схолиаста.

— Ни разу не видал, как ты сражаешься, сын Дуэйна. Ты вообще когда-нибудь принимал участие в битвах?

— Нет.

Лаэртид кивает.

— Вот это правильно. Это мудро. Предки твои, должно быть, были сплошь философами.

— Отец у меня воевал, — неожиданно выпаливает учёный.

И сам поражается воспоминаниям, нахлынувшим на него впервые за долгие десять лет второй жизни.

— А где? — осведомляется грек. — Назови место битвы. Возможно, мы встречались.

— Окинава, — произносит Хокенберри.

— Не слыхал о таком сражении.

— Отец остался в живых, — говорит профессор, чувствуя, как у него перехватывает горло. — Он

был очень юным. Всего девятнадцати лет. Служил в морской пехоте. В том же году он вернулся домой, а я родился тремя годами позже. Отец никогда не распространялся на эту тему.

— Никогда? — недоверчиво переспрашивает Одиссей. — Не хвастал подвигами, не рассказывал родному сыну о войне? Тогда неудивительно, что ты вырос философом, а не бойцом.

— Он вообще не упоминал о тех событиях, — качает головой учёный. — Я только и знал, что папа когда-то сражался. И лишь много лет спустя раскопал кое-какие сведения. Прочёл давние рекомендательные послания от его командира, в то время почти такого же молодого, хотя и в чине лейтенанта. Уже после похорон отыскал в потёртом солдатском чемодане жёлтые письма, медали… В ту пору я как раз получал степень доктора, так что воспользовался навыками научного исследователя, чтобы разузнать о войне, в которой отец получил Пурпурное Сердце и Серебряную Звезду.

Ахеец не проявляет любопытства, услышав о загадочных наградах. Вместо этого герой изрекает:

— Достойно ли твой отец показал себя на поле брани, сын Дуэйна?

— Думаю, да. Двадцатого мая тысяча девятьсот

сорок пятого года он дважды был ранен в течение одной лишь битвы за место под названием Шугар-Лоаф-Хилл на острове Окинава.

— Не знаю такого острова.

— Ну да, это же очень далеко от Итаки, — поясняет Хокенберри.

— И много людей там было?

— На стороне отца — сто восемьдесят три тысячи, готовых ввязаться в бой. — Теперь и схолиаст внимательно глядит на звёзды. — Более тысячи шестисот кораблей доставили его армию к берегам Окинавы. Их поджидали сто десять тысяч неприятелей, окопавшихся в скалах, в пещерах и среди кораллов.

— А город для осады? — С начала разговора в глазах Одиссея впервые появляется интерес.

— Настоящий город? Нет… — отвечает учёный. — Это было всего лишь одно сражение в большой войне. Враги собирались убивать наших людей, чтобы не отдавать в их руки родную землю. А кончилось тем, что *наши люди* принялись убивать их всеми доступными средствами: заливали пещеры огнём, погребали островитян заживо. Товарищи моего отца лишили жизни более ста тысяч японцев из ста десяти тысяч. — Хокенберри отхлёбывает вина. — Видишь ли,

нашими противниками были японцы.

— Блестящая победа, — одобряет сын Лаэрта.

Собеседник издаёт неопределённый звук.

— Ты здесь называл цифры, — произносит аргивянин. — Армия, корабли… Совсем как наша осада Трои.

— Да, очень похоже, — соглашается схолиаст. — Особенно что касается жестокости схваток. Рукопашные, днём и ночью, под дождём и в грязи…

— Но твой отец вернулся с богатой добычей? Золота привёз, красивых наложниц?

— Только самурайский меч — клинок, принадлежавший вражескому офицеру. Правда, он так и не достал трофей из чемодана, чтобы показать мне.

— Должно быть, многие из его товарищей отлетели в глубины Аида?

— Американцев, если считать сражавшихся и на море, и на суше, погибло двенадцать тысяч пятьсот двадцать. — Тренированный ум исследователя и сердце сына без труда подсказали нужные цифры. — Ранения, опять же с нашей стороны, получил тридцать три тысячи шестьсот тридцать один человек. Вражеская армия, как я уже говорил, потеряла сто тысяч убитыми,

многие тысячи были похоронены заживо или сгорели в пещерах и норах, куда они зарылись, чтобы дать отпор.

— У стен Илиона пало более двадцати тысяч ахейцев, — замечает Одиссей. — Троянцы с почестями сожгли на погребальных кострах по меньшей мере столько же защитников города.

— Ну да. — Губы Хокенберри трогает слабая улыбка. — Но это за десять лет. А битва на острове Окинава длилась *девяносто дней*.

Наступает молчание. «Королева Мэб» поворачивается вокруг оси, величественно и грациозно, словно гигантское животное, плывущее по морю. На мгновение мужчин заливает волна ослепительного света, и они прикрывают глаза ладонями, а потом возвращаются звёзды.

— Странно, что я не слышал об этой войне, — произносит грек, передавая схолиасту новый мех с вином. — И всё-таки ты должен гордиться своим отцом, сын Дуэйна. Ваш народ наверняка почитает доблестных победителей как богов. Сидя у очагов, потомки будут веками тешить свою душу хвалебными песнями об их славных деяниях. Внукам и правнукам героев никогда не забыть имена достойных мужей, бившихся там и сложивших головы, сладкоголосые аэды особо

воспоют каждый поединок…

— Вообще-то, — учёный надолго прикладывается к питью, — почти никто из моих сограждан уже и не помнит о том сражении.

— *Ты слушаешь?* — передаёт Манмут по личной связи.

— *Да.*

Орфу с Ио в обществе прочих высоковакуумных моравеков трудится на внешней обшивке судна — разыскивает и устраняет мелкие повреждения от столкновений с микрометеоритами, солнечных вспышек и следы детонации водородных бомб. Конечно же, на корпусе можно работать и во время взлёта или снижения — за последние две недели гигантский краб успел побывать снаружи несколько раз, перемещаясь по узким переходным мостикам и лестницам, оборудованным специально для этой цели, — но иониец предпочитает работать в условиях нулевой гравитации, нежели, по его собственному выражению, ползать по фасаду взлетающего стоэтажного дома с полным ощущением того, что корма корабля находится где-то *внизу*.

— *Судя по голосу, Хокенберри здорово набрался*, — замечает Орфу.

— *По-моему, так и есть*, — отзывается Ман-

мут. — *Вино довольно крепкое. Это напиток Медеи, воспроизведённый по распоряжению Астига-Че на основе образца из амфоры, которую мы «позаимствовали» в подвалах Гектора. Наш знакомый схолиаст годами распивал с троянцами и греками нечто похожее, но почти наверняка в умеренном варианте: ахейцы намешивают в кубки больше воды, чем вина. Иногда они черпают её из моря или же добавляют «отдушку» вроде смирны.*

— *Вот* ***это*** *я называю варварством,* — рокочет ониец.

— *Так или иначе,* — передаёт маленький моравек, — *Хокенберри не ел ни крошки со времени последнего приступа космической болезни, а пить на тощий желудок — не лучший способ сохранить голову трезвой.*

— *Похоже, вечером нас ожидает новый приступ,* — злорадствует гигантский краб.

— *Если что, сам понесёшь ему пакеты, теперь твоя очередь. С меня хватит.*

— *Вот чёрт, я бы с превеликим удовольствием,* — сокрушается Орфу, — *да только боюсь, коридоры в людском пассажирском отсеке окажутся для меня тесноваты.*

— *Погоди,* — перебивает его Манмут. — *Лучше*

послушай.

— Ты любишь игры, сын Дуэйна?

— Игры? — переспрашивает учёный. — В каком смысле — игры?

— Ну, те, что устраивают под праздник или на похоронах, — поясняет Одиссей. — Я имею в виду забаву, которой мы усладили бы сердца, когда исчез Патрокл, если бы только Ахилл согласился признать любимого друга мёртвым и позволил провести обряд как положено.

Помолчав с минуту, Хокенберри наконец произносит:

— Это ты сейчас про диски, копья и всё в таком роде?

— Ага, — кивает Лаэртид. — Плюс колесничные гонки, бег взапуски, борьба и кулачный бой.

— Видел я ваши кулачные состязания — там, на берегу, перед чёрными кораблями, — почти без запинки выговаривает учёный. — Мужчины дрались, обмотав ладони ремнями сырой воловьей кожи.

Ахеец громко смеётся.

— А чем же ещё, сын Дуэйна? Прикажешь цеплять им на руки большие мягкие подушки?

Схолиаст пропускает вопрос мимо ушей.

— Тем летом на моих глазах Эпеос измолотил

до крови дюжину человек, переломал им рёбра и сокрушил челюсти. Он принимал каждый вызов, боролся чуть ли не с полудня и закончил уже после восхода месяца.

Одиссей ухмыляется.

— Я помню те состязания. Соперников было не счесть, но сын Панопея превзошёл искусством и лучших.

— Двое скончались.

Пожав плечами, грек отпивает ещё вина.

— Эвриала, потомка Мекестия, третьего вождя аргосцев, снаряжал на битву и ободрял дружеской речью, сердечно желая победы, сам Диомед. Это он заставлял парня бегать каждое утро перед восходом солнца и укреплять кулаки, ударяя по тушам закланных мясниками степных волов, но всё без толку. Эпеос вырубил Мекестида всего за двенадцать подходов. Так что пришлось Тидиду тащить бедолагу, волочащего ноги по праху, с поприща в стан на себе. Впрочем, боец оклемался за ночь и вернулся на игрища. В следующий раз не будет считать ворон, осёл.

— «Грязная штука этот бокс, — декламирует Хокенберри. — Стоит задержаться в нём подольше, и вот уже на ваших плечах не голова, а концертный зал, где беспрестанно играют китайскую

музыку».

Лаэртид разражается хохотом.

— Забавно. Кто это сказал?

— Один мудрец по имени Джимми Кэннон.[63]

— Между прочим, «китайская музыка» — это какая? — всё ещё хихикая, интересуется грек. — И я не совсем понял, что такое «концертный зал».

— Проехали, — отвечает учёный. — А знаешь, за время долгой троянской осады я не припомню, чтобы ваш чемпион по борьбе хоть раз отличился в поединке на поле сечи, в честной *aristeia*.[64]

— Это верно, — не спорит супруг Пенелопы. — Эпеос и сам признаёт себя не лучшим средь воинов. Дескать, «смертному в каждом деянии быть невозможно отличным». Некоторым хватает мужества встретить соперника с пустыми кулаками, но не проткнуть живот врага наточенным копьём и с силой вырвать наконечник, выпустив чьи-то кишки прямо в грязь, точно рыбью требуху.

— Тебе-то всё по плечу, — ровным голосом произносит Хокенберри.

— О да. — Ахеец довольно смеётся. — Такова уж

---

[63] notes: 63
Известный американский спортивный журналист (1910–1973).

[64] notes: 64
схватка один на один у героев «Илиады».

воля богов. Я из тех, кого Громовержец обрёк от юных лет и до седин играть по жестоким правилам войны до последней капли крови, пока не ляжем костьми в сырую землю.

— *А наш Одиссей — тот ещё оптимист*, — комментирует Орфу.

— *Реалист*, — поправляет его европеец.

— Кстати об игрищах, — говорит схолиаст. — Я видел, как ты тягался на кулаках. И выходил победителем. Как побеждал всех ногами, бегая взапуски.

— Твоя правда, — соглашается сын Лаэрта. — Как-то раз я получил в награду двоедонный кубок, тогда как сам Аякс обошёлся тучным волом. Благодарение Афине: подсобила, опрокинула верзилу перед самой чертой, вот я и стал первым. Так ведь мы с Аяксом ещё и боролись! Я ему пяткой в подколенок, ноги подшиб, да и навзничь. Этот силач-недоумок опомниться не успел, как опрокинулся.

— Ну и что, это сделало тебя лучше? — осведомляется Хокенберри.

— А то как же! — рокочет грек. — Во что превратился бы этот мир без *агона*, без весёлых состязаний? Должны же люди видеть, кто из них

лучший, ибо и двух идеально похожих вещей не найдётся на свете? Как иначе узнать, где воплощённое совершенство, а где лишь жалкое лицемерие? А ты, в каких играх *ты* преуспел, сын Дуэйна?

— На первом курсе я пробовал заниматься бегом, — признаётся учёный. — Но меня не приняли в команду.

— А вот я бы сказал, что искусен во многих состязаниях, — говорит Одиссей. — Руки мои недурно владеют полированным луком: я прежде других поражу противника острой стрелою в гуще врагов, хоть кругом бы и очень много товарищей было и каждый толкал бы под локоть. Знаешь, почему ещё меня потянуло вслед за Ахиллом и Гектором биться с богами? Мечтал помериться в стрельбе из лука не с кем-нибудь, а с самим Аполлоном. Хотя, конечно, и понимал в душе, что иду на большую глупость. Когда б ни дерзнул кратковечный бросить вызов бессмертным (возьмём хотя бы злосчастного Еврита, царя Эхалии), можно побиться об заклад, что бедняга умрёт внезапно, не достигнув спокойной старости в собственном доме. Не думаю, что я превзошёл бы дальноразящего, у меня и лука-то любимого с собой нет. Никогда не беру его, от-

правляясь на чернобоких кораблях в дальние странствия, храню в своих чертогах. Это подарок Ифита, память о первой встрече, когда мы и стали друзьями. Оружие передал ему перед смертью отец, величайший среди стрелков Еврит. Знатная вещь, пожалуй, лучшая на земле. Богоравный Ифит пришёлся мне по сердцу; жаль, что я не нашёл тогда, чем отдариться, кроме клинка и длиннотенной пики. Вскоре Геракл умертвил Евритида, и нам не пришлось узнать друг друга как следует за весёлым столом.

Кстати о пиках: копьём я достигаю дальше, чем иные стрелою. Ну, в кулачном бою и борьбе ты меня видел… Насчёт беговых состязаний — сам помнишь, я обошёл быстроходного Аякса и вообще могу часами утруждать свои резвые ноги, ухитрившись не извергнуть наружу завтрак, а вот на коротких расстояниях многие оставляют меня позади кашлять пылью, если, конечно, Паллада не вступится за любимца.

— Я бы мог пройти отбор, долгие дистанции — мой конёк, — бормочет схолиаст себе под нос. — Но был там один тип, Бред Малдрофф, мы ещё звали его Гусем, так он меня попросту выпихнул из команды.

— У поражения вкус желчи и собачьей блево-

тины, — молвит сын Лаэрта. — Горе мужчине, который свыкнется с этим вкусом. — Тут он прикладывается к сосуду с вином, запрокинув голову, и утирает багровые капли с русой бороды. — Вот незадача — увидеть во сне мертвеца Ахиллеса в пучинах Аида, когда все мои мысли занимает лишь судьба Телемаха. Раз уж боги посылают мне грёзы, то почему не о родном сыне? Ведь я оставил его ребёнком, слабым и неразумным. Хотелось бы знать, вырос ли он мужчиной или же маменькиным сыночком из тех, что вечно отираются у порогов достойных людей, гоняются за богатенькими невестами, совращают малолетних юнцов и день-деньской бряцают на лире.

— А у нас детей совсем не было. — Хокенберри потирает лоб. — Так мне *кажется*. Когда пытаюсь припомнить свою настоящую жизнь, всё как-то расплывчато, скомкано, зыбко. Я словно ушедший ко дну корабль, который вытащили на поверхность, а воду полностью откачать не потрудились — так, лишь бы держался на плаву. А сколько трюмов ещё затоплено.

Ахеец равнодушно косится на собеседника; он явно ничего не понял, но и вопросов задавать не собирается.

В ответ учёный внезапно пронизывает царя-

полководца сосредоточенным, острым взглядом.

— Нет, ты мне скажи, если сможешь… Вот скажи мне, *что* это значит — быть мужчиной?

— Что это значит? — переспрашивает грек.

Открыв последние два сосуда, один из них он протягивает Хокенберри.

— Д-да-а… Прошу прощения, да. *Быть* мужчиной. *Стать* им. В моих краях обряд инициации прост — получить ключи от машины… или переспать с кем-нибудь в первый раз.

Одиссей кивает.

— Переспать — это важно.

— Но ведь не в *этом* же дело! А, сын Лаэрта? Так что же такое — быть мужчиной? *Человеком*, если на то пошло?

— *Это становится интересным*, — передаёт Манмут своему другу по личному лучу. — *Я и сам задавался подчас таким же вопросом, и не только в попытках постичь тайну сонетов Шекспира.*

— *Все задавались*, — отзывается Орфу. — *Любой из нас одержим человечностью. Я имею в виду — любой моравек. Похоже, в нашей программе и в искусственной ДНК изначально заложено стремление изучить и постичь собственных создателей.*

* * *

— Быть человеком? — повторяет ахеец серьёзным, немного растерянным тоном. — Так, всё, мне срочно нужно отлить. А тебе разве не нужно отлить, Хокенберри?

— Я вот о чём, — настаивает учёный, — по-моему, всё дело в последовательности… непротиворечивости… — Последнее слово удаётся ему со второй попытки. — Непротиворечивости, да. Я о чём? Взять хотя бы ваши олимпиады по сравнению с нашими. Нет, ты послушай!

— Один моравек объяснял-объяснял, как правильно пользоваться уборной… Там что-то вроде пылесоса, и, по идее, моча должна всасываться на лету, но чтоб я провалился, если б хоть раз обошлось без треклятых пузырьков по всей комнате. А ты уже наловчился, а, Хокенберри?

— Двенадцать веков подряд вы, древние греки, вели свои игры, — упирается схолиаст. — Всего пять дней, зато через каждые четыре года. Подумать только, *двенадцать веков*. Пока их не упразднил один долбаный римский император. *Двенадцать веков!* Наводнения, мор, чума и прочие язвы — ничто не мешало. Минует четыре года — и любые сражения утихают, и ваши ат-

леты съезжаются к подножию Олимпа со всех концов земли, дабы почтить богов и помериться силами в колесничных гонках, беге от черты, борьбе, диско— и копьеметании, в этом вашем *панкратионе* — чудовищной смеси реслинга и кикбоксинга, которой я, к счастью, ни разу не видел, и, бьюсь об заклад, ты тоже. Двенадцать веков подряд, сын Лаэрта! Когда же мой народ решил вернуться к прославленным играм, и века не проходило, чтобы по меньшей мере три олимпиады не отменили по причине войны, страны то и дело отказывались присылать участников из-за мелочных обид, случалось, террористы мочили спортсменов-евреев…

— Мочились? Ага. — Одиссей отпускает пустой сосуд прыгать на верёвочке, а сам разворачивается, готовясь уплыть. — Отлить надо. Я щас.

— А может быть, единственное, в чём человек последователен, это… Как там выразился Гомер? «Любим всем сердцем пиры, хороводные пляски, кифару, ванны горячие, смену одежды и мягкое ложе».

Лаэртид замирает у полураскрывшейся двери.

— Гомер — это кто?

— Ты его не знаешь. — Учёный допивает вино. — Зато тебе известно, что…

Он обрывает речь на полуслове. Ахейца уже и след простыл.

Манмут минует шлюз, на всякий случай привязывается и, цепляясь за лестницы и перила мостков, движется вдоль корпуса «Королевы Мэб». Маленький моравек находит Орфу у входа в грузовой отсек, в глубинах которого покоится, ожидая спуска, «Смуглая леди»: иониец навариваает на дверь небольшую заплату.

— Не очень-то содержательный получился у них разговор, — сетует европеец по радиосвязи.

— Так ведь это общая черта всех разговоров на свете, — откликается гигантский краб. — Даже наших.

— Да, но мы не напиваемся во время бесед.

Искры от сварки озаряют ярким сиянием корпус, конечности и датчики Орфу.

— Учитывая, что моравеки не усваивают алкоголь, чтобы взбодриться или же успокоиться, теоретически ты, конечно, прав. Зато мы очень мило болтали, пока ты страдал от нехватки кислорода, был опьянён токсинами переутомления и в придачу, как сказали бы люди, наложил от страха в штаны, так что бессвязный трёп Одиссея и Хокенберри не так уж дико прозвучал для моих ушей… хотя у меня и ушей-то нет.

— Интересно, что сказал бы Пруст о сути человека? — подначивает Манмут. — Или мужчины, если на то пошло?

— Ах, Пруст, этот зануда, — отзывается иониец. — Сегодня утром его перечитывал.

— Ты мне однажды пытался растолковать, по каким ступеням он поднимался к истине, — произносит маленький моравек. — Правда, сначала их было три, потом четыре, потом снова три, потом опять четыре. Если не ошибаюсь, я так и не услышал вразумительных объяснений по этому поводу. И вообще, по-моему, ты сам тогда утратил нить рассуждений.

— Это была проверка, — громыхает краб. — Внимательно ты слушаешь или прикидываешься.

— Как скажешь. А мне кажется, у тебя был просто «бзик моравека».

— Ну, это не впервой, — не возражает Орфу.

Перегрузка органического мозга и банков кибернетической памяти всё чаще грозили каждому моравеку, чей возраст перевалил за двести — триста лет.

— Что ж, — замечает Манмут, — сомнительно, чтобы представления Пруста о сущности всего человеческого имели много общего с понятиями Лаэртида.

Четыре из верхних сочленённых конечностей ионийца заняты сваркой, но он пожимает свободной парой плеч.

— Если помнишь, рассказчик испытал дорогу дружбы и даже любовной связи, — начинает Орфу, — что сразу сближает его как с Одиссеем, так и с нашим знакомым схолиастом. Однако Марсель находит своё призвание к истине в написании книг, в изучении тонких оттенков, сокрытых в глубине иных оттенков собственной жизни.

— Да ведь он отверг искусство как путь совершенного познания гуманности, — встревает европеец. — Я думал, что, по твоим же собственным словам, в конце концов герой решил, будто это и не дорога вовсе.

— Он обнаруживает, что подлинное искусство — неотъемлемая часть *творения*. Вот послушай отрывок из «У Германтов»:

«Люди со вкусом говорят нам сегодня, что Ренуар — великий живописец восемнадцатого века. Но они забывают о Времени и о том, что даже в конце девятнадцатого века далеко не все отваживались признать Ренуара великим художником. Чтобы получить такое высокое звание, и оригинальный художник, и оригинальный писатель действуют по способу окулистов.

Лечение их живописью, их прозой не всегда приятно для пациентов. По окончании курса врач говорит нам: „Теперь смотрите“. Внезапно мир (сотворённый не однажды, а каждый раз пересоздаваемый новым оригинальным художником) предстаёт перед нами совершенно иным и вместе с тем предельно ясным. Идущие по улицам женщины не похожи на прежних, потому что они ренуаровские женщины, те самые ренуаровские женщины, которых мы когда-то не принимали за женщин. Экипажи тоже ренуаровские, и вода, и небо; нам хочется побродить по лесу, хотя он похож на тот, что, когда мы увидели его впервые, казался нам чем угодно, только не лесом, а, скажем, ковром, и хотя в тот раз на богатой палитре художника мы не обнаружили именно тех красок, какие являет нашему взору лес. Вот она, новая, только что сотворённая и обречённая на гибель вселенная. Она просуществует до следующего геологического переворота, который произведут новый оригинальный художник или новый оригинальный писатель».[65]

— Это он, разумеется, в переносном смысле, — высказывается Манмут, — насчёт сотворения

---

[65] notes: 65
Перев. Н.М. Любимова.

вселенных.

— А я полагаю, в прямом. — Голос Орфу ещё никогда не звучал по личному лучу столь серьёзно. — Ты внимательно следил за лекциями Астига-Че по общему лучу?

— Вообще-то не очень. Квантовая теория меня усыпляет.

— Это не теория, — возражает иониец. — С каждым днём нашего перелёта нестабильность между двумя мирами внутри всей этой солнечной системы непомерно растёт. И Земля находится точно в центре квантового потока. Матрицы её пространственно-временных вероятностей словно угодили в некий водоворот, в некую область самонаведенного хаоса.

— Ну и при чём здесь Пруст?

Крупная заплата на двери грузового отсека приварена на славу. Гигантский краб отключает сварочную горелку.

— Кто-то или что-то забавляется с мирами, а то и с целыми вселенными, как пожелает. Нарушает математику втекающих квантовых данных, как если бы в Дыре непостижимым образом пытались сосуществовать несколько разных Калаби-Яу-пространств. Иначе говоря, похоже, на свет желают явиться новые миры, и всё это по

воле исключительного гения, как и предполагает Пруст.

В это мгновение космическое судно из чёрного углепласта и стали, не слишком элегантное, однако по-своему красивое, начинает вращаться. Ноги Манмута отрывает от корпуса, и он хватается за перила. Трехсотметровое атомное судно крутится и кувыркается, словно цирковой акробат. Солнце обливает моравеков сиянием и тут же заходит за громоздкие буферные плиты на корме. Отладив свои поляризованные фильтры, маленький европеец снова глядит на звёзды. Ему известно, что иониец не способен их видеть, зато слышит по радио разноголосые скрипы и визг — «термоядерный хор», как он однажды выразился.

— Орфу, дружище, ты собираешься внушить мне религиозные мысли?

— Допустим; но если Пруст не ошибся и новые вселенные воистину возникают там, где незаурядные, редкостные умы сосредоточиваются на их создании, — не хотел бы я повстречаться с творцами нашей текущей реальности. Уж больно зловеще выглядят плоды их усилий.

— Не вижу, почему бы… — Осекшись, европеец прислушивается к общей линии. — Что такое тревога двенадцать-ноль-один?

— Секунду назад вес «Королевы Мэб» уменьшился на шестьдесят четыре килограмма, — поясняет иониец.

— Мы сбросили мусор и выпарили мочу?

— Не совсем. Наш приятель Хокенберри сию минуту квант-телепортировался прочь.

«Он же не в состоянии никуда квитироваться, — первым делом думает Манмут. — Надо было остановить его. Близкому другу не позволяют на пьяную голову…» Впрочем, он держит свои мысли при себе.

Секунду спустя Орфу спрашивает:

— Ты это слышишь?

— Нет, а в чём дело?

— Я тут прочёсывал радиоволны. Мы направили на Землю — вернее, на орбитальное кольцо — антенну с большим усилением и только что поймали модулированное радиопослание, отправленное в СВЧ-диапазоне квантовых волн лично нам.

— И что в нём говорится? — Сердце европейца гулко ухает; маленький моравек позволяет ему колотиться, не понижая уровень адреналина.

— Знаешь, это определённо с полярного кольца, — произносит краб, — расстояние от Земли — примерно тридцать пять тысяч километров.

Голос — женский. Повторяет одно и то же: «Доставьте ко мне Одиссея».

38

Даэман вступил под голубые своды ледяного купола под шелестящее эхо монотонного шёпота:

— Помыслил, сотворил его нарочно, чтоб с пламенем соперничать: вот глаз огнистый, среди клочьев пены плывущий и дающий пищу! Помыслил, наблюдал за той охотой раскосым, с белыми краями оком при лунном свете; да, и сороку с долгим языком, что лезет глубоко в древесные наросты, ища червей, а отыскав добычу, возвещает об этом ясно, без прикрас, но муравьёв не ест; тех самых муравьёв, что стены возводят из соломы и семян вкруг нор своих… Он создал всё, что видит глаз, и боле, и нас самих — назло, а как иначе?

Мужчина тут же узнал ненавистный голос. Калибан… Свистящий шёпот полз по синеватым стенам туннеля отовсюду сразу, внушая ужас собственной близостью и в то же время дразня надеждой на удалённость. Неведомо как одиночный голос чудовища превратился в целый хор, леденящий кровь своей слаженностью. Всё ока-

залось страшнее, чем ожидал Даэман, — гораздо, гораздо, гораздо страшнее, чем он опасался. Низко склонив голову, мужчина шагнул из ледяного туннеля на ледяной балкон — один из многих сотен утопающих в тени балконов на внутренней поверхности колоссального купола.

В течение целого часа сын Марины карабкался по синим коридорам; нередко был вынужден возвращаться, когда очередной ход сужался и завершался тупиком или, наоборот, расширялся до трёх футов в поперечнике, однако упирался в стену или оканчивался головокружительной отвесной шахтой; случалось подчас ползти на животе, царапая спину о ледяной потолок, толкая перед собой рюкзак и арбалет; и вот отчаянный искатель приключений попал, как ему показалось, в центр удивительного собора.

Кузену Ады не довелось обзавестись достаточным запасом старинных терминов, подходящих к описанию этого места, но даже «проглоти» он уйму нужных книг, сейчас бы всё равно запутался: шпили, купол, контрфорсная арка, апсида, неф, базилика, хоры, портик, капелла, окно-розетка, альков, колонна, алтарь… Всё это могло пригодиться, однако и тогда мужчине понадобились бы новые слова. Множество новых слов.

Верхняя точка синеватого ледяного строения, по прикидкам Даэмана, вознеслась над мерцающим багровыми бликами дном не менее, чем на две тысячи футов, а сам собор занимал чуть больше мили в диаметре. Как и показалось тогда со стороны, Сетебос накрыл своим куполом весь кратер. Просторный круг пола озаряли, пульсируя в ритме ударов гигантского сердца, красноватые отблески. Возможно, их причиной стала некая природная активность: магма забурлила и поднялась из многомильной глубины вулкана, из самого сердца Земли, пронзённого чёрной дырой. Или Сетебос по собственной воле и для собственных целей вызвал этот жар и дрожащее подземное сияние. Своды же играли такими красками, которых собиратель бабочек даже не сумел бы описать словами: самые причудливые оттенки красного на дне переливались радугой и сменялись нежно-оранжевыми вдоль края, багровые вены струились вверх по янтарным сталагмитам и контрфорсным аркам, потом жар цветов остывал, и высокие столпы мерцали уже голубым свечением. По синим ледяным стенам, колоннам, башням, кристаллическим тросам пробегали зеленоватые вспышки, жёлтые искры мелькали по всему собору, алые пульсирующие

лучи пронизывали потайные туннели подобно вспышкам электричества.

Местами оболочка купола была настолько тонка, что прощальные вечерние зарницы высвечивали на западных сводах розовые круги. У самой вершины потолок напоминал стекло, показывая овал темнеющего неба с чуть размытыми проклюнувшимися звёздами. Но более всего завораживали при взгляде на внутренние стены сотни перекрещенных отпечатков, каждый примерно шесть футов высотой. Они окружали пространство, и, склоняясь на перила балкона, Даэман видел под собою новые пересекающиеся ниши, ломаные, словно прожжённые в голубом льду. В их пустующих, похожих на металлические полостях плясали красноватые блики из сердца кратера.

А вот багрово-алый пол под куполом отнюдь не пустовал. Повсюду вздымались колючие сталагмиты и крутые шпили, достигая кое-где потолка и превращаясь в аккуратные ряды голубоватых ледяных столпов. Отнюдь не гладкое дно сплошь изрезали мелкие воронки, трещины и небольшие вторичные конусы. Над большинством из них витали струйки газа, паров или дыма. Тепловатые воздушные потоки доносили до ноздрей

мужчины запах серы. Посередине красноватого мерцающего круга ледяными уступами поднимались неровные края чаши, устроенной над кратером и наполненной до самого верха (как сперва показалось Даэману) обкатанными белыми камнями. Но нет, это были не камни, а человеческие черепа, а «чаша» скорее напоминала гнездо. Внутри копошился, устраиваясь поудобнее, серый мозг со множеством извилистых складок, бесчисленными ртами, парами глаз и прочими отверстиями, которые не в такт разевались и захлопывались, и уймой ручищ, то и дело меняющих положение. Из копошащейся сизой массы вытягивались на длинных стеблях новые руки (каждая не уместилась бы в комнате особняка, где в последнее время жил сын Марины), они стелились по мерцающему полу и выпускали хищные щупальца, на концах которых мужчина мог разглядеть мириады изогнутых, заострённых чёрных шипов или крюков (может статься, волос?); опять же, каждый из них был длиннее боевого клинка за поясом Даэмана и каждый легко проникал прямо в толщу голубого кристаллического вещества. Впиваясь чёрными нитями, ужасные руки могли вползти куда угодно и по любой поверхности, будь то каменная

кладка, лёд или даже сталь.

Сам же схожий с мозгом Сетебос оказался огромнее, чем кузен Ады запомнил его два дня назад, при первом явлении сквозь удивительную прореху в небесах. Если тогда чудовище выглядело футов на сто вдоль оси, то теперь протянулось в длину по меньшей мере на сотню ярдов и в середине, где извилистую ткань разделяла блестящая глубокая полоса, высилось аж на три десятка футов. Когда громоздкая тварь переминалась и поворачивалась в гнезде, черепа хрустели, точно сухая солома.

— Помыслил, в этой славе нет ни правоты, ни преступленья, Он ни добр, ни зол: Он — господин и властью облечён. Зовёт себя ужасным: взгляни на Его ноги — и поймёшь!

Свистящее шипение Калибана змеилось по всему куполу, эхом отражалось от конусов и ступенчатых пирамидальных башен, перекатывалось в лабиринте ледяных коридоров; Даэману мерещилось, будто убийственный шёпот наползает на него сразу со всех сторон.

Вскоре глаза привыкли к трепету красных бликов и гигантским размерам купола, и мужчине удалось рассмотреть подвижных мелких существ, которые суетились у подножия чаши,

взбегая на четвереньках по ледяным ступеням и быстро спускаясь, но уже на задних конечностях, обхватив руками большие, чуть вытянутые в длину шары молочного цвета с гадким и скользким блеском.

Сперва мужчина принял их за войниксов: останки горбатых тварей поминутно попадались ему в ледяном лабиринте, причём не окаменевшие фигуры, как снаружи, в расщелине, а либо выпотрошенные туши, либо пустые панцири, либо кучи оторванных острых клешнёй, — однако, всмотревшись через колеблющуюся мглу и дым, сын Марины разглядел уже знакомые очертания.

«Калибано», — мелькнуло в голове Даэмана. Годом ранее он уже натыкался на них в Средиземном Бассейне вместе с Харманом и Сейви, но лишь теперь уразумел значение крестообразных отпечатков на стенах.

«Зарядные устройства» — так выразилась мудрая старуха, когда собиратель бабочек набрёл на голого калибано, который покоился внутри стоячего полого креста с раскинутыми руками, и по ошибке счёл его мёртвым, пока вдруг желтоватые кошачьи глаза не распахнулись.

Сейви рассказывала, будто Просперо и таин-

ственная личность воплощённой биосферы по имени Ариэль вывели эту мерзость как новый сорт людей, дабы помешать войниксам захватить Средиземный Бассейн и прочие земли, над которыми седовласый маг желал сохранить полную власть. Но, вероятно, старуха обманулась или намеренно солгала: твари не могли иметь отношения к человеческому роду, они являлись незамысловатыми клонами гораздо более крупного и жуткого Калибана, по признанию самого Просперо с орбитального острова. Между прочим, тогда же Харман спросил у еврейки, для чего же постлюди создали войниксов, если, чтобы остановить их, пришлось населять планету такими чудовищами.

«Ошибаешься, — отвечала старуха. — Эти явились сами по себе, невесть откуда, неизвестно с какими целями, да и служат неясно кому».

В то время Даэман не понял ни слова, да и сейчас уяснил не больше. В конце концов, калибано, суетящиеся перед его глазами на дне кратера подобно гнусным розовым муравьям, таскающим белёсые яйца, служили явно не Просперо, а Сетебосу.

«Кто же тогда наводнил Землю войниксами? — задался вопросом кузен Ады. — И если эти твари

— не рабы многорукого, то с какой стати они напали на колонии „старомодных“ людей, а главное, на Ардис? Кому они служат?»

Единственное, что путешественник мог бы сказать с уверенностью: явление Сетебоса в Парижском Кратере стало для войниксов подлинным бедствием. Те, что не замерли навеки в оковах стремительно выросшего синего льда, были пойманы и ободраны, как сочные крабы. «Ободраны кем? Или чем?» На ум приходило лишь два объяснения, и оба не сулили ничего доброго. Либо панцири тварей треснули под напором зубов и когтей мерзких калибано, либо их растерзали руки Сетебоса.

Внезапно Даэман понял, что розовато-серые «рубчики» на дне кратера — на самом деле тоже длинные щупальца божества. Мясистые стебли ныряли в синие норы купола и…

Развернувшись на месте, мужчина вскинул уже взведённый арбалет. Где-то позади, в ледяном туннеле, послышался лёгкий скользящий шорох. «Это рука в три раза толще моего туловища протискивается за мной».

Кузен Ады присел на корточки с тяжёлым арбалетом на взводе и приготовился ждать. Страшная конечность так и не появилась, зато по коридору

продолжало ползти многоголосое шипящее эхо.

«Руки уже в туннелях и, возможно, даже снаружи, в расселинах. — Даэман попытался унять безудержно колотящееся сердце. — И там, и там теперь — хоть глаз коли. А вдруг на обратном пути я наткнусь на щупальце?»

На ближайших ладонях Сетебоса он успел рассмотреть отверстия для кормления, откуда извергались, на радость хищным калибано, куски сырого красного мяса: не то человечина, не то плоть растерзанных войниксов.

Мужчина прилёг на балконе; синеватый лёд, всё более напоминающий некие продукты жизнедеятельности многорукого божества, сквозь термокожу пронзил живот острым холодом.

«Можно уже выбираться. Я видел достаточно».

Лёжа навзничь, с нелепым оружием наперевес, опасливо пригнув голову, когда мимо — почти перед носом, только сотней футов ниже — вприпрыжку промчались на четвереньках несколько калибано, сын Марины ждал, пока в его трусливые руки и ноги вернётся сила, чтобы встать и убраться подобру-поздорову из этого нечестивого собора.

«Нужно скорее сообщить нашим в Ардисе, — твердил голос разума. — Я сделал всё, что мог».

«Нет, не всё. — Ох уж эта честность, когда-нибудь она точно сгубит искателя приключений! — Надо бы взглянуть поближе на эти сероватые склизкие яйца или что там у тварей в лапах».

Калибано как раз укладывали белёсые «горошины» в дымящуюся воронку примерно в сотне ярдов от незваного гостя, по правую сторону от ледяного балкона.

«Я же не сумею спуститься вниз!»

«Не лги. Здесь, под тобой, чуть меньше ста футов. Саморезы в рюкзаке, верёвка тоже. И ледорубы. А там останутся пустяки: добежать со всех ног, посмотреть, если получится, схватить один образец и пулей обратно, в Ардис».

«Безумие. Я же всё время буду на виду. Калибано между мной и гнездом. Как только спущусь, меня сразу поймают. Сожрут на месте или отдадут Сетебосу».

«Вот сейчас путь свободен. Отличная возможность. Дуй вниз немедленно!»

— Нет.

Даэман вдруг понял, что с перепугу прошептал короткое слово вслух.

И всё же минуту спустя он уже загнал в пол балкона острый саморез, затянул на нём крепкий узел и, перекинув арбалет через плечо поближе

к рюкзаку, начал нелёгкий спуск на дно кратера.

«Вот и молодец. Наконец-то для разнообразия ты проявил хоть какую-то смелость…»

«Заткнись, твою мать, вонючка!» — ответил мужчина бесстрашному, но недогадливому голосу собственной совести.

И та умолкла.

— Вообразил, что вечно будет так, и нам дрожать пред именем его, — донеслась откуда-то песнь-заклинание-шепоток мерзкого Калибана.

Именно его, а не мелких клонов, в этом Даэман даже не сомневался. Чудовище обитало где-то рядом, под куполом; возможно, Калибана закрывал собой розово-серый мозг, усевшийся в гнезде.

— Помыслим, что в один престранный день Сетебос, господин, танцующий безлунными ночами, настигнет нас, как нить — ушко иглы, как зубы — горло жертвы, а быть может, срастётся, ведь и слабая личинка врастает в кокон, чтоб к небу взмыть однажды мотыльком: иного не дано, вот мы, а вот Сетебос, и помощь к обречённым не придёт.

Даэман продолжал спускаться по скользкой верёвке.

39

Первым делом после квантовой телепортации профессору филологии доктору Томасу Хокенберри полагалось отыскать какой-нибудь укромный угол.

Даже по пьяной лавочке для человека, десять лет изучавшего Трою и ближайшие окрестности, это не составило большого труда: мужчина решил квитироваться в проулок близ площади, где располагались особняки Гектора и Париса и где он сам бывал уже тысячу раз. По счастью, в Илионе царила глубокая ночь; хозяева давно закрыли свои прилавки и маленькие рестораны, городская стража и подвыпившие ратники бродили где-то ещё, поэтому ни единая душа не заметила его беззвучного появления. Хокенберри быстро нашёл подходящее место, чтобы опорожнить мятежный желудок. Когда наконец миновали последние сухие судороги, профессор отправился на поиски ещё более глухого и безлюдного места. От площади дворца покойного Париса — нынешней временной резиденции Приама и родного дома Елены — разбегалось целое множество узких закоулков. Найдя среди них самый тёмный и

самый тесный, не шире четырёх футов, мужчина свернулся калачиком на соломе, накрылся одеялом, которое захватил из каюты на «Королеве Мэб», и позабылся крепким сном.

Когда рассвело, схолиаст проснулся. После вчерашнего голова раскалывалась, на душе скребли кошки, а тело болезненно ныло. Уши резал какой-то гвалт на площади. Первое, что пришло на ум: не ту, совсем не ту одежду захватил он с космического корабля. Комбинезон из мягкого серого хлопка и тапочки для нулевой гравитации — что же делать, если так, по мнению моравеков, должен был выглядеть мужчина двадцать первого века. Не очень-то затеряешься среди кожаных наголенников, сандалий, тог, туник, плащей-накидок, мехов, бронзовых лат и грубых домотканых нарядов, которые нынче в ходу в Илионе.

Кое-как отряхнувшись от уличной грязи, учёный пустился на шум. Невзирая на жестокое похмелье, Хокенберри шёл пружинистым шагом, ощущая прилив сил и бодрости: сказывалась разница между обычным притяжением родной планеты и гравитацией судна в одну и двадцать восемь земных. Площадь оказалась на удивление безлюдной. Как правило, после восхода солнца

рынок оживлялся, но сейчас торговцы одиноко сидели в лавках, столы открытых кафешек совершенно пустовали, и только на дальнем конце площади маячили несколько стражников у дверей и ворот дворца Париса, Елены, а в последнее время — Приама.

Рассудив, что подходящая одежда важнее раннего завтрака, схолиаст отправился торговаться с одноглазым и однозубым дедом в потёртом красном тюрбане. У старика была самая большая телега, заваленная самым разнообразным товаром — в основном потрёпанными обносками, снятыми с ещё тёплых мертвецов, однако при этом он пререкался из-за каждой тряпки, словно дракон, не желающий расставаться со сказочными сокровищами. Хокенберри обшарил пустые карманы — и понял: придётся распрощаться с космическим костюмом и одеялом. Они показались торговцу несколько диковинными (учёный соврал, будто явился в таком виде из самой Персии), и всё же вскоре профессор стал обладателем тоги, сандалий с высокой шнуровкой, накидки из отменной красной шерсти и приличной туники. Перерыв до дна корзину с исподним и не отыскав ни одной более или менее чистой вещи, схолиаст ограничился той, на которой не было вшей. Кроме

того, когда он уходил с площади, на широком кожаном поясе бряцал клинок, повидавший немало сражений, но достаточно острый, а за поясом и в потайном кармане плаща сверкали два ножа. Обернувшись через плечо и заметив довольную однозубую ухмылку торговца, Хокенберри понял, что продешевил: необычный комбинезон мог потянуть на боевого коня, золотой щит или кое-что получше. «Ну и на здоровье».

Мужчина решил не допытываться у старикана и его полусонных товарищей, куда подевались люди с площади, где все воины с домочадцами и почему вокруг так тихо. Скоро само выяснится.

И вот он зашёл за телегу, чтобы переодеться. При виде квит-медальона старик и двое его соседей оживились, принялись наперебой делать выгодные предложения; толстяк, торговавший фруктами, повысил цену до двухсот мер золота и пятисот серебряных фракийских монет. Хокенберри отказался, радуясь, что обзавёлся мечом и парой кинжалов прежде, чем обнажиться.

Наскоро перекусив у стойки свежевыпеченным хлебом, сушёной рыбой и сыром под тепловатое пойло, которому далеко было до настоящего кофе, схолиаст вернулся в тень и устремил глаза на дворец Елены через дорогу.

Конечно, учёный мог бы квитироваться прямо в её покои. Он легко проделывал это прежде.

«Ну а если она там? Что дальше?»

Быстрый удар клинком — и назад, на корабль, идеальный невидимый убийца? Да, но кто поручится, что стража его не заметит? В десятитысячный раз за последние девять месяцев мужчина пожалел о потере видоизменяющего браслета — устройства, которым боги в первую очередь снабжали своих слуг и которое позволяло им до такой степени преобразовывать квантовые вероятности, что Хокенберри, как и всякий бедняга-схолиаст, умел мгновенно превратиться в любого человека в Илионе и окрестностях, при этом не только приняв его облик и одежду, а в самом деле заняв чужое место на квантовом уровне реальности. Вот почему даже грузный Найтенгельзер мог сделаться юнцом в три раза легче себя, не нарушая пресловутый закон сохранения массы, растолкованный Томасу несколько лет назад одним из коллег, имевшим склонность к точным наукам.

Что ж, больше такой возможности учёному не представится: вибрас остался на Олимпе вместе с тазерной тросточкой, остронаправленным микрофоном и непробиваемыми доспехами. Зато

медальон цел.

Бывший служитель Музы коснулся золотого кружка на груди… и вдруг остановился. *Как* же он всё-таки поступит при встрече с Еленой? Убивать схолиасту ещё не доводилось, тем паче поднимать клинок на самую прекрасную женщину, с которой он занимался любовью, самую очаровательную среди всех, кого он видел, соперницу бессмертной Афродиты… Есть от чего призадуматься.

У Скейских ворот началось какое-то волнение. Хокенберри пошёл посмотреть, в чём дело, дожёвывая хлеб на ходу, перекинув через плечо свежий мех с вином и гадая по дороге о положении в Илионе.

«Меня здесь не было две недели. В ту ночь, когда я отправился на судно — вернее, когда Елена пыталась прирезать меня, — казалось, ахейцы вот-вот ворвутся в город. Невероятно, чтобы троянцы, пусть даже с помощью олимпийских покровителей — Аполлона, Ареса, Афродиты и небожителей помельче, — сумели противостоять ожесточённой атаке Агамемнона и его воинств, на стороне которых сражались Афина, Гера, Посейдон и так далее».

Учёный достаточно насмотрелся на эту осаду,

чтобы ни в чём не быть уверенным. В недавнем прошлом здешние события по большей части напоминали сюжет великой поэмы Гомера, однако в последнее время благодаря вмешательству некоего Томаса Хокенберри все карты смешались, и совпадавшие линии реальности трагически разбежались в разные стороны. Поэтому он и спешил влиться в толпу горожан, с восходом солнца торопящихся к главным воротам.

Она стояла на широкой смотровой площадке среди уцелевших членов царского рода и прочих важных особ. Декадой ранее на этом самом месте красавица поведала Приаму, Гекубе, Парису, Гектору и остальным имена данайских героев, собиравшихся у стен города. И вот Гекуба, Парис, а с ними многие тысячи троянцев покинули бренный мир, но Елена по-прежнему рядом с Приамом и Андромахой. Седовласый правитель, когда-то водивший армии, сгорбился на троне, переделанном под паланкин, — сморщенная, усохшая карикатура на полного сил царя, представшего глазам схолиаста каких-то десять лет назад.

А впрочем, сейчас эта мумия держалась бодрячком.

— До сих пор я сокрушался о себе, — воскликнул Приам, обращаясь к окружившей его знати,

а также к немногочисленной царской охране на ступенях и у подножия стены.

Лесной Утёс и близлежащая долина были пусты, однако, проследив за взглядом Елены и поднапрягшись, Хокенберри увидел-таки огромную толпу на расстоянии примерно двух миль, у крутобоких ахейских кораблей. Судя по всему, троянцы преодолели ров и частокол, то есть сократили многомильный ахейский лагерь до считанных ярдов песчаного берега, и обложили неприятеля, прижав его к винно-чёрному морю. Оставалось лишь нанести могучий решающий удар.

— Да, я жалел себя, — повторил Приам, возвысив охрипший голос. — И требовал сострадания от многих из вас. Когда любезная царица погибла от рук бессмертных, я превратился в немощного, сломленного калеку, отмеченного печатью рока… не просто дряхлого старца, но человека, переступившего порог бессилия… убеждённого, что Громовержец избрал меня для чёрной судьбины.

За десять лет на моих глазах пало немало храбрых сынов, и я не сомневался, что Гектор последует за ними в обитель Аида, не дождавшись отца. Я мнил увидеть, как дочерей увлекают в рабство, как враги опустошают мои сокровищ-

ницы, как символ и заступник Трои палладион покинет храм Афины, а беззащитные младенцы летят с городских стен, заливая кровью острые камни, — достойное завершение для варварской осады!

Месяц назад, о друзья и родные, бойцы и их супруги, я готовился встретить ужасный день, в который ахейцы с обагрёнными по локоть руками схватят и поведут в ненавистный плен моих милых дочерей, Елена падёт от меча кровожадного Менелая, а Кассандру безбожно обесчестят. Помышляя так, я ждал — нет, почти алкал того страшного часа, когда стану слёзно молить аргивских псов растерзать мою ещё живую плоть, повергнутый у дворцовых ворот копьём Ахиллеса или державного Агамемнона, хитроумного Одиссея или немилосердного Аякса, грозного Менелая или могучего Диомеда. Воображал, как один из них сокрушит моё дряхлое тело и вырвет из старческой груди постылую жизнь, накормит моими внутренностями моих же собак — о да, самых преданных из товарищей, стерегущих двери царских покоев, — и, внезапно взбесившись, они же начнут лакать хозяйскую кровь и вырвут хозяйское сердце у всех на глазах.

Да, вот о чём денно и нощно стенал я месяц

и даже три недели назад… Но утро настало, и посмотрите, как переродился мир, возлюбленные троянцы! Зевс отозвал от города всех богов — и тех, кто желал избавления Илиона, и тех, кто жаждал нашей погибели! Отец бессмертных поразил ударом небесной молнии даже Геру! Всемогущий Кронид спалил ахейские чёрные корабли, повелев бессмертным возвращаться на Олимп и принять заслуженную кару за неповиновение! Как только боги перестали наполнять наши дни и ночи огнём и грохотом, Гектор повёл войска от победы к победе. Исчез Ахилл, некому больше остановить моего благородного сына. Аргивских свиней оттёрли к берегу, к обгорелым остовам чёрных судов. Южные шатры порваны в клочья, северные сожжены дотла.

И вот враг зажат в кольцо. На западе теснят его доблестные троянцы с Гектором во главе, Эней со своими дарданцами, Акамас и Архилох, оба сыны Антенора, искусные в битвах.

На юге дорогу к отступлению отрезают блистательные отпрыски Ликаона и наши верные союзники из священной Зелии, что при подошве холмистой Иды, Зевсова престола.

На севере на пути врага встали Адраст и Амфий в полотняной броне, предводители мужей Апеза

и Адрастеи, облечённых в пышные латы из бронзы и золота, которые были сорваны с ахейцев, павших при стремительном отступлении.

Любезные нам Гиппофоой и Пилей, пережившие десять лет резни, чаяли сложить головы вместе с троянскими друзьями и братьями, но вместо этого нынче ведут на рать смуглокожих пеласгов бок о бок с военачальниками Абидоса и дальней Арисбы. Нет, не поражение, не постыдная смерть ожидали наших сынов и союзников! Не пройдёт и нескольких часов, как они увидят голову ненавистного Агамемнона, вознесённую на острие копья! Грозные фракийцы, пеласги, копьеборные киконы, криволукие пеоны, пафлагоны, гализоны и троянцы узрят окончание этой долгой войны и вскоре по заслугам добудут золото низложенных аргивян, богатые доспехи Атрида и его бесчисленных ратников! Крутобокие чёрные корабли уже не спасут греческих царей; каждый, кто явился на нашу землю грабить и убивать, будет убит и ограблен!

Слово Зевса непреложно: в сей судьбоносный день благосклонные боги позволят моим друзьям и близким насладиться полной победой на глазах у врагов. Вкусим же блага мира! Приготовимся же к нынешнему вечеру, дабы с ликованием встре-

тить Гектора и Деифоба, устроим празднество на целую неделю — нет, на месяц! — да с подлинным размахом, чтоб ваш смиренный слуга Приам покинул сей мир счастливым человеком!

Так вещал повелитель Илиона, отец благородного Гектора, а Хокенберри не верил своим ушам.

Выскользнув из толпы знатных дам, Елена сошла по широким ступеням в город в обществе одной лишь воинственной рабыни Гипсипилы. Схолиаст укрылся за широкой спиной дородного стражника, подождал, пока дщерь Зевса и Леды не скрылась из виду, и двинулся следом.

Женщины повернули в тесный проулок, почти утонувший в тени западной городской стены. Учёный сразу смекнул, куда они направляются. Несколько месяцев назад, когда Елена вдруг прекратила встречаться с ним, Томас из ревности принялся следить за красавицей. Так он нечаянно раскрыл секрет Андромахи: прознал о тайных чертогах, где она прячет Астианакса, доверив мальчика неусыпным заботам Гипсипилы и ещё одной няньки. Сам Гектор ещё не ведал о том, что его первенец жив и здоров, что мнимое убийство младенца руками Афины и Афродиты было хитро подстроено Союзом Троянок, дабы положить

конец осаде и обратить ярость благородного Приамида против самих бессмертных.

«Хитро придумано», — хмыкнул про себя Хокенберри, наблюдая за дамами с безопасного расстояния. Битва с Олимпом завершилась, да и Троянская война, похоже, близится к неминуемому концу.

Двери нужного дома стерегли киликийские ратники; если допустить туда женщин… Учёный нагнулся, поднял тяжёлый, гладкий овальный булыжник и зажал его в кулаке.

«Я что, и впрямь собираюсь убить Елену?» Ответа не было. *Пока* не было.

Красавица и её спутница замешкались у ворот, ведущих во внутренний двор тайных чертогов, когда схолиаст неслышно настиг обеих и постучал по смуглому плечу рабыни с Лесбоса.

Гипсипила круто развернулась.

Хокенберри замахнулся и со всей силы ударил великаншу в челюсть. Камень в руке мало помог ему: пальцы едва не разбились о мощную кость. Пошатнувшись, точно свергнутая статуя, рабыня грохнулась наземь, попутно задев головой за дверь, да так и осталась лежать — судя по всему, без сознания и с переломом челюсти.

«Великолепно, — мелькнуло в голове схоли-

аста. — Впервые за десять лет ты наконец-то ввязался в битву. Справился с бабой, поздравляю».

Елена отпрянула, из рукава в её ладонь выскользнул острый кинжал, однажды уже отыскавший дорогу к сердцу учёного. Мужчина стремительно перехватил её запястье, вывернул и прижал кисть изменницы к грубо обтёсанной двери, после чего почти негнущейся кровоточащей рукой вытащил из-за пояса собственный длинный клинок и ткнул остриё в мягкую плоть чуть ниже подбородка. Женщина уронила нож.

— Хок-эн-беа-уиии, — произнесла она, откинув голову.

С лезвия закапала кровь.

Учёный замер. Больная рука задрожала. Нет, если он собирается сделать это, нужно действовать быстро, пока красавица не начала говорить. Она предала его, вонзила нож в сердце и бросила умирать. Зато как восхитительны были их ночи любви!

— Ты всё-таки бог, — прошептала Елена, расширив глаза, но не показывая страха.

— Ошибаешься, — процедил он сквозь зубы. — Я просто кот. Одну запасную жизнь мне уже подарили, вторую забрала ты, осталось ещё семь.

Не обращая внимания на кинжал у горла, женщина рассмеялась.

— Вспомнил про девять кошачьих жизней? Какой интересный образ. Умеешь ты играть словами… хоть и чужеземец.

«Сейчас же решайся, прикончить её или нет… Бред какой-то».

Схолиаст отвёл клинок, но прежде, чем Елена Троянская шевельнулась или вымолвила хотя бы звук, намотал на левый кулак её чёрные волосы и с кинжалом у рёбер потащил женщину за собой прочь из переулка, от дома Андромахи.

Они описали круг и вернулись к заброшенной башне с видом на Скейские ворота, той самой, где Хокенберри наткнулся на прячущихся Менелая с Еленой и где красавица заколола его после того, как учёный честно квитировал её супруга в стан Агамемнона. Мужчина поволок Елену по узкой витой лестнице — на самый верх, к открытой площадке, стены которой были разрушены несколько месяцев назад, во время божественной бомбёжки.

Взобравшись, он толкнул пленницу к обрывистому краю, но так, чтобы снизу её не заметили.

— Раздевайся, — бросил схолиаст.

Дочь Зевса откинула волосы с глаз.

— Думаешь овладеть мной, а потом уже сбросить вниз?

— Раздевайся.

Готовый в любую секунду пустить в ход клинок, он сделал шаг назад. Елена выскользнула из многослойных шёлковых одежд. Утро выдалось тёплое по сравнению с тем памятным днём, когда Хокенберри перенёсся на «Королеву Мэб» (тем зимним днём, когда предательница воткнула нож ему в сердце), однако здесь, высоко над городом, свистел студёный ветер. Соски красавицы выпятились и затвердели, живот и голые руки покрылись гусиной кожей. Каждый упавший предмет одеяния учёный пинком отбрасывал в сторону. Затем, не сводя настороженного взгляда с Елены, ощупал мягкий шёлк и подкладку. Он искал другие спрятанные кинжалы, но их не было.

Осиянная утренними лучами пленница стояла перед ним, чуть расставив ноги, не пытаясь прикрыть ни белую грудь, ни лобок, но свободно опустив по бокам грациозные руки. Под гордо поднятым подбородком алела тонкая линия. Во взоре читался спокойный вызов и вместе с тем лёгкое любопытство: что же дальше? Даже кипя от гнева, Хокенберри не удивлялся, как эта женщина заставила сотни тысяч доблестных мужей

убивать и калечить друг друга. Его поразило другое. Оказалось, Томас мог испытывать столь исступлённую, кровожадную ярость — и в то же время желать постельных утех. Семнадцать суток в условиях повышенной гравитации сделали своё дело: на Земле профессор чувствовал себя могучим богатырём, способным поднять красавицу одной левой, без усилий отнести куда угодно и сделать с роскошной добычей всё, что ему заблагорассудится.

Схолиаст швырнул невесомые тряпки ей под ноги.

— Одевайся.

Опасливо косясь на своего похитителя, Елена подобрала одежду с пола. От Скейских ворот долетели крики, аплодисменты, кто-то стучал тупыми концами копий по звонким щитам: это Приам окончил торжественную речь.

— Расскажи, что здесь творилось, пока меня не было, — буркнул учёный.

— Так вот зачем ты вернулся, Хок-эн-беа-уи-ии? — сказала красавица, укрепляя низкий лиф. — Интересуешься последними новостями?

Мужчина жестом повелел ей сесть на обломок большой плиты и сам опустился на камень, держась на расстоянии в шесть футов. Даже

вооружась кинжалом, не стоило подпускать коварную слишком близко.

— Выкладывай всё, что случилось с тех самых пор, как я исчез, — снова потребовал Томас.

— Не хочешь узнать, почему я тебя зарезала, Хок-эн-беа-уиии?

— А что непонятного? — В голосе схолиаста звучала усталость. — Я, как последний дурак, переношу твоего обманутого мужа за городские стены, а ты и не думала отправляться за ним. Если б ахейцы ворвались в Трою, в чём уже никто не сомневался, то в случае моей гибели было бы на кого свалить вину за новое предательство. Да, но Менелай бы всё равно тебя прикончил. Пусть ум у него и не острее завалящего клинка, можешь поверить: пережив такое, мужчина начинает смекать что к чему, и в следующий раз его так просто не проведёшь.

— О да, он убил бы меня, Хок-эн-беа-уиии. Дело не в этом. Я причинила тебе боль только ради того, чтобы не оставить выбора самой себе. Так, чтобы *поневоле* остаться в городе.

Бывший служитель Музы попытался напрячь мозги. Голова раскалывалась.

— Как это?

— Когда Менелай отыскал меня, я поняла, что

счастлива последовать за ним. Умереть от его руки, если придётся. Долгие годы я была илионской шлюхой, подложной женой Париса, виновницей беспрестанного кровопролития, и сердце огрубело — в любом смысле слова. Я стала грязной, чёрствой, пустой. Такой же, как все.

«Ну уж нет, Елена, — едва не вырвалось у него. — Говори что хочешь, но ты ни на кого не похожа».

— После смерти Париса, — продолжала красавица, — я вдруг осталась без супруга, без господина — впервые с тех пор, как была девчонкой. И вот эта глупая радость при виде троянского мужа — словно радость раба, который вернулся к привычным цепям и оковам. В ту ночь, когда ты нашёл нас на башне, я мечтала лишь об одном — жить в городских стенах, совсем одной, не как жена Менелая или жена Париса, просто… Еленой.

— А я-то тут при чём? — поднял бровь Хокенберри. — Сказала бы прямо, что хочешь остаться, когда с моей помощью сплавила ахейца к брату в лагерь. Я бы куда угодно тебя перенёс, только попроси.

— Вот поэтому и пришлось тебя убить, — глухо ответила женщина.

Хокенберри лишь нахмурился в ответ.

— В тот день я решила не связывать свою судьбу ни с кем из мужчин, только с городом… с Илионом, — произнесла Елена. — А не надеяться, что твои волшебные чары спасут меня даже тогда, когда державные Атриды разрушат Скейские ворота и подожгут священную Трою.

Целую минуту схолиаст размышлял над её словами. Смысла он так и не нашёл — и зная, что не найдёт никогда, отбросил всякие попытки.

— Что здесь произошло за последние недели? — уже в третий раз осведомился он.

— После того, как я сочла тебя мёртвым и бросила в этой башне, — начала красавица, — для города настали тёмные дни. Агамемнону почти удалось взять Илион. Гектор горько скорбел у себя в чертогах ещё до того, как амазонки отправились навстречу погибели. Дыра в небесах закрылась, и видимо, навсегда, вот благородный Приамид и замкнулся в четырёх стенах наедине с горем, отвергнув даже любимую Андромаху. Она уже собиралась рассказать ему, что Астианакс не убит, но так и не придумала, как это сделать, не поплатившись жизнью за обман. Многие из достойных сынов Трои пали от рук аргивян и союзных им богов, и если бы не покровительство

сребролукого Аполлона, который осыпал неприятельские полчища градом непогрешимых стрел, Илион был бы взят и разрушен в те мрачные дни, пока шлемоблещущий Гектор не ввязался в сражение.

Дошло до того, что данайцы с Диомедом во главе пробили брешь в городской стене у смоковницы. Ещё до нашей злополучной войны с богами за десять лет осады враги уже трижды подступали туда, посягая взойти на твердыню в уязвимом месте, которое, верно, открыл им какой-нибудь искусный волхвователь; всех отбивали Гектор, Парис и другие славные герои: сперва Большого и Малого Аяксов, потом сынов Атрея, а после и самого Тидида. Однако на сей раз, через четыре дня после того, как я покушалась убить тебя и бросить на растерзание птицам, надменный Диомед явился к дикой смоковнице не один, а со всеми своими аргосцами. В ту самую минуту, когда на западе ратники Агамемнона воздвигали осадные лестницы, а Скейские ворота трещали под ударами таранов величиной с вековые деревья, отпрыск Тидея тайком, но с огромными силами атаковал нижайший участок стены, и на закате четвёртого дня аргивяне ворвались в город.

Только беспримерная храбрость Деифоба — это

брат благородного Гектора, волей царя и своего отца Приама предназначенный мне в очередные супруги, — так вот когда бы не отвага Деифоба, Трое пришёл бы бесславный конец. Пока другие сокрушались духом из-за лестниц и стенобитных орудий Агамемнона, сей доблестный муж заметил подлинную опасность, собрал уцелевший остаток своего батальона, несколько сотен бежавших бойцов Энея, позвал на подмогу Гелена, полководца, именуемого Азием Гиртакидом, и бесстрашного ветерана Астеропея и лично возглавил ответное наступление, превратив близлежащую рыночную площадь в линию второго фронта. В ужасной схватке с одолевающим нас Диомедом он сражался как бог, ухитрившись отбить даже грозную пику, брошенную в него Афиной, — ибо бессмертные воевали с такою же, если не с большей свирепостью, что и кратковечные.

К рассвету нового дня в стене у дикой смоковницы зияла огромная брешь, дюжины улиц оказались либо сожжены, либо заняты озверевшими врагами, полчища Агамемнона по-прежнему покушались взять приступом наши северные и восточные стены, расщеплённые Скейские ворота едва держались на тяжёлых железных петлях.

Тогда-то шлемоблещущий герой и объявил Приаму и отчаявшейся родне, что вступает в битву.

— И что же, вступил?

— А как же! — рассмеялась Елена. — Мир ещё не видел столь великой и славной *aristeia*. Разгневанный Гектор, которого Аполлон с Афродитой хранили от молний Афины и Геры, вызвал Тидида на честный поединок и пронзил своего противника лучшим копьём. Аргосцы в трепете обратились в бегство. Уже на закате город был снова цел, и каменщики не покладая рук надстраивали стену возле старой смоковницы, так чтобы не уступала укреплениям у Скейских ворот.

— Диомед погиб? — потрясённо вымолвил Хокенберри.

Десять лет наблюдений за ходом троянской осады уверили схолиаста, что сын Тидея неуязвим, как Ахилл или небожитель. В гомеровской «Илиаде» подвиги Диомеда и его знаменитый поединок занимают пятую песнь целиком и начало шестой, уступая величиной и яростью лишь деяниям быстроногого Пелида, увековеченным в песнях с двадцатой по двадцать вторую, — легендарному гневу Ахилла, которому никогда уже не сбыться на этой Земле после того, как некий учёный решил вмешаться в историю.

— Диомед погиб, — ошеломлённо повторил схолиаст.

— Да, и Аякс тоже, — обронила Елена. — Поутру наш пламенный защитник вторично вызвал Теламонида на бой: если помнишь, они уже сходились для славной *aristeia*, однако расстались друзьями, как ни пылали оба сразиться. На сей раз вышло иначе. Гектор с размаху грянул мечом по светозарному щиту соперника, так что медь загудела под мощным ударом. «Пощады! — взревел Большой Аякс. — Помилуй меня, сын Приама!» Но Гектор не сжалился: тем же клинком поразил ему грудь и хребет, исторгнув душу героя прежде, чем солнце поднялось над окоёмом хотя бы на ладонь. Громко зарыдали крепкодушные саламинские воины, в знак скорби разрывая на себе пышные одежды, и тут же в смятении подались назад — лишь для того, чтобы врезаться в рати Атридов, хлынувшие на Лесистый Утёс. Знаешь, тот высокий кряж на западе, который бессмертные нарекли могилой быстрой амазонки Мирины?

— Знаю, — кивнул Хокенберри.

— Вот там отходящие войска покойного Аякса и столкнулись с бегущими в атаку копьеборцами Агамемнона и Менелая. Что тут началось! Полная неразбериха.

И в эту-то неразбериху вихрем ворвался Гектор. Деифоб не отставал от него ни на шаг, следом вели своих фракийцев Акамас и старенький Пирос, а там подоспели Месфл с Антифовым сыном, воеводы громогласных меонийских мужей… Словом, все троянские и союзные нам герои, ещё два дня назад не чаявшие остаться в живых, приняли участие в битве. Тем памятным утром я взошла на городскую стену вместе с прочими знатными дамами, юношами, детьми и дряхлым Приамом, которого нынче таскают на паланкине, сделанном из бывшего престола. И целых три часа ни один из нас, как ни всматривался в даль, не видел ни зги на поле брани, такую пыльную бурю подняли разом тысячи ратников и сотни конных колесниц. Поверишь ли, Хок-эн-беа-уиии, порой тучи стрел затмевали солнце.

Но вот прах улёгся на землю, и как только бессмертные удалились на свой Олимп, устав от сечи, Менелай отправился вслед за Аяксом и Диомедом в обитель Аида и…

— Менелай тоже умер? Твой муж погиб? — Учёный был потрясён до глубины души.

Перечисленные усопшие десять лет сражались друг с другом, потом ещё десять месяцев с богами — и всё им было нипочём.

— А я что говорю? — рассердилась красавица. — Нет, это не дело рук благородного Гектора. Ахеец пал от пернатой стрелы, пустил же её не кто-нибудь, а юный Пальм — внук Ликаона и наследник убитого Пандара, которого Феб одарил сокрушительным луком. Год назад из этого освящённого небожителем лука отец меткого юноши уже пытался прикончить Атрида, однако незримая для смертных Афина направила острое жало ахейцу в бедро. В этот раз богини рядом не оказалось, и Менелай получил стрелу сквозь дыру в забрале; бурная медь просадила череп, пронзила мозг и вырвалась из шелома с противной стороны.

— Юный Пальм? — растерялся Хокенберри, осознавая, что повторяет имена, как полный идиот. — Ему же нет и двенадцати…

— Одиннадцати, — с улыбкой уточнила Елена. — Но мальчик воспользовался луком отца, Пандара, павшего годом ранее от руки Диомеда. И вот одна-единственная стрела избавила моего супруга от всех сомнений и мигом уладила наши семейные дрязги. Кстати, если тебе интересно взглянуть, его окровавленные доспехи висят в моих чертогах во дворце. Мальчику Пальму достался узорный щит.

— Господи, — произнёс учёный. — Диомед,

Большой Аякс, Менелай — и всё за какие-то сутки. Неудивительно, что аргивян оттеснили назад, к их чёрным судам.

— О нет, — возразила красавица. — Удача ещё могла отвернуться от нас, когда наконец появился Зевс.

— Зевс! — воскликнул схолиаст.

— Да, он, — подтвердила женщина. — Бессмертных покровителей аргивян так прогневала погибель чемпионов-любимчиков, что одни лишь Афина с Герой поразили огнистыми молниями тысячи доблестных сынов Илиона. Колебатель земли Посейдон возвысил свирепый голос, потряс долину и сокрушил два десятка крепкоустроенных зданий Трои. Лучники падали со стен, точно сухие листья. Даже Приама сбросило с трона, вернее, с носилок.

Всё, чего мы достигли за день, в одну минуту было утрачено. Гектор хотя и с боем, но отступил, унося Деифоба, которого ранили в ногу; троянцы пробились обратно к Лесному Утёсу, а оттуда — к Скейским воротам.

Мы, женщины, чуть не скатились тогда со стены, чтобы помочь задвинуть огромный тугой запор на расщеплённых створках: настолько жестокая завязалась битва. Наравне с отступа-

ющими героями в город целыми дюжинами вторглись дышащие злобой аргивяне. И вновь содрогнулась земля от зычного голоса Посейдона, и люди попадали на колени. Афина и Аполлон сражались под небесами, носясь на пылающих колесницах, причём светлоокая дщерь Громовержца уже готовилась одержать победу, а златотронная Гера поливала наши стены дождём силовых разрядов.

И вот на востоке явился Зевс. В очах кратковечных он выглядел ужасней и выше, чем когда-либо…

— Ужаснее, чем тогда, в облаке атомного гриба? — поинтересовался Хокенберри.

Елена усмехнулась.

— *Гораздо* ужаснее, мой дорогой Хок-эн-беа-уиии. Повелитель Молний смотрелся настоящим колоссом. Ноги его вздымались над заснеженным пиком Иды, что на востоке, широкая грудь разрезала пелену лёгких туч, а страшное чело вознеслось выше, чем в летний денёк маковки самых огромных кучевых облаков, поставленных друг на друга.

— Ничего себе, — выдохнул учёный, напрягая всё своё воображение.

Как-то раз он поцапался с Громовержцем — ну,

может, и не совсем поцапался, а попросту улизнул от него, когда в самом начале богоборческой войны на Олимпе случилось землетрясение: падая, проскользнул между стопами Повелителя Громов и подхватил обронённый квит-медальон, чтобы телепортироваться куда подальше. Отец Всех Бессмертных не превышал тогда обычных пятнадцати футов, но и этого более чем хватало, чтобы внушить смертному трепет. Теперь схолиаст попытался представить себе десятимильного колосса. И наконец махнул рукой:

— Ладно, продолжай.

— Так вот при виде столь грозного великана все ратники застыли будто каменные — подняв мечи, замахнувшись копьями, вскинув щиты. Даже божественные колесницы замерли в небе, только представь: Афина и Аполлон остолбенели, как и тысячи кратковечных далеко под их ногами… А Зевс прогрохотал… Прости, Хок-эн-беа-уиии, я вряд ли смогу изобразить его голос: это звучало как если бы все небесные грозы, землетрясения и вулканы грянули разом… Короче говоря, он воскликнул: «ДЕРЗКАЯ ГЕРА! СНОВА ТЫ СТРОИШЬ ЗЛОТВОРНЫЕ КОЗНИ! Я И ТЕПЕРЬ ПОЧИВАЛ БЫ, НЕ ПОЯВИСЬ ТВОЙ УВЕЧНЫЙ СЫНОК И ЖАЛКИЙ СМЕРТНЫЙ, ЧТОБЫ РАЗРУШИТЬ

ОБМАННЫЙ СОН! КАК ПОСМЕЛА ТЫ ОБОЛЬСТИТЬ МЕНЯ ПЫЛКИМИ ОБЪЯТИЯМИ, ОСЛЕПИТЬ УМ ЖЕЛАНИЕМ, ЛИШЬ БЫ НАСТОЯТЬ НА СВОЁМ И НАКОНЕЦ-ТО РАЗРУШИТЬ СВЯЩЕННУЮ ТРОЮ ВОПРЕКИ ПОВЕЛЕНИЮ СВОЕГО ВЛАДЫКИ?!»

— Увечный сынок и смертный? — эхом повторил Хокенберри.

Первый — это наверняка покровитель огня Гефест. А кто же составил ему компанию?

— Да, так он и прорычал, — кивнула Елена, потирая бледную шею. Похоже, подражание раскатистому басу Громовержца утомило её голосовые связки.

— Ну а потом? — потребовал схолиаст.

— А потом, не успел кто-либо из олимпийцев пошевелить и пальцем, не успела Гера промолвить хоть слово в своё оправдание, как Тучегонитель поразил непокорную метким ударом сверкающей молнии. Думаю, он её прикончил, хотя небожители и вечны.

— Просто они умеют восстанавливаться после смерти, — пробормотал мужчина, вспомнив о вместительных баках и синих клубках из червей в просторном белом здании на Олимпе, где обитал гигантский насекомовидный Целитель.

— Тоже мне откровение! — раздражённо фырк-

нула красавица. — Не перед нашими ли глазами за минувшие десять месяцев шлемоблещущий Гектор полудюжину раз убивал Ареса? А через несколько дней опять выходил с ним на бой? Поверь, тут иной случай.

— Как это?

— Молния Зевса и впрямь уничтожила Геру. Обломки небесной колесницы разлетелись на мили вокруг, крыши домов в Илионе забрызгало кипящим золотом и сталью, а что до самой богини, обугленные кусочки её нежно-розовой плоти разбросало по всей дороге от океана до Приамова дворца. Ни у кого из нас недостало храбрости прикоснуться к этим мясным ошмёткам, и те много дней дымились и шипели, как на углях.

— Иисусе, — прошептал Хокенберри.

— После этого грозный Кронид поразил Посейдона: разверз лоно земли под быстрыми стопами удирающего морского божества, и бедолага полетел прямо в зияющую бездну. Эхо его ужасных воплей часами отдавалось в наших ушах, доколе все кратковечные — равно ахейцы и жители Трои — не зарыдали от нестерпимого рёва.

— И что, Эгиох ничего больше не сказал?

— Отчего же. Он воскликнул: «Я — ЗЕВС ТУЧЕГОНИТЕЛЬ,

СЫН ВЕЛИКОГО КРОНА, ОТЕЦ БОГОВ И ЛЮДЕЙ, И Я ВЛАДЕЛ ПРОСТРАНСТВОМ ВЕРОЯТНОСТЕЙ ЕЩЁ ДО ТОГО, КАК ВЫ ПЕРЕМЕНИЛИ СВОИ ЖАЛКИЕ ОБЛИЧЬЯ ПОСТЛЮДЕЙ! Я БЫЛ ХОЗЯИНОМ И ХРАНИТЕЛЕМ СЕТЕБОСА, КОГДА ВЫ ЕЩЁ НЕ СМЕЛИ МЕЧТАТЬ О БЕССМЕРТИИ! А ТЫ, ПОСЕЙДОН, КОЛЕБАТЕЛЬ ЗЕМЛИ, ПРЕДАТЕЛЬ, ДУМАЕШЬ, Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ВЫ С МОЕЙ ВОЛООКОЙ ЦАРИЦЕЙ ЗАМЫШЛЯЛИ ПРОТИВ МЕНЯ КОЗНИ? ИЗГОНЯЮ ТЕБЯ В СУМРАЧНЫЙ ТАРТАР, СТОЛЬ ЖЕ ДАЛЁКИЙ ОТ АДА, КАК СВЕТЛОЕ НЕБО ОТ ДОЛА! В ПРОПАСТЬ ГЛУБОКУЮ, ГДЕ ПОД ЗЕМЛЁЙ ГЛУБОЧАЙШАЯ БЕЗДНА, ТУДА, ГДЕ ЯПЕТ И КРОН ЗАТОЧЁННЫЙ, СИДЯ, НИ ВЕТРОМ, НИ СВЕТОМ ВЫСОКОХОДЯЩЕГО СОЛНЦА ВВЕК НАСЛАДИТЬСЯ НЕ МОГУТ; КРУГОМ ИХ ПУЧИНА ИЗ ЧЁРНЫХ ДЫР!»

Елена остановилась, чтобы сипло прокашляться.

— Хок-эн-беа-уиии, у тебя есть что-нибудь выпить?

Он протянул ей мех, наполненный свежей водой из фонтана на площади, и подождал, пока красавица смочит горло.

— Вот как вещал державный Зевс, когда разверз под ногами Колебателя земли бездонную яму и

скинул визжащего Посейдона в Тартар. Копейщики, заглянувшие с городской стены в ту пучину, несколько дней потом не могли разговаривать, только мычали да иногда разражались воплями.

Схолиаст молчал.

— Тогда Воздымающий Тучи велел всем богам немедленно возвращаться на Олимп и принять от него жестокую кару… Прости меня, Хок-эн-беа-уиии, если позволишь, я не буду изображать его громогласный рёв… И в то же мгновение всех точно ветром сдуло: небесные колесницы, сребролукого, Афину, багровоглазого Аида, кровожадного Ареса — словом, весь наш пантеон квитировался прочь: ни дать ни взять нашкодившие дети, которых папочка послал домой ожидать розог.

— А Зевс, он тоже пропал?

— Ну нет. Кронид ещё только вошёл во вкус. Ужасным великаном он прошествовал по Илиону и семимильными шагами двинулся к побережью, похожий на первенца Андромахи, когда тот идёт по песочнице, полной рассыпанных солдатиков. Сотни троянцев и аргивян нашли погибель под его гигантскими стопами, Хок-эн-беа-уиии. Достигнув ахейского стана, Зевс протянул десницу и спалил до единого чёрные корабли, извлечён-

ные на песок. Потом он сжал пылающую руку в могучий кулак, на море выросла невероятно высокая волна и разбила о берег те вражеские суда, что стояли на якоре или прибыли охраняемым караваном от Лемноса, с вином и дарами от Язонида Эвнея, — опять же, будто сынишка Гектора, который плещется в ванне и ради забавы, по прихоти, топит свои деревянные лодочки.

— Святый Боже, — прошептал учёный.

— Вот именно, — поддакнула Елена. — И лишь после этого Повелитель Молний исчез. Раздался гром — ещё ужаснее, нежели голос, оглушивший сотни людей, и ветер бурно устремился в пустоту, оставленную великаном, сорвал шатры ахейцев и унёс их в небо на многие тысячи футов, а сильных троянских жеребцов, разрушив конюшни, перебросил через самую высокую городскую стену.

Схолиаст посмотрел на восток, туда, где троянское войско уже окружало поредевшие аргивские рати.

— Прошло полмесяца. Боги возвращались? Хоть кто-нибудь? Зевс, например?

— Нет, Хок-эн-беа-уиии. Никто из бессмертных больше не показывался.

— Да, но это было две недели назад, — произнёс

мужчина. — Почему же Гектор так долго мешкал? Ахейцы наверняка были не в силах дать отпор после смерти Большого Аякса, Диомеда и Менелая.

— И не только они, мы тоже. Многие из наших несколько дней не могли слышать. Как я упоминала, воины со стены и те, кто оказался слишком близко к разверстой бездне Тартара, на целую неделю превратились в слюноточивых дурачков. Перемирие заключили, не сговариваясь. Горожане собрали своих мертвецов — а их после кровопролитных боёв с данайцами осталось великое множество — и погребли героев по древнему обычаю. Впрочем, костры полыхали не только в Илионе, но и по всему побережью, где перепуганные аргивяне пытались восстановить боевой стан. Однако настала вторая неделя, и Агамемнон велел своим людям валить деревья у подошвы лесистой Иды — разумеется, для строительства новых кораблей. Тогда-то Гектор повёл троянцев в наступление. Долго и трудно шла битва. Прижатые к морю аргивяне дрались, точно загнанные в угол крысы. Зато нынче, как видишь, считанные тысячи уцелевших окружены у самой кромки воды. Приамов сын готовится нанести последний удар. Троянская осада близится к завершению, город останется невредим,

Гектор стяжает славу героя среди героев, Елена обретёт свободу.

Какое-то время мужчина и женщина молча сидели на каменных плитах, устремив глаза на запад, где сверкали на солнце латы и копья и где трубили боевые рога.

В конце концов красавица не выдержала:

— И как ты теперь со мной поступишь, Хок-эн-беа-уиии?

Учёный моргнул, посмотрел на зажатый в руке клинок и спрятал его за пояс.

— Можешь идти.

Елена взглянула ему в лицо, однако не тронулась с места.

— Уходи! — сорвался мужчина.

Дочь Зевса удалилась неторопливой походкой, шелестя подошвами сандалий по ступеням витой лестницы. Тот же самый звук Хокенберри слышал двумя с половиной неделями ранее, когда лежал на камнях, истекая кровью.

«Куда же теперь?»

Всю свою вторую жизнь учёный прислуживал Музе, и тут его по привычке потянуло доложить ей, а через неё и всем богам, об отклонениях от «Илиады». Мысль вызвала невольную улыбку. Интересно, сколько богов уцелело в той, иной

вселенной, на марсианском вулкане? На всех ли обрушился гнев Зевса? Громовержец мог устроить настоящий геноцид… точнее, деицид. Но этого профессору филологии уже не узнать. Ему просто не хватит духу ещё раз телепортироваться на Олимп.

Хокенберри потрогал квит-медальон, висящий на груди под одеждой. Вернуться на судно? Мужчине очень хотелось увидеть Землю — *свою* Землю, пусть даже опередившую схолиаста на три тысячелетия с лишним, — хотелось оказаться в компании моравеков и Одиссея, когда «Королева Мэб» достигнет цели. А что ему оставалось делать в мире Илиона?

Учёный достал медальон и погладил литое золото.

Нет, рано. Может, он и не служит Музе (боги, должно быть, и думать забыли о взбунтовавшемся смертном), зато по-прежнему остался *схолиастом*. Воспоминания нахлынули неудержимым потоком, заполняя пробелы: десятки лет преподавания «Илиады», любимые пыльные аудитории, бесконечная вереница разнообразных юных лиц: бледных, прыщавых, пышущих здоровьем, загорелых, задорных, безучастных, увлечённых, унылых. Разве же он позволит себе

пропустить завершающую главу в этой новой, до нелепого переработанной версии?

И доктор Томас Хокенберри, повернув золотой кругляш, телепортировался в самое сердце осаждённого, обречённого стана ахейцев.

40

Позже Даэман и сам не помнил, в какую же минуту он решился выкрасть одно из яиц. Вряд ли в то время, пока спускался по верёвке на дно ледяного купола, ведь тогда приходилось думать о том, как бы не соскользнуть, а главное — не попасться кому-нибудь на глаза.

Пока бежал по горячему, изрезанному трещинами полу? Но бешеные удары сердца заглушали любые мысли, кроме одной: желания достичь кратера, в котором лежали яйца. Дважды, завидев за ближними струями дыма деловито пробегающих калибано, мужчина падал навзничь и пережидал. Всего лишь минуту спустя его рубашка на животе и брюки обуглились бы, а жаркое дно купола непременно сожгло бы искателю приключений ладони, если бы не спасительная термокожа под обычной одеждой. Припустив со всех ног, сын Марины достиг заветной чаши,

немного отдышался и проворно вскарабкался по двенадцатифутовой стенке — к счастью, неровный голубой лёд позволял держаться и без помощи саморезов.

Шипящий кратер внутри большого кратера, один из дюжины в этом соборе, был до краёв наполнен человеческими черепами. Многие раскалились докрасна, и между ними змеились зловонные струйки серных испарений. С другой стороны, смрадная пелена прикрыла кузена Ады, когда он прыгнул на гору из черепов, чтобы лучше рассмотреть яйца Сетебоса.

Овальные, серовато-белёсые, длиной около трёх футов, они словно пульсировали живой энергией изнутри. Двадцать семь штук насчитал Даэман только в этом одном гнезде. Кроме ряда из мёртвых голов, кладку окружала некая липкая синевато-сизая слизь. Стараясь не поднять головы над краем кратера, мужчина подобрался так близко, насколько смог.

Тонкие полупрозрачные скорлупки струили слабое тепло. Некоторые мерцали ярким блеском, прочие едва отсвечивали в середине белыми язычками пламени. Сын Марины опасливо протянул руку. Голова закружилась от необъяснимого чувства, как если бы странная нестабильность

просочилась через скорлупу и термокожу прямо в его плоть. Даэман поднял одно из яиц, прикинул вес.

Двадцать фунтов или около того.

«Что дальше?»

А дальше предстояло бегом отступать, спешно подниматься по верёвке, выбираться наружу из ледяного лабиринта, искать дорогу к авеню Домансиль и возвращаться к факс-узлу Охраняемого Льва. В Ардисе ждут новостей, и это срочно.

«Кстати, раз уж я, рискуя собственной шкурой, проделал такой путь, почему бы не захватить безделицу на память?»

Мужчина вытряхнул из рюкзака всё, кроме арбалетных боеприпасов. Места вроде бы хватало. Правда, поначалу яйцо ни в какую не лезло; Даэман бережно, но настойчиво протиснул его широким концом в отверстие, стрелы же напихал по бокам. «А если разобьётся?» Тогда в рюкзаке будет мерзкая каша. Зато бывший любитель бабочек узнает, что там внутри.

«Да, но я не хочу расколотить эту штуку в такой близи от Сетебоса и калибано. Отнесу её в Ардис, тогда и займёмся изучением».

Аминь, подумал Даэман. Дышать становилось всё труднее. И хотя путешественник не снимал

респиратора, ему сделалось дурно от серных испарений и нестерпимой жары. Окажись мужчина под куполом без термокожи и маски, давно бы уже лишился сознания. Воздух был буквально пропитан ядом. «Как же здесь дышат эти твари?»

К дьяволу тварей, не до них теперь. Подождав, пока дым и пар не заслонили его плотным маревом, кузен Ады скользнул вниз по стене кратера. Чуждая ноша тяжело перекатывалась в рюкзаке, отчего мужчина едва не упал.

«Спокойно, спокойно».

— Речет: «Будет пусть освящено всё, что гнусно для Него, но тебя пускай восславит и день величья твоего!» А мыслит: «Всё, что ненавистно мне, да освятится вполне, да прославит Его имя и еду, которой уже нет!»

Полунапев-полузаклинание Калибана звучали на дне оглушительным шёпотом. Видимо, купол не только усиливал, но и направлял голос чудовища… Или же оно пряталось где-то рядом.

Низко пригибаясь на бегу и припадая на колено всякий раз, когда за извивающимися струями пара чудилось какое-то движение, Даэман одолел сотню ярдов, и вот уже перед ним закачался конец верёвки, закреплённой на ледяном балконе.

«О чём я только думал? Да здесь добрых во-

семьдесят футов! Мне ни за что не взобраться на такую высоту — тем более с тяжёлой ношей за плечами».

Мужчина огляделся в поисках другого туннеля. Ближайший вход располагался по правую руку, на расстоянии трёх-четырёх сотен футов — только его уже заполнила толстая рука Сетебоса.

«Теперь его ладонь ползёт по синему коридору, выслеживает меня… И не одна».

Такие же непристойно плотские на вид щупальца, гадко поблёскивая серой слизью, ныряли в другие туннели, местами взбираясь на сотни футов по изгибающейся стене, свешиваясь книзу подобно выпущенным кишкам и неприятно сокращаясь, когда ладонь вытягивала за собою новый отрезок мясистого стебля.

«Мать его, сколько же у этого мозга конечностей?»

— Поверили, что вместе с жизнью разом все ваши боли оборвутся? Не-ет! Врагов терзает Он, покуда чрево ленивое друзьями набивает. В этой жизни мы страданье пьём с лихвой, мечтая облегченье обрести, когда скончаемся от мук, но впереди ждёт худшее!

Оставалось лезть наверх — или навек проститься с солнечным светом. За десять месяцев занятий

Даэман сбросил около пятидесяти фунтов жира и неплохо натренировал мышцы, однако сейчас он искренне пожалел, что не *каждый* день выкладывался до изнеможения на устроенной Одиссеем лесной полосе препятствий… А в перерывах надо было поднимать солидные тяжести.

— Да гори оно всё… — прошептал кузен Ады.

После чего подпрыгнул, ухватился за верёвку, сжал её ногами, вытянул над головой левую руку, обтянутую защитной термокожей, и начал подтягиваться, по возможности не давая себе отдыхать.

И всё-таки он полз очень медленно. Страшно медленно. Но самым ужасным было даже не это. Проделав третью часть пути, Даэман понял, что не справится. Однако если он спрыгнет, яйцо разобьётся. Его содержимое вывалится наружу. А Сетебос или Калибан тут же об этом прознают.

Неведомо почему сын Марины вдруг захихикал, так что глаза наполнились слезами, затуманив стёкла респиратора. Мужчина слышал каждый свой хриплый вздох. И даже чувствовал, как слипается термокожа, стараясь охладить его тело. «Ну давай же, Даэман, ты уже на середине дороги. Ещё несколько футов — и остановишься».

Но через десять футов он решил продолжать. И

через тридцать футов тоже. Бывший собиратель бабочек подозревал: стоит ему намотать бечеву на запястья, чтобы просто повисеть, — и он уже не тронется с места.

Один раз верёвка скользнула по крепёжному костылю, и сердце подпрыгнуло к самому горлу. Большая половина пути была уже позади; свалиться вниз означало сломать себе ногу или руку и корчиться на шипящем, дымящемся дне кратера в ожидании смерти.

Но костыль выдержал. С минуту Даэман висел без движения, на виду у всех калибано. Должно быть, эти твари дюжинами толпились внизу и хищно тянули к нему чешуйчатые лапы. Мужчина не стал опускать глаза.

«Ещё чуть-чуть». Выбросить натруженную, трясущуюся руку над головой, обернуть бечеву вокруг запястья, подтянуться, ища ногами опору. И снова. И снова. Никаких передышек. И ещё.

В конце концов он понял, что больше не сможет. Последние силы сгорели дотла. Путешественник обмяк, дрожа всем телом, ощущая, как арбалет и яйцо за спиной нарушают его равновесие, тянут на дно. В любую секунду кузен Ады мог упасть. Часто моргая, он высвободил правую руку, протёр очки.

Оказалось, Даэман висел под самым балконом, в каком-то футе от ледяного навеса.

Последним невероятным рывком мужчина подбросил тело кверху, перемахнул через край и распластался на животе.

«Только бы не стошнило… Только бы не стошнило!» Что лучше — подавиться собственной рвотой или сорвать респиратор и потерять сознание от ядовитых паров? Умри Даэман сейчас и здесь — и никто даже не узнает, что ему удалось вскарабкаться по восьмидесяти… даже нет, девяностофутовой верёвке — это ему-то, пухлому сынишке Марины, который был не способен отжаться от пола.

Прошло время, мужчина полностью опомнился и заставил себя пошевелиться. Первым делом он удостоверился, что арбалет заряжен и снят с предохранителя. Проверил яйцо: оно ярче и чаще пульсировало белыми вспышками, но всё-таки уцелело. Закрепил на поясе ледорубы и смотал верёвку. Странно, до чего тяжёлой она вдруг показалась.

А потом Даэман заблудился в туннелях. Когда он впервые полез в холодную синюю нору, на улице ещё только смеркалось, и прощальные отблески дня пробивались кое-где сквозь лёд,

однако теперь воцарилась кромешная темнота, лишь янтарные электрические разряды пробегали по всей поверхности голубого вещества, которое мужчина уже с уверенностью считал органическим, некой таинственной частью самого Сетебоса.

По дороге сюда сын Марины крепил у каждой развилки ярко-жёлтую метку. Одну из них он, видимо, пропустил, так как вдруг угодил в незнакомые коридоры. Вместо того чтобы повернуть обратно — в тоннеле негде было развернуться, а пятиться, словно рак, Даэман попросту не рискнул бы, — он выбрал нору, которая, казалось, вела наверх, и продолжал ползти.

Два раза — наткнувшись на тупик и крутую отвесную шахту — мужчине всё же пришлось возвращаться. Наконец туннель понемногу пошёл кверху, расширился, и кузен Ады, к бесконечному своему облегчению, уже во весь рост зашагал по плавному ледяному склону с арбалетом наперевес.

Внезапно Даэман оцепенел, пытаясь затаить испуганное дыхание.

Менее чем в десяти футах перед ним темнела развилка, в тридцати футах за спиной осталась другая, и вот из одной, а может, сразу из обеих

послышался скрежет и поскрипывание.

«Калибано». Мужчине почудилось, будто бы холод ледяного коридора всё-таки проник под его термокожу. Но тут путешественника пробил ещё больший озноб. «…Или рука Сетебоса».

Это была рука. Ладонь толщиною с тело Даэмана и намного длиннее его ползла вперёд, подтягиваясь на острых десятидюймовых когтях, выскальзывающих из серой плоти подобно стальным кинжалам, и чёрных волокнах, которые накрепко впивались в лёд. Мерзкая конечность вынырнула из коридора, куда мужчина ещё не входил, и замерла. Края ротового отверстия посередине ладони то раздувались, то вновь опадали.

«Меня ищет, — окончательно задохнулся сын Марины. — Тепло, наверное, почуяла».

Его так и подмывало вскинуть арбалет, но… Главное — не делать никаких движений. Теперь всё зависело от истрёпанного термокостюма: если тот излучает хотя бы крохотную толику тепла, рука настигнет жертву за тысячную долю секунды. Даэман пригнулся к полу — не от страха, просто хотел как-то скрыть испарения, которые могли просочиться сквозь респиратор.

Послышался жуткий скрежет. Мужчина вски-

нул голову: рука углубилась в правый туннель. Теперь извивающийся мясистый стебель заполнил собой почти всю развилку.

«Провалиться мне на месте, если поверну назад», — решил собиратель бабочек и двинулся вперёд как можно тише.

Примерно сто ярдов склизкой плоти проползли мимо и, по всей видимости, щупальце не собиралось останавливаться. Даэман уже не мог выносить мерзкий скрип когтей по шершавому льду.

«Что, если она опишет круг и вернётся сюда, за мной?»

— Внимайте! О, белый всполох — дерево трещит, — и вот, вот, вот, вот, вот, Он мечет гром! Глупец поддастся! Ниц, говорю! Падём пред ним, возлюбим Сетебоса!

Дальнее расстояние и стены коридоров слегка заглушали Калибаний шёпот, ползущий со всех сторон.

До щупальца оставалось несколько дюймов. Мужчина прикинул, какие у него возможности.

Между верхней точкой бесконечного скользящего стебля и потолком шестифутовой норы оставался зазор — около трёх футов. С другой стороны, не зря же Даэман проделал весь этот

путь; туннель постепенно расширялся и вёл на поверхность. К тому же путешественник уже ощущал сквозь термокостюм дуновение свежего воздуха. Вполне вероятно, до выхода на свободу оставались какие-то сотни футов.

«Как же незаметно перебраться через руку?»

Использовать ледорубы? Пустая затея. Ему не проползти шесть футов по потолку, вися вниз головой, точно муха. Поворачивать обратно? Вспомнив о долгих часах (так ему показалось), проведённых в сумрачном лабиринте, сын Марины отбросил и эту мысль.

«А может, она скоро кончится?» Надо же, какая чушь лезет в усталую голову! Ведь на другом конце щупальца — сам Сетебос, похожий на каракатицу мозг, оставшийся далеко позади в сердце кратера.

«Похоже, он вознамерился пропихнуть свои когтистые лапы в каждую нору. Не меня ли выслеживает?!»

Мужчина отстранённо отметил про себя, что чистый панический ужас на вкус отдаёт кровью. Потом до него дошло: щека прокушена от волнения, рот и в самом деле полон солоноватой жидкости. Однако ещё не наступило время снимать респиратор, и вместо того, чтобы сплюнуть,

Даэман сделал судорожный глоток.

«Ну и хрен с ним».

Удостоверившись, что самострел поставлен на предохранитель, путешественник перебросил увесистое оружие через скользящую массу мерцающей серой плоти. Арбалет пролетел в нескольких дюймах над мясистым стеблем и со стуком упал на пол туннеля по ту сторону щупальца.

А вот с рюкзаком и яйцом пришлось повозиться.

«Я его точно разобью. Всмятку. Мутная искрящаяся жижа (сейчас оно горит ярче, наверняка ярче) выльется наружу, и тут же появится рука, сначала помельче и порозовее, она разинет рот и примется визжать, визжать, толстая и серая вернётся на крик или же вынырнет позади, схватит меня…»

— Чтоб тебя разорвало! — вслух выругался мужчина.

Плевать на шум. Даэман возненавидел себя за малодушие, ибо чьи это были мысли, как не презренного жалкого труса? Пухлый маменькин сынок, способный разве что соблазнять девиц и заниматься ловлей бабочек!

Осторожно сняв со спины свою ношу, кузен

Ады как можно лучше упаковал яйцо и подкинул его над гигантским червём, целясь немного вбок. Судя по звуку, скорлупа не треснула. Рюкзак плавно скользнул по стене на пол.

«Теперь моя очередь».

Без лишних вещей мужчина чувствовал себя намного легче. Он отступил на тридцать шагов по почти горизонтальному коридору и стремительно взял разбег, не давая себе времени на раздумья.

По дороге Даэман поскользнулся, однако удержался на ногах, набрал приличную скорость для прыжка, выбросил руки перед собой, оторвался от пола и взлетел, так что ледяной потолок царапнул верхушку термокапюшона, хотя и недостаточно высоко, ведь носки ботинок задели склизкое щупальце. «Лишь бы не упасть на рюкзак!» И вот он приземлился на руки, рухнул на синий лёд, едва не лишившись дыхания от удара, перекатился через арбалет и вскочил на ноги. К счастью, оружие стояло на предохранителе и не могло случайно выстрелить.

Бесконечная рука вдруг замерла.

Даже не успев отдышаться, мужчина подхватил рюкзак с арбалетом и кинулся вверх по плавно вздымающемуся коридору навстречу тёмному

выходу, откуда тянуло ветром.

Даэман вынырнул в холодную ночь в одном-двух кварталах к югу от Иль-де-ла-Сите. Оглядевшись при свете звёзд и электрических вспышек, то и дело пробегавших по голубому льду, он не заметил поблизости ни рук Сетебоса, ни калибано.

Путешественник сорвал респиратор и принялся жадно глотать свежий воздух.

Предстояло ещё добраться до факс-узла. С рюкзаком на плечах, арбалетом в руках и мрачным выражением на лице мужчина пошёл по трещине к бывшему Иль-Сен-Луи. Справа от него высилась ледяная стена, слева темнели норы.

«Я больше не полезу в этот лабиринт». Дрожащими от усталости руками (а ведь он ещё ничего не сделал) Даэман вытащил из-за пояса ледоруб, забил его в мерцающую синюю стену и начал карабкаться.

Спустя два часа он понял, что заблудился. Ориентируясь по свету звёзд и колец, да ещё по частичкам знакомых зданий, торчащим изо льда, и фрагментам каменной кладки в тени расселин, сын Марины полагал, что движется параллельно авеню Домансиль, но вдруг перед ним разверзлась широкая чёрная трещина, уходящая

в кромешную тьму.

Мужчина прилёг на живот у края, из последних сил удерживаясь, чтобы не расплакаться. Яйцо беспокойно заворочалось в рюкзаке, словно его содержимому не терпелось наружу. Из туннелей, которые миновал Даэман, нередко доносился скрежет когтей по льду. При свете звёзд и колец, залившем вершины ледяных башен, искатель приключений пока ещё не видел ни одной руки, но купол за его спиной сиял ярче прежнего.

«Сетебос обнаружил, что одно из его яиц пропало».

«*Его?*» Мужчина подавил усмешку: даже слабая улыбка в такую минуту могла привести к истерике.

А что это там, у кромки бездонной пропасти? Даэман подтянулся на локтях…

На костыле трепетал обрывок жёлтой ткани.

Метка, оставленная кузеном Ады у входа в лабиринт, в полутора сотнях ярдов от факс-узла.

Уже не сдерживая слёз, мужчина забил последний саморез, изогнул его, закрепил верёвку — простым узлом, не тем особым, который потом легко распустить, — и, перевесившись через край, скользнул в темноту.

То ступая неровным, качающимся шагом, то

карабкаясь, Даэман одолел сотню с чем-то ярдов. Позади осталась последняя развилка, помеченная жёлтыми клочками, затем пришлось ещё немного ползти, скользить по льду, и наконец путешественник очутился в круглом павильоне, где ноги обрели долгожданную твёрдую опору. На колонне посередине платформы слабо поблёскивала дисковая панель.

Сбоку, из темноты, на мужчину бросилась голая фигура. Даэман покатился по полу, стуча арбалетом о плитку. Тварь — не то калибано, не то сам Калибан, трудно было судить в синеватой мгле, — сомкнула длинные пальцы на человеческом горле, а жёлтые зубы защёлкали у лица.

Сын Марины побарахтался ещё немного, пытаясь избавиться от противника, но тот крепко вцепился в добычу всеми своими конечностями.

«Яйцо!» — промелькнуло в голове Даэмана. И он изворачивался как мог, лишь бы не смять рюкзак; враги метались туда-сюда, пока не врезались в подножие платформы.

На миг освободившись, мужчина кинулся к арбалету, который упал возле дальней стены. Человекообразная амфибия зарычала, схватила Даэмана и швырнула его об лёд. В голубоватой дымке глаза и клыки существа мерцали жёлтым

блеском.

Бывший собиратель бабочек уже сражался с Калибаном; нынешнему противнику, по сравнению с тем, давним, недоставало роста, силы, скорости, но и его хищные зубы, громко защёлкавшие возле щеки, внушали достаточно ужаса.

Выбросив левую руку вперёд, человек толкнул подбородок твари кверху; чешуйчатое лицо с приплюснутым носом резко взметнулось и запрокинулось назад, сверкнув кошачьими очами. Остатки адреналина хлынули в кровь, Даэман ощутил прилив новой силы и попытался сломать противнику шею.

Голова калибано скользнула в сторону, точно змеиная, и откусила мужчине два пальца на левой руке.

Сын Марины с воплем отшатнулся. Чудовище широко раскинуло верхние конечности, помедлило, чтобы проглотить пальцы, и прянуло на врага.

Даэман вскинул оружие здоровой рукой. В воздухе засвистели два стальных наконечника. Мерзкую тварь отшвырнуло к стене и пригвоздило к синему льду. Один из длинных болтов вонзился ей в плечо, другой прошёл сквозь кисть ладони, поднятой к воющему лицу. Безволосое

существо принялось извиваться и с рычанием вырвало зазубренное остриё.

Мужчина взревел ещё громче. Прыжком поднявшись, он вытащил из-за пояса нож, вонзил долгое лезвие под нижнюю челюсть, повёл его кверху, до мягкого нёба и прямо в мозг. Затем прижался к калибано всем телом, будто пылкий любовник, и принялся поворачивать клинок — снова, снова и снова… До тех пор, пока тварь не перестала непристойно содрогаться под ним.

Только тогда сын Марины откинулся на плиточный пол, бережно зажав правой рукой изувеченную кисть. Как ни странно, крови совсем не было: термокожа плотно сомкнулась вокруг обоих обрубков. А вот боль, от которой ужасно хотелось опорожнить желудок…

Впрочем, почему бы нет? Встав на колени, Даэман согнулся, и его рвало до сухих судорог.

Из одного, а может, и нескольких туннелей в противоположной стене донёсся явственный скрежет.

Мужчина поднялся, выдернул длинный нож из-под нижней челюсти убитого врага, нашёл вырванный болт, раскачал и вытащил другой — тот, что пришил обмякшее тело существа к синему льду за плечо, потом подобрал арбалет и

вступил на платформу.

Что-то стремительно выскочило из мерцающей норы за его спиной.

Даэман факсовал в Ардис-холл среди белого дня. Пошатываясь, путешественник отошёл от колонны, нашарил в рюкзаке болт, опустил его в нужный жёлоб и, придерживая громоздкий арбалет ногой, взвёл оружие. Потом нацелил его на платформу и принялся ждать.

Потянулась долгая минута.

Однако никто не явился.

Опустив самострел, мужчина нетвёрдым шагом вышел на солнечный свет.

Узел Ардиса почему-то был без охраны. В частоколе зияли дюжины проломов. Вокруг павильона лежали разбросанные как попало трупы войников. Стражники-люди пропали почти бесследно, если не считать кровавых разводов и полос, которые тянулись по лугу в сторону леса.

Всё тело и череп Даэмана содрогались от немыслимой боли в руке; прижав искалеченную кисть к своей груди, мужчина зарядил арбалет ещё одним болтом и, качаясь, вышел на дорогу. Ему оставалось одолеть чуть менее полутора миль.

Ардис-холла больше не было.

Сын Марины передвигался с опаской между деревьями, держась подальше от главной дороги. По пути он пересёк вброд узкую речушку чуть выше моста. И наконец осторожно приблизился к северо-восточному частоколу. «Главное — вовремя окликнуть дозорного, прежде чем примут за войникса и пристрелят».

Однако дозорных на стене не оказалось. Около четверти часа Даэман выжидал, спрятавшись у кромки леса, но не заметил никакого движения, разве что сороки с воронами кружили над человеческими останками. Тогда он начал заходить слева — старался подобраться к казармам и восточным воротам как можно ближе, при этом не покидая укрытия.

Частокол был сокрушён в сотне мест. Большая часть ограды вообще лежала на земле. Красивый купол с плавильным горном Ханны оказались опрокинуты и разбиты. Казармы и палатки, в которых ютились ещё недавно четыреста колонистов, — сожжены дотла. Сам же огромный особняк, повидавший более двух тысяч зим, превратился в несколько почерневших кирпичных труб, кучи поваленных закопчённых стропил и груды камней.

В воздухе тянуло гарью и смертью. Бывший

передний двор Ардис-холла усеяли тела войников, на месте парадного крыльца они валялись друг на друге, однако среди обгорелых руин и помятых панцирей глаз различал останки сотен мужчин, женщин и даже детей. Никого из них сын Марины не мог узнать, как ни всматривался. Вот, например, обугленное тело, слишком щуплое с виду, чтобы принадлежать взрослому, хотя сожжённые, покрытые пеплом руки сжаты в кулаки и выставлены вперёд, как у борца, вот рёбра и череп, мясо с которых птицы склевали чуть ли не дочиста… В чёрной траве распростёрлась невредимая на первый взгляд колонистка; Даэман кинулся к ней, перевернул на спину и только тогда увидел, что у несчастной нет лица.

Колени сами собой опустились на сырую, обагрённую кровью траву. Плач застрял глубоко в горле. Всё, что мужчина мог теперь поделать, — это запоздало отгонять от мертвецов настырных грузных ворон и прыгучих сорок.

Солнце клонилось к закату. Небосвод постепенно тускнел.

В конце концов Даэман поднялся, обвёл глазами прочие трупы, раскиданные по мёрзлой земле, точно ставшее ненужным постельное бельё: кто-то лежал в одиночку, кто-то под убитыми

войниксами, иные словно нарочно сгрудились, чтобы вместе принять погибель. Сыну покойной Марины предстояло отыскать среди них Аду. Схоронить её — и как можно больше своих товарищей, — прежде чем он попытается пробиться обратно к павильону.

«Куда же податься? В какой из общин меня примут?»

Мужчина не успел ни ответить на этот вопрос, ни даже подойти к ближайшим телам. В быстро сгущающихся сумерках он заметил на окраине восточного леса какое-то движение.

Уцелевшие после бойни жители Ардиса? Здоровая рука Даэмана взметнулась в приветственном жесте — и вдруг застыла. На солнце блеснули серые панцири.

Тридцать, шестьдесят, сотня… Войниксы надвигались на человека, шагая по траве со стороны лесной дороги.

Слишком измученный, чтобы уносить ноги, мужчина вздохнул и, шатаясь, побрёл на юго-запад, но и здесь у края чащи он заметил такое же шевеление. Сизые твари вынырнули из темноты, падая с деревьев и на четвереньках устремляясь к особняку через открытое пространство. Считанные мгновения — и они бросятся на добычу.

Кузену Ады было ясно, что бежать по дымящимся развалинам на север бесполезно: войниксы наверняка поджидают и там.

Даэман преклонил колено (яйцо в рюкзаке так ярко светилось, что на заиндевелую траву легла длинная тень) и вытащил последние болты.

Шесть. Их оставалось только шесть штук. Плюс два, что уже заряжены.

С тяжёлой мрачной ухмылкой, ощущая, как изнутри его захлёстывает зловещий восторг, сын Марины прицелился в ближайшую группу чудовищ. Ещё шестьдесят футов… Надо бы подпустить врагов… На такой скорости они сократят разрыв за несколько секунд. Большой и оставшиеся два пальца на левой руке — этого достаточно, чтобы удержать и направить оружие.

Позади что-то затрещало, захлопало. Мужчина круто развернулся, готовясь дать отпор неприятелю, и вдруг увидел соньер, вылетевший из леса. Два человека в носовых нишах палили по войниксам из винтовок. Серые твари кидались на диск, рассекающий воздух так низко над землёй, но тучи мерцающих дротиков сметали их вниз.

— Прыгай! — прокричал Греоджи, когда машина подлетела ближе и зависла возле Даэмана.

Чудовища ринулись к людям сразу со всех

сторон, подскакивая, будто серебряные кузнечики-великаны. Пассажиры — смутно знакомый мужчина по имени Боман и темноволосая дама, но не Ада, а женщина по имени Эдида, принимавшая участие в экспедиции Даэмана, — стреляли в разные стороны.

— Давай сюда! — опять завопил Греоджи.

Помотав головой, сын Марины забросил в пустую нишу сперва рюкзак с яйцом, затем арбалет и уже потом запрыгнул сам. В тот же миг соньер начал набирать высоту.

Получилось не слишком удачно. Здоровая рука крепко вцепилась во внутренний край, а вот левая несчастливо ударилась о металл; боль ослепила мужчину, и он, ослабив хватку, заскользил прямо в лапы кишащих внизу войниксов.

Боман поймал товарища за запястье и силой втащил на борт.

Даэман даже не пытался говорить во время полёта. Соньер помчался на северо-восток, сделал несколько миль над потемневшим лесом и, описав дугу, направился к голому кряжу, вознёсшемуся над обнажёнными деревьями на двести с лишним футов. Сын Марины уже обращал внимание на этот гранитный утёс, когда впервые навещал Аду с матерью в Ардис-холле. В то время

он ещё охотился на бабочек, и вот после целого дня безделья и развлечений кузина показала гостю каменную глыбу за лесом, почти отвесно взметнувшуюся над лугом и пахучими зарослями ежевики.

«Тощая Скала», — в голосе девушки звенела гордость юной собственницы.

«Откуда такое название?» — полюбопытствовал молодой человек.

Ада только плечами пожала.

«Не хочешь забраться наверх?» — предложил Даэман, надеясь, что на зелёном пике девушку будет легче соблазнить.

Юная красавица рассмеялась. «Это никому не под силу».

Теперь, при свете угасающего заката и разгорающихся колец, сын Марины своими глазами увидел, что колонисты справились с непосильной задачей. Вершина оказалась вовсе лишённой зелени — просто голая каменная площадка не больше ста футов, кое-где серые валуны, примитивные навесы, полдюжины походных костров. Тёмные фигуры жались поближе к огню. По краям гранитного монолита недвижно стояли люди — вероятно, часовые.

Поле у подножия Тощей Скалы казалось жи-

вым, на нём шевелились какие-то тени… Да и не только тени. Там копошились войниксы, беззастенчиво давя разбитые панцири собственных собратьев.

— Сколько наших уцелело? — спросил Даэман, когда Греоджи начал заходить на посадку.

— Примерно полсотни, — ответил пилот.

В отблесках виртуальной панели управления его перепачканное сажей лицо выглядело бесконечно усталым.

«Пятьдесят из четырёхсот», — хладнокровно подумал мужчина. Тело его ещё не оправилось после потери двух пальцев, а разум, по всей видимости, впал в оцепенение после увиденного в Ардисе. Было даже приятно в такую минуту ничего не чувствовать.

— Как Ада? — проговорил он, помедлив.

— Жива, — отозвался Греоджи. — Хотя последние сутки лежит без сознания. Когда особняк загорелся, она не соглашалась улетать, пока мы не отвезём всех остальных… Да и потом, думаю, отказалась бы, но горящая крыша рухнула рядом, и балка ударила упрямицу по голове. Неизвестно, как её ребёнок… выживет он или… нет.

— А Петир? Реман? — промолвил Даэман.

Он пытался прикинуть, кто же возглавит об-

щину теперь, когда Харман исчез, Ада серьёзно ранена и смерть унесла стольких колонистов.

— Погибли.

Соньер завис и пошёл на снижение во мрак, на гранитную вершину скалы. К приземлившейся машине двинулись, поднявшись от костра, несколько тёмных фигур.

Даэман удержал Греоджи за ворот рубашки.

— Почему вы ещё здесь? Чего вы ждёте, ведь войниксы близко?

Пилот легко оторвал его руку.

— Да, мы тоже думали воспользоваться факс-узлом, но эти твари набросились прежде, чем кто-то попал в павильон. Мы потеряли четверых, пока отбивались. А больше лететь некуда. Ада и ещё дюжина из наших тяжело пострадали. Перенести всех разом не получится, а по несколько человек нельзя: серые уроды доберутся до вершины и оставшихся гораздо раньше. Когда придётся отбиваться от войниксов, на счету будет каждая пара рук. Хотя возможно, у нас недостанет боеприпасов даже на эту ночь.

Сын Марины огляделся. Жалкие костры едва чадили — кучки лишайника и тонких веток, ничего больше. Самое яркое свечение на скале испускало яйцо Сетебоса, мерцающее молочным

огнём в рюкзаке.

— Неужели всё так плохо? — подумал вслух Даэман.

— Боюсь, что да, — откликнулся Греоджи, соскользнув с борта соньера и чуть покачиваясь на ногах. Похоже, его утомление давно уже миновало свой крайний предел. — Тьма кромешная, хоть глаз коли. А эти твари могут напасть со всех сторон в любую минуту.

Часть 3
41

азалось, Харман и Ариэль невероятно долго падали в беспросветную мглу.

Полёт оборвался не роковым ударом о камни у подножия Золотых Ворот Мачу-Пикчу, но мягким приземлением на пружинистую почву джунглей, покрытую вековыми слоями палой листвы и гумуса.

В первую секунду ошеломлённый мужчина никак не мог поверить в то, что остался жив, потом неуклюже встал, оттолкнул своего спутника или спутницу — аватара биосферы с лёгкостью уклонилась от грубого прикосновения — и застыл, изумлённо моргая.

Откуда взялась темнота? Только что у Золотых Ворот сиял белый день. Значит, Харман попал… куда-то ещё. Прежде всего в дремучие джунгли, да ещё и на неосвещённую сторону планеты. Вокруг стоял запах тления, соков и жирной земли. Душный, влажный воздух лип к телу, точно сырое одеяло. Рубашка мужчины мгновенно вымокла и пристала к коже. Непроглядная ночь звенела

голосами бесчисленных насекомых, шелестела в папоротниках, листьях пальм, лианах и прочих зарослях, где жили своей жизнью большие и крохотные создания. Пока глаза свыкались с мраком, а сжатые кулаки готовились повстречать лицо полупрозрачного существа, едва лишь оно окажется в пределах досягаемости, муж Ады на миг запрокинул голову: далеко-далеко, в тончайших прорезях чёрных крон, слабо мигали искорки звёзд.

Прошла минута. Внезапно перед Харманом возникла бледная бесполая фигура, похожая на призрак, парящий примерно в десяти футах над землёй.

— Отнеси меня назад! — рявкнул мужчина.

— Куда же, позволь спросить?

— К мосту. Или в Ардис. Но только *быстрее!*

— Не могу, — промолвил издевательский голос, от которого можно было запросто озвереть.

— *Сможешь*, — процедил Харман сквозь зубы. — И поспеши. Не знаю, как тебе удался этот фокус, но лучше исправься, пока не поздно.

— И какие же кары грозят мне, если не повинуюсь? — с лёгкой усмешкой спросила аватара, светясь в темноте джунглей.

— Я тебя убью, — просто сказал супруг Ады.

И тут же понял, что говорит серьёзно. Он был готов наброситься на зеленоватое привидение, удавить его, смачно плюнуть на труп… «И остаться неведомо где в одиночестве», — предупредил голос разума. Но Харман лишь отмахнулся.

— О горе! — воскликнул (или воскликнула) Ариэль, изображая испуг. — Теперь меня защиплет он до смерти!

Тогда мужчина прянул, выбросив руки перед собой. Малорослое, не выше четырёх футов, создание остановило его на лету и отшвырнуло на тридцать футов сквозь листву и путаницу лиан.

После падения Харман минуты две не мог отдышаться, потом ещё минуту поднимался на колени. Поступи с ним Ариэль вот так же в любом другом месте — скажем, у Золотых Ворот Мачу-Пикчу, где они только что были, — супруг Ады наверняка сломал бы себе спину. Наконец мужчина встал на мягкий гумус, вгляделся в обступившую тьму и ринулся, разрывая густые растения и лианы, на маленькую поляну, где ожидал его призрак.

— Смотри-ка, — радостным и невозмутимым тоном произнесла аватара. — Мы уже не одни.

Здесь, на поляне, куда просачивались звёздные лучи, Харман видел гораздо лучше — и то,

что предстало его глазам, заставило мужчину остолбенеть.

Вокруг, под сенью деревьев, в гуще папоротников он насчитал пять или шесть десятков довольно странных двуногих созданий, не схожих ни с людьми, ни с войниксами, ни с калибано. За все девяносто девять лет и девять месяцев жизни мужу Ады не доводилось встречать ничего подобного. Невысокие и с прозрачной кожей, как Ариэль, с органами, плавающими в малахитовой жидкости, твари напоминали очень грубые рисунки с человека. Но если у воплощённой биосферы были губы, щёки, нос и глаза молодого мужчины или женщины, да и черты парящего в звёздном сиянии тела наводили на соответствующие мысли, то эти мелкие зелёные существа не имели даже ртов, а вместо нормальных глаз на Хармана пристально, не мигая смотрели чёрные точки вроде крохотных угольков. Кроме того, странными были и трёхпалые конечности, и бескостные с виду формы…

— Полагаю, ты ещё не знаком с моими верными служителями, — негромко произнёс, а может, произнесла Ариэль, мягким женственным жестом указывая на странных тварей, столпившихся в тени. — Орудия сего мира, они появились

прежде вашего рода. Имена у них самые разные — вот и Его Просперчество кличет этих созданий как пожелает, — а всё-таки у меня с ними много общего: мы сотворены из хлорофилла и пылинок, рассеянных по лесу для своевременного измерения прежде постлюдей. Так что теперь они *зеки* — помощники, работники и узники; хотя кто из нас не то, не другое и не третье сразу?

Харман продолжал изумлённо глазеть на зеленоватых существ. Они отвечали молчаливыми немигающими взорами.

— Взять его, — шепнул (или шепнула) Ариэль.

Четверо *зеков* вышли вперёд (мужчина никак не ожидал столь изящных движений от этих пряничных человечков), и не успел супруг Ады подумать о бегстве или сопротивлении, как его схватили цепкие трёхпалые руки. Один из новых знакомцев придвинулся вплотную, а его собрат неожиданно стиснул запястье Хармана (точно так же, как аватара биосферы сжала запястье Ханны считанные минуты назад) и протолкнул его ладонь через податливую бутылочного цвета кожу на груди подошедшего *зека*. Мягкий, напоминающий сердце орган послушно, словно ручной зверёк, лёг прямо в руку человека. В голове зазвучало эхо неизречённых слов:

НЕ СЕРДИ
АРИЭЛЯ:
ОН
УБИВАЕТ,
НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ.
ИДИ
ЗА НАМИ
И НЕ
ПЫТАЙСЯ
ПРОТИВИТЬСЯ.
ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ
ДЛЯ ТЕБЯ
И ТВОЕЙ ЛЕДИ
АДЫ,
СЛЕДУЙ
ЗА
НАМИ.

— Как вы узнали про Аду? — вслух прокричал Харман.

ИДЁМ.

Это было последнее слово, перетёкшее через дрожащую ладонь в больную голову мужчины. Внезапно его рука оказалась снаружи — вместе с вырванным сердцем *зека*, которое быстро сморщилось и умерло. А существо повалилось на спину, без звука осело на землю джунглей, усохло и скончалось на глазах. Ни Ариэль, ни зелёные человечки не обратили внимания на смерть коммуникатора. Призрачная аватара отвернулась и ушла в тёмные джунгли по еле заметной тропке.

Зеки по-прежнему держали пленника за руки, но железную хватку ослабили. Впрочем, Харман и не пытался сопротивляться, покорно шагая вслед за другими сквозь влажный сумрак.

Мысли бежали куда быстрее ног. Мужчина то и дело спотыкался в темноте, хотя и старался не отставать. Временами, когда листва над головой сплетала непроницаемый полог, Харман вообще ничего не видел, даже собственных ног, поэтому целиком полагался на маленьких зелёных поводырей, точно слепой, и предавался размышлениям. Он уже понял, что если хочет увидеть когда-нибудь Аду и Ардис-холл, то в ближайшие часы должен вести себя во сто крат умнее, неже-

ли в последние месяцы.

Итак, первый вопрос: куда его занесло? У Золотых Ворот Мачу-Пикчу бушевала гроза, но там было утро, а здесь, в непролазных джунглях, царила ночь. Мужчина попытался припомнить всё, что узнал из книг о земной географии. Карты перемешались в голове, названия вроде «Азия» или «Европа» почти ничего не говорили рассудку. Правда, кромешный мрак подсказывал, что Ариэль не просто уволок (или уволокла) его на другую часть того же самого континента, где находился Мост. А значит, *пешком* супругу Ады нипочём не вернуться к Ханне, Петиру и летающей машине.

Отсюда вытекал второй вопрос: как удалось аватаре перенести Хармана в эти далёкие края? В зелёных шарах у Золотых Ворот мужчина не заметил ни одного факс-павильона. Да если бы Сейви хоть раз намекнула на связь между Ардисом и Мостом, колонистам не пришлось бы летать туда на соньере за оружием и боеприпасами или вот как сейчас — чтобы доставить Одиссея в целебную колыбель. Нет… Ариэлю известен какой-то иной способ перемещать людей в это тёмное, грязное место, полное насекомых и гнилостных запахов.

Кстати, почему бы просто не спросить об этом, пока его волокут сквозь тёмные заросли менее

чем за десять шагов от воплощённой биосферы, как выражался старый маг? В крайнем случае бледное существо, тускло мерцающее при свете звёзд каждый раз, когда над головой расчищалось окошко, ничего не ответит.

Но Ариэль ответил (или ответила), причём на оба вопроса.

Сначала на второй:

— Недолго оставаться тебе в моём обществе, — промолвило малорослое привидение. — Несколько часов спустя мы должны предстать перед хозяином, немногим позже той минуты, как умолкнет пенье кочета — если, конечно, царственные птицы водятся в этих проклятых местах.

— Твой хозяин Просперо? — осведомился Харман.

Аватара промолчала.

— И как называются эти проклятые места? — решил не сдаваться мужчина.

Дух рассмеялся, и смех его был подобен серебристому звону колокольчиков, только радости не внушал.

— Их следовало бы наречь Зыбкой Ариэля, ибо здесь десятикратно двести лет назад родиться довелось мне, а вернее — восстать и осознать

себя как личность из миллиарда крошечных датчиков-ретрансляторов, которых до-«старомодные» люди, твои кровные предки, именовали *мошкой*. Деревья говорили со своими человеческими хозяевами, а также друг с другом, денно и нощно толкуя по старой замшелой сети, откуда и зародилась датосфера, бормоча о температурах, и птичьих гнёздах, и выводках, и фунтах на квадратный дюйм осмотического давления, пытаясь измерить фотосинтетические процессы — ни дать ни взять слезливый писарь, что теребит костяшки счетов, почитая их сокровищами. *Зеки*, любезные мои орудия — жаль, что маг-чудовище и хозяин похитил слишком многих для пустопорожней работы на Красной планете, — явились тем же путём, о да, почтенный гость, но всё же не отсюда, не отсюда.

Харман почти ни слова не разобрал из этой тарабарщины, однако решил и дальше втягивать собеседника в разговор: авось рано или поздно сболтнёт что-нибудь полезное.

— Просперо, твой господин, называл тебя аватарой земной биосферы, когда мы с ним толковали, с твоим господином, на орбитальном острове девять месяцев назад, — произнёс мужчина.

— Ага, — откликнулся призрак и вновь рассме-

ялся. — А я его зову Вонючкой Томом.

Обернувшееся к человеку полудетское зеленоватое лицо мерцало во тьме, словно редкое тропическое растение, в сплетённых ветвях которого они только что едва не запутались.

— Друг Никого, муж бедной Ады, Харман, в моих очах ты грешник, чья судьба вес обрела негаданно-нежданно, по меньшей мере в этом дольнем мире, не содержанья ради: тусклый облик важнее! Первый ты среди людей, кто непригоден жить все Пять Двадцаток подобно прежним яствам Калибана, поскольку время и его отливы тебя уж на безумье обрекли. И нечего передо мной храбриться, задор этот — задор самоубийцы.

Мужчина совсем запутался. Однако, сколько бы он ни взывал и ни сыпал вопросами, Ариэль не проронил, а может, не проронила больше ни слова до самого рассвета, ждать которого оставалось около трёх часов и многие мили.

Примерно через час после того, как Харман поверил, что совершенно выдохся, ему позволили прислониться к высокому валуну, чтобы немного собраться с силами. Но вот, с первыми проблесками утра, мужчина заметил свою ошибку.

«Валун» оказался частью стены огромного здания, уступами вздымающегося к небу, — храма,

как решил про себя супруг Ады, «наглотавшийся» книг на эту тему. И лишь теперь до мужчины дошло, на что же смотрят его глаза и чего касаются усталые руки.

Каждый дюйм постройки покрывала резьба; некоторые узоры были шириной с человеческий локоть, но большинство из них Харман мог бы прикрыть ладонью.

На этих изображениях, всё ярче выступающих под лучами тропического солнца, лучи которого просачивались через буйные кроны сплетённых растений, люди занимались любовью… Точнее сказать, сексом. Мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, группа с группой, со слонами, с конями (во всяком случае, эти звери напоминали коней из туринской драмы), с быками, с обезьянами…

Будущий отец уставился на диковину во все глаза. Пусть Харман и прожил на Земле девяносто девять лет, однако ничего подобного видеть ему ещё не доводилось. На уровне изумлённого взора был тщательно вырезан мужчина, который лежал, сунув голову между ляжками партнёрши, в то время как его собрат, широко расставив над ним ноги, опускал твёрдый пенис ей же в открытый рот, а другая женщина с чем-то вроде

искусственного члена входила в первую сзади, тогда как первая, в свой черёд, словно ей было мало двух мужиков и подруги, левой рукой мастурбировала возбуждённого жеребца, а правой массировала гениталии человека, стоявшего рядом с конём.

Муж Ады шагнул назад и окинул взглядом увитую лозами храмовую стену. Тысячи, а то и десятки тысяч вариаций на ту же тему являли Харману такие способы плотской близости, о которых он не помышлял и даже не мог помыслить… Упрощённые фигурки, овальные лица и груди, глаза миндалевидной формы, сытые и мерзкие улыбки до ушей…

— Где это мы? — спросил мужчина.

И призрак фальцетом пропел:

Вот в полумраке рисуются статуи
Древних творцов над моей головой.
Канули в Лету твои почитатели,
Памятник похоти жадной людской![66]

Похищенный сделал ещё одну попытку:

— Что это за место?

Впервые аватара ответила попросту:

---

[66] notes: 66

А. Хоуп. «Грёзы Мохаммеда Акрана у финикового бассейна».

— Кхаджурахо.[67]

Но Харман всё равно ничего не понял.

Дух биосферы указал на него тонким пальцем, два маленьких зелёных человечка подхватили пленника под руки, и процессия двинулась прочь от храма по едва различимой тропинке, проложенной сквозь густую чащу. Обернувшись, мужчина заметил не одну, а несколько внушительных каменных построек, покрытых снизу доверху эротическими фризами, отданных на прихоть жадных до разрушения джунглей. Совокупляющиеся фигуры обвивал виноград, затеняла густая трава, сжимали крепкие корни, по ним вились изумрудные усики…

Но вот загадочное место под названием Кхаджурахо растворилось в пышной листве, и Харман, уже не отвлекаясь, мрачно побрёл за полупрозрачным существом.

Когда восходящее солнце окрасило дикую зелень десятью тысячами оттенков — похищенный даже не подозревал, что такие существуют, —

---

[67] notes: 67

Храмовый комплекс Кхаджурахо расположен в штате Мадхья Прадеш. Построен в X–XI вв. Первоначально существовало 85 храмов, однако до наших дней сохранилось только 22 храма. Крупнейший из них — храм Кандарии Махадева. Храмы украшены скульптурными изображениями, некоторые из них эротического содержания.

мужчина размышлял об одном: как ему вернуться в Ардис, к любимой Аде, или хотя бы на Мост — прежде чем Петир улетит на соньере. Не терять же, в самом деле, целых три дня, ожидая, пока молодой человек возвратится за Ханной и выздоровевшим (если целебная колыбель подействует) Никем-Одиссеем.

— Ариэль, — вдруг обратился мужчина к маленькому созданию, которое безмятежно парило впереди, возглавляя шеренгу *зеков*.

— Что угодно, сэр?

Не будь этот голос таким бесполым, он бы гораздо меньше действовал на нервы пленнику.

— Как ты меня перенёс от Золотых Ворот в эти джунгли?

— Согласись, о смертный, получилось довольно ловко.

— Ещё бы, — поддакнул Харман, боясь, как бы бледное существо вновь не ударилось в бессвязную болтовню. — И всё-таки объясни.

— А как вы путешествуете с места на место, когда не летаете, разлегшись брюхом книзу в соньере?

— Факсуем, — ответил муж Ады. — Но я не видел павильонов на Мачу-Пикчу… Там нет факс-узлов.

Ариэль подплыл (или подплыла) к нему по воздуху, задевая гибкие ветки; мужчину и маленьких зелёных человечков окатило дождём из холодной росы.

— Нуждался ли твой друг Даэман в павильонах, когда десять месяцев назад его сожрал аллозавр?

Пленник застыл как вкопанный. Провожатые *зеки* замерли вместе с ним, не торопясь тянуть подконвойного за руки.

«Ну конечно же!» — осенило Хармана. Слепец! Ведь разгадка всё время была у него перед глазами. Разумеется, желая попасть в иное место или же наведаться в лазарет по случаю очередной Двадцатки, человек отправлялся к ближайшему павильону. Но будучи раненным, а то и убитым в итоге несчастного случая, как Даэман, растерзанный динозавром, землянин уже ничего не делал — кольца сами его забирали.

Муж Ады был там, на острове Просперо, среди целебных баков, куда поступали нагие тела, чтобы восстановиться в бурлящей жидкости с голубыми червями, а потом быть отосланными обратно. Следуя наставлениям Просперо, Харман и Даэман сами отправили новоприбывших назад — по крайней мере тех, кого смогли.

«Люди способны перемещаться без помощи

павильонов и сети из трёхсот с чем-то там факс-узлов». Всю свою жизнь, чуть ли не сотню лет, мужчина смотрел — и не видел. Представление о том, что пострадавших «призывают домой „посты“, настолько глубоко врезалось в умы, что стало почти религией в отличие от „легко объяснимых“, „научных“ павильонов.

А в лазарете на острове Просперо стояли машины, которые могли забрать любого «старомодного» человека из любой точки планеты, независимо от расположения узлов.

И бывший собиратель бабочек за компанию с девяностодевятилетним искателем приключений разрушили небесный лазарет, уничтожили остров мага.

Маленькие зелёные человечки несильно потянули Хармана за руки: дескать, пора идти. Мужчина задвигался, хотя и медленно, будто во сне. От навалившихся мыслей его охватила слабость, голова закружилась, и если бы не цепкие руки зеков, пленник рухнул бы наземь.

«Орбитальный остров уничтожен: „старомодные“ люди, и я в том числе, долгие месяцы наблюдали, как пылают, падая с неба, его осколки… Но Ариэль по-прежнему перемещается куда захочет, причём не нуждаясь в узлах, порталах

и павильонах. Значит, на кольцах или даже на Земле осталось нечто, способное отыскать этого духа биосферы, закодировать его и перенести — заодно со мной — сюда, в Кхаджурахо, где бы это ни находилось, пусть даже на другой стороне планеты, если не хуже. Стало быть, есть ещё надежда вернуться к Аде. Главное — вытянуть из аватары тайну свободного факса».

Провожатые потянули снова, на этот раз понастойчивей. Ариэль парил (или парила) далеко впереди, направляясь к яркому просвету в джунглевых зарослях. Не хотелось навлекать неприятности на зелёные головы человечков, да и терять полупрозрачное существо из виду Харман больше не собирался, ведь это был его единственный «билет домой».

И мужчина, спотыкаясь на ходу, со всех ног поспешил догонять призрака.

Вот и поляна. Солнце едва не ослепило его, так что муж Ады сощурился, прикрыл глаза ладонью, а когда присмотрелся, то и вовсе остолбенел.

Перед ним вздымалось гигантское… нет, не здание, скорее сооружение. Тысяча футов высоты, не меньше, прикинул Харман (а его оценки всегда были сверхъестественно точными). Похожая на скелет, лишённый мяса и кожи, сквозная кон-

струкция из тёмных металлических перекладин возносилась над огромным четырёхугольным основанием из полукруглых арок, соединённых между собой на уровне верхушек вековых деревьев, и продолжала сужаться, постепенно вытягиваясь и превращаясь в точёный шпиль, чей пик уходил куда-то под небеса. В памяти вдруг всплыло выражение Ханны, любительницы работ по металлу: «кованое железо». Супруг Ады проникся уверенностью, что эти опоры, фермы, арки, перекладины и неприкрытые изогнутые решётки созданы именно из железа.

— Что это? — выдохнул мужчина.

Зеки уже отпустили его и боязливо попрятались в тень, словно не желали приближаться к подножию невероятной башни. Харман присмотрелся внимательнее: внизу, на целом акре, а то и больше, ничего не росло, кроме аккуратно подстриженной травы. Казалось, будто проистекающая от сооружения сила удерживает на расстоянии даже дикие джунгли.

— Это? Семь тысяч тонн металла, — произнёс Ариэль самым что ни на есть мужским голосом. — Два с половиной миллиона заклёпок. Возраст — четыре тысячи триста одиннадцать лет, если считать от оригинала. На *Эйфелевой*

дороге Хана Хо Тёпа их более шести тысяч.

— *Эйфелева дорога* … — задумчиво повторил мужчина. — Никогда не…

— Идём! — Повелительный, угрожающий глас аватары не терпел возражений.

У основания одной из арок ожидала клетка из кованого железа.

— Забирайся, — приказал Ариэль.

— Но мне надо узнать…

— Забирайся, и узнаешь всё, что тебе полагается, — промолвило существо. — В том числе и то, как вернуться к своей драгоценной Аде. Или останься здесь — и умри.

Харман шагнул вперёд. Сверху плавно опустилась железная решётка. Послышался металлический скрежет, где-то застучало, и клетка заскользила по дуге.

— А ты как же? — сверху вниз прокричал мужчина.

Дух не ответил. Лифт продолжал возноситься.

42

На беглый взгляд, башня состояла из трёх этажей. Первый и самый широкий располагался как раз над густым зелёным пологом джунглей.

Клетка проследовала дальше.

Второй уровень оказался настолько высоким, что лифт поехал почти вертикально; Харман передвинулся на середину маленькой клети. Посмотрев наверх и наружу, он заметил систему тросов, протянувшихся от верхушки башни куда-то вдаль, строго на запад и на восток, слегка провисающих по дороге. Подъёмник не остановился.

Третий и последний этаж находился в тысяче футов над землёй, прямо под купольной крышей башни с антенной-шпилем. Клетка замедлила ход. Залязгали старинные шестерёнки, что-то соскользнуло, лифт пролетел шесть футов вниз. Единственный пассажир вцепился в прутья решётки и приготовился умереть.

В это мгновение клетка затормозила. Кованая дверь отъехала назад. Харман, трясясь, как лист, прошёл по шестифутовому железному мосту, обложенному прогнившими досками. Более изящная кованая дверь с мозаичными вставками из полированного красного дерева клацнула, дрогнула и с шипением отворилась. За ней была темнота, но супруг Ады промедлил на пороге не дольше секунды. Всё что угодно, только не этот незащищённый мостик, протянувшийся в тыся-

че футов над кружевными узорами из железных перекладин, при взгляде на которые начинала кружиться голова.

В просторной комнате было на двадцать или тридцать градусов прохладнее, чем снаружи, под солнцем. Створка со скрежетом закрылась за спиной гостя. Несколько мгновений мужчина стоял на месте, ожидая, пока глаза обвыкнутся в относительном сумраке.

Из маленькой, застеленной ковром и уставленной книгами прихожей вверх и вниз — к основному полу и сквозь потолок — вела спиральная лестница.

Харман сошёл по кованым железным ступеням.

Такой обстановки ему ещё не приходилось видеть. Мебель причудливых форм, обитая алым бархатом с бахромой, тяжёлые драпировки с длинными золотыми кистями, ковёр с очень затейливым красно-шоколадным рисунком, дутые кресла и оттоманки, резные стулья блестящего тёмного дерева с металлическими золотистыми вставками. У северной стены располагался камин, причудливо украшенный чёрным железом и зелёной керамикой. Длинный стол на прихотливо изогнутых ножках занимал по меньшей

мере восемь из пятнадцати футов остеклённой стены с обвязкой не толще паучьей нити.

А ещё взгляд находил повсюду изделия из полированной бронзы (образец которой Ханна однажды показывала супругу Ады): блестящие рычаги, выступающие из деревянных стенных ящиков тёмно-вишнёвого цвета; всевозможные инструменты с медленно крутящимися шестерёнками на длинном дощатом столе; рядом — астролябия с медными кольцами, что вращались внутри колец покрупнее, лампа, струящая мягкий полусвет, и крохотные полушария, придавившие углы географических карт; даже напольная корзина, откуда торчали другие, свёрнутые карты, — всё это, без сомнения, было именно бронзовым.

Харман алчно набросился на драгоценные свитки, принялся разворачивать их, прижимая металлическими полушариями.

Путешественник в жизни не встречал ничего подобного. Разметка состояла из тончайших извилистых линий, которые то смыкались на бурых или зелёных участках карты, то широко расходились на белых. В синих пятнах неправильной формы мужчина узнал озёра, моря и океаны, голубые изогнутые линии напоминали реки,

возле которых стояли какие-то невообразимые имена: Тунгабхарда, Кришна, Годавари, Нормада, Маханади, Ганг…

На западной и восточной стенах между оконными проёмами вырисовывались книжные шкафы, медные безделицы, нефритовые скульптуры и бронзовые машины.

Харман ринулся к полкам и достал наугад три книги, жадно вдыхая запах столетий, которым веяло от древних, но ещё крепких страниц и толстых кожаных переплётов. От названий сердце мечтательно забилось: «Третья династия Хана Хо Тёпа, 2601–2939 н. э.», «Рукописи „Рамаяны“ и „Махабхараты“, исправленные по Ганешу Киборгу», а также «Эксплуатация Эйфелевой дороги и интерфейс Искусственного Интеллекта».

Мужчина опустил правую ладонь на верхнюю обложку, закрыл глаза и… задумался. Нет, не стоит, пожалуй, применять «глотание». Если выпадет возможность, лучше одолеть эти книги самому, старательно выговаривая каждое слово, и гадать о значениях, исходя из контекста. Медленно? Да. Трудно, мучительно? Разумеется. Но чтение давало ему гораздо больше, чем применение вновь открытой функции.

Благоговейно положив тома на полированную,

без единой пылинки столешницу, Харман поднялся по ступеням на верхний ярус.

Там он обнаружил спальню. В изголовье кровати блестели узкие медные цилиндры, роскошное покрывало красного бархата окаймляла витиеватая узорная бахрома. Под лучами бронзового торшера нежилось уютное широкое кресло с растительным орнаментом, а рядом пучилась высокая оттоманка. В соседнем помещении оказалась ванная комната. На западной стене переливались разноцветные витражи. Над необычным фарфоровым унитазом висел фарфоровый бачок с бронзовой цепью и гирькой. Медные краны ярко блестели, отражаясь на поверхности белоснежной раковины и огромной ванны с кривыми ножками. Мужчина вернулся обратно в спальню. Северная стена здесь тоже была остеклённой — вернее, состояла из прозрачных дверей.

Потянув за железную ручку, супруг Ады ступил на кованый пол балкона высоко над зелёными джунглями. Знойный, сияющий день ударил в лицо точно мокрым горячим кулаком. Харман поморгал и шагнул назад. Не хотелось мешкать на этом жутком десятифутовом балконе, откуда ничего не стоило свалиться в пустоту и пролететь тысячу футов мимо сквозного металлического

кружева.

Не отпуская двери, мужчина высунулся ровно настолько, чтобы рассмотреть железную мебель, обложенную красными подушками, и столик. Потом вытянул шею: вверху, под куполом из золотой слюды, громоздилось гигантское маховое колесо, на восток и запад от него тянулись тросы толще ноги взрослого человека.

Поглядев из-под руки на восток, будущий отец увидел на горизонте вертикальную линию. Примерно в сорока милях темнела другая такая же башня. Харман всмотрелся на запад: около дюжины канатов уходило в иссиня-чёрные грозовые тучи.

Мужчина прикрыл за собой стеклянную дверь и спустился по витой лестнице, утирая рукавом вспотевшие лоб и шею. Царящая внутри восхитительная прохлада совершенно отбила у него желание возвращаться в джунгли.

— Здравствуй, Харман, — промолвил знакомый голос из полумрака драпировок у книжного стола.

Просперо выглядел гораздо более материальным, нежели супруг Ады запомнил его с той, последней встречи на орбитальной скале небесного экваториального кольца восемь месяцев

назад. Морщинистая кожа старого мага уже не просвечивала, как у его голограммы. Синий халат из шёлка и тонкой шерсти, расшитый золотыми планетами, седыми кометами, пылающими алым звёздами, внушительными складками ложился на турецкий ковёр и волочился следом. Длинные белые с серебристым отливом волосы ниспадали за острые уши. На лбу и ладонях проступали старческие пятна, а ногти покрывала желтизна. Десница Просперо покоилась на увесистом с виду резном узловатом посохе, а синие тапочки даже шуршали, шлёпая по деревянному полу и толстым коврам, как настоящие.

— Отправь меня домой, — потребовал супруг Ады, угрожающе надвигаясь на старика. — Сейчас же!

— Имей терпение, человек по имени Харман, друг Никого. — Маг тонко улыбнулся, показав желтоватые зубы.

— Плевать я хотел на терпение! — рявкнул мужчина.

Лишь теперь он почувствовал всю глубину собственной ярости. Как они смели похитить его, разлучить с общиной, с любимой женщиной и нерожденным ребёнком! Ариэль наверняка проделал (или проделала) это по воле вот этого

шаркающего старичка в синем халате. Супруг оставленной Ады надвинулся на Просперо, ухватил его за развевающийся рукав и…

Пролетев спиной вперёд восемь футов, очутился на полированном полу, отчаянно моргая, чтобы избавиться от ярко-рыжих пятен на сетчатке.

— Терпеть не могу, когда ко мне прикасаются, — вполголоса произнёс маг. — Не вынуждай старика применять вот эту палку. — И он легонько приподнял тяжёлый посох.

Харман встал на одно колено.

— Отправь меня обратно. Прошу тебя. Я не могу бросить Аду в такое время.

— Но ты уже избрал сей путь, разве нет? Никто ведь не заставлял тебя отвозить Никого в соньере на Мачу-Пикчу. Впрочем, никто и не мешал…

— Чего ты хочешь, Просперо?

Мужчина поднялся на ноги, ещё немного похлопал ресницами, безуспешно пытаясь сморгнуть красно-оранжевые круги, и сел на ближайший деревянный стул.

— Как ты пережил разрушение астероида? Я полагал, твоя голограмма заодно с Калибаном никак не могла покинуть орбитальный остров.

— Так оно и было, — ответил маг, расхаживая

взад и вперёд. — Частично. Вы сами вернули меня на Землю.

— Мы… — Харман запнулся. — Соньер, да? Ты как-то ухитрился загрузить голограмму в память машины?

— Верно.

Будущий отец покачал головой.

— Мог бы вызвать соньер обратно в любое время.

— Ошибаешься, — проговорил старик. — Машина Сейви работает исключительно для людей, а я… не вполне вписываюсь в данную категорию.

— Как же тогда улизнул Калибан? — Харман задумчиво наморщил лоб. — Я точно уверен, что *этой* твари с нами не было.

Старец пожал плечами.

— Похождения Калибана — его личное дело. Негодяй мне больше не служит.

— Он снова пошёл в услужение к Сетебосу.

— Знаю.

— Да, но Калибан как-то выжил и возвратился на Землю после стольких веков.

— Знаю.

Муж Ады провёл по лицу рукой. Его терзали усталость и жажда.

— В деревянном контейнере под мезонином на-

ходится что-то вроде холодильника, — обронил маг. — Там есть еда и… бутылки с родниковой водой.

Харман резко выпрямился.

— Ты разве читаешь мои мысли?

— Нет, выражение глаз. Что может быть наивнее человеческого лица? Иди выпей. А я присяду здесь, у окна, и подожду, когда ты вернёшься освежённым и готовым к беседе.

Ноги и руки почти не слушались. Мужчина дошагал до вместительного деревянного холодильника, потянул за бронзовую ручку и на минуту застыл, глядя на ледяные бутылки и завёрнутые во что-то прозрачное продукты. Затем надолго припал к воде.

Просперо восседал за столом на фоне солнечного окна. Харман прошёл на середину красно-коричневого ковра.

— Зачем Ариэль меня сюда притащил?

— Если быть абсолютно точным, дух биосферы по моей воле перенёс тебя в джунгли, в область Кхаджурахо, поскольку пользоваться факсом на расстоянии менее двадцати километров от *Эйфелевой дороги* запрещено.

— *Эйфелева дорога?* — повторил девяностодевятилетний, продолжая потягивать ледяную

воду. — Так ты называешь эту башню?

— Нет-нет, мой любезный Харман. Так я называю всю *систему*, — правильнее сказать, так её нарёк создатель Хан Хо Тёп тысячи лет назад. У этой башни… постой-ка, дай припомнить… четырнадцать тысяч восемьсот сестёр-близнецов.

— Куда столько?

— Так уж было угодно Хану, — ответил маг. — И ровно столько потребовалось, чтобы соединить восточное китайское побережье с испанским, там, где в него упирается Атлантическая Брешь. Учитывая не только главные магистрали, но и всяческие ответвления.

Муж Ады совершенно не представлял себе, о чём речь.

— Погоди-ка, *Эйфелева дорога* — что-то вроде транспортной системы?

— Это твой шанс прокатиться с ветерком для разнообразия, — отозвался старец. — Я бы даже сказал, *наш* с тобою шанс, ибо малую часть пути мы проделаем вместе.

— Никуда я с тобой не поеду, пока…

Харман осёкся, выронил бутылку и вцепился обеими руками в стол.

Двухэтажная вершина сооружения целиком накренилась. Послышался лязг, душераздирающий

визг металла о металл, конструкция вздрогнула, покачнулась ещё сильнее и сдвинулась с места.

— Башня падает! — заорал пленник.

Зелёная линия горизонта за многочисленными оконными стёклами в кованых рамах дёрнулась, задрожала и тоже дала заметный крен.

— Ничего подобного, — спокойно возразил Просперо.

Но блок из двух этажей, громыхая и скрежеща, определённо скользил куда-то вправо, как если бы гигантские железные руки толкали его в пустоту.

Харман метнулся было к лестнице — и рухнул на четвереньки. Верхняя часть отделилась от башни, пролетела вниз по крайней мере пятнадцать футов и после сильного толчка поплыла по воздуху на запад.

Мужчина с бешено бьющимся сердцем даже не пытался встать с колен. Огромный жилой модуль опасно раскачивался туда-сюда, пока наконец не обрёл равновесие. Пронзительный скрип над крышей сменился оглушительным гудением. Только тогда возлюбленный Ады поднялся на ноги, неуверенной походкой добрёл до стола и выглянул из окна.

Башня осталась по левую руку и стремительно

уменьшалась. На месте двухэтажных апартаментов зиял открытый лоскут небосвода. Увидев над головой все те же тросы, мужчина понял, что же так жутко гудит у него над головой: какой-нибудь маховик, упрятанный в металлический корпус. *Эйфелева дорога* оказалась неким подобием канатного пути, а большой железный дом — кабиной для путешествий, которая быстро скользила на запад.

Харман повернулся к Просперо, сделал пару шагов — и замер на почтительном расстоянии, подальше от увесистого посоха.

— Ты должен отпустить меня к Аде. — Мужчина хотел придать своим словам нужную твёрдость, но с отвращением услышал в собственном голосе плаксивые нотки. — Ардис-холл осаждают войниксы. Я не могу бросить её в такой опасности одну. Пожалуйста. Владыка Просперо, прошу тебя.

— Вмешаться ты надумал слишком поздно, — хрипло промолвил старец. — Что сделано, того не изменить. Но полно, забудем наши горькие мытарства, отягощать не будем нашу память несчастьями, которые прошли. Ведь впереди ждёт новая дорога — к преображению морскому, Харман, друг Никого, и одному из нас придёт-

ся стать мудрее, глубже, старше, и пусть враги — верней, исчадье мрака и Сикораксы, вскормленное мной, — да-да, пусть пьют одну морскую воду, а заедают шелухою гнева и жухлыми корнями неудач.

43

На Олимпе и в окрестностях назревала гроза. Пыльная буря окутала планету багровым саваном, воющие вихри завивались воронками у силового щита *эгиды*, которую исчезнувший Зевс так и оставил вокруг жилища бессмертных. Статические частицы создавали электромагнитное поле такой мощи, что у вершины вулкана круглыми сутками полыхали молнии под рёв ветра и беспрестанные инфразвуковые раскаты грома. Солнечный свет над пиком растёкся по небу тусклым багровым пятном.

Ахиллес, на чьём плече по-прежнему лежало тело мёртвой, но возлюбленной царицы амазонок Пентесилеи, квант-телепортировался в дом побеждённого им Гефеста, бога огня, главного художника в божественном сонме, супруга Аглаи, иначе известной под именем Хариты — самой пленительной среди Граций, «воплощённой

прелести искусства»; кое-кто поговаривал, будто мастер сотворил её собственными руками.

Говоря точнее, Гефест перенёс Пелида не прямо к себе в чертоги, а к парадному входу. Белый камень, белые колонны, белый портик — на первый взгляд ничего особенного, всё как у прочих бессмертных. Однако на самом деле хромоногий кузнец устроил себе жилище и просторную мастерскую не где-нибудь, а прорубил его в южной круче Олимпа, вдали от озера кальдеры и тесного скопления храмов-домов. Иными словами, он обитал в пещере.

Хромоногий провёл Ахилла внутрь и затворил многочисленные железные двери.

Вырезанная из твёрдого чёрного камня сумеречная комната простиралась на сотни ярдов. Повсюду на рабочих столах располагались увеличительные стёкла, инструменты, загадочные приспособления и машины в различной степени сборки или же расчленения. В глубине пещеры громко ревел камин; в котле оранжевой лавой пузырилась расплавленная сталь. Ближе ко входу, где бог отделил для себя жилое пространство в бесконечной мастерской, на что указывали удобные ложа, стулья, низкие столики, постель и жаровни, сидели, стояли и расхаживали золотые

женщины — печально известные *прислужницы* Гефеста, клёпанные красотки с человеческими очами, металлическими персями и мягкими вагинами из искусственной плоти, а также — если верить молве — с душами, похищенными у живых людей.

Взмахом волосатой руки хозяин очистил от мусора дощатую скамейку.

— Клади её сюда.

Отпустив хромоногого карлика, сын Пелея с удивительной нежностью и благоговением положил свою ношу.

Лицо Пентесилеи открылось, и целую минуту бог в изумлении пялился на неё.

— Куколка, что и говорить. И сохранилась отменно: узнаю работу Афины. После стольких дней — ни единого пятна. Смотри-ка, даже румянец на щёчках. Ты не против, если я загляну под эту тряпку: хотелось бы грудь оценить…

— Только тронь её или саван, — промолвил Ахилл, — и я тебя прикончу.

Гефест примирительно воздел руки.

— Да ладно, ладно, я же из чистого любопытства…

И хлопнул в ладоши.

— Сначала — еда. Потом обсудим, как нам ожи-

вить твою милую.

Золотые прислужницы молча повиновались; вскоре на круглом столе, окружённом пухлыми ложами, появились большие кубки с вином и блюда с горячими яствами. Быстроногий ахеец и волосатый Гефест с охотой набросились на угощение, надолго забыв о разговорах. Разве что в очередной раз требовали добавки или же просили друг у друга передать через стол общую чашу.

Первым делом, для возбуждения аппетита, подали дымящуюся жареную печень, завёрнутую в кишки молодого барашка, — излюбленную закуску Пелида. Следом — запечённого целиком поросёнка с начинкой из маленьких птичек, изюма, каштанов, яичных желтков и мяса с пряностями. Затем на столе возникла свинина, тушенная в кипящем яблочно-грушевом соусе. А служанки-машины продолжали вносить изысканные кушанья, такие как жареную матку самки кабана и маслины с давленым нутом. Венцом обеда стала гигантская рыба, запечённая до хрустящей коричневой корочки.

— Поймана в сеть в озере самого Зевса, на вершине Олимпа, — похвастался бог огня с набитым ртом.

В перерывах между блюдами едоки лакоми-

лись россыпью плодов, орехов и засахаренными фруктами. Искусственные девушки ставили чаши со смоквами, горы миндаля на подносах, сочные финики, тяжёлые плитки вкуснейшего медового пирога (Ахиллесу лишь единожды доводилось попробовать нечто подобное — в гостях, в Афинах). Последним был излюбленный десерт Агамемнона, Приама и прочих царей над царями — сладкая ватрушка.

После пира золотые прислужницы начисто вытерли стол и полы, спеша подать новые бочонки с вином — по меньшей мере десяти сортов — и двуручные кубки. Желая оказать гостю честь, Гефест лично смешивал напитки с родниковой водой и протягивал огромные чаши.

Бог-карлик и богоподобный человек пили около двух часов, и ни один из них не впал в состояние, которое на языке Ахилла именовалось *пароинией* — «помешательством на почве опьянения».

Мужчины по большей части хранили молчание, а золотые обнажённые прислужницы их развлекали: выстраивались в линию и чувственно танцевали вокруг стола — искушённый эстет вроде Одиссея наверняка употребил бы здесь слово *комос*.

Настало время поочерёдно воспользоваться

уборной пещеры. Когда новоявленные товарищи опять налегли на вино, сын Пелея сказал:

— Ну как, уже ночь? Не пора перенести меня в чертоги Целителя?

— А с чего ты взял, сынок мокрогрудой Фетиды, что лазарет на Олимпе вернёт эту смазливую сучку к жизни? Баки с червями предназначены для воскрешения бессмертных, а не кратковечной потаскушки, будь она хоть трижды раскрасавицей.

Ахиллес до того увлёкся выпивкой, что пропустил оскорбление мимо ушей.

— Афина сама обещала… Не соврала же она.

— Светлоокая только и делает, что врёт напропалую, — хмыкнул Гефест, подняв огромный двуручный кубок и сделав несколько щедрых глотков. — Несколько дней назад, помнится, ты слонялся у подошвы Олимпа, швырял камнями в непробиваемую *эгиду* Зевеса и с воем вызывал Афину на смертный бой, мечтая пронзить её аппетитную сиську острым копьём, как ты обошёлся с этой амазонкой. Что изменилось, о благородный мужеубийца?

Быстроногий нахмурился.

— В истории нашей троянской осады было много… сложного. Тебе не понять, калека.

— За это надо выпить, — рассмеялся покро-

витель огня и снова взялся за ручки сияющего кубка.

И вот хозяин с гостем собрались в путь. Ахиллес облачился в доспехи, подпоясался наточенным на шлифовальном камне Гефеста мечом, поднял начищенный до блеска щит и направился было к Пентесилее, когда хромоногий бог произнёс:

— А вот её лучше оставить.

— Ещё чего, — возмутился Пелид. — Оставить! Ради кого же я всё это затеял?

— Мы же не знаем, сколько и какая там выставлена охрана, — пояснил олимпийский кузнец. — А вдруг придётся сражаться с целой фалангой? Амазонка на плече станет лишней обузой. Или ты хочешь использовать её прекрасное тело как щит?

Мужеубийца задумался.

— Здесь ей ничто не повредит, — прибавил Гефест. — Раньше у нас водились тараканы, крысы, летучие мыши, но я очистил от них пещеру: создал механических кошек, соколов и богомолов.

— Да, но…

— Если на горизонте будет чисто, мы за три секунды квитнемся обратно и захватим труп. А покуда за ней присмотрят мои золотые девочки.

Мастер щёлкнул мясистыми пальцами. Метал-

лические прислужницы тут же встали на страже у тела Пентесилеи.

— Теперь готов?

— Да.

Ахилл вцепился в покрытое частыми шрамами предплечье бога, и оба мгновенно пропали.

В чертогах Целителя всё было тихо. Ни одного бессмертного стражника. Мало того, к изумлению самого Гефеста, пустовали даже многочисленные стеклянные цилиндры. Этой ночью бессмертные здесь не лечились и не восстанавливались. На всём огромном пространстве, освещённом лишь тусклыми жаровнями да лиловым мерцанием из булькающих баков, не оказалось ни души, не считая хромого Гефеста и быстроногого мужеубийцы, который шагал, прикрываясь щитом.

И вот из полумрака неожиданно явился Целитель.

Сын Пелея вскинул свой щит ещё выше.

Когда светлоокая богиня говорила ему: «Прикончи Целителя — огромную, похожую на сороконожку тварь, безглазую и со множеством рук. Разрушь без остатка всё, что найдётся в том зале», — Ахиллес не принял сравнения с безобразным насекомым всерьёз, приняв его за обыкновенную брань.

Существо и впрямь напоминало сороконожку, только тридцати футов ростом; многочленное тело мерно раскачивалось, не спуская с незваных гостей чёрных глаз, опоясавших его верхний сегмент. Среди несметных усиков-щупалец и составных конечностей примерно с полдюжины веретенообразных рук шевелили паучьими пальцами. На длинных ремнях и полосах чёрной кожи, обвивших подвижный торс, висели самые разные инструменты.

— Эй, Целитель, — позвал Гефест, — а где все?

Гигантская сороконожка покачалась из стороны в сторону и, помахав руками, вдруг разразилась неразборчивым треском, донёсшимся сразу из нескольких невидимых глазу ртов.

— Ясно тебе? — спросил хромоногий у своего товарища.

— Что ясно? Я слышал шум, как будто ребёнок воткнул пустые ножны между спицами колесницы.

— Да нет же, он изъясняется на отличном греческом языке, — возразил кузнец. — Просто слишком быстро. Будь повнимательней, вот и всё. — Тут он опять обратился к Целителю: — Уважаемый, мой смертный друг не разобрал твоих слов. Не мог бы ты повторить?

— СогласноприказувладыкиЗевсаникогоизкратковечныхнедол-жнопомещатьвцелебныерезервуарыбезеголичногораспоряжения. Глав-ныйбогихозяингромовержецисчезиниктонеможетегонайти. Пос— колькуЦелительобязанповиноватьсялишьЗевсунаОлимпе, янемогу-позволитьсмертномуздесьнаходиться, покаповелительмолнийневернет-сянасвойпрестол.

— Теперь дошло? — обратился Гефест к Ахиллесу.

— Э-э-э… Типа того, что эта тварь слушает одного Кронида и не разрешит положить Пентесилею в синюю воду без его личного приказа?

— Точно.

— Я могу раздавить букашку-переростка, — процедил Пелид.

— Может, и так, — кивнул хромоногий. — Хотя кое-кто поговаривал, будто Целитель куда бессмертнее нас, олимпийских выскочек. Но если его убить, амазонка уже никогда не воскреснет. Он один умеет управляться с этой техникой и командовать синими червями, которые участвуют в лечении.

— Ты же мастер, — сказал мужеубийца, постукивая мечом по золотому ободу щита. — Сам как-нибудь разберёшься.

— Хрена с два, — огрызнулся карлик. — Нам, бывшим постлюдям, такие игрушки даже не снились. Никогда не понимал этих квантовых штучек… Но если бы даже понял, я не заставил бы синих червей работать. Полагаю, они подчиняются исключительно телепатическим сигналам сороконожки.

— Насекомое говорило, что повинуется только Зевсу *на Олимпе* … — Судя по голосу, Ахиллес был готов потерять терпение и прикончить на месте бога огня, огромную букашку, а также любого бессмертного, который подвернётся под горячую руку. — Кто ещё может ему приказать?

Гефест нахально осклабился.

— Великий Крон. Тот самый, заточённый в пучину Тартара вместе с другими титанами. Так что во всей вселенной один Громовержец и в силах отдавать Целителю распоряжения.

— Ну и где он, ваш Зевс?

— Никто не знает! — рявкнул кузнец. — А пока его нет, олимпийцы перегрызлись между собой за власть. Основная борьба сосредоточилась на Земле Илиона: кто-то поддерживает осаждающих, кто-то сражается за троянцев, а на вулкане сегодня затишье, поэтому я и попёрся на долбаный склон проверять этот чёртов эскалатор.

— Зачем же Афина дала мне богоубийственный нож и велела прирезать Целителя, как только Пентесилея воскреснет? — воскликнул быстроногий.

Гефест округлил глаза и глухо, недоумённо повторил:

— Прирезать Целителя? Понятия не имею, откуда у неё такие желания. Задумала, наверное, что-нибудь. Очередное безумство. Без этой сороконожки от баков никакого проку… И всё наше бессмертие — псу под хвост. Нет, мы прожили бы очень долго, но в страшных мучениях, сын Пелея, без наноомоложивающих процедур.

Ахиллес уверенно подошёл к Целителю; глаза героя пылали сквозь дыры в сияющем боевом шлеме над прославленным щитом.

— Я заставлю эту тварь активировать баки для Пентесилеи, — произнёс ахеец, доставая клинок.

Кузнец устремился вперёд и поймал Пелида за локоть.

— Не выйдет, мой кратковечный друг. Поверь на слово, смерти он не боится, а повинуется только Зевсу. Без хренова Целителя голубые черви не станут работать. Без долбаных голубых червей баки не стоят ломаного гроша. Без треклятых баков твоя сукина дочь амазонка останется мёртвой,

мать её, навсегда.

Быстроногий гневно стряхнул руку бога.

— Букашке… придётся… воскресить мою Пентесилею.

В голове героя всё ещё звучал приказ Афины убить Целителя. «Что затевает эта бессмертная сучка? Решила меня использовать? Зачем? Она же не сумасшедшая и явно не собирается…»

— Тебе не испугать сороконожку, Пелеев сын. Можешь прикончить насекомое, но тогда уж точно не увидишь свою возлюбленную царицу живьём.

Ахиллес отошёл от бессмертного карлика, обогнул великана Целителя и грянул красивым щитом (со всеми его концентрическими окружностями, полными символов) по прозрачному пластику гигантского резервуара. Эхо удара прокатилось под сумрачными сводами чертогов.

Мужчина метнулся обратно к Гефесту.

— Ну хорошо. Букашке нужен приказ Кронида. Так отведи меня к нему!

Покровитель огня засмеялся, но быстро умолк, заметив, как сверкают очи ахейца сквозь дыры в шлеме.

— Ты что, серьёзно? Думаешь, сам Громовержец, Отец всех бессмертных, покорится воле

кратковечного?

— *Где Зевс?*

— Говорю же, никто не знает, — пробормотал кузнец и побрёл, приволакивая больную ногу, к высоким дверям.

Снаружи ярко полыхали молнии. *Эгида* искрилась под натиском пыльной бури. В пещеру хлынули потоки серебристого света, чётко прорисовав чёрные колонны, вырубленные из камня.

— Тучегонителя нет уже более двух недель, — прокричал Гефест, обернувшись через плечо, и задумчиво потянул рукой косматую бороду. — Ходят упорные слухи, что тут не обошлось без проделок Геры. С неё станется упрятать мужа в бездну Тартара, к изгнанным родителям Крону и Рее.

— Ты сумеешь его найти? — Ахиллес равнодушно отвернулся от Целителя, сунул меч за широкий пояс и закинул тяжёлый щит на спину. — Доставишь меня к Зевсу?

Хромоногий изумлённо присвистнул.

— А если он и правда в Тартаре? Хочешь сказать, ты и туда пойдёшь, только бы заставить Владыку Владык исполнить твою бренную волю? Из всего пантеона первичных богов лишь одно существо может знать, где скрывается Зевс, и на

Красной планете лишь его ужасная сила способна низвергнуть нас в беспросветную бездну. Ты *в самом деле* готов идти до конца?

— Ради моей амазонки я с радостью полезу к смерти в зубы и вырвусь обратно, — вполголоса ответил человек.

— Да, но Тартар тысячекратно хуже мрачных чертогов Аида, Пелеев сын.

— Веди меня к этой самой «ужасной силе», — приказал ахеец, недобро засверкав очами сквозь прорези в шлеме.

Долгое время олимпиец негромко сопел и рассеянно поглаживал спутанную бороду, глядя куда-то в пустоту. Потом резко выпрямил согбенную спину и проворнее, чем от него можно было ожидать, похромал к Ахиллу.

— Будь по-твоему.

Бог огня сомкнул мозолистые ладони вокруг человеческого предплечья.

44

Харман вовсе не собирался спать. Утомлённый донельзя, он согласился лишь подкрепиться вкуснейшей горячей похлёбкой, пока Просперо, утопая в мягком кресле, читал огромный том в

потрёпанном кожаном переплёте.

Когда мужчина собрался с духом и повернулся к старцу с твёрдым намерением ещё раз решительно попросить его о возвращении в Ардис, маг растворился в воздухе вместе с книгой. Несколько минут возлюбленный Ады сидел за столом, едва сознавая, что едет по воздуху в девяти сотнях футов над зелёным растительным пологом, едет в поскрипывающем канатном вагоне величиной с дом. А затем решил «на всякий случай заглянуть наверх», через силу поднялся по спиральной железной лестнице, примерно минуту стоял на пороге, глядя на большую кровать, — и вдруг повалился туда ничком.

Когда он проснулся, была уже ночь. Луна и кольца струили в комнату необычайно яркий свет, так что казалось, на бронзе и бархате лежали полосы густых белил. Раздвинув прозрачные двери, Харман ступил на террасу.

Несмотря на высоту над землёй и постоянный бриз (вагон ведь перемещался), мужчина едва не захлебнулся жарким и влажным воздухом, пропитанным живыми запахами джунглей. Кольца и луна, созревшая на три четверти, молочной белизной омывали почти ничем не нарушаемый полог сочной листвы. Время от времени снизу до-

летали странные звуки, прорезаясь даже сквозь мерный гул маховиков и скрежет бесконечного троса. Харман внимательно посмотрел на экваториальное и полярное кольца: не мешало бы разобраться в обстановке.

От первой станции вагон поехал на запад — невольный пассажир мог поклясться в этом. И вот примерно десять часов спустя (по крайней мере столько он проспал) канатная дорога вела уже на север-северо-восток. На юго-западном горизонте мерцал озарённый лунным светом пик *Эйфелевой башни* — судя по всему, последней, где побывал летающий дом, а с противоположной стороны надвигалась ещё одна: до неё оставалось менее двадцати миль на северо-восток. Видимо, пока мужчина предавался грёзам, вагон успел поменять направление у какой-нибудь развилки. Харман, конечно, не мог похвастать блестящими успехами в области географии и уж точно не представлял себе, какой именно субконтинент в форме наконечника стрелы находится там, внизу, к югу от так называемой Азии. Старательный самоучка, нахватавшийся обрывочных сведений из прочитанных книг, несколько месяцев назад избранник Ады был единственным «старомодным» человеком на Земле, который хоть *как-то*

разбирался в этом вопросе (во всяком случае, догадывался, что Земля имеет форму шара), — но и его убогих картографических познаний хватило, чтобы сообразить: если Просперо говорил правду и цель путешествия — место пересечения Атлантической Бреши, протянувшейся вдоль сороковой параллели, с европейским побережьем, то подвесной дом плывёт не в том направлении.

Впрочем, какая разница. Харман ведь не собирался терять недели, а то и месяцы, без толку болтаясь в воздухе. Ада ждала его *немедленно*.

Похищенный принялся мерить шагами балкон, то и дело хватаясь за перила, стоило вагону покачнуться. Только на третьем круге он заметил над ними железную лестницу. Харман подпрыгнул, вцепился в перекладину и повис над головокружительной пустотой и зелёным навесом джунглей.

Лестница вывела на плоскую крышу.

Мужчина осторожно встал на ноги, раскинув для равновесия руки: канатная дорога как раз повела вверх, навстречу мигающим огням новой башни. До неё оставалось десять миль пути, а вдали, на горизонте, ярко сверкали при свете колец и луны снежные пики горной гряды.

Величие этой ночи и ощущение скорости уда-

рили в голову, точно бодрящий хмель. И тут Харман кое-что заметил. На расстоянии трёх футов перед вагоном картина ночного неба и джунглей как-то странно расплывалась. Девяностодевятилетний прошёл на самый край и как можно дальше вытянул руку.

Впереди обнаружилось не очень мощное защитное поле: пальцы прошли сквозь него, словно через упругую полупроницаемую мембрану на входе в лазарет орбитального острова. Рука ощутила настоящую силу ветра, способного вывернуть запястье. Эта штука ехала куда быстрее, чем предполагал единственный пассажир.

Около получаса мужчина бродил по крыше, слушал пение тросов, смотрел, как приближается следующая башня и строил невероятные планы возвращения к Аде. После чего, перебирая руками, спустился по лестнице, запрыгнул на балкон и вошёл в дом.

Просперо ждал его на первом этаже. Маг уютно покоился в том же кресле, закинув ноги на оттоманку, с раскрытым фолиантом на коленях и тяжёлым посохом под рукой.

— Что тебе от меня нужно? — спросил Харман.

Старец поднял голову.

— Мой юный друг, я вижу, твои манеры столь

же оставляют желать лучшего, как и облик нашего общего знакомого Калибана.

— Чего ты хочешь-то? — повторил мужчина, невольно сжимая кулаки.

— Пора вам выступить на войну, о Харман из Ардиса.

— Выступить на войну?

— Да. Пробило время сражаться. Всему твоему виду, роду, племени. Тебе.

— О чём ты толкуешь? С кем сражаться?

— Правильней было бы сказать: с *чем*, — ответил Просперо.

— Если ты про войниксов, то мы уже бьёмся с ними. Я ведь и прилетел к Золотым Воротам не только ради Никого, но и думая пополнить запас оружия.

— Нет, не с войниксами, — промолвил маг, — и не с калибано. Хотя этим жалким рабам было велено истребить весь ваш род и племя, их дни сочтены. Я говорю о настоящем Враге.

— Сетебос? — промолвил Харман.

— О да. — Морщинистая ладонь опустилась на широкую страницу, Просперо положил засушенный длинный лист вместо закладки, бережно закрыл том и поднялся, опершись на посох. — Сетебос, многорукий, словно каракатица, в конце

концов явился в мир, принадлежащий вам и мне.

— Знаю. Даэман видел эту тварь в Парижском Кратере. Сетебос оплёл голубой ледяной паутиной весь узел и дюжину прочих, в том числе Чом и…

— А известно ли вам, для чего многорукий пришёл на Землю? — вмешался маг.

— Нет, — покачал головой девяностодевятилетний.

— Чтобы подкормиться, — глухо сказал седовласый старец. — Чтобы есть.

— Нас, что ли?

Вагон замедлил ход, подпрыгнул, на секунду вписался в очередную башню, покачнулся и под лязг шестерёнок поехал дальше на восток.

— Так Сетебос явился поедать нас? — снова спросил муж Ады.

Просперо улыбнулся.

— Не то чтобы… Не совсем.

— И что это, мать твою, значит?

— А то и значит, мой юный Харман. Сетебос — упырь. Наш многорукий друг питается остатками страхов и боли, тёмной мощью внезапного ужаса и горькими соками скоропостижных смертей. Поскольку память о подобных кошмарах залегает

в почве вашего мира (любого разумного мира, где войны — обычное дело), как нефть или каменный уголь, дикая сила Потерянной Эпохи дремлет под землёй, дожидаясь своего часа.

— Не понимаю.

— Иными словами, этот пожиратель вселенных, этот гурман тёмных веков Сетебос откладывает яйца в захваченных факс-узлах, законсервированных с помощью голубого, как ты выражаешься, льда. Скоро его семя расползётся по планете, выкачивая из неё тепло, подобно суккубу, пьющему дыхание спящей души. На вашей истории, на вашей памяти он разжиреет, словно клещ-кровосос.

— Всё равно не понимаю, — упёрся супруг Ады.

— Это сейчас его гнёзда в Парижском Кратере, в Чоме и прочих захолустных уголках, в которых вы, люди, только и делали, что веселились и спали, прожигая никчёмные жизни, — пояснил маг. — А питаться он будет при Ватерлоо, Хо Тепсе, Сталинграде, Граунд Зеро,[68] Курске, Хиросиме, Сайгоне, Руанде, Кейптауне, Монреале, Геттисберге, Эр-Рияде, Камбодже, Чанселлорсвилле, Окинаве, Тараве, Ми-Лае, Берген-Бельзене,

[68] notes: 68

Точка, место взрыва. После событий 11 сентября 2001 г. так стали называть разрушенные башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Аушвице, на берегах Соммы… Названия тебе хоть что-нибудь говорят?

— Нет.

Старец в синем халате вздохнул.

— Вот она, ваша беда, Харман. Пока кто-то из вас не возвратит утраченную память расы, землянам не постичь и не одолеть Сетебоса. Да вы и себя-то познать не сумеете.

— А тебе что за горе, Просперо?

Маг испустил ещё один вздох.

— Как только многорукий пожрёт человеческие страдания и память мира, тот сохранит свою физическую оболочку, но будет уже духовно мёртв для всякого разумного существа… включая меня самого.

— *Духовно* мёртв? — переспросил мужчина.

«Дух», «духовный», «духовность» — время от времени эти слова попадались ему в «проглоченных» и прочитанных книгах. Расплывчатые, тёмные понятия из давнего прошлого, что-то из области религий и привидений, они бессмысленно сотрясали воздух, звуча из уст голограммы аватары земной логосферы — напыщенного набора старинных компьютерных программ и протоколов связи.

— Духовно мёртв, — повторил маг. — В пси-

хическом, философском, органическом смысле. На квантовом уровне всякий живущий мир сохраняет записи наиболее сильных волнений, испытанных его обитателями: любви, надежды, страха, гнева. Это как опилки магнитного железняка, которые льнут к северному либо к южному полюсу. Полюса могут меняться местами, путаться, исчезать, но записи остаются. Возникшее в итоге силовое поле, столь же реальное, хотя и много хуже поддающееся измерению, нежели магнитосфера планеты с вращающимся горячим сердечником, защищает её от самых жестоких влияний космоса. Так память о страданиях и боли оберегает будущее любой разумной расы. *Теперь* до тебя доходит?

— Нет, — честно признался Харман.

Просперо пожал плечами.

— Тогда поверь на слово. Если желаешь когда-нибудь увидеть Аду невредимой, тебе придётся научиться… многому. Возможно, чересчур многому. Но тогда ты по крайней мере сумеешь вступить в сражение. Полагаю, надежды уже не осталось (трудно рассчитывать на победу, когда сам Сетебос берётся сожрать память целого мира), зато мы не сдадимся без боя.

— Ну а тебе-то какая разница, что с нами

станется? Или с нашими воспоминаниями? — осведомился девяностодевятилетний.

Маг тонко улыбнулся.

— За кого ты меня принимаешь? По-твоему, я — уцелевшая функция электронной почты, иконка древнего Интернета, только в халате и с палкой?

— Не знаю, мне по барабану, — отозвался Харман. — Голограмма ты и больше никто.

Старец шагнул вперёд и влепил мужчине крепкую пощёчину.

Тот ахнул, отшатнулся, прижав ладонь к пылающей щеке, и снова непроизвольно сжал кулаки.

Просперо с ухмылкой вытянул перед собою посох.

— Даже не думай об этом, Харман из Ардиса, если не хочешь очнуться на жёстком полу десять минут спустя с такой головной болью, какая тебе и не снилась.

— Я хочу домой, к Аде, — медленно проговорил пленник.

— Скажи, ты уже пытался разыскать её с помощью своих функций?

Мужчина удивлённо моргнул.

— Да.

— И как, получилось? Прежде, в джунглях, или

здесь, в вагоне?

— Нет.

— И не получится, пока ты не изучишь все прочие врождённые функции, — промолвил старик, возвращаясь к излюбленному креслу и осторожно опускаясь на мягкое сиденье.

— Прочие врождённые… — Харман запнулся. — В каком смысле?

— Сколько функций ты уже освоил? — поинтересовался маг.

— Пять штук, — ответил девяностодевятилетний.

Одна из них, поисковая, была известна людям испокон веков, ещё трём научила товарищей Сейви; пятую супруг Ады открыл сам.

— Перечисли.

Мужчина возвёл глаза к потолку.

— Поисковая функция, включая хронометр… Ближняя, дальняя, общая сеть и «глотание» — чтение посредством руки.

— Хорошо ли ты разобрался в общей сети, Харман из Ардиса?

— Не совсем.

Мужчину испугали слишком большие потоки информации, слишком широкий «диапазон», как выразилась покойная Сейви.

— А ты уверен, что люди старого образца — *настоящие* «старомодные» люди, ваши недоделанные, неусовершенствованные предки — владели всем этим добром?

— Ну… я не знаю…

По правде сказать, он об этом и не задумывался.

— Нет, не владели, — бесстрастно изрёк Просперо. — Вы — плод четырёх тысяч лет генно-инженерных забав и нанотехнического монтажа. Как ты обнаружил «глотание»?

— Я просто прикидывал так и этак, тасовал воображаемые квадраты, круги, треугольники, пока не сработало.

— Это ты сказал Аде и остальным, — возразил маг. — Мне-то известно, что это неправда. Как было на самом деле?

— Я увидел код во сне, — признался Харман.

Столь непонятным, *драгоценным* переживанием он и впрямь ни с кем не делился.

— Да, грёзу навеял сам Ариэль, когда иссякло наше терпение. — На тонких губах старика вновь заиграла усмешка. — Разве тебе не любопытно, сколько функций носит каждый «старомодный» в своей крови, в клетках тела и мозга?

— М-м-м… больше пяти? — предположил со-

беседник.

— Сотню, — промолвил Просперо. — Ровно сотню.

Мужчина порывисто шагнул к нему.

— Покажи!

Хозяин разрушенного орбитального острова покачал головой:

— Не могу. И не стал бы. Но ты обязательно всё узнаешь по пути.

— Мы едем не в ту сторону, — заметил девяностодевятилетний.

— Что?

— Ты говорил, что *Эйфелева дорога* доставит нас к началу Атлантической Бреши, на европейское побережье, а вагон плывёт на восток, прочь от Европы.

— У третьей башни повернём на север. А что, не терпится?

— Конечно.

— Напрасно торопишься, — обронил маг. — Обучение произойдёт во время странствия, а не после. О, тебя ожидает преображение из преображений. И будь уверен, тебе бы вряд ли пришёлся по вкусу короткий путь: над ущельями древнего Пакистана, через афганскую пустыню, к югу вдоль Средиземного Бассейна и над болотами

Сахары.

— Почему? — поднял брови Харман.

Однажды в обществе Даэмана и Сейви он пролетел на восток над Атлантикой и упомянутыми топями Сахары, а потом пересёк на вездеходе иссохшее дно Средиземного Бассейна. Места знакомые, чего бояться? К тому же мужчине было интересно посмотреть — до сих пор ли над Храмовой горой Иерусалима восходит к небу синий тахионовый луч, заключавший в себе, по словам Сейви, кодированную информацию обо всех её современниках, живших четырнадцать веков назад.

— Калибано вырвались на свободу, — сообщил Просперо.

— Как, они покинули Бассейн?

— Говорю тебе, тварей уже ничто не держит. В мире начинается полный беспредел.

— Тогда куда же мы направляемся?

— Спокойствие, Харман из Ардиса, только спокойствие. Завтра пересечём горный хребет — пожалуй, эта часть путешествия покажется тебе особенно занимательной. Потом направимся в Азию, где ты, возможно, узришь творения великих покойников, и уж тогда — на запад, только на запад. А Брешь подождёт.

— Слишком долго, — посетовал мужчина, расхаживая по комнате. — Слишком долго. Функции не работают, я даже не представляю, как там Ада. Мне нужно назад. Мне нужно вернуться домой.

— Ах вот оно что, тебя интересует: как дела у супруги? — без улыбки спросил маг и указал на красную полосу ткани, расстеленную на красной кушетке. — Возьми посмотри. Но лишь один раз.

Харман нахмурился, повертел повязку в руках.

— Туринская пелена? — Он с удивлением уставился на красную (а не рыжевато-коричневую, как обычно) ткань и странную вышивку из микросхем.

— Существует несметное множество туринских приёмных устройств, — пояснил седовласый старец. — И столько же передатчиков информации, сколько людей на свете.

Возлюбленный Ады покачал головой.

— Мне сейчас не до Трои с Агамемноном. Я не в настроении развлекаться.

— Эта пелена не показывает историю Илиона, — произнёс Просперо. — Из неё ты узнаешь судьбу своей милой. Попробуй.

Мужчина откинулся на кушетке, дрожащими руками расправил на лице алую ткань, коснулся вышивки на лбу и закрыл глаза.

45

«Королева Мэб» летела навстречу Земле, а следом тянулся хвост из ядерных вспышек: каждые полминуты корабль выстреливал по ядерной бомбе величиной с банку из-под «кока-колы», сила взрыва толкала буферную плиту обратно к корме тысячефутовой посудины, гигантские поршни и цилиндры в машинном отделении совершали возвратно-поступательные движения и выталкивали новый заряд.

Манмут наблюдал за происходящим по кормовому видеоканалу.

— *Если кто-нибудь на Земле ещё не догадывался о нашем приближении, то теперь уже знают все*, — поделился он мыслями с Орфу по личному лучу.

Друзья как раз поднимались к носу корабля (а может, и опускались, учитывая завершающую фазу полёта) на самом просторном лифте: впервые за время путешествия их обоих пригласили на мостик.

— *По-моему, так и было задумано*, — отозвался иониец.

— *Похоже. Но не до такой же степени. Утон-*

ченнее нас только клизма. Это всё равно что открыть в палате для желудочников платный клозет, всё равно что…

— *Ближе к делу. Куда ты клонишь?* — пророкотал Орфу.

— ***Слишком*** *уж это всё нарочито,* — буркнул маленький европеец. — *Слишком броско. Слишком дорого… Дизайн корабля середины двадцатого века, я тебя умоляю! Ядерные бомбы, баночный завод «Кока-Кола» образца тысяча девятьсот пятьдесят девятого года…*

— *Ну и?* — перебил его краб.

Прежде он бы направил на друга по меньшей мере несколько видеокамер и глаз на органических стебельках. К сожалению, их до сих пор не смогли заменить, ведь оптические нервы выгорели дотла.

— *Так и тянет предположить, что вместе с нами летят не столь заметные корабли моравеков, использующие технологию невидимости,* — передал Манмут.

— *И у меня появлялись подобные догадки,* — ответил иониец.

— *Раньше ты об этом даже не заикался.*

— *Ты тоже,* — напомнил Орфу.

— *Интересно, почему молчат Астиг-Че и*

другие первичные интеграторы? — произнёс капитан подлодки. — *Уж мы-то имеем право знать, если летим во главе настоящего флота в качестве мишени-приманки.*

Гигантский краб ответил инфразвуковыми раскатами, которые заменяли на личном луче пожатие плечами.

— *А что изменилось бы? Когда Земля нанесёт удар и пробьёт нашу скромную силовую защиту, нам с тобой будет уже не до жалоб.*

— *Кстати о Земле: за эти полмесяца голос из орбитального города ещё что-нибудь провещал?*

Манмут говорил о мазерной передаче, направленной точно на «Королеву Мэб». Послание было более чем лаконично. «Доставьте ко мне Одиссея», — только и повторял женский голос, опять и опять в течение двадцати четырёх часов, а затем так же резко умолк, как и включился.

— *Я проверял каналы поступающей информации*, — промолвил иониец. — *В последнее время — ничего новенького.*

Лифт зажужжал и остановился. Двери широко разъехались. Впервые со времени пребывания на Фобосе друзья ступили на мостик.

Над круглым мостиком диаметром тридцать метров раскинулся купол с толстыми стёклами

и голографическими экранами вместо окон. С точки зрения космической техники, увиденное почти порадовало маленького европейца. Разумеется, корабль, доставивший их с Орфу, покойными Коросом III и Ри По на Марс, опережал «Королеву Мэб» на несколько веков: солнечный парус из борволокна, разгон до одной пятой скорости света за счёт магнитных ножниц, реактивные двигатели, прочие современные устройства… Но и это атомное судно в диковинном ретро-стиле смотрелось очень… как бы точнее выразиться… *правильно*. Ни тебе виртуальных панелей управления, ни станций мгновенного подключения: более дюжины техников-моравеков сидели в допотопных креслах, приспособленных для ускорения, перед ещё более архаическими станциями наблюдения из металла и стекла. Настоящие переключатели, тумблеры, наборные диски (*диски!*) — подлинное пиршество для глаз и видеокамер. Днище казалось выполненным из текстурированной стали, словно только что извлечённой из боевого корабля эпохи Второй мировой войны.

У центрального навигационного стола стояли Астиг-Че, главный первичный интегратор с Европы, генерал Бех бин Адее — представитель боевых

моравеков Пояса, каллистянский штурман Чо Ли (чересчур похожий обликом и голосом на погибшего Ри По, так что Манмуту даже становилось не по себе в его обществе), Сума Четвёртый — крепко сложенный мухоглазый ганимедянин в панцире из углепласта, — и паукообразный Ретроград Синопессен.

Европеец приблизился и взлетел на металлический уступ, позволяющий низкорослым моравекам глядеть сверху вниз на блестящую столешницу.

— Осталось менее четырнадцати часов, прежде чем мы окажемся на нижней земной орбите, — проговорил Астиг-Че, не теряя времени на приветствия или обычную преамбулу. Манмуту, с его слухом, поднаторевшим в древней культурной истории, тут же пришёл на ум знаменитый актёр Потерянной Эпохи. Голос, поразительно напоминающий речи Джеймса Мейсона,[69] звучал невозмутимо, плавно, однако по-деловому. — Пора принимать решение, как же нам следует поступить.

Первичный интегратор предпочёл говорить вслух вместо того, чтобы воспользоваться общей

---

[69] notes: 69
Мейсон Джеймс (1909–1984) — английский актёр.

линией. В помещение накачали нормальное земное давление: оно особенно подходило европейцам, да и прочие моравеки спокойно его переносили. Громкая речь придавала встрече более доверительный характер, нежели болтовня по общей линии, но и не намекала на личные секреты, как личный луч.

— Женщина, которая требовала доставить Одиссея, ещё как-то напоминала о себе? — спросил Орфу.

— Нет, — как всегда мелодичным, тонким голоском ответил Чо Ли, грузный штурман со спутника Каллисто. — Однако мы направляемся именно туда, откуда поступили сигналы.

Чо Ли пробежал манипулятором-щупальцем по карте, и над столом появилась крупная голограмма Земли. Вокруг ярко светились кольца; бесчисленные искорки перемещались с запада на восток вдоль экватора и с севера на юг вдоль колец.

— Изображение даётся в реальном времени, — промолвила крохотная серебряная коробочка на тонких паучьих лапках, заключавшая в себе амальтеянина по имени Ретроград Синопессен.

— Я, конечно, способен считывать информацию с общей линии, — вмешался иониец. — И

вас я «вижу» благодаря отражённым радиолокационным сигналам и инфракрасным сканерам. Однако на голограмме могу кое-чего и не разглядеть, потому как слепой, и всё такое.

— А я тебе всё расскажу, — вызвался Манмут.

И подключив друга к личному лучу для высокоскоростной передачи информации в сжатом виде, принялся описывать парящее над штурманским столом объёмное изображение бело-голубой планеты с яркими экваториальным и полярным кольцами, что скрещивались поверх океанов и облаков. Отдельные объекты, из которых они, эти кольца, состояли, блестели на фоне чёрного космоса.

— Какое увеличение? — осведомился краб.

— Не более десяти, — промолвил Синопессен. — Уровень слабого бинокля. Мы приближаемся к орбите земного спутника, хотя Луна и находится сейчас по ту сторону планеты от нас. Скоро прекратим взрывать ядерные бомбы и перейдём на ионный двигатель. Незачем напрашиваться на лишние неприятности. Скорость уже упала до десяти километров в секунду и продолжает снижаться. Полагаю, в последние два дня вы испытали на себе одну целую двадцать пять сотых земного притяжения.

— А как Одиссей перенёс дополнительную нагрузку? — полюбопытствовал Манмут.

Он целую неделю не видел единственного оставшегося человека на борту «Королевы Мэб». Европеец надеялся, что Хокенберри квитируется обратно, однако по сей день этого не произошло.

— Прекрасно, — пророкотал ганимедянин Сума Четвёртый. — Правда, почти не покидает своей каюты; впрочем, это его обычное поведение.

— Он говорил что-нибудь о послании, которое мы получили по мазеру? — продолжал ониец. — Насчёт этих слов: «Доставьте ко мне Одиссея»?

— Ничего, — откликнулся Астиг-Че. — Только сказал, что не узнаёт женский голос, что это не Афина, не Афродита и не любая другая из небожительниц, которых он встречал.

— Откуда исходил сигнал? — спросил Манмут.

Активировав яркую лазерную указку в манипуляторе, Чо Ли указал на пятнышко в полярном кольце, ползущее к южному полюсу на обратной стороне прозрачной планеты.

— Увеличить изображение, — приказал штурман искусственному интеллекту «Королевы».

Точка словно выпрыгнула из голограммы, мгновенно заместив собой Землю. Это оказался город, имеющий форму примитивной гантели;

длинные стеклянные башни, шары, купола, витые шпили, арки — всё состояло из металлических брусьев, мутного оранжевого стекла и света. Манмут вкратце пересказал всё, что видит, своему другу.

— Перед нами один из крупных искусственных объектов планетарной орбиты, длиной около двадцати километров, — проговорил Ретроград Синопессен. — Его приблизительно можно сравнить с Манхэттеном до затопления. Судя по всему, внутри находится камень и тяжёлое металлическое ядро — возможно, захваченный астероид, обладающий собственным, хотя и маленьким, притяжением.

— Каким именно? — поинтересовался Орфу.

— Примерно десять сантиметров в секунду, — сказал альматеянин. — Достаточно, чтобы человек или неусовершенствованный «пост» не свалился прочь и не умчался в космос после неудачного прыжка, зато при желании мог бы парить, когда ему только вздумается.

— Довольно похоже на Фобос, я имею в виду размеры и гравитацию, — заметил капитан подлодки. — Есть хоть какие-нибудь догадки, кто там живёт или чей голос до нас долетел?

— Постлюди возвели орбитальные города более

двух стандартных тысячелетий назад, — сообщил первичный интегратор Астиг-Че. — Как вам известно, моравеки считали этот вид уже вымершим: последние радиосигналы умолкли где-то в середине указанного срока, наши астрономы не видели ни одного корабля в окололунном пространстве, не наблюдали следов какой-либо деятельности на Земле, однако не исключено, что часть популяции выжила. Или переродилась.

— В кого? — спросил иониец.

Астиг-Че ответил самым что ни на есть устарелым, загадочным, но чрезвычайно выразительным человеческим жестом: пожал плечами. Манмут взялся было объяснять происходящее другу, но тот, по его словам, уже уловил движение посредством радара и чутких инфракрасных датчиков.

— Позвольте изложить последние полученные нами данные, прежде чем будет принято решение о спуске «Смуглой леди» на орбиту, — промолвил главный первичный интегратор и опустил на штурманский стол весьма человеческую с виду ладонь.

Голограмму орбитального острова сменило уменьшенное изображение Земли и Марса, связанных между собой мириадами голубых,

зелёных и белых нитей. Внизу проступили туманные колонки данных. Казалось, планеты опутала сеть обезумевшего паука; вот только паутина пульсировала и росла на глазах, выпуская всё новые нити, которые точно по собственной воле спутывались крепкими узлами. Маленький европеец поспешил поделиться информацией с невидящим другом.

— *Всё в порядке,* — откликнулся тот. — *Я подключился к банку данных. Это почти то же самое, что смотреть на графики.*

— Мы с вами наблюдаем картину квантовых процессов за последние десять стандартных дней, — произнёс Чо Ли. — Нельзя не заметить, как возросли — почти на десять процентов — их активность и нестабильность. В ближайшее время наступит критическая стадия…

— Насколько критическая? — осведомился Орфу.

Астиг-Че повернулся к большому ионийцу лицом-забралом.

— Достаточно критическая. При нынешнем уровне нестабильности мы встанем перед выбором уже через неделю. Если положение ухудшится, то ещё раньше. Нельзя подвергать угрозе целую солнечную систему.

— Что ещё за выбор? — вмешался Манмут.

— Вероятно, придётся уничтожить экваториальное и полярное кольца как источник неустойчивых квантовых потоков. Возможно, прижечь вулкан Олимп и прочие квантовые узлы на Марсе, — изрёк генерал Бех бин Адее. — И если потребуется, стерилизовать Землю.

Орфу присвистнул, и купол эхом повторил этот непривычный для моравеков звук.

— А что, на «Королеве Мэб» хватит для этого боевой мощи?

— Нет, — покачал головой военный.

«Похоже, я был прав насчёт прикрытия из невидимых кораблей», — подумал капитан подлодки.

— *Похоже, мы были правы насчёт прикрытия из невидимых кораблей,* — передал по личному лучу Орфу.

Если бы у Манмута были веки, он заморгал бы от удивления: надо же, как совпали их мысли.

Повисла многозначительная тишина. Примерно минуту никто из шестерых моравеков, собравшихся за навигационным столом, не проронил ни слова и не воспользовался личной связью.

— Мы вам ещё не всё рассказали, — в конце концов промолвил Сума Четвёртый.

Высокий ганимедянин в панцире из углепласта потянулся к управляющему устройству и возвратил увеличенное изображение земной поверхности. Маленький европеец мгновенно узнал острова бывшей Британии (о, Шекспир!), и вот уже перед ним распростёрся весь европейский континент. Голокуб заполнили две картинки. На первой был довольно странного вида город, возведённый вокруг чёрного кратера, на второй, по всей видимости, он же, только густо опутанный голубой сетью, не слишком отличающейся от квантовых нитей, соединивших Землю и Марс. Манмут поведал товарищу о загадочной синеватой массе.

— И что это за фигня? — осведомился Орфу.

— Неизвестно, — отозвался Сума Четвёртый, — однако стандартную неделю назад её здесь не было. Судя по географическим координатам, когда-то на этом месте находился город Париж, столица древнего государства под названием Франция. Возле старинного кратера от чёрной дыры, там, где наши астрономы наблюдали примитивную, но заметную деятельность «старомодных» людей, теперь вырос этот голубой купол в окружении шпилей и спутанных нитей.

— Кто бы мог сплести такую паутину? — спро-

сил капитан «Смуглой леди».

— Опять же неизвестно, — проговорил Сума Четвёртый. — Но мы провели кое-какие измерения…

На этот раз гигантский краб не засвистел, а вот у Манмута возникло такое желание. Температура в опутанных голубой сетью областях Парижа упала до ста градусов ниже нуля по Цельсию, меж тем как буквально в нескольких метрах Земля сохраняла естественную для данного региона и времени года теплоту. А ещё чуть далее можно было плавить свинец.

— Это какое-то явление природы? — высказался маленький европеец. — Какая-нибудь аномалия из Безумных Времён, вызванная шальными опытами «постов» над экологией и формами земной жизни?

— Ничего подобного мы до сих пор не замечали, — возразил Астиг-Че. — А ведь астрономы Консорциума беспрерывно вели наблюдения. И потом, взгляните-ка на это.

На голографической карте, стянувшейся обратно в маленький шарик планеты, начали появляться новые и новые районы, отмеченные голубым цветом. Теперь они были повсюду: в Европе, в Азии, на территории бывшей Южной

Америки, на юге Африки… Манмут насчитал ровно дюжину (он торопливо передавал всё увиденное своему товарищу). Каждый такой кружок был помечен датой его обнаружения сенсорами учёных моравеков с точностью до секунды, а рядом стояли результаты тепловых измерений, сходные с полученными в городе у кратера.

— И вот ещё, — произнёс Астиг-Че.

Над Парижем и прочими голубыми узлами, включая местность под названием Иерусалим, взметнулись в небо тонкие прямые линии, концы которых уходили в космос и пропадали за пределами Солнечной системы.

— Ну, это мы уже видели, — заметил иониец, выслушав описание друга. — Такой же столп из тахионов вырос в Дельфах на древней Земле Илиона в день, когда с планеты исчезла большая часть жителей.

— Именно, — подтвердил первичный интегратор Астиг-Че.

— Тот луч, как нам показалось, бесцельно уходил в глубокий космос, — вставил любитель Шекспира. — А эти?

— Пожалуй, тоже, — подал голос Чо Ли, — если не считать Малых Магеллановых облаков, задетых по самому краю. Кроме того, здесь мы

обнаружили квантовую составляющую.

— Квантовую составляющую? — перебил иониец. — А что это?

— Лучи сдвинуты по фазе на квантовом уровне и, стало быть, существуют больше в пространстве Калаби-Яу, нежели в четырёхмерном пространстве-времени Эйнштейна, — пояснил штурман с Каллисто.

— Иными словами, — проговорил Манмут, — они уходят в другую вселенную.

— Да.

— Во вселенную Илиона? — с надеждой спросил маленький европеец.

С тех пор, как несколькими неделями ранее захлопнулась последняя Брано-Дыра между Марсом настоящего времени и Землёй осаждённой Трои, моравеки утратили связь с миром Агамемнона и Приама. Лишь один Хокенберри без затруднений квант-телепортировался через пространство Калаби-Яу на «Королеву Мэб» и, предположительно, в обратную сторону (впрочем, никто не мог сказать, куда он отправился, покинув космическое судно). Манмут же, успевший лично узнать многих греков и троянцев, по-прежнему чаял возобновить отношения с ними.

— Вряд ли, — разочаровал коллегу Чо Ли. — При-

чины случившегося столь же сложно разъяснить, как и космическую математику многомембранного пространства Калаби-Яу, на выкладках которой основываются наши догадки. Восемь месяцев назад вы успешно активировали на Марсе особый Прибор, на чьи показания мы опираемся… В общем, тахионные лучи уходят скорее всего в иные миры, но не во вселенную Илиона.

Маленький европеец развёл руками.

— Ну и как это связано с нашей миссией? Предполагалось, что я проведу «Смуглую леди» по земным океанам или морям и доставлю Суму Четвёртого на место, так же, как в прошлом году должен был отвезти покойного Ри По к Олимпу. Разве что-то изменилось из-за голубой паутины и тахионных лучей?

Наступила очередная неловкая пауза.

— Умножились и возросли опасности, связанные с проникновением в атмосферу, — промолвил Сума Четвёртый.

— Переведите, пожалуйста, — попросил Орфу.

— Прошу, взгляните, — откликнулся высокий ганимедянин.

Над штурманским столом включилась трёхмерная астрономическая запись. Манмут принялся описывать голографическое зрелище по личному

лучу.

— Обратите внимание на дату, — предупредил Астиг-Че.

— Более восьми месяцев назад, — прочитал капитан подлодки.

— Правильно, — кивнул главный первичный интегратор. — Это было вскоре после того, как мы перебросили свои силы через Брано-Дыру во вселенную Марса/Илиона. Сами видите, разрешение относительно скромное по сравнению с нынешними снимками, которые мы получаем с орбитальных колец. Запись вели ещё с базы на Фобосе.

Орбитальный объект, представший глазам и камерам моравеков, смахивал, пусть и не в точности, на тот, откуда получила послание «Королева Мэб». Крошечный, не длиннее двух километров, астероид напоминал медленно вращающуюся скалу, покрытую блестящими стеклянными башнями, куполами и прочими сооружениями. Внезапно в поле зрения появилось ещё одно тело, более всего похожее на трёхкилометровый серебристый жезл, обвешанный цилиндрами для топлива, стальными перекладинами, грузовыми блоками и увенчанный выпуклым искрящимся набалдашником в виде луковицы. Из сопел вы-

рывались огни, однако Манмут почуял подвох: нет, перед ним не просто космический корабль.

— А это что за фигня? — поинтересовался Орфу, выслушав рассказ товарища и считав данные.

— Орбитальный линейный ускоритель с уловителем червоточин на носу, — объяснил Астиг-Че. — Обратите внимание, управляется автоматически: кто-то или что-то посылает приказы прямо из астероидного города и, в нарушение всех протоколов безопасности, наводит его прямо на астероид.

— Зачем? — спросил иониец.

Никто не ответил. Пятеро моравеков смотрели, а гигантский краб слушал, как длинный космический аппарат продолжал набирать скорость, пока не врезался в астероидный остров. Главный первичный интегратор притормозил показ. Сверкающие купола и башни, полыхнув, чрезвычайно медленно брызнули осколками во все стороны. Затем раскололся и сам астероид, когда уловитель чёрных дыр на носу линейного ускорителя взорвался под действием бесчисленных водородных бомб. Неторопливо и беззвучно полопались резервуары с горючим, занялись двигатели, и ускоритель самовоспламенился.

— Теперь повнимательнее, — сказал Сума Чет-

вёртый.

К изображению голографических взрывов прибавился ещё один вид из телескопа и показания радара. Манмут рассказал товарищу по личному лучу, как горящие обломки разлетелись по плоскости экваториального кольца и дюжины, а затем сотни маленьких космических судов устремились к подбитому астероиду.

— Какого они размера? — полюбопытствовал Орфу.

— Шесть метров на три, — ответил Чо Ли.

— Людей на борту нет, — произнёс гигантский краб. — Моравеки?

— Скорее что-то вроде сервиторов, услугами которых человечество пользовалось много веков назад, — отозвался Астиг-Че. — Примитивные ИскИны с одной задачей, как вы сейчас увидите.

Капитан подлодки увидел. И поделился с другом. Сотни, тысячи крохотных аппаратов, устремившихся к облаку, оставшемуся от астероида и линейного ускорителя, оказались мощными лазерами с мозгом и устройством для наведения. Главный первичный интегратор ускорил запись, перемотав несколько часов, пока лазеры-сервиторы сновали среди мусора, уничтожая каждый обломок, способный уцелеть после входа в ат-

мосферу.

— Постлюди глупцами не были, — произнёс Астиг-Че. — По крайней мере в том, что касалось инженерного искусства. Если собрать все космические тела, из которых они построили кольца (а это более миллиона объектов, и некоторые достигают размеров нашего Фобоса), получится гигантский ломоть новой Луны. А что будет, если все они рухнут на Землю? И вот создатели придумали безотказную защиту. Мощные лазерные шершни, разрушающие любой мусор, и есть последняя линия обороны. Даже спустя целых восемь стандартных месяцев метеоры всё ещё падают на планету, однако с тех пор не произошло ни одного катастрофического столкновения.

— Орбитальные лейкоциты, — вставил ионие-ец.

— В яблочко, — согласился первичный интегратор Консорциума Пяти Лун.

— Ясно, — промолвил наконец Манмут. — Вы боитесь, что, если, согласно первому плану, спустить в атмосферу шлюпку со «Смуглой леди» на борту, роботы-защитники сцапают нас как миленьких.

— Масса шлюпки вместе с твоей подлодкой может представлять угрозу для планеты, — от-

ветил Астиг-Че. — Мы наблюдали, как лазеры… лейкоциты, по выражению Орфу, превращали в плазму или выбрасывали в космос астероидные обломки гораздо меньшего размера.

Манмут покачал головой из пластика и металла.

— Не понимаю. Эта запись и эти знания были у вас восемь месяцев назад — и всё-таки вы потащили меня и «Смуглую леди» в такую даль… Что изменилось?

Генерал Бех бин Адее вернул голографическую запись столкновения и взрыва астероида.

Изображение увеличилось, пошло крупным зерном.

— *Что там?* — передал по личному лучу гигантский краб.

Маленький европеец описал ему всё, что видит. В гуще осколков среди ярких вспышек летело крошечное судно с тремя людьми на борту, распростёртыми в открытых нишах; только слабые отблески силового поля давали понять, почему все трое не умерли в вакууме.

— И что это такое? — громко проговорил Манмут, окончив рассказ.

Ответил ему Орфу:

— Древнее летающее устройство, которым

пользовались тысячи лет назад люди старого образца и «посты». Последние — чтобы перемещаться между планетой и кольцами. Его называли ПЛА, полифункциональным летательным аппаратом, а иногда просто соньером.

Запись ускорилась, остановилась и вновь ускорилась. Любитель Шекспира поведал товарищу, как соньер изворотливо юлит между пылающими и взрываемыми обломками погибшего астероида.

Голограмма отразила траекторию полёта; машина вошла в атмосферу и, описав спираль над центром Северной Америки, совершила посадку в районе чуть ниже Великих озёр.

— Здесь находилась одна из наших целей. — Астиг-Че щёлкнул по каким-то иконкам и вызвал неподвижные телескопические снимки человеческого жилища на холме. Огромный дом окружали бараки и нечто вроде оборонительной деревянной стены. Повсюду суетились люди, несколько дюжин людей — во всяком случае, так казалось на расстоянии.

— Это было неделю назад, когда судно входило в стадию замедления, — сообщил генерал Бех бин Адее. — А вот что мы получили вчера.

То же изображение, только на месте большого

дома и частокола — пепелище, усеянное трупами.

— Не понимаю, — повторил Манмут. — Бойня случилась именно там, где восемь месяцев назад приземлился соньер. Кто или что могло устроить такое?

Военный показал другой телескопический снимок и увеличил его. Сквозь нагие древесные кроны вырисовывались десятки двуногих существ серебристо-серого тусклого цвета, безголовых, но с тёмными капюшонами-горбами. Конечности чужаков были очень странно устроены — не как у людей или моравеков любого известного вида.

— Кто это? — спросил маленький европеец. — Тоже сервиторы? А может, роботы?

— Затрудняюсь ответить, — изрёк Астиг-Че, — но твари нападают на малочисленные общины и убивают «старомодных» людей по всей планете.

— Это ужасно, — вставил Манмут, — однако при чём тут наша миссия?

— А я догадался, — промолвил Орфу. — Вопрос в том, как подобраться ближе к поверхности, чтобы разобраться в происходящем. А главное — почему лейкоциты-лазеры не открыли огонь, когда соньер вошёл в атмосферу? Он достаточно

крупный и мог представлять угрозу для обитателей Земли. Почему же его не тронули?

Несколько мгновений капитан подлодки сосредоточенно размышлял и наконец произнёс:

— На борту были живые люди.

— Или «посты», — уточнил главный первичный интегратор. — Слабое разрешение не позволяет сказать наверняка.

— Лейкоциты пропускают только те аппараты, в которых есть либо человек, либо «пост», — медленно проговорил Манмут. — И вы это знали восемь с лишним месяцев. Так вот ради чего меня заставили похитить Одиссея.

— Ну да, — не стал возражать Сума Четвёртый. — Ахейца собирались отправить на Землю, его ДНК должна была сыграть роль отмычки…

— А теперь женский голос требует срочно выдать Одиссея на орбитальный остров, — закончил за него иониец и разразился глубоким рокотом, похожим не то на усмешку, не то на результат несварения желудка.

— Именно, — подтвердил Астиг-Че. — И мы не имеем представления, позволят ли нашей космошлюпке и вашей подлодке проникнуть в атмосферу без людей-пассажиров.

— Можно не отвечать на приглашение, — пред-

ложил маленький европеец. — Взять Лаэртида с собой, потом отослать на кольцо вместе со шлюпкой… — Он помолчал. — Нет, не получится. Можно поспорить, астероидный город откроет пальбу по «Королеве Мэб», если мы не выполним требования.

— Весьма вероятно, — согласился главный первичный интегратор. — Итак, приказ доставить ахейца в астероидный город и снимки кровавой бойни, устроенной двуногими нелюдями, — вот новые препятствия, с которыми мы столкнулись уже после того, как задумали небольшой круиз до Земли и обратно.

— Жаль, Хокенберри нас бросил, — посетовал Манмут. — Его ДНК, пусть даже восстановленная олимпийцами или ещё кем-нибудь, всё же могла бы спасти нас от орбитальных лейкоцитов.

— Чтобы принять решение, у нас осталось чуть меньше одиннадцати часов, — промолвил Астиг-Че. — Потом корабль поравняется с орбитальным городом полярного кольца, и будет поздно сбрасывать шлюпку с подводной лодкой. Предлагаю вновь собраться через два часа и сделать окончательный выбор.

Заходя в грузовой подъёмник вслед за товарищем, гигантский краб хлопнул европейца

тяжёлой дланью по плечу.

— Что ж, поздравляю, Стэнли, — передал Орфу. — Ты втянул меня в очередную передрягу![70]

46

Харман пережил битву при Ардис-холле в реальном времени.

Увиденная чужими глазами, услышанная чужими ушами туринская драма хотя и внушала сильные чувства, но всегда казалась чем-то далёким, не имеющим отношения к жизни. И вот развлечение обернулось адскими муками. Вместо нелепой и явно вымышленной Троянской осады будущий отец наблюдал сражение *настоящее* (он чувствовал, он точно *знал* это), причём события не то разворачивались прямо во время просмотра, не то подавались в очень свежей записи.

Более шести часов провёл мужчина под пеленой, утратив связь с окружающей действитель-

---

[70] notes: 70

Знаменитая фраза известных американских комиков: Лорела Стэна (настоящее имя — Артур Стэнли Джефферсон, 1890–1965) и Харди Оливера (1892–1957). Расцвет творчества этой пары падает на конец 20-х гг. На экране они великолепно дополняли друг друга. Легкомысленный глуповатый худышка Лорел ни одно дело не был способен довести до конца. Раздражительный толстяк Харди, вынужденный расплачиваться за проделки друга, — воплощение оскорблённого достоинства.

ностью. Он видел всё, начиная от нападения войниксов около полуночи — и почти до восхода солнца, когда в Ардисе бушевало пламя и маленький соньер улетал на север, унося его возлюбленную — израненную, истекающую кровью, потерявшую сознание Аду, которую погрузили на борт, словно мешок с нутряным салом.

Харман с изумлением разглядел в капитанской нише Петира (где же Ханна и Одиссей?) и не удержался от вопля, когда кто-то из войниксов запустил тяжёлым камнем, и молодой человек замертво рухнул на землю. О, сколько их, колонистов и близких товарищей, не дожили до утра: юная Пеаен была убита булыжником, красавица Эмма, потеряв руку, сгорела вместе с Реманом в заградительной канаве, Салас погиб, Ламана свалили… Похоже, привезённое от Золотых Ворот Мачу-Пикчу оружие не изменило хода битвы против разбушевавшихся войниксов.

Зритель громко стонал под кроваво-красной повязкой.

Спустя шесть часов изображение остановилось. Мужчина поднялся и отшвырнул пелену прочь.

Маг снова исчез. Харман прошёл в небольшую уборную, воспользовался причудливым унитазом, дёрнул за бронзовую цепь, повернул

фарфоровую ручку крана, плеснул воды себе в лицо и принялся жадно пить из пригоршни. Потом ещё раз обыскал двухэтажный вагон.

— Просперо! *ПРОСПЕРО!!!*

Рёв отдавался эхом во всех металлических углах.

Избранник Ады распахнул рывком двери балкона, запрыгнул на лестницу (чихать он хотел на бездну под ногами) и быстро полез на крышу летящего сооружения.

Студёный воздух обжигал щёки. Пассажир «протуринил» целую ночь напролёт, и теперь по правую руку от него вставало холодное золотое светило. Уходящие на север толстые тросы тянулись всё выше. Харман застыл у края, глядя прямо перед собой и сознавая, что не только вагон, но и сами башни карабкались кверху, должно быть, в течение многих часов. Равнинные джунгли растаяли в ночи, а *Эйфелева дорога* поднялась на предгорья и уже оттуда двинулась по настоящим хребтам.

— ***Просперо!!!***

Скалы, темневшие в сотнях футов под ногами, отозвались раскатистым эхом.

Мужчина стоял на крыше, пока солнце не оторвалось от горизонта на две ладони, но и тогда не

сделалось теплее. Харман понял, что замерзает. Канатный путь завёл его в края из камня, льда и небес; всё, что могло расти и зеленеть, осталось позади. Пассажир заглянул за край и увидел огромную ледяную реку: *глетчер* — так именовалось это явление в книге, которую он однажды «проглотил». Точно белая змея вилась между скал и заснеженных пиков, отражая слепящее солнце, морщась чёрными бороздами, увлекая за собой обломки утёсов. Кое-где поток разрезали остроконечные каменные клинья.

С канатов над головой облетала, раскалываясь, крепкая наледь. Даже колёса маховиков гудели как-то холодно, по-особенному. На крыше качающегося вагона и на сбегающих книзу ступенях блестела прозрачная корка. Мужчина подполз к лестнице на больных руках, осторожно спустился, дрожа всем телом, раскачался, спрыгнул на заиндевелый балкон и шатко вошёл в натопленную комнату.

Старец в синем халате стоял у камина, где жарко пылали дрова, и грел руки.

Несколько минут Харман стоял у стеклянных дверей, увитых кружевными морозными узорами. Его трясло от гнева и от озноба. Броситься на похитителя? Да, но как не хотелось очнуться на

полу через десять минут, когда на счету каждое мгновение.

— Владыка Просперо, — усилием воли пленник заставил себя говорить учтиво и убедительно, — я согласен сделать всё, что вы пожелаете. Я расшибусь в лепёшку, но стану тем, кем вы скажете. Клянусь вам жизнью нерожденного сына или дочери. *Только, пожалуйста, верните меня в Ардис. Моя жена ранена, возможно, умирает, и я ей нужен.*

— Нет, — отрезал маг.

Харман устремился вперёд. Сейчас он выбьет чёртовы мозги из лысой башки старикана его же собственной палкой. Сейчас он…

В этот раз мужчина не потерял сознания. Высокое напряжение швырнуло его через комнату. Отскочив от упругой кушетки, супруг Ады оказался на четвереньках на затейливом ковре. Перед глазами поплыли алые круги. Харман зарычал и поднялся снова.

— В следующий раз останешься без ноги, — предупредил Просперо невозмутимым, будничным, совершенно не вызывающим сомнения тоном. — Так что к женщине своей не побежишь, а поскачешь.

Мужчина остановился.

— Что я должен делать? — прошептал он.

— Для начала сядь… Да не туда — к столу, оттуда виднее, что творится снаружи.

Пленник повиновался. Стеклянные панели по большей части оттаяли; солнечный свет резал глаза, отражаясь от ледяных утёсов и глетчера. Местные горы всё неистовее тянулись к небу: Харман ещё не видел такого скопления высочайших пиков. Зрелище получалось намного внушительнее, чем у Золотых Ворот Мачу-Пикчу. Двухэтажная кабина воспарила над островерхим хребтом (ледяная река нырнула куда-то вниз и налево) и, дребезжа, коснулась очередной башни. Мужчина вцепился в край стола. Вагон покачнулся, подпрыгнул, проскрежетал по льду — и поскрипел себе дальше.

Девяностодевятилетний прильнул к морозному стеклу посмотреть, как удаляется башня. В отличие от прежних, чёрных построек эта сияла на солнце начищенным серебром. Изящные арки и тонкие перекладины напоминали паутинку в ярком блеске утренней росы. «Обледенела», — сообразил пассажир и повернул голову в другую сторону, куда уходили заиндевелые тросы, а там… Взору предстал белоснежный склон самой изумительной горы, какую только можно было… даже

нет, *невозможно* было вообразить. К западу от неё, над убийственно острым, как нож мясника, зубчатым гребнем клубились тучи. Поверхность горы избороздили полосы: голый камень, лёд, опять камень и, наконец, пирамида из чистого снега и сверкающего льда.

Вагон продолжал ползти по скрипучим канатам дороги, которая уводила по длинной гряде на восток от немыслимо прекрасного пика. В вышине, на крутом утёсе, искрилась новая башня, далеко над ней — другая, а за ними, на маковке той самой колоссальной горы, вознёсся непостижимо безупречный купол, молочную белизну которого нежно позолотил рассвет. Сооружение окружали четыре *Эйфелевы башни*, и всё это вместе покоилось на меловом основании, уравновешенном над отвесной вершиной. От пьедестала к окрестным пикам тянулось по меньшей мере шесть подвесных мостов. Высотой, грациозностью и видимой лёгкостью каждая из арок стократ превосходила Золотые Ворота Мачу-Пикчу.

— Что это за место? — прошептал Харман.

— Джомолунгма, — ответил Просперо. — Богиня-Мать Мира.

— А здание на верхушке…

— Ронгбук Пумори Чу-му-ланг-ма Феног Дудх Коси Лхотце нупцзе Кхумбу ага Гхат-Мандир Хан Хо Тёп Рауца, — пояснил маг. — В этих краях оно известно под именем Тадж Мойра. Мы сделаем там остановку.

47

В ту первую промозглую ночь, проведённую Даэманом на Тощей Скале, войниксы, кишевшие у подошвы сотнями, если не тысячами, почему-то не стали нападать на людей. И во вторую — тоже. К вечеру третьего дня все страдали от голода, ран, простуд или гриппа; у многих начиналось воспаление лёгких. Левая рука Даэмана — та, на которой калибано откусил ему два пальца, — болела и лихорадочно тряслась, голова постоянно кружилась. Но твари так и не явились.

Ада пришла в себя на второе утро. Тело её покрывали бесчисленные раны, порезы и ссадины, правая кисть и два левых ребра были сломаны, однако всё это не представляло такой угрозы для жизни, как сильное сотрясение мозга и отравление дымом. Когда будущая мать наконец очнулась, её терзали ужасная головная боль, острый кашель и смутные воспоминания

о последних часах резни при Ардисе; впрочем, рассудок сохранял полную ясность. Ровным бесцветным голосом молодая женщина расспросила о тех, чью смерть она, как ей показалось, наблюдала, прежде чем лишиться чувств. Греоджи монотонно отвечал, и только глаза бывшей хозяйки особняка выдавали её чувства.

— Петир? — глухо говорила она, стараясь не закашляться.

— Мёртв.

— Реман?

— Тоже.

— Эмма?

— Погибла вместе с Реманом.

— Пеаен?

— Войниксы разбили ей грудь камнем. Скончалась уже здесь, на Тощей Скале.

— Салас?

— Убит.

— Оэллео?

— Тоже…

Перечислив ещё два-три десятка имён, Ада бессильно откинулась на грязный мешок, подложенный под голову вместо подушки. её измазанное сажей и кровью лицо побледнело, точно бумага.

Даэман — он стоял здесь же, рядом, на коленях,

с яйцом Сетебоса в рюкзаке, — прочистил горло.

— Кое-кто уцелел, кузина, — произнёс он. — С нами Боман… И Каман. Каман — один из первых учеников Одиссея, он «проглотил» все книги по военной истории, какие сумел найти. Ламан, хотя и утратил четыре пальца на правой руке, защищая Ардис, тоже выжил, он где-то здесь… Тут Лоэс и Стоман. И некоторые из тех, кого я послал предупреждать остальные общины, — Кауль, Око, Эдида, Элла. Да, ещё Том и Сирис.

— Хорошо, — промолвила женщина и зашлась кашлем.

Том и Сирис считались лучшими врачами в общине.

— Правда, медицинские инструменты и лекарства все пропали, — признался Греоджи.

— А что не пропало? — спросила Ада.

Пилот соньера пожал плечами.

— Оружие, только без боеприпасов, и одежда, кто в чём был. Несколько одеял и брезент — прятались под холодным дождём.

— Кто-нибудь вернулся в Ардис похоронить павших? — твёрдо, несмотря на хрип и кашель, произнесла будущая мать.

Греоджи покосился на Даэмана и отвёл глаза в тёмную даль, за край высокой скалы, на которой

сгрудились уцелевшие.

— Не вышло, — ответил он чётким голосом. — Пробовали. Но войниксы… Там засада.

— Из Ардис-холла спасли хоть что-нибудь?

Пилот покачал головой.

— Ничего существенного. Всё погибло, Ада. Всё погибло.

Супруга Хармана лишь кивнула. Пожар уничтожил более двух тысяч лет фамильной истории, предмет гордости её предков. Однако в этот миг она думала не о сгоревшем и разорённом особняке; судьба израненных, замёрзших людей, загнанных на вершину голой скалы, — вот что целиком занимало мысли молодой женщины.

— А с едой и питьём у нас как?..

— Воду собираем брезентом после дождя, — оживился Греоджи, явно обрадованный переменой темы. — Иногда охотимся на соньере. В основном попадаются кролики, но вчера завалили лося. До сих пор выковыриваем дротики.

— Почему войниксы нас ещё не поубивали?

В голосе Ады сквозило слабое любопытство.

— Вот-вот, — буркнул Даэман. — Хороший вопрос.

У него имелись кое-какие догадки, но делиться ими было рановато.

— Если что-то их и держит, — сказал пилот, — то явно не страх. В лесу этих тварей шныряет около двух-трёх тысяч, а дротиков у нас хватит на несколько сотен. Войниксы могут залезть на скалу, когда захотят. Однако не лезут.

— Вы пробовали пробиться к факс-узлу? — полувопросительно проговорила молодая женщина.

— Там тоже была засада. — Греоджи махнул рукой и посмотрел в синее небо.

Впервые за долгое время выдался ясный день. Колонисты спешили просушить под солнцем сырую одежду и одеяла, расстилая их, точно сигнальные полотнища, на плоском акре вершины Тощей Скалы. Стояла жуткая зима, какой уже никто не мог припомнить, и все дрожали в жиденьких лучах рассвета.

— Мы проверяли, — сообщил Даэман. — В соньере умещается ровно двенадцать человек (и это вдвое больше положенного). Стоит посадить ещё, машина отказывается лететь. Она и с дюжиной туда-сюда вихляет.

— Сколько нас тут, говорите? — переспросила Ада. — Всего полсотни?

— Пятьдесят три человека, — уточнил Греоджи. — Девять из них, включая тебя до сегодняшнего утра, были не в состоянии лететь из-за ран

или болезней.

— Теперь восемь, — серьёзно промолвила будущая мать. — Получается пять рейсов. Если, конечно, войниксы не нападут, как только мы начнём эвакуацию. И если нам будет куда бежать.

— Да уж, — согласился пилот. — Если будет куда.

Когда хозяйка Ардис-холла заснула — именно заснула, как уверял товарищей Том, а не впала в полубессознательное состояние, — Даэман взял свой рюкзак и, опасливо держа его на расстоянии, подошёл к самому краю вершины. Внизу сновали враги, мужчина видел сквозь кроны деревьев их серебристые безголовые тела и кожаные горбы. Время от времени чудовища группами пересекали широкий луг, посреди которого возвышалась Тощая Скала, при этом вид у них был довольно целеустремлённый. Почему-то никто из тварей даже не смотрел наверх.

К Даэману подошли Греоджи, Боман и темноволосая Эдида.

— Прыгать надумал? — окликнул товарища Боман.

— Нет, — отозвался мужчина. — Я тут прикидывал, сколько у нас осталось верёвки. Можно

ли опустить меня к войниксам, но так, чтобы они не достали?

— Около сотни футов найдётся, — ответил Греоджи. — Повиснешь футах в семидесяти — восьмидесяти от серых уродов, хотя им это вряд ли помешает сцапать добычу. А с какой радости вдруг тебя туда потянуло?

Присев на корточки и положив рюкзак на скалу, кузен Ады извлёк наружу яйцо Сетебоса. Товарищи присели рядом и недоуменно уставились на диковину.

Не дожидаясь вопросов, Даэман сам рассказал, откуда она взялась.

— *Зачем?* — только и сказала Эдида.

Мужчина вынужден был пожать плечами.

— Пришло как-то в голову… Показалось удачной идеей, вот и всё.

— Сколько раз я расплачивалась за такие «просветления», — произнесла невысокая темноволосая колонистка.

Даэман подумал, что ей, наверное, уже исполнилось четыре полных Двадцатки. Хотя посещения лазарета лишали «старомодных» людей внешних признаков возраста, старшие всегда казались более уверенными в себе.

Бывший любитель бабочек поместил серебри-

стое, слегка пульсирующее яйцо в небольшую расщелину — так, чтобы не укатилось, — и предложил:

— Потрогайте.

Боман решился первым. Он без боязни накрыл скорлупу ладонью, ожидая ощутить хоть немного тепла, — и тут же отдёрнул руку, точно ужаленный.

— Эй, что за чёрт!

— Да уж, — подтвердил Даэман. — Я испытал то же самое. Эта штуковина как будто высасывает из тебя силы, прямо из сердца. Или из души.

Пилот соньера и Эдида по очереди коснулись яйца, после чего вскочили и отодвинулись подальше.

— Разбей эту дрянь, — потребовала женщина.

— А вдруг Сетебос явится за своим добром? — нахмурился Греоджи. — Знаете, матери часто находят украденных детёнышей. И при этом очень сердятся. Тем паче когда мамаша — огромный мозг на руках и с жёлтыми глазами…

— Я думал об этом. — Сын Марины умолк.

— Ну и? — сказала Эдида. За несколько месяцев их знакомства она проявила себя весьма здравомыслящей и сведущей особой, вот почему Даэман избрал её участвовать в операции «предупре-

дим-три-сотни-факс-узлов». — Хочешь, я сама его разобью? — спросила женщина, натягивая кожаные перчатки. — Давай посмотрим, как далеко мне удастся запустить эту мерзость. Может, даже по войниксу попаду?

Кузен Ады закусил губу.

— Проклятие, мы ведь не хотим, чтобы оно вылуплялось на Тощей Скале, — чертыхнулся Боман, наводя самострел на молочную скорлупу. — Зная, на что способна его мама-папа, я не удивлюсь, если даже мелкий детёныш всех нас прикончит.

— Погодите, — вмешался Даэман. — Вылупляться ему ещё не время. Может, холод и не убил его, но замедлил созревание… Или как это называется у чудовищ… Сначала я бы хотел провести один опыт.

Они полетели на соньере, отключив защитное поле. Греоджи управлял, Боман с Эдидой целились из винтовок, стоя на коленях в кормовых нишах.

В тени между деревьями на дальнем конце луга копошились войниксы. Когда до них оставалось менее ста ярдов, машина зависла в ста футах над землёй, вне досягаемости серых тварей.

— Ты уверен? — произнёс пилот. — Всё-таки

они куда быстрее нас.

Испугавшись, что голос предательски дрогнет, сын Марины просто кивнул.

Диск устремился вниз, Даэман выпрыгнул, и соньер тут же отвесно вознёсся над ним, словно клетка подъёмника.

За спиной мужчины висела заряженная винтовка, но вместо неё он достал рюкзак и вынул яйцо Сетебоса, стараясь не касаться голыми руками скорлупы, которая даже под ярким солнцем тускло мерцала, будто радиоактивное молоко.

Даэман пошёл навстречу врагам, протягивая к ним руки, словно предлагал подарок.

Войниксы медленно поворачивались, явно держа его в фокусе инфракрасных датчиков, запрятанных в металлические грудные клетки. Всё новые чудовища появлялись из леса и замирали по краю луга.

Сын Марины покосился вверх, на соньер, парящий в шестидесяти футах над головой: Эдида и Боман застыли в нишах с арбалетами на изготовку. Впрочем, если твари, способные мчаться со скоростью более шестидесяти миль в час, бросятся на добычу, диск не успеет ни опуститься за ним, ни снова взлететь; а стоит войниксам ринуться скопом, тут уж никакие тучи дротиков

не спасут.

Мужчина шагал вперёд; яйцо Сетебоса наполовину торчало из рюкзака, точно подарок на Двадцатку в праздничной упаковке. Вдруг оно заворочалось, засветилось ярче, и потрясённый Даэман едва не выронил ношу. С минуту он неуклюже ловил её, но удержал сквозь грязную, рваную материю и продолжал путь. Войниксы толпились уже совсем близко; кузен Ады почти обонял запах засаленной кожи.

Ноги и руки начали мелко дрожать. Собиратель бабочек устыдился сам себя. «Почему я не придумал другого выхода? Ума не хватило?» — сокрушался он. Однако другого выхода не было. Только не в том положении, когда уцелевшие колонисты жестоко страдали от ран и болезней, когда над ними нависла угроза голодной смерти.

До первой группы из тридцати с лишним серых тварей оставалось каких-то пятьдесят футов. Даэман поднял яйцо Сетебоса над головой, будто волшебный талисман, и твёрдо двинулся вперёд.

Тридцать футов… Враги начали медленно пятиться к лесу.

Мужчина ускорил шаг, почти побежал. Войниксы отступали во все стороны сразу.

«Главное теперь — не споткнуться и не разбить

яйцо». Воображение рисовало тошнотворные картинки: вот скорлупа хрустит, из неё на дюжинах тонких лапок выползает мозг-малютка, прыгает и вцепляется похитителю в лицо… Но сын Марины принуждал себя не останавливаться.

Попадав на четвереньки, безголовые твари сотнями бросились врассыпную: ни дать ни взять перепуганные кузнечики, почуявшие шаги тяжёлого хищника на доисторической равнине. Даэман бежал, пока не иссякли силы.

Тогда он упал на колени, прижимая к своей груди рюкзак. Яйцо беспокойно завозилось внутри, принялось вытягивать из сердца жизненные соки, и мужчина в ужасе отпихнул его, точно ядовитый плод. В каком-то смысле так оно и было.

Греоджи приземлил соньер поблизости.

— Боже мой, — повторял отважный пилот. — Боже мой.

Даэман кивнул.

— Полетели к подножию Тощей Скалы. Я подожду с яйцом, пока вы переправите вниз каждого, кто в силах пешком одолеть больше мили до факс-павильона, и пойду впереди. А ты возьмёшь на борт ослабших и раненых, полетишь за нами.

— Что… — начала Эдида и, осекшись, покачала

головой.

— Ну да, — сказал кузен Ады. — Я просто вспомнил, как выглядели войниксы, замёрзшие возле Парижского Кратера. Лёд захватил их бегущими *прочь* от Сетебоса.

Соньер полетел обратно к Тощей Скале всего в шести футах над землёй. Сын Марины сидел на краю диска с рюкзаком на коленях. Войниксов не было ни на лугу, ни среди деревьев.

— Куда же нам факсовать? — спросил Боман.

— Не знаю, — устало промолвил Даэман. — Дорога длинная, по пути придумаем.

48

— Тебе понадобится термокожа, — сказал Просперо.

— Зачем? — рассеянно отозвался Харман, глядя во все глаза на прекрасный купол и мраморные арки Таджа Мойры сквозь прозрачные створки.

Вагон громко клацнул и встал на площадку юго-восточной *Эйфелевой башни*, взметнувшейся на углу огромного мраморного пьедестала, уравновешенного вместе с великолепной постройкой на пике Джомолунгмы. По примерной оценке мужчины, высота башни составляла тысячу фу-

тов, а высота белоснежного луковичного купола — в полтора раза больше.

— До земли отсюда восемь тысяч восемьсот сорок восемь метров, — сообщил маг. — В основном безвоздушное пространство. Температура на солнце — минус тридцать градусов по Фаренгейту. Снаружи веет ласковый ветерок мощностью в пятьдесят узлов. Синяя термокожа висит в шкафчике у кровати. Так что ступай облачаться. Свои тряпки и обувь не бросай: они тоже пригодятся. Крикни, когда наденешь дыхательную маску: я должен понизить давление внутри вагона, прежде чем открывать дверь мезонина.

Спускаясь на лифте с площадки на уровне тысячи футов, Харман рассматривал перекладины, арки, распорки сооружения — и не мог сдержать улыбки. Секрет белизны этой башни оказался прост: яркая краска по тёмному железу, из которого состояли прочие постройки *Эйфелевой дороги*. Подъёмник и вся конструкция так содрогались под напором ревущего ветра, что побелка должна была облупляться в течение считанных недель или месяцев. Избранник Ады попытался представить себе бригаду маляров, постоянно работающих здесь, потом отбросил эту бессмысленную затею.

Мужчина решил до поры до времени во всём повиноваться магу: для начала это вызволит его из двухэтажной кабины. Где-то здесь, в этом ненормальном храме, или дворце, или усыпальнице, или как её там, на вершине безумно высокой горы, Харман надеялся отыскать путь обратно, к любимой. «Если Ариэль умеет факсовать без помощи узлов и павильонов, то и я сумею… Уж как-нибудь».

Из лифта пленник вышел за Просперо на просторную площадь из песчаника и мрамора; вдали перед ними белел парадный вход внушительного купольного здания. Ветер буквально сшибал с ног; к счастью, гладкий камень почему-то совсем не обледенел.

— А маги что же, не мёрзнут и не нуждаются в воздухе? — проорал мужчина в спину своему спутнику.

— Ничего подобного, — прокричал сквозь бурю старец. Реактивные струи ветра сдували в сторону длинные полы его синего халата, рвали седые волосы с почти облысевшей головы. — Просто в почтенном возрасте обретаешь кое-какие преимущества.

Харман двинулся вправо, раскинув руки для равновесия, и подошёл к низкой, не выше двух

футов, ограде из мрамора, которая опоясывала широкую площадь, будто скамейка вокруг ледового катка.

— Куда ты? — окликнул маг. — Осторожнее!

Девяностодевятилетний приблизился к самому краю и заглянул вниз.

Гораздо позже, изучая всевозможные карты, мужчина выяснит, что, застыв у перил на вершине горы, именуемой Джомолунгма Фенг, она же Куомолангма Фенг, она же Хо-Темпа Чини-ка-Рауца, она же Эверест (в зависимости от возраста и происхождения документа), смотрел на земли Тибета, или Китая, или Девятого Царства Хана, как их некогда называли, раскинувшиеся на сотни миль к северу.

А главное — и это потрясало сильнее всего — шестью милями *ниже*.

Тадж Мойра представлял собой целую городскую область, нахлобученную на пик Богини-Матери Мира, словно поднос, поставленный на острый камень, словно бумажный лист, надетый на вертел. Его равновесие казалось невероятным: так мог бы рисоваться своей инженерной смекалкой какой-нибудь юный бог.

Стоя у мраморных «перил» высотой два фута и шириной десять дюймов, Харман не отрываясь

глядел с обрыва длиной двадцать девять тысяч футов, и ветер остервенело дул ему в спину, мечтая швырнуть в бесконечную пустоту. Некоторое время спустя карты поведают имена восточных и западных гор, ледника Ронгбук, расскажут о бурых китайских долинах, простёршихся до изогнутой каёмки мира и много далее, но сейчас это не имело значения. Отчаянно размахивая руками, будто мельница крыльями, лишь бы удержаться под натиском урагана, мужчина смотрел вниз *с шестимильной высоты, да ещё и с выступающей площадки!*

Маг подождал, пока его спутник упадёт на четвереньки и поползёт к белой гробнице-храму. В трёх десятках футов перед огромным порталом из мраморных плит вырастал небольшой заострённый валун, увенчанный пятнадцатифутовой пирамидкой изо льда. На глазах у Просперо — тот еле заметно улыбался, скрестив на груди руки, — девяностодевятилетний путешественник обхватил декоративный камень и, цепляясь за его шероховатости, кое-как поднялся на ноги. Так он и замер, обнимая валун, положив подбородок на ледяную верхушку, страшась обернуться на крохотную ограду и головокружительный обрыв: иначе, мерещилось ему, желание броситься

к этой ограде и с этого обрыва пересилит все остальные чувства. Мужчина даже зажмурился.

— Так и простоишь тут весь день? — произнёс маг.

— Я бы не против, — ещё не разлепляя век, ответил Харман. — Кстати, что это за камень? Символ какой-нибудь? Памятник?

— Это вершина Джомолунгмы.

Старец отвернулся и вошёл под изящную арку сооружения, которое сам называл Ронгбук Пумори Чу-му-ланг-ма Феног Дудх Коси Лхотце нупцзе Кхумбу ага Гхат-Мандир Хан Хо Тёп Рауца. Муж Ады заметил при входе полупроницаемую мембрану. Лёгкая рябь, пробежавшая по ней от прикосновения мага, лишний раз доказала Харману, что в этом случае он имеет дело вовсе не с голограммой.

Минуты спустя, всё ещё обнимая вершину-валун, когда маска вместе с очками почти обледенела из-за шквального снега и тело содрогалось, точно под ударами снарядов, мужчина рассудил: а что, если за мембраной, внутри непонятного здания, намного теплее?

Последние тридцать футов он уже не прополз, а прошёл — правда, жутко сгорбившись, опустив лицо и широко расставив пальцы на повёрнутых

вниз ладонях, *готовый* повалиться на четвереньки в любую секунду.

Под куполом Харман обнаружил единственное гигантское помещение. Мраморные ступени восходили к мезонинам, соединённым между собой такими же лестницами, которые обрамляли опрокинутый купол, — сотни и сотни уровней. Верхняя точка терялась где-то в туманной дали. То, что при взгляде из башни, а также из приближающегося вагона походило на маленькие дырочки, прорезанные в беломраморном полушарии украшения ради, теперь оказалось рядами бесчисленных окон из люцита.[71] Яркие лучи озаряли тома в роскошных переплётах медленно ползущими квадратами, прямоугольниками, параллелепипедами света.

— Как думаешь, сколько тебе потребуется, чтобы всё это «проглотить»? — спросил Просперо, опершись на посох и обводя взором несметные мезонины, полные книг.

Харман раскрыл было рот, но тут же захлопнул его. В самом деле — сколько? Недели? Месяцы? Даже если просто перемещаться от фолианта к

[71] notes: 71

органическое стекло; обладает большой механической прочностью; применяется для остекления автомобилей, самолётов и т. д.

фолианту, опускать ладонь на обложку и, увидев, как золотые буквы потекли по руке, сразу её отдёргивать, на овладение библиотекой уйдут годы. В конце концов мужчина произнёс:

— Ты же говорил, функции не работают ни на *Эйфелевой дороге*, ни поблизости. Что, правила изменились?

— Посмотрим, — ответил маг.

Он углубился в собор. Посох гулко стучал по белому мрамору, и звук разносился всё выше и выше под куполом с его безупречной акустикой.

А здесь оказалось по-настоящему *тепло*. Супруг Ады стянул перчатки и капюшон термокожи. Внутреннее пространство под куполом напоминало лабиринт, образованный беломраморными ширмами восьмифутовой высоты, весьма проницаемыми для взгляда, поскольку их покрывали филигранная резьба и неисчислимые отверстия в форме овалов, сердечек и листьев. Харман обратил внимание, что стены вокруг основания купола до самых мезонинов — а это приблизительно футов сорок — сплошь покрывали резные изображения раскрывшихся бутонов, виноградных лоз и сказочных растений, расцвеченных мозаикой из камней. Как и многие сотни мраморных щитов, сквозь путаницу которых Просперо

куда-то повёл своего спутника. Нечаянно приложившись ладонью к одной из ширм, пленник проникся сознанием, что мог бы где угодно это сделать, и всякий раз рука накрыла бы одновременно две или три картинки, а пальцы коснулись бы нескольких самоцветов.

— Что это за камешки? — полюбопытствовал он.

«Старомодное» человечество любило украшать себя побрякушками, но прежде мужчина как-то не задумывался, откуда роботы-сервиторы их достают.

— Камешки… — начал старик в синем халате, — Камешки, как ты выражаешься, имеют названия: яшма, агат, лазурит, гелиотроп и сердолик. Например, на этот крохотный листок винограда, которого я сейчас касаюсь пальцем, пошло тридцать пять разновидностей сердолика. Видишь?

Харман увидел. Ему понемногу становилось дурно от окружающего великолепия. По западной стене ползли трапецоиды света, и мрамор, инкрустированный тысячами драгоценных камней, сиял, переливался, искрился под солнцем.

— Где мы?

Мужчина заметил, что начал говорить шёпо-

том.

— Это здание возводилось как мавзолей… усыпальница… — промолвил маг, поворачивая за новую беломраморную ширму.

Он так уверенно вёл пленника к центру огромного сооружения, как если бы на полу были нарисованы жёлтые указательные стрелки. И вот оба встали перед аркой у входа в комнату, расположенную посередине лабиринта.

— Можешь прочесть, что здесь написано, Харман из Ардиса?

Избранник Ады всмотрелся в причудливые, витиеватые буквы, замысловато вырезанные на мраморе. Они совсем не походили на сочетания прямых чёрточек из привычных книг, однако, хорошо приглядевшись, мужчина узнал стандартный английский язык.

— Прочти-ка вслух, — изрёк седовласый маг.

— «Войди с благоговейным сердцем в сию прославленную гробницу, где покоится прах Защитника Земли, Властителя Азии Хана Хо Тёпа и его возлюбленной невесты Лиас Ло Амумджии, покорившей сердца всего мира и покинувшей это бренное пристанище в четырнадцатую ночь месяца Рахаб-Септема, на девятьсот восемьдесят седьмом году ханства».

— Ну и что думаешь? — осведомился Просперо, застыв под затейливой аркой и закрывая собою вход.

— Ты про надпись или про место?

— И то, и другое, — ответил старец.

Муж Ады потёр подбородок и щёки, на которых уже пробивалась щетина.

— Ну, место какое-то… *неправильное*. Слишком большое. Слишком богатое. Всё здесь чересчур. Разумеется, не считая книг.

Старец громко расхохотался. Эхо многократно повторило его смех.

— Согласен с тобою, Харман из Ардиса. Это здание было украдено: замысел, оформление, мозаики, шахматный узор во дворе… Украдено всё, кроме библиотеки и мезонинов — они появились шестью веками позднее, по воле Раджахара Молчаливого, который приходился ужасному Хану Хо Тёпу очень дальним потомком. Хан приказал увеличить рабочие чертежи первоначального здания ровно в десять раз. Тот, древний образец был чудесным воплощением любви. От него, естественно, не оставили камня на камне. Честолюбец велел сровнять красоту с землёй, желая, чтобы в веках остался только *его* мавзолей. Так что перед нами скорее памятник дурной тяге к

излишествам, нежели чему-то ещё.

— Какое… интересное расположение, — глухо сказал девяностодевятилетний.

— Да уж, — согласился маг, засучивая синие рукава. — С этими поместьями всегда так, со дней Одиссея: главное — участок, участок и ещё раз участок. Идём.

И они ступили в сердце белоснежного лабиринта, на мраморную площадку примерно в сотню квадратных ярдов, посередине которой Харман увидел, как ему показалось, яркий зеркальный пруд. Пилигримы неторопливо приблизились к нему под гулкий стук тяжёлого посоха.

Но это был вовсе не пруд.

— Господи Иисусе! — воскликнул будущий отец и отпрянул от края.

Его глазам предстала мнимая пустота. С левой стороны глаз едва различал отвесный горный склон, зато под ногами, на расстоянии около сорока футов от пола, парил, на первый взгляд, прямо в воздухе саркофаг из хрусталя и стали, в котором возлежала обнажённая женщина. Шестью милями ниже сверкали ломаные зигзаги ледника. Узкие ступени витой беломраморной лестницы змеились к подножию гроба, обрываясь буквально в никуда.

«Не может быть, чтобы в никуда», — усомнился муж Ады. Из отверстия в полу не тянуло даже лёгким сквозняком, а между тем у вершины ревел настоящий ураган. Нет, саркофаг явно покоился на чём-то. Прищурившись, Харман разглядел мелкую сетку граней, почти невидимых геодезических линий. Пол и стены погребального чертога состояли из невероятно прозрачного пластика, хрусталя либо стекла. «Да, но почему я не заметил ни гроба, ни лестницы, когда подъезжал к вершине или…»

— Усыпальницу нельзя увидеть снаружи, — вполголоса произнёс Просперо. — Ты уже взглянул на даму?

— На возлюбленную Лиас Ло Амумджию? — поморщился мужчина, не имевший никакого желания пялиться на голый труп. — Ту, что покинула сей бренный мир хрен знает когда? Кстати, а где Хан? Завёл себе отдельные хрустальные апартаменты?

Старец рассмеялся.

— Хан Хо Тёп и его обожаемая Лиас Ло Амумджия, дочь Амумджи, цезаря Срединной Африканской Империи — та ещё стерва и гарпия, можешь мне поверить, Харман из Ардиса, — были выброшены за борт, не пролежав здесь и двух

столетий.

— Выброшены за борт? — растерялся девяностодевятилетний.

— Безупречно сохранившиеся тела бесцеремонно швырнули с той самой стены, откуда ты любовался видами полчаса назад, — пояснил маг. — Кинули, точно вчерашний мусор с палубы грузового парохода. Последующие преемники Хана, каждый из которых в чём-то своём уступал своему предку, тоже мечтали найти здесь вечный покой… Правда, «вечности» хватало ненадолго, пока очередной потомок Хана не брался подыскать себе мавзолей поприличнее.

Воображение пленника нарисовало в ярких красках, как всё происходило.

— Но вот четырнадцать веков назад картина изменилась, — продолжал Просперо, вновь обратив голубые глаза к саркофагу из дерева и стекла. — Эта женщина была воистину любима кем-то могущественным и пролежала нетронутой тысячу четыреста лет. Приглядись к ней, Харман из Ардиса.

До сих пор избранник Ады смотрел вообще на гроб, не заостряя внимания на подробностях. На его вкус, тело было слишком нагим. А ещё — слишком юным для трупа. Кожа — кровь с мо-

локом, излишне выпуклые груди с отчётливыми (даже на расстоянии в сорок футов!) розовыми сосками, чёрная запятая коротко стриженных волос на белой атласной подушке, пышный тёмный треугольник в паху, антрацитовые дуги бровей, решительные черты лица, широкий рот… Мужчине почудилось нечто неуловимо знакомое.

— Господи Иисусе! — вторично воскликнул он за это утро, на сей раз так громко, что крик отразился от купола, раскатившись по книжным мезонинам и белому мрамору.

Покойница выглядела моложе… намного моложе… в локонах — ни тени седины, крепкое и юное тело без единой усталой складки, которые Харман во множестве наблюдал под обтягивающим термокостюмом, однако та же сила в лице, те же острые скулы, тот же дерзкий размах бровей и волевой подбородок. Сомнений больше не оставалось.

Это была Сейви.

49

— А куда все подевались? — недоумевает быстроногий Ахилл, сын Пелея, шагая вслед за Гефестом по зелёной вершине Олимпа.

Блондин-мужеубийца и главный ремесленник из сонма бессмертных идут вдоль по берегу озера кальдеры, от Чертогов Целителя к Великой Зале Собраний. Все прочие божественные постройки с белыми колоннами прячутся в каком-то запустелом сумраке. На небесах — ни одной колесницы. Никто не гуляет по неисчислимым мощёным дорожкам, над которыми горят приземистые желтоватые источники света, причём явно не факелы.

— Я же тебе говорил, — объясняет покровитель огня, — кот из дома, мыши — в пляс. Чуть ли не все до единого теперь на Земле Илиона играют последний акт вашей Троянской войнушки.

— И как там дела? — интересуется Ахиллес.

— Тебя нет, Гектора убить некому, твои мирмидонцы вкупе с ахейцами, аргивянами и прочими-как-их-там получают от осаждённых коленом под зад.

— Агамемнон и его люди отступают? — спрашивает Пелид.

— Ага. В последний раз, когда я заглядывал в голографический пруд Великой Залы, а это было считанные часы назад, перед тем, как нелёгкая понесла меня чинить эскалатор, Атрид провалил очередное наступление и пятился к заградитель-

ным рвам, что перед чёрными кораблями. Гектор готовился к наступательным действиям, строил войска у стены. По большому счёту всё зависло от того, чья команда небожителей пересилит. Ты не поверишь, но нашим крутым сучкам Афине с Герой даже с помощью Посейдона, грозно колеблющего землю (а уж это он умеет, хлебом его не корми, дай поколебать что-нибудь), пока не удалось посбивать спеси со сторонников Трои: дальноразящего Аполлона, Ареса и коварной Афродиты с её подружкой Деметрой.

Быстроногий молча кивает. Отныне жизнь его связана с Пентесилеей, а не с Атридом и боевыми товарищами. Ахиллес доверяет своим мирмидонцам, они поступят как надо: если получится — унесут ноги, если понадобится — сложат головы на поле брани.

С тех пор, как Афина (или же Афродита в её обличье, как несколько дней назад уверяла богиня мудрости) прикончила его любезного друга Патрокла, сердце Пелида кровожадно взывало о мести бессмертным. Теперь у него только две цели. Первая — вернуть любимую амазонку, хотя чувства к ней и породили волшебные духи Киприды, к жизни. Вторая — порешить ненавистную Афродиту. Сам того не сознавая, грек

поправляет богоубийственный кинжал на поясе. Если Афина сказала правду — а почему бы и нет? — этот клинок из квантово-смещённой стали оборвёт жизнь светлоокой дочери Зевса, да и любого из олимпийцев, кто встанет на пути, в том числе хромоногого Гефеста: пусть только вздумает улизнуть или оказать сопротивление.

Покровитель огня ведёт Ахилла на парковочную стоянку подле Великой Залы Собраний, где выстроились в ряд на траве десятки золотых колесниц. Словно нити пуповины, тянутся от них под землю, к некоему зарядному устройству, металлические шланги. Гефест забирается в безлошадную повозку и манит кратковечного спутника за собой.

— Куда это мы? — мнётся Пелид.

Кузнец закатывает глаза.

— Я же говорил, навестим одну небожительницу, которой известно, где скрывается Громовержец.

— А почему не поехать прямо к Зевсу? — Мужеубийца по-прежнему не ступает на подножку.

Тысячи раз он управлял и ездил на колесницах, но никогда ещё не порхал в облаках, как боги, которых он часто видел над Илионом. Не то чтобы мужчину пугала эта затея, но всё-таки он не

спешит покинуть надёжную землю.

— Есть одна технология, известная только Крониду, — поясняет Гефест. — Он может схорониться от всех моих сенсоров и шпионских устройств. Так вот её явно кто-то активировал. Чует моё сердце, это был не Владыка Владык, а его благоверная Гера.

— И какой же бессмертный покажет нам, где он прячется? — рассеянно спрашивает герой.

Песочный ураган разбушевался; кругом полыхают ужасные молнии, в сотне футов над головами собеседников шипят и сверкают статические разряды: это планетарный ураган порывами налетает на защитное поле Олимпа — *эгиду* Зевса.

— Никта, — говорит хромоногий.

— Ночь? — повторяет Ахилл.

Мужеубийца, конечно, слышал имя дочери Хаоса, одного из первых наделённых сознанием существ, явившихся из пустого зияющего пространства, которое было в самом начале времён, когда настоящие божества помогли отделить мрак Эреба от сине-зелёного порядка Геи-Земли. Правда, ни в одном из известных ему городов Греции, Азии или Африки не поклонялись таинственной богине. Легенды гласили, будто бы

от Никты — причём она справилась в одиночку, без помощи какого-нибудь бессмертного оплодотворителя, — произошли Эрида (Раздор), Мойры (Судьбы), Гипнос (Сон), Немезида (Возмездие), Танатос (Смерть) и Гесперид.

— А я полагал, что это персонификация, — произносит Пелид. — Ну или тележка с воловьим дерьмом.

Кузнец ухмыляется.

— Даже персонификация и тележка с воловьим дерьмом обзаводится телесной оболочкой в чудесном новом мире, созданном для нас при участии «постов», Просперо и Сикораксы, — отвечает он. — Ну что, едем? Или мне пока квитнуться в лабораторию и насладиться… э-э-э… прелестями твоей спящей красавицы?

— Только попробуй, и ты покойник, — спокойно, без угрозы обещает герой.

— Знаю, — кивает Гефест. — Потому и спрашиваю в последний раз: залезешь ты в эту чёртову колесницу или нет?

Они летят на юго-восток и ухитряются обогнуть добрую половину колоссальной марсианской сферы, хотя Ахилл и не догадывается, что попал на Марс или что перед ним именно сфера. Зато ахейцу известно другое: вряд ли он согласится

повторить этот крутой подъём над Олимпийским озером кальдеры, ещё хоть раз резко вырваться из-под *эгиды* в объятия ревущего пыльного урагана вслед за четвёркой коней, возникших из ниоткуда при взлёте, и потом ещё долго скакать сквозь яростный ветер и слепящую бурю. Ухватившись за деревянный и бронзовый край колесницы, Ахилл изо всех сил старается не зажмуриваться. По счастью, колесницу окружает силовое поле, которое защищает обоих от свистящего песка и смертельных вихрей, — не то уменьшенная копия *эгиды*, не то разновидность невидимых доспехов, коими пользуются бессмертные на поле брани.

И вот уже пыльные ураганы остались позади, вокруг раскинулась чёрная ночь, усеянная искрами далёких светил, а по небу мчатся два маленьких спутника. К тому времени, когда колесница пересекает линию трёх огромных вулканов, пыль почти рассеивается, и далеко внизу черты планетарного пейзажа ярко прорисовываются в отражённом сиянии звёзд.

Ахеец уже знает, что жилище богов расположено в собственном непонятном мире (ещё бы не знать после восьми месяцев сражений на красных равнинах за Брано-Дырой, как называ-

ли её соратники-моравеки, у берегов тёплого, лишённого приливов северного моря, совсем не похожего на земные), но герой и не подозревал, что мир Олимпа окажется *настолько* большим.

Пассажир и возница пролетают над бесконечным широким затопленным каньоном; глубокую тьму нарушают лишь яркие блики звёзд на воде и несколько подвижных огоньков на много лиг внизу — по словам Гефеста, это фонари на каменоломных барках маленьких зелёных человечков. Не видя причин вдаваться в подробности, Пелид удовлетворяется туманным пояснением.

Внизу проносятся голые, а потом лесистые горные хребты, бесчисленные круглые углубления (покровитель огня нарёк их кратерами) — неровные, выветренные, кое-где поросшие деревьями; в некоторых поблёскивают озёра. В лунном и звёздном свете очертания особенно ярки, а края остры.

Повозка взмывает выше, свист ветра вокруг миниатюрной *эгиды* утихает, и Ахиллес вдыхает чистый воздух, производимый самой машиной. Содержание кислорода настолько высоко, что даже слегка пьянит.

Кузнец даёт имена скалистым, горным и долинным пейзажам, которые разворачиваются

далеко внизу. Калека напоминает ахейцу скучающего капитана барки, объявляющего остановки на реке.

— Жемчужная равнина, — произносит бессмертный. И несколько минут спустя: — Плато Меридиана. Терра Шеба. Вон та чащоба на севере носит имя Скиапарелли, предгорья прямо перед нами называются Гюйгенс. А сейчас поворачиваем на юг.

Запряжённая четвёркой горячих, слегка просвечивающих коней колесница не просто поворачивает, а ложится на бок на вираже. Руки Пелеева сына судорожно впиваются в край; между тем в его ощущениях дно повозки невероятным образом по-прежнему остаётся *внизу*.

— А это что? — произносит Ахилл через пару минут, глядя на огромное круглое озеро, почти заполнившее южный окоём.

Колесница начинает снижаться. Пыльная буря ещё не рассеялась, вокруг опять завывают вихри.

— Бассейн Эллада, — бурчит покровитель огня. — Более тысячи четырёхсот миль в поперечнике. У Плутона — и то меньше диаметр.

— Какого ещё Плутона? — отзывается быстроногий.

— Это долбаная планета, неграмотная ты деревенщина, — рычит Гефест.

Кратковечный разжимает побелевшие пальцы, собираясь пустить руки в дело: поднять бессмертного калеку над головой, переломить его спину о колено и швырнуть увечного за борт. Затем косится на горные пики, на чёрные долины за много миль под ногами… Что ж, можно и подождать, пусть карлик сперва посадит машину. Тёмное озеро заполняет собою весь горизонт. Повозка пересекает изогнутую линию северного побережья и, снижаясь, летит над водой, озарённой сиянием звёзд. На глазах Ахиллеса то, что с высоты нескольких миль казалось круглым озером, превратилось в маленький диск океана.

— Глубина здесь — от двух до четырёх миль, — сообщает кузнец, как будто его кто-то спрашивал или слушал. — Вон те реки, текущие с востока, называются Дао и Хармакхис. Поначалу мы собирались поселить на здешних тучных долинах пару-тройку миллионов людей устаревшего образца (пускай себе, мать их за ногу, плодятся и размножаются, сколько влезет), но так и не удосужились повернуть сюда луч и расфаксовать всех закодированных. Честно сказать, Зевс и другие попросту забыли прежнюю, небожественную

жизнь — она казалась им сном. Вдобавок Повелителю Молний и без того хватало забот: пришлось бороться с родителями, с бессмертными первого поколения — Кроном и его сестрой-невестой Реей — и сослать обоих через Брано-Дыру в далёкие бездны Тартара.

Прочистив горло, Гефест нараспев, точно аэд, читает:

> *Страшно земля зазвучала, и небо широкое сверху,*
>
> *И Океана теченья, и море, и Тартар подземный.*
>
> *Тяжко великий Олимп под ногами бессмертными вздрогнул…*[72]

По мнению Ахилла, уж лучше бы он перепиливал лиру ржавым клинком. По обе стороны от колесницы простёрлись волны; скалистые берега с невообразимой быстротой исчезли за краем окоёма. На юге возникает одинокий скалистый остров.

— Зевс только потому добился своего, — не унимается хромоногий, — что вернулся к машинам «постов», пробивающим Брано-Дыры,

---

[72] notes: 72
Гесиод. «О происхождении богов» («Теогония»). Перев. В.В. Вересаева.

покинутым на орбите Земли (я имею в виду настоящую Землю, а не вашу трахнутую терраформированную подделку), и вызвал Сетебоса с его яйценосным племенем, дабы сразиться с легионами Крона. Разумеется, сторукие чудовища с их энергетическим оружием и алчной страстью высасывать ужас из грязи одержали победу, а вот отделаться от этих тварей после войны оказалось труднее, чем вывести со штанов пятна дерьма. Да и потом, один из долбаных отпрысков рода титанов, мальчишка Япета, Прометей, оказался двойным агентом. Плюс на четырёхсот двадцать четвёртом году войны из Брано-Дыры явился клонированный в лаборатории стоглавый монстр Тифон. *Вот* на что не мешало бы посмотреть. Помню тот день, когда…

— Ещё не прилетели? — перебивает его Пелид.

* * *

— Остров, — бормочет Гефест во время спуска, — имеет более восьмидесяти ваших лиг в длину и весь кишит чудовищами.

— Чудовищами? — переспрашивает мужеубийца.

Героя мало занимают подобные глупости. Он хочет немногого: выяснить, куда запропастился

Зевс, заставить его приказать Целителю раскрыть чудесные баки для царицы амазонок и получить свою Пентесилею живой и невредимой. Всё остальное не имеет значения.

— Чудовищами, — повторяет покровитель огня. — Первые дети Урана и Геи получились демоническими уродами. Зато могучими. Громовержец позволил им разместиться здесь, а не маяться вместе Кроном и Реей во мраке Тартара. Среди них есть и три детёныша Сетебоса.

Ахиллесу начхать на такие мелочи. Он смотрит на стремительно растущий остров, посередине которого вздыбился на утёсе гигантский тёмный замок. В немногочисленных окнах между отвесно поставленными плитами пляшут оранжевые всполохи: можно подумать, крепость объята пожаром.

— В этих краях, — бубнит себе калека, — обитают последние циклопы. А также Эринии.

— Как, и фурии здесь? — произносит сын Пелея. — Я-то считал их мифическими героями.

— Нет, это не миф. — Стремительно развернув повозку, хромоногий направляет коней на открытое ровное пространство на чёрной скале у подножия центрального замка. Вокруг завиваются и дымятся тёмные тучи. В долинах с

обеих сторон шевелятся странные тени. — Стоит их выпустить, злющие твари проведут остаток вечности, преследуя и карая грешников. Это они — «те, что скитаются во мраке, со змеями вьющимися в волосах, с багровыми глазами, что изливают потоки кровавых слёз».[73]

— Давай уже сажай, — говорит быстроногий.

Повозка нежно садится у подножия колоссальной статуи на громадном уступе из чёрного камня. Слышен скрип деревянных ободьев, и скакуны пропадают из виду. Исчезает и загадочная мерцающая панель, с помощью которой Гефест управлял колесницей.

— Идём, — зовёт Гефест и ведёт Ахиллеса к широкой и на первый взгляд нескончаемой лестнице по ту сторону изваяния.

Бессмертный приволакивает на ходу больную ногу.

Ахеец не в силах оторвать взора от грозной скульптуры. Она изображает могучего мужчину не ниже трёхсот футов ростом, на чьих сильных плечах покоятся земная и небесная сферы.

— Это Япет, — предполагает Пелид.

— Нет, Атлас, — рявкает покровитель огня. —

---

[73] notes: 73
Томас Стернз Элиот. «Пепельная среда».

Причём собственной персоной. Старик закоченел здесь навеки.

И вот последняя четырёхсотая ступень. Впереди вздымается чёрная твердыня. Башенки, шпили, фронтоны прячутся в клубящихся облаках. Гефест указывает на две створки высотой пятьдесят футов и на таком же расстоянии друг от друга.

— Здесь каждый день проходят Никта и Гемера,[74] День и Ночь, — шепчет он. — Строго друг за другом, вместе им быть нельзя.

Мужеубийца оглядывается на беззвёздное небо и чёрные тучи.

— Так мы, значит, не вовремя. Зачем нам твоя Гемера? Сам же говорил, у нас дело к Ночи.

— Терпение, сын Пелея, — ворчит калека. Судя по виду, бог чем-то встревожен. Он косится на маленькую выпуклую машинку на своём запястье. — Эос должна взойти… прямо сейчас.

Восточная кромка чёрного берега на миг озаряется золотым светом, который тут же гаснет.

— Солнечные лучи не проникают сквозь поляризованную *эгиду* острова, — шелестит голос Гефеста. — Зато снаружи уже настало утро. Над реками Дао и Хармакхис и над восточными гря-

---

[74] notes: 74
День (греч.).

дами Бассейна Эллады скоро покажется солнце.

Кратковечного ослепляет внезапная вспышка. Он только и слышит, как одна из гигантских железных дверей с грохотом захлопывается, другая, скрипнув, распахивается. Когда к человеку возвращается зрение, обе створки уже закрыты, а перед ним возвышается Ночь.

Сын Пелея и морской богини Фетиды, всегда благоговевший перед Афиной, белорукой Герой и их олимпийскими подругами, впервые в жизни чувствует *ужас*, встретив бессмертное существо. Гефест уже рухнул на колени, изогнув волосатую шею в знак почтения и страха перед кошмарным призраком, однако Ахилл принуждает себя оставаться на ногах и с большим трудом подавляет отчаянное желание сорвать со спины тяжёлый щит и укрыться за ним, выставив перед собой короткий богоубийственный кинжал. Бороться или бежать? Мужеубийца выбирает нечто среднее: он уважительно склоняет голову.

Конечно, боги способны принимать любой размер (Пелид никогда не слышал о законах сохранения массы и энергии, поэтому даже не задавался вопросом, как же бессмертные их обходят), но чаще всего их устраивает рост около девяти футов: достаточно, чтобы кратковечные

чувствовали себя беспомощными детьми, и в то же время не нужно укреплять кости ног и неуклюже переваливаться даже в собственных олимпийских чертогах.

Пятнадцатифутовый силуэт Ночи-Никты окутан клокочущей мглой и многослойными пеленами, напоминающими перепонки летучей мыши; полосы тёмной, словно беззвёздное небо, материи разной длины не то накрывают лицо подобием вуали, не то образуют само лицо, похожее на вуаль в складках. В это невозможно поверить, однако чёрный огонь очей прожигает и дым облаков, и плотное покрывало. Исполинская грудь, которую грек успел заметить, прежде чем опустить глаза, как будто готовится напоить мраком весь мир. Бледны одни лишь ладони: узкие, с длинными, но очень крепкими пальцами — точно из отвердевших лунных лучей.

До Ахиллеса вдруг доходит: всё это время Гефест молол языком не переставая, словно читал заклинание:

— Воскурение: горящее полено… Никта, взываю к тебе, о Праматерь бессмертных и смертных; жизни источник для всех… О тёмно-синяя Ночь в обрамлении ярких созвездий, тёплую радость струишь вдоль обширной и сонной пустыни. В

сон погружаешь глубокий весь космос, о Мать сновидений, отдохновенье даёшь и труды пресекаешь. Скачешь по тёмным холмам, подгоняя коней быстроногих. Ты — половина всего, — уходящая в царство Аида…[75]

— Довольно, — прерывает богиня. — Если мне вздумается послушать орфический гимн, я перенесусь через время. Как ты посмел, покровитель огня, явиться в Элладу и сумрачные чертоги Ночи в обществе жалкого кратковечного?

Человек содрогается при звуках её голоса. Они похожи на яростный грохот прибоя у скал и только чудом складываются во внятные слова.

— О та, чья природная сила разделяет природные дни, — продолжает раболепствовать кузнец, не поднимая взгляда и не вставая с колен, — сей кратковечный есть отпрыск бессмертной Фетиды; по-своему, он полубог на здешней Земле. Это Ахилл, сын Пелея, и молва о его подвигах…

— Я наслышана про Ахилла, Пелеева сына, и про его подвиги. Разоритель городов, женонасильник и мужеубийца, — молвит богиня голосом бурного шторма. — Какая причина могла заставить тебя, кузнец, привести этого… эту пешку… к задним

---

[75] notes: 75
Орфический гимн Никте.

дверям моего жилища?

Быстроногий решает, что настала пора вступить в разговор.

— Мне надо увидеть Зевса, богиня.

Дух поворачивается в его сторону. Огромная грудастая фигура движется без малейшего трения: она словно парит, а не стоит на камне. Вокруг курятся и дымятся густые тучи. Окутанное вуалью или похожее на вуаль лицо склоняется, глаза чернее чёрного пристально смотрят на человека.

— Тебе *надо* видеть Великого Громовержца, Бессмертного над Бессмертными, Пеласгийского Зевса, Владыку Десяти Тысяч Храмов и Додонского святилища,[76] Отца богов и людей, Верховного Повелителя над Грозовыми Тучами, Того-Кто-Всеми-Командует?

— Ага, — отвечает Ахилл.

— По какому вопросу? — осведомляется Никта.

На этот раз мужеубийцу опережает Гефест:

— Пелид желает поместить в баки Целителя смертную женщину, о Праматерь первого чёрного бесполого яйца. Он хочет попросить Кронида, чтобы тот приказал Сороконожке воскресить царицу амазонок Пентесилею.

---

[76] notes: 76
Древний храм Зевса в Додоне (Эпир).

Богиня смеётся. Если речи её были подобны плеску волн о прибрежные скалы, то смех напоминает ахейцу зимнюю бурю, что воет над Эгейским морем.

— Пентесилею? — хихикая, переспрашивает облачённая в чёрный наряд. — Безмозглую блондиночку, лесбийскую тёлку с большими сиськами? Во имя всех миллионов Земель, на кой тебе возвращать к жизни эту мускулистую девицу, Пелеев сын? В конце концов, я сама наблюдала, как ты насадил её вместе с конём на громадное отцовское копьё, будто шашлык на вертел.

— У меня нет выбора, — рокочет быстроногий. — Я полюбил.

Ночь усмехается снова.

— *Полюбил?* Ахиллес, который тащит в постель и рабынь, и пленённых царских дочек, и похищенных цариц без разбора с такой же лёгкостью, как другие едят маслины, только косточки выплюнутые летят? Ты *полюбил?*

— Во всём виноваты духи Афродиты с феромонами, — вставляет Гефест, не поднимаясь с колен.

Богиня обрывает смех.

— Какая марка?

— Номер пять, — ворчит кузнец. — Зелье Пака.[77] Запускает в кровяной поток саморазмножающиеся наномашинки, которые постоянно производят всё больше молекул зависимости, а также лишает мозг эндорфинов и сератонина, если жертва не действует под влиянием одержимости. Противоядия не существует.

Ночь обращает скульптурное лицо-вуаль к Ахиллесу.

— По-моему, тебя как следует поимели, Пелид. Зевс нипочём не позволит восстановить кратковечного, тем паче амазонку: об этой расе он вообще не вспоминает, а если и вспомнит, то сразу выкинет из головы. Отец всех богов и людей не даст и ломаного гроша за жизнь амазонки, особенно девственницы. Для него воскресить смертного — значит осквернить умения и баки Целителя.

— А я всё равно попрошу, — упрямо говорит быстроногий.

Большегрудый призрак в эбеновых лохмотьях молча глядит на него, потом на коленопреклонённого Гефеста.

— Хромой покровитель огня, усердный ре-

---

[77] notes: 77

Пак — проказливый дух; один из главных персонажей в комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

месленник на службе у более благородных олимпийцев, что ты видишь, взирая на этого кратковечного?

— Идиота траханого, — хмыкает калека.

— А вот я вижу квантовую сингулярность, — кидает Никта. — Чёрную дыру вероятностей. Тысячи уравнений с одним и тем же трёхбалльным решением. Отчего это, кузнец?

Гефест ещё раз хмыкает.

— Ещё щенком, почти личинкой, его мать Фетида, та, что со спутанными водорослями на грудях, держала надменного отпрыска в небесном квантовом пламени. Вероятность его погибели: день, час, минута и способ — стопроцентна, и поскольку не подлежит изменениям, то вроде как наделяет Ахилла неуязвимостью ко всем остальным опасностям.

— Да уж-шшшшшшшшшш, — шипит окутанная мглой богиня. — Скажи мне, сын Геры, муж бестолковой Грации, она же Аглая Преславная, почему ты помогаешь этому человеку?

Карлик склоняется ниже.

— Сначала он одолел меня в честном бою, возлюбленная повелительница ужасного мрака. Потом я и сам втянулся: получилось так, что наши интересы совпали.

— Так ты желаешь найти владыку Зевса? — шепчет Ночь.

Откуда-то справа, из чёрных каньонов, доносится вой.

— Моё желание, о богиня, — остановить поток растущего Хаоса.

Та, к кому он обратился, кивает и поднимает лик-покрывало к тучам, клубящимся вокруг замковых башен.

— Я слышу крики звёзд, хромой ремесленник. И знаю: говоря о Хаосе, ты имел в виду хаос на квантовом уровне. За исключением Зевса, ты единственный меж олимпийцев, кто помнит нас и наши мысли до Великой Перемены… кого занимают мелочи вроде физики.

Гефест молчит, не смея оторвать взора от чёрного камня.

— Ты следишь за квантовым потоком, кузнец? — В голосе Никты сквозит непонятное Ахиллесу раздражение и гнев.

— Да, богиня.

— И сколько, по-твоему, нам осталось, если воронка хаоса вероятностей продолжит расти логарифмически?

— Несколько дней, богиня, — басит калека. — А то и меньше.

— Судьбы согласны с тобой, отродье Геры, — роняет призрак. Пелиду мучительно хочется прижать заскорузлые ладони к ушам, лишь бы не слышать раскатов сумасшедшего прибоя. — Мойры, эти чужеродные существа, которых смертные нарицают богинями участи, денно и нощно корпят над электронными счётами, манипулируя пузырями магнитной энергии на многомильных витках вычислительной ДНК, и с каждым днём их взгляды на будущее становятся всё туманнее, нити вероятностей расслаиваются, путаются — можно подумать, сломался ткацкий станок самого Времени.

— Это всё гребаный Сетебос, — ворчит Гефест. — Тысяча извинений, мадам.

— Да нет, ты совершенно прав, кузнец, — отвечает чёрная великанша. — Это всё гребаный Сетебос; в кои-то веки он вырвался на волю из арктических морей своего мира. Знаешь, ведь Многорукий уже явился на Землю — не на планету сего кратковечного, а на нашу прежнюю родину.

— Нет, — говорит хромой и наконец-то поднимает лицо. — Этого я не знал.

— О да, Мозг пролез через Брано-щёлку. — Никта хохочет, и Ахиллес не выдерживает: зажимает

ладонями уши. Подобные звуки не для смертных.

— И что обещают Мойры? — шепчет Гефест.

— Прядильщица Клото сулит нам считанные часы прежде, чем квантовый поток взорвёт изнутри эту вселенную, — молвит богиня. — Атропа Неотвратимая, владеющая ненавистными ножницами, лезвия которых в намеченный миг перерезают нить каждой жизни, уверяет, будто бы впереди целый месяц.

— А что Лахесис? — спрашивает покровитель огня.

— Та, кто распределяет жребии, самая искусная, на мой взгляд, из одолевших фрактальные волны электронных счетов, предвещает победу Хаоса в этой вселенной и в этой Бране через неделю-другую. Как ни крути, а времени остаётся в обрез, ремесленник.

— Ты помышляешь о бегстве, богиня?

Ночь не отвечает. По склонам утёсов и глубоким долинам эхом разлетается вой. Призрак наконец изрекает:

— А куда бежать, кузнец? Даже нам, горстке первичных бессмертных, никуда не деться из этого мира, где мы родились, если он будет ввергнут в хаос. Какую бы Брану мы ни создали, куда

бы ни телепортировались, вслед за нами потянутся нити разрушения. Нет, ремесленник, это бессмысленно.

— Что же делать, богиня? — рычит Гефест. — Наклонимся ниже, обхватим сандалии руками и чмокнем на прощание свои бессмертные зады?

Ночь издаёт неразборчивый звук, похожий на весёленький шторм на Эгейском море.

— Нужно посоветоваться со Старшими богами. Причём как можно скорее.

— Старшие боги… — Калека умолкает. — Крон, Рея, Океан, Тетис… Все, сосланные в ужасные бездны Тартара?

— Да, — подтверждает богиня.

— Громовержец никогда не позволит, — качает головой Гефест. — Олимпийцам запрещено общаться с…

— Так пусть он посмотрит в лицо действительности! — восклицает Ночь. — Иначе всё закончится полным хаосом, и его правление — тоже.

Ахиллес поднимается на две ступени навстречу громадной чёрной фигуре, перехватив щит, словно для битвы.

— Эй, вы ещё не забыли, что я здесь? И по-прежнему жду ответа на свой вопрос. *Где Зевс?*

Призрак наклоняется над человеком и тычет в него костлявым бледным пальцем, словно оружием.

— Допустим, сын Пелея, вероятность твоей гибели от моей руки равняется нулю; но если я распылю твоё бренное тело на молекулы, на атомы, вселенной придётся здорово потрудиться, чтобы подтвердить эту аксиому, хотя бы на квантовом уровне…

Мужеубийца ждёт. Как он давно заметил, боги частенько несут ахинею, но если потерпеть, рано или поздно бессмертные начинают говорить разумно.

В конце концов голос носимых ветром волн произносит:

— Гера, дочь Крона и Реи, сестра и распутная невеста Повелителя Молний, заступница греков, готовая ради них на вероломство и кровопролитие, соблазном отвлекла Тучегонителя от его обязанностей, переспала со своим божественным братом и впрыснула ему под кожу Неодолимый Сон. Это случилось в огромном доме, где плачет верная супруга и ткёт при сиянии дня, по ночам распуская работу. её прославленный муж не взял своего любимого оружия на кровавую жатву под стены Трои, но повесил на деревянный гвоздь в

потайном чертоге за тайной дверью, подальше от глаз женихов и воров. Я говорю о луке, коего не натянуть никому иному; луке, способном пробить пернатой стрелой двенадцать топорищ либо вполовину столько же тел виноватых и безвинных людей.

— Спасибо за помощь, богиня, — говорит Ахиллес и пятится вниз по лестнице.

Гефест озирается и следует за ним, стараясь не повернуться спиной к исполинской эбеновой фигуре в развевающихся одеяниях. Между тем Ночь исчезает.

— Какого Аида она плела? — шепчет ремесленник после того, как залез в колесницу, активировал виртуальную панель управления и голографических коней. — Чья-то рыдающая жена, потайные комнаты, чтоб им пусто было, двенадцать топорищ… Похоже на бредни вашего Дельфийского оракула.

— Зевс на Итаке, — отвечает Ахилл в то время, как повозка набирает высоту, покидая твердыню и сумеречный остров, наполненный рёвом и воем невидимых чудищ. — Одиссей мне сам говорил, что хранит свой лучший лук на родине, в секретном чертоге над сундуками, полными благовонных одежд. В лучшие дни я навещал

хитроумного и видел эту диковину. Никто иной не может справиться с тетивой — так по крайней мере уверял меня Лаэртид; сам-то я не пробовал. И потом, это в его стиле — развлекаться после вечерних возлияний стрельбой по топорищам. А уж если нашлись охотники искать руки соблазнительной Пенелопы, герою будет куда приятнее целиться по живым мишеням.

— Дом Одиссея, Итака, — бурчит себе под нос Гефест. — Гера отлично знала, где спрятать усыплённого мужа. Ты хоть представляешь себе, что сделает Громовержец, если мы его там разбудим?

— Нет, но мы это выясним, — говорит быстроногий. — Можешь квант-телепортировать нас прямо на ходу, из повозки?

— Сейчас увидишь, — отзывается карлик.

В ту же секунду человек и бог исчезают. Опустевшая колесница продолжает лететь на северо-запад над Бассейном Эллады.

50

— Это не Сейви.

— Разве я утверждал обратное, друг Никого?

Харман замер на металлическом помосте гроба,

якобы парящего в полной пустоте более чем в пяти милях над землёй, за сотню ярдов от северного склона Джомолунгмы, и таращил глаза — хотя менее всего на свете желал бы этого — на застывшее лицо и нагое тело юной Сейви. Просперо стоял позади, на железных ступенях. Снаружи грозно ревел ветер.

— Очень *похоже* на неё, — признал девяностодевятилетний, пытаясь унять биение сердца. Высота и близость прекрасного трупа внушали чувство уязвимости, от которой делалось дурно. — Да, но Сейви уже нет, — прибавил мужчина.

— Ты уверен?

— Провалиться на месте, ещё бы. Твой Калибан прикончил её у меня на глазах. А после мы с Даэманом наткнулись на окровавленные объедки. Старуха давно мертва. И я никогда не видел её *такой* молодой.

Обнажённая женщина, лежавшая на спине в хрустальном саркофаге, прожила от силы три-четыре года после первой Двадцатки. А Сейви была… древней как мир. Харман помнил, как он и его друзья — Ханна, Ада, Даэман — поразились при виде морщин, седых волос, дряхлого тела. Ни один из людей старого образца не встречался

с явными приметами преклонного возраста ни до того, ни после. Хотя конечно: теперь, когда лазарет и его целебные баки уничтожены, к подобным зрелищам придётся привыкать.

— Почему же *мой* Калибан? — возразил Просперо. — Уже не мой. В ту пору, когда случай свёл вас на орбитальном острове примерно девять месяцев назад, сей гоблин — нечестивый выродок Сикораксы, узник и раб Сетебоса, — принадлежал одному себе.

— Это не Сейви, — повторил Харман. — Такого не может быть.

Он с усилием поднялся по лестнице, грубо задев по дороге старца в синем халате, однако, прежде чем скрыться в отверстии гранитного потолка, помедлил и тихо спросил:

— Она жива?

— А ты потрогай, — предложил Просперо.

Муж Ады попятился.

— Не буду. Зачем?

— Спустись и потрогай её, — изрёк маг, чья голограмма, проекция или как её там, опять оказалась у самого гроба. — Ведь нет иного способа узнать, умерла ли эта женщина.

— Уж лучше я поверю тебе на слово, — сказал мужчина, не трогаясь с места.

— Но я *не давал* слова, друг Никого. Разве слышал ты моё суждение о том, жива она или спит или здесь — лишь бездушное подобие из воска? Однако попомни, Харман из Ардиса: если только наша красавица окажется настоящей, если она проснётся, вернее, ты её разбудишь, и если вам доведётся потолковать по душам с этим восставшим из усыпальницы духом, ты обретёшь ответы на самые насущные вопросы.

— В каком смысле? — проговорил избранник Ады и, как ни тянуло его убежать, спустился на пару шагов.

Просперо молча поднял хрустальную крышку прозрачного саркофага.

Никакого запаха разложения. Харман изумлённо ступил на железную площадку, затем обошёл гроб и встал подле мага. Подобно всем людям прежнего образца, он в жизни не видел покойников, за исключением нескольких мимолётных взглядов на безволосые тела в целебных баках на острове Просперо. Разумеется, речь не о последних месяцах, когда колонисты во множестве погребали своих товарищей и наизусть заучили ужасные приметы смерти: бледность и трупное окоченение, запавшие во тьму глаза, холодная плоть. Так вот эта женщина — *эта Сейви* — не

проявляла ни одного из перечисленных признаков. Кожа казалась мягкой, полной жизни. Нежно-розовые, почти алые губы соперничали в яркости с твёрдыми сосками. Чудилось, что длинные ресницы вот-вот шелохнутся, глаза откроются…

— Прикоснись, — повелел седовласый старец.

Харман протянул дрожащую ладонь — и тут же отдёрнул её как ужаленный. Тело незнакомки окружало хрупкое, но твёрдое, проницаемое, но вполне осязаемое силовое поле, воздух под которым был гораздо теплее, чем снаружи. Мужчина попытался снова: пальцы уловили на шее едва заметный трепет, будто бы от крыльев мотылька. Будущий отец положил руку между тяжёлыми полушариями. Да, сердце билось, хотя и ужасно медленно, совсем не похоже на глухие удары в груди спящего человека.

— В подобной колыбели, — тихо промолвил Просперо, — покоится твой друг Никто. В ней тоже застывает время. Но если саркофаг Одиссея должен исцелить его за три дня, чем и занимается прямо сейчас, то здешний хрустальный гроб стал прибежищем своей хозяйке на четырнадцать с лишним веков.

Харман опять отдёрнул руку, словно его уку-

сили.

— Невероятно.

— Да? Ну, тогда разбуди её и спроси.

— Кто она? — не унимался муж Ады. — Ведь это не может быть Сейви.

Старец улыбнулся. Внизу, под ногами, снежные тучи сбивались к северному горному склону, облепляя пол и стены прозрачной гробницы.

— Ну да, не может, верно? — загадочно произнёс маг. — Я знал её под именем Мойры.

— Мойра? В честь которой назвали это место — Тадж Мойра?

— Конечно. Здесь её усыпальница. По крайней мере здесь она спит. Да будет тебе известно, друг Никого, что Мойра — постчеловек.

Мужчина снова попятился от саркофага.

— «Посты» уже… Их больше нет. Мы с Даэманом и Сейви сами видели, как их мумифицированные, обглоданные Калибаном тела плавали в гнилостном воздухе на твоём орбитальном острове.

— Она последняя, — кивнул Просперо. — Сошла с полярного кольца более полутора тысяч лет назад. Доводилась возлюбленной супругой Ахману Фердинанду Марку Алонцо Хану Хо Тёпу.

— А это ещё кто?

Тучи окутали основание Таджа плотной пе-

леной, и Харман почувствовал себя немного уверенней, обнаружив под ногами сизую мглу вместо головокружительной пустоты.

— Просвещённый потомок того, самого первого Хана, — пояснил седовласый старец. — Он царил на Земле — верней, на том, что от неё осталось, — долгих пятнадцать веков назад. Этот временной саркофаг правитель создавал для себя, но, воспылав страстью, уступил его Мойре.

Будущий отец подавил усмешку.

— Ерунда получается. Почему этот Хо Тёп, или как там правильно, не заказал себе другого гроба?

Улыбка Просперо начинала уже бесить похищенного.

— Так он и сделал. Второй саркофаг стоял вот здесь, на широком помосте, рядом с Мойрой. Беда в том, что даже в такое труднодоступное место, как Ронгбук Пумори Чу-му-ланг-ма Фенг Дудх Коси Лхотце нупцзе Кхумбу ага Гхат-Мандир Хан Хо Тёп Рауца, порой наведываются незваные гости. Первые же из них вытащили временную колыбель с телом Ахмана Фердинанда Марка Алонцо Хана и швырнули через край на ледники у подножия.

— Что же они оставили другой саркофаг? —

спросил Харман, настроенный не верить ни единому слову мага.

Просперо указал на спящую дряхлой морщинистой рукой.

— А ты бы выбросил такое тело?

— Тогда почему не разграбили храм? — проговорил мужчина.

— Наверху использованы отличные средства предосторожности. Чуть позже я буду рад показать.

— А эти непрошеные гости, почему они не разбудили вашу… кто бы она ни была?

— Пытались, — ответил старец. — Но так и не сумели открыть саркофаг…

— *Тебя* это, кажется, не затруднило.

— Ахман Фердинанд Марк Алонцо Хан при мне разрабатывал сей аппарат, — промолвил маг. — Мне известны коды и пароли.

— Ну так и растолкай дамочку сам. Хочу с ней потолковать.

— Я не в силах нарушить сей постчеловеческий сон, — возразил Просперо. — Как и любой из грабителей, сумей они обойти охрану и вскрыть хрустальный гроб. Мойру пробудит лишь одно.

— И что же?

Муж Ады стоял на нижней ступени, готовый

уйти в любую секунду.

— Ахман Фердинанд Марк Алонцо Хан или его потомок-мужчина должен вступить с ней в сексуальные отношения, пока она спит.

Харман разинул рот, однако не нашёл что сказать, и, превратившись в столб, уставился на фигуру в синих одеждах. Маг либо выжил из ума, либо спятил, третьего не дано.

— Ты происходишь из рода ханов, то есть приходишься Ахману Фердинанду Марку Алонцо Хану Хо Тёпу прямым потомком. — Голос Просперо звучал столь бесстрастно, как если бы речь зашла о погоде. — ДНК твоего семени — вот что разбудит Мойру.

51

Манмут и Орфу вышли на внешнюю обшивку «Королевы Мэб», чтобы спокойно побеседовать без помех.

Миновав орбиту земного спутника, огромное судно перестало испускать атомные бомбы размером с баночки из-под «колы» (персонал корабля намеревался известить о своём прибытии, но не желал напрашиваться на огонь с одного из колец) и теперь снижалось в условиях слабой

— одна восьмая земной — гравитации, пользуясь лишь вспомогательными ионными двигателями на коротких кронштейнах. Голубоватое сияние «внизу» казалось Манмуту приятнее, чем беспрестанные грохочущие вспышки-взрывы.

Маленькому европейцу приходилось помнить об осторожности: ни в коем случае не отрываться от корпуса, крепко держаться переходных мостиков и лестниц, опоясавших тысячефутовое тело «Королевы»; впрочем, он знал, что, даже если совершит глупость, приятель непременно придёт на выручку. В совершенно безвоздушном пространстве Манмут не мог бы выдержать более двенадцати часов, не пополняя запасы кислорода. Зато иониец чувствовал себя в этом внешнем мире предельного холода, ужасной жары, высокого вакуума и яростной радиации точно рыба в воде.

— Ну и что будем делать? — спросил европеец гигантского друга.

— Думаю, нам надо срочно приготовить к спуску шлюпку и «Смуглую леди», — ответил Орфу.

— Нам? — удивился капитан подлодки. — *Нам?*

По плану, Сума Четвёртый должен был пилотировать шлюпку с генералом Бех бин Адее и тридцатью боевыми роквеками во главе с цен-

турион-лидером Мепом Эхуу в пассажирской кабине, в то время как Манмут будет ожидать своей очереди в трюме. Когда — и если — настанет время спускать подлодку, Сума Четвёртый и прочий необходимый персонал сойдут на борт «Смуглой леди» по специальной шахте. Несмотря на дурные предчувствия маленького европейца по поводу разлуки со старым товарищем, речь даже не заходила о том, чтобы огромного, оптически незрячего краба послать на миссию. Предполагалось, Орфу станет поддерживать связь с подлодкой только в качестве внешнего системного инженера.

— Так как же насчёт «нас»? — повторил Манмут.

— Я понял, что сыграю незаменимую роль в этой миссии, — пророкотал иониец. — И потом, у тебя на судне есть такая маленькая уютная ниша: там воздух, силовые кабели, коммуникационные линии, радары, прочие источники данных — чем не курорт?

Маленький моравек покачал головой, спохватился, что перед ним слепец, потом сообразил: друг уловит его движение с помощью инфракрасных сенсоров, и покачал головой ещё раз.

— Зачем нам вообще туда стремиться? Попыт-

ку приземлиться может подвергнуть опасности свидание с астероидным городом на полярном кольце, откуда идёт передача.

— Да хрен с ним, с астероидным городом, откуда идёт передача! — прорычал Орфу. — Самое главное сейчас — добраться до Земли, и как можно скорее.

— Почему?

— Почему? — переспросил товарищ. — Как это — почему? Дружище, ведь *у тебя* есть глаза. Не ты ли описывал мне телескопические снимки?

— Имеешь в виду сожжённую деревню?

— Да, я имею в виду сожжённую деревню, — громыхнул Орфу. — И тридцать — сорок других человеческих поселений по всему миру, на которые нападают безголовые твари, чья профессия — убивать людей. *«Старомодных» людей*, Манмут. Тот самый род, что создал наших предшественников.

— С каких пор наша миссия стала спасательной? — произнёс европеец.

Земля превратилась в большую яркую сферу голубого цвета, которая росла с каждой минутой. Особенно красиво смотрелись экваториальное и полярное кольца.

— С тех пор, как мы увидели изображения

убитых людей, — ответил краб, и Манмут узнал знакомые, на грани инфразвука, нотки в голосе друга: тот либо шутил, либо говорил настолько серьёзно, что ему явно было не до веселья.

— Я думал, наша цель — спасти Пять Лун, Пояс и Солнечную систему от полного квантового провала, — заметил европеец.

Орфу низко зарокотал:

— Об этом подумаем завтра. Сегодня ещё остаётся возможность помочь землянам.

— Но как? — возразил собеседник. — Мы не знаем контекста. Даже понятия не имеем, что там происходит. Насколько нам известно, безголовые железяки — это роботы-киллеры, созданные людьми для убийства себе подобных. Не стоит ввязываться в местные войны, которые нас не касаются.

— Ты сам в это веришь, Манмут?

Европеец замялся. Взгляд его упал далеко-далеко, туда, где ионные двигатели на кронштейнах стреляли синеватыми лучами в растущую бело-голубую планету.

— Нет, не верю, — сознался он наконец. — По-моему, внизу творится что-то новое, так же, как на Марсе, на Земле Илиона и повсюду, где мы побывали.

— Вот и я так думаю, — промолвил гигантский краб. — Идём, пора сказать Астигу-Че и прочим первичным интеграторам, что, едва мы окажемся на той стороне планеты, нужно запускать подлодку и шлюпку. Со мной на борту.

— И как ты собираешься их переубедить? — полюбопытствовал Манмут.

На сей раз глубокий, пробирающий до костей тон Орфу скорее подразумевал усмешку:

— Я сделаю им предложение, от которого они не смогут отказаться.

52

Харман спрятался как можно дальше от хрустального гроба; он бы вернулся в вагон *Эйфелевой дороги*, но снаружи ревел ветер, достигавший более ста миль в час. Одно дуновение унесло бы словно пушинку человека, рискнувшего выйти на мраморную площадку вокруг Таджа Мойры. Мужчина удовольствовался тем, что стал взбираться по спиральным уровням библиотеки.

Узкие открытые железные переходы очень скоро завели его на головокружительную высоту, причём каждый мезонин, ограниченный низкими перилами, выступал над предыдущим,

поскольку внутренние стены купола сужались кверху. Избранник Ады наверняка струхнул бы, но его занимала одна-единственная мысль: убежать от спящей красавицы.

Все книги были одинакового размера и без названий. Исполинское сооружение заполняли, по оценке Хармана, сотни тысяч томов. Мужчина вытащил первый попавшийся и раскрыл наугад. Крохотные буквы оказались набраны английским шрифтом дорубиконовой эпохи, древнее, чем любой письменный текст, какие Харман только видел, и он промучился несколько минут, пытаясь озвучить и понять хотя бы первые два предложения. Будущий отец вернул книгу на место и, положив ладонь на корешок, вообразил пять синих треугольников в ряд.

Не получилось. Золотые слова не потекли по руке, чтобы отложиться в памяти. Либо функция «глотания» здесь не действовала, либо старинные книги вообще не поддавались ей.

— Есть один способ, с помощью которого ты всё это прочитаешь, — изрёк Просперо.

Мужчина подскочил от испуга. Он и не слышал шагов по гулким железным мостикам. Старец просто возник перед ним на расстоянии вытянутой руки.

— Как это — всё прочитаю? — спросил Харман.

— Кабина *Эйфелевой дороги* тронется в путь через два часа, — произнёс маг. — Если не успеешь, следующей придётся ждать очень долго. Точнее, круглых одиннадцать лет. Так что лучше тебе приступить немедленно.

— Я бы хоть сейчас, — ответил муж Ады. — Да на улице проклятущий ветер, боюсь не добраться.

— Как только будем готовы, я велю какому-нибудь сервитору натянуть верёвку, — промолвил старец в синем халате.

— Разве они здесь работают?

— Конечно. Полагаешь, механизмы Таджа и *Эйфелевой дороги* ремонтируются сами по себе? — Просперо криво усмехнулся. — Ну, в каком-то смысле так оно и есть, ибо и сервиторы по большей части нанотехи, они встроены в структуру, и тебе их даже не разглядеть.

— А у нас и в других общинах прислужники поломались. Отказали, и всё. И ток отключился.

— Естественно, — кивнул старец. — Вы же разрушили мой орбитальный остров, вот и последствия. Зато электрическая сеть планеты и прочие механизмы до сих пор невредимы. Даже лазарет при желании можно восстановить.

Харман изумлённо округлил глаза, повернулся

и, тяжело дыша, прислонился к железным перилам. Мужчина по-прежнему не замечал пропасти между собой и мраморным полом. Девять месяцев назад они с Даэманом под руководством самого Просперо направили на его орбитальный остров гигантский «уловитель чёрных дыр» — только ради того, чтобы уничтожить кошмарный обеденный стол, за которым Калибан, устроивший логово в лазарете, уже много столетий пожирал вместе с костями тела «старомодных», достигших Последней Двадцатки. Вместе с лазаретом погибла извечная уверенность всякого человека в полном исцелении от недугов, случайных ран и признаков возраста. Конечность земного существования легла на плечи людей страшным грузом. Смерть и старение стали печальной действительностью. Но если маг не солгал, человечество снова может выбрать искусственную молодость и вечную жизнь. Супруг Ады ещё не знал, как относиться к этой возможности, однако даже при мысли о подобном выборе у него скрутило живот.

— А что, есть иной лазарет? — Негромкий голос мужчины эхом разнёсся под сводом гигантского купола.

— Разумеется. На орбитальном острове Сико-

раксы. Осталось только его активировать, как и силовые прожекторы вместе с автоматическими системами факсов.

— Сикоракса? — повторил Харман. — Та ведьма, о которой ты говорил, мать Калибана?

— Она самая.

Мужчина собирался спросить, как же они попадут на кольцо, чтобы исполнить задуманное. Потом вспомнил о соньере, оставшемся в Ардисе, и задышал ещё тяжелее.

— Выслушай меня, друг Никого, — сказал Просперо. — Можешь уехать отсюда по *Эйфелевой дороге* через час и сорок пять минут. Или выйти прямо сейчас, шагнуть за край и разбиться на ледниках Кхумбу. Выбор за тобой. Позабудь о своих мечтах: ты больше не увидишь ни любимой Ады, ни победы своих друзей — Даэмана, Ханны и прочих — над войниксами, ни того, что уцелело от вашего Ардиса. Слова мои так же верны, как и то, что день сменяет ночь. Алчный Сетебос умертвит зелёную планету и облечёт её коркой синего льда, если ты не разбудишь Мойру.

Харман попятился и сжал кулаки. Старец в синем халате опёрся на извилистый посох. Одним лишь взмахом этой обычной с виду палки он мог отбросить кратковечного собеседника через

перила с высоты в сотни футов, и тот разбился бы среди беломраморных, выложенных самоцветами стен.

— Должен же быть иной способ, — процедил мужчина сквозь стиснутые зубы.

— Иного способа нет.

Муж Ады стукнул кулаком по железным перилам.

— Всё это какая-то тупая бессмыслица.

— Друг Никого, не напрягай свой ум разгадываньем тайн, — изрёк Просперо, и голос его покатился эхом к вершине купола. — А на досуге Мойра происшедшее подробно разъяснит.[78] Но для начала пробуди её от сна.

Харман упрямо мотнул головой.

— Не верю, что я потомок вашего Ахмана как его Хан Хо Тёпа. Неужели это возможно? «Посты» сотворили нас, людей старого образца, через столетия после Финального факса, когда исчез народ Сейви, а…

— Вот именно, — улыбнулся маг. — Откуда, по-твоему, взялись образцы ДНК и запасные тела? Ты всё, и даже более, узнаешь от Мойры. Она постчеловек, последняя из их рода, и ей известно, как

---

[78] notes: 78

Изм. цитата из «Бури» В. Шекспира. Перев. М. Донского.

помочь тебе прочесть эти книги, прежде чем кабина *Эйфелевой дороги* покинет станцию. Вполне вероятно, что для нашей спящей не тайна, как вам одолеть калибано и войниксов, а то и самого Калибана с его повелителем Сетебосом. Но у нас мало времени. Достаточно ли дорога тебе жизнь твоей Ады, чтобы заплатить за неё маленьким проявлением неверности? Остался ровно час и сорок пять минут, потом вагон придёт в движение. Не так-то легко проснуться четырнадцать веков спустя. Мойре понадобится время, чтобы прийти в себя, подкрепиться и разобраться в положении; лишь тогда она будет готова пуститься с нами в путешествие.

— С нами? — глупо переспросил мужчина. — По *Эйфелевой дороге?* Обратно в Ардис?

— Почти наверняка, — подтвердил Просперо.

Харман вцепился в перила, так что белые костяшки пальцев покраснели. Наконец он разжал руки и вновь обернулся к магу.

— Хорошо. Но ты жди меня здесь. А лучше возвращайся в башню. Скройся с глаз. Я всё сделаю, только мне не нужны свидетели.

Старец мгновенно пропал. Мужчина постоял у перил, вдыхая затхлый запах старинных кожаных переплётов, и устремился к лестнице.

53

Их было сорок пять — потрёпанных, замёрзших колонистов и колонисток, проделавших семимильный путь от Тощей Скалы до факс-павильона.

Даэман шагал впереди с рюкзаком, в котором изредка ворочалось мерцающее белое яйцо Сетебоса; Ада шагала рядом, стараясь не думать о сотрясении мозга и сломанных рёбрах. Первые несколько миль оказались хуже всего: неровная почва окаменела на холоде, к тому же снова посыпался снег, видимость ухудшилась, и все с тревогой ожидали нападения безголовых тварей. Однако прошло полчаса, потом три четверти, потом целый час; чудовища не появлялись, и люди понемногу начали расслабляться.

В сотне футов над головами идущих кружил соньер с Греоджи, Томом и восемью серьёзно пострадавшими пассажирами, то вырываясь вперёд и взлетая высоко над лесом, то возвращаясь и снижаясь так, чтобы Греоджи мог докричаться до своих товарищей.

— Войниксы примерно в полумиле, но продолжают отступать! — сообщал он. — Пятятся от вас

и от яйца.

Хозяйку сожжённого особняка (каждый вздох причинял ей страдания, в висках стучало, в голове и запястье пульсировала боль) мало утешало смехотворное расстояние в половину мили. Супруга Хармана ещё помнила, как проворно бегают эти твари, как лазают по деревьям и беззвучно прыгают вниз: чтобы настигнуть уцелевших обитателей Ардиса, им хватило бы и минуты. Двадцать пять винтовок и пистолетов, но ни одной запасной обоймы — вот и всё, на что могла рассчитывать пёстрая компания. Из-за сломанной кисти и забинтованных боков молодая женщина осталась без оружия, отчего, шагая рядом с Даэманом, Эдидой, Боманом и другими, ощущала себя ещё более уязвимой. В лесу намело сугробы почти в целый фут, и Ада едва находила силы, чтобы брести вперёд, навстречу мокрому липкому снегу.

Направляясь на юго-восток, к дороге между имением и факс-павильоном, группа миновала густо заросший каменистый участок леса, но и тогда продолжала мучительно медленно плестись, равняясь на самых слабых, больных, раненых и переохладившихся за прошлые две ночи. Сирис, одна из врачей Ардиса, шла вместе с ними, за-

ботясь о том, чтобы все получали необходимую помощь, и порой напоминая вожакам, чтобы не ускоряли шага.

— Не понимаю, — сказала супруга Хармана, когда очутилась на просторной опушке, которую помнила по сотне летних пикников.

— Ты о чём? — спросил кузен.

Он нёс рюкзак на вытянутых руках, как если бы тот издавал зловоние. Впрочем, Ада заметила: оттуда и впрямь попахивало тухлой рыбой и затхлыми водами уличной канавы. Однако яйцо по-прежнему ярко светилось и время от времени беспокойно двигалось, а значит, малыш Сетебос ещё не умер.

— Почему войниксы держатся на расстоянии от этой штуки? — произнесла женщина.

— Боятся, наверное, — отозвался Даэман.

Рюкзак он теперь нёс в левой руке, а в правой — заряженный арбалет.

— Это и так ясно, — резче, нежели ей хотелось бы, проговорила будущая мать. Грохот в голове, рези в руке и боках выводили её из себя. — Я о другом. Какая связь между… существом… в Парижском Кратере и безголовыми тварями?

— Не знаю, — ответил кузен.

— Войниксы окружали нас… ну, всегда, — про-

должала рассуждать Ада. — А это чудовище явилось только неделю назад.

— Верно, — согласился Даэман. — Однако у меня такое чувство, что между ними есть какая-то связь. Может, и прежде была.

Женщина кивнула, поморщилась от боли и побрела дальше. Скупо цедя слова, люди тянулись неровными рядами по вновь погустевшему лесу, пересекли по льду знакомый поток и взяли курс на крутой пригорок, мохнатый от высокой заиндевелой травы и кустарников.

С неба спустился соньер.

— Ещё четверть мили! — крикнул Греоджи. — Войниксы уходят на юг. До них уже мили две.

Достигнув заветной дороги, колонисты оживились, начали перешёптываться, хлопать друг друга по спинам. Будущая мать взглянула на запад, в сторону Ардис-холла. С крытого моста как раз виднелся изгиб дороги, ведущей к большому особняку, а вот самого здания, разумеется, не было, даже столб тёмного дыма успел рассеяться. Перед глазами заплясали чёрные точки, желудок на минуту свело. Супруга Хармана застыла, прижав ладони к коленям и опустив голову.

— Ада, как ты себя чувствуешь?

Голос принадлежал бородатому Ломану, об-

лачённому в жалкие лохмотья; одна из тряпок была обмотана вокруг правой руки, на которой после ночной битвы с войниксами при Ардисе недоставало четырёх пальцев.

— Хорошо. — Женщина выпрямилась, выжала улыбку и поспешила догнать маленькую группу колонистов, бредущих во главе шествия.

До факс-павильона уже оставалось менее мили; пейзаж смотрелся бы очень знакомо, когда бы не этот непривычный снег. Войниксы никак не давали о себе знать. Пролетев над головами, соньер взвивался в небо и, описав широкий круг, со свистом возвращался, Греоджи снижался, показывал друзьям большой палец и уносился вперёд.

— Куда же нам факсовать? — обратилась Ада к своему кузену.

Она ясно слышала странную безучастность в собственном голосе, но слишком устала и терзалась болями, чтобы вкладывать силы ещё и в разговор.

— Трудно сказать, — произнёс поджарый, мускулистый мужчина — некогда пухлый эстет, мечтавший соблазнить юную кузину. — По крайней мере непонятно, куда нам деваться надолго. Уверен, что Чом, Уланбат, Парижский Кратер, Беллинбад и прочие узлы из числа самых заселён-

ных Сетебос опутал паутиной из голубого льда. Зато я знаю одно необитаемое место, в которое иногда заглядываю, это в тропиках. Там тепло. Просто заброшенный городок, но на берегу океана — правда, неизвестно какого, — и в лагуне. Зверья там немного, разве что ящерки, да кабаны иногда пробегают. Кажется, людей они вообще не боятся. Можно было бы половить рыбу, поохотиться, наготовить новых луков со стрелами, позаботиться о раненых… короче, залечь на дно, пока не придумаем, что делать дальше.

— А как нас отыщут Харман, Ханна и Никто-Одиссей? — спросила будущая мать.

С минуту Даэман молчал, и Ада прочла его мысли: «Мы даже не знаем, живы ли они. Петир утверждал, будто твой муж исчез вместе с Ариэлем». Однако в конце концов кузен промолвил:

— Всё просто. Кто-нибудь из нас то и дело будет сюда наведываться. А ещё — можем оставить в Ардис-холле сообщение с кодом факс-узла нашего убежища в тропиках. Харман умеет читать, а войниксы, по-моему, нет.

Ада печально улыбнулась.

— Они могут многое, чего мы себе раньше даже не представляли.

— Ага, — кивнул бывший любитель бабочек, и

разговор оборвался до конца пути.

Факс-павильон остался почти таким же, каким его покинул Даэман двое суток назад. Разломанный частокол, повсюду засохшая кровь людей, защищавших узел не на жизнь, а на смерть: тела растащили войниксы или дикие звери. А вот само открытое круглое сооружение и колонна посередине выглядели нетронутыми.

Колонисты нерешительно замялись на пороге, оглядываясь через плечо на глухую чащу. Когда приземлился соньер, товарищи помогли сойти раненым; кое-кого пришлось выносить.

— За пять миль вокруг чисто, — сообщил Греоджи. — Вот чудно. Я заметил вдали несколько тварей, так они удирали на юг, словно за ними гонятся.

Даэман посмотрел на белёсое мерцающее яйцо в рюкзаке и вздохнул:

— Мы-то за ними не гонимся. Просто хотим убраться отсюда подобру-поздорову.

Тут он изложил уцелевшим членам общины свой план.

Разгорелся короткий спор. Многие беженцы стояли за то, чтобы факсовать в известное место, проведать, живы ли друзья и возлюбленные. Кауль, например, уверял всех, будто бы пресло-

вутый Сетебос никак не мог захватить Поместье Ломана (там оставалась мать Кауля).

— Ладно, послушайте! — воскликнул сын Марины, перекрыв поднявшийся ропот. — Нам неизвестно, *где* сейчас это чудовище. Ему за глаза хватило суток, чтобы превратить Парижский Кратер в крепость из нитей голубого льда. Я был там последним, а после моего возвращения прошло уже более сорока восьми часов. И вот что я предлагаю…

Нестройная толпа угомонилась. Люди внимательно слушали. «Они принимают Даэмана за вожака, — мелькнуло в голове Ады. — Как раньше принимали меня… и Хармана». Она сглотнула подступивший к горлу ком.

— Давайте решим, держаться нам сейчас вместе или нет. — Зычная речь Даэмана без усилия долетала до каждого усталого человека. — Можем проголосовать и…

— А что такое «голосовать»? — встрял Боман.

Мужчина объяснил.

— Стало быть, даже один «голос» сверх половины будет за то, чтобы нам не расставаться, — произнесла Око, — то всем придётся подчиниться?

— Только на время, — ответил Даэман. — Скажем… на неделю. Держаться рядом теперь

безопаснее, чем разбегаться по разным узлам. Как же мы после найдём друг друга? И потом, среди нас больные, раненые, они не смогут себя защитить. А как поступить с оружием? Отдать его тем, кто пожелает отделиться, или большинству?

— Ну а что делать эту неделю… *если* мы согласимся отправиться в твой тропический рай? — спросил Том.

— То, что я и говорил, — отозвался бывший коллекционер. — Оправимся, придём в себя. Возведём укрепления… Там, за рифом, я видел маленький остров. Построим на нём жилища, лодки, крепостной вал…

— Думаешь, войниксы не умеют плавать? — выкрикнул Стоман.

Все нервно засмеялись; Ада покосилась на кузена. Шутка напоминала «галльский юмор» (на это любопытное выражение хозяйка особняка наткнулась, «глотая» старинные книги в библиотеке Ардиса), зато разрядила накалённую обстановку.

Даэман легко рассмеялся.

— Понятия не имею, но если не умеют, лучшего места нам не сыскать.

— Ага! До тех пор, пока мы не наплодим детишек, которым будет некуда деваться, — вставил

Том.

На сей раз общий хохот грянул несколько веселее.

— Ещё мы станем посылать разведчиков, — продолжал сын Марины. — Начнём прямо с первого дня. Так можно разузнать, что творится в мире, и выяснить, в каких факс-узлах безопасно жить. Через неделю каждый, кто захочет, пусть отправляется куда угодно. Я просто считаю, что нам лучше быть вместе, пока не поправятся больные, пока все не выспятся и не поедят вдоволь.

— Голосуем, — объявил Кауль.

Так и поступили. Люди прыскали в кулаки, смущаясь тем, что решают серьёзный вопрос столь диковинным способом — поднимая руки. Сорок три человека были за то, чтобы не расставаться, семеро — против, и трое больных не высказывались, ибо лежали без сознания.

— Вот и хорошо.

Даэман уже направился к помосту, но тут вмешался Греоджи:

— Минутку! Что делать с летающим диском? Сколько раз он выручал наши жизни. Соньер не протащить через факс, а если машину бросить — её заберут войниксы.

— Вот чёрт, — ругнулся сын Марины. — Об этом

я не подумал.

Мужчина провёл рукой по грязному лицу в кровавых разводах, и только Ада разглядела, как он устал и бледен, хотя и напускает на себя бодрый вид.

— У меня предложение, — промолвила супруга Хармана.

Дружелюбные лица обернулись к ней.

— Многие из вас уже знают о новых функциях, которые показала нам Сейви: дальняя, ближняя, общая сеть… Кое-кто даже пробовал ими пользоваться. Как только окажемся на месте, мы сразу выясним его расположение, кто-нибудь факсует за диском и вернётся на тропический остров по воздуху. Харман, Ханна, Петир и Никто добрались до Золотых Ворот Мачу-Пикчу за час, так что дорога в рай не должна занять много времени.

Некоторые в ответ захихикали, но многие закивали, соглашаясь.

— Есть идея получше, — подал голос Греодж. — Вы все факсуете, а я караулю соньер. Потом кто-нибудь вернётся, объяснит мне дорогу.

— Тогда я тоже останусь, — вызвался Ламан; винтовку он держал неповреждённой левой рукой. — Вдруг опять нагрянут войниксы, тебе понадобится прикрытие. И товарищ, который не

позволит заснуть во время полёта.

Даэман устало улыбнулся.

— Согласны? — спросил он у всех.

Люди начали подтягиваться: им не терпелось покинуть зловещее место.

— Погодите, — снова сказал сын Марины. — Неизвестно, что нас там ожидает. Давайте вначале факсуем всемером: я и шестеро с винтовками — Кауль, Каман, Элла, Боман, Касман, Эдида. Если не увидим опасности, один из нас вернётся минуты через две. Затем переправим больных и раненых. Том, Сирис, назначьте помощников и займитесь этим, пожалуйста. Греоджи, ты организуй вооружённое прикрытие, пока факсуют остальные. Договорились?

Колонисты поспешно закивали. Команда с винтовками вышла вперёд, на звезду, выложенную в полу павильона.

— Поехали, — произнёс Даэман и отстучал код необитаемого узла.

Обычно в эту секунду в воздухе раздавалось слабое шипение, перед глазами зрителей начинало мерцать, и путешественники пропадали из виду, но сейчас ничего такого не произошло.

— Попробуем по очереди, — сказал кузен Ады, хотя прежде люди без всяких затруднений факсо-

вали вшестером. — Кауль, встань на звезду.

Мужчина повиновался, беспокойно поправив на плече винтовку. Даэман ещё раз пробежался пальцами по клавишам.

Никакого результата. Ветер с воем заметал открытый павильон снегом.

— Наверное, тот узел больше не работает, — подала голос женщина по имени Сеаес, стоявшая в толпе.

— Попробую Поместье Ломана.

Сын Марины набрал привычный код.

Опять ничего.

— Чтоб нам всем провалиться! — воскликнул дородный Каман, протискиваясь вперёд. — Вы ничего не напутали? Дайте я попытаюсь.

Следом за ним попытались ещё пятеро. Проверили три дюжины знакомых факс-узлов. Ни один из них не отвечал. Ни Чом, ни Беллинбад, ни павильоны Небесных Колец в Уланбате — ни единый.

В конце концов люди остановились, не в силах вымолвить ни слова. На каждое лицо легла печать беспросветного ужаса и отчаяния. Никакие кошмары последнего времени — падение метеоров, отключение электричества, поломка сервиторов, ранние атаки войниксов, новости из

Парижского Кратера, даже резня при Ардисе и безнадёжное ожидание на Тощей Скале — ещё не вселяли в сердца подобной обречённости.

Факс-узлы перестали действовать. Привычный с детства мир воистину рухнул. Оставалось лишь ожидать неминуемой смерти. Ждать, пока не вернутся безголовые твари или пока мороз, истощение и болезни не прикончат беженцев одного за другим.

Ада взобралась на маленький помост у основания колонны, чтобы все могли видеть, кто говорит.

— Мы возвращаемся в Ардис-холл! — возвестила будущая мать сильным, не терпящим возражений голосом. — До него отсюда чуть больше мили. Даже при нашей усталости дорога займёт около часа. Том и Греоджи перенесут больных на соньере.

— Какого чёрта нам делать в бывшем особняке? — спросила невысокая женщина; супруга Хармана не признала её лица. — Чего мы там не видели? Полусгнивших трупов, пепла и войниксов?

— Не всё же сгорело! — громко возразила ей Ада, хотя не имела об этом никакого понятия: она ведь была без сознания, когда спаслась на диске

из пылающих руин.

Впрочем, Даэман и Греоджи будто бы видели участки, не повреждённые огнём.

— Не всё сгорело, — повторила будущая мать. — Сохранились толстые балки, остатки палаток и бараков. В крайнем случае разберём частокол и построим деревянные хижины. Что-нибудь ещё из вещей уцелело. Возможно, даже ружья. Мы многое там оставили…

— Например, серых чудовищ, — вставил мужчина со шрамом.

— Пожалуй, ты прав, Элос, — согласилась Ада, — но войниксы теперь шныряют повсюду. К тому же их отпугивает яйцо Сетебоса. Покуда оно у Даэмана в рюкзаке, твари не приблизятся на пушечный выстрел. И где ты предпочтёшь с ними встретиться? В холодном ночном лесу или у большого костра, в тёплой лачуге, когда твои друзья будут стоять на страже?

Толпа озлобленно затихла. Кое-кто ещё пытался стучать по клавишам, после чего бессильно бил кулаком по колонне.

— Почему не остаться прямо здесь? — произнесла Элла. — Крыша уже есть. Построим стены, разложим огонь. Частокол тут поменьше, его намного проще восстановить. А если факс опять

заработает, мы быстренько уберёмся куда-нибудь подальше.

Супруга Хармана кивнула.

— Всё верно, подруга. Но как быть с водой? Придётся то и дело посылать кого-нибудь к реке, а это за четверть мили отсюда, и путь опасен. Запасы будет негде хранить, да мы и сами все не разместимся под этой крышей. И ещё здесь холодно. Главный особняк возводили в солнечном месте, там куча строительного материала и главное — есть колодец. Расположим новый Ардис-холл *вокруг* него, так чтобы не выходить за питьём наружу.

Колонисты переминались с ноги на ногу, однако не отвечали. Никого не прельщала мысль о том, чтобы вновь куда-то брести по мёрзлой дороге, всё дальше от павильона и надежд на спасение.

— Я отправляюсь, — объявила будущая мать. — Ещё пара часов — и стемнеет. Я собираюсь развести славный костёр до того, как на небе зажгутся кольца.

Она действительно вышла из павильона и пошла на запад, в сторону дороги. Даэман тронулся следом. За ним — Эдида и Боман. Затем потянулись Том, Сирис, Каман и многие другие.

Греоджи занялся погрузкой больных обратно на борт соньера.

Догнав кузину, сын Марины склонился к уху молодой женщины и прошептал:

— У меня две новости: хорошая и плохая.

— Давай хорошую, — устало проговорила Ада, чувствуя, как раскалывается голова.

Супруга Хармана шагала зажмурившись, лишь иногда разжимая веки, чтобы не сбиться с каменистой дороги.

— Все двинулись за нами, — сообщил Даэман.

— А плохая? — произнесла женщина, думая про себя: «Только не плакать! Только не плакать!»

— Треклятое яйцо Сетебоса начинает потихоньку трескаться, — ответил кузен.

54

Только избавившись от верхней одежды в хрустальной усыпальнице под мраморным полом Таджа Мойры, Харман ощутил, как же здесь холодно. В исполинском сооружении тоже царил мороз, однако умная термокожа, которую девяностодевятилетний натянул на себя в кабине *Эйфелевой дороги*, позволяла не замечать этого. И вот он застыл в изножье прозрачного гроба, сняв

термокостюм наполовину (обычный наряд кучей валялся на невидимом полу). Голые руки и грудь покрылись пупырышками.

«Это неправильно. Совершенно неправильно».

Современники Хармана были начисто лишены каких-либо религиозных взглядов, не считая трепетного благоговения перед «постами», обитавшими на небе, и почти одухотворённой веры в Последнее восхождение к ним и вечную жизнь на кольцах. Туринская драма дала людям самые приблизительные суждения о церковных обрядах и помыслах.

И всё же в эту минуту мужчина проникся ощущением, что совершает грех.

«Но жизнь моей Ады, жизни всех, кого я знаю и кто мне дорог, возможно, зависят от пробуждения последней женщины из рода „постов“.

— От секса с этой мёртвой или впавшей в кому чужеземкой? — вслух прошептал он. — Бред какой-то. Безумие.

Харман оглянулся через плечо (казалось, Просперо сдержал своё слово; по крайней мере мага нигде не было видно) и разоблачился догола. Холод пробирал до костей. Возлюбленный Ады опустил глаза и чуть не рассмеялся: какой же он замёрзший, морщинистый, съёжившийся.

«А если полоумный старик надо мной подшутил?» И кто знает, не прячется он где-нибудь поблизости под покровом невидимости?

Мужчину колотила дрожь: отчасти от озноба, но больше от непреодолимой гадливости. Одна только мысль о собственном прародителе по имени Ахман Фердинанд Марк Алонцо Хан Хо Тёп вызывала тошноту.

Харману вспомнилась Ада — израненная, потерявшая сознание, заброшенная на вершину Тощей Скалы вместе с жалкой кучкой беженцев, уцелевших после резни у Ардиса.

«Кто сказал, что это не ложь? Просперо ничего не стоит сотворить обманную туринскую пелену».

Да, но действовать придётся так, словно видение было правдивым. Как и волнующие речи мага о том, что другу Никого необходимо учиться, необходимо изменить себя и встать на борьбу против Сетебоса, войниксов и калибано, иначе всё потеряно.

«Ну что может одиночка, да ещё разменявший Пять Двадцаток?» — спросил себя мужчина.

И будто бы в ответ на это забрался в массивный гроб. Потом опустился у края, стараясь не коснуться босых ног обнажённой женщины.

Полупроницаемое защитное поле плотно смыкалось вокруг тела: казалось, человек погрузился в тёплую воду. Лишь голова и плечи по-прежнему оставались на холоде.

В длинном и просторном саркофаге можно было улечься подле спящей дамы, не задев её. Покрывшая подушки ткань походила с виду на шёлк, однако под коленями Хармана больше напоминала мягкое металлическое волокно. Загадочное силовое поле переливалось пульсирующей энергией, которая охраняла молодость и, возможно, крепкий сон двойника Сейви.

«А вдруг, если я нырну с головой, — подумалось мужчине, — то, как и она, забудусь веков на пятнадцать? Это решило бы все мои затруднения. А главное — избавило бы от вопроса, что делать дальше».

Присев на корточки, он опустил лицо сквозь полупроницаемую преграду (кожу слегка стянуло), словно пловец, робеющий войти в реку, и очутился на четвереньках прямо над ногами спящей. Нагретый воздух, пронизанный гулом приборов саркофага, окатил тело волнами странной силы, однако грёз не навеял.

«И что теперь?»

В жизни супруга Ады почти наверняка быва-

ли случаи, когда он чувствовал себя столь же неловким; впрочем, даже при усилии память не подбросила ни одного примера.

Лишённый представлений о грехе, современный Харману мир не знал также склонности к насилию. В нём не было ни законов, ни тех, кто мог бы насаждать их среди «старомодных» людей, зато не было и агрессии между представителями разных полов; в близость вступали только по обоюдному согласию. Законы, полиция, тюрьмы — все эти слова девяностодевятилетний впервые вычитал в древних библиотечных томах. Однако негласные правила заставляли каждого невольно беречься дурной славы: никто не желал стать изгоем в крохотной компании, предающейся весёлым вечеринкам, танцам и факсам туда-сюда.

К тому же секса хватало на всех желающих, а не желающие встречались крайне редко.

За свои почти полные пять Двадцаток Харман познал многих женщин. И только декаду назад, научившись разбирать таинственные каракули в книгах, он положил конец привычному ритму жизни под девизом: факсуй куда попало — переспи с кем попало. Тогда-то мужчина обзавёлся нелепой идеей, будто на свете есть, может или мог бы существовать некто совершенно особен-

ный, чьи ласки подарят им обоим необычайный опыт, не похожий на то, чем полнилось бытие людей старого образца, — бездумные связи и дружбу, доходившую до постели.

Всё-таки это была дикая мысль. Делиться ею не имело смысла, да Харман и не пытался. Возможно, именно юная свежесть Ады (прошло около семи лет с её Первой Двадцатки, когда они начали заниматься любовью и *полюбили* друг друга) помогла ей принять романтические бредни партнёра об исключительных отношениях. Странная пара сыграла даже своеобразную «свадьбу» в Ардис-холле. Из четырёхсот гостей львиная доля посмеивалась над этой причудой, видя в ней лишь новый повод устроить вечеринку; только Петир, Даэман, Ханна и несколько самых близких друзей понимали куда более глубокий смыл происходящего.

«Не думай об этом, иначе никогда не сделаешь того, что, по словам Просперо, должен сделать».

Мужчина стоял на четвереньках над незнакомкой, проспавшей — если верить лживой аватаре земной логосферы — примерно полтора тысячелетия. И он ещё удивлялся, что не готов заняться сексом!

Ну почему она так похожа на Сейви? Старуха

была чуть ли не самым интересным человеком, повстречавшимся на пути Хармана, однако дерзкая представительница иного века, никогда не открывавшая всей правды, загадочная, как никто из людей старого образца, никогда не привлекала его как женщина. Мужчине припомнилось её тощее тело в облегающей термокоже.

Конечно, дама, лежавшая перед ним, не оскорбляла взгляда худобой. Многие века не истощили её мускулов. Волосы отливали не иссиня-чёрным, как прекрасные локоны Ады, а очень тёмным каштановым цветом, причём повсюду. Кое-где они блестели, точно медь, в отражённых лучах восходящего солнца, ибо ветер уже рассеял облака над северным склоном горы Джомолунгмы. Харман видел мельчайшие поры на её коже. Соски на грудях смотрелись не розовыми, скорее бурыми. На уверенном подбородке темнела ямочка — в точности как у Сейви. Недоставало только морщин у рта, на лбу и в уголках глаз.

«Да *кто* же она?» — в пятидесятый раз изумился про себя муж Ады.

«Какая разница! — прокричала часть его разума. — Если маг не соврал, она — та, с кем тебе нужно заняться сексом; та, кто научит тебя всему необходимому, чтобы вернуться домой».

Похищенный потянулся вперёд и чуть опустился на женщину. Та лежала на спине, с руками вдоль боков, ладонями вниз, слегка раздвинув ноги. Ощущая себя последним насильником, Харман правым коленом подвинул левую ногу спящей немного в сторону, а левым — правую. Незнакомка не могла бы открыться ему с большей уязвимостью.

А мужчина ещё никогда не был настолько холоден.

Возлюбленный Ады опёрся на руки, оказавшись над распростёртым телом. Затем он вскинул голову, прорвал тихонько гудящее силовое поле и принялся большими глотками пить студёный воздух. Наклонившись, друг Никого в третий раз почувствовал себя так, словно тонет в тёплой воде.

Теперь он опустился на копию Сейви. Дама не шелохнулась. её длинные тёмные ресницы бестрепетно покоились на щеках, а глаза под веками совершенно не двигались, как это часто бывает у спящих. Сколько раз мужчина замечал неуловимые движения, глядя на лицо спящей супруги, озарённое лунным сиянием…

Ада.

Харман зажмурился и вообразил её — не ране-

ную и потерявшую сознание беженку на вершине Тощей Скалы, какой показала милую красная туринская пелена Просперо, но ту, какой была его супруга последние восемь месяцев в Ардис-холле. Вспомнил, что просыпался по ночам рядом с ней, только бы полюбоваться её безмятежным сном. Ощутил запах чистого женского тела, которым наслаждался в их спальне в древнем особняке.

Кажется, что-то зашевелилось…

«Не обращай внимания. Пока не думай. Просто вспоминай».

Харман позволил себе воскресить в уме их первую близость с Адой. С тех пор миновало девять месяцев, три недели и два дня. Тогда они, путешествуя вместе с Ханной, Даэманом и Сейви, как раз познакомились с Одиссеем у Золотых Ворот Мачу-Пикчу. В ту ночь каждому выделили для отдыха отдельную комнату — вернее, зеленоватый шар, прилипший к оранжевой башне старинного моста: полупрозрачные сферы висели виноградными гроздьями на горизонтальной распорке в семистах с лишним футах над головокружительно далёкими развалинами.

Когда все разошлись по спальням, здорово перепугавшись при виде хрустального пола, как здесь, в гробнице… впрочем, об этом лучше не

надо… Харман прокрался к двери молодой женщины и тихо постучал. Хозяйка впустила гостя, и тёмные глаза её ярко сверкали.

Вообще-то путешественник пришёл побеседовать, а не заниматься любовью. По крайней мере он сам так думал. Однажды Харман уже ранил чувства Ады. Это случилось в Парижском Кратере, в обиталище матери Даэмана Марины, расположенном высоко на бамбуковой башне у края гигантской красноглазой воронки. Зависнув над тысячемильной чёрной дырой, рискуя умереть — или же лишний раз угодить в орбитальный лазарет, — девушка забралась на балкон к любимому. А мужчина ответил: «Нет». Сказал, что им «нужно подождать». И она согласилась, хотя наверняка ни один мужчина прежде не отвергал прекрасную, темноволосую Аду из Ардис-холла.

Однако в ту, другую ночь, в прозрачном шарике, висящем на Золотых Воротах Мачу-Пикчу, среди каменистых гребней Анд (название Харман узнал гораздо позже), в тысяче футов над развалинами, где обитали страшные тени… Так вот мужчина пришёл, чтобы поговорить. О чём же? Ах да, хотел убедить её остаться в особняке вместе с Одиссеем и Ханной, пока он с её кузеном и старухой отправится в легендарное место под

названием Атлантида: там якобы мог сохраниться космический корабль, который доставил бы путешественников на кольца. Харман был очень убедителен, хотя и бессовестно лгал. Внушая юной Аде, будто бы ей необходимо представить Одиссея обитателям и гостям Ардис-холла и будто бы путешествие не затянется дольше нескольких дней, на самом деле он изнывал от страха, подозревая, что Сейви втянет всех в опасную историю (так оно и вышло, старуха даже поплатилась жизнью), и очень хотел уберечь любимую от грядущих бед. Уже тогда он чувствовал: если с Адой хоть что-нибудь случится, пострадают его собственная плоть и душа.

На девушке была коротенькая сорочка тончайшего шёлка. Лунное сияние лежало на бледных руках и ресницах красавицы, а гость совершенно серьёзно убеждал хозяйку остаться в Ардис-холле с чужаком по имени Одиссей.

А в конце беседы поцеловал её. О нет, всего лишь в щёчку, словно отец или друг — маленького ребёнка перед сном. Это *Ада* подарила ему настоящий, искренний, продолжительный поцелуй, обвив мужчину руками, прижимая его к себе в лунном и звёздном сиянии. Юные груди коснулись Хармана сквозь лёгкий синий шёлк

сорочки.

Похищенный вспомнил, как отнёс милую к маленькой постели у искривлённой невидимой стены обиталища. Девушка помогла ему избавиться от пижамы. Любовники раздевались торопливо, но с какой-то особой, неловкой грацией.

Неужто с горных пиков налетел ураган, ведь узкая кровать сотрясалась, когда они предались ласкам? Наверняка так и было. Перед глазами мужчины возникло запрокинутое милое лицо, лунный свет на сосках, нежные груди, которые он по очереди накрывал широкой ладонью и подносил к губам.

Да-да, от налетевшего шквала мост содрогнулся, комната опасно и очень чувственно закачалась, и любовники тоже; Ада была под ним, сжимала ногами бёдра мужчины, потом скользнула правой рукой вниз, нашла его, направила…

Что ж, на этот раз никто не помогал Харману, когда он напрягся и привстал над пахом женщины в хрустальном саркофаге. «Не получится, — мелькнуло среди нахлынувших воспоминаний и возрождённых желаний. — Она же сухая. Придётся…»

Остаток мысли куда-то улетучился. Мужчина

осторожно попробовал… Незнакомка оказалась мягкой, открытой, даже мокрой, как будто только и ждала его все эти годы.

Ада тоже была готова, дарила ему тёплые губы и вагину, ненасытные руки, сжимала пальцы на его голой спине, когда Харман двигался внутри неё и вместе с ней. Любовники целовались, покуда мужчина — это он-то, проживший на свете целых девятнадцать лет после четвёртой Двадцатки, самый старый из всех, кого знала девушка, — чуть не лишился чувств от перевозбуждения, точно подросток.

Комната всё качалась под резкими порывами ветра, а они продолжали двигаться: сначала (казалось, что целую вечность) очень нежно, потом с нарастающей страстью, затем Ада заставила его потерять остатки самообладания: раскрывалась и требовала проникать ещё глубже, целовала мужчину, стискивала в жарких кольцах объятий рук и ног, впивалась ногтями в кожу.

Кончив, Харман содрогался в ней несколько долгих мгновений. Красавица ответила внутренними судорогами, похожими на толчки землетрясения из бесконечно глубокого эпицентра. Вдруг показалось, будто бы мужское естество сжимает, отпускает и обхватывает крепче кро-

хотная ручка, а не всё тело любимой.

Харман вздрогнул несколько раз внутри незнакомки, которая обликом походила на Сейви, но не могла ею быть, и, не медля, вырвался наружу. Сердце, всё ещё переполненное любовью и воспоминаниями о милой, тяжело грохотало в груди от стыда и ужаса.

Мужчина откатился в сторону и замер, задыхаясь, жалея себя, на подушках из металлического шёлка. Тёплый воздух овевал его и баюкал. Харман почувствовал, что прямо сейчас, подобно этой женщине, может забыться на полтора тысячелетия, проспать все беды, грозящие миру, друзьям и единственной, совершенной, бессовестно преданной возлюбленной.

Неуловимое движение стряхнуло с него невесомую дрёму.

Мужчина разлепил веки — и чуть не умер, увидев раскрытые глаза спящей. Женщина повернулась и уставилась на него холодным умным взором, какого почти не бывает у полусонных людей.

— Ты кто? — спросила юная незнакомка голосом покойной Сейви.

55

В конце концов не красноречие ионийца, но тысячи разных обстоятельств и соображений вынудили моравеков запустить в атмосферу космошлюпку со «Смуглой леди» на борту.

Совещание состоялось гораздо раньше, чем предполагал Астиг-Че. События чередовались с бешеной быстротой. Спустя каких-то двадцать минут после встречи на внешней обшивке «Королевы Мэб» Орфу и Манмут опять оказались на капитанском мостике в обществе каллистянина Чо Ли, первичного интегратора Астига-Че, генерала Бех бин Адее, Мепа Эхуу, грозного Сумы Четвёртого, взволнованного Ретрограда Синопессена и ещё полудюжины интеграторов-моравеков и военных-роквеков. Разговор проходил в устной форме, в условиях земной атмосферы и гравитации.

— Вот это послание мы получили восемь минут назад, — промолвил штурман Чо Ли.

И прокрутил его по личным лучам, хотя послание слышал почти каждый.

Как и прежде, мазерный передатчик находился на астероиде размером с Фобос, расположенном

на полярном кольце, однако на сей раз женский голос ничего не требовал; послание просто содержало координаты для встречи, а также пределы допустимой скорости.

— Леди желает, чтобы мы доставили Одиссея прямо к ней, — заметил Орфу, — а не теряли время попусту, заскочив по дороге на ту сторону Земли.

— А это выполнимо? — спросил маленький европеец. — В смысле, с разлёта припарковаться на полярной орбите?

— Можно снова прибегнуть к атомным бомбам ещё часов на девять и устроить себе высокогравитационнную посадку, — сообщил Астиг-Че. — Но мы не хотим этого по ряду причин.

— Прошу прощения, — вмешался любитель сонетов. — Я не инженер и не штурман, а всего лишь капитан подлодки, однако не представляю себе, как нам ухитриться снизить скорость, учитывая, что мы и без того замедлили ход благодаря ионным двигателям. Разве только в запасе осталось ещё средство?

— Аэродинамический тормоз, — промолвил маленький многочленный каллистянин по имени Чо Ли.

Манмут расхохотался, поскольку не мог вооб-

разить более неуклюжего, громоздкого, непригодного для аэродинамических манёвров судна, чем трехсотдевятиметровая «Королева Мэб» со всеми её перекладинами и стрелами кранов, когда вдруг до него дошло, что это не шутка.

— Вы серьёзно? — наконец проговорил он.

Ретроград Синопессен выбежал вперёд на серебристых паучьих ножках.

— Разумеется, мы всегда рассчитывали на подобную необходимость. Втянувшись и слегка изменив форму, шестидесятиметровая буферная плита с аблятивным покрытием послужит отличным тепловым экраном. Плазменное поле, которое образуется вокруг нас во время манёвра, не должно достигнуть чрезмерно высоких величин: при желании мы сможем даже общаться при помощи мазерных передатчиков. Сначала планировалось устроить мягкое аэродинамическое торможение на высоте ста сорока пяти километров над уровнем земного моря, сделав несколько оборотов, дабы отрегулировать нашу орбиту. Самым сложным было бы миновать насыщенные кольца искусственного происхождения — полярное и экваториальное, но с этим «Королева Мэб» справилась бы без труда: просто уворачивалась бы, как хрен знает кто. Теперь же,

получив настоятельное приглашение от неизвестной леди с орбитального города, мы решили спуститься до тридцати семи километров и сбавить ход гораздо быстрее, чем намеревались, а выйти на правильную эллиптическую орбиту придётся с первой попытки.

Орфу присвистнул.

Его друг попытался представить себе подобную картину.

— Это что же, мы полетим в каких-то сотнях тысяч футов над поверхностью планеты? Да с такой высоты можно различить человеческие лица!

— Ну, не совсем, — возразил Астиг-Че. — Однако всё будет выглядеть несколько эффектнее, нежели предполагалось. Мы наверняка прочертим полосу на их небосводе. Впрочем, сейчас, когда людям старого образца хватает своих забот, вряд ли кому-то есть дело до небесных явлений.

— О чём речь? — спросил иониец.

Первичный интегратор передал самые свежие фотографии. Манмут описал товарищу подробности, которых тот не мог разобрать, исходя из сопроводительной информации.

На новых снимках были сцены побоищ. Разорённые общины, разлагающиеся человеческие трупы. Инфракрасные изображения показывали

раскалённые камни зданий, остывшие тела и столь же холодных, хотя и подвижных горбатых тварей, занимающихся резнёй. С ночной стороны планеты на месте жилищ и скромных поселений пылали костры. По всей Земле на «старомодных» людей нападали металлические безголовые чудовища, которых не смогли опознать эксперты моравеков. На четырёх континентах умножились и продолжали расти сооружения из голубого льда. Настала очередь снимков огромного существа, похожего на человеческий мозг, усеянный глазами, но только размером с товарный склад; а затем пошло видео: чудовище перемещалось при помощи гигантских ладоней на стеблеобразных руках, высовывающихся из тела подобно нервным узлам. Из отверстий для кормёжки торчали непристойного вида хоботы, которые, казалось, что-то сосали прямо из почвы.

— Данные я получил, — произнёс краб-исполин. — А вот с визуализацией что-то неладно. Неужели тварь и вправду настолько уродлива?

— Мы смотрим собственными глазами, — ответил генерал Бех бин Адее, — и тоже не верим. А тварь и вправду страшна, как ночной кошмар.

— Есть уже предположения, что это за существо и откуда оно взялось? — подал голос маленький

европеец.

— Его появление связывают с голубыми ледяными постройками, впервые замеченными на месте бывшего Парижа, — отозвался Чо Ли. — Но ты сейчас не об этом, верно? Происхождение существа нам попросту неизвестно.

— Моравеки столетиями наблюдали Землю в телескопы с орбит Юпитера и Сатурна, — произнёс Орфу. — Вы уже видели что-нибудь подобное?

— Нет, — проговорили одновременно Астиг-Че и Сума Четвёртый.

— Рукомозг путешествует с эскортом, — сказал Ретроград Синопессен, включая ряд новых голографических и двухмерных проекций. — Вот эти существа появлялись на всех восемнадцати участках, где он был замечен.

— Люди? — спросил иониец, не доверяя запутанной информации.

— Не совсем, — ответил маленький европеец и рассказал ему о чешуе, клыках, чересчур длинных руках и перепончатых ногах загадочных тварей.

— Согласно моим данным, их тут сотни, — вставил гигантский краб.

— Тысячи, — поправил его центурион-лидер Меп Эхуу. — Мы просмотрели фотографии, выполненные в местах, удалённых друг от друга

на тысячи километров, и насчитали не менее тридцати двух сотен полуамфибий.

— Это Калибан, — сказал Манмут.

— Что? — озадаченно прозвучал слегка модулированный голос Астига-Че.

— На Марсе, первичный интегратор, — промолвил маленький европеец, — маленькие зелёные человечки толковали о Просперо и Калибане, героях шекспировской «Бури». Каменные головы, если помните, изображали старого мага. И предостерегали нас от чудовища. Похоже, перед нами копии Калибана из спектакля, поставленного в одном из театров Земли за много веков до наших дней.

Никто из моравеков не нашёлся, что ответить. В конце концов заговорил Бех бин Адее:

— С тех пор, как две недели назад мы засекли пик квантовой активности, на планете возникло одиннадцать новых Бран. Насколько можно судить, ходячий мозг создал — или по крайней мере использует — их всё для перемещения себя самого и так называемых Калибанов. Между прочим, они путешествуют избирательно.

Над штурманским столом материализовались очередные голографические снимки. Манмут хотел описать их для своего друга по личному лу-

чу, но иониец уже переварил сопроводительную информацию.

— Ратные поля и места великих исторических боен и зверств, — произнёс Орфу.

— Именно так, — подтвердил генерал Бех бин Адее. — Обратите внимание, первая квантовая Брана открылась в Париже. Как известно, около двадцати пяти веков назад, во время Обмена Чёрными Дырами между Империей Евросоюза и Глобальным Исламским Суринатом, в Париже и окрестностях погибло более четырнадцати миллионов человек.

— Другие Дыры тоже попадают в эту категорию, — вставил капитан подлодки. — Хиросима, Аушвиц, Ватерлоо, Хо Тепса, Сталинград, Кейптаун, Монреаль, Геттисберг, Окинава, Сомма, Нью-Веллингтон… Места кровавых исторических событий, свершившихся тысячелетия назад.

— Получается, мы имеем дело с мозгом-туристом? — промолвил иониец.

— Или с чем-то похуже, — возразил Чо Ли. — Нейтрино и тахионные лучи, растущие в тех местах, которые посещает… э-э-э… существо, содержат закодированную информацию. Лучи не направлены в нашу вселенную, а проходят между измерениями. Мы просто не можем перехватить

их, чтобы расшифровать послание…

— По-моему, этот мозг — вампир, — вмешался Орфу.

— Вампир? — переспросил Астиг-Че.

Иониец объяснил значение слова, прибавив:

— Думаю, он питается тёмной энергией планеты.

— Ну, это маловероятно, — пропищал Ретроград Синопессен. — Никогда не слышал, чтобы на месте обыкновенного насилия оставалась какая-нибудь… энергия. Это метафизика… бред… это ненаучно.

Гигантский краб пожал четырьмя плечами.

— А не кажется ли вам, — начал центурион-лидер Меп Эхуу, — что исполинский мозг спроектировали и биологическим путём воспроизвели «старомодные» люди либо «посты» в безумные годы после Рубикона? А также калибанов и безголовых роботов-убийц? Может, всё это произведения сдуревших инженеров по ДНК — вроде анахронических растительных и животных форм жизни, возвращённых на Землю?

— Только не великан, — заспорил высокий ганимедянин Сума Четвёртый. — Мы бы раньше заметили. Мозг с руками явился через Брано-Дыру из иной вселенной считанные дни назад. Неясно,

откуда пришли полуамфибии с горбатыми тварями, что «зачищают» «старомодное» человечество. Может, они и вправду продукты генетических манипуляций. Не будем забывать, постлюди создали сами себя на основе материалов генофонда более пятнадцати стандартных веков назад.

— Я видел голографические снимки динозавров, саблезубых тигров и кошмар-птиц, кишащих на планете, — добавил центурион-лидер.

— А что, металлические горбуны поубивали всех *грязных* людей старого образца? — вмешался Манмут, склонный употреблять слова вроде «зачистка» лишь в их буквальном значении.

— О да, — отозвался генерал Бех бин Адее. — И не только их. Процентов десять, если не больше, пало только за время нашего перелёта с Марса.

— И что будем делать? — осведомился Орфу Ионийский. — У меня есть мнение.

— Интересно послушать, — произнёс первичный интегратор.

— Думаю, нужно разморозить тысячу воинов-роквеков, запертых про запас в холодильнике, раскочегарить шлюпку и дюжину шершней, загрузить их вооружёнными солдатами и ввязаться в бой.

— Ввязаться в бой? — эхом отозвался каллистя-

нин Чо Ли, штурман судна.

— Первым делом прихлопнем ядерной бомбой рукастый мозг и размажем его в радиоактивный гной, — продолжал гигантский краб. — Затем высаживаемся на Землю и защитим человечество. Прикончим калибанов и безголовых горбунов, которые убивают людей. Вступаем в битву.

— Какое неожиданное предложение, — потрясённо вымолвил Чо Ли.

— У нас недостаточно сведений, чтобы решиться на подобные действия, — вмешался Астиг-Че. — Насколько мы знаем, мозг-существо может оказаться единственным миролюбивым разумным организмом на планете. Вдруг это путешествующий между мирами археолог, историк или антрополог…

— Или вампир, — ввернул Манмут.

— Мы прилетели для того, чтобы наблюдать, — сурово, желая закончить разговор, произнёс Сума Четвёртый, — и не собираемся развязывать войну.

— Можно получить и то, и другое за одну цену, — возразил иониец. — На борту «Королевы Мэб» хватит огневой силы, дабы переменить ситуацию внизу, что бы там ни творилось. И ещё. Хотя ни Манмуту, ни мне официально этого не

говорили, но мы понимаем: за судном наверняка следует уйма более современных невидимых кораблей. Отличная возможность прихлопнуть эту тварь, да нет — всех тварей скопом: они даже опомниться не успеют.

— Какое *неожиданное* предложение, — повторил Чо Ли. — Совершенно из ряда вон.

— Прямо сейчас, — проговорил Астиг-Че голосом Джеймса Мейсона, который Манмут помнил по стародавним двухмерным фильмам, — наша цель — не воевать, а доставить Одиссея в астероидный город на полярном кольце по требованию незнакомки.

— А прежде того, — вставил Сума Четвёртый, — нужно разобраться, спускать ли нам шлюпку, прикрываясь аэродинамическим торможением, или сначала наведаться в орбитальный город и доставить туда нашего пассажира.

— У меня вопрос, — подал голос любитель сонетов.

— Да? — тут же откликнулся Астиг-Че, такой же низкорослый европеец, как и Манмут, и оба уставились друг на друга зрительными панелями.

— Согласен ли наш пассажир быть доставленным в астероидный город? — закончил свою мысль капитан подлодки.

В наступившей тишине стало слышно, как жужжат вентиляторы, тихо переговариваются моравеки за приборами, поминутно шумят высотные двигатели.

— Боже милостивый, — произнёс Чо Ли, — как это мы забыли спросить его мнение?

— Других забот хватало, — сказал генерал Бех бин Адее.

— Пойду спрошу, — вызвался Сума Четвёртый. — Хотя, конечно, досадно будет, если он откажется.

— Мы уже и облачение приготовили, — вставил тонконогий Ретроград Синопессен.

— Облачение? — пророкотал Орфу. — Разве сын Лаэрта у нас мормон?

Никто не ответил. Разумеется, все моравеки в какой-то мере интересовались человеческой историей и обществом (так уж были запрограммированы их саморазвивающиеся ДНК и микросхемы), но мало кто настолько проникся образом мышления людей, как великан-иониец; в особенности это касалось его необычного чувства юмора.

— На борту «Королевы Мэб» Одиссей носит одежду нашего покроя, — пискнул Ретроград Синопессен. — Между тем платье, в котором

он должен встретиться с голосом орбитального астероида, будет напичкано всевозможными записывающими, а также передающими наноприборами. Мы сможем наблюдать за происходящим в режиме реального времени.

— Даже те из нас, кто полетит на Землю в космошлюпке? — вмешался Орфу.

И снова все замолчали. Моравеки не склонны часто приходить в замешательство, но при случае способны и на такое.

— Тебя не назначали в команду, — отчеканил наконец Астиг-Че монотонным, однако не лишённым приятности голосом.

— Знаю, — кивнул иониец. — И всё-таки, думаю, мне удастся убедить вас *непременно* запустить шлюпку во время аэродинамического манёвра «Королевы», причём со мной на борту. В трюме у Манмута найдётся уютный уголок. Я проверял: там есть все нужные соединения; к тому же меня устраивает вид из окна.

— На подлодке нет окон, — возразил Сума Четвёртый. — Если ты о видеолинии, то и она может прерваться в случае нападения.

— Это шутка, — отозвался гигантский краб.

— И потом, — произнёс Чо Ли, издав тихий звук, похожий на кашель крохотного зверька. — Ты

же… в буквальном смысле оптически… слепой.

— Спасибо, я заметил, — сказал Орфу. — Однако в свете конструктивных действий, направленных на ликвидацию расовой дискриминации, практику найма трудящихся следует… Ладно, проехали, некогда объяснять… Могу назвать вам целых три неоспоримых причины, чтобы включить меня в наземную команду.

— Мы ещё не определились, состоится ли миссия вообще, — промолвил Астиг-Че. — Впрочем, излагай свои доводы. А потом совет первичных интеграторов примет несколько важных решений.

— Прежде всего, разумеется, — начал Орфу, — для переговоров с любой разумной расой, какая только встретится на Земле, вам не найти лучшего посла, чем я.

Генерал Бех бин Адее грубо усмехнулся.

— Когда же вы собираетесь общаться — до или после того, как размажете их в радиоактивный гной?

— Во-вторых, пусть это и не так бросается в глаза, ни один из моравеков на этом корабле, а то и в мире, не знаком, как я, с романами Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Уильяма Фолкнера, Джорджа Марии Вонга, не говоря уже о поэзии

Эмили Дикинсон и Уолта Уитмена, а стало быть, я глубже всех вас постиг сокровенные тайны человеческой психологии. Если выпадет случай потолковать по душам со «старомодными» людьми, моё присутствие будет жизненно необходимо.

— *Не знал, что ты изучаешь ещё и Джойса, Фолкнера, Дикинсон и Уитмена,* — заметил по личному лучу Манмут.

— *Да как-то к слову не пришлось,* — ответил иониец. — *Понимаешь, надо было чем-то занять свой ум, работая в жёстком вакууме и серном торе на Ио последние два стандартных тысячелетия.*

— *Две тысячи стандартных лет!* — Маленький европеец опешил. Век моравеков был долог, но даже триста лет считалось у них перебором. Манмут и сам существовал не более полутора веков. — *Ты никогда не говорил о своём возрасте!*

— *Опять же к слову не пришлось,* — откликнулся Орфу.

— Я не совсем уловил логику твоих устных рассуждений, прежде чем вы с другом вступили в личную беседу, — произнёс первичный интегратор, — однако прошу, продолжай. Кажется, ты говорил о *трёх* неоспоримых поводах взять тебя

в команду.

— А вот вам и третья причина уделить мне кресло в шлюпке, — сказал гигантский краб, — образно выражаясь, я всё разгадал.

— Разгадал? Что? — обронил Сума Четвёртый.

Чёрный ганимедянин, конечно, не стал открыто смотреть на хронометр, однако в его словах слышалось явное нетерпение.

— Да всё, — пояснил Орфу. — Почему на Красной планете водятся греческие боги. Зачем проложен туннель через пространство и время в иную вселенную, где до сих пор бьются за Трою. Откуда взялся немыслимо переменившийся Марс. Для чего Просперо и Калибан, герои допотопной шекспировской пьесы, ожидают нас на этой, настоящей Земле и почему Брано-Дыры возникают словно грибы после дождя, разрушая квантовые основы Солнечной системы… Одним словом, всё.

56

Имя женщины, похожей на юную Сейви, и впрямь было Мойра, но Просперо то и дело называл её Мирандой, а один раз, к вящему замешательству Хармана, даже Монетой. Впрочем,

смущение возлюбленного Ады и так уже не ведало границ. В течение первого часа он вообще не знал, куда девать свой взгляд. Уже за неким подобием завтрака мужчина осмелился покоситься на разбуженную красавицу, но так и не рискнул посмотреть ей в глаза. Потом сообразил, что со стороны похоже, будто бы он пялится на её грудь, и вновь отвернулся.

Мойру нимало не трогали его терзания. Она попивала свежий апельсиновый сок, подносимый летающим сервитором, и болтала с магом.

— Просперо, старый ты сумасброд! Сам, что ли, придумал такой оригинальный способ меня будить?

— Разумеется, нет, дорогая Миранда.

— Оставь эти глупости. Если я Миранда, то ты — мандрагоровый корень, так и знай. Никогда я не приходилась, да и сейчас не прихожусь тебе дочерью.

— Ты была и есть моя дочь, дорогая Миранда, — промурлыкал старец. — Разве остался на Земле хотя бы один из постлюдей, которому не я помог бы сделаться таковым? Разве ты зародилась не в чреве моих генетических лабораторий и не они стали твоей первой колыбелью? И после этого я — не твой отец?

— А что, на Земле и впрямь *остался* кто-то из постлюдей? — спросила женщина.

— Насколько мне известно, нет.

— Ну и катись.

Она повернулась к Харману, отпила горячего кофе, разрезала апельсин пугающе острым ножом и представилась:

— Меня зовут Мойра.

Троица сидела за крохотным столом посреди маленькой комнаты, которой мужчина не заметил прежде. Это была неглубокая ниша в изогнутой, уставленной фолиантами стене колоссального купола, примерно в трёх сотнях футов над беломраморным лабиринтом. Легко понять, почему супруг Ады не разглядел этого алькова, ограждённого книжными полками. По дороге Харман увидел ещё несколько подобных комнат; в одних стояли похожие столы, в других — обложенные подушками скамьи перед загадочными экранами и приборами. Металлические лестницы оказались эскалаторами, иначе троице пришлось бы изрядно попотеть, взбираясь на такую высоту. Шагая по узким каменным выступам без перил и поднимаясь вместе с подвижными ступенями кованого железа, напоминающими скорее воздушное кружево, мужчина страшился

опустить глаза, вместо этого он пристально смотрел на корешки томов и жался ближе к полкам.

Разбуженная оделась, как и Сейви в день их первой встречи: на ней был синий жакет, брюки из рубчатого плиса, высокие кожаные ботинки и даже короткая шерстяная накидка знакомого покроя — невероятно сложного, со множеством складок, разве что тёмно-жёлтого, а не алого, как у старухи, цвета. Главное отличие — не считая впечатляющей разницы в возрасте — состояло в том, что Сейви целилась в пришельцев из пистолета (Харман тогда впервые увидел огнестрельное оружие), а эта её копия — Мойра, Миранда, Монета — встретила гостя совершенно безоружной, уж тут сомневаться не приходилось.

— Что же произошло, пока я спала, Просперо? — промолвила она.

— Прошло четырнадцать веков. Ты желаешь услышать пересказ из десятка фраз?

— Да, если можно.

Женщина разделила сочный апельсин и протянула дольку супругу Ады; тот прожевал угощение, не ощутив его вкуса.

— «Леса гниют, — произнёс нараспев маг, — леса гниют и валятся на землю,

Туман её слезами орошает,

И пахарь в прах сойдёт, возделав поле,
И лебедь, многие лета прожив,
Умрёт; лишь одного меня бессмертье
Жестоко гложет; я в твоих руках
И гибну в тишине, у края мира —
Седая тень, скитающийся сон
Среди безмолвных пажитей Востока
Во мгле и в золотых чертогах утра».

Тут он еле заметно склонил седовласую, лысеющую голову.

— «Тифон», — поморщилась Мойра. — Теннисон перед завтраком? У меня от него кишки сводит. Лучше ответь, Просперо, исцелился ли этот мир?

— Нет, Миранда.

— А моё племя? Неужели все они мертвы или бежали отсюда, как ты говоришь?

Дама угостилась благоухающим сыром, виноградом и отпила холодной воды из кубка, усердно наполняемого порхающими сервиторами.

— Одни мертвы, иные бежали, многие успели и то, и другое.

— Они ещё вернутся, Просперо?

— Это известно лишь Богу, дочь моя.

— Иди ты со своим Богом, — произнесла женщина. — А как же девять тысяч сто тринадцать евреев, собратьев Сейви? Их извлекли на волю из нейтринной петли?

— Нет, милая. Как евреи, так и все пережившие Рубикон остались во вселенной лишь в виде синего луча, восходящего к небу из Иерусалима.

— Стало быть, мы не сдержали слова? — спросила Мойра, отодвинув тарелку и стряхивая с ладоней крошки.

— Нет, дочка.

— Ну а ты, насильник, — обратилась она к заморгавшему от неожиданности Харману, — есть у тебя в жизни какая-нибудь иная цель, нежели пользоваться беззащитностью спящих незнакомок?

Мужчина раскрыл рот, но, так и не придумав ответа, захлопнул его. Настолько скверно возлюбленный Ады уже давно себя не чувствовал.

Мойра коснулась его руки.

— Не кори себя, мой Прометей. У тебя не оставалось выбора. Воздух внутри саркофага напоён парами афродизиака столь мощного, что Просперо отослал это средство прочь вместе с Афродитой, одной из перебежчиц. К счастью для нас обоих, средство действует очень недолго.

Хармана захлестнула волна облегчения. Следом пришла ярость.

— Хочешь сказать, я был обречён…

— Да, если только в твоей крови содержится ДНК покойного Ахмана Фердинанда Марка Алонцо Хана Хо Тёпа, — ответила дама. — А таковы все мужчины вашей расы.

Тут она повернулась к магу:

— Кстати, где Фердинанд Марк Алонцо? Вернее, что с ним сталось?

Старец опустил голову.

— Через три года после твоего сошествия в саркофаг зацикленного факса, любезная Миранда, он скончался от стихийной формы Рубикона, что ежегодно косила земных обитателей, проносясь по планете с постоянством летнего зефира. Тело заключили в хрустальный гроб рядом с твоим, хотя тогдашнее факс-оборудование и было способно лишь удерживать труп от разложения, ибо лазарет ещё не мог бороться с Рубиконом. Прежде чем целебные баки научились самообразованию, два десятка мандроидов Халифата[79] взобрались на Эверест, обошли охранные щиты и принялись грабить великий Тадж. Первым

---

[79] notes: 79
Мусульманская теократия с халифом во главе.

делом они похитили тяжёлый гроб с останками бедного Фердинанда Марка Алонцо и швырнули его со стены.

— Почему же они не отправили следом и меня? — произнесла Мойра. — Или, если на то пошло, не завершили дела? Я видела яшму, агаты, гелиотропы, изумруды, лазурит, сердолик и прочие камешки на стенах купола и лабиринта, они до сих пор целы.

— Калибан факсовал в усыпальницу и растерзал грабителей ради тебя, — пояснил маг. — Сервиторы потом целый месяц подтирали кровавые пятна.

— Это чудовище? — вскинулась женщина. — Он ещё жив?

— О да. Вот можешь спросить своего друга Хармана.

Мойра мельком посмотрела на мужа Ады и сразу перевела пристальный взгляд на старца.

— Удивляюсь, как это *Калибану* не взбрело в голову надругаться надо мной?

Просперо печально улыбнулся.

— Он пытался, милая Миранда, и не раз, однако не сумел открыть саркофаг, а будь его воля, населил бы всю Землю калибанами.

Дама передёрнула плечами. Наконец она снова

повернулась к Харману, забыв о старике.

— Мне нужно знать твою историю, судьбу и твой характер, — изрекла она. — Подай ладонь, — и, поставив правый локоть на стол, протянула мужчине открытую руку.

Супруг Ады смущённо сделал то же самое, однако по-прежнему не коснулся разбуженной.

— Не так, — проговорила Мойра. — Неужели «старомодные» люди забыли функцию обмена сведениями?

— Вообще-то забыли, — подал голос Просперо. — Прежде чем оказаться на *Эйфелевой дороге*, где мало что работает, наш друг умел вызывать разве что поисковую функцию, общую, ближнюю и дальнюю сеть. Да и то — воображая какие-то геометрические фигуры.

— Царица Небесная. — Женщина уронила руку на стол. — Ну, хоть *читать-то* они могут?

— Лишь Харман и горстка его знакомых, — ответил маг. — Да, забыл сказать: несколько месяцев назад наш приятель постиг секрет «глотания».

— «Глотания»? — Мойра усмехнулась. — Да ведь его никогда не использовали, чтобы *понимать* книги, только для быстрого розыска информации. Можно с таким же успехом просмотреть кулинарный рецепт и считать, что пообедал.

Пожалуй, его народ — самый скучный вид гомо сапиенс, хоть патент выдавай.

— Эй, — вмешался Харман, — не надо говорить так, будто меня здесь нет. Пусть я не знаком ещё с вашей функцией обмена, но быстро научусь. А пока давайте потолкуем. Знаете, у меня тоже найдётся пара вопросов.

Женщина устремила на него яркие серо-зелёные глаза.

— Да уж, — сказала она, помолчав. — Я проявила бестактность. Ты проделал огромный путь, чтобы разбудить меня, к тому же сделал это помимо собственной воли, и я уверена, предпочёл бы оказаться где угодно, лишь бы не здесь. Поэтому заслуживаешь по меньшей мере вежливого обращения и ответов на свои вопросы.

— Тогда покажи, как пользоваться этой вашей функцией обмена, — отозвался мужчина, собравший в кулак всё своё терпение для разговора с этой дамой, так похожей на Сейви и внешностью, и голосом. — Или научи факсовать без помощи павильонов, — прибавил он. — Как Ариэль.

— Ах, Ариэль… — Мойра покосилась на мага. — Разве люди старого образца забыли даже свободный факс?

— Чего они только не забыли, — кивнул Про-

сперо. — Причём не по собственному желанию. Их вынудил твой народ, Мойра: Вала, Тирцах, Рахаба…

Женщина стукнула по ладони плоской стороной ножа.

— Почему ты велел этому человеку меня разбудить? Неужто Сикоракса упрочила свою силу и выпустила на свободу это чудовище — Калибана?

— Так и есть, — негромко молвил Просперо. — Но я нарушил твой сон по иной причине. Час пробил, ибо в этот мир явился Сетебос.

— Сикоракса, Калибан и Сетебос. — Мойра со свистом втянула воздух между зубами.

— Союз между ведьмой, полудьяволом и порождением тьмы, — глухо произнёс маг. — Втроём они заберут Луну и Землю, начнут повелевать морской пучиной, подчинят себе всякую силу.

Женщина кивнула и на миг закусила нижнюю губу.

— И когда твой вагон отправляется в путь?

— Через три часа, — проговорил старик в синем халате. — Ты едешь, дорогая Миранда? Или предпочитаешь улечься обратно во временную факс-гробницу, дабы так и восстанавливаться — без конца, без смысла?

— Я сяду в ваш проклятый вагон, — ответила Мойра. — Заодно пороюсь в последних банках данных об этом чудо-мирке, в котором опять родилась. Но сначала — у юного Прометея накопились кое-какие вопросы, а у меня есть предложение, как восстановить его функции.

Она покосилась на высшую точку гигантского купола.

— Не надо, Мойра, — сказал Просперо.

— Харман, — тихо произнесла разбуженная, мягко накрыв ладонью руку мужчины, — спрашивай.

Супруг Ады провёл языком по губам.

— Ты правда из «постов»?

— Правда. Так называл нас до Финального факса народ Сейви.

— Почему ты на неё похожа?

— А… Вы были знакомы? Ладно, позже я справлюсь о её здоровье и судьбе, когда заработает функция последних новостей. Мы знали друг друга, но главное: Сейви вскружила голову Ахману Фердинанду Марку Алонцо Хану Хо Тёпу, хотя и оставила его любовь без ответа: они принадлежали, можно сказать, разным племенам. Поэтому я приняла её вид, воспоминания, голос… и всё другое… прежде чем явиться сюда, в Тадж.

— Как же ты приняла её вид?

Женщина повернулась к магу:

— Его народ вообще ничего не знает? — И вновь обратилась к Харману: — Мы, «посты», достигли уровня, когда перестали нуждаться в телах, молодой Прометей. По крайней мере в таких, которые вы согласились бы признать телами. Нас было всего лишь несколько тысяч, но мы возникли из человеческого генофонда благодаря усилиям аватары киберкосмической логосферы…

— Всегда рад помочь, — вставил Просперо.

— И если желали преобразиться — причём, надо сказать, всех привлекали только женские формы, — мы просто занимали чужое тело.

— Да, но как?

Мойра вздохнула.

— Кольца ещё на небе?

— Само собой, — ответил супруг Ады.

— Оба, экваториальное и полярное?

— Ага.

— И чем вы считаете их, о Харман-Прометей? Там больше миллиона различных объектов… Что это, по-вашему?

Мужчина вновь провёл языком по губам. В гигантской усыпальнице совершенно пересох воздух.

— Где-то наверху есть лазарет, в котором восстанавливали наше здоровье, это мы знаем. Прочие небесные тела большинство из нас называли домами или машинами «постов» — ну, то есть вашего племени. Считали их городами на орбитальных островах, вроде астероида Просперо, где я с друзьями побывал в прошлом году. Я даже помог его уничтожить.

— Правда? — Мойра перевела взгляд на старца. — Очень мило с твоей стороны, юный Прометей. Но ты заблуждаешься, полагая, что миллион искусственных небесных объектов, многие из которых гораздо меньше острова Просперо, предназначались исключительно для наших целей. Конечно, среди них найдётся дюжина с чем-то жилищ плюс несколько тысяч гигантских генераторов червоточин и Бран, уловители чёрных дыр, плоды наших ранних экспериментов межмировой программы путешествий… Однако в основном эти небесные тела обслуживали вас.

— Меня?

— Известно ли тебе, что такое факс?

Харман пожал плечами.

— Я всю жизнь этим занимаюсь.

— Разумеется, но знаешь ли ты, *что* это?

Мужчина испустил вздох.

— Мы никогда всерьёз не задумывались. Впрочем, во время нашего последнего путешествия Просперо и Сейви разъяснили, что павильоны превращают наши тела в закодированную энергию и восстанавливают их вместе с разумом и опытом в другом узле.

Разбуженная кивнула.

— А ведь в узлах и павильонах нет необходимости, — произнесла она. — Это всего лишь уловка для того, чтобы вы, «старомодные», не совались, куда не положено. Такая форма квантовой телепортации перегружала компьютерную память даже с учётом самых продвинутых технологий. Ты хоть примерно представляешь себе, сколько занимают данные о молекулах одного человека, не говоря уже о целостном волновом фронте личности?

— Нет, — сказал избранник Ады.

Женщина указала на верхнюю точку огромного купола, но Харман догадался: на самом деле она имела в виду тёмно-синие небеса, где медленно кружились полярное и экваториальное кольца.

— Миллион орбитальных банков памяти, — сообщила Мойра, — каждый из которых посвящён одному человеку старого образца. Всякую ночь твоей жизни, Харман-Прометей, на небосводе

меж громоздких машин, телепортационных устройств, использующих энергию чёрных дыр, спутников глобальной системы навигации, сканеров, преобразователей, компиляторов, приёмников и передатчиков, обращалась звезда, наречённая твоим именем.

— А почему миллион? — спросил муж Ады.

— Таким задумывалось минимальное живущее поголовье, — пояснила двойница Сейви. — Подозреваю, что на сегодняшний день оно сильно сократилось. В моё время на Земле оставалось девять тысяч триста четырнадцать представителей вашего вида со встроенными и активированными наногенетическими функциями да несколько сотен тысяч вымирающих людей, устаревших даже по сравнению со «старомодными», взять хотя бы моего возлюбленного Ахмана Фердинанда Марка Алонцо Хана Хо Тёпа, последнего в царской династии.

— Кто такие войниксы? — проговорил похищенный. — Откуда они взялись? Почему так долго молча служили нам, а потом, когда мы с Даэманом разрушили остров Просперо и лазарет, начали нападать на людей? Как их остановить?

— Столько вопросов сразу… — Мойра вздохнула. — Если хочешь получить ответы на всё,

тебе нужно знать контекст. А значит, придётся прочесть эти книги.

Харман резко запрокинул голову и окинул взором изогнутые стены с нескончаемыми полками. Не имея возможности подсчитать количество томов на квадратный фут, он вслепую с ужасом прикинул: их тут не менее миллиона.

— Какие книги? — уточнил мужчина.

— *Все* книги, — промолвила разбуженная и отпустила его руку, чтобы описать ладонью широкий круг. — Знаешь, тебе это под силу.

— Мойра, не надо, — вмешался маг. — Ты убьёшь его.

— Чепуха, — поморщилась женщина. — Он достаточно молод.

— Ему девяносто девять, — возразил старик в синем халате. — Тело Сейви, когда ты клонировала его для собственных целей, было на семьдесят пять лет моложе, и оно уже хранило воспоминания. Они и теперь с тобой. Наш друг — не *tabula rasa*.[80]

Та, кого маг называл своей дочерью, пожала плечами.

— Он здоров и полон сил. Сам посмотри.

---

[80] notes: 80

Tabula rasa — от лат. чистая (вытертая) доска для письма, в переносном смысле нечто совершенно лишённое собственного содержания.

— Ты уничтожишь его, — повторил Просперо. — А с ним и одно из лучших наших орудий для победы над Сетебосом и Сикораксой.

Харман кипел от ярости и возбуждения.

— О чём вы тут говорите? — воскликнул он и быстро отдёрнул руку, когда женщина попыталась вновь накрыть её своей ладонью. — Хотите, чтобы я «проглотил» все фолианты до единого? Это займёт месяцы… годы. А то и декады.

— Не «проглотил», — поправила Мойра, — но *съел* их.

— А, съел, — протянул мужчина, соображая, свихнулась ли его собеседница, прежде чем сойти во временной саркофаг, или же мозг её разрушили столетия воспроизведения — циклического, бесконечного, по клеточке, по нейрону.

— Вот именно, — подтвердила дама. — В том смысле, что подразумевался в Талмуде. Книги нужно не читать, а есть.

— Не понял.

— Тебе известно, что такое Талмуд? — осведомилась разбуженная.

— Нет.

Мойра указала опять на верхнюю точку гигантского полушария в нескольких этажах над головой.

— Там наверху, мой юный друг, в крохотном куполе чистейшего стекла спрятан чертог из жемчуга, хрусталя и золота, открытый в мир и маленькую ночь с чудесной маленькой луной.

— Вроде твоего саркофага? — уточнил Харман.

— Да нет, между ними нет ничего общего, — рассмеялась дама. — Этот гроб — лишь ещё один узел в системе факсов, он веками воспроизводил меня, пока не настало время проснуться и взяться за дело. А мы говорим о машине, с помощью которой ты прочтёшь эти книги и глубоко проникнешься ими, прежде чем вагон *Эйфелевой дороги* покинет вокзал Таджа через… — она покосилась на запястье, — пятьдесят восемь минут.

— Остановись, Мойра, — предостерёг маг. — Разве он пригодится нам в войне против Сетебоса, если умрёт или превратится в слюноточивого идиота?

— Замолчи! — рявкнула женщина. — Взгляни, ведь он уже идиот. Кажется, будто со дней Сейви всю их расу подвергли лоботомии. Но если мой замысел удастся и молодой человек выживет, он ещё сумеет послужить и себе, и нам. — Она снова взяла Хармана за руку. — Чего ты желаешь больше всего на свете, о Харман-Прометей?

— Вернуться домой к жене, — ответил похи-

щенный.

Мойра вздохнула.

— Не обещаю, что хрустальный чертог, вернее, глубокое познание всех этих книг, собранных за столетия моим бедняжкой Ахманом Фердинандом Марком Алонцо Ханом Хо Тепом, позволит тебе свободно факсовать обратно к супруге… Как её имя?

— Ада.

Произнеся два коротеньких слога, Харман едва не зарыдал. Слёзы душили его по двум причинам: во-первых, от жгучей тоски, во-вторых, из-за собственного предательства.

— К Аде, — закончила женщина. — Но можешь поверить, что ты *никогда* не увидишь её живой, если упустишь эту возможность.

Мужчина поднялся и шагнул на лишённый перил каменный выступ в трёх сотнях футов над холодным полом из мрамора. Запрокинув голову, Харман присмотрелся, но так и не разглядел вершины купола в семи сотнях футов над головой. Он увидел лишь неясную мглу, где повисли тонкой, почти невидимой чёрной паутинкой мостки переходов.

— Послушай, друг Никого… — начал Просперо.

— Заткнись, — оборвал его Харман. И бросил

Мойре: — Идём.

57

— Ну вот, я провёл квантовую телепортацию по твоим наводкам, — ворчит Гефест. — И где мы, провалиться мне в бездны Аида?

— На Итаке, — поясняет Ахилл. — Это скалистый остров, отменные ясли для мальчиков, мечтающих стать мужами.

— А по-моему — душный вонючий сортир, — бормочет бог огня, хромая по пыльной, усеянной острыми камнями тропинке вверх по крутому склону мимо пастбищ, где бродят стада коз и овец, навстречу постройкам, крытым алой черепицей, сияющей под немилосердным солнцем.

— Я здесь бывал, — произносит мужеубийца. — Первый раз — в детстве.

Тяжёлый щит пристёгнут на спине героя, меч надёжно покоится в ножнах на поясе. Молодой блондин ничуть не взмок от жары или трудного восхождения, а вот ковыляющий следом Гефест пыхтит и обливается потом. Даже с бессмертной бороды кузнеца течёт в три ручья.

Отвесная узкая дорожка обрывается на вершине холма, среди крупных зданий.

— Дворец Одиссея, — сообщает быстроногий, бодрым шагом одолевая последние пятьдесят ярдов.

— Ничего себе дворец, — фыркает калека, дохромав до высоких ворот, и сгибается пополам, упёршись руками в изувеченную ногу, точно собирается извергнуть содержимое желудка. — Похоже на чёртов свинарник.

Приблизительно в полусотне ярдов по правую руку от главного дома, на выступе, нависающем над скалой, вздымаются подобно каменному обрубку останки маленькой заброшенной крепости. Сам особняк, или Одиссеев дворец, возведён из дерева и камня поновее, но главные двери — кстати, они распахнуты, — составлены из пары древних обтёсанных плит. Пол террасы аккуратно выложен дорогой терракотовой плиткой (здесь явно поработали лучшие ремесленники и каменщики), хотя и давно не видел метлы. Стены расписаны яркими красками. Белые колонны у входа перевиты рисованными лозами, на которых распевают сказочные пташки, однако вокруг достаточно и настоящего винограда, манящего живых птиц: в гуще спутанной листвы виднеется по меньшей мере одно гнездо. В тенистом преддверии за воротами, которые почему-то оставили

настежь, мерцают на стенах сочные фрески.

Ахиллес шагает вперёд, но Гефест хватает его за локоть:

— Осторожнее, сын Пелея. Там силовое поле.

— Не вижу.

— И не увидишь, пока не войдёшь. Любой другой отдал бы концы, да и тебя, быстроногий мужеубийца, с твоим, как выразилась Никта, уникальным коэффициентом вероятности, ощутимо пнёт под зад. Мои приборы намеряли свыше двухсот тысяч вольт, мало не покажется. Ну-ка отойди.

Бородатый карлик возится с коробочками и похожими на штопоры железками, висящими на кожаных нагрудных ремнях, вращает крохотные диски, применяет короткий жезл с зажимом типа «крокодил», чтобы закрепить на краю невидимого поля нечто вроде металлического дохлого хорька, затем соединяет разноцветными проводами четыре ромбоидных устройства и нажимает медную кнопку.

— Ну вот, — говорит бог огня. — Поле снято.

— За это и люблю верховных жрецов, — замечает Ахилл. — Пальцем о палец не ударят, а похвальбы-то…

— Показал бы я тебе «пальцем о палец», —

ворчит Гефест. — Узнаю руку Геры, а машинки, кстати, — мои.

— Ну, тогда спасибо, — роняет Пелид и бодро проходит под каменной аркой в переднюю Одиссеева жилища.

Внезапно слышится грозный рык, и прямо из тени на человека бросается тёмный зверь.

В руке ахейца сверкает меч, но пёс уже рухнул на пыльные плиты.

— Это Аргус, — говорит Ахиллес, поглаживая голову поверженного, тяжело дышащего животного. — Одиссей натаскивал его малым щенком десять лет назад, но уплыл к берегам Трои, не успев поохотиться с любимцем на кабана или лесного оленя. В отсутствие хозяина о псе должен был заботиться Телемах, отпрыск нашего хитроумного друга.

— Что ж, последние недели об этой твари никто не заботился, — произносит хромой Кузнец. — Сейчас издохнет от голода, бедолага.

И это правда; несчастный Аргус не в силах даже поднять морду и только следит огромными умоляющими глазами за рукой героя, что ласково треплет его по загривку. Шкура пса, потерявшая здоровый лоск, обвисла на выпирающих рёбрах, точно изношенный парус на остове корабля.

— Не смог одолеть защитное поле Геры, — бормочет под нос Ахилл. — А здесь, готов поспорить, и есть-то нечего. Хорошо, если воды хватало в лужах и дождевых желобах.

Он достаёт из маленького мешка на поясе несколько хлебцев, позаимствованных в доме Гефеста, и предлагает парочку Аргусу. Тот через силу жуёт угощение. Оставив собаке ещё три хлебца, грек поднимается на ноги.

— Здесь даже трупов нет, — подаёт голос калека. — По всей Земле, кроме Илиона, люди растворились, словно туман поутру, будь он неладен.

— *Куда* они подевались? — набрасывается быстроногий на хромоногого. — Что вы, бессмертные, с ними сотворили?

Ремесленник вскидывает ладони кверху:

— Слушай, сын Пелея, это не наших рук дело. Даже не великого Зевса. Планету опустошила иная, неведомая нам сила. Мы, олимпийцы, нуждаемся в поклонении. Когда никто не раболепствует, не возводит алтарей и не приносит жертв, разве это жизнь? С таким же успехом Нарцисс — а уж я-то с ним на короткой ноге — мог бы маяться в мире без единого зеркала. Нет, мы тут ни при чём.

— Думаешь, я поверю, что, кроме вас, есть и

другие боги? — осведомляется Ахиллес.

— А как же, — отзывается бородатый карлик. — На больших блохах водятся блохи поменьше, но и по тем скачут свои насекомые, а те имеют собственных паразитов, и так далее, до бесконечности, что-то в этом роде.

— Умолкни, — обрывает его Пелид и, на прощание погладив повеселевшую собаку, поворачивается к богу спиной.

Минуя переднюю, путники вступают в главную комнату — или тронный зал, если на то пошло. В этих стенах много лет назад Одиссей с Пенелопой принимали в гостях Ахилла. Сын хитроумного героя Телемах, тогда ещё робкий шестилетний мальчонка, едва дорос до того, чтобы несмело кивнуть собравшимся мирмидонцам и быстро уйти вслед за кормилицей. Нынче тронный чертог совершенно пуст.

Гефест сверяется с показаниями какого-то прибора в коробочке, произносит:

— Сюда, — и ведёт мужеубийцу по коридору с яркими фресками в длинное полутёмное помещение.

Это зал для пиршеств, и главное место в нём занимает стол длиной тридцать футов.

На столе, раскинув неестественно вывернутые

конечности, распластался Громовержец. Он обнажён и громко храпит. Вокруг царит беспорядок: везде раскиданы кубки, чаши, прочая утварь, пол усеяли стрелы из огромного колчана, упавшего со стены; с другой же — сорван ковёр, помятые края которого торчат из-под могучего торса спящего Отца бессмертных и смертных.

— Всё ясно: это Неодолимый Сон, — ворчит Гефест.

— У меня даже уши заложило, — соглашается Ахиллес. — Как только стропила не треснут от храпа?..

Быстроногий осторожно шагает между заострёнными стрелами, рассыпанными по полу. Мало кто из греков сознаётся, что вымачивает наконечники в сильном яде, но все так *делают*, а пророчества матери Фетиды и древнего Оракула сулили непобедимому герою гибель от укола отравленным остриём в единственную тленную часть его тела. Однако ни бессмертная родительница, ни Мойры не уточняли, где и когда это случится, а также чья рука пустит роковую стрелу. Обидно было бы наступить именно сейчас на проклятый наконечник и умереть в муках, не успев разбудить Зевса, дабы тот воскресил Пентесилею.

— Да нет, я имею в виду хренов наркотик, с помощью которого Гера его вырубила, — поясняет бог огня. — Я сам помогал создать это зелье в виде аэрозоля, а главную формулу вывела Никта.

— Но ты же растолкаешь Кронида?

— Думаю, да, думаю, да…

Бородач снимает с кожаных ремней, опоясавших его широкую грудь, какие-то мешочки, коробочки, заглядывает внутрь, достаёт разные диковины, принимается расставлять на столе подле исполинского бедра спящего пузырьки и крохотные приборы. Пока хромоногий карлик, важно пыхтя, возится с игрушками, Ахиллес впервые рассматривает вблизи Отца всех богов и людей, Повелителя Грозовых Туч.

Пятнадцатифутовая фигура Зевса, пусть даже развалившегося, раскинув ноги, на столешнице со скомканным ковром, производит неизгладимое впечатление. Безукоризненные пропорции, литые мускулы, умащённая борода струится идеальными колечками… Впрочем, если оставить в стороне такие мелочи, как размеры и совершенство форм, можно увидеть всего лишь крупного мужчину, который хорошенько потрахался и забылся сном. Божественный пенис немногим короче Пелидова клинка, по-прежнему розовый

и набухший, бессильно покоится на умащённом стегне Верховного Олимпийца. Собиратель Облаков храпит и пускает слюну, как последняя свинья.

— Вот что его поднимет. — Гефест берёт в руку шприц.

— Клянусь богами! — восклицает Ахилл, захлопав глазами при виде незнакомой штуковины с иглой длиннее фута. — Ты ведь не собираешься втыкать это в нашего Тучегонителя?

— Прямо в его лживое, порочное сердце. — Покровитель огня зловеще ухмыляется. — Здесь ровно тысяча кубических сантиметров божественного адреналина в смеси с раствором амфетаминов, составленным по моему особому рецепту. Единственное средство против Неодолимого Сна.

— Интересно, что сделает Громовержец, когда проснётся? — говорит мужеубийца, прикрываясь круглым щитом.

Гефест пожимает плечами.

— Даже не собираюсь выяснять. Лично я мигом квитируюсь отсюда, едва вколю ему этот коктейль. Понятия не имею, что будет, когда Зевс оклемается здесь со здоровенной иголкой в сердце, но это уже не моя беда, сын Пелея.

Герой хватает бога за бороду и подтягивает к себе.

— Ну нет, если беда, то *наша* общая, хромоногий ремесленник, даже не сомневайся.

— Чего тебе надо, кратковечный? Или мне остаться и держать тебя за ручку? В конце концов, это была твоя дурацкая затея — нарушить сон Кронида.

— Знаешь, это и в твоих интересах тоже, калека, — произносит ахеец, не разжимая кулака с бородой.

Гефест щурит здоровый глаз.

— Почему?

— Поможешь в моём деле, — шепчет Ахилл в уродливое олимпийское ухо, — и через неделю сможешь воссесть на золотом престоле в Зале Собраний вместо Зевса.

— Как это?

Бог тоже переходит на шёпот, по-прежнему щуря глаз, но уже скорее от жадности, чем от недоверия.

Не повышая голоса и не выпуская косматой бороды, сын Фетиды излагает кузнецу заманчивый замысел.

Зевс пробуждается с рёвом.

Верный своему слову Гефест ретировался, едва

только ввёл адреналин в могучее сердце Отца Бессмертных, задержавшись лишь на миг, чтобы выдернуть иглу и отшвырнуть шприц подальше. Тремя секундами позже Громовержец уже уселся, завопил так, что мужеубийца закрыл уши ладонями, — и вот олимпиец вскакивает на ноги, опрокинув тяжёлый тридцатифутовый стол, и крушит южную стену дворца Одиссея.

— *ГЕРА!!!* — грохочет бог. — *ЧТОБ ТЕБЕ ПРОВАЛИТЬСЯ!!!*

Быстроногий, конечно, не позволяет себе присесть на корточки и закрыться руками, но всё-таки отступает на шаг, увидев, как Зевс разносит остаток стены, потом оторванной балкой разбивает в щепки висячую свечную люстру размером с тележное колесо, ударом гигантского кулака разрушает поваленный массивный стол и начинает яростно метаться из угла в угол.

В конце концов бессмертный вроде бы впервые замечает мужчину, застывшего на пороге передней.

— *ТЫ!*

— Я, — соглашается Ахиллес, сын Пелея.

Его клинок покоится в ножнах, щит из учтивости пристёгнут за плечом, а не надет на руку; пустые ладони открыты. Богоубийственный кин-

жал, полученный от Афины для покушения на Афродиту, надёжно спрятан за широким поясом.

— А *ты* что забыл на Олимпе? — ревёт Громовержец, не обращая внимания на свою наготу.

Он потирает лоб гигантской левой ладонью; Ахилл замечает бьющуюся жилку, налитые кровью глаза. Очевидно, Неодолимый Сон проходит не без последствий.

— Мы не на Олимпе, владыка Зевс, — негромко произносит мужеубийца. — Это остров Итака, укрытый потайным золотым облаком, и здесь — пиршественный зал Одиссея, Лаэртова сына.

Громовержец, прищурясь, оглядывается. Потом ещё мрачнее хмурит лоб. Наконец вновь опускает взор на кратковечного.

— И сколько я спал, смертный?

— Две недели, Отец, — отвечает Пелид.

— Ты, аргивянин, быстроногий мужеубийца, *ты* же не мог разрушить чары моей белорукой Геры, к какому бы зелью она ни прибегла. Кто из богов и зачем вернул меня к жизни?

— О Зевс, повелевающий грозовыми тучами, — Ахилл старательно изображает смирение, потупив очи, как это часто делали другие в его присутствии, — я расскажу всё, что тебе будет угодно знать. И знай: в то время, когда почти

все бессмертные олимпийцы оставили своего повелителя, среди них остался по крайней мере один верный слуга. Но прежде осмелюсь просить об одном благодеянии…

— Благодеянии?! — ревёт бог. — Я тебя так облагодетельствую, что век будешь помнить, если ещё раз откроешь рот без разрешения. Стой и помалкивай.

Великан тычет пальцем в одну из трёх уцелевших стен — ту, с которой рухнул колчан с отравленными стрелами. Поверхность расплывается и заменяется трёхмерным изображением, точно как в голографическом пруду в Большой Зале Собраний.

Сын Пелея смекает: перед ним вид сверху на дворец Одиссея. Вот и оголодавший Аргус. Собака доела хлебцы и ожила настолько, что уползла в тень.

— Гера наверняка оставила бы защитное поле под золотым облаком, — бормочет Кронид. — А его мог снять один Гефест. Ладно, я с ним позже потолкую.

Зевс опять поднимает руку. Виртуальный дисплей перемещается на вершину Олимпа: всюду пустые чертоги, брошенные колесницы.

— Сошли на Землю поиграть с любимыми иг-

рушками, — бубнит себе под нос Громовержец.

У стен Илиона кипит сражение. Судя по всему, силы Гектора теснят аргивян с их осадной техникой обратно к Лесному Утёсу и даже далее. Земля содрогается от оглушительных взрывов. В небе темно от бесчисленных стрел, между которыми носится два десятка летающих колесниц. Над бранным полем блистают, перекрещиваясь, алые лучи и острые зигзаги молний: боги люто бьются друг с другом, пока их любимцы проливают кровь на земле.

Тучегонитель качает головой.

— Нет, ты видишь, Ахиллес? Они же больные, словно кокаинисты или законченные картёжники. Свыше пяти веков миновало с тех пор, как я одолел титанов, этих первых оборотней, низвергнув Крона, Рею и прочих чудовищ в газообразную бездну Тартара; мы развили собственные божественные силы, распределили роли на Олимпе… спрашивается, ради *ЧЕГО???*

Сын Фетиды помалкивает: недвусмысленного приказа говорить ещё не было.

— ПРОКЛЯТЫЕ ДЕТИШКИ С ИХ БИРЮЛЬКАМИ!!! — рычит Зевс, и герой опять затыкает уши. — От них не больше проку, чем от подсевших на героин или же от

сопливых подростков Потерянной Эпохи, уткнувшихся в свои видеоигры. После долгой декады заговоров и тайной борьбы вопреки моему строгому запрету (а сколько раз они замедляли время, чтобы наделить своих любимцев нанотехнической мощью!) эти глупцы не успокоятся, пока не доведут игру до страшного конца, приложив все силы, лишь бы дать победу своей команде! *КАК БУДТО, ЧёРТ ПОБЕРИ, ОТ ЭТОГО ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ ИЗМЕНИТСЯ!!!*

Ахиллес уверен: какой-нибудь слабак — то есть любой другой смертный — на его месте уже повалился бы на колени, визжа от боли; впрочем, и быстроногому слегка не по себе от ультразвуковых волн могучего рокота.

— Все как один помешаны. — Рёв Зевса становится более сносным. — Надо было пять лет назад записать их в общество Анонимных Илионщиков, тогда нынче не пробил бы час расплаты. Но Гера и её союзники перешли все границы.

Между тем Пелид внимательно следит за ходом бойни. Изображение на стене так объёмно, так правдоподобно, что можно подумать, из дома прорублена дверь прямо в шумные, залитые кровью долины Илиона. Ахейцы во главе с неповоротливым Агамемноном явно сдают позиции.

Сребролукий Аполлон — похоже, самый опасный среди бессмертных на этом поле сечи, — теснит летающие колесницы Ареса, Афины и Геры обратно к морю, хотя, с другой стороны, это ещё не окончательный разгром. И в воздухе, и на земле картина пока неясная. При виде горячей схватки в жилах героя вскипает кровь: его так и тянет ринуться в бой, бросить своих мирмидонцев в ответное наступление и убивать, убивать, убивать, покуда копыта коней и колёса его повозки не застучат по мраморному полу Приамова дворца, причём желательно, чтобы позади, оставляя багровый след, волочилось привязанное тело Гектора.

— *НУ???* — грохочет Кронид. — Говори!

— О чём, о Великий Отец всех богов и людей?

— Какого… благодеяния… ты от меня ожидал, сын Фетиды? — осведомляется Громовержец, успевший за время просмотра полностью облачиться.

— Владыка, в награду за то, что я отыскал и разбудил тебя, прошу возвратить жизнь Пентесилее в целебных баках и…

— Пентесилее? — рокочет олимпиец. — Этой северной амазонке? Этой стервозной блондинке, что угробила родную сестру Ипполиту ради сво-

его никчёмного трона? Как же она умерла? И что за дело у неё до тебя или наоборот?

Герой скрипит коренными зубами, однако ещё не поднимает пылающего яростью взора.

— Я люблю её, Отец Зевс, и…

Бог разражается хохотом.

— *Влюбился*, говоришь? Сын Фетиды, я давно слежу за тобой — как очно, так и на расстоянии, через голографические пруды; помню тебя ещё сопливым юнцом под началом многотерпеливого кентавра Хирона, но ни разу не видел, чтобы ты воспылал страстью к даме. Вспомнить хотя бы девчонку, родившую тебе сына и брошенную, точно бесполезная ноша, когда её мужчину потянуло на подвиги — вернее, на грабёж и по бабам. А теперь он влюбился в безмозглую белокурую тёлку с копьём?.. Так я и поверил!

— Я *люблю* и хочу, чтобы она была здорова, — сквозь зубы цедит Пелид.

Все его думы занимает чудесный кинжал за поясом. Впрочем, Афина не стеснялась обманывать прежде, и если она солгала насчёт свойств этого клинка… надо быть полным дураком, чтобы пойти против Громовержца. Конечно, мужеубийца уже показал себя кретином, явившись просить Зевса о подобной услуге. Однако он продолжает,

не отрывая взора от пола, хотя и сжав руки в кулаки:

— Идя на битву, амазонка получила от Афродиты особые духи…

Кронид опять хохочет:

— Надеюсь, не Девятый Номер! Что ж, дружище, тебя поимели на всю катушку. И как умерла эта бабёнка? Нет, погоди, я сам посмотрю…

Бессмертный машет десницей в сторону экрана; картинка затуманивается, перемещаясь во времени и пространстве. Подняв глаза, герой видит, как обречённые амазонки скачут во весь опор по красным равнинам у подошв Олимпа навстречу гибели. Клония, Бремуза и их сёстры по оружию падают, поражённые стрелами и клинками врагов. А потом Ахиллес на экране, метнув надёжное отцовское копьё, пронзает Пентесилею насквозь и вместе с крепким конём пригвождает к земле, словно извивающееся насекомое.

— Отличный удар, — грохочет Зевс. — И теперь ты желаешь воскресить её в одном из баков?

— Да, владыка, — отвечает Пелид.

— Ума не приложу, кто тебе рассказал о Чертогах Целителя, — ворчит Громовержец, расхаживая взад и вперёд, — но знай: даже Сороконожке не под силу вернуть к жизни покойника, если тот

кратковечный.

— Повелитель, — глухо, упрямо произносит быстроногий, — чары Афины сберегли тело моей возлюбленной от всякого тления, так что ещё возможно…

— *МОЛЧАТЬ!!!* — Зычный рёв Кронида отбрасывает Ахиллеса спиной вперёд к экрану. — *ДАЖЕ В ПЕРВОМ ПАНТЕОНЕ БЕССМЕРТНЫХ НИКТО НЕ УКАЗЫВАЛ ЗЕВСУ, ЧТО ВОЗМОЖНО И НУЖНО ДЕЛАТЬ, НЕ ГОВОРЯ УЖЕ О ЖАЛКОЙ, БРЕННОЙ КУЧКЕ МУСКУЛОВ!!!*

— Да, Отец, — мужеубийца поднимает глаза на бородатого исполина, — но я надеялся…

— Молчать, — повторяет Зевс намного тише, и быстроногий убирает ладони от ушей. — Я ухожу. Пора уничтожить Геру, низвергнуть её с сообщниками в бездонные глубины Тартара, покарать и прочих богов, да так чтобы впредь не забывали, а потом наконец-то стереть с лица планеты армию захватчиков-аргивян. Кичливые, льстивые греки, вы мне уже всю плешь проели… — Он медленно направляется к двери. — Ты на Земле Илиона, отпрыск Фетиды. Дорогу домой отыщешь сам, это займёт несколько месяцев, не больше. Возвращаться под неприступные стены Трои не советую: живых ахейцев ты там не найдёшь.

— Нет, — возражает Пелид.

Бог резко поворачивается к нему, улыбаясь в бороду.

— Что ты сказал?

— Я сказал — нет. Ты *обязан* исполнить мою просьбу.

Ахиллес надевает свой щит на руку, точно собираясь на битву, и вынимает меч.

Тучегонитель смеётся, запрокинув огромную голову.

— А если не исполню… что тогда, незаконный сынок Фетиды?

— Иначе я накормлю изголодавшегося Одиссеева пса во дворе печёнкой Зевса, — твёрдо отвечает герой.

Кронид усмехается и качает головой.

— Знаешь ли, почему ты жив до сих пор, насекомое?

— Потому что я Ахиллес, сын Пелея, — молвит ахеец и надвигается на противника, жалея о верном боевом копье. — Величайший воин и благороднейший из героев, неуязвимый в любой сече, друг убиенного Патрокла, никогда не склонявший голову ни перед кем из людей… или бессмертных.

Громовержец ещё раз трясёт головой.

— Ты вовсе не сын Пелея.

Быстроногий замирает на полпути.

— Что ты несёшь, Повелитель Мух и Конского Дерьма? Отец мой — Пелей Эакид, кратковечный, разделивший ложе с богиней моря, потомок древнейшего рода царей, правящих мирмидонцами.

— Нет, — отрезает великан и теперь уже сам делает два шага навстречу Ахиллу, дабы возвыситься над собеседником. — Фетида произвела тебя на свет не от семени какого-то там Пелея, а понесла от меня.

— Да ты!.. — Мужеубийца пытается хохотнуть, но у него получается сиплый лай. — Бессмертная мать говорила мне как на духу, что…

— Твоя подводная мамаша врёт и не краснеет, — ухмыляется Тучегонитель. — Примерно три декады назад я возжелал Фетиду — пусть и не совсем богиню, зато смазливее большинства кратковечных. Правда, Мойры, эти чёртовы бухгалтерши со счетами памяти ДНК, предупреждали, что любое наше дитя принесёт беду, сможет повлечь мою гибель и даже разрушить власть Олимпа.

Сквозь дыры в шлеме очи быстроногого пылают злобой и неверием.

— И всё-таки я захотел мокрогрудую, — про-

должает Зевс. — Ну и добился своего. Но сперва принял облик обычного земного парня, с которым у твоей матери что-то было. Однако не заблуждайся, ты рождён от моего божественного семени, о сын *Фетиды*. Думаешь, почему морская богиня услала тебя подальше от недоумка Пелея, отдав на воспитание старому кентавру Хирону?

— Врёшь! — рычит человек.

Громовержец чуть ли не печально поводит головой из стороны в сторону.

— Ещё мгновение, и ты умрёшь, юный Ахилл, — молвит Отец бессмертных и смертных. — Однако знай, что я сказал истинную правду.

— Тебе меня не убить, Повелитель Крабов.

— Это верно. — Громовержец потирает бороду. — Сам — не смогу, спасибо Фетиде: позаботилась. Едва узнав, что её обрюхатил не женишок Пелей, этот кастрированный червь, она разведала о предсказании Мойр и смекнула, что я прикончу тебя по примеру собственного папаши Крона, который поедал родных отпрысков, лишь бы не допустить в грядущем каких-нибудь мятежей и вендетт. Я бы так и сделал, юный Ахилл, проглотил бы тебя ещё во младенчестве, когда бы мокрогрудая не погрузила ребёнка в пламя вероятностей чистого Небесного огня. Ты

— квантовый урод, единственный во вселенной, незаконный отпрыск Фетиды и Зевса. Гибель твоя (а ведь даже мне неизвестны подробности, Мойры всего не раскрыли) предначертана совершенно точно.

— Тогда сразись со мной, Владыка Грязных Сортиров! — восклицает Пелид и кидается вперёд со щитом и клинком наготове.

Зевс поднимает руку. Быстроногий застывает на месте. Кажется, время замёрзло.

— Убить я тебя не смогу, мой горячий побочный сын, — бормочет олимпиец как бы себе под нос. — Но что, если плоть отделить от костей и растерзать на составляющие клетки, на молекулы? Долго же придётся ей собирать себя по крупицам — несколько столетий в лучшем случае, — и я не уверен, будет ли этот процесс безболезненным.

Окаменевший Ахилл чувствует, что способен говорить, однако не раскрывает рта.

— Или отослать тебя подальше, — Тучегонитель указывает на потолок, — туда, где нет воздуха, пригодного для дыхания. Занятная головоломка для квантовых сил вселенной.

— Воздух есть везде, кроме моря! — рявкает мужеубийца и только потом припоминает, как

накануне пыхтел и мучился на высотах Олимпа.

— Космическому пространству ничего не стоит опровергнуть это заблуждение. — Кронид издевательски ухмыляется. — Где-нибудь за орбитой Урана, а то и в Поясе Койпера. Тартар тоже подойдёт. Атмосфера там состоит в основном из метана и аммиака. Твои лёгкие обратятся в головешки. Но если протянешь в ужасных терзаниях несколько часов, успеешь пообщаться со своими прадедом и прабабкой. Знаешь, они даже любят кратковечных… на ужин.

— Пошёл на хрен! — кричит человек.

— Быть посему, — изрекает Повелитель Туч. — Приятного путешествия, сынок. Недолгого, полного страданий, но приятного.

Божественная десница описывает в воздухе плавную короткую дугу, и плитки под ногами Ахилла начинают растворяться, образуя на полу пиршественной залы круг пустоты, озарённой огнистыми всполохами. Далеко-далеко снизу, из ужасной бездны, полной бурлящими серными облаками, среди чёрных гор, похожих на сгнившие зубы дракона, озёр из расплавленного свинца, пузырящихся потоков шипящей лавы и таинственных, огромных, бродящих во мраке теней, доносится вечный рёв чудовищ, когда-то

именуемых титанами.

Рука Громовержца совершает ещё одно еле заметное движение, и мужеубийца летит прямо в пропасть. Без единого вскрика.

С минуту олимпиец пристально смотрит на жаркое пламя и чёрные клубы облаков, затем поводит ладонью слева направо: круг тут же смыкается, пол затвердевает и вновь покрывается плиткой ручной работы, и в доме повисает могильная тишина; лишь где-то во дворе жалобно лает оголодавший пёс по кличке Аргус.

Кронид со вздохом телепортируется прочь: пора призвать к ответу ничего не подозревающих бессмертных.

58

Просперо не стал подниматься; Мойра сама повела Хармана кругом по мраморному балкону без ограждения, вверх по движущейся металлической лестнице, снова кругом, и снова вверх, и так далее, покуда пол Таджа не превратился в маленький кружок, оставшийся, казалось, на много миль под ногами. Сердце мужчины всё громче стучало в груди.

В уставленной книгами стене бесконечно взды-

мающегося купола были прорезаны маленькие круглые окошки, которых супруг Ады не замечал ни снаружи, ни когда находился внизу. Они пропускали свет, а главное — давали Харману возможность передохнуть и набраться храбрости: у каждого из них мужчина задерживался посмотреть на далёкие горные пики, сверкающие белизной в лучах недавно взошедшего солнца. На севере и востоке изрезанные ущельями ледники скрывались под массой громоздящихся облаков. А в туманной дали за ними — за сотню, двести, а то и более миль, кто знает, — виднелся слегка изогнутый горизонт.

— Не убивайся так, — вдруг негромко сказала Мойра.

Человек обернулся.

— Я о том, как ты меня разбудил, — промолвила спутница. — Не стоит сокрушаться. Прости, нам очень жаль. Ты и в самом деле был обречён. Механизмы для возбуждения установили задолго до рождения прапрапрадеда отца твоего отца.

— Интересно, какова была вероятность, что я окажусь потомком этого вашего Фердинанда Марка Алонцо Хана Хо Тёпа? — проговорил Харман, даже и не пытаясь притвориться, что не раскаивается в произошедшем.

К его удивлению, женщина рассмеялась. Непринуждённо, без предупреждения, совсем как Сейви; недоставало разве что лёгкого привкуса горечи, всегда присущего веселью старухи.

— Стопроцентная вероятность, — ответила Мойра.

Возлюбленный Ады ошеломлённо промолчал.

— Когда мы готовили и отсеивали новое поколение «старомодных» людей, Фердинанд Марк Алонцо позаботился о том, чтобы все мужчины этого рода получили часть его хромосом.

— Понятно теперь, почему мы такие тщедушные, безмозглые и ни на что не годимся, — кивнул Харман. — Чего и ждать от горстки сожительствующих родственников.

Три недели назад (а мнится, прошло много лет) он почерпнул кое-какие сведения о законах генетики. Вспомнилось, как Ада мирно спала рядом с любимым, пока по его пальцам, запястью, руке бежали золотые буквы…

Мойра опять усмехнулась.

— Готов одолеть остаток пути до хрустального чертога?

Чуть заострённый прозрачный купол на вершине Таджа оказался гораздо крупнее, нежели могло показаться снизу: не то шестидесяти, не

то семидесяти футов в поперечнике. Здесь уже не было мраморных выступов; металлические эскалаторы, как и чугунные мостки, обрывались точно посередине, блистая под солнцем, льющимся из окон.

Харман ещё никогда не забирался столь высоко (хотя он бывал и на Золотых Воротах Мачу-Пикчу, в семистах футах над подвесной дорогой) — и никогда так не страшился упасть. Глядя вниз, он мог бы закрыть ладонью весь мраморный пол Таджа Мойры. Лабиринт и усыпальница в его центре смотрелись будто вышивка-микросхема на туринской пелене. Мужчина старательно не смотрел туда, поднимаясь по самой последней лестнице на кованую площадку.

— И это всё? — произнёс он, кивнув на десяти-двенадцатифутовое сооружение посередине платформы.

— Да.

Возлюбленный Ады ожидал, что так называемый хрустальный чертог будет похож на прозрачный саркофаг его спутницы, однако теперь увидел, что заблуждался. «Додекаэдр», — мелькнуло в голове Хармана. Правда, это слово мужчина не вычитал, а «проглотил» в какой-то книге и не был уверен, правильно ли запомнил.

Двенадцать плоских невидимых граней чертога, соединённых тонкими рамами блестящего металла, напоминающего старую латунь, составляли вместе неровную окружность. По стенам купола к подножию сооружения тянулись разноцветные провода и трубки; саму площадку занимали таинственные приборы с тёмными дисплеями и клавиатурой, а также вертикально стоящие тончайшие ширмы из прозрачного пластика высотой пять или шесть футов.

— Что это за место? — спросил мужчина.

— Нексус Таджа.

Активировав несколько приборов, Мойра коснулась вертикальной перегородки. Пластик исчез, его заменила голографическая панель управления. Руки женщины заплясали среди виртуальных изображений, стены купола запели низким, глубоким голосом, и к основанию хрустального чертога потекли ручьи золота — жидкого, словно волны реки.

Харман шагнул поближе к двенадцатиграннику.

— Туда что-то льётся.

— Да.

— Это бред. Я не смогу войти, я захлебнусь.

— Нет, не захлебнёшься.

— Хочешь сказать, мне нужно погрузиться в чертог, на десять футов заполненный золотой водичкой?

— Да.

Мужчина помотал головой и попятился, замерев за шесть футов от края металлической платформы.

— Нет, нет и нет. Я не настолько свихнулся.

— Как пожелаешь, но ты отвергаешь единственный путь обрести мудрость, — возразила спутница. — Жидкость — это проводящая среда, способная передать содержание миллиона томов, собранных в Таджe. Здесь знания, без которых не обойтись, если ты собираешься стать нашим Прометеем в битве против Сетебоса и его злого племени. Если хочешь сделаться наставником вашего народа. И если желаешь спасти свою любимую Аду.

— Да, но там вода… или как её… Десять футов, если не глубже. А я плаваю как топор… — начал Харман.

Внезапно, хотя мужчина не слышал шагов по металлическим ступеням, рядом на площадке возник Ариэль. Маленькое полупрозрачное существо держало в руках некий тяжёлый предмет, обёрнутый в подобие красной туринской

пелены.

— О, милый Ариэль! — воскликнула женщина голосом, звенящим от восторга и обожания, какого Харман ещё ни разу не слышал ни от неё, ни от Сейви за время их близкого знакомства.

— Привет тебе, Миранда, — промолвил дух и, развернув алую ткань, преподнёс Мойре древнее музыкальное орудие со струнами.

«Старомодные» люди умели петь, но владели лишь несколькими видами инструментов, не говоря уже о том, чтобы делать их.

— Гитара! — Женщина-«пост» приняла диковину из рук мерцающего существа и длинными пальцами провела по струнам.

Раздавшиеся ноты напомнили Харману певучий голос Ариэля.

Дух низко поклонился и учтиво изрёк:

Мы
С гитарой — верные рабы
Твои — и музыки волшебной.
Прими же ты сей дар смиренный
И дай гармонии урок,
Какого мир явить не смог,
Чтоб духу радостно воспрять,

Чтоб счастье вспыхнуло опять
И солнцем пламенным взошло
И сладкой болью обожгло.
Твой принц, твой Фердинанд изволил
(А бедный Ариэль исполнил)
Принесть сей молчаливый знак
Того, что блекнет на словах.[81]

Мойра отложила ещё не умолкнувший инструмент, наклонилась к существу и поцеловала его в зеленоватый мерцающий лоб.

— Благодарю, мой друг, порой слуга, но никогда не раб. Как поживал мой Ариэль с того дня, когда я крепко уснула?

И дух промолвил:

Слёзы льёт луна-колдунья
В ожиданьи новолунья,
Но поверь, что Ариэль
Тосковал ещё сильней.
Ты вернулась — я с тобой,
Словно ангел за спиной.
Скажи — на крыльях вознесу,

---

[81] notes: 81
П. Шелли. «Леди с гитарой».

От бурь и горестей спасу.

Мойра коснулась его щеки, перевела взор на Хармана, потом обратно — на призрачную аватару земной биосферы.

— Похоже, вы уже знакомы?

— Встречались, — проронил мужчина.

— Что было с миром, Ариэль, с тех пор как я покинула его? — спросила дама, опять отвернувшись от человека.

И призрак отвечал:

Мир менялся, как река
Морщит гладь от ветерка.
Только испокон веков
Я тебе служить готов.

И уже не столь официально, словно завершая некий торжественный ритуал, прибавил:

— А ты, моя леди, как ты чувствуешь себя, заново родившись в нашем мире?

Видимо, настала очередь Мойры изъясняться размеренным, церемонным тоном, какого Харман ни разу не слышал от Сейви:

Заброшенный, печальный этот храм —
Всё, что оставила война титанов
С мятежными богами. Этот древний

Колосс, чей лик суровый искажён
Морщинами с тех пор, как он низвергнут, —
Просперо изваянье; я — Миранда,
Последняя богиня этих мест,
Где ныне лишь печаль и запустенье…[82]

К ужасу Хармана, женщина-«пост» и воплощённая биосфера, не имеющая ничего общего с людьми, без стеснения разрыдались.

Ариэль с учтивым поклоном отступил на шаг и, плавно указав рукой на человека, молвил:

— А сей кратковечный доставлен в хрустальный чертог, разумеется, для наказания?

— Нет, — сказала Мойра. — Скорее в образовательных целях.

59

Детёныш Сетебоса вылупился в первую ночь после возвращения колонистов обратно в Ардис-холл.

При виде разорённого семейного гнезда сердце

---

[82] notes: 82

Изменённая цитата из поэмы Д. Китса «Падение Гипериона». Перев. Г. Кружкова.

Ады сжалось от боли. Покидая имение в последний раз, она лежала в соньере без сознания, а предыдущие ужасные часы оставили смутные воспоминания: сказались бесчисленные раны и сотрясение мозга. И вот, когда беженцы одолели последний холм, перед её глазами возникли при белом свете дня развалины родного дома, прежней жизни, руины памяти. Женщине хотелось упасть на колени и плакать до полного бессилия, но позади брели сорок четыре усталых путника, в небе парил летающий диск с восемью наиболее пострадавшими — и она продолжала идти среди опалённых руин, вскинув голову, не проронив ни слезинки, только смотрела по сторонам, отыскивая взглядом уцелевшие вещи, что могли пригодиться для нового поселения.

Её дом, огромный особняк Ардис-холла, две тысячи лет семейной гордости, — всё безвозвратно погибло, остались чёрные обугленные балки да россыпь кирпичей на месте многочисленных каминов. Хотя, если присмотреться, кое-что всё-таки сохранилось.

А на поле брани лежали растерзанные тела погибших.

Ада посовещалась с Даэманом и несколькими товарищами; решили, что первым делом

необходимо разжечь костёр и возвести укрытие — для начала хотя бы самый простой навес, куда можно было бы снести больных и раненых и где колонисты в тепле скоротали бы зимнюю ночь. Главный особняк они потеряли, зато бараки, сараи и прочие сооружения, построенные за последние девять месяцев перед Великим Падением, частично уберегли от разрушений и огня. Некоторые — даже полностью, но люди не рискнули бы заночевать в их стенах: слишком близко к лесу, непомерно тяжело защищать и чересчур далеко от колодца, расположенного у самых стен Ардис-холла.

Собрав горы хвороста и сухой древесины и потратив, как показалось Аде, кучу спичек из тающего запаса, погорельцы развели большой костёр. Греоджи приземлил соньер, и вскоре пострадавших (кто-то был без сознания, кто-то с трудом понимал, что происходит) как можно удобнее разместили на импровизированных ложах вокруг огня. Особо отряжённые люди продолжали разбирать развалины на дрова: никто не желал отправляться в сумрачный лес, да и бывшая хозяйка имения запретила подобные подвиги, по крайней мере до наступления утра. Летающий диск опять сорвался в небо и принялся

описывать круги шириной в милю. Утомлённый Греоджи «за рулём» и вооружённый винтовкой Боман зорко высматривали войниксов. В одном из бараков (его возводил несколько месяцев ещё Одиссей с учениками) обнаружилась настоящая сокровищница — одеяла и рулоны скатанного полотна, вполне пригодные, хоть и сильно пропахшие гарью. Ещё в одном поваленном, наполовину сгоревшем сарае неподалёку от сожжённого литейного купола Ханны Кауль наткнулся на кирки, лопаты, ломы, тяпки, молотки, гвозди, мотки нейлоновой бечевы, карабины и прочие орудия, что некогда принадлежали сервиторам, а теперь могли спасти жизни людей, лишившихся крова. Другая команда занялась сооружением не то навеса, не то древесной хижины из неповреждённых брёвен, которые искали на развалинах бараков и частокола. Временное укрытие для всех — и возможно, не на одну только ночь, — строили вокруг глубокого колодца рядом со всё ещё дымящимися руинами Ардиса. Боман предлагал возвести нечто более солидное, с башней, бойницами и собственным частоколом, но Ада убедила мужчину отложить мечты о крепости на будущее, а покуда вместе решать насущные жизненные вопросы.

Войниксы по-прежнему никак о себе не напоминали. Правда, ещё не стемнело, хотя ждать оставалось недолго; так что Даэман с кузиной выставили по большому периметру стражу из десятка отборных стрелков под началом Камана. Остальные несли охрану ближе к огню и убежищу. Всего в запасе насчитывалось двадцать четыре винтовки в рабочем состоянии, одна с подозрением на неисправность и менее ста двадцати магазинов хрустальных дротиков.

Немногим больше трёх часов ушло на то, чтобы сколотить и установить каркас убежища: стены шестифутовой высоты из брёвен от частокола и покатую крышу из досок от бараков, которую накрыли холстиной. Укладывать больных на сырую землю было немыслимо, а делать настоящий пол — занятие хлопотное и занимающее уйму времени, поэтому колонисты, натаскав из бывшего коровника у северной стены охапки сухого сена, застелили его несколькими слоями полотна. Скотина или вся разбежалась, или же пала от рук безголовых чудовищ, однако нынче никто не спешил на поиски в лес, а небесным дозорным на соньере и без того хватало забот.

Поздно вечером укрытие было готово. Ада, которая успела поработать в команде, ладившей

новые колодезные вёдра и цепи, а потом возглавить отряд могильщиков, лопатами и ломами пробивавших в мёрзлой почве неглубокие ямы, вернулась, осмотрела постройку и нашла её вполне просторной для сорока пяти человек, если те улягутся вплотную друг к другу (предполагалось, что остальные в это время будут охранять спящих), а поесть в ней могли бы при необходимости сразу все пятьдесят три колониста, хотя потесниться пришлось бы изрядно. Лишь три стены состояли из брёвен: четвёртую, северную, что была обращена к колодцу и двум кострам, сделали в виде полотняного навеса, который почти целиком откинули, чтобы впустить внутрь побольше тепла. Эдида и Ламан, покопавшись на развалинах Ардис-холла, принесли разные железки и керамическую плитку: хотели сделать дымоход, а то и целую трубу, но и это усовершенствование пришлось отложить до следующего дня. Стёкла для окон так и не нашли, поэтому прорубили несколько маленьких отверстий на разной высоте во всех деревянных стенах, а потом закрыли на ночь створками и для надёжности завесили холстиной. Бывший любитель бабочек предположил, что в случае нападения можно будет укрыться здесь и палить по врагам через

бойницы, однако при первом же взгляде на трёхпичную четвёртую стену становилось ясно: если войниксы ринутся в атаку, колонистам долго не продержаться.

Впрочем, яйцо Сетебоса вроде бы отпугивало чудовищ.

Уже почти стемнело, когда Даэман отвёл кузину, Тома и Ламана в сторону от общего костра на пепелище литейного купола Ханны, раскрыл рюкзак и показал друзьям свою добычу. Яйцо всё ярче мерцало каким-то болезненным белёсым светом; скорлупу изрезали тонкие трещинки, но дырок пока не было.

— И скоро он вылупится? — спросила Ада.

— Я-то откуда знаю? — пожал плечами сын Марины. — Скажу одно: маленький Сетебос внутри ещё жив и хочет вылезти наружу. Если приложишь ухо, можешь услышать, как он пищит и чавкает.

— Нет уж, спасибо, — отказалась жена Хармана.

— Что будет, когда он выберется? — произнёс Ламан: он с самого начала настаивал на уничтожении яйца.

Даэман пожал плечами.

— О чём ты вообще думал, воруя эту штукови-

ну из гнезда многорукого мозга в сине-ледяном соборе Парижского Кратера? — высказался врач колонистов Том, когда выслушал всю историю.

— Да не знаю я! — простонал кузен Ады. — Думал: почему бы и нет? На худой конец, хоть разузнаем, что это за тварь такая — Сетебос.

— А если мамуля придёт за своим малышом? — вмешался Ламан.

Даэман слышал этот вопрос не в первый раз, поэтому снова пожал плечами.

— Если что, мы всегда успеем его прикончить, — глухо промолвил он, глядя, как под сенью деревьев за руинами старого частокола сгущается зимний сумрак.

— Успеем ли? — возразил Ламан. И, положив руку на треснувшую скорлупу, тут же отпрянул, точно обжегшись.

Каждый, кто пробовал прикасаться к яйцу, испытывал гадкое чувство: белёсый шар как будто вытягивал из людей силы.

Сын Марины хотел ответить, но Ада опередила его:

— Даэман, не принеси ты сюда эту штуку, большинства из нас уже не было бы в живых. До сих пор яйцо держало войниксов на расстоянии; может, и детёныш, когда вылупится, будет нас

защищать?

— Если только не сожрёт нас во сне или не позовёт на помощь мамку-папку, — буркнул Ламан, покачивая искалеченную правую руку.

Позже, уже с наступлением темноты, к супруге Хармана подошла Сирис и шёпотом сообщила о смерти Шермана, одного из серьёзно больных. Ада кивнула, подозвала ещё двоих — Эдиду и не потерявшего упитанности Раллума; вместе они отнесли безжизненное тело подальше от костра, к поваленным баракам, и прикрыли его камнями и брёвнами. Настоящие похороны решили устроить поутру, поскольку дул холодный пронизывающий ветер.

Потом бывшая хозяйка имения простояла четыре часа в дозоре с дротиковой винтовкой, вдали от согревающего костра, в полусотне ярдов от ближайшего дозорного. В больной голове после сотрясения мозга так грохотало, что женщина не заметила бы даже войникса или Сетебоса у себя под ногами. Когда Кауль наконец-то пришёл на смену, будущая мать, шатаясь, добрела до забитого до отказа людьми, трясущегося от дружного храпа укрытия и забылась глубоким сном, который уже не могло нарушить ничто, кроме жутких кошмаров.

Даэман разбудил её перед рассветом, склонившись над кузиной и зашептав ей в ухо:

— Детёныш вылупился.

Ада уселась в полной темноте; вокруг теснились и пыхтели чьи-то тела, и ей почудилось, что страшный сон продолжается. Ах, если бы Харман оказался рядом, тронул милую за плечо, и, раскрыв глаза, она бы зажмурилась от яркого солнечного сияния! Душа ждала объятий — вместо этого студёного мрака, тесноты, толкающихся чужаков и тревожных бликов угасающего костра, пляшущих на холстине.

— Он вылупился, — еле слышно повторил сын Марины. — Не хотел тебя будить, но надо же что-то решать.

— Ага, — шепнула женщина в ответ.

Она спала в одежде, поэтому свободно выскользнула из-под вороха сырых одеял, затем, осторожно шагая между спящими телами, выбралась из укрытия, вслед за мужчиной миновала костёр и двинулась на юг, навстречу другому слабому огоньку.

— Я-то спал тут, не с другими, — рассказывал Даэман уже обычным тоном, отойдя на приличное расстояние от главного навеса.

Голос его по-прежнему звучал тихо, но каждый

слог отдавался эхом в больной голове кузины. Высоко в небесах вращались, как и всегда, экваториальное и полярное кольца, скрещиваясь на фоне звёзд и луны размером с ноготь большого пальца. Ада заметила краем глаза какое-то движение. Упавшее сердце с минуту гулко стучало в груди. А, ну да, это же летающий диск беззвучно пишет круги в ночи…

— Кто пилот? — полюбопытствовала возлюбленная Хармана.

— Око.

— Не знала, что она умеет водить соньер.

— Научилась вчера от Греоджи, — пояснил мужчина.

Впереди, при свете маленького костра, вырисовывались очертания стоящего человека.

— Доброе утро, Ада Ухр, — поздоровался врач поселенцев.

Женщина лишь улыбнулась, услышав забытое в последние месяцы учтивое обращение.

— С добрым утром, Том, — прошептала она. — Где оно?

Даэман вытащил из огня длинную горящую головню и протянул во тьму, словно факел.

Супруга Хармана отступила назад.

Мужчины успели нагромоздить брёвна из ча-

стокола, оградив… э-э-э… существо с трёх сторон. Пленник метался в закрытом пространстве, силясь выбраться за пределы хлипкой двухфутовой баррикады.

Ада присела на корточки, чтобы рассмотреть крошку-чудовище поближе в неверном мерцании факела, который взяла у Тома.

Несметные жёлтые глазки моргали и щурились на свет. Малыш Сетебос — если это был действительно он — имел около фута в длину, то есть уже сейчас превосходил размерами обычный живой человеческий мозг, — и всё же сильно напоминал его формой и складками омерзительного розоватого оттенка. Между полушариями пролегла серая полоска, существо покрывала тонкая слизистая мембрана, и с каждым вздохом по телу пробегала еле заметная дрожь. Правда, этот мозг ухитрился отрастить себе множество ртов-отверстий и бегал туда-сюда, перебирая тысячью крошечных детских ручек, розовые пальцы которых напомнили Аде кишащих червей.

Жёлтые глазки раскрылись и не мигая уставились на женщину. Одно из отверстий раскрылось и разразилось визгливым клёкотом.

— Он что, разговаривает? — шёпотом обратилась Ада к своим спутникам.

— Понятия не имею, — отозвался кузен. — Так ведь ему несколько минут от роду. Не удивлюсь, если через час он уже научится болтать.

— Лучше не дожидаться, пока ему исполнится час, — негромко, но твёрдо сказал Том. — Давайте сейчас же прикончим гада. Разнесём его в клочья из винтовок, а труп сожжём и развеем пепел.

Супруга Хармана изумлённо посмотрела на врача-самоучку, самого беззлобного и жизнерадостного человека в Ардисе.

— Нет, для начала, — вставил Даэман, глядя, как существо успешно карабкается на невысокую ограду, — посадим его на поводок.

Надев на руки шерстяные перчатки, пошитые в Ардисе ранней зимой для работы на пастбищах, и обмотав их плотным холстом, сын Марины нагнулся и вонзил тонкий изогнутый в виде крюка гвоздь прямо в толстую связку волокон (их ещё называют «мозолистым телом», припомнилось Аде), соединявшую полушария маленького Сетебоса, потом быстро дёрнул за шляпку, чтобы проверить, надёжно ли вошло остриё, пристегнул карабин и торопливо привязал к нему двадцать футов нейлоновой бечевы.

Малыш завизжал и взвыл от боли. Женщина в испуге обернулась на главное укрытие, уве-

ренная, что оттуда посыплются разбуженные, перепуганные люди, однако не заметила никакого движения. Разве что сторож у костра сонно покосился на неё и вновь погрузился в созерцание пламени.

Детёныш Сетебоса принялся извиваться, кататься по земле, с разбега ударился о бревенчатую перегородку и наконец полез по ней, точно краб. Даэман подтянул поводок, укоротив его до шести футов. Из разинутых ртов среди розовых складок мозга полезли новые ладони на гибких стеблях, длина которых достигала более одного ярда. Мелкие пальцы вцепились в бечёвку и стали рьяно дёргать её; другие руки тем временем ощупывали карабин и пытались выдернуть крюк. Но гвоздь оказался засажен крепко. На секунду мужчину повлекло вперёд, однако он тут же встряхнулся и стащил упирающийся мозг обратно в клетку, на заиндевелую траву.

— Маленький, а сильный, сволочь, — вполголоса выругался сын Марины.

— Пусть погуляет, — сказала супруга Хармана. — Давай поглядим, куда он пойдёт и что будет делать.

— Ты серьёзно?

— Да. Далеко пускать не надо, но мне интерес-

но, что ему нужно.

Том сломал ударом ноги низкую перегородку, и существо побежало на волю, в унисон перебирая розоватыми пальцами, мелькающими точно конечности непристойной сороконожки. Даэман двинулся следом, не ослабляя короткого поводка. Кузина и врач шагали рядом, готовые отпрянуть, едва лишь тварь устремится к ним. Быстрота и целеустремлённость мозга не могли не внушить людям чувства опасности. Том держал наготове свою винтовку. Вторая висела на плече бывшего любителя бабочек.

Существо не направилось ни к огню, ни к укрытию, зато увлекло людей на двадцать ярдов по залитой мраком западной лужайке. Потом оно спустилось в оборонительную траншею, которую помогала рыть Ада, и присело на растопыренных ручках.

По бокам твари возникли новые отверстия, оттуда вылезли два пульсирующих хобота и, покачавшись в воздухе, вдруг резко припали к земле. Послышался звук, похожий не то на чавканье свиньи, копающей коренья, не то на чмоканье младенца, сосущего грудь.

— Какого чёрта? — бросил Том и решительно прицелился из винтовки, положив металличе-

ский приклад на плечо.

Первый же выстрел всадил бы в пульсирующее розоватое чудище несколько тысяч острейших дротиков из хрусталя со скоростью звука, а то и быстрее.

Женщину бросило в дрожь; к неотвязной, стучащей в висках головной боли прибавилась ужасная тошнота.

— Я помню это место, — дрожащим голосом шепнула Ада. — Здесь умерли Реман и Эмма… Сгорели заживо, когда мы сражались с войниксами.

Детёныш продолжал похрюкивать и причмокивать.

— Так он, получается… — Даэман запнулся.

— Ест, — закончила кузина.

Врач опустил палец на спусковой крючок.

— Можно я прибью его, Ада Ухр? Пожалуйста.

— Обязательно, — ответила хозяйка особняка. — Только не сейчас. Если он умрёт, войниксы наверняка пронюхают и вернутся. Ещё даже не рассвело. Идём назад, в лагерь.

И они все вместе тронулись в обратный путь. Сын Марины тащил за собой на поводке недовольный, упирающийся «мозг».

60

Харман тонул.

За мгновение до того, как влага хлынула в лёгкие, он успел подумать: «Ах, эта стерва всё-таки обманула!» — и тут же поперхнулся, закашлялся и захлебнулся бурлящей золотой жидкостью.

До гранёной крышки хрустального додекаэдра оставалось чуть более фута, а странная «водичка» продолжала и продолжала течь на глазах мужчины. Сейви-Мойра-Миранда назвала густой золотой бульон «проводящей средой» для «глотания» (хотя нет, этого слова дама не упоминала) колоссальной библиотеки, собранной в Тадже. Избранник Ады разделся до термокожи.

— И это тоже придётся снять, — промолвила женщина.

Ариэль удалился в сумрак, оставив юную копию Сейви наедине с мужчиной в ярком сиянии, льющемся в окна купола. На столике рядом лежала гитара.

— Почему? — выдавил Харман.

— Жидкость должна иметь свободный доступ к телу, — пояснила разбуженная. — Через молекулярный слой термокостюма передача не

состоится.

— Какая ещё передача?

Мужчина провёл языком по губам, чувствуя, как сердце всё тревожнее колотится в груди.

Мойра широким жестом обвела бесконечные полки с фолиантами, опоясавшие стоэтажный купол под ногами собеседников.

— А как мне узнать, — начал Харман, — что в этих старых книжках найдутся сведения, которые помогут вернуться к Аде?

— Никак.

Друг Никого отвернулся от наполняющегося хрустального резервуара.

— А может, вы с магом просто пошлёте меня домой, и обойдёмся без этих глупостей?

— Это не так легко, — возразила женщина.

— Да уж, хрена с два! — взорвался похищенный.

Но Мойра продолжала говорить как ни в чём не бывало:

— Прежде всего тебе уже известно со слов Просперо, что факс-узлы на планете отключены.

— И кто их отключил? — осведомился Харман и повернулся обратно к хрустальному чертогу.

Золотая жидкость бурлила за фут от крышки, однако прибывать перестала.

— Сетебос или его сообщники.

Мойра откинула верхнюю прозрачную панель, и мужчина разглядел короткие металлические скобы для спуска в открывшееся отверстие.

— Какие сообщники? Ты что, не можешь взять и *рассказать?*

Копия Сейви покачала головой.

— Мой юный Прометей, ты слушал разговоры почти целый год. Это ничего не даёт, если не знать контекста. Настала пора постигнуть необходимые связи.

— Почему ты всё время зовёшь меня Прометеем? — рявкнул муж Ады. — Похоже, у всех тут по десять имён. В жизни не слышал ни о каком Прометее.

Собеседница улыбнулась.

— Обещаю, уж *это* ты непременно поймёшь после того, как побываешь в хрустальном чертоге.

Харман сделал глубокий вдох. «Ещё одна самодовольная улыбочка — и я не сдержусь, врежу ей по физиономии».

— Просперо говорил, я могу погибнуть, — произнёс мужчина; ему казалось удобнее смотреть на бурлящий резервуар, чем на женщину, принявшую облик Сейви.

Мойра кивнула.

— Мог бы, но я этому не верю.

— Какие у меня шансы? — Вопрос прозвучал как-то жалобно и плаксиво.

— Трудно сказать. Думаю, очень хорошие, иначе я бы не подвергла тебя подобной… неприятности.

— А ты сама это делала?

— Погружалась ли я в хрустальный чертог? — проговорила Мойра. — Нет, у меня лично не было причин.

— Тогда у кого они были? — допытывался Харман. — Сколько уцелело? Сколько погибло?

— Погружению подвергали каждого Главного Библиотекаря, — ответила та, кого Просперо называл своей дочерью. — Каждое поколение Хранителей Таджа. И всех прямых потомков первого Хана Хо Тёпа.

— Включая вашего ненаглядного Фердинанда Марка Алонцо?

— Да.

— И многие из Хранителей пережили погружение?

Возлюбленный Ады оставался пока в термокоже; открытое лицо и ладони обжигал жуткий холод, и мужчина изо всех сил старался не дрожать.

«Если она ещё раз пожмёт плечами, я повернусь и уйду навсегда», — со страхом подумал Харман. Уходить ему не хотелось. По крайней мере пока. Обещанные знания притягивали. Этот нелепый хрустальный чертог мог убить его… или как можно скорее вернуть к любимой.

Мойра не пожала плечами. Она посмотрела человеку в глаза (знакомый взгляд Сейви!) и просто сказала:

— Я точно не знаю. Случалось, беспомощные умы не справлялись с потоком сведений. Сомневаюсь, что твой ум настолько беспомощен, Прометей.

— Хватит называть меня Прометеем!

Коченеющие пальцы мужчины сами собою сжались в кулаки.

— Как скажешь.

— Сколько это продлится?

— Передача? Около часа.

— Сколько?!

Харман представил, как будет хвататься за гладкие стены или барахтаться, пытаясь удержаться на плаву. Целый час, да ещё на таком холоде…

— Проводящая среда очень тёплая, — сказала Мойра, словно прочла его мысли; вернее, гусиную кожу и дрожь в коленях.

После этих слов муж Ады решился. Он порывистыми, неловкими движениями сдёрнул с себя молекулярный термокостюм, смущаясь близостью женщины, с которой недавно занимался довольно странным сексом, и, страдая от лютой стужи, торопливо полез вверх по хрустальной стене. Короткие скобы обожгли ему голые ступни и ладони.

И вот человек с облегчением опустился, буквально нырнул в золотую жидкость. Та, как и было обещано, оказалась довольно тёплой. Влага совсем не имела запаха. И вкуса тоже, понял мужчина, слизнув брызги с губ.

А потом невесомый Ариэль возник из тени, взлетел и захлопнул крышку над головой похищенного.

А потом двойница Сейви коснулась какого-то рычага виртуальной панели управления, возле которой стояла всё это время.

А потом запыхтел какой-то мотор, скрытый в основании хрустального чертога, и в закрытый резервуар снова хлынула золотая жидкость.

Харман отчаянно закричал, требуя немедленно выпустить его; женщина-«пост» и воплощённая биосфера даже ухом не повели. Тогда несчастный принялся колотить по верхней панели, одновре-

менно пиная ногами прозрачные стены. Влага продолжала поступать. Мужчина отыскал под крышкой последний дюйм пустоты и жадно сделал глубокий вдох, не переставая барабанить по хрусталю. А потом воздуха вообще не осталось, ни единого пузырька, не считая тех, что срывались из носа и с губ похищенного.

Супруг Ады задерживал дыхание сколько мог. В последние мгновения жизни ему страшно хотелось думать о милой, об их любви, сожалеть о собственной измене, однако теперь, зажимая рот руками, чувствуя, как пылают лёгкие, он лишь невнятно терзался ужасом, яростью и раскаянием.

А потом Харман уже не мог удерживаться, хотя по-прежнему колотил по неподдающемуся хрусталю, — и выдохнул, закашлялся, подавился, выбранился, ещё сильней поперхнулся, глотнул густой жидкости… Тьма захлестнула рассудок, и неодолимая паника переполнила тело волной бесполезного адреналина.

А потом из лёгких вышел весь кислород, но мужчина этого не узнал. Отяжелев без воздуха, уже не дёргаясь, не двигаясь, не дыша, Харман медленно упал на дно хрустального чертога.

61

Когда от голоса с астероида на полярной орбите Земли поступило новое послание, на мостике «Королевы Мэб» воцарилось оживление, однако через пять минут переговоров по личному лучу (оказалось, это были всего лишь многократно повторённые координаты для встречи, а новых сообщений не последовало) главные моравеки вновь собрались у навигационного стола.

— На чём я остановился? — спросил Орфу.

— Кто-то собирался представить нам теорию всего, — напомнил первичный интегратор Астиг-Че.

— Судя по твоим словам, ты знаешь даже автора мазерных посланий, — вставил Чо Ли. — Кто или что желает назначить нам рандеву?

— Это мне неизвестно, — негромко пророкотал иониец, не прибегая к личному лучу и стандартным каналам корабельной связи. — Но догадки есть.

— Расскажи нам, — скорее потребовал, нежели попросил генерал Бех бин Адее.

— Сначала я предпочёл бы изложить свою… теорию всего, — ответил гигантский краб. — Мои

соображения по поводу голоса будут понятнее в контексте.

— Тогда начинай, — поторопил Астиг-Че.

Манмут услышал, как его товарищ глубоко вдохнул, хотя и располагал многонедельным, если не многомесячным запасом кислорода. Маленькому европейцу хотелось сказать по личному лучу: «Ты уверен, что готов развивать эту тему?» Впрочем, он ведь точно не знал, о чём пойдёт речь, и поэтому промолчал. Но всё-таки очень волновался за друга.

— Прежде всего, — начал Орфу Ионийский, — официальной информации пока ещё не было, однако я убеждён, что вы распознали тип спутников, составляющих экваториальное и полярное кольца планеты, к которой мы стремительно приближаемся… И бьюсь об заклад, львиная доля из них — не астероиды или небесные города.

— Верно, — согласился первичный интегратор.

— Некоторые, как мы знаем, возникли в результате ранних попыток «постов» создавать и выращивать чёрные дыры, — продолжал краб. — Громадные установки вроде ускорителя частиц, что врезался девять месяцев назад в орбитальный астероидный город, как нам показывали. Но много ли там подобных устройств? Несколько

тысяч?

— Чуть менее двух, — подтвердил Астиг-Че.

— Готов поспорить, оставшуюся часть миллиона… объектов… размещённых «постами» на орбите, составляют хранилища данных. Не знаю точно, какого рода: вероятно, банки ДНК, хотя тогда потребовалось бы непрерывное жизнеобеспечение, так что скорее всего мы имеем дело с запоминающими устройствами на цилиндрических магнитных доменах в сочетании с некими усовершенствованными компьютерами постлюдей, иными словами, с настолько сложной системой памяти, какая до сих пор незнакома даже нам, моравекам.

Гигантский краб умолк. Наступила долгая, томительная для маленького европейца тишина. Интеграторы и прочие представители власти не переглядывались, но Манмут подозревал: они, безусловно, совещаются по личным каналам.

Наконец, спустя лишь несколько мгновений, Астиг-Че нарушил молчание.

— Да, в основном это запоминающие устройства, — согласился первичный интегратор. — Мы ещё не разобрались в их природе, однако, судя по всему, перед нами блоки памяти квантового фронта волны на цилиндрических магнитных

доменах.

— Причём каждый блок по большей части независим, — прибавил Орфу. — Можно сказать, у каждого свой собственный жёсткий диск.

— Да, — подтвердил Астиг-Че.

— А львиная доля прочих спутников на кольцах, тысяч примерно десять, — стандартные энергопередатчики плюс некие преобразователи тахионного волнового фронта.

— Шесть тысяч четыреста восемь энергопередатчиков, — сообщил штурман Чо Ли. — Плюс ровно три тысячи тахионных волновых преобразователей.

— Откуда тебе всё это известно, Орфу Ионийский? — осведомился могучий ганимедянин Сума Четвёртый. — Уж не влез ли ты в секретные папки или на наши каналы связи?

Знаток творчества Пруста воздел кверху ладонями два сочленённых манипулятора:

— Нет-нет, я не столь подкован в компьютерных технологиях, чтобы тайком залезть даже в дневник своей сестры… конечно, если бы у меня была сестра и она вела бы дневник.

— Тогда как же… — начал Ретроград Синопессен.

— Логическим путём, — пояснил Орфу. — Меня

всегда интересовала человеческая культура, в особенности книги. Столетиями я уделял большое внимание результатам наблюдений за планетой и кольцами, а также любым официальным сообщениям Консорциума Пяти Лун о малочисленных людях, оставшихся на Земле.

— Консорциум никогда не выпускал официальных сообщений об орбитальных запоминающих устройствах, — заметил Сума Четвёртый.

— Не выпускал, — согласился иониец. — Но это было самым логичным предположением. Насколько известно, четырнадцать веков назад, когда «посты» покинули Землю, их численность составляла считанные тысячи, так ведь?

— Верно, — кивнул Астиг-Че.

— В то время моравеки-учёные сомневались даже, есть ли у этих существ нормальные тела… в нашем понимании, — проговорил Орфу. — Так зачем бестелесным возводить миллион городов на орбите?

— Отсюда не следует вывод, что кольца по большей части состоят из банков памяти, — возразил генерал Бех бин Адее.

Манмут поймал себя на мысли: «Интересно, как именно на этом корабле карают за шпионаж?»

— Следует, — произнёс гигантский краб, — если

взглянуть на то, чем занимались люди старого образца около полутора тысячелетий… И чем не занимались.

— В каком смысле: «Чем не занимались»? — неожиданно вмешался его лучший друг.

Маленький европеец не собирался встревать в разговор, однако любопытство взяло верх.

— Во-первых, люди не размножались, как положено природой, — ответил Орфу. — В течение столетий их оставалось менее десяти тысяч. И вот четырнадцать веков назад в Иерусалиме появился нейтринный луч, управляемый (как я понял из оперативных астрономических публикаций) модулированными тахионами. Луч этот бесцельно уходил в дальний космос. И вдруг ни с того ни с сего «старомодных» будто корова слизала. Всех до единого.

— Но только на время, — поправил Астиг-Че.

— И всё-таки… — Казалось, Орфу вдруг потерял нить разговора, но вскоре продолжал: — Прошло чуть меньше ста лет, и на Земле возникли рассеянные поселения, что-то около ста тысяч людей старого образца. Явно, что это не потомки десяти тысяч исчезнувших. Не было никакого постепенного увеличения количества жителей, всё произошло мгновенно, раз-два — и в дамки.

Получите и распишитесь: вот вам сто тысяч человек невесть откуда.

— И какой же ты сделал вывод? — В голосе грозного первичного интегратора сквозило приятное изумление, как у профессора, обнаружившего нечаянные успехи у своего студента.

— Прежде всего эти люди не рождались, — ответил иониец. — Их вырастили.

— Непорочное зачатие? — съязвил Чо Ли.

— Вроде того, — не смутился краб и ровным, раскатистым голосом продолжал: — Полагаю, орбитальные ЗУ хранят и хранили сведения о всяком человеке: память, личность и сведения о теле (как знать, может, каждому выделяли отдельный спутник?), и «посты» частично восстановили поголовье. Это объясняет, почему количество землян достигало миллиона каждые несколько веков, затем уменьшалось до считанных тысяч и вновь как по волшебству резко вырастало до миллиона.

— Почему? — спросил центурион-лидер Меп Эхуу искренне заинтересованным, как показалось Манмуту, тоном.

— Минимальное поголовье, — пояснил Орфу. — «Посты» разводили «старомодных» лишь на половинную замену: то есть по одному ре-

бёнку на пару. Однажды я читал, будто бы люди старого образца живут ровно сто лет и потом исчезают. Этого достаточно, чтобы стадо пережило перемены климата и тому подобное, но и не разбредалось из резерваций. Однако население стремительно тает. Поэтому примерно раз в тысячелетие поголовье увеличивают до максимальной величины в один миллион человек. После чего каждой женщине по-прежнему дозволяется производить на свет не более одного ребёнка, так что количество людей опять начинает быстро уменьшаться — до следующего искусственного возрождения.

— Где ты прочёл, что «старомодные» живут ровно сто лет? — потрясённо вымолвил Чо Ли.

— В издании «Научный ганимедянин». Я восемь с лишним веков на него подписываюсь.

Первичный интегратор Астиг-Че поднял свою весьма гуманоидного вида руку:

— Прошу прощения, Орфу с Ио, меня восхищают твои блестящие выводы насчёт назначения орбитальных устройств и кропотливые исследования всего, что связано с оставшимися ста тысячами «старомодных» людей (впрочем, за последние месяцы число их существенно снизилось из-за нападений неизвестных врагов),

но ты обещал рассказать, откуда греческие боги взялись на Марсе, кому принадлежит голос, кто и как чудесным образом терраформировал Красную планету и что стало причиной нынешней квантовой нестабильности на Земле и на Марсе.

— К этому я и веду, — пророкотал слепец. — Хотите, выражу свою теорию в сжатом виде и вышлю вам по скоростному лучу? Всё займёт не больше секунды.

— Нет, в этом нет нужды, — отказался Астиг-Че. — Только не мог бы ты объяснять немного быстрее? Менее чем через три часа нам нужно запустить шлюпку, прикрываясь аэродинамическим манёвром, — или не запускать.

Орфу отозвался инфразвуковыми раскатами, в которых его друг давно привык узнавать смех.

— «Старомодные» люди, — произнёс иониец, — собраны примерно в трёх сотнях поселений на пяти континентах планеты, не так ли?

— Так, — подтвердил Чо Ли.

— И состав населения постоянно меняется, — заметил Орфу. — Между тем наши телескопы ни разу не засекли каких-либо видов транспорта — ни пригодных к употреблению автомагистралей, ни летающих аппаратов, ни кораблей (хотя бы даже допотопных парусников вроде тех, на

борту которых мы с Манмутом переплыли марсианскую Долину Маринера), ни даже воздушных шаров, на худой конец. Итак, мы предположили, что люди перемещаются при помощи квантовой телепортации, хотя моравеки с их развитой технологией до сих пор не освоили данный способ путешествий.

— Вполне разумное предположение, — вставил Сума Четвёртый.

— Разумное, — согласился иониец, — но неправильное. Из наблюдений за так называемыми олимпийскими богами на Марсе и на Земле из иного измерения, где по сей день идёт битва за Трою, нам известно, как со стороны выглядит квантовая телепортация. Люди старого образца не оставляли подобных следов, переносясь из пункта А в пункт Б.

— Но если ты прав, — начал центурион-лидер Меп Эхуу, — как иначе они мгновенно перемещались по планете более четырнадцати веков?

— Старомодная идея телепортации, — пояснил Орфу. — Все сведения о теле, разуме и личности превращаются в код, материя преобразуется в энергию, направляется в виде луча на новое место и собирается заново. Примерно как в телесериалах Потерянной Эпохи — «Стар Трюк»,

например.

— «Трек», — машинально поправил его Бех бин Адее.

— Ага! — сказал Орфу. — Ещё один фанат.

Генерал раздражённо клацнул убийственными клешнями.

— Наши исследователи давно установили, что хранить подобные объёмы информации невозможно, немыслимо, — возразил Чо Ли. — В целой вселенной не найдётся столько атомов, сколько терабайтов потребуется на их запоминание.

— Значит, «посты» умудрились создать именно такой банк, — ответил гигантский краб, — ибо люди старого образца веками телепортировали свои зады куда им вздумается. Однако не на квантовом уровне, как боги Олимпа или наш друг Хокенберри, а более варварским способом: их попросту разрывали на молекулы, а затем собирали где-нибудь ещё.

— С чего бы постчеловечеству так заботиться о «старомодных»? — подал голос маленький европеец. — Затевать проект невероятной сложности ради нескольких сотен тысяч людей, с которыми обращаются будто с домашними любимцами… будто с животными в зоопарке? За полтора тысячелетия мы не заметили ни следов новой

психологической инженерии, ни градостроительства, ни любого другого созидания.

— Может, примитивная телепортация сама по себе — итог их культурного вырождения? — предположил иониец. — А может, и нет. Но я убеждён, мы наблюдаем именно её. Что-то вроде: «Подбрось меня, Скути».

— «Скотти», — поправил Ретроград Синопессен.

— Благодарю, — отозвался Орфу и тут же передал Манмуту по личному лучу: *«Нашего полку прибывает»*.

— Не исключено, что ты прав, — заговорил Астиг-Че, — и «старомодные» пользуются не настоящей квантовой телепортацией, а грубой формой расщепления и воспроизведения материи, но это не объясняет положения на Марсе или, например…

— Зато помешанность «постов» на путешествиях в иные измерения объясняет, и даже очень!

В пылу рассказа иониец и не заметил, как осмелился прервать самого могущественного из первичных интеграторов во всём Пятилунном Консорциуме.

— Откуда ты взял, что они рвались в иные измерения? — осведомился Бех бин Адее.

— Ты что, смеёшься? — хмыкнул Орфу.

Манмут не мог не призадуматься: как часто суровому генералу задавали подобный вопрос?

— Только взгляните, *чем* «посты» захламили орбиту, — продолжал гигантский краб, не обращая внимания на поражённого подобной дерзостью военного роквека. — Накопители червоточин, ускорители чёрных дыр — налицо явные старания прорваться сквозь пространство и время, найти короткую дорожку через привычный мир… или куда-нибудь ещё.

— Чёрные дыры и червоточины не работают, — без выражения произнёс Чо Ли. — По крайней мере они не годятся для путешествий.

— Ага, теперь нам это известно, — поддакнул иониец, — и постинженеры выяснили то же самое веков пятнадцать назад. И вот, уже запустив на орбиту спутники с невообразимым объёмом памяти, настроив по всей Земле примитивных, основанных на воспроизведении расщеплённой материи телепорталов для «старомодных» людей, которых, по моим подозрениям, использовали в качестве подопытных свинок, — только тогда учёные-«посты» забили себе головы Бранами и квантовой телепортацией.

— А как же наши исследователи? Они уже

много столетий, как ты изволил выразиться, «забивают свои головы» как пресловутой квантовой телепортацией, так и созданием дыр-мембран вселенной Калаби-Яу, — вмешался Ретроград Синопессен, чуть ли не пританцовывая от волнения на длинных паучьих ножках серебристого цвета. — Причём безуспешно, — добавил он.

— Просто у нас никогда не было того, что позволило «постам» совершить настоящий прорыв.

Тут Орфу сделал паузу. Все ждали продолжения. Маленький европеец прекрасно понимал, как упивается его друг этой сладкой минутой.

— Миллиона человеческих тел, умов, опытов, личностей, заложенных в форме цифровой информации в банки памяти орбитальных спутников, — торжествующе заключил иониец, как если бы объявлял решение сложнейшей математической головоломки.

— Я не понял, — сказал центурион-лидер Меп Эхуу.

Радар слепого краба пытливо обвёл присутствующих; его касание можно было сравнить с прикосновением невесомого пера, только в электромагнитном спектре. Манмут догадывался, что друг ожидает какой-то реакции, возможно, возгласов одобрения. Однако все остальные про-

должали молчать и не шевелились.

— Я тоже не понял, — признался любитель Шекспира.

— Что есть мозг человека? — риторически вопросил Орфу. — Понятно, каждый из нас обладает его частицей. Ну и на что это похоже? Как он работает? Подобно двоичным или построенным на основе ДНК компьютерам, которые мы таскаем с собой для разных научных целей?

— Нет, — ответил Чо Ли. — Известно, что человеческий мозг не схож с компьютером и не является химическим ЗУ, как полагали в Потерянную Эпоху. Разум есть целостный и постоянный фронт волны квантовых состояний.

— В точку! — воскликнул иониец. — Именно это глубокое понимание разума людей и помогло «постам» усовершенствовать свои Браны, научиться странствовать во времени, а также освоить квантовую телепортацию.

— Я до сих пор не вижу, каким образом, — произнёс Астиг-Че.

— Давайте вспомним принцип действия квантовой телепортации, — предложил знаток Марселя Пруста. — Чо, изложи нам, у тебя лучше получится.

Каллистянин погромыхал, после чего модули-

ровал громыхания в раздельные слова:

— Ранние эксперименты, проводимые «старомодными» учёными в глубокой древности, аж в самом двадцатом столетии, основывались на создании пары спутанных фотонов и телепортации одного из них — точнее, телепортировали его полное *квантовое состояние*, в то время как анализ белловских состояний второго фотона передавали посредством потайных каналов.

— Разве это не нарушает принцип Гейзенберга и ограничения Эйнштейна, касающиеся световой скорости? — полюбопытствовал Меп Эхуу: он, как и Манмут, пропустил доклады о механизмах, позволявших богам квитироваться с марсианского вулкана Олимп в Илион.

— Нет, — отвечал Чо Ли. — Мгновенно перемещаясь по этой вселенной, телепортируемые фотоны не переносили никакой информации, даже сведений о собственном квантовом состоянии.

— Выходит, они совершенно бесполезны, — заключил центурион-лидер. — По крайней мере в целях коммуникации.

— Не совсем, — возразил каллистянин. — У фотона всего лишь четыре квантовых состояния, стало быть, вероятность угадывания приёмной

стороной — один к четырём. При этом используются квантовые биты информации, называемые кубитами, и мы успешно применяем их именно в целях мгновенной коммуникации.

Маленький европеец помотал головой.

— Какая связь между фотонами в любом состоянии, не умеющими переносить информацию, и греческими богами, телепортирующимися в Трою?

— «Воображение можно уподобить сну Адама, — процитировал Орфу, — он пробудился и увидел, что всё это — правда». Джон Китс.[83]

— Нельзя ли изъясняться чуть позагадочней? — насмешливо произнёс Сума Четвёртый.

— Могу попробовать, — ответил иониец.

— Что общего между поэтом Джоном Китсом, квантовой телепортацией и причинами нынешнего квантового кризиса? — спросил Манмут.

— По-моему, — начал посерьёзневший Орфу, — полтора тысячелетия назад «посты» добились прорыва в опытах с Бранами и квантовой телепортацией именно благодаря сокровенному пониманию целостной квантовой природы человеческого сознания. Я проводил предвари-

---

[83] notes: 83

Джон Китс, из письма к Бенджамину Бейли от 22 ноября 1817 г. Перев. С. Сухарева.

тельные исследования на квантовом компьютере судна. Вообразите себе сознание человека как феномен устойчивого волнового фронта, чем оно и является в действительности, помножьте на терабайты кубитов квантовой информации на основании волнового фронта физической реальности, примените к упомянутым волновым функциям разума-сознания-реальности трансформации соответствующего релятивистского кулонова поля, и вы без труда поймёте, как «постам» удалось открыть Брано-Дыры в иные вселенные и даже телепортироваться туда.

— И как же? — осведомился Астиг-Че.

— Для начала они пробились в миры, в которых существовали такие точки пространства и времени, где *уже находились* спутанные пары волновых фронтов человеческого сознания, — пояснил Орфу.

— Пары чего? — растерялся его лучший друг.

— Что есть реальность, как не устойчивый квантовый фронт волны, коллапсирующий посредством вероятностных состояний? — промолвил гигантский краб. — И как иначе работает мозг человека, если не в качестве интерферометра, воспринимающего и разрушающего сии самые волновые фронты?

Маленький европеец продолжал трясти головой. Он позабыл о прочих моравеках, собравшихся на мостике, о своей подлодке, которую менее чем через три часа могли спустить на Землю в космошлюпке, о надвигающейся опасности — словом, забыл обо всём, кроме отчаянной головной боли, порождённой речами ближайшего друга. А тот не унимался:

— Постлюди открывали Брано-Дыры в иные миры, созданные — или по крайней мере воспринятые — сфокусированными линзами существовавших заранее голографических волновых фронтов. То есть человеческим воображением. Гением человека.

— Нет, ну ради всего святого! — возмутился генерал Бех бин Адее.

— Почему же, — сказал иониец. — Если предположить существование бесконечного или приблизительно бесконечного ряда альтернативных вселенных, то многие из них непременно сотворены одною лишь силой человеческого гения — сингулярностью гения — анализатора белловских состояний, источника чистой квантовой пены реальности.

— Метафизика, — ошеломлённо проговорил Чо Ли.

— Чушь собачья, — изрёк Сума Четвёртый.

— Да нет, всё было именно так, — возразил Орфу. — Что мы имеем? Терраформированную Красную планету с изменённой силой гравитации. Вероятно ли, чтобы подобное преобразование заняло всего лишь несколько лет? Вот что я называю чушью собачьей. У нас весь Марс уставлен изваяниями Просперо, а вулкан Олимп заселён древнегреческими богами, которые шастают через пространство и время к иной Земле, покуда Гектор с Ахиллом бьются, решая судьбу Илиона. Вот что такое чушь собачья. Если только…

— Если только мы не поверим, будто «посты» открыли порталы именно в те миры, которые были созданы прежде могучей силой человеческого гения, — закончил первичный интегратор Астиг-Че. — Что сразу объясняет и статуи Просперо, и калибановидных тварей на Земле, и присутствие на планете Илиона Ахилла, Гектора с Агамемноном и прочих людей.

— А как же быть с греческим пантеоном? — усмехнулся Бех бин Адее. — Кого мы повстречаем дальше? Иегову? Будду?

— Возможно, — ответил слепец. — Но я бы скорее предположил, что наши знакомые олимпийцы — это «посты»-трансформеры, сбежавшие

сюда четырнадцатью веками ранее.

— С какой стати им превращаться в богов? — усомнился Ретроград Синопессен. — Особенно в тех, чья сила происходит от нанотехнологий и квантовых фокусов?

— А почему бы нет? — спросил Орфу. — Бесконечная жизнь, выбор пола, возможность разделить ложе с любым кратковечным, разведение уймы бессмертных и бренных отпрысков, которых «посты», судя по всему, не могли производить на свет самостоятельно… Я уж не говорю о десятилетней шахматной партии под названием «Осада Трои».

Маленький европеец потёр висок.

— Получается, терраформирование и перемена гравитации на Марсе…

— Да, — подтвердил гигантский краб. — Работы здесь — почти на четырнадцать веков, а не на три года. И это при божественных квантовых технологиях.

— Выходит, — начал капитан подлодки, — где-то там, внизу, обитает *настоящий Просперо?* Просперо из «Бури» Шекспира?

— Или кто-нибудь… что-нибудь в этом роде, — закончил иониец.

— А как же мозг-урод, явившийся из Брано-

Дыры на Землю несколько дней назад? — Голос ганимедянина Сумы Четвёртого звенел от гнева. — Он что, тоже персонаж из вашей драгоценной человеческой литературы?

— Возможно, — откликнулся Орфу. — Роберт Браунинг написал однажды поэму «Калибан о Сетебосе», в котором чудовище из шекспировской «Бури» рассуждает о своём божестве, описанном у поэта очень скупо: «многорукий, словно каракатица», существо весьма своенравное, вскормленное на страхе и жестокости.

— Твои домыслы переходят все границы, — произнёс Астиг-Че.

— Да, — согласился гигантский краб. — Однако тварь, которую мы недавно сфотографировали, выглядит как исполинский человеческий мозг, бегающий на длинных руках. Невероятный плод эволюции в любом из миров, или вам так не кажется? Впрочем, Роберт Браунинг обладал весьма живым и богатым воображением.

— А не ждёт ли на Земле ещё и Гамлет? — съехидничал Сума Четвёртый.

— О! — вырвалось у маленького европейца. — О! О, вот было бы славно…

— Прошу не отвлекаться, — вмешался первичный интегратор. — Орфу, откуда ты всё это взял?

Иониец испустил вздох. Вместо вербального ответа голографический проектор из устройства связи на помятом и поцарапанном панцире краба передал изображение, которое тут же зависло над навигационным столом. Это была виртуальная полка с шестью довольно увесистыми фолиантами. Одна из книг — Манмут успел заметить заглавие: «В поисках утраченного времени. Том третий. У Германтов» — раскрылась на четыреста сорок пятой странице. Картинка увеличилась, так что стало возможно прочесть печатный шрифт.

Внезапно любитель Шекспира сообразил: ведь Орфу оптически слеп и, значит, не *видит*, что именно показывает сейчас. Неужели ему пришлось запоминать эти книги страница за страницей? От этой мысли хотелось плакать.

Манмут вместе с другими прочёл парящий в воздухе текст: «Люди со вкусом говорят нам сегодня, что Ренуар — великий живописец восемнадцатого века. Но они забывают о Времени и о том, что даже в конце девятнадцатого века далеко не все отваживались признать Ренуара великим художником. Чтобы получить такое высокое звание, и оригинальный художник, и оригинальный писатель действуют по способу

окулистов. Лечение их живописью, их прозой не всегда приятно для пациентов. По окончании курса врач говорит нам: „Теперь смотрите“. Внезапно мир (сотворённый не однажды, а каждый раз пересоздаваемый новым оригинальным художником) предстаёт перед нами совершенно иным и вместе с тем предельно ясным. Идущие по улицам женщины не похожи на прежних, потому что они ренуаровские женщины, те самые ренуаровские женщины, которых мы когда-то не принимали за женщин. Экипажи тоже ренуаровские, и вода, и небо; нам хочется побродить по лесу, хотя он похож на тот, что, когда мы увидели его впервые, казался нам чем угодно, только не лесом, а, скажем, ковром, и хотя в тот раз на богатой палитре художника мы не обнаружили именно тех красок, какие являет нашему взору лес. Вот она, новая, только что сотворённая и обречённая на гибель вселенная. Она просуществует до следующего геологического переворота, который произведут новый оригинальный художник или новый оригинальный писатель».

Прочитавшие безмолвно застыли вокруг навигационного стола. В тишине было слышно мерное гудение вентиляторов, звуки машин и негромкие переговоры моравеков, на самом деле

управляющих «Королевой Мэб» в эту критическую минуту приближения к экваториальному и полярному кольцам Земли.

В конце концов генерал Бех бин Адее нарушил молчание:

— Какая солипсическая чушь. Какой метафизический вздор. Какая куча конского навоза.

Иониец не отвечал.

— Может, эта история и куча навоза, — изрёк Астиг-Че, — но зато самая правдоподобная, что я слышал за долгие месяцы, полные сюрреализма. Думаю, рассказчик заслужил путешествие в трюме «Смуглой леди», когда космошлюпка отправится в атмосферу Земли через… два часа и пятнадцать минут. Что ж, идёмте готовиться.

Манмут словно в тумане направился к подъёмнику в обществе своего друга, беззвучно плывущего на мощных отталкивателях, когда первичный интегратор окликнул:

— Орфу!

Гигантский краб развернулся и в ожидании вежливо направил на Астига-Че мёртвые камеры и остатки глазных стебельков.

— Ты собирался сказать, кто так упорно добивается с нами встречи.

— Ну, вообще-то… — Иониец впервые замял-

ся. — Это просто догадка.

— Поделись, — велел первичный интегратор.

— Что ж, принимая на веру мою скромную теорию, — проговорил Орфу, — кто бы мог женским голосом потребовать свидания с нашим пассажиром — Одиссеем, сыном Лаэрта?

— Санта Клаус? — предположил генерал бин Адее.

— Не совсем, — сказал иониец. — Калипсо.

По всей видимости, никто из моравеков раньше не слышал этого имени.

— Во вселенной, откуда явились наши новые друзья, — продолжал гигантский краб, — чародейку ещё называют Цирцеей.

62

Харман утонул, но не умер. Впрочем, несколько минут спустя он пожалел об этом.

Золотая жидкость, наполнившая двенадцатигранный хрустальный чертог, оказалась перенасыщена кислородом, который быстро начал всасываться через тончайшие капилляры лёгких и насытил собой кровеносную систему. Этого хватило, чтобы заставить сердце биться (точнее сказать, биться снова, поскольку оно

пропустило несколько ударов и молчало почти полминуты, пока человек барахтался и шёл на дно) и поддержать жизнь мозга… пусть даже вконец отупевшего, охваченного ужасом, отторгнутого, если верить ощущениям, от остального тела. Организм продолжал инстинктивно требовать воздуха, хотя на деле уже получал его.

После трудной борьбы мужчина кое-как разлепил веки, однако ничего хорошего не увидел; перед глазами стремительно кружилась воронка из мириада золотых слов и десяти мириадов мелькающих изображений, которые только и ждали своей очереди возродиться в его голове. Харману смутно удалось различить шестигранную стеклянную панель заполненного доверху чертога и чью-то размытую фигуру за ней. Это могла быть Мойра, или Просперо, или сам Ариэль… да какая, собственно, разница?

Мужчина по-прежнему жаждал дышать привычным ему образом. Не отключись сознание несчастного ровно наполовину (видимо, жидкость подействовала как транквилизатор, подготавливая разум к «передаче»), один только рвотный рефлекс давно убил бы жертву или довёл до безумия.

Впрочем, хрустальный чертог припас иные

причины для сумасшествия.

Хармана захлестнул поток информации. Той, что, по словам разбуженной постженщины и мага, содержалась на страницах миллиона старинных книг. Речения и мысли миллиона давно почивших умов… Нет, более, ведь одни умы горячо спорили с другими, опровергали их, пылко соглашались, безжалостно исправляли, яростно противились.

Ничего подобного мужчине ещё не приходилось переживать. Когда-то, в течение долгих декад, он выучился читать и стал самым первым за неисчислимые века «старомодным» человеком, разобравшим закорючки, точки и штрихи в допотопных фолиантах, которые повсюду гнили на полках заброшенных библиотек. Однако при чтении слова проникали в разум по порядку, неспешно, со скоростью обычной беседы: Харман даже слышал в голове некий голос, отчётливо произносивший их вслух. «Глотание» при помощи вновь открытой нанотехнической функции оказалось более быстрым, но менее эффективным способом узнать содержание книги. Внутреннего голоса не было и в помине; информация текла по руке прямо в мозг, забрасывалась порциями, точно уголь в топку, отнимая у человека удо-

вольствие от медленного чтения. «Проглотив» очередной том, супруг Ады, конечно, чувствовал, что голова забита новыми сведениями, однако львиная доля контекста и бездна смысловых оттенков при этом безнадёжно упускались. Мужчина частенько задумывался над назначением подобной функции в Потерянные Времена: быть может, «старомодные» люди пользовались ею для усвоения сухих таблиц, наборов уже «переваренных» данных? Способ этот, разумеется, не годился для чтения романов или шекспировских пьес. Правда, Харману доныне попало в руки одно-единственное творение великого барда — восхитительная и трогательная трагедия «Ромео и Джульетта». Прежде похищенный и слова такого не слышал: «пьеса». Его современники знали разве что туринскую драму об осаде Трои, да и то — последние десять лет, не дольше.

Но если при чтении речь автора лилась размеренным потоком, а «глотание» резко будоражило мозг, оставляя некий осадок информации, то здесь…

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог

Из четырёх хрустальных стен.[84]

* * *

Сведения поступали не через уши, глаза или при помощи каких-либо здравых чувств, данных человеку для восприятия нового; строго говоря, они проникали даже не путём осязания, хотя кожу пронзали мириады и мириады булавочных уколов: это книжные слова, наполнившие золотую жидкость, проникали сквозь мельчайшие поры, сквозь каждую клетку плоти.

ДНК — теперь мужчина знал это — предпочитает форму стандартной двойной спирали; именно её избрала природа для хранения наиболее ценных сведений. На то было множество разных причин, и главная из них: спираль — самый удобный и эффективный путь двустороннего потока свободной энергии, определяющей соединения, вид и функционирование столь гигантских молекул, как протеины, ДНК и РНК. Химические системы вечно стремятся к состоянию наименьшего объёма свободной энергии, количество которой минимально в том случае, когда нити

[84] notes: 84

Здесь и далее: Уильям Блейк, «Хрустальный чертог». Перев. С.Я. Маршака.

комплементарных нуклеотидов тесно переплетаются, точно двойные витые лестницы.

Однако «посты», преобразовавшие как «железо», так и «программное обеспечение» генома «старомодных» соплеменников Хармана, добрались и до значительной части запасов ДНК в их телах. Взамен закрученных вправо молекул дезоксирибонуклеиновой кислоты экспериментаторы поместили двойные спирали обычного размера, диаметром около двух нанометров, но только закрученные в противоположную сторону. Последние использовали в качестве основы, усложняя их и переплетая парами, а затем связав из полученных верёвок непроницаемые протеиновые сети. Внутри таких прочных сетей — а их были мириады в костях, мускульных волокнах, ткани кишечника, яичках, пальцах и волосяных фолликулах каждого человека — находились биологические макромолекулы, которые, в свой черёд, обслуживали ещё более сложные группы, предназначенные для хранения наноэлектронной органической памяти.

Харман всем телом, каждой клеткой поглощал библиотеку Таджа Мойры — миллион древних томов.

Чертог светился, а внутри

Я в нём увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Мужчине пришлось очень больно. Ужасно больно. Захлебнувшийся золотой жидкостью, всплывший брюхом кверху, словно дохлый карп, он испытывал неприятнейшее ощущение, как если бы отсидел ногу и теперь её медленно приводили в чувство тысячи уколов острыми раскалёнными иглами. Но только дело было не в одной конечности. Всякая молекула, будь то в ядре или стенке наружной или внутренней клетки тела, «пробуждалась» от информации, что разбегалась потоками свободной энергии по коллективному организму, носящему имя Харман.

Избранник Ады даже не представлял себе, что в мире существует подобная боль. Несчастный то и дело разевал рот, чтобы отчаянно закричать; однако воздуха ни в лёгких, ни снаружи давно уже не осталось, и голосовые связки беспомощно трепетали в золотой жидкости.

Металлические наночастицы, карбоновые нанотрубки, а также более сложные наноэлектронные устройства, вживлённые в тело и мозг человека ещё до его рождения, теперь

подвергались поляризации, вращались и преобразовывались сразу в трёх измерениях, после чего начинали проводить и накапливать информацию. Триллионы сложных мостиков дезоксирибонуклеиновой кислоты, упрятанных в клетки, совершали обороты, перестраивались, рекомбинировались — и навечно впитывали данные, текущие по кручёному позвоночнику ДНК.

За хрустальными гранями мужчина увидел искажённое рябью лицо Мойры, но не сумел различить выражения пристальных тёмных очей, похожих на очи Сейви, — тревога? сожаление? чистое любопытство?

Иная Англия была,
Ещё неведомая мне, —
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Книги, как понял бедняга, превозмогая Ниагарский водопад мучений, — всего лишь элементы практически бесконечной информативной матрицы, существующей в четырёх измерениях и стремящейся постичь идею концепции приблизительной тени Истины — как вертикально, сквозь Время, так и горизонтально, посредством Знания.

Ещё в яслях, несмышлёным ребёнком, Харман рисовал на редкой веленевой бумаге ещё более редкими маркерами, носящими название «карандаши», множество точек и тратил целые часы, соединяя их линиями. Всякий раз оказывалось, что можно провести ещё одну черту, ещё одна пара осталась порознь… Он даже не успевал закончить, а пергамент нежно-сливочного цвета уже покрывался густым слоем графита. В более поздние годы мужчина задумывался: уж не пытался ли таким образом его детский ум осмыслить и выразить собственное восприятие факс-порталов, куда каждый малыш впервые ступал, едва научившись ходить — или хотя бы сидеть на руках у матери. Триста известных узлов составляли девять миллионов различных сочетаний.

Однако *что* значили те ранние забавы по сравнению с объединением «точек» знания и макромолекулярными клетками памяти, тысячекратно более запутанным, а главное — бесконечно болезненным!

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой.

О сладкий, непонятный страх!

Её улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещён.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращён.

Теперь уже Харман знал, что Уильям Блейк зарабатывал на жизнь, занимаясь ремеслом гравёра, к тому же никому не известного и не слишком успешного. «Контекст — это всё». Блейк покинул сей мир знойным и душным воскресным вечером двенадцатого августа тысяча восемьсот двадцать седьмого года, и в день его кончины мало кто из широкой публики подозревал о том, что молчаливый, нередко вспыльчивый гравёр был ещё и поэтом, уважаемым среди более прославленных современников, включая и Самюэля Кольриджа.[85][86][87] Уильям Блейк на полном серьёзе считал себя пророком вроде Иезекииля

---

[85] notes: 85

Кольридж Самюэль Тэйлор (1772–1834) — английский поэт, критик и философ.

[86] notes: 86

Для факта контекст — как вода для дельфина.

[87] notes: 87

Дельфины — разновидность водных животных, вымерли в начале двадцать второго века н. э.

или Исаии, хотя не имел никаких данных, разве что презирал мистицизм да изредка баловался оккультизмом или чрезвычайно популярной в те дни теософией.[88]

Сами сведения, как понял обнажённый Харман, широко раскрытыми глазами смотрящий перед собой изнутри прозрачного кристалла, ещё можно было бы как-то пережить. Процесс расширения нервных связей, создание контекста — вот что терзало по-настоящему и приближало неминуемую гибель.

Я к сокровеннейшей из трёх
Простёр объятья — к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребёнок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,

---

[88] notes: 88

Иезекииль Мао Кент — морской биолог, в чьём присутствии скончался от рака Альморений д'Азур, последний дельфин, и случилось это в Бенгальском океанариуме знойным и душным вечером одиннадцатого августа две тысячи сто тридцать четвёртого года н. э. Прикладной Комитет Видов Национального Союза постановил не восполнять потерю с помощью заготовленных образцов ДНК, но позволил этим морским млекопитающим спокойно вымереть вслед за прочими видами семейства китовых.

Я плачу, горестью томим.

Способность мужчины воспринимать и боль, и сложнейшую информацию достигла предела. Пошевелив конечностями в густой золотой влаге, человек осознал, что стал неподвижнее беспомощного эмбриона: пальцы незаметно обернулись плавниками, мускулы обвисли, будто старые тряпки, а подлинной средой и плацентарной жидкостью вселенной сделалось невыносимое страдание.

«Я же вам не tabula rasa!» — хотел он крикнуть подонку Просперо и распоследней сучке по имени Мойра.

«Нет, я точно умру».

«Небо и Ад рождены в одно время», — подумал мужчина и тут же понял, что повторяет мысль Уильяма Блейка, рождённую как протест против кальвинистской веры Сведенборга в Предначертание:

Не отличаешь, будучи тупицей,
Людей от их одежды, Сатана!

«Прекратите! Остановите это! Пожалуйста, Господи…»

Пускай в ряду божественных имён

Есть и твоё — ты лишь небес изгнанник,

Сын утра на ущербе ночи, — сон,

Что видит под холмом уснувший странник.[89]

Харман завопил, хотя в лёгких не было воздуха, чтобы зародиться крику; и в горле, чтобы выпустить крик наружу, — тоже; и резервуаре, чтобы передать этот самый крик, — опять же совсем не осталось.[90] Рискните проделать подобное три мириада раз в секунду, и вы получите совершеннейшую из пыток, которая даже не снилась фанатичным дизайнерам инквизиции с их изощрёнными крючьями, зажимами, щипцами и лезвиями.

Харман попытался крикнуть снова.

С начала «передачи» миновало пятнадцать

---

[89] notes: 89

У. Блейк. «Врата рая». Эпилог «К обличителю, что является богом мира сего». Перев. В. Потаповой.

[90] notes: 90

Незащищённое устройство, одно из шести триллионов, состоит из четырёх двойных спиралей, соединённых посередине двумя непарными молекулярными цепочками ДНК. Область перекрестья способна принимать два положения: вселенная обожает бинарные формы. При вращении двух спиралей на пол-оборота с одной стороны центральной соединительной перегородки возникает так называемое состояние парного перекрещивания.

секунд.

Оставалось ещё пятьдесят девять минут и сорок пять секунд.

63

Зовут меня Томас Хокенберри. Я имею степень доктора филологии. Моя специальность — чтение лекций и написание научных трудов об «Илиаде» Гомера.

Приблизительно тридцать лет я занимался преподаванием, причём вторую половину этого срока — в Блумингтонском университете, штат Индиана. А потом умер. Проснулся — вернее, был возрождён, — на горе Олимп — по крайней мере так уверяли существа, изображающие собой богов, но позже я выяснил, что нахожусь на гигантском марсианском вулкане. Эти самые существа, эти боги, а может, и кто *повыше* (я краем уха слышал о них — например, о некоем Просперо, как в шекспировской «Буре», однако знаю мало или почти ничего), воссоздали меня и дали роль схолиаста, наблюдателя за ходом Троянской войны. Десять лет подряд я докладывал одной из муз, записывал ежедневные отчёты на запоминающий кристалл, ибо даже бессмертные здесь

поголовно безграмотны. Этот рассказ я диктую на маленький электронный магнитофон, который украл на судне моравеков, на «Королеве Мэб».

В прошлом году, каких-то девять месяцев назад, всё рухнуло к чертям собачьим, и даже история, описанная Гомером, вылетела из предначертанной колеи. Чего только не случилось с тех пор: последовала страшная смута, Ахилл и Гектор заключили союз (а это равноценно мирному договору между греками и троянцами) и двинулись войной на богов, посыпались новые беды, предательства, сомкнулась последняя Брано-Дыра, соединявшая древнюю Трою с нынешним Марсом, и моравеки спешно покинули Землю Илиона. Ахилл бесследно исчез — остался по другую сторону Браны, на далёкой-далёкой Красной планете будущего, кровопролитная осада возобновилась, Громовержец куда-то пропал, и в его отсутствие боги с богинями спустились повоевать на стороне своих любимчиков. Какое-то время казалось, что рати Агамемнона и Менелая вот-вот возьмут верх. Город был почти уже в руках Диомеда. Но тут Гектор нарушил своё скорбное уединение… Любопытно, как это напоминает поведение Ахиллеса из гомеровской «Илиады», праздно сидевшего долгое время в

шатрах… Короче, сын Приама взял и прикончил на поединке Тидида, которого все считали неуязвимым.

На следующий день, как мне рассказали, Гектор одолел Аякса — Большого Аякса, Великого Аякса, предводителя саламитов. Поверженный, по словам Елены, молил о пощаде, но был без жалости заколот победителем. Менелай — это бывший супруг похищенной красавицы, зачинщик проклятой войны, — пал в тот же самый день со стрелой в голове.

Затем, как мне сотни раз доводилось видеть за десять лет усердных наблюдений, инициативу перехватила противная сторона. Взбешённые Гера с Афиной и прочие бессмертные покровители бросили аргивян в ответное наступление, Посейдон взялся с рёвом сокрушать городские здания, и Гектор со своими людьми вынужден был отступить обратно за стены Трои. Говорят, при этом он вынес на плечах своего тяжело раненного брата, отважного Деифоба.

Однако два дня назад, когда Илиону опять грозило падение, когда разъярённые ахейцы во главе с наиболее могущественными, свирепыми олимпийцами — Афиной, Герой, Посейдоном и всей их братией — теснили осаждённых, высту-

павших под защитой сребролукого Аполлона, вдруг неизвестно откуда вернулся Зевс.

По словам Елены, Громовержец поразил свою вероломную супругу молнией, сбросил Колебателя Земли в адскую бездну Тартара, а прочим бессмертным велел немедленно убираться назад, на Олимп. И будто бы некогда страшные боги — многие десятки богов, облачённых в сияющие золотые доспехи, — прямо на летучих колесницах послушно телепортировались на вулкан, как нашкодившие детишки в ожидании отцовской трёпки.

Тут уже греки получили коленом под зад. Тучегонитель, чья голова, по рассказам красавицы, вздымалась выше кучевых облаков, принялся убивать аргивян точно мух, загнал остаток обратно к чёрным судам, а сами корабли спалил разящими перунами. Елена говорит, Повелитель бессмертных вызвал гигантскую волну, которая и потопила обугленные обломки. После этого Зевс пропал и более уже не являлся.

Две недели спустя, когда обе стороны сожгли на кострах тысячи павших героев и соблюли девятидневный погребальный ритуал, Гектор возглавил успешное контрнаступление, и греков отбросили ещё дальше. Из верной сотни тысяч с

лишним аргивян уцелела примерно треть; правда, большинство страдает от ран и подавлено. Морской путь к отступлению отрезан — флот уничтожен, а дровосекам никак не добраться до лесистых склонов Иды, чтобы сладить новые корабли, но данайцы сделали всё, что могли: выкопали глубокие рвы, набросали земляные валы, соединили оборонительные линии траншеями, возвели песочные бермы,[91] поставив дальноразящих лучников и меднощитных копьеборцев на крепкой стене, оградившей этот полукруг смерти. Вот он, последний оплот ахейцев.

Нынче третье утро моего пребывания здесь. Я нахожусь в греческом лагере, внутри обрамлённой стенами и окопами арки чуть менее мили в поперечнике, где сгрудились тридцать тысяч злополучных аргивян, обратив спины к морю и догорающим остовам собственных кораблей.

У Гектора все преимущества. Людей у него в четыре раза больше, их боевой дух высок, они гораздо лучше питаются: у греков сводит животы при одном лишь запахе свиного и бараньего мяса, которое жарится на вертелах в троянском лагере. Поначалу Елена и царь Приам не сомнева-

[91] notes: 91

Берма — уступ на откосе высокой насыпи, канала, устраиваемый, чтобы придать откосу большую устойчивость и защитить его от размыва.

лись: противнику не продержаться и одного дня. Они не учли того, что отчаяние делает человека храбрым, и ахейцы, которым нечего было терять, защищались, точно загнанные в угол крысы. Тем более на их стороне оказалась довольно короткая линия обороны и надёжные укрепления. Впрочем, это ненадолго. Еда на исходе, запасы воды своевременно не пополняются, поскольку троянцы запрудили реку в миле от побережья, и в антисанитарных условиях перенаселённого стана уже начинает расползаться брюшной тиф.

Что касается Агамемнона, он не принимает участия в битвах. Сын Атрея, царь Микен и главнокомандующий этих некогда великих вооружённых сил вот уже третий день скрывается в шатре. Елена докладывала, будто бы державный Атрид получил рану во время общего отступления, но, как я слышал от полководцев и охраны, у него всего лишь сломано левое предплечье, ничего серьёзного. Похоже, сильнее всего пострадал боевой настрой предводителя. Великий царь (и *немезис* Ахилла) не сумел отбить своего погибшего брата, когда тот получил стрелу в глаз, и в то время как Диомеда, Большого Аякса и прочих павших героев предали сожжению со всеми подобающими почестями, тело умерщвлённо-

го Менелая влачилось за колесницей Гектора вокруг ликующих стен Илиона. Это унижение стало последней соломинкой, сломившей хребет надменного владыки. Вместо того чтобы в ярости выйти на бой, он погряз в пучине уныния, отринув надежду.

С другой стороны, греки не очень-то и нуждаются в его указаниях, чтобы драться за свои жизни. Командный состав потерпел существенный урон: Большой Аякс, Диомед и Менелай мертвы, а Одиссей с Ахиллесом исчезли по ту сторону сомкнувшейся Браны, так что последние два дня оборону возглавляет словоохотливый Нестор. Некогда весьма уважаемый воин вернул себе прежний почёт — хотя бы в тающих рядах соотечественников. На своей запряжённой четвёркой коней колеснице он появлялся там, где греки собирались дать слабину, побуждал строителей восстанавливать порушенный частокол, укреплять внутренние окопы песочными бермами, по ночам отсылал мужчин и юношей воровать у троянцев драгоценную воду, а главное — постоянно всех ободрял, убеждал не терять присутствия духа. Сыновья сладкоречивого витии, Фразимед и Антилох, не слишком отличившиеся в первую декаду войны, а также за короткий период сра-

жений с богами, последние пару дней сражаются словно львы. Только вчера Фразимед был ранен дважды: копьём и стрелой в плечо, но продолжал бороться и даже отразил со своими пилийцами вражеское наступление, грозившее разрезать полукруг ещё на две части.

На востоке поднимается солнце третьего утра — вероятно, последнего, потому что бывшие осаждённые всю ночь совершали какие-то перемещения, подтягивали пехоту и колесницы, собирали различные приспособления для преодоления траншей, и прямо сейчас их относительно свежие силы подступают к оборонительному периметру.

Я принёс магнитофон в стан Агамемнона, так как Нестор собрал уцелевших полководцев на важный совет — по крайней мере тех, кого смог отозвать с боевых позиций. Кажется, утомлённые, грязные герои не замечают моего присутствия — или скорее *мирятся* с ним, поскольку за время нашей восьмимесячной битвы с богами неоднократно видели меня в обществе Ахиллеса. Ну а маленький приборчик в моей руке и вовсе никого не интересует.

Даже не знаю, для кого мне так необходимо старательно наблюдать и записывать свои

наблюдения. Не являться же с отчётом на холмистый Олимп, к одной из муз, что хотела убить меня! Думаю, я — последний, кого там встретят с распростёртыми объятиями. Значит, сейчас Томас Хокенберри действует как истинный схолиаст, а не беглый раб, в которого некогда был обращён. И пусть научная работа осталась в прошлом, но я ещё могу послужить военным корреспондентом в эти решающие часы, когда на моих глазах рушится последний оплот ахейцев и близится к закату героическая эпоха.

Нестор: Какие вести? Что скажете про нынешний день, удержат ли ваши ратники оборону?

Идоменей (*командующий критским контингентом. В последний раз, когда мы виделись, он поразил ударом копья амазонку Бремузу. Считанные мгновения спустя Брана захлопнулась. Идоменей покинул Ахилла одним из последних*): У меня худые вести, о благородный Нестор. На место всякого врага, умерщвлённого нами прошлого и третьего дня, сегодня восстали трое. Неприятель готовит орудия против наших рвов и копья для наступления, и лучники непрестанно прибывают в неисчислимом количестве. Нынче решается наша судьба.

Малый Аякс (*впервые вижу вождя локров сколь*

хмурым и злым. Что ни говори, а несмотря на явное несходство между ними, прославленные Эанты — Аяксы — были неразлучны, как родные братья. Лицо говорящего, изборождённое морщинами, покрытое кровью и грязью, напоминает маску театра Кабуки): Нестор, сын Нелея, герой сих чёрных дней! Мои славные локры сдерживали врага чуть ли не ночь напролёт, ибо воины Деифоба всеми силами тщились разбить нас на северном фланге. Мы отражали супостата, покуда бурные волны широкого Геллеспонта не заалели от крови. Наши защитные рвы по десять футов глубиной заполняются мертвецами с обеих сторон, и недалёк тот час, когда троянцы беспрепятственно пройдут через них, шагая по хладным телам. Каждый третий в наших рядах уже нашёл свою гибель, остальных истомила свирепая сеча.

Нестор: Подалир, поведай нам, здоров ли державный Атрид?

Подалир (*сын Асклепия, один из последних уцелевших врачей в данайском стане. Кроме того, вместе со своим братом по имени Махаон командует племенем фессалийцев из Трикки*): Благородный Нестор, хотя рука Агамемнона раздроблена, он отказался от врачевания, дабы унять свою боль; царь по-прежнему крепок и

силой, и разумом.

Нестор: Отчего же тогда он по сию пору не покинул шатров? Его дружина — самая крупная из уцелевших, но ратники отсиживаются в середине стана подобно трепетным девам! Сердца их сокрушены без могучего вождя.

Подалир: А сердце вождя сокрушила гибель милого брата Менелая.

Тевкр (*превосходный лучник, побочный брат и дражайший приятель убитого Большого Аякса*): Тогда, я чаю, Ахиллес по праву корил Агамемнона десять месяцев назад, объявив перед сонмом ахейцев, что великий царь наделён сердцем оленя. (*Плюёт на песок.*)

Эвмел (*сын Адмета и Алкесты, предводитель фессалийцев. Отсутствующие Ахилл с Одиссеем нередко величали его «владыкой мужей»):* И где он, ваш наглый ругатель Пелид? Не он ли малодушно рассудил остаться лучше у подошвы холмистого Олимпа, нежели встретить погибель бок о бок с верными друзьями? Вот кто воистину наделён и сердцем, и быстрыми ногами оленя.

Менесфей (*огромный и могучий предводитель мирмидонцев, бывший лейтенант из рати Ахилла*): Я покараю смертью любого, кто дерзнёт бесславить имя Пелеева сына. Храбрейший

Ахилл никогда бы не бросил нас по собственной воле. Мы же своими ушами внимали речам Афины о том, что мужеубийца пал жертвой заклятия самой Афродиты.

Эвмел: Вернее, жертвой прелестей амазонки.

(*Менесфей шагает к нему, хватается за клинок.*)

Нестор (*становясь между ними*): Довольно! Или, по-вашему, гордые чада Приама недостаточно быстро нас избивают, чтобы нам ещё и между собой затевать горькие распри? Эвмел, отступи сейчас же! Менесфей, меч в ножны!

Подалир (*говорит уже как последний из ахейских врачей, а не как личный доктор Агамемнона*): Прежде всего людей истребляет погибельный мор. Ещё две сотни ахейцев погрузились в чертоги Аида. Особенно много жертв среди эпейцев, что защищают южный берег реки.

Поликсен (*сын Агасфена, один из вождей эпейцев*): Это верно, владыка Нестор. Мы потеряли по меньшей мере двести человек, и ещё тысяча не в силах сражаться, ослабев от болезни.

Дрес (*полководец эпейцев, только что возведённый в ранг командира*): Нынче утром половина моих людей не отозвались на перекличке, владыка Нестор.

Подалир: И становится только хуже.

Амфий (*ещё один недавно повышенный в должности полководец эпейцев*): Сребролукий Феб навёл на воинство злую язву, как десять месяцев назад, когда по причине его смертоносных стрел частые трупов костры непрестанно пылали по стану. Это и привело к раздору между Ахиллом и Агамемноном и стало источником всех наших бед.

Подалир: Шёл бы ты знаешь куда со своим сребролуким Фебом! Вечно живущие олимпийцы, и даже Зевс, наслали на нас ужасные казни, а сами бесследно пропали, и вернутся ли — ведомо им одним. Мне-то, впрочем, безразлично. Нет, эти смерти, эта язва — не от гибельных стрел Аполлона. Если желаете знать моё мнение, всё дело в гнилостной жиже, коей люди утоляют жажду. Мы же здесь пьём собственную мочу и сидим на собственном кале. Отец мой Асклепий создал учение о зарождении болезней в грязной воде и…

Нестор: Глубокомудрый Подалир, мы с наслаждением побеседуем об учении твоего родителя, но после. Нынче меня занимает иное: сможем ли мы отражать противника до наступления ночи и что посоветуют военачальники, если, конечно, у

них найдётся совет.

Эхепол (*сын Анхиза*): Предлагаю сдаться на милость Приама.

Фразимед (*отпрыск Нестора, столь героически сражавшийся прошлого и третьего дня. Раны его перевязаны, однако мужчина явно страдает от них гораздо сильнее, нежели вчера, в пылу долгой битвы*): Сдаться, хрена с два! Сыщется ли меж нами, в сонме аргивян, ещё хоть один, кто избрал бы позорное отречение от борьбы? Подчинись лучше *мне*, Анхизид, я избавлю тебя от мучений быстрее проворных троянцев.

Эхепол: У Гектора благородное сердце. Державный Приам всегда был великодушен и вряд ли переменился. Некогда я с Одиссеем наведался в Трою для беседы с великим царём, дабы уговорить Елену вернуться к супругу во избежание этой войны. Скипетроносец и его прославленный сын проявили себя людьми благоразумными и честными. Гектор смилуется над нами.

Фразимед: Безрассудный! С тех пор миновало одиннадцать круговратных лет, и сотни тысяч душ отлетели во мрачный Аид. Ты ли не видел вчера пределы хвалёного благородства Приамида? Большой Аякс молил о пощаде, заливая лицо слезами. Великодушный Гектор в ответ разрубил

ему позвоночник и вырезал сердце. Боюсь, его люди будут к нам столь же милостивы.

Нестор: Я уже слышал толки о том, чтобы сдаться. Но Фразимед изрёк справедливое слово: аргивяне слишком обильно полили кровью троянскую землю, чтобы теперь надеяться на жалость недругов, какой и сами не оказали бы побеждённым. Поникни крепкостенный Илион тремя неделями, а то и десятью годами ранее под нашими ударами, разве не истребили бы мы всякого мужа, достаточно взрослого, чтобы поднять острый меч или верный лук, не закололи бы старцев, породивших на свет наших врагов, не обесчестили цветущих жён, не повлекли бы в горький плен малолетних детей и румяноланитных дев, похитив их свободу, не сожгли бы врата, и пышные чертоги Приама, и красивые храмы неугасным огнём? Однако боги… вернее, судьба… или кто там решает исход войны… они отвернулись от нас. Неразумно ждать от людей, переживших наше вторжение и десять томительных лет осады, пущей милости, нежели мы сами оказали бы им. Нет, если только услышите ропот и разговоры о том, чтобы покориться троянцам, впредь обрывайте подобные речи. Лучше аргивянам умереть на ногах, при оружии, чем

на коленях.

Идоменей: По мне, так ещё лучше вовсе не умирать. Есть предложения, как избежать гибели?

Аластор (*вождь Тевкра*): Обоюдовесельные корабли сожжены. Запасы пищи иссякают, но злая жажда убьёт нас прежде голода. Смертоносный мор ежечасно пожинает богатую жатву.

Менесфей: Мои мирмидонцы ведут иные беседы: сердце побуждает их прорвать фаланги троянцев и уходить на восток, за лесистую Иду, в густые дубравы.

Нестор (*кивая*): Доблестный Менесфей, не только они помышляют об этом. Но мирмидонцам в одиночку не исполнить задуманного, как и любому нашему колену или племени. Вражеские дружины простёрлись на многие мили, а далее ополчаются союзные рати. Мало того, неприятель ждёт нашего прорыва. Приамовы сыны, верно, уже в недоумении: отчего мы медлим? Тебе, Менесфей, как и всем ахейцам и мирмидонцам, известен железный закон схватки на мечах и копьях: на каждого мужа, павшего в битве щитом к щиту, придётся добрая сотня зарезанных в спину при бегстве. У нас не осталось ни единой исправной колесницы, а у Гектора — сотни. Его люди загонят нас и перережут, как овец, не успе-

ем достичь и пересохшего русла Скамандра.

Дрес: Так что же, остаться? И встретить лютую смерть нынче или завтра на берегу, при сожжённых останках великих чёрных судов?

Антилох (*брат Фразимеда, сын Нестора*): О нет, ни слова о том, чтобы сдаться! К сему не преклонится здесь ни единый из нас, у кого целы крепкие яйца! И на берегу нам долго не продержаться, дело может решить одно лишь сражение. Моё слово: прорываться должно всем вместе. Нас тысяч тридцать, двадцать с лишним из коих годны и бежать, и сражаться. Воистину четверо из пяти полягут во прахе подобно закланным овнам ранее, нежели мы достигнем спасительных дубрав у подножия Иды, но и тогда уцелеют четыре-пять тысяч. И пусть половину из них загонят гордые троянцы вкупе с союзниками, как царская охота травит по лесам оленей, пусть ещё половина из тех, что останутся, не отыщет пути в отчий край из этой проклятой земли, но прочие одолеют винноцветное море и приплывут домой. Мне по душе такая ставка.

Фразимед: И мне.

Тевкр: Любая ставка приятнее сердцу, стоит помыслить, что наши кости истлеют на этом траханом, проклятущем, дерьмогложущем и

мочеглотающем поганом берегу.

Нестор: Стало быть, голосуешь за то, чтобы прорываться, о сын Теламона?

Тевкр: Конечно, владыка, мать твою, Нестор, ещё бы не за!

Нестор: А ты, благородный Эпеос, что молвишь? Сонм ещё не выслушал твоих речей.

Эпеос (*шаркает ногой и сконфуженно смотрит в пол. Среди аргивян это первый кулачный боец. Долгие годы занятия любимым ремеслом наложили неизгладимый отпечаток на его внешность: блестящая, гладко бритая голова, уши как цветная капуста, приплюснутый нос, неисчислимые шрамы на щеках, у бровей и даже на затылке. Забавно, как моя давняя выходка повлияла и на его судьбу. Так и не стяжав себе славы на поле сечи, Эпеос должен был победить в кулачном бою на погребальных играх в честь Патрокла, устроенных исчезнувшим ныне Ахиллом, а потом руководить сооружением деревянного коня, придуманного хитроумным Одиссеем. Это если бы около года назад я не спутал все карты; а в нынешней, далёкой от Гомера версии громилу выбрали в совет — и только из-за того, что все начальники выше рангом, до Менелая включительно, были убиты*): Владыка Нестор, когда противник наипаче уве-

рен в победе, когда шагает по бранному поприщу, убеждённый всем сердцем, что ты всё равно что пропал и уже не восстанешь, тут-то самое время дать ему как следует. Тогда надо врезать ему, оглоушить супостата, сбить с ног и удирать, пока цел. В оное время один боец на моих глазах так и поступил.

(*Слышен общий смех.*)

Эпеос: Но действовать должно ночью.

Нестор: Согласен. При свете лучезарного дня зоркие троянцы с их прыткими конями да колесницами не дадут нам уйти далеко.

Мерион (*отпрыск Мола, неразлучный товарищ Идоменея, второй полководец критян*): В лучах луны, а она полна на три четверти, удача нам тоже не улыбнётся.

Лаерк (*мирмидонец, отпрыск Гемана*): Но в зимнюю пору дневное светило скрывается много раньше, а месяц сию неделю восходит позже. Истинная тьма — такая, когда без факела нельзя отыскать дорогу, — продлится без малого три часа.

Нестор: Но сможем ли мы отражать врагов до наступления полного мрака и позже — достанет ли ратникам крепости? Ведь нам придётся собрать все силы, дабы расторгнуть фаланги тро-

янцев и бегом одолеть не менее двух сотен миль до лесистой Иды.

Идоменей: Достанет. Наши люди будут сражаться весь день подобно скимнам, если в их душах сверкнёт надежда вырваться из окружения под покровом ночи. Предлагаю ударить в середину, по дружинам, которые поведёт сам Гектор: он обвык ставить главные силы на правом и левом фланге. Вот моё слово: выступаем нынче.

Нестор: А что молвят прочие? Надобно выслушать каждого. Воистину, либо мы все прорвёмся, либо никто.

Подалир: Да, но придётся бросить больных и раненых, коих будут многие тысячи на закате. Троянцы добьют их, а то измыслят и что-нибудь хуже, озлобившись, если кто из нас уйдёт от расправы.

Нестор: Ты прав, однако таковы превратности войны. Я должен услышать ваши голоса, о мудрые предводители храбрых данайцев.

Фразимед: Я соглашаюсь. Нынче же ночью — за дело. И да помилуют боги всех пленников и оставленных.

Тевкр: Трахал я ваших богов по самую рукоятку. Моё слово: да. Если рок судил нам лечь костьми на сём вонючем берегу, то почему не утереть нос

року? Ждём полного мрака — и вперёд.

Поликсен: Согласен.

Аластор: Да. Нынче ночью.

Малый Аякс: И я.

Эвмел: Я тоже. Всё или ничего.

Менесфей: Окажись тут Ахиллес, мой повелитель, он искал бы смерти ненавистного Гектора. Надеюсь, нам посчастливится порешить сукина сына, когда будем прорываться.

Нестор: Ещё один согласный. А ты, Эхепол?

Эхепол: Мой приговор: любой из нас не избегнет гибели, если останется в стане и примет бой. Но не избегнет её и тот, кто потщится уйти. Что до меня, то я не брошу раненых и сдамся на милость Гектора, уповая на благородство и честь, которые не могли до конца умереть в его сердце. Впрочем, я объявлю своим людям: пусть каждый решает сам за себя.

Нестор: Нет, Эхепол. Рати последуют за вождём. Прямо отсюда можешь направить стопы в шатёр, где томятся раненые, однако ни с кем ни слова. Оставайся и покорись врагу, но я слагаю с тебя полномочия власти и ставлю на твоё место Амфия. Твоя дружина расположена слева от его воинства и не столь велика, мы без труда соединим их, не возбудив никакого смятения

и не перестраивая рядов. Хочу сказать, Амфий будет повышен, если он заодно с нами.

Амфий: Я с вами.

Дрес: Голосую за своих эпейцев: мы будем драться и, если не умрём до наступления ночи, продолжим кровавую сечу. Глядишь, и пробьёмся. Что до меня, то я желаю увидеть отчую землю и кровных.

Эвмел: Но ведь люди Агамемнона возвестили (а чужеземцы-моравеки подтвердили их речи), что наши города и дома пустуют, царства обезлюдели, что все народы похищены Зевсом?

Дрес: А я так отвечу: клал я на вашего Агамемнона, и на железные игрушки, величающие себя моравеками, и на Зевса иже с ними, если душа стремится в любезную отчизну — убедиться, ждут ли меня ещё мои родные. Верю, что так оно и есть.

Полипет (*брат Поликсена, сын Агасфена, предводитель лапифов из Агриссы*[92]): Мои ратники и сегодня не дрогнут, и ночью будут сражаться. Клянусь небесным сонмом богов.

Тевкр: Уж лучше найди для клятвы что-нибудь понадёжнее: к примеру, свои кишки.

---

[92] notes: 92
У Гомера — сын Пирифоя.

(*Слышится общий смех.*)

Нестор: Итак, все согласились мыслить едино, и я подвожу итог. Исполним всё, что в человеческих силах, дабы нынче устоять под натиском аргивян. Подалир, поручаю тебе устроить обильный завтрак; сбережём лишь долю, которую каждый возьмёт с собой. Воды не жалеть, выдавать двоекратно против обычного. Обыщите личные запасы Агамемнона и покойного Менелая, забирайте всё, что съедобно. Воеводы, ободрите своих людей: пусть они только продержатся днём, не рискуют жизнями понапрасну, кроме как ради спасения товарищей, а с наступлением полного мрака выдвигаемся в наступление. *Немногие* из нас доберутся до леса и, если будет угодно судьбе, вернутся на милую родину, к семьям. Если же замысел не удастся, имена наши золотыми буквами впишут в историю славы, которая вовеки не увянет. Потомки внуков наших детей некогда приплывут на эту чёртову землю и молвят над погребальным курганом: «Да, были мужи в оно время…» Итак, велите всем военачальникам и ратникам плотно позавтракать — ужинать нам придётся уже на том свете.[93] Посему дождёмся

---

[93] notes: 93

Изм. цитата из речи царя Леонида перед битвой при Фермопилах.

чёрной ночи, и прежде чем взойдёт луна, я прикажу нашему лучшему борцу Эпеосу промчаться на колеснице вдоль аргивских рядов, крича «*Apete!*», как делают перед началом колесничных состязаний и бега от черты во время Великих Игр. И вот тогда мы устремимся навстречу свободе!

(*На том бы и следовало разойтись — воодушевляющий конец, надо сказать, ибо Нестор — прирождённый вождь и знает, как зажечь собрание целеустремлённой энергией — не сравнить с нашей кафедрой Индианского университета, — но тут, как всегда, некто встревает и ломает безупречный ритм безукоризненного сценария. В данном случае это Тевкр.*)

Тевкр: Благородный Эпеос, ты так и не поведал нам окончания той истории. Что было дальше с олимпийским борцом, оглушившим соперника и бежавшим с арены?

Эпеос (*все знают, он более честен, нежели умён*): Ах, с этим. Жрецы загнали его в дубраве и прикончили, как собаку.

На этом сонм распустили; ахейские полководцы вернулись к своим фалангам, сладкогласый вития ушёл с сыновьями. Целитель Подалир собрал отряд и отправился обыскивать царские шатры на предмет вина и пищи, а я остался на

берегу в одиночестве — насколько это возможно в толпе среди тридцати тысяч немытых мужей, пропахших солёным потом и страхом.

Незаметно трогаю квит-медальон, спрятанный под туникой. Нестор так и не спросил моего мнения. За всё время спора никто из данайцев даже и не взглянул в мою сторону. Героям известно, что я не сражаюсь, а это равносильно тому, чтобы рядиться в женское платье и белить лицо. Гомосексуализм не слывёт здесь большим пороком; людей с подобными наклонностями попросту не замечают. Для этих древних греков Хокенберри — урод, изгой, нечто меньшее, чем настоящий мужчина.

Ясное дело: я не намерен ожидать вместе с ними горькой развязки. Сомневаюсь, что продержусь хотя бы до обеда. Каких-нибудь полчаса спустя тучи стрел затмят небеса и солнце. Жаль, со времён работы на Музу я потерял и видоизменяющий браслет, и непробиваемые латы. Вокруг полно трупов, однако у меня не поднялась рука снять с одного из них металлические или кожаные доспехи. Последние двое суток я либо изнывал от ужаса, либо трусливо прятался в самом тылу, за шатрами, где умирают раненые. Но даже если протянуть целый день, нет ни малейшей надеж-

ды перенести ещё и нападение на троянцев под покровом глубокой ночи.

Да и с какой стати? Боже мой, да ведь у меня на шее устройство для квантовой телепортации! Раз-два — и можно свалиться прямо в чертоги Елены, а через пять минут уже с наслаждением погрузиться в горячую ванну.

Тогда к чему же медлить?..

Время ещё не пришло. Слишком рано. Я больше не схолиаст, писать отчёты для Музы бессмысленно, однако и в качестве военного корреспондента, которому, возможно, никогда не светит поведать о своих наблюдениях, я не в силах пропустить этот последний великий день уходящей великой эпохи.

Пожалуй, подожду немного.

Трубят рога. Никто не успел вкусить обещанного сытного завтрака. Троянцы наступают по всему фронту.

64

Одно дело — догадываться о том, что всё в мире тесно переплетается: в истории, науке, поэзии, живописи, в музыке, что люди, места, вещи, мысли имеют непосредственное отношение друг к

другу. Проникнуться этой самой связью, пусть даже не в полной мере, — совсем другое.

Девять суток Харман почти не приходил в себя. Рассудок его прояснялся лишь на короткое время, но и тогда мужчина ревел от ужасной мигрени: мозг словно рвался наружу из тесной черепной коробки. Муж Ады обильно блевал и снова терял сознание.

И вот на девятый день Харман очнулся. Боль накатила снова, раскалывая и перемалывая бедную голову, однако худшая часть девятисуточного кошмара наяву осталась позади. Тошнота миновала, желудок был совершенно пуст. Позже мужчина обнаружит, что похудел более чем на двадцать пять фунтов. Теперь же он понимал только, что лежит обнажённым в спальне на втором этаже вагона *Эйфелевой дороги*.

«Вагона, проект и дизайн которого выдержаны в духе модерна», — мысленно прибавил мужчина, выбираясь из постели и надевая шёлковый халат, оставленный подле кровати на подлокотнике пухлого кресла в стиле ампир. В уме шевельнулся ленивый вопрос: неужели где-то на Земле ещё разводят тутовых шелкопрядов? И кто этим занимался в течение долгих столетий, пока «старомодные» люди бездельничали, —

должно быть, сервиторы? А может, насекомых искусственно выращивали в промышленных резервуарах, так же, как «посты» творили — вернее, воссоздавали, — расу Хармана, поголовье наноизмененного человечества? От мыслей в висках застучало ещё громче, и он прекратил раздумывать.

Мужчина задержался на мезонине, закрыл глаза и сосредоточился. Ничего не вышло. Тогда он попытался ещё раз. Ничего.

Слегка пошатываясь от головокружения, Харман сошёл вниз по кованой лестнице на первый этаж и повалился в единственное кресло у застеленного белой скатертью стола рядом с окном.

Муж Ады не произнёс ни слова, пока Мойра ставила перед ним хрустальный бокал с апельсиновым соком, кофе в белом сосуде, яйцо-пашот и ломтик лососины. Женщина налила похищенному чашку чёрного обжигающего напитка. Мужчина чуть наклонился, позволил ароматному пару согреть лицо и спросил у двойницы Сейви:

— Давно здесь?

В комнату вошёл Просперо и замер в болезненно слепящих лучах утра, струившегося через прозрачные двери.

— А, Харман… Или теперь ты предпочтёшь имя Ньюмен, Новый Человек? Рад тебя видеть проснувшимся и ходячим.

— Заткнись, — процедил мужчина и, не притронувшись к еде, медленно отхлебнул кофе.

Похищенный понимал, что имеет дело с голограммой, хотя и в телесной оболочке, ибо аватара логосферы каждую микросекунду формировалась из материи, посылаемой с орбиты одним из факс-накопителей массы; что нападать на мага бесполезно, поскольку материя обернётся неосязаемой проекцией быстрее, нежели сработал бы всякий человеческий рефлекс.

— У меня был примерно один шанс из сотни выйти живым из хрустального кабинета, и вы это знали, — сказал Харман, даже не посмотрев на старца, окружённого резким светом.

— По-моему, ты несколько преувеличиваешь, — ответил маг и великодушно задёрнул тяжёлые шторы.

Мойра подвинула стул и села рядом с Харманом. На ней был всё тот же суровый наряд путешественницы, разве что несколько иной расцветки.

Человек не мигая смотрел на неё.

— Ты знала Сейви в молодости, хотя отрицала

это перед её друзьями на вечеринке Финального факса, устроенной на крыше затонувшего здания Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йоркском архипелаге, а ведь сама навестила покойницу в Антарктике двумя днями раньше.

— Чёрт побери, откуда такие сведения? — спросила дама.

— Подруга Сейви пыталась найти её вместе со своим любовником по имени Пинхас и даже описала их приключения в коротком эссе. Его успели распечатать и переплести перед самым наступлением Финального факса, и книга чудом угодила в библиотеку твоего приятеля Фердинанда Марка Алонцо.

— А Петра-то откуда проведала, что я побывала у Сейви перед нью-йоркской вечеринкой?

— Полагаю, они с Пинхасом нашли какие-то записи в её жилище на горе Эребус, — отозвался Харман.

Кофе не очень-то помог ему избавиться от пульсирующей мигрени.

— Ну что ж, теперь тебе всё обо всём известно, не так ли? — произнесла Мойра.

Мужчина рассмеялся в голос, но тут же пожалел об этом.

— Нет, — возразил он через некоторое время,

поставив чашку обратно и потирая правый висок. — Я узнал ровно столько, чтобы понять, как мало знаю. Кроме того, в мире осталась сорок одна библиотека, в хрустальные чертоги которой я ещё не погружался.

— Вот *это* тебя точно убило бы, — изрёк Просперо.

Сию минуту Харман и сам был не прочь расстаться с жизнью. Каждый взгляд отзывался в голове дикой пульсирующей болью. Мужчина отпил из чашки, надеясь, что тошнота не вернётся. Вагон продолжал со скрипом ехать вперёд, покрывая (как узнал его пассажир) более двухсот миль в час, и назойливое покачивание туда-сюда отнюдь не способствовало успокоению желудка.

— Хотите расскажу вам об Александре Гюставе Эйфеле? Родился он в Дижоне пятнадцатого декабря тысяча восемьсот тридцать второго года н. э. В тысяча восемьсот пятьдесят пятом окончил центральную школу искусств и ремёсел в Париже. Прежде чем предложить идею башни для Всемирной выставки тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, он уже спроектировал вращающийся купол обсерватории в Ницце, а также каркас для статуи Свободы в Нью-Йорке. Потом он…

— Прекрати! — рявкнула Мойра. — Хвастуны нигде не в почёте.

— Кстати, шут возьми, где мы? — Харман с усилием поднялся на ноги и раздвинул шторы.

Вагон проплывал в семистах футах над красивой лесистой равниной. Внизу змеилась речка. Вдали, у линии горного хребта, темнели едва заметные развалины старинной крепости.

— Только что миновали Кагор, — пояснил маг. — На следующей станции повернём на юг, по направлению к Лурду.[94]

Муж Ады потёр воспалённые глаза, но всё-таки распахнул стеклянную дверь и шагнул наружу. Развёрнутое перед вагоном силовое поле не позволило ураганному ветру сдуть пассажира с балкона.

— А что такое? — поинтересовался Харман через открытую дверь. — Разве не хотите заскочить на север, к своему приятелю, в собор из голубого льда?

Мойра изумлённо подняла брови.

— Это ещё из какого тома? В Тадже ничего подобного…

— Не было, — согласился мужчина. — Зато мой

---

[94] notes: 94
Кагор, Лурд — города во Франции.

друг Даэман застал начало всех этих бедствий: он видел, как Сетебос явился на планету. Из книг я понял, что именно сделает многорукий в Парижском Кратере. Так он до сих пор здесь? На Земле, я имею в виду?

— Да, — отозвался Просперо. — Только он нам не приятель.

Харман пожал плечами.

— Это вы двое притащили его сюда в самый первый раз. И прочих тоже.

— Мы не хотели, — сказала Мойра.

Мужчина не выдержал и расхохотался, невзирая на лихорадочный стук в мозгах.

— Нет, это надо же, — вымолвил он, — сначала они находят дверь между измерениями, раскрывают её во тьму, не запирают за собой, а потом, увидев на пороге воплощённое порождение мрака, говорят: «Мы не хотели!»

— Ты многому научился, — заметил старец, — но далеко не всему необходимому, дабы…

— Да-да, конечно, — перебил его Харман. — Поверь, я бы слушал гораздо внимательней, если б не знал, что ты явился в наш мир через ту же дверь, заодно с нашими нынешними врагами. «Посты» целую тысячу лет искали контакта с пришельцами, чужаками. Ради этого они пере-

иначили квантовую структуру всей Солнечной системы, а получили в гости мозг с руками, да престарелого кибервируса из пьесы Шекспира.

Седовласый маг лишь усмехнулся в ответ. Женщина раздражённо тряхнула головой, налила себе кофе и выпила, не проронив ни слова.

— Даже если мы пожелаем нагрянуть к Сетебосу, — проговорил Просперо, — это невыполнимо. Со времён вируса Рубикона в Парижском Кратере нет ни одной башни-станции.

— Ну да. — Харман вернулся в комнату, взял со стола чашку и стоя допил свой кофе. А потом резко выпалил: — Почему я не могу свободно факсовать?

— Что? — переспросила Мойра.

— Почему? Я уже знаю, как вызвать функцию без помощи воображаемых фигур, но даже теперь ничего не выходит. Мне нужно обратно в Ардис.

— Сетебос отключил факс-систему планеты, — ответил маг. — Как павильоны, так и свободное перемещение.

Мужчина кивнул, задумчиво потёр подбородок и щёки. Ладонь оцарапала полуторанедельная поросль, почти полноценная борода.

— Стало быть, вы двое, да ещё, наверное, Ариэль, можете квант-телепортироваться куда вам

вздумается, а я сиди в этом чёртовом вагончике, будто приклеенный, до самой Атлантической Бреши? Вы что, всерьёз решили, что я доберусь пешим ходом по дну океана до Северной Америки, а там и до Ардиса? Да прежде Ада умрёт от старости.

— Нанотехнологии, наделившие вашу расу функциями, — промолвил маг печальным старческим голосом, — не предусматривают возможность квантовой телепортации.

— Но *ты* ведь можешь перенести меня домой, — возразил Харман, возвышаясь над сидящим на тахте собеседником. — Возьми меня за руку и квитируйся. Это же так просто.

— Всё далеко не так просто, — ответил Просперо. — И ты уже достаточно грамотен, чтобы понимать, что ни Мойра, ни я не поддадимся твоим угрозам или запугиванию.

Очнувшись, похищенный первым делом сверился с орбитальными часами, а когда узнал, что пробыл без сознания почти девять суток… Мужчине вдруг захотелось перебить кулаком посуду и сломать стол.

— Мы следуем по одиннадцатому маршруту, — начал Харман. — За Эверестом полагалось свернуть на дорогу Ха Ксиль Шань — и мимо

Тарима Пенди. Может, я нашёл бы там соньеры, оружие, вездеходы, левитационную упряжь, непробиваемые латы — всё, что так необходимо Аде и остальным уцелевшим, чтобы сражаться и выжить.

— Мы… отклонялись от курса, — ответил маг. — Было бы довольно опасно выходить из башни в Тариме Пенди.

— Опасно! — хмыкнул мужчина. — Как будто бы этот мир безопасен, а, маг и Мойра?

— Прежде чем погрузиться в хрустальный чертог, ты казался мне более зрелым, — презрительно бросила женщина.

Харман не стал с ней спорить. Он поставил чашку, упёрся руками в стол, пристально посмотрел Мойре в глаза и произнёс:

— Насколько мне известно, Глобальный Халифат послал войниксов через время для того, чтобы убивать евреев. Но зачем вы, «посты», сохранили девять тысяч сто четырнадцать соплеменников Сейви, направив их в космос? Почему бы не взять их с собой на кольца или куда-нибудь ещё в надёжное место? К примеру, вы ведь уже нашли в другом измерении Марс и терраформировали его. Разве так уж нужно было превращать людей в нейтрино?

— Девять тысяч сто *тринадцать*, — поправила Мойра. — Сейви осталась.

Возлюбленный Ады ждал ответа на свой вопрос.

Женщина поставила кофе. Взор её полыхал от гнева, в точности как у покойницы.

— Мы уверяли, будто заключаем народ Сейви в нейтринную петлю всего лишь на несколько тысяч лет, пока не приберёмся на планете, — глухо сказала она. — Люди решили, что речь идёт о реконструированных из РНК чудовищах — динозаврах, кошмар-птицах, а также первобытных саговниковых лесах, разбросанных по всему свету ещё со Времён Безумия, но мы имели в виду и прочие мелочи вроде войниксов, Сетебоса, той ведьмы в орбитальном городе…

— Но вы не убрали войниксов, — перебил Харман. — Они были активированы и возвели свой Третий Храм на Мечети Купола…

— Мы не смогли истребить их, — ответила Мойра, — зато поменяли программу. Серые твари служили вам добрых четырнадцать веков.

— А потом принялись убивать нас направо и налево, — заметил Харман и обратил пристальный взгляд на мага: — И всё началось после того, как ты подучил меня и Даэмана разрушить орби-

тальный город, где вы с Калибаном… отбывали заключение. Ради чего, Просперо? Чтобы вернуть себе ещё одну утраченную голограмму?

— Скорее эквивалент лобной доли мозга, — проговорил старец. — И потом, войниксы начали бы резню, даже если бы вы не тронули контрольные элементы моего города на экваториальном кольце.

— Почему?

— Сетебос, — пояснила аватара логосферы. — Истёк полуторатысячелетний срок его заточения на иных Землях и терраформированном Марсе. Стоило многорукому открыть первую же Брано-Дыру и почуять здешний воздух, войниксы тут же вернулись к первоначальной программе.

— Заложенной три тысячи лет назад, — прибавил мужчина. — Да, но среди «старомодных» нет ни одного человека иудейского происхождения.

Маг пожал плечами.

— Безголовые твари не знали этого. Во времена Сейви все люди были евреями, следовательно… Войниксы ведь не слишком умны. Они заключили, что люди *и есть* евреи. Если А равняется В, а В равняется С, выходит, что А равняется С. Крит — остров, и Англия — остров, а значит…

— Крит и Англия — одно и то же, — закончил

Харман. — Однако вирус Рубикона явился не из лабораторий Израиля.

— Ты совершенно прав, — кивнул Просперо. — На самом деле Рубикон стал единственным существенным вкладом исламского мира в науку всего остального мира за две тысячи лет беспросветного мрака.

— Одиннадцать миллиардов смертей. — Голос мужчины дрогнул. — Девяносто семь процентов населения были стёрты с лица Земли.

Маг снова пожал плечами.

— Война затянулась.

Харман опять рассмеялся.

— И вирус добрался почти до всех, кроме тех людей, ради уничтожения которых его создавали.

— Учёные Израиля накопили к тому времени богатый опыт нанотехнического манипулирования с генами, — промолвил старец. — Они поспешили обезопасить свой народ, пока не поздно.

— Могли бы поделиться спасительной технологией с другими, — вставил Харман.

— Они пытались. Увы, времени уже не было. Хватило только, чтобы… сохранить про запас ДНК вашего рода.

— А ведь Глобальный Халифат не изобретал

способа странствовать во времени, — не слишком убеждённо, полувопросительно произнёс мужчина.

— Верно, — подтвердил маг. — Первый рабочий пузырь для подобных путешествий создал один француз…

— Анри Делакур, — пробормотал, припоминая, Харман.

— …чтобы вернуться в тысяча четыреста семьдесят восьмой год н. э. с целью подробно изучить весьма любопытную рукопись, приобретённую императором Священной Римской империи Рудольфом Вторым[95] в тысяча пятьсот восемьдесят шестом году, — без запинки продолжал Просперо. — Казалось бы: ничего страшного, быстрый и несложный прыжок в далёкое прошлое. Это сейчас нам известно, что манускрипт с его зашифрованным тайным языком, полный роскошных миниатюр с изображением неземных растений, звёздных систем и обнажённых людей, — сплошная мистификация. Доктору Делакуру и его родному городу пришлось расплатиться за эту поездку, когда чёрная дыра, которой команда пользовалась в качестве источ-

[95] notes: 95

Рудольф II (1552–1612) — австрийский эрцгерцог. Один из крупнейших покровителей астрологии и алхимии своей эпохи.

ника энергии, вырвалась за пределы защитного силового поля.

— И всё-таки французы вместе с Новым Европейским Союзом передали чертежи машины времени Халифату, — сказал Харман. — Зачем?

Просперо воздел морщинистые, опутанные синими венами руки, будто желая благословить собеседника.

— Члены Союза водили близкое знакомство с учёными Палестины.

— Интересно, — проговорил мужчина, — мог ли торговец редкими книгами Вилфрид Войнич,[96] живший в начале двадцатого века, представить себе, что в его честь окрестят расу саморазмножающихся чудовищ?

— Мало кто из нас подозревает, какое наследие оставит после себя, — изрёк седовласый маг, по-прежнему не опуская воздетых дланей.

Мойра вздохнула.

— Может, закончите ваши странствия по мглистым долинам памяти?

Харман посмотрел на неё.

— А ты, грядущий Прометей, прикрыл бы хозяйство, хватит уже твоему красавцу на меня

---

[96] notes: 96

Вилфрид Войнич (1865–1930) — американский библиофил и антиквар польского происхождения.

пялиться. Если это игра в гляделки, так он победил: я первая моргнула.

Мужчина покосился вниз и спешно запахнул свой халат, полы которого разъехались в самом начале беседы.

— Ближайший час вагон будет проезжать над Пиренеями, — продолжала дама. — Теперь, когда у Хармана в голове завёлся не только градусник телесных утех, нам найдётся что обсудить и решить по дороге. Предлагаю: пусть наш Прометей идёт наверх, примет душ и оденется. Дедуля может пока вздремнуть. А я, так и быть, помою посуду.

65

Ахиллес размышляет, не слишком ли он погорячился, вынудив Зевса низвергнуть себя в глубочайшую и темнейшую бездну преисподнего мира. А ведь поначалу затея казалась такой остроумной…

Во-первых, здесь нельзя дышать. Теоретически квантовая сингулярность его погибели от руки Париса должна защищать Пелида от смерти, но не спасает от першения в горле, саднящего кашля и падения с высоты на раскалённый, точно вул-

каническая лава, чёрный валун, пока напоённая метаном атмосфера травит и разъедает лёгкие. С тем же успехом можно вдыхать кислоту.

Во-вторых, этот самый Тартар — прескверное место. Чудовищное давление — а оно в этих краях такое же, как на уровне двухсот футов ниже поверхности земного моря, — больно сжимает каждый дюйм человеческого тела. Жара нестерпимая. Простого смертного, хотя бы и героя вроде прославленных Диомеда и Одиссея, давно убило бы, но даже и полубог Ахиллес тяжко страдает. Кожа его покрылась багровыми и белыми нарывами, а на открытых участках вздуваются всё новые волдыри.

И наконец, в-третьих, мужеубийца ослеп и почти оглох. Смутные, всё проницающие отблески вулканов не дают возможности ясно смотреть, ибо красноватая мгла колеблется из-за невероятного давления и плотного облачного покрова, из-за густого дыма, который валит из неостывших кратеров, и беспрестанной завесы кислотного ливня. Спёртая, палящая атмосфера давит на ушные перепонки героя, так что любые звуки представляются ему приглушёнными раскатами барабанов и многотонными шагами под стать свинцовым ударам внутри готовой расколоться

черепной коробки.

Просунув руку под кожаные доспехи, Ахиллес проверяет, на месте ли крохотный механический маячок. Изобретение Гефеста слегка пульсирует. По крайней мере не треснуло под кошмарным давлением, от которого так страдают глаза и барабанные перепонки кратковечного смельчака.

Где-то среди адского мрака герою мерещатся громадные движущиеся тени, но даже самые яркие багровые вспышки не дают разглядеть, кто или что бродит рядом в ужасной ночи. Ясно одно: существа эти чересчур велики и странно сложены, чтобы оказаться людьми. Кем бы они ни были, пока что им нет никакого дела до человека.

Быстроногий Ахилл, сын Пелея, предводитель бесстрашных мирмидонцев и благороднейший из героев Троянской войны, полубог в испепеляющем гневе, лежит, раскинув конечности, ослепший и оглохший, на жарком пульсирующем камне и тратит последние силы на то, чтобы не задохнуться.

«А может, — думает он, — надо было придумать другой план, как одолеть Громовержца и воскресить мою милую?»

От одной лишь мысли о Пентесилее мужчина

готов расплакаться, будто ребёнок. Впрочем, ребёнком-то он как раз и не лил слёз. Ни разу. Мудрый Хирон учил его не поддаваться чувствам — не считая, конечно, злости, ярости, ревности, голода, жажды и полового влечения, столь важных в жизни воина, — но чтобы рыдать от любви? Услышав такое, благородный наставник разразился бы резким хохотом и как следует огрел бы юного питомца тяжёлым посохом. «Любовь — ещё одно название блуда», — сказал бы кентавр, а потом во второй раз хватил бы семилетнего Ахиллеса палкой по виску.

Но самое обидное, от чего в этом зловонном аду на глаза мужеубийцы наворачиваются слёзы: среди бурлящих страстей, в сокровенной глубине сердца Пелид понимает, что не дал бы ломаного гроша за жизнь амазонки — свидетели боги, она же явилась к нему с отравленным копьём в руке! — и сожалел бы лишь о времени, потраченном на убийство грудастой девахи с конём. Однако вот он, герой из героев, мается в преисподней после горячей ссоры не с кем-нибудь, а с владыкой Зевсом, и всё из-за нескольких капель эликсира траханой Афродиты, пролитых на смрадное тело царицы.

Во мгле вырисовываются три исполинские

фигуры. Существа приближаются, и воспалённые, слезящиеся очи Ахилла различают в них женщин — если это название подходит к великаншам тридцати футов ростом, чьи груди весят больше, чем весь Пелид. Нагие тела расписаны яркими красками, пёстрый рисунок виден даже в багровых зарницах вулканов. Лица у незнакомок вытянутые и на редкость безобразные, волосы не то извиваются в перегретом воздухе подобно спутанным гадюкам, не то на головах и впрямь змеиные клубки. Мужчина распознаёт голоса лишь потому, что каждый слог нестерпимым рокотом перекрывает общий шум.

— Сестрица Иона, — грохочет первая великанша, склоняясь над смертным во мгле, — не скажешь ли, что это за создание так распростёрлось на скале подобно звезде морской?

— Сестрица Азия, — отзывается вторая, — я бы рассудила, что сей есть смертный муж, когда бы кратковечный мог сюда явиться и жив остаться. И когда бы знала, какого пола это существо: ты видишь, возлежит оно на брюхе. А волосы у него красивые.

— Сестрицы Океаниды, — подытоживает последняя, — давайте же посмотрим, кто пред нами.

Огромная рука грубо хватает Ахилла и переворачивает на спину. Пальцы величиной с могучие чресла героя срывают с него доспехи, ремень и скатывают набедренную повязку.

— Ну что, оно — самец? — любопытствует первая громадина, которую нарекли Азией.

— Если подобная мелочь, как у него, даёт права на столь громкое имя, — откликается третья.

— Кем бы оно ни было, сейчас оно повержено ниц, — произносит великанша по имени Иона.

И вдруг исполинские тени во мраке, которые Ахиллес поначалу принял за утёсы, шевелятся и, покачиваясь, рокочут:

— Повержено ниц!

И где-то в вдали, в полыхающей багровыми всполохами ночи, неизвестно чьи голоса вторят эхом:

— Повержено ниц!

В голове героя наконец проясняется. Хирон обучал юного Ахиллеса почитать не только живых и присутствующих богов. Иона и Азия — дочери Океана; третью зовут Пантея. Они — второе поколение титанов, рождённых со времени первого совокупления Земли и Геи[97] и владевших вместе

---

[97] notes: 97

Так у автора: видимо, имеются в виду Уран и Гея (Небо и Земля).

с родителями землёй и небом, покуда следующий потомок, Зевс, не одолел их всех и не свергнул в Тартар. Одному лишь Океану была оказана милость: Кронид заточил его в более уютном месте — в слое особого измерения под квантовой оболочкой на Земле Илиона. Боги даже могли навещать изгнанника; а вот его потомство без исключения оказалось в зловонной бездне заодно с Океановым братом Кроном и их сестрой Реей, которые и породили Громовержца. Все прочие титаны, рождённые от сочетания Земли и Геи, то есть братья Кей, Крий, Гиперион и Япет, а также их сёстры: Тейя, Фемида, Мнемосина, златоодежная Феба и прелестная Тетис, — без жалости были сброшены в Тартар тысячи лет назад, едва только Зевс одержал победу.

Всё это Ахиллес прекрасно помнит из наставлений, усвоенных при копытах мудрого Хирона.

«Ну и хрена ли мне пользы от этого?» — мрачно думает он.

— Оно разговаривает? — удивлённо басит Пантея.

— Пищит, — уточняет Иона.

Океаниды втроём наклоняются послушать, как Пелид пробует объясниться. Всякая попытка стоит ему немалых терзаний, вынуждая глубже

вдыхать ядовитый воздух. Сторонний наблюдатель без труда определил бы по издаваемым звукам (и оказался бы прав), что в густой, точно жирный бульон, атмосфере Тартара, содержащей углекислоту, метан и аммиак, находится немалая доля гелия.

— Оно звучит, словно расплющенная мышь! — смеётся Азия.

— Словно расплющенная мышь, что силится говорить на цивилизованном языке, — подхватывает Иона.

— С кошмарным акцентом, — соглашается Пантея.

— Нам нужно отнести его к Демогоргону, — произносит Азия и склоняется ниже.

Гигантские пальцы грубо хватают Ахилла, выдавив при этом большую часть аммиака, метана, углекислого газа и гелия из настрадавшихся лёгких. Герой аргивян беспомощно разевает рот, как рыба, которую вытащили на берег.

— Демогоргон пожелает лицезреть сие непонятное существо, — кивает Иона. — Неси его, сестрица, неси к Демогоргону.

— Неси к Демогоргону! — вторят гигантские насекомообразные твари во мраке за великаншами.

— Неси к Демогоргону! — отзываются ещё более огромные и неузнаваемые тени где-то вдали.

66

Эйфелева дорога окончилась на сороковой параллели, у побережья некогда существовавшей Португалии, чуть южнее Фигейра-да-Фош. Харман уже знал, что на юго-востоке, в какой-то паре сотен миль, шаблоны модулированных силовых полей, прозываемые Дланями Геркулеса, разграничивают Атлантический океан и Средиземный Бассейн, который осушили «посты» — причём мужчина точно знал, зачем они это сделали и для чего использовали Бассейн примерно две тысячи лет. А в паре сотен миль к северо-востоку от места, где обрывалась *Эйфелева дорога*, располагался круг земли шестидесяти миль шириной, расплавленный в стекло. Здесь, по сведениям супруга Ады, тридцать два века назад состоялось решающее сражение между Глобальным Халифатом и Новым Европейским Союзом: более трёх миллионов протовойниксов ринулись в бой и легко одолели двести тысяч обречённых рыцарей механизированной человеческой пехоты. Харману и это было известно…

В общем, он уже понял, что знает чересчур много. А понимает чересчур мало.

Итак, все трое — Мойра, воплощённая голограмма Просперо и мужчина, у которого по-прежнему жутко раскалывалась голова, — стояли на площадке последней башни. Харман покинул подвесной вагон — возможно, уже навсегда.

За спинами путешественников зеленели холмы бывшей Португалии. Впереди расстилался Атлантический океан, перерезанный Брешью к западу от маршрута *Эйфелевой дороги*. Погожий выдался день: не слишком жарко, не слишком холодно, ласковый ветерок, в небе ни облачка. Солнце изливало свои лучи на зелёные пики скал, на белый песок и лазурные просторы по обе стороны от Атлантической Бреши. Мужчина твёрдо знал: даже с вершины башни взгляд его не проникнет далее шестидесяти миль к западу, и всё-таки открывшийся вид казался бескрайним, словно тянулся на тысячи миль. Брешь начиналась как широкая стометровая площадь, огороженная невысокими зеленовато-синими бермами, а далее понемногу превращалась в чёрную линию, которая упиралась в дальний горизонт.

— Вы что, и вправду ждёте, что я дойду пешком

до Северной Америки? — проговорил Харман.

— Мы и вправду ждём, что ты попытаешься, — отозвался Просперо.

— Зачем это? — спросил муж Ады.

Ни женщина-«пост», ни тот, кто вовсе не являлся человеком, ему не ответили. Мойра повела своих спутников по лестнице к нижней площадке подъёмника. За спиной у дамы был рюкзак и часть походного снаряжения, припасённого для Хармана. Двери подъёмника отворились, и троица ступила в клетку; та загудела и поехала вниз мимо железных решёток.

— Я провожу тебя день-другой, — произнесла Мойра.

— Серьёзно? — удивился похищенный. — С какой стати?

— Вместе веселее.

Мужчина не нашёлся, что ей ответить. Уже ступив на ровный газон у подножия башни, он сказал:

— Вы знаете, всего в паре-тройке сотен миль к юго-востоку отсюда постлюди оставили дюжину складов, о существовании которых не ведала даже Сейви. Ей было известно об Атлантиде и молниеносной дороге к небесным кольцам на Трёх Креслах, но по жестокой иронии «постов»

она не подозревала о соньерах и грузовых космических судах, упрятанных под пузырями. Если, конечно, пузыри ещё там…

— Они ещё там, — подтвердил Просперо.

Харман обратился к Мойре:

— Ну, тогда пройди со мной до Бассейна, тут всего-то пара дней пути, вместо того чтобы посылать меня на трёхмесячную прогулку по дну океана… которой я могу и не пережить. Возьмём соньер и отправимся в Ардис или же полетим на корабле на кольца, включим ток и запустим систему факсов.

Мойра покачала головой.

— Поверь, мой юный Прометей, ты сам не захочешь появиться в тех краях.

— Сейчас там резвится на воле почти миллион калибано, — пояснил маг. — Прежде они были заточены в Бассейне, но Сетебос их выпустил. Твари расправились с войниксами, охранявшими стены Иерусалима, наводнили Северную Африку и Ближний Восток и захватили бы львиную долю Европы, если бы Ариэль не сдержал их.

— Ариэль? — воскликнул мужчина.

Представить себе, как этот крохотный… призрак шутя усмиряет миллион разбушевавшихся калибано — да нет, хотя бы одного из них, — ка-

залось верхом безумия.

— Ему подвластны такие силы, что и не снились вашим мудрецам, о Харман, друг Никого, — изрёк Просперо.

— А-а-а, — ничуть не убеждённым голосом протянул муж Ады.

Троица подошла к самому краю поросшего травой утёса, где начиналась узкая, змеистая и ухабистая тропинка, сбегавшая вниз, на берег. С такого близкого расстояния Атлантическая Брешь смотрелась гораздо правдоподобнее и почему-то страшнее. С обеих сторон отрезанный от океана сегмент омывали бурные волны.

— Просперо, — сказал мужчина, — ты создал калибано, чтобы справиться с угрозой нашествия войниксов. Но для чего ты позволил тварям распоясаться?

— Я утратил над ними власть, — промолвила аватара.

— С тех пор, как явился Сетебос?

Маг улыбнулся.

— Нет, калибано и сам Калибан перестали повиноваться мне за много столетий до Сетебоса.

— Тогда зачем было вообще создавать этих уродов?

— Для охраны, — ответил старик. И сам усмех-

нулся.

— Мы, постлюди, — начала Мойра, — просили Просперо и его… спутницу вывести новую расу, достаточно свирепую, дабы не дать саморазмножавшимся войниксам наполнить Средиземный Бассейн и помешать нашим работам. Видишь ли, в Бассейне мы…

— Выращивали хлопок, чай, съедобные и прочие культуры, необходимые для жизни на орбитальных островах, — закончил Харман. — Я знаю. — Тут он помедлил, переваривая слова постженщины. — *Спутницу?* Это ты про Ариэля?

— Нет, не про него, — покачала головой двойница Сейви. — Понимаешь, пятнадцать веков назад та, которую мы зовём Сикораксой, была ещё не…

— Достаточно, — сердито прервал её маг.

Однако мужчина не унимался.

— Но всё, что ты нам рассказывал в прошлом году, это правда? — спросил он у старца. — Сикоракса — мать Калибана, а Сетебос — отец… Или ты снова солгал?

— Нет-нет, — ответил Просперо. — Калибана действительно породили ведьма с чудовищем.

— Хотел бы я посмотреть, как мозг размером с хороший сарай, не наделённый ничем, кроме здоровенных рук, совокупляется с дамой обычно-

го человеческого роста, — заметил супруг Ады.

— Очень осторожно, — проронила Мойра.

«Могла бы придумать шутку посвежее», — мысленно поморщился Харман.

А копия молодой Сейви указала на Брешь:

— Ну что же, в путь?

— Последний вопрос для Просперо, — сказал мужчина и обернулся, но мага уже и след простыл. — Чёрт, ненавижу, когда он так делает.

— У него было срочное дело где-то ещё.

— Да уж, не сомневаюсь. Но я хотел ещё раз уточнить, какой смысл посылать меня через Атлантическую Брешь. Это же полная чушь. Я не выживу. Сама посуди, еды не будет…

— Я завернула в дорогу двенадцать съедобных плиток, — заметила Мойра.

Похищенный лишь усмехнулся.

— Ладно, еды не будет через двенадцать дней. Питья никакого…

Постженщина достала из рюкзака нечто мягкое, изогнутое, почти плоское, немного похожее на винный мех из туринской драмы, только совершенно пустой и с узенькой трубочкой на выходе. Принимая подарок, Харман почувствовал исходящую от его поверхности приятную прохладу.

— Это гидратор, — пояснила Мойра. — Окажись в атмосфере хоть мизерная доля влаги, он соберёт воду и очистит её для питья. А если не снимать термокожу — будет фильтровать каждый твой выдох и капли пота. В общем, смерть от жажды тебе не грозит.

— Я не взял с собой термокожу, — признался мужчина.

— А я положила в рюкзак. На охоте пригодится.

— На охоте?

— Вернее сказать, на рыбалке, — поправилась собеседница. — Можешь в любое время протиснуться сквозь защитное поле и погоняться за рыбами. Ты уже плавал в этом костюме под водой на орбитальном острове Просперо и знаешь: молекулярный слой защищает от чрезмерного давления, а респиратор даёт возможность дышать.

— Ну а где, по-вашему, взять наживку?

Мойра сверкнула зубами точь-в-точь как Сейви:

— Акулы, киты-убийцы и многие другие глубоководные твари отлично клюнут на твоё собственное тело, Прометей.

Харману было не до смеха.

— С чем же я выйду на акулу, кита-убийцу или другую глубоководную тварь, на которую захочу поохотиться? Может, сражу её наповал моим остроумием?

Спутница вынула из рюкзака и протянула мужчине ружьё.

Чёрное, короткоствольное, оно было гораздо тяжелее и не столь изящно с виду, как дротиковые винтовки колонистов, но дуло, рукоять и спусковой крючок смотрелись очень похоже.

— Оно стреляет пулями, а не хрустальными дротиками, — пояснила Мойра, — и при помощи пороха, а не газа, как ты привык… Хотя принцип действия тот же. В рюкзаке три обоймы боеприпасов. Шестьсот боевых патронов. Под водой они способны создавать перед собой вакуум, дабы вода не замедляла движения. Чтобы снять с предохранителя — вот он, — нажми большим пальцем на красную точку. Отдача намного сильнее, чем у винтовки, но ты привыкнешь.

Супруг Ады несколько раз поднял оружие, прицелился в бескрайнее море и, убедившись, что предохранитель на месте, убрал ружьё в заплечный мешок. Опробовать можно будет и после, в самой Бреши.

— Подкинуть бы в Ардис хотя бы десяток-дру-

гой таких игрушек, — мечтательно произнёс он.

— Отнеси для начала эту, — сказала постженщина.

Харман едва не бросился на неё с кулаками.

— Отсюда больше двух тысяч миль пути! — рявкнул он. — Не знаю, как быстро я смогу идти, даже если научусь охотиться на вашу чёртову рыбу и если ваша хреновина под названием «гидратор» завтра же не испортится. Ну, сколько? Двадцать, тридцать миль в день? Получается двести дней на одну лишь дорогу до восточного побережья Северной Америки. Это при условии, что дно будет *плоским* … А я уже вижу на картах ближней и дальней сети: впереди треклятые горы, целые гряды! Плюс ущелья — глубже Большого Каньона в Колорадо! Гигантские валуны, скалистые расщелины, складки коры на тех участках, где дрейф континентов заставлял перемещаться целые массы земли, бездонные пропасти в местах активности тектонических плит, в результате которой вскрывалось океаническое дно, извергая наружу потоки лавы. Да и само оно постоянно меняется: коварное, каменистое, неудобное для ходьбы! Положим, за год я как-нибудь доберусь до берега; так ведь оттуда чуть ли не тысяча миль до Ардиса. И это через джунгли, кишащие ди-

нозаврами, саблезубыми тиграми, войниксами! А ты и твой киберкосмический мутант можете квант-телепортироваться куда пожелаете. Ну, возьмите же меня с собой! Или вызовите соньер из какого-нибудь укромного местечка, где вы прячете свои игрушки. Несколько часов перелёта, и я был бы дома, помогал бы своим товарищам… Так нет же, вы посылаете меня на верную гибель. Ладно, представим, что я перенесу дорогу. Но за долгие месяцы путешествия Ада и все, кто мне дорог, наверняка умрут: их убьёт или выродок Сетебоса, или войниксы, или зима, или голод. За что вы так со мной?

Мойра не мигая выдержала свирепый взгляд мужчины.

— Просперо когда-нибудь говорил тебе о предикаторах логосферы? — мягко спросила она.

— Предикаторах? — тупо отозвался похищенный, чувствуя, как потоки адреналина, переполнявшие тело, идут на спад. Ещё немного, и от отчаяния у него затрясутся руки. — Предсказателях, ты имела в виду? Нет, не говорил.

— Предикаторы, — начала собеседница, — настолько же уникальны и настолько же опасны, как и сам Просперо. Иногда он полагается на их суждения. Иногда нет. На этот раз маг решил до-

верить им твою жизнь и, не исключено, будущее всей вашей расы.

С этими словами она достала из рюкзака гидратор и повесила его за спиной, изогнув гибкую трубочку к правой щеке. А потом зашагала вниз по крутой тропинке.

На минуту Харман застыл на вершине скалы. Надевая заплечный мешок, он обернулся, прикрылся ладонью как козырьком от рассветных лучей и посмотрел на высокую *Эйфелеву башню*, чернеющую на фоне ясного синего неба. Следующей станции с этой точки было не разглядеть.

Мужчина обратил взор на запад. Белоснежные птицы, крупные и поменьше («чайки и крачки», всплыло в протеиновых банках памяти ДНК), с визгом кружили над лазурными просторами. Атлантическая Брешь, расщелина в океане шириной в добрых восемьдесят футов, ещё сильнее потрясала воображение своими размерами теперь, когда Мойра спустилась на середину обрыва.

Харман вздохнул, затянул покрепче лямки, чувствуя, как пот уже начинает пропитывать его тунику под маленьким хлопчатобумажным мешком, и вслед за спутницей двинулся вниз по тропе, навстречу морю и берегу.

67

Всё происходило одновременно.

«Королева Мэб» со всеми своими тысячью ста восемнадцатью футами начала выполнять аэродинамический манёвр, изогнутая буферная плита втянулась до предела, корабль охватило пламя и вспышки плазмы.

Когда вокруг забушевал ионный шторм, Сума Четвёртый спустил космошлюпку.

Как и в случае с тем судном, которое доставило Орфу и его друга на Марс, никто почему-то не выкроил время, чтобы дать ей имя. В беседах по мазерным и личным лучам все так и говорили: «шлюпка», хотя в её трюме уютно разместилась «Смуглая леди». Манмут в контрольном кубрике с искусственным климатом описывал поток видеосигналов, поступающих с внешних камер, когда яйцевидная, окутанная оболочкой невидимости космошлюпка отделилась от судна, объятого языками огня, крутясь и пятикратно обгоняя звук, пролетела верхний слой атмосферы и наконец-то выпустила короткие крылья, сбавив скорость всего лишь до числа Маха, равного трём.

Поначалу Бех бин Адее планировал спуститься

на Землю вместе с разведывательной экспедицией, однако более явные угрозы, которые сулило свидание с таинственным голосом с астероида, вынудили первичных интеграторов дружно решить, что генерал остаётся на борту «Королевы». Меп Эхуу разместился на откидном сиденье в грузопассажирском отсеке за основным пузырём управления в верхней части корабля. За спиной центурион-лидера, пристегнувшись к сиденьям и сжимая между чёрными зазубренными коленями тяжёлое энергетическое оружие, ожидала посадки его команда: двадцать пять размороженных и прошедших инструктаж боевых роквеков.

Сума Четвёртый показал себя первоклассным пилотом. Маленький европеец не мог не восхититься, наблюдая, как тот уверенно ведёт шлюпку через верхние слои атмосферы (судно будто бы летело само по себе), и не сдержал улыбки, припомнив, как неуклюже шлёпнулся на Марс вместе с Орфу. Правда, ему тогда досталось неисправное, обгоревшее судно, и всё-таки, оказавшись в обществе настоящего пилота, Манмут по достоинству оценил его искусство.

— *Радарные параметры и прочие данные впечатляют*, — передал по личному лучу иониец из трюма. — *А как насчёт визуальной картинки?*

— Белое и голубое, — откликнулся капитан подлодки. *— Всё голубое и белое. Это красивее любых фотографий. Земля под нами — один сплошной океан.*

— Что, целиком?

Маленький европеец редко слышал, чтобы в голосе друга звучало подобное изумление.

— Да, целиком. Весь мир из воды. Волны переливаются миллионами солнечных бликов, над ними белые облака — перьевые, в виде ряби, а вот из-за горизонта над нами выплывает масса кучевых… Нет, погоди. Это же циклон диаметром в добрую тысячу километров. Он мощный, белоснежный, удивительный и красиво закручен. Я даже вижу его центр.

— Жаль, у нас такой короткий маршрут, — посетовал Орфу. *— Прямо из Антарктиды через Южную Атлантику и на северо-восток.*

— «Королева» покинула атмосферу, корабль уже по ту сторону Земли, — сообщил Манмут. *— Запущенные спутники связи работают исправно. Скорость «Мэб» упала до пятидесяти километров в секунду и продолжает снижаться. Судно взлетает обратно к полярному кольцу, тормозя на ионном ходу. Траектория хорошая. Впереди свидание с голосом. По «Королеве» никто*

не стреляет.

— *Лучше того*, — хмыкнул гигантский краб. — ***По нам*** *до сих пор тоже никто не выстрелил.*

Сума Четвёртый позволил атмосфере замедлить ход шлюпки до скорости ниже звуковой, когда внизу показалась Африка. Согласно плану, судно должно было миновать Средиземный Бассейн, записать видео и собрать данные о загадочных сооружениях на его территории, однако, судя по текущим показаниям приборов, над пересохшим дном распростёрся подавляющий излучение купол защитного поля высотой сорок тысяч метров. Угодив туда, шлюпка могла навсегда отказать. Хуже того, если верить Суме Четвёртому, могли отказать и *моравеки* на её борту. Ганимедянин резко вырулил на восток, по направлению к Сахаре, и полетел на юго-восток от безводного Средиземноморья.

Между тем с «Королевы Мэб» продолжали поступать сигналы, огибая гигантскую планету посредством ретранслирующих спутников размером с крохотные снежинки.

Наконец большое космическое судно достигло координат, которые передавал голос, и очутилось на крохотном свободном участке у края орбитального кольца примерно в двух тысячах

километров над астероидным городом, откуда поступали все сообщения. Их автору явно не хотелось, чтобы корабль, движущийся за счёт атомных взрывов, приближался к его — или её — орбитальному дому на расстояние ударной волны.

Шлюпка принимала два с лишним десятка широкополосных каналов информации, включая сигналы с камер и внешних датчиков «Королевы Мэб», линию связи с навигационным мостиком корабля, наземные данные, поступающие с разнообразных спутников и с многочисленных сенсоров Одиссея. Моравеки не только напичкали платье грека нанокамерами, а также молекулярными передатчиками, но и мягко усыпили героя, чтобы установить на лбу и руках Лаэртида устройства для визуализации размером не более клетки. Однако операторы с безграничным изумлением выяснили, что кожа ахейца на этих участках уже начинена бесчисленными нанокамерами. Обнаружились и приёмники-наноциты, установленные — как оказалось, задолго до появления грека на борту «Королевы», — в ушах Одиссея. Тогда моравеки попросту настроили найденные аппараты, так чтобы визуальные и звуковые сигналы попадали на записывающие

устройства корабля. В тело героя вживили ещё несколько датчиков, дабы в случае его гибели данные всё равно продолжали поступать на судно.

Сын Лаэрта стоял на мостике в обществе первичного интегратора Астига-Че, Ретрограда Синопессена, штурмана Чо Ли, генерала Бех бин Адее и прочих главных моравеков.

Манмут и Орфу оживились, когда внезапно включилась прямая радиосвязь с «Королевой Мэб» в реальном времени.

— Поступило мазерное послание, — сообщил Чо Ли.

— ПРИШЛИТЕ МНЕ ОДНОГО ОДИССЕЯ, — томно велел женский голос из астероидного города. — НА ЧЕЛНОКЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИКАКОГО ОРУЖИЯ. ЕСЛИ МОИ ДЕТЕКТОРЫ ОБНАРУЖАТ ХОТЯ БЫ ОДНО ОРУДИЕ УБИЙСТВА ИЛИ ЖЕ ЗАСЕКУТ НА БОРТУ РОБОТА ИЛИ ЛЮБОЕ ПОСТОРОННЕЕ СУЩЕСТВО ОРГАНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ТО ВАШ КОРАБЛЬ НЕМЕДЛЕННО БУДЕТ УНИЧТОЖЕН.

— Петля затягивается, — заметил иониец по общей линии связи.

Моравеки на шлюпке наблюдали с запозданием в секунду за тем, как Ретроград Синопессен

проводил Одиссея вниз, к восьмому пусковому отсеку. Поскольку на всех шершнях имелось оружие, требованиям голоса отвечал только один из трёх строительных челноков, оставшихся на борту ещё с Фобоса.

Судёнышко было крохотное, яйцевидной формы, с дистанционным управлением. Взрослый человек едва-едва разместился бы внутри. Из систем жизнеобеспечения присутствовали только подача воздуха и климат-контроль. Помогая ахейскому герою втиснуться в узкое пространство между запутанными проводами и монтажными платами, амальтеянин спросил:

— Ты уверен, что хочешь это сделать?

Одиссей смерил паукообразного моравека долгим пристальным взглядом и наконец произнёс по-гречески:

— Покой не для меня; я осушу до капли чашу странствий; я всегда страдал и радовался полной мерой: с друзьями — иль один; на берегу — иль там, где сквозь прорывы туч мерцали над пеной волн дождливые Гиады. Бродяга ненасытный, повидал я многое: чужие города, края, обычаи, вождей премудрых, и сам меж ними пировал с почётом, и ведал упоенье в звоне битв на гулких, ветреных равнинах Трои… К чему же медлить,

ржаветь и стынуть в ножнах боязливых, как будто жизнь — дыханье, а не подвиг. Мне было б мало целой груды жизней, а предо мною — жалкие остатки одной; но каждый миг, что вырываю у вечного безмолвья, принесёт мне новое. Позор и стыд — беречься, жалеть себя и ждать за годом год, когда душа изныла от желанья умчать след за падучею звездой туда, за грань изведанного мира![98] Закрой же дверь, о существо-паук.

— Это же… — заикнулся Орфу с Ио.

— Он был в судовой библиотеке… — заикнулся Манмут.

— Тихо! — скомандовал Сума Четвёртый.

Моравеки в молчании смотрели, как затворился люк челнока. Ретроград Синопессен остался на месте, только вцепился в распорку, словно боясь, что его унесёт в открытый космос. Из отсека откачали кислород, и вот яйцевидный челнок бесшумно выплыл наружу на пероксидной тяге, вздрогнул, покачался, обрёл равновесие, нацелился носом на орбитальный астероидный город — маленькую искру, мерцающую среди тысяч огней полярного кольца, — и уверенно полетел навстречу голосу.

---

[98] notes: 98
Перев. Г. Кружкова.

— Приближаемся к Иерусалиму, — сообщил Сума Четвёртый по линии общей связи.

Маленький европеец вновь обратился к видеомониторам и датчикам шлюпки.

— Расскажи мне, что ты видишь, старина, — попросил его товарищ по личному лучу.

— Хорошо. Мы по-прежнему находимся на высоте двадцати километров. Если смотреть в реальном масштабе, в шести-восьми десятках километров к западу располагается осушенный Средиземный Бассейн. Красные скалы, тёмная почва и что-то вроде зелёного поля. А дальше, у берега, — исполинский кратер на месте бывшей Газы, похоже на след от взрыва или метеорита; бухта в форме полумесяца перед высохшим морем, за ней начинаются возвышенности, и на высоком холме — Иерусалим.

— Как он выглядит?

— Погоди, я немного увеличу изображение… Ага … Сума Четвёртый одновременно показывает исторические снимки со спутников; видно, что более поздние кварталы и окраина уничтожены… Зато Старый Город, в пределах стены, цел и невредим. А вот и Дамасские ворота… Западная стена… Храмовая гора с куполом Скалы… И какое-то новое сооружение, на старых фотогра-

фиях его не было… Что-то высокое, из гранёного стекла и полированного камня, а вверх уходит синий луч.

— Я как раз изучаю данные по нему, — передал Орфу. *— Это нейтринный луч, защищённый оболочкой из тахионов. Не представляю, для чего и кому он мог понадобиться. Бьюсь об заклад, что наши лучшие учёные тоже не в курсе.*

— Ой, погоди минутку… — Манмут прервался. *— Я тут немного увеличил картинку. Оказывается, в Старом Городе кипит бурная жизнь.*

— Это люди?

— Нет…

— Безголовые горбатые полуорганические роботы?

— Да нет же, — отозвался маленький европеец по личному лучу. *— Может, позволишь мне самому закончить?*

— Извини.

— Там целыми тысячами кишат существа, похожие на амфибий, с когтистыми перепончатыми лапами. Одно такое создание ты уже окрестил Калибаном из шекспировской «Бури».

— Чем они заняты? — полюбопытствовал иониец.

— В основном толкутся без дела, — ответил

капитан подлодки. — *Нет, подожди, у Яффских ворот на улице Давида я вижу трупы… А вот ещё — на дороге Эль Вад у площади Стены Плача…*

— *Трупы людей?* — перебил его Орфу.

— *Нет, безголовых горбатых полуорганических роботов. Здорово их порвали на части. А многих, кажется, ещё и выпотрошили.*

— *Чудовища-калибаны полакомились?* — осведомился гигантский краб.

— *Понятия не имею.*

— Пролетаем над голубым лучом, — известил по каналу общей связи Сума Четвёртый. — Всем пристегнуться крепче, я попробую опустить туда некоторые из наших выдвижных сенсоров.

— *По-твоему, это разумный шаг?* — спросил Манмут у своего друга.

— *Не более, чем вся наша экспедиция, дружище. Будь на борту хотя бы один маггид…*

— *Хоть один… что?*

— *Маггид,* — передал Орфу с Ио. — *В стародавние времена, задолго до Рубикона и войн Халифата, когда люди ходили в медвежьих мехах и футболках, древние евреи считали, что у каждого мудрого человека есть свой маггид — нечто вроде духовного наставника из иного мира.*

— *А может, мы и есть маггиды,* — предполо-

жил европеец. — *Раз уж явились из иного мира.*

— *Верно,* — поддакнул собеседник. — *Но мы не такие мудрые. Манмут, я ещё не рассказывал тебе, что я гностик?*

— *Повтори по буквам,* — попросил капитан подлодки.

Орфу повторил.

— *А что это за фигня?* — полюбопытствовал европеец.

Совсем недавно он получил несколько откровений о старом друге (включая и то, что иониец является знатоком не только Пруста, но ещё Джеймса Джойса и прочих авторов Потерянной Эпохи) и не был уверен, готов ли выслушать новое.

— *Не важно, кто такой гностик,* — передал Орфу. — *Но за сто лет до того, как венецианская инквизиция спалила Джордано Бруно на костре, в Мантуе был сожжён маг-суфий по имени Соломон Молхо.*[99] *Так вот он учил, что во времена перемен дракон будет уничтожен без помощи*

---

[99] notes: 99

Соломон Молхо (ок. 1500–1532) — еврейский мистик и мессианский пророк, родился в Португалии. В 1529-м опубликовал собрание своих проповедей (Сефер Ха-Мефоар), произнесённых в Палестине. В них Молхо объявил о наступлении мессианского царства в 1540-м. Молхо был арестован, предан в руки инквизиции и сожжён на костре в Мантуе или Болонье в 1532-м.

оружия, а на земле и в небесах всё преобразится.

— Какой маг? Какой дракон? — вслух выпалил Манмут.

— Что? — переспросил Сума Четвёртый из капитанского кубрика.

— Не понял, — откликнулся центурион-лидер Меп Эхуу со своего откидного сиденья в транспортном модуле.

— Прошу повторить. — Голос Астига-Че с британским акцентом, донёсшийся с «Королевы Мэб», напомнил Манмуту, что на судне прослушивались не только официальные сообщения, но и общая болтовня.

Оставалось лишь горячо надеяться, что личные лучи были всё-таки в неприкосновенности.

— *Ладно, отложим*, — передал маленький европеец. — *В следующий раз поговорим о драконе, магах и прочем.*

А по общей связи сказал:

— Простите… ничего такого… нечаянно подумал вслух.

— Прошу соблюдать радиодисциплину! — одёрнул его Сума Четвёртый.

— Есть… э-э-э… сэр, — произнёс Манмут.

В глубоком трюме Орфу громыхнул инфразвуком.

Строительный челнок с Одиссеем медленно приближался к залитому сиянием городу из стекла, опоясавшему астероид. Судя по показаниям датчиков, небесное тело грубо напоминало картофелину двадцати километров в длину и примерно одиннадцати в диаметре. Каждый квадратный метр его железно-никелевой поверхности был занят прозрачным городом. Пузыри и башни, возведённые из стали, стекла и углепласта, возвышались самое большее на полкилометра. Поступавшие данные подтверждали: внутри блистающих сооружений искусственно создавалось нормальное для Земли давление, воздух представлял собой привычную для обитателей голубой планеты смесь из кислорода, азота и углекислоты (о чём свидетельствовали пробы газа, который неизбежно улетучивался сквозь стекло), и внутренняя температура вполне подходила для человека, жившего у берегов Средиземного моря до климатических перемен Потерянной Эпохи… к примеру, для Одиссея.

А в тысяче километров оттуда, на мостике «Королевы Мэб», моравеки команды наблюдали с помощью датчиков и экранов, как сияющий астероидный город выбросил невидимое силовое щупальце, которое схватило челнок и утащило

его в дыру шлюза, открытую на вершине самой высокой стеклянной башни.

— Отключить автопилот и реактивные двигатели, — приказал Чо Ли.

Ретроград Синопессен проверил биотелеметрические данные Одиссея и сообщил:

— Наш друг-человек хорошо себя чувствует. Он возбуждён, выглядывает в окошко… Пульс немного учащён, уровень адреналина повышен… Однако в целом состояние здоровья нормальное.

Над консолями и навигационным столом замерцали голографические изображения: щупальце втянуло челнок в тёмный проём переходного шлюза, и стеклянная дверь затворилась. Датчики судна засекли разницу силовых полей, которая и прижала его «книзу», заменив гравитацию в ноль целых шестьдесят восемь сотых земной. После этого просторный тамбур заполнился воздухом, столь же пригодным для дыхания, как и воздух Илиона.

— Радио-, мазерные и квантовые телеметрические сигналы поступают исправно, — доложил Чо Ли. — Стекло их не блокирует.

— Он ещё не в городе, — проворчал генерал Бех бин Адее. — Это всего лишь тамбур. Посмотрим, не отрежет ли голос любую связь, как только

Одиссей окажется внутри.

На «Королеве Мэб» и в космошлюпке за полсотни тысяч километров от корабля моравеки продолжали наблюдать через камеры, вживлённые в кожу ахейца, как тот выбирается из тесного челнока, потягивается и шагает к ярко освещённой внутренней двери. Вопреки самым бурным протестам пришельцев, даже надев на себя мягкий скафандр, бородач наотрез отказался лететь без круглого щита и короткого меча и теперь шёл навстречу опасности во всеоружии.

— Кому-нибудь нужно подробнее изучить Иерусалим или синий луч? — осведомился Сума Четвёртый по общей линии. — А то я поворачиваю на Европу.

Никто не возражал, хотя Манмуту пришлось поспешить, описывая другу сочные краски Старого Города: багровые отблески предзакатного солнца на старинных домах, золотые блики мечети, бурые, точно глина, улицы, густо-сизые тени аллей, тут и там — пронзительную зелень олив и повсюду — мерзкую болотную слизь амфибий.

Шлюпка разогналась до трёх Махов и взяла курс на северо-восток, по направлению к древней столице Димашку в бывшей Сирии или же провинции Хана Хо Тёпа Ньяинквентанглха-

Шан-Вест; Сума Четвёртый аккуратно соблюдал дистанцию между судном и силовым куполом над высохшим Средиземноморьем. Когда, миновав территорию бывшей Сирии, шлюпка резко свернула на запад, к Анатолийскому полуострову и развалинам в Турции, сделалась полностью невидимой и беззвучно летела на высоте тридцати четырёх тысяч метров, Манмут внезапно сказал:

— А можно замедлить ход и покружить над Эгейским побережьем южнее Геллеспонта?

— Можно, — ответил Сума Четвёртый по каналу общей связи. — Правда, мы и так запаздываем, пора бы уже осматривать купол из голубого льда во Франции. Что там, на побережье, такого, ради чего стоило бы делать крюк и тратить время?

— Руины Трои, — произнёс маленький европеец. — Илион.

Шлюпка пошла на снижение, теряя скорость, и наконец перешла на совсем малый ход — каких-то триста километров в секунду. Бурое и зелёное дно пустынного Средиземноморья стремительно приближалось, на севере мерцали воды Геллеспонта. Сума Четвёртый втянул короткие треугольные крылья челнока и развернул стометровые, прозрачные, как паутинка, с мед-

ленно вращающимися пропеллерами.

И Манмут негромко запел по общей линии:

А говорят, Ахилл восстал во мраке…
И царь Приам с полсотней сыновей
Проснулись от ружейной канонады
И вновь готовы лечь костьми за Трою.

— *Кто автор*? — спросил Орфу. — *Что-то я такого не помню*.

— *Руперт Брук*, — пояснил капитан «Смуглой леди» по личному лучу. — *Британский поэт эпохи Первой мировой войны. Эти строки он написал на пути в Галлиполи… Куда так и не доехал. Скончался от болезни по дороге.*

— Знаешь что? — пророкотал генерал Бех бин Адее по общей линии. — Я не в восторге от твоей радиодисциплины, маленький европеец, но стихи — просто отпад.

А между тем на полярной орбите дверь переходного шлюза плавно скользнула вверх, и Одиссей вступил в орбитальный город. Глазам и ушам человека предстали щедро залитые светом деревья, увитые виноградом, разноголосье пёстрых тропических птиц, журчание и блеск ручьёв, шум водопада, низвергающегося с высокого каменного утёса, поросшего лишайником,

древние развалины и крохотные джунгли. При виде гостя благородный олень перестал жевать траву, поднял голову, посмотрел на человека, прикрывшегося щитом и поднявшего острый меч, и преспокойно тронулся прочь.

— Сенсоры засекли гуманоидное существо, — сообщил Чо Ли для летящих на космошлюпке. — Его не видно за листвой, но оно приближается.

Сперва сын Лаэрта услышал шаги босых ног по гладким камням и слежавшейся почве. Увидев, кто перед ним, герой опустил свой щит и сунул клинок в петлю на широком кожаном поясе.

Это была женщина, недосягаемо прекрасная женщина. Даже моравеки, под чьими пластиково-стальными панцирями рядом с органическими сердцами бились гидравлические, а живые гланды и мозг соседствовали с пластмассовыми насосами и сервосистемами-наноцитами, так вот даже они затаили дыхание, увидев столь невероятную красоту на голограммах на расстоянии тысячи километров.

По нагим загорелым плечам струились длинные тёмные локоны, кое-где отливавшие золотом. Легчайшее платье из искрящегося тонкого шёлка красноречиво облегало тяжёлую, полную грудь и широкие бёдра. На стройных лодыжках звенели

золотые цепочки, запястья сверкали целой россыпью браслетов, атласные плечи были украшены затейливыми застёжками из серебра и золота.

Женщина подошла ближе, на расстояние протянутой руки. Поражённый Одиссей, а заодно с ним и моравеки в космосе и над руинами Трои, в изумлении любовались чувственно изогнутыми дугами бровей над зелёными глазами, в которых таилась тайна, и долгими-долгими чёрными ресницами; то, что издали выглядело макияжем, искусно наведённым вокруг изумительных очей, оказалось игрой теней и света на умытой коже. Чистыми были и полные, мягкие, очень красные губы.

Мелодичный голос красавицы прозвучал словно шелест морского бриза в раскидистых пальмовых листьях или как нежный перезвон колокольчиков на ветру.

— Добро пожаловать, Одиссей, — промолвила она. — Столько лет я ждала тебя. Меня зовут Сикоракса.

68

На второй вечер прогулки по дну Атлантической Бреши в компании Мойры Харман поймал

себя на сложных раздумьях.

Что-то в этом походе между водяными стенами (на этом участке, в семидесяти милях от берега, океан достигал пятисотфутовой глубины) бесконечно завораживало мужчину.[100] Однако разум Хармана, заблудившегося в лабиринтах собственной мысли, отверг непрошеное вмешательство. Мужчине всё лучше удавалось отмахиваться от лишних голосов, бушующих в голове и — чудилось — витающих вокруг неё; впрочем, виски у него по-прежнему ломило, как чёрт знает что.

Пятисотфутовые стены воды по обе стороны от сухой дороги шириной в каких-то восемьдесят ярдов продолжали нагнетать страх, и даже два дня спустя возлюбленный Ады терзался клаустрофобией и неистребимым чувством, будто океанская толща готова обрушиться на него в любую секунду. Вообще-то он уже бывал в Атлантической Бреши два года назад, когда отмечал

---

[100] notes: 100

«Завораживает» — по-английски «mesmerizing», назойливо подсказала новая память, накопленная в модифицированных ДНК-спиралях. — Образовано от фамилии Франца Антона Месмера, родившегося двадцать третьего мая одна тысяча семьсот тридцать четвёртого года в Изнанге, Швабия, и скончавшегося пятого марта одна тысяча восемьсот пятнадцатого года в Меерсбурге, Швабия, — германского доктора, чья система излечения, известная под названием месмеризма и основанная на симпатическом управлении сознанием пациента, стала предвестницей более поздней практики гипнотизма…

свой девяносто восьмой день рождения, однако в прошлый раз за те же двое суток пути в одну сторону (затем пришлось повернуть обратно, к сто двадцать четвёртому факс-узлу на побережье Северной Америки) Харман одолел гораздо меньшее расстояние, чем сейчас, да и глубокий мрак между грозными водными барьерами почему-то не так пугал. «Само собой, — рассуждал мужчина, — тогда я был моложе. И верил в чудеса».

Вот уже несколько часов они с Мойрой не разговаривали, хотя и без усилия шагали в ногу. Время от времени Харман принимался анализировать новую информацию, переполнявшую его мир, в основном же представлял себе, что сделает, когда — и если — возвратится в Ардис.

Первым делом следовало попросить прощения у любимой, от всего сердца раскаяться за этот дурацкий полёт к Золотым Воротам Мачу-Пикчу. Не было и нет ничего важнее интересов беременной жены и нерожденного ребёнка. Мужчина и раньше понимал это, но лишь умом, теперь же узнал по-настоящему.

Потом, конечно, не мешало бы набросать план спасения своей милой, будущего малыша, друзей и всего человеческого рода. С этим дела обстояли сложнее.

Миллион томов информации, в буквальном смысле слова захлестнувшей Хармана, лишь помогли открыть несколько неведомых прежде возможностей.

Например, тело и разум путника продолжали исследовать забытые, а ныне возрождённые функции, которых оказалось около сотни. Самым важным, по крайней мере на ближайшее время, было умение свободно факсовать без помощи узлов и павильонов. Насытившие кровь «старомодных» людей нанотехнологии, понятные Харману после хрустальных чертогов, позволяли переноситься из любой точки планеты в любую другую и даже (при снятии определённых запретов) на один из миллиона ста восьми тысяч трёхсот трёх объектов, машин и городов на околоземной орбите. Свобода мгновенного перемещения могла бы спасти человечество от войниксов, от Сетебоса, его взбесившихся калибано, а то и от самого Калибана — но только в том случае, если бы удалось опять включить факс-машины с банками памяти.

Кроме того, Харман узнал несколько способов полететь на кольца — и даже получил смутное представление о таинственной Сикораксе, которая захватила орбитальный мир, некогда

принадлежавший «постам», — но до сих пор не имел понятия, как победить ведьму-пришелицу и Калибана (ибо мужчина не сомневался: это Сетебос послал своего единородного отпрыска в небеса, чтобы тот отключил факс-систему). Если же людям всё-таки удастся взять верх, возлюбленный Ады точно знал, что ему придётся посетить не один хрустальный чертог и набраться технических сведений, необходимых для реактивации спутников.

И наконец, изучив множество восстановленных функций, львиная доля которых работала с телом, разумом и запасами накопленной информации, Харман выяснил: он без труда сумеет поделиться новоприобретёнными сведениями. Функция обмена (что-то вроде «глотания» в обратном порядке) действовала проще простого: достаточно было коснуться «старомодного» соплеменника, выбрать протеиновые комплекты знаний, заключённые в ДНК и РНК-спиралях, и нужная информация перетекла бы сквозь плоть и кожу к другому человеку. Примерно две тысячи лет назад эта возможность была создана и усовершенствована для прототипов МЗЧ, после чего её легко адаптировали для людей. Все «старомодные» сохранили в крови около сотни скрытых

функций, для пробуждения которых хватило бы одного осведомлённого человека.

Мужчина вдруг улыбнулся. Конечно, Мойра достала его своими шуточками для посвящённых и туманными намёками, но теперь он хотя бы понял, откуда взялось обращение «мой юный Прометей». По Гесиоду,[101] это имя означало «промыслитель», «дальновидный», а сам герой у Эсхила, Шелли и прочих великих поэтов являл собой титана-революционера, который похитил у богов очень важные знания — иными словами, огонь — и отдал его пресмыкающимся кратковечным, возвысив их почти до уровня богов. Почти.

— Так вот почему вы оставили нас без функций, — вслух подумал Харман.

— Что?

Путник перевёл взгляд на постженщину, шагавшую рядом с ним в густеющих сумерках.

— Вы не хотели, чтобы мы стали богами. Потому и не активировали наши функции.

— Разумеется.

— И тем не менее все «посты», кроме тебя, решили переметнуться в другой мир или другое измерение и поиграть в олимпийцев.

---

[101] notes: 101

Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) — первый известный по имени древнегреческий поэт.

— А как же иначе.

Мужчина всё понял. Первая и главная потребность любого божества — не допустить существования себе подобных. Разобравшись с этим вопросом, он вновь предался раздумьям.

Мышление Хармана переменилось после хрустального чертога. Если прежде оно сосредоточивалось на предметах, людях и чувствах, то теперь стало более образным, превратившись в затейливый танец метафор, метонимий, синекдох и сложной иронии. После того как мириады фактов — имена, вещи, карты — уютно расположились в клетках тела, фокус ума переместился на связи, оттенки, нюансы, познавательную сторону окружающего мира. Эмоции никуда не исчезли, но там, где раньше они ревели как большой буйный бас, заглушающий весь оркестр, — там нынче нежно пела пронзительная скрипка.

«Слишком сумрачное сравнение для столь суетной сошки. — Харман усмехнулся над собственной самонадеянностью. — И жутко навязчивая аллитерация для перепуганной дырки в заднице».

И всё же вопреки этому самоуничижению он осознавал, что обрёл новый взгляд на мир — на людей, места, предметы, чувства и самого себя, —

причём того рода, какой приходит лишь вместе с подлинным самопознанием, зрелостью, умением распознавать иронию, метонимию, метафоры и синекдохи не в одном лишь языке, но и в логическом устройстве вселенной.

Если бы только вернуться к своим, добраться пусть не до Ардиса, а до любого анклава, населённого людьми, — род человеческий навсегда бы переменился. Конечно, мужчина не станет навязывать своих знаний насильно, однако, учитывая гибель, грозящую его современникам в этом постпостмодернистском мире от нашествия войниксов, калибано и гигантского тысячерукого мозга — духовного упыря, вряд ли кто-нибудь слишком рьяно станет отвергать необычные силы и таланты, дающие надежду выжить.

«Но принесут ли они людям пользу, если судить в масштабах истории?» — задумался Харман.

Вместо ответа в голове прозвучал отчётливый возглас дзен-мастера, получившего дурацкий вопрос от служителя: «Му!», что в приблизительном переводе означало: «Уж лучше помалкивай, дубина!» За этим односложным выкриком обычно следовало не менее энергичное: «Кватц!», причём наставник одновременно подпрыгивал и лупил незадачливого ученика увесистым посохом по

голове и плечам.

«Му. Здесь никому нет дела до „исторических масштабов“ — это решать нашим детям и внукам. А прямо сейчас, когда всему, буквально всему на свете положен близкий предел, и мыслить приходится краткими отрезками времени».

К тому же опасность погибнуть от руки горбатого безголового чудища и оказаться выпотрошенным, как пойманная рыба, чрезвычайно повышает способности к усвоению нового. Если б только восстановить утраченные функции… (Харман уже понимал, отчего это поисковая, дальняя, ближняя и всеобщая сети, а также «глотание» перестали действовать: некто на кольцах отключил все передатчики заодно с факс-машинами.)

Нет, в самом деле, вот бы их восстановить!..

Но как это сделать?

И снова мужчина вернулся к раздумьям о полёте на орбиту.

Для начала неплохо бы знать, кто, кроме Сикораксы, ожидает его там, на небе, и что у них там за оружие. Миллионы страниц, усвоенных в хрустальном чертоге, ни словом не обмолвились по поводу столь ключевого вопроса.

— Почему бы тебе или Просперо не квитиро-

вать меня сразу на кольца?

Харман обернулся к своей спутнице и едва различил её лицо в угасающих отблесках позднего вечера.

— Мы предпочли бы этого не делать, — издевательским тоном а-ля Бартлеби сказала Мойра.[102]

Мужчина с тоской подумал о подводном ружьё в рюкзаке. Что, если наставить дуло на эту двойницу Сейви и скорчить самую серьёзную, устрашающую, самую искреннюю гримасу (ведь «посты» обладают особой функцией распознавания человеческих чувств и намерений) — убедят ли Мойру подобные доводы немедленно квант-телепортироваться с ним в Ардис или на кольца?

Ну разумеется, нет. Она бы никогда не дала попутчику оружие, которое можно направить против неё же. Или же дала, но приняла бы какие-то меры предосторожности. Скорее всего пусковой механизм подчиняется мысленным приказам постженщины; для этого достаточно простой и безотказной встроенной схемы, вос-

---

[102] notes: 102

Автор намекает на новеллу Германа Мелвилла «Писец Бартлеби: уолл-стритская история» (1853), заглавного героя которой постигает недуг, на поверку оказавшийся неизлечимой апатией, и вот он сидит сложа руки в уолл-стритской конторе, повторяя: «Я предпочёл бы этого не делать».

принимающей мозговые волны.

— Не понимаю. Вы с магом взяли на себя столько хлопот, лишь бы только выкрасть меня и перетащить через Индию в Гималаи, — произнёс Харман. Эти слова вертелись у него на языке с самого начала похода. И лишь озвучив неотвязную мысль, мужчина понял всю банальность и тщетность начатого разговора. — К чему было затевать возню, если вы не хотите, чтобы я победил Сетебоса и других плохих парней?

На сей раз Мойра не улыбнулась.

— Кому суждено попасть на кольца, тот сам отыщет дорогу.

— Суждено! Твои рассуждения попахивают обречённостью кальвинизма, — заметил мужчина, перешагивая приземистый кустик высохшего коралла.

Дорога шла до сих пор на удивление гладко: над редкими расщелинами в океаническом дне тянулись металлические мосты; горные и коралловые хребты были прорезаны прямыми, как лазерные лучи, туннелями; плавные спуски, подъёмы, железные тросы, натянутые для удобства путников в самых крутых местах, — вот и весь путь. Харману даже не приходилось глядеть себе под ноги. Правда, при скудном вечернем свете он всё

равно бы много не рассмотрел.

Мойра не ответила. Казалось, она вообще пропустила мимо ушей хромую остроту попутчика, так что мужчина решил сменить тему:

— В небесах есть и другие лазареты.

— Тебе сказал об этом Просперо.

— Да, но до меня только что дошло: значит, нам, людям старого образца, *не обязательно* умирать или возрождать медицину с нуля. Наверху полно целебных баков.

— Ну да, конечно. «Посты» собирались разводить вас миллионами. На орбитальных островах экваториального и полярного колец ещё много лазаретов, это же ясно как день.

— Ясно, да, — ответил супруг Ады. — Однако не забывай, что имеешь дело с человеком, у которого смекалки как у новорождённого младенца.

— Не забуду, — заверила его собеседница.

— Кстати, я до сих пор не знаю их точного местоположения, — сказал мужчина. — Покажешь мне лазареты?

— Вот потушим костёр на привале, — сухо проронила Мойра, — тогда и покажу.

— Нет, я имел в виду звёздную карту.

— Хочешь сказать, у тебя с собой карта, мой юный Прометей? Ты и их тоже ел и пил в Тадже?

— Нет, — признался Харман. — Но ты могла бы нарисовать одну, с координатами и со всеми подробностями.

— Едва успел родиться вновь и уже мечтаешь о вечной жизни, мой Прометей?

«Разве?» — удивился человек. А потом вспомнил, о чём он думал, прежде чем заговорить о других лазаретах на кольцах «постов»: о судьбе своей беременной, израненной Ады.

— Почему все доступные нам по факсу целебные баки размещались на острове мага? — полюбопытствовал мужчина.

И тут же сам догадался почему. Мелькнувший ответ походил на воспоминание о ночном кошмаре.

— Просперо устроил так, чтобы удобнее было кормить заключённого Калибана, — промолвила Мойра.

У Хармана скрутило желудок. Отчасти причиной тому было раскаяние за всякую дружелюбную или снисходительную мысль по отношению к аватаре биосферы. Но главным образом внезапную тошноту вызвал жуткий голод: перед рассветом путник слегка пожевал съедобную плитку и с той поры не брал в рот маковой росинки. Вот уже несколько часов он даже не пил

из гидратора.

— А почему ты остановилась? — поинтересовался мужчина у постженщины.

— Стемнело, дальше идти нельзя, — пояснила та. — Давай-ка разложим костёр, поджарим на прутьях маршмаллоу[103] и толстые сосиски, вспомним походные песни… Потом уже можешь прикорнуть и погрезить о бессмертии, светлом будущем и баках с голубыми червями.

— Знаешь, — сообщил Харман, — иногда ты страшно похожа на здоровенную занозу в заднице.

Мойра наконец улыбнулась. её улыбка, словно у Чеширского Кота, чуть ли не отдельно парила в темноте Атлантической Бреши.

— Когда мои бесчисленные сёстры были здесь, когда они ещё не сбежали, чтобы стать божествами — в основном мужского рода, что лично я расценила как унижение, — помню, они говорили мне то же самое. А теперь доставай сухие дрова и водоросли, которые мы собрали за день, и начинай разводить огонь… Вот и умница, «старомодный».

---

[103] notes: 103

Маршмаллоу — суфле из алтея (круглые мягкие конфеты), первоначально делалось из корня алтея.

69

«Мамочка! Мамуууууля! Мне очень страшно. Здесь так темно и холодно. Мамочка! Помоги мне выбраться. Мамуля, пожалуйста!»

Ада проснулась. Она проспала не более часа. Стояло морозное раннее утро. Детский голосок шарил по её разуму, будто студёная чужая рука под одеждой.

«Мама, пожалуйста. Мне здесь не нравится. Тут холодно и темно. И я не могу выбраться. Камни очень тяжёлые. Кушать хочется. Мамочка, помоги, выпусти меня. Маммаааааа!»

Утомлённая до предела, она всё же заставила себя вылезти из-под нагретых собственным телом покрывал. Колонисты — на двенадцатый день после возвращения на пепелище Ардиса их оставалось сорок восемь — выстроили палатки, натянув уцелевшее полотно. Один из таких навесов хозяйка разорённого имения делила с ещё четырьмя женщинами. Несколько шатких палаток, самое первое укрытие и колодец располагались неподалёку от порушенных руин Ардис-холла и были окружены возведённым заново частоколом из заострённых брёвен. По-

селение занимало площадь примерно двухсот футов диаметром.

«Мамочкаааа… быстрее, мамочка…»

Голос не унимался, и хотя днём супруга Харма-на приучила себя не обращать на него внимания, спать он мешал. А уж этой ночью — точнее, в сумеречный предрассветный час, — всё стало просто невыносимо.

Ада надела брюки, толстый свитер, обулась и, стараясь двигаться как можно тише, дабы не разбудить Эллу и прочих, вышла наружу. Как всегда, у главного костра кто-то бодрствовал, и по периметру нового частокола стояли дозорные. Однако женщина смотрела во тьму, сквозь без-людное пространство, туда, где скрывалась Яма.

Тяжёлые непроглядные тучи занавесили звёз-ды и кольца; в воздухе пахло надвигающейся метелью. Ада с большой осторожностью по-шла вперёд. Главное — не наступить на своего товарища из тех, что предпочли ночевать под открытым небом, пошив себе тёплые одеяла и спальные мешки. Шёл всего лишь пятый месяц беременности, а будущая мать уже чувствовала себя толстой и неуклюжей.

«Маммаааааааааа!»

Как же она ненавидела этот голос! Нося под

сердцем настоящее дитя, очень трудно было терпеть умоляющий, жалобный писк «подкидыша эльфов», долетающий из Ямы, пусть даже в виде мысленного эхо. Женщина только надеялась, что проклятый телепат не сумеет повредить развитию нервной системы её малыша. Горячо надеялась.

«Мамочка, выпусти меня на волю, пожалуйста. Здесь, внизу, так темно».

Колонисты единогласно решили выставить у Ямы постоянную охрану. Сегодня ночью на страже был Даэман. Ещё не успев разглядеть лицо, Ада узнала стройную, мускулистую фигуру с дротиковой винтовкой за плечом.

— Не спится? — шепнул мужчина, повернувшись к молодой кузине.

— Уснёшь тут, — глухо посетовала она.

— Понимаю, — ответил Даэман. — Я всегда слышу, когда эта тварь тебя достаёт своими телепатическими сигналами. Тихонько, словно что-то щекочет мозг у затылка. Как услышу про «мамочку», так и хочется разрядить в эту тварь полную обойму дротиков.

— А что, неплохая мысль, — сказала Ада, расширенными глазами смотря на металлическую решётку, сваренную и привинченную к камен-

ным краям над Ямой.

Крупную, тяжёлую решётку взяли из старого резервуара неподалёку от руин Ардис-холла, и детёныш Сетебоса подрос уже настолько, что не мог просунуть подвижные стебли с ладонями в её мелкие ячейки. Яма была мелковата — всего лишь четырнадцать футов глубиной, но зато её вырубили в сплошной скале. И как бы чудовище ни старалось (рукастый и глазастый мозг достигал уже четырёх футов в длину, при этом конечности с каждым днём заметно крепчали), ему не удавалось выдернуть сварные прутья из камня. Пока не удавалось.

— Мысль неплохая, — согласился мужчина. — Если забыть, что стоит прикончить эту тварь, как через пять минут на нас обрушатся двадцать тысяч войниксов, — прибавил он шёпотом.

Ада вовсе не нуждалась в подобных напоминаниях, однако при последних словах Даэмана острее ощутила промозглый холод и тошноту.

Бесшумный соньер с разведчиками неторопливо кружил в туманной мгле. Каждый день приносил одни и те же неутешительные новости: войниксы держались на расстоянии от, возможно, последнего человеческого поселения на планете, образуя почти безупречный круг радиу-

сом около двух миль, и число врагов угрожающе росло. Накануне, ближе к вечеру, Греоджи насчитал в голых лесах от двадцати до двадцати пяти тысяч мутно-серебристых тварей. С первыми лучами зари их могло оказаться намного больше. Враги прибывали. Это было так же верно, как тусклые зимние рассветы по утрам или как то, что надоедливый, вкрадчивый, скулящий голос из Ямы не остановится, покуда чудовище не выберется на свободу.

«И что тогда?»

Будущая мать содрогнулась. Она легко могла себе представить. Даже простое присутствие чужеродного существа омрачало дух колонистов… Жизнь и так давалась им нелегко: приходилось возводить и расширять маленькие палатки, лачуги, откапывать из-под руин уцелевшее, укреплять безнадёжно крохотный бревенчатый форт, не говоря уже о заботах по добыванию пищи, — а тут ещё мерзкое нытьё этого выродка Сетебоса в головах.

Положение с едой всё ухудшалось. Во время последней резни стада разбежались, после чего разведчики разглядели с кружащего соньера только гниющие туши на дальних полях и в зимних чащах. Войниксы перерезали всю скотину.

Мёрзлая почва если и позволяла надеяться на следующий урожай или жатву, то через много месяцев; консервы в подвалах особняка расплавились под его обугленными обломками, так что сорока восьми уцелевшим обитателям Ардис-холла оставалось полагаться лишь на своих товарищей, ежедневно отправлявшихся на охоту по двое, с дротиковыми винтовками. На расстоянии четырёх миль от скопища войниксов крупная дичь почти не встречалась. Летать приходилось всё дальше и дальше. При хорошей доле везения по вечерам над главным лагерным костром поджаривался либо олень, либо кабан, однако удача улыбалась охотникам не всегда, и радиус полётов продолжал возрастать, поэтому колонисты коптили мясо на будущее, вялили, солили, тратя бесценные остатки специй из кладовых, а потом без аппетита жевали однообразно невкусные припасы. Между тем войниксы продолжали прибывать, и настроение колонистов мрачнело изо дня в день, тем более что детёныш Сетебоса без устали запускал белёсые склизкие щупальца телепатических мыслей в каждый измученный мозг. Даже по ночам. Люди жадно искали сна, как лесной добычи, а временное забытьё точно так же избегало их.

— Ещё несколько дней, — глухо сказал Даэман, — и, по-моему, он выберется из клетки.

Мужчина взял из соседней ниши зажжённый факел и протянул его над Ямой. Чудовище величиной с небольшого телёнка висело на металлической решётке, поблёскивая серой слизью. С полдюжины щупалец крепко вцепились в тёмные железные прутья. Восемь или десять жёлтых глаз прищурились, поморгали и зажмурились от внезапного яркого света. Два рта, затрепетав, раскрылись, и Ада зачарованно уставилась на аккуратные ряды маленьких белых зубов.

— Мамочка! — пискнула тварь.

Она говорила уже неделю, однако её настоящий голос даже отдалённо не походил на человеческий, тем более детский, в отличие от мысленного.

— Да, — зашептала молодая женщина, — сегодня устроим общее собрание. Пускай все проголосуют. Но придётся ускорить последние приготовления к исходу.

Разумеется, эта затея никого не прельщала, но лучшей придумать не смогли. Решили, что Даэман и несколько человек постоят на страже, пока Греоджи эвакуирует колонистов и необходимые вещи на остров, обнаруженный разведчиками в

сорока пяти милях вниз по реке. Да, это не был тропический рай в дальнем уголке мира, куда в своё время стремился кузен Ады, а маленький скалистый островок посреди реки, омываемый быстрыми течениями, зато его было проще защитить.

Предполагалось, что войниксы факсуют — хотя и неведомо как и невесть откуда, ведь ежедневные проверки Ардисского узла по-прежнему подтверждали его неисправность. Следовательно, серые твари могли последовать за беженцами куда угодно, даже на остров. Но сорок восемь уцелевших рассчитывали разбить лагерь в зелёной впадине посреди центральной возвышенности, а еду и дичь доставлять на соньере, как и сейчас; на тесный участок суши безголовые чудовища могли бы являться не более чем по несколько сотен кряду, а с таким количеством врагов люди справились бы.

Последние, кто покинет Ардис, а бывшая хозяйка имения твёрдо намеревалась остаться в их числе, должны были прикончить маленького Сетебоса. В ту же минуту войниксы ринулись бы на пепелище подобно шальной саранче, но прочие колонисты оказались бы уже на острове, в безопасности. По крайней мере на несколько часов.

Способны ли серые твари плавать? Ада и остальные усердно вспоминали, видел ли кто-нибудь хоть однажды, чтобы услужливый войникс пересекал реку в те древние времена, когда небеса ещё не обрушились, а Харман, Даэман и покойная Сейви не уничтожили остров мага вместе с лазаретом, прежде чем кончился этот глупый мир вечеринок, бесконечных факсов и сытой беспечной жизни. Никто не мог припомнить подобного.

Однако будущая мать уже не сомневалась. В глубине души она верила: войниксы *могут* плавать. Или пройти по речному дну под водой, даже против быстрого течения. Как только маленький Сетебос будет мёртв, они доберутся до крохотного острова и до людей.

И тогда уцелевшие будут вынуждены снова бежать, но куда? Супруга Хармана голосовала за Золотые Ворота Мачу-Пикчу. Она хорошо помнила рассказ Петира о том, что серые твари, кишащие там во множестве, так и не сумели проникнуть внутрь зелёных пузырей, подвешенных на башнях моста и несущих тросах. Увы, большинство колонистов наотрез отказались лететь в незнакомое место: слишком далеко, говорили они, дорога дальняя, и все боялись ока-

заться запертыми в прозрачной ловушке, высоко и в абсолютной пустоте, рядом с озлобленными войниксами.

Ада рассказывала о том, как Харман, Петир, Ханна и Никто/Одиссей достигли моста менее чем за час, взвившись на диске в космос и нырнув обратно в атмосферу над южным континентом; разъясняла, что траектория полёта сохранилась в памяти соньера и что путешествие к Золотым Воротам Мачу-Пикчу всего лишь на несколько минут превысит переправу к скалистому острову вниз по реке.

Но колонисты по-прежнему не соглашались. Возможно, им требовалось время.

Бывшая хозяйка имения вместе с кузеном продолжали строить собственные планы.

Неожиданно из-за чернеющих вершин деревьев на юго-западе донёсся какой-то грохот и шипение.

— Войниксы! — крикнул Даэман, вскидывая винтовку и щёлкая предохранителем.

Ада закусила губу, на миг позабыв даже о детёныше Сетебоса у своих ног; тем более что телепатический голос потонул среди настоящего шума. У центрального костра кто-то поднял тревогу, забил в главный колокол. Люди, спотыкаясь

во мраке, наспех выбирались из палаток и главного укрытия, будили воплями остальных.

— Непохоже! — Молодой женщине пришлось почти кричать, чтобы кузен услышал её сквозь поднявшийся гвалт. — Звучит как-то по-другому!

Между гулкими ударами колола и криками своих товарищей она всё яснее различала металлический, механический скрежет, тогда как тысячи войниксов нападали почти бесшумно, с лёгким шелестом.

Затем появился луч. Он упал прямо с неба, с высоты в несколько сотен футов. Круг света обшарил голые ветви деревьев, заиндевелую и почерневшую от пожара траву, частокол и ошарашенных стражников на грубо возведённых укреплениях.

Соньер летал без прожектора.

— Винтовки берите! — воскликнула супруга Хармана, обращаясь к тем, кто сгрудился вокруг центрального костра.

Те, кто ещё не был вооружён, принялись хватать и взводить винтовки.

— Рассыпьтесь! — на бегу крикнул Даэман, размахивая руками. — Прячемся!

Действительно, согласилась Ада: кто бы ни нагрянул к ним в гости, если у него враждебные

намерения, глупее всего дожидаться чужака всей кучей, точно откормленное на убой стадо.

Гудение и скрежет заглушали уже и тревожный набат колокола, в который кто-то снова начал звонить, исступлённо и без всякого смысла.

Теперь молодая женщина видела в небе некий аппарат. Он был намного крупнее, медленнее и неповоротливее соньера и вместо гладкого, обтекаемого овала представлял собой два бугроватых круга с прыгающим прожектором впереди. Неопознанный летающий объект покачался, задёргался, будто готовясь рухнуть, затем пронёсся над низким частоколом (один из дозорных метнулся на землю, едва увернувшись от протуберанцев), с размаху проскакал по мёрзлой траве рядом с Ямой, вновь поднялся в воздух и, наконец, тяжело сел.

Даэман с кузиной побежали к нему: Ада с факелом — насколько позволяло её состояние на пятом месяце беременности, сын Марины — целясь из винтовки в тёмные фигуры, вылезающие из приземлившейся машины.

Как выяснилось, это были люди. Молодая женщина навскидку насчитала восьмерых, большинство из которых не узнала. Зато последние двое, те, что управляли металлической посу-

диной, походили на Ханну и Одиссея — вернее, Никого, как он велел называть себя в течение последних месяцев, прежде чем получил серьёзные ранения и был отправлен к Золотым Воротам Мачу-Пикчу.

И вот уже молодые женщины в слезах обнялись. Ханна рыдала так, словно у неё разрывалось сердце. Наконец, отстранившись, чтобы взглянуть на подругу, она выдохнула:

— А где Ардис-холл? Что случилось? С Петиром всё в порядке?

— Петир погиб, — ответила Ада, уже не удивляясь хладнокровию, прозвучавшему в собственном голосе. Так много ужасного произошло за столь короткий срок, что душа у неё онемела, будто после долгих побоев. — Когда вы улетели, на нас напали войниксы, огромное множество. Частокол их не задержал: забросали камнями особняк, а потом сожгли. Эмма умерла. Реман умер. Пеаен тоже… — Она продолжала перечислять общих друзей и старых знакомых, погибших во время и после резни.

Ханна слушала, зажав рот ладонью от ужаса. При свете факелов женщина выглядела ещё худее обычного.

— Идём к огню. — Ада коснулась руки Никого и

вновь обняла подругу за плечи. — Рассвет скоро. Какой у вас измученный вид… Представите своих товарищей, а потом расскажете мне всё-всё.

Они сидели у костра, пока зимнее солнце не поднялось над горизонтом, и обменивались новостями, стараясь держаться и говорить как можно спокойнее. Ламан сварил на завтрак жирный бульон и разлил по оловянным кружкам крепкий чёрный кофе, сваренный из быстро тающих запасов из полусгоревших амбаров.

Колонисты познакомились с новичками. Вожаком среди них считался Элиан, совершенно лысый мужчина почтенного возраста, вероятно, ровесник Хармана. Кроме него, были ещё Беман, Стеф, Ияйи и Сьюзан. Каждый имел более или менее серьёзные раны, которыми прямо во время разговора занялись Том и Сирис, принеся остатки лекарств и бинтов.

Ада скупыми словами поведала вдруг повзрослевшей подруге и молчаливому Никому сагу об ардисской резне, о днях и ночах на вершине Тощей Скалы, о том, как отказали факс-узлы, как начали собираться войниксы, как вылупился детёныш Сетебоса и на что он похож.

— Я его почуял ещё до посадки, — негромко вставил седобородый грек-великан, даже в такую

стужу одетый в одну тунику.

Когда Ханна начала свой рассказ, великан поднялся, отошёл к Яме и внимательно уставился на пленника.

— Через неделю после того, как Ариэль похитил Хармана, Одиссей вышел из временного ковчега, — говорила темноволосая молодая женщина со сверкающими очами. — Войниксы всё время пытались пробиться к нам, но он меня успокоил: мол, не прорвутся, пока работает поле нулевого трения. Ну, мы поели, поспали… — Она потупилась на минуту, и Ада смекнула, что парочка занималась не только сном. — Думали, Петир вернётся за нами, как обещал; потом уже, через неделю, Одиссей принялся строить летательную машину из запасных частей соньеров и прочих аппаратов, которые стояли в гаражах… в ангарах… забыла название. Я взяла на себя основную сварку, а он собрал монтажную плату и двигательную установку. Когда запчасти иссякли, я обшарила другие пузыри Золотых Ворот и разные потайные комнаты.

И вот он поднял машину в воздух и немного покружил по ангару. Главным образом аппарат состоит из двух посудин, которые называют небесными плотами, раньше на них летали

сервиторы, правда, лишь на короткие расстояния. Пришлось попотеть над системами управления и наведения. В конце концов Одиссей частично демонтировал часть ИскИна, который обслуживал одну из кухонь Моста, и научил его заниматься вопросами навигации. В общем, летать на столь неповоротливой машине вообще не сахар, так она ещё всю дорогу пыталась приготовить обед и доставала нас разными рецептами.

Супруга Хармана и остальные только рассмеялись над её словами. Слушателей собралось около дюжины, включая Греоджи, однорукого Ламана, Эллу, Эдиду, Бомана и двоих врачей. Пятеро перебинтованных новичков хлебали горячий бульон и молча слушали. С неба тихонько сыпал снег, запах которого Ада ощутила несколько часов назад. Впрочем, на земле он пока не задерживался, быстро таял. Солнце уже начинало проклёвываться сквозь рваные, гонимые ветром облака.

— Потом, когда мы точно убедились, что Ариэль не собирается возвращать Хармана и что Петир не прилетит за нами и не пришлёт кого-нибудь ещё, — нагрузили плот запасами, оружием из одного большого тайника, раскрыли двери ангара и устремились на север, надеясь, что удержимся в воздухе, а примитивная система навигации

приведёт нас как можно ближе к Ардису.

— Когда это было, вчера? — спросила хозяйка разорённого имения.

— Нет, девять дней назад, — ответила Ханна.

Увидев, как вытянулось лицо подруги, она пояснила:

— Да, эта штука летает очень медленно, самое большее пятьдесят — шестьдесят миль в час, да ещё со всякими трудностями. Мы остались почти без еды, когда чуть не утонули в море — как сказал Одиссей, на месте бывшего Панамского перешейка. К счастью, сработали надувные камеры, и на несколько часов машина стала самым настоящим плотом, пока мы сбрасывали груз и чинили поломанные системы.

— А Элиан и другие были уже с вами? — поинтересовался Боман.

Ханна покачала головой, пригубила кофе и съёжилась над горячей кружкой, обхватив её ладонями, точно пыталась согреться от напитка.

— Мы совершили вынужденную остановку на берегу за морем Перешейка, — сказала она, — и наткнулись на уцелевшую общину… Хьюз-таун. По-моему, ты её знаешь, Ада. Там ещё высокий небоскрёб, весь в плюще.

— Да, там отмечали чью-то Третью Двадцат-

ку, — отозвалась подруга, припоминая вид на море с террасы, расположенной на вершине башни (девушке тогда не исполнилось и пятнадцати лет; примерно тогда же она познакомилась с пухлым «кузеном» по имени Даэман), и первые ростки чувственности, только распустившиеся в её душе.

Элиан прочистил горло. Лицо и руки мужчины покрывали бледные шрамы, а его одежда больше смахивала на груду отрепьев, но держался вожак с подлинным достоинством.

— Два месяца назад нас оставалось двести с лишним в общине, — приглушённым, но глубоким голосом начал он. — Безоружных. К счастью, Хьюстаунская башня слишком высокая даже для таких прыгунов, как войниксы, и поверхность у неё покрыта чем-то отталкивающим: твари не могли ни держаться, ни карабкаться, а нависающие террасы здорово облегчили защиту, лучшего места для укрытия было не найти. Мы забаррикадировали все лестницы (лифты, само собой, отключились в ночь Великого Падения) и вооружились кто во что горазд: рабочими инструментами сервиторов, железными прутьями, наделали примитивных луков и стрел из металлических тросов и рессор от ландо и дрожек.

Тем не менее войниксы расправились почти со всеми. Разве что полдюжины человек пробились к павильону и факсовали за подмогой, да мы вшестером заперлись в пентхаусе башни, в которой бушевали пять сотен безголовых тварей. Мы просидели пять суток без пищи и два дня без воды, когда над заливом показался небесный плот Никого и Ханны.

— Пришлось выбросить часть лекарств и еды, а главное — много ружей и боеприпасов, чтобы освободить место для людей, — застенчиво подала голос подруга Ады. — По дороге мы ещё три раза садились из-за лёгких поломок и вот наконец долетели.

— А как навигационная система нашла дорогу к Ардису? — полюбопытствовал Касман — худой, бородатый колонист, которого всегда занимали технические подробности.

Ханна рассмеялась.

— Кто сказал, что нашла? Искусственный Интеллект еле-еле отыскал то, что Одиссей называет Северной Америкой. Он, Одиссей, и повёл нас дальше, сначала вдоль крупной такой реки — Миссисипи, кажется, — а потом уже над нашим, ардисским потоком, который когда-то именовался Леаноко или Огайо. Тут мы заметили ваш

костёр.

— Так вы летели ночью?

— У нас не было выбора. К югу отсюда леса кишат саблезубыми тиграми и динозаврами, поэтому долгие посадки совершенно исключались. Каждый из нас по очереди помогал управлять машиной, а вот Одиссей семьдесят два часа почти не смыкал глаз.

— Кстати, он… снова неплохо выглядит, — вставила Ада.

Молодая темноволосая женщина кивнула.

— Временной саркофаг залечил все раны от клинков серых тварей. Всё-таки мы правильно сделали, что отвезли Одиссея к Золотым Воротам. Иначе ему бы не выжить.

Минуту Ада хмуро молчала: из-за этой поездки она потеряла мужа.

Будто бы прочитав мысли подруги, Ханна произнесла:

— Знаешь, мы долго искали Хармана. И хотя Одиссей убеждал, что Ариэль куда-то квант-телепортировал его (это что-то вроде факса, но более эффективно; помните, как перемещались боги в туринской драме?), так вот, несмотря на слова Одиссея, мы спустились и обшарили древние руины Мачу-Пикчу у подножия Золотых Ворот,

затем облетели ближайшие долины, речки, водопады… Следов так и не нашли.

— Он жив, — просто сказала молодая женщина, по привычке коснувшись круглого живота: не родившийся ребёнок словно помогал ей поддерживать связь с пропавшим Харманом, подтверждал то, что твердил внутренний голос. Дитя словно *знало*: его отец невредим… но он далеко.

— Конечно, — кивнула Ханна.

— Может, вам попадались другие общины? — спросил Лоэс. — Видели ещё уцелевших?

Брюнетка покачала головой, и Ада впервые заметила, как отросли короткие волосы её подруги.

— Мы сделали две остановки между Хьюз-тауном и Ардисом. Это были малонаселённые узлы — Живой Дуб и Гульманика, и везде мы нашли только трупы войниксов и человеческие кости, но никакой жизни.

— Как думаешь, много людей там погибло? — спросила супруга Хармана, понизив голос.

Ханна пожала плечами и допила свой кофе.

— По-моему, сорок или пятьдесят, не больше, — произнесла она сдержанным тоном, привычным для колонистов. — Никакого сравнения со здешней трагедией, — прибавила она и огляде-

лась. — Такое ощущение, точно у меня в голове что-то скребётся. Словно гадкое воспоминание просится наружу.

— Это детёныш Сетебоса, — пояснила подруга. — Рвётся захватить наши мозги или хотя бы выбраться из Ямы.

Даже в мыслях она всегда называла дыру, куда поместили маленькое чудовище, Ямой с заглавной буквы.

— А вы не боитесь, что мама… папа… или кого там ещё видел Даэман в Парижском Кратере, явится за своим потомством?

Ада покосилась на кузена (тот серьёзно беседовал о чём-то с Одиссеем у Ямы) и задумчиво произнесла:

— Сетебос-старший пока что здесь не показывался. Нас больше тревожит, как поведёт себя малыш.

И она поведала о попытках многорукой твари высосать силу из почвы на месте чьей-то ужасной гибели.

Ханна поёжилась, хотя солнце как раз начало пригревать.

— Мы видели войниксов там, в лесах, в луче прожектора, — глухо промолвила она. — Их целая пропасть. Шеренга за шеренгой. Стоят не

двигаясь под сенью деревьев и по линиям горных хребтов, не ближе двух миль отсюда. Ну и что вы намерены делать?

Супруга Хармана изложила план, который одобрили большинство колонистов.

Элиан снова откашлялся.

— Прошу прощения, — начал он. — Это, конечно, не моё дело, и я понимаю, что не имею здесь права голоса, однако на голом, скалистом острове вы окажетесь в ловушке, как мы в Хьюзтаунской башне. Войниксы будут прибывать с каждым днём, хотя их и сейчас вполне достаточно, и перебьют вас по одному. На мой взгляд, разумнее отправиться куда-нибудь ещё. К примеру, на Мост, о котором рассказывала Ханна.

Ада кивнула. Ей не хотелось обсуждать эту тему прямо сейчас: чересчур многие из уцелевших колонистов, сидящих вокруг огня, предпочитали затею с островом. И молодая женщина перевела разговор на иное:

— У тебя *есть* право голоса, Элиан. У каждого из вас оно есть. Вы теперь — часть общины, как и любой уцелевший беженец, который сюда попадёт, и можете высказываться наравне со мной. Спасибо, что поделился своими соображениями. Мы всё обсудим за обедом. Даже стражники про-

голосуют через своих товарищей. А прежде вам не мешало бы немного поспать.

Элиан, Беман, белокурая Ийяи (ей как-то удавалось выглядеть красавицей даже в грязных лохмотьях и со множеством ссадин), малорослая неразговорчивая Сьюзан и крепкий бородач по имени Стеф согласно закивали и отправились искать незанятые постели где-нибудь под навесом.

Супруга Хармана взяла подругу за руку:

— Ты тоже поспи.

— Что с твоей кистью, Ада?

Та посмотрела на примитивную гипсовую повязку и запачканный бинт.

— Сломала во время ночной схватки. Это ерунда. Любопытно, что войниксы покинули Золотые Ворота и Мачу-Пикчу. Получается, что мы сражаемся с ограниченным числом врагов… Я имею в виду, раз уж им приходится пополнять ряды.

— Число-то, может, и ограничено, — согласилась Ханна. — Однако Одиссей говорит, их на земле миллион с лишним, а людей — меньше ста тысяч… — Она замялась. — То есть было столько, пока не началась эта бойня.

— Скажи, Никто случайно не знает, почему безголовые твари нас истребляют? — спросила Ада, взяв крепкую ладонь подруги.

— По-моему, знает, но не говорит. Он вообще очень скрытный.

«Вот что значит недооценивать женщину в возрасте Первой Двадцатки», — усмехнулась про себя жена Хармана. А вслух сказала:

— Дорогая, у тебя вид усталый. Правда, поспи хоть немного.

— Только после Одиссея, — ответила Ханна и бросила на собеседницу взор, исполненный смущения, вызова и гордости, обычно присущий юным любовницам.

Хозяйка сожжённого имения ещё раз кивнула.

Даэман подошёл к огню.

— Ада, можно тебя на минутку?

Молодая женщина, опершись на плечо подруги, неловко встала и пошла за кузеном к Яме, где их ожидал Никто. Тот, кого когда-то звали Одиссеем, не отличался ростом от супруги Хармана, зато был так мускулист и крепок, что буквально источал ощущение силы. Из-под распахнутой на груди туники пробивались курчавые седые волосы.

— Любуешься нашим красавчиком? — осведомилась Ада.

Никто не улыбнулся. Он почесал подбородок, заглянул в Яму на подозрительно затаившийся

рукастый мозг и вновь перевёл темноокий взор на собеседницу.

— Вам придётся его убить, — произнёс мужчина.

— Да, мы собираемся.

— Я имею в виду, сейчас же. Эти твари — не детёныши Сетебоса, скорее что-то вроде вшей.

— Вот это — вошь? — переспросила Ада. — Да я могу слышать его мысли…

— И ещё не такого наслушаешься, пока урод не выберется на волю (между прочим, если бы захотел, он бы уже так и сделал) и не высосет силы и души прямо из ваших тел.

Молодая женщина поморгала и опустила глаза. Похожий на двухполушарную задницу мозг-младенец еле различимо серел на самом дне Ямы, закрыв многочисленные глаза, втянув подвижные щупальца и подоткнув ладошки под склизкое тело.

— Твари вылупляются из яиц и разбегаются в разные стороны, — продолжал бородач. — В длину они достигают не более двадцати футов. Для настоящего Сетебоса эта мелочь — вроде лазутчиков: находят… э-э-э… съедобные места и возвращаются к «папочке». Не знаю точно, как им удаётся перемещаться на такие расстояния

— видимо, при помощи Брано-Дырок, и хорошо, что *наш* пока ещё не дорос до подобных фокусов. А в благодарность за подробные отчёты Сетебос пожирает своих лазутчиков, поглощая силу, которую эти… малыши… высосали в мире.

— Откуда ты столько знаешь про Сетебоса и его… вшей? — удивилась Ада.

Никто мотнул головой, точно не желая отвлекаться на глупости.

«Да, и когда ты собираешься окружить милую Ханну любовью и вниманием, которых она заслуживает, свинья ты мужского пола?» — мысленно прибавила женщина.

— Никто хотел сказать… попросить нас о чём-то важном, — вмешался её кузен с весьма озабоченным видом.

— Мне нужно взять соньер, — проговорил бородач.

Ада снова моргнула.

— Куда это?

— Полечу на кольца, — ответил Никто.

— И надолго? — поинтересовалась собеседница.

А сама подумала: «Это невозможно!» И, кажется, кузен был с ней совершенно согласен.

— Не знаю, — произнёс Одиссей со своим дико-

винным акцентом.

— Что ж, — начала молодая женщина, — даже не рассчитывай его получить. Летающий диск нам нужен, чтобы спастись отсюда. И для охоты. И для того, чтобы…

— Мне просто необходимо взять соньер, — повторил Никто. — На континенте не найдётся ещё одной машины, способной взмыть на такую высоту, а добираться в Китай за другими мне уже некогда. К тому же из-за проклятых калибано к Средиземному Бассейну нынче и не подступишься.

— В общем, так, — в голосе Ады зазвенели столь редкие нотки стального упрямства, — соньера ты не получишь. Иначе нам всем конец.

— Да ведь это сейчас не важно, — ответил седобородый воин.

Будущая мать хотела засмеяться, но лишь открыла рот и в изумлении уставилась на собеседника.

— *Для нас* это важно, Никто. Мы хотим жить.

Мужчина покачал головой, как бы удивляясь её непониманию.

— Скоро на этой планете не останется ни души, разве что я полечу на кольца… причём сегодня же, — уточнил он. — Мне нужен соньер. Если

смогу, или сам вернусь на нём, или пришлю машину обратно. А если нет… ну, тогда уже всё без разницы.

Пожалев, что не захватила с собой винтовки, хозяйка сожжённого особняка покосилась на кузена: тот с отрешённым видом, как бы невзначай, поигрывал оружием. Никто же, казалось, прилетел с голыми руками, однако все помнили о его недюжинной силе.

— Мне нужен соньер, — стоял на своём Одиссей. — Сегодня. Сейчас же.

— Нет, — отрезала Ада.

Рукастый сирота в глубине тёмной Ямы внезапно завыл, захрапел, закашлял и под конец — очень даже по-человечески — расхохотался.

70

Высоко под куполом неба клокотала гроза. Кольца и звёзды давно погасли; одни лишь молнии озаряли гигантские стены воды и непристойную бледно-розовую Брешь между ними, так далеко простёршуюся на восток и запад, что даже яркие зарницы, как ни старались, не могли обрисовать её во всей бесконечности.

Молнии полыхали почти беспрерывно, раскаты

грома гулким эхом сотрясали узкий коридор, прорезанный в Атлантическом океане, предающемся бурной ярости. Харман лежал, свернувшись в тонком, словно шёлк, спальном мешке и термокоже, и смотрел, как пятьюдесятью этажами выше вздымаются и грохочут стофутовые водяные валы. Ветер вертел и рвал клубящиеся тучи буквально в сотнях футов над волнами. И хотя здесь, у дна, в полутысяче футов ниже поверхности, недвижно безмолвствовали тёмные глубины, немногим выше океан уже начинал волноваться. Неспокойно было и в прозрачных энергетических трубах и конусах, соединяющих южную и северную стены Бреши; Харман ещё не знал точного названия, а Мойра величала их попросту «каналами». Один из них обозначался во время вспышек в паре сотен футов над пересохшим дном, примерно в полумиле к западу от места ночёвки, а ещё один остался позади, восточнее на целую милю. Оба канала нещадно бурлили: под незримой энергетической оболочкой перекатывались колоссальные массы белопенной воды. По счастью, крепкие силовые стены не позволяли волнам залить Атлантическую Брешь и утопить путешественников, однако в воздухе сплошным туманом висели брызги. Верхняя одежда

мужчины была свёрнута и упрятана в рюкзак — совершенно, как выяснилось, непроницаемый, как и спальный мешок. А вот дыхательную маску муж Ады поднял, и теперь у него вымокло лицо. Проводя языком по губам, он чувствовал привкус морской соли.

И тут в какой-то сотне ярдов от пилигримов прямо в песок ударила молния. У Хармана лязгнули коренные зубы.

— Может, переместимся куда-нибудь? — прокричал он Мойре.

Перед сном постженщина разделась донага и натянула на себя термокожу, нимало не смущаясь присутствием попутчика, будто бы они были любовниками… Впрочем, почему же «будто бы»? От этой мысли мужчина покраснел, как варёный рак.

— Что? — отозвалась Мойра, поскольку голос Хармана потонул среди шума волн и грозы.

— МОЖЕТ, ПЕРЕМЕСТИМСЯ КУДА-НИБУДЬ?

Женщина подползла к нему в мешке и наклонилась к уху собеседника. Лицо её тоже оставалось открытым, а промокшая сверху термокожа тесно облегала рёбра и тазовые кости.

— Знаешь, где сейчас безопасно? — громко произнесла Мойра. — Под водой. На дне гроза нас не

достанет. Желаешь попробовать?

Мужчина мотнул головой. Этой ночью он явно был не готов шагнуть за барьер силового поля в непроглядную тьму, под невероятно высокое давление — хотя, конечно, чудесный термокостюм не дал бы ничего почувствовать. Да и гроза вроде бы начала утихать. Водяные валы над головой смотрелись уже не выше пяти-шести десятков футов.

— Нет уж, спасибо! — крикнул Харман. — Я как-нибудь здесь перетерплю.

Он вытер насухо лицо и натянул обратно тончайшую плёнку респиратора. Соль на губах и на ресницах мешала сосредоточиться.

А пищи для напряжённых размышлений хватало. Путешественник поневоле до сих пор пытался разобраться с новыми функциями.

Многие из недавно приобретённых — вернее сказать, открытых — дарований были отключены заодно со способностью свободного факса. Например, супруг Ады ясно представлял себе, как получить доступ к логосфере или же пообщаться с кем угодно на любом расстоянии, но кто-то или что-то, управляющий кольцами, лишил землян столь заманчивых талантов.

Прочие функции действовали по-прежнему,

но мужчине от этого было не легче. Внутренний медицинский наблюдатель в ответ на запрос известил человека, что его рацион, состоящий из воды и съедобных плиток, спустя три месяца приведёт к авитаминозу; что в левой почке начинает скапливаться кальций, из которого через год с небольшим образуется камень; что в толстой кишке появилось два полипа; что возраст понемногу истощает мускулы (в конце концов, Харман уже десять лет не бывал в лазарете); что вирусная колония стрептококка безуспешно пытается обосноваться в горле, но ей препятствует генетическая система защиты; что кровяное давление сильно повышено и что в левом лёгком замечена еле видная тень, требующая немедленного обращения к Целителю.

«Превосходно, — подумал мужчина, потирая грудную клетку, словно еле видная тень, а это наверняка был признак рака, уже причиняла ему боль. — Ну и на кой мне вся эта информация? Мягко говоря, в наши дни лазарет не совсем доступен».

Другие функции оказались более полезными на ближайшее время. Несколько дней назад Харман обнаружил у себя дар «повторного воспроизведения», позволяющий пережить любое событие из

прошлого, однако не как воспоминание, а «по-настоящему», то есть с абсолютной отчётливостью и с точностью до секунды, поскольку извлекается не из мозга, но прямо из протеинов. Мужчина уже девятикратно прокрутил в сознании первую встречу с Адой (надо же, а он и забыл голубое платье, в котором она была на той вечеринке), а также некоторые минуты их последней близости… тридцать с чем-то раз. Мойра стала даже отпускать шуточки по поводу его остекленевшего взгляда и пьяной походки. Она-то прекрасно знала, в чём дело; тем более ни термокостюм, ни верхняя одежда не скрывали естественной реакции организма.

Харману хватило ума догадаться, что функция вызывает привыкание и требует очень осторожного обращения, особенно во время пешей прогулки по дну океана. Зато мужчина вернулся к беседам с Сейви, дабы лучше понять, что она говорила о будущем, о кольцах и вообще о мире. Когда-то её речи казались невразумительными, полными странной мистики, но теперь — после хрустального чертога — наконец обрели смысл. Мужчина искренне огорчился, узнав, насколько неполными сведениями располагала покойница и при этом столетиями пыталась улететь на

кольца и потолковать с «постами», — а ведь она не подозревала ни о космических кораблях в Средиземном Бассейне, ни о правильном способе связаться с Ариэлем через личные связи логосферы Просперо.

Ещё раз увидев Сейви словно живую, Харман осознал, насколько моложе лицом и телом выглядит её копия, и одновременно постиг их необычайное сходство.

Мужчина продолжал перебирать остальные возможности. Ближняя, дальняя, общая сеть плюс функции факса и логосферы не отвечали. Похоже, работали только внутренние резервы, не связанные с планетарной системой спутников, орбитальных накопителей массы, передатчиками данных и так далее.

Интересно, почему же тогда отказала функция «глотания»? Харман всегда считал её чем-то вроде медицинского наблюдателя, который и сейчас исправно действовал. Значит, это было неверное предположение? Хрустальный чертог никак не разъяснял данный вопрос.

— Мойра? — гаркнул мужчина.

И лишь теперь осознал, что гроза давным-давно миновала и шум утих, не считая далёкого плеска волн. А ещё — на Хармане оставалась

дыхательная маска со встроенным микрофоном, поэтому бедная постженщина чуть не оглохла от его вопля в наушниках капюшона.

Стянув респиратор, избранник Ады вдохнул насыщенный аромат океана.

— Чего тебе, мистер Лужёная Глотка? — негромко, с достоинством отозвалась Мойра из тонкого спального мешка.

— Если я применю тактильный обмен сведениями со своей женой, с Адой, когда вернусь в Ардис, то мой нерожденный ребёнок тоже будет всё знать?

— Считаем зачатых цыплят раньше осени, юный Прометей?

— Тебе что, трудно ответить, мать твою?

— Ну ладно, попробуй, — разрешила собеседница. — Разве эти параметры наизусть упомнишь? Лично я никогда не обменивалась информацией с беременными. Богоподобные «посты» вообще не в состоянии залететь — не помогало даже то, что мы все были женского пола. Поэтому попытайся, когда и *если* вернёшься домой. Хотя постой, вроде бы функция подразумевала определённые защитные фильтры… Ты не сумеешь передать зародышу или ребёнку вредные для него или для неё сведения — к примеру, момент её или его

зачатия. От подобной душевной травмы малыша придётся лечить лет тридцать, а мы ведь этого не желаем, верно?

Оставив едкую насмешку без внимания, Харман в волнении потёр подбородок. Прежде чем отправиться в путь, мужчина гладко побрился: десять месяцев назад, на орбитальном острове Просперо, он уже понял, как неудобно сидит термокожа поверх бороды. Однако уже сегодня позавчерашняя щетина колола пальцы.

— Вы ведь имеете все те же самые функции, которыми наделили нас? — произнёс путешественник, только в самый последний миг потрудившись придать своему высказыванию вопросительную интонацию.

— Дорогуша, — проворковала Мойра, — ты нас держишь за дураков? Дали бы мы «старомодным» какую-либо способность, если сами ею не обладаем?

— Значит, у вас их ещё больше, — заключил Харман. — Гораздо больше нашей сотни?

Двойница Сейви ему не ответила.

Далее тот, кого называли Прометеем, открыл у себя в клетках кожи целый комплекс из нанокамер и аудиоприемников. Визуальные и звуковые данные сохранялись в особых протеиновых

связках. Кроме того, в теле обнаружились биоэлектронные передатчики — правда, с коротким радиусом действия, поскольку они работали на клеточной энергии, но их сигналы наверняка можно было где-то перехватить, усилить и передать на дальнее расстояние.

— Туринская драма, — вырвалось у мужчины.

— Ты о чём? — сонно спросила задремавшая было Мойра.

— Теперь я понимаю, каким образом вы — точнее, твои божественные сестрички-трансвеститы, — передавали репортажи из Илиона и как туринские пелены помогали нам их воспринимать.

— Ну… ага, — буркнула постженщина и вновь заснула.

Между прочим, отныне Харман уже не нуждался в туринских пеленах для получения подобных передач. Он мог бы поделиться любыми своими ощущениями с любым человеком, который пожелал бы подсоединиться к потоку данных.

«Интересно знать, каково это — заниматься любовью с Адой, будучи подключёнными друг к другу?» — подумал мужчина и тут же обругал себя распутным старикашкой. Вернее даже, грязным и вонючим распутным старикашкой.

Кроме функций логосферы, существовала и функция замысловатой сенсорной связи с биосферой; правда, сейчас она была недоступна, поскольку зависела от работы спутников, и Харману оставалось лишь гадать, что именно здесь подразумевалось: разговор по душам с Ариэлем либо полное единение с каким-нибудь одуванчиком и колибри? И возможно ли таким образом потолковать напрямую, на расстоянии, с МЗЧ? Мужчина посерьёзнел, вспомнив слова Просперо о том, что с помощью маленьких зелёных человечков Ариэль удерживал несметные тысячи калибано у южных границ Европы; надо бы посоветоваться с *зеками*, попросить их помощи в борьбе против горбатых войниксов.

От всех этих исследований у Хармана ещё сильнее разболелась голова. Почти случайно сверившись с внутренним наблюдателем, он выяснил, что уровень адреналина и кровяное давление в самом деле ужасно повышены. Тогда мужчина обратился к новой медицинской функции, более активной, нежели простое наблюдение, и пробы ради позволил выпустить в организм кое-какие химические реактивы. Кровяные сосуды шеи вдруг расширились, расслабились, тепло побежало к самым кончикам

пальцев, и головная боль отпустила.

«Какой-нибудь юный парнишка не отказался бы от подобного подарка, — промелькнуло в голове Хармана. — Можно, например, избавляться от непрошеной эрекции…» Это лишний раз убедило мужчину, что он и был, и останется дряхлым распутником.

«Впрочем, не таким уж и дряхлым», — поправился он. Если верить медицинскому наблюдателю, физическое тело супруга Ады с тем же успехом могло бы принадлежать мужчине тридцати одного года, слегка утратившему спортивную форму.

Однако список функций на этом не заканчивался. Оставались ещё коррекция фигуры, усиленная эмпатия, то, что Харман окрестил про себя минутным бешенством: резкий всплеск адреналина и мгновенный многократный рост всех телесных сил — видимо, последний резерв, задуманный для смертельной битвы или происшествий, когда нужно, скажем, отбросить двухтонную плиту, чтобы не придавила ребёнка. Оказалось, что столь часто и неблагоразумно использованная мужчиной функция повторного воспроизведения в сочетании с обменом сведениями позволяла ярче постичь ещё и чужой жизненный опыт. Кроме

того, человек мог впасть в своего рода спячку, то есть на время замедлить любые процессы до полного застоя. Причём, как быстро понял Харман, вовсе не для того, чтобы крепче выспаться: скорее для пребывания в хрустальной гробнице вроде Таджа Мойры, когда необходимо долгое — или *очень* долгое, как в случае Сейви, — время оставаться живым, но бездействовать и при этом не заработать пролежней, атрофии мускулов, одышки и прочих побочных эффектов обычной гиподинамии. Разумеется, старуха много раз пользовалась этой способностью, четырнадцать веков успешно скрываясь от войниксов и «постов».

Были, конечно, и другие функции, от которых по-настоящему захватывало дух, однако при мысли от них голова затрещала с новой силой, и Харман отложил дальнейшие исследования до утра.

В ту же секунду его захлестнули куда более реальные ощущения. Где-то вдали, высоко, шумел прибой. Верхние слои океана излучали фотолюминесцентное фитопланктонное свечение, что-то вроде подводного полярного сияния для измученных глаз.

Небо над Атлантикой тоже сверкало живым ог-

нём: это молнии, уже не метя в пучину, полыхали между клубящимися тучами, и те словно загорались изнутри. Вспышки эти были совершенно беззвучны: даже самые тихие отзвуки грома не достигали дна Бреши, так что мужчина скрестил руки под головой и просто наслаждался впечатляющей игрой света, любуясь также бликами зарниц на бушующих волнах океана.

Узоры, образы, геометрия. Природа и вселенная словно танцевали на грани безбрежного хаоса, спасаясь границами фракталов; мириады алгоритмических протоколов пронизывали окружающий мир с его бесчисленными взаимодействиями. А всё-таки это было красиво — до чего же красиво! Мужчина знал, что не изучил до сих пор по меньшей мере одну функцию, которая помогла бы распознать каждый узор гораздо лучше простых, даже очень развитых человеческих чувств, но и она, вероятно, зависела от работы спутников, а кроме того… Харман и не нуждался в генетически усиленных способностях, чтобы всем сердцем оценить чистую красоту безмолвного представления, разыгравшегося посреди Атлантики будто бы нарочно для него одного.

Лёжа на дне глубокой Бреши, мужчина помолился за Аду и будущее дитя (после активации

новых функций она бы легко узнала, кого ожидает — сына или дочку). Мужчине так хотелось очутиться рядом с женой! И он молился Богу, о котором никогда не задумывался по-настоящему, Тихому Богу, перед кем трепетали Сетебос и его раб Калибан, судя по невнятной болтовне уродца на острове Просперо. Харман страстно желал и просил одного: чтобы любимая была жива, здорова и счастлива, насколько это возможно в ужасные времена и в разлуке с дорогим человеком.

Засыпая, мужчина услышал, как с неприятным скрежетом и завываниями зычно выводит рулады Мойра. И сонно усмехнулся. Надо же, тысячи лет сверхразвитой медицины, нанотехнологий и перестройки ДНК так и не излечили «постов» от банального храпа. Хотя, конечно, если за образец брали человеческое тело Сейви…

Харман забылся, не успев додумать мысль.

71

Ахиллес жалеет, что не умер.

Душный воздух Тартара пропитан зловониями, нещадно разъедает лёгкие, глаза слезятся от нестерпимой рези, кожа и внутренности будто

бы сами не знают: взорваться ли им вовнутрь или наружу от безумного давления, и великанша Океанида так свирепо стискивает человека в крепко сжатом кулаке, что рёбра трещат, и будущее представляется настолько чертовски туманным, что ахеец умер бы с радостью, лишь бы разом покончить со всем этим.

Но квантовая Судьба не оставила ему выбора. Фетида, эта бессмертная стерва-мамаша, умело изображавшая преданную любовь к кратковечному Пелею — к мужчине, коего быстроногий привык почитать как отца, — и без зазрения совести согласившаяся переспать с Кронидом, эта кошёлка подводная, держала отпрыска в Небесном огне, что создало определённую точку квантовой сингулярности для гибели Ахилла, условием которой стали действия ныне покойного и кремированного Париса — вот, как говорится, и весь сказ.

Остаётся только страдать и наблюдать за тем, что творится вокруг тесной, стремительно сжимающейся сферы, пронизанной болью и неудобством.

Чудо-юдо-дочери Океана — Иона, Пантея и Азия — бодро шествуют сквозь ядовитую мглу навстречу яркому мерцанию, вероятно, порож-

дённому извержением вулкана; третья из сестёр сжимает Пелида в громадном потном кулаке. Кое-как разлепляя пылающие веки, сквозь потоки слёз, вызванных едким чадом, а не избытком чувств, мужеубийце удаётся разглядеть высокие скалистые гряды, ворчащие вулканы, бездонные расщелины, наполненные лавой и невиданными чудовищами, гигантских сороконожек (видимо, родственников Целителя на Олимпе), возникающие во мгле силуэты иных титанов, чей рёв и грохочущие шаги то и дело оглашают тьму, обрамлённые огнём небесные тучи, яростные прочерки молний и прочие электрические явления.

Внезапно великанша Пантея изрекает:

— Я вижу трон эбеновый и тень под пологом.[104]

И стерва по имени Азия отзывается раскатами, похожими на рокот камнепада в горах (Ахилл не в силах даже зажать поражённые шумом уши ладонями в кислотных ожогах):

— Но полог упадает.

Пантея присоединяется к сёстрам:

— Я вижу мрак, и стрелы тьмы похожи на стре-

---

[104] notes: 104

Здесь и далее используются цитаты из П. Шелли «Освобождённый Прометей». Перев. К. Чемена.

лы солнца, вставшего в зените, как нестерпимо яркое пятно. Ни силуэта, ни лица не видно, и всё ж мы чувствуем, что это Дух.

Теперь подаёт голос Демогоргон, и быстроногий зарывается лицом в гигантскую шершавую ладонь великанши, тщетно пытаясь приглушить боль от всепроникающих инфразвуковых ударов:

— ХОТИТЕ ЧТО-НИБУДЬ УЗНАТЬ — СПРОСИТЕ, ОКЕАНИДЫ.

Азия протягивает руку с корчащимся на ней человеком:

— Поведай нам, что за зверушку мы тут поймали? По виду и манерам — не морская ли это звезда? Смотри, сколь занятно она извивается и пищит!

Демогоргон трубит в ответ:

— О НЕТ, В ТВОЕЙ РУКЕ ВСЕГО ЛИШЬ КРАТКОВЕЧНЫЙ, ХОТЯ ОН И ОБРЁЛ БЕССМЕРТЬЕ ПО НЕДОСМОТРУ НЕБЕСНОГО ОГНЯ. АХИЛЛ ЕСТЬ ИМЯ ЭТОГО СОЗДАНЬЯ, И ДОМ ЕГО ОТСЮДА ДАЛЕКО. ДО НЫНЕШНЕГО ДНЯ ОН ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК, НИСШЕДШИЙ В МРАЧНЫЙ ТАРТАР.

— А, — разочарованно тянет Азия и небрежно сажает надоевшую игрушку на раскалённый, как печь, валун.

Жар охватывает ахейца, тот снова продирает глаза: на сей раз, из-за близкого извержения, видно гораздо лучше, но это не радует. Мужчина в ужасе смотрит на огненную реку из лавы, что с обеих сторон огибает его дымящийся камень. Подняв же глаза на Демогоргона, воссевшего на троне выше всех разъярённых вулканов, на эту бесформенную пустоту, облечённую пологом с капюшоном, уходящую вверх на многие и многие мили, Ахилл испытывает неудержимый рвотный позыв. И с облегчением уступает ему. Океаниды, похоже, не замечают его неучтивости.

Азия вопрошает Демогоргона:

— На что ещё ты можешь дать ответ?

— НА ВСё, ЧТО ВЫ ПОСМЕЕТЕ СПРОСИТЬ.

— Кто создал мир и всё живое? — интересуется эта самая словоохотливая, если не самая умная, по мнению воина, из трёх дебильных сестёр.

— БОГ.

— Кто создал в нём всё сущее, — не унимается Азия, — желанья, мечты и разум?

— ВСЕМОГУЩИЙ БОГ.

«А он не слишком-то разговорчив, — заключает про себя Ахиллес. — В голове, должно быть, ветер гуляет… если у парня вообще отыщется голова».

Чего бы он только не дал за возможность под-

няться на ноги, вытащить из-за пояса меч и прикрыться щитом! Первым делом герой с наслаждением порешил бы Демогоргона, потом сестричек-титанид… медленно.

— Кто создал непонятное волненье, когда дыханье ветерка весной иль милый голос, внятный только юным, рождает слёзы, чьё сиянье ярче сиянья незаплаканных цветов, и обращает белый свет в пустыню, когда умолкнет?

Мужчину опять выворачивает — уже не столько из-за головокружительного зрелища, сколько по эстетическим соображениям. Всё-таки первыми нужно будет прикончить Океанид. А сучку Азию Ахиллес был бы счастлив убить несколько раз подряд. Вот было бы здорово поселиться в её пустой голове, как в доме, используя глазницы вместо окон.

— МИЛОСЕРДНЫЙ БОГ, — нараспев произносит Демогоргон.

В греческом языке нет подобного выражения, однако Пелид понимает то, что заявил бестелесный дух. Ахейца нимало не удивляет, что громадные Океаниды и это порождение мрака изъясняются именно по-гречески. В конце концов, они же титаны, а не какие-нибудь варвары.

— Но кто же создал зверства, и безумства, и

ужасы, которые свисают со звеньев движущейся цепи жизни при каждой новой мысли человека и волокут её в могильный ров? Но кто придумал тщетные надежды, и ненавистью ставшую любовь, и угрызенья горше вкуса крови, и боль с её истошным завываньем, переходящим постепенно в крик…

Тут она обрывается на полуслове.

Ахилл от души надеется, что в преисподней разразился какой-нибудь катаклизм; сейчас он уничтожит весь этот мир, поглотит Азию с её сёстрами, точно лёгкую медовую закуску на мирмидонском празднестве… Однако, с трудом разлепив обожжённые веки, мужчина видит перед собой всего лишь круг света, изливающий ослепительное сияние в багровое марево.

Брано-Дыра.

Из яркого блеска является фигура. Она отдалённо напоминает человека, но собрана из металлических сфер. Круглую форму имеет не только голова: из шариков составлено и туловище, и расставленные в стороны руки, и чуть подгибающиеся ноги. Разве что ступни и ладони, покрытые чем-то вроде бронзы, смутно походят на человеческие. Существо приближается. Из сфер, заменяющих ему плечи, вырываются два

снопа света. Правая ладонь выпускает красный луч не толще метательного копья и направляет его на сестёр Океанид, отчего их кожа шипит и покрывается волдырями. Великанши пятятся, ступая по лодыжки в кипящей лаве. Алый свет для них не помеха: дочери Океана прикрывают лица и глаза от режущего сияния, что истекает из Браны.

— Ахиллес, чтоб тебе, так и будешь тут валяться?

Гефест! Теперь мужеубийца видит: железные пузыри, тяжёлые перчатки и толстая обувь — это всего лишь защитный костюм. На спине калеки коробится и дымится «мешок для дыхания», а верхняя сфера прозрачна, будто стекло, на котором играют блики от плечевых прожекторов и ручного лазера и сквозь которое можно различить уродливую бородатую физиономию карлика.

Быстроногий испускает слабый писк.

Покровитель огня смеётся, и микрофоны в пневмокостюме усиливают его гадкий хохот.

— Что, не по нраву тебе здешний воздух и гравитация? Бывает. Вот надень-ка, это называется термокостюм. В нём хотя бы дышать можно.

Хромоногий бросает ахейцу невероятно тонкое

одеяние.

Герой пытается шевельнуть рукой, но может лишь корчиться и надрывно кашлять.

— Тьфу, пропасть! — говорит калека. — Так и знал, что придётся тебя одевать, словно младенца. Ладно, лежи и не дёргайся. Да, не вздумай меня обгадить или выпустить газы, пока я буду с тобой цацкаться.

Десять минут спустя, когда витиеватая брань повисает в атмосфере удушливой пеленой подобно жаркому дыму вулканов, Ахилл уже собственными ногами стоит на твёрдой скале рядом с Гефестом и запросто дышит через прозрачную мембрану, которую карлик назвал «респиратором». Поверх золотой термокожи грек нацепил доспехи, знаменитый щит в кислотных разводах и по-прежнему сверкающий клинок. Взирая снизу вверх на неразличимую массу, величаемую Демогоргоном, быстроногий вновь полон чувства собственной неуязвимости и горд собою, как всегда. Только бы Азия продолжала задавать свои дурацкие вопросы, мечтает ахеец: тогда у него появился бы повод распотрошить её, словно рыбу.

— Демогоргон, — взывает бог огня через усилители, спрятанные в прозрачном шлеме, — мы с

тобой как-то встречались — более девятнадцати веков назад, во время битвы Олимпа с титанами. Моё имя Гефест…

— А, ТЫ ТОТ КАЛЕКА, — рокочет бесформенный дух.

— Ага. Спасибо, что напомнил. Мы с Ахиллесом явились в Тартар, дабы просить вашей помощи — твоей, Крона, Реи и всех Бывших.

— ДЕМОГОРГОНА НЕ ЗАБОТЯТ НУЖДЫ ПРОСТЫХ БОГОВ И СМЕРТНЫХ.

— Ах, ну да, конечно, — отзывается хромоногий, чей скрипучий голос по-прежнему разносится в сотню раз дальше благодаря микрофонам костюма. — Хреново. Ахиллес, может, сам попробуешь? С ним толковать всё равно что со своей задницей.

— Хочешь сказать, эта здоровая куча из ничего меня услышит? — осведомляется человек.

— Я ВНИМАЮ ТЕБЕ.

Герой запрокидывает голову и направляет взгляд на рдеющие тучи, бурлящие чуть в стороне от лишённого черт, пустого лика бестелесного существа.

— Демогоргон, когда ты говоришь о Боге, то имеешь в виду Зевса?

— ГОВОРЯ О БОГЕ, Я ИМЕЮ В ВИДУ ТОЛЬКО

БОГА.

— Значит, Зевса, потому что сию минуту сын Крона и Реи собирает уцелевших олимпийцев, дабы провозгласить себя Владыкой Всего Творения, полноправным Господином этой и прочих вселенных.

— ЗНАЧИТ, ОДИН ИЗ ВАС ЛЖёТ: ЛИБО ОН, ЛИБО ТЫ, ЧЕЛОВЕЧЬЯ ОТРАСЛЬ. БОГ ПРАВИТ МИРОМ, ТОЛЬКО НЕ С ОЛИМПА.

— Тогда Громовержец поработил всех прочих бессмертных и кратковечных, — возражает Ахилл; благодаря микрофонам и радиопередатчикам его речь разносится эхом по склонам вулканов и опалённым утёсам.

— СЛУЖИТЕЛЬ ЗЛА В ЛЮБОМ ОБЛИЧЬЕ — РАБ! ТАКОВ ЗЕВЕС ИЛЬ НЕТ — ТЕБЕ ИЗВЕСТНО.

— Известно, — соглашается быстроногий, — что это жадный и тщеславный сукин сын. Не в обиду будь сказано, если Рея слушает нас где-то там, в темноте. По-моему, он просто трус и хвастун. Но если ты готов признать его владычество, тогда, конечно, Тучегонитель воцарится на Олимпе и во вселенной на веки вечные.

— Я НАЗЫВАЮ БОГОМ, КАК И ВЫ, ВЛАСТИТЕЛЯ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ — ЗЕВЕСА.

— Но у раба ведь должен быть хозяин? — допы-

тывается Ахилл.

— Отлично припечатал! — шипит ему Гефест. — Как есть в яблочко!

— Умолкни, — цедит ахеец.

Демогоргон разражается рокотом. Поначалу мужчине кажется, что рядом взорвался огромный вулкан; потом из грохота рождаются осмысленные слова:

— У БЕЗЪЯЗЫКИХ БЕЗДН НЕ ВЫРВЕШЬ ТАЙНЫ, А ИСТИНА БЕЗЛИКА И НЕМА. ПОЙМЁШЬ ЛИ ТЫ КРУГОВРАЩЕНЬЕ МИРА ИЛЬ ЗНАМЕНИЯ ВРЕМЕНИ, СУДЬБЫ, ИЗМЕНЧИВОСТИ, СЛУЧАЯ И СЧАСТЬЯ? ИМ ВСё ПОДВЛАСТНО, ТОЛЬКО НЕ ЛЮБОВЬ И ТИХОГО СВЯТАЯ ПОЛНОТА.

— Как знаешь, — пожимает плечами Ахилл. — И всё же пока мы тут лясы точим, Зевс объявляет себя Верховным Правителем Всего Творения и вскоре потребует, чтобы это самое творение, а не только те, кто населяет крохотный мирок у подножия Олимпа, поклонялось ему и никому более. Счастливо оставаться.

Ахеец поворачивается кругом, хватает испуганно лепечущего ремесленника за руку в металлических пузырях и тащит за собой, прочь от неоформленной массы, громоздящейся до небес.

— СТОЙ!.. АХИЛЛЕС, ПЕЛЕЯ МНИМЫЙ СЫН И НАСТОЯЩИЙ — ЗЕВСА, СТОЙ, О КРАТКОВЕЧНЫЙ ВЕРШИТЕЛЬ БОГО— И ОТЦЕУБИЙСТВА! МИНУТУ…

Герой останавливается вместе с Гефестом, делает разворот и молча ждёт продолжения. Океаниды съёживаются и прикрывают головы, будто на них сейчас посыплется вулканический пепел.

— Я ВЫЗОВУ ТИТАНОВ ИЗ ПЕЩЕР, УЩЕЛИЙ И ДРУГИХ УКРОМНЫХ МЕСТ. Я ПОВЕЛЮ ЧАСАМ БЕССМЕРТНЫМ ДОСТАВИТЬ ИХ СЮДА!

Все прежние нестерпимые шумы кажутся детским лепетом по сравнению с гулом, который раздаётся в эту минуту. Горы вокруг Демогоргонова трона раскалываются в багровой ночи, вокруг разливается яркое сияние лавы, тьму Тартара пронзает радуга немыслимых оттенков, и вдруг из ниоткуда возникают колесницы, каждая величиной с утёс, влекомые скакунами, но не конями — эти твари совершенно не схожи с конями, ну просто ничего общего. Их очи пылают страхом, над ними свистят кнуты возничих с дикими глазами, не людей и даже не богов. Смертному невозможно смотреть на них, и Ахиллес отворачивается. Ему почему-то кажется, что извергать содержимое желудка в дыхательную маску было

бы не слишком умно.

— ПЕРЕД ТОБОЙ БЕССМЕРТНЫЕ ЧАСЫ, ЧЬЕЙ ПОМОЩИ ТЫ ПОЖЕЛАЛ, — грохочет Демогоргон. — ОНИ ДОСТАВЯТ КРОНА И ВЕСЬ ЕГО РОД.

Атмосфера взрывается сверхзвуковыми ударами, Океаниды в ужасе визжат, гигантские колесницы исчезают в кругах яркого пламени.

— Ну вот… — произносит Гефест по радио, но мысли своей не заканчивает.

— Подождём, — говорит быстроногий, убирая клинок за пояс, а щит за спину.

— Это не надолго, — отзывается бог-калека.

В зловонном воздухе опять возникают огненные круги. Гигантские колесницы возвращаются сотнями. Нет, тысячами. Они везут огромных монстров — как человекообразных, так и не слишком.

— ВЗИРАЙ ЖЕ! — изрекает Демогоргон.

— Да уж постараюсь, — ворчит мужеубийца. Он уже овладел собой и прикрылся огромным красивым щитом.

А колесницы титанов всё прибывают.

72

К тому времени, когда Харман проснулся, Мойры уже рядом не было. День выдался стылый, пасмурный, и дождь лил как из ведра. Атлантика по-прежнему клокотала, швыряя к небу пригоршни белой пены, однако сегодняшние волны не шли ни в какое сравнение с теми яростными водяными валами, что вздымались ночью, при отблесках молний. Мужчина плохо выспался: его терзали зловещие, прерывистые кошмары.

Поднявшись, путник свернул тончайший спальный мешок и сунул его в рюкзак: высохнет сам, по дороге. Одежду доставать не стал, а лишь натянул поверх термокожи носки и обулся.

Ночью, перед грозой, Харман и Мойра успели погреться у костра. Естественно, без венских сосисок и маршмаллоу, о которых мужчина знал только из библиотеки Таджа. Вместо них супруг Ады без аппетита прожевал половину съедобной плитки и запил её водой, сидя у мерцающего пламени.

Теперь же вымокшая зола смотрелась бледно-серым пятном среди грязного месива, в которое превратилось дно Атлантической Бреши между

камнем и кораллами. Харман поймал себя на том, что бессмысленно бродит вокруг останков костра, выискивая какой-нибудь знак, оставленный Мойрой… быть может, записку.

Но так ничего и не обнаружил.

Тогда он поправил рюкзак на спине, опустил капюшон термокожи, вытер капли с защитных очков и потрусил на запад.

День поднимался на смену утру, однако светлее не становилось — наоборот, небеса, помрачнев, сильнее разразились ливнем; отвесные стены водяного коридора словно выросли и производили на душу ещё более гнетущее впечатление. Не обращая внимания на оптический обман, благодаря которому казалось, будто не дно уходит всё глубже, а сам океан вздымается навстречу небесному куполу, Харман продолжал свой путь по дорогам, прорезанным сквозь чёрные скалы, по узким и скользким мосткам без перил, перекинувшимся над бездонными ущельями. Время от времени он взбирался по крутым утёсам, и хотя в таких местах незыблемые водяные твердыни казались гораздо ниже (около двух сотен футов, прикинул мужчина), трудный подъём был утомителен и усиливал клаустрофобию, ибо наступавшие с обеих сторон скалы заметно сужали свободное

пространство.

К полудню, приближение которого путнику подсказала внутренняя функция, поскольку солнце до сих пор не показывалось, а дождь хлестал так исступлённо, что Харман подумывал закрыть рот и нос дыхательной маской, подводные скалы закончились и дорога снова стала прямой как стрела. Хмурое настроение мужчины слегка рассеялось, но лишь на короткое время.

Теперь он радовался, когда попадал на каменистые или коралловые участки тропы, потому что привычный слежавшийся грунт за ночь размяк и хлюпал под ногами грязной жижей. Наконец мужчина устал шагать — здесь, к югу от Англии, день понемногу клонился к вечеру — и, присев на валун, торчащий из северной части океана сквозь невидимую силовую преграду, принялся жевать съедобную плитку, потягивая прохладную воду из трубки гидратора.

Эти ужасные плитки — по одной в стуки — не утоляли голода и вдобавок имели привкус опилок. К тому же их оставалось только четыре. И на что рассчитывали Просперо с Мойрой, посылая человека в это долгое странствие? Впереди ещё семьдесят или восемьдесят суток пешего перехода. А вдруг ружьё возьмёт и не сработает

под водой? Но, допустим, Харман сумеет убить большую рыбу — сможет ли он протащить её сквозь защитное поле? Сушёные водоросли и деревянные обломки всё реже встречались вдали от берега. На чём же готовить воображаемую добычу? Правда, в рюкзаке лежала зажигалка — часть многофункционального инструмента, включавшего в себя вилку, ложку и выкидной нож, а также металлическая миска, легко превращавшаяся в кастрюлю, если дотронуться до неё в нужных местах. Однако тратить каждый день по нескольку драгоценных часов на рыбалку…

Примерно в полумиле к западу мужчина заметил огромный утёс или коралловый риф, торчащий из северной стены Атлантики перед очередной глубокой трещиной на дне, но только странной формы, без обычной прорезанной посередине тропы. Наклонная скала уходила в песок и суглинок Бреши, была закругленнее и глаже зубчатых образований из вулканического базальта.

Харман уже выяснил, как нужно активировать увеличительные и телескопические функции в линзах очков термокостюма, и сейчас решил прибегнуть к их помощи.

Мнимый валун оказался вовсе не валуном, а ги-

гантским творением рук человеческих, которое зарылось дельфиньим носом в грязь. Расширяясь кверху подобно женским бёдрам, скомканные балки из обнажённого металла уходили в силовое поле.

Мужчина убрал остаток съедобной плитки, достал ружьё и, закрепив его на поясе, направился к затонувшему кораблю.

Харман стоял, запрокинув голову, и рассматривал таинственную громадину. Судно оказалось гораздо крупнее, чем выглядело с расстояния почти в милю, и сильно смахивало на подводную лодку. Обнажённые балки разбитого носа проржавели от ливней, зато гладкий, почти резиновый с виду корпус, уходящий в полуденную мглу пучины сквозь силовое поле, казался более или менее неповреждённым. Силуэт просматривался на десять ярдов, не дальше.

Мужчина пристально уставился на трещину в корпусе у бутылочного носа корабля. «Брешь посреди Бреши», — тупо думал он, стоя под струями ливня, стекающими по капюшону и линзам. Харман легко пробрался бы через трещину внутрь. Хотя с его стороны было бы чрезвычайно глупо так поступить. В конце концов, его задача — не изучать затонувшие две тысячи лет назад разва-

лины, а дотащить свою задницу до Ардиса или, во всяком случае, до ближайшей общины, причём поскорее: за семьдесят пять, за сто, за триста дней, это уж как получится; его работа — просто идти на запад. Мужчина понятия не имел, что его ждёт в этой чёртовой машине Потерянной Эпохи. Может быть, даже смерть? И потом, разве найдётся место, где узнал бы что-нибудь новенькое тот, кто уже погружался в хрустальный чертог?

И всё же…

Даже и до погружения в чертог Харман был в курсе, что его род, улучшенный на уровне ген и наноцитов, происходил от шимпанзе и гоминидов. И хотя любопытство сгубило бесчисленное множество благородных хвостатых предков, оно же помогло им выпрямиться и отбросить хвосты.

Итак, мужчина спрятал рюкзак в нескольких ярдах от носа корабля — как знать, вдруг эта водонепроницаемая вещица не выдержит чудовищного давления, — взял ружьё в правую руку, включил два ярких фонаря на груди и протиснулся сквозь трещину с рваными металлическими краями в темноту коридора мёртвого затопленного судна.

73

Грекам не продержаться до вечера.

Вообще-то, если так и дальше пойдёт, они не простоят и до ленча. И я вместе с ними.

Ахейцы отступают полукругом, всё плотнее сжимая ряды на полоске берега у рдеющего кровью прибоя. Они бьются как демоны, но и жестокие атаки Гектора не ослабевают. Только после восхода солнца пали по крайней мере пять тысяч греков, и среди них благородный Нестор: его унесли без сознания с раздробленным плечом. Старик желал заместить пропавших и мёртвых великих воинов — Ахилла, Агамемнона, Менелая, Большого Аякса, хитроумного Одиссея — и делал всё, что мог, однако был сбит с колесницы вражеским копьём.

Погиб Несторов сын Антилох, в последние дни показавший себя отважнейшим из ахейцев. Меткий троянский лучник поразил его стрелой в живот. Брат героя Фразимед, тоже храбрый военачальник, исчез на поле брани. Три часа назад его стянули в ров, полный троянцев, и с тех пор не видели. Частокол и все укрепления теперь уже перешли в обагрённые кровью руки Гектора.

Малый Аякс ранен. Пару минут назад его, получившего сокрушительный удар мечом по обеим голеням, как раз над бронзовыми наголенниками, вынесли с поля сечи к пылающим судам, где, право же, было ничуть не безопаснее. Погиб воевода и одарённый целитель ахейцев Подалир. Отпрыск легендарного Асклепия попал в окружение к головорезам Деифоба, которые рассекли блестящего доктора на сотни кусков, а залитые кровью доспехи забрали в Трою.

Аластор, друг Тевкра и командир, занявший место Фразимеда во время свирепой битвы за высоту за оставленными противнику рвами, пал на глазах у своих людей и несколько минут корчился, изрыгая проклятия, с дюжиной стрел, вонзившихся в тело. Пятеро ахейцев стали рьяно пробиваться к погибшему товарищу, но их порубил авангард Гектора. Глотая слёзы, Тевкр посылал стрелу за стрелой в глазницы и животы убийц Аластора, но всё-таки медленно пятился вместе с товарищами.

Отступать больше некуда. Мы стиснуты на узкой полоске пляжа, прибой омывает наши ноги в сандалиях, а на головы беспрестанно сыплется дождь из вражеских стрел. Верные жеребцы до единого пали с оглушительным ржанием — кро-

ме нескольких, кого хозяева, рыдая, отвязали от колесниц и бичами погнали навстречу рядам неприятеля: пусть лучше достанутся супостатам.

Если останусь, меня здесь точно прикончат. Когда я был схолиастом, в особенности тайным агентом Афродиты, и расхаживал упакованным в левитационную упряжь, непробиваемые доспехи, невидимый шлем Аида, с видоизменяющим браслетом, тазером и прочими побрякушками, так вот в те дни я чувствовал себя гораздо увереннее, находясь в местах серьёзных сражений. В небе темно от бесчисленных стрел, поразительно опасных даже на большом расстоянии, но в основном все убийства совершаются в непосредственной близи. Вонзая сталь — или чаще всего бронзу — в тело врага, воин слышит его предсмертный хрип, чует запах его пота, покрывается брызгами крови, мозга, слюны противника.

За последние два часа меня трижды чуть было не порешили. Вначале копьё, перелетевшее через ряды защитников, чуть не отхватило мне яйца. Я высоко подскочил, чтоб избежать удара, и рухнул, раздвинув ноги, на мокрый песок, прямо над торчащим из берега древком, которое, конечно, ещё содрогалось после падения и пребольно стукнуло меня по гениталиям. Затем пернатая

стрела, одна из тысяч затмевавших солнце и усеявших песчаный берег точно миниатюрным лесом, прочертила мне новый пробор на голове, а минуту спустя другая едва не впилась мне в горло, но какой-то аргивянин (мы с ним даже не знакомы) наклонился вперёд, подставил свой круглый щит и отразил ядовитое остриё.

Пора уносить ноги.

За последние несколько часов, начиная с рассвета, рука моя сотни раз тянулась к чудесному медальону, однако я до сих пор не квитировался. Не могу сказать почему.

Хотя нет, могу. Нестерпимо жалко бросать этих отважных воинов на произвол судьбы. Не желаю прохлаждаться в почивальне Елены или на зелёной вершине холма, зная, что люди, с которыми я десять лет общался, беседовал, преломлял вместе хлеб и пил вино, гибнут на окровавленном клочке проклятого берега подобно пресловутым овцам на бойне.

Но мне же не под силу им помочь…

Или под силу?

Наконец я сжимаю медальон, воображаю место, где побывал прежде, поворачиваю золотой диск наполовину и открываю глаза — только чтобы увидеть, что падаю в длинную-предлинную

шахту лифта.

Нет, не падаю. Дважды отчаянно вскрикнув, я вдруг понимаю, что завис в коридоре на палубе «Королевы Мэб». Где-то рядом находились мои апартаменты. Правда, тогда на корабле была приличная гравитация. А теперь — лишь бесконечное ощущение падения и неуклюжие кувырки в пространстве. Тщетно пытаюсь добраться до двери кубрика или купола управления, что в двадцати ярдах вниз — либо вверх — по коридору.

Из ближайшей лифтовой шахты, в которой нет никакого подъёмника, возникают двое покрытых чёрным хитином солдат. У них органические доспехи, тёмные шипы и головы-маски. Моравеки Пояса приближаются и, схватив меня под руки, устремляются обратно к шахте. Судя по всему, нулевая гравитация не причиняет им неудобств. И дело не только в привычке (ибо на их родном Поясе астероидов очень похожие условия): в панцири встроены почти бесшумные сопла, которые извергают мощные струи чего-то прозрачного, возможно, простой воды. Что бы там ни было, оно позволяет им быстро и ловко двигаться в мире, начисто лишённом притяжения. Не проронив ни слова, воины втаскивают меня в пустую шахту,

протянувшуюся по всей длине «Королевы Мэб». Чтобы понять мои ощущения, представьте себе, что вы прыгнули с крыши Эмпайр-Стейт-Билдинг. Вот и я реагирую как любой нормальный человек — снова ору.

Солдаты спускаются — или поднимаются? — по гулкому коридору длиной в сотни футов, оглашаемому моими воплями, и втягивают меня через мембрану силового поля в шумное помещение. Даже из положения вверх ногами его легко узнать: это мостик судна, как-то раз я сюда наведывался, и сомневаться не приходится. Незнакомые мне моравеки работают на трёхмерных виртуальных панелях управления, у голографических проекций стоят роквеки. Один из них — генерал Бех бин Адее, имени другого, похожего на лёгкого паучка, я не могу припомнить, а рядом — чудного вида штурман Чо Ли и первичный интегратор Астиг-Че.

Последний проворно летит ко мне, покуда воины Пояса накрепко пристёгивают меня к цепочному креслу — нет, не как пленника, просто для удобства. Это чуть-чуть помогает. По крайней мере я вновь понимаю, где верх, а где низ.

— Мы не ожидали вашего возвращения, доктор Хокенберри, — произносит маленький моравек

ростом примерно с Манмута, разве что сделанный из пластика, металла и полимеров другой окраски. — Простите за отсутствие гравитации. Я бы мог устроить так, чтобы внутренние силовые поля создали разницу давлений и симулировали для вас некоторым образом подходящую гравитацию; однако, честно признаться, мы удерживаемся в заданной точке орбиты полярного кольца и желали бы избежать значительных перемен в использовании внутренней энергии, не будь на то серьёзной причины.

— Всё в порядке, — отзываюсь я, надеясь, что никто не расслышал душераздирающих воплей в шахте. — Мне нужно потолковать с Одиссеем.

— Он сейчас… э-э-э… недоступен, — говорит Астиг-Че.

— Но мне очень нужно с ним побеседовать.

— Боюсь, это невозможно, — возражает муравек, похожий на моего приятеля Манмута, но только размером; его британский акцент навевал неуловимые воспоминания.

— Но мне действительно нужно… — Я умолкаю на полуслове.

Одиссей убит. Очевидно, полуроботы сделали что-то ужасное с единственным, кроме меня, человеком на борту корабля. Не знаю, с какой

стати, однако ведь я никогда не понимал и двух третей того, что вытворяют или не вытворяют эти чужаки.

— Где он? — Даже пристёгнутый к маленькому сиденью из железных цепей, я стараюсь говорить как властный, уверенный в себе человек. — Что вы с ним сделали?

— Мы не тронули сына Лаэрта, — качает головой первичный интегратор.

— Зачем это нам причинять вред гостю? — спрашивает коробчонка с паучьими ножками, чьё имя я так и не… Ах да, вспомнил. Ретроград Йогенсон. Или Гундерсон. В общем, что-то в скандинавском духе.

— Тогда приведите его сюда.

— Не можем, — повторяет Астиг-Че. — Одиссея нет на корабле.

— Как это — нет на корабле?..

Тут мой взгляд падает на голографический экран, встроенный в нишу корпуса вместо иллюминатора. Чёрт, насколько мне известно, это и есть иллюминатор. В любом случае его нижнюю часть заполняет вращающаяся бело-голубая планета.

— Что, Одиссей на Земле? — выдаю я. — На *моей* Земле?

Моей ли? Конечно, я там жил и умер, но, если верить богам и моравекам, это было тысячи лет назад.

— Нет, сын Лаэрта ещё не спускался на поверхность, — произносит первичный интегратор. — Он отправился навестить голос, который вышел на связь с нашим судном… и потребовал личной встречи с Одиссеем.

— Покажите доктору Хокенберри, что происходит, — вмешался Бех бин Адее. — Он сам поймёт, почему Лаэртид не в состоянии говорить.

Астиг-Че, по-видимому, задумывается над его предложением. Затем поворачивается к Чо Ли. Подозреваю, они совещаются по радиосвязи, после чего штурман вытягивает руку-щупальце, и в каких-то двух футах от меня открывается трёхмерное голографическое окно.

Одиссей занимается любовью с самой чувственной женщиной, какую мне доводилось видеть — кроме Елены, разумеется. Ослеплённый собственным мужским эго, я-то считал наши… половые сношения с троянской красавицей достаточно искусными и вполне энергичными. Однако, тридцать секунд поглазев с разинутым ртом на то, что вытворяют голый ахеец, чьё загорелое коренастое тело покрыто боевыми

шрамами, и экзотическая красотка с пушком на бледной коже и потрясающе подведёнными очами, остаётся признать свои потуги весьма непритязательными, вялыми, точно прокрученными в замедленной съёмке.

— Хватит. — Мой голос хрипит, во рту пересохло. — Выключите.

Порнографическое окошко исчезает из виду.

— Кто эта… леди? — заикаюсь я.

— Говорит, её зовут Сикоракса, — отвечает Ретроград Чей-то-там-сын. Забавно слышать столь мужественный голос из крохотной металлической коробочки на долгих тоненьких ножках.

— Позвольте перекинуться парой слов с Орфу и Манмутом, — прошу я.

Эти двое — мои сравнительно давние знакомцы. Маленький европеец — самый человечный в своём роде, я хочу сказать — среди роботов. Если я и смогу кого-нибудь убедить на «Королеве Мэб», то только его.

— Боюсь, это также невозможно, — отвечает Астиг-Че.

— Почему? Они тоже занимаются сексом со смазливыми моравечками или что?

Неуместность моей жалкой остроты подчёркивает гулкая тишина, повисшая на несколько

долгих секунд.

— Манмут и Орфу с Ио вошли в земную атмосферу в космошлюпке, на борту которой находится подлодка «Смуглая леди», — поясняет первичный интегратор.

— А нельзя подключиться по радио или как-нибудь ещё? — не сдаюсь я. — В смысле, они же держат с вами связь…

— Да, мы в контакте, — произносит Ретроград Невесть-кто. — Однако в настоящую минуту судно подвергается атаке, и мы не хотели бы отвлекать их по пустякам. Мягко выражаясь, их выживание сейчас под вопросом.

«Кто же, Зевс его побери, напал на моих друзей? Зачем? И как?» — вертится у меня на языке. Но всё это лишние разговоры, а я здесь не затем.

— Вы должны открыть Брано-Дыру на берегу в окрестностях Илиона.

Бех бин Адее удивлённо разводит руками в чёрных шипах.

— С какой стати? — осведомляется он.

— Троянцы истребляют осаждающих до последнего, а греки не заслужили подобной участи. Хочу помочь им её избежать.

— Нет, — поправляется генерал. — Я имел в виду, с чего вы взяли, что мы способны творить

Брано-Дыры, когда пожелаем?

— Вы делали это на моих глазах, когда посыпались на Марс прямо с Пояса астероидов, а потом и на Землю Илиона. Десять месяцев назад, помните?

— Наши технологии не достигли того уровня, чтобы открывать Брано-Дыры в иные миры, — вставляет Чо Ли.

— Пропади оно пропадом, но вы же их открывали! — Мой голос предательски дрожит.

— Всё было не так, — возражает Астиг-Че. — На самом деле тогда мы… это трудно разъяснить, к тому же я не учёный и не инженер, каких здесь много… Тогда мы перекрыли Брано-связи, творение так называемых богов, и проложили собственный коридор в созданной ими матрице.

— Ну вот, — подхватываю я, — и повторите. На вашей совести десятки тысяч человеческих жизней. Между прочим, пока суд да дело, могли бы заодно вернуть миллионы греков и прочих европейцев, исчезнувших с поверхности Земли Илиона в виде синего луча.

— Нам неизвестно, как это сделать, — говорит Астиг-Че.

«Тогда какого хрена вы вообще нужны?!» — едва не срывается у меня с языка. Но не срывается.

— Зато вы здесь в безопасности, доктор Хокенберри, — продолжает первичный интегратор.

Мне снова хочется наорать на эту груду пластика и металла, хотя, конечно, она (или он) — прав(а). На борту «Королевы Мэб» я действительно вне угрозы. По крайней мере троянцы тут не достанут. И потом, у сладкой малышки, окрутившей Одиссея, может отыскаться младшая сестра… И тут я слышу собственный голос:

— Я должен вернуться.

«Куда вернуться, идиот? Туда, где греки погибают, но не сдаются? Отличное название для лавки с пахлавой».

— Вас убьют, — сообщает Бех бин Адее. Кажется, этот громадный тёмный вояка-гуманоид ничуть не опечален подобной перспективой.

— Нет, если вы мне поможете.

Похоже, моравеки опять безмолвно совещаются между собой. В одном из дальних голографических окон-мониторов видно, как Одиссей и экзотическая незнакомка всё ещё предаются утехам, точно кролики. Теперь женщина сверху. Она ещё красивее и соблазнительнее, чем показалось мне с первого взгляда. Главное — не заработать эрекцию перед этими полуроботами. Если заметят (а они чересчур догадливы в том, что касается

нас, людей), меня могут понять неправильно.

— Поможем, если это в наших силах, — обещает наконец Астиг-Че. — А что вам нужно?

— Надо бы сгонять кое-куда, но так, чтобы меня не увидели.

Я принимаюсь рассказывать про утраченный шлем Аида и вибрас.

— Видоизменяющие технологии, во всяком случае, применяемые к живым организмам, превышают наши возможности, — отвечает Ретроград… О, вспомнил!.. Синопессен. — Мы до сих пор ещё не достигли такого уровня квантового манипулирования реальностью. Боюсь, у нас очень не скоро появятся машины, способные работать с подобной формой вероятностного коллапса.

— И мы понятия не имеем, как действует этот шлем Аида, — прибавляет Чо Ли. — Хотя, если речь идёт о технологиях олимпийцев или же сил, которые стоят за ними, скорее всего принцип заключается в небольшом квантовом сдвиге сквозь время, а не пространство.

— Может, и для меня сбацаете что-нибудь в таком же роде?

Уже спросив, я понимаю: у этих занятых муравеков нет ни одной серьёзной причины, чтобы

бросаться делать ради меня хоть *что-нибудь*.

— Нет, — отзывается Астиг-Че.

— Можно подогнать под его фигуру костюм хамелеона, — вставляет Бех бин Адее.

— Отлично, — говорю я. — А что это?

— Активный камуфляжный полимер, — поясняет генерал. — Примитивный, но эффективный, если не менять фон чересчур быстро и резко. Примерно из такого же материала была оболочка вашего марсианского судна, только этот невидим для инфракрасных лучей и воздухопроницаем.

— Боги подстрелили наш марсианский корабль уже на орбите, — напоминаю я.

— Ну… да, — произносит Бех бин Адее. — Это тоже надо учитывать.

— А лучше кожи хамелеона вы ничего не можете предложить?

— В ближайшее время — нет, — отвечает Астиг-Че.

— Ладно, беру. И сколько времени потребуется вашим людям… э-э-э… моравекам, чтобы подогнать под меня костюм и научить им пользоваться?

— В ту же секунду, когда мы заговорили об этом, я приказал техническому отделу моделирования эксплуатационных условий браться за

работу, — сообщает первичный интегратор. — Ваши размеры у нас уже были записаны. Готовый продукт принесут через три минуты.

— Чудесно, — говорю я без всякой уверенности.

В какое же место мне податься? И как убедить тех, кого я там встречу, спасти греков? Да и куда их девать? С*е* мьи, рабов, друзей и слуг ахейцев поглотил синий луч, взметнувшийся из Дельф. Словно в предвкушении путешествия рука моя тянется к золотому кругляшу на шее и пальцы вертят активационный диск.

— Кстати, — бросает Чо Ли, — ваш медальон не работает.

— Что?! — Я вырываюсь из-под защитных ремней и повисаю в пространстве. — В каком смысле?

— Наша последняя экспертиза подтвердила: диск совершенно нефункционален, — сообщает штурман.

— Дерьмо какое-то. Парни, раньше вы заявляли, будто медальон нельзя воспроизвести, будто его настроили на мою ДНК или что-то в этом духе.

Первичный интегратор издаёт необычный звук, удивительно похожий на человеческий: словно взрослый мужчина смущённо прочищает

горло.

— Разумеется, существует некое… сообщение… между диском, вашими клетками и ДНК, доктор Хокенберри. Однако медальон сам по себе не имеет квантовых функций. Он вовсе не квитирует вас через пространство Калаби-Яу.

— Что за отстой… — начинаю я, но удерживаюсь от дальнейших комментариев. Чтобы убраться отсюда, мне ещё нужно содействие моравеков и кожа пресмыкающегося. — Я же *попал* сюда, разве нет? Прямо с Земли Илиона.

— Да, — соглашается штурман. — Попали. Только без помощи пустого внутри золотого диска на вашей шее. Вот в чём загадка.

Из дверей лифтовой шахты появляется воин с нарядом хамелеона. С виду — ничего особенного. Честно говоря, одёжка напоминает мне так называемый «домашний костюм», которым я имел глупость обзавестись в семидесятых годах двадцатого века. Такой же дурацкий заострённый воротник и блеск обезьяньей блевотины.

— Воротник растягивается и превращается в капюшон, — говорит Астиг-Че, словно прочитав мои мысли. — Наряд совершенно бесцветен. Зелёный оттенок — всего лишь стандартная настройка, чтобы можно было найти материал.

Приняв у солдата хамелеонью кожу, я по наивности пытаюсь натянуть её сам. И через несколько мгновений начинаю кувыркаться вокруг собственной оси, размахивая тряпкой, будто знаменем.

Генерал Бех бин Адее вместе с рядовым бесцеремонно хватают меня и запихивают в костюм, после чего пристёгивают к одному из кресел при помощи ленты-липучки.

Вытягиваю воротничок и полностью закрываю голову капюшоном.

Это далеко не столь удобно, как нацепить шлем Аида и сразу исчезнуть. Во-первых, в коже ящерицы *ужасно* жарко. Во-вторых, нано-чего-то-там перед глазами не позволяет как следует сфокусировать зрение. Если пялиться сквозь такую штуку целый час, можно заработать самую жуткую головную боль в жизни.

— Ну как? — интересуется Астиг-Че.

— Чудесно, — лгу я. — А меня видно?

— Да, — отвечает первичный интегратор, — но только на гравитационном радаре и в прочих диапазонах невидимого спектра. Визуально вы целиком слились с фоном — в данном случае с Бех бин Адее. Надеюсь, те существа, которых вы собрались навестить, не пользуются

гравитационными радарами, приборами усовершенствованного тепловидения и тому подобной техникой?

Чёрт возьми, а откуда мне знать?

— Есть одна загвоздка, — говорю я.

— Какая? Возможно, мы сумеем помочь, — озабоченно, почти участливо произносит первичный интегратор. Да, моей жене не зря нравился Джеймс Мейсон…

— Чтобы квитироваться, надо повернуть квитмедальон. А для этого придётся расстегнуть кожу и…

— Костюм хамелеона пошит очень свободно, — перебивает генерал. Судя по голосу, военный меня недолюбливает. — Просуньте руку под материю. Даже обе руки, если хотите.

— А, ясно.

Я вытаскиваю ладонь из рукава, дотягиваюсь до медальона и, считая, что разговор окончен, квант-телепортируюсь прочь с «Королевы Мэб».

«Ого, ещё как работает!» — чуть было не вскрикиваю я, очутившись в нужной точке пространства-времени. И вспоминаю, что зря не попросил у моравеков какого-нибудь оружия. А ещё — воды и немного пищи. Ну и наверное, непробиваемых доспехов.

Однако сейчас не до громких воплей.

Я появился в Великой Зале Собраний на Олимпе. Зевс восседает на золотом престоле, сегодня в Громовержце не менее пятидесяти футов. Геры нет, её невысокий трон обвит чёрной траурной лентой.

Все остальные, похоже, в сборе. Столько бессмертных я не видел даже на последнем совете, куда завалился в несравненно более удобном шлеме Аида; многие лица вообще незнакомы — и это после десятка лет ежедневных отчётов. Тут сотни и сотни богов — тысяча с лишним, должно быть.

И все как один молчат. Ждут, когда Зевс к ним обратится.

Стараясь из последних сил не сопеть и не грохнуться в обморок от удушливой жары под кожей треклятой ящерицы, от души надеясь, что никому из небожителей не придёт на ум воспользоваться гравитационным радаром или термо-хрен-знает-чем, я замираю словно вкопанный бок о бок с окаменевшими богами, богинями, нимфами, фуриями, эриниями и полубожествами в напряжённом ожидании речи Громовержца.

74

Ещё не успев ступить сквозь разлом внутрь покинутого судна, Харман понял, с чем имеет дело. Протеиновые банки данных хранили тысячи ссылок на тысячи типов кораблей, бороздивших земные моря в течение десяти тысяч лет человеческой истории. Конечно, трудно сказать наверняка, увидев лишь искорёженный нос и рваные листы эластичного материала, невидимого для сонаров, некогда облекавшие гибкую «умную сталь» корпуса, однако мужчина не сомневался, что угодил на подводную лодку одного из последних столетий Потерянной Эпохи — где-то между Рубиконом и появлением первых постлюдей. Во Времена Безумия.

Харман двинулся вниз по слегка наклонному коридору, дыша через респиратор, хотя пока ещё находился в сухой части судна.

Вот он оказался в помещении, стены которого отклонялись от вертикали всего лишь на десять градусов, однако после давнего столкновения с океаническим дном в двух сотнях футов ниже поверхности — задолго до возникновения Атлантической Бреши — металл помялся, и примерно

с полдюжины длинных канистр вытряхнуло на пол. Оружие здесь явно не требовалось: судно не подавало признаков жизни. Путешественник пристегнул ружьё к полосе-липучке у правого бедра и прикрыл его, слегка оттянув термокожу: словно убрал в кобуру, какие видел в библиотечных книгах Таджа.

Мужчина положил правую ладонь на закруглённый край одной из опрокинутых канистр: интересно, подействует ли функция поиска данных через молекулярные перчатки термокожи?

Функция подействовала.

Харман стоял в торпедном отсеке боевой субмарины класса «Мохаммед». Искусственный интеллект системы наведения данной конкретной «торпеды» (до этой миллисекунды мужчина ещё ни разу не сталкивался с подобным словом и тем более понятием) угас два с лишним тысячелетия назад, однако остаточной памяти мёртвых микросхем хватило, чтобы сообщить супругу Ады, что в нескольких дюймах под его ладонью покоится ядерная «боеголовка» (ещё одно впервые встреченное название) высокоскоростного подводного самонаводящегося по принципу «гоняйся, пока не прикончишь кого-нибудь» снаряда весом тридцать четыре тысячи фунтов. Простое

термоядерное оружие мощностью в каких-то четыреста семьдесят пять килотонн, что соответствует девятистам пятидесяти миллионам фунтов тротила. Стоит крохотному шару величиной с жемчужину взорваться, и в миллионную долю секунды воздух нагреется до невообразимой температуры в десятки миллионов градусов. Мужчина почти ощутил гибельные нейтронные и гамма-лучи, точно свернувшихся змеев-драконов смерти, готовых сорваться на всё четыре стороны со скоростью света, чтобы убивать и поражать каждую клетку человеческих нервов и тканей, что попадётся на пути, пролетая сквозь них, как пули сквозь масло.

Харман отдёрнул руку и вытер её о бедро, точно испачкался в чём-то мерзком.

Подлодка целиком представляла собой орудие для убийства людей. Короткое знакомство с погасшим ИскИном дало мужчине понять: торпедные боеголовки почти не имели отношения ни к машине, ни к подлинным задачам команды. Но чтобы выяснить настоящую миссию, следовало покинуть торпедный отсек, подняться по наклонной палубе, миновать гардеробную и столовую, взойти по лестнице, спуститься по коридору мимо сонарной рубки и помещения интегральной

системы связи, потом вверх по новой лестнице в центр управления.

Правда, сухой оставалась только ближайшая половина торпедного отсека.

Свет нагрудных ламп указал путешественнику северную стену Атлантики примерно в пятнадцати футах перед глазами. Много столетий пролежала подлодка на донном хребте в двух сотнях футов от поверхности океана, покуда неизвестная сила, сотворившая Брешь, не откачала солёные волны из носовых отсеков, однако из мириадов представителей подводной жизни, что наверняка здесь кишела веками, не осталось даже пересохшей ракушки; не было и следа человеческих костей или других останков команды. Силовое поле, разрезавшее Атлантику, физически не разрубило ни гибкий металл обшивки, ни твёрдый корпус: лучи нашарили в месте стыка плотную, неповреждённую палубу, и всё же чёткий овал океана рассекал отсек пополам. Северная стена удерживала воду на всём открытом пространстве, но стоило сделать шаг за эту непроницаемую преграду, отражавшую лучи нагрудных ламп подобно натёртой до зеркального блеска тёмной поверхности…

Внезапно Харман исполнился отвратитель-

ного, болезненного ужаса и ухватился за нос ненавистной торпеды, чтобы не зашататься и не рухнуть на ржавые плиты палубы. Его тянуло бросить это старинное боевое судно, выбежать на воздух, сорвать респиратор и поддаться накатившей тошноте, лишь бы очиститься от яда, который внезапно заполнил и тело, и разум.

Хотя мужчина опёрся на простую торпеду, предназначенную для истребления вражеских кораблей, в крайнем случае — портов, выход продуктов термоядерного деления троекратно превышал полную взрывную силу, обрушенную на Хиросиму (слово и образ только что посетили потрясённый рассудок Хармана), и способен был уничтожить практически всё на площади в сотню квадратных миль.

Всегда умевший верно оценивать на глаз расстояния и размеры — даже в эпоху, не требовавшую подобных навыков, — мужчина мысленно начертил четырёхугольник со сторонами десять на десять миль в сердце Парижского Кратера. Или же в Ардисе. Там подобная вспышка не только испарила бы особняк и новые постройки в микросекунду, но сдула бы прочь возведённые с трудом укрепления, прокатилась бы огненным шаром до факс-павильона, расположенного в полутора

милях, и унесла его мгновением позже, вскипятила реку у подножия холмов, леса обратила бы в пепел, а в следующий миг растущая волна пламени уже докатилась бы до Тощей Скалы, на которой благодаря туринской пелене похищенный мелком видел свою жену и товарищей.

Запоздало активировав дремлющие нанофункции своего организма, Харман получил сообщение, которого больше всего боялся. Торпедный отсек наполняла остаточная радиация. Повреждённые боеголовки наверняка давным-давно утратили смертельную силу, правда, успев облучить при этом нос подлодки.

Но нет, сенсоры твердили, что корма представляет гораздо большую опасность, а ведь именно туда мужчине придётся пойти, если он желает лучше узнать эту машину смерти. Возможно, термоядерный реактор, управлявший мерзким судном, понемногу протекал долгими столетиями. Впереди путешественника ждал радиоактивный ад.

Харман достаточно разобрался в собственных биометрических функциях, чтобы знать, как можно пообщаться с внутренним наблюдателем. И он задал самый простой вопрос: «Может ли термокожа полностью защитить меня от вредного

излучения?»

Ответ пришёл в виде лаконичной мысли: «Нет».

Идти вперёд было бы настоящим безумием. Мало того, человеку не хватало банальной храбрости протиснуться сквозь чёрную стену в радиоактивный водоворот, одолеть затопленную часть торпедного отсека, холод и мрак столовой и кают-компании, где древние счётчики Гейгера просто взбесились бы, опять наверх и вниз по коридору мимо сонарной и помещения интегральной системы связи, а потом ещё по одной лестнице… Невыносимо даже представить весь этот жуткий, леденящий в жилах кровь, убивающий клетки путь до центра управления.

Чтобы оставаться дольше, тем более углубляться в недра гнусной посудины, нужно было в буквальном смысле слова утратить рассудок. «Это же верный конец. Не только мне — надеждам нашего рода, вере Ады, которая ждёт моего возвращения. А ребёнок? В наше грозное, опаснейшее время ему необходим отец. Я погублю будущее».

И всё-таки он должен был узнать. Квантовые остатки ИскИна торпедной боеголовки сообщили достаточно, и теперь мужчина просто не мог

обойтись без ответа на свой единственный страшный вопрос. Поэтому Харман пошёл — пошёл вперёд, хотя и в ужасе, медленно, шаг за шагом.

В Атлантической Бреши он провёл уже трое суток, однако впервые решился преодолеть силовую стену. Это было полупроницаемое поле, такое же, как на орбитальном острове Просперо: мембрана пропускала исключительно «старомодных» людей. Вот только на сей раз человеку предстояло покинуть тёплое, наполненное воздухом пространство ради холода, мрака и чудовищного давления.

Как и рассчитывал Харман, термокостюм защитил его от глубинного эффекта, раз уж не спасал от радиации. Путешественник никогда не интересовался дизайном или принципом действия чудесной кожи: главное, чтобы помогала, и ладно.

Нагрудные лампы автоматически усилили яркость, проницая толщу воды, полную мельчайшего мусора и отражённых бликов.

Затонувшие отсеки подлодки настолько же густо кишели жизнью, насколько стерильна была верхняя половина торпедного отделения. Поселившиеся здесь организмы не только не вымерли в условиях жёсткой радиации, но даже

откормились и процветали. Все металлические поверхности скрылись под зарослями мутировавших коралловидных грибов, затянулись массами зелёной, розовой и сизой живой материи; всюду под влиянием невидимых течений слабо колыхались тонкие щупальца и кружевные оборки. Лучи то и дело вспугивали проворных существ, похожих на крабов. Из кормового торпедного люка, словно из норы, высунулся кроваво-красный угорь, но тут же втянул голову обратно и только сверкнул в темноте рядами острых зубов. Харман посторонился, пробираясь мимо.

Искусственный интеллект мёртвой боеголовки дал примерное представление об устройстве судна и расположении центра управления, однако лестницы, которая вела бы к столовой и гардеробной, не оказалось на месте. Суперсплавы, из которых была построена субмарина, не сгнили до сих пор и даже под водой прослужили бы ещё две тысячи лет, однако ступени «трапа» (название опять подсказала память, заключённая в пучках протеинов) давным-давно проржавели.

Упираясь ладонями прямо в ил и качающиеся веера водорослей по обе стороны чуть накренившейся лестничной шахты, надеясь не угодить пальцами в рот какому-нибудь угрю, мужчина

с трудом двинулся вверх сквозь густой зелёный суп. Частички радиоактивного мусора и живности льнули к термокоже, липли на респиратор и стёкла очков. Харман чуть было не задохнулся от натуги, пока добрался до уровня кают-компании. Он по опыту знал, что дыхательная маска будет по-прежнему поставлять отличный кислород, и без обращения к банкам памяти понимал, что термокожа спасает от холода, как спасала в космическом вакууме… но вакуум казался гораздо *чище*.

«А вдруг эта слизь на моих очках когда-то составляла тела людей, которые служили на лодке?»

Путешественник отмахнулся от мерзкой и нелепой мысли. Если команда и пошла ко дну вместе с лодкой, вечно голодные обитатели океана за несколько лет обглодали кости, а немногим позже и с ними расправились.

«Да, но всё-таки…»

Мужчина сосредоточился на пути сквозь плотные заросли, мусор и сломанные койки. Судя по схеме, сохранившейся в уцелевших молекулах памяти боеголовки, некогда тут была спальня для людей; теперь это больше напоминало заброшенный склеп, разве что полки, покрытые серыми

грибами, служили ложами для угрей, пугающихся света, и крабов-мутантов, а не гниющих тел покойных Монтекки и Капулетти.

«Надо бы как-нибудь взяться и *почитать* этого самого Шекспира. Уж очень много встречается ссылок на его творчество и высказывания», — думал Харман, раздвигая слизистые сталагмиты и заплывая в бывшую столовую. Останки длинного обеденного стола невесть почему напомнили путешественнику место людоедского пиршества Калибана, увиденное месяцы назад на орбитальном острове Просперо, — возможно, дело было в грибах и моллюсках, которые приобрели здесь кровавый оттенок.

В дальнем конце багровой пещеры, как уже знал мужчина, располагалась лестница, на сей раз настоящая, вместо наклонного трапа, ведущая в помещение интегрированной системы связи.

Лестницы здесь не оказалось. Узкий туннель отвесного коридора был забит зелёно-синими водорослями. Харману представился Парижский Кратер, превращённый, по рассказам Даэмана, в гнездо из голубого льда.

Но эту сеть за многие столетия сплела земная океанская флора, пусть даже мутировавшая, и

мужчина принялся с треском разрывать её, захватывая крупными горстями и беспрестанно сетуя, что не захватил с собой топор. В этой вязкой массе нельзя было разглядеть собственных рук. Нечто длинное и юркое — ещё один угорь? морская змея? — скользнуло по телу и пропало внизу. Харман продолжал разгребать комья радиоактивной слизи, пробираясь в кромешной темноте.

Казалось, он рождается заново, но только теперь — в гораздо более кошмарный мир.

В пылу сражения с водорослями мужчина даже не заметил, как очутился в рубке интегрированной системы связи. Вокруг колыхались зелёные щупальца, а вода была так замусорена, что блики от лучей нагрудных ламп ослепили глаза, и путешественник рухнул в первобытную слизь.

Вспомнив, что с каждой секундой промедления на грозной посудине смертельная опасность возрастает, он встал на колени, сорвал со спины и плеч старые цепкие лозы растений, поднялся и побрёл дальше.

Рубка была ещё жива.

Осознав это, Харман окаменел. Встроенные в тело функции, с которыми он даже не успел ознакомиться, засекли пульсирующую готовность приборов, упрятанных под живым зеленова-

то-сизым ковром, — готовность передавать информацию, общаться… Только не с ним. Коммуникационный ИскИн даже не заметил нежданного гостя: способность взаимодействовать с людьми давным-давно отмерла заодно с квантовым сердцем компьютеров.

И всё же они желали общаться — с кем или чем угодно. В особенности — получать приказы.

Догадываясь, что не получит здесь ответа на главный вопрос, Харман где пешком, а где вплавь продолжал двигаться по направлению к корме через покрытую слизистой коркой сонарную рубку. Что это за «рубка», он не имел ни малейшего понятия, но и не забивал себе голову подобной чепухой.

Если бы путешественник хоть когда-нибудь размышлял о субмаринах (чего ни разу не случалось), он бы удивился тому, что эта подлодка не разбита на множество запирающихся, водонепроницаемых отсеков, как обычно. Просторные помещения даже не отличались герметичностью. Стоило воде хлынуть внутрь, а так и произошло, морякам не пришлось бы медленно умирать, задыхаясь под потолком каюты; огромная волна, ворвавшись, прикончила бы всех за считанные секунды. Похоже, люди, служившие на судне,

предпочитали внезапную гибель долгой агонии.

Наконец, осознав, что находится в середине отсека управления, Харман перестал плыть и опустился ногами на палубу.

Здесь было гораздо меньше растительности, кое-где поблёскивал оголённый металл. Сверившись с примитивной схемой, взятой из ИскИна боеголовки, мужчина обнаружил центры запуска торпед и не только — вертикальные металлические колонны, которые во время былых сражений проецировали мириады голографических виртуальных органов управления. Харман прошёлся по отсеку, прикасаясь ладонью в термокоже к металлу и пластику, собирая информацию из встроенных повсюду отмерших квантовых мозгов.

Он не нашёл ни кресла, ни сиденья, ни трона для капитана. Видимо, тот попросту стоял перед пультом управления, который отображал состояние и работу многочисленных систем корабля обычно на виртуальных, а при повреждении соответствующей системы — на жидкокристаллических пластиковых панелях.

Мужчина провёл рукой в зеленоватом сумраке. Вот *здесь* … возникали экраны сонаров… Там, *слева* … тактические дисплеи… В нескольких

ярдах за его спиной сидели на неудобных серых «поганках» члены команды, следя за показаниями беспрестанно меняющихся виртуальных приборов, отвечающих за балласт, уравновешенность судна, радары, сонары, реле GPS, уровень помех, готовность и запуск торпеды, физические механизмы…

Харман отдёрнул руку: незачем забивать себе голову лишними подробностями. Его интересовало другое.

Здесь.

Сразу же за рабочим местом капитана скрывался металлический монолит, непроницаемая чернота которого полностью поглощала свет ламп, а гладкая поверхность осталась девственно чистой от ракушек, моллюсков, кораллов и слизи.

Это и был главный искусственный интеллект подлодки, созданный таким образом, чтобы сотней различных способов общаться с командой и капитаном. Насколько знал супруг Ады, компьютер подобного рода, пусть и погибший два тысячелетия назад, но сохранивший хотя бы один процент работоспособности, всё-таки оставался живее всех живых существ на планете. Квантовый разум умирает очень тяжело. И очень

медленно.

К счастью, для доступа к центральным банкам ИскИна не требовалось никаких кодов: вероятно, мужчина даже не знал нужного языка, чтобы в них разобраться, однако это не имело значения. Его функции были наногенетически запрограммированы в ДНК и усовершенствованы гораздо позже того, как затонуло судно, так что подлодке не утаить своих секретов от незваного гостя.

Это-то и внушало страх.

Хармана потянуло на волю из подводного склепа, подальше от радиации, которая пронизывала его кожу, мозг, яйца, кишки и глазные яблоки, пока он стоял в нерешительности будто вкопанный.

«Но я должен узнать».

Человек опустил руку на чёрную поверхность монолита.

Субмарина носила название «Меч Аллаха». Она покинула свой порт…

Мужчина пропустил журнальные записи, сведения о древней войне. Выяснил только, что разгорелась она ещё до Рубикона, во Времена Безумия, когда Глобальный Халифат доживал свой век, демократия Запада и Европы почти умерла, а Новый Европейский Союз превратился в фик-

тивное сообщество стран-вассалов, стонущих под игом поднимающегося ханства…

Всё это было не важно. И лишь одно играло роль — то, что скрывалось в чреве подлодки подобно младенцу, растущему в животе возлюбленной Ады.

Не сумев удержаться, Харман прослушал в ускоренной записи завещания двадцати шести членов команды. Вооружённая баллистическими ракетами, высоко автоматизированная подлодка класса «Мохаммед» не требовала экипажа более чем из восьми человек, однако последняя миссия вызвала такой ажиотаж, что среди множества добровольцев на борт были допущены двадцать шесть Избранных.

Все до единого — мужчины. Зная о приближении неминуемой гибели (насколько понял Харман, субмарину атаковал кордон из подлодок, воздушных судов, космических и морских кораблей), эти фанатики вручили свои души Аллаху. Они прекрасно знали, что доживают последние минуты — как и Земля, которой грозило уничтожение.

Капитан отдал приказ о пуске и передал его через главный ИскИн.

Почему же снаряды не взлетели? Харман

буквально выпотрошил квантовую начинку искусственного интеллекта, но так и не докопался до причины. Голосовая команда отдана. Все четыре ряда физических рычагов повёрнуты. Координаты целей подтверждены. Снаряды указаны в необходимом порядке. Виртуальные и физические переключатели замкнуты. Гидравлика избыточного давления поочерёдно открыла все до единого массивные люки. Лишь тонкий купол из голубого стекловолокна разделял океанскую толщу и пусковые шахты, наполненные азотом, дабы уравнять давления и не дать воде в последний миг помешать выстрелу. Газогенераторы должны были вытолкнуть сорок восемь снарядов, а разряд силой в две с половиной тысяч вольт — воспламенить газ, который менее чем за секунду мог создать давление в восемьдесят шесть тысяч футов на квадратный дюйм и выстрелить снаряд на поверхность, будто пробку из бутылки, окружённую пузырём из азота. При соприкосновении с воздухом немедленно загорелось бы твёрдое ракетное топливо. Имелись даже запасные пусковые инициаторы и зажигатели. Ракеты с рёвом рванули бы к целям. Все индикаторы запуска светились красным огнём. В каждой из сорока восьми шахт в тяжёлом чреве

«Меча Аллаха» сигналы «ОЖИДАНИЕ» сменились на «НАВЕДЕНИЕ», потом на «ЗАПУСК» и «ЗАПУСК ВЫПОЛНЕН УСПЕШНО».

Однако снаряды по-прежнему оставались на местах. Погибший и разлагающийся ИскИн знал это; его досада и нечто вроде лёгкого стыда ощутимо пощипывали руку человека сквозь термокожу.

Сердце Хармана так сильно стучало, а сам он так неровно дышал, что респиратор, дабы избежать гипервентиляции, снизил поступление кислорода.

Сорок восемь снарядов. Все оснащены шестнадцатью отдельными аппаратами, обеспечивающими повторный вход в атмосферу. Фактически семьсот шестьдесят восемь боеголовок — на взводе, без предохранителей, готовых взлететь, нацеленных на семьсот шестьдесят восемь уцелевших городов мира и старинных памятников.

Но не обычных боеголовок вроде тех, что были установлены в торпедах «Меча Аллаха».

Нет, эти снаряды несли кое-что поопаснее: каждый скрывал в себе тонко упакованную чёрную дыру. Самое совершенное оружие человечества и Глобального Халифата на тот момент. «Идеальное чистящее средство», — подумал мужчина и

нервно хихикнул, а может, всхлипнул.

Сами по себе чёрные дыры не превышали размерами то, что один из погибших моряков в своей полной религиозного пыла прощальной речи назвал «футбольным мячом, который я в детстве гонял на руинах Карачи[105]». Однако стоило им вырваться на свободу и поразить цели, итог был бы гораздо страшнее, нежели при использовании обычного термоядерного оружия.

Чёрная дыра пробивает в центре города, на который падает, отверстие размером с футбольный мяч, в ту же секунду устраивает плазменную имплозию в тысячи крат мощнее любого термоядерного взрыва и продолжает вгрызаться в планету, превращая почву, камень, воду и магму на своём пути в восходящее облако пара и плазмы, а заодно засасывая людей, постройки, машины, деревья, молекулярную структуру города и его окрестностей площадью в сотни квадратных миль.

Память Хармана выдала любопытные сведения. Оказывается, чёрная дыра, пробуравившая километровую воронку посреди Парижского Кратера, отличалась нестабильностью и не превышала

---

[105] notes: 105
Город в Пакистане.

диаметром одного миллиметра: она поглотила сама себя, не успев достигнуть сердцевины Земли. За тот неудачный древний эксперимент человечество поплатилось одиннадцатью миллионами жизней.

Эти же чёрные дыры не были предназначены к самопоглощению. Они должны были прыгать, как мячики для пинг-понга, пронзая планету, вырываясь в атмосферу и жадно устремляясь обратно — семьсот шестьдесят восемь сфер, окутанных плазмой и ионизирующим излучением, призванных разрушать кору, мантию и магму снова и снова, снова и снова, месяцами, годами, пока не остановятся окончательно в центре любимой старушки Земли, взявшись пожирать её ткань изнутри.

Двадцать шесть членов команды, которых прослушал супруг Ады, на разные голоса восхваляли такой исход своей миссии, ожидая воссоединиться в райских кущах. Хвала Аллаху!

«Лишь бы не сблевать прямо в респиратор».

Ещё одну долгую, нескончаемую минуту мужчина заставлял себя не отдёргивать руку от чёрного монолита. ИскИн наверняка содержал инструкции, как обезвредить уже активированные чёрные дыры.

Поля, которые сдерживали их внутри боеголовок, обладали достаточной силой, чтобы, если потребуется, существовать веками; однако, прослужив более двух с половиной тысячелетий, они утратили былую стабильность.

Как только высвободится одна из чёрных дыр, вслед за ней вырвутся остальные. И не важно, откуда они начнут свой путь к сердцу Земли — из мест, куда направлялись, или же прямо из Атлантической Бреши. Исход будет одинаков.

Искусственный интеллект не знал ни единого способа обезвредить боеголовки. Сингулярности просуществовали двести пятьдесят раз по Пять Стандартных Двадцаток, и в мире «старомодных» людей, чьим самым крупным техническим достижением слыл арбалет, никто не сумел бы восстановить поля-оболочки.

Харман отдёрнул ладонь.

Позднее он так и не вспомнил, как выбрался из затонувшей субмарины, как, шатаясь, прошёл по сухому торпедному отсеку и протиснулся сквозь щель в обшивке навстречу солнечному свету и грязной земной полоске, именуемой Атлантической Брешью.

Зато мужчина не мог забыть, как, сорвав капюшон с респиратором и повалившись на

четвереньки, несколько минут выворачивал желудок наизнанку. А когда там ничего не осталось (съедобные плитки были питательны, но растворялись довольно быстро), долго ещё содрогался всухую.

После этого путешественник настолько ослаб, что не мог удержаться даже на четвереньках, кое-как отполз от блевотины, рухнул наземь и перекатился на спину, уставившись на длинную ленту синего неба. Бледные, но уже отчётливые кольца вращались и пересекались между собой, точно стрелки ходиков, отсчитывавших часы, дни, месяцы или годы, покуда боеголовки с чёрными дырами в нескольких ярдах от Хармана не посчитают нужным взорваться.

Мужчина понимал, что ему нужно срочно удалиться от источника радиации — ползти на запад, если потребуется, — однако не находил в себе ни душевных, ни физических сил для этого.

Наконец по прошествии долгих часов, ибо в небесах уже смеркалось, путешественник обратился к своим биометрическим функциям.

Как он и подозревал, доза полученной радиации оказалась смертельной. Внутренний наблюдатель известил человека, что теперь слабость и головокружение не оставят его, но будут

лишь усиливаться, что сухие рвотные судороги скоро вернутся, что кровь уже превращается под кожей в сгустки. В течение следующих часов клетки внутренностей отслоятся многими тысячами (процесс уже запущен), потом начнётся кровавый понос — на первых порах прерывистый, затем безостановочный, покуда мужчина не исторгнет сгнившие кишки наружу. После этого кровотечение станет по большей части внутренним, стенки клеток окончательно разрушатся, и система придёт в упадок.

Всё это Харман будет чувствовать и ясно сознавать. Уже через день у него не останется сил передвигаться в промежутках между приступами поноса и рвоты. Путешественник раскинется на дне Атлантической Бреши неодушевлённой куклой, время от времени трепеща от непроизвольных судорог. Даже синее небо и звёзды не смогут утешить взор умирающего: биомониторы уже сообщили о катарактах, порождённых радиацией на обоих его глазах.

Мужчина слабо ухмыльнулся. Так вот почему всезнающие Просперо и Мойра дали ему в дорогу скудный запас съедобных плиток! Этого хватило, даже с лихвой.

«Но почему? Зачем было делать из меня Про-

метея, наделять столькими функциями, такой информацией, подарить надежду для Ады, для всего моего рода — и бросить умирать в одиночестве… точно пса под забором?»

Сознание Хармана ещё не настолько помутилось, чтобы не понимать: мириады людей, не более избранных, нежели он, тщетно устремляли тот же вопрос к бессловесным небесам, оказавшись на краю смерти.

Да и мужчина уже достаточно поумнел, чтобы самому на него ответить. Прометей похитил огонь с Олимпа. Адам и Ева вкусили в райском саду плод познания. В сущности, все древние мифы твердят на разные лады одну и ту же ужасную голую правду: «Попробуй украсть огонь и познание у бессмертных, и ты немного возвысишься над животными, но по-прежнему будешь очень и очень далёк от настоящего Бога».

Сейчас Харман дорого дал бы, лишь бы никогда не слышать последних личных и религиозных завещаний, оставленных двадцатью шестью безумцами из команды «Меча Аллаха». Их бесстрастные прощальные речи помогли мужчине почувствовать полную тяжесть бремени, которое он хотел донести до Ады, Даэмана, Ханны, своих друзей, до всего своего племени.

Он вдруг понял, что всё, произошедшее в прошлом году — появление туринских пелён, рассказывавших об осаде Трои, — подарочек «старомодным» от Просперо, посланный через Одиссея и Сейви; их разные, но всегда безрассудные путешествия; смертельное представление на орбитальном острове экваториального кольца; благополучное спасение оттуда; новые открытия жителей Ардиса о том, как изготовлять оружие, строить общество, хотя бы в зачаточном его состоянии, зарождение политических и даже некоторых религиозных представлений…

Всё это помогло людям стать человечнее.

Наконец-то их раса вернулась на Землю после четырнадцати с лишним веков комы и ледяного безразличия.

Выходит, что их с Адой ребёнок окажется первым из полноценных людей за долгие столетия удобного, бесчеловечного прокисания под присмотром фальшивых богов-«постов»: ему или ей придётся ждать опасности, даже смерти на каждом шагу, придётся изобретать, создавать крепкие узы со своими соплеменниками, хотя бы для того, чтобы пережить войниксов, калибано, самого Калибана и странную тварь — Сетебоса…

Это было бы интересно. Интересно *до ужаса*. А

главное — это было бы *по-настоящему*.

И в конце концов привело бы — возможно, привело бы, вероятно, привело бы, — к «Мечу Аллаха».

Мужчина перекатился на бок, и его снова стошнило. На сей раз — в основном кровью и слизью.

«Так быстро? Не ждал…»

Харман зажмурился от боли, пронизавшей всё тело и разум. Рука нащупала выпуклость у правого бедра. Пистолет был на месте.

Мужчина отклеил оружие от липучей ленты, щёлкнул предохранителем, дёрнул затвором, как показывала Мойра, и приставил дуло к голове.

75

Демогоргон затмевает собой добрую половину объятого пламенем небосвода. Азия, Пантея и неразговорчивая Иона по-прежнему испуганно закрывают головы. Склоны гор, утёсов и вулканов заполняют исполинские неясные тени: титаны, часы, скакуны-монстры, просто монстры, гигантские сороконожки — родственники Целителя, кошмарные возницы, и снова титаны занимают места, словно присяжные во время суда на ступенях греческого храма. Сквозь очки термо-

костюма отчётливо видно всё происходящее. На вкус Ахилла, даже чересчур отчётливо.

Чудовища Тартара не в меру чудовищны, титаны слишком косматы и слишком титанического роста, а глядя на возниц и существ, которых Демогоргон окрестил часами, вообще невозможно навести полную резкость. Однажды Пелид рассёк одному троянцу живот и грудь ударом клинка. Среди разрубленных рёбер и вывалившихся кишок прятался крохотный гомункул; подслеповато моргая, он уставился на человека бледно-голубыми глазками. Это был единственный раз, когда быстроногого стошнило на поле боя. Так вот на этих тварей было так же трудно смотреть.

В то время как Демогоргон ожидает, пока присяжные из ночных кошмаров соберутся и рассядутся по местам, Гефест вытягивает из дурацкого пузыря на своей голове тонкий шнур и подключает его другим концом к шлему Ахилла.

— Так слышно? — спрашивает хромой карлик. — Надо потолковать, у нас мало времени.

— Я-то слышу, а Демогоргон? Раньше у него получалось.

— Нет, это жёсткая связь. Наш Демогоргон хоть и похож невесть на что, но он же не Дж. Эдгар Гувер.

— Кто?

— Не важно. Послушай, сын Пелея, нужно согласовать, *что* мы будем рассказывать великанской братии. От этого зависит очень многое.

— Не называй меня так! — рычит Ахилл с огнём в глазах, от которого застывали на поле сечи вражеские войска.

Гефест — и тот шарахается назад, натянув коммуникационный провод.

— А как я тебя назвал?

— Сыном Пелея. Не желаю больше слышать этого имени.

Бог ремёсел воздевает руки в тяжёлых перчатках ладонями кверху.

— Ладно. Давай о деле. Минута-другая, и здесь начнётся суд «кенгуру».[106]

— Что такое кенгуру?

Мужеубийцу безумно раздражает вся эта глупая тарабарщина. Между прочим, клинок по-прежнему у него в руке. Внутренний голос упорно подсказывает герою, что прикончить так называемого бога можно одним ударом; что для этого достаточно распороть металлическое одеяние бородатого идиота и, отступив назад,

---

[106] notes: 106

Незаконное судебное разбирательство; комедия суда. Намёк на то, что через закон «перепрыгивают», обходят его.

наблюдать, как он задохнётся насмерть в ядовитой кислотной атмосфере. С другой стороны, Гефест — олимпиец, пусть и вдали от целебных баков, управляемых большой букашкой. Так что возможно, нахальный урод подобно греку будет попросту кашлять и содрогаться, корчась от боли целую вечность, покуда его не слопает одна из Океанид. Вот бы попробовать!..

Ахилл берёт себя в руки.

— Забудь, — отвечает Гефест. — Что ты скажешь Демогоргону? Или поручишь мне говорить?

— Нет.

— Ну, тогда надо заранее договориться. О чём ты ещё попросишь титанов, не считая убийства Зевса?

— Я и не думал их об этом просить, — твёрдо произносит ахеец.

Бородатый карлик изумлённо таращит глаза под выпуклыми стёклами шлема.

— Разве? Я думал, мы здесь как раз за этим.

— Я сам порешу Громовержца, — заявляет Ахиллес. — И скормлю его печень Аргусу, любимому псу Одиссея.

Кузнец испускает вздох.

— Хорошо. Но для того, чтобы я воссел на олимпийском престоле (помни, ты обещал, и Никта

подтвердила нашу сделку), всё-таки необходимо вмешательство Демогоргона. А он не в своём уме.

— Не в своём уме? — отзывается мужеубийца.

Чудовищные тени в основном уже расселись по местам среди хребтов и потоков лавы.

— Слышал, как он тут распространялся о верховном Боге? — произносит Гефест.

— Если это не про Зевса, тогда я не знаю, о ком речь.

— Демогоргон имеет в виду единственного верховного повелителя всей вселенной. — И без того скрипучий голос калеки ещё сильнее хрипит по линии жёсткой связи. — Бога с большой буквы «Б» и никаких иных.

— Чушь какая-то, — говорит ахеец.

— Ну да, — соглашается кузнец. — Вот почему сородичи Демогоргона заточили его в пучине Тартара.

— Сородичи? — повторяет быстроногий, не веря своим ушам. — Хочешь сказать, он такой не один?

— Само собой. Никто не появляется на свет в единственном экземпляре. Такие вещи пора и тебе знать, Ахилл. Наш Демогоргон помешан, как троянская сортирная крыса. Он поклоняется

какому-то единому всемогущему Богу с большой буквы «Б», которого иногда зовёт «Тихим».

— Тихим? — Мужеубийца пытается вообразить молчаливого бога. Такого ему точно не приходилось видеть.

— Вот именно! — рычит Гефест в микрофон своего шлема. — Только этот самый «Тихий» — ещё не весь единый и всемогущий тот-что-не-с-маленькой-буквы, а лишь одна из Его сущностей… Причём «Его» тоже пишется с большой «Е»…

— Хватит уже о размерах, — обрывает калеку ахеец. — Выходит, ваш Демогоргон всё-таки верит не в одного-единственного бога.

— Да нет же, — упирается Гефест. — Этот великий Бог имеет множество ликов, или аватар, или форм, совсем как Зевс, когда ему хотелось охмурить очередную смертную красотку. Помнишь, однажды он превратился в лебедя…

— И каким хреном всё это связано со слушанием, которое начнётся *через полминуты*, мать его? — рявкает Ахиллес в усилитель термокостюма.

Бог огня хватается ладонями за стеклянный пузырь, под которым располагаются уши.

— Тише ты! — шипит карлик. — Послушай, это главное, что нужно учесть, если мы намерены

убедить Демогоргона выпустить отсюда титанов и прочих, атаковать Зевса, стереть в порошок нынешних олимпийцев и объявить меня новым правителем…

— Ты же говорил, Демогоргона сюда самого заточили.

— Говорил. Однако Никта — Ночь — открыла Брано-Дыру между Олимпом и Тартаром. Мы ещё можем вернуться, если только проход не сомкнётся до того, как начнётся это чёртово слушание, суд, разбирательство или как его там. Кстати, насколько мне известно, Демогоргон может выбраться отсюда, когда пожелает.

— Какая же это тюрьма, из которой можно улизнуть в любое время? — Быстроногому начинает казаться, что сумасшедший здесь именно бородатый кузнец.

— Ты должен кое-что услышать о расе Демогоргона, — произносит голова-пузырь, надетая на тело из блестящих шаров. — Совсем немного… Большего всё равно никто не знает. Демогоргон заточил сам себя, потому что ему так велели. Он мог бы квант-телепортироваться в любую минуту… если найдётся достаточно веский повод. Осталось лишь доказать, что наша просьба и есть такой повод.

— Хорошо, мы получили Брано-Дыру, как ты предсказывал ещё на Итаке, прежде чем я разбудил Зевса, — вслух размышляет Ахилл. — А Ночи-то что от этого?

— Вопрос выживания, — бросает Гефест, озираясь по сторонам.

Похоже, чудовища в сборе. Пора открывать заседание. Все ожидают речи Демогоргона.

— Как это — выживания? — шипит мужеубийца в микрофон. — Ты говорил, её страшится сам Кронид. И ещё — проклятых Судеб. Он ей не причинит вреда.

Прозрачный пузырь поворачивается из стороны в сторону: карлик качает головой.

— Он тут ни при чём. Просперо, Сикоракса и люди… существа… которые помогли сотворить Зевса, меня, остальных богов и даже титанов. Я не о знаменитой связи Урана-Неба с Землёй-Геей, а о тех, что были раньше.

Раньше, до Земли и Никты?.. Сотворили богов и титанов?.. Ахиллес пытается уложить в голове непривычную идею. Та не укладывается.

— Они на десять лет заключили существо по имени Сетебос на Марсе и на Земле Илиона, — продолжает Гефест.

— Кто заключил? — Герой совершенно сбит с

толку. — Какой Сетебос? И что мы скажем Демогоргону через минуту?

— Ахиллес, ведь ты достаточно сведущ в нашей истории, чтобы знать, каким образом Зевс и другие желторотые олимпийцы одолели папашу Крона и прочих титанов, хотя и уступали им в силе?

— Да знаю я! — Ахеец вновь ощущает себя юнцом на воспитании у кентавра Хирона. — Кронид победил в этой войне, призвав на помощь ужасных чудовищ, против которых титаны были бессильны.

— И какое же самое ужасное из этих ужасных чудовищ? — менторским тоном вопрошает мини-бог по линии жёсткой связи.

От злости Ахиллу хочется прирезать наглеца на месте.

— *«Сторукий великан»*, — отвечает мужеубийца, собрав в кулак остатки терпения. Демогоргон заговорит с минуты на минуту, а весь этот трёп ни капли не помог подготовиться к выступлению. — Страшное существо со множеством верхних конечностей; вы его зовёте Бриареем, а древние люди нарицали Эгеоном.

— Тот, кого величают Бриареем и Эгеоном, на самом деле носит имя Сетебос, — шипит Гефест. —

Десять лет он отвлекался от алчных устремлений, питаясь за счёт жалкой войнушки между кратковечными армиями троянцев и ахейцев. А теперь он опять на воле, и квантовые основы Солнечной системы под угрозой. Никта опасается, что *они* уничтожат не только собственную Землю, но и новый Марс и всё принадлежащее ей тёмное измерение. Брано-Дыры соединяют любые пространства. *Они* вообще переходят последние грани — Сикоракса, Сетебос, Просперо и остальная их братия. Судьбы предвещают тотальное квантовое разрушение, если кто-нибудь или что-нибудь не вмешается. Поэтому Ночь предпочтёт увидеть меня, малорослого калеку, на олимпийском престоле, нежели ждать, пока весь мир обломается.

Поскольку Ахилл ни рожна не смыслит в несусветном лепете бога-карлика, он хранит молчание.

Демогоргон прочищает несуществующее горло, призывая толпу к порядку. Титаны, часы, возницы, целители, прочие уродливые тени затихают.

— Знаешь, что самое лучшее? — Гефест понижает голос до шёпота, словно гигантская бесформенная масса под покровом способна услышать его даже по жёсткой линии. — Демо-

горгон и его божество, так называемый «Тихий», лопают Сетебосов, как закуску, и не давятся.

— Да это не Демогоргон помешался, — шепчет в ответ герой. — Это ты свихнулся, как троянская сортирная крыса.

— И всё-таки ты позволишь мне говорить за нас обоих? — шепчет хромоногий кузнец, настойчиво подчёркивая каждый слог.

— Хорошо, — отзывается Ахиллес, — но попробуй сказать что-нибудь, что придётся мне не по нраву, и я нарежу этот милый костюмчик на железные шарики, отрублю твои собственные шары и скормлю их тебе же прямо через шлем.

— Спасибо за предупреждение, — произносит Гефест и выдирает провод.

— МОЖЕТЕ ИЗЛАГАТЬ ВАШУ ПРОСЬБУ, — грохочет Демогоргон.

76

Вопрос о том, отдавать ли Никому соньер, решили вынести на общее голосование. Собрание назначили на послеобеденное время, когда большая часть насущных дел была исполнена и по периметру выставлено минимальное количество стражников, так чтобы могло явиться большин-

ство уцелевших обитателей Ардиса (вместе с Ханной и шестью новичками их стало пятьдесят пять человек). Однако слухи о просьбе бывшего Одиссея долетели уже до самых дальних дозорных, и люди твёрдо настроились против.

Ада провела остаток утра в разговорах со своей подругой. Та безутешно горевала об утраченных товарищах и спалённом особняке. Будущая мать напомнила ей, что на руинах можно когда-нибудь возвести новое здание, пусть и похуже прежнего.

— Думаешь, мы доживём? — спросила Ханна.

Хозяйка разорённого имения не знала, что ей ответить, и просто сжала руку подруги.

Зашла речь о Хармане, таинственно исчезнувшем у Золотых Ворот по воле Ариэля, но всё ещё где-то живом, как сердце подсказывало его супруге.

Потом болтали о мелочах: о способах приготовления пищи в последнее время, о надеждах Ады расширить боевой лагерь прежде, чем войниксы вновь надумают напасть.

— Вы уже знаете, почему этот маленький Сетебос держит их на расстоянии? — поинтересовалась Ханна.

— Понятия не имеем, — ответила подруга и

проводила её к Яме.

Детёныш — или, как выразился Никто, «вошь» — Сетебоса тихо сидел на дне, подвернув под себя руки и щупальца; в его жёлтых глазах сверкало нечеловеческое хладнокровие, что было во много раз хуже обычной злобы.

Ханна сжала виски ладонями.

— Ой, мама… Господи… Он лезет прямо в мой разум!

— Я знаю, — глухо сказала Ада, как бы невзначай направив дротиковую винтовку на массу голубовато-сизой ткани с розовыми руками в нескольких ярдах у себя под ногами.

— А если он… одолеет? — спросила брюнетка.

— Хочешь сказать, возьмёт над нами верх? Обратит колонистов друг против друга?

— Да.

Супруга Хармана пожала плечами.

— Мы ожидаем этого со дня на день или с ночи на ночь. Были разговоры. Пока что, если Сетебос обращается сразу ко всем, его чуть слышно, точно слабую вонь издалека, но если голос громкий, как сейчас у тебя в голове, значит, монстр нацелился только на одного. До всех остальных долетает… ну, что-то вроде эха.

— Так, по-вашему, когда он кем-нибудь завладе-

ет, — начала Ханна, — это будет один-единственный человек?

Ада снова пожала плечами.

— Вроде того.

Собеседница покосилась на тяжёлую винтовку в руках подруги.

— Но если, например, он возьмётся за дело прямо сейчас, ты можешь убить меня… и многих других… прежде чем…

— Да, — согласилась жена Хармана. — Это мы тоже обсуждали.

— И что же, придумали какой-нибудь план?

— Да, — чуть слышно произнесла Ада, застыв над Ямой. — Мы покончим с этой мерзостью раньше, чем она успеет набрать силу.

Ханна кивнула.

— Но прежде вам придётся перебросить всех людей в безопасное место. Ясно теперь, почему никто не желает временно дать Одиссею соньер.

Будущая мать невольно вздохнула.

— Знаешь, зачем он этого требует?

— Нет. Одиссей не сказал. Он вообще от меня много утаивает.

— И всё-таки ты его любишь.

— С нашей самой первой встречи на Мосту.

— Ты же смотрела туринскую драму, пока пе-

лены не отключились, Ханна. Тебе известно, что *тот* Одиссей был женат. Он рассказывал другим о своей жене Пенелопе. О сыне-подростке по имени Телемах. Герои объяснялись между собой на каком-то странном языке, но мы понимали каждое слово.

— Верно. — Ханна потупилась.

Малыш Сетебос вдруг оживился и забегал по Яме, перебирая розовыми ладошками. Пять тонких щупалец зазмеились по стене, обвили прутья решётки и принялись их дёргать, покуда зрительницам не показалось, будто металл начал поддаваться. Бесчисленные глаза чудовища блестели ярким жёлтым огнём.

Кузен Ады возвращался из леса, спеша на собрание, когда впервые в жизни увидел призрака. Мужчина нёс на спине тяжёлый мешок: нынче была его очередь рубить и таскать дрова вместо того, чтобы стоять на карауле или охотиться. И вдруг из-за деревьев, примерно в дюжине ярдов от Даэмана, возникла женщина.

Сперва он заметил её лишь краем глаза: понял только, что встретил человека и, следовательно, ардисского колониста, а не войникса, и несколько секунд продолжал идти, опустив свою винтовку, глядя вниз и поправляя на спине грузную ношу,

но потом повернулся прямо к женщине, чтобы поздороваться, — и врос в землю.

Перед ним была Сейви.

От неожиданности мужчина выпрямился, и тяжёлые дрова чуть не опрокинули его на спину. Его глаза буквально полезли на лоб.

Да, это была Сейви — однако не та седая старуха, которую Калибан убил и уволок в глубины подземных пещер на орбитальном острове Просперо около года назад: дамочка выглядела гораздо моложе и красивее.

Воскресшая покойница? Вряд ли.

«Привидение», — мелькнуло в помутневшем от испуга рассудке Даэмана. В его дни «старомодные» люди не верили в духов, они и слова-то такого не слышали; сын Марины впервые узнал о призраках прошлой осенью, из «проглоченной» старой книги в библиотеке Ардис-холла.

Но что это, если не призрак?

Помолодевшая Сейви казалась не очень материальной. Она как бы слабо мерцала, когда заметила мужчину, повернулась и двинулась прямо к нему. Даэман с ужасом понял, что видит сквозь неё, даже отчётливее, нежели сквозь голограмму Просперо на орбитальном острове.

Однако чутьё подсказывало: это вовсе не голо-

грамма, а нечто… настоящее, настоящее и живое, хотя *оно* испускало тусклое свечение и не оставляло следов на высокой бурой траве. Женщина была одета в один лишь термокостюм, который скорее обнажал, нежели скрывал очертания тела. Так она и выглядела — совершенно нагой. Бледно-голубая термокожа рисовала при ходьбе работу каждой мышцы, подчёркивала лёгкое качание бюста. Даэман привык видеть Сейви в подобном облачении, вот только привидение щеголяло высокой, а не обвислой, как у старухи, грудью, плоским животом, упругими ягодицами и сильными молодыми мускулами.

Сын Марины освободился от лямок рюкзака, сбросил наземь дрова и схватил винтовку обеими руками. В двухстах с лишним ярдах темнела внутренняя ограда, над рядом брёвен даже двигалась чья-то голова; больше вокруг не виднелось ни души. Мужчина и призрак были одни на зимнем поле у кромки леса.

— Здравствуй, Даэман.

Знакомый завораживающий голос. Молодой, звенящий жизненной силой, но, безусловно, знакомый.

Мужчина промолчал. Дух остановился на расстоянии вытянутой руки. Его контуры еже-

секундно мерцали. Когда женщина становилась «реальной», кузен Ады мог разглядеть даже ореол вокруг торчащих сосков; он вдруг сообразил, что Сейви была очень красива в молодости.

Призрачная дама смерила его с ног до головы незабываемым темнооким взором.

— Отлично выглядишь, Даэман. Ты похудел, подкачал мускулов.

Мужчина по-прежнему не отвечал. Каждому, кто по каким-либо делам отправлялся в лес, вешали на шею высокочастотный свисток, запас которых недавно откопали на развалинах. Достаточно было дунуть в него, и дюжина вооружённых людей сбежалась бы на подмогу быстрее, чем за минуту.

Сейви растянула губы в улыбке.

— Ты прав. Я — не она. Мы никогда не встречались. Я знаю тебя лишь по рассказам Просперо и видеозаписям.

— Кто ты? — хрипло, испуганно, напряжённо спросил Даэман.

Привидение пожало плечами так, словно это не имело никакого значения.

— Меня зовут Мойра.

Мужчине её слова ничего не сказали. Сейви не упоминала никого с таким именем. Да и Просперо

— тоже. В голове промелькнула бредовая мысль: «Может, Калибан был оборотнем?»

— Что ты такое? — вымолвил наконец сын Марины.

— Ага! — сипло, совсем как Сейви, усмехнулась женщина. — Изумительно умный вопрос. Не «почему ты похожа на мою погибшую подругу?», а «*что* ты такое?». Старый маг оказался прав. Ты никогда не был настолько глуп, как выглядел со стороны. Даже год назад.

Даэман взялся за свисток, ожидая продолжения.

— Я постженщина, — промолвил дух Сейви.

— «Постов» больше нет, — отозвался мужчина и чуть приподнял свисток.

— Не было, — поправил его мерцающий призрак. — А теперь есть. Один. Я.

— Что тебе здесь надо?

Собеседница медленно протянула руку и тронула его за правое предплечье. Даэман ожидал, что ладонь пройдёт сквозь него, но ощутил через одежду вполне осязаемое прикосновение длинных пальцев и слабый электрический разряд.

— Я хочу пойти с тобой на общее собрание, послушать, как вы проголосуете, давать ли Никому соньер.

«Чтоб ей провалиться, она-то откуда знает?!»

— Если ты там появишься, то, может, не получится ни собрания, ни голосования. Даже Одис… даже Никто пожелает узнать, кто ты, откуда взялась и зачем ты здесь.

Она пожала плечами.

— Может быть. Однако другие меня не увидят, только ты. Этому маленькому фокусу Просперо научил моих сестёр, когда они решили сделаться богами, вот и я не отказалась от новой возможности. Время от времени помогает.

Человек повертел свисток левой рукой и незаметно положил указательный палец правой на спусковой крючок винтовки, глядя на женщину, которая становилась то ясно видной, то прозрачной, то вновь отчётливой. Она уже столько наговорила, что Даэман не знал, о чём и спросить. Внутренний голос подсказывал: стрелять рано. Мужчина и сам не смог бы объяснить, в чём дело.

— А какое тебе дело до собрания? — спросил он.

— Меня интересует исход.

— Почему?

Она улыбнулась.

— Даэман, раз уж я способна отвести глаза

остальным пятидесяти пяти колонистам, то явно могла бы скрыться и от тебя. Но предпочла поступить иначе. Потолкуем после голосования.

— О чём потолкуем?

Даэман своими глазами видел бурые, высохшие мумии последних (как полагали он, Харман и Сейви) постлюдей, плававшие в разрежённой и зловонной атмосфере мёртвого царства Просперо. Большинство из них Калибан успел обглодать сотни лет назад. Та ли она, за кого себя выдаёт? Мужчина не имел никакого понятия, однако, на его взгляд, загадочная Мойра напоминала скорее богинь из туринской драмы — Афину или помолодевшую Геру. До Афродиты она, пожалуй, чуть-чуть не дотягивала. Внезапно ему припомнились уличные алтари, воздвигнутые в Парижском Кратере в честь олимпийцев из истории о Троянской осаде.

Теперь жители Парижского Кратера мертвы все до единого, включая Марину. Убиты и съедены Калибаном. А родной Даэману город погребён под синими льдами. Может, его обитатели и впрямь почитали туринских небожителей, но это не принесло им удачи. Вот и мужчина не ждал ничего доброго от свидания с богиней из драмы.

— Потолкуем о том, где находится твой при-

ятель Харман, — произнесло привидение по имени Мойра.

— Где он? Как он? — Уже замолчав, Даэман понял, что сорвался на крик.

Опять знакомая улыбка.

— Все вопросы — после собрания.

— Скажи по крайней мере, что здесь такого важного, раз ты явилась… откуда бы то ни было… чтобы понаблюдать? — В речах мужчины звучала сталь, появившаяся в его характере в течение последнего года.

Мойра кивнула.

— Конечно, это важно, вот почему я пришла.

— Как? Почему? Для кого?

Призрак промолчал, однако улыбка исчезла.

Даэман выпустил свисток.

— А что именно важно: чтобы мы дали соньер Никому или, наоборот, не дали?

— Я просто хочу послушать, — промолвило привидение. — Голосовать не буду.

— Я и не спрашивал…

— Знаю, — сказал дух голосом Сейви.

Ветер донёс перезвон колокола. Колонисты начинали сходиться к центральному укрытию.

Даэман не торопился следовать их примеру. Он понимал, что безопаснее было бы привести

в лагерь живого войникса, чем призрака. А ещё — что времени на принятие решения почти не осталось.

— Если ты в состоянии появиться на сборе незаметно для всех, то зачем показалась мне? — глухо спросил он.

— Говорю же, — отозвалась молодая женщина, — таков мой выбор. Что, если я вампир и не могу никуда войти в первый раз, не получив приглашения?

Мужчина не представлял себе, что такое вампир, но и не горел желанием выяснять это.

— Нет, — отрезал он. — Я не намерен приглашать тебя в наш посёлок, пока не услышу хотя бы одной серьёзной причины.

Мойра вздохнула.

— Просперо и Харман предупреждали, что ты упрямец, но я не представляла, до какой степени.

— Говоришь, будто видела Хармана? — нахмурился Даэман. — Расскажи что-нибудь, чтобы я тебе поверил: как он там, где он?

Собеседники смотрели друг другу в глаза; казалось, воздух между ними вот-вот заискрится.

Колокольный звон оборвался: видимо, собрание началось.

Даэман недвижно стоял и молчал.

— Ладно, — сказала Мойра, еле заметно улыбнувшись. — У твоего приятеля шрам на лобке, над самым пенисом. Не знаю откуда: я не спрашивала. Но Харман получил эту рану после того, как в последний раз наведался в лазарет. Целебные баки не оставили бы от неё никакого следа.

Мужчина и глазом не моргнул.

— Я не видел Хармана голым. Может, что-нибудь ещё?

Женщина легко рассмеялась.

— Врёшь. Когда мы с магом дали твоему другу термокожу, в которой он ходит и доныне, Харман точно знал, как её надевать, а это непросто. Он сказал, что на орбитальном острове вы проходили в такой одёжке несколько недель и что однажды раздевались перед Сейви. Следовательно, ты видел товарища без ничего, а шрам нельзя не заметить.

— Почему Харман опять в термокоже? — спросил Даэман. — Где он?

— Отведи меня на собрание. Обещаю, что всё расскажу потом.

— Лучше поговори с Адой, — предложил мужчина. — Всё-таки они… э-э-э… женаты. — Непривычное слово заставило его запнуться.

Мойра сверкнула зубами.

— Я расскажу тебе, а ты, если сочтёшь нужным, передашь ей мои слова. Идём?

Она протянула левую руку, изогнув её так, словно приглашала мужчину проводить себя на торжественный ужин.

Даэман подумал — и взял незваную гостью за локоть.

— …вот в этом и заключается моя просьба, — говорил Никто/Одиссей, когда кузен Ады вступил в круг из сорока четырёх колонистов.

Большинство сидели на спальных мешках или одеялах. Кое-кто стоял. Даэман встал чуть поодаль.

— Ты хочешь забрать соньер — а с ним нашу единственную надежду на выживание, — сказал Боман, — а сам не объясняешь, зачем и надолго ли.

— Верно, — произнёс бородач. — Может быть, всего лишь на несколько часов. Я бы запрограммировал диск прилететь обратно с помощью автопилота. Но есть вероятность, что аппарат вообще не вернётся.

— Тогда мы все умрём, — вмешался мужчина по имени Стеф, один из уцелевших жителей Хьюз-тауна.

Силач не ответил.

— Скажи хотя бы, зачем он тебе, — подала голос колонистка Сирис.

— Нет, — возразил Никто, — это личное.

Сидящие и стоящие люди захихикали, словно грек отколол забавную шутку. Однако Никто хранил серьёзный и мрачный вид.

— Иди поищи другой соньер! — выкрикнул Каман, считавший себя военным экспертом.

Он уже говорил другим, что никогда не доверял даже *подлинному* Одиссею из драмы, которую наблюдал ежедневно в течение последних десяти лет перед Великим Падением, и тем более не собирался верить его престарелой копии.

— Я бы нашёл, если б мог, — невозмутимо ответил Никто. — Но ближайшие машины, о которых мне известно, спрятаны в тысячах миль отсюда. Слишком долго лететь на моём импровизированном плоту, если он вообще доберётся. Так что соньер мне нужен сегодня. Сейчас.

— Зачем? — повторил колонист по имени Ламан, рассеянно потирая перевязанную правую ладонь, лишённую четырёх пальцев.

Грек не проронил ни слова.

Ада, стоявшая рядом с бородатым силачом с начала собрания, негромко сказала:

— Никто, объясни, пожалуйста, *что* мы выиграем, дав тебе летающий диск.

— Если всё получится, как я задумал, то, вероятно, факс-узлы опять заработают. Через несколько часов, самое большее — дней.

Толпа шумно заахала.

— Но скорее всего, — закончил широкоплечий герой, — ничего не выйдет.

— Вот почему ты хочешь взять соньер? — спросил Греоджи. — Чтобы вновь запустить факс-павильоны?

— Нет, — покачал головой Никто. — Это лишь побочный эффект моего путешествия. Да и то — сомнительный.

— А может… нам будет ещё… какая-то выгода? — подала голос Ада, явно настроенная благожелательнее всех прочих слушателей, на чьих измождённых лицах читалась мрачная неприязнь к чужаку.

Грек пожал плечами.

В лагере воцарилась такая мёртвая тишина, что с юга, с удаления более чем в четверть мили, долетели оклики часовых. Сын Марины повернулся: Мойра по-прежнему стояла рядом с ним, скрестив руки на затянутой в термокожу груди. Как это ни удивительно, ни один из собравших-

ся и бровью не повёл в сторону призрака, хотя многие, включая Никого, Аду и Бомана, внимательно посмотрели на Даэмана, когда тот входил в ворота.

Бородач выбросил перед собой могучие руки, раскинув пальцы, точно хотел дотянуться до всех присутствующих — или же оттолкнуть их прочь.

— Вы желаете, чтобы я сотворил для вас чудо. — Приглушённый, но мощный, натренированный для публичных выступлений голос оратора отражался эхом от частокола. — Такого чуда не существует. Останьтесь тут со своим соньером — и будете рано или поздно убиты. Эвакуируйтесь вниз по реке на остров — и войниксы последуют за вами. Они по-прежнему факсуют, пользуясь не только известными «старомодным» узлами. Прямо сейчас вас окружают десятки тысяч войниксов, скопившихся в паре миль отсюда, в то время как по всей Земле уцелевшие люди прячутся в пещерах, в башнях и среди развалин своих городов. Серые твари проливают человеческую кровь. Вам ещё повезло засадить в яму это… существо. Но через несколько дней, а то и часов, окаянная вошь Сетебоса наберётся сил, вырвется на свободу и проникнет к вам в головы. Поверьте на слово, это вряд ли кому-то понравится. И

в конце концов горбатые войниксы всё равно придут за вами.

— Тогда нам тем более не сто*и*т расставаться с летучей машиной! — выкрикнул мужчина, которого звали Кауль.

Никто обратил свои руки ладонями кверху.

— Возможно. Но учтите: очень скоро на этой планете вам станет негде скрыться. Думаете, вы одни обладаете поисковой функцией? Войниксы и калибано тоже наделены ею, и при том *их* функции в отличие от человеческих исправны по сей день. Вас непременно отыщут. Не они, так Сетебос, когда насытится историей вашей Земли.

— Ты предлагаешь какой-то иной выход? — осведомился Том, немногословный врач общины.

— Я — нет, — произнёс грек, возвышая голос. — Не моё дело — дарить вам шанс, хотя он у вас появится, если мой полёт увенчается успехом. Только вот вероятность удачи мала, не буду лгать. Вы заслуживаете правды. Однако если в ближайшее время что-нибудь серьёзно не переменится, и дело тут не в соньере, *ваши* шансы на удачу равны нулю.

Даэман, поклявшийся себе хранить молчание весь вечер, вдруг услышал собственный громкий

голос:

— Мы можем улететь на орбитальные кольца, Никто? По шестеро, на соньере. Там безопасно?

Все лица обратились к говорившему. И ни единого взгляда — к стоящей в каких-то шести футах от него мерцающей Мойре.

— Нет, — ответил бородач. — На кольцах тоже небезопасно.

Внезапно со своего места поднялась темноволосая женщина по имени Эдида. Одновременно смеясь и всхлипывая, колонистка выкрикнула:

— Ты не оставляешь нам никакой надежды, чтоб тебе провалиться!

Впервые за вечер Одиссей/Никто улыбнулся — издевательски, хамовато сверкнул белоснежными зубами сквозь почти седую бороду.

— Это не я должен дарить вам надежду, — резко промолвил он. — Тут всё зависит от воли Судеб. Это *вы* можете дать мне шанс… или не дать.

Ада выступила вперёд.

— Давайте проголосуем. Участие принимают все до одного, поскольку на карту поставлено выживание нашего рода. Те, кто за то, чтобы разрешить Одиссею… прошу прощения, Никому… взять соньер, пожалуйста, поднимите правую руку. Кто против, не поднимайте.

77

Городище — Троя, древний Илион — и поле сечи не представляли собой внушительного зрелища с высоты пяти тысяч метров.

— Что это? — поинтересовался центурион-лидер Меп Эхуу из каюты для воинов. — Здесь и сражались греки с троянцами? На том холме с кустами и тощем клочке земли?

— Шесть тысяч лет назад, — отозвался Манмут из механического управления «Смуглой леди», упрятанной в трюм космошлюпки.

— И в другой вселенной, — добавил Орфу из угла трюма самой «Смуглой леди».

— С виду — ничего особенного, — проговорил Сума Четвёртый из пилотного отделения космошлюпки. — Летим дальше?

— Пожалуйста, ещё круг, — попросил маленький европеец. — А можно спуститься пониже? Взглянуть на долину между хребтом и морем? Или на побережье?

— Нет, — возразил ганимедянин. — Воспользуйся оптическим увеличением. Я не хочу приближаться к запретному силовому куполу над Средиземным Бассейном.

— Я думал, так будет легче для Орфу ловить сигналы радаром и приборами тепловидения, — настаивал Манмут.

— У меня всё в порядке, — вмешался рокочущий голос из трюма.

Космошлюпка ещё покружила на высоте пять тысяч метров над руинами на вершине холма, в тысяче с лишним километров от края Средиземного Бассейна. Капитан «Смуглой леди» увеличил изображение, поступающее с главной камеры, и, отключив остальные источники информации, смотрел на Землю, снедаемый странным чувством глубокой печали.

Развалины, оставшиеся от каменной кладки древнего Илиона, располагались на гребне, что протянулся на запад, навстречу изгибу Эгейского побережья, где некогда стояли корабли на каменных якорях, привязанные к деревянным столбам. И куда пристал Агамемнон со всеми своими героями на чёрных крутобоких судах.

В те времена к западу простиралось вечное винноцветное море. Теперь же под слабо мерцающим куполом «постов» (который мог бы за миллисекунду лишить энергии шлюпку муравеков, вздумай они залететь внутрь) виднелось пространство пересохшего Бассейна, покрытое

грязью и камнями, и дальние зелёные поля. На месте древних островов, когда-то вздымавшихся из моря — цветущего Лесбоса и Тенедоса, которые быстроногий Ахилл завоевал прежде, чем бросить вызов Трое, — остались крутые лесистые холмы со скалистыми подошвами, уходящими в песчаное дно Бассейна.

Между пересохшим Эгейским морем и горным хребтом, несущим на себе останки Трои, Манмут разглядел наносную долину, протянувшуюся на полтора с чем-то километра. Теперь она поросла чахлыми деревьями, однако маленький европеец легко представлял себе, как всё выглядело во дни Одиссея, Ахиллеса, Гектора и прочих воинов: около трёх миль мелководья, окаймлённого извилистыми болотами, песчаные наносные равнины, многолюдный берег, жёлтые дюны, впитавшие столько крови за годы Троянской войны, тысячи трепетных ярких шатров, а далее — пространная долина меж городом и побережьем, ныне заглохшая под сенью низкорослых лесов, но тогда, после десяти лет осады, начисто лишённая деревьев, которые пошли на лагерные и погребальные костры.

На севере по-прежнему блестела вода. Пролив, именуемый Дарданеллами или Геллеспонтом,

перегороженный силовыми мерцающими руками, такими же, какие разграничивали Гибралтар и Африку на западном конце пересохшего Средиземноморья.

Орфу — видимо, он изучал ту же область при помощи радара и других приборов — произнёс по личной линии:

— *Похоже, «посты» устроили под землёй гигантскую дренажную систему, иначе вся эта область оказалась бы под водой.*

— *Да,* — безотчётно поддакнул Манмут, которого нимало не занимали инженерно-технические подробности.

Он размышлял о лорде Байроне, Александре Македонском и прочих великих, свершивших паломничество в Илион, в Трою, на эти странным образом освящённые развалины.

«Ни камня безымянного там нет…» — всплыло в памяти маленького европейца. Кто же это написал? Лукан? Может быть. Вероятно.

И вот на вершине холма, прорезанной серовато-белёсыми следами порушенной кладки, все камни до единого безымянны. Капитан подлодки вдруг осознал, что взирает на останки развалин: многие из шрамов возникли во время небрежных, варварских раскопок помешанного на Трое

археолога-дилетанта Генриха Шлимана, начатых в тысяча восемьсот семидесятом году. Подумать только: с тех пор на подлинной Земле миновало более трёх тысячелетий.

На последней из человеческих карт это невзрачное нынче место — седые валуны, чахлая растительность, наносная равнина и высокий горный хребет, обращённый на севере к Дарданеллам и на западе к бывшему Эгейскому морю, — носило название «Гиссарлык».

Однако память Манмута рисовала точное расположение армий, которые, лязгая оружием, сходились в долинах Скамандра и Симоиса. Он почти видел неприступные стены и безверхие башни, возведённые на обрыве длинного гребня у моря, лесистый утёс между городом и побережьем — греки уже тогда нарицали его Лесистым Утёсом, а храмовые жрецы и жрицы «курганом амазонки Мирины» — и жуткий лик Зевса, возникший из атомного гриба над южным окоёмом всего лишь несколько месяцев назад.

Шесть тысяч лет назад.

Когда космошлюпка завершала последний круг, капитан подлодки различил место великих Скейских ворот, что сдержали напор вопящих завоевателей (в «Илиаде», которую он прочёл

сначала, не было речи о большом деревянном коне), и главную широкую дорогу за рыночной площадью и центральными фонтанами, ведущую ко дворцу Приама, разбомблённого десять месяцев назад в пересчёте на время Манмута, и к северо-востоку от него — колоссальный храм Афины. Там, где взгляд натыкался на камень и чахлые деревья, маленький европеец воображал Дарданские ворота и главную смотровую башню, а чуть севернее — колодец, у которого Елена однажды…

— Здесь ничего нет, — заявил пилот Сума Четвёртый по общей связи. — Улетаем?

— Да, — ответил Манмут.

— Да, — громыхнул Орфу по той же общей линии.

Шлюпка втянула крылья, предназначенные для малой скорости, и, вновь преодолев звуковой барьер, устремилась на север. Эхо звукового удара осталось не услышанным по обе стороны безлюдных Дарданелл.

— *Ну что, волнуешься?* — спросил капитан подлодки у своего друга по личной связи. — *Через несколько минут мы увидим Париж.*

— *Вернее, кратер посередине погибшего города,* — ответил иониец. — *Боюсь, что чёрная*

дыра тысячу лет назад уничтожила квартиру Пруста.

— И всё же, всё же… — протянул Манмут. *— Это там он писал свои романы. И, если не ошибаюсь, его приятель Джеймс Джойс — тоже. По крайней мере какое-то время.*

Орфу хмыкнул.

— Ты никогда не говорил, что одержим не только Прустом, но и Джойсом, — настаивал европеец.

— Не было случая.

— Но почему именно эти двое, дружище?

— А почему Шекспир, Манмут? Почему сонеты, а не пьесы? Смуглая леди и Юноша, а не, скажем, Гамлет?

— Нет, ты ответь, — не сдавался капитан подлодки. *— Пожалуйста.*

Настала тишина. Маленький европеец прислушался к шуму реактивных двигателей, к шипению кислорода, текущего по трубкам и сквозь вентиляторы, к помехам на опустевших линиях.

В конце концов гигантский краб проговорил:

— Помнишь, я разглагольствовал на борту «Королевы Мэб» о великих творцах, сингулярностях человеческого гения, способных творить новые

реальности? Ну или создавать универсальные Брано-ходы между мирами?

— Ещё бы такое забыть. Мы все решили, что ты пошутил.

— Вовсе нет, — прогрохотал иониец. *— Мой интерес к людям в итоге сосредоточился на писателях двадцатого — двадцать второго века от Рождества Христова. Я давно уже понял, что сознания Пруста и Джойса сыграли роль акушерок при рождении этих столетий.*

— Не очень положительная рекомендация, если учесть то, что я помню из человеческой истории, — глухо сказал Манмут.

— Нет. Вернее, да.

Несколько минут моравеки летели в молчании.

— Хочешь послушать одно стихотворение, с которым я встретился, когда был ещё юнцом, едва появившимся из фабричных бункеров роста?

Капитан подлодки попытался представить себе новорождённого Орфу. Потом оставил бесполезную попытку.

— Хочу. Расскажи.

Манмут ещё ни разу не слышал, как его друг читает стихи. Раскатистый голос звучал на удивление приятно:

Мертворождённый

I

Румяный малыш Руди Блум покоится во чреве,
Его рассеянные грёзы пронизаны красным сиянием,
А Молли скрипит себе длинными спицами, вяжет ему обновку
из алой шерсти,
Ощущая, как малые ножки толкают её изнутри,
И дрёмы вновь поглощают дитя, готовя к запаху тёплых одеял.

II

Мужчина ласково гладит губы алой салфеткой,
Глядя на рябь облаков, плывущих между высоких кирпичных труб.
Его вдруг уносят воспоминанья: гроза качает ветки боярышни-

ка,

И малые ручки тянутся к трепещущим розовым лепесткам,

И аромат минувших дней курится у его ноздрей.

III

Одиннадцать суток. Одиннадцать жизней крохотного существа,

явившегося из куколки.

Одиннадцать окроплённых тишью рассветов,

когда тепло и тени крадутся по половицам.

Одиннадцать тысяч ударов сердца до наступления ночи,

когда утки спешат покинуть далёкий пруд.

Одиннадцать очерченных короткой и длинной стрелками,

когда она прижимала его к тёплой груди.

Одиннадцать дней они смотре-

ли, как дремлет малыш
среди алой шерсти.

IV

Отрывки романа в переплёте воображения.
Но вольные страницы плыли сквозь тёмные коридоры сознания,
Пустые или с редкими заметками на полях.
Он изнывал от схваток фантазии,
Но, излившись в чернилах, воспоминанья не доживали до утра.

После того как рокот ионийца утих, Манмут какое-то время молчал, стараясь оценить качество услышанного. Нелёгкая задача, однако он чувствовал, что друг с нетерпением ожидает именно этого: под конец его голос даже слегка дрожал.

— *Кто это написал?* — спросил европеец.

— *Не знаю,* — ответил Орфу. — *Одна поэтесса из двадцать первого столетия.*[107] *Не забывай,*

[107] notes: 107
Имеется в виду Джейн К. Симмонс.

ведь я наткнулся на эту вещицу в ранней юности, до того как по-настоящему прочитал Пруста, Джойса или кого-либо из других серьёзных авторов, но для меня она соединила Джойса и Пруста навек, словно нерасторжимые грани единого сознания, сингулярности человеческого гения и внезапного озарения. Так я и не избавился от того впечатления по сей день.

— Очень похоже на мою первую встречу с шекспировскими сонетами… — заикнулся Манмут.

— Подключитесь к видеосигналу с «Королевы Мэб», — приказал Сума Четвёртый всем, кто был на борту.

Капитан подлодки активировал видеоприемник.

Два человеческих существа бешено совокуплялись на просторной кровати, застеленной шёлковыми простынями и яркими гобеленами. Энергия и откровенность этой сцены поразили европейца, много читавшего о сексуальных отношениях между людьми, но так и не удосужившегося поискать в архивах соответствующие видеозаписи.

— Что это? — полюбопытствовал Орфу по личной связи. *— До меня доходят безумные телеметрические показатели: скачки кровяно-*

го давления, всплески дофамина и адреналина, ненормальное биение пульса… Кто-нибудь падает в пропасть?

— *Э-э-э…* — начал Манмут.

Фигуры перевернулись на бок, по-прежнему не разлучаясь, не прерывая ритмичного, почти ошалелого движения, и моравек впервые разглядел их лица.

Одиссей. Женщина походила на таинственную Сикораксу, встретившую ахейца на орбитальном городе-астероиде. Освобождённые от покровов её ягодицы и груди казались ещё более налитыми жизненным соком, хотя в данную минуту бюст красавицы сплющился о грудную клетку героя.

— *М-м-м…* — замялся Манмут.

Но Сума Четвёртый вывел его из затруднения.

— Это не тот источник. Переключитесь на носовые камеры шлюпки.

Маленький европеец так и сделал, зная, что его друг обращается к тепловидению, радарам и прочим способам получить информацию об изображении, которыми ещё располагает.

Космошлюпка подлетала к Парижу, некогда пробитому посередине чёрной дырой, но, как и на снимках с «Королевы Мэб», кратер совершенно исчез под гигантским куполом, сотканным из

голубого льда. Ганимедянин связался с основным судном:

— А где наш многорукий приятель, который возвёл эту красоту?

— Насколько мы видим с орбиты, — тут же радировал Астиг-Че, — поблизости нет Брано-Дыр. Во всяком случае, корабельные наблюдатели и спутники не засекли ни одной. Похоже, тварь недавно закончила кормиться в Аушвице, Хиросиме и прочих местах; должно быть, вернулась обратно в Париж.

— Вернулась, — констатировал Орфу по общей линии. — Посмотрите в инфракрасных лучах. Прямо в центре синей паутины, под верхней точкой купола, угнездилось нечто громадное и уродливое. Там на дне уйма термальных отверстий: очевидно, монстр подогревает своё гнездо за счёт вулканического жара. Я почти различаю сотни длиннющих пальцев под мерцающими пятнами мозга.

— *Что ж*, — передал Манмут по личной связи, — *всё-таки это твой Париж. Город Пруста и…*

Гораздо позже европеец изумлялся стремительной реакции Сумы Четвёртого, даже если учесть подключение к управлению и центральному

компьютеру космошлюпки.

Из разных точек ледяного купола взметнулось шесть молний. Моравеков спасла лишь приличная высота и, главное, мгновенные действия пилота.

Судно переключилось с прямоточных воздушно-реактивных двигателей на сверхзвуковые, метнулось вбок, достигнув перегрузки в семьдесят пять g, нырнуло, кувыркнулось и резко взмыло к северу. Шесть смертоносных лучей мощностью в миллиарды вольт промахнулись мимо цели всего на несколько сотен метров. Ударная взрывная волна дважды перевернула шлюпку, но Сума Четвёртый не потерял контроль. Крылья стали плавниками, и судно умчалось прочь.

Ещё один рывок в сторону, продуманный кувырок, и ганимедянин запустил систему полной невидимости, выстрелил изо всех раструбов и заполнил воздух над парижским голубым собором электрическими помехами.

Из города, погребённого под слоем льда, вылетела дюжина огненных сфер, взяла ускорение и устремилась на поиски цели. Манмут с необычным для него любопытством следил за сигналами радиолокатора, зная, что Орфу, связанный с локатором напрямую, должен *чувствовать* при-

ближение плазменных снарядов.

Пламенные шары так и не нашли космошлюпки. Сума Четвёртый уже набрал высоту в тридцать два километра и продолжал взбираться к верхним пределам атмосферы. Метеоры вспыхнули на разных уровнях; взрывные волны разбежались от них во все стороны, точно рябь на пруду.

— Какого хрена… — заикнулся иониец.

— Тихо! — рявкнул Сума Четвёртый.

Судно кувыркнулось, нырнуло, свернуло на юг, распространило вокруг себя облако радарных и электрических помех и снова рвануло в космос. Ни огненных шаров, ни молний не вылетело вдогонку из стремительно удаляющегося города: вот он уже в шестистах километрах, дальше и дальше, и уменьшается на глазах…

— Кажется, наш рукастый и мозговитый приятель вооружён, — заметил Манмут.

— Мы тоже, — вмешался Меп Эхуу по общей связи. — Пора его грохнуть. Давайте-ка подогреем тёплое гнёздышко. Думаю, десять миллионов градусов по Фаренгейту для начала будет в самый раз.

— Молчать! — прорычал Сума Четвёртый из кабины пилота.

На общей линии послышался голос первичного интегратора:

— Друзья, у нас… у вас… непредвиденная проблема.

— А то мы не в курсе! — хмыкнул Орфу, забыв, что всё ещё подключён к общей связи.

— Нет, — возразил Астиг-Че. — Речь не о многорукой твари, которая вас атакует. Я имею в виду кое-что посерьёзнее. И это находится на траектории вашего теперешнего полёта. Наши сенсоры не засекли бы опасность, если бы не следовали за космошлюпкой.

— Посерьёзнее? — осведомился Манмут.

— Да, *намного* хуже, — передал первичный интегратор. — И боюсь, проблема даже не одна… а целых семьсот шестьдесят восемь.

78

— МОЖЕТЕ ИЗЛАГАТЬ ВАШУ ПРОСЬБУ, — грохочет Демогоргон.

Гефест незаметно толкает мужеубийцу локтем, напоминая, что скажет всё сам, неуклюже кланяется в стеклянном шлеме и костюме из железных шаров и произносит:

— Ваше Демогоргончество, Владыка Крон и

прочие уважаемые титаны, бессмертные часы и… всё остальное. Мы с моим другом Ахиллом явились сюда не просить о милости, но поделиться со всеми вами очень важной информацией. Информацией, которая наверняка заинтересует вас. Информацией, которая…

— НАЧИНАЙ, КАЛЕКА.

Громко скрипнув зубами, Гефест выдавливает из себя улыбку и повторяет преамбулу.

— ГОВОРИ ЖЕ.

«Интересно, — мелькает в голове Ахиллеса, — кто-нибудь ещё собирается выступать сегодня? Или Крон и другие титаны, не говоря уже о гигантских, неописуемых тварях с чудными прозваниями вроде бессмертных часов или возниц, будут слушать Демогоргона, пока он — может, она? оно? — официально предоставит кому-нибудь слово?»

И тут хромоногий удивляет его.

Из громоздкого рюкзака за спиной, который ахеец принял за дыхательный баллон, бог извлекает бронзовое яйцо, усеянное стеклянными линзами. Осторожно поставив прибор на валун между собой и мрачной громадой — Демогоргоном, Гефест начинает возиться с разными переключателями и регуляторами, после чего

возвещает, включив микрофоны шлема на полную мощность:

— Ваше Демогоргоноидничество, достопочтенные грозные часы, ваши многоуважаемые высочества титаны и титанессы — Крон, Рея, Кей, Крий, Гиперион, Япет, Гелиос, Селена, Тейя, Эос и прочие представители титанического рода, ваша сторукая Целительность, неистоволикие возницы и все досточтимые господа, собравшиеся здесь, среди мглы и пепла! Не с просьбой о помощи я обращаюсь к вам нынче, не с просьбой свергнуть с трона притворщика Зевса, возжелавшего присвоить себе всю божественность без остатка, низложить его или хотя бы воспротивиться дерзким притязаниям на все миры и вселенные отныне и во веки веков, нет, вместо этого я предлагаю вам собственными глазами увидеть одно реальное событие. Ибо прямо сейчас, пока мы с вами толпимся на этой кучке дерьма среди ручьёв раскалённой лавы, Громовержец созвал бессмертных олимпийцев на собрание в Великой Зале. Я поставил там скрытую камеру, она передаёт репортаж на ретрансляционную станцию в бассейне Эллады, Брано-Дыра бессмертной Никты позволяет принимать его с запозданием чуть менее одной секунды. Взирайте же!

Калека вновь копошится с переключателями, дёргает за какой-то рычаг и…

Ничего не происходит.

Покровитель огня закусывает губу, чертыхается в микрофон, ковыряется в бронзовом яйце. Прибор мигает лампочками, гудит, гаснет и опять умолкает.

Ахилл медленно тянется к богоубийственному клинку за поясом.

— Глядите! — восклицает Гефест, многократно усилив свой голос.

На сей раз блестящий прибор проецирует квадрат шириной в сотню ярдов перед очами Демогоргона и сотен других исполинских существ, озарённых огнями лавы и окутанных вулканическим дымом. Экран девственно пуст, если не считать помех и частого «снега».

— Чтоб я сдох! — рычит бессмертный, запамятовав, что каждое его слово отчётливо разносится вокруг.

Он подбегает к устройству и сгибает несколько металлических прутьев наподобие кроличьих ушей.

Внезапно экран заполняет яркое изображение. Это голографическая проекция — весьма глубокая, совершенно трёхмерная, в ярких красках, она

скорее напоминает громадное окно в настоящую Залу Богов. Картинку сопровождает объёмный звук: Ахилл даже слышит, как шуршат по мрамору сотни и сотни олимпийских сандалий. Когда Гермес потихоньку выпускает газы — об этом тут же становится известно собравшимся обитателям Тартара.

Титаны, титанессы, возницы, насекомовидные целители, часы и прочие безымянные чудища, за исключением Демогоргона, громко ахают на разные нечеловеческие голоса, не столько поразившись неучтивости Гермеса, сколько силе и жизненности возникшего изображения. Лента проекции расширяется и замыкается в кольцо, создав необычайно мощную иллюзию присутствия в Зале Собраний среди бессмертных. Мужеубийца хватается за клинок, веря, что Зевс, восседающий на золотом престоле, и тысяча олимпийцев непременно услышат шум, оглядятся и заметят чужаков, сбившихся в кучу среди зловонной мглы Тартара.

Но боги не оборачиваются. Это не двусторонняя связь.

Громовержец (чей рост достигает сейчас пятидесяти футов) склоняется вперёд, обводит мрачным взором шеренги богов, богинь, Судеб,

Эриний и начинает вещать. Сквозь архаичный ритм размеренно падающих слогов быстроногий явственно различает свежеприобретенное, доведённое до крайности чванство:

Возрадуйтесь, небесные владыки,
И разделите с вашим господином
Величие его и торжество!
Теперь я всемогущ, мне всё подвластно!
Одно лишь человеческое сердце
Неугасимо рвётся к небесам
Костром сомнений, вымученных просьб
И яростных укоров и грозит
Неподчинением и мятежом
Державе нашей, созданной на вере
И страхе, столь же древнем, как и ад.
Я сыплю на него свои проклятья,
Как хлопья снега на седой утёс,
Пока не облеплю, и разражаюсь
Кипучим гневом, а оно ползёт
По кручам жизни, ранящим его,
Как ранит лёд идущих без сандалий;

И всё-таки оно не поддаётся
Своим несчастьям, но ещё поддастся!

Внезапно Зевс поднимается. Он излучает такое сияние, что тысяча бессмертных богов и один кратковечный человек в душном костюме хамелеона, незримый для остальных, но видимый на экране Гефеста всем наблюдателям из Тартара, испуганно пятятся, внимая речам Кронида:

Наполни ж нам Дедаловы фиалы
Божественным напитком, Ганимед!
И пусть из почвы, затканной цветами,
Возникнут звуки триумфальных песен,
Как возникает из земли роса
При первых звёздах: пейте, пейте, боги!
И пусть нектар, бегущий в ваших жилах,
Струится духом радости для вас
И ликованье прозвучит певуче,
Как Элизийский ветерок.
А вы служите мне, окутанные дымкой
Лучистого желания, в котором
Сольются наши духи воедино,
Как только стану я единым Богом,

Всесильным, Всемогущим и Живым,
Владыкой Вечности!..[108]

Гефест отключает бронзово-стеклянный проектор. Гигантское окно, на время превратившее бездну Тартара в Залу Богов на Олимпе, мгновенно захлопывается, оставив титанов среди пепла, потоков лавы и смрадного багрового мрака. Расставив ноги для устойчивости, Ахиллес поднимает щит и выбрасывает перед собой богоубийственный клинок, потому что не имеет понятия, что будет дальше.

Несколько бесконечно долгих мгновений ничего не происходит. Грек ожидает воплей, криков, требований подтвердить увиденное и услышанное; Титаны должны зареветь, а целители — забегать по скалам, однако сотни гигантских фигур сидят не шелохнувшись и не издавая ни звука. Пронизанный багровыми отсветами лавы здешний воздух настолько мутен от вулканического дыма и пепла, что мужеубийца молча благодарит богов — или кого-нибудь в этом роде — за очки термокостюма, позволяющие чётко видеть всё, что творится вокруг. Мужчина испод-

[108] notes: 108

Здесь и далее используются изм. цитаты из П. Шелли «Освобождённый Прометей». Перев. К. Чемена.

воль косится на Брано-Дыру, открытую, по словам Гефеста, самой богиней Никтой. Пятидесятифутовый портал по-прежнему на месте, примерно в двух сотнях ярдов. Если завяжется схватка, если Демогоргон решит закусить бессмертным карликом и ахейским героем, быстроногий намерен броситься к Брано-Дыре, пусть даже на каждом шагу ему придётся прокладывать себе дорогу по трупам титанов и чудовищ.

Молчание затягивается. Среди уродливых утёсов и ещё более уродливых разумных тварей злобно воют чёрные ветры. Вулканы кипят, изрыгая лаву, но Демогоргон не издаёт ни слова.

В конце концов он изрекает:

— СЛУЖИТЕЛЬ ЗЛА В ЛЮБОМ ОБЛИЧЬЕ — РАБ. ТАКОВ ЗЕВС ИЛИ НЕТ — НАМ НЕИЗВЕСТНО.

— Какого зла?! — рычит титан Крон. — Мой сын *помешался!* Он узурпатор из узурпаторов!

Голос Реи, матери Громовержца, звучит ещё громче:

— Зевс — раб своих желаний. Земли отступник он, изгой Олимпа и должен сам испить поток неисцелимых зол за собственное вероломство. Пусть в наказание висит в аду, прикованный алмазными цепями.

Тут вмешивается Целитель-чудовище; Ахилл с

изумлением слышит в его речах довольно женственные нотки:

— Зевс перешёл всё грани. Поначалу он подражал самой Судьбе, а после стал глумиться.

Один из бессмертных часов рокочет с вершины каменного обрыва:

— Для Гибели нет имени ужасней, чем самозванец, Зевс.

Быстроногий хватается за ближайший затрясшийся валун, испугавшись, что вулкан за спиной Демогоргона вдруг начал извергаться, но это всего лишь приглушённый ропот собравшихся.

Тут подаёт голос брат Крона, косматый Крий, стоящий посреди потока расплавленной лавы:

— Пусть узурпатор подлый погрузится в безбрежную пучину разрушенья, какое самолично породил! Я сам взойду на солнечный Олимп, откуда правил миром вместе с вами, и утащу обманщика в Тартар: мы разом в преисподнюю слетим, как падают стервятник и змея, сплетённые в клубок нерасторжимый.

— Твоё слово, ужасный призрак! — восклицает многорукий возница, обращаясь к Демогоргону.

— ВСЕМ ПРАВИТ МИЛОСЕРДНЫЙ БОГ. — Эхо слов гиганта, лишённого очертаний, раскатывается среди острых пиков и долин Тартара. — ЗЕВС

НЕ ВСЕМОГУЩ. ОН БОЛЬШЕ НЕ ДОЛЖЕН ЦАРИТЬ НА ОЛИМПЕ.

Секунду назад Ахиллес был уверен, что скрытый под покровом Демогоргон бестелесен, но вдруг великан поднимает руку в тяжёлых складках ниспадающей ткани и растопыривает жуткие пальцы.

Брано-Дыра в двух сотнях ярдов за спиной хромоногого кузнеца словно по приказу взмывает в воздух, зависает над сонмом чудовищ, расползается в ширину и начинает опускаться.

— СЛОВА ПУСТЫ, В НИХ ПРАВДЫ НЕТ, — гремит Демогоргон, покуда алый круг пламени накрывает всех собравшихся. — БОЛЬ — ВОТ ЕДИНСТВЕННЫЙ И ВЕРНЫЙ НАШ ОТВЕТ!

Гефест хватает ахейца за руку. Бессмертный карлик дико ухмыляется в нечёсаную бороду:

— Ну, держись, парень.

79

События обернулись неожиданным, отчаянным, почти бредовым образом, но Манмут был счастлив, как никогда.

Космошлюпка зависла низко над водой и сбросила «Смуглую леди» в океан примерно в

пятнадцати километрах к северу от опасных координат критических сингулярностей. Сума Четвёртый не желал, чтобы всплеск разбудил семьсот шестьдесят восемь обнаруженных чёрных дыр, вероятно, заключённых внутри боеголовок на древней затонувшей субмарине, которую засекли приборы, — и никто не стал возражать.

Если бы у маленького европейца был рот, моравек ухмылялся бы как последний идиот. «Смуглая леди», созданная для исследований и спасательных работ подо льдом, в условиях кошмарного давления и кромешной, как у Бога за пазухой, тьмы на спутнике Юпитера, отлично повела себя в глубинах земного Атлантического океана.

Не просто отлично, а на отлично с плюсом.

— *Как жаль, что ты не видишь*, — промолвил Манмут по частной линии.

Друзья вновь остались наедине. Остальные не выказали особого желания взглянуть на семьсот шестьдесят восемь скрытых, но близких к критическому состоянию чёрных дырок, и космошлюпка поспешила удалиться: Сума Четвёртый отправился далее на разведку, на сей раз — к восточной морской границе Северной Америки.

— *Я «вижу» сигналы радаров, сонаров и тепло-*

вое изображение, — откликнулся Орфу.

— *Да, но это не то же самое. Здесь так много света! А до поверхности более двадцати метров. Даже когда Юпитер сиял в полную силу, его лучи проникали через разводья не глубже нескольких метров.*

— *Вот красота, должно быть*, — заметил ониец.

— *Ещё какая*, — подхватил Манмут, не обращая внимания на иронический тон товарища. — *От солнечных лучей всё вокруг мерцает и играет зелёными бликами. Даже моя «Леди» в растерянности.*

— *А что, она воспринимает свет?*

— *Конечно*, — сказал капитан подлодки. — *Её работа — докладывать мне обо всём, в нужное время поставлять подходящие данные, так что «Леди» вполне разумна, чтобы почувствовать, как переменилось освещение, гравитация, ощутить красоту. Ей тоже здесь нравится.*

— *Вот и хорошо*, — громыхнул гигантский краб. — *Тогда лучше не порть своей подружке настроение и не говори, куда мы держим путь.*

— *Она знает*, — отозвался Манмут, не позволяя ионийцу испортить собственное радужное настроение.

Сонар известил о подводном хребте, где и располагались обломки кораблекрушения, — хребте, чьи пики выросли над илистым дном, не достигнув восьмидесяти метров до поверхности. Европеец никак не мог привыкнуть к здешнему мелководью: в океанах Европы не было места, где между дном и льдами оставалось бы менее километра.

— *Я целиком прочёл программу по обезвреживанию боеголовок, которую передал нам Чо Ли*, — сказал Орфу. — *Ты уже ознакомился с подробностями?*

— *Вообще-то нет.*

Манмут, конечно, загрузил длинный протокол в банк активной памяти, но был слишком занят, наблюдая, как «Смуглая леди» спускается под воду и сживается с чудесным окружением. Его любимая лодка стала как новенькая и даже лучше. Механики с Фобоса великолепно потрудились над ней. Любая система, чётко работавшая на Европе вплоть до прошлого года и разрушительного падения на Марс, действовала и теперь, даже ещё слаженнее, в ласковых волнах планеты Земля.

— *В этой программе хорошо одно: то, что наша миссия теоретически выполнима*, — сообщил иониец. — *У нас на борту есть нужные инстру-*

менты, включая газовый резак на десять тысяч градусов и сфокусированные генераторы силовых полей. На многих этапах я буду твоими руками, а ты — моими глазами, воспринимающими видимый спектр. Придётся попотеть над каждой боеголовкой в отдельности. Однако в теории мы с ними справимся.

— *Это хорошая новость,* — вставил Манмут.

— *А теперь плохая. Если работать непрерывно, без обеда и перекуров, то на одну чёрную дыру — заметь, не боеголовку, а на каждую дырку в предкритическом состоянии, — уйдёт около девяти часов.*

— *Если помножить на семьсот шестьдесят восемь…* — Капитан подлодки запнулся.

— *…получится шесть тысяч девятьсот двенадцать часов,* — закончил Орфу. — *Учитывая, что мы на Земле, где время соответствует стандартному времени моравеков, это составит двести сорок семь с половиной суток при условии, что всё пойдёт как по маслу, то есть согласно плану.*

— *Ну…* — Манмут задумался. — *Давай займёмся этим позже, когда найдём затонувшую посудину и подберёмся к торпедам.*

— *Как всё-таки странно иметь прямой доступ*

к сонару, — произнёс гигантский краб. — *Это не то что лучше слышать. Такое ощущение, будто бы кожа вдруг…*

— *А вот и он*, — перебил ионийца товарищ, — *остов погибшего судна. Я вижу.*

Разумеется, ощущение перспективы и визуального горизонта и, следовательно, расстояний на крупной Земле сильно отличалось от Марса, к которому маленький моравек почти успел привыкнуть, и тем более от крохотной Европы, где он провёл все остальные годы своего существования. Однако сигналы сонара, глубинного радара, приборов обнаружения и собственные глаза уверяли Манмута, что корма затонувшей пятидесятипятиметровой субмарины лежит на илистом дне прямо по курсу в пяти сотнях метров.

— *О Боже*, — прошептал капитан. — *Ты это видишь… с помощью сонара или радара?*

— *Да.*

Посудина лежала на брюхе книзу носом, но тот исчезал за силовым полем, которое ограждало сухую полоску, прорезавшую океан от европейского побережья к Северной Америке. Манмут восхищённо уставился на сияющую стену Бреши. Здесь, на глубине более семидесяти метров, где дно должно быть чернее самых тёмных чернил,

вода переливалась яркими солнечными бликами, пятна плясали и на замшелом корпусе затонувшей субмарины.

— Я вижу, ***что*** *её убило,* — проговорил маленький европеец. *— Твои радар и сонар засекли развороченный участок на месте машинного отделения? Сразу же за торпедным отсеком?*

— Да.

— Видишь, листы корпусной стали изогнуты внутрь? По-моему, там взорвалась глубинная бомба (а может, торпеда или снаряд), пробила основание паруса и согнула его вперёд.

— Какого паруса? — спросил Орфу. *— Ты имеешь в виду треугольный клочок ткани, что был на фелюге, в которой мы плыли по Долине Маринера?*

— Нет, вон ту часть, почти у силового щита. На заре строительства субмарин их называли боевыми рубками. А когда в двадцатом веке наладили производство атомных подлодок вроде этого бумера — нарекли попросту парусами.

— Почему? — полюбопытствовал иониец.

— Не знаю, — ответил Манмут. *— Вернее, могу порыться где-то в банках памяти, но это не важно. Жалко терять время.*

— Что такое бумер?

— Уменьшительно-ласкательное прозвище, каким в начале Потерянной Эры окрестили субмарины, вооружённые баллистическими ракетами, — пояснил европеец.

— Хочешь сказать, они давали уменьшительно-ласкательные прозвища машинам, чьё единственное предназначение — уничтожать города, человеческие жизни, планету?

— Да, — подтвердил капитан. *— Этот бумер был построен лет за сто или двести до того, как затонул. Полагаю, эта борозда в океане появилась гораздо позже.*

— Мы сможем подобраться к боеголовкам? — осведомился Орфу.

— Оставайся на связи. Сейчас выясним.

Опасаясь приближаться к силовой стене и пустоте за ней, Манмут очень медленно вёл «Смуглую леди» вперёд, всеми прожекторами освещая погибшее судно, в то время как приборы уже сканировали его внутренности.

— Что-то не так, — пробормотал европеец вслух по личной связи.

— Что не так? — поинтересовался Орфу.

— Подлодка заросла анемонами, внутри кишит подводная живность, но, судя по всему, подлодка затонула век с лишним, а не два с половиной ты-

сячелетия назад.

— Неужели на ней могли плавать около ста лет назад? — спросил гигантский краб.

— Нет. Разве что все наши наблюдатели ошибались. Последние две тысячи лет «старомодные» люди почти не знали технологий. Даже если бы кто-нибудь наткнулся на субмарину и вышел в океан, кто бы её потопил?

— Может, «посты»?

— Не похоже, — сказал Манмут. *— Они бы не стали действовать так грубо: торпеды, глубинные бомбы… И не оставили бы в таком состоянии боеголовки с чёрными дырами.*

— Но боеголовки всё ещё здесь, — напомнил товарищ. *— Пора за работу.*

— Погоди, — отозвался капитан.

Он послал на погибшее судно дистанционно управляемые машинки не крупнее собственной ладони, и вот с них потекла информация. Одно из устройств как раз подключилось к ИскИну в центре управления.

Между прочим, Манмут и Орфу прослушали прощальные речи двадцати шести членов экипажа, готовых запустить баллистические снаряды и уничтожить свою планету.

Когда голоса стихли, моравеки с минуту сидели

молча.

— *О, что за мир, где есть такие люди!*[109] — в конце концов прошептал иониец.

— *Сейчас я спущусь и подготовлю тебя к выходу*, — без выражения произнёс капитан. — *Посмотрим вблизи, что можно сделать.*

— *Заглянем на сушу?* — предложил Орфу. — *В эту Брешь?*

— *Ни в коем случае*, — заявил Манмут. — *А вдруг силовое поле нас уничтожит? Приборы моей «Леди» даже не способны определить, как оно устроено. И потом, поверь на слово: на суше от неё будет мало проку. Так что я и близко не подойду.*

— *Кстати, ты видел воздушные снимки носа развалины, присланные со шлюпки?* — спросил гигантский краб.

— *Конечно. Они передо мной, на экране. Нос не на шутку повреждён, однако это нас не касается*, — ответил европеец. — *То, что нам нужно, располагается у кормы.*

— *Да нет, я говорю про то, что валяется вокруг, на земле*, — возразил иониец. — *Может, мои радары не так хороши, как твои оптические глаза,*

---

[109] notes: 109
Изм. цитата из «Бури» В. Шекспира. Перев. М. Донского.

только один из валунов очень уж смахивает на человека.

Манмут уставился на экран и быстро перебрал бесчисленные снимки, сделанные с космошлюпки, прежде чем она улетела.

— *Это был человек,* — сообщил он, — *но давным-давно умер. Тело сплющено, обезвожено, конечности неестественно вывернуты. Или же мы обманываемся, принимаем желаемое за действительное. Странных камней там хватает.*

— *Ладно,* — откликнулся иониец, решив не отвлекаться от главного. — *Как мне подготовиться?*

— *Оставайся на месте,* — ответил маленький моравек. — *Я к тебе спущусь, и выйдем наружу вместе.*

«Смуглая леди» вонзила короткие ножки в океанское дно примерно в десяти метрах западнее кормы затонувшего судна. Орфу недоумевал, как моравеки выберутся наружу, если дверь прорезана в брюхе подлодки, но капитан легко разрешил его сомнения, удлинив посадочные шасси.

Манмут попал в грузовой отсек через внутренний шлюз, напрямую подключился к товарищу, осторожно заполняя камеру земной океанской водой, уравнял давления и только тогда открыл

дверь грузового отсека. Отсоединив от ионийца разные шланги, друзья вместе спустились на дно.

К счастью, видавший виды панцирь Орфу не пропускал воду. Гигантский краб заинтересовался давлением, и Манмут дал ему необходимые пояснения.

— *Атмосферное давление наверху, на воображаемом пляже или попросту на поверхности океана держится на уровне в четырнадцать целых и семь десятых фунта на квадратный дюйм. Каждые десять метров, ну или каждые тридцать три фута, оно повышается на одну атмосферу. То есть на глубине тридцати трёх футов на каждый квадратный дюйм нашего внешнего покрова приходилось бы двадцать девять целых и четыре десятых фунта, на глубине шестидесяти шести футов на нас давило бы три атмосферы и так далее. Отсюда до поверхности двести тридцать футов, так что нам и «Смуглой леди» досталось восемь атмосфер.*

Устройство моравеков позволяло переносить и куда более тяжкие условия. Правда, иониец привык скорее к *негативной* разнице давлений, работая в наполненном серой и радиацией пространстве около Юпитера.

Кстати, если уж говорить о радиации: друзья — и приборы на их подводном судне — отметили, что её здесь предостаточно. И хотя моравекам ничего не грозило, пробиравшие их нейтронные и гамма-лучи вызывали неприятное, отвлекающее ощущение.

Манмут упомянул, что, будь они с другом людьми и вздумай дышать стандартным воздухом Земли из баллонов (точнее, смесью из двадцати одного процента кислорода и семидесяти девяти процентов азота), умножающиеся и растущие пузырьки азота принялись бы душить их, затуманили бы чувства и рассудок и не позволили бы подняться на поверхность, разве что после долгих часов декомпрессии на разных уровнях. К счастью, дыхательные системы моравеков потребляли чистый кислород.

— *Ну что, посмотрим в лицо врагу?* — спросил Орфу.

Любитель Шекспира двинулся вперёд, как можно аккуратнее карабкаясь по изогнутому корпусу развалины, и всё-таки потревоженный ил окутал друзей облаком, будто пыльная буря на суше.

— *Твой чувствительный радар что-нибудь видит?* — поинтересовался европеец. — *Я совершенно слепну от этой муры. Старинные*

книги о земных водолазах часто рассказывают о подобном эффекте: первый ныряльщик ещё способен что-то разглядеть на затонувшем судне, остальным приходится ждать, пока не улягутся ил и грязь.

— *Ослеп, говоришь?* — произнёс гигантский краб. — *Добро пожаловать в наш клуб, амиго. Мои радары рассчитаны на то, чтобы работать в ионийском вакууме, заполненном серой, так что немножечко грязи им нипочём. Я прекрасно вижу остов подлодки, выпуклый торпедный отсек, сломанный… этот, как его там… парус. Только скажи, если тебе нужна помощь, и Орфу тебя отведёт за ручку.*

Ухмыльнувшись, капитан «Смуглой леди» переключил основное зрение на радарные частоты и тепловидение.

Моравеки проплыли через торпедный отсек, пользуясь внутренними поворотными движителями, стараясь не пустить струю в направлении разбросанных боеголовок.

Причём разбросанных как попало. Сорок восемь из сорока восьми пусковых шахт были открыты нараспашку.

— *Судя по виду, крышки увесистые*, — передал Манмут по личному лучу.

Впрочем, как и всё, что друзья говорили и слышали, эти слова также передавались на «Королеву Мэб» посредством радиобуя, запущенного со «Смуглой леди».

Гигантский краб ухватил одну из крышек диаметром с собственное тело и поддакнул:

— *Семь тонн.*

Даже после того как ИскИн субмарины получил приказ открыть все сорок восемь люков пусковых шахт, каждый снаряд по-прежнему был прикрыт водонепроницаемым куполом из синего стекловолокна. Маленький моравек с первого взгляда представил, как эти оболочки лопаются, как огромные газовые заряды выталкивают боеголовки на поверхность, как при соприкосновении с воздухом запускаются энергетические установки…

Однако снаряды не вырвались из пусковых шахт, не всплыли в пузырях азота, и энергетические установки не воспламенились. Стекловолоконные купола давно обветшали, уцелели только хрупкие синие останки.

— *Ну и бедлам*, — высказался Орфу.

Манмут кивнул. Что бы ни ударило «Меч Аллаха» в корму сразу же за машинным отделением, отрезав главные турбины, когда бушующая со-

лёная вода затопила все помещения бумера, она прошлась ударной взрывной волной и по ракетным отсекам, небрежно расшвыряв снаряды, точно охапку соломы. Некоторые торпеды ещё указывали куда-то вверх, зато прочие зарылись боеголовками в ил, оставив снаружи проржавевшие энергетические установки с твёрдым топливом.

— *Можешь забыть о шести тысячах девятистах двенадцати часах работы,* — передал по личному лучу Орфу. — *За это время мы только доберёмся до чёрных дырок. При том, что любой неосторожный поворот или повреждение газовым резаком наверняка вызовет детонацию другой боеголовки.*

— *Ага,* — отозвался маленький моравек, чьи оптические частоты уже ничто не замутняло.

— У кого-нибудь есть предложения? — вмешался первичный интегратор.

Манмут едва не подпрыгнул от неожиданности. Увлёкшись изучением затонувшей посудины, он совершенно забыл о прямой и постоянной связи с «Королевой Мэб».

— Есть, — произнёс иониец, переключившись на общую линию. — Вот что нам нужно сделать…

И он в двух словах как можно доступнее изложил свою точку зрения. Вместо того чтобы обезвреживать боеголовки по отдельности согласно длинному протоколу, присланному первичными интеграторами, Орфу предлагал действовать быстрее и без особых заморочек. Манмуту надлежало установить свою подлодку над бумером, словно курицу-наседку над гнездом, максимально удлинив её ножки и включив на полную мощность все фюзеляжные прожекторы, чтобы работать при самом ярком свете. После этого моравеки газовыми резаками отрежут каждую боеголовку от снаряда, затем при помощи простой цепочно-блоковой системы поднимут носовые конусы прямо в грузовой трюм «Смуглой леди» и разместят их между перегородками, словно яйца в картонной коробке.

— Не грубовато ли? — спросил Чо Ли с мостика «Королевы Мэб». — Чёрные дыры могут достичь критического состояния.

— Ага, — громыхнул гигантский краб, — могут. Но если год, а то и больше, над ними маяться, одна из них наверняка активируется. Так что сделаем по-моему.

Манмут коснулся манипулятора друга и кивнул в знак согласия, уверенный, что радар ионийца

уловит его движение.

Тут на общей связи послышался суровый голос Сумы Четвёртого:

— И как вы собираетесь поступить с сорока восемью боеголовками и семьюстами шестьюдесятью восемью чёрными дырами, когда погрузите их на борт подлодки?

— Вы нас отсюда заберёте, — промолвил маленький европеец. — Шлюпка поднимет начинённую смертью «Леди» в открытый космос, и мы отсылаем дырки на все четыре стороны.

— Конфигурация шлюпки не позволит ей взлететь выше колец! — рявкнул Сума Четвёртый. — Да и как увернуться по дороге от роботов-лейкоцитов?

— Это уж ваша забота, — громыхнул Орфу. — Мы сейчас же принимаемся за работу. За десять или двенадцать часов нарубим эти боеголовки и погрузим их на подлодку. Потом поднимаемся на поверхность, а вы к тому времени что-нибудь сообразите. Нам известно, что в вашем распоряжении есть и другие судна — невидимые, где-то там, за кольцами. Вот и подготовьте одно из них, чтобы встретило «Смуглую леди» у планетарной орбиты и забрало у нас эту гадость. Не для того же мы отмахали такой путь до Земли, чтобы взять и

уничтожить её?

— Погодите, у нас тут неожиданный гость, — вмешался Астиг-Че. — Только что какое-то маленькое судно — похоже, соньер, — приземлилось на орбитальном острове Сикораксы.

80

Отлёт Никого происходил без всяких церемоний. Только что бородач болтал из низко зависшего соньера со стоящими на земле Даэманом, Ханной и Томом, а в следующий миг диск чуть ли не вертикально взвился, силовым полем крепко вжав пилота в нишу, устремился в небо, словно пущенный дротик, и спустя мгновения растворился в низких серых облаках.

Ада почувствовала себя обманутой. Она-то рассчитывала на прощальные слова от того, кого некогда знала под именем Одиссея.

Вопрос о том, давать ли Никому соньер, был решён с перевесом в один-единственный голос, принадлежавший даже не уцелевшему обитателю Ардиса, а лысому мужчине по имени Элиан, вожаку шестерых беженцев из Хьюз-тауна.

Колонисты, не желавшие терять летающую посудину, пришли в ярость и требовали повтор-

ного голосования. Дело дошло до возмущённых воплей, а кое-кто уже вскидывал дротиковые винтовки.

Тогда супруга Хармана выступила на середину и громким, но ровным голосом объявила, что решение уже принято. Никто получит соньер и постарается вернуть его как можно скорее. А до тех пор у общины остаётся небесный плот, который Никто и Ханна собрали вручную в гараже у Золотых Ворот Мачу-Пикчу. Если в летающем диске умещалось только шесть человек, то новая посудина переносила сразу четырнадцать, что будет весьма кстати, если придётся спасться бегством на речной остров. Так что вопрос закрыт.

Дула винтовок нехотя опустились, но недовольный ропот не утихал. Старые друзья ещё долго избегали смотреть Аде в глаза, давая понять, что бывшая хозяйка имения исчерпала остатки своего влияния как предводительницы.

И вот теперь, когда Никто улетел на соньере, её сердце обожгло нестерпимое одиночество. Женщина дотронулась до слегка округлившегося живота и подумала: «Маленький человечек, сын или дочь Хармана! Если я совершила ошибку и подвергла тебя опасности, то буду раскаиваться до самой смерти».

— Ада? — окликнул Даэман. — Мы можем потолковать наедине?

Они прошлись до северного частокола, туда, где в прежние дни дышал жаром литейный купол Ханны. Сын Марины рассказал о встрече с постженщиной, которая назвалась Мойрой, но при этом выглядела как молодая Сейви, правда, видел её во время собрания лишь Даэман, всем остальным она отвела глаза.

Кузина медленно покачала головой.

— Всё это бессмыслица. С какой стати постчеловеку являться в теле Сейви, да ещё скрываться от остальных? Как это возможно? И зачем?

— Не знаю, — сказал молодой мужчина.

— Она что-нибудь ещё говорила?

— Обещала после голосования рассказать кое-что про Хармана.

— Ну и?.. — встрепенулась Ада.

Её сердце так тяжело застучало, словно ребёнок зашевелился внутри, не меньше матери желая узнать новости о своём отце.

— И всё, что призрак мне сообщил потом, было: «Запомни, что в Ничьей гробнице Никого больше нет».

Заставив кузена повторить эту фразу дважды, Ада наморщила лоб:

— Опять какая-то ерунда.

— Знаю, — откликнулся Даэман. Вид у него был мрачный, подавленный, плечи ссутулились. — Я пытался разговорить её, но она… просто исчезла. Как будто провалилась.

Супруга Хармана строго, с большим сомнением уставилась на собеседника.

— Ты уверен, что так и было, Даэман? Мы все перетрудились, перенервничали, слишком мало спали… Это привидение точно к тебе приходило?

Мужчина гневно блеснул глазами, однако ничего не ответил.

— «Запомни, что в Ничьей гробнице Никого больше нет», — пробормотала будущая мать и осмотрелась вокруг.

Люди продолжали заниматься ежедневными привычными обязанностями, вот только те, что на собрании голосовали против, держались поодаль от тех, кто был «за», и ни один не хотел общаться с лысым Элианом. Ада едва не расплакалась.

Ни соньер, ни его пилот в тот день так и не вернулись. На другой и на третий — тоже.

Наконец жена Хармана поднялась в небо на шатком плоту в компании Ханны (она управляла

машиной) и своего кузена, который отправился на охоту за пределы кольца из войниксов, а заодно хотел посчитать безголовых тварей-убийц. Утро выдалось ясное, без единого облачка, тёплый ветерок предвещал весну… и путешественники отлично различали чудовищ, кишащих внизу, сомкнувших кольцо радиусом в две мили вокруг Ямы.

— Я не очень-то разбираюсь, — прошептала Ада на ухо мужчине, хотя они находились на высоте тысячи футов над войниксами. — Но, кажется, только на том лугу их три-четыре сотни. А сколько всего, по-твоему? Тысяч пятнадцать? Больше?

— Думаю, больше, — спокойно сказал Даэман. — Наверное, тридцать — сорок тысяч.

— И как они не устанут стоять на месте? — спросила будущая мать. — Им что, не нужно ни есть, ни пить?

— Похоже, что не нужно, — отозвался кузен. — В те дни, когда мы принимали войниксов за слуг, ты видела, чтобы хоть один из них уставал, или ел, или пил? Я — нет.

Ада ничего не ответила. Те времена ушли в далёкое прошлое, о котором не стоило и вспоминать, хотя закончились они чуть менее года назад.

— Полсотни тысяч, — пробормотал сын Марины. — И это только сейчас. А они прибывают по факсу каждый день.

Ханна повела небесный плот на запад, на поиски дичи и свежего мяса.

На четвёртый день детёныш Сетебоса в Яме достиг размеров годовалого телёнка — если возможно представить себе телёнка в виде пульсирующего серого мозга с жёлтыми глазками, разевающимися ротовыми щелями и уймой розовых трёхпалых ладошек на серых стеблях.

— *Мамочка, мамуля,* — шептала эта тварь в голове Ады, во всех головах, — *мне пора выходить. Эта ямка слишком тесная, а я так хочу кушать, что больше не могу терпеть.*

Ранним вечером, за час до наступления сумерек и долгой, кромешной зимней ночи, у Ямы собралась группа людей. Мужчины и женщины по-прежнему жались поближе к тем, с кем одинаково голосовали по поводу соньера. Никто из колонистов теперь не расставался с дротиковой винтовкой, а самострелы держали под рукой на всякий случай.

Касман, Каман, Греоджи и Эдида целились в чудовище-переростка. Остальные стояли рядом.

— Ханна, — спросила супруга Хармана, — как

там небесный плот, его нагрузили припасами?

— Да, — подтвердила подруга, — ящики с самым необходимым уже на борту, и ещё хватит места для десяти человек. А потом можно будет сажать по четырнадцать пассажиров.

— Ну и сколько времени уйдёт на то, чтобы доставить людей на остров и распаковать вещи? — осведомилась Ада.

— Сорок две минуты, — ответил ей Ламан, потирая обрубки искалеченных пальцев на правой руке. — Тридцать пять — на одних людей.

— Плоховато, — нахмурилась будущая мать.

Ханна шагнула к огню, который постоянно горел у Ямы.

— Дорога на остров занимает четверть часа в один конец. Машина не может лететь быстрее.

— А соньер добрался бы меньше чем за минуту, — вмешался Лоэс, один из самых вспыльчивых членов общины. — Минут через десять мы все были бы на месте.

— Но у нас нет соньера, — бесцветным голосом произнесла бывшая хозяйка особняка и невольно покосилась на юго-запад: там, за рекой, в гуще лесов поджидали своего часа пятьдесят тысяч войниксов.

Никто был прав. Даже если перенести всех

людей на остров, серые твари нагрянут через несколько часов или даже минут. Несмотря на то что факс-узел Ардиса по-прежнему не работал (двое дежурных проверяли его днём и ночью), войниксы как-то ухитрялись факсовать. Похоже, поняла Ада, колонистам уже нигде не укрыться от горбатых убийц.

— Давайте займёмся ужином! — воскликнула она, заглушая тягучий холодный голос отродья Сетебоса, опять пронизавший головы всех присутствующих:

— Мамуля, папуля, мне пора выходить. Откройте решётку, папуля, мамуля, не то я сам управлюсь. Я уже сильный. И очень голодный. Мы скоро встретимся.

Греоджи, Даэман, Ханна, Элиан, Боман, Эдида и Ада просидели за разговорами до поздней ночи. Над их головами, как и всегда, безмолвно вращались экваториальное и полярное кольца. Большая Медведица низко висела над северным горизонтом. Лунный серп выглядел маленьким, как белая лунка на ногте.

— Думаю, завтра на рассвете мы позабудем затею с островом и начнём эвакуировать людей на Золотые Ворота Мачу-Пикчу, — сказала супруга Хармана. — Надо было так и сделать недели

назад.

— За это время дурацкий плот как раз добрался бы до Золотых Ворот, — ввернула её подруга. — К тому же он может поломаться и вообще не долететь. Никто ещё устранил бы неисправность, а так пассажиры окажутся в ловушке.

— А если машина сломается здесь, то нам всем наступит конец, — произнёс Даэман и, вдруг испугавшись за побледневшую брюнетку, осторожно взял её за плечо. — Ханна, ты великолепно управлялась с плотом, но эта технология выше нашего понимания.

— Разве мы хоть что-нибудь понимаем в технологиях? — пробормотал Боман.

— Самострелы, — подала голос Эдида. — Мы стали чертовски хорошо разбираться в изготовлении самострелов.

Ни один человек не засмеялся в ответ.

Несколько минут спустя Элиан проговорил:

— Расскажите ещё раз, почему это войниксы не могут забраться в жилые пузыри вашего хвалёного Моста на Мачу-Пикчу.

— Жилые пузыри висят подобно гроздьям винограда на лозе, — начала Ханна, долее всех остававшаяся в тех местах. — Они соединяются между собой и покрыты чем-то вроде прозрач-

ного пластика. Сверху — какое-то силовое поле, созданное либо учёными Потерянной Эпохи, либо самими «постами». Серые твари с него просто скатываются.

— Чем-то похожим были покрыты окна вездехода, на котором Сейви вывезла нас из Иерусалима в Средиземный Бассейн, — вставил Даэман. — По её словам, это покрытие, лишённое трения, создавалось против дождевых капель, но помогло нам и от войниксов и калибано.

— Хотел бы я повстречать этих калибано, — проворчал Элиан. — А то и самого Калибана.

Губы и прочие черты лица лысого мужичины указывали на его силу и врождённое любопытство.

— Нет, — мягко ответил сын Марины. — Ты бы вряд ли обрадовался такому знакомству. Особенно рандеву с Калибаном. Можешь поверить на слово.

Наступившую тишину нарушил Греоджи, высказав то, о чём все думали:

— Придётся тянуть соломинки… Или что-то в этом роде. Только четырнадцать из нас полетят к Золотым Воротам. С собой захватят лишь оружие, воду, минимальный запас еды. Можно и по пути поохотиться, зато людям хватит места. Все

прочие останутся здесь.

— То есть выживут только четырнадцать из пятидесяти четырёх? — проговорила Эдида. — Как-то несправедливо получается.

— Ханна полетит среди первых, — продолжал мужчина. — Если путешествие удастся, она вернётся на небесном плоту за другими.

Подруга Ады мотнула головой.

— Греоджи, ты мог бы с таким же успехом управлять этой штукой. Невелика хитрость, я научу ей любого. Так что моё участие в первом полёте вовсе не обязательно. К тому же вы догадываетесь… вы *знаете*, что второго просто не будет. Посудина не в том состоянии. Войниксы все прибывают. Сетебос растёт и крепнет с каждым часом. Те, кому достанутся четырнадцать коротких соломинок или длинных соломинок — не важно, — получат надежду выжить. Остальные погибнут здесь.

— Всё решится, как только рассветёт, — заключила супруга Хармана.

— Возможно, будет бой, — заметил Элиан. — Люди рассержены, голодны, они в отчаянии. Не каждый согласится тянуть жребий по такому серьёзному вопросу. Им легче захватить плот, нежели ждать позволения сесть.

Ада кивнула.

— Даэман, отбери себе десять людей, пусть окружат летучую машину ещё до того, как я созову совет. Эдида, собери с друзьями сколько сможете бесхозного оружия.

— Сейчас большинство спят в обнимку с винтовкой, — ответила блондинка. — Даже из рук не выпускают.

Бывшая хозяйка имения снова кивнула.

— Сделайте что сумеете. Я поговорю с колонистами. Объясню им, что это единственный выход.

— Проигравшие потребуют в лучшем случае перенести их на остров, — сказал Греоджи.

Боман кивнул.

— Я бы с радостью. Так и сделаю, если вытащу не ту соломинку.

Ада испустила вздох.

— Не поможет. На острове, здесь ли — какая разница, где умирать. Войниксы и туда нагрянут через пару минут, едва лишь мы останемся без защиты Сетебоса. Но это придётся сделать. Сначала перевезём всех желающих на середину реки, потом отпустим лететь к Мосту тех, кому повезёт.

— Потеряем время, — вставила её подруга. — К тому же это лишняя нагрузка на плот.

Будущая мать воздела руки ладонями наружу.

— Зато наши люди не бросятся убивать друг друга. У тех четырнадцати появится надежда. Прочие сами выберут, где встретить смерть. Оставим им хотя бы иллюзию выбора.

Больше говорить было не о чем, и колонисты разошлись по спальным палаткам.

Ханна пошла проводить подругу и перед самым укрытием, в темноте коснувшись её руки, шепнула:

— Я сердцем чувствую, что Харман жив. Надеюсь, тебе повезёт, когда мы станем метать жребий.

Ада блеснула зубами при свете колец.

— Я тоже так чувствую, милая. Но уж точно не буду одной из четырнадцати. Я решила не принимать участия в жеребьёвке. Мы с малышом остаёмся в Ардисе.

В конце концов все их планы пошли прахом.

С первым же утренним лучом бывшая хозяйка имения резко проснулась: холодные щупальца Сетебоса лезли к ней в голову и даже в живот.

— Мамуля, у меня твой сынишка. Он тут побудет ещё несколько месяцев, пока я поучу его разным штукам, чудесным штукам, но мне пора играть, и я выхожу!

Женщина завизжала, ощутив, как тварь из Ямы трогает разум ещё не развившегося младенца.

В ту же секунду, пока всё окончательно не пробудились, она вскочила и ринулась наружу, захватив с собой две дротиковые винтовки.

Малыш Сетебос погнул прутья и теперь протискивался серой массой сквозь решётку. Его щупальца уже простирались в стороны на целых пятнадцать футов и засунули трёхпалые ладони глубоко в грязь. Из ротовых отверстий три были широко разинуты и, свесив наружу длинные мясистые придатки, жадно поглощали из почвы скорбь, ужас, историю Ардиса. Бесчисленные жёлтые глазки чудовища ярко сверкали, а несметные пальцы на крупных розовых ладонях колыхались подобно морским анемонам, попавшим под сильное течение.

— *Всё в порядке, мамуля*, — мысленно прошипело существо, высвобождаясь из Ямы. — *Я хочу только…*

Где-то за спиной с криками подбегали Даэман и другие, но Ада не обернулась. Она замерла на месте, сорвала с плеча винтовку и выпустила в отродье Сетебоса целую обойму.

Тысячи хрустальных дротиков со свистом вырвали клок из левой доли мозга. Тварь завер-

телась будто ужаленная. Несколько щупальцев устремились к женщине.

Покачнувшись от сильной отдачи, Ада загнала вторую обойму и разрядила её в корчащееся чудовище.

— *Мамммммм-*
маааааааааааааааааааааааааааа …

Когда и второй магазин опустел, Ада отбросила винтовку, вскинула на плечо другую, сделала три шага вперёд среди змеящихся щупалец и выпустила полную обойму между жёлтых глаз на передней половине мозга.

Отродье Сетебоса громко завопило всеми своими настоящими ртами — и повалилось обратно в Яму.

Женщина подошла к самому краю, зарядила ещё один магазин и принялась палить, не обращая внимания на крики у себя за спиной. Потом она вставила третий, прицелилась в окровавленную серую массу на дне ловушки и снова выстрелила. И снова. И снова. Расколов мозг на мягкие полушария, словно тыкву, Ада каждое из них растерзала тучами дротиков. Длинные стебли с розовыми ладошками ещё содрогались, но тварь, без сомнения, уже умирала.

Супруга Хармана сразу это почувствовала. Как

и прочие колонисты. Последний мысленный вопль чудовища с шипением покидал головы людей, точно грязная вода, что сливается по водостоку в канаву.

Все, кроме стражников, сбежались к Яме из палаток и укрытий и встали группами, не веря собственным ощущениям и глазам.

— Что ж, полагаю, теперь до жребия не дойдёт, — прошептал Греоджи на ухо Аде, склонившись к ней посреди оглушительной тишины.

Внезапно со всех сторон послышался страшный шум — жужжание, свист и гул одновременно. Сперва отдалённый, он стремительно нарастал, и вскоре скрежет зловещим эхом наполнил лес и окрестные холмы.

— Какого лешего… — начал Касман.

— Войниксы, — произнёс Даэман. Мужчина взял у кузины винтовку, перезарядил и вернул хозяйке. — Они уже идут. Все разом.

81

И вот я наблюдаю, как бог сходит с ума.

Не знаю, какой подмоги я ожидал найти на Олимпе для затравленных, умирающих ахейцев, но в итоге сам угодил в западню подобно им. Гре-

ки бьются на узкой полоске пляжа, прижатые к морю врагами, а я стою, обливаясь потом под кожей хамелеона, бок о бок с тысячей бессмертных, и почти не дышу, дабы не выдать своего присутствия, взирая на Зевса, царя над небожителями, и слушая, как он провозглашает себя единым Вечным и Всемогущим Богом.

Впрочем, не стоило волноваться, что меня заметят. Олимпийцы внимают ему, разинув божественные рты и выпучив бессмертные очи.

Кронид помешался. Брызжа слюной, он разглагольствует о своих притязаниях на исключительную божественность и, кажется, насквозь буравит меня тёмными зрачками. У Громовержца взгляд сытого кота, забавляющегося с мышью. Можно не сомневаться, что я раскрыт.

Кладу руку на квит-медальон, висящий на груди под липким хамелеоньим костюмом.

Куда же мне испариться? Обратно на берег, к ахейцам, — неминуемая гибель. Назад в Илион, к Елене, — удовольствия и безопасность, но это значит стать изменником… кому? Греки даже не обращали внимания, когда я ходил между ними, по крайней мере с тех пор, как Лаэртид и Ахилл исчезли по ту сторону сомкнувшейся Брано-Дыры. И почему я должен хранить верность,

когда они…

И всё-таки.

Кстати об Одиссее… Память подсовывает непрошеные картинки для взрослых… Я ведь могу вернуться на «Королеву Мэб». Там самое надёжное место. Хотя чутьё подсказывает: мне вообще нет *места* среди моравеков.

Кажется, что бы я ни выбрал, всё будет неправильно. Трусливое предательство — в лучшем случае.

«Да ради Бога, кого ты предал?!» Тут я нечаянно употребляю имя Господа всуе, ибо единственный Всемогущий Бог прожигает меня взором и заканчивает свою тираду, брызжа слюной и грохоча кулаком.

И хотя владыка Зевс не завершает речь знаменитым: «ВОПРОСЫ ЕСТЬ?!», однако на плотную тишину, что воцарилась в Великой Зале Собраний, он без боязни мог бы усесться.

Внезапно и совершенно необъяснимо внутренний голос неумирающего педанта — скорее профессора из будущего, нежели служителя музы из прошлого, — огорошивает меня мильтоновской фразой Люцифера, с точностью очертив весь ужас происходящего: «Я вознесу свой трон превыше Божьих звёзд…»

Что-то срывает крышу и начисто сносит верхние этажи Великой Залы. В обнажившемся небе высится бесформенная фигура. Слышится рёв голосов и ветра.

Одна из стен обваливается внутрь. Гигантские существа, лишь отдалённо похожие на людей (да и то не все), рушат каменную кладку, опрокидывают колонны, вырываются из-под облаков и кидаются на собравшихся. Те из бессмертных, кто сохранил остатки разума, квитируются куда подальше либо спасаются бегством. Я каменею на месте.

Громовержец рывком поднимается на ноги. Золотые латы и оружие сложены на полу в каких-то двадцати футах от престола, но и это чересчур далеко. Молниеносная атака неисчислимых врагов даже Отцу Богов не позволяет вооружиться.

Он выпрямляется и заносит могучую руку, чтобы в буквальном смысле метнуть гром и молнию.

Однако ничего не выходит.

— Ай! Ай! Я больше над стихиями не властен! — восклицает Зевс, уставившись на пустую правую руку, так вероломно обманувшую его ожидания.

— СПАСЕНЬЯ НЕТ! МОЛЬБЫ НАПРАСНЫ! — громогласно раздаётся из грозовых туч, густо

клубящихся над разломанным зданием, где боги бьются с чудовищами. — ИДИ ЗА МНОЮ В БЕЗДНУ, САМОЗВАНЕЦ. КТО УЦЕЛЕЕТ, БОЛЬШЕ НЕ ВОЗЛЮБИТ НИ ТРОНОВ, НИ СУДОВ, НИ АЛТАРЕЙ, НИ ТЮРЕМ — ЭТИХ МЕРЗОСТНЫХ ЯВЛЕНИЙ, ОТВЕРГНУТЫХ И БОГОМ И ЛЮДЬМИ. ИДЁМ ЖЕ, УЗУРПАТОР И ТИРАН ЗЕМЛИ, ТЕБЯ ЖДЁТ НОВАЯ ОБИТЕЛЬ — НЕЗДЕШНЯЯ, УЖАСНАЯ И ЗЛАЯ, НАПОЛНЕННАЯ ПРИЗРАКАМИ МРАКА.

Этот жуткий голос пугает даже не своей громоподобностью, но ледяным спокойствием.

— Нет! — вопит Зевс и квитируется прочь.

Из гущи борьбы слышатся крики: «Титаны!» и «Крон!»

Вот тут и я пускаюсь наутёк, молясь про себя, чтобы костюм хамелеона сохранил невидимые свойства, мчусь между падающими колоннами, между сражающимися, а вокруг полыхают молнии, низвергаясь с раздираемых огнём туч над Олимпом.

Кое-кто из богов устремляется к летающим повозкам, но в небесах на них нападают исполинские, странного вида колесницы, управляемые неописуемыми возничими. Всё побережье кальдеры охвачено битвой богов с титанами и прочими чудовищами. На моих глазах существо,

которое явно может быть Кроном, бросает вызов одновременно Аресу и Аполлону. Олимпийцы спасаются бегством.

И вдруг меня хватает чья-то могучая рука, прищемляет мне ладонь, не позволив ухватиться за квит-медальон, и стягивает хамелеонью кожу, словно плохо закрученную обёртку с рождественского подарка.

Это Гефест, главный ремесленник Олимпа. За его спиной на траве, кажется, рассыпаны пушечные ядра, среди них валяется пустой аквариум.

— Ты что здесь делаешь, Хокенберри? — рычит косматый бородач. Карлик по сравнению с остальными бессмертными, он всё ещё на целый фут выше меня.

— Как ты меня увидел? — только и могу выдавить я.

Примерно в пятидесяти ярдах от нас Крон убивает Аполлона — судя по всему, исполинской дубиной. Кажется, свирепые ветры, воющие у вершины Олимпа, понемногу развеивают громадину из грозовых туч, которая высится над оставшимися без крыши стенами Великой Залы Собраний.

Гефест усмехается и щёлкает по прибору из стекла и бронзы, висящему на его жилетке среди

сотни прочих безделушек.

— Увидел, не сомневайся. И Громовержец тоже. Знаешь, почему он велел мне *создать* тебя, Хокенберри? Чтобы его нынешнее восхождение на Божественный Престол не осталось без наблюдателя — такого наблюдателя, провались он пропадом, который мог бы всё *записать*. Мы же сплошь неграмотные, ты в курсе?

Не дав мне пошевелиться или сказать хоть слово, бессмертный карлик берёт мой тяжёлый квит-медальон, срывает его, сломав цепочку, и крепко давит в массивной грязной руке.

«ОГосподиИисусевсемогущийненадо…» — успеваю подумать я.

Бог огня чуть раскрывает огромный кулак и ссыпает блестящие крошки в широко оттянутый карман жилета.

— Не наложи в штаны, Хокенберри! — хохочет бессмертный. — Эта игрушка никогда не работала. Смотри — никакого внутри *механизма*, мать его! Один диск, чтобы было что крутить. Слышал когда-нибудь о пёрышке Дамбо?

— Он же работал… как же раньше… я же вернулся с… он же помогал…

— Это не он, — возражает Гефест. — Собирая вас, я вложил наногены, которые позволяют любому

квант-телепортироваться, совсем как большие мальчики. То есть как мы, боги. Просто вам не полагалось ведать об этом раньше времени. Афродита совершила фальстарт, когда вручила тебе подделку, вздумав использовать тебя как наёмника против Афины.

Я дико озираюсь. Великая Зала Собраний рухнула. Поваленные колонны лижет яркое пламя. Поле битвы стремительно разрастается, однако вершина вулкана заметно пустеет: боги все исчезают, ища спасения на Земле Илиона. Тут и там открываются Брано-Дыры. Титаны и чудища преследуют удирающих олимпийцев.

Существо из грозовых туч, сорвавшее крышу и три этажа Великой Залы Собраний, бесследно исчезло.

— Помоги мне спасти греков, — говорю я, невольно стуча зубами.

Гефест опять смеётся и вытирает жирный рот тыльной стороной ладони, испачканной в саже.

— Я уже очистил вашу чёртову Землю Илиона от всех остальных людей. С какой стати беспокоиться из-за греков? Или троянцев, если на то пошло? Много они обо мне заботились в последнее время? Впрочем, кто-то ведь должен поклоняться новому владыке трона, который я

через несколько дней займу…

— Так это *ты* очистил планету? — Мои глаза лезут на лоб. — Ты превратил человечество этой Земли в синий луч, который растёт из Дельф?

— Проклятие, а ты на кого думал? На Зевса? С его-то мозгами? — Гефест качает головой.

Братья-титаны Крон, Япет, Гиперион, Кей, Крий и Океан шагают в нашу сторону. Их руки залиты ихором.

Внезапно из-за горящих руин появляется Ахиллес. Он облачён в золотые доспехи. Красивый щит щедро забрызган бессмертной кровью, клинок высоко поднят, глаза безумно сверкают сквозь щели пыльного, в грязных разводах шлема. Не обратив на меня внимания, призрак орёт Гефесту:

— Зевс удрал!

— Само собой, — отзывается бог огня. — Ты думал, он станет ждать, пока Демогоргон утащит его за собой в Тартар?

— Даже локатор голографического пруда не смог его отыскать! — бушует быстроногий. — Я заставил помочь Диону, мать Афродиты. Она сулила найти Кронида в любой точке вселенной, а когда не справилась, я порубил её на кусочки. Так *где* же он?!

Бородатый карлик ухмыляется.

— А помнишь, мужеубийца, куда Зевс укрылся от всех глаз, когда Гера пожелала затрахать его и погрузить в вечный сон?

Ахиллес хватает олимпийца за плечо и чуть ли не отрывает от земли.

— Дом Одиссея! Перенеси меня туда! Быстро!

Очи Гефеста недобро сощуриваются.

— Не смей приказывать будущему владыке Олимпа, сингулярность. Ты всё-таки кратковечный, так что учись уважать старших.

Человек разжимает пальцы, отпустив кожаную жилетку бога.

— Пожалуйста. Скорее. Прошу тебя.

Кузнец кивает и смотрит на меня.

— Схолиаст Хокенберри, отправляйся с нами. Зевс готовил тебя именно для этого дня. Ему был нужен свидетель. Вот и будешь свидетелем.

82

Моравеки на «Королеве Мэб» следили за происходящим в режиме реального времени, поскольку нанокамеры и передатчики Одиссея исправно работали, однако Астиг-Че решил не транслировать репортаж на глубины земного океана, где Манмут и Орфу шесть часов кряду

нарезали боеголовки с чёрными дырами, погружая их в трюм «Смуглой леди». Никто на судне не желал отвлекать друзей от их работы, которой оставалось ещё часов на шесть.

А отвлечься им было бы на что.

Занятия любовью — если можно так назвать неистовое совокупление Одиссея с женщиной, представившейся как Сикоракса, — временно были прерваны. Парочка растянулась на всклокоченных покрывалах, попивая вино из больших двуручных кубков и подкрепляясь плодами, когда похожее на амфибию чудище с жабрами и клыками отодвинуло занавес и, шлёпая когтистыми перепончатыми лапами, вошло в покои Сикораксы.

— Мать, мыслит, да, что должен возвестить: тогда хотел размять большую тыкву, когда услышал Калибан шипенье воздушных шлюзов. Некое созданье там к тебе явилось, Мать. Изрёк, что у него мясистый нос и пальцы, как обрубки. Мать, реки, и ради Его имени сорву зубами лакомую плоть с костей белее мела.

— Нет, Калибан, спасибо тебе, дорогой, — промолвила нагая женщина с пурпурными бровями. — Проводи сюда нашего гостя.

Тот, кого назвали Калибаном, отступил в сто-

рону, и в чертоге появился Одиссей, только более преклонных лет.

Сходство заметили все моравеки, даже те, которым люди казались на одно лицо. Растянувшийся на шёлковых подушках молодой силач потрясённо уставился на своего двойника. Тот был так же приземист и столь же широк в груди, но при этом густая борода и волосы отливали сединой, тело покрывали бесчисленные шрамы, а сам вошедший держался внушительнее, нежели пассажир «Королевы Мэб».

— Одиссей, — произнесла Сикоракса.

Моравеки обратились к анализаторам человеческих эмоций, и те распознали в её голосе крайнее удивление.

Гость покачал головой.

— Нынче меня зовут Никто. Рад тебя видеть снова, Цирцея.

Дама улыбнулась.

— Значит, мы оба переменились. Для мира и для себя я теперь Сикоракса, мой много страдавший Одиссей.

Мужчина помоложе начал вставать с подушек, уже сжимая кулаки, но хозяйка небрежно повела левой рукой, и тот обессиленно рухнул опять на постель.

— Ты Цирцея, — упрямо сказал назвавшийся Никем. — Ты всегда была и навек останешься Цирцеей.

Сикоракса еле заметно пожала плечами, качнув тяжёлой грудью, и погладила пустые подушки справа, ибо слева лежал молодой Одиссей.

— Подойди же и сядь со мною рядом, Никто.

— Нет, Цирцея, благодарю, — отвечал мужчина в тунике, шортах и сандалиях. — Я постою.

— *Ты подойдёшь и сядешь рядом*, — с нажимом произнесла хозяйка и сделала какое-то странное движение правой рукой, замысловато пошевелив пальцами.

— Нет, спасибо, я постою.

Женщина заморгала. Анализаторы моравеков ощутили, как её изумление бесконечно возросло.

— ***Молю***, — пояснил Никто. — Уверен, ты о нём слышала. Это вещество готовится из редкого чёрного корня, который всего лишь раз в осень приносит молочно-белый цветок.

Сикоракса медленно кивнула.

— Ну и далеко же завели тебя странствия. Но разве ты не слышал? Гермес мёртв.

— Это не важно, — проговорил гость.

— Да, пожалуй, верно. Как ты сюда попал,

Одиссей?

— Никто.

— Как ты сюда попал, Никто?

— На старом соньере Сейви. Целых четыре дня скакал с одного орбитального острова на другой, постоянно прячась от твоих роботов, что уничтожают всех вторгающихся в атмосферу, или обходя врагов под покровом невидимости. Пора от них избавляться, Цирцея. Или по крайней мере оборудовать соньеры туалетами.

Сикоракса тихонько хохотнула.

— С какой стати я буду уничтожать перехватчиков?

— Потому что я тебя прошу.

— А с какой радости мне исполнять твои просьбы, Одис… Никто?

— Объясню, когда изложу весь список.

Калибан за спиной мужчины грозно зарычал. Человек не обращал внимания ни на тварь, ни на её ворчание.

— Уж будь любезен, изложи.

Женщина улыбнулась, давая понять, как мало её заботят чьи-то там просьбы.

— Во-первых, как я уже сказал, устрани орбитальные перехватчики. Или хотя бы измени их программу так, чтобы космические суда могли

свободно летать между кольцами.

Улыбка Сикораксы не дрогнула. Взгляд фиолетовых очей ничуть не потеплел.

— Во-вторых, — не умолкал Никто, — хочу, чтобы ты удалила силовое поле над Средиземным Бассейном и убрала Длани Геркулеса.

Ведьма вполголоса засмеялась.

— Странное желание. Разразится такое цунами, что мало не покажется.

— Ты можешь сделать это постепенно, Цирцея. Знаю, что можешь. Заполни Бассейн.

— Прежде чем продолжать, — сухо проронила она, — назови хоть одну причину, чтобы я этим занялась.

— В Средиземном Бассейне много такого, что не скоро пригодится «старомодным».

— Имеешь в виду наши склады, — кивнула Сикоракса. — Космические корабли, оружие…

— Много чего, — повторил Никто. — Пусть винноцветное море снова заполнит Бассейн.

— Возможно, ты не заметил, пока странствовал, — усмехнулась ведьма, — «старомодные» находятся на грани вымирания.

— Заметил. И всё же прошу тебя осторожно, мало-помалу заполнить Бассейн. А заодно уничтожить эту дурацкую Атлантическую Брешь.

Сикоракса покачала головой и пригубила вино из двуручного кубка, не предложив гостю. Молодой Одиссей по-прежнему лежал с остекленевшим видом, откинувшись на подушках, не в силах пошевелиться.

— Это всё? — осведомилась хозяйка.

— Нет, — ответил мужчина. — Пожалуйста, реактивируй сеть факс-узлов, а также все внутренние функции и оздоровительные баки на орбитальном и полярном кольцах.

Сикоракса молчала.

— И наконец, — гнул своё Никто, — отошли своего ручного монстра, пусть передаст Сетебосу, что на эту Землю скоро явится Тихий.

Калибан зашипел, а потом заворчал, будто пёс:

— Помыслил, пробил час лишить людишек здоровых ног: пусть ползают на культях и хорошо запомнят свой урок! Помыслил, Он есть Господин и Власть, и друг побитый червяка получит, а то и двух, за то, что поминал такое имя всуе.

— Молчать! — рявкнула ведьма и гордо выпрямилась. Даже обнажённая, она более походила на царицу, нежели многие властительницы в торжественном облачении. — Ответь, Никто: Тихий на самом деле скоро сюда наведается?

— Полагаю, что так.

Казалось, это её успокоило. Дама взяла из чаши на постели виноградную гроздь и поднесла гостю. Тот отрицательно мотнул головой.

— Ты многого просишь, о седовласый Не-Одиссей, — вкрадчиво начала Сикоракса, меряя шагами пространство между кроватью в мягких подушках и бородачом. — Что же я получу взамен?

— Рассказ о моих приключениях.

Женщина опять рассмеялась.

— Они мне известны.

— Только не эти. На сей раз я странствовал двадцать лет, а не десять.

Прекрасное лицо ведьмы исказилось; анализаторы моравеков интерпретировали её гримасу как мрачную ухмылку.

— И как всегда, искал одного и того же… свою Пенелопу.

— Нет, — возразил Никто. — Только не в моём случае. Ты послала меня сквозь порталы Калаби-Яу, но двадцать лет своей жизни, скитаясь во времени и пространстве, я искал одну лишь тебя.

Сикоракса будто наткнулась на невидимую преграду и встала, недоверчиво округлив очи.

— Тебя, — повторил мужчина. — Мою Цирцею.

Мы так обожали друг друга, мы многократно занимались любовью за эти два десятка лет. Я находил тебя в разных обличьях: Цирцеи, Сикораксы, Эллис, Калипсо.

— Эллис? — промолвила ведьма.

Гость молча кивнул.

— Скажи, тогда у меня был маленький зазор между передними зубами?

— Был.

Сикоракса повела головой.

— Ты лжёшь. Во всех реальностях происходит одно и то же, Одиссей-Никто. Я избавляю тебя из моря, холю, как бога, кормлю обильными кушаньями с искромётным нектаром, выхаживаю от ран, мою в горячей ванне, услаждаю телесной любовью, какая тебе и не снилась, предлагаю сделать бессмертным и нестареющим на вечные века, а ты каждый раз оставляешь меня. Каждый раз ради этой стервы-ткачихи Пенелопы. И вашего сына.

— Я видел его двадцать лет назад, — возразил Никто. — Теперь мой сын превратился в славного мужа. К чему нам встречаться? Я хочу остаться с тобой.

Сикоракса опускается на постель и пьёт из большого кубка, взяв его за обе ручки.

— Я тут подумываю обратить твоих товарищей по странствиям в жирных свиней, — наконец произнесла она.

Мужчина пожал плечами.

— Почему бы нет? В иных мирах ты всегда так и поступала.

— Как по-твоему, что за свиньи получатся из моравеков? — будничным тоном поинтересовалась она. — Может, из них выйдет шеренга пластмассовых копилок?

— Мойра проснулась, — сообщил Никто.

Ведьма захлопала ресницами.

— Мойра? Почему именно сейчас?

— Не знаю, — ответил гость, — но у неё тело юной Сейви. Мы повстречались перед моим отлётом с этой Земли. Правда, так и не поговорили.

— Тело Сейви? — эхом откликнулась хозяйка. — Что же она задумала? И почему теперь?

— Помыслил, — подал голос Калибан за спиной Никого, — Он сотворил старушку Сейви из нежной глины для сынка, чтоб тот мог укусить и грызть, прибавив сот медовых и стручки, жевать ей шею, покуда пойло не вспенится, — и разом вылакать, да так чтобы мурашки в мозгах забегали!

Сикоракса встала, приблизилась к мужчине,

подняла руку, словно желая коснуться его обнажённой груди, но вдруг отпрянула. Калибан зашипел и присел на корточки, выгнул спину, свесил перепончатые лапы между могучими ногами, прижав ладонями к полу, и злобно вытаращил глаза. Однако продолжал оставаться там, где ему было велено.

— Тебе известно, — мягко промолвила хозяйка, — я не могу послать сына предупредить Сетебоса-отца о Тихом.

— Мне известно, что эта… тварь… тебе вовсе не сын, — возразил Никто. — Ты создала его из дерьма и бракованной ДНК в баке зелёной слизи.

Чудовище со свистом втянуло воздух и снова зачастило свою жуткую тарабарщину. Сикоракса знаком велела ему замолчать.

— Знаешь ли ты, что твои друзья-моравеки прямо сейчас поднимают на орбиту более семисот чёрных дырок? — осведомилась она.

Мужчина пожал плечами.

— Не знал, но буду рад, если так.

— Откуда взялся этот груз?

— Тебе виднее. Семьсот шестьдесят восемь боеголовок с чёрными дырами? Есть лишь одно место.

— Невозможно, — отрезала ведьма. — Я заклю-

чила затонувшую посудину в силовой кокон около двух тысячелетий назад.

— А мы с Сейви раскрыли его больше века назад, — ответил Никто.

— Да, я наблюдала, как вы с этой сучкой возились со своими смехотворными замыслами, — произнесла Сикоракса. — Какого чёрта вы чаяли достичь, устраивая туринские подключения к Илиону?

— Это была подготовка, — сказал мужчина.

— К чему? — засмеялась хозяйка. — Мечтаешь устроить встречу двух человеческих рас? Это же несерьёзно. Греки, троянцы и весь их род слопают ваших беспомощных «старомодненьких» и не подавятся.

Гость пожал плечами.

— Отмени войну с Просперо, а там посмотрим.

Сикоракса с грохотом опустила винный кубок на прикроватный столик.

— Оставить поле битвы престарелому выродку? — рявкнула она. — Ты, наверное, шутишь?

— Нет, — отвечал Никто. — Существо, называющее себя Просперо, выжило из ума. Дни его сочтены. Спасайся, пока и тебя не обуяло безумие. Давай покинем этот край, Цирцея. Только мы с тобой.

— Покинуть? — глухо и недоверчиво переспросила ведьма.

— Я знаю, твой остров оснащён термоядерными двигателями, а также генераторами чёрных дыр. Мы можем улететь к далёким звёздам, выше звёзд. Если вдруг одолеет скука, шагнём сквозь портал Калаби-Яу и предадимся телесным утехам в любом уголке вселенной, на любом из витков истории. Мы будем сменять века и тела подобно тому, как другие меняют одежды, будем перемещаться во времени, чтобы участвовать в собственных постельных сценах. Воздуха и еды здесь хватит на тысячу лет — даже на десять тысяч, если захочешь.

— А ты не забыл кое-чего?.. — Сикоракса встала и вновь принялась ходить. — Ты же кратковечный. Лет через двадцать мне придётся кормить тебя с ложечки, а после менять замаранное бельё. А уже через сорок — тебя не станет.

— Однажды ты предлагала мне бессмертие. Омолаживающие баки по-прежнему здесь, на острове.

— Но ты *отверг* мой дар! — воскликнула женщина.

И, схватив со стола увесистый кубок, запустила им в гостя. Никто пригнулся, однако не двинулся

с места.

— *Ты отвергал бессмертие снова и снова!* — визжала она, вырывая на себе волосы и впиваясь ногтями в щёки. — Бросал его мне в лицо, лишь бы только вернуться к своей ненаглядной… *Пенелопе* … ещё и ещё! Ты просто насмехался надо мной!

— Сегодня я не смеюсь. Давай улетим вдвоём.

Очи красавицы сверкали дикой злобой.

— Сейчас же велю Калибану тебя сожрать на моих глазах. Я тоже похохочу, когда он высосет мозг из твоих разломанных косточек.

— Летим со мной, Цирцея, — настаивал мужчина. — Реактивируй факсы и функции, избавься от Дланей Геркулеса и прочих надоевших игрушек, и скроемся вместе. Будь, как раньше, моей.

— Да из тебя песок сыплется! — фыркнула ведьма. — Тело в шрамах, седые волосы… Почему бы мне предпочесть старика молодому и полному жизни любовнику? — Она погладила бедро и поникший пенис окаменевшего на подушках, словно в гипнотическом сне, ахейца.

— Потому что я — Одиссей, который не скроется сквозь портал Калаби-Яу через неделю, месяц или восемь лет, как этот юнец. Потому что я — Одиссей, который любит тебя.

Сикоракса издала какой-то сдавленный звук, похожий на глухое рычание. Калибан заворчал в ответ, словно верный пёс.

Никто полез под тунику и вытащил из-за широкого пояса спрятанный пистолет.

Женщина замерла и уставилась на него.

— Ты же не веришь, будто эта штуковина сумеет *мне* повредить?

— Я взял её для другого, — проговорил гость.

Лиловые очи красавицы обратились на застывшего молодого Одиссея.

— Не сходи с ума. Знаешь ли, какие беды на квантовом уровне повлечёт подобная выходка? Даже играя с такими мыслями, ты бросаешь вызов самому *Хаосу*. Это нарушит круговорот событий, продолжавшийся в тысяче разных миров тысячу с лишним…

— Вот и пора всё прекратить, — заметил мужчина.

Грянули шесть выстрелов, один оглушительнее другого. В голого Одиссея вонзились шесть литых тяжёлых пуль. Они разворотили грудную клетку, взорвали сердце, пробили середину лба.

Тело молодого мужчины судорожно задёргалось и сползло на пол. На шёлковых подушках остались красные полосы, на мраморной плитке

пола выросла лужица крови.

— Решайся, — проронил Никто.

83

Не знаю, телепортировался ли я собственными силами, без помощи медальона, либо просто перенёсся вместе с богом, поскольку держал его за рукав, когда хромоногий квитировался. Да это и не важно. Главное, что я здесь.

То есть в жилище Одиссея. Как только мы с Гефестом и Ахиллесом являемся из ниоткуда, на нас обрушивается яростный лай. Мужеубийца в окровавленном шлеме косится на горластого пса — и тот, повизгивая, с поджатым хвостом, убирается восвояси.

Мы находимся в прихожей большого пиршественного чертога в Одиссеевом дворце на острове Итака. Внутренний двор и здание накрыты сверху гудящим силовым полем. Нечестивые охотники за приданым не просиживают длинные скамьи за бесконечным обедом, и верная Пенелопа не горюет, взирая на них, и беспомощный подросток Телемах не строит козней, и проворные слуги не снуют туда-сюда, подносят отягчённым едой женихам кубки с чёрным

питьём. Однако, судя по виду комнаты, можно подумать, будто великое избиение женихов уже свершилось: стулья в беспорядке опрокинуты, сорванный со стены ковёр сполз со столешницы на пол и пропитан разлитым вином, и даже великий лук Одиссея — тот, который, если верить легенде, никто, кроме хозяина, не смог бы натянуть, настолько редкое и ценное оружие, что Лаэртид не рискнул брать его в Троянский поход, — теперь валяется на каменном полу среди россыпи знаменитых охотничьих стрел, отточенных и пропитанных гибельным ядом.

Зевс молниеносно разворачивается к нам. На великане всё та же мягкая одежда, в которой он восседал на олимпийском престоле, вот только рост пришлось чуть уменьшить, дабы втиснуться в помещение. И всё-таки божество в два раза выше Ахилла.

Быстроногий делает нам знак отойти в сторону, а сам поднимает щит и с клинком наготове входит в пиршественный чертог.

— Сын мой, — зычно речет Громовержец, — избавь меня от своего мальчишеского гнева. Хочешь единым жестоким ударом убить отца, тирана и бога?

Ахеец наступает; наконец его отделяет от Кро-

нида один лишь просторный обеденный стол.

— Защищайся, старик.

Зевс улыбается, не выказывая ни малейшей тревоги.

— Раскинь мозгами, быстроногий мужеубийца. Воспользуйся для разнообразия головой, а не только членом или мускулами. Ты что, предпочтёшь увидеть на золотом олимпийском престоле никчёмного калеку? — Тут он кивает в сторону Гефеста, который безмолвно стоит на пороге рядом со мной.

Но человек не поворачивает головы.

— Подумай хоть разок. — От голоса Громовержца в соседней кухне дребезжит посуда. — Ахилл, сынок, проникнись вездесущей близостью Зевса, Отца всех богов. Соединившись, два наших бессмертных духа третий породят, могущественней каждого из нас. Так, неразлучны, триедины — отец, и сын, и святая воля, — мы станем править в небесах и в Трое и свергнем титанов обратно в Тартар на веки вечные.

— Сражайся, старый хрыч, — цедит герой.

Лик Зевса покрывается красными пятнами нескольких разных оттенков.

— Гнусное отродье! Да я и теперь, утратив власть над стихиями, растопчу тебя, словно бу-

кашку!

Отец всех бессмертных хватает широкий стол за край и бросает его в воздух. Тяжёлые пятидесятифутовые доски с увесистыми ножками-столбами свистят, кувыркаясь, над головой Ахиллеса. Мужчина низко пригибается, стол ударяется в стену за его спиной, уничтожает красивую фреску и разлетается тысячей щепок во всех направлениях.

Ахеец делает два шага вперёд.

Зевс разводит руками, показывая ладони.

— Ты что же, вот так и желаешь меня прикончить, *кратковечный?* Безоружного? Или, может, схватимся пустыми руками, будто герои на славной арене, пока один из нас не сможет подняться, а его победитель возьмёт награду?

Быстроногий медлит одну секунду. Потом снимает и откладывает в сторону золотой шлем. Стягивает с руки круглый щит, пристраивает на остром выступе меч, рядом — бронзовые нагрудные латы, наголенники — и всё это отправляет пинком ноги к дверям, где стоим мы с Гефестом. Теперь на нём только рубашка с короткой юбкой, широкий кожаный пояс и сандалии.

За восемь шагов от Громовержца Ахилл разводит руки и сгибает колени, становясь в борцов-

скую позу.

На лице Зевеса мелькает ухмылка. Неуловимо для человеческого глаза бог приседает, выпрямляется — и вот уже у него в руках прославленный лук Одиссея.

«Беги!» — успеваю мысленно крикнуть я, но мускулистый блондин даже и ухом не ведёт.

Кронид легко натягивает звонкую тетиву, с которой, по слухам, никто, кроме Одиссея, на земле не управился бы, и, направив широкий отравленный наконечник прямо в сердце героя, отпускает её.

Стрела пролетает мимо.

Зевс никак не мог промахнуться, тем более с восьми шагов — древко ничуть не искривлено, чёрное оперение тоже в порядке, — и всё-таки бронзовый наконечник вонзается глубоко в столешницу возле стены. Я почти чувствую, как ужасный яд, взятый, как утверждает молва, у самых смертоносных змей Геракла, впитывается и разъедает крепкое дерево.

Громовержец изумлённо изгибает брови. Ахилл не двигается с места.

Тогда Зевс молниеносно приседает, поднимается с новой стрелой, шагает ближе, целится, натягивает тетиву, отпускает…

И не попадает. С пяти шагов.

Мужеубийца стоит на месте, не дрогнув. Разве что с яростью смотрит в глаза божеству, в которых уже разгорается паника.

Отец всех бессмертных наклоняется, аккуратно прилаживает стрелу, тянет тетиву, так что блестящие от пота мускулы заметно напрягаются. Могучий лук почти гудит от натуги. Владыка среди богов шагает вперёд, так что наконечник маячит в одном-единственном футе от широкой груди Ахилла.

Зевс делает выстрел.

И вновь промахивается.

Это невозможно, но я вижу, как остриё впивается в стену за спиной героя. Стрела не прошла сквозь Ахилла, не обогнула его, а неизвестно как — невероятным, ну совершенно немыслимым образом — пролетела мимо.

И тогда быстроногий прыгает, ударом отбрасывает лук и хватает бога в два раза выше себя прямо за горло.

Громовержец, шатаясь, ходит по комнате, пытается стряхнуть со своей шеи сильные руки ахейца и бьёт его кулаком шириной в половину человеческой спины. Мужеубийца продолжает висеть, а Зевс крушит гигантские брусья, дубовую

столешницу, дверной проём и стены. Со стороны кажется, будто ребёнок повис на шее взрослого человека. Но Ахиллес по-прежнему не ослабляет хватку.

Тем временем бог ухитряется гигантскими пальцами разжать пальцы ахейца, оторвать от себя сначала левую, потом правую ладонь, сжимает массивными ручищами его предплечья и начинает колотить болтающимся героем по всем встречным предметам, так что слышится грохот, будто от катящихся валунов, и наконец прижимает Ахилла своим телом к стенке. Раздаётся хруст кратковечных рёбер и божественной грудной клетки. Спина человека гнётся, повторяя очертания каменного дверного проёма.

Ещё пять секунд, и позвоночник треснет, словно лук из дешёвой бальзы.

Но Ахиллес не ждёт пяти мгновений. Или даже трёх.

Неизвестно как быстроногий на миг вызволяет правую руку, покуда Зевс продолжает со скрежетом гнуть его спину.

Что происходит дальше, я вижу как отражение на сетчатке после стремительного удара молнии. Ладонь мужеубийцы лезет под широкий кожаный пояс и выхватывает оттуда короткий нож.

Мужчина всаживает лезвие в горло противнику, поворачивает, загоняет глубже и снова вращает, крича даже громче самого олимпийца, возопившего от ужаса и боли.

Спотыкаясь, бог пятится по коридору и вламывается в соседнюю комнату. Мы с Гефестом устремляемся следом.

Теперь они в спальных покоях Одиссея и Пенелопы. Ахиллес высвобождает нож, и Отец всех бессмертных воздевает массивные руки к собственному горлу, хватается за лицо. Из ноздрей и разевающегося рта Кронида хлещет фонтан, заливая седую бороду одновременно золотым ихором и алой кровью.

Зевс валится на кровать спиной вперёд. Быстроногий широко замахивается, вонзает нож в божественное брюхо и тащит чудесное лезвие кверху и вправо. Слышится скрежет клинка о рёбра.

Громовержец опять кричит и хочет зажать живот, но мужчина ловко вытягивает несколько ярдов серых блестящих кишок и, намотав их на ножку гигантской Одиссеевой постели, проворно завязывает крепким морским узлом.

«А ведь это не просто ножка, но ствол живой оливы, вокруг которого Лаэртид и выстроил

почивальню», — думаю я как во сне. На память приходят слова Одиссея, обращённые к сомневающейся Пенелопе, — самый первый перевод, прочитанный в детстве:

Пышно олива росла длиннолистая, очень большая,

В нашей дворовой ограде. Был ствол у неё, как колонна.

Каменной плотной стеной окружив её, стал возводить я

Спальню, пока не окончил. И крышей покрыл её сверху.

Крепкие двери навесил, приладивши створки друг к другу.

После того я вершину срубил длиннолистой оливы,

Вырубил брус на оставшемся пне, остругал его медью

Точно, вполне хорошо, по шнуру проверяя всё время,

Сделал подножье кровати и всё буравом пробуравил.

Этим начавши, стал делать кровать я, пока не окончил,

Золотом всю, серебром и слоновою костью украсил,

После окрашенный в пурпур ремень натянул на кровати.[110]

Что ж, теперь не только бычьи ремни окрашены в пурпур. Громовержец отчаянно рвётся на свободу, привязанный собственными кишками. Из его горла, ноздрёй и живота извергаются золотой и чересчур по-человечьи алый потоки. Ослеплённый собственной болью и кровью, Всемогущий Зевс ищет своего мучителя на ощупь, размахивая руками. Каждый шаг и усилие вытягивают из брюха ещё больше блестящих серых внутренностей. От воплей бога даже неколебимый Гефест зажимает ладонями уши.

Ахиллес легко уворачивается от Кронида, но только чтобы вернуться снова, и рубит слепого бессмертного по рукам, ногам, бёдрам, пенису, подколенным сухожилиям.

Тучегонитель валится на спину, по-прежнему притороченный к ножке из живой оливы тридцатью с лишним футами серых кишок. Бессмертное существо содрогается и ревёт, заплёвывая потолок замысловатыми пятнами Роршаха.

---

[110] notes: 110
Перев. с древнегреческого В. Вересаева.

Ахеец выходит из комнаты за своим клинком, возвращается и, пригвоздив левую руку бога ногой в боевой сандалии к полу, высоко заносит меч и наносит столь мощный удар, что, перерубив шею Зевса, лезвие высекает из пола искры.

Голова Отца всех бессмертных кувыркается и катится под кровать.

Ахиллес преклоняет окровавленное колено и зарывается лицом в гигантскую рану на бронзовом мускулистом животе Кронида. На какой-то идеально ужасный миг я верю, что герой поедает внутренности поверженного врага: мужчина переродился в хищника, стал бешеным волком.

Но тот всего лишь кое-что искал.

— Ага! — восклицает быстроногий, извлекая из блестящей серой массы большой кусок лилового пульсирующего мяса.

Это печень Зевса.

— И где же этот чёртов пёс Одиссея? — спрашивает Ахилл сам себя, полыхая очами.

А затем покидает нас, чтобы отнести угощение Аргусу, что прячется во дворе.

Мы с Гефестом отступаем с дороги, пропуская героя.

И только после того, как шаги мужеубийцы — теперь уже богоубийцы — затихают, начинаем

озираться по сторонам. На полу, стенах и постели не осталось ни единого дюйма, не забрызганного божественной кровью. Исполинское обезглавленное тело, привязанное кишками к подножию из оливы, продолжает извиваться и дёргаться, шевеля залитыми ихором пальцами.

— Ну и дерьмо, — выдыхает бог огня.

Мне хочется отвести взгляд, но я не могу. Хочется выскочить на улицу и сблевать, но и этого не могу.

— А что… как… он ещё… отчасти… живой, — заикаюсь я.

Гефест ухмыляется с самым безумным видом.

— Зевс ведь бессмертный, ты забыл, Хокенберри? Он и сейчас в агонии. Придётся спалить останки в Небесном огне. — Тут он склоняется, чтобы вытащить короткий клинок, которым пользовался Ахилл. — А заодно и богоубийственный нож Афродиты. Расплавлю его и переплавлю во что-нибудь ещё — может, сделаю мемориальную доску в память о Крониде. Не стоило вообще ковать это лезвие ради кровожадной сучки.

В ответ я лишь моргаю, трясу головой, а потом хватаю громилу за кожаную жилетку.

— И что теперь?

Гефест пожимает плечами.

— Всё будет согласно уговору, Хокенберри. Никта и Судьбы, вечно правящие во вселенной — по крайней мере в нашей, — позволят мне взойти на золотой престол Олимпа, как только закончится эта безумная вторая война с титанами.

— Откуда ты знаешь, кто победит?

Из чёрной нечёсаной бороды сверкают неровные белые зубы.

По двору разносится повелительный голос Ахилла:

— Ко мне, собачка… Ко мне, Аргус… К ноге, мальчик. Вот умница. Хочешь вкусненького?.. Хороший пёс.

— Судьбы недаром носят своё имя, Хокенберри, — отвечает Гефест. — Будет мучительная, затяжная борьба, хуже и дольше, нежели на Земле Илиона. Выживут немногие олимпийцы, но они возьмут верх и на сей раз.

— А как же этот… из туч… с голосом…

— Демогоргон убрался обратно в Тартар, — ворчит хромоногий кузнец. — Ему по барабану всё, что станется с Марсом, Землёй или с Олимпом.

— Но мой народ…

— Твои дружки данайцы уже в полной заднице, — говорит бог огня и ухмыляется над собственной шуткой. — Впрочем, если тебе от

этого легче, троянцы тоже. Все, кто остался на Земле Илиона, угодят под перекрёстный огонь на ближайшие пятьдесят или сто лет.

Я крепче сжимаю жёсткую кожу.

— Ты должен помочь нам…

Гефест без усилия стряхивает мою ладонь, точно взрослый, отмахивающийся от двухлетнего ребёнка.

— Я никому никакого хрена не *должен*, Хокенберри. — Он утирает рот тыльной стороной ладони, глядит на бьющийся на полу труп и произносит: — Но в этом случае так и быть. Квитируйся-ка назад, к своим жалким ахейцам и своей женщине Елене, и скажи горожанам, чтобы немедленно уходили подальше от высоких башен, от стен и домов, потому что через несколько минут разразится девятибалльное землетрясение. А мне пора сжечь эту… крупную тушу и вернуть нашего доблестного героя на Олимп, к Целителю: пускай попытается воскресить его подружку.

Ахилл возвращается, посвистывая на ходу. За ним, скребя когтями каменные плиты, преданно следует Аргус.

— Давай! — торопит меня покровитель огня и ремёсел.

Я по привычке ищу медальон, вспоминаю, что его больше нет, затем вспоминаю, что не нуждаюсь в подспорье, и преспокойно квитируюсь прочь.

84

Предполагаемые двенадцать часов беспрерывной работы растянулись до восемнадцати. Извлечь сорок восемь снарядов из пусковых шахт и разрезать их оказалось намного сложнее, нежели моравеки могли себе вообразить. Некоторые металлические конусы совершенно развалились, оставив лишь упаковку из пластоидного сплава и силовое поле оболочки, мерцающее голубоватым светом черенковского излучения.

Найдись тут хотя бы один наблюдатель, если не считать молчаливого экипажа «Королевы Мэб», его глазам предстало бы внушительное зрелище: «Смуглая леди» застыла над затонувшей боевой субмариной, освещая всеми прожекторами подводный мир, заполненный мутным илом, колыхающимися анемонами, обрывками тросов, перекрученными проводами, а также позеленевшими гибельными снарядами. Ярче пятен дневного света, проникающих из Бреши, ярче

супергалогенных огней, нацеленных на рабочую зону, ярче самого солнца пылали раскалённые до десяти тысяч градусов по Фаренгейту факелы газовых резаков, которыми бережно, точно скальпелями, орудовали слепец Орфу и ослеплённый бликами Манмут.

Балки, брусья, перекладины, лебёдки, блоки, цепи — всё было на месте и работало в напряжённом режиме. При помощи самой «Смуглой леди» моравеки поднимали каждую отрезанную боеголовку на борт. Строго говоря, трюм европейской подлодки никогда не пустовал; его наполняла ноздреватая программируемая пена. В отсутствие поклажи она изгибалась в виде рифлёных кафедральных опор, создавая дополнительное внутреннее сопротивление ужасным давлениям, но при надобности плотно облегала всякий груз, даже большого ионийца во время его путешествия в углу трюма. Вот и сейчас пена бережно принимала тяжёлые и неровные обрезки снарядов, поднятые друзьями при помощи лебёдок и брани.

Примерно посередине изнуряющей работы Манмут сделал вид, будто поглаживает одну из боеголовок, уложенных на пену, и пробормотал:

Скажи мне, из чего, мой друг, ты со-

здана,

Что тысячи теней вокруг тебя витают?[111]

— Твой старина Уилл? — спросил иониец, опускаясь вместе с товарищем обратно в месиво ила, чтобы заняться новым снарядом.

— Да, — отвечал капитан «Смуглой леди», — сонет пятьдесят третий.

Приблизительно два часа спустя, пристроив очередную боеголовку в почти заполненном отсеке (моравеки старались размещать чёрные дыры как можно дальше друг от друга), гигантский краб сказал:

— Такое решение вопроса будет стоить тебе корабля. Мне жаль, Манмут.

Маленький европеец кивнул, полагаясь на чувствительные радары приятеля, которые должны были уловить его движение. В ту же минуту, когда иониец предложил подобный выход, Манмут понял, что навсегда утратит свою возлюбленную подлодку, ибо не было никакой надежды извлечь боеголовки из мягкой пены и переместить их куда-нибудь ещё. В самом лучшем случае другое судно подхватит «Леди» с её смертоносным гру-

---

[111] notes: 111
Перев. Н. Гербель.

зом низко на орбите и как можно нежнее — но и быстрее тоже — отправит её в дальний космос.

— У меня такое чувство, будто я только что вернул её, — произнёс европеец по радио и сам удивился глубокой печали, прозвучавшей в его словах.

— Когда-нибудь тебе построят другую, — сказал Орфу.

— Но не такую же, — возразил Манмут, который провёл на своей подлодке более полутора столетий.

— Верно, — согласился гигантский краб. — После всех этих событий уже ничто не будет прежним.

На исходе восемнадцатичасовой работы, уложив на мягкую пену последний набор чёрных дырок, окутанный излучением Черенкова, и заперев двери трюма, моравеки зависли над развалиной бумера. Оба испытывали почти полное физическое и нервное истощение.

— Может, нужно подробнее изучить «Меч Аллаха» или что-нибудь оттуда забрать? — осведомился Орфу.

— Не в этот раз, — ответил Астиг-Че с «Королевы Мэб», подозрительно молчавшей последние восемнадцать часов.

— Ни за что не хотел бы увидеть эту треклятую посудину снова, — произнёс маленький европеец, чересчур изможднный, чтобы беспокоиться из-за собственных слов по прямой связи. — Невероятная гнусность.

— Аминь, — заметил центурион-лидер Меп Эхуу со шлюпки, кружащей вверху.

— Ребята, вы не хотите порассказать, что там происходило с Одиссеем и его подружкой последние восемнадцать с чем-то часов? — полюбопытствовал иониец.

— Не сейчас, — повторил первичный интегратор Астиг-Че. — Поднимайте боеголовки. Поосторожнее.

— Аминь, — повторил Меп Эхуу. В голосе боевого роквека не слышалось ни капли иронии.

* * *

Сума Четвёртый был чертовски хорошим пилотом. Орфу и Манмут не могли этого не признать — и признавали. Ганимедянин буквально завис на космошлюпке, так что «Смуглая леди» оставалась полностью погружённой, покуда вокруг неё смыкались двери грузового отсека, затем понемногу выпустил морскую воду, одновременно заполняя пустоту пеной, которая облекла субма-

рину ещё одним защитным слоем.

Орфу Ионийский уже перебрался при помощи тросов на крышу шлюпки, но европеец покинул свой модуль только в последний миг, позволив «Смуглой леди» успокоиться и самой наблюдать за подъёмом и размещением. Манмут чувствовал, что должен что-то сказать, навсегда покидая любимый корабль, но так ничего и не придумал, если не считать безответного: «Прощай, леди», посланного Искусственному Интеллекту подлодки по личному лучу.

Только когда шлюпка поднялась из воды и океанские волны потоками грянули вниз по отводным шахтам, Манмут напряг остаток механических и органических сил, чтобы взобраться на крышу шлюпки, а потом спуститься внутрь через маленький люк в отсек для личного состава.

При любых иных обстоятельствах замешательство в этом отсеке показалось бы довольно комичным, но в эту минуту мало что могло рассмешить бывшего капитана. Даже втянув манипуляторы и антенны, Орфу еле втиснулся в отсек через крупный люк и занял собою пространство, где прежде размещалось двадцать боевых роквеков. Усеянные шипами солдаты с оружием перебрались в узкий коридор, и Манму-

ту пришлось карабкаться по чёрным хитиновым телам, чтобы попасть в переполненный кубрик, где его ждали Меп Эхуу и Сума Четвёртый.

Ганимедянин в ручном режиме вёл космошлюпку, всё время следя за равновесием судна и его подвижного содержимого, перебирая клавиши управления подобно земному пианисту из далёкого прошлого.

— Пристежные ремни закончились, — не поворачивая головы, сообщил вошедшему Сума Четвёртый. — Последние ушли на то, чтобы устроить твоего большого друга в отсеке для личного состава. Пожалуйста, занимай последнее откидное сиденье и примагничивайся прямо к обшивке.

Маленький европеец поступил, как ему было сказано. От усталости он уже не смог бы подняться: в конце концов, земная гравитация просто ужасна. Ему хотелось плакать из-за химических веществ, высвободившихся после напряжённой работы последних восемнадцати часов.

— Держись крепче, — произнёс ганимедянин.

Шлюпка поднималась медленно, по вертикали, метр за метром, без толчков и неожиданностей. Манмут наблюдал в иллюминатор, как, набрав высоту около двух километров, она осторожно

пошла вперёд. Бывший капитан и не представлял себе, что с машиной можно управляться столь деликатно.

Правда, без небольших сотрясений всё-таки не обошлось, и каждый раз у маленького европейца перехватывало дыхание, а органическое сердце начинало громко стучать: вот сейчас чёрные дыры во чреве шлюпки достигнут критического состояния! Достаточно сработать одной боеголовке, и все остальные взорвутся миллионную долю секунды спустя.

Манмут попытался вообразить молниеносные последствия: мини-дырки сливаются, почти мгновенно пронизывают корпусы «Смуглой леди» и космошлюпки, всей массой устремляются к центру Земли со скоростью тридцать два фута в секунду, засасывают в себя оба судна, затем молекулы воздуха, море, морское дно, камни, земную кору…

Крупная мини-дыра, собранная из семисот шестидесяти восьми маленьких мини-дырок, будет много дней или месяцев прыгать туда-сюда сквозь планету, описывая в космосе широкие дуги… Насколько широкие? Электронная компьютерная часть мозга выдала готовый ответ (несмотря на то, что измождённая физическая

была не в состоянии его принять, да Манмут и не желал ничего знать): достаточно широкие, чтобы за время первой сотни прыжков поглотить миллион с лишним небесных тел, составляющих орбитальные кольца, но не настолько широкие, чтобы съесть Луну.

Хотя, конечно, бывшему капитану, Орфу и остальным участникам экспедиции, даже тем, кто находится на «Королеве Мэб», уже не будет до этого никакого дела. Моравеки со шлюпки почти мгновенно спагеттифицируются, их молекулы растянутся к центру Земли вместе с падающей мини-дырой, а потом ещё дальше, *эластицируясь* (Манмут сомневался, что вспомнил верное слово) обратно сквозь себя же, пока чёрная дыра будет совершать огромные скачки через расплавленное, вращающееся ядро планеты.

Маленький европеец закрыл виртуальные глаза и сосредоточился на своём дыхании. Судя по ощущениям, судно гладко и неуклонно поднималось в небо, точно катилось по невидимой наклонной плоскости. Всё-таки Сума Четвёртый был *очень* хорошим пилотом.

Предвечерняя синева понемногу сменялась чёрным вакуумом. Горизонт изогнулся подобно луку. В иллюминаторах вспыхнули звёзды.

Манмут активировал видение, чтобы смотреть не только через носовое стекло, но и при помощи видеоисточников космошлюпки.

Кстати, она явно направлялась не к «Королеве Мэб». Сума Четвёртый выровнял полёт на уровне трёхсот километров, не выше — то есть над самой атмосферой, — и снова поиграл на клавишах управления, так что Земля переместилась в верхние носовые иллюминаторы, а двери грузового отсека на брюхе судна залил яркий солнечный свет. Кольца и «Мэб» располагались на тридцать тысяч километров выше, и к тому же атомный космический корабль моравеков находился в данную минуту на противоположной стороне планеты.

Наслаждаясь нулевой гравитацией после тяжкого восемнадцатичасового труда, Манмут на секунду отключил виртуальные источники данных и посмотрел в ясные верхние иллюминаторы на границу между светом и тьмой, ползущую по суше, которая некогда называлась Европой, на голубой простор Атлантического океана и белые клубы облаков над ним (высота или угол зрения не позволяли разглядеть загадочную брешь даже в виде тоненькой нити) и не впервые задумался, как это люди, одарённые столь удивительным

миром для обитания, могли утратить рассудок и своими руками создать боевую машину для тотального разрушения? Что же, во имя любой ментальной вселенной, оправдывало в их глазах убийство миллионов собратьев, не говоря уже об уничтожении целой планеты?

Впрочем, бывший капитан понимал: опасность ещё не миновала. С технической точки зрения, моравеки с тем же успехом до сих пор могли оставаться на дне океана. Стоит активироваться одной боеголовке, превратив остальные в сингулярность, как начнётся ужасный пинг-понг сквозь сердце Земли, и миру наступит столь же верный, неотвратимый конец. Лишь удалившись на расстояние в миллионы километров и уж точно за орбитой Луны, ибо там ещё действовало планетарное притяжение, боеголовки перестали бы угрожать Земле. На столь ничтожной высоте исход окажется тем же, разве что в первые минуты коэффициент спагеттификации моравеков увеличится на несколько процентов.

Тут менее чем в пяти километрах от судна, со стороны солнца, явилось из-под невидимой оболочки… э-э-э… разоблачилось… осталось без силового поля… Манмут не мог подобрать нужного слова… — а, чтоб ему! — *возникло* космическое

судно, явно творение моравеков, но поразительно совершенное по дизайну. Маленькому европейцу ещё не приходилось видеть подобного. Если «Королева Мэб» напоминала земной артефакт из двадцатого столетия Потерянной Эпохи, то этот корабль, казалось, опередил технологии моравеков на века. Матовое чёрное судно выглядело в одно и то же время пузатым и безукоризненно обтекаемым, простым и невероятно замысловатым в своей Ж-образной фрактальной геометрии, а главное, Манмут ни капли не сомневался: на борту довольно самого что ни на есть «прелестного» оружия.

На несколько мгновений бывший капитан почти поверил, будто первичные интеграторы всерьёз намерены рискнуть столь совершенным боевым кораблём. Но нет… Не успел Манмут даже задаться подобным вопросом, как в изогнутом фюзеляже судна появилось отверстие, и в космос выплыло устройство, похожее на длинную ведьмину метлу. Перевернувшись, оно расположилось на той же оси, что и шлюпка, и, пользуясь вторичными реактивными соплами по обе стороны от нелепо раздутой системы управления двигателем, беззвучно поплыла навстречу.

— *Чему мы, собственно, удивляемся?* — пере-

дал Орфу Манмуту по личному лучу. — *Первичные интеграторы получили аж восемнадцать часов на поиски решения, а наши инженеры всегда были на высоте.*

Маленький европеец не мог с ним не согласиться. «Метла» приближалась, постепенно замедляя ход и вновь начиная вращаться, так чтобы струи реактивных двигателей были направлены как можно дальше от фюзеляжа космошлюпки. Манмут прикинул длину устройства: она составляла около шестидесяти метров; посередине, водружённый, точно седло на костлявой кляче, располагался маленький узел с мозгом ИскИна, кроме него — множество серебристых манипуляторов и зажимов из тяжёлого металла, и на переднем конце системы управления двигателем — непомерно огромный двигатель большой тяги с десятками мелких пучков из реактивных сопел.

— Спускаю подлодку, — объявил по общей связи Сума Четвёртый.

Внешние камеры космошлюпки позволили Манмуту наблюдать, как растворились длинные двери её грузового отсека и «Смуглая леди», выпустив легчайшее облачко газа, осторожно выплыла наружу. Возлюбленная субмарина очень

медленно повернулась, однако даже не попыталась обрести равновесие, ибо нужная система была заблаговременно отключена. Бывший капитан подумал, что ещё никогда не видел ничего более противоестественного, нежели его «Леди» в открытом космосе, на высоте трёх тысяч километров над густой синевой вечернего океана.

Робот-корабль, построенный в виде метлы, не оставил подлодку беспомощно кувыркаться, но приблизился и бережно привлёк её к себе руками-манипуляторами, словно любовник после долгой и мучительной разлуки, потом выдавил из себя ослепительную молекулярную оболочку из золотой фольги и с величайшей нежностью обернул ею всю субмарину. Видимо, инженеры опасались, что перепад температуры заставит сработать одну из чёрных дыр.

Реактивные сопла вновь заполыхали, похожий на богомола робот удалился от космошлюпки вместе со «Смуглой леди», закутанной в сверкающую фольгу, и направил устройство управления двигателем *вниз* — по направлению к синему океану, и белым облакам, и границе между светом и мраком, что заметно ползла по Европе.

— А как они собрались поступить с лазерными лейкоцитами? — осведомился по общей линии

Орфу.

Манмут и сам задавался этим вопросом в течение восемнадцати часов тяжёлой работы, ведь атаки «уборщиков» могли воздействовать на чёрные дыры боеголовок, но потом решил не забивать свой ум чужими заботами.

— Робота сопровождают — разумеется, невидимые, — боевые суда «Валькирия», «Неукротимая» и «Нимиц»,[112] — сообщил Сума Четвёртый. — Они уничтожат любой лейкоцит, который к нему приблизится.

Иониец не выдержал и расхохотался по общей связи.

— «Валькирия», «Неукротимая» и «Нимиц»? Боже! Мы, миролюбивые моравеки, час от часу нагоняем всё больше страху, верно?

Ему никто не ответил. Чтобы нарушить молчание, маленький европеец полюбопытствовал:

— А это какой из них… Ой, простите, уже пропал.

Небольшой фрагмент матовой черноты мгновенно зарубцевался, не оставив ни малейшего следа на фоне звёзд и колец.

— Это была «Валькирия», — проговорил Сума

---

[112] notes: 112
Честер Уильям Нимиц (1885–1966) — американский адмирал (1944).

Четвёртый. — Готовность — десять секунд.

Ни один из моравеков не принялся считать вслух, однако Манмут не сомневался: мысленно считали всё.

Наконец устройство управления двигателем озарилось голубоватым свечением, напомнив бывшему капитану излучение Черенкова, проистекавшее от боеголовок. Богомол-метёлка тронулся с места и начал мучительно медленно удаляться. Хотя, конечно, маленький европеец отлично знал, что любой объект, даже если он выбирается из колодца земной гравитации, после долгого и непрерывного разгона довольно быстро набирает пугающую скорость, а робот ещё и набирал тяговое усилие по мере восхождения. Стоило ожидать, что, когда устройство достигнет лунной орбиты, термически упакованная «Смуглая леди» сумеет вырваться в космическое пространство. Если потом чёрные дыры и активируются, Земля уже будет вне опасности.

Вскоре корабль-робот растаял на фоне подвижных колец. Манмуту при всём старании не удалось разглядеть и следа реактивных либо ионных выхлопов от невидимой троицы космических стражей, которые предположительно сопровождали судно.

— Отлично, теперь прошу всех выслушать меня, — сказал Сума Четвёртый, закрыв двери грузового отсека. — Пока двое наших товарищей трудились на дне здешнего водного океана, произошло кое-что необычное. Нам нужно возвращаться на «Королеву Мэб».

— А что случилось с разведчиками?.. — заикнулся было маленький европеец.

— Можешь скачать все записи во время полёта, — оборвал его ганимедянин. — Первичные интеграторы требуют, чтобы мы немедленно возвращались. «Мэб» на какое-то время должна улететь… Или по крайней мере подняться на лунную орбиту.

— Нет, — сказал Орфу с Ио.

Эхо короткого слова разнеслось по общей связи подобно раскату одинокого колокола.

— Как это нет? — спросил Сума Четвёртый. — Таков приказ.

— Нам следует вернуться в Атлантический прогал, или брешь, или трещину в океане, — возразил Орфу. — Причём немедленно.

— Всё, что вам нужно, это умолкнуть и крепче держаться, — заявил огромный ганимедянин. — Я веду шлюпку обратно, как мне велели.

— Взгляните на снимки с ваших камер, вы-

полненные с высоты десяти тысяч метров, — произнёс иониец и через кабельный Интернет переслал изображение всем находящимся на борту.

Манмут внимательно посмотрел. Прежде чем взяться отрезать боеголовки снарядов, он уже разглядывал этот вид: немыслимая брешь посреди океана, помятый нос боевой субмарины, торчащий из северной стены прогала, и небольшая кучка мусора вокруг.

— Оптически я незрячий, — промолвил Орфу, — но поработал с дополнительными радарами и обнаружил нечто странное. Вот максимально увеличенные и очищенные визуальные фотографии, какие мне удалось получить. Взгляните и сами скажите мне, стоит ли нам изучить поближе то, что здесь изображено.

— Я тебе сразу скажу, — процедил Сума Четвёртый, — что бы мы ни увидели, это не заставит меня возвращаться туда. Вы двое пока не в курсе, так знайте: астероидный остров, куда мы высаживали ахейца, улетает прочь. Он уже изменил направление оси и прямо сейчас запускает реактивные двигатели. Кстати, наш друг Одиссей погиб. А на полярном и орбитальном кольцах оживают миллион с лишним спутни-

ков — устройства для квантовой телепортации, накопители массы и многое другое. Так что мы улетаем.

— ПОСМОТРИТЕ НА СНИМКИ, МАТЬ ВАШУ!!! — взревел гигантский краб.

И все на борту попытались зажать ладонями уши. Даже те, у кого их не было.

Манмут первым взглянул на ближайшую фотографию из целой цифровой серии. Орфу не просто многократно увеличил изображение по сравнению с первоначальным вариантом, но и прочистил его с точностью до пикселя.

— На дне океанской бреши лежит рюкзак, — заметил маленький европеец. — А возле него…

— Ружьё для подводной охоты, если не ошибаюсь, — вмешался центурион-лидер Меп Эхуу.

— А рядом… похоже на человека, — подал голос один из чёрно-хитиновых воинов. — Только давно уже мёртвого. Тело усохло и сплющилось.

— Нет, — возразил иониец. — Я проверял самым точным радаром. Это всего лишь термокостюм.

— Ну так что? — отозвался пилот из командирского кресла. — Субмарина выбросила кого-нибудь из членов экипажа или его пожитки. Подумаешь, лишний мусор.

Орфу громко фыркнул.

— По-твоему, вещички пролежали здесь более двадцати пяти стандартных веков? Что-то не верится. Посмотри на ружьё, Сума. Оно совершенно не заржавело. А рюкзак? Он совсем не истрепался. А ведь эта часть суши открыта и знойному солнцу, и иссушающим ветрам.

— Это ничего не доказывает, — обронил ганимедянин, набирая координаты встречи с «Королевой Мэб» и запуская реактивные двигатели. — Пару лет назад один «старомодный» забрёл сюда и нашёл свою смерть. У нас сейчас заботы поважнее.

— Смотрите на песок, — промолвил иониец.

— Что? — удивился пилот.

— Вот, на пятом увеличенном снимке. Я, конечно, не *видел*, но радар показывал с точностью до трёх миллиметров. *Вы* — то что-нибудь видите — своими глазами?

— След, — произнёс Манмут. — Отпечаток босой человечьей ноги. Даже несколько отпечатков. Все до единого различимы на грязной почве и мягком песке. Ведут на запад. Дождь за пару дней уже смыл бы их. Здесь побывал человек — возможно, пока мы трудились над боеголовками.

— Это не важно, — отрезал ганимедянин. — Мы получили приказ вернуться на «Королеву Мэб»

и намерены…

— Спускайтесь на шлюпке в Атлантическую Брешь, — велел первичный интегратор Астиг-Че, находящийся выше на тридцать тысяч километров и на другой стороне Земли. — На наших последних снимках с орбиты видно что-то вроде человеческого тела, оно лежит на дне Бреши примерно в тридцати двух километрах к западу от затонувшей субмарины. Летите и подберите его.

85

Уже реализовавшись на новом месте, я понимаю, что квитировался в купальню Елены Троянской, в сердце дворца, который она прежде делила с покойным супругом Парисом, а в последнее время — со свёкром и владыкой Приамом. Знаю: время коротко, но я никак не соображу, что нужно делать.

Принимаюсь расхаживать по покоям, выкрикивая имя прекрасной дочери Зевса. Служанки с рабынями поднимают жуткий визг и воплями зовут охрану. Пожалуй, ещё немного, и мне придётся уносить ноги, чтобы не кончить жизнь на копье троянца. Тут в одной из комнат мелькает знакомое лицо. Это Гипсипила, рабыня с острова

Лесбос, которую Андромаха в последнее время назначила личным поводырём безумной Кассандры. Ей может быть известно, где находится виновница Троянской войны: последний раз я видел их вместе с Андромахой. По крайней мере эта рабыня не убегает и не кличет стражников.

— Ты знаешь, где Елена? — спрашиваю я, шагая навстречу.

Лицо кряжистой бабы бесстрастно, точно тыква.

Словно в ответ Гипсипила раскачивается и бьёт меня ногой в пах. Зависаю в воздухе, хватаюсь за больное место, валюсь на плиточный пол и принимаюсь кататься в агонии, тихо скуля.

Рабыня готовится размозжить мне голову. Вовремя уклоняюсь: пинок приходится на плечо, так что левая рука отсыхает до самых кончиков пальцев, — и качусь в угол, не в силах даже пискнуть.

Кое-как поднимаюсь на ноги, но не могу разогнуться. Великанша приближается. Похоже, намерения у неё самые серьёзные.

«Квитируйся, идиот!» — мысленно кричу я себе.

«Куда?»

«Да куда угодно!»

Гипсипила хватает меня за ворот, разорвав на груди тунику, и целится прямо в лицо. Закрываюсь предплечьями: железный кулак едва не ломает мне лучевые и локтевые кости на обеих руках. Отлетаю к стене. Рабыня снова ловит меня за рубашку и наносит удар под дых.

Не зная как, я через миг оказываюсь на коленях и, содрогаясь всем телом, пытаюсь одновременно защитить и живот, и яйца. В лёгких совсем не осталось воздуха.

Гипсипила пинает по рёбрам, ломает по меньшей мере одно, и я валюсь на бок. Слышу, как сандалии охранников торопливо шлёпают по главной лестнице.

«Вспомнил! При нашей последней встрече рабыня сопровождала Елену, и мне пришлось вырубить бабищу, чтобы похитить свою красавицу».

Великанша поднимает меня, словно груду тряпья, и хлещет наотмашь по лицу — сначала открытой ладонью, потом её тыльной стороной, потом опять наоборот. Чувствую, зубы теряют свои позиции. Какое счастье, что я не в очках!

«О Господи, Хокенберри! — бесится мой рассудок. — Только что на твоих глазах быстроногий Ахилл одолел и прикончил на поединке Зевса,

Повелителя Грозных Туч, а сейчас из тебя выколачивает дерьмо вшивая лесбиянка!»

Стража врывается в комнату, ощетинясь копьями. Гипсипила оборачивается, по-прежнему сжимая ручищей ворот моей туники, так что носки сандалий беспомощно царапают пол, и тычет мною в острые пики.

Тут я квитируюсь вместе с ней на вершину городской стены.

Взрыв солнечного сияния. В нескольких ярдах от нас троянские воины с криками отшатываются. Рабыня в изумлении ослабляет хватку.

Улучив драгоценные мгновения замешательства, пинаю мучительницу по крепким ножищам. Гипсипила валится на четвереньки. Не поднимаясь со спины, подтягиваю ноги, собираюсь подобно пружине и сталкиваю бабищу в город.

«Это будет тебе уроком, здоровая мускулистая корова, это тебя научит, как связываться с Томасом Хокенберри, доктором филологии, специалистом по классической литературе…»

Поднимаюсь на ноги, отряхиваюсь и гляжу вниз. Здоровая мускулистая корова упала на полотняный навес рыночной палатки, прорвала его, рухнула на кучу овощей — картофеля, кажет-

ся, — и в данный момент мчится к лестнице у Скейских ворот, чтобы настигнуть меня.

«Блин».

Бегу по стене к широкой смотровой площадке у храма Афины, где собрались члены царского семейства: я увидел среди них Елену. Всеобщее внимание приковано к битве на побережье: мои обречённые ахейцы отчаянно бьются, но их часы уже сочтены, так что никто не встаёт на пути, когда я хватаю дочь Зевса за прекрасную белую руку.

— Хок-эн-беа-уиии, — удивляется она. — Что случилось? Почему ты…

— Нужно вывести всех из города! — выдыхаю я. — Сейчас! Немедленно!

Елена поводит головой. Охранники хватаются за клинки и копья, но вдова Париса жестом охлаждает их пыл.

— Хок-эн-беа-уиии… Это великолепно… Мы побеждаем… Аргивяне валятся, точно колосья под серпом… С минуты на минуту наш благородный Гектор…

— *Нужно уводить людей подальше от зданий, от стен, вон из города!* — ору я.

Бесполезно. Стражники окружают нас, готовые по первому приказу прикончить или уволочь

нарушителя спокойствия царской семьи куда подальше. Мне никогда не убедить Елену или Приама, а ведь они могли бы вовремя упредить горожан.

Задыхаясь после бега, слыша за спиной тяжёлый топот Гипсипилы, хриплю:

— Сирены. Где спрятаны воздушные сирены моравеков?

— Сирены? — У красавицы такой озабоченный вид, словно я обезумел и нуждаюсь в срочной госпитализации.

— Сирены тревоги. Те, что выли несколько месяцев назад, когда бессмертные атаковали с воздуха. Где моравеки… игрушечные люди… хранили оборудование сигнализации?

— Ах это. В преддверии храма Аполлона, но, Хок-эн-беа-уиии, почему ты…

Не отпуская белоснежной руки, представляю себе лестницу святилища и квитируюсь прочь за миг до того, как охрана и одна крупная озверевшая дама с Лесбоса кидаются на меня.

Елена испуганно ахает, очутившись на мраморных ступенях, но я волоку её дальше. Вокруг ни единого стражника. Все горожане высыпали на стены и прочие возвышенности, желая своими глазами увидеть исход войны, последняя сцена

которой разыгрывается на западном побережье.

Оборудование оказывается на месте, в раздевалке для мелких священнослужителей рядом с преддверием храма. Система оповещения действовала в полном автоматическом режиме, срабатывая по сигналу от радиолокационных и зенитных установок, размещённых за городом (их уже нет), однако, насколько я помню, инженеры-моравеки встроили в неё микрофон и прочую электронную технику — на случай, если владыка Приам надумает обратиться к троянскому населению посредством трёх десятков исполинских громкоговорителей, установленных по всему неприступному городу.

На изучение аппаратуры уходит лишь несколько секунд: ради троянцев её упростили донельзя, так чтобы смог управиться и ребёнок. В общем, как раз мой уровень.

— Хок-эн-беа-уиии…

Поворачиваю рубильник с надписью «Включить систему оповещения», дёргаю тумблер «Мегафонное объявление», хватаю микрофон допотопного вида и принимаюсь нести отсебятину, слыша, как эхо моих же слов отражается от сотен домов и великих стен.

— ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВСЕМ ГРАЖДАНАМ

ИЛИОНА! ЦАРЬ ПРИАМ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: ГРЯДЁТ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ!!! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВСТУПАЕТ В СИЛУ НЕМЕДЛЕННО!!! ВСЕМ ПОКИНУТЬ ЗДАНИЯ! *СЕЙЧАС ЖЕ!* ОЧИСТИТЬ КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ *СИЮ МИНУТУ!* ПО ВОЗМОЖНОСТИ БЕГИТЕ ИЗ ГОРОДА НА ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО. НАХОДЯЩИМСЯ В БАШНЯХ — ЭВАКУИРОВАТЬСЯ! *БЫСТРО!!!* В ЛЮБОЕ МГНОВЕНИЕ ИЛИОН МОЖЕТ БЫТЬ РАЗРУШЕН! ПОВТОРЯЮ: ВЛАДЫКА ПРИАМ ИЗДАЁТ УКАЗ О НЕМЕДЛЕННОЙ ЭВАКУАЦИИ ГРАЖДАН! ПОКИНЬТЕ ЗДАНИЯ И ВЫБИРАЙТЕСЬ НА ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО! СКОРЕЕ!!!

Ещё минута громоподобного раскатистого бреда — и я отключаю микрофон, хватаю за руку ошарашенную, разинувшую рот Елену и бегу из Аполлонова святилища на центральную рыночную площадь.

Люди праздно толпятся и точат лясы, изумлённо глазея на громкоговорители, откуда только что разносилось моё предупреждение. Похоже, ни одна душа не помышляет об эвакуации. Кое-кто неспешно выходит из крупных построек, но почти никто не устремился к распахнутым Скейским воротам на волю, как я велел.

— Чёрт, — вырывается у меня.

— Хок-эн-беа-уиии, ты устал, перетрудился.

Давай отправимся ко мне в покои, усладим душу пряным вином и…

Не слушая, тащу красавицу за собой. Пускай мы станем единственными, кто спасётся из города, — провалиться мне пропадом, если я останусь. Или не спасу Елену даже против её желания.

У входа в узкий проулок на западном конце огромной площади я замедляю шаг. Идиот! Зачем куда-то бежать? Достаточно вообразить Лесистый Утёс далеко за городскими стенами, чтобы перенестись туда…

— О чёрт! — кричу я снова.

Прямо на нас, горизонтально распластавшись, как мне кажется, на целые мили, стремительно опускается Брано-Дыра вроде той, что я видел месяцы назад на Олимпе: плоская окружность, обрамлённая пламенем. Сквозь неё видно чёрное небо и звёзды.

— Проклятие!

В последний миг я отказываюсь телепортироваться: слишком велик риск остаться в квантовом пространстве, когда Дыра упадёт.

Разворачиваюсь и тащу перепуганную, потрясённую Елену обратно, к центру просторной площади. Если повезёт, обломки стен и зданий нас не достанут.

Огненная петля по меньшей мере двух миль в поперечнике накрывает собой Илион, окрестные холмы, долины, болота и берег, и в то же мгновение мы начинаем падать. Можно подумать, будто бы древняя Троя всё это время находилась в лифте, и вот он сорвался в шахту. Две секунды спустя вокруг разражается настоящий кошмар.

Много позже инженеры-моравеки растолкуют мне, что произошло: город в буквальном смысле рухнул с высоты пяти футов и двух дюймов на почву нынешней планеты Земля. Все, кто сражался на берегу, более ста пятидесяти тысяч орущих, потных, бьющихся насмерть мужей, столь же внезапно упали, однако не на мягкий песок, а на твёрдые камни, поросшие спутанным чахлым кустарником, ибо линия побережья отступила на запад около трёх веков назад.

Последние минуты великого Илиона едва не стали роковыми и для нас с Еленой.

Безверхая башня у стены за юго-восточным углом рынка — та самая заброшенная, сильно повреждённая башня, на которой в незапамятные (как сейчас представляется) времена дочь Зевса вонзила кинжал мне в сердце, — обрушилась подобно исполинской заводской трубе, накрыв обломками более низкие здания и середину пло-

щади, где мы в ужасе съёжились у фонтана.

Он-то и спас наши жизни. Многоступенчатая постройка с бассейном и центральным обелиском не выше двенадцати футов оказалась прямо на пути падающих осколков; увесистые каменные блоки разлетелись по всей площади, а мы лишь закашлялись в облаке праха и мелкого мусора.

Нас оглушило. Даже огромные булыжники мостовой растрескались после падения с пятифутовой высоты. Обелиск покосился под углом в добрых тридцать градусов, а сам фонтан замолчал навеки. Над городом поднимались клубы пыли, которые потом не оседали шесть с лишним часов. Когда мы с Еленой поднялись на ноги и принялись отряхиваться, откашливаться и прочищать носы от противной белой пыли, многие люди бежали к воротам (это теперь-то, после того как всё закончилось), а некоторые уже разгребали руины и мусор в поисках уцелевших и раненых.

Более пяти тысяч не пережили Падения Трои. Большинство погибло под обломками крупных зданий: храмы Афины и Аполлона рухнули под оглушительный треск несметных колонн, ломавшихся, точно спички. Бывший дворец Париса и нынешний дом Приама превратился в разва-

лины, и никто из обитателей не спасся, если не считать Гипсипилы, которая в это время гналась за мной. Главная западная и юго-западная стены, где находилась львиная доля троянцев, обвалились не целиком, но во многих местах пошатнулись в ту или иную сторону, так что людские тела посыпались на каменистую долину Скамандра или же в город, на груды обломков. Так нашёл свою смерть Приам и ещё несколько членов царского семейства, включая злополучную Кассандру. Андромаха, супруга Гектора и та ещё специалистка по выживанию, не получила ни единой царапины.

В давние времена Илион столь часто подвергался землетрясениям, как в наши дни этот же участок Турции, поэтому люди ничуть не хуже знали, как вести себя, и, вероятно, моё предупреждение спасло не одну жизнь. Многие всё-таки устремились к надёжным порталам или на открытые пространства. Со временем подсчитали: несколько тысяч успели выбежать на равнину, прежде чем город рухнул и Ахейские ворота вместе с огромной каменной перемычкой разлетелись на куски.

Но я потрясённо стоял и, не веря себе, озирался вокруг. Самый царственный из городов, пере-

нёсший десять лет ахейской осады и месяцы богоборческой войны, обратился в руины. Повсюду пылали огни, но не от повреждённых газовых трубопроводов, как в мои годы: треножники, очаги, простые факелы, скрытые прежде в домах, теперь открыто смотрели в небо. Очень много пламени. Едкий дым смешивался с клубящейся пылью, заставляя сотни столпившихся на площади горожан кашлять и отчаянно тереть глаза.

— Мне нужно найти Приама… Андромаху… — вымолвила дочь Зевса между судорожными приступами. — Найти Гектора!

— Позаботься о тех, кто здесь, Елена, — еле проговорил я. — А я пойду на берег искать Гектора.

— Хок-эн-беа-уиии… — Она удержала меня за руку, не давая сразу уйти. — Кто это сделал? Или *что?*

— Боги, — не солгал я.

Древние пророчества утверждали: Трое не суждено пасть, покуда перемычка Скейских ворот будет на месте. Пробираясь на берег сквозь тесную толпу, я заметил разбитые деревянные створки и рухнувший каменный монолит.

Прошло всего лишь десять минут, а всё вокруг стало совершенно другим. Мгновенно свалившийся с неба огонь переменил до неузнаваемости

не только сам город, но и окрестности, даже небо, даже погоду.

«Мы больше не в Канзасе, Тотошка».

Двадцать с лишним лет я преподавал «Илиаду» в Индианском университете и кое-где ещё, но никогда и не думал поехать в Трою — вернее, посетить её останки у турецкого побережья. Зато мне попадалось достаточно снимков, сделанных в конце двадцатого — начале двадцать первого века. Так вот место, куда подобно домику Дороти упал с небес Илион, походило на те руины в местечке под названием Гиссарлык, а не на оживлённый деловой центр империи.

При взгляде на изменившийся пейзаж (иным был даже небосвод, ибо греки сражались при свете дня, а теперь воцарились сумерки) я вспомнил отрывок из байроновского «Дон Жуана», написанный в тысяча восемьсот десятом году, когда поэт посетил Гиссарлык, ощутив одновременно и связь с героическим прошлым, и удалённость от него:

Равнины невозделанный простор,
Курганы без надгробий, без названья,
Вершина Иды над цепями гор
И берегов Скамандра очертанья;

Здесь обитала Слава с давних пор,
Здесь древности покоятся преданья.
Но кто тревожит Илиона прах?
Стада овец и сонных черепах![113]

Овцы вокруг не бродили, однако, обернувшись на поверженный город, я увидел знакомые очертания хребта, разве что на пять футов и два дюйма ниже там, где Троя рухнула на каменные развалины, оставленные археологом-любителем по имени Шлиман. Древние римляне возвели свой Илиум прямо на руинах погибшей греческой твердыни, так что нам ещё повезло: могли бы упасть гораздо ниже.

На севере, где на много миль простиралась зелёная долина Симоиса, идеальное пастбище и выгон для троянских коней, теперь высился лес. Ровная долина Скамандра между городской стеной и западным побережьем, на которой последние одиннадцать лет разыгрывались бурные сражения, была изрыта оврагами, трясинами, поросла чахлым дубьём и соснами. Я и направился к берегу, взобрался по дороге на Лесистый Утёс, как его называли троянцы, даже не сознавая толком,

---

[113] notes: 113
Перев. Т. Гнедич.

где нахожусь, — и вдруг остолбенел.

Море исчезло.

Не то чтобы линия волн отступила, как мне твердили обрывочные воспоминания из прошлой жизни. *Долбаное Эгейское море пропало совсем!*

Отыскав на вершине утёса самый высокий валун, я уселся и предался размышлениям. Интересно даже не то *куда*, но *в какое время* отослали нас Никта с Гефестом? В тусклых вечерних сумерках взгляд не мог различить электрических огней — ни на суше, ни на глубоком дне, ныне поросшем крепкими деревьями и кустарником.

«Сдаётся мне, Тотошка, мы не просто улетели из Канзаса. Мы даже и не в стране Оз».

Вечереющий небосклон затянули тучи, однако я рассмотрел тысячи и тысячи воинов, собравшихся полумильной дугой там, где пятнадцать минут назад ещё находилась линия берега. Сначала мне даже показалось, что битва продолжается: вокруг лежали тысячи новых трупов, но потом стало ясно, что люди просто толпятся, смешав любые линии обороны, сражения, утратив дисциплину. Позже обнаружилось: треть воинов, равно троянцев и ахейцев, переломали себе кости, в основном берцовые, упав с пятифутовой высоты на

скалы и в ущелья, которых не было секунду назад. Люди, только что горевшие жаждой выпустить друг другу кишки или раскроить череп, стенали вповалку на земле и пытались подняться.

Я поспешил вниз по склону и дальше, по равнине, которая вдруг стала совсем непригодна для ног. Поэтому передовой троянской линии — или того, во что она превратилась, — я достиг уже почти в кромешной темноте.

Сразу же принялся расспрашивать о Гекторе, но отыскал его только через полчаса, при свете факелов.

Деверь Елены и его раненый брат Деифоб совещались с бывшим воеводой критян, нынешним аргивским предводителем Идоменеем Девкалидом и Малым Аяксом из Локра (потомка Оилея принесли на носилках: ещё утром он получил удар клинком по голеням, перерубивший мясо и мышцы до самых костей). Ещё на совете присутствовал Фразимед, доблестный Несторов отпрыск, которого я с утра почитал умершим; герой пропал без вести при битве за последний защитный ров. Как выяснилось, Фразимед был всего лишь третий раз ранен и несколько часов кряду выкапывался из траншеи, заполненной мертвецами, — только для того, чтобы оказать-

ся среди троянцев. Его взяли в плен — редкий акт милосердия в последние дни, а также за все одиннадцать лет войны, — а теперь он стоял опершись на сломанное копьё вместо костыля.

— Хок-эн-беа-уиии! — Почему-то мой приход осчастливил Гектора. — Сын Дуэйна! Я рад, что ты пережил это безумие. Но кто его причина? Кто или что его вызвало?

— Это устроили бессмертные, — честно ответил я. — Точнее говоря, покровитель огня Гефест и таинственная Никта, соработница Судеб.

— Ты и раньше был близок с богами, Дуэйнид. Почему они так поступили? Что им от нас нужно?

Я мотнул головой. Пламя факелов рвало ночь на куски, трепеща на сильном ветру, дувшем с запада: ещё недавно там было Средиземноморье, сейчас же в воздухе витали запахи трав.

— Чего они хотят, уже не важно. Вы больше не увидите богов. Они сгинули навсегда.

Сто или двести столпившихся вокруг мужей не проронили ни слова. С минуту мы слышали только треск факелов и стоны раненых из темноты.

— Откуда ты знаешь? — спросил Малый Аякс.

— Я только что с Олимпа. Ваш Ахиллес прикончил Зевса на поединке.

Поднявшийся ропот перерос бы в настоящий рёв, если бы Гектор не заставил всех замолчать.

— Продолжай, сын Дуэйна.

— Ахиллес убил Кронида, титаны вернулись из Тартара. В конце концов миром станет править Гефест, так решили Ночь и Су дьбы, однако на ближайший год или около того ваша Земля будет полем битвы, на котором не выжить ни одному кратковечному. Вот почему хромоногий отправил город сюда — вместе с вами, уцелевшими ахейцами и троянцами.

— Куда это сюда? — поинтересовался Идоменей.

— Понятия не имею.

— Когда нам позволят вернуться?

— Никогда.

Пожалуй, впервые в жизни я произнёс три коротких слога с такой уверенностью.

И тут случилось второе невероятное событие дня, если первым считать падение Илиона в иную вселенную.

С тех пор, как город опустился на горный хребет, небосвод был затянут густыми тучами, потому и сумерки нагрянули так быстро. Так вот в эту минуту благоухающий разнотравьем ветер погнал облака на восток, и у нас над головами вдруг

прояснились небеса.

И несколько мгновений воины обеих армий с воплями тыкали пальцами вверх.

Даже не успев поднять глаза, я заметил какой-то странный свет — ярче любого из полнолуний, какие мне доводилось переживать, молочный, насыщенный, более… текучий, что ли. Мой взгляд изумлённо следил за бесчисленными подвижными тенями на скале, уже не имевшими отношения к факелам, когда Гектор потянул меня за руку, предлагая посмотреть вверх.

Облака совершенно рассеялись. Небо напоминало обычную ночь на Земле. Пояс Ориона, Плеяды, Полярная звезда и Большая Медведица низко на севере — все располагались на своих местах. Однако такие знакомые созвездия и месяц, поднявшийся над руинами Трои на востоке, бледнели по сравнению с этим новым источником сияния.

Над нами быстро вращались, пересекаясь между собою, две широкие полосы: одна на юге перемещалась с запада на восток, другая, прямо над нами, — с севера на юг. Кольца ярко светили, но я различал многие тысячи звёзд, из которых они состояли. В памяти неожиданно всплыла газетная колонка из прошлой жизни: там гово-

рилось, что даже в самую ясную ночь на Земле человеческий глаз не способен увидеть более трёх тысяч небесных светил. И вот их десятки, а то и сотни тысяч. Ни в этой, ни в прошлой жизни мне не приходилось видеть ничего прекраснее.

— Что это за звёзды, сын Дуэйна? — спросил Гектор. — Они новые? Или это боги?

— Не знаю, — признался я.

В эту минуту, покуда более ста пятидесяти тысяч зевак в доспехах, в испуге разинув рты, глазели на незнакомое небо, люди у берега начали неразборчиво кричать. Через несколько минут и мы, стоявшие возле Гектора, наконец сообразили: там тоже что-то происходит. Пришлось пробиваться через толпу на каменистую возвышенность — вероятно, тысячи лет назад, во дни Илиона, здесь находился край прибойной линии.

Поначалу я только заметил, что чёрные сожжённые корабли перенеслись через Брано-Дыру вместе с нами (их обугленные останки бессрочно застряли на мели — вернее, на высоких, поросших частым кустарником утёсах, вознёсшихся над илистыми болотами), и лишь потом осознал, из-за чего поднялся шум.

Со стороны запада по дну исчезнувшего моря

на нас надвигалась какая-то масса — чернильно-чёрная и в то же время играющая бликами подвижного звёздного света, надвигалась медлительно, безмолвно и неуклонно, будто сама Смерть. На наших глазах она заполнила собою низины, потом обступила лесистые взгорья у горизонта, заметные только благодаря свету небесных колец, — и далёкие вершины холмов за считанные минуты превратились в острова Лемнос, Имброс и Тенедос.

Это было третьим чудом, свершившимся за один нескончаемый день.

Винноцветное море возвращалось к берегам Илиона.

86

Харман держал ружьё у лба считанные секунды. Уже опустив палец на спусковой крючок, мужчина понял, что не собирается *этого* делать. Даже изнывая от ужаса перед близкой и неминуемой гибелью, он не желал поступать как трус.

Путешественник развернулся, прицелился в громадный нос древней субмарины, торчащий сквозь северную стену Бреши, и принялся спускать курок, пока не расстрелял все девять

зарядов. Рука предательски дрожала, и мужчина был совсем не уверен, что попал по цели, зато ему удалось хоть немного развеять ярость и отвращение к собственному роду за нестерпимую его глупость.

Запачканный термокостюм тяжело снимался. Харман и не подумал постирать его, а просто швырнул на песок. После приступов поноса и рвоты всё тело бил озноб, но избранник Ады не собирался натягивать обувь или одежду. Вместо этого он поднялся, кое-как обрёл равновесие и побрёл на запад.

Путешественник не нуждался в напоминаниях новых биометрических функций, чтобы знать, что умирает, и довольно стремительно. Радиация ощутимо разъедала его кишки, остальные потроха, яички, кости. Слабость возрастала и шевелилась внутри подобно гадкому гомункулу. Мужчина шагал вперёд, навстречу Ардису и любимой.

По счастью, в течение нескольких часов рассудок безмолвствовал, разве что позволял ковылять по каменным или коралловым грядам и не спотыкаться об острые выступы. Харман очень смутно сознавал, как выросли стены Бреши с обеих сторон и как резко похолодало в воздухе; впрочем,

он ещё обратил внимание на полуденное солнце. Много позже, опустив глаза, мужчина увидел грязные, по большей части кровавые разводы на своих ногах и, добравшись до южной стены, просунул голые руки сквозь защитное поле (пальцы немедля сдавило и обожгло лютым холодом), чтобы зачерпнуть солёной воды и омыться. После чего продолжал путь.

Когда в голове прояснилось, Харман был рад тому, что способен думать не только об исчезнувшей из виду гнусной машине с её смертоносным грузом, но и, к примеру, о собственной жизни, продлившейся целых сто лет.

Поначалу мужчину одолевали угрюмые мысли; он распекал себя за декады, потраченные на забавы, гулянки, бесцельное перемещение по факсу с одного праздника на другой, но вскоре простил себя. Даже тогда, среди поддельной роскоши, Харману доводилось испытывать мгновения подлинной глубины. А последние месяцы, посвящённые истинной дружбе, настоящей любви, честным и преданным отношениям, по крайней мере отчасти искупали те глупые и никчёмные годы.

Бредущий подумал о своей роли в событиях последних лет — и вновь нашёл силы извинить себя.

Назвавшаяся Мойрой женщина-«пост» насмешки ради окрестила его Прометеем, но Харман скорее чувствовал себя Адамом и Евой в одном лице, то есть человеком, чьи поиски запретного плода в идеальном Саду праздности привели к тому, что весь его род покинул это райское место.

Что же он дал взамен своей Аде, друзьям, своей расе? Чтение? Сколь бы значимой ни казалась Харману сия способность — в потенциале более мощная, нежели сотня заново открытых функций, — его терзали сомнения, что она одна может воздать людям за ужасы, страдания, неизвестность и грядущую смерть.

А может, и не должна была?..

Вечер исподволь сгущал синеву на длинной полоске неба над головой. Продолжая брести на запад, мужчина взялся размышлять о смерти. Его собственная — ждала впереди, до неё оставались считанные часы, но как насчёт понятия Кончины, с которым Харман и его народ никогда прежде не сталкивались, если забыть о последних месяцах?

Перебрав в уме накопленные в Хрустальном чертоге знания, супруг Ады обнаружил, что в течение девяти тысячелетий смерть — вернее, страх перед ней, любопытство и надежда на выживание, — составляла главную тему всех

литератур и религий. В последних мужчина не очень-то разобрался: не хватало практического контекста, — зато увидел жажду, пронизавшую тысячи мировых культур и не имевшую возраста, — жажду получить доказательства или хотя бы нить надежды, что жизнь продолжается и после того, как очевидно покидает человеческое тело. Он даже заморгал от неожиданности, когда разум принялся подбрасывать всевозможные версии учения о загробном мире: Валгалла, Эдем, преисподняя, исламский рай, куда так вожделела попасть команда «Меча Аллаха», стремление праведно жить, дабы остаться в памяти грядущих поколений, — а потом ещё тысячи вариаций на тему перерождения: мандала, реинкарнация… Харману все они показались красивыми, но легковесными и пустыми, точно заброшенная паутина.

Ковыляя в густеющих студёных сумерках всё дальше на запад, он размышлял о том, что если и может принять чьи-то чужие взгляды на Смерть, сохранённые в умирающих клетках и ДНК, то это будут попытки писателей и художников отобразить встречу с ней — своего рода дерзкий вызов человеческого гения. Мужчина посмотрел на последние автопортреты Рембрандта (они тоже

нашлись в запасах) — и зарыдал, проникнувшись страшной мудростью в его чертах. Затем он мысленно прослушал полную версию «Гамлета» — и, подобно бесчисленным поколениям из прошлого, понял, что стареющий принц в чёрных одеждах, возможно, единственный верный посланник из Неизведанной Страны.

По лицу мужчины бежали слёзы. Он вдруг осознал, что оплакивает не себя или свою близкую кончину, даже не Аду с их будущим ребёнком, которые никогда на самом деле не оставляли его мыслей. Нет, Харман жалел о том, что ни разу не видел пьесы Шекспира на сцене. Вот бы вернуться в Ардис во цвете сил и здоровья, а не в виде истекающего кровью ходячего мертвеца; тогда бы он непременно убедил общину поставить хотя бы одно из творений Барда. В случае победы над войниксами, конечно.

Да, но которое из них?

Этот чрезвычайно любопытный вопрос надолго занял идущего; мужчина и не заметил, как полоска неба над головой выцвела, потемнела, как на ней высыпали яркие звёзды и начали двигаться кольца. Он даже не сразу обратил внимание, когда холод на дне глубокой траншеи пробрал его до самых костей.

Наконец продолжать путь стало невозможно. Ноги спотыкались о видимые и невидимые препятствия. Даже стены Бреши растворились во тьме. Всё вокруг превратилось в жуткий промозглый мрак, словно в предвкушении смерти.

Харман не желал умирать. Только не теперь. Свернувшись на дне в позе эмбриона, он даже приветствовал уколы песка и щебня, ведь они грубо давали понять: «Ты ещё живой». Стуча зубами, человек притянул к себе колени, обхватил их руками и затрясся от озноба, но и тот говорил ему: «Ты ещё живой». Мужчина с тоской подумал о рюкзаке, оставленном далеко позади, о спальном мешке с подогревом и своих одеждах. Вспомнились ему и съедобные плитки, хотя организм уже не смог бы ничего принять.

Несколько раз в ночи Харман отползал от гнезда, устроенного в песке в виде отпечатка собственного тела, и долго содрогался, стоя на трясущихся руках и коленях, хотя в желудке со вчерашнего дня не осталось ничего, что можно было извергнуть. Затем умирающий медленно, с большим трудом возвращался к позе «эмбриона», заранее предвкушая, как свернётся и ощутит еле заметное тепло, оставленное собственным телом, — так он когда-то радовался славной пи-

рушке.

И всё же какую пьесу выбрать? История Ромео и Джульетты, прочитанная раньше остальных, сохраняла особое очарование первого свидания. Мужчина освежил в памяти «Короля Лира»: «никогда, никогда, никогда, никогда, никогда…» Подходящее чтение для умирающего, даже того, кто не дожил увидеть собственное дитя, но, пожалуй, для первой встречи колонистов Ардиса с Шекспиром это будет чересчур. Между прочим, учитывая, что актёров приглашать неоткуда, кто мог бы сыграть старого Лира? На ум приходил только один человек: Одиссей-Никто. Интересно, как он там сейчас?

Харман обратился лицом к небу, где кольца вращались на фоне недвижных звёзд. Разве ценил он столь прекрасное и величественное зрелище раньше, до этой ужасной ночи? Полярное кольцо вдруг пересекла яркая чёрточка. Дерзко чиркнула по чёрному ониксу ночи, проплыла среди настоящих звёзд и скрылась за южной границей Бреши. Метеоры гаснут быстрее. Что же это было? Мужчина не знал ответа. Впрочем, какая разница? Это находилось очень, очень, очень далеко и не имело к нему никакого отношения.

Размышляя о Шекспире и смерти, ещё не

решив, на какой именно пьесе остановиться, Харман наткнулся на любопытные строки, сохранённые глубоко в памяти ДНК. Речь Клавдио из «Меры за меру», которую он произнёс перед собственной казнью:

Но умереть… уйти — куда, не знаешь…
Лежать и гнить в недвижности холодной…
Чтоб то, что было тёплым и живым,
Вдруг превратилось в ком сырой земли…
Чтоб радостями жившая душа
Вдруг погрузилась в огненные волны,
Иль утонула в ужасе бескрайнем
Непроходимых льдов, или попала
В поток незримых вихрей и носилась,
Гонимая жестокой силой, вкруг
Земного шара и страдала хуже,
Чем даже худшие из тех, чьи муки
Едва себе вообразить мы можем?
О, это слишком страшно!..
И самая мучительная жизнь:
Всё — старость, нищета, тюрьма, бо-

лезнь,

Гнетущая природу, будут раем

В сравненье с тем, чего боимся в смерти.[114]

Харман ощутил, что снова плачет, свернувшись на холодном песке, но не от страха и чувства утраты. То были слёзы благодарности за возможность принадлежать людскому роду, откуда вышел гений, способный так думать, так чувствовать, так писать. Появление Барда на свет почти — *почти* — оправдывало человеческий ум, посмевший изобрести, построить, наполнить экипажем и спустить на воду субмарину, начинённую семьюстами восемьюдесятью шестью чёрными дырами, только и ждущими своего часа уничтожить будущее всех землян.

Внезапно мужчина рассмеялся. Мысль как-то перескочила на «Оду к соловью» Джона Китса, и Харман увидел — сам, без посторонней помощи, — учтивый поклон поэта в сторону Шекспира между строк, обращённых к заливающейся птице:

Ты будешь так же петь

---

[114] notes: 114
Перев. Т. Щепкиной-Куперник.

Свой реквием торжественный, а я —
Я стану глиною глухонемой.[115]

— Троекратное ура в честь союза меж земляным комом Клавдия и глухонемой глиной Джонни! — прокричал мужчина.

Резкое усилие заставило его закашляться; на подставленной ладони остались кровь и три зуба.

Харман застонал, свернулся в песочном чреве и, дрожа, попытался улыбнуться снова. Его беспокойный мозг не мог прекратить думать о Шекспире точно так же, как язык не мог оставить в покое три дырки, образовавшиеся в дёснах. А насмешил умирающего куплет из «Цимбелина»:

Дева с пламенем в очах
Или трубочист — всё прах.[116]

До него только что дошла соль шутки. Каким же нужно быть гением, чтобы даже в погребальную песню вложить столь по-детски игривый юмор?

С этой мыслью мужчина исподволь соскользнул в холодное забвение и уже не чувствовал

---

[115] notes: 115
Перев. Г. Кружкова.

[116] notes: 116
Перев. Н. Мелковой.

накрапывающих капель ледяного дождя.

Харман проснулся.

Это само по себе было чудом. Разлепив спёкшиеся от крови веки, он увидел серое, стылое, угрюмое предрассветное небо и тонущие во мраке стены Бреши ста с лишним футов высотой. И всё-таки он проснулся.

Второе чудо: мужчина ещё мог двигаться, хотя и с огромным усилием. Четверть часа он пытался удержаться на трясущихся руках и коленях, затем подполз к ближайшему валуну, торчащему из песка, и ещё десять минут поднимался на ноги, после чего едва не рухнул обратно.

Теперь супруг Ады был готов продолжать свой путь… Но он забыл, с какой стороны находится запад.

Бесконечная Брешь простиралась в обоих направлениях, между которыми не было ни малейшей разницы. Дрожа всем телом, испытывая боль, которой он и не мог себе вообразить, Харман стал бродить кругами, разыскивая собственные ночные следы. Вот только твёрдый камень не хранил отпечатков, а дождь, едва не заморозивший человека до смерти, начисто смыл все следы босых ног.

Мужчина сделал четыре нетвёрдых шага в одну

сторону. Потом, убеждённый, что возвращается к субмарине, развернулся и восемь раз переставил ноги в противоположном направлении.

Бессмысленно. Плотный покров из туч низко провис над Брешью, сделав неразличимыми запад и восток. Хармана воротило с души при мысли о том, чтобы нечаянно побрести обратно к затонувшей подлодке, нашпигованной чистым злом, а также снова удалиться от Ады и Ардиса, ведь накануне мужчина с таким трудом сокращал ненавистное расстояние!

Он доковылял то ли до южной, то ли до северной водяной стены и уставился на своё отражение в отблесках медленно разрастающегося предрассветного зарева.

В ответ на человека уставилось незнакомое существо, голая полумумия. Багровые подтёки по всему телу: на впалых щеках, на груди, предплечьях, трясущихся ногах и даже внизу живота — огромное пурпурное пятно. Харман опять закашлялся — и потерял ещё два зуба. Казалось, отражение в тёмной воде плакало кровью. Безотчётно, словно желая привести себя в порядок, мужчина отбросил со лба налипшую чёлку.

После чего долго и тупо глядел на свою ладонь. В руке остался невероятно толстый клок волос.

Казалось, пальцы сжимали дохлого косматого зверька. Харман разжал их и снова провёл по голове. Оторвалось ещё несколько прядей. Мужчина поднял глаза и увидел ходячего, на треть облысевшего мертвеца.

Тела коснулось нежданное тепло.

Муж Ады повернул голову — и чуть не упал от изумления. Солнце. Оно взошло прямо в щели между стенами. Золотые лучи на несколько мгновений согрели умирающего, прежде чем огненный шар утонул в облаках. Какова же была вероятность, что светило взойдёт именно этим утром точно на этом месте? Можно подумать, Харман, точно друид Стоунхенджа, ожидал восхода в день равноденствия.

Голова стремительно пустела; мужчина боялся вновь потерять направление, если не тронется в путь немедленно. Итак, подставив спину солнечному теплу, он медленно заковылял на запад.

Ближе к полудню (между проливными дождями сквозь разрывы в тучах иногда проглядывало солнце) разум Хармана будто бы отделился от бредущего тела. Приходилось шагать в два раза медленнее, ибо мужчина ковылял от одной стены до другой, слегка опирался на гудящее силовое поле и продолжал нескончаемый путь.

На ходу супруг Ады размышлял о будущем своего рода, возможно, уже исчезнувшего с лица земли. Не только спасшихся жителей Ардиса, но и всех «старомодных», кто мог уцелеть после нашествий войниксов. Теперь, когда прежний мир канул в Лету, какие формы правительства, религии, общества, культуры, политики создало бы человечество? Из модулей протеиновой памяти, скрытых в глубинах закодированной ДНК — тех, которым суждено надолго пережить само тело Хармана и полный распад его клеток, — всплыл отрывок из «Тюремных записок Грамши»: «Кризис заключается именно в том, что старое умирает, а новое не способно появиться на свет; период междуцарствия порождает великое множество нездоровых симптомов».

Мужчина сипло хохотнул — и потерял ещё один передний зуб. Вот уж воистину нездоровые симптомы. Поверхностное изучение контекста позволило выяснить, что этот самый Грамши был интеллектуалом, который распространял идеи революции, социализма и коммунизма. Последние две теории были отвергнуты уже в первой половине Потерянной Эпохи как несостоятельное и наивное дерьмо собачье, однако проблема междуцарствия никуда не исчезла, и

вот она снова встала перед людьми.

Харману вспомнились последние недели и месяцы перед тем, как он по глупости покинул возлюбленную. Пожалуй, в то время Ада вела свой народ к некоему грубому подобию афинской демократии. Супруги никогда не обсуждали этого, но мужчина прекрасно чувствовал, как бывшая хозяйка особняка внутренне противилась роли вожака, которую навязывали ей четыреста колонистов Ардиса (столько их было до страшной резни, просмотренной Харманом на *Эйфелевой дороге* при помощи красной туринской повязки), хотя и совершенно естественно вписалась в неё. Решая все вопросы голосованием, Ада явно стремилась заложить основы грядущей демократии на тот счастливый случай, если община уцелеет.

Однако, если верить красной туринской пелене, а у мужчины не было причин думать иначе, Ардис утратил статус настоящей колонии. Четыре сотни человек — это община. А вот пятьдесят четыре изголодавшихся оборванца — нет.

Похоже, радиация сильно разъела слизистую оболочку в горле Хармана: глотая слюну, он каждый раз харкал кровью. Это раздражало и отвлекало. Мужчина постарался приноровиться так, чтобы сглатывать на каждом десятом шагу,

не чаще. Скоро его подбородок, грудь и правая рука покрылись багровыми разводами.

Интересно было бы посмотреть, какие социальные и политические структуры разовьются в новом обществе. Вероятно, что даже одной сотни тысяч людей до нашествия войниксов недостаточно для создания реальных движущих сил общества, таких как политика, религиозные обряды, армия или социальная иерархия…

Однако Харман этому не очень-то верил. Во многих из банков протеиновой памяти он видел примеры Спарты, Афин, других самостоятельных древнегреческих образований, существовавших задолго до Афин и Спарты. В бесконечной туринской драме (теперь-то мужчина ясно видел в ней сюжет гомеровской «Илиады») встречались герои из разных царств, даже столь маленьких, как Итака, остров Одиссея.

Тут умирающему вспомнился алтарь, мелькнувший перед его глазами во время путешествия по Парижскому Кратеру около года назад, после того как Даэмана сожрал динозавр. Жертвенник посвящался одному из олимпийских небожителей; Харман забыл, кому именно. По крайней мере полтора тысячелетия «посты» заменяли «старомодным» людям богов и даже Бога. Любо-

пытно, какие формы обретёт человеческая нужда в искренней вере и каких обрядов потребует она в будущем?

Будущее…

Супруг Ады остановился, тяжело дыша, привалился к огромному камню, торчащему из северной стены Бреши, и заставил себя думать о грядущем.

Ноги тряслись и подкашивались, мышцы буквально слабели на глазах. Каждый вздох обдирал натруженную, окровавленную глотку. Харман посмотрел перед собой — и заморгал.

Прямо над щелью Бреши примостилось яркое солнце. Неужто всё ещё восход? Или мужчина брёл в обратную сторону? Нет, он просто не заметил, как провёл в дороге целый день. Светило спустилось из-за туч и готовилось сесть на другом конце длинного коридора Бреши.

Харман сделал ещё два шага вперёд — и упал навзничь.

На сей раз он уже не смог встать на ноги. Мужчина собрал все силы и приподнялся на правом локте, чтобы увидеть заход солнца.

Рассудок прояснился, мысли обрели удивительную чёткость. Шекспир, Китс, религии, рай, смерть, политика, демократия — всё это уже не

волновало умирающего. Он думал о своих друзьях. Внутреннему взору предстало смеющееся юное лицо неутомимой Ханны в день плавки у реки; как же ликовали её друзья, отлив самый первый бронзовый артефакт за многие и многие тысячи лет! Вспомнился учебный бой между Петиром и Одиссеем в те дни, когда бородатый грек подолгу распространялся о своей философии, затевая странные игры в вопросы-ответы на зелёном холме позади Ардис-холла. Сколько страсти, сколько радости было в тех занятиях!

В ушах зазвучал сиплый, циничный голос Сейви, потом её же — ещё более хриплый — смех. А как вопили они с кузеном Ады от радости, когда старуха вывезла их на вездеходе из Иерусалима, в то время как тысячи войниксов напрасно мчались вдогонку! Лицо Даэмана словно раздвоилось перед глазами Хармана: пухлый, поглощённый только собой юнец (таким он был при первой их встрече) — и серьёзный поджарый мужчина, которому можно доверить и собственную жизнь (таким Харман оставил его несколько недель назад, улетая из Ардиса на соньере).

Наконец, когда светило аккуратно село в океанский разлом, едва зацепив боками стены Бреши — Харману даже померещилось рассерженное

шипение, и он невольно хмыкнул, — мужчина принялся думать о своей любимой.

О её улыбке, очах и ласковом голосе. Умирающий вспомнил смех Ады, её прикосновения, их последнюю близость. Уже захмелев от ласк, супруги сонно отвернулись в разные стороны, но вскоре вновь прижались телами, ища тепла друг друга. Сначала жена обвила его правой рукой, приникнув к спине, а позже ночью уже сам Харман прильнул к её спине и безупречным ягодицам, обнял милую левой рукой, тихонько сжал её грудь ладонью и, даже засыпая, ощутил, как в сердце шевельнулся горячий восторг.

Веки покрылись коростой засохшей крови; теперь мужчина не мог ни моргнуть, ни по-настоящему закрыть глаза. Заходящее солнце, утопившее свой нижний край за горизонтом, выжигало на сетчатке оранжевые и красные пятнышки, но это не имело значения. Человек понимал: ему уже никогда и ни на что не придётся смотреть. И он предался мыслям о возлюбленной, глядя, как верхнее полушарие понемногу исчезает за окоёмом.

Тут нечто вошло в поле зрения и загородило собой закат.

Несколько долгих мгновений умирающий ра-

зум не мог оценить произошедшее. А ведь *нечто вошло в поле зрения и загородило собой закат!*

Всё ещё припадая на правый локоть, мужчина потёр заскорузлые веки тыльной стороной левой руки.

В каких-то двадцати футах к западу от Харма-на стояло незнакомое существо, появившееся, должно быть, из северной стены. Ростом и даже в какой-то степени видом оно походило на восьми-девятилетнего человеческого ребёнка, одетого в нелепый костюм из металла и пластика. На месте глаз малыша чернела зрительная пластина.

«У края гибели, когда мозг начинает умирать от недостатка кислорода, — без спроса вмешалась молекула протеиновой памяти, — галлюцинации — типичное явление. Отсюда частые рассказы вернувшихся к жизни людей о длинном туннеле с ярким светом в конце и…»

К чёрту. Харман как раз глазел на яркое сияние в конце предлинного туннеля, хотя от солнца уже остался тонкий краешек, а на стенах Бреши переливались миллионы живых серебристых бликов.

И всё же мальчик в чёрно-красном костюме из металла и пластика был настоящим.

Тут на глазах у мужчины сквозь северную стену

Бреши протиснулось нечто гораздо более крупное и странное.

«Защитное поле пропускает одних лишь людей и то, что на них», — ошалело припомнил Харман.

Однако второй пришелец ни в коей мере не походил на человека. Чужак двоекратно превосходил размерами самые большие дрожки, а формой напоминал исполинского робота-краба. С огромных клешнёй, множества металлических ног и гигантского помятого панциря, громко журча, лились потоки воды.

«Меня не предупреждали, что предсмертные минуты бывают настолько забавны», — подумал мужчина.

Похожее на ребёнка существо приблизилось и заговорило по-английски.

— Сэр, — произнёс пришелец мягким голосом (так мог бы изъясняться будущий сын Харман), — разрешите предложить вам помощь?

87

Едва рассвело, а пятьдесят тысяч войниксов уже надвигались со всех сторон. Ада помедлила у Ямы, чтобы взглянуть на растерзанный труп

Сетебосова отродья на дне.

Даэман коснулся руки кузины.

— Не горюй. Рано или поздно мы всё равно бы его прикончили.

Женщина покачала головой:

— Я и не думала раскаиваться, — и крикнула Ханне и Греоджи: — Поднимайте в воздух небесный плот!

Но было поздно. Львиную долю колонистов охватила паника при первых же звуках атаки. Серые твари ещё не показались из леса, однако четырехмильное кольцо сузилось уже раза в два. Ещё минута, если не меньше, — и враг нагрянет в Ардис.

— Нет! Нет! — воскликнула Ада, увидев, как три десятка объятых ужасом человек норовят втиснуться в медленно взмывающее судно.

Её подруга управляла плотом, пытаясь удержать равновесие на высоте трёх футов, но на борт лезли уже и другие.

— Взлетай! — крикнул Даэман. — Взлетай сейчас же!

Бесполезно. Тяжёлая машина заскулила, накренилась на правый бок и рухнула, раскидав людей по земле.

Ада с кузеном устремились к упавшей по-

судине. Ханна подняла на них осунувшееся, побелевшее лицо:

— Он больше не заведётся. Что-то сломалось.

— Ничего, — спокойно сказала супруга Хармана. — Этот плот и один раз не дотянул бы до острова.

И, сжав плечо подруги, возвысила голос:

— Все на укрепления! Скорее!!! Собираем оружие! Наша единственная надежда — отбить их первую атаку!

Ада развернулась и побежала к западной стене. Спустя мгновение остальные последовали её примеру, выискивая для себя пустые участки частокола. Каждый тащил по меньшей мере две винтовки, арбалет и тяжёлый мешок, нагруженный стрелами и обоймами дротиков.

Пристроившись у бойницы, будущая мать обнаружила рядом кузена, услышала от него:

— Хорошо! — и кивнула в ответ, не имея понятия, о чём речь.

Неторопливо, без лишней спешки, она зарядила новую обойму, щёлкнула предохранителем и прицелилась по деревьям, темнеющим на расстоянии около двух сотен ярдов.

Стремительный, шипящий, клацающий шум оглушительно нарастал; Ада с трудом подавила

желание бросить винтовку и зажать ладонями уши. В висках стучало, к горлу подступала тошнота — скорее всего обычная утренняя слабость, потому что страха женщина не испытывала. *Пока* не испытывала.

— Все эти годы троянской осады… — вырвалось у неё.

— Что? — наклонился к своей кузине Даэман.

Ада помотала головой.

— Да вот подумала о туринской драме. Харман говорил, это Сейви с Одиссеем десять лет назад распространили на земле пелены. Наверное, хотели научить нас достойной смерти.

— Лучше бы надоумили, как одолеть пятьдесят тысяч долбаных войниксов, — буркнул мужчина, щёлкнув затвором винтовки.

Ада усмехнулась.

Но её тихая усмешка потонула в рёве: серые твари вырвались из леса. Одни скакали, хватаясь за ветви, другие бежали по земле. Свинцовый вал из панцирей и клешнёй надвигался со скоростью пятидесяти-шестидесяти миль в час. На сей раз чудовищ было так много, что супруга Хармана с трудом различала отдельных особей во вздымающейся и опадающей массе. Женщина обернулась через плечо: безголовые твари стремительно

сжимали кольцо со всех сторон сразу.

Никто не воскликнул: «Огонь!» Пальба началась сама собой. Ада лишь свирепо и жутко ухмылялась, прижимая к плечу винтовку и поливая противника отрывистыми тяжёлыми очередями. Затем отбросила пустую обойму и вставила новую.

Дротики свистели в воздухе тысячами, сверкая хрустальными гранями в первых рассветных лучах, но даже меткие попадания не меняли дела. Такое множество войниксов бежало, прыгало, скакало, мчалось, что невозможно было даже разглядеть падающих мертвецов и раненых. Серебристо-сизая волна смерти в два счёта покрыла половину расстояния от леса; ещё пара-тройка мгновений, и она была бы у частокола.

Кажется, Даэман первым бросился к бревенчатой стене — впрочем, его кузина за это не поручилась бы, поскольку стремление охватило колонистов почти что разом, — схватил оружие, с воплем перемахнул через парапет, упал, прокатился по земле и ринулся прямо на войниксов.

Ада смеялась и плакала. Внезапно для каждого сделалось очень важно, важнее всего на свете, умереть, атакуя безмозглого, злобного, издревле запрограммированного врага, нежели отси-

живаться за деревянным забором в ожидании позорной кончины.

Супруга Хармана тоже прыгнула, невольно соблюдая глупую осторожность (как-никак пятый месяц беременности), перекатилась на живот, вскочила на ноги и кинулась вслед за кузеном, яростно стреляя на ходу. Где-то рядом послышались знакомые голоса. Женщина покосилась влево: Эдида и Ханна бежали чуть поодаль, замирали, чтобы выпустить громкую очередь, и устремлялись дальше.

Теперь уже Ада видела капюшоны-горбы над серыми панцирями. Твари одним прыжком покрывали двадцать, а то и двадцать пять футов, выставив перед собой убийственные лезвия. Хозяйка сожжённого особняка палила из винтовки, не останавливаясь, не слыша собственных воплей, не сознавая даже, какие слова кричит. На самый краткий миг она вызвала в памяти лицо своего мужа и направила в его сторону мысленное послание: «Мне жаль, милый. Прости за малыша». А потом сосредоточилась только на беге и выстрелах. И вот уже серый прибой почти обрушился на «старомодных» людей…

Сильные взрывы отшвырнули Аду на десять футов назад, сожгли ей брови.

Вокруг валялись оглушённые люди, не в силах подняться или подать голос. Кто-то гасил на себе загоревшуюся одежду. Многие потеряли сознание.

Ардисский лагерь окружала стена из огня, взвившегося в воздух на пятьдесят, восемьдесят или даже сто футов.

Тут нахлынула вторая волна войниксов. Серебристо-серые фигуры на бегу скакали сквозь пламя, но их настигали новые взрывы. Будущая мать с изумлением смотрела, как разлетаются панцири, горбы и металлические конечности.

Даэман рывком поднял её на ноги. Лицо мужчины покрывали волдыри от ожогов, он тяжело дышал.

— Ада… нам… нужно… обратно… туда…

Она вырвала руку и уставилась на небо. Над Ардисом кружило пять летающих машин, и ни одна из них не смахивала на соньер. Четыре маленьких устройства с крыльями как у летучих мышей забрасывали войниксов канистрами, а ещё одно, гораздо крупнее первых, опускалось посередине лагеря, частокол которого большей частью повалился от бесчисленных взрывов.

Неожиданно из посудин поменьше вывалились длинные тросы, а по ним со свистом съехали

чёрные гуманоиды. Молниеносно коснувшись земли, они разбежались и встали по периметру, образовав оцепление. Нет, это были не люди в невиданных боевых доспехах. Когда один из них пронёсся мимо Ады, она успела рассмотреть нечеловечески высокую фигуру, странно сочленённые конечности, шипы и колючки по всему телу, хитиновые доспехи эбенового цвета.

Из огня появились новые войниксы.

Каждый из чёрных пришельцев опустился на колено и поднял оружие, которое точно было бы не по плечу «старомодному» землянину. Внезапно все ружья затрещали: *«чуга-чинк-гуга-чуга-гинк»*, будто металлорежущий станок на цепном приводе, и на врагов обрушился шквал из чистой энергии. Там, куда попадали синие лучи, немедленно вспыхивала серая тварь.

Меж тем Даэман тянул кузину за собой обратно в лагерь.

— Что? — кричала она сквозь грохот. — Что?

Мужчина мотал головой: то ли не слышал, то ли не понимал вопроса.

Очередная серия взрывов опять повалила отступающих колонистов наземь. В этот раз огненные грибы выросли в стылом утреннем воздухе на целых двести, а где и на триста футов.

К западу и востоку от Ардиса полыхали деревья.

Войниксы продолжали скакать через костры. Покрытые хитином воины отстреливали чудовищ десятками, даже сотнями.

Перед супругой Харман возникла высокая чёрная фигура и протянула длинную шипастую руку с ладонью, похожей на клешню.

— Ада Ухр? — осведомился чужак низким, спокойным голосом. — Я — центурион-лидер Меп Эхуу. Вы нужны вашему мужу. Мы проводим вас в лагерь.

Огромное летучее судно приземлилось у самой Ямы, разметав останки бревенчатой стены. Теперь оно стояло на высоких, сложно сочленённых опорах, открыв двери на фюзеляже.

Харман лежал на земле, на носилках, вокруг хлопотали несколько странного вида существ. Не обращая на них никакого внимания, Ада кинулась к мужу.

Голова её возлюбленного покоилась на подушке, а тело было завёрнуто в одеяло, и всё же будущей матери пришлось закусить себе руку, чтобы не закричать при виде осунувшегося лица, впалых щёк и беззубых дёсен. Из глаз мужчины сочилась кровь. Губы совсем растрескались, их словно кто-то изгрыз. Над одеялом просматри-

вались обнажённые предплечья, всё в тёмных кровоподтёках; кожа расслоилась и отходила клочьями, как после ужаснейшего солнечного ожога.

Рядом с Адой столпились Даэман, Ханна, Греоджи и прочие. Она взяла мужа за руку и ощутила ответ на своё слабое пожатие. Умирающий на носилках постарался сфокусировать на ней замутнённый катарактой взор, попытался что-то сказать, но лишь закашлялся кровью.

Маленький гуманоид, закованный в красно-чёрный металл или пластик, произнёс:

— Вы — Ада?

— Да, — сказала она, не поворачивая головы и не отводя глаз от Хармана.

— Он успел назвать ваше имя и координаты этого места. Сожалею, что мы не нашли его раньше.

— А что… — Молодая женщина запнулась. Она не знала, о чём спросить.

К костлявой руке мужчины тянулась трубка для внутривенного питания; бутылку с лекарством с великой осторожностью держало гигантское существо-машина.

— Он получил смертельную дозу радиоактивного облучения, — негромко пояснил робот ростом с ребёнка. — Скорее всего это случилось

на субмарине, на которую Харман наткнулся в Атлантической Бреши.

«Субмарина?» — мелькнуло в голове Ады. Это название ни о чём ей не говорило.

— Очень жаль, — повторил человечек-машина, — моравеки не располагают средствами для помощи людям в таком состоянии. Увидев, какие у вас проблемы, мы тут же вызвали боевых шершней с «Королевы Мэб»; они доставили обезболивающее, несколько внутривенных капельниц, но вред от самой радиации нам не вылечить.

Будущая мать ни слова не поняла из речи маленького робота. Она сжимала обеими руками ладонь супруга и чувствовала, как тот умирает.

Харман закашлялся, очевидно, силясь что-то проговорить, и потянул руку к себе. Ада вцепилась в неё, но мужчина не уступал, продолжал тянуть…

Должно быть, её пожатие причиняло любимому боль. Женщина ослабила хватку.

— Прости, дорогой.

Позади, уже дальше прежнего, прогремели новые взрывы. Небесные кораблики с крыльями как у летучих мышей обстреливали окрестные леса, беспрерывно треща, будто гремели цепями.

Высокие хитиновые воины суетились по всему лагерю. Некоторые оказывали первую помощь пострадавшим, в основном от лёгких ожогов.

Свободная ладонь Хармана потянулась к лицу Ады.

Та попыталась было поймать худые пальцы, но муж отмахнулся левой рукой. Супруга послушно замерла, позволив ему коснуться своей шеи, скользнуть по щеке… Но вот умирающий накрыл её лоб ладонью и со всей силы впился в него пальцами.

Женщина не успела даже подумать о том, чтобы отшатнуться, и тут началось.

По сравнению с *этим* даже взрыв, только что швырнувший Аду на десять футов по воздуху, показался ей пустяком.

Сперва в голове прозвучал отчётливый голос Хармана: «Всё в порядке, дорогая моя, любимая. Расслабься. Всё хорошо. Я должен поделиться с тобой своим даром, пока ещё могу».

А потом целый мир вокруг перестал существовать, осталась лишь милая исхудавшая ладонь с окровавленными пальцами, через которую в её разум хлынули слова, воспоминания, образы, снимки, сведения, другие воспоминания, функции, ссылки, книги, целые многотомники, снова

книги, ещё воспоминания, его горячая любовь к жене, забота о ней и будущем ребёнке, опять любовь, и новая информация, голоса, имена, цифры, данные, мысли, факты, идеи…

— Ада? Ада!

Том слегка похлопал женщину по щекам и, стоя над ней на коленях, плеснул воды в лицо. Ханна, кузен и прочие ждали неподалёку. Харман уже опустил свою руку. Маленький человечек из металла и пластика хлопотал над ним, но, судя по виду, любимый супруг был уже мёртв.

Хозяйка разорённого имения поднялась на ноги.

— Даэман, Ханна! Идите сюда. Наклонитесь, ближе…

— Что случилось? — спросила подруга.

Ада тряхнула головой. Некогда объяснять, нужно действовать.

— Верьте мне, — только и сказала она.

Потом, вытянув руки, прижала левую ладонь ко лбу кузена, а правую ко лбу Ханны, и активировала функцию обмена. Всё заняло не более тридцати секунд — как и в первый раз, когда Харман передал жене новые функции заодно с основными сведениями, которые отобрал и подготовил для пересылки во время многочасового

странствия по дну Атлантической Бреши, — но каждый миг показался ей вечностью. Если бы Ада могла обойтись без поддержки, то не стала бы тратить бесценное время, хотя бы от этого и зависело будущее человеческого рода, однако она не могла исполнить задуманное в одиночку. Кто-то же должен был поделиться полученной информацией с остальными колонистами, а ещё кто-нибудь — помочь ей спасти Хармана или по крайней мере попытаться спасти.

Обмен завершился.

Все трое участников, закрыв глаза, рухнули на колени.

— Что такое? — спросила Сирис.

Кто-то бежал к лагерю, громко крича; оказалось, один из добровольцев, дежуривших в павильоне в полутора милях от ардисских развалин. Узел наконец-то заработал! Как раз в ту минуту, когда войниксы показались из леса.

Впрочем, Аде было не до факс-павильонов. Да и куда людям скрыться? Земляне повсюду либо защищались, либо уже отступили. Не осталось такого места, где её возлюбленный был бы спасён.

Механическое существо, похожее на гигантского металлического краба, прогромыхало по-английски:

— На орбите наверняка есть целебные баки. Но единственное место, о котором нам известно точно, находилось на астероиде Сикораксы, а он только что на полной скорости миновал земную Луну. Жаль, мы не знаем других…

— Это не важно, — перебила женщина, вновь опускаясь на колени рядом с мужем и прикасаясь к его руке.

Никакой реакции. Правда, биомониторы, к помощи которых обратилась хозяйка сожжённого особняка, обнаружили в теле тусклые искры угасающей жизни. Ада с остервенением перебирала в уме тысячи возможностей свободного факса и мест, куда могла бы перенестись.

Склады «постов» на дне великого Бассейна? Там есть и лекарства от радиации… Но ведь они законсервированы. Кроме того, функция всеобщей сети сообщала об исчезновении Дланей Геркулеса и постепенном заполнении Средиземноморья. До складов не добраться иначе, нежели на машине… на подводной лодке. Слишком долго. Другие ангары располагались в китайских степях, неподалёку от Суходола в Антарктике… Но дорога отнимет чересчур много времени, а медицинские процедуры будут настолько сложны и затянуты… Харману просто не дожить…

Ада схватила остолбеневшего кузена за руку и подтащила к себе.

— Сколько новых функций… — начал он.

Женщина тряхнула его как следует.

— Повтори, что сказала Мойра?

— А?

Мутные глаза мужчины застило полное непонимание.

— Даэман, повтори ещё раз, что сказал тебе призрак в тот день, когда мы голосовали, отдавать ли Никому соньер. Что-то насчёт: «Помни…» А дальше?

— М-м-м… Она сказала: «Запомни, что в Ничьей гробнице Никого больше нет». Но как это…

— Правильно! — воскликнула вдруг супруга Хармана. — Только во второй раз «Никто» — это не имя. Вот как правильно, с маленькой буквы: «В Ничьей гробнице никого больше нет». Ханна, ты ждала, пока Одиссей исцелится в том саркофаге у Золотых Ворот Мачу-Пикчу. Ты бывала на Мосту намного чаще всех нас. Отправишься туда со мной? Попробуем?

Её подруга соображала ровно секунду, о чём идёт речь.

— Да.

— Даэман, — сказала Ада, спеша опередить

не только Время, но и саму Смерть, чьи тёмные костлявые пальцы уже крепко вцепились в любимого, — ты займёшься обменом. Поделишься тем, что получил, со всеми нашими. Начинай.

— Хорошо, — бросил тот и заторопился прочь, созывая к себе остальных.

Боевые роквеки — бывшая хозяйка особняка уже различала их по внешнему виду, если не по именам, — по-прежнему стояли по периметру, достреливая последних войниксов. Ни одна из тварей так и не прорвалась.

— Ханна, — вновь обратилась будущая мать, — нам потребуются носилки, но вдруг их нельзя перенести по факсу? На всякий случай накинь-ка на плечо одеяло. Если что, пригодится.

— Эй! — закричал маленький моравек, когда брюнетка грубо стащила покров с умирающего пациента. — Ему без этого нельзя! У него озноб…

Ада дотронулась до руки европейца — и ощутила нечто человеческое даже сквозь металл и пластик.

— Ничего, — наконец произнесла она после того, как извлекла его имя из его же кибернетической памяти. — Всё в порядке, друг Манмут. Мы знаем… да, впервые за долгое время мы знаем, что делаем. — И жестом велела всем отойти.

Ханна опустилась на колени у носилок, положив одну руку на холодный металл, а другую — на плечо умирающего. её подруга сделала то же самое со своей стороны.

— Похоже, нам нужно только вообразить главную комнату, где мы встретили Одиссея, и координаты всплывут сами, — промолвила Ада. — Важно, что мы обе там были.

Брюнетка кивнула.

— На счёт три? — сказала будущая мать.

— Да.

— Раз, два… три.

Женщины, носилки и Харман исчезли из виду.

Со стороны казалось, что умирающий ничего не весит, однако подруги выбились из последних сил, пока несли его из главного музея Золотых Ворот Мачу-Пикчу. Несколькими пролётами ниже располагался зелёный пузырь с временным саркофагом Сейви. Ещё одна витая лестница, и вот он — гроб Одиссея-Никого. Ада приложила руку к измождённой груди любимого, ощутила след минувшего тепла, как от тлеющих углей, однако время было дорого.

— Давай опять… по счёту три, — выдохнула она.

Спутница кивнула.

— Раз, два… три.

Женщины осторожно подняли обнажённого больного с носилок и опустили тело в Ничью гробницу. Ханна подтянула и захлопнула крышку.

— А как ты… — в ужасе начала подруга.

С помощью новых функций она могла бы расспросить эти умные машины, хотя и это стоило бы ей драгоценных минут.

— Сейчас, — отозвалась брюнетка, перебирая пальцами по светящимся виртуальным кнопкам. — Никто показывал мне, когда оправился.

Послышался тихий вздох, затем гудение. Сквозь невидимые отверстия внутрь потекли струйки тумана, и вскоре тело Хармана скрылось от глаз. На стеклянной крышке образовались кристаллики льда. Вспыхнуло несколько новых лампочек. Одна из них горела красным.

— О! — жалобно вырвалось у Ханны.

— Нет, — спокойным, но твёрдым голосом отрезала её подруга. — Нет. Нет. *Нет*.

И положила руку на пластиковую панель управления гробницы, точно желала уговорить машину.

Огонёк мигнул, пожелтел и вновь затеплился красным.

— Нет, — жёстко повторила Ада.

Лампочка вновь замерцала, потухла, вспыхнула янтарём… и замерла.

Подруги на мгновение сцепили пальцы над крышкой. Будущая мать поспешила вернуть ладонь на пластиковый блок ИскИна.

Жёлтый огонёк не менял цвета.

Несколько часов спустя, когда предвечерние облака, набежав, заволокли вначале руины Мачу-Пикчу, а затем и полотно подвесного моста шестьюстами футами ниже, Ада произнесла:

— Возвращайся в Ардис, Ханна. Поешь, отдохни.

Та покачала головой.

Супруга Хармана улыбнулась.

— Ну, тогда сходи хотя бы в столовую, добудь нам фруктов или ещё чего-нибудь. И попить.

Янтарная лампочка светилась весь вечер. Сразу после захода солнца, когда зелёные долины Анд утопали в алых, особым образом преломлённых лучах заката, как бывает только в горах, на Мачу-Пикчу заглянули Даэман, Том и Сирис, но ненадолго.

— Мы уже охватили тридцать общин, — сообщил сын Марины.

Бывшая хозяйка особняка кивнула, не отрывая взгляда от заветного огонька. Друзья свободно

факсовали обратно в Ардис, пообещав вернуться на рассвете. Ханна завернулась в одеяло и заснула прямо на полу возле гроба.

Ада оставалась на месте всю ночь. Иногда она садилась, иногда становилась на колени, но продолжала держать ладонь на панели управления, посылала по микросхемам, что разделяли её с любимым, горячие молитвы, твердила ему о своём присутствии, впившись глазами в жёлтую лампочку на мониторе.

Около трёх утра по местному времени лампочка поменяла свой цвет на зелёный.

Часть 4
88

Неделя после Падения Илиона

хиллес и Пентесилея показались на пустынной гряде, разделявшей долины Скамандра и Симоиса. Как и обещал Гефест, на хребте ждали два скакуна: могучий вороной для ахейца и белая, низкорослая, но ещё более мускулистая кобыла белой масти для амазонки. Всадники решили проехаться и посмотреть, что же осталось.

Смотреть было особенно не на что.

— Как это мог исчезнуть целый город? — спросила Пентесилея своим обычным капризным тоном.

— Все города исчезают, — обронил Ахиллес. — Такова их судьба.

Спутница фыркнула. Герой мысленно подметил сходство между нравами этой блондинки — и её белой кобылы.

— Но ведь не за один *день* … или *час*.

Последние слова прозвучали как жалоба, как обвинение. После чудесного воскрешения амазонки в баках Целителя миновало всего два дня,

а быстроногий уже начинал свыкаться с её беспрестанным нытьём.

Примерно с полчаса кони сами носили всадников, избирая путь среди каменных россыпей, протянувшихся на две мили вдоль горного хребта, где некогда высилась могущественная Троя. Божественная магия, забравшая город, захватила его вместе с почвой глубиною на целый фут ниже самых ранних фундаментов. Не уцелело ни единого отёсанного камня, ни брошенной пики, ни смердящего трупа.

— Воистину Зевсу подвластно всё, — изрекла женщина.

Мужеубийца вздохнул и покачал головой.

День выдался тёплый, погожий — должно быть, в преддверии весны.

— Я уже объяснял тебе, амазонка: Громовержец тут ни при чём. Его я прикончил своей рукой. Всё, что ты видишь, свершил Гефест.

Пентесилея прыснула.

— Никогда не поверю, что сей увечный дрочила с вонючим дыханием на такое способен. По-моему, он даже не настоящий бог.

— Но Гефест это сделал, — возразил Ахиллес. А про себя прибавил: «С помощью Ночи, конечно».

— Сказать можно всё что угодно, Пелид.

— Я уже говорил, не называй меня так. Я больше не сын Пелея, а отпрыск Зевса. Что, впрочем, не служит ни к моей, ни к его чести.

— Сказать можно всё, — повторила спутница. — Так ты стал ещё и отцеубийцей, если не врёшь?

— Ну да, — подтвердил ахеец. — И я никогда не вру.

Блондинка с белой кобылой фыркнули в унисон.

Быстроногий пнул пятками своего вороного и первым спустился по склону на изрытую колеями южную дорогу, ведущую от великих Скейских ворот (они тоже пропали, хотя исполинский дуб, росший там со дня основания города, остался на том же месте) прямо в долину Скамандра, что пролегла между Троей и берегом.

— А если твой жалкий Гефест отныне правит бессмертными, — визгливый голос Пентесилеи действовал на нервы, будто скрип ногтей по гладкой сланцевой плите, — то почему же он боялся высунуть нос из своей пещеры всё время, пока мы пробыли на Олимпе?

— Я уже говорил. Кузнец ожидает развязки битвы между титанами и богами.

— Будь он преемником Зевса — какого Аида

не вызовет громы с молниями и сам не положит конец войне?

Ахилл ничего не ответил. Он обнаружил: иногда, если долго молчать, амазонка сама затыкается. Земля в долине Скамандра, одиннадцать лет служившая полем сечи, казалась нетронутой волшебством: на ней до сих пор темнели бесчисленные следы копыт, отпечатки сандалий, следы колёс, а на камнях застыла кровь, но люди, кони, колесницы, оружие, мертвецы и прочие артефакты начисто испарились, как и предсказывал Гефест. Пропали даже шатры ахейцев и чёрные остовы сожжённых кораблей.

Несколько минут скакуны отдыхали на берегу, а всадники молча смотрели, как тёплые волны Эгейского моря лениво накатывают на пустой песок. Ахеец никогда не признался бы своей «волчице»-спутнице, но у него щемило сердце при мысли о вечной разлуке с товарищами по оружию — с хитроумным Одиссеем, горластым Большим Аяксом, улыбчивым лучником Тевкром, верными мирмидонцами, даже с глупым рыжеволосым Менелаем и его злокозненным братом Агамемноном, *немезисом* Ахиллеса. Странно, подумал герой: даже заклятого врага начинает недоставать, когда вы насовсем расстаётесь.

Тут он припомнил Гектора и рассказы Гефеста об «Илиаде», то есть о собственном будущем, — и досада подняла в нём волну желчи. Мужчина повернул коня на юг и отхлебнул из меха, притороченного к седлу.

— И ещё вряд ли я когда-нибудь поверю, что ущербный бородач вообще имел право заключить наш брак, — проворчала за спиной Пентесилея. — Всё это хрень собачья.

— Он царь над всеми богами, — устало промолвил Ахилл. — Кто же более достоин освятить наши узы?

— Пусть освятит мою задницу, — буркнула амазонка. — Мы что, уезжаем? Зачем это нам на юго-восток? С какой стати? Чего там хорошего? К чему покидать поле битвы?

Ахеец молча правил конём четверть часа, потом остановился и произнёс:

— Видишь реку, женщина?

— Конечно, вижу. Думаешь, я слепая? Это всего только вшивый Скамандр: пить — грязно, плавать — мелко. Брат Симоиса, они сливают свои быстрокатные воды в нескольких милях вверх по течению.

— Здесь, у этой реки, которую мы нарекли Скамандром, а боги — священным Ксантом, — начал

герой, — здесь, если верить Гефесту, который пересказывал моего будущего биографа Гомера, могла состояться моя величайшая *aristeia* — битва, что обессмертила бы имя Ахилла ещё до того, как от моей руки падёт сам Гектор. На этом берегу, женщина, я шутя одолел бы всю троянскую армию и даже, представь себе, взбудораженную богом реку — и закричал к небесам: «Смерть вам, троянцы, смерть! Прямо везде сквозь ряды я пройду к Илиону!» Здесь, женщина, я молниеносно прикончил бы Ферсилоха, Мидона, сверг Астипила и Мнесса, сверг Фразия, Эния и Офелеста. Тогда пеонийцы ринулись бы на меня с тыла, но я бы и с ними со всеми расправился. А на том берегу, со стороны Трои, я бы убил обоеручного копьеборца Астеропея: мой пелийский ясень против его двух дротов. Поначалу мы оба промахнулись, но я налетел и мечом у надменного душу исторгнул: чрево близ пупа ему разрубил, как раз когда враг напрягался рукою дебелой вырвать из берега мой медножальный дрот, чая согнуть и сломить Эакидов убийственный ясень…

Мужеубийца запнулся. Пока он разглагольствовал, Пентесилея спешилась и отошла за кустик. При звуке журчащей струи Ахиллеса вдруг потянуло прикончить амазонку собствен-

ными руками, а тело бросить падальщикам, рассевшимся по кустам у реки. Не оставлять же хищных птиц без обеда, ведь вся мертвечина разом пропала.

Да, но герой уже знал, что не сумеет причинить амазонке боль. Любовное заклинание Афродиты по-прежнему работало. Страсть к этой стерве сворачивала внутренности и вызывала дурноту не хуже острого медножального дротика, пронзившего живот. «Твоя единственная надежда — на то, что феромоны со временем рассосутся», — прошлой ночью в пещере сболтнул Гефест, когда победители, воздевая кубки, чествовали друг друга и всех, кого только знали, достигнув той степени взаимного доверия, какая бывает лишь между пьяными или братьями.

Дождавшись, пока спутница заберётся в седло, мужчина снова поехал первым через поток. Вороной и белая кобыла ступали с большой осторожностью. В самых глубоких местах вода плескалась у их коленей. Быстроногий свернул на юг.

— Куда это мы? — осведомилась Пентесилея. — Чем тебе здесь не нравится? Что ты затеял? У меня есть право голоса, или великий и могучий Ахилл будет определять каждый шаг? Не надейся, что

я вслепую последую за тобой, сын Пелея. Может статься, и вообще не последую.

— Мы ищем Патрокла, — проговорил ахеец, не поворачиваясь в седле.

— Что?

— Мы ищем Патрокла.

— Твоего дружка? Этого голубого придурка? Так он же помер. Афродита его порешила. Ты уверял, будто сам это видел. Потому и развязал войну с богами.

— А Гефест говорит, что жив, — возразил Ахилл, сжимая рукоять меча до белых костяшек. — Он сказал, что не заключил Патрокла в синий луч, когда собирал остальных землян, и не отсылал его навеки вместе с Илионом. Патрокл не умер, он где-то там, за морем, и мы его найдём. Вот задача и приключение моей жизни.

— Ах да, «Гефест говорит»… — съязвила амазонка. — Ну, если *сам Гефест*, сомневаться не в чем, верно? Увечный коротышка никогда тебе не соврёт, возможно ли?

Герой не ответил. Он ехал по старой южной дороге вдоль берега, изрытой за много столетий копытами тучных троянских — а в последние годы ещё и союзных — коней, чьих всадников Ахиллес убивал десятками.

— Значит, твой Патрокл «где-то там, за морем», — насмешливо повторила спутница. — Клянусь Аидом, и как же ты собираешься переправить нас на другой берег, Пелид? И кстати, за каким именно морем?

— Отыщем чей-нибудь корабль, — не оборачиваясь, проронил Ахиллес. — Или сами построим.

Позади кто-то фыркнул — не то амазонка, не то её лошадь. Очевидно, Пентесилея перестала следовать за ним (теперь по камням разносился топот лишь одного коня), зато возвысила голос, дабы мужчина лучше слышал:

— Ещё чего не хватало! Так мы теперь чёртовы кораблестроители? Да ты хоть представляешь себе, как это делается, о быстроногий мужеубийца? Сильно сомневаюсь. Быстро перебирать ногами да убивать мужей (и амазонок, дважды превосходящих тебя в бою) — это по твоей части. Но чтобы строить? Руку даю на отсечение, ты ничего не создал за всю свою никчёмную жизнь… Ну что, права я? Права? Эти грубые мозоли — от увесистых копий и винных кубков, а не… Эй, сын Пелея! Ты вообще-то меня слушаешь?

Ахеец отъехал на полсотни футов. И даже не оборачивался. Крупная кобыла белой масти продолжала стоять на месте, однако в замеша-

тельстве рыла копытом землю: ей не терпелось догнать вороного.

— Ахилл, чтоб тебе! Не надейся, будто я помчусь следом! Ты ведь понятия не имеешь, куда тебя несёт! А? Признайся!

Мужчина продолжал править конём, не сводя взора с мглистой линии холмов на горизонте у моря, далеко-далеко на юге. У него начиналась дикая головная боль.

— Как же, сейчас, разбежалась… Чтоб тебе провалиться!

Отпрыск Зевса даже не повернул головы, отъехав уже на сотню ярдов и продолжая медленно удаляться вместе с конём.

Один из воронов, сидевших на чахлом дереве у священного Ксанта, громко захлопав крыльями, поднялся в небо и сделал круг над опустевшим полем битвы. Острые птичьи глаза не заметили никакой пищи: пропали даже потухшие угли трупных костров, среди которых всегда можно было найти что-нибудь съедобное.

Хищник полетел к югу и принялся кружить над единственными живыми тварями, которых сумел высмотреть прозорливым взглядом, — над парой скакунов и всадников.

Далеко внизу белая лошадь и человек на ней

оставались недвижны, а вороной с наездником на спине цокал копытами дальше. Падальщик наблюдал, не обращая внимания на резкие, неприятные звуки, издаваемые отставшим существом. Наконец кобыла белой масти тронулась с места и галопом пустилась вдогонку.

Вскоре всадники уже скакали бок о бок (при этом конь держался чуть впереди) вдоль по изогнутому берегу Эгейского моря, и ворон без усилий, нежа крылья на восходящих потоках тёплого послеполуденного воздуха, с надеждой полетел за ними следом.

89

Девять дней после Падения Илиона

Генерал Бех бин Адее лично руководил атакой в Парижском Кратере, используя шлюпку в качестве командного центра, в то время как более трёх сотен лучших воинов Пояса астероидов спускались из шести шершней при помощи тросов и реактивных сопел навстречу городу в сотах из голубого льда.

Генерал не одобрял этой затеи, предлагал не вставать ни на чью сторону, однако первичные интеграторы вынесли иное решение. Теперь

военачальнику поручили найти и уничтожить существо, носящее имя Сетебос. Бех бин Адее, опять же, советовал прямо с орбиты сбросить ядерную бомбу на купол из голубого льда над Парижским Кратером, объясняя, что это единственный надёжный способ, но и этот совет был отвергнут.

Милленион-лидер Меп Эхуу возглавлял группу основной атаки. Как только десять других групп спустились по тросам и оцепили купол снаружи, подтвердив готовность по линии тактической связи, он и ещё двадцать пять отборных воинов спрыгнули с шершня, зависшего на высоте трёх тысяч метров, в последний миг активировали реактивные сопла, пробили дыру в крыше голубого собора и съехали вниз по талевым тросам.

— Здесь пусто, — передал по радио Меп Эхуу. — Никакого Сетебоса.

Генерал Бех бин Адее и сам это видел, поскольку получал репортажи с нанотрансмиттеров и встроенных камер двадцати шести роквеков.

— Разделитесь и отправляйтесь на поиски, — приказал он по главной тактической линии.

Теперь данные поступали со всего периметра сразу. Голубой лёд превратился в труху: стену туннеля мог развалить удар кулака. Коридоры

уже начинали рушиться.

Отряд Мепа Эхуу, включив реактивные сопла, разделился и принялся обыскивать центральную пещеру над древним кратером. Начали сверху, с проверки укромных балконов и трещин, а вскоре солдаты уже летали над фумаролами и вторичными гнёздами помельче.

— Главное гнездо обвалилось, — доложил милленион-лидер по главному тактическому каналу. — Рухнуло в старую воронку, оставшуюся после чёрной дыры. Посылаю изображения…

— Видим, — откликнулся генерал Бех бин Адее. — Есть шансы, что Сетебос прячется в самом кратере?

— Никаких, сэр. Мы всё проверили радаром. Нет ни пещер, ни боковых отверстий. Думаю, сэр, он скрылся.

На общей линии раздался голос Чо Ли:

— Наша теория подтверждается. Помните квантовое волнение четыре дня назад? Это открывалась последняя Брана внутри ледяного собора.

— Лучше убедиться, — произнёс Бех бин Адее и передал по личному командному лучу: — *Обыскать все гнёзда*.

— *Есть*, — отозвался Меп Эхуу.

Шесть роквеков из его команды обшарили развалины главного гнезда, потом разделились и при помощи сопел взялись кружить над порушенным полом собора, заглядывая в каждую воронку.

Внезапно кто-то из команды оцепления, только что проникшей под купол, воскликнул:

— Сэр, тут какая-то надпись!

Милленион-лидер и полдюжины воинов устремились к южной террасе, расположенной высоко над полом. У входа в самый крупный из синих туннелей прямо на льду не то ногтями, не то когтями было нацарапано: *«Помыслил, Тихий скоро будет здесь. Чутьё твердит Ему: мол, Тихий создал всё, что Сетебос терзает; правда, сам Он не согласен. А кто творенья наделил бессильем, способностью страдать? Но вот помыслил: Сетебос убегает — отчего? Неужто Слабость может запугать иль растревожить Силу? Да, помыслил: в конце концов, един ли Он иль нет? А Тихий скоро будет здесь»*.

— Калибан, — подал голос первичный интегратор Астиг-Че с «Королевы Мэб», занявшей новую геосинхронную орбиту.

— Сэр, все коридоры обысканы и объявлены пустыми, — доложил милленион-лидер по общему

тактическому каналу.

— Отлично, — промолвил генерал Бех бин Адее. — Готовьте термитные заряды, мы растопим эту ледяную глыбу вплоть до руин Парижского Кратера. Осторожно, не повредите первоначальные постройки. Мы их обыщем позже.

— *Взгляните-ка*, — сказал Меп Эхуу по узкому тактическому лучу.

На мониторах шлюпки появились изображения: нагрудные фонари роквека освещали развалины маленького гнезда. Все яйца полопались либо взорвались вовнутрь, кроме одного. Милленион-лидер спустился по воздуху, присел на корточки, поднял белёсый шар ладонями в чёрных перчатках и прижался к нему головой, точно прислушиваясь.

— *Кажется, ещё живое*, — доложил Меп Эхуу. — *Какие будут приказы, сэр?*

— *Ждите!* — рявкнул Бех бин Адее и связался по личному лучу с «Королевой Мэб»: — *Какие будут приказы?*

— Ждите, — ответил за первичных интеграторов дежурный по мостику.

Наконец на связь вышел Астиг-Че.

— Ваши предложения, генерал?

— Сожжём его. И всё вокруг сожжём… дважды.

— Благодарю, генерал. Нам нужно подумать.

Последовала тишина, нарушаемая лишь треском помех. Бех бин Адее слышал, как дышат во встроенные микрофоны триста десять воинов.

— Мы предпочли бы забрать яйцо, — сказал наконец Астиг-Че. — Используем один из наших стаз-кубов, если это возможно. Шершень номер девять поднимет его наверх. Пусть шершнем управляет милленион-лидер Меп Эхуу. Устроим на «Королеве Мэб» карантинную лабораторию, ведь на борту больше нет ни оружия, ни ядерного топлива. А наблюдать за опытами будут невидимые корабли.

Несколько мгновений генерал безмолвствовал, затем произнёс:

— Отлично.

После чего по личной связи передал приказание Мепу Эхуу. Команда уже держала стаз-куб наготове.

— *Сэр, вы уверены?* — спросил милленион-лидер. — *Ада и прочие колонисты Ардиса рассказывали, на что был способен детёныш. Даже невылупившийся, он уже обладал какой-то силой. Сомневаюсь, что Сетебос нечаянно оставил целое, живое яйцо.*

— *Исполняйте приказ,* — ответил ему Бех бин

Адее по общей тактической связи. А потом включил личную связь и прибавил: — *Удачи тебе, сынок*.

90

Полгода после Падения Илиона, Девятое ава

Даэман отвечал за вылазку в Иерусалим. Всё было тщательно спланировано.

Сотня «старомодных», наделённых всеми известными функциями людей в одно и то же время свободно факсовала в город за три минуты до того, как четыре шершня доставили ещё сто добровольцев из Ардиса и других уцелевших общин. Моравеки предлагали свои услуги, но сын Марины ещё год назад поклялся освободить людей, превращённых в синий луч (то есть евреев — приятелей и родственников Сейви), и он по-прежнему считал это обязанностью выживших представителей человечества. Впрочем, колонисты взяли взаймы боевые костюмы, ракетные ранцы, непробиваемые доспехи плюс энергетическое оружие. Особо крупные экземпляры — те, что трудно было переместить по свободному факсу, — погрузили в шершни, которыми

управляли моравеки; в этом и заключалось их личное участие.

Более трёх недель Даэман и его команда размечали и перепроверяли GPS[117] — координаты улиц, площадей и перекрёстков древнего города с точностью до дюйма, составляя карту площадок, удобных для свободного факса и приземления шершней.

Затем подождали до августа, до еврейского праздника под названием Девятое ава. Даэман с добровольцами факсовали в город через десять минут после захода солнца, когда луч особенно ярко горел.

Иерусалим представлял собой совершенно уникальное место, поскольку, если верить показаниям системы обзора и воздушной разведки «Королевы Мэб», был населён как войниксами, так и калибано. В Старом Городе, который и стал нынешней целью вылазки, серые твари наводнили улицы и здания к северу и северо-западу от Храмовой горы, что приблизительно соответствовало древним христианскому и мусульманскому кварталам, а калибано заняли районы к юго-западу от мечети Скалы и мечети

---

[117] notes: 117
Глобальная система определения координат.

Аль-Акса, некогда известные как еврейский и армянский кварталы.

Судя по снимкам (в том числе и радарным) со спутников-шпионов, в Иерусалиме кишело около двадцати тысяч врагов с той и другой стороны.

— Их только сто против одного. — Греоджи презрительно пожал плечами. — Бывало и похуже.

Люди возникли беззвучно, едва поколебав воздух. Даэман и его команда факсовали на узкую площадь перед «Котэлем»… перед Западной стеной. Блёклого света ещё хватало для зрения, но Даэман решил включить ещё и тепловидение с высокочувствительным радаром. По его оценкам, на улицах, на стенах и крышах западнее площади расхаживали, спали, стояли и толпились около пятисот калибано.

За считанные секунды командиры десяти групп доложили о своём прибытии.

— Ведём одиночный огонь, — сказал сын Марины.

Энергетическое оружие запрограммировали только на уничтожение живой материи, что несказанно обрадовало мужчину, стрелявшего и наблюдавшего, как валятся наземь или разлетаются на тысячи кусков калибано с длинными когтями. Ведь люди не собирались уничтожать

город ради его спасения.

Старый Иерусалим превратился в некий водоворот из голубых вспышек, воплей калибано, радиовыкриков и взрываемой плоти.

Команда Даэмана палила по каждой попавшейся на глаза подвижной цели, когда хронометры показали: настала пора появиться шершням. Кузен Ады активировал струйный ранец, легко взмыл до уровня Храмовой горы — в одиночку, не время толпиться в воздухе — и увидел, как примчались, сели, освободились от пассажиров и груза и вновь со свистом умчались первые два судна. Полминуты спустя прилетела вторая пара. Мужчины и женщины рассыпались по камням с тяжёлым оружием на треногах и струйных блоках. Последние шершни словно ветром сдуло.

— Храмовая гора оцеплена, — сообщил по радио сын Марины, обращаясь к вожакам остальных отрядов. — Как будете готовы, взлетайте. Только не приближайтесь к нашим линиям огня.

— Даэман? — заговорил Элиан со своей позиции над Баб-аль-Назир в древнем мусульманском квартале. — По Виа Долороза на вас надвигается масса войниксов, а с востока, по улице царя Давида, — калибано, отдельными группами.

— Спасибо, Элиан. Подпустите их ближе и раз-

делайтесь. Ру жья покрупнее можно…

Тут он оглох от тяжёлой стрельбы у себя под ногами. Люди со стен и крыш палили во всех направлениях по наступающим серым и зеленоватым фигурам. Между вертикальным лучом и вспышками голубого огня Старый Город озарился дугами света. Фильтры во встроенных линзах боевого костюма очень кстати приглушили ослепительное сияние.

— Всем командам: вести одиночный огонь. Немедленно докладывайте, если пробьётся хоть один враг, — произнёс Даэман.

Он чуть покачался, паря на мощных струях, и скользнул по воздуху на северо-восток, туда, где за мечетью Скалы высилось более современное здание, испускавшее синий луч. Занятно: сердце мужчины колотилось как ненормальное. Приходилось держать себя в руках, чтобы не задохнуться от возбуждения. Только за последние два месяца колонисты полтысячи раз отрабатывали предстоящую операцию, свободно факсуя в макет Иерусалима, возведённый не без помощи моравеков неподалёку от Ардиса. Однако ничто не могло подготовить к битве такого размаха, с таким оружием, в этом городе всех городов.

Ханна с отрядом в десять человек ожидали

Даэмана у запечатанной двери в заветное здание луча. Опустившись на землю, сын Марины кивком головы поздоровался с Ламаном, Каманом, Греоджи, собравшимися в тусклых вечерних сумерках, и сказал:

— Приступим.

Ламан, ловко орудуя неповреждённой левой рукой, установил пластиковую взрывчатку, и все двенадцать человек отошли за угол металлической постройки, покуда взрыв не снёс тяжёлую дверь целиком.

Внутри оказалось не просторнее, чем в крохотной Ардисской спальне Даэмана. Приборы управления — хвала любому Богу, кем бы Он ни был, — почти отвечали догадкам людей, получивших знания Хрустального чертога Таджа Мойры.

Основную работу проделала Ханна: её проворные пальцы так и летали над виртуальными клавишами, всякий раз по запросу примитивного ИскИна набирая нужный семизначный код.

Внезапно раздался низкий, большей частью инфразвуковой гул, от которого у колонистов заплясали зубы и захрустели кости. На всех дисплеях ИскИна загорелись и погасли зелёные сигнальные лампочки.

— Все наружу, — приказал сын Марины.

Сам он последним покинул преддверие здания, и как раз вовремя, ибо в ту же секунду целый блок постройки дважды сложился внутрь и пропал, обернувшись чёрным квадратом.

Даэман, Ханна и остальные успели попятиться на камни Храмовой горы и теперь наблюдали, как синий луч пал с небес. Гул нарастал, так что кузен Ады от боли зажмурился и сжал кулаки. Уже угасая, инфразвуковые волны напоследок как следует сотрясли всем кости, зубы и внутренности. Но вот шум затих.

Мужчина откинул капюшон, не снимая наушников и микрофона, и приказал Ханне:

— Здесь — защитное оцепление. Едва покажется первый, вызываем шершни.

Она кивнула и вместе с другими встала спиной к Храмовой горе с оружием наперевес.

Кто-то из колонистов — наверное, Ада, — пошутил во время подготовки к операции: дескать, правила вежливости требуют, чтобы встречающие запомнили имена и лица будущих гостей. Все тогда рассмеялись, но Даэман понимал, что, с технической точки зрения, такое вполне возможно, ведь Харман усвоил большую часть этих данных, пока находился в Хрустальном чертоге.

С той поры миновало пять месяцев. За это вре-

мя сын Марины и впрямь обращался к своим архивам лиц и имён. Каждого из девяти тысяч ста тринадцати человек он, конечно же, не запомнил, поскольку был, как и его товарищи, слишком занят, однако не удивился, когда узнал первых мужчину и женщину, которые вышли из чёрного квадрата двери в собирателе нейтринотахионного луча.

— Петра, Пинхас, — обратился к ним Даэман, — с возвращением.

Он успел подхватить их, прежде чем оба чуть не рухнули наземь. Каждый, кто появлялся из чёрной двери, дико озирался, явно плохо соображая, что же происходит.

Темноволосая Петра — подруга Сейви, как уже знал предводитель операции, — растерянно посмотрела вокруг и проговорила:

— Как долго?

— Слишком долго, — ответил кузен Ады. — Сюда, пожалуйста. Вон к тому кораблю.

В это время как раз опустился первый шершень с тридцатью «старомодными» на борту: они должны были провожать новоприбывших на борт и помогать им по пути. На глазах Даэмана Стеф отвёл Петру и Пинхаса по древним камням к трапу судна.

Сын Марины приветствовал всех, кто спускался по пандусу здания луча. Многих он узнавал. Третьим вышел мужчина по имени Граф, его сопровождала та, которую тоже звали Ханной, затем появились старый друг Сейви Стивен, Абе, Киле, Сара, Калеб, Уильям… Даэман каждого называл по имени, каждому помогал сойти со ступенек навстречу остальным и шершню.

Калибано и войниксы продолжали атаковать. Люди продолжали убивать их. Во время «репетиций» требовалось более сорока пяти минут, чтобы посадить девять тысяч сто тринадцать человек на боевые шершни — это в лучшем случае, уделяя буквально секунды на отлёт одного судна и прилёт другого, — но сегодня вечером, под угрозой вражеского нападения, колонисты уложились в тридцать три минуты.

— Порядок, — сказал Даэман сразу по всем каналам. — Всем покинуть Храмовую гору.

Отряды тяжёлой артиллерии погрузили оружие на последние два шершня, зависшие у восточного края горы, и те улетели вслед за дюжинами других на запад. Остались лишь сын Марины и его первоначальный отряд.

— От храма Гроба Господня надвигаются три-четыре тысячи свежих войниксов, — объявил

Элиан.

Кузен Ады опять натянул капюшон и закусил губу. Теперь, когда тяжёлой артиллерии не осталось, враги представляли куда большую опасность.

— Значит, так, — произнёс он по общей линии. — Говорит Даэман. Факсуйте отсюда… сейчас же. Начальникам групп — доложить об отправке своих людей.

Греоджи сообщил об отправке своей группы и факсовал прочь.

Эдида отчиталась и вернулась в Ардис со своей позиции на улице Баб аль-Хадид.

Боман отослал группу, занимавшую Баб аль-Гаванима, доложил об этом и факсовал.

За ним исчез и Лоэс от Львиных ворот.

Элла сообщила об исполнении приказа и покинула Цветочные ворота.

Каман отрапортовал, что его команда успешно отправлена, и без нужды запросил разрешения факсовать самому: похоже, заигрался в военного.

— Да, быстро уноси свою задницу! — рявкнул Даэман.

Око доложила об отправке своих людей и последовала за ними.

Кауль передал сообщение от мечети Аль-Акса

и исчез.

Группа Элиана свободно факсовала домой, он отчитался и вернулся в Ардис.

Даэман собрал своих людей на площади Западной стены и проследил за тем, как они один за другим растворились в густеющей вечерней мгле.

Теперь ему было известно, что все «старомодные» возвратились обратно, что здание луча обезлюдело, и всё-таки не мешало бы лишний раз проверить…

Пощёлкав средним пальцем по кнопкам управления на ладони, сын Марины вновь активировал струйный ранец, поднялся в воздух, покружил над постройкой, заглянул в дверной проём, полетал над пустой мечетью Скалы и необитаемой площадью, спустился пониже и начал описывать широкие круги над недавно оцепленными кварталами Старого Города, не желая оставить ни одного человека на растерзание войниксам и калибано.

Мужчина знал, что настала пора возвращаться: противники наводнили узкие улочки древнего Иерусалима подобно волнам, устремившимся в течь судна, — но знал он и то, почему до сих пор медлит.

Даэману чуть не снесло голову камнем. Спасибо встроенному в боевой костюм радару, который засёк летящий предмет, невидимый во мгле, и послал команду ранцу, после чего сын Марины буквально канул вниз, болтая ногами над задницей, и перевернулся в обычное положение лишь в нескольких ярдах от мостовой у Храмовой горы.

Приземлившись, он активировал непробиваемые доспехи и вскинул винтовку. Все чувства, данные природой и одолженные посредством костюма, твердили одно и то же: огромное, не очень похожее на человека существо, застывшее в чёрном проёме мечети Скалы, — не простой калибано.

— Даэманнннннн, — простонала тварь.

Мужчина приблизился с оружием наперевес, не обращая внимания на сильное побуждение открыть огонь, исходящее от сенсоров костюма, силясь контролировать собственное дыхание и мысли.

— Даэманнннннн… — Полуамфибия в дверном проёме шумно вздохнула. — Помыслил, даже так, пусть ты истолковал его превратно, но если Калибан сей будет сильно стараться и ещё сильней страдать, ты причинил бы ему боль?

— Я причинил бы ему смерть! — выкрикнул

мужчина, всем телом содрогаясь от бешеной, укоренившейся в сердце ярости, слыша, как тысячи войниксов и калибано лязгают и скрежещут когтями, сбегаясь к подножию горы. — Выходи на бой, Калибан.

Тень засмеялась.

— Помыслил, есть надежда, ибо зло порою отступает, ведь возможно и бородавки вывести, и слизью смазать раны, и всё пройдёт, ссссссе?

— Выходи на бой, Калибан.

— Постигни, он согласен опустить своё ружьишко и сойтись на битву с Его слугой на кулаках и когтях?

Даэман задумался. Он понимал, что честного боя здесь быть не может. Тысяча войниксов и калибано нагрянут на Храмовую гору секунд через десять. С площади Западной стены даже с лестницы доносился душераздирающий скрип и скрежет. Мужчина вскинул винтовку, включил автоматический прицел. В наушниках раздалось подтверждение.

— Помыслил, Даэманнннннн стрелять не станет, ннеет, — провыла тварь из мрака дверного проёма в мечети Скалы. — Он слишком возлюбил и Калибана, да и его владыку Сетебоса, хотя и как врагов, чтоб разом взять и навсегда задёрнуть

меж мирами завесссу? Нееет? Даэман подождёт иного дня, дабы свирепым ветром разметать дворцы из пыли, дабы встретить смерть лицом к лицу и…

Мужчина выстрелил. Потом ещё раз.

Перед ним на стены Храмовой горы запрыгнули первые войниксы. За его спиной взбежали по ступеням горы первые калибано. Иерусалим окутала ночная мгла. Синий луч, озарявший улицы и крыши в течение тысячи четырёхсот двадцати одного года, теперь исчез. Чудовища завладели городом безраздельно.

Даже не прибегая к помощи тепловидения, сын Марины точно знал, что промахнулся и что Калибан успел квант-телепортироваться прочь. Они ещё встретятся когда-нибудь, среди дня или ночи, когда обстоятельства сложатся вовсе не в пользу Даэмана.

В глубине души эта мысль почему-то ужасно радовала мужчину.

Безголовые твари и полуамфибии мчались прямо на него по древним камням горы.

Но лезвия и когти угодили в пустоту: Даэман свободно факсовал обратно в Ардис.

91

Семь с половиной месяцев после Падения Илиона

Эллис и Улисс — для друзей просто Сэм — сказали родителям, что собираются в кинотеатр под открытым небом «На озере» на двойной сеанс: «Убить пересмешника» и «Доктор Но». Стоял октябрь, поэтому все остальные кинотеатры такого типа уже закрылись, и только «На озере» зрителям предоставляли переносные обогреватели для машин. Обычно — или по крайней мере последние четыре месяца с тех пор, как Сэм получил разрешение пользоваться машиной, — молодым людям хватало сеанса под открытым небом, но в этот вечер, в этот особенный вечер они ехали за поля, шелестящие спелой пшеницей, к заброшенному участку в конце длинной дороги.

— А вдруг мама с папой спросят, о чём были фильмы? — сказала Эллис.

На ней была привычная белая блузка, коричневатый свитер, наброшенный на плечи, тёмная юбка, чулки, не по случаю нарядные туфли. Волосы были стянуты в конский хвост.

— «Убить пересмешника» снято по книжке,

ты её знаешь. Просто скажи, мол, Грегори Пёк неплохо сыграл Аттикуса Финча.

— А он правда его *сыграл?*

— Ну а кого же ещё? Негра, что ли?

— А как насчёт другого фильма?

— Да там про шпионов, про того британца… Джеймса Бонда, по-моему. Президенту понравилась книга, по которой написан сценарий. Говори отцу, мол, не оторвёшься: много стрельбы и всё такое.

Сэм припарковал отцовский «шеви бел эйр» тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года выпуска в конце узкого проезда, за каменными развалинами, откуда открывался вид на чересчур большой пруд — пресловутое озеро, давшее название кинотеатру, куда молодые люди сегодня так и не заглянули. Далеко за гладью пруда белел едва заметный четырёхугольник экрана, за ним на фоне тяжёлого октябрьского неба мерцали огоньки родного городка, и совсем уже вдали горели огни настоящего города, куда ежедневно отправлялись и откуда каждый вечер приезжали отцы парня и девушки. Давным-давно, вероятно, ещё во времена Депрессии, дорога вела на ферму; теперь дом совсем развалился, остался лишь поросший сорняками фундамент, да ещё деревья

по сторонам аллеи, уже начавшие терять листву. Близился День всех святых, и в воздухе заметно холодало.

— А можно мотор не глушить? — сказала Эллис.

— Пожалуйста. — Сэм опять завёл двигатель.

И молодые люди бросились целоваться. Это удовольствие они открыли для себя только летом. Парень притянул к себе девушку, сжал её правую грудь левой ладонью, спустя мгновения в открытых ртах стало мокро и влажно, и парочка сцепилась языками.

Он принялся возиться с пуговками на её блузке. Мелкие кнопки досадно скользили меж пальцами. *Она* же скинула наброшенный свитер и помогла расстегнуть самую сложную пуговку под мягким закруглённым воротничком.

— Видел сегодня по телику речь президента?

Сэм был не расположен беседовать о политике. Тяжело дыша, оставив нижние пуговицы как есть, он запустил руку под расстёгнутую блузку и накрыл горячей ладонью грудь, затянутую в маленький и достаточно жёсткий лифчик.

— Видел? — не уступала Эллис.

— Ну да. Всё видели.

— Думаешь, будет война?

— Не-а.

Сэм поцеловал её снова, с ходу пытаясь разжечь только что бушевавшую страсть, однако язык девушки не желал покидать укрытия.

Когда молодые люди оторвались друг от друга, когда *она* вытащила из юбки края блузки, бросив ненужную одежду за спину, когда *её* кожу облили струи тусклого отражённого света небес, жёлтое мерцание радио и дисков на приборной доске, она сказала:

— Отец говорит, может развязаться война.

— Подумаешь, какой-то паршивый *карантин.* — Сэм обвил её руками и начал возиться с непонятными застёжками бюстгальтера. — Мы же не нападаем на Кубу и всё такое.

Проклятые застёжки не поддавались.

Эллис улыбнулась ему в полумгле, завела руки за спину, и лифчик волшебным образом раскрылся.

Сэм принялся покусывать и сосать юные груди — более крупные и твёрдые, чем бутончики у девчонки-подростка, но ещё не оформившиеся. Ореолы вокруг сосков, как и сами соски, покрывал пушок. Парень взглянул при свете радиодиска — и вновь припал к ним разгорячённым лицом.

— Тише, тише! — сказала Эллис. — Не надо так

грубо. Ты всегда такой грубый.

— Прости, — ответил Сэм.

И снова затеял целоваться. На сей раз его ждали тёплые губы, язык вернулся… и занялся работой. Чувствуя, как нарастает возбуждение, *он* прижал её спину к пассажирской двери «бел эйр». Переднее сиденье было гораздо просторнее, глубже и мягче тахты в их доме. Парень заёрзал, выбираясь из-под руля, и отодвинулся, чтобы ненароком не нажать на гудок. Даже в конце заброшенной аллеи не мешало соблюдать осторожность.

Сэм полуприлег, упёршись возбуждённым членом в левую ногу подруги, шаря ладонями по *её* грудям, ища языком *её* язык, и так возбудился, что едва не извергнул семя, впервые почуяв длинные пальцы у своего бедра.

— А если русские всё равно нападут? — прошептала Эллис, когда он оторвался на секунду, чтобы перевести дух.

В машине было чертовски душно. Парень левой рукой отключил зажигание.

— Перестань, — сказал он, точно зная, что нужно подруге.

Она непонятно для чего заставляет спутника забивать себе голову дурацкими размышлениями. А он же хотел наслаждаться собственными

мыслями и чувствами.

— Уй! — поморщилась девушка, упёршись плечами в большую ручку на двери. А когда он склонился за новыми поцелуями, тихо шепнула: — Не хочешь перебраться на заднее сиденье?

У Сэма перехватило дыхание. В течение последних недель эта фраза стала для них сигналом, чтобы заняться чем-то посерьёзнее — и не просто «добежать до третьей базы», как уже несколько раз получалось, а одолеть весь путь целиком; молодые люди дважды были близки к цели, но до сих пор не достигли желаемого.

Перебираясь назад, Эллис церемонно накинула блузку — правда, не застегнула, успел заметить Сэм, пока обходил машину со стороны водителя. На потолке зажглась лампочка; она продолжала гореть, покуда парочка не закрыла накрепко задние двери. Парень чуть опустил оконное стекло, чтобы не задохнуться (никак не получалось дышать спокойно), а также чтобы услышать, если по аллее проедет другая машина. Неровен час Барни заскочит на чёрно-белом патрульном автомобиле, оставшемся с довоенных времён.

Молодые люди вновь занялись друг другом. Через несколько секунд Сэм распахнул рубашку, чтобы прижаться к *её* груди, Эллис вытянулась

на широких креслах, чуть раздвинув ноги, а парень полуприлег на неё, неудобно согнув колени: всё-таки сиденье не позволяло вытянуться в полный рост.

Правая ладонь молодого человека скользнула вверх по её ноге. Тёплое дыхание девушки у его щеки участилось, когда парень вдруг прервал поцелуй. На *ней* были чулки, на ощупь — самые нежные в мире. Пальцы нашли подвязку там, где нейлоновые чулки соединялись с…

— Ну, ты даёшь! — забывшись, рассмеялся Улисс изнутри мальчишки. — Это же полный анахронизм!

Эллис улыбнулась ему снизу вверх; в расширенных зрачках юной девушки отразилась настоящая женщина.

— Вовсе нет, — зашептала она и ещё усерднее заработала длинным языком.

— Нет, правда, — прибавила Эллис чуть позже, потирая опущенной ладонью взмокшие брюки парня на самом твёрдом месте. — Это называется «пояс-трусы», так что она одета правильно. Колготки ещё не изобрели.

— Молчи. — Сэм закрыл глаза и впился в неё поцелуем, прижимаясь низом живота к игривой ладошке. — Молчи, пожалуйста.

Железное кольцо никак не снималось с округлой кнопки-запонки, носящей, как он узнает позже, название «подвязки», — не поддавалось, и всё тут. Молодой человек то ласкал *её* между ног, чуя сквозь влажную ткань разгорающееся тепло, то вновь принимался воевать с распроклятой застёжкой.

Эллис хихикнула и шепнула:

— Эта штука снимается целиком.

Когда *она* так и сделала, Сэм сообразил: им понадобится больше простора. Парень открыл дверь со своей стороны — яркий свет ударил в глаза…

— Сэм!

Он потянулся и отключил верхнее освещение. С минуту парочка не шевелилась, точно два оленя, вдруг ослеплённых фарами. Наконец, расслышав сквозь грохот сердца, как шелестит под ветром листва поздней осени, молодой человек наклонился над *ней*.

Заминка помогла ему не кончить раньше времени. Попробовав губы подруги, Сэм поглядел на её груди и нежно лизнул. Она привлекла к себе его голову, вновь опустила руку, проворно расстегнула пояс, потом верхнюю кнопку и стремительно, быстрее мысли, дёрнула вниз «молнию».

Трепещущее мужское достоинство показалось на свет без единой царапины.

— Сэм? — прошептала Эллис, когда её спутник буквально завис над ней в невесомости.

Чулки с кальсонами, смятые в ком, давили парню под коленом. Тяжко дыша, он рванул *её* юбку наверх.

— Что?

— Ты взял… ну, знаешь… ту штучку?

— О, *чёрт* побери! — рявкнул он голосом юноши, даже и не пытаясь придерживаться роли.

Она хихикнула, но Улисс припал к ней разинутым ртом и прекратил ненужный шум. Сердце заколотилось о рёбра, когда молодой человек пристроился поудобнее, а Эллис раздвинула ноги ему навстречу. Тёмная юбка задралась почти до голой груди, в полумраке машины забелели бледные бёдра, между ними темнел даже не треугольник, а скорее полоска пуха…

— Легче, — шепнула Эллис и протянула руку вниз.

Опытно помяв мошонку, *она* пробежалась пальцами по всей длине пениса, сжала подушечками пальцев головку и промурлыкала:

— Легче, Одиссей.

— Я… Никто, — пропыхтел любовник.

Она направляла его, ища подходящий угол. Предсеменная жидкость на кончике пениса увлажняла ей бёдра. Юноша чувствовал жар, истекающий из тела подруги.

Тут она сжала его — сильно, однако не чересчур, так, чтобы шестнадцатилетний партнёр ахнул, но не кончил прежде срока.

— Зачем так говорить, — зашептала она прямо в рот, — когда *вот это* подтверждает обратное?

Эллис привлекла тугую головку к мокрым, набухшим губам влагалища, затем погладила его по щеке. Молодой человек поймал аромат возбуждения, исходящий от пальцев девушки, — и чуть было не испытал оргазм, однако помедлил ещё один бесподобный миг, прежде чем продолжать.

Вспышка озарила небо точно перед машиной, вдали, за экраном кинотеатра для тех, кто за рулём, и она полыхала ярче тысячи солнц. Силуэты в тягучей мускусной тьме обратились в собственные негативы: непроглядная чернота — и чистая белизна. Звука не было. Пока не было.

— Скажи, что *шутишь*, — возмутился он, пристроившись над юной подружкой так, словно собрался отжиматься, касаясь её всего лишь кончиком твёрдого пениса.

— До города сорок миль, — зашептала Эллис

и потянула, верней, попробовала притянуть его поближе. — Ударная волна придёт не скоро, *очень* не скоро.

Она предложила партнёру свой рот и крепко сжала руками его спину, ягодицы, дёрнула на себя.

Он ещё думал воспротивиться. Но зачем? Парнишка Сэм так разгорячился, что взорвётся после двух-трёх движений внутри изумительной девственной вагины своей милой. Испепеляющая ударная волна, пожалуй, как раз застанет их юные оргазмы. Так вот, оказывается, чего добивалась его не имеющая возраста возлюбленная?

Зарево чуть угасло, но не настолько, чтобы не заискрилась легчайшая пыль пурпурных теней на прикрытых веках подруги. Молодой человек склонился для последнего знойного поцелуя и начал двигаться взад-вперёд.

92

Год после Падения Илиона

Елена Троянская пробудилась после рассвета: ей то ли вспомнился, то ли приснился тревожный вой сирен. Руки привычно зашарили по мягким подушкам, однако её любовник Хокенберри дав-

но ушёл, вот уже больше месяца назад, и только память неуклонно заставляла красавицу каждое утро искать его близости, его тепла. Пора бы завести себе другого. И почему Елена до сих пор этого не сделала, ведь половина уцелевших троянцев и аргивян из Нового Илиона желала её?

Хозяйка позволила рабыням под руководством Гипсипилы искупать и надушить себя. Сегодня она не торопилась. Конечно, апартаменты в отстроенной заново секции подле Колонного Дома у Скейских ворот не шли ни в какое сравнение с её прежним дворцом, а всё-таки жизнь понемногу опять обретала свои прелести. При омовении красавица истратила последние скудные запасы благовонного мыла. её нынче ждал особенный день. Объединённый Совет решал вопрос об экспедиции в Дельфы. Ради утреннего собрания рабыни облачили госпожу в лучшее платье зелёного шёлка и золотые ожерелья.

Странно, по-прежнему странно было видеть аргивян, ахейцев, мирмидонцев и прочих несостоявшихся захватчиков в здании городского совета Илиона. Храм Афины, как и более крупное святилище Аполлона, рассыпался в день Падения, но на его развалинах — чуть севернее главной площади, неподалёку от места, где неко-

гда высился гордый Приамов чертог, покуда боги не стёрли его с лица земли вместе с портиками и колоннами, — троянские и греческие зодчие возвели Новый Дворец.

Не получившее другого имени, это центральное светское здание благоухало древесиной, холодным камнем и свежей краской под ярким солнцем ранней весны. Елена проскользнула внутрь и заняла своё место среди царских домочадцев, рядом с Андромахой, которая мельком улыбнулась вошедшей и вновь обернулась к мужу.

В последнее время все заметили, что тёмно-русые кудри и борода Гектора начали отливать сединой. Большинство горожанок соглашались между собой: это ещё сильнее выделило его среди прочих, если такое вообще возможно. Как и задумывалось, благородный Приамид открыл собрание, поприветствовав троянских сановников и ахейских гостей поимённо.

Здесь был и Агамемнон. Вёл он себя отчуждённо, время от времени обводил окружающих долгим и мутным взором, к которому все привыкли за многие месяцы после Великого Падения, и тем не менее сохранял рассудок настолько, чтобы к нему прислушивались на важных совещаниях.

И сундуки в его шатрах по-прежнему ломились от сокровищ.

Нестор тоже явился. Правда, не сам по себе: четыре раба доставили его вместе с креслом. Мудрый старец так и не смог оправиться и начать ходить после той кровопролитной битвы на берегу. Кроме него, из ахейского стана (от армии греков уцелело шестьдесят тысяч: достаточно, чтобы иметь право голоса) на собрании присутствовали Малый Аякс, Идоменей, Поликсен, Тевкр и признанный, хотя и не провозглашённый официальным порядком предводитель греков — миловидный Фразимед, отпрыск Нестора, и несколько человек, незнакомых Елене, в том числе долговязый молодой мужчина с курчавыми волосами и бородой.

Будучи представленным, Фразимед покосился на троянскую красавицу, и та застенчиво потупила очи, позволив себе чуть-чуть покраснеть. Некоторые привычки умирают медленно, даже в иных мирах и в иное время.

В конце концов Гектор представил посланника из Ардиса — не Хокенберри, тот ещё не вернулся из путешествия на запад, а высокого, стройного, спокойного мужчину по имени Боман. Моравеки в утреннем собрании участия не принимали.

Окончив приветствия, ненужные представления и прочие ритуальные фразы, благородный Приамид подробно изложил тему для обсуждения.

— Итак, сегодня нам предстоит решить, посылать ли людей в Дельфы, — заключил он, — и если да, то кому готовиться в путь, а кому остаться. Кроме того, нужно определить, как будем действовать, окажись и впрямь возможным освободить родных и близких аргивян из синего луча. Фразимед, твои люди отвечали за строительство длинных кораблей. Прошу тебя рассказать Совету, каких вы добились успехов.

Вызванный мужчина поклонился, поставив ногу на ступень и положив золотой шлем на колено.

— Как вам известно, строительством руководил Гармонид. Передаю ему слово.

Гармонидом оказался курчавый молодой человек, минуту назад замеченный Еленой. Теперь он выступил на несколько шагов вперёд и смущённо поглядел на свои ноги, будто сожалел, что привлекает к себе столько внимания. Произнося речь, он слегка заикался.

— Три десятка… длинных кораблей… готовы. На каждом… уместится… пятьдесят человек с

оружием и запасом пищи, достаточным для… путешествия в Дельфы. Мы близки к… завершению… ещё двадцати судов… как и постановил Совет. Эти корабли… шире в корпусе и прекрасно подойдут для… для перевозки грузов и людей, буде такие… грузы и люди появятся.

С этими словами он торопливо отступил к аргивянам.

— Отличная работа, благородный Гармонид, — похвалил Гектор. — От имени Совета благодарим вас. Я лично осматривал корабли. Они прекрасны: крепкие, надёжные, сделанные со всем тщанием.

— А я бы хотел поблагодарить троянцев за лучшую древесину со склонов Иды, — ответил молодой человек, только на сей раз уже с достоинством и без запинки.

— Итак, флотилия для путешествия у нас есть, — произнёс Приамид. — Поскольку пропавшие люди с материка — не троянцы, но ахейцы и аргивяне, Фразимед по собственной воле вызвался предводить экспедицией. Будь любезен, изложи нам свой план, Фразимед.

Высокий грек заговорил, без труда (как отметила про себя Елена) удерживая в одной руке увесистый шлем.

— Мы думаем поднять паруса на следующей неделе, когда весенние ветры благословят отплытие. — Глубокий, сильный голос мужчины доносился до самых дальних концов колонного чертога. — Все тридцать кораблей и пятнадцать сотен отборных людей. И мы, как прежде, приглашаем троянцев, желающих увидеть мир и поискать приключений.

В зале послышался довольный смех.

— Сначала отправляемся на юг, вдоль побережья безлюдной Колоньи, потом на Лесбос и по тёмным водам до Хиоса, где можно будет поохотиться и пополнить запасы пресной воды. Затем поплывём над морской пучиной мимо Андроса, в Генестиев пролив между Катсилусом на полуострове и островом Кеос. Здесь пять из наших кораблей отделятся и устремятся к Афинам, а остаток пути люди проделают пешком. Будут искать земляков и если никого не найдут — доберутся в Дельфы по суше, своим ходом. А корабли вернутся и поплывут за нами следом через залив Сароникос.

Двадцать пять оставшихся под моим началом судов отправятся на юго-запад мимо Лакедемонии, обогнут весь Пелопоннесский полуостров и, если погода будет к нам благосклонна, одолеют

пролив между континентом и Китирой. Когда слева по борту покажется Закинф, мы снова приблизимся к материку, повернём на восток-северо-восток и снова на восток, углубимся в Коринфский залив. Не доплывая до Беотии, зайдём в гавань, вытащим суда на берег и пешком отправимся в Дельфы, где, как уверяют моравеки и наши друзья из Ардиса, отвесный синий луч хранит в себе жизнь представителей нашей расы.

Посланник по имени Боман выступил на середину. По-гречески он изъяснялся с кошмарным акцентом. «Гораздо хуже самого Хокенберри», — подумалось Елене, поэтому его речь отдавала таким же беспросветным варварством, как и одежда. Впрочем, посланника понимали, несмотря на синтаксические ошибки, от которых покраснел бы наставник трёхлетнего карапуза.

— Время года выбрано хорошо, — промолвил рослый ардисианец. — Но есть загвоздка: если вы действительно исполните наши указания, чтобы вернуть людей, заключённых в синий луч, что вы будете с ними делать? Возможно, там закодировано до шести миллионов человек, то есть население всей Земли Илиона, включая китайцев, африканцев, американских индейцев,

предков ацтеков…

— Прошу прощения, — вмешался Фразимед. — Нам неясен смысл твоих слов, Боман, сын Ардиса.

Высокий мужчина почесал щёку.

— А вы понимаете, сколько это — шесть миллионов?

Этого тоже никто не понял. Елена мысленно усомнилась в умственной полноценности ардисианца.

— Вообразите тридцать Илионов, причём на пике населённости, — пояснил Боман. — Примерно столько людей может выйти из храма луча.

Члены Совета расхохотались. Только не Гектор и Фразимед, как заметила вдова Париса.

— Вот почему мы хотели отправиться с вами, чтобы помочь, — продолжал посланник. — Полагаем, вы без труда репатриируете греков, своих земляков. Конечно, их города и дома, храмы и стада пропали, но в лесах достаточно дичи, а скотину вы живо разведете…

Боман запнулся: люди снова начали прыскать или смеяться в кулаки. Гектор, не объясняя ошибки, жестом велел ему продолжать. Говоря о «разведении» скотины, ардисианец использовал греческое слово «трахать», применимое

исключительно к людям. Елену позабавил такой оборот.

— В любом случае мы будем рядом, и моравеки помогут доставить домой всех… иностранцев. — Тут он употребил верное слово: «варваров», но явно хотел подыскать другое.

— Благодарю, — ответил доблестный Приамид. — Фразимед, как вы поступите со множеством своих народов — с Пелопоннеса и других островов, таких как маленькая Итака Одиссея, из Аттики, Беотии, Фракии, всех прочих земель, которые вы, пространноживущие греки, зовёте своим домом? Столько людей — и ни городов, ни волов, ни домов, ни укрытий?

Воин кивнул.

— Благородный Гектор, пять кораблей мы намерены сразу же отослать обратно в Новый Илион, дабы известить вас об успехе. Прочие останутся с теми, кого мы вызволим из синего луча, помогут семьям безопасно вернуться в родные земли, после чего найдут способ прокормить и разместить людей, покуда не будет восстановлен порядок.

— Но это займёт годы, — вставил Деифоб.

Брат Гектора никогда не был поклонником этой затеи с экспедицией в Дельфы.

— Может, и займёт, — согласился Фразимед. —

А что нам остаётся, кроме попытки освободить своих жён, матерей, дедов, детей, рабов и слуг? Это наш долг.

— Ардисианцам ничего не стоит факсовать на место в одну минуту и вызволить их — за две, — послышалось из носилок. Возмущённый голос принадлежал Агамемнону.

Боман опять шагнул вперёд.

— Благородный Гектор, царь Агамемнон, досточтимые члены Совета, мы могли бы сделать по словам владыки Атрида. Кстати, настанет день, и вы тоже научитесь факсовать… не свободно, как мы… ардисиане… а при помощи так называемых факс-узлов. Правда, здесь поблизости их нет, однако в Греции найдётся по крайней мере один… Простите, я отвлёкся. Да, нам под силу перенестись в Дельфы и вызволить греков за считанные дни, часы, а то и минуты, но поймите, если мы так поступим, это будет неверный шаг. Ведь это *ваши* люди. Их будущее — *ваша* забота. Несколько месяцев назад мы освободили из другого луча своих соплеменников, что-то около девяти тысяч, и хотя подобный прирост населения стал для нас большой радостью, но даже столь малое количество новых людей потребовало многих забот и тщательного планирования. Мир кишит вой-

никсами и калибано, не говоря уже о динозаврах, кошмар-птицах и прочей нечисти, с которой вы столкнётесь, когда покинете безопасные стены Нового Илиона. Мы с вашими союзниками-моравеками поможем разместить представителей иноязычных наций, буде такие окажутся в синем луче, но будущее грекоговорящего населения должно оставаться и останется в ваших руках.

Это короткое, искажённое варварским синтаксисом и грамматикой и всё-таки красноречивое выступление принесло посланнику бурные аплодисменты. Елена тоже захлопала. Ей уже хотелось пообщаться с этим высоким ардисианцем.

Гектор выступил на середину открытого пространства и повернулся кругом, чтобы заглянуть в глаза чуть ли не каждому из собравшихся.

— Предлагаю голосовать. Победит большинство. Согласные с тем, чтобы Фразимед с добровольцами при первом же попутном ветре отплыл в Дельфы, поднимите свои кулаки. Те, кто против, пусть не поднимают.

В Объединённом Совете принимали участие чуть более ста человек. Дочь Зевса насчитала семьдесят три воздетых кулака, включая собственный, и лишь двенадцать опущенных ладоней; среди противников были Деифоб и

неизвестно почему — Андромаха.

В зале поднялось ликование, а когда глашатаи возвестили решение десяткам тысяч собравшихся на центральной и рыночной площади, то даже невысокие, недавно построенные стены Нового Илиона отразили гулкое эхо радостных воплей толпы.

Уже на внешней террасе Гектор подошёл к Елене. Они поздоровались, проронили несколько слов об охлаждённом вине, после чего мужчина сказал:

— Я ужасно хочу поплыть с ними. Просто бешусь, как подумаю, что экспедиция отправится без меня.

«Ах вот почему Андромаха была против», — смекнула красавица. А вслух промолвила:

— Но тебе никак нельзя с ними, доблестный Гектор. Ты нужен городу.

Приамид презрительно фыркнул, допил вино и грянул кубком о строительный камень, ещё не нашедший своего места.

— Илиону ничего не грозит. Мы целый год не видели других людей. Двенадцать месяцев потратили на возведение стен, хотя бы даже таких, а проку-то? Здесь *нет* иных народов, кроме нас. По крайней мере в этой части Земли.

— Вот и лишняя причина остаться: жители города нуждаются в твоей заботе. — Женщина еле заметно подняла уголки губ. — Им необходима защита от всяческих динозавров и кошмар-птиц, о которых рассказывал наш ардисианский гость.

Гектор поймал ироническую искру в её очах и усмехнулся в ответ. Между ними всегда существовала странная связь: не то заигрывание, не то взаимные подначки, не то что-то глубже и крепче, нежели брачные узы.

— Думаешь, твой будущий супруг не в силах защитить Илион от любой угрозы, о благородная Елена?

Красавица вновь улыбнулась.

— Дорогой Гектор, я почитаю твоего брата Деифоба выше всех великих мужей, но ещё не дала согласия на его предложение руки и сердца.

— Приам желал бы этого, — произнёс мужчина. — Парис был бы счастлив услышать о вашем браке.

«Услышав о нашем браке, покойник бы громко пукнул», — подумала дочь Зевса и сказала:

— О да, твой брат Парис был бы рад узнать, что я вышла за Деифоба… или любого другого из многочисленных благородных сынов Приама, — присовокупила она с усмешкой и втайне

насладилась замешательством Гектора.

— Ты можешь хранить секреты? — почти прошептал он, склонившись к уху собеседницы.

— Ну конечно, — ответила та одними губами, мысленно прибавив: «Если это в моих интересах».

— Я отплываю вместе с экспедицией и Фразимедом, — тихо сказал Приамид. — Как знать, вернётся ли кто-нибудь из нас к родным берегам? Мне тебя будет не хватать, Елена.

Тут он застенчиво коснулся её плеча.

Троянская красавица накрыла его грубую ладонь своей — лёгкой и гладкой, словно шёлк, и глубоко заглянула мужчине в глаза.

— Если ты отправишься в это странствие, благородный Гектор, я буду скучать почти так же сильно, как и твоя прелестная Андромаха.

«Но всё-таки чуть меньше, — усмехнулась она про себя. — Ведь я-то украдкой проберусь на корабль, даже ценой последнего алмаза или жемчужины из моего немалого приданого».

По-прежнему не разнимая рук, собеседники подошли к белокаменным перилам длинного дворцового портика. Внизу бушевала радостная толпа.

Прямо на середину площади, где много столе-

тий красовался старинный фонтан, захмелевшие орды троянцев и греков, перемешавшись, точно родные братья и сёстры, втащили большого деревянного коня. Огромная статуя не пролезла бы даже в главные городские ворота, если бы те ещё стояли. Однако на месте бывших Скейских ворот у старого дуба зодчие возвели новые створки — пошире, пониже, без верхней перекладины, которые запросто распахнулись и пропустили истукана.

Некий остряк увидел в нём символ великого Падения Илиона, и вот сегодня, в годовщину того самого Падения, статую решили спалить. Толпа была вне себя от радости.

Приамид и красавица молча, едва касаясь ладоней друг друга (впрочем, не без особого смысла для обоих), наблюдали, как пьяные принялись тыкать факелами в коня, построенного в основном из высушенных брёвен, прибитых к берегу, как тот моментально вспыхнул, и зеваки шарахнулись прочь, как прибежали стражи порядка со щитами и копьями. Благородные мужи и дамы недовольно шушукались на балконах и длинных террасах дворца.

Елена и Гектор громко смеялись.

93

Семь лет и пять месяцев после Падения Илиона

Мойра квант-телепортировалась на просторный луг. Стоял погожий летний день. Под сенью близлежащего леса порхали бабочки, над клевером гудели трудолюбивые пчёлы.

Чёрный воин Пояса почтительно приблизился к ней, вежливо обратился и проводил вверх по склону холма к небольшому открытому павильону, вернее даже, пёстрому навесу на четырёх столбах, полоскавшемуся под ласковыми порывами южного бриза. В тени стояли длинные столы, склонившись над которыми, двенадцать людей и моравеков изучали или же очищали от земли разложенные на столешницах обломки и артефакты.

Самый маленький из моравеков обернулся, увидел вошедшую, спрыгнул со своего личного стула с длинными ножками и подошёл поздороваться.

— Мойра, какая честь, — произнёс Манмут. — Сюда, прошу тебя, укроемся от лучей полуденного солнца и выпьем чего-нибудь холодного.

И оба прошли в тень.

— Сержант сказал, что ты меня ждёшь, — сказала она.

— Вот уже два года, — ответил маленький моравек. — С той нашей беседы.

Он отошёл к буфетному столику и принёс бокал холодного лимонада. Остальные моравеки, как и люди, вопросительно покосились на вошедшую, но Манмут не стал её представлять. Ещё не время.

Мойра поблагодарила и отпила немного лимонада с кусочками льда, который, видимо, каждый день доставляли по факсу либо квитировали из Ардиса или какой-то другой общины, и окинула взглядом холмистую равнину, расстелившуюся под ногами. Примерно в миле от склона бежала река. На севере участок граничил с тёмным лесом, на юге же начинались неровные, каменистые земли.

— Как насчёт оцепления из роквеков? — осведомилась женщина. — Туристов или зевак отгонять не приходится?

— Сюда скорей залетит кошмар-птица или наведается юный тираннозавр, — ответил Манмут. — О чём только думали эти «посты», как любит повторять Орфу.

— Вы до сих пор с ним видитесь?

— Каждый день, — произнёс моравек. — Сегодня вечером встречаемся на спектакле. Придёшь?

— Наверное, — проговорила Мойра. — Как ты узнал, что меня пригласили?

— Не только ты время от времени болтаешь с Ариэлем, дорогая. Ещё лимонада?

— Нет, спасибо.

Женщина снова перевела взгляд на луг. Большая его часть оказалась перекопана, однако не грубо, как попало, как это сделал бы механический экскаватор. Верхние слои почвы были чисто, аккуратно, любовно сняты и скатаны в рулоны, место каждого надреза отмечали колышки, повсюду белели маленькие таблички с надписями и цифрами. Глубина траншей достигала от нескольких дюймов до нескольких метров.

— Так ты, полагаешь, наконец нашёл то, что искал?

Моравек пожал плечами.

— Просто не верится, как тяжело раскопать в записях точные координаты этого крохотного городка. Можно подумать, какая-то… э-э-э… сила… уничтожила все нужные ссылки, координаты GPS, дорожные указатели, истории. Кажется, кто-то… могущественный… не желал, чтобы мы

отыскали Стратфорд-на-Эйвоне.

Мойра взглянула на него ясными серовато-голубыми очами.

— А что, эта… сила… могла не желать, чтобы ты что-то нашёл, дорогой мой Манмут?

Моравек опять пожал плечами.

— Это лишь догадка, но я бы сказал, они… эта гипотетическая сила… не возражает, чтобы люди разгуливали на воле, радовались жизни и размножались, но у неё какие-то возражения против того, чтобы на планету вернулся один человеческий *гений*.

Женщина промолчала.

— Идём. — Манмут с упоением восторженного ребёнка повёл собеседницу к ближнему столу. — Посмотри-ка. Вчера один из наших волонтёров откопал на участке три-ноль-девять вот это.

Он указал на порушенную плиту. На грязном камне темнели странного вида царапины.

— Что-то не могу разобрать, — сказала Мойра.

— Мы тоже поначалу не могли, — согласился моравек. — И только доктор Хокенберри сумел растолковать, что же это такое. Видишь вот здесь буквы IUM, тут, ниже, — US и AER, а тут — ET?

— Допустим, — отозвалась женщина.

— Да нет, точно. Теперь мы знаем, что это зна-

чит. Перед нами часть надписи под бюстом, *его* бюстом. Если верить нашим архивам, она когда-то гласила: «JUDICO PYLIUM, GENIO SOCRATEM, ARTE MARONEM: TERRA TEGIT, POPULUS MOERET, OLIMPUS HABET».

— Боюсь, я слегка подзабыла латынь, — заметила Мойра.

— Как и многие из нас, — кивнул моравек. — Это переводится так: «УМОМ ПОДОБНОГО НЕСТОРУ, ГЕНИЕМ — СОКРАТУ, ИСКУССТВОМ — МАРОНУ,[118] ЕГО ЗЕМЛЯ ПОКРЫВАЕТ, НАРОД ОПЛАКИВАЕТ, ОЛИМП ПРИЕМЛЕТ».

— Олимп, — задумчиво, точно про себя, повторила Мойра.

— Это часть надписи под настенным памятником, который знатные горожане установили в церкви Святой Троицы после *его* погребения. Остальной текст был по-английски. Хочешь послушать?

— Разумеется.

СТОЙ, ПУТНИК, И ПРОЧТИ, КОЛИ УЧЁН,

КТО ЗДЕСЬ ЗАВИСТЛИВОЮ СМЕРТЬЮ
ЗАКЛЮЧЁН

---

[118] notes: 118
Вергилию.

В КУМИРЕ — САМ ШЕКСПИР. УГАС С НИМ МИР

ЖИВОЙ;

СЕЙ КАМЕНЬ С ИМЕНЕМ КАКОЙ ЦЕНИТЬ ЦЕНОЙ?

В СЁМ МИРЕ, СЛОВНО ПАЖ, СЛУЖИТЬ ДОЛЖНА

ПОЭЗИЯ ПЛОДАМ ЕГО УМА.

— Очень мило, — сказала Мойра. — А главное, полагаю, это существенно облегчит твои поиски.

Манмут оставил её насмешливый тон без внимания.

— Здесь поставлена дата смерти: двадцать третье апреля тысяча шестьсот шестнадцатого года.

— Но ты ещё не нашёл настоящей могилы.

— Пока что нет, — признался европеец.

— А не было там какого-нибудь надгробного камня или надписи? — с невинным видом поинтересовалась собеседница.

Маленький моравек пристально посмотрел на неё и наконец произнёс:

— Была.

— А не говорилось ли там чего-нибудь вроде… м-м-м… «Руки прочь, моравеки, убирайтесь во-

свояси»?

— Не совсем, — отозвался Манмут. — На могильной плите, установленной над телом, будто бы можно было прочесть:

О, ДОБРЫЙ ДРУГ, ВО ИМЯ БОГА,

ТЫ ПРАХ ПОД КАМНЕМ СИМ НЕ ТРОГАЙ;

СНА НЕ ТРЕВОЖЬ КОСТЕЙ МОИХ;

БУДЬ ПРОКЛЯТ ТОТ, КТО ТРОНЕТ ИХ!

— И тебя нисколько не смущает такое предупреждение? — полюбопытствовала Мойра.

— Нет, — отвечал европеец. — Я ведь не Орфу с Ио. Это он успел пересмотреть все двухмерные фильмы «ужасов», снятые в двадцатом столетии. Знаешь, «Проклятие мумии» и так далее.

— И всё же… — промолвила женщина.

— Вы что, хотите остановить наши поиски?

— Манмут, дорогой, тебе должно быть известно, что мы не вмешиваемся ни в ваши дела, ни в дела «старомодных» или же наших древнегреческих и азиатских гостей… Одним словом, ни в чьи. Вспомни, разве не так?

Моравек не ответил.

Мойра тронула его за плечо.

— Да, но с этим… проектом. Тебе не кажется,

что ты пытаешься играть роль бога? Так, совсем чуть-чуть?

— А вы знакомы с доктором Хокенберри? — спросил Манмут.

— Конечно. Мы встречались на той неделе.

— Странно, — заметил моравек, — он этого не упоминал. Томас добровольно помогает на раскопках раз или два в неделю, не реже. Да, что я хотел сказать? «Посты» и олимпийские небожители — вот кто сыграл роль бога, возродив тело, воспоминания и личность Хокенберри на основе обломков костей, древних файлов и ДНК. Но ведь у них получилось. Он очень хороший человек.

— Похоже, это правда, — согласилась Мойра. — И даже, как я поняла, пишет книгу.

— Да… — Манмут, казалось, потерял ход мыслей.

— Что ж, тогда удачи. — Женщина протянула ему ладонь. — И передай привет первичному интегратору Астигу-Че, когда вы с ним увидитесь. Скажи, что мне очень понравилось то чаепитие в Тадже.

Она пожала руку маленькому европейцу и направилась к лесу, на север.

— Мойра! — окликнул моравек.

Она помедлила и обернулась.

— Так ты придёшь сегодня на пьесу? — крикнул Манмут.

— Думаю, что да.

— Значит, мы тебя там увидим?

— Этого не знаю, — промолвила молодая женщина. — Но я вас непременно увижу.

И она продолжала путь.

94

Семь лет и пять месяцев после Падения Илиона

Позвольте представиться: Томас Хокенберри, доктор филологии, для друзей — Хокенбеби. Правда, их уже нет в живых — тех, кто знал моё прозвище со времён колледжа Уобаш: они давно уже стали прахом этого мира, где слишком многое обратилось в прах.

Здесь, на славной первой Земле, я протянул полвека с чем-то, а сверх того получил в дар вот уже чуть больше двенадцати[119] ярких, насыщенных лет новой жизни — в Илионе и на Олимпе, на Марсе, хотя я до самых последних дней и не

---

[119] notes: 119

Здесь у автора какая-то смысловая нестыковка. Далее в этой главе речь идёт о восемнадцати годах.

догадывался, что это Марс, и вот сейчас вернулся обратно. Домой. На родную Землю.

Мне столько нужно сказать. Плохая новость: пропали все записи, сделанные за двенадцать лет в роли служителя Музы и вольного схолиаста, — запоминающие кристаллы с ежедневными наблюдениями за ходом Троянской войны, мои собственные записки, даже диктофон моравеков, на котором были изложены последние дни Олимпа и Зевса. Всё потеряно.

Впрочем, это не важно. Я всё помню. Каждое лицо. Каждого человека, будь то мужчина или женщина. Каждое имя.

Одним из самых удивительных свойств гомеровской «Илиады» знатоки считают то, что в ней никто не умирает безымянным. Грубые герои падали ощутимо, тяжело, и, падая, как выразился один мой знакомый схолиаст (тут я слегка его перефразирую), они с грохотом увлекали за собою вниз и бронзовое оружие, и доспехи, и все свои имения, скот, жён и рабов. И свои имена. В «Илиаде» Гомера никто не погиб лишённым имени либо настоящего веса.

Возьмись я рассказывать собственную историю, непременно попытался бы сделать так же.

С чего же начать?

Раз уж я вольно или невольно стал Хором этой истории, то начну её там, где сам пожелаю. И пожелал я начать её здесь. Поведаю вам о своей нынешней жизни.

Несколько месяцев я наслаждался жизнью рядом с Еленой, в Новом Илионе, покуда город отстраивали заново. Греки помогали возводить стены и здания в обмен на обещание троянцев помочь им после со строительством длинных кораблей. После, когда город оживёт.

Впрочем, он и не умирал. Понимаете, Илион, или Троя, — это люди… Гектор, Елена, Андромаха, Приам, Кассандра, Деифоб, Парис… чёрт, даже сучка Гипсипила. Кое-кто из них уже мёртв, остальные целы. Вергилий бы понял.

Жаль, я не могу быть вашим Гомером или даже Вергилием, дабы поведать о днях, миновавших после Падения Трои: времени прошло слишком мало, событий на целый эпос не наберётся, — но буду слушать и наблюдать за всеми переменами, покуда жив.

А живу я нынче здесь. В Ардис-тауне.

Нет, не в Ардисе. Большой особняк опять высится на просторном лугу в полутора милях от старого факс-павильона, близ того места, где некогда располагался Ардис-холл, и Ада посели-

лась там со своей семьёй, но здесь вам уже не просто Ардис, а Ардис-таун.

Согласно данным последней переписи, которую проводили пять месяцев назад, нас тут чуть более двадцати восьми тысяч. Община разместилась на холме, вокруг дома Ады, но львиная доля города простёрлась у подошвы, по сторонам новой дороги, бегущей от павильона вдоль реки. Здесь, внизу, располагаются мельницы, настоящий рынок, зловонные кожевни, печатные дома, газета, невероятная уйма баров и борделей, две синагоги плюс одна церковь (лучше всего называть её Первой Церковью Хаоса), отменные рестораны, скотные дворы, от которых несёт ещё сильнее, чем от кожевен, библиотека (я сам помогал её создавать) и школа, хотя большинство детишек по-прежнему живут в большом особняке на холме и в окрестностях. Учатся в основном взрослые, причём в первую очередь — читать и писать.

Приблизительно половину местного населения составляют греки, другую — евреи. Они неплохо уживаются… б*о* льшую часть времени.

Вторым повезло сильнее: они наделены всеми функциями, а значит, могут свободно факсовать, куда и когда им вздумается. Кстати, я тоже так могу… не факсовать, а квант-телепортироваться.

Это записано в клетках и ДНК — записано некой силой… или же Силой, которая меня создавала. Но я уже давно не квитируюсь. Предпочитаю более неспешные способы передвижения.

По возможности, хотя бы раз в неделю, я помогаю Манмуту с его проектом «Найдите Вилли», о котором вы наверняка наслышаны. Не думаю, что он отыщет своего Уилла. Да и моравек, подозреваю, тоже не верит. Для него это стало чем-то вроде хобби. Орфу с Ио и я принимаем участие в раскопках, повинуясь тому же духу: дескать, «какого хрена?!». Никто из нас — пожалуй, даже маленький европеец, — не надеется, что Просперо, Мойра, Ариэль и Кто-бы-то-ни-было-иже-с-ними (особенно Тихий, о котором в последнее время всё столько слышат) позволят нашему другу найти, а тем более воссоединить кости и ДНК Уильяма Шекспира. Неведомые Силы чуют угрозу, оно и понятно…

Да, сегодня вечером в Ардисе будет спектакль. Ведь это вам тоже известно. Многие жители Ардис-тауна уже бредут вверх по холму, хотя, надо признаться, склон довольно крутой, а дорога и лестница ужасно пыльные. Лично я лучше заплачу пять пенсов и поднимусь в одном из паровых экипажей, выпущенных компанией Ханны. До-

садно только, что в них оглохнешь от шума.

Между прочим, раз уж мы заговорили о поисках: не помню, я уже рассказывал о том, как нашёл своего старого друга Кейта Найтенгельзера?

В последний раз, когда мы виделись, он остался в доисторическом индейском племени, в диких джунглях на месте будущей (оставалось подождать около трёх тысяч лет) Индианы. Я даже корил себя за то, что бросил товарища в гиблых для него краях. Конечно, лишь на время, пока не кончится война между героями и богами. Но когда я вернулся забрать своего друга, все индейцы точно в воду канули, и он вместе с ними.

Поскольку Патрокл, тот самый обмочившийся Патрокл, расхаживал где-то неподалёку, у меня были сильные подозрения, что Кейт мог и не выжить.

Однако три с половиной месяца назад, как только Фразимед, Гектор и прочие искатели приключений раскодировали синий луч, я факсовал в Дельфы, и что бы вы думали? Представьте, вот уже восьмой час подряд обескураженной вереницей из маленького здания выходят люди, главным образом греки (мне вспомнился цирковой трюк, когда на сцену выезжает крохотный

автомобильчик, из которого вылезают пятьдесят клоунов), — и тут появляется мой приятель Найтенгельзер: схолиасты всегда обращались друг к другу по фамилии.

Теперь мы купили вот это самое место, где я сижу и пишу эти строки. Мы с Найтенгельзером — партнёры. Прошу заметить: партнёры по бизнесу, а не в том извращённом значении, как было принято понимать в двадцать первом веке, если речь шла о двух мужчинах. Ваш покорный слуга и не думал менять троянскую красавицу на Кейта из Ардиса. У меня, конечно, есть трудности, но совсем не такого плана.

Интересно, что сказала бы Елена о нашей таверне? Название «Домби и сын»[120] предложил Найтенгельзер. На мой вкус, чересчур изысканно. Зато от клиентов отбоя нет. Здесь довольно чисто по сравнению с остальными питейными заведениями, что натыканы по речному берегу словно черепица на старой крыше. Наши барменши служат за стойкой, а не торгуют любовью — по крайней мере в рабочее время и на рабочем месте. Пиво — тоже лучшее, какое мы только смогли достать. Его выпускает ещё одно из пред-

---

[120] notes: 120
Название романа Чарльза Диккенса.

приятий Ханны; по слухам, она превратилась в первую миллионершу новой эры. Очевидно, изучила брожение одновременно с литьём металлов и скульптурой. Только не спрашивайте меня зачем.

Теперь понимаете, почему я до сих пор тяну с началом серьёзного эпоса? Никак не могу придерживаться чёткой сюжетной линии. Всё время куда-то виляю.

Надо будет когда-нибудь привести Елену сюда: любопытно, что она скажет? Если верить молве, дочь Зевса остригла волосы, переоделась юношей и удрала в Дельфы с Гектором и Фразимедом, и теперь оба следуют за ней по пятам, как щенки за костью. (Вот вам ещё одна причина, почему стопорится затея с книгой: мне никогда не удавались метафоры и сравнения. Я просто *тропи*чески[121] неполноценен, как выразился однажды Найтенгельзер. Ладно, проехали.)

Хотя, чёрт, при чём тут молва? Сам знаю. Елена отправилась в экспедицию, я же видел. Загар и короткая стрижка ей очень к лицу. Честное слово. Она изменилась, но выглядит здоровой и

---

[121] notes: 121

Тропы (от греч. tropos — поворот, оборот речи) — слово или фраза в переносном значении, образное выражение; таковы метафора, метонимия, аллегория, синекдоха, гипербола, литота, эпитет и др.

очень красивой.

Я мог бы ещё порассказать о нашей таверне, об Ардис-тауне, о том, что собой представляет политика во младенчестве (такая же вонючая и беспомощная), о местных обитателях — евреях и греках, наделённых и не наделённых функциями, верующих и циниках… Но всё это не имеет отношения к нашей истории.

Кроме того, нынешним вечером я узнаю, что не принадлежу к числу настоящих рассказчиков. Я не избранный Бард. Понимаю, мои слова кажутся полным вздором, но погодите немного, и вам станет ясно, о чём речь.

Последние восемнадцать лет, особенно первые одиннадцать из них, дались мне нелегко. Эмоционально и психологически я чувствую себя таким же измятым, потёртым и поцарапанным, как панцирь Орфу с Ио. (Большую часть времени старина Орфу живёт в Ардисе, на холме. Вы с ним позже увидитесь. Моравек хочет посмотреть пьесу. Каждый день после обеда он собирает ребятишек. Вот что натолкнуло вашего покорного слугу на грустную мысль: оказывается, долгие годы преподавания и служения Музе не превращают человека в избранного. Настала пора, и я не в состоянии поведать даже *ту самую* историю.)

О да, последние восемнадцать лет, особенно первые одиннадцать, были очень тяжёлыми, но зато и обогатили меня. Надеюсь, обогатят и вас тоже, если вы дослушаете эту историю. Если нет — не моя вина, я отрекаюсь от роли рассказчика. Впрочем, готов поделиться своими воспоминаниями с любым, кто пожелает.

Прошу прощения. Мне пора. Кожевники возвращаются после дневной смены, чуете запах? Одна из моих барменш заболела, другая только что сбежала с юным афинянином, переселившимся в наши края после Дельф, и… в общем, сегодня у нас не хватает рук. Бармен заступает на вечернюю смену через сорок пять минут, а до тех пор мне нужно разлить пиво из бочек и самому нарезать мясо для сандвичей.

Меня зовут Томас Хокенберри, Д.Ф., и, по-моему, Д.Ф. расшифровывается как: «Доливай, философ».

Извините. Чувство юмора никогда не относилось к числу моих сильных сторон, если не считать парочки каламбуров и вымученных шуточек.

Увидимся перед началом пьесы, когда будет звучать история.

95

Семь лет и пять месяцев после Падения Илиона

В день постановки супругу Ады пришлось наведаться в Суходол. После ленча мужчина натянул термокожу, облачился в боевой костюм, взял в арсенале Ардис-холла энергетическое оружие и свободно факсовал в Антарктику.

Раскопки стаз-купола «постов» шли полным ходом. Шагая между огромными экскаваторами, стараясь не попасть под посадочные струи транспортных шершней, мужчина едва мог поверить, что восемь с половиной лет назад бывал в той же самой долине вместе с юной Адой, невероятно юной Ханной и беспомощным увальнем Даэманом, разыскивая следы таинственной Вечной Жидовки, которую, как оказалось, звали Сейви.

Голубой купол частично был погребён под валуном, где старуха нацарапала координаты своего жилища в айсберге, уже тогда зная, что Харман — единственный из «старомодных» землян — сумеет прочесть её закорючки.

Руководили раскопками Раман и Алкиной, отлично знавшие своё дело. Муж Ады ещё раз

вместе с ними прошёлся по списку, желая удостовериться, что им известно, куда что отправить. Арсенал энергетического оружия предназначался для Хьюз-тауна и Чома, термокожу надлежало переслать в Беллинбад, вездеходы были обещаны Уланбату, а Новый Илион подавал настоятельный запрос на дротиковые винтовки.

Харман усмехнулся. Ещё лет десять, и троянцы с греками освоят все технологии, доступные «старомодным», даже научатся факсовать через павильоны. Дельфийская команда уже отыскала узел возле Олимпа… Нет, не горы, а древнего города, где проводились Игры.

«Что ж, — подумал мужчина, — остаётся лишь одно: всегда опережать их хотя бы на пару шагов, и не только в отношении техники».

Настала пора возвращаться. Но сначала — ещё одна короткая остановка. Харман простился с Алкиноем и Раманом и свободно факсовал прочь.

Супруг Ады вернулся к Золотым Воротам, туда, где семь с половиной лет назад возродился к новой жизни. Мужчина перенёсся на линию хребта по ту сторону долины от подвесного моста и развалин Мачу-Пикчу. Он без устали мог любоваться старинной постройкой, увитой еле видными издалека зелёными пузырями, однако на этот раз

Харман не просто искал поэтических ощущений.

Скорее — одной очень важной встречи.

Над равниной, со стороны водопада, ветер гнал по небу облака. На несколько минут солнце позолотило предвечернюю дымку; руины почти скрылись от глаз, лишь отдельные камни подобно ступеням допотопной лестницы просматривались в тумане. Куда бы Харман ни обращал свой взор, повсюду жизнь боролась с хаосом и энтропией — и побеждала. Об этой борьбе и победе говорила и мягкая трава на склонах холмов, и густая древесная сень над мглистой аллеей, и кондоры, лениво парящие в тёплых восходящих потоках, развевающиеся обрывки мха на подвесных тросах и даже ржавый лишайник на скале под ногами человека.

Словно в ответ на эти размышления обо всём живом по небу с юга на север пронёсся очень даже искусственный космический корабль, развеяв над Андами расширяющийся инверсионный след. Прежде чем Харман успел различить форму или модель судна, блестящее пятнышко кануло за линию руин Мачу-Пикчу, а над северным горизонтом прогремело три звуковых удара. Судя по крупным размерам и скорости, это не мог быть грузовой шершень из Суходола. Может быть,

Даэман вернулся из очередной объединённой экспедиции людей и моравеков, что занимались выявлением и описанием затухающих квантовых волнений между Землёй и Марсом?

«Надо же, теперь у нас есть собственный космический корабль».

Мысль приятно согрела душу, но в то же время наполнила её самодовольством, и мужчина усмехнулся над собой. К тому же не стоило забывать, что *иметь* своё судно и *построить* его — не одно и то же.

Харману оставалось надеяться, что он доживёт до такого дня, когда… Это навело на раздумья об омолаживающих баках на полярном и экваториальном кольцах.

— Добрый день, — произнёс за спиной знакомый голос.

Мужчина вскинул энергетическое ружьё (сказались привычка и годы тренировки), но тут же опустил его, даже не успев повернуться.

— Здравствуй, Просперо.

Старый маг выступил из углубления в скале.

— Мой юный друг, ты в полном боевом облачении. Думал, я приду с оружием?

— А что, хоть раз было иначе? — усмехнулся Харман.

— Ну, если мой острый ум так опасен…

— Или коварство, — вставил мужчина.

Просперо развёл старческими жилистыми руками, словно признавая своё поражение.

— Ариэль сказал, ты искал со мной встречи. Хочешь поговорить о ситуации в Китае?

— Нет, — ответил Харман. — Об этом потолкуем позже. Вообще-то я пришёл напомнить о пьесе.

— Ах, пьеса… — протянул маг.

— Ты что, забыл? Или решил не участвовать? — нахмурился супруг Ады. — Учти, все будут разочарованы, кроме твоего дублёра.

Просперо ухмыльнулся.

— Мой юный Прометей, там такой длинный текст…

— Ничего, нам больше досталось, — ответил мужчина.

Старый маг опять развёл руками.

— Сказать дублёру, чтобы тебя заменил? — спросил Харман. — Он будет счастлив.

— Ну, может, я всё-таки появлюсь, — произнёс Просперо. — А что, обязательно играть или можно посидеть, как зритель?

— На этот раз — обязательно, — подтвердил мужчина. — Вот когда возьмёмся за «Много шума из ничего», милости просим, будешь почётным

гостем.

— Если честно, — сказал маг, — я-то всегда мечтал сыграть сэра Джона Фальстафа.

Харман расхохотался, так что по скалам прокатилось эхо.

— Так я передам Аде, что ты заглянешь и останешься после спектакля поболтать и выпить лимонада?

— Жду не дождусь, — отвечал Просперо. — Если не самой постановки (про неё лучше не думать), то хотя бы разговора.

— Что ж… Ни пуха ни пера.

Мужчина кивнул на прощание и свободно факсовал прочь.

Вернувшись в Ардис, он сдал боевой костюм и оружие, надел джинсы с туникой, переобулся в лёгкие туфли и отправился на северную лужайку, к театру, где шли последние приготовления: над столиками в саду, на шпалерах, над рядами свежевыпиленных деревянных сидений развешивались разноцветные лампочки. Ханна деловито испытывала сценическую аудиосистему. Волонтёры как очумелые наносили верхний слой краски на задник, а кто-то беспрестанно дёргал занавес взад и вперёд.

Увидев мужа, Ада направилась было к нему, но

двухлетняя дочка Сара от усталости закапризничала, так что мать подхватила её и понесла по зелёному склону к отцу. Харман поцеловал обеих, а супругу — даже дважды.

Ада обернулась к сцене, окинула взглядом ряды сидений, откинула упавший на лицо длинный чёрный локон и проговорила:

— «Буря»… Думаешь, мы правда готовы к этому?

Мужчина пожал плечами, обнял любимую.

— А что, наша специально приглашённая звезда прибудет? — спросила она, прижимаясь к Харману.

Сара похныкала, завозилась на руках и прильнула щекой к плечам обоих родителей.

— Говорит, что да, — сказал мужчина без малейшей уверенности.

— Жаль, он не репетировал вместе со всеми, — заметила Ада.

— Ну… нельзя же требовать всё сразу.

— Разве? — сказала она и смерила мужа тем самым взглядом, который более восьми лет назад дал ему почувствовать всю опасность этой женщины.

Над крышами домов и деревьями низко-низко пролетел соньер и умчался в сторону города на

реке.

— Надеюсь, это взрослый кретин, а не кто-нибудь из мальчишек, — произнесла Ада.

— Кстати, о мальчишках, — спохватился Харман. — А где наш? С утра его не видел, хочу поздороваться.

— Он на веранде, готовится слушать историю.

— Ах да, уже скоро.

Мужчина развернулся и направился к лесистой долине, где ребятня ежедневно слушала истории, но супруга поймала его за локоть.

— Харман…

Он посмотрел на неё.

— Тут недавно заходил Манмут; говорит, Мойра может явиться на пьесу.

Муж взял любимую за руку.

— Вот и хорошо… Или нет?

Ада кивнула.

— Понимаешь… Просперо здесь, Мойра тоже, и вроде бы ты приглашал Ариэля, хотя ему не дали роли… А вдруг ещё и Калибан пожалует?

— Его же не звали, — ответил Харман.

Супруга сжала его ладонь, призывая говорить серьёзно.

Мужчина молча указал на зелёные площадки вокруг театра, огороженные шпалерами буфеты

под открытым небом, дом — и множество стражников с энергетическими ружьями.

— Да, но на спектакле будут дети, — возразила Ада. — И горожане…

Харман кивнул, не выпуская её ладони.

— Любимая, Калибан может сюда квитнуться когда пожелает. До сих пор он этого не сделал.

Она еле заметно качнула головой и тоже не отняла руки.

Супруг поцеловал её и произнёс:

— Элиан пять недель учил роль Калибана. *«Ты не пугайся: остров полон звуков — и шелеста, и шёпота, и пенья; они приятны, нет от них вреда».*[122]

— Если бы всегда было так, — вздохнула женщина.

— Согласен, дорогая. Но мы оба знаем, особенно ты, что так не бывает. Пойдём посмотрим, как Джон упивается новой историей?

Орфу Ионийский по-прежнему оставался слепцом, однако родители не боялись, что он в кого-нибудь или во что-нибудь врежется, даже когда восемь или девять самых отважных малышей из Ардиса босиком карабкались на гигантский

---

[122] notes: 122
Уильям Шекспир, «Буря». Перев. Мих. Донского.

панцирь. По обыкновению, краб отвозил детей вниз, в долину. Семилетний Джон как один из старших восседал на самом верху.

Большой моравек беззвучно плыл на реактивных струях по воздуху. Его движение можно было назвать торжественным, когда бы дети на железной спине не прыскали громко в ладошки, а позади не тянулся хвост из орущей ребятни. Процессия следовала от веранды между кустами и новыми домами за старый вяз и вниз, в долину.

В неглубокой низине, чудесным образом укрытой от всяческих построек и взрослого надзора (за исключением нескольких родителей), дети сползли с панциря и рассыпались по склонам зелёной чаши. Джон, как обычно, уселся ближе всех к рассказчику. Мальчик обернулся и помахал отцу, однако не стал возвращаться, чтобы сказать «привет». История — прежде всего.

У Ады почти отнялась рука, и Харман принял у неё посапывающую Сару. Мужчина заметил у живой изгороди Манмута, кивнул ему, но маленький моравек видел только закадычного друга и ребятишек.

— Расскажи ещё раз про Гильгамеша! — потребовал шестилетний мальчик.

Гигантский краб медленно покачал корпусом

из стороны в сторону, будто бы отрицательно помотал головой.

— Похождения Гильгамеша уже закончились, — объявил он. — Сегодня начинаем другую историю.

Дети завопили от радости.

— Я буду рассказывать её долго-долго, — промолвил Орфу, так что даже Хармана заворожили многообещающие нотки в его рокоте.

Ребятишки опять возликовали. Двое мальчишек сцепились и в обнимку скатились с холмика.

— Слушайте внимательно, — произнёс огромный моравек.

А сам длинным суставчатым манипулятором бережно разнял шалунов и рассадил их на склоне в нескольких футах друг от друга. Теперь его чарующий раскатистый голос завладел всеобщим вниманием.

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,

Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:

Многие души могучие славных героев низринул

В мрачный Аид и самих распростёр их в корысть плотоядным

Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),

С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою

Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный…[123]

[123] notes: 123
Перев. с древнегреческого Н. Гнедича.